

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Алоян Л.Г. Судебная система – важная опора национальной государственности 8

Гаджиев А.Б., Глушков А.И. Правовые и организационные основы прокурорских проверок по выявлению процессуальных нарушений, допущенных органами следствия и дознания в ходе производства по уголовным делам (по законодательству периода 90-х – начала 2000 годов) 11

Иванов А.М., Ягнешко М.В. Чековая приватизация в Смоленской области (1993 - первая половина 1994 годов) 16

Малкова Ю.А., Суверов Е.В. Исправительно-трудовая система в Алтайском крае (1960–1964) (историко-правовой аспект) 22

Манаева Е.К. Правовые и организационные основы исторической политики в пореформенной России 29

Парфёнова О.В. Создание и развитие органов политического воспитания в МВД СССР 34

Романова Н.В. Рецепция права как теоретическая конструкция 37

Тарасов О.И. Судьба как категория юридического знания: философско-правовые интерпретации 42

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Аванесян Г.В. Органы местного управления в России 48

Агатова Т.П. Влияние нововведений административно-правового регулирования в системе государственных закупок на систему таможенных органов РФ 55

Алоян Л.Г. Состояние системы судебной власти на современном этапе развития общества 58

Козлов С.С., Березин А.А. Особенности субъектов и объектов юридической ответственности в публичном праве 62

Барышников Н.Э. Проблемные вопросы в деятельности региональных контрольно-надзорных органов в области строительства 67

Башмакова И.В. Гарантии прав инвалидов: проблемы и перспективы в рамках инновационно-технологической модели инвалидности 72

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич**, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российской таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтаев Махтай Шапиевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багдад Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Шукина Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, доктор юридических наук, профессор, Кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагеева Розалина Васильевна**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джидждолия Рауль Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.04.2025

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Лунев В.Г., Березин А.А., Березин Э.А.</i> Сущность и правовое содержание добычи полезных ископаемых ...	75
<i>Вишнева У.И.</i> Основные проблемы досудебной защиты прав работника	79
<i>Володин Е.А.</i> Особенности внедрения искусственного интеллекта в судебные процессы: автоматизация и цифровизация правоприменения	85
<i>Жидова Ю.Д.</i> Понятие «занятие высшего положения в преступной иерархии» и его содержание	90
<i>Каландаришвили З.Н., Лисицын Д.В.</i> Концепция и методика правового образования в Российской Федерации как фундамент повышения уровня конституционной культуры граждан	96
<i>Каява А.С.</i> Роль института уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации в процессе взаимодействия государства и гражданского общества	99
<i>Кузнецов Н.А.</i> Проблемы правового регулирования конституционно-правовых основ защиты чести, достоинства и деловой репутации	104
<i>Малютов Д.А.</i> Место правотворческих коллизий в теории права	108
<i>Матина А.А., Пожарская М.С.</i> Проект межевания как способ перераспределения земель в населенных пунктах (на примере Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы)	112
<i>Мовчан А.З.</i> Обеспечение законности в административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов в условиях ЕАЭС	116
<i>Моисеев И.А., Сангаджиев Б.В.</i> Конституционные гарантии прав граждан и административно-правовые ограничения в контексте цифровизации государственного управления в РФ	124
<i>Малютов Д.А.</i> Понятие и некоторые признаки правовых коллизий в отечественной юриспруденции	128
<i>Монетов А.Г., Терехина А.Р.</i> Проблемные аспекты регулирования банковской сферы в Российской Федерации	132
<i>Ратникова В.И., Стрельникова Н.В., Кольцов И.П., Стрельников И.А., Резак Е.В.</i> Правовые аспекты формирования коллективного иммунитета вследствие иммунопрофилактики инфекционных заболеваний в Китае и России	138
<i>Рехачева Т.В.</i> Конституционный нигилизм как деформация конституционного правосознания	143
<i>Рыков А.Н.</i> Формирование актуальной базы судебных актов как основа для использования технологий искусственного интеллекта в судебной системе: предложения для законодательного регулирования	148
<i>Сорокина Е.В.</i> О реализации проекта платежной системы БРИКС: проблемы правового регулирования ...	155
<i>Усань А.С.</i> Финансово-правовое обеспечение поддержки семьи, материнства, отцовства и детства в России	161
<i>Чернявская М.С.</i> Правовая форма негосударственных судебно-экспертных учреждений	169
<i>Штымов К.З.</i> Фиксация административных правонарушений в области дорожного движения во время пандемии COVID-19	177
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	
<i>Автомонова М.В.</i> Защита семейных прав при расторжении брака: медиативные процедуры	182
<i>Будилов Г.М.</i> Собрание кредиторов: актуальные вопросы теории и судебной практики	187
<i>Васильева И.В.</i> Особенности возникновения обязательств ресурсоснабжающих организаций, обслуживающих организаций и управляющих организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства	190
<i>Васянин Г.М.</i> Правовое регулирование разработки техногенных россыпей драгоценных металлов: от разведочно-эксплуатационных полигонов к современным вызовам	195
<i>Выборова Я.Е.</i> Соотношение цифровых денег и цифровой валюты: сущность, признаки, перспективы	200
<i>Демешко М.И.</i> Проблемы единообразия правового регулирования международной воздушной перевозки грузов пассажиров и багажа	205
<i>Егоров Д.П.</i> О соотношении соглашения о финансировании участия в кредите с производными финансовыми инструментами	209
<i>Кошель П.Г.</i> Проблема справедливости в гражданском праве	214
<i>Кузнецов Н.А.</i> Правовые проблемы соотношения понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация» в российском гражданском законодательстве	220
<i>Малинина Е.А.</i> О судебной практике за умышленное нарушение договоров, содержащих оговорки об ограничении ответственности	224
<i>Молчанов А.В.</i> Актуальные вопросы производства экспертиз в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд	228
<i>Никольский Д.А.</i> Границы диспозитивности при законодательном регулировании внутренних и внешних отношений корпорации	232
<i>Оюн С.А.</i> Конструирование как способ наиболее полного установления содержания гражданско-правового договора	238

<i>Павлюк А.В., Гаджиева Т.Х.</i> Государственная поддержка экспортно-ориентированных предприятий малого и среднего бизнеса.....	244
<i>Панарина И.В.</i> Совершенствование законодательства в целях развития индивидуального жилищного строительства	249
<i>Пермяков М.В., Банных С.Г., Сарapulьцева А.В.</i> Правовое регулирование цифровых технологий в предпринимательской деятельности.....	254
<i>Никольский Н.В.</i> Роль цифровых платформ в обеспечении прав владельцев интеллектуальной собственности: российский и зарубежный опыт.....	257
<i>Печкин С.А.</i> Проблема определения контролирующих должника лиц при подаче заявления о привлечении к субсидиарной ответственности	262
<i>Сергеев Г.О.</i> Признание обязательств супругов общими в деле о банкротстве: некоторые вопросы распределения бремени доказывания	268
<i>Цветкова Ю.С.</i> Анализ правового регулирования арктического туризма в Российской Федерации на региональном уровне.....	273
<i>Павлов И.Н., Шахов Я.В.</i> Договор морского страхования в России: понятие, свойства, виды	278
<i>Шульженко В.С.</i> Правовое регулирование технологии блокчейн в российской правовой системе... ..	282
<i>Шумилин А.В.</i> Субъектный состав лиц, заключающих коллективный договор в России и странах БРИКС	287
<i>Щегунц Н.Г.</i> Сравнительно-правовой анализ сложноструктурных договоров в гражданском праве Российской Федерации и Туркменистана.....	293
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Айрапетян М.К.</i> Уголовная ответственность тренера за применение физического и психического насилия в отношении несовершеннолетнего спортсмена	299
<i>Брагина Е.А.</i> Leges Repetundarum, или становление антикоррупционной концепции в праве Римской республики	305
<i>Волохова О.В.</i> Взаимодействие культур: анализ этнокультурных аспектов в расследовании преступлений.....	312
<i>Дерябин А.С.</i> Уголовно-правовая характеристика субъективных признаков преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ: субъект преступления.....	316
<i>Жидова Ю.Д.</i> Понятие и общая характеристика организации расследования занятия высшего положения в преступной иерархии	320

<i>Зацепина О.Г.</i> Влияние внутреннего убеждение судьи на законность, обоснованность и мотивированность судебного решения в уголовном процессе.....	325
<i>Чайка О.О., Зашляпин Л.А.</i> Статус врача в уголовном судопроизводстве	330
<i>Ильин Ф.И.</i> Практико-ориентированный подход к разработке частной криминалистической методики поддержания государственного обвинения по делам о присвоении или растрате с использованием своего служебного положения.....	335
<i>Косарева Б.П.</i> К вопросу о доказательственном значении осмотра как мероприятия налогового контроля по делам о налоговых преступлениях.....	342
<i>Крюков А.В.</i> Доказывание, квалификация и назначение наказания при совершении убийства из корыстных побуждений	346
<i>Мирошниченко Н.В., Рябова Л.В., Савченко О.Н., Аветикова Т.Д.</i> Общая характеристика мер, направленных на предупреждение рецидивной преступности	349
<i>Морозов А.Ю., Иванов С.А., Лаута О.Н., Юсифова З.В.</i> Использование доказательств как средств уголовно-правовой аргументации на досудебных стадиях уголовного процесса.....	354
<i>Пчелкин А.Ю.</i> Тенденции реализации уголовной ответственности за уклонение от частичной мобилизации	360
<i>Ущекин С.Н.</i> Криминологическое предупреждение хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа: современное состояние и перспективы развития.....	368
<i>Федорин В.Е.</i> К вопросу о первопричинах необъективности и пристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства	373
<i>Чердынцева К.С.</i> Методы криминалистического анализа как инструмент защиты профессиональных прав адвокатов: теоретико-прикладное исследование	378
<i>Чижова Е.С.</i> Уголовная ответственность за распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации.....	383
<i>Щербакова Н.В., Кулида О.А.</i> Преодоление конфликтов и предотвращение семейного насилия через систему правовой медиации.....	388
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Алексеева А.П.</i> Мягкое право как инструмент правового регулирования интеграционных процессов (на примере Всеобъемлющего евразийского партнерства)	392
<i>Гадаборшева З.Б.</i> Проблемы таможенного регулирования ЕАЭС	397

<i>Гуляева Т.К.</i> Механизмы международного сотрудничества Российской Федерации в области образования на площадках некоторых региональных интеграционных объединений.....	404	<i>Елин В.М., Царегородцев А.В.</i> Цифровое пространство доверия как инструмент построения цифрового суверенитета.....	481
<i>Дамиров Э.Ш.</i> Влияние международных норм и стандартов на законодательство РФ в сфере налоговых правонарушений: соответствие и несовпадения	412	<i>Епихин Е.В.</i> Особенности регулирования трансфера технологий в иностранных юрисдикциях и перспективы разработки международных правил в контексте российских интересов	485
<i>Зайцева С.Е., Попов Я.Е.</i> Применение искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности России и зарубежных стран	417	<i>Кузнецова Е.В.</i> Исследование влияния определенных аспектов реализации форм демократии на обеспечение социальных прав граждан.....	492
<i>Запросов А.А.</i> Реализация международных договорных обязательств в арбитражном процессе РФ.....	422	<i>Ермакова В.А.</i> Роль судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ	496
<i>Орлов К.М.</i> Правовой режим и правовой статус арктических морских путей: соотношение понятий в международном праве.....	427	<i>Клепикова О.Г.</i> Защита конфиденциальных данных в арбитражном судопроизводстве как форма информационной безопасности личности.....	500
<i>Примов М.Н.</i> К вопросу об ответственности за нарушения международного гуманитарного права в условиях применения права вето	431	<i>Коносов Д.К.</i> Историческое развитие таможенного регулирования: от национального к международному сотрудничеству.....	505
<i>Разумовская В.В.</i> Девелопмент после экспроприации: строительные компании из ОАЭ против Индии	446	<i>Шестакова Т.А., Гречкина О.В.</i> Понятие и отличительные особенности дисциплинарного проступка, совершаемого должностными лицами таможенных органов	511
<i>Соболев Ю.М.</i> Становление и развитие концепции должной осмотрительности в международном праве	453	<i>Кузнецова Е.В.</i> Социальные права человека в эпоху цифровой трансформации.....	517
<i>Чуркина Л.М.</i> Проблемы реализации концепции иммунитетов должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции.....	457	<i>Лосев И.Д.</i> Правовая природа бездокументарных ценных бумаг в российском законодательстве	520
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА		<i>Шестакова Т.А.</i> Практика применения норм дисциплинарной ответственности в таможенных органах.....	527
<i>Струтинская Т.А., Антонов В.В., Переверзев А.Р., Месропян М.Г.</i> Дестабилизирующее воздействие правовых недостатков статьи XXI ГАТТ на соблюдение режима наибольшего благоприятствования и пути их преодоления.....	463	<i>Юсупов Э.Ф.</i> Исковая давность в делах о приватизационных сделках с акциями: теория, проблемы и пути их разрешения	533
<i>Арснукаева Р.С.</i> Институционализация государственного совета Российской Федерации как новый этап эволюции системы публичной власти: конституционно-правовой анализ	469	<i>Цымбал А.С.</i> Правовая природа интернет-мемов: поиск баланса интересов.....	541
<i>Греченкова К.А., Лебедь М.В.</i> Соотношение прав и обязанностей несовершеннолетних как членов общества: философско-правовой аспект проблемы.....	477	<i>Проходимова Е.М., Губанова О.А.</i> Исследование правовых основ экологической безопасности.....	547
		<i>Воробьева Ю.Ю.</i> Актуальные способы обеспечения принципа законности при принятии нормативных правовых актов органами исполнительной власти	553

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Aloyan L.</i> The judicial system as the most important pillar of national statehood	8
<i>Gajiyev A.B., Glushkov A.I.</i> Legal and organizational foundations of prosecutorial inspections for identifying procedural violations committed by investigative and inquiry bodies in criminal proceedings (according to the legislation of the 1990s – early 2000s)	11
<i>Ivanov A.M., Yagneshko M.V.</i> Voucher privatization in the Smolensk Region (1993 – first half of 1994)	16
<i>Malkova Yu.A., Suverov E.V.</i> Correctional labor system in the Altai region (1960–1964) (historical and legal aspect)	22
<i>Manaeva E.K.</i> , Legal and organizational foundations of historical policy in Post-Reform Russia	29
<i>Parfenova O.V.</i> Creation and development of political education bodies in the USSR Ministry of Internal Affairs	34
<i>Romanova N.V.</i> Reception of law as a theoretical construct	37
<i>Tarasov O.I.</i> Destiny as a category of legal knowledge: philosophical and legal interpretations	42

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Avanesyan G.V.</i> Local government bodies in Russia	48
<i>Agatova T.P.</i> The impact of innovations in administrative and legal regulation in the public procurement system on the system of customs authorities of the Russian Federation	55
<i>Aloyan L.</i> The state of the judicial system at the present stage of society development	58
<i>Kozlov S.S., Berezin A.A.</i> Specifics of Subjects and Objects of Legal Responsibility in Public Law	62
<i>Barishnikov N.E.</i> Problematic issues in the activities of regional control and supervisory authorities in the field of construction	67
<i>Bashmakova I.V.</i> Guarantees of the rights of disabled people: problems and prospects within the framework of the innovative-technological model of disability	72
<i>Lunev V.G., Berezin A.A., Berezin E.A.</i> The essence and legal content of mineral extraction	75
<i>Vishneva U.</i> The main problems of pre-trial protection of employee's rights	79
<i>Volodin E.A.</i> Features of the introduction of artificial intelligence in lawsuits: automation and digitalization of law enforcement	85
<i>Zhidova Yu.D.</i> The concept of «occupying the highest position in the criminal hierarchy» and it's content	90

<i>Kalandarishvili Z.N., Lisicin D.V.</i> The concept and methodology of legal education in the Russian Federation as a foundation for raising the level of constitutional culture of citizens	96
<i>Kayava A.S.</i> Role of the ombudsman institution in a constituent entity of the Russian Federation in the process of interaction between the state and civil society	99
<i>Kuznetsov N.A.</i> Problems of legal regulation of constitutional and legal bases for the protection of honor, dignity and business reputation	104
<i>Malyutov D.A.</i> The place of law-making collisions in the theory of law	108
<i>Matina A.A., Pozharskaya M.S.</i> A land surveying project as a way to redistribute land in populated areas (using the example of the Troitsk and Novomoskovsky administrative districts of Moscow)	112
<i>Movchan A.Z.</i> Ensuring legality in the administrative and jurisdictional activities of customs authorities in the EAEU	116
<i>Moiseev I.A., Sangadzhiev B.V.</i> Constitutional guarantees of citizens' rights and administrative and legal restrictions in the context of digitalization of public administration in the Russian Federation	124
<i>Malyutov D.A.</i> The concept and some features of legal conflicts in domestic jurisprudence	128
<i>Monetov A.G., Terekhina A.R.</i> Problematic aspects of regulation of the banking sector in the Russian Federation .	132
<i>Ratnikova V.I., Strelnikova N.V., Koltsov I.P., Strelnikov I.A., Rezak E.V.</i> Legal aspects of the formation of herd immunity due to immunoprophylaxis of infectious diseases in China and Russia	138
<i>Rekhacheva T.V.</i> Constitutional nihilism as a deformation of constitutional legal consciousness	143
<i>Rykov A.N.</i> Formation of an up-to-date database of judicial acts as a basis for using artificial intelligence technologies in the judicial system: proposals for legislative regulation	148
<i>Sorokina E.V.</i> On the implementation of the BRICS payment system project: problems of financial and legal regulation	155
<i>Usan A.S.</i> Legal and financial framework for family support in Russia	161
<i>Chernyavskaya M.S.</i> Legal form of non-governmental forensic science institutions	169
<i>Shtymov K.Z.</i> Fixing administrative offenses in the field of traffic during the COVID-19 pandemic	177
PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES	
<i>Avtomonova M.V.</i> Protection of Family Rights in Divorce Proceedings: Mediation Procedures	182

<i>Budilov G.M.</i> Meeting of creditors: Current Issues of Theory and Judicial Practice.....	187	<i>Shulzhenko V.S.</i> Legal regulation of blockchain technology in the Russian legal system.....	282
<i>Vasileva I.</i> Peculiarities of the emergence of obligations of resource supplying organizations, service organizations and management organizations engaged in economic activities within the housing and communal services system.....	190	<i>Shumilin A.V.</i> Subject composition of persons concluding a collective bargaining agreement in Russia and the BRICS countries.....	287
<i>Vasyanin G.M.</i> Legal regulation of the development of technogenic placers of precious metals: from exploration and exploitation sites to modern challenges.....	195	<i>Sheguns N.G.</i> Comparative legal analysis of complex structure contracts in the civil law of the Russian Federation and Turkmenistan.....	293
<i>Vyborova Ya. E.</i> The relationship between digital money and digital currency: essence, signs, prospects	200	CRIMINAL LEGAL SCIENCES	
<i>Demeshko M.I.</i> Problems of uniformity in legal regulation of international air carriage of cargo, passengers and baggage	205	<i>Airapetian M.K.</i> Criminal liability of a coach for the use of physical and mental violence against a minor athlete.....	299
<i>Egorov D.P.</i> The Relationship between Loan Participation Agreements and Derivatives	209	<i>Bragina E.A.</i> Leges repetundarum or the formation of an anti-corruption concept in the law of the roman republic	305
<i>Koshel P.G.</i> The problem of justice in civil law	214	<i>Volokhova O.V.</i> Cultural interaction: analysis of ethnocultural aspects in crime investigation.....	312
<i>Kuznetsov N.A.</i> Legal Problems of the Relationship between the Concepts of “Honor”, “Dignity” and “Business Reputation” in Russian Civil Legislation.....	220	<i>Deryabin A.S.</i> Criminal-legal characteristic of subjective features of the offense under Art. 172.2 of the Criminal Code: the subject of the crime	316
<i>Malinina E.A.</i> About judicial practice for intentional breach of contracts included clauses on limitation of liability	224	<i>Zhidova Yu.D.</i> The concept and general characteristics of the organization of the investigation of the occupation of the highest position in the criminal hierarchy	320
<i>Molchanov A.V.</i> Current issues of expertise in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs using	228	<i>Zatsepina O.G.</i> The impact of a judge’s inner conviction on the legality, validity, and motivation of a court decision in criminal proceedings	325
<i>Nikolskiy D.A.</i> Boundaries of dispositivity in legislative regulation of internal and external relations of the corporation	232	<i>Chayka O.O., Zashlyapin L.A.</i> The status of a doctor in criminal proceedings	330
<i>Oyun S.A.</i> Construction as a way of the most complete establishment of the content of a civil law contract.....	238	<i>Ilin F.I.</i> Practical-oriented approach to developing a criminalistic private methodology for supporting the state prosecution in cases of embezzlement or misappropriation with the usage of one’s official position...	335
<i>Pavlyuk A.V., Gadzhieva T.H.</i> Government support for export-oriented small and medium-sized businesses.....	244	<i>Kosareva B.P.</i> On the evidentiary value of inspection as a measure of tax control in cases of tax crimes.....	342
<i>Panarina I.V.</i> Improving legislation for the development of individual housing construction	249	<i>Kryukov A.W.</i> Proving, qualifying, and punishing the commission of a murder for profit.....	346
<i>Permyakov M.V., Bannykh S.G., Sarapultseva A.V.</i> Legal regulation of digital technologies in business activities.....	254	<i>Miroshnichenko N.V., Ryabova L.V., Savchenko O.N., Avetikova T.D.</i> General characteristics of measures aimed at preventing recidivism.....	349
<i>Nikolsky N.V.</i> The role of digital platforms in ensuring the rights of intellectual property owners: Russian and foreign experience	257	<i>Morozov A.Y., Ivanov S.A., Lauta O.N., Yusifova Z.V.</i> The use of evidence as a means of criminal legal argumentation at the pre-trial stages of the criminal process	354
<i>Pechkin S.A.</i> The problem of determining the persons controlling the debtor when applying for subsidiary liability	262	<i>Pchelkin A.Yu.</i> Trends in the implementation of criminal liability for evading partial mobilization	360
<i>Sergeyev G.O.</i> Recognition of spouses’ obligations as common in a bankruptcy case: some issues of distribution of the burden of proof.....	268	<i>Ushchekin S.N.</i> Criminological prevention of thefts committed using electronic means of payment: current status and development prospects	368
<i>Tsvetkova Y.S.</i> Analysis of the legal regulation of Arctic tourism in the Russian Federation at the regional level.....	273	<i>Fedorin V.E.</i> On the Issue of Primary Causes of Bias and Partiality Among Professional Participants in Criminal Proceedings.....	373
<i>Pavlov I.N., Shakhov Y.V.</i> Marine insurance contract in Russia: concept, properties, types.....	278		

Cherdyntseva K.S. Methods of forensic analysis as a tool for protecting the professional rights of lawyers: theoretical and applied research 378

Chizhova E.S. Criminal Liability for the Dissemination of Deliberately False Information about the Activities of the Armed Forces of the Russian Federation 383

Shcherbakova N.V., Kulida O.A. Overcoming conflicts and preventing family violence through the legal mediation system 388

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Alekseeva A.P. Soft law as an instrument of legal regulation of integration processes (on the example of the Comprehensive Eurasian Partnership)..... 392

Gadaborsheva Z.B. Problems of customs regulation of the EAEU 397

Gulyaeva T.K. Mechanisms of international cooperation of the Russian Federation in the field of education at the sites of some regional integration associations..... 404

Damirov E.S. The Impact of International Norms and Standards on Russian Legislation in the Sphere of Tax Offenses: Conformity and Inconsistency 412

Zaitseva S.E., Popov Ya.E. The use of artificial intelligence in law enforcement in Russia and abroad 417

Zaprosov A.A. Implementation of international contractual obligations in the arbitration process of the Russian Federation 422

Orlov K.M. Legal regime and legal status of arctic sea routes: relationship of concepts in international law..... 427

Primov M.N. On the issue of responsibility for violations of international humanitarian law in the context of the use of the right of veto 431

Razumovskaya V.V. Post-expropriation development: UAE construction companies vs India..... 446

Sobolev Y.M. The Formation and Development of the Concept of Due Diligence in International Law..... 453

Churkina L.M. Problems of implementing the concept of immunity of officials from foreign criminal jurisdiction 457

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Strutinskaya T.A., Antonov V.V., Pereverzev A.R., Mesropyan M.G. The destabilizing effect of the legal shortcomings of Article XXI of the GATT on compliance with the most-favored-nation regime and ways to overcome them 463

Arsnukaeva R.S.-M. Institutionalization of the state council of the Russian Federation as a new stage in the evolution of the system of public power: constitutional and legal analysis..... 469

Grechenkova K.A., Lebed M.V. The relationship between the rights and obligations of minors as members of society: the philosophical and legal aspect of the problem 477

Elin V.M., Tsaregorodtsev A.V. Digital Trust Space as a Tool for Building Digital Sovereignty 481

Epikhin E.V. Peculiarities of Technology Transfer Regulation in Foreign Jurisdictions and Prospects for Developing International Rules in the Context of Russian Interests..... 485

Kuznetsova E.V. The study of the impact of certain aspects of the implementation of forms of democracy on ensuring the social rights of citizens 492

Ermakova V.A. The role of the judicial board for economic disputes of the supreme court of the Russian Federation.... 496

Klepikova O.G. Protection of confidential data in arbitration proceedings as a form of information security of the person..... 500

Konosov D.K. Historical development of customs regulation: from national to international cooperation 505

Shestakova T.A. The concept and distinctive features of disciplinary misconduct committed by customs officials 511

Kuznetsova E.V. Social human rights in the age of digital transformation 517

Losev I.D. The legal nature of uncertificated securities in Russian legislation 520

Shestakova T.A. The practice of applying rules on disciplinary responsibility in customs authorities 527

Yusupov E.F. Statute of limitations in cases of privatization transactions with shares: theory, problems and ways to resolve them 533

Tsybmal A.S. Legal nature of internet memes: searching for a balance of interests 541

Prokhodimova E.M., Gubanova O.A. Study of the legal basis of environmental safety 547

Vorobyova Yu.Yu. Current methods of ensuring the principle of legality in the adoption of regulatory legal acts by executive authorities..... 553

Судебная система – важнейшая опора национальной государственности

Алоян Левон Гагикович,

следователь в Следственном комитете Республики Армения,
НАН Философии РА, истец Института социологии и права
E-mail: Levon_aloyan97@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности судебной власти на современном этапе развития национальной государственности. Целью является выявление основных проблем в функционировании судебной системы и предложение эффективных путей её совершенствования. Задачи исследования включают анализ текущего состояния судебной власти, выявление существующих вызовов, а также изучение международного опыта и научных подходов к реформированию. В качестве гипотезы выдвигается предположение о том, что комплексная реформа – включая обеспечение независимости судей, цифровизацию и развитие профессиональных компетенций – повысит эффективность и авторитет судебной системы. В исследовании применяются системный анализ, сравнительно-правовые методы и синтез научных исследований. Ключевые выявленные проблемы включают ограниченную независимость судей, перегруженность судов и низкую эффективность. В заключение подчеркивается необходимость институциональных реформ, направленных на укрепление независимости, совершенствование законодательства и внедрение цифровых инструментов в судебные процедуры.

Ключевые слова: судебная власть, концептуальные подходы, правосудие, законность, судебный контроль, администрирование, субъект, нормотворческая деятельность, юриспруденция, судебная политика, образовательная функция.

Introduction

The purpose of this article is to present the issues accumulated over the years in the judicial and legal field of the Republic of Armenia, which can only be resolved through in-depth and systematic reforms.

In our opinion, in order to ensure significant qualitative changes in the judicial and legal field, it is first necessary to assess the current situation, analyze the existing problems of justice, and propose scientifically grounded approaches and practical recommendations for providing adequate solutions to these issues [2]:

To rectify the current situation, it is necessary to implement systematic and comprehensive changes. Therefore, finding partial solutions for judicial system reforms is a mistake. The judicial system is one of the most important pillars of national statehood, as all issues and disputes that may arise in the political and social spheres, even involving the legislative or executive branches, entrepreneurs and the business sector, within the framework of the fight against corruption, and even daily life issues, ultimately find their resolution in justice – within the courts [4, 6]:

In this regard, we believe that the judicial system is just as important an institution in the path toward a mature democracy as the legislative body or fair and free elections. In this context, it should be noted that our state has successfully conducted fair and transparent elections in accordance with international standards and formed legitimate legislative and executive authorities; however, it has not succeeded in establishing a judicial system that is equally legitimate, independent, and trustworthy. In our opinion, a systematic approach is necessary to solve this difficult issue, one that should be free from unnecessary haste and surgical (piecemeal) solutions [8].

At present, the challenges facing our country include overcoming the consequences of the post-war period, ensuring the rule of law, democratic values, an independent judiciary, and the provision of free and fair economic competition [5, 7]:

The “Strategy for Judicial and Legal Reforms in the Republic of Armenia for 2022–2026”, approved by the Government of Armenia’s decision № 1133-L on July 21, 2022, also points to the need for systemic reforms in the national judicial system. According to this “Strategy”, judicial and legal reforms are among the government’s top priorities, aimed at enhancing the independence, impartiality, and public trust in the judicial system. These reforms focus on reducing the burden on courts, improving the quality of public service delivery, improving civil and civil procedure legislation, implementing a unified management system for electronic justice, and other essential steps required for the development of Armenia’s judicial system [1, 3, 9]:

In national legal scholarship, the judiciary has been a subject of extensive and multifaceted analysis. A wide range of legal scholars have contributed to the study of judicial organization, independence, accountability, and reform processes. Their research has laid a significant foundation for understanding the structure and functions of the judiciary within the Armenian legal system, as well as its alignment with international standards. Among these scholars are prominent figures who have approached the topic from various theoretical and practical perspectives, offering valuable insights into both constitutional and administrative dimensions of judicial power. The cumulative work of these academics continues to inform contemporary debates and legislative developments in the field of judicial governance.

The various dimensions of judicial authority have also been the focus of in-depth research within Russian legal scholarship. Numerous prominent legal theorists and practitioners have explored the institutional, procedural, and constitutional aspects of the judiciary, contributing significantly to the development of legal thought in this area. Their works have addressed such critical issues as the principles of judicial independence, the organization of judicial power, the relationship between courts and other branches of government, and the evolution of legal norms governing judicial activity. Through doctrinal analysis, comparative studies, and practical insights, these scholars have enriched the discourse on the role of the judiciary in a rule-of-law state and have provided valuable perspectives that continue to influence both academic inquiry and legal reform efforts in Russia and beyond.

This research mainly differs from the aforementioned works in the following features: First, it diagnoses the current state of the system of judicial authorities, and second, it outlines the pathways for improving the judicial system and enhancing its effectiveness, as well as the trends for its future development [3,6]:

While properly acknowledging the significant contributions of the aforementioned authors to the scientific exploration of issues related to judicial authority and justice, we nevertheless believe that this research also aims to make its modest contribution to the scientific analysis and interpretation of the discussed problem [11]. Specifically, this study seeks to examine the judicial system as a living organism in its dynamic development, to view judicial authority purely from a scientific and practical perspective (free from political manipulation), and to interpret the fundamental issues related to judicial activities and their outcomes from the standpoint of objectivity [10].

The purpose and objectives of the study lie in the development of a fundamentally new, comprehensive, and theoretically grounded concept of judicial authority as a specific socio-legal institution. This includes the theoretical substantiation of the problematic issues related to judicial authority, the development of the most effective tools for resolving socio-legal disputes based on legal norms, national and international standards, and judicial precedents.

In addition, the purpose of the study includes substantiating the necessity of renewing the conceptual

and categorical apparatus in the theory of law and state with regard to judicial authority, developing scientifically grounded proposals for improving legislation and judicial practice, and enhancing their effectiveness.

To achieve the stated goal, the following theoretical and practical issues have been raised for resolution:

1. To analyze the clarification of the social nature of judicial authority, the development of the concept of «judicial authority,» the analysis of its functions, and the determination of its place and role in the mechanism of state power and in the political, social, and economic life of society.
2. To uncover the issue of the independence of courts from one another according to the types of jurisdiction and the relations between courts (judicial bodies).
3. To explore the aspects of independence of the court as a state body in the interrelationships of the court's internal structural elements.

The construction and justification of scientific perspectives on judicial authority undoubtedly require the creation of a logically consistent and structured conceptual framework, the foundation of which, alongside new ideas and theoretical assumptions, will consist of generally accepted legal categories.

Conclusion

In domestic jurisprudence, this is one of the first attempts, under the conditions of new legislation, where judicial authority is viewed not only as an independent branch of state power but also as an independent socio-legal institution with its own regulation object and subject. In this study, judicial authority is examined not only as the capacity of courts (the judicial system) to perform specific functions – such as justice, oversight, law-creating activities, organizational, ideological, legal protection, etc. – but also as a public legal institution (a court of justice) inherent in a developed society, where not only social disputes are resolved, but also issues related to the supremacy of law and legality are addressed. The work also thoroughly analyzes the nature of judicial authority as a unique social institution, its place and role in the state's organizational structure, and its function in managing social life.

Литература

1. Harutyunyan G.G. "From the Experience of European Developments in the Systemic Cooperation of Judicial Power." Yerevan, "Njar," 2002. – Текст: непосредственный.
2. Ghazinyan G., Dilbandyan S. "Fundamental Issues of Judicial Power in the Republic of Armenia." Law and Reality, April 8, 2002, p. 4. – Текст: непосредственный.
3. Кратология – наука о власти. Концепция: Вячеслав Халипов. – Текст: непосредственный. Издательство Экономика, 2002. С. 367.
4. Гуценко К.Ф. Ковалев М.А. Правоприменительные органы. М., 1995. С. 33. Судопроизводство и правоохранительные органы Россий-

ской Федерации: учебник / под ред. В Лазарев. М, 1997. – С. 33. – Текст: непосредственный.

5. Советский энциклопедический словарь М., 1983. – С. 229. – Текст: непосредственный.
6. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти: хрестоматия: в 2 Т.Т. 1. Самара, 1999. – С. 37. – Текст: непосредственный.
7. Болл Т. Власть // Полис.1993.5. С. 41. – Текст: непосредственный.
8. Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти. Изд.-во «Норма» М., 2017. С. 288. – Текст: непосредственный.
9. Нерсисянц В.И. Идеи и конструкции правовой государственности, история и современность // Социалистическое правовое государство: концепция и пути развития. М., 1990. С. 49. – Текст: непосредственный.
10. Петрухин И.Л. Проблема судебной власти современной России // Государство и право. 2000. № 7. С. 15. – Текст: непосредственный.
11. Ершов В.В. Статус суда в правовом государстве. М., 1992. С. 296. – Текст: непосредственный.

THE JUDICIAL SYSTEM AS THE MOST IMPORTANT PILLAR OF NATIONAL STATEHOOD

Aloyan L.

Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia

The relevance of this study is determined by the need to improve the effectiveness of judicial authority in the current stage of national statehood development. The aim is to identify the main problems in the functioning of the judicial system and propose effective ways for its improvement. The objectives include analyzing the current state of judicial authority, identifying challenges, and studying international experience and academic approaches to reform. The hypothesis suggests that comprehensive reform – including judicial

independence, digitalization, and professional development – will enhance the efficiency and credibility of the judiciary. The study employs systems analysis, comparative legal methods, and synthesis of academic research. Key issues identified include limited judicial independence, court overload, and low efficiency. The conclusion highlights the need for institutional reforms focused on strengthening independence, improving legislation, and integrating digital tools into judicial procedures.

Keywords: judicial authority, conceptual approaches, justice, legality, judicial control, administration, subject, lawmaking activity, jurisprudence, judicial policy, educational function.

References

1. Harutyunyan G.G. «From the Experience of European Developments in the Systemic Cooperation of Judicial Power.» Yerevan, «Njar», 2002. – – Text: direct.
2. Ghazinyan G., Dilbandyan S. «Fundamental Issues of Judicial Power in the Republic of Armenia.» Law and Reality, April 8, 2002, p. 4. – Text: direct.
3. Kratology – the science of power. Concept: Vyacheslav Khalipov. – Text: direct. Publishing House Economy, 2002. Page 367.
4. Gutsenko K.F. Kovalev M.A. Law enforcement agencies. Moscow, 1995. Page 33. Legal proceedings and law enforcement agencies of the Russian Federation: textbook / edited by V. Lazarev. M, 1997. – P. 33. – Text: direct.
5. Soviet Encyclopedic Dictionary M., 1983. – P. 229. – Text: direct.
6. Raigorodsky D. Ya. Psychology and Psychoanalysis of Power: Reader: in 2 Vol. T. 1. Samara, 1999. – P. 37. – Text: direct.
7. Ball T. Power // Polis.1993.5. P. 41. – Text: direct.
8. Voskobitova L.A. Theoretical Foundations of the Judicial Authority. Publishing House «Norma» М., 2017. P. 288. – Text: direct.
9. Nersesyan V.I. Ideas and constructions of the rule of law statehood, history and modernity // Socialist rule of law state: concept and ways of development. Moscow, 1990. Page 49. – Text: direct.
10. Petrukhin I.L. The problem of judicial power in modern Russia // State and Law. 2000. No. 7. Page 15. – Text: direct.
11. Ershov V.V. The status of the court in the rule of law state. Moscow, 1992. Page 296. – Text: direct.

Правовые и организационные основы прокурорских проверок по выявлению процессуальных нарушений, допущенных органами следствия и дознания в ходе производства по уголовным делам (по законодательству периода 90-х – начала 2000 годов)

Гаджиев Адам Бабаевич,

аспирант, кафедра юриспруденции, Государственный университет «Дубна»

E-mail: adam.gadgiev2016@yandex.ru

Глушков Александр Иванович,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой юриспруденции, Государственный университет «Дубна»

E-mail: gai_dubna@list.ru

В статье рассматриваются правовые и организационные основы прокурорских проверок, направленных на выявление процессуальных нарушений, допускаемых органами следствия и дознания при расследовании уголовных дел в рассматриваемый период. Особое внимание уделено анализу уголовно-процессуального законодательства и практики его применения, а также организационным приемам и методам прокурорских проверок, направленным на обеспечение законности и эффективности досудебного производства по уголовным делам. Отдельно рассмотрены ключевые факторы, оказавшие влияние на становление и развитие методик проведения прокурорских проверок, а также изменения законодательства, связанные с реформированием правовых основ деятельности прокуратуры.

Ключевые слова: прокурорские проверки, процессуальные нарушения, органы следствия и дознания, предварительное расследование, законность, методика, организационные приемы.

Система досудебного производства в Российской Федерации, сформировавшаяся в 1990-х – начале 2000-х годов, характеризовалась серьезными изменениями и преобразованиями в сфере уголовно-процессуального законодательства. Эти изменения были обусловлены общим курсом на либерализацию правовой системы страны, необходимостью укрепления гарантий прав и свобод граждан, а также потребностью в пересмотре роли и места правоохранительных органов, в том числе прокуратуры, в условиях становления новой российской государственности. На фоне этих процессов особую актуальность приобрели вопросы, связанные с прокурорским надзором, направленным на своевременное выявление и пресечение процессуальных нарушений, допускаемых органами следствия и дознания [15].

Правовые основы прокурорских проверок по выявлению процессуальных нарушений в деятельности органов следствия и дознания в рассматриваемый период определялись рядом нормативно-правовых актов, среди которых ключевое место занимали Конституция Российской Федерации 1993 года, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» 1992 года № 2202-1, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года и вступивший в силу в 2002 году Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Важное значение имели также ведомственные акты Генеральной прокуратуры РФ в этой сфере.

Указанные законодательные и ведомственные правовые акты в совокупности формировали базис для осуществления прокурорского надзора в досудебном производстве, а также определяли основные организационно-правовые механизмы взаимодействия прокуратуры с органами предварительного следствия и дознания.

В рамках своей надзорной деятельности прокурор был уполномочен выявлять нарушения, допущенные на различных этапах предварительного расследования, и принимать предусмотренные законом меры к их устранению. Процессуальные нарушения, которые были предметом прокурорских проверок, относились к следующему кругу проблем: несоблюдение сроков процессуальных действий, нарушение требований об обязательной регистрации сообщений о преступлении, нарушение прав граждан на защиту и ознакомление с материалами дела, незаконное избрание или изменение меры пресечения и другие [10].

Особую значимость в указанной сфере прокурорского надзора приобретали организационные приемы и методика выявления процессуальных нарушений. Под методикой прокурорских проверок законности деятельности органов прокуратуры следствия и дознания понимается комплекс научно обоснованных приемов и способов, применяемых прокурором при анализе материалов уголовного дела, проведении необходимых действий по выявлению и документированию нарушений. Методическая работа над совершенствованием данных приемов осуществлялась как в научно-исследовательских институтах, так и в профильных подразделениях прокуратуры, отвечающих за обучение и повышение квалификации кадров [6].

Организационно прокурорские проверки могли проводиться в различных формах, среди которых выделялись следующие [7]:

- плановые проверки материалов уголовных дел, находящихся в производстве конкретного органа предварительного следствия или подразделения дознания;
- внеплановые (целевые) проверки, инициируемые на основании поступившей информации о нарушении прав граждан в ходе расследования;
- проверки, проводимые в рамках комплексных мероприятий по контролю за деятельностью органов следствия и дознания (совместно с вышестоящими надзорными или судебными органами);
- проверки по итогам обобщения судебной практики (например, при выявлении системных нарушений, влекущих отмену или изменение приговоров высшими судебными инстанциями).

В ходе упомянутых проверок прокурор, руководствуясь законом, имел право указывать на допущенные нарушения, давать обязательные для исполнения письменные указания по их устранению, а в случае серьезных или системных нарушений – ставить вопрос об ответственности должностных лиц, непосредственно допустивших эти нарушения.

В течение всего рассматриваемого периода юридической основой прокурорских проверок являлись преимущественно положения Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и УПК РСФСР 1960 года (до введения УПК РФ 2001 года). Одним из важнейших полномочий прокурора являлось право проверять исполнение требований федерального законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. На практике это означало, что прокурор ознакомились с журналами учета Книга учета заявлений и сообщений о преступлениях (КУЗСП), проверял поступающие заявления и сообщения от граждан, анализировал факты отказа в возбуждении уголовного дела.

Чтобы своевременно выявлять и пресекать процессуальные нарушения прокурор был вправе запрашивать материалы уголовных дел, знакомить-

ся с результатами проведенных следственных действий и при необходимости требовать объяснений от следователя или дознавателя по поводу допущенных ими нарушений. Организационно такая проверка могла включать несколько стадий: предварительное изучение материалов (при помощи помощников прокурора или старших прокуроров отдела надзора), непосредственный анализ обстоятельств уголовного дела и проведение совещаний с руководителями подразделений, курирующих предварительное расследование [14].

Спецификой законодательства исследуемого периода являлась активная роль прокурора в процессе досудебного производства, что позволяло ему, с одной стороны, осуществлять надзор, а с другой – по существу руководить расследованием. Такое совмещение надзорной и руководящей функций вызывало споры в научном сообществе, однако именно в рамках рассматриваемой эпохи прокурор зачастую обладал возможностью напрямую вмешаться в расследование для устранения выявленных нарушений, обеспечивая таким образом эффективное реагирование на любые процессуальные отклонения.

Методы правовой регламентации прокурорских проверок в рассматриваемый период можно условно разделить на общие и специальные. К общим методам относились закрепленные в Конституции РФ и федеральном законодательстве права и обязанности прокурора, устанавливавшие общую рамку для его деятельности, включая надзорную. К специальным методам можно отнести способы и средства, регламентированные подзаконными нормативными актами (приказы, инструкции, указания Генеральной прокуратуры), в которых содержались детальные методические рекомендации по организации и проведению прокурорских проверок на местах [8].

Конкретизация указанных методов происходила в рамках должностных инструкций прокуроров, а также в разного рода методических пособиях, разрабатываемых для системы органов прокуратуры. Такие материалы включали примерные формы актов прокурорского реагирования, типичные формулировки в представлениях об устранении нарушений закона и иных документах, которые применялись при проведении проверок. Регламентация отражала и практику взаимодействия прокурора с руководителями следственных подразделений и органов дознания, где порядок передачи материалов, сроки ответа на указания прокурора, механизм контроля за их исполнением были подробно описаны в соответствующих внутренних документах.

На практике прокурорские проверки по выявлению процессуальных нарушений показывали неоднородность ситуации в разных регионах страны. В одних субъектах Федерации прокуроры активно пользовались своими полномочиями, регулярно инициируя внеплановые проверки, вынося представления об устранении нарушений, требуя привлечения виновных к дисциплинарной ответ-

ственности. В других регионах деятельность прокуратуры в сфере досудебного производства носила более формальный характер – прежде всего из-за нехватки ресурсов, недостатка профессиональных кадров, а иногда и в силу административного давления либо коррупционных проявлений.

Ключевую роль в укреплении правовой базы прокурорских проверок сыграло принятие УПК РФ 2001 года, который частично уточнил механизмы прокурорского контроля и заложил основы более четкого разграничения между надзором и процессуальным руководством расследованием. Однако сохранение у прокурора существенных полномочий по проверке и возвращению уголовного дела на дополнительное расследование в целом обеспечивало возможность оперативного реагирования на нарушения, допущенные органами следствия и дознания.

Принятие в 2007 году Федерального закона № 87-ФЗ значительно скорректировало роль прокурора в досудебном производстве, однако в силу постепенности внедрения и сложной адаптации реформы в начале 2000-х годов прокурорские проверки продолжали играть существенную роль в выявлении процессуальных ошибок. Так или иначе, правовое поле, в котором действовал прокурор, постепенно сужалось, но вплоть до окончательного оформления новой модели расследования прокурорский надзор обеспечивал важнейший канал выявления нарушений процессуального закона.

Важной частью общего механизма прокурорских проверок выступало взаимодействие с руководителями следственных органов, судебными инстанциями и правоохранительными структурами, осуществляющими дознание. Результативность прокурорской проверки во многом зависела от того, насколько оперативно органы, уполномоченные исправлять выявленные недостатки, реагировали на требования прокурора [15].

С одной стороны, орган дознания или следователь, получивший указание прокурора, обязан был его исполнить в установленные сроки или обосновать невозможность его исполнения. С другой стороны, сам прокурор должен был контролировать процесс реализации своих указаний, проверять итоги повторного расследования или корректировки незаконных решений. Такая система позволяла оперативно корректировать ход конкретного уголовного дела и способствовала сокращению числа судебных ошибок, возникающих из-за процессуальных нарушений.

На уровне организационно-методического сопровождения прокурорских проверок значительная роль придавалась совершенствованию электронно-учетных систем, которые позволяли фиксировать все этапы расследования и отражать результаты контроля. Хотя подобные цифровые инструменты получили распространение уже ближе к середине 2000-х годов, в ряде ведомств еще в 1990-е годы существовали аналогичные (пока еще бумажные) формы контроля над исполнением указаний прокурора.

Среди ключевых целей прокурорских проверок, помимо непосредственного выявления и устранения процессуальных нарушений, особое место занимает защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Данное направление включает в себя недопущение незаконных или необоснованных задержаний и наращений процессуальных сроков, пресечение фактов волокиты при осуществлении расследования, защиту прав потерпевших, обеспечение доступа защитников к материалам уголовного дела и многие другие аспекты, непосредственно связанные с соблюдением принципов справедливого правосудия.

Прокурор, обладавший правом отменять незаконные или необоснованные постановления следователя, мог эффективно реагировать на возникающие в ходе расследования проблемы. Организационно методика отмены таких постановлений заключалась в тщательном изучении материалов дела, сопоставлении доказательств, установление обстоятельств происшествий и формальных процессуальных требований. Если прокурор убеждался в допущенных ошибках или несоответствии постановления букве закона, он выносил мотивированное решение о его отмене. Данный вид реагирования во многих случаях позволял оперативно восстанавливать права граждан, ограниченные в результате недобросовестных или некомпетентных действий должностных лиц [7].

Отдельным направлением организационно-методического обеспечения прокурорских проверок являлась система профессиональной подготовки прокуроров. В 1990-е – начале 2000-х годов в ряде высших учебных заведений, в том числе в образовательных организациях при Генеральной прокуратуре РФ, реализовывались специализированные учебные программы, ориентированные на формирование у прокуроров навыков выявления, документирования и квалифицированного пресечения процессуальных нарушений.

Подобные программы включали в себя:

- изучение новейших изменений уголовно-процессуального законодательства;
- освоение законодательных и ведомственных новелл, регламентирующих порядок проведения проверок;
- анализ типичных ошибок, допускаемых следователями и дознавателями, а также путей их предупреждения;
- практикум по моделированию ситуаций, связанных с выявлением процессуальных нарушений (например, нарушения сроков следствия, незаконное продление содержания под стражей, недостатки в оформлении доказательственной базы).

Кроме того, активно использовался опыт обмена информацией между территориальными прокуратурами, что позволило формировать единые подходы к применению надзорных полномочий. Специализированные сборники судебной и прокурорской практики, издаваемые в тот период времени, содержали обобщения типичных нарушений,

практические рекомендации и разъяснения Генеральной прокуратуры, способствующие реализации единого стандарта прокурорских проверок по всей стране.

Заметное реформирование уголовно-процессуального законодательства в конце 1990-х – начале 2000-х годов оказало неоднозначное влияние на практику прокурорских проверок. Некоторые нововведения, в частности расширение судебного контроля при избрании мер процессуального принуждения, заставили прокуроров более детально готовить материалы и аргументацию при вынесении указаний, касающихся содержания под стражей. С другой стороны, реформы, направленные на повышение самостоятельности следователя, ограничили возможность прокуроров давать указания по любым вопросам расследования и потребовали более точечного и обоснованного вмешательства в ход следствия [8].

Тем не менее, ключевое содержание прокурорских проверок – контроль за соблюдением правил регистрации преступлений, сроков осуществления расследования, качеством собираемых доказательств и соблюдением прав граждан – оставалось в большинстве своем неизменным. Практика показала, что, несмотря на возрастающий судебный контроль, прокурорские проверки продолжали выполнять системообразующую функцию в обеспечении законности при досудебном производстве по уголовным делам.

На протяжении 1990-х – начала 2000-х годов прокурорские проверки по выявлению процессуальных нарушений, допущенных органами следствия и дознания, оставались одним из ключевых механизмов защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Они способствовали выявлению и оперативному устранению нарушений закона, в том числе посредством вынесения представлений об их устранении, отмены незаконных постановлений следователей дознавателей, привлечения виновных лиц к ответственности.

Организационные приемы и методика таких проверок опирались на систему нормативно-правовых актов – начиная с Конституции РФ и заканчивая ведомственными приказами и инструкциями. Значительную роль играло и методическое обеспечение: регулярная подготовка методических рекомендаций, повышение квалификации прокуроров, использование формализованных алгоритмов контроля за ходом расследования и взаимодействия с руководителями следственных подразделений.

Изменения в уголовно-процессуальном законодательстве не могли не отразиться на объеме полномочий прокурора. Однако даже после ограничения ряда его надзорных функций (особенно в части прямого процессуального руководства следствием) в начале 2000-х годов, прокурорские проверки сохранили свою актуальность, в первую очередь в контексте защиты прав граждан от произвольного преследования и содержания под стражей.

Анализ правовых и организационных основ прокурорских проверок по выявлению процессуальных нарушений в деятельности органов следствия и дознания в 1990-х – начале 2000-х годов показал существенную трансформацию методологических подходов к осуществлению прокурорского надзора в период правовых реформ. В то же время, несмотря на законодательные изменения, модифицировавшие роль прокурора, прокурорские проверки оставались ключевым механизмом обеспечения законности в досудебном производстве.

На основании провиденного исследования можно сформулировать следующее определение понятия прокурорской проверки: это комплексная система научно обоснованных приемов и процедур, применяемых для выявления и документирования нарушений в уголовном судопроизводстве. Качество и эффективность прокурорского надзора определялась не только законодательными положениями, но и организационными методиками, системой подготовки кадров и механизмами межведомственного взаимодействия.

Организационно-методологические основы, заложенные в рассматриваемый период, сформировали фундамент современной практики прокурорского надзора. Ключевые функциональные элементы, даже с учетом имеющих место законодательных изменений (контроль за регистрацией сообщений о преступлениях, мониторинг сроков расследования, оценка качества доказательств и защита прав граждан), остаются важнейшими компонентами прокурорского надзора.

Историко-правовой анализ практики осуществления прокурорских проверок имеет важное значение для современной теории и практики в контексте баланса между прокурорским надзором, следственной самостоятельностью и судебным контролем – соотношения, продолжающего эволюционировать в российской системе уголовного правосудия, что открывает перспективы для дальнейшего совершенствования механизмов обеспечения законности в уголовном судопроизводстве.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
5. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федера-

ции и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

6. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2004.
7. Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор: учебник. М.: Проспект, 2006.
8. Винокуров А.Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов при производстве предварительного следствия: учебное пособие. М.: Экзамен, 2006.
9. Гуляев А.П. Процессуальные функции следователя. М.: Юридическая литература, 1981.
10. Козусев А.Ф. Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: современные проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2001.
11. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.: Юридическая литература, 1986.
12. Рекомендация Rec(2000)19 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о роли прокуратуры в системе уголовного правосудия (принята Комитетом министров 6 октября 2000 г. на 724-м заседании заместителей министров) // Журнал российского права. 2001. № 8.
13. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М.: Наука, 1975.
14. Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2000.
15. Шадрин В.С. Уголовное досудебное производство: ответы на вопросы прокуроров и следователей. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2009.
16. De Bellis M. Multi-level administration, inspections and fundamental rights: Is judicial protection full and effective? //German law journal. – 2021. – Т. 22. – № 3. – С. 416–440.
17. Vári V. The role of the public prosecutor in the investigation //Magyar Rendészet. – 2023. – Т. 23. – № 1. – С. 49–68.
18. Zebarjad Z. Elucidating the Necessity of Drafting a Legal Provision for Corruption Prevention in the Law Establishing the General Inspection Organization //Interdisciplinary Studies in Society, Law, and Politics. – 2024. – Т. 3. – № 4. – С. 166–176.

LEGAL AND ORGANIZATIONAL FOUNDATIONS OF PROSECUTORIAL INSPECTIONS FOR IDENTIFYING PROCEDURAL VIOLATIONS COMMITTED BY INVESTIGATIVE AND INQUIRY BODIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS (ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE 1990S – EARLY 2000S)

Gajiyev A.B., Glushkov A.I.
State University «Dubna»

The article examines the legal and organizational-methodological foundations of prosecutorial inspections aimed at identifying proce-

dural violations committed by investigative and inquiry bodies during criminal case investigations in the post-Soviet period. Special attention is paid to analyzing the criminal procedure legislation and its practical enforcement, including departmental acts of the Russian Federation Prosecutor General's Office, even those no longer in effect. The paper details organizational techniques and methodologies of prosecutorial inspections designed to ensure legality and efficiency during pre-trial criminal proceedings, including the examination of crime registration journals and other procedural documentation. The research identifies key factors that influenced the formation and development of prosecutorial inspection methodologies, alongside an analysis of legislative reforms affecting the legal framework of prosecutorial activities. The study also addresses the professional training of prosecutors and interagency cooperation mechanisms established to effectively identify and correct procedural violations in the criminal justice system.

Keywords: prosecutorial inspections, procedural violations, investigative and inquiry bodies, preliminary investigation, legality, methodology, organizational techniques.

References

1. Constitution of the Russian Federation. (1993, December 25). Adopted by popular vote on December 12, 1993. Rossiyskaya Gazeta.
2. Criminal Procedure Code of the RSFSR. (1960). Approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on October 27, 1960. Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR, 40, Art. 592.
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation. (2001). Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001. Collection of Legislation of the Russian Federation, 52(I), Art. 4921.
4. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" No. 2202-1. (1992, January 17). Collection of Legislation of the Russian Federation, 1995, 47, Art. 4472.
5. Federal Law No. 87-FZ. (2007, June 5). On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation, 24, Art. 2830.
6. Bagautdinov, F. N. (2004). Ensuring Public and Personal Interests in the Investigation of Crimes. Moscow: Yurilitinform.
7. Bessarabov, V. G. (2006). Prosecutorial Supervision: Textbook. Moscow: Prospekt.
8. Vinokurov, A. Yu. (2006). Prosecutorial Supervision over Law Enforcement during Preliminary Investigation: Textbook. Moscow: Ekzamen.
9. Gulyaev, A. P. (1981). Procedural Functions of the Investigator. Moscow: Yuridicheskaya Literatura.
10. Kozusev, A. F. (2001). Prosecutorial Supervision over Law Enforcement in Operational and Investigative Activities: Contemporary Problems of Theory and Practice. Moscow: Yurilitinform.
11. Larin, A. M. (1986). Criminal Case Investigation: Procedural Functions. Moscow: Yuridicheskaya Literatura.
12. Recommendation Rec(2000)19 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to Member States on the Role of the Prosecutor's Office in the Criminal Justice System. (2001). Adopted by the Committee of Ministers on October 6, 2000, at the 724th meeting of Ministers' Deputies. Journal of Russian Law, 8.
13. Savitsky, V. M. (1975). An Essay on the Theory of Prosecutorial Supervision in Criminal Proceedings. Moscow: Nauka.
14. Solovyev, A. B., Tokareva, M. E., & Khaliulin, A. G. (2000). Prosecutorial Supervision over Law Enforcement during the Investigation of Crimes. Moscow: Yurilitinform.
15. Shadrin, V. S. (2009). Criminal Pre-trial Proceedings: Answers to Questions from Prosecutors and Investigators. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.
16. De Bellis, M. (2021). Multi-level administration, inspections and fundamental rights: Is judicial protection full and effective? German Law Journal, 22(3), 416–440.
17. Vári, V. (2023). The role of the public prosecutor in the investigation. Magyar Rendészet, 23(1), 49–68.
18. Zebarjad, Z. (2024). Elucidating the Necessity of Drafting a Legal Provision for Corruption Prevention in the Law Establishing the General Inspection Organization. Interdisciplinary Studies in Society, Law, and Politics, 3(4), 166–176.

Чековая приватизация в Смоленской области (1993 - первая половина 1994 годов)

Иванов Александр Михайлович,

к.и.н., доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарные науки; Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; Доцент кафедры юриспруденции, Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail: smolensk@fa.ru

Ягнешко Михаил Владимирович,

доцент кафедры юриспруденции, Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail: smolensk@fa.ru

В 1992 году в Российской Федерации и в Смоленской области, в частности, была завершена подготовка к массовой приватизации включая акционирование предприятий и выдачу приватизационных чеков населению. Перед исполнительной властью региона и органами приватизации стояла задача осуществления широкомасштабной бесплатной раздачи государственной собственности. Чековая приватизация была призвана обеспечить участие в распределении государственной собственности всех граждан страны, создать ощущение демократичности проводимых преобразований, резко ускорить темпы приватизации и тем самым по выражению Чубайса А.Б. вбить гвоздь в крышку гроба коммунизма. В статье представлены результаты анализа исторической ретроспективы чековой приватизации основе материалов Смоленской области, исследуется ее динамика, проблемы и результаты.

Ключевые слова: ваучер, закрытая подписка на акции, межрегиональный чековый аукцион, органы приватизации, приватизационный чек, Смоленская область, чековый инвестиционный фонд, чековый аукцион.

Процесс бесплатного наделения граждан государственной собственностью был запущен Постановлением Правительства от 15 июля 1992 г. N 490 «О порядке введения в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» [4]. Постановление содержало перечень мероприятий по изготовлению, выдаче, нормативно-правовому обеспечению, транспортировке приватизационных чеков с указанием сроков их осуществления и ответственных за реализацию. Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом с привлечением в случае необходимости заинтересованных министерств и ведомств, местной администрации поручалась подготовка и утверждение нормативных актов, регулирующих вопросы, связанные с введением в действие приватизационных чеков в Российской Федерации. Указом президента РФ от 14.08.1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» [1] систему приватизационных чеков надлежало ввести в действие с 1 октября 1992 года. Данным документом была закреплена стоимость приватизационного чека в 10 тысяч рублей (за выдачу чека установлен комиссионный сбор в размере 25 рублей), установлен срок действия приватизационного чека выпуска 1992 года – с 1 декабря 1992 года по 31 декабря 1993 года. Впоследствии Указом Президента Российской Федерации от 06.10.1993 № 1591 «О продлении срока действия приватизационных чеков выпуска 1992 года» срок действия приватизационных чеков будет продлен до 1 июля 1994 года.

Население могло обменять полученные приватизационные чеки несколькими способами, в частности принять участие на региональных и межрегиональных чековых аукционах, приобрести бумаги чековых инвестиционных фондов, работники приватизируемых предприятий могли реализовать ваучеры посредством так называемой закрытой подписки проводимой непосредственно на предприятии.

Нормативно-правовое регулирование обмена акций на приватизационные чеки включало Положение о специализированных чековых аукционах утвержденное Указом Президента РФ от 7 октября 1992 г. № 1186, распоряжение Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом от 4 ноября 1992 г. N 701-р. Согласно данного распоряжения участвовать в чековом аукционе получили право все физические и юридические лица признаваемые покупателями государственных активов на основа-

нии статьи 9 Закона РФ от 03.07.1991 N 1531–1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации».

Президент РФ Указом от 16.11. 1992 № 1391 «О продаже объектов приватизации за приватизационные чеки» [2] обязал Государственный комитет Российской Федерации по управлению государственным имуществом до 20 ноября 1992 года определить перечень объектов, которые подлежат реализации за ваучеры, и не позднее 10 декабря приступить к проведению специализированных чековых аукционов.

Чтобы гарантированно обеспечить обмен ваучеров на государственную собственность Указом Президента РФ от 14 октября 1992 года № 1229 «О развитии системы приватизационных чеков в Российской Федерации» [3] были установлены нормативные значения продажи акций за приватизационные чеки. В зависимости уровня собственности доля акций подлежащих обмену на чековых аукционах от общего количества обыкновенных и привилегированных акций устанавливалась от 35% по предприятиям, находящимся в собственности республик в составе РФ, до 90% по муниципальным предприятиям на основании решения соответствующего представительного органа.

Межрегиональные чековые аукционы получили свое правовое закрепление несколько позднее – Постановлением Совета Министров-Правительства РФ от 10.08.1993 г. «О продаже акций на межрегиональных специализированных чековых аукционах» было установлено, что акции наиболее крупных государственных предприятий, являющихся государственной собственностью и преобразуемых в акционерные общества «выносятся на продажу на межрегиональные чековые аукционы».

Указом Президента РФ от 14.08.1992 г. № 914 Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом по согласованию с Государственным правовым управлением Президента Российской Федерации в целях помощи населению при реализации приватизационных чеков поручалось создать до 1 сентября 1992 года Положение о специализированных инвестиционных фондах, которое и было введено в действие уже упомянутым Указом Президента РФ

от 7 октября 1992 г. № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий». Специализированные чековые инвестиционные фонды создаваемые в России в соответствии с Указом Президента РФ имели ряд отличительных особенностей, например, только чековый инвестиционный фонд мог обменивать собственные акции на приватизационные чеки граждан, чековый фонд мог быть только фондом закрытого типа, лицензирование деятельности, как самого фонда, так и его управления осуществлялось Госкомимуществом РФ, в отличие от всех других фондов, лицензируемых Министерством финансов РФ.

Предполагалось, что чековые инвестиционные фонды помогут рядовым гражданам, не искушенным в тонкостях рынка ценных бумаг, не имеющим навыков финансового анализа с выгодой для себя обменивать ваучеры на ценные бумаги и снижать тем самым риски возможных потерь.

При проведении исследования авторами был широко использован историко-правовой метод, позволивший рассмотреть процесс формирования и совершенствования нормативно-правового регулирования массовой приватизации в Российской Федерации. Изучение приватизации в Смоленской области потребовало применения статистических методов позволяющих выявить взаимное влияние различных факторов и динамику протекающих процессов, а также общенаучных методов анализа, синтеза, сравнения. Источниковую базу работы составили отчеты Комитета по управлению государственным имуществом Смоленской области, труды российских ученых.

Руководство Смоленской области совместно с органами приватизации активно форсировали подготовку к чековой приватизации во второй половине 1992 года. В регионе 95% населения получило приватизационные чеки, было создано 231 акционерное общество с суммарной величиной уставного капитала 2,5 млрд рублей [6, с. 44]. Первый специализированный чековый аукцион провели в январе-феврале 1993 года. Всего же в регионе в ходе чековой приватизации в течение полутора лет, с 26 января 1993 года по 30 июня 1994 года прошло 17 чековых аукционов (таблица 1).

Таблица 1. Итоги чековых аукционов в Смоленской области в 1993–1994 гг.

Чековый аукцион	Выставлено предприятий, ед.	Выставлено акций, шт.	Реализовано акций, шт.	Подано заявок, шт.	Удовлетворено заявок, шт.	Реализовано чеков, шт.	Стоимость реализованных акций, млн.руб.
1 (26.01–12.02)	5	25436	52252	1662	1074	11993	23,9
2 (24.02–16.03)	7	23954	105535	635	576	16490	22,7
3 (12.04–28.04)	15	88770	429011	2435	2239	52092	66,7
4 (10.06–18.06)	16	58858	100611	1154	1072	20158	56,1

Чековый аукцион	Выставлено предприятий, ед.	Выставлено акций, шт.	Реализовано акций, шт.	Подано заявок, шт.	Удовлетворено заявок, шт.	Реализовано чеков, шт.	Стоимость реализованных акций, млн.руб.
5 (16.06–09.07)	16	61590	64354	484	434	16754	53,2
6 (12.07–30.07)	13	23973	24022	207	204	4451	18,5
7 (26.07–20.08)	16	912318	1213423	777	741	167312	414,1
8 (28.08–17.09)	16	79260	89115	512	488	17835	35,8
9 (27.09–29.10)	10	35793	68459	570	569	9479	28,3
10 (25.10–19.11)	11	136223	134590	2852	2841	23934	133,0
11 (22.11–17.12)	9	433387	432257	107	98	33937	46,6
12 (20.12–21.01)	9	77895	94980	106	84	27712	60,7
13 (24.01–18.02)	12	71297	80701	164	149	5541	43,0
14 (10.03–01.04)	6	12556	15524	308	289	3417	9,9
15 (04.04–29.04)	10	121991	158456	1202	1194	8907	121,0
16 (30.05–24.06)	4	171961	168933	439	439	13924	151,0
17 (13.06–30.06)	8	31857	155278	502	502	24896	58,1
Всего	-	2367119	3387501	14116	12993	458832	1342,4

За это время участники аукционов обменяли 458,8 тыс. приватизационных чеков (37,2% от числа выданных) на 3,4 млн акций 164 предприятий общей стоимостью 1,3 млрд. рублей.

Общее количество поданных заявок составило 14,1 тыс. тогда как реализовано 13,0 тыс. заявок. Расхождение в 8% обусловлено тем, что в соответствии с п. 4.2 положения о специализированных чековых аукционах (утверждено распоряжением Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом от 4 ноября 1992 г. N 701-р) [5], участники аукциона могли предоставить продавцу заявку Типа 1 или Типа 2. При подаче заявки типа 1 учитывалось количество чеков, поданных заявителем, количество ценных бумаг в расчете на поданный чек определялось курсом аукциона, сложившимся по итогам торгов. Во втором случае участник торгов в заявке определял, какое минимальное количество акций он хотел бы получить на один приватизационный чек. Таким образом, заявки типа 1 удовлетворялись в любом случае, а заявки типа 2, если указанное в них количество акций не превышало курс аукциона.

Анализ проведенных чековых аукционов свидетельствует о их достаточно неровной динамике, внимание потенциальных покупателей на тот момент времени определялось не серьезным фи-

нансовым анализом, а скорее сложившимся в отношении предприятия общественным мнением, репутации предприятия, его социальной значимости, важности производимой продукции. Институциональных инвесторов интересовали другие факторы – возможность дальнейшей перепродажи активов, расположение земельного участка, наличие капитальных строений подъездные пути и т.п.

Интерес потенциальных участников постоянно снижался в ходе проводимых чековых аукционов. Наибольшее внимание привлекли первые четыре аукциона (февраль-апрель 1993 г.) число поданных заявок, на которых доходило до 2435, на одиннадцатом и двенадцатом аукционах (июль- август 1993 г.) число желающих принять участие снизилось в 10 раз до 106–107. К концу компании их число возросло, но не превысило 500. Снижение активности населения подтверждается и динамикой соотношения стоимости изъятых чеков и выданных акций. На первых аукционах данное соотношение достигло 5:1 и даже 7,8:1, т.е. принявшие участие в аукционе на 1 рубль стоимости чека получали 15–20 копеек акций. К концу компании ситуация совершенно изменилась, число чеков, предлагаемых к участию в аукционах, снизилось относительно объема выставленных акций и указанное соотношение уменьшилось до 0,7–0,9:1 (на 1 рубль сто-

имости чека гражданин получал уже 1,30–1,50 рубля акций). По сравнению общероссийским уровнем курс аукционов в Смоленской области оказался в 1,6 раза ниже, если в среднем по стране на один ваучер пришлось 1,8 [9, с. 88] тысячерублевой акции, то на Смоленщине данный показатель составил 2,9.

Уменьшение числа участников снизило курс аукционов. На первом на один вложенный чек пришлось 4,4 акции, тогда как на пятнадцатом 17,7 на шестнадцатом 12,1 акций. Приватизационные чеки активно скупались у населения коммерческими организациями и физическими лицами, о чем свидетельствует то, что наряду со снижением количества участников, число чеков на одну заявку на оборот увеличивалось с 10 на первом чековом аукционе до 50 на семнадцатом, т.е. происходил процесс концентрации приватизационных чеков в руках отдельных субъектов. Необходимость обмена максимально возможного количества выданных ваучеров на акции бывших государственных предприятий и тем самым повышение шансов граждан на участие в приватизации обусловили возможность дробления акций на акции меньшего номинала без изменения величины уставного капитала, что было закреплено Указом Президента РФ от 31.12.1992 г. № 1705 «О расширении возможностей участия населения в специализированных чековых аукционах». Дробление акций в Смоленской области осуществлялось практически на протяжении всей кампании по проведению чековых аукционов (за исключением 10 и 16 аукционов). Как видно из таблицы 2 в целом в 1993–1994 годах на аукционы выставлялось 2,37 млн акций, тогда как реализовано 3,39 млн, т.е. почти в полтора раза больше. Наибольшее соотношение числа реализованных акций к выставленным пришлось на 1–3 аукционы, где оно равнялось 2,1–4,8 с последующим уменьшением до 1,0 и ниже.

Исследование выравненных рядов динамики позволяет сделать практически те же выводы. Число заявок и реализованных ваучеров имело тенденцию к снижению (уравнение тренда заявок имеет вид $y = -39.591x + 1120,6$, реализованных чеков $y = -1209x + 37871$), тем не менее, количество чеков в расчете на одну удовлетворенную заявку, в динамике повышалось. Объем поступавших для продажи ценных бумаг динамично возрастал, что при сокращении числа заявок вело к увеличению количества приобретаемых акций одним участником (акции для сопоставимости расчетов пересчитаны в тысячерублевые). Акции в динамике сильно обесценивались, что также подтверждается уравнением тренда. Графически это наглядно выражает выравненная линия тренда (рисунок 1).

Наибольшим спросом среди участников аукционов пользовались акции предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, торговли, туризма, отдельные промышленные предприятия. Так, наиболее дорогими оказались акции Первомайского стекольного завода – покупатели «заплатили» 2,8 приватизационных чека за акцию (ак-

ции для сопоставимости переведены в тысячерублевые). Смоленской макаронной фабрики – 1,1; Смоленского пивзавода – 1,0 приватизационный чек. Спрос на акции предприятий стройиндустрии, автотранспорта, промышленности оказался значительно ниже, в среднем на один приватизационный чек пришлось 3 тысячерублевых акции, а по отдельным предприятиям 80, 100 и даже 500 акций, что было вполне предсказуемо, поскольку сильная дифференциация спроса по отраслевому признаку проявилась ещё на стадии организационного этапа приватизации, когда за первое полугодие 1992 года в регионе не приватизировали ни одного объекта промышленности, транспорта, всего по одному объекту в агропромышленном комплексе и строительстве [7, с. 14].

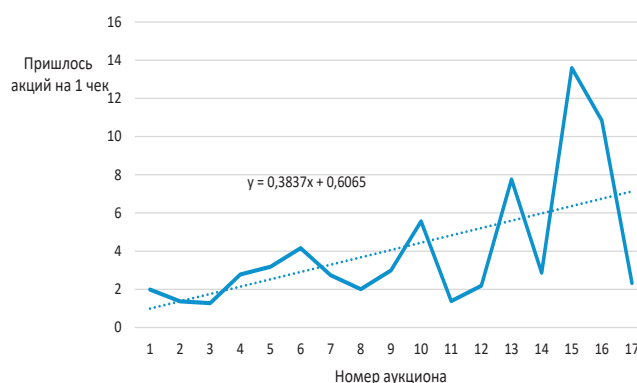

Рис. 1. Продано акций в расчете на один приватизационный чек

Акции некоторых предприятий выставлялись на нескольких чековых аукционах (таблица 2), в результате чего нарушался принцип обеспечения гражданам равных условий обмена чеков на акции, закрепленный в Указе Президента Российской Федерации от 10.08.1993 № 1238 «О защите прав граждан на участие в приватизации». Например, цена акций Дорогобужского котельного завода на третьем аукционе оказалась в два раза выше, чем на первом, разница в ценах Вяземского машиностроительного завода на четвертом и восьмом аукционах составила 4 раза. Акции Первомайского стекольного завода выставлялись на аукционы трижды, при этом наблюдалось почти трехкратное изменение цены. Четвертая часть чеков использована членами трудовых коллективов при покупке акций своих предприятий.

Не сыграли большой роли в массовой приватизации чековые инвестиционные фонды. Областным комитетом по управлению государственным имуществом зарегистрировано всего два фонда «Специализированный чековый инвестиционный фонд приватизации и социальной защиты Олимп» г. Смоленск, чековый инвестиционный фонд «Развитие» г. Десногорск. Областные фонды изъяли у населения всего выданных 8,4% ваучеров. Гораздо более активно работали внешние чековые инвестиционные фонды доля которых, в общем объеме реализации составила 17,7% (таблица 3).

Таблица 2. Изменение цены акций на чековых аукционах (акции для сопоставимости расчетов пересчитаны в тысячерублевые)

Показатели	Предприятие						
	Первомайский стекольный завод			Дорогобуж-котломаш		Вяземский машиностроительный завод	
	Чековый аукцион			Чековый аукцион		Чековый аукцион	
Выставлено акций, шт. в % к уставному капиталу	1500 20	192 2,6	836 11,2	3968 10,7	4413 11,9	1674 10,5	5190 32,4
Реализовано акций, шт.	1500	183	766	3968	3839	1656	4334
Удовлетворено заявок, ед.	247	31	44	232	797	116	37
Реализовано чеков, шт.	4267	244	2189	1984	3839	207	2167
Количество чеков на одну удовлетворенную заявку, шт.	17,3	7,9	9,4	8,6	4,8	1,8	58
Реализовано акций в расчете на одну удовлетворенную заявку, шт.	6,1	4,2	3,3	17,1	5,0	14,3	117,1
Продано акций в расчете на один чек, шт.	0,4	0,8	0,3	2,0	1,0	8,0	2,0
Цена акции в рублях стоимости чека, руб.	28446	13333	28577	5000	10000	1250	5000

Таблица 3. Реализация приватизационных чеков в Смоленской области по состоянию на 01.08.1994 г.

Показатели	Количество приватизационных чеков
Выдано чеков, шт.	1233213
Реализовано чеков всего в том числе:	1102483
на чековых аукционах	555574
при закрытой подписке	260921
областными чековыми инвестиционными фондами	92714
внешними чековыми инвестиционными фондами	195274
Количество акционированных предприятий переданных в областной фонд имущества	296
Количество предприятий выставленных на чековых аукционах	164

В целом чековая приватизация прошла довольно спокойно. В регионе по состоянию на первое августа 1994 года было реализовано 89,4% приватизационных чеков от числа выданных, что на фоне многих российских регионов выглядело достаточно внушительно, так в Пензенской области из полутора миллионов полученных пензенцами ваучеров было использовано всего около 500 тыс. [12, с. 59].

Социальных конфликтов в процессе приватизации, которых опасались накануне в регионе не возникало. Население плохо представляло как выгоднее распорядиться чеками. Недоверие к чеку породило сильное колебание курса, его непосредственная зависимость от политических событий. Веру населения в реформы и в чековую приватизацию в том числе подрывала деятельность отдельных финансовых компаний. («МММ», «Телемаркет», «Нефть, Алмаз, Инвест» и др.) осуществлявших операции с ценными бумагами с чисто спекулятивными целями. Социологические опросы, проводимые в период чековой приватизации, свидетельствовали, что большинство россиян достаточно скептически оценивает чековую приватизацию,

считая ее скорее демонстративной мерой, чем реальным приобщением людей к слою собственников [11, с. 27].

Активность потенциальных покупателей акций в процессе специализированных чековых аукционов снижалось вследствие маловероятного получения дивидендов на приобретаемые акции из-за низкой доходности большинства предприятий региона, необходимости вложения средств в модернизацию и расширение производства.

Граждане не могли в полной мере реализовать свое право собственности используя ваучеры поскольку приватизация некоторых крупных и в то же время устойчиво работающих предприятий была запрещена. Самые «лакомые» куски госсобственности – нефтяные и прочие предприятия – были практически выведены из-под чековой приватизации [8, с. 9].

В экономическом отношении главным итогом чековой приватизации стала передача основной части предприятий в частные руки. Сформировался слой собственников, плохо представлявших себе, что же делать с этой собственностью в дальнейшем. Как отмечают исследователи, новые

собственники не создали условий для стабильного функционирования этих предприятий и их нормального развития [10, с. 394]. Массовая приватизация показала, что изменение собственника автоматически не ведет к повышению эффективности ее использования.

Литература

1. Указ Президента РФ от 14.08.1992 N 914 (ред. от 14.10.1992, с изм. от 10.01.1993) «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» //Собрание актов Президента и Правительства РФ. 24.08.1992. N 8. ст. 501.
2. Указ Президента РФ от 16.11.1992 N 1391 «О продаже объектов приватизации за приватизационные чеки» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 23.11.1992. N 21. ст. 1730.
3. Указ Президента РФ от 14.10.1992 N 1229 «О развитии системы приватизационных чеков в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 19.10.1992. N 16. ст. 1236.
4. Постановление Правительства РФ от 15.07.1992 N 490 «О порядке введения в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 20.07.1992. № 3, ст. 110.
5. Распоряжение Госкомимущества РФ от 04.11.1992 N 701-р «Об утверждении и введении в действие Положения о продаже акций в процессе приватизации и Положения о специализированных чековых аукционах» // «Российские вести». 1992. N 91.
6. Иванов А.М., и др. Особенности начального этапа массовой приватизации в Смоленской области: динамика и социально-экономические последствия // Исторический бюллетень. 2025., т. 8. № 2. с. 55–64.
7. Иванов А.М., и др. Организационный этап приватизации в Смоленской области (конец 1991 – начало 1992 года) // Юридическая наука. 2022. № 11. С. 9–16.
8. Михайлов А.Ю. Приватизация в России: мифы и реальность // ЭКО. 2011. № 6. С. 5–25.
9. Радыгин А.Д. Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее. М.: Республика, 1994. 159 с.
10. Тюкавкин Н.М. «Государственная» революция и приватизация в России // Аудит и финансовый анализ. 2008. N 3. С. 392–394.
11. Хахулина Л.А. Результаты чековой приватизации: оценки и мнения населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 6. С. 26–27.
12. Якупова Д.В. Проведение чековой приватизации в Пензенской области в 1992–1994 гг. //

Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (34). С. 54–62.

VOUCHER PRIVATIZATION IN THE SMOLENSK REGION (1993 – FIRST HALF OF 1994)

Ivanov A.M., Yagneshko M.V.

Smolensk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In 1992, in the Russian Federation and in the Smolensk region, in particular, preparations for mass privatization were completed, including the corporatization of enterprises and the issuance of privatization checks to the population. democratic nature of the ongoing reforms, sharply accelerate the pace of privatization and thus, in the words of A.B. Chubais, drive a nail into the coffin of communism. The article presents the results of the analysis of the historical retrospective of voucher privatization based on the materials of the Smolensk region, examines its dynamics, problems and results.

Keywords: voucher, closed subscription to shares, interregional voucher auction, privatization bodies, privatization voucher, Smolensk region, voucher investment fund, voucher auction.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 14.08.1992 N 914 (as amended on 14.10.1992, as amended on 10.01.1993) "On the introduction of the system of privatization checks in the Russian Federation" // Collection of acts of the President and Government of the Russian Federation. 24.08.1992. N 8. Art. 501.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 16.11.1992 N 1391 "On the sale of privatization objects for privatization checks" // Collection of acts of the President and Government of the Russian Federation. 23.11.1992. N 21. Art. 1730.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 14.10.1992 N 1229 "On the development of the system of privatization checks in the Russian Federation" // Collection of acts of the President and Government of the Russian Federation. 19.10.1992. N 16. Art. 1236.
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 15.07.1992 No. 490 "On the Procedure for Introducing the System of Privatization Checks in the Russian Federation" // Collection of Acts of the President and the Government of the Russian Federation. 20.07.1992. No 3, art. 110.
5. Order of the State Property Committee of the Russian Federation dated 04.11.1992 No. 701-r "On Approval and Introduction into Action of the Regulations on the Sale of Shares in the Process of Privatization and the Regulations on Specialized Check Auctions" // "Russian News". 1992. N 91.
6. Ivanov A.M., et al. Features of the initial stage of mass privatization in the Smolensk region: dynamics and socio-economic consequences. 2025., vol.8. № 2. pp. 55–64.
7. Ivanov A.M., et al. Organizational stage of privatization in the Smolensk region (late 1991 – early 1992). 2022. № 11. Pp. 9–16.
8. Mikhailov A.Y. Privatization in Russia: Myths and Reality. 2011. № 6. P. 5–25.
9. Radygin A.D. Property Reform in Russia: on the Way from the Past to the Future. Moscow, Respublika Publ., 1994. 159 p. (In Russian)
10. Tyukavkin N.M. "Gosudarstvennaya" revolyutsiya i privatsiya v Rossii ["State" revolution and privatization in Russia]. 2008. N 3. Pp. 392–394.
11. Khakhulina L.A. Rezul'taty chekovoy privatizatsii: otsenki i mneniya naseleniya [Results of check privatization: assessments and opinions of the population]. 1994. № 6. P. 26–27.
12. Yakupova D.V. Provedenie chekovoy privatsii v Penza oblasti v 1992–1994 gg. [Conducting check privatization in the Penza region in 1992–1994]. Volga region. Humanities. 2015. № 2 (34). Pp. 54–62.

Исправительно-трудовая система в Алтайском крае (1960–1964) (историко-правовой аспект)

Малкова Юлия Александровна,

кандидат исторических наук, доцент, Сочинский
государственный университет
E-mail: malkov01@rambler.ru

Суверов Евгений Васильевич,

доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры
теории и истории права и государства Барнаульского
юридического института МВД России
E-mail: suverov69@mail.ru

Изучение развития советской исправительно-трудовой системы в отдельно взятом регионе, в определенные хронологические рамки, дает возможность воссоздать общую картину функционирования советского правоохранительного блока, с его положительными и отрицательными сторонами. В ходе исследования авторы использовали такие методы, как объективность, всесторонность, историзм, при этом применялся структурно-функциональный, системный подход и т.д. В рассматриваемый период, т.н. время «оттепели» происходила перестройка советского государственного аппарата, вносились определенные коррективы, смягчалась карательная политика, но задачи, которые ставились перед советской пенитенциарной системой оставались прежними: это перевоспитание осужденных с помощью трудовой деятельностью, изоляция преступников от советского общества. Однако на практике нередко продолжало главенствовать идея, о необходимости, прежде всего выполнения производственного плана, а воспитательные мероприятия невольно отходили на второй план, нередко носившие формальный характер. Для повышения производительности труда организовывались социалистические соревнования различного уровня. Производился строгий учет и контроль качества произведенной продукции. В Советском Союзе был ликвидирован ГУЛАГ и все исправительно-трудовые лагеря, базовым звеном во всей системе ИТУ стали исправительно-трудовые колонии и тюрьмы, сменившие вскоре свое название. Усиление общественного влияния на правоохранительный блок, привел к внедрению шефской помощи, как в отношении пенитенциарных учреждений, так и отдельных осужденных. Традиционно сложным оставался кадровый вопрос, связанный с тяжелыми условиями службы и недостаточным материальным вознаграждением. Политико-воспитательная работа базировалась на принципах марксизма – ленинизма, но с критическим отношением к «перегибам» «сталинской» эпохи, пропаганде «культ личности». Постепенно улучшалось медицинское обслуживание в местах лишения свободы, предпринимались меры по соблюдению режима содержания.

Ключевые слова: исправительно-трудовые учреждения, колонии, Алтайский край, трудовое использование, заключенные, политико-воспитательная работа, шефство, медицинское обслуживание.

Советская исправительно-трудовая система была окончательно сформирована в 30-е годы прошлого столетия и состояла из: тюрем, пересыльных пунктов, исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) и исправительно-трудовых колоний (ИТК). После смерти И.В. Сталина в 1953 г. приходит трансформация системы, начинается процесс умеренной либерализации общественных отношений, был ликвидирован ГУЛАГ (Главное управление лагерей) и система исправительно-трудовых лагерей, уходит в прошлое политика массовых репрессий. Коррекции подлежала и структура исправительно-трудовых учреждений (ИТУ), тюрьмы были переименованы в следственные изоляторы (1964 г.), исправительно-трудовые колонии стали именоваться – почтовым ящиком (п/я), смягчается режим содержания заключенных (з/к), численность осужденных по политическим статьям, в местах лишения свободы, значительно снижается.

Кадровый вопрос

Серьезный урон всей пенитенциарной системе окла- зали массовые увольнения и сокращения, под кото- рые попадали, прежде всего, сотрудники лояльные к старой «сталинской» власти, «замаранные» в про- ведении репрессий, превышением своего служеб- ного положения, не вызывавших доверия для новых руководителей советского государства.

В исправительно-трудовых учреждениях не хватало тысячи специалистов с высшим образова- нием, в том числе инженеров и врачей. Одной из главных причин такого положения стали тяже- лые условия службы и быта сотрудников пенитен- циарной системы, которые включали в себя: распо- ложение исправительно-трудовых колоний в боль- шой отдаленности от населенных пунктов; отсут- ствием школ для обучения детей в ряде лагерных подразделений; неудовлетворительном снабже- нии личного состава исправительно-трудовых уч- реждений продовольственными товарами; недо- статочным выделением государственных средств на жилищное строительство; несовершенной си- стемы оплаты труда; низкой заработной платы. От- рицательное влияние на работу колоний оказала и частая сменяемость руководящего состава ла- герных подразделений. [1, с. 166]

Политико-воспитательная работа

Политико-воспитательная работа среди спецкон- тингента в советский период занимала важное ме- сто и была подчинена основной задаче – перевос-

питанию заключенных на основе приобщения их к общественно полезному труду и возвращения их к честной трудовой жизни.

Для развития творческой самостоятельности заключенных, направленных на содействие администрации в проведении производственно-хозяйственных, политико-воспитательных и режимных мероприятий, из числа наиболее зарекомендовавших себя заключенных создавался совет актива с секциями: социалистического соревнования, санитарно-бытовой, культурно-массовой и спортивной работы, общественного питания и торговли. При совете актива действовал товарищеский суд. Каждая исправительно-трудовая колония должны были иметь оборудованные клубы, библиотеки, комнаты для проведения политпросветработы и учебы, спортивные площадки, а также необходимые культпросветимущество. В колониях разрешалось установка радиовещания. Среди осужденных проводились лекции, доклады и беседы на политические, естественно-научные, производственные и другие темы, организовывался выпуск многотиражных производственных бюллетеней и стенных газет. Культурно-массовая работа выражалась в функционировании библиотек, организации читательских конференций, работы кружков художественной самостоятельности, изобразительного искусства, радио и кинообслуживания, спортивной работы. [2, л. 305–327]

Политико-воспитательная работа проводилась и среди личного состава исправительно-трудовых учреждений также с политическим уклоном, проведением лекций, конспектирования трудов классиков марксизма-ленинизма. Спортивная подготовка при этом, играла большое значение, где у сотрудников воспитывались такие качества как целеустремленность, настойчивость, терпение, ответственность, лидерство и т.д. Соревнования по различным видам спорта проводились и среди осужденных.

Трудовая деятельность

Все объекты пенитенциарной системы являлись местами принудительного заключения. Основным положением советской пенитенциарной политики являлась идея исправления осужденного с помощью общественно полезного труда. Считалось, что регулярная трудовая деятельность может исправить лиц, вступивших на преступный путь, при этом создавая необходимые стране экономические объекты. [3, с. 32, 33]

В Алтайском крае продолжалась ощущаться нехватка рабочих рук, в свободной торговле отсутствовали в изобилии продуктовые и промышленные товары. В период холодной войны необходимо было поступательное развитие советской экономики, но для этого нужны были серьезные инвестиции. Бесплатный труд эзков отчасти решал эту проблему. Повысило эффективность исправительно-трудового процесса внедрение отрядной системы. [4, с. 87]

После ликвидации ИТЛ основным видом учреждений, реализующих лишение свободы, стали исправительно-трудовые колонии. В них довольно быстрыми темпами развивалось собственное производство, когда колонии самостоятельно осуществляли полный цикл выпуска продукции, то есть являлись хозяйствующими субъектами наравне с обычными заводами и фабриками. В производственных зонах исправительно-трудовых колоний возводились цехи, устанавливалось оборудование, и осуществлялся технологический процесс. Кроме того, применялась система прямых кооперированных связей, когда какое-либо гражданское предприятие за свой счет полностью оборудовало производство на территории колонии, снабжало его необходимыми материалами и сырьем, а колония лишь поставляла рабочую силу в лице осужденных. [5, с. 1179]

В целях обучения рабочим профессиям, требовавшимся народному хозяйству, профессионально-техническое обучение осужденных было нацелено на подготовку квалифицированных кадров для промышленности, сельского хозяйства, с обязательным воспитательным воздействием на заключенных, во время учебного процесса. Создание учебных заведений профессионально-технического образования было качественно новым этапом в развитии системы профессионально-технического образования осужденных. [6, с. 86, 87]

Заключенные трудились на предприятиях сахарной промышленности Алтайского края: Черемновским, Бийским, Алейским и Быстроистокским сахарных заводов. [7, с. 23] Так же они были задействованы в лесозаготовительной отрасли, сельском хозяйстве, легкой промышленности, строительстве.

В ИТК № 2 функционировало множество конвейерных линий (только к началу 1964 г. было смонтировано еще 10 единиц), где производились телогрейки, куртки ватные, брюки летние и др. продукция. [8, л. 76]

На основании приказа МВД РСФСР № 13 от 12 января 1961 г. были подведены результаты проведения общественного смотра организации труда и трудового воспитания заключенных в исправительно-трудовых учреждениях ГУМЗ МВД РСФСР, который проходил с 1 июля по 1 октября 1960 г.

Коллектив ОМЗ (отдел мест заключения) Алтайисполкома, выполняя постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР от 4 августа 1960 г., и решение коллегии МВД РСФСР от 19 августа 1960 г., добились лучших результатов в трудовом воспитании и обучении осужденных, увеличив трудовую занятость заключенных, проведя большую работу по развитию творческой инициативы з/к и внедрению рационалистических предложений и изобретений, улучшил организацию труда заключенных, развернул соревнование между отрядами и бригадами за звание коллективов высокопроизводительного труда и примерного поведения, значи-

тельно улучшил работу по профтехобучению и ликвидации малограмотности.

МВД РСФСР по итогам смотра выделило 250 рублей для премирования сотрудников ОМЗ и ИТК Алтайского края. Лучших результатов в работе во время проведения смотра добились п/я УБ –14/5 (начальник полковник Усенко, начальник ППЧ – капитан Сарычев, инженер по профтехобучению – старший лейтенант Марченко.

В этом подразделении план трудового использования заключенных был выполнен на 108,5%, заработок на один отработанный человеко-день на 125,8%.

Второе место в смотре заняло подразделение п/я УБ 14–6, которым план трудоиспользования заключенных выполнен на 106,2%, заработок на один отработанный человеко-день на 108,5%.

Третье место было присуждено подразделению п/я УБ 14/3, выполнившему план вывода заключенных на оплачиваемые работы на 105,1%, по заработку на один отработанный человеко-день на 106,2% и значительно улучшили работу по созданию собственной производственной базы и показатели по реализации и изобретательности.

По ОМЗ Алтайского края начальник ППО капитан А.Г. Лашнев был премирован 25 руб.; старший инструктор майор Н.Я. Оглоблин. – 20 руб.

По подразделениям п/я УБ-14/5 начальник подполковник И.Д. Усенко– 30 руб.;

заместитель начальника майор П.Я. Ишутин– 20 руб. и др. (Приказ начальника УВД исполнительного комитета Алтайского краевого совета депутатов трудящихся «О премировании работников ОМЗ УВД Алтайисполкома по итогам смотра организации труда и трудового воспитания заключенных в 1960 году» от 16 февраля 1961 г. № 63). [9, л. 98–100]

Шефство над исправительно-трудовыми учреждениями

В изучаемый период стало распространяться шефское движение по поддержке производства находившихся в местах лишения свободы Алтайского края. Партийная организация и руководство подразделения п/я УБ-14/2 обратилась в январе 1964 г. в барнаульский горком КПСС с просьбой о прикреплении промышленных предприятий и учреждений для шефской работы среди заключенных. Горком партии обязал партийные организации и руководителей меланжевого комбината, швейной фабрики № 7 и культурно-просветительной школы взять кураторство над осужденными.

Шефы 7-й швейной фабрики передали в производственную часть колонии 12-ти игловую машину для «стежа» ватных изделий, они же рекомендовали внедрить бригадный метод наладки швейных машин, как более прогрессивный. Также они передавали запасные части для швейных машин, сырье и вспомогательные материалы для основного производства, всего на сумму 2022 руб. 12 коп (на январь 1964 г.). Из меланжевого ком-

бината колонии было передано 245 куб.м. круглого леса и пиломатериалы, 250 кв. метров кровли, оконное стекло, 75 тыс. штук кирпича и других строительных материалов для ремонта жилья и коммунально-бытовых помещений.

По инициативе парторганизации были закреплены конкретные фабрики, производства и отделы над отрядами ИТК. Так, над отрядом № 3 шефствовал коллектив красило-отделочного производства, над отрядом № 5 – отдел главного механика, над отрядом № 7 – коллектив главного энергетика, над отрядом № 9 – жилищно-коммунальный отдел, коллектив швейной фабрики № 7 над отрядом № 2. На основании отчетов политико-воспитательная работа среди з/к при этом значительно улучшилась.

Начальники отрядов, планируя свою работу на месяц, предусматривали и работу шефов, которые проводили совместные мероприятия воспитательного характера. Так, 30 апреля 1963 г. в колонии состоялся слет передовиков производства по итогам I квартала. Где помимо администрации колонии приняли участие и шефы: секретарь парткома меланжевого комбината товарищ Скиба, руководитель бригады коммунистического труда меланжевого комбината товарищ Булаев, заместитель секретаря парторганизации ткацкой фабрики Барнаульского меланжевого комбината (БМК) товарищ Чесноков и др. На этом собрании был вручен переходящий вымпел передовому молодежному отряду, учрежденный комитетом комсомола предприятия краевой столицы. В ходе своих выступлений заключенные, говорили о своем желании порвать с преступным прошлым. Например, з/к С.С. Левицкая, в прошлом 5 раз судимая, допуская грубые нарушения режима, регулярно употреблявшая спиртные напитки, «чифирь», совершившая побег из мест лишения свободы, порвавшая все отношения со своими родственниками и детьми, заявила о своем стремлении к честной жизни.

В своем выступлении она заявила: «Женщины и девушки! Вы все знаете, какой я была год назад. Я нарушала режим, не хотела работать, скандалила со всеми, пила «чифир» и сквернословила. Все это делала под влиянием «воровок». Теперь впервые за 16 лет беспутной жизни поняла, что воровская жизнь увела меня с правильного пути, и я решила порвать навсегда с прошлым...». Партийная организация и администрация колонии большое значение придавали индивидуальному шефству, для этой цели было привлечено около 70 коммунистов, беспартийных, шефствующих организаций и членов Совета старейшин. В отряде № 2 работало 22 шефа, в отряде № 4–19 шефов, в отряде № 7–8 шефов, в отряде № 9–9 шефов. Широко было распространено индивидуальное шефство. Старейший член КПСС товарищ В.Н. Тихомирова осуществляла шефство над заключенной С.И. Подшиваловой (1940 г.р.), осужденной на 8 лет лишения свободы за совершенной хищение. Бывшая воспитательница детского

дома, по характеру замкнутая, склонная к обману, грубости и дерзости, она недобросовестно трудилась, нарушала режим содержания, отказывалась участвовать в общественной работе. В.Н. Тихомирова приложила множество сил в процессе воспитательной работы над осужденной, приносила ей книги для чтения из личной библиотеки, в том числе повесть Г. Медынского «Честь», в которой описывалось становление на правильный путь жизни правонарушителей. К знаменательным датам присылала ей поздравительные телеграммы и открытки, что «окрыляло» С.И. Подшивалову, которая постепенно стала менять свое поведение, стала более сдержанной к окружающим, улучшила свои производственные показатели. По ходатайству шефа В.Н. Тихомировой и администрации колонии, Президиумом Томского областного суда срок наказания Подшиваловой был уменьшен до 5 лет, а в сентябре 1963 г. она была освобождена из мест лишения свободы и с помощью своего шефа была трудоустроена на Барнаульский хлопчатобумажный комбинат и заселена в общежитие. [8, л.111–121]

Медицинское обслуживание

Основной структурной единицей в лечебном учреждении в данный период являлась медицинская часть. В 1960-х гг. происходит рост подразделений, обеспечивающих лечение больных, в том числе в межобластных исправительно-трудовых колониях (лечебных исправительных учреждениях), в которых размещались и трудоустраивались определённые категории осуждённых. Несмотря на общие успехи советской медицины по борьбе с таким опасным заболеванием, как туберкулез, для мест заключения эта проблема все еще стояла очень остро. [10, с. 132–138] (табл. 1).

Таблица 1. Штат лечебных учреждений медицинской службы Управления общественного порядка Алтайского (промышленного) крайисполкома. 1964 г. [11, л. 62–64]

Наименование аппаратов и должностей	Количество	Должностной оклад
Административно-управленческий персонал		
Начальник поликлиники	1	140 руб.
Начальник стационара	1	120 руб.
Начальник аптеки с высшим фармацевтическим образованием	1	95 руб.
Начальник аптеки со средним фармацевтическим образованием		93 руб.
Заведующий хозяйством	1	69 руб.
Старший бухгалтер	1	98 руб.
Счетовод-кассир	1	64 руб.
Секретарь-машинистка	1	64 руб.
Медперсонал		

Наименование аппаратов и должностей	Количество	Должностной оклад
Врач-эпидемиолог	1	110 руб.
Врач	14	105 руб.
Зубной техник	1	79 руб.
Лаборант	1	69 руб.
Рентгенотехник	1	66 руб. 55 коп.
Старшая медицинская сестра со средним медицинским образованием	2	69 руб.
Фельдшер со средним медицинским образованием	3	6 руб. 55 коп.
Фармацевт	1	79 руб.
Регистратор	1,5	50 руб.
Дезинфектор	1	55 руб.
Санитар	12	45 руб.
Обслуживающий персонал		
Кастелянша	1	55 руб.
Гардеробщица	1	41 руб.
Электромонтер	0,5	60 руб.
Кучер-конюх	1	50 руб.
Кочегар	4	50 руб.
Дворник-сторож	1	41 руб.
Сторож	1	41 руб.
Прачка	2	45 руб.
Повар	1	69 руб.
Помощник повара	1	60 руб.
Рабочий кухни	1	45 руб.

Должностные оклады шоферу санитарной машины (1 ед.) денежные оклады предусмотрены на основании временного тарифного перечня, утвержденного приказом МВД СССР от 28 января 1954 г. № 119. Медсестрам с незаконченным средним медицинским образованием должностной оклад устанавливался в размере 57 руб. 50 коп.

Режим содержания

Сотрудники пенитенциарных учреждений расположенных на территории Алтайского края поддерживали режим содержания, пресекая противоправные действия. С целью уклонения от отбытия срока наказания з/к содержащиеся в ИТК № 1 Полошнов и Снашков осужденные за тяжкие преступления, спрятались на территории объекта работ «Сажевый завод» 31 августа 1960 г. Благодаря правильной организации охраны объекта, беглецы не имели возможность покинуть территорию, где они скрывались, хорошо замаскировавшись. 4 сентября 1960 г. в 2 часа ночи, будучи в секрете, капитан С.М. Родионов и младший сержант М.П. Строжков обнаружили и задержали заключенных. За умелую организацию охраны «Саженого завода» и личную инициативу командир подразделения в/ч 6515 «е»

капитану С.М. Родионову была объявлена благодарность и выплачена премия в размере 200 руб., младшему сержанту М.П. Строжкову была объявлена благодарность (Приказ начальника УВД исполнительного комитета Алтайского краевого совета депутатов трудящихся полковника Белова «О поощрении командира подразделения в/части 6515 «е» капитана Родионова С.М. и инструктора СРС мл. сержанта Строжкова М.П.» от 26 сентября 1960 г. № 496.) [12, л. 73, 74].

В местах лишения свободы наблюдались факты нарушения режима содержания, связанные с неофициальной оплатой за выполненную работу заключенными, в частности в ИТК № 13. Летом 1962 г. бригадир бесконвойных заключенных Бондаренко, осужденного к 4 годам лишения свободы якобы для оформления стенгазет и другой наглядной агитации, было дано разрешение использовать свой личный фотоаппарат, который он использовал для снимков заключенных, с получением оплаты. В 1962–1963 гг. без ведома руководства ИТК, начальник отряда младший лейтенант Маленко, разрешил бригадир Бондаренко в составе строительной бригады выполнять различные хозяйственные и погрузочно-разгрузочные работы в Родинском совхозе и СУ-8 Алтайского края, заработанные средства получал лично или через Маленко. Имея наличные деньги (что было запрещено) Бондаренко нелегально приобретал спиртные напитки и часто появлялся «в зоне» в нетрезвом состоянии. Заключенные его бригады, имея приличный доход, приобретали без ограничений в магазине колонии продуктовые и промышленные товары. Однако администрация колонии не только не пресекала эти действия, но и в феврале 1963 г. младший лейтенант Меленко написал положительную характеристику в отношении Бондаренко с целью ходатайствования о его условно-досрочном освобождении [13, л. 181].

Специализированные учреждения

Дети, родившиеся в местах лишения свободы, направлялись в определенные помещения. На основании Приказа МВД СССР № 00610 с объявлением распоряжения Совета Министров СССР № 7688рс от 10 июля 1954 г. и одобренного этим распоряжением «Положения об исправительно-трудовых лагерях и колониях Министерства внутренних дел СССР» устанавливалось, что осужденным женщинам имевших детей в возрасте до 2-х лет, разрешалось помещать их в дома младенца при исправительно-трудовых колониях, где они содержались за счет государства. В этих специализированных учреждениях предполагалось введение улучшенных жилищно-бытовых условий для беременных женщин, кормящие матери должны были размещаться в подразделениях находившиеся в непосредственной близости от домов младенца. Дети старше 2-х лет подлежали передаче близким родственникам, в случае отсутствия таковых или отказе направля-

лись в детские учреждения министерств здравоохранения и просвещения [2, л. 319–327].

Во исполнении приказа МВД РСФСР № 0569–1961 года об открытии дома ребенка в УВД Алтайского крайисполкома начальнику ОМЗ УВД предписывалось подполковнику Березину не позднее 20 февраля 1962 г. открыть ранее законсервированный дом ребенка при исполнительно-трудовой колонии № 2, к этому времени изготовить детскую мебель. Начальнику ИТК № 2 Казаковцеву к 20 февраля 1962 г. приказывалось закончить ремонтно-отделочные работы, обеспечить его твердым и мягким инвентарем, подобрать из числа женщин-заключенных обслуживающий персонал (Распоряжение начальника УВД исполнительного комитета Алтайского краевого совета депутатов трудящихся полковника Белова «Об открытии дома ребенка в ИТК № 2» от 31 января 1962 г. № 8с.). [14, л. 12]

Недостатки

В местах лишения свободы региона наблюдались многочисленные недостатки: плохая воспитательная работа, носившая, как правило, формальный характер, некачественный кадровый подбор сотрудников, слабая техническая база, не всегда вовремя заменялось устаревшее оборудование и осуществлялись регламентные работы по техническому обеспечению, нарушение служебной дисциплины в отдаленных подразделениях выражалось в вопросах обращения с огнестрельным оружием, незаконном привлечении з/к к трудовой деятельности с целью получения личной выгоды и т.д., низкой производительности труда спецконтингента и невыполнение производственного плана, существовали многочисленные нарушения финансовой дисциплины, приписки и хищения, злостное нарушение режима содержания. [15, с. 211].

Халатное отношение к своим служебным обязанностям, связь с преступным элементом надзирательского состава наносило существенный урон деятельности всей исправительно-трудовой системе. В августе 1960 г. за обвинения в изнасиловании несовершеннолетней «М» прокуратурой Центрального района города Барнаула гражданин «Б», был направлен в следственный изолятор краевой столицы. Камеру, где содержался арестованный, несколько дней охранял надзиратель Вялов, к которому обвиняемый вошел в доверие. Будучи осведомлен о причинах его ареста, сотрудник исправительно-трудового учреждения приходил домой к его жене, которая еще и была одновременно и матерью потерпевшей девочке. На следующий день он вновь побывал там, проявив интерес к показаниям потерпевшей, а в разговоре пытался узнать, не получал ли кто ее давать показания против гражданина «Б», тем самым допустил грубое нарушение приказа МВД СССР № 0310–1957 г., выразившееся в попытке вступления в связь с женой арестованного «Б». После проведения проверки сержант Вялов был уволен со службы (При-

каз начальника УВД исполнительного комитета Алтайского краевого совета депутатов трудящихся «Об увольнении из органов УВД надзирателя тюрьмы № 1 сержанта Вялова Г.В.» от 24 декабря 1960 г. № 689). [16, л. 90]

Эффективной мерой противодействия проявлениям теневой экономики в местах лишения свободы оставалось проведение разнообразных проверок финансовой деятельности ИТУ. Постепенно увеличивалась и численность проверяющих, что сказалось на качестве проверок. [17, с. 111]

Все выявленные ревизорами недостатки нанесли весомый ущерб государственному бюджету, таким образом, подрывая внутреннюю безопасность страны. [18, с. 127–131].

Проведенным служебным расследованием было установлено, что в бывшем подразделении п/я УБ-14/8 было допущено недостача 4-х тонн картофеля, порча 7,3 тонны свежей капусты на сумму 8160 руб. и незаконное приобретение проездных автобусных билетов за счет средств подразделения на 1687 руб. 50 коп., которые были розданы сотрудникам. Убытки, нанесенные государству стали возможны вследствие халатного выполнения своих служебных обязанностей одного из сотрудников исправительно-трудового учреждения товарища В.П. Пономарева, который не контролировал процесс завоза овощей в подразделение, а занимался злоупотреблением спиртных напитков.

Начальник УБ-14/8 старший лейтенант М.Е. Селищев, его заместитель капитан Гусев (уже ушедший на пенсию) имея выделенные финансовые средства, не обеспечили строительство «квашпункта» в нужном объеме, в результате чего квашеной капусты в полном мере заготовлено не было, из которой 7,3 тонны сгнило от неправильного хранения.

В нарушение действующего законодательства о порядке пользования городским транспортом начальник подразделения М.Е. Селищев и старший бухгалтер М.Г. Супрун незаконно приобрели проездные билеты, которые были переданы сотрудникам подразделения, а главный бухгалтер данного подразделения лейтенант Московский не взыскал с них суммы за билеты в размере 1687 руб. 50 коп.

В качестве возмещения полученного государством ущерба с М.Е. Селищева и Н.Г. Московского была удержана сумма в размере месячного заработка. Со старшего бухгалтера М.Г. Супруна была взыскана стоимость полученного им без оплаты проездного автобусного билета в сумме 337 руб. 50 коп. С В.П. Пономарева в качестве возмещения, взыскано 1/3 месячного заработка, а также 337 руб. 50 коп. за проездные билеты (Приказ заместителя начальника УВД исполнительного комитета Алтайского краевого совета депутатов трудящихся полковника Белова «О наложении взысканий на должностных лиц бывшего п/я УБ –14/8 ОМЗ УВД» от 24 июня 1960 г.). [19, л. 3,4]

Таким образом, исправительно-трудовая система в Алтайском крае (1960–1964) не смотря на определенную коррекцию, связанную со сменой политического руководства страны, продол-

жала оставаться важным элементом в советской экономике, при этом процесс перевоспитания осужденных был связан с обязательной трудовой деятельностью, проведением различных мероприятий воспитательного характера с активным привлечением общественности. Из положительных изменений можно выделить смягчение репрессивной политике советского государства и улучшении медицинского обслуживания. Но многолетние проблемы, существовавшие в исправительно-трудовой системе, так и не были разрешены.

Литература

1. Синельникова Т.В. Реализация пенитенциарной политики в отношении кадрового состава мест лишения свободы (1950–1970 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–2 (44). С. 166–168.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 1361.
3. Иваненко А.В., Малкова Ю.А. Историко-правовой анализ формирования советской пенитенциарной системы (1937–1941 гг.) // Эпомен. 2019. № 31. С. 30–39.
4. Мануйлов Е.В. Использование труда заключенных в экономике Алтайского края (1953–1965 гг.) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета № 2 (47) 2021 г.с. 86–90.
5. Упоров И.В. Развитие производственной базы исправительно-трудовых учреждений советского государства в 1960–1970-е годы // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 1177–1184.
6. Столярова Н.В., Синельникова Т.В. Фундаментальные цели организации труда осужденных к лишению свободы в 1950–1960-х годах // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 3 (54). С. 83–88.
7. Фарков А.Г. Проблемы и приоритеты развития сахарной промышленности в Западной Сибири // Вектор экономики. 2019. № 10 (40). С. 23.
8. Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф.4. Оп. 1. Д. 174.
9. Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф.4. Оп. 1. Д. 141.
10. Ющенко Д.Ю. Особенности развития медико-бытового обеспечения советских осужденных в местах лишения свободы в 1956–1991 годах // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 132–138.
11. Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф.4. Оп. 1. Д. 175.
12. Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф.4. Оп. 1. Д. 135.
13. Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф.4. Оп. 1. Д. 165.
14. Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф.4. Оп. 1. Д. 157.

15. Суверов Е.В. Недостатки по соблюдению в местах лишения свободы (Горного Алтая в 50–60-е гг. XX в.) // Международная научно-практическая конференция Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул 7–8 февраля 2023. № 23–2. с. 210–212.
16. Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф.4. Оп. 1. Д. 136.
17. Трухин М.А. Противодействие теневым экономическим отношениям сотрудниками правоохранительных органов в местах лишения свободы: на примере Западной Сибири в 30–50-е гг. XX в. Монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2024. 143 с.
18. Трухин М.А. Документальная ревизия как одна из форм контроля финансовой деятельности правоохранительных органов в Западной Сибири в 50-е годы XX века // Клио. 2023. № 12 (204) С. 127–131.
19. Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф.4. Оп. 1. Д. 134.

CORRECTIONAL LABOR SYSTEM IN THE ALTAI REGION (1960–1964) (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

Malkova Yu.A., Suverov E.V.

Sochi State University, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The study of the development of the Soviet correctional labor system in a single region, within a certain chronological framework, makes it possible to recreate the overall picture of the functioning of the Soviet law enforcement block, with its positive and negative sides. In the course of the study, the authors used such methods as objectivity, comprehensiveness, historicism, while applying a structural-functional, systemic approach, etc. During the period under review, the so-called “thaw”, the Soviet state apparatus was restructured, certain adjustments were made, punitive policy was softened, but the tasks that were set for the Soviet penitentiary system remained the same: this is the re-education of convicts through labor activity, the isolation of criminals from Soviet society. However, in practice, the idea of the need, first of all, to fulfill the production plan continued to dominate, and educational activities involuntarily faded into the background, often having a formal nature. To increase labor productivity, socialist competitions of various levels were organized. Strict accounting and quality control of manufactured products were carried out. In the Soviet Union, the GULAG and all correctional labor camps were liquidated, and correctional labor colonies and prisons, which soon changed their names, became the basic link in the entire system of correctional labor camps. Strengthening public influence on the law enforcement block led to the introduction of patronage assistance, both in relation to penitentiary institutions and individual convicts. The personnel issue remained traditionally difficult, due to difficult service conditions and insufficient material compensation. Political and educational work was based on the principles of Marxism-Leninism, but with a critical attitude to the “excesses” of the “Stalin” era, the propaganda of the “personality cult”. Medical care in places of deprivation of liberty gradually improved, measures were taken to comply with the detention regime.

Keywords: Correctional labor institutions, colonies, Altai Krai, labor use, prisoners, political and educational work, patronage, medical care.

References

1. Sinelnikova T.V. Implementation of penitentiary policy in relation to the personnel of places of deprivation of liberty (1950–1970) // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2014. No. 6–2 (44). P. 166–168.
2. State Archives of the Russian Federation (GARF). F. P-9401. Op. 1. D. 1361.
3. Ivanenko A.V., Malkova Yu.A. Historical and legal analysis of the formation of the Soviet penitentiary system (1937–1941) // Epomen. 2019. No. 31. P. 30–39.
4. Manuilov E.V. Use of prison labor in the economy of the Altai Territory (1953–1965) // Bulletin of the Altai State Pedagogical University No. 2 (47) 2021 p. 86–90.
5. Uporov I.V. Development of the production base of correctional labor institutions of the Soviet state in the 1960–1970s // Innovations. Science. Education. 2021. No. 35. P. 1177–1184.
6. Stolyarova N.V., Sinelnikova T.V. Fundamental goals of the organization of labor of persons sentenced to imprisonment in the 1950–1960s // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2016. No. 3 (54). P. 83–88.
7. Farkov A.G. Problems and priorities for the development of the sugar industry in Western Siberia // Vector of Economics. 2019. No. 10 (40). P. 23.
8. Archive of the IC of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. F.4. Op. 1. D. 174.
9. Archive of the IC of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. F.4. Op. 1. D. 141.
10. Yushchenko D. Yu. Features of the development of medical and everyday support for Soviet convicts in places of deprivation of liberty in 1956–1991 // Humanitarian and legal studies. 2018. No. 4. P. 132–138.
11. Archive of the IC of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. F.4. Op. 1. D. 175.
12. Archive of the IC of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. F.4. Op. 1. D. 135.
13. Archive of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. F.4. Op. 1. D. 165.
14. Archive of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. F.4. Op. 1. D. 157.
15. Suverov E.V. Deficiencies in Compliance in Places of Deprivation of Liberty (Gorny Altai in the 50–60s of the XX century) // International Scientific and Practical Conference Actual Problems of Combating Crimes and Other Offenses. Barnaul, February 7–8, 2023. No. 23–2. pp. 210–212.
16. Archive of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. F.4. Op. 1. D. 136.
17. Trukhin M.A. Counteracting shadow economic relations by law enforcement officers in places of deprivation of liberty: on the example of Western Siberia in the 1930s–50s. Monograph. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, 2024. 143 p.
18. Trukhin M.A. Documentary audit as one of the forms of control over the financial activities of law enforcement agencies in Western Siberia in the 1950s // Clio. 2023. No. 12 (204) pp. 127–131.
19. Archive of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. F.4. Op. 1. D. 134.

Правовые и организационные основы исторической политики в пореформенной России

Манаева Елена Константиновна,

адъюнкт, кафедра государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России
E-mail: manaeva_elena97@mail.ru

В статье исследуются некоторые особенности проводимой Российским государством исторической политики в период реформ 1860–1870-х годов и «контрреформ» 1880–1890-х годов XIX века и её организационно-правовое регулирование. В пореформенной России важным элементом идеологической, культурной, внутренней и внешней политики стало обращение к отечественной истории. Государством активно поддерживалось проведение исторических (в том числе и археологических) исследований, стремясь утвердить суверенитет Российской империи и подчеркнуть её значимость на мировой арене. В этом контексте активно реализовывались меры цензуры, направленные на защиту интересов страны, правящей династии, борьбу с искажениями исторических фактов, а также против предвзятого и негативного освещения истории русского народа и государства. Отмечается повышенный интерес общества к истории и реформа в сфере образования Александра II, открывшая доступ к знаниям для разных слоёв населения. Рассматривается роль Археологической комиссии созданной в 1859 году в сохранении культурного наследия и укреплении исторической идентичности.

Ключевые слова: цензура, Российская империя, абсолютная монархия, историческое образование, фальсификация истории, историческая политика.

Смерть императора Николая I в 1855 году, изменение созданного им политического режима переменили внутриполитическую ситуацию в стране. Начинается процесс подготовки реформ, включающий в себя более открытое, свободное обсуждение не только настоящего и будущего, но и прошлого России [1, с. 60–68].

Реформы 1860-х годов XIX века проводимые в Российском государстве подразумевали под собой создание местных органов самоуправления, отмену крепостного права и учреждение независимого суда, что способствовало зарождению буржуазных отношений, которые вступали в противоречие с сословной системой и абсолютной монархией. Вопросы о возможных изменениях в форме правления, необходимости введения конституции и парламента, а также о гарантиях политических прав и свобод становились все более актуальными для различных социальных групп, включая монархистов, либералов и демократов.

В условиях абсолютной монархии партии были лишены легального статуса и не могли открыто дискутировать о путях изменения государственного устройства. Поэтому взгляды на текущее состояние и будущее страны зачастую обретали историческую глубину, обращаясь как к мировой, так и к отечественной истории. Размышляя о значимых исторических событиях, а также о деятельности влиятельных исторических личностей, зачастую проводились через аналогии с современной российской реальностью.

Это выражало растущий интерес российского общества к истории, который не удовлетворялся официальными учебниками и программами образования.

В следствии чего, образование стало важным элементом реформаторских процессов. В 1863 году была проведена реформа, которая поставила образовательные учреждения на новые рельсы, сделав их доступными для более широких слоёв населения. Образование стало важным инструментом, основой для формирования национального самосознания и социальной мобильности.

В июне 1863 года был принят новый *Университетский устав* – самый либеральный из всех, которые принимались в дореволюционной России [2, с. 330–336]. Появление новых начальных школ, включая земские и приходские школы, расширило доступ к образованию для крестьян и низших слоёв населения страны. В систему образования были включены гимназии и уездные училища, которые стали готовить учеников для поступления в университеты.

Университеты стали менее зависимыми от государственных указов в вопросах управления, что способствовало свободе исследований и обсуждению научных задач. Это также расширило горизонты академической свободы и побудило к развитию научной мысли.

Постепенно чиновники, интеллигенция и общественные деятели начали переосмысливать роль истории и культурного наследия, что открыло дорогу к возникновению первых научных подходов к изучению истории как инструмента государственной политики. Складываются новые идеи, философские и литературные традиции, которые меняли взгляды людей на культуру и общество [3, с. 655–673].

Писатели, такие как Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой, поднимали актуальные социальные вопросы, постепенно вскрывая политическую действительность. Так, Ф.М. Достоевский в этот период сосредоточился на жизни русского города, исследуя переживания и психологические аспекты самых различных слоёв населения, складывающегося в разрушении старинных патриархальных укладов и росте капитализма в России. В то же время Л.Н. Толстой в своих произведениях отражал процесс ломки традиционной патриархально-крепостной России, акцентируя внимание на изменениях в судьбах помещиков и крестьян, ставших следствием этих перемен.

Во второй половине XIX века в Российской империи заметно активизировалось проведение археологических исследований, в связи с чем, появилась потребность в установлении государственного контроля над этими процессами. Археологические работы, особенно активно проводившиеся на южных просторах страны, не только обеспечивали учёных ценными материалами для изучения истории, но и приносили удивительные артефакты, которые стали свидетельствами древних времён.

Указом от 2 февраля 1859 года была учреждена *Императорская Археологическая комиссия*, которая стала значимым научным органом, ответственным за сохранение исторических памятников [4, с. 70–72]. Императорская Археологическая комиссия находилась в подчинении Министерства императорского двора и ставила перед собой амбициозные задачи, включая проведение раскопок в местах древних поселений и курганов, а также в предполагаемых местах их расположения; централизованный сбор археологических находок и их последующее научное изучение; сбор данных о всех памятниках, которые существовали на территории государства.

Деятельность Археологической комиссии получала всестороннюю поддержку от государственных структур, в первую очередь от Министерства внутренних дел, которое своими постановлениями способствовало укреплению её позиций и облегчало выполнение возложенных на неё задач.

По инициативе Министерства внутренних дел в 1866 году был направлен циркуляр во все губернии, который запрещал частным лицам зани-

маться кладоискательством. Это способствовало более централизованному сбору археологических ценностей в руках Императорской комиссии. Тем не менее, местные власти продолжали проявлять безразличие к вопросам науки и охраны памятников. В связи с этим, в 1882, 1884, 1886 и 1894 годах МВД снова отправляло циркуляры полицейским департаментам с требованием направлять все археологические находки в Императорскую комиссию [5, с. 38].

Императорская Археологическая комиссия сыграла значимую роль в формировании археологической науки и исторической политики Российской империи. Её деятельность не только способствовала научному познанию, но и обеспечивала сохранность культурных ценностей, что в свою очередь укрепляло историческую идентичность страны.

Журнал «Записки Императорской Академии Наук», выходивший с 1862 года в Санкт-Петербурге, стал важным вкладом в научное и культурное развитие Российской империи [6, с. 425–426]. Выпущенный в 75 томах с нерегулярной периодичностью – от 3 до 6 томов в год, этот журнал стал значимой платформой для публикации научных исследований и отчетов, что в свою очередь сыграло важную роль в формировании исторической политики государства.

Усугубление внутриполитической обстановки в стране в момент отмены крепостного права – студенческие протесты, разрушительные пожары в столице и массовое распространение радикально революционных листовок – вынудили правительство временно приостановить выпуск ряда журналов, арестовать подозреваемых в революционной пропаганде и учредить в Третьем отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии специальную комиссию для розыска лиц и организаций, занимающихся распространением революционных прокламаций [1, с. 60–68].

В этих обстоятельствах представители власти, включая самого Александра II, уделяли особое внимание празднованию тысячелетия Российского государства, намеченному на осень 1862 года. Этот юбилей должен был стать символом единства правящей династии и всех слоёв российского общества [7, с. 443–445].

В 1857 году вышло *постановление о создании памятника «Тысячелетие России»*, целью которого было объединение различных слоёв общества и отражение тысячелетней истории страны.

Официальная концепция памятника основывалась на идеях, изложенных Н.М. Карамзиным, согласно которым история России воспринимается в первую очередь как история государства, и именно его руководители представляют эту историю. Важным моментом стал отбор персоналий, где участие историков контролировалось императором Александром II, который включал и исключал имена по-своему усмотрению.

Возведение памятника «Тысячелетие России» выиграло важную роль в историческом просвещении широкой аудитории. Среди 109 изображенных

на нём персонажей значительная часть была неизвестна простому народу, что привело к организации массового выпуска популярных брошюр, рассказывающих о героях русской истории [1, с. 60–68].

Образовательная реформа 1863 года открыла новые горизонты для исторической науки в Российской империи. Она способствовала созданию условий обновления учебных программ и распространения новых научных методов. Это привело к профессионализации исторической науки, увеличению научной активности и росту интереса к изучению истории.

Уставом Александра II от 1863 года на базе *Казанского и Московского университетов*, были учреждены четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский.

По инициативе и с поддержкой Московского университета вторая половина XIX – начало XX века ознаменовались созданием нескольких знаменитых московских музеев, среди которых *Политехнический, Исторический, Зоологический, Музей антропологии и изящных искусств* (ныне известный как Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина). Также в этот период были основаны Ботанический сад и Зоологический сад (Московский зоопарк).

Московский университет стал «домом» для многих выдающихся русских мыслителей конца XIX – начала XX века, среди которых стоит отметить: В.С. Соловьёва, В.В. Розанова, Е.Н. и С.Н. Трубецких, С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского. Как студенты, так и профессора активно откликались на насущные проблемы российской реальности. В стенах университета обучались и преподавали влиятельные деятели ведущих политических партий России.

Императорский Санкт-Петербургский археологический институт, основанный в 1877 году по инициативе Н.В. Калачова, стал одним из первых специализированных учреждений в Российской империи для подготовки археологов и архивистов [8]. Он стал важным элементом системы образования и научных исследований в области истории и археологии, активно влияя на историческую политику Российской империи.

Подготовка специалистов давала возможность развивать и укреплять исторические исследования, а также способствовала сохранению культурной и исторической памяти.

С 1878 года институт начал издавать научные сборники и журналы, такие как «*Сборник Археологического института*» и «*Вестник археологии и истории*» [9]. Эти публикации стали важными источниками для исследователей, которые популяризировали археологические и исторические знания, что способствовало формированию общественного интереса к российской истории и археологии.

Императорское Русское историческое общество (РИО), основанное в Санкт-Петербурге по Именно-

му Указу от 23 мая 1866 года [10, с. 587–588], стало одним из ключевых институтов, влияющих на развитие исторической науки и формирование исторической политики Российской империи в пореформенной России. В условиях социальной и политической трансформации после реформ Александра II, это общество не только дало мощный импульс для научных исследований, но и послужило посредником между государственной властью и обществом, способствуя формированию новой исторической идентичности. Устав Русского исторического общества был принят чуть позже, в 1873 году.

Манифест императора Александра II от 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права вызвал активизацию общественных дискуссий о месте Российской империи в мировой истории и её будущем. Перед обществом были поставлены две основные цели: сбор и систематизация архивных материалов, это включало легитимацию и сохранение исторической памяти о прошлом, а также поддержка исторических исследований, так как общество предоставляло финансирование для научных исследований и публикаций [11].

В состав РИО входили выдающиеся деятели российской исторической науки последней трети XIX – начала XX века. Среди них: К.Н. Бестужев-Рюмин, С.М. Соловьёв, Н.И. Костомаров, И.Е. Забелин, Н.М. Павлов, Н.Ф. Дубровин, Н.К. Шильдер, В.О. Ключевский, В.С. Иконников, А.Н. Пыпин, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, М.М. Богословский, Н.П. Лихачев, А.Н. Филиппов и Н.Д. Чечулин [11].

Общество активно подчеркивало величие и достижения русского народа, что способствовало формированию общественного патриотизма. Распространение героических нарративов о важных исторических событиях и фигурах служило средством легитимации правящей элиты. При этом, несмотря на цензурные ограничения, некоторые исследования служили катализатором для раскрытия социальной несправедливости и усиления критического мышления в обществе. Российское историческое общество стало центром исторической науки и важным игроком в исторической политике Российской империи в пореформенный период.

Общество любителей древней письменности (ОЛДП), основанное в 1877 году, акцентировало своё внимание на сохранении и популяризации русской литературной и культурной наследственности [12, с. 763–775]. Поддержанное знаковыми личностями, такими как князь П.П. Вяземский и граф С.Д. Шереметев, ОЛДП стало центром исследований и издания древних рукописей, имеющих большое значение как для научного сообщества, так и для широкой публики. Основная цель Общества заключалась в издании и сохранении славяно-русских рукописей, что способствовало предотвращению утраты ценных текстов. Этот процесс способствовал не только охране исторического наследия, но и его доступности для будущих поколений.

ОЛДП издавало уникальные библиографические материалы, что сделало доступным для изучения редкие тексты, такие как «Изборник Святослава» и «Житие Николая Чудотворца». Эти публикации стали важными источниками для изучения истории и культуры России.

С середины XIX века в Российской империи были основаны многочисленные музеи, такие как *Тверской историко-археологический музей* (1866 года), *Омский исторический музей* (1878 года), *Тамбовский исторический музей* (1879 года) и *Смоленский историко-археологический музей* (1888 года). Эти учреждения стали культурными центрами провинции, активно способствуя изучению и сохранению местной истории.

Государственный исторический музей, созданный в 1872 году, оказал значительное влияние на историческую политику Российской империи. От идеи, возникшей в кругу интеллигенции, до реализации масштабного проекта, он стал символом национальной культуры и подлинной исторической памяти. Музей не просто собрал материальное наследие, но и активно формировал общественные представления о прошлом страны, укрепляя патриотизм и уважение к российской истории и культуре.

Увеличение числа музеев и их разнообразие в пореформенной России свидетельствует о прогрессивных изменениях в обществе, направленных на сохранение культурного наследия и развитие просветительства. Музеи становились не только хранилищами исторических объектов, но и активными центрами общественной жизни, способствующими формированию национальной идентичности и культурных ценностей.

Начало пореформенного периода в России стало временем активного поиска и осмысления идентичности русского народа. В это время ряд историков стал популяризировать идеи о народности, патриотизме и социальном неравенстве, что в целом способствовало формированию новой исторической сознательности.

Такие историки, как В.О. Ключевский и Н.И. Костомаров, стали представителями буржуазной историографии. Они подходили к анализу истории России с позитивистских позиций, что позволило им расширить круг изучаемых вопросов, рассматривая не только политические события, но и повседневную жизнь народа.

Важным явлением этого периода стало появление государственной или юридической школы, к числу выдающихся представителей которой относились: Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, В.И. Сергеевич и А.Д. Грановский. Указанные представители сосредоточились на исследовании истории государственных учреждений и законодательства, рассматривая все проблемы русской истории сквозь правовую призму. Они идеализировали роль самодержавного государства, считая его ключевой движущей силой исторического процесса.

Во второй половине XIX века активно выходили исторические журналы, публиковавшие архивные

материалы, такие как «*Русский архив*» (1863 года) и «*Русская старина*» (1870 года) [13]. Существовали также другие издания, исследующие историю различных регионов России. Эти журналы стали инструментом для распространения знаний и обсуждения актуальных вопросов исторической науки.

Указ о цензуре 1865 года оказал значительное воздействие на историков и историческую науку в России, предоставив новые возможности для свободного обсуждения исторических вопросов и публикаций научных работ [14]. Однако, несмотря на положительные моменты, ограничительные меры и политическое давление продолжали существовать, создавая сложный контекст для развития исторической науки. Этот период стал не только временем открытий и новых подходов, но и напряженности, связанной с контролем над интеллектуальной деятельностью. В результате, указ способствовал как расширению горизонтов, так и возникновению новых вызовов, которые историки должны были преодолеть в своей работе.

Организационное и правовое регулирование исторической политики Российской империи в рассматриваемый период демонстрирует сложную динамику между стремлением к научной свободе и необходимостью политического контроля. Несмотря на определенные достижения в области исторических исследований и охраны культурного наследия, сохранившиеся механизмы ограничения и цензуры влияли на развитие исторической науки. Данный период был временем неоднозначных изменений, в которых сочетались как потенциалы для прогресса общественной мысли, так и риски для научной независимости.

Литература

1. Борисов А.В., Поликарпов И.А. Историческая политика государства и общество в период подготовки и начала проведения Великих реформ 60-х гг. XIX в. // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67).
2. Георгиев В.А., Ерофеев Н.Д., Киняпина Н.С. [и др.] История России XIX – начала XX в.: учеб. / отв. ред. Федоров В.А. – 3-е издание – М.: Проспект, 2004. – 844 с.
3. Милов Л.В. История России XVIII–XIX веков: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030401 «История» / МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва: Эксмо, 2010. – 782с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. 1861. Т. 34.
5. Кулемзин А.М. История охраны памятников в РСФСР. Красноярск, 1992. – 106 с.
6. Дементьев А.Г., Западов А.В., Черепанов М.С. Записки императорской Академии наук // Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник / – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – 837 с.

7. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование / [сочинение] С.С. Татищева. 2-е издание. – Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1903. – 752 с.
8. Петербургский археологический институт [Электронный ресурс] // URL: Петербургский археологический институт • Большая российская энциклопедия – электронная версия (Дата обращения: 29.03.2025).
9. Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России: [Учебное пособие для вузов по спец. «Историко-архивоведение»] / В.Н. Самошенко. – Москва: Высш.шк., 1989. – 214 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр.2-е. 1868. Т. 41.
11. Русской исторической общество (Петроград) Императорское Русское Историческое Общество. 1866–1916. Пг.: Экспед. Загот. Госуд. Бумаг, 1916. – 193 с.
12. Апраксин П.Г. К 25-летию Общества Любителей древней письменности // Русский вестник. – СПб., 1903. – Т. 284.
13. Семевский М.И. при участии Семевского В.И., Шильдер Н.К., Дубровин Н.Ф., Зыков С.П., Воронов П.Н. Русская старина: Ежемесячное историческое издание: в 175 т. – Репринтное издание 1870–1918 гг. – СПб.: Альфарет, 2007–2009.
14. Именной Указ, данный Сенату – О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати от 06 апреля 1865 года [Электронный ресурс] // URL: Временные правила о цензуре и печати, 1865 г. | Россия: Библиотека Пашкова (Дата обращения: 29.03.2025).

LEGAL AND ORGANIZATIONAL FOUNDATIONS OF HISTORICAL POLICY IN POST-REFORM RUSSIA

Manaeva E.K.,

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines some features of the historical policy pursued by the Russian state during the reforms of the 1860–1870s and the “counter-reforms” of the 1880–1890s of the 1890s and its organizational and legal regulation. In post-reform Russia, an important element of ideological, cultural, domestic and foreign policy was an appeal to national history. The state actively supported historical (including archaeological) research, seeking to assert the sovereignty of the Russian Empire and emphasize its importance on the world stage. In this context, censorship measures were actively implemented aimed at protecting the interests of the country, the ruling

dynasty, combating distortions of historical facts, as well as biased and negative coverage of the history of the Russian people and state. The article notes the increased interest of society in history and the reform in the field of education of Alexander II, which opened access to knowledge for different segments of the population. The role of the Archaeological Commission created in 1859 in preserving cultural heritage and strengthening historical identity is considered.

Keywords: censorship, Russian Empire, absolute monarchy, historical education, falsification of history, historical policy.

References

1. Borisov A.V., Polikarpov I.A. Historical policy of the state and society in the period of preparation and the beginning of the Great reforms of the 60s of the XIX century // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (67).
2. Georgiev V.A., Yerofeev N.D., Kinyapina N.S. [et al.] History of Russia of the XIX – early XX century: textbook. / ed. Fedorov V.A. – 3rd edition – Moscow: Prospekt, 2004. – 844 p.
3. Milov L.V. History of Russia of the XVIII–XIX centuries: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty 030401 “History” / Lomonosov Moscow State University. Moscow: Eksmo, 2010. 782s.
4. The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collected 2nd edition, 1861, vol. 34.
5. Kulemzin A.M. History of monument protection in the RSFSR. Krasnoyarsk, 1992. 106 p.
6. Dementyev A.G., Zapadov A.V., Cherepakhov M.S. Notes of the Imperial Academy of Sciences // Russian Periodical Press (1702–1894): Handbook / – Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1959. – 837 p.
7. Tatishchev S.S. Emperor Alexander II. His life and reign / [essay] by S.S. Tatishchev. 2nd edition. – St. Petersburg: A.S. Suvorin, 1903. – 752 p.
8. St. Petersburg Archaeological Institute [Electronic resource] // URL: St. Petersburg Archaeological Institute • The Great Russian Encyclopedia – electronic version (Accessed: 03/29/2025).
9. Samoshenko V.N. The history of archival work in pre-revolutionary Russia: [Textbook for universities on spec. “Historical and archival studies”] / V.N. Samoshenko. Moscow: Higher School of Economics, 1989, 214 p.
10. The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collected 2nd edition, 1868, vol. 41.
11. Russian Historical Society (Petrograd) Imperial Russian Historical Society. 1866–1916. Pg.: Exped. Got it. The state. Papers, 1916. – 193 p.
12. Apraksin P.G. On the 25th anniversary of the Society of Lovers of Ancient Writing // Russian Bulletin. – St. Petersburg, 1903. – Vol. 284.
13. Semevsky M.I. with the participation of Semevsky V.I., Shilder N.K., Dubrovin N.F., Zykov S.P., Voronov P.N. Russian Antiquity: A monthly historical publication: 175 vol. – Reprint edition of 1870–1918. – St. Petersburg: Alfaret, 2007–2009.
14. Nominal Decree given to the Senate – On granting some relief and convenience to the national press dated April 06, 1865 [Electronic resource] // URL: Temporary Rules on Censorship and the Press, 1865 | Russia: Pashkov Library (Accessed: 03/29/2025).

Парфёнова Оксана Владимировна,

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России
E-mail: ov.parfenova@mail.ru

В статье рассматривается процесс формирования и развития политических органов в системе МВД СССР. Особое внимание уделено их роли в воспитании личного состава органов внутренних дел. Делается вывод, что в советский период существовала система воспитательной работы, опыт которой представляет научный и практический интерес для воспитания сотрудников органов внутренних дел современной России. Автор акцентирует внимание на том, что воспитательная работа осуществлялась во взаимосвязи с этапами развития Советского государства.

Ключевые слова: Советское государство, органы внутренних дел, органы партийно-политического воспитания, идейно-воспитательная работа, социалистическая идеология.

В Советском государстве органы внутренних дел являлись важным звеном государственного механизма. Успех в их деятельности во многом зависел от идеологического воспитания сотрудников. Ввиду этого пристальное внимание уделялось совершенствованию идейно-воспитательной и партийно-политической работы с сотрудниками органов внутренних дел, которую проводили органы партийно-политического воспитания, создаваемые в системе МВД.

Важность хорошо организованной политической работы была обоснована В.И. Лениным, писавшим: «... Где наиболее заботливо проводится политработа... там больше побед» [1]. Это положение В.И. Ленин внедрял в советском государстве. Так, еще в феврале 1920 г. ЦК РКП (б) направил всем местным комитетам партии циркулярное письмо «О создании действительно коммунистической милиции», в котором указывалось, что «необходимо рекомендовать на посты начальников милиции надежных коммунистов и неустанно вести партийную и просветительную работу среди милиционеров» [2].

Для того, чтобы укрепить контроль со стороны государства за деятельностью милиции 25 апреля 1921 года было утверждено «Положение о политико-административных органах в рабоче-крестьянской милиции», утвержденное НКВД РСФСР и Главполитпросветом. Эти органы, названные политсекретариатами, стали прообразом будущих политических органов в системе МВД СССР. При сравнении функциональных обязанностей политсекретариатов и политотделов можно отметить, что первые не обладали полномочиями по выдаче партийных документов [3]. Число основных задач политсекретариатов можно сгруппировать по следующим направлениям: организационная работа (учет коммунистов), культурная работа (идейно-воспитательная работа среди личного состава милиции). Одновременно было утверждено «Положение о комиссарах и помощниках по политической части в рабоче-крестьянской милиции».

Политсекретариаты просуществовали до 1923 года, затем их функции были возложены на местные партийные комитеты и политпросветы. В областных комитетах партии вводились должности инструкторов по работе в милиции, а в органы назначались специальные инструкторы.

В 1930 году на основании решения ЦК ВКП (б) в структуре главного управления милиции всех союзных республик были образованы политотделы, впоследствии созданные и в территориальных органах. Основной задачей являлось воспитание личного состава, улучшение служебной деятельности. В органах милиции на местах эту деятельность

осуществляли политинструкторы, а с 1949 года – заместители начальников по политической части.

В 1965 году был введен институт заместителей начальников городских и районных органов внутренних дел по политико-воспитательной работе, а в министерствах союзных и автономных республик, краевых, областных управлений были созданы группы инструкторов по политико-воспитательной работе (Постановление ЦК КПСС от 25 августа 1965 года «О мерах улучшения политико-воспитательной работы среди личного состава милиции»). В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему укреплению советской милиции» от 19 ноября 1968 года группы инструкторов были преобразованы в отделы (отделения) по политико-воспитательной работе. В 1974 году вместо Отдела по политико-воспитательной работе МВД СССР было создано управление по политико-воспитательной работе МВД СССР [4]. Данная система политико-воспитательных аппаратов в органах внутренних дел функционировала до 1983 года.

В 1982 году после Л.И. Брежнева и избрания Генеральным секретарем ЦК Ю.В. Андропова деятельность, работа с кадрами в МВД подверглась острой критике со стороны нового партийно-государственного руководства.

Для улучшения обстановки в органах внутренних дел 17 ноября 1983 года было утверждено «Положение о политорганах в системе МВД СССР».

Задачей политорганов в системе МВД СССР являлось руководство партийно-политической, идейно-воспитательной и культурно просветительной работой в службах и подразделениях системы МВД СССР, повышение ответственности сотрудников за выполнение своих служебных обязанностей [5].

По своим функциям и структуре политические органы в системе МВД СССР существенно отличались от местных партийных органов и политорганов Советских Вооруженных Сил и имели ряд присущих только им особенностей:

- в отличие от местных партийных органов они не избирались, а назначались;
- в своей деятельности политорганы сочетали партийные и политические функции. Хотя начальники политорганов не являлись заместителями соответствующих руководителей ОВД, но их директивные указания, связанные с партийно-политической, идейно-воспитательной работой, политическим обеспечением служебной деятельности были обязательны не только для всех политработников и партийных организаций, но и для должностных лиц органов внутренних дел;
- деятельностью политорганов руководили не только вышестоящие политорганы, но и местные партийные комитеты;
- в отличие от политорганов в Советских Вооруженных Силах они не были наделены правом приема в ряды КПСС и ВЛКСМ и правом

рассмотрения персональных дел коммунистов и комсомольцев;

- политорганы системы МВД СССР, как партийно-политический аппарат, отраслевой службой не являлись;
 - в них не были предусмотрены партийные комиссии, партийный и комсомольский учет [6].
- С учетом задач, возложенных на политические органы, в их обязанности входило:
- сосредотачивать свои усилия на живой организаторской деятельности в каждом подразделении внутренних дел, на конкретной работе с личным составом;
 - организовывать и проводить политучебу, разъяснять личному составу Программу и Устав КПСС, Конституцию СССР, союзных и автономных республик, действующего законодательства, внутренней и внешней политики КПСС и советского государства, активно вести пропаганду марксизма-ленинизма, истории и опыта партии, революционных, боевых традиций советского народа, достижений ССР и стран социалистического содружества, решительно противодействовать буржуазной идеологии, обеспечивать, чтобы каждый сотрудник проявляя высокую политическую бдительность;
 - совместно с руководителями ОВД укреплять служебную дисциплину, поддерживать в каждом подразделении, учреждении атмосферу высокой организованности, нетерпимости к фактам нарушений социалистической законности и проявлений мелкобуржуазной психологии и морали;
 - руководить работой культурно-просветительных учреждений, осуществлять контроль за идейным содержанием проводимых ими мероприятий, всемерно содействовать развитию физкультуры и спорта, организации содержательного досуга сотрудников и членов их семей, подчиняя всю эту деятельность делу воспитания личного состава [7].

Но на практике общие обязанности политических органов адаптировались, конкретизировались под оперативную обстановку в конкретном подразделении. Перед политорганами стояла задача не в формальном выполнении своих обязанностей, а в подборе действенных методов воспитания личного состава.

Так, на примере МВД Белорусской ССР, в 1983 году почти во всех горрайорганах была проведена аттестация, на которой аттестуемые политинформаторы, агитаторы, члены лекторских групп были заслушаны, также с идеологическим активом были проведены совещания-семинары, начал действовать ленинский лекторий. Также во всех крупных горрайорганах были оборудованы кабинеты партийно-политической учебы, где были собраны произведения классиков марксизма-ленинизма, решения партии и правительства, другие важные материалы, необходимые при подготовке к политзанятиям. Для воспитания личного состава регулярно проводились устные журналы,

научно-практические конференции, встречи с ветеранами войны и милиции, творческой интеллигенцией [8].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что воспитательная работа осуществлялась во взаимосвязи с этапами развития Советского государства, всегда служила основой для успешного выполнения задач, стоящих перед органами советской милиции.

В настоящее время важно обращаться к истории нашего государства и к истории органов внутренних дел и перенимать положительный опыт. В советский период существовала система воспитательной работы, опыт которой представляет научный и практический интерес для воспитания сотрудников органов внутренних дел современной России.

Литература

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 39.- С. 56
2. Известия ЦК РКП (б). – 1920, № 3.
3. История советской милиции под редакцией Н.А. Щелокова, т. 1. 1977, С. 192.
4. Партийно-политическая работа в органах внутренних дел: Курс лекций. Часть I: организационно-партийная работа в органах внутренних дел. -Л.: ВПУ им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР. – Ленинград, 1986. – С. 5.
5. Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Развитие конституционно-правовых основ организации и деятельности органов внутренних дел// Учебное пособие. – Москва. 1988, С. 100.
6. Партийно-политическая работа в органах внутренних дел: Курс лекций. Часть I: организационно-партийная работа в органах

внутренних дел. -Л.: ВПУ им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР. – Ленинград, 1986. – С. 9.

7. Там же: С. 12.

8. Советская милиция. – 1983. – № 12. – С. 6.

CREATION AND DEVELOPMENT OF POLITICAL EDUCATION BODIES IN THE USSR MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

Parfenova O.V.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the process of formation and development of political bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Particular attention is paid to their role in the education of the personnel of the internal affairs bodies. It is concluded that in the Soviet period there was a system of educational work, the experience of which is of scientific and practical interest for the education of employees of the internal affairs bodies of modern Russia. The author emphasizes that educational work was carried out in conjunction with the stages of development of the Soviet state.

Keywords: The Soviet state, internal affairs agencies, party-political education agencies, ideological and educational work, socialist ideology.

References

1. Lenin V.I. Complete Works, v. 39.- P. 56
2. News of the Central Committee of the RCP (b). – 1920, No. 3.
3. History of the Soviet Militia edited by N.A. Shchelokov, v. 1. 1977, P. 192.
4. Party and Political Work in the Internal Affairs Agencies: Lecture Course. Part I: Organizational and Party Work in the Internal Affairs Agencies. -L.: VPU im. 60th Anniversary of the All-Union Leninist Young Communist League of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. – Leningrad, 1986. – P. 5.
5. Malygin A.Ya., Mulukaev R.S. Development of the Constitutional and Legal Foundations of the Organization and Activities of the Internal Affairs Agencies// Study Guide. – Moscow. 1988, p. 100.
6. Party and political work in the internal affairs agencies: Lecture course. Part I: organizational and party work in the internal affairs agencies. -L.: VPU im. 60-letiya VLKSM MVD USSR. – Leningrad, 1986. – P. 9.
7. Ibid.: P. 12.
8. Soviet Militia. – 1983. – No. 12. – P. 6.

Романова Наталья Владимировна,

старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права, СЗИУ РАНХиГС

E-mail: romanova-nav@ranepa.ru

Рецепция права – неизменный инструмент развития национального права, идет ли речь о государственном, гражданском, торговом или хозяйственном праве. Во все времена законодатели в своей деятельности в той или иной степени использовали правовой материал других стран.

Еще со времен античности полагали, что знание правовых систем иных народов чрезвычайно важно для законодателя. И сегодня вряд ли какое-нибудь национальное законодательство может позволить себе игнорировать иностранные системы права. Правовые системы всех стран не существуют изолированно. Они взаимодействуют, ведут правовой диалог, который позволяет оценить собственный опыт правовой жизни, обрести «зеркало» для его рассмотрения, возможность развивать, совершенствовать отдельные элементы своей правовой системы, наполняя их новыми смыслами¹.

Взаимопроникновение культур с древности было одним из немаловажных факторов развития государственных и правовых институтов. Сегодня вряд ли можно найти классически чистую национальную правовую культуру. Все они представляют симбиоз местного, или получившего международное признание, норм права. Рецепция отражает тенденцию сближения правовых систем. Данное явление имеет общий и естественный характер. Его игнорирование или недооценка, некритическое отношение к нему не только опасны для процессов гармонизации и унификации национальных законодательств, но и грозят дестабилизацией национальных правовых порядков².

Ключевые слова: римское право; история права; рецепция права; правовая преемственность; приспособление институтов римского права.

По мнению С.В. Ткаченко в отношениях рецепции как правило наличествует две стороны, именуемые как донор и реципиент, представленные на государственном уровне. При этом государство-донор навязывает государству-реципиенту определенные правовые акты, стремясь решать собственные геополитические проблемы. В свою очередь, государство-реципиент посредством законодательной деятельности внедряет иностранные правовые ценности одновременно пытаясь успокоить общественное мнение политико-правовой мифологией о необходимости таких преобразований³. В целом соглашаясь с предложенной дифференциацией субъектного состава коммуникаций в сфере рецепции права, вместе с тем, считаем необходимым отметить определенную односторонность и предвзятость высказанной позиции. Представляется, что рецепция права в большинстве случаев инициируется именно государством-реципиентом, стремящимся за счет заимствования иностранных правовых конструкций осуществить «опережающее» развитие собственных правовых систем.

Содержание рецепции складывается из субъективных прав и обязанностей участвующих в ней субъектов⁴.

Субъективные права объединяют стандарты возможного поведения сводимые к правам действия, требования, притязания. Право действия означает возможность лица совершать активные действия в собственных интересах. Право требования – настаивать на осуществлении действий в собственных интересах со стороны контрсубъекта. Право притязания – обращаться к третьим лицам в целях принуждения контрсубъекта к совершению желаемых действий, либо привлечения его к ответственности за невыполнение принятых на себя обязательств, а также совершения иных правонарушений.

Субъективные обязанности включают обязанность действия, воздержания, терпения. Обязанность действия побуждает лицо осуществлять действия, направленные на удовлетворение интересов контрсубъекта. Обязанность воздержания – воспрепятствует совершению действий способных причинить вред интересам контрсубъекта. Обязанность терпения предполагает необходимость претерпевания неудобств связанных с реализацией обязанностей действия и воздержания.

¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек–тест–семиосфера–история. – М., 1999. – С. 21–22

² Юридическая социология. – М., 1998. – С. 199–201; Рулан Н. Юридическая антропология. – М., 1999. – С. 144–146.

³ Ткаченко, С.В. Идеологический компонент рецепции римского права / С.В. Ткаченко // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 7(55). – С. 115–118. – EDN KZRXPI.

⁴ Ткаченко, С.В. Содержание рецепции права / С.В. Ткаченко // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – № 6. – С. 42–62. – EDN RWWXXH.

Особенностью реализации субъективных прав и обязанностей лиц, взаимодействующих в рамках отношений, связанных с рецепцией, является их корреспондирующий характер. Субъективные права одного лица могут быть реализованы только при условии реализации соответствующей обязанности контрсубъектом и наоборот.

Немаловажное значение в общетеоретической характеристике рецепции права имеет функциональный анализ¹.

Функции – основные направления воздействия со стороны инструментальных средств на сознание и поведение коммуницирующих субъектов.

Основной функцией рецепции права является модернизация правовой системы, рассматриваемой в качестве объекта внедрения иностранного (иностранного) права. По мнению В.А. Рыбакова: «особенность рецепции как вида правотворчества состоит в том, что творение ... нормативного правового акта не происходит. Он уже создан, существует в другой стране. Готовый образец лишь переносится на национальную почву»². Высказанная точка зрения, по мнению автора, представляется если не ошибочной, то во всяком случае неточной. Рецепцию нельзя сводить к механическому заимствованию «готового» нормативно-правового акта из одной национальной правовой системы, с последующим его внедрением в другую. В реальности предметом заимствования выступают не формальные, а содержательные аспекты (идеи, принципы, ценности), которые затем внедряются в юридические формы национального права. В частности, рецепция института президентской власти с последующим его включением в систему российского права, в том числе на конституционном уровне, не означала механического копирования американского (или французского и т.п.) законодательства, регламентировавшего данную область общественных отношений, а была связана с «переносом» на российскую правовую почву юридической конструкции президентской власти с ее наполнением национальными сущностно-содержательными особенностями.

Наряду с модернизацией, в качестве функций рецепции рассматриваются адаптационная, интегративная, консенсуальная, культурно-историческая, «догоняющего» развития и др.

Адаптационная функция направлена на создание условий, обеспечивающих приспособление строения и функций национальной правовой системы к системе государства-донора.

Интегративная функция рецепции направлена на сближение национальных правовых систем путем закрепления в них унифицированных норм, институтов, принципов, что само по себе способствует выработке общих представлений как о сущно-

сти и содержании отдельных системных элементов национального права, так и о национальной правовой системе в целом³.

Консенсуальная функция имеет целью устранение нормативных коллизий между правовыми системами государства-донора и государства-реципиента.

Культурно-историческая функция обеспечивает преемственную связь исторических этапов правового развития, даёт возможность сохранить и передать правовой опыт последующим поколениям, возродить прерванную историческую традицию путем «возврата к истокам».

Функция «догоняющего» развития позволяет использовать рецепцию в качестве катализатора развития национальной правовой системы государства-реципиента, обеспечивающей ее конкурентоспособность по отношению к праву государства-донора.

Определившись с пониманием рецепции права как формы и вместе с тем, инструмента межсубъектной коммуникации, следует проанализировать соотношение данного феномена со сходными, однако не тождественными ему категориями, такими как «преемственность права», «заимствование права», «восприятие права».

Рецепция и преемственность права

Как уже ранее отмечалось перенос фрагментов «инонациональных» правовых систем возможен как в плане пространственных, так и временных параметров. Преемственность права, представляет собой инструмент его эволюционного развития в контексте линейной (традиционной) истории, предполагающей относительную неизменность базовых понятий, принципов, ценностей в трех и более сменяющихся поколениях («отцов – детей – детей детей»). Рецепция в отличие от преемственности основывается на циклической (дискретной) концепции национально-культурной традиции. Для того чтобы стать предметом рецепции, правовое явление, должно быть исключено из сложившегося на данном историческом этапе культурно-правового контекста с тем, чтобы впоследствии быть включенным в него. Поскольку лишено смысла заимствование того, что у Вас и без того есть. Примерами исторической рецепции применительно к Российской правовой системе являются «возрожденные» институты суда присяжных и мировых судей, «рожденные» в результате судебной реформы 1864 г., однако прекратившие свое существование в период действия советской власти и созданной этой властью советской судебной системы⁴.

³ Рыбаков, В.А. Рецепция права: общетеоретический аспект / В.А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2007. – № 4 (13). – С. 5–12.

⁴ Барсукова, М.А. Становление возрожденного суда присяжных: история повторяется! / М.А. Барсукова // История государства и права. – 2011. – № 23. – С. 35–38. – EDN OPBOFZ; Родина, Л.В. История становления и развития института мировых судей в России / Л.В. Родина // Мировой судья. – 2007. – № 4. – С. 2–5. – EDN KXQDLL.

¹ Паршкова, Н.В. Функции рецепции права: проблемы определений в теории права / Н.В. Паршкова // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 11(83). – С. 25–29. – EDN ONXBEJ.

² Рыбаков, В.А. Рецепция и правотворчество / В.А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 2 (31). – С. 16–23.

Рецепция и заимствование права

Данные понятия соотносятся как общее и частное. Заимствование является динамической составляющей рецепции, означающей определение и обособление в «инонациональной» правовой области предметного сегмента подлежащего в дальнейшем переносу из одной системы в другую. Заимствование является первоначальным этапом рецепции, за которым следуют перенос и адаптация заимствованного элемента к сложившейся в государстве-реципиенте правовой реальности.

Рецепция и восприятие права

Так же, как и заимствование, восприятие является системным элементом рецепции, представляя собой формирование чувственного отношения субъекта к предмету рецепции. Восприятие права происходит на уровне субъективной правовой психологии и включает достаточно сложный процесс, объединяющий получение и проверку достоверности информации, формирование оценочного отношения к ней, встраивания в имеющийся понятийный аппарат, с последующей мотивацией поведенческой активности¹. Восприятие права имеет место на всех этапах рецепции и является первичной составляющей оценочного отношения к предмету рецепции как со стороны субъектов-доноров, так и субъектов реципиентов.

Осуществив общетеоретическую характеристику рецепции права как формы и результата межсубъектной коммуникации, связанной с заимствованием в правовой системе государства-донора фрагмента национального права, а затем его переноса и внедрения в правовую систему государства-реципиента, следует отметить, что сам факт возникновения рецепции как юридико-технического средства правотворчества обусловлен дифференциацией государств на «прогрессивные/развитые» и «развивающиеся/переходные». Последние возникают в следствии кризиса либо разрушения традиционных государственно-правовых систем, по тем или иным причинам утрачивающим эффективность в сфере осуществления публично властных правомочий². Стремление к выведению системы из кризиса, либо формированию новой модели государственно-правового устройства взамен разрушенной, влечет задействование иностранного опыта, накопленного государствами рассматриваемыми реформаторами в качестве «примеров для подражания». В том случае, если таких примеров в политико-правовой истории нет, предметами рецепции становятся научные концепции и идейно-теоретические позиции. Так, при разработке пер-

вой в мире писанной кодифицированной Конституции США (1787 г.) «отцами-основателями» активно использовались теории государства общественно-го договора и естественного права, а также концепции разделения властей Дж. Локка и Ш. Монтескье. Советские конституционалисты в своих проектах руководствовались формационной теорией общественного развития и классовой концепцией государства и права К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина. Становление Российской Федерации как суверенного правового государства с формой правления в виде президентской республики, повлекло с одной стороны рецепцию теоретических принципов естественного права в трансформируемую модель российского права, ранее опиравшуюся исключительно на нормативистский тип правопонимания, а с другой заимствование ряда институтов сложившихся в правовых системах стран «коллективного Запада» (многопартийность, идеологических плюрализм, свобода мысли и вероисповедания, разделение властей между органами государственной власти, парламентская и президентская форма народного представительства и др.), которые на этапе становления «новой России» рассматривались руководством страны в качестве своего рода «идеалов» политико-правового развития. Современная история наглядно доказала ошибочность таких взглядов. Российская Федерация как «самобытное государство-цивилизация» выстраивает свою политику опираясь на национальное право, в основу которого положена система традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Вместе с тем, приведенную выше характеристику не следует рассматривать в качестве констатации «изолированности» государственно-правовой системы России, которая в ходе своего эволюционного развития активно использует в том числе зарубежный опыт, внедряемый в национальную правовую систему путем рецепции. Конституция РФ закрепляет положение, в соответствии с которым: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» (ч. 4 ст. 15). При этом, законодатель в качестве условия рецепции определяет необходимость соответствия действующей Конституции РФ институтов, норм, принципов международного и иностранного права в отношении которых высказывается инициатива, связанная с их перспективным внедрением в национальную правовую систему.

Возвращаясь к функциональной характеристике рецепции как технико-юридического средства национального правотворчества, автор полагает возможным сосредоточить внимание на одном из ее исторических аспектов, в рамках которого будет осуществлен анализ теоретической модели рецепции римского права, поскольку именно с этой моделью связано большинство исследований в области рассматриваемой проблематики.

История Рима как государственно-правовой системы прошедшей в своей последовательной эво-

¹ Пристенский, В.Н. Западная ментальность и проблема инокультурного восприятия права / В.Н. Пристенский // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 1. – С. 141–152. – EDN LLWZEL.

² Ромашов, Р.А. Маргинальное правосознание как фактор государственно-правовой системы переходного типа / Р.А. Ромашов // История государства и права. – 2020. – № 10. – С. 50–54. – DOI 10.18572/1812–3805–2020–10–50–54. – EDN NYLOEA.

люции практически все стадии связанные с формой государственного правления и административно-территориального устройства (полис, республика, империя), обуславливает неослабевающий интерес к этой ушедшей в прошлое, однако сохранившейся в многочисленных артефактах (архитектурных, культурологических, правовых) мировой цивилизации, со стороны исследователей представляющих различные сферы научного познания.

Рецепция римского права как самостоятельное направление правового развития европейских государств, получившее свое концептуальное и организационное оформление в периоды Возрождения и Нового времени, связана с кризисом патримониально-теологической концепции миропонимания характерной для «темного средневековья»¹. Стремление «возврата к античности» в философии и искусстве, в правовой области ассоциировалось с изучением римской правовой традиции, с целью ее возрождения и воплощения в европейском юридическом образовании и юридической науке с тем, чтобы впоследствии воплотить реципированные институты римского права в практической отраслевой юриспруденции. Рассмотрение Рима в качестве донорской государственно-правовой системы было обусловлено прежде всего стремлением европейских стран как реципиентов не только использовать инструментальные возможности римского права, актуализация которых была обусловлена буржуазно-демократическими преобразованиями в экономико-политической сфере государственной и общественной жизнедеятельности, но и показать преемственность «современной (на момент провозглашения рецепции) Европы» и «Великого Рима»².

Литература

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человечество – тест – семиосфера – история. – М., 1999. – С. 21–22
2. Юридическая социология. – М., 1998. – С. 199–201; Рулан Н. Юридическая антропология. – М., 1999. – С. 144–146.
3. Ткаченко, С.В. Идеологический компонент рецепции римского права / С.В. Ткаченко // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 7(55). – С. 115–118. – EDN KZRXPJ.
4. Ткаченко, С.В. Содержание рецепции права / С.В. Ткаченко // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – № 6. – С. 42–62. – EDN RWWXXH.
5. Паршкова, Н.В. Функции рецепции права: проблемы определений в теории права /

¹ Ткаченко, С.В. Рецепция римского права: вопросы теории и истории: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ткаченко Сергей Витальевич. – Москва, 2006. – 18 с. – EDN ZNQSII.

² Байтеева, М.В. Рецепция римского права и становление публично-правовой сферы в системе романо-германского права / М.В. Байтеева // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 2. – С. 106–111. – EDN MBEB CJ.

Н.В. Паршкова // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 11(83). – С. 25–29. – EDN ONXBEJ.

6. Рыбаков, В.А. Рецепция и правотворчество / В.А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 2 (31). – С. 16–23.
7. Рыбаков, В.А. Рецепция права: общетеоретический аспект / В.А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2007. – № 4 (13). – С. 5–12.
8. Барсукова, М.А. Становление возрожденного суда присяжных: история повторяется! / М.А. Барсукова // История государства и права. – 2011. – № 23. – С. 35–38. – EDN OPBOFZ; Родина, Л.В. История становления и развития института мировых судей в России / Л.В. Родина // Мировой судья. – 2007. – № 4. – С. 2–5. – EDN KXQDLL
9. Пристенский, В.Н. Западная ментальность и проблема инокультурного восприятия права / В.Н. Пристенский // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 1. – С. 141–152. – EDN LLWZEL.
10. Ромашов, Р.А. Маргинальное правосознание как фактор государственно-правовой системы переходного типа / Р.А. Ромашов // История государства и права. – 2020. – № 10. – С. 50–54. – DOI 10.18572/1812-3805-2020-10-50-54. – EDN HYLOEA.
11. Ткаченко, С.В. Рецепция римского права: вопросы теории и истории: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ткаченко Сергей Витальевич. – Москва, 2006. – 18 с. – EDN ZNQSII.
12. Байтеева, М.В. Рецепция римского права и становление публично-правовой сферы в системе романо-германского права / М.В. Байтеева // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 2. – С. 106–111. – EDN MBEB CJ.

RECEPTION OF LAW AS A THEORETICAL CONSTRUCT

Romanova N.V.

North-West Institute of Management

Reception of law is an invariable tool for the development of national law, whether it is state, civil, commercial or economic law. At all times, legislators in their activities to one degree or another used the legal material of other countries.

Since antiquity, it has been believed that knowledge of the legal systems of other peoples is extremely important for the legislator. And today hardly any national legislation can afford to ignore foreign systems of law. The legal systems of all countries do not exist in isolation. They interact, conduct a legal dialogue, which allows them to evaluate their own experience of legal life, to find a “mirror” for its consideration, the opportunity to develop, improve individual elements of their legal system, filling them with new meanings.

Since ancient times, the interpenetration of cultures has been one of the important factors in the development of state and legal institutions. Today, it is hardly possible to find a classically pure national legal culture. All of them represent a symbiosis of local, or internationally recognized, norms of law. Reception reflects the trend of convergence of legal systems. This phenomenon is general and

natural. Ignoring or underestimating it, an uncritical attitude to it are not only dangerous for the processes of harmonization and unification of national legislations, but also threaten to destabilize national legal orders.

Keywords: Roman law; history of law; reception of law; legal continuity; adaptation of the institutions of Roman law.

References

1. Lotman Yu.M. Inside Thinking Worlds. Man–test–semiosphere–history. – M., 1999. – P. 21–22
2. Legal Sociology. – M., 1998. – P. 199–201; Ruland N. Legal Anthropology. – M., 1999. – P. 144–146.
3. Tkachenko, S.V. Ideological Component of the Reception of Roman Law / S.V. Tkachenko // Law and State: Theory and Practice. – 2009. – No. 7(55). – P. 115–118. – EDN KZRXPJ.
4. Tkachenko, S.V. Contents of the Reception of Law / S.V. Tkachenko // NB: Questions of Law and Politics. – 2013. – No. 6. – P. 42–62. – EDN RWWXXH.
5. Parshkova, N.V. Functions of the reception of law: problems of definitions in the theory of law / N.V. Parshkova // Law and state: theory and practice. – 2011. – No. 11 (83). – P. 25–29. – EDN ONXBEJ.
6. Rybakov, V.A. Reception and law-making / V.A. Rybakov // Bulletin of Omsk University. Series "Law". – 2012. – No. 2 (31). – P. 16–23.
7. Rybakov, V.A. Reception of law: general theoretical aspect / V. A. Rybakov // Bulletin of Omsk University. Series "Law". – 2007. – No. 4 (13). – P. 5–12.
8. Barsukova, M.A. Formation of the revived jury trial: history repeats itself! / M.A. Barsukova // History of the state and law. – 2011. – No. 23. – P. 35–38. – EDN OPBOFZ; Rodina, L.V. History of the formation and development of the institution of justices of the peace in Russia / L.V. Rodina // Justice of the peace. – 2007. – No. 4. – P. 2–5. – EDN KXQDLL
9. Pristensky, V.N. Western mentality and the problem of foreign cultural perception of law / V.N. Pristensky // Social and humanitarian knowledge. – 2009. – No. 1. – P. 141–152. – EDN LL-WZEL.
10. Romashov, R.A. Marginal legal consciousness as a factor in the state-legal system of a transitional type / R.A. Romashov // History of the state and law. – 2020. – No. 10. – P. 50–54. – DOI 10.18572 / 1812–3805–2020–10–50–54. – EDN HYLOEA.
11. Tkachenko, S.V. Reception of Roman law: issues of theory and history: specialty 12.00.01 "Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state": abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Tkachenko Sergey Vitalievich. – Moscow, 2006. – 18 p. – EDN ZNQSII.
12. Baiteeva, M.V. Reception of Roman law and the formation of the public law sphere in the system of Romano-Germanic law / M.V. Baiteeva // Actual problems of economics and law. – 2010. – No. 2. – P. 106–111. – EDN MBEB CJ.

Судьба как категория юридического знания: философско-правовые интерпретации

Тарасов Олег Игоревич,

кандидат философских наук, юрист

E-mail: agnoseo@gmail.com

В статье предпринимается попытка вывести категорию «юридическая судьба» из состояния понятийной маргинальности и обосновать ее методологическую продуктивность, когнитивную плотность и эвристическую ценность для правового мышления. Раскрываются философские основания, типологические модели, языковые особенности и взаимосвязи категории с фундаментальными правовыми понятиями. Предложено авторское определение «юридической судьбы» и введено новое понятие – «юридический фатум» как предельная форма нормативной детерминации. Категория рассматривается как концептуально значимая единица юридического знания, отражающая динамику и предопределенность правовых состояний.

Ключевые слова: юридическая судьба; правовое предопределение; свобода в праве; диктатура закона; язык права; правовая онтология.

Введение

Современная юридическая наука располагает обширным понятийным аппаратом, охватывающим как формально-догматические конструкции, так и более гибкие метатеоретические категории, обслуживающие правовое мышление в условиях социальной динамики. Одной из таких категорий является «юридическая судьба» – лексема, давно вошедшая в научный обиход, но до сих пор не подвергнутая целостному философско-правовому осмыслению. Парадоксально, но при устойчивом и разнообразном применении в правоведении и доктрине, данное понятие продолжает функционировать исключительно в прикладном режиме – в рамках описания трансформаций объектов права, изменения юридического статуса вещей, результатов интеллектуальной деятельности, субъектов или их правоспособности.

Юридическая судьба фигурирует как вспомогательный описательный элемент в частноправовых сюжетах: «судьба имущества», «судьба завещания», «судьба обязательства при смерти стороны» и т.п. Однако за пределами этих тем понятие не приобретает самостоятельного эпистемологического статуса. Оно остается лексикологически вторичным, хотя де-факто выполняет функцию концептуального посредника между статикой правовой нормы и динамикой ее применения.

До настоящего времени в юридической теории не предпринято систематического анализа юридической судьбы как самостоятельной категории языка права и языка юридической науки. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выведения категории юридической судьбы из состояния терминологической маргинальности, уточнения ее семантических и функциональных границ, а также теоретического осмысления ее связей с фундаментальными понятиями правового знания – такими как свобода, предопределение, пространство и время права. В центре внимания исследования онтология юридической судьбы: ее правовая структура, когнитивная роль, семиотический статус и эвристическая ценность для понимания внутренней логики эволюции правовых явлений.

Философские истоки категории «юридическая судьба»

Категория судьбы занимает одно из центральных мест в философской традиции, охватывающей от мифопоэтических представлений древнего мира до онтологических конструкций нового време-

ни. Уже в античной мысли идея судьбы перестает быть исключительно метафизической интуицией и приобретает черты онтологической универсалии, лежащей в основании структурированного порядка бытия. В этом контексте очевидной становится необходимость обращения к философским основаниям понятия судьбы как предпосылке для его юриспруденциальной артикуляции.

В архаических мифологических системах (в первую очередь – древнегреческой) судьба предстает как предвечный порядок, предшествующий и даже превосходящий власть богов. Мойры, Ананке, Тюхе – не просто символы случайности или необходимости, но персонификации изначального закона, обеспечивающего космическую симметрию. Судьба в этом ракурсе – не что иное, как прообраз формы, обладающей всеобщей обязательностью и необратимостью. Как показывает В.П. Горан, именно в этой дофилософской интуиции о ненарушимой иерархии мироздания формируется архетип упорядоченного космоса, внутри которого образы судьбы «оказываются олицетворением незыблемости, нерушимости порядка, задаваемого божественными установлениями, гарантами неотвратимости осуществления этих установлений» [2, с. 237–238].

В средневековой христианской философии судьба получает новое прочтение – как форма божественного предопределения, где свобода воли соотносится с предзаданностью, но не исчезает. Эта амбивалентность – свобода в рамках замысла – удивительно близка к правовой конструкции, в которой диспозитивность ограничивается императивными предписаниями. И в праве возможно сосуществование свободы и судьбы, как не взаимоисключающих, а взаимодополняющих начал.

Современные философско-антропологические подходы предлагают рассматривать судьбу не как инстанцию внешнего принуждения, а как онтологическую рамку самореализации субъекта. Человек формирует собственную судьбу в условиях, которые не он выбирает, но в которых он действует.

Как показывает Б.А. Осипян, в языке права содержатся слова, изначально несущие в себе идею предопределенности, предназначения, устойчивости – в том числе и судьбы как смысловой доминанты, поскольку «язык юридической науки и закона должен по возможности иметь единую духовно-правовую и национально-историческую основу» [9, с. 37].

Понятие «юридической судьбы» оказывается языковой конструкцией, выполняющей когнитивную функцию в рамках концептуализации правовой действительности. Поэтому философские основания категории «юридическая судьба» раскрываются как комплексный синтез онтологии, телеологии и нормативности. От мифа – через натурфилософию и теологическую метафизику – до современной антропологии и философии языка, судьба мыслится как инвариантная структура развития явления, соединяющая свободу и необходимость.

Несмотря на отсутствие в нормативных актах формализованного определения понятия «юри-

дическая судьба», его использование в доктрине демонстрирует устойчивую тенденцию к описанию трансформации правового явления в ходе его развития. Категория «судьбы» здесь выполняет функцию семиотического маркера, обозначающего переход от одного состояния правового бытия к другому – будь то изменение правового режима, утрата или передача прав, слияние или раздел правоспособности, поглощение, переоформление, ликвидация. Это позволяет рассматривать понятие юридической судьбы как структурный элемент юридического мышления, выявляющий глубинные модели нормативной динамики.

Дисбаланс частноправового и публично-правового применения категории «юридическая судьба»

Категория «юридической судьбы» демонстрирует парадоксальное распределение значимости в структуре правового знания. Несмотря на ее очевидную применимость к описанию нормативной трансформации, терминологическое закрепление и доктринальное осмысление «юридической судьбы» практически отсутствует в публично-правовой науке. В то время как в сфере частного права это понятие получило широкое распространение и стало неотъемлемым элементом языка правовой догматики, в публично-правовом измерении оно сохраняет периферийный статус, функционируя, главным образом, в подзаконных актах, инструкциях и практико-ориентированных источниках.

В рамках частноправовой науки понятие судьбы оказывается органически включенным в исследования о правах, обязательствах и статусах, подверженных изменению. Это обусловлено фундаментальной особенностью частного права – его обращенностью к индивидуальной юридической личности, к ее правосубъектности, автономии воли, имущественной изолированности. Именно в частном праве правовая форма «жива», она эволюционирует, переходит от субъекта к субъекту, трансформируется в зависимости от воли сторон, договорных условий, наследственных оснований, изменения вещного режима.

Понятие судьбы становится естественным языковым отражением динамики частноправовых отношений. Оно используется при описании дальнейшего режима имущества при прекращении брака [3], трансформации результатов интеллектуальной деятельности после завершения договора [8], правопреемства при реорганизации юридического лица [5], прекращения или сохранения сервитута при разделе участка [6].

Юридическая судьба в этих правовых ситуациях – лексема правовой изменчивости, с помощью которой описываются тонкие градации юридического становления, угасания или продолжения. Понятие позволяет обойтись без избыточного формализма, обеспечивая гибкость правового анализа.

В противоположность частному, публичное право структурно ориентировано на императивность,

иерархию, стабильность правового предписания. Здесь нормы направлены не на регулирование автономии, а на организацию власти, подчинение, исполнение, репрессию или легитимацию полномочий. Правовой объект в публичной сфере, как правило, не обладает индивидуализированной судьбой: он существует как элемент института или механизма. Кроме того, публично-правовая норма редко допускает вариативность исходов, поскольку ее цель – обеспечение однозначного следствия (например, привлечение к ответственности, ликвидация органа, аннулирование акта). В этом смысле публичное право менее восприимчиво к понятию судьбы как траектории, времени, изменения.

Это объясняет, почему в публично-правовой доктрине понятие юридической судьбы практически не применяется. Вместо него преобладают конструкции, лишенные онтологической глубины: «реализация нормы», «исполнение полномочий», «прекращение действия акта», «аннулирование статуса» и т.п. Даже когда речь идет о трансформации (например, судьбе доказательств, решений или актов), используется язык функции, а не языка судьбы.

Тем не менее, в ряде подзаконных актов и административных документов категория «юридической судьбы» эксплуатируется в техническом значении – как указание на дальнейшую юридическую эксплуатацию объекта. Редкий нормативный пример использования категории юридической судьбы можно обнаружить в Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации, которая содержит указания о судьбе вещественных доказательств (п. 45)¹.

В материалах судебной практики встречаются формулировки: «определить судьбу арестованного имущества», «разрешить судьбу доказательств»². В правоприменительных актах это понятие используется как процедурная квалификация правового исхода.

Указанный дисбаланс объясняется не столько разницей в предметах регулирования, сколько различием в способах правового мышления. Частное право мыслит субъектом, а публичное – функцией. Первое допускает онтологизацию нормы, второе – ее алгоритмизацию. В частном праве правовая реальность индивидуализируется, обретает уникальность; в публичном – стандартизируется. Именно по этой причине категория судьбы, обладающая философской плотностью и семантической пластичностью, оказалась инородной языку

публичной власти, но глубоко укоренилась в языке частного права.

Место юридической судьбы в вокабуляре языка права

Язык права представляет собой структурированную форму выражения правового мышления, где каждая единица лексики выполняет определенную когнитивную функцию. Категория «юридическая судьба» в этом отношении занимает пограничное положение: с одной стороны, она активно используется в юридической речи, с другой – остается вне круга формализованных понятий, включенных в нормативный тезаурус. Это двойственное положение указывает на ее принадлежность не к ядру, а к периферии языка права, где сосредоточены эвристические, интерпретационные и метафорические конструкции, обеспечивающие гибкость правового высказывания.

Современные исследования юридической лингвистики (В.Б. Исаков [4], С.В. Власенко [1], О.М. Литвишко [7]) подчеркивают, что язык права опирается на принцип строгой однозначности, исключая лексическую амбивалентность и экспрессивность. Его задача – не описывать реальность, а создавать ее нормативную структуру. Это означает, что юридические термины, получающие статус формализованных, должны быть нормативно определены, лишены культурно-ассоциативной нагрузки.

Категория «юридической судьбы» не соответствует этим критериям: она сохраняет семантическую множественность, работает как концептуальный образ, а не как инструмент формального регулирования. Она не является термином в строгом смысле, но при этом выполняет функцию лексемы перехода от права к правопониманию, от нормы к ее экзистенциальному содержанию.

По справедливому наблюдению Е.Ю. Храмцовой, язык права следует отличать от правового дискурса – более широкой семиотической системы, включающей юридическую практику, науку, публичную аргументацию [10, с. 55]. Именно в этом дискурсивном поле категория «юридической судьбы» становится активной лексической единицей, поскольку позволяет артикулировать смысл правовой трансформации, обобщать разнотипные нормативные процессы, связывать правовые явления с более широкими культурными и философскими смыслами. В результате юридическая судьба предстает как дискурсивный конструкт, отражающий интерпретационные усилия юриспруденции.

Примечательно, что, несмотря на отсутствие нормативной фиксации, выражение «юридическая судьба» демонстрирует высокую частотность в юридических текстах – как научных, так и нормативных. Оно функционирует как семантический сгусток, концентрирующий представления о переходе (от одного состояния к другому), трансформации (прав, обязанностей, статуса), завершенности (утрата, прекращение, ликвидация).

¹ Приказ Следственного комитета РФ от 30.09.2011 № 142 «Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации». URL: <https://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=121609> (дата обращения: 02.04.2025).

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 2024.

Эта лексема обладает модусом временности и направленности, она имплицитно несет идею развития или угасания, и потому особенно продуктивна в тех сегментах права, где требуется концептуализировать динамику: наследственное, обязательственное, вещное право, правоприменение, реорганизация.

На уровне понятийного уровня юридическая судьба занимает метапозицию: она не описывает норму, но описывает изменение нормы, ее включение в процесс. Это делает ее особенно ценной для философии права, теории правовой эволюции, а также для семиотического анализа языка закона. Она выражает границы нормативной стабильности, указывает на переход из одного режима в другой и потому может быть отнесена к лексикону правовой неопределенности и становления.

Место категории «юридическая судьба» в языке права можно определить как пограничное и функционально-обобщающее. Она находится вне ядра нормативной терминологии, но играет важную роль в языковом и понятийном обеспечении правовой рефлексии. Ее существование в юридическом вокабуляре свидетельствует о потребности правового сознания в инструментах описания трансформации, неопределенности и развития – тех состояний, которые позитивное право фиксирует, но не всегда объясняет.

Понятийный статус «юридической судьбы» как пограничной категории требует рассмотрения ее не в изоляции, а в системе с иными фундаментальными понятиями правовой онтологии и эпистемологии. В числе таких категорий – свобода, предопределение, правовое пространство и правовое время, каждая из которых соотносится с юридической судьбой на уровне смысловых глубин и методологических координат. Эти связи позволяют не только уточнить содержание анализируемой категории, но и раскрыть ее потенциал в качестве интерпретационной матрицы правовой динамики.

В праве свобода представляет собой не столько произвол, сколько структурированную возможность – в самом «первом приближении свобода воли предполагает возможность выбора» [11, с. 25]. Здесь юридическая судьба возникает как рамка, в пределах которой свобода проявляется и ограничивается одновременно. Субъект обладает правом выбора, но этот выбор опосредован заранее определенными юридическими последствиями. В этом смысле судьба в праве – это навигация в условиях свободы, сопряженная с предвидением нормативных траекторий. Юридическая судьба формируется не вопреки свободе, а внутри нее, как результат свободного действия, вступающего в резонанс с нормой. Свобода – это условие возможности юридической судьбы, а судьба – результат правовой реализации свободы.

В отличие от философского фатума, правовое предопределение носит конвенциональный характер – оно создается нормой и поддерживается механизмами юридической ответственности. Категория судьбы в праве балансирует между необходи-

мостью наступления последствий и возможностью их модификации через диспозитивные механизмы. В этом отношении юридическая судьба не является фатально жесткой: она допускает корректировку, отсрочку, замену, но все равно подчинена принципу нормативной предопределенности.

Судьба правового объекта не открыта бесконечному множеству исходов – она ограничена спектром предусмотренных законом сценариев, что и формирует правовое подобие предопределения. Судьба здесь выступает как вероятностное, но не абсолютное воплощение законной необходимости.

Юридическая судьба не может быть понята вне пространственного измерения, поскольку ее реализация зависит от юрисдикционных границ, территориальной применимости нормы, а также институционального «рельефа» правовой системы. Правовое пространство – это сфера действительности, в которой возможно само существование юридической судьбы: без него понятие судьбы утрачивает свою направленность и локализацию. Если свобода – это горизонт, а норма – вектор, то правовое пространство – это топос, на котором возможен переход из потенциального в актуальное. Юридическая судьба оказывается тем самым движением в пределах правового ландшафта, где каждая точка задает иную конфигурацию возможностей и ограничений.

Право мыслится как процесс, разворачивающийся во времени. Именно благодаря темпоральности становится возможной трансформация правового статуса, а значит – и формирование юридической судьбы. Правовое время включает юридические сроки, моменты возникновения, изменения и прекращения прав, стадии юридического действия. Юридическая судьба – это всегда время, заключенное в норме: она не существует вне хронологии, вне развития, вне изменений. Каждое событие в праве – это не статичный факт, а переход, включенный в последовательность. В результате судьба – это темпоральная конфигурация правового бытия, выражающая длительность и направленность правового состояния.

Как итог, взаимосвязь юридической судьбы с фундаментальными категориями права демонстрирует ее концептуальную продуктивность. Судьба не является автономным феноменом: она вплетена в ткань правового мышления как форма динамической онтологии, отражающая способ существования правовой материи в условиях временности, пространственности, нормативной заданности и свободы субъекта. Именно это и позволяет категории юридической судьбы выйти за пределы описательного оборота и претендовать на теоретическую автономию в системе юридического знания.

Предопределение в праве: юридический фатум

Категория юридической судьбы, как было показано выше, представляет собой динамическое выраже-

ние правового становления: она описывает трансформации, обусловленные сочетанием свободы субъекта и нормативной структуры. Однако в ряде случаев правовая судьба утрачивает гибкость, становясь неизбежной, окончательной и неподдающейся коррекции. Такая форма нормативной детерминации требует отдельного аналитического обозначения. В этом контексте предлагается ввести понятие юридического фатума – крайнего выражения юридической судьбы, при котором правовой исход определяется исключительно законом, без учета воли субъекта, конкретных обстоятельств или дискретной интерпретации.

Фатум, в своем философском значении, представляет собой предельную форму предопределения, в которой исключена всякая альтернатива. Юридический фатум – это не просто судьба, приведенная в движение нормой, но предопределенная неизбежность, встроенная в структуру закона как однозначная логика исхода. Здесь исчезает пространство диспозитивности, правовой выбор вытесняется необходимостью, а субъект превращается в носителя заранее определенной траектории.

Феномен юридического фатума непосредственно связан с доктриной законности как принципа, предполагающего верховенство закона над всеми иными источниками и формами регуляции. В модели диктатуры закона, акцент смещается с индивидуализации правового решения на механическую реализацию предписания. В этой логике закон приобретает характеристики абсолютного предопределения: он не толкуется, а исполняется; не адаптируется, а навязывается. Результатом такого подхода становится формирование юридических автоматизмов, которые исключают правовую гибкость, превращая норму в фатум. Подобная модель правопонимания исторически укоренена в позитивистской традиции. Функция правоприменения в этом случае редуцируется до реализации заранее заданной формулы, вне зависимости от обстоятельств конкретного дела.

Юридический фатум – это выражение радикальной нормативной рациональности, в которой право перестает быть искусством справедливости. Хотя в юридической практике фатальные конструкции часто воспринимаются как технические следствия (например, истечение срока, императив прекращения права), они имеют и глубинную доктринальную подоплеку. Юридический фатум – это нормативно зафиксированное и не подлежащее изменению правовое последствие, наступающее исключительно по воле закона и не допускающее учета воли субъекта, индивидуальных обстоятельств или дискурсивной модификации, выступающее предельной формой нормативной детерминации.

Имплементация этой категории в состав теоретико-правового знания необходима для разграничения между правовой необходимостью и правовым автоматизмом и идентификации зон правовой ригидности в законодательстве. Юридический фатум завершает понятийную шкалу, начатую юридической свободой и продолженную юри-

дической судьбой. Он маркирует предел, за которым исчезает субъект права как носитель выбора, а право перестает быть процессом и превращается в предрешенную процедуру. Установление этой категории не только расширяет понятийный инструментарий юридической науки, но и открывает возможность критической рефлексии над границами законности, формализма и нормативной детерминации.

Заключение

Категория «юридической судьбы», несмотря на ее устойчивое и многообразное присутствие в юридической речи, до настоящего времени оставалась вне поля систематического теоретико-правового анализа. Она эксплуатировалась преимущественно в прикладных контекстах, обслуживая описание трансформации правовых объектов, без попытки выделения как самостоятельной понятийной конструкции. В историко-философском измерении показано, что представление о судьбе как о направленном, но не всегда предсказуемом векторе развития – архетипическая форма мысли, уходящая корнями в античную мифологию, философию необходимости и теологическое учение о предопределении. Эти идеи постепенно трансформировались в правовой доктрине, породив семантическую модель юридической судьбы как нормативно обусловленной, но не фатально жесткой линии правового развития.

Юридическая судьба функционирует в праве как универсальный концепт, описывающий переход, трансформацию и завершение правовых состояний. В частноправовой системе она служит средством выражения диспозитивных изменений, в то время как в публичном праве ее присутствие фрагментарно и лишено концептуальной глубины – что и составляет один из выявленных дисбалансов в правовой теории.

Рассмотрение языковых аспектов показало, что юридическая судьба занимает в языке права вокабулярную промежуточную позицию: она не входит в число формализованных терминов, но активно функционирует как смысловая единица правового дискурса, позволяя зафиксировать подвижность, неопределенность и направленность правовых процессов. На основе проведенного анализа, философско-правового обоснования и понятийного сопоставления, категорию «юридическая судьба» можно определить следующим образом. Юридическая судьба – это динамически разворачивающаяся, нормативно опосредованная траектория изменения правового статуса субъекта, объекта или явления, формирующаяся под воздействием совокупности юридических норм, фактов и процедур, и выражающая соотношение диспозитивной свободы и нормативного предопределения в пределах правового пространства и времени.

Понятие юридического фатума может быть представлено как крайнее выражение юридической судьбы – предельной формы нормативной

неизбежности, возникающей в режиме диктатуры закона и исключающей всякую альтернативу правового исхода. Это понятие позволяет зафиксировать границу между правовой необходимостью и правовым автоматизмом, открыть новое поле для критического осмысления нормативной ригидности и ограничения правовой субъективности.

Литература

1. Власенко С.В. Метафоры в языке права // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 4. С. 23–30.
2. Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. 336с.
3. Емелина Л.А., Яворский С.А. Судьба имущества, приобретенного в период фактического прекращения брака // Семейное и жилищное право. 2024. № 6. С. 12–14.
4. Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 64–79.
5. Костюченко Н.Н. Судьба активов при реорганизации коммерческих юридических лиц // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 11. С. 59–66.
6. Краснова Т.С. Судьба сервитута при преобразовании господствующего земельного участка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 2. С. 371–389.
7. Литвишко О.М. Функционально-стилевая специфика языка права: лексико-семантический и синтаксический аспекты // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2019. № 12. С. 68–76.
8. Майборода В.А. Правовая судьба результата интеллектуальной деятельности при выполнении государственного контракта // Администратор суда. 2023. № 4. С. 19–22.
9. Осипян Б.А. Взаимосвязь правосознания и языка, или языковые измерения надлежатель и непреходящей идеи права и правомерного закона // Право и государство: теория и практика. 2017. № 11 (155). С. 37–50.
10. Храмцова Н.Г. Правовое мышление и язык права – объективные основания правового дискурса // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 54–58.
11. Шевелева С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве: дисс. ... д-ра юридических наук. М., 2015. 403с.

DESTINY AS A CATEGORY OF LEGAL KNOWLEDGE: PHILOSOPHICAL AND LEGAL INTERPRETATIONS

Tarasov O.I.

The article attempts to bring the category of «legal destiny» out of terminological marginality and to substantiate its methodological significance, cognitive density, and heuristic value for legal thought. The philosophical foundations, typological models, linguistic features, and interrelations of the category with fundamental legal concepts are analyzed. An original definition of «legal destiny» is proposed, along with the introduction of a new concept – «legal fatum» as an extreme form of normative predetermination. The category is considered a conceptually significant unit of legal knowledge, reflecting the dynamics and predetermined nature of legal states.

Keywords: legal destiny; legal predetermination; freedom in law; dictatorship of law; legal language; legal ontology.

References

1. Vlasenko S.V. Metafor v yazyke prava // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2014. № 4. S. 23–30.
2. Goran V.P. Drevnegrecheskaya mifologema sud'by. Novosibirsk: Nauka, 1990. 336 s.
3. Emelina L.A., Yavorskiy S.A. Sud'ba imushchestva, priobretennogo v period fakticheskogo prekrashcheniya braka // Semeinoe i zhilishchnoe pravo. 2024. № 6. S. 12–14.
4. Isakov V.B. Yazyk prava // Yurislilingvistika. 2000. № 2. S. 64–79.
5. Kostyuchenko N.N. Sud'ba aktivov pri reorganizatsii kommercheskikh yuridicheskikh lits // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2009. № 11. S. 59–66.
6. Krasnova T.S. Sud'ba servituta pri preobrazovanii gospodstvuyushchego zemel'nogo uchastka // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2024. T. 15. № 2. S. 371–389.
7. Litvishko O.M. Funktsional'no-stilevaya spetsifika yazyka prava: leksiko-semanticheskiy i sintaksicheskii aspekty // Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki. 2019. № 12. S. 68–76.
8. Mayboroda V.A. Pravovaya sud'ba rezul'tata intellektual'noy deyatel'nosti pri vypolnenii gosudarstvennogo kontrakta // Administratsiya suda. 2023. № 4. S. 19–22.
9. Osipyany B.A. Vzaimosvyaz' pravosoznaniya i yazyka, ili yazykovyye izmereniya nadlezhashchey i neprekhod'yashchey idei prava i pravomernogo zakona // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2017. № 11 (155). S. 37–50.
10. Khrantsova N.G. Pravovoe myshlenie i yazyk prava – ob'ektivnyye osnovaniya pravovogo diskursa // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2009. № 1. S. 54–58.
11. Sheveleva S.V. Svoboda voli i prinuzhdenie v ugovnom prave: diss. ... d-ra yurid. nauk. M., 2015. 403 s.

Органы местного управления в России

Аванесян Георгий Вячеславович,
аспирант, ЧОО ВО «Институт Мировой Экономики»

В данной публикации исследуются ключевые направления работы муниципальных органов власти в российских условиях, их место в системе публичного управления и характер взаимоотношений с вышестоящими властными структурами. Особое внимание уделяется анализу нормативно-правовой базы, определяющей принципы функционирования местного самоуправления в России.

Центральный тезис работы состоит в том, что муниципальные органы являются фундаментальным компонентом демократического устройства, обеспечивающим реальные возможности для населения участвовать в управлении территорией. По мнению автора, результативная деятельность местного самоуправления напрямую влияет на повышение уровня жизни граждан через формирование комфортных условий в социальной, экономической и культурной сферах.

Таким образом, статья представляет собой комплексное исследование роли местного самоуправления как связующего звена между населением и государственной властью, подчеркивая его значимость для развития гражданского общества и демократических институтов в современной России.

Ключевые слова: органы самоуправления, демократия, структура, общественные интересы, доступность услуг, проблемы, перспективы, взаимодействие.

Введение

В современном государственном устройстве муниципальное управление выступает ключевым механизмом реализации потребностей граждан на территориальном уровне. Стремительная трансформация социально-экономического и политического ландшафта России выдвигает на первый план необходимость детального изучения организационной структуры и функционального наполнения муниципальных органов власти. Особую значимость приобретает способность этих институтов адаптироваться к меняющимся общественным реалиям и повышать результативность своей работы.

В фокусе исследовательского внимания находится система муниципального управления РФ. Исследование концентрируется на анализе организационного построения, функционального содержания и компетенций местных органов власти, включая их взаимоотношения с государственными структурами. Такой комплексный подход позволяет определить критические точки и векторы совершенствования муниципального управления.

Исследование нацелено на всестороннее рассмотрение организационно-функциональных аспектов деятельности муниципальных органов власти в российских условиях, включая их координацию с государственными институтами. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: исследование исторической эволюции местного самоуправления, анализ существующей институциональной архитектуры и функционала муниципальных органов, определение актуальных вызовов и потенциальных направлений развития.

Теоретическая ценность работы состоит в расширении научного понимания роли муниципального управления как неотъемлемого компонента государственной системы. Прикладное значение исследования заключается в формировании конкретных предложений по оптимизации работы местных органов власти, нацеленных на усиление их результативности и приспособления к текущим условиям.

Структура органов местного самоуправления в России

Исторический контекст формирования местного самоуправления

Становление системы местного самоуправления в российском государстве берет начало еще во времена имперского периода. Фундаментальное преобразование местного управления произошло в 1864 году, когда в ходе масштабных преобразо-

ваний, инициированных Александром II, была осуществлена земская реформа. Новообразованные земства получили широкий спектр управленческих функций, охватывающих сферы просвещения, медицинского обслуживания и благоустройства территорий. Особенность этих органов заключалась в их выборном характере, что позволило местным жителям непосредственно влиять на решения, затрагивающие их каждодневные нужды. Такое нововведение ознаменовало переход к более демократичной модели управления.

Принципиально новый этап в эволюции местного самоуправления наступил с принятием основного закона РФ в 1993 году. Впервые муниципальное управление обрело статус отдельного уровня публичной власти, что законодательно закрепило определенную автономность местных органов от государственного аппарата. Это законодательное новшество способствовало укреплению демократических основ и созданию более совершенной системы управления на местном уровне, улучшив коммуникацию между населением и властными структурами. Как отмечает Малявкина (2013, с. 13), особую актуальность приобрел вопрос взаимодействия региональных государственных органов с муниципальными структурами в рамках формирующейся системы местного самоуправления.

Современная структура органов местного самоуправления

Современная структура органов местного самоуправления в России формируется на основе положений Конституции Российской Федерации, которая определяет их как независимый уровень публичной власти. В состав органов местного самоуправления входят представительные органы, главы муниципальных образований и исполнительные органы, которые управляют в рамках своей компетенции. Представительные органы, такие как муниципальные советы, формируются через выборы и отражают интересы местного населения. Исполнительные органы, в свою очередь, отвечают за реализацию решений, принятых представительными органами, а также за управление ресурсами муниципального образования. Следует подчеркнуть, что «передача земельных участков органам местного самоуправления в процессе разграничения государственной собственности на землю, то после соответствующей правовой процедуры, коей является государственная регистрация права собственности, земельные участки передаются в муниципальную собственность» (Политико-правовые проблемы взаимодействия муниципальных образований, 2014. 3 с.). Эта процедура подчеркивает значимость правового регулирования в деятельности органов местного самоуправления. Структура органов местного самоуправления обеспечивает баланс между представительскими и исполнительными функциями, что, в свою очередь, способствует эффективному управлению на местном уровне.

Взаимодействие между различными уровнями местного самоуправления в России имеет ключевое значение для обеспечения скоординированно-

го подхода к решению задач местного значения. Муниципальные образования, такие как городские округа, муниципальные районы и сельские поселения, действуют в рамках полномочий, определяемых Федеральным законом № 131-ФЗ. Существенными механизмами координации между этими уровнями являются совместное планирование, обмен информацией и делегирование полномочий. Это позволяет эффективно распределять ресурсы и избегать дублирования функций, что особенно важно в условиях ограниченных бюджетов местных органов власти. Органы местного самоуправления, как подчеркивают исследователи, выступают важными участниками в управлении муниципальными образованиями, становясь равноправными партнерами с государственными органами (Богатырева, Первышов, б.г. 2 с.).

Роль органов местного самоуправления в обеспечении местного управления заключается в реализации принципов самостоятельности и ответственности перед местным населением. Они выступают в качестве посредников между государственными органами и гражданами, а также обеспечивают предоставление общественных услуг и развитие инфраструктуры на местах. Конституция Российской Федерации закрепляет независимость органов местного самоуправления, что позволяет им самостоятельно решать вопросы местного значения. Это, в свою очередь, способствует развитию демократии и улучшению качества жизни граждан. Крамаренко подчеркивает, что местное самоуправление является важнейшим институтом демократической формы государственного устройства, позволяющим местным сообществам самостоятельно решать вопросы, касающиеся их интересов. Примером этого служит деятельность муниципалитетов в области образования и здравоохранения, где принимаемые решения непосредственно влияют на благосостояние местного населения.

Разделение полномочий между различными уровнями власти

Разделение полномочий между различными уровнями власти в Российской Федерации основывается на принципах, закрепленных в Конституции и Федеральном законе № 131-ФЗ. Органы местного самоуправления обладают самостоятельностью, что проявляется в их праве принимать решения по вопросам местного значения. Кроме того, они могут исполнять отдельные государственные полномочия, переданные им в установленном порядке. Такой подход позволяет учитывать специфику каждого муниципального образования, обеспечивая гибкость и адаптивность системы управления. Тем не менее, важным условием успешного функционирования остается четкое определение границ полномочий и механизмов взаимодействия между уровнями власти. Это способствует предотвращению дублирования функций и конфликтов интересов. Полномочия органов местного самоуправления в распоряжении

земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, определяются в соответствии с Федеральным законом «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (Политико-правовые проблемы взаимодействия муниципальных образований, 2014. 4 с.).

Одной из ключевых проблем в распределении полномочий между уровнями власти является ограниченность финансовых ресурсов местных органов самоуправления. Несмотря на наличие самостоятельных полномочий, низкая доля доходов местных бюджетов в консолидированном бюджете Российской Федерации затрудняет выполнение возложенных на них задач. Это создает необходимость дополнительного финансирования из региональных или федеральных источников, что может снижать независимость местных органов. Бабун (2016) указывает, что «к сожалению, и в государственных структурах, и в широких слоях общества местное самоуправление обычно понимается лишь как нижний уровень в системе публичной власти». Передача отдельных государственных полномочий также часто сопровождается недостаточным обеспечением ресурсами, что влечет за собой дополнительные вызовы в их реализации. Для решения этих проблем необходимо совершенствование системы межбюджетных отношений и создание условий, способствующих увеличению доходной базы местных бюджетов.

Функции и полномочия органов местного самоуправления

Основные функции местного самоуправления

В соответствии со статьей 132 Конституции РФ, муниципальные органы власти выступают главными гарантами предоставления основных социальных услуг для местных жителей. Их деятельность охватывает широкий спектр направлений: от управления коммунальной сферой до обеспечения культурных потребностей населения, включая образовательные и медицинские услуги. Повседневная жизнь граждан во многом зависит от эффективности работы местных властей, будь то бесперебойная подача воды, поддержание чистоты улиц или функционирование школьной системы. Именно эти структуры несут ответственность за создание достойных условий жизни в муниципалитетах.

Развитие и поддержание местной инфраструктуры составляет существенную часть полномочий муниципальных властей. В их ведении находятся дорожное строительство, коммунальные системы и облагораживание общественных пространств. Статистические данные Росстата демонстрируют, что в 2020 году основная доля местных бюджетов – свыше 60% – была использована для реализации социальных и инфраструктурных инициатив. Такие вложения не только повышают качество жизни местного населения, но и создают фундамент для экономического роста территорий, обеспечивая устойчивое развитие муниципальных образований.

Обеспечение безопасности граждан также входит в круг обязанностей местного самоуправления. Законодательство обязывает муниципалитеты активно участвовать в поддержании общественного порядка. По данным 2021 года, более 20 тысяч муниципальных образований России вовлечены в процесс обеспечения безопасности, тесно взаимодействуя с органами правопорядка и реализуя превентивные программы. Эта деятельность не только способствует формированию безопасной городской среды, но и укрепляет авторитет местной власти среди населения.

Полномочия в сфере социального и экономического развития

Муниципальная власть выступает ключевым звеном в обеспечении социального благополучия населения. Опираясь на статью 132 Конституции РФ, местные органы самостоятельно регулируют вопросы территориального значения и доступность социальных благ. Их компетенция распространяется на управление образовательной, медицинской, культурной сферами и систему социальной поддержки граждан. В их ведении находится функционирование учебных заведений, медицинских центров и учреждений культуры, а также внедрение программ социальной помощи. Статистика 2020 года показывает, что две пятых муниципального бюджета были направлены на социальные цели, что явно демонстрирует приоритеты местной власти.

В соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ, муниципалитеты наделены полномочиями по стимулированию экономического роста территорий. Они создают благоприятные условия для бизнес-среды, работают над привлечением капиталовложений, оказывают поддержку малому и среднему предпринимательству. Такая деятельность способствует увеличению налоговых поступлений и созданию дополнительных рабочих мест. Местные администрации формируют комплексные планы социально-экономического развития, направленные на модернизацию инфраструктуры и повышение уровня жизни населения. Таким образом, они выступают катализатором позитивных экономических изменений на местном уровне.

Для достижения поставленных целей муниципальные органы применяют разнообразные управленческие инструменты. В их арсенале – правовое регулирование, долгосрочное планирование, кооперация между муниципалитетами и поиск дополнительных источников финансирования. Особое значение придается диалогу с жителями через механизмы публичных обсуждений, анкетирования и работы с инициативными группами, что обеспечивает учет общественного мнения при принятии решений. Практикуется также взаимодействие с вышестоящими уровнями власти для реализации масштабных проектов. Этот комплексный подход позволяет эффективно решать задачи местного значения и обеспечивать поступательное развитие территорий.

Взаимодействие с государственными органами

Взаимодействие органов местного самоуправления с государственными органами регулируется нормативно-правовыми актами, обеспечивающими их автономность и субсидиарность. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливает принципы и механизмы взаимодействия, направленные на эффективное выполнение полномочий. Эти акты подчеркивают необходимость учета интересов местных сообществ при принятии решений на государственном уровне, что способствует гармонизации отношений между различными уровнями власти. Важно отметить, что «основные формы деятельности органов местного самоуправления» включают как непосредственное управление, так и взаимодействие с государственными структурами, что дополнительно повышает эффективность управления.

На практике взаимодействие между государственными и местными органами сталкивается с рядом вызовов, такими как недостаточная координация и ограниченность ресурсов. Тем не менее, внедрение методических рекомендаций Министерства финансов России в 2020 году по бюджетным отношениям способствовало повышению прозрачности и ответственности в распределении финансовых средств. Эти меры помогают решать проблемы, связанные с финансированием местных инициатив, и способствуют более тесному сотрудничеству между уровнями власти. Малявкина подчеркивает, что взаимодействие между органами государственной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления не ограничивается только партнерской, равноправной сферой; в большинстве случаев региональные и муниципальные органы стремятся к взаимному сотрудничеству (Малявкина, 2013, 18 с.). Это, в свою очередь, улучшает качество предоставляемых населению услуг.

Роль местного самоуправления в обеспечении общественных интересов

Обеспечение доступности услуг для населения

Муниципальные органы власти являются основными поставщиками социальных услуг для населения. В соответствии с ФЗ № 131-ФЗ от 6 октября 2003 года, на местное самоуправление возложены обязательства по обеспечению граждан образовательными, медицинскими, социальными и жилищно-коммунальными услугами. Для эффективного выполнения этих задач создана разветвленная система профильных подразделений. К примеру, образовательный сектор курируется специальными управлениями, отвечающими за работу школ и детских садов, в то время как коммунальный сектор обеспечивает функционирование систем водоснабжения, теплоснабжения и благоустройства. Такая организационная структура позволяет наи-

более полно удовлетворять потребности жителей в муниципальных услугах.

Статистические данные Росстата за 2021 год свидетельствуют, что три четверти российских граждан получают базовые социальные услуги именно через муниципальные структуры, что подчеркивает их фундаментальную роль в жизни общества. Качественное предоставление этих услуг способствует поддержанию социальной стабильности, улучшению показателей здоровья населения и росту образовательного уровня, что положительно влияет на экономическое и культурное развитие территорий. Важно отметить, что доступность муниципальных услуг служит инструментом выравнивания социальных возможностей для различных групп населения. Как отмечают эксперты Богатырева и Первышов, «в компетенции органов местного самоуправления находится широкий спектр вопросов, затрагивающих практически все стороны жизни и деятельности населения на территории данного муниципального образования» (б.г. 4 с.). Следовательно, эффективность работы местных органов власти напрямую определяет уровень общественного благосостояния.

Участие граждан в процессе принятия решений

Система местного самоуправления предусматривает разнообразные инструменты для активного участия населения в процессах принятия решений. Федеральный закон № 131-ФЗ закрепляет право граждан участвовать в местных референдумах, общественных обсуждениях и деятельности консультативных органов. Подобные формы гражданского участия обеспечивают учет общественного мнения при разработке и внедрении локальных проектов, что существенно повышает их результативность и общественное признание.

Практика гражданского участия в России демонстрирует впечатляющие результаты. Статистика 2020 года свидетельствует о проведении свыше 1200 общественных слушаний на муниципальном уровне, охватывающих вопросы благоустройства, развития инфраструктуры и социальной сферы. Такое взаимодействие не только оптимизирует качество управленческих решений, но и укрепляет доверие между населением и местной властью. Как отмечает Полещенко, «научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации впервые в юридической науке предпринято исследование соотношения государственной власти и местного самоуправления в сравнительном аспекте» (2010. 41 с.). Это подчеркивает важность изучения механизмов взаимодействия различных уровней управления и вовлечения общественности в процессы принятия решений.

Исследования показывают, что активное гражданское участие способствует повышению доверия к муниципальным органам на 15–20%. Это достигается за счет повышения прозрачности управления и его ориентации на реальные потребности жителей. Более того, вовлеченность граждан позволяет оперативно выявлять и решать локаль-

ные проблемы, что значительно повышает эффективность муниципального управления. В работах Лихачёва (2016. 32 с.) представлен анализ форм управленческой деятельности местных органов власти и определены пути повышения их результативности с учетом роли гражданского участия.

Влияние местного самоуправления на качество жизни населения

Муниципальные органы власти выступают основными проводниками социальных услуг для населения. По информации Росстата за 2022 год, более пятой части муниципальных бюджетов было направлено на образовательную сферу, что наглядно демонстрирует её первостепенное значение. В зоне ответственности местных властей также находится обеспечение доступности медицинского обслуживания и реализация программ социальной защиты, направленных на повышение благосостояния жителей. Эффективное распределение ресурсов и внедрение целевых программ позволяет муниципалитетам успешно решать базовые социальные задачи.

Значительное внимание местные власти уделяют развитию инфраструктуры и облагораживанию территорий. Показательным примером служат результаты программы «Комфортная городская среда»: в 2021 году было модернизировано свыше 25 тысяч общественных пространств, что существенно улучшило условия проживания горожан. Муниципальные структуры активно занимаются модернизацией дорожной сети, созданием рекреационных зон и поддержанием коммунальной инфраструктуры в надлежащем состоянии. Такая деятельность напрямую влияет на рост удовлетворенности граждан качеством жизни в своих населенных пунктах.

Особую роль местное самоуправление играет в укреплении общественных связей, создавая условия для эффективного взаимодействия между жителями. Согласно исследованию ВЦИОМ 2021 года, более двух третей россиян признают положительное влияние муниципальной деятельности на социальную консолидацию. Этому способствует проведение общественных мероприятий, поддержка гражданских инициатив и создание механизмов для активного участия населения в жизни муниципального образования. В результате местное самоуправление становится ключевым фактором в формировании сплоченного и гармоничного общества.

Современные проблемы и перспективы развития местного управления

Анализ современных проблем местного самоуправления

Одной из ключевых проблем местного самоуправления в России является недостаточная финансовая независимость муниципалитетов. По данным Счетной палаты РФ за 2022 год, 70% муниципальных образований сталкиваются с дефицитом бюджета, что существенно ограничивает их возможности в выполнении социальных и инфраструктурных

задач. Финансовая зависимость от трансфертов из вышестоящих бюджетов снижает самостоятельность местных органов власти в принятии решений и реализации проектов, направленных на улучшение качества жизни населения. Это создает значительные препятствия для эффективного управления на местном уровне. Важным аспектом для понимания структуры и функций органов местного управления является вопрос о соотношении государственной власти и местного самоуправления в Российской империи и Российской Федерации, как отмечает Полещенко (2010, с. 40).

Низкий уровень участия граждан в процессах местного самоуправления представляет собой значительную проблему. Исследование ВЦИОМ, проведенное в 2021 году, показало, что лишь 15% граждан России активно участвуют в общественных слушаниях и других формах взаимодействия с местными властями. Это свидетельствует о недостаточной информированности населения о возможностях влияния на принятие решений и о слабой мотивации к участию в управлении местными делами. Отсутствие активного гражданского участия ограничивает возможности учета реальных потребностей и интересов населения в деятельности органов местного самоуправления. Важно поддерживать гражданскую активность на местах, в муниципалитетах, чтобы у людей была реальная возможность участвовать в управлении своим поселком или городом, как подчеркивает Крамаренко (2014, с. 4).

Прозрачность деятельности органов местного самоуправления является важным показателем их эффективности и доверия со стороны населения. Тем не менее, в этой области существуют значительные проблемы. Согласно рейтингу прозрачности муниципалитетов, составленному Центром антикоррупционных исследований, менее 40% муниципальных образований предоставляет открытый доступ к информации о своей деятельности. Это ограничивает возможности граждан контролировать действия местных властей и способствует снижению уровня доверия к ним. Бабун подчеркивает, что местное самоуправление в России часто воспринимается как нижний уровень в системе публичной власти, что не отражает его истинной сущности и роли. Устранение этих недостатков является необходимым условием для повышения эффективности местного управления.

Перспективы реформирования и улучшения эффективности

В последние годы в России предпринимаются значительные усилия для реформирования местного самоуправления. Одним из ключевых шагов стало принятие в 2020 году новой редакции Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Этот закон направлен на оптимизацию структуры местного самоуправления, что включает перераспределение полномочий между уровнями власти и совершенствование механизмов взаимо-

действия между муниципалитетами и государственными органами. Такие изменения нацелены на повышение эффективности управления и устранение дублирования функций. Важно отметить, что, как указывает Бабун, «поводом для написания данной статьи явилось появление двух масштабных докладов, характеризующих современное состояние местного самоуправления в Российской Федерации» (2016, 9 с.).

Для повышения эффективности работы органов местного самоуправления необходимо сосредоточиться на нескольких ключевых аспектах. Прежде всего, следует обеспечить финансовую устойчивость муниципалитетов, что может быть достигнуто через перераспределение налоговых поступлений в их пользу. Важным аспектом является развитие профессиональных компетенций сотрудников органов местного самоуправления, что возможно через внедрение программ обучения и повышения квалификации. В этом контексте «возникает потребность детального изучения потребностей общества, его интересов и мнений в вопросах управления» (Богатырева, Первышов, б.г. 2 с.). Кроме того, необходимо активно внедрять современные технологии и инструменты управления, которые способствуют оптимизации процессов и повышению прозрачности работы органов власти.

Одной из ключевых перспектив развития местного самоуправления является внедрение цифровых технологий. В рамках национальной программы «Цифровая экономика» предусмотрено создание платформ для взаимодействия с гражданами, что позволит повысить уровень их вовлеченности в процессы принятия решений. Кроме того, цифровизация управления способствует повышению прозрачности деятельности органов местного самоуправления, что является важным фактором укрепления доверия граждан. Таким образом, использование современных технологий может стать основой для качественного улучшения работы муниципальных органов.

Роль технологий в развитии местного управления

Цифровизация представляет собой важное направление развития местного управления, способствуя повышению его эффективности и доступности. Введение электронных сервисов и автоматизация процессов позволяют значительно сократить временные и ресурсные затраты на выполнение административных задач. Согласно данным Минцифры России, в 2022 году доля муниципальных услуг, предоставляемых в электронном виде, составила более 70%. Это свидетельствует о значительном прогрессе в использовании технологий для упрощения взаимодействия граждан с местными органами власти, что, в свою очередь, способствует повышению доверия населения к этим органам.

Использование технологий также открывает новые возможности для повышения прозрачности и вовлеченности граждан в процессы мест-

ного управления. Создание цифровых платформ и порталов, обеспечивающих доступ к информации о деятельности муниципальных органов, позволяет гражданам более активно участвовать в принятии решений. В рамках национального проекта «Цифровая экономика» в 2021 году было выделено более 100 миллиардов рублей на развитие IT-инфраструктуры в регионах, что включает поддержку муниципальных органов управления. Эти меры направлены на создание условий для более прозрачного и открытого управления, а также на привлечение граждан к обсуждению и решению местных вопросов.

Заключение

В ходе исследования была проведена детальная оценка структуры, функций и полномочий органов местного самоуправления в России. Результаты анализа показали, что местное самоуправление играет ключевую роль в обеспечении общественных интересов, предоставляя населению базовые услуги и обеспечивая участие граждан в процессах управления. Исторический контекст формирования системы местного самоуправления в России продемонстрировал, как реформы и изменения законодательства влияли на её развитие, а современное состояние системы отражает сложившиеся традиции и адаптацию к новым вызовам.

Анализ современных проблем местного самоуправления выявил несколько ключевых вызовов, включая финансовую зависимость муниципалитетов, недостаточную вовлеченность граждан в процессы управления и ограниченную прозрачность деятельности органов местного самоуправления. Эти аспекты существенно ограничивают возможности органов местного самоуправления в выполнении их полномочий и достижении поставленных целей. Тем не менее, проведенный анализ также показал, что текущие реформы и инициативы направлены на преодоление этих проблем и улучшение эффективности работы органов местного самоуправления.

Для улучшения работы органов местного самоуправления рекомендуется усилить финансовую независимость муниципалитетов посредством увеличения их доли в налоговых поступлениях и расширения возможностей для привлечения инвестиций. Важно также развивать механизмы вовлечения граждан в процессы принятия решений, включая использование цифровых платформ и проведение общественных консультаций. Прозрачность деятельности органов местного самоуправления может быть повышена за счёт внедрения современных информационных технологий и регулярного информирования населения о результатах их работы.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение влияния цифровизации на эффективность работы органов местного самоуправления и анализ успешных практик взаимодействия муниципалитетов с гражданами. Кроме того, пер-

спективным является исследование международного опыта в области местного самоуправления для адаптации лучших практик к условиям России. Эти направления помогут углубить понимание роли местного самоуправления и способствовать его развитию.

Литература

1. Бабун Р.В. О современном состоянии местного самоуправления в России // Местное право. – 2016. – № 6. – С. 9–10.
2. Богатырева О.В., Первышов Е.А. Повышение роли органов местного самоуправления в эффективном функционировании и развитии муниципального образования // [б.и.]. – [б.м.], [б.г.]. – [б.с.].
3. https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/history_pravo/1_2016.pdf#page=32
4. Крамаренко С.В. Развитие институтов непосредственной демократии в местном самоуправлении: теоретико-правовые и прикладные аспекты: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 2014. – [б.с.].
5. Малявкина Н.В. Правовое регулирование взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации с органами местного самоуправления: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Белгород, 2013. – 2 с.
6. Полещенко Д.А. Соотношение государственной власти и местного самоуправления в Российской империи и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование // Муниципальное право. – 2010. – № 4. – С. 40–41.
7. Политико-правовые проблемы взаимодействия муниципальных образований с различными уровнями власти: Материалы VII Международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников, посвященной 150-летию земской реформы. Выпуск 7. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2014. – 203 с.

LOCAL GOVERNMENT BODIES IN RUSSIA

Avanesyan G.V.

Institute of World Economy

The article examines the key aspects of local government functioning in Russia, their role in public administration and interaction with federal and regional authorities. The author analyzes the legal framework governing local government activities in Russia. The main idea of the article is that local government bodies represent an important element of democracy and civic participation, allowing the population to influence decision-making processes in the region. The author emphasizes that the effective work of these bodies contributes to improving people's quality of life and creating a favorable social, economic, and cultural environment.

This publication explores the main directions of municipal authorities' work in Russian conditions, their place in the public administration system, and the nature of relationships with higher governmental structures. Special attention is paid to analyzing the regulatory framework that determines the principles of local government functioning in Russia.

The central thesis of the work is that municipal bodies are a fundamental component of democratic structure, providing real opportunities for the population to participate in territorial management. According to the author, the effective activity of local government directly affects the improvement of citizens' living standards through the formation of comfortable conditions in social, economic, and cultural spheres.

Thus, the article presents a comprehensive study of local government's role as a connecting link between the population and state power, emphasizing its significance for the development of civil society and democratic institutions in modern Russia.

Keywords: self-government bodies, democracy, structure, public interests, accessibility of services, problems, prospects, interaction.

References

1. Babun R.V. On the current state of local self-government in Russia // Local law. – 2016. – No. 6. – P. 9–10.
2. Bogatyreva O.V., Pervyshov E.A. Increasing the role of local government in the effective functioning and development of a municipality // [b.i.]. – [b.m.], [b.g.]. – [b.s.].
3. https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/history_pravo/1_2016.pdf#page=32
4. Kramarenko S.V. Development of institutions of direct democracy in local self-government: theoretical, legal and applied aspects: Abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – Saratov, 2014. – [b.s.].
5. Malyavkina N.V. Legal regulation of interaction of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation with local governments: Abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – Belgorod, 2013. – 2 p.
6. Poleshchenko D.A. The relationship between state power and local government in the Russian Empire and the Russian Federation: a comparative legal study // Municipal law. – 2010. – No. 4. – P. 40–41.
7. Political and legal problems of interaction of municipalities with different levels of government: Materials of the VII International scientific and practical conference of graduate students, teachers, practitioners, dedicated to the 150th anniversary of the zemstvo reform. Issue 7. – Saratov: Publishing house «Saratovsky Iсточnik», 2014. – 203 p.

Влияние нововведений административно-правового регулирования в системе государственных закупок на систему таможенных органов РФ

Агатова Татьяна Павловна,

аспирант Российской таможенной академии

E-mail: Agatovatp@yandex.ru

С учетом реалий развития и совершенствования правовой системы Российской Федерации, особое внимание уделяется оптимизации административно-правового законодательства при регулировании системы государственных закупок, таможенная служба РФ, в данном случае не является исключением.

За последние два года в систему государственных закупок было внесено значительное количество изменений на законодательном уровне. Ряд поправок коснулись административно-правового регулирования и внесения поправок в КоАП РФ. Так с 01 марта 2025 года оптимизирован подход к применению мер административного воздействия на должностных лиц при проведении закупок для государственных, муниципальных нужд и оборонного заказа, включая исполнение контракта, заключенного по результатам торгов.

В статье рассмотрим основные изменения, которые были внесены за последний год в систему административно-правового регулирования закупочной деятельности в целом, а также разберем, как данные изменения повлияли на систему и ведомственный контроль в системе таможенной службы РФ.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, ведомственный контроль, государственные закупки, государственные нужды, контрактная система, правительство, таможенная служба штраф.

Оптимизация системы административно-правового регулирования закупочной деятельности, является одной из главных и актуальных тем в современных реалиях таможенной службы РФ. Данный факт определяется, действующей на сегодняшний день стратегией развития таможенной службы РФ в период до 2030 года, где определено, что таможенная инфраструктура должна пройти полную модернизацию и обновление. В стратегии уделена особая роль материально-техническому оснащению, что напрямую взаимосвязано с административно-правовой деятельностью при проведении закупок в системе таможенных органов.

За проведением закупок, а также исполнением контракта, заключенного по результатам торгов, внутри системы таможенной службы РФ осуществляется внутренний ведомственный контроль. Помимо внутреннего контроля, на таможенную систему, так же распознаются нормы административного воздействия, закрепленные в КоАП РФ.

Масштабные изменения в систему госзакупок были внесены в 2024 году, а также с 01 марта 2025 года вступили в действия ряд поправок в КоАП РФ в части регулирования административной ответственности заказчиков при проведении закупок.

Оптимизация и кристаллизация системы закупок РФ продолжается по сегодняшний день с учетом массовых санкций, которые вводят недружественные страны нашего государства. В этой связи, внутри Российской правовой системы необходим тщательный и детальный взгляд на регулирование системы и контроля со стороны административных органов и усиленный ведомственный контроль внутри каждой системы.

В 2024–2025 году отмечается стойкая тенденция движения в сторону поддержки отечественного производителя и цифровизации. Соответственно, изменения, которые внесены и вносятся в систему госзакупок, в той или иной степени значительно усложняют работы всех государственных заказчиков. Таможенная служба – не является исключением.

С 01 марта 2025 года вступил в силу Федеральный закон, который предусматривает ряд изменений и поправок в КоАП РФ. Введены новые статьи, которые предусматривают административную ответственность за нарушения при планировании закупок, нарушения порядка заключения, исполнения, внесения изменений и расторжения государственного контракта. Также в данном законе предусмотрено административное наказание за нару-

шение проведения процедуры торгов, продажи муниципального и государственного имущества. [2]

Вышеуказанные поправки напрямую закрепляют возможность назначения административного наказания при проведении закупок в виде предупреждения за ряд правонарушений при выполнении оборонного и государственного заказа. Так, предупреждение может быть назначено должностному лицу за нарушение порядка утверждения, формирования и изменения планов-графиков закупок, а также за нарушение общего порядка расторжения контракта в случае одностороннего отказа от его исполнения.

Также, с учетом вступивших изменений, появились диапазоны штрафов от минимального до максимального значения.

В качестве основного нововведения стоит отметить штраф, который закрепляет норму о том, что на должностное лицо заказчика налагается штраф от десяти до двадцати тысяч рублей, в случае если заказчик не принимает никаких мер ответственности к поставщику (исполнителю, подрядчику) контракта, когда тот, в свою очередь нарушает условия контракта.

Также, хотелось бы акцентировать внимание в части внесения изменений при работе с заявками, поступившими на участие в торгах. С учетом поправок, за нарушением порядка, предусмотренного положением контрактной службы, вскрытия и рассмотрения заявок, на должностное лицо заказчика, может быть наложен штраф от пяти до тридцати тысяч рублей. Но также, в качестве меры воздействия, выносится предупреждение от контрольного органа. [2]

Исходя, из вышеизложенного следует, что нововведения затронули ряд аспектов, которые напрямую связаны со всеми этапами государственных закупок от планирования до исполнения контракта.

Еще одним существенным изменением является установление квоты закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства, что теперь составляет 25% от совокупного общего годового объема закупок заказчика. Ранее за нарушения квотирования, заказчику предъявлялся фиксированный штраф в размере пятидесяти тысяч рублей. Сейчас введена дифференцированная дифференцированная шкала в диапазоне от сорока до шестидесяти тысяч рублей. [1]

Теперь проанализируем, как ранее вносимые изменения в систему гос закупок, административное законодательство при проведении государственных закупок, а также, как изменения в кодексе РФ об административных правонарушениях, которые закреплены ФЗ-500 от 28 декабря 2025 года повлияли на систему закупок таможенных органов РФ.

Так приказом ФТС РФ 377 от 15 мая 2023 года был закреплен порядок взаимодействия Федеральной таможенной службы и ее территориальных подразделений при планировании и проведении закупок. Данный порядок разработан и заре-

гистрирован в Минюсте России с учетом вносимых изменений в систему госзакупок в целом. [2]

В порядке регламентирован и определен перечень товаров, работ, услуг, закупка которых осуществляется таможенной службой РФ; выделен перечень товаров, работ и услуг, которые закупаются отдельными управлениями таможенной службы РФ; четко регламентированы обязанности между центральными и региональными подразделениями ФТС при осуществлении закупок; определена зона ответственности по формированию плана закупок, обоснованию начальной-максимальной цены контракта, организации и проведению процедур, заключению и исполнению контрактов.

В положение о контрактной службе таможенных органов, с учетом изменений, вносимых в законодательство, также внесены ряды поправок.

Исходя из практики ФАС РФ за последний год, следует, что ведомственный контроль и контроль со стороны ФАС РФ при проведении закупок в ФТС РФ, также усилен. С учетом изменений, которые внесены в систему административно-правового регулирования государственных и муниципальных закупок за последнее время, количество административных дел в отношении должностных лиц Таможенной службы РФ, уменьшилось в разы. Так если сравнивать с периодом 2020–2023 гг. количество административных дел в части осуществления закупок заказчиком в лице таможенной службы по отношению к 2024 первому кварталу 2025 году уменьшилось на 30 процентов, что является отличной тенденцией к оптимизации и совершенствованию системы закупок ФТС РФ. [3]

Также, по результатам годовых отчетов таможенной службы следует, что заказчиком четко соблюдаются нормы квотирования закупок среди субъектов МСП, что защищает заказчика от трат на меры административного воздействия, со стороны контролирующих органов.

В последующем власти планируют вводить новые штрафы за нарушения при проведении закупочной деятельности для государственных заказчиков, оптимизируя до совершенства закупочную деятельность.

Хотелось бы дополнительно отметить, что не смотря на значительные изменения, вносимые в нормы административного регулирования закупок товаров, работ и услуг для государственных, муниципальных нужд и оборонного заказа, в регламент осуществления ведомственного контроля в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд таможенных органов Российской Федерации и учреждений, находящихся в ведении федеральной таможенной службы РФ, значительно не вносились изменения.

При проведении ведомственного контроля в структуре таможенных органов, приоритетными задачами являются, выявление и устранение нарушений таможенного законодательства Российской Федерации, допущенных при принятии таможенными органами решений и совершении таможенными органами или должностными лицами тамо-

женных органов действий (бездействия) в области таможенного дела, а также восстановление прав и законных интересов государства и участников внешнеэкономической деятельности.

Федеральная таможенная служба является стратегически важным звеном в структуре органов власти РФ, следовательно регулярное снабжение подразделений ФТС в материально-техническом оснащении, является важным условием для стабильной качественной работы. Проанализировав, регламент осуществления ведомственного контроля в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд ФТС РФ хотелось бы внести изменения в части расширения функционала ведомственных органов, а именно усилить контроль за должностными лицами при планировании и исполнении годового объема закупок. Проводить регулярные проверки минимум один раз в месяц, в лучшем случае не менее двух раз в месяц. Хотелось бы достичь единого метода контроля за реализацией и исполнением годового планирования, без существенных административных взысканий.

За 2024 год по отчетным данным Федеральной таможенной службы РФ контрольно-ревизионными подразделениями таможенных органов осуществлено более 125 проверок в формате контрольных мероприятий, из них 41 проверка в сфере закупочной деятельности, что является очень хорошим результатом

Ведомственная проверка является основным фактором, который поможет достичь устранения региональных проблем в сфере закупочной деятельности ФТС РФ.

Качественный контроль и аудит, способствуют поддержке и развитию методов пресечения и предупреждения нарушения норм административного права.

Подводя выводы, можно сказать, что правовая сфера административно-правового регулирования закупок товаров, работ, услуг на регулярной основе подвергается изменениям и актуализациям, исходя из реалий экономической и мировой системы. Таможенная служба с учетом своей специфики – не является исключением. Ведомственный контроль с каждым годом совершенствуется, доводя систему закупок до идеального состояния.

Литература

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.04.2025).
2. Федеральный закон 500 от 28 декабря 2024 года «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.04.2025).

3. Информационный портал для участников закупок. – URL: <http://zakupkihelp.ru/uchastniku-zakupok/zapros-kotirovok.html> (дата обращения: 16.04.2025).
4. Портал государственных закупок. – URL: <https://www.pro-goszakaz.ru/article/102597-qqq-17-m4-05-04-2017-preimushchestva-zaprosa-kotirovok> (дата обращения: 16.04.2025).
5. Алтынцев А.В. Базовые принципы и методы организации закупок для государственных и муниципальных нужд: международный опыт и российская практика. – М.: Труды ИСА РАН. Т. 43, 2009. – С. 43–52.
6. Стахова, М.В. Госзакупки. Новые правила игры / М.В. Стахова, Е.С. Урумова. – М.: Инфотропик Медиа, 2024.

THE IMPACT OF INNOVATIONS IN ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION IN THE PUBLIC PROCUREMENT SYSTEM ON THE SYSTEM OF CUSTOMS AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Agatova T.P.

Russian Customs Academy

Taking into account the realities of the development and improvement of the legal system of the Russian Federation, special attention is paid to optimizing administrative and legal legislation in regulating the public procurement system, the Customs service of the Russian Federation is no exception in this case. Over the past two years, a significant number of legislative changes have been made to the public procurement system. A number of amendments concerned administrative and legal regulation and amendments to the Administrative Code of the Russian Federation. Since March 01, 2025, the approach to the application of administrative measures against officials in procurement for state, municipal needs and defense orders, including the execution of a contract concluded as a result of bidding, has been optimized.

In the article, we will consider the main changes that have been made over the past year to the system of administrative and legal regulation of procurement activities in general, and also analyze how these changes have affected the system and departmental control in the system of the customs service of the Russian Federation.

Keywords: administrative and legal regulation, departmental control, public procurement, public needs, contract system, government, customs service fine.

References

1. Federal Law No. 44-FZ dated 05.04.2013 “On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs” // SPS ConsultantPlus (date of application: 04/16/2025).
2. Federal Law 500 dated December 28, 2024 “On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offences and Article 1 of the Federal Law “On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation”// SPS “ConsultantPlus” (accessed: 04/16/2025).
3. Information portal for procurement participants. – URL: <http://zakupkihelp.ru/uchastniku-zakupok/zapros-kotirovok.html> (date of access: 04/16/2025).
4. Public Procurement Portal. – URL: <https://www.pro-goszakaz.ru/article/102597-qqq-17-m4-05-04-2017-preimushchestva-zaprosa-kotirovok> (date of reference: 04/16/2025).
5. Altyntsev A.V. Basic principles and methods of procurement for state and municipal needs: international experience and Russian practice. Moscow: Proceedings of the ISA RAS, vol. 43, 2009, pp. 43–52.
6. Stakhova, M.V. Public Procurement. New rules of the game / M.V. Stakhova, E.S. Urumova. Moscow: Infotropik Media, 2024.

Состояние системы судебной власти на современном этапе развития общества

Алоян Левон Гагикович,

следователь в Следственном комитете Республики Армения,
НАН философии РА; истец Института социологии и права
E-mail: Levon_aloyan97@mail.ru

В статье представлен всесторонний анализ текущего состояния судебной системы Республики Армения, с упором как на ее структурные основы, так и на проблемы, препятствующие ее эффективному функционированию. Особое внимание уделяется недостаткам предыдущих инициатив по реформированию, которые, несмотря на заявленные цели, не дали ожидаемых результатов. Эти усилия часто были разрозненными, не имели единого стратегического видения, внутренней согласованности и надлежащего обоснования. В результате судебная система продолжала бороться с проблемами, связанными с общественным доверием, институциональной независимостью и операционной эффективностью. В статье подчеркивается, что к любым будущим реформам необходимо подходить с долгосрочной, систематической и комплексной точки зрения. В ней выступает за разработку и реализацию всеобъемлющей программы реформ, которая отражает как правовые принципы, так и меняющиеся ожидания армянского общества. В частности, в ней подчеркивается важность учета общественного восприятия и обеспечения прозрачности и подотчетности на протяжении всего процесса реформ.

Ключевые слова: правосудие, судебная система, повышение эффективности, судебная реформа, общественное мнение, системный подход.

The Constitution of the Republic of Armenia, in Article 4, states that «State power is exercised by the Constitution and laws, based on the separation and balance of legislative, executive, and judicial powers». Per Article 162 of Armenia's Constitution, the courts exclusively administer justice in the Republic of Armenia, in accordance with the Constitution and laws. The courts' final rulings are issued in the name of the Republic of Armenia [1, 2].

The Republic of Armenia's judicial system comprises first-instance courts of general jurisdiction, appellate courts, and the Court of Cassation, as well as specialized courts established by law. Currently, the operational specialized courts are the bankruptcy administrative court and the anti-corruption court. The Court of Cassation, Armenia's highest judicial body aside from constitutional matters, is responsible for ensuring the uniform application of the law as defined by the Constitution and relevant legislation. The establishment of extraordinary courts is prohibited.

The legal regulation establishes that the judicial authority is an independent and autonomous branch of state power. It belongs exclusively to the special state bodies—the courts—and is tasked with resolving social conflicts of a legal nature through a specialized judicial procedure, i.e., the administration of justice. The term “judicial authority” denotes the powers and functions of the judicial system, rather than the entities that wield this authority. The courts, as specialized state bodies, are the subjects that exercise judicial authority. Each governmental branch channels its functional powers through dedicated institutions, staffed by corresponding personnel and officials. Fundamentally, “judicial authority” refers to a power or function that must be embodied by a subject – in this case, the courts serve as the embodiment of judicial authority. The term “court” is a complex and multifaceted concept within the legal framework. In the legislation of the Republic of Armenia, the word “court” is used to denote several distinct meanings. The judiciary occupies a unique and autonomous position within the system of state institutions. As a state body empowered by the Constitution and laws, the court exercises judicial authority, including the administration of justice. The court consists of judges who are appointed or elected according to legally established procedures and who act based on principles of professionalism. The term “court” refers not only to the physical structures of the judicial system but also the various levels of jurisdiction within it, each of which is designated as a “court.” This terminology reflects the hierarchical position and status of these judicial entities within the overall legal framework. The legal definition of “court” refers to the judicial body, whether an indi-

vidual judge or a panel, that is legally empowered to hear and decide a specific case. The state's judicial power resides exclusively within its courts, which are tasked with examining and resolving socio-legal conflicts through defined procedural mechanisms.

The primary function of judicial power is the administration of justice. While the resolution of social conflicts is one role, the judicial system also establishes legally significant facts and situations in the civil sphere, as well as provides oversight in criminal proceedings. These additional functions, though secondary in nature, serve to prevent potential conflicts and ensure the effective and fair resolution of the central disputes brought before the courts.

The constitutional principle of separation of powers establishes the judiciary as an independent and autonomous branch of state power. The judicial bodies – the courts – have a unique status within this framework. Judicial power, with its distinct functional characteristics and substantive (sectoral) significance, represents a specific form of the state's activity, which is structurally organized as the justice system.

In legal states, the judiciary plays a vital role in upholding social justice, ensuring legality, and safeguarding fair trial procedures. In the Republic of Armenia, the mission and purpose of the judicial system is to protect the rights and legitimate interests of individuals and organizations within society. The exclusive authority of the courts in Armenia is to impartially examine and resolve social disputes [3,8]. The scope of socio-legal disputes under the courts' jurisdiction encompasses constitutional matters, administrative-legal issues, civil, family and labor cases, as well as the adjudication of criminal matters related to crime and punishment.

Over the past three decades, Armenia has implemented judicial and legal reforms, but systemic solutions to the issues under discussion have remained elusive. After the adoption of the 1995 Constitution, the first major reform aimed to replace the Soviet-era judicial system with an independent and autonomous judiciary, thereby establishing an independent national legal system and judicial bodies for the Republic of Armenia [6].

Following the initial constitutional amendments of 2005, the Jordanian government implemented a series of judicial and legal reform strategies. These included the 2009–2011 strategy, the 2012–2017 strategy (extended by one year), the 2019–2023 strategy, and most recently, the 2022–2026 strategy. The primary objectives of these reform programs were to establish an efficient and independent judicial system that enjoys public trust, as well as to strengthen the rule of law in the country [3]. Within the framework of the previous strategy, several codes related to the field of litigation have been adopted, including the Administrative Procedure Code (2013), the Constitutional Law on the Judicial Code (2018), and the Civil Procedure Code (2018). However, the implemented programs, though not fully realized, have not led to systemic reforms in the judicial system, nor have they succeeded in increasing public trust in the judicial authority or eliminating corruption within courts and law enforcement bodies [4, 7].

While certain judicial reforms have been enacted, they have fallen short of fully realizing the constitutional aims they were intended to address [5]. Specifically, the existing “Judicial Code” and “Constitutional Court Law” include provisions that continue to present substantial obstacles, particularly in the areas of judicial disciplinary processes, transparency of appointment procedures, and public accountability of the judiciary.

In 2018, political changes in the Republic of Armenia highlighted the paramount importance of establishing a genuinely independent, efficient, and corruption-free judiciary. This priority was subsequently emphasized in the 2019 government program, which formed the basis for the Judicial and Legal Reform Strategy for 2019–2023, adopted on October 10, 2019. The strategy delineated 18 strategic objectives for reform, addressing various aspects of the judicial system:

- Establishing an electronic justice platform and modernizing electronic databases for case records to improve accessibility.
- Strengthening the rule of law through the application of transitional justice tools.
- Implementing constitutional reforms.
- Reforming electoral legislation.
- Ensuring judicial independence and impartiality.
- Improving the public accountability mechanisms of the judicial power.
- Establishing a judiciary free from corruption and patronage.
- Enhancing the efficiency of judicial operations.
- Create a unified platform to coordinate services provided by state and local self-government bodies.
- Reform the law enforcement system.
- Revise criminal and criminal procedural legislation.
- Revise civil and civil procedural legislation.
- Enhance the effectiveness of administrative justice and procedures.
- Reform bankruptcy law.
- Develop alternative dispute resolution methods.
- Improve the efficiency of the notarial system.
- Enhance the effectiveness of the legal profession.
- Reform the enforcement system.

The strategic plan outlined short-term actions (2019–2020), long-term actions (2021–2023), and specific programs to develop an electronic justice platform and ensure the accessibility of case records in digital databases (2019–2023).

The implementation of the actions outlined in the strategy was significantly impacted by a series of external events. The declaration of a state of emergency due to the coronavirus pandemic, followed by quarantine measures and restrictions, disrupted normal operations. Additionally, the 44-day war in 2020 caused disruptions to the functioning of state institutions and made cooperation between various organizations impossible. These challenges hindered the timely execution of the reforms and the fulfillment of the strategic objectives set forth in the judicial and legal reform strategy. As of February 2022, the judicial and legal reform strategy for 2019–2023 outlined 94 actions, of which 70 have been partially or fully completed. These imple-

mented actions have resulted in several key reforms, including the adoption of new Criminal and Criminal Procedure Codes, the establishment of criteria for evaluating the conduct of judges and members of the High Judicial Council, the alignment of grounds for disciplinary responsibility of judges with anti-corruption goals, the creation of new administrative and anti-corruption chambers in the Supreme Court, the introduction of a pre-trial criminal procedure review system by specialized judges, the revision of electoral legislation, and the initiation of extensive efforts to reform the bankruptcy and enforcement sectors. The implemented reforms in Armenia have been highlighted in reports by several international organizations, emphasizing the need for continuous improvement. According to the “Corruption Perception Index 2021” by Transparency International’s Anti-Corruption Center, Armenia received 49 points, unchanged from the previous year. However, Armenia has made progress, ranking 58th among 180 countries, compared to 60th last year and 77th in 2019. Armenia is one of 25 countries that have shown significant improvement in the perception of corruption over the past decade.

The reforms have also contributed to strengthening democracy in Armenia, as evidenced by the country’s performance in the “Eastern Partnership Index 2020–2021.” Armenia is a leader in the “Democracy and Good Governance” category, scoring 0.73 points. Specifically, Armenia scores highly in indicators such as “Democratic rights, elections, and political pluralism” (0.84), “Free press” (0.67), “Freedom of opinion and expression, freedom of assembly and association” (0.84), “Fight against corruption” (0.88), and “Independent judicial power” (0.71).

Despite recent progress, multiple reports have highlighted ongoing challenges within the judicial system. For instance, the “Freedom House” report “Freedom in the World” rated the independence of the judiciary at just 1 out of 4 points each year from 2019 to 2021. Similarly, the existence of fair electoral laws was rated at only 2 out of 4 points during the same period.

Furthermore, a 2021 survey by the International Republican Institute found that only 8% of respondents expressed full satisfaction with the courts. This suggests the judicial system remains one of the least trusted state institutions in the country [10].

The judicial system in Armenia still requires several key improvements to enhance its independence and impartiality, increase public trust, reduce court backlogs, and improve the quality of public services and civil procedure legislation. Implementing a unified electronic justice management system and undertaking other essential reforms will be crucial for the overall development of Armenia’s judicial and legal framework.

The snap parliamentary elections held on June 20, 2021 demonstrated the irreversibility of democratic processes in Armenia. These were the second consecutive nationwide elections to receive high praise from the international community. Following the elections, the government presented a new program for 2021–2026, which formed the basis for the Government’s action plan adopted on November 18, 2021.

The government’s program and corresponding action plan outlined new priorities for the justice sector, including the judicial-legal system. This implied a revision of the judicial and legal reform strategy to align with the new government program. As a result, the action plan included revisions to the judicial and legal reform strategy, emphasizing areas such as electoral reform, e-justice, the legal profession, alternative dispute resolution, continued development of specialized courts and judicial sub-specializations, bankruptcy law reforms, and improvements to state and community services, including civil registration.

The revised strategy sets out 12 strategic goals and 41 strategic directions, covering a range of areas: e-justice, transitional justice mechanisms, reforms to democratic institutions (particularly constitutional and electoral), judicial system improvements, as well as reforms in criminal, civil, administrative, and bankruptcy law, alternative dispute resolution, the legal profession, enforcement of judgments, notary services, and overall justice system development.

The strategy comprises a detailed action plan that outlines the necessary actions for implementing each strategic goal. Furthermore, each strategic goal has been delineated into final, intermediate, and direct outcomes.

- **Final outcomes** represent the overall results at the sectoral and field level, illustrating the broader goals of the strategy.
- **Intermediate outcomes** are directly derived from the final outcomes, reflecting results at the sub-sector or specific phenomenon level. These outcomes contribute to the achievement of the final outcomes.
- **Direct outcomes** are immediately derived from the intermediate outcomes and represent the faster, more immediate results expressed in qualitative or quantitative indicators at a lower level. These outcomes contribute to the implementation of the intermediate outcomes.

The action plan for each goal provides a concise description of the action, its significance, the verification method, the data collection source, the responsible parties, and the funding source and amount. This detailed breakdown ensures clear implementation and monitoring of the strategy.

Литература

1. “The Judicial System of the Republic of Armenia: A Textbook for Universities”, Yerevan, Yerevan State University Press, 2019 (384 pages). (Текст: непосредственный).
2. Safaryan G., Malkhasyan L. Judicial Power as a Socio-Legal Institution: A Historical Study. Europrint, Yerevan-2020 (400 pages). P. 95–120. (Текст: непосредственный).
3. Government Decision № 1441-L of October 10, 2019, on Approving the “Strategy for Judicial and Legal Reforms of the Republic of Armenia for 2019–2023 and the Action Plans Derived from It” // RA PTE № 74 (1527) October 25, 2019. Текст: – электронный.

4. <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=110851> (дата обращения: 02.02.2025) Режим доступа: Правовая информационная система Армении. Текст: – электронный.
5. The analysis of the programs is more detailed in the document “The Impact of Judicial and Legal Reform Programs on the Establishment of Judicial Independence in the Republic of Armenia,” available at the following link. <http://prwb.am/new/hy/2019/01/25/%D5%B0%D5%A5%D5%BF%D5%A1%D5%A6%D5%B8%D5%BF%D5%B8%D6%82%D5%A9%D5%B5%D5%B8%D6%82%D5%B6%D5%A4%D5%A1%D5%BF%D5%A10/nD5%AF0/nD5-%A1%D5%B6-%D5%A2/> Текст: – электронный.
6. Mkrtumyan A., Avetisyan D., et al. Judge’s Manual: A Practical Analysis. Yerevan, Asoghik, Erevan, 2010. P. 414. P. 135–160. (Текст: непосредственный).
7. Special Part, textbook, 4th edition (author collective), Yerevan, YSU Publishing House, 2010. P. 592. С. 296–335. (Текст: непосредственный).
8. Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти. М., 2017. С. 41. (Текст: непосредственный).
9. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: Проблемы становления и разв. -СПб.: Лань, 2001. С. 85. (Текст: непосредственный).
10. Center for insights in survey research “Public Opinion Survey. Current Population of Armenia». https://www.iri.org/wp-content/uploads/2023/05/Armenia_Final-Presentation_01.05.2023_Eng.pdf Режим доступа: <https://www.iri.org/> Текст: – электронный.

THE STATE OF THE JUDICIAL SYSTEM AT THE PRESENT STAGE OF SOCIETY DEVELOPMENT

Aloyan L.

Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia

The present article provides a comprehensive analysis of the current state of the judicial system of the Republic of Armenia, focusing on both its structural foundations and the challenges that hinder its effective functioning. Special attention is given to the shortcomings of

previous reform initiatives, which, despite their declared objectives, failed to deliver the expected outcomes. These efforts were often fragmented, lacking a unified strategic vision, internal coherence, and proper justification. As a result, the judicial system has continued to struggle with issues related to public trust, institutional independence, and operational efficiency. The article emphasizes that any future reforms must be approached with a long-term, systematic, and integrated perspective. It advocates for the development and implementation of a comprehensive reform agenda that reflects both legal principles and the evolving expectations of Armenian society. In particular, it stresses the importance of considering public perceptions and ensuring transparency and accountability throughout the reform process.

Keywords: justice, judicial system, increasing efficiency, judicial reform, public opinion, systematic approach.

References

1. «The Judicial System of the Republic of Armenia: A Textbook for Universities», Yerevan, Yerevan State University Press, 2019 (384 pages). (Text: direct).
2. Safaryan G., Malkhasyan L. Judicial Power as a Socio-Legal Institution: A Historical Study. Europrint, Yerevan-2020 (400 pages). P. 95–120. (Text: direct).
3. Government Decision № 1441-L of October 10, 2019, on Approving the «Strategy for Judicial and Legal Reforms of the Republic of Armenia for 2019–2023 and the Action Plans Derived from It» // RA PTE № 74 (1527) October 25, 2019. Text: – electronic.
4. <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=110851> (date accessed: 02.02.2025) Access mode: Legal Information System of Armenia. Text: – electronic.
5. The analysis of the programs is more detailed in the document «The Impact of Judicial and Legal Reform Programs on the Establishment of Judicial Independence in the Republic of Armenia», available at the following link. <http://prwb.am/new/hy/2019/01/25/%D5%B0%D5%A5%D5%BF%D5%A1%D5%A6%D5%B8%D5%BF%D5%B8%D6%82%D5%A9%D5%B5%D5%B8%D6%82%D5%B6-%D5%A4%D5%A1%D5%BF%D5%A10/nD5%AF0/nD5-%A1%D5%B6-%D6%87-%D5%AB%D6%80%D5%A1%D5%BE%D5%A1%D5%AF%D5%A1%D5%B6-%D5%A2/> Text: – electronic.
6. Mkrtumyan A., Avetisyan D., et al. Judge’s Manual: A Practical Analysis. Yerevan, Asoghik, Erevan, 2010. P. 414. P. 135–160. (Text: direct).
7. Special Part, textbook, 4th edition (author collective), Yerevan, YSU Publishing House, 2010. P. 592. P. 296–335. (Text: direct).
8. Voskobitova L.A. Theoretical Foundations of the Judicial Authority. Moscow, 2017. P. 41. (Text: direct).
9. Lebedev V.M. The Judicial Authority in Modern Russia: Problems of Formation and Development. – St. Petersburg: Lan, 2001. P. 85. (Text: direct).
10. Center for insights in survey research «Public Opinion Survey. Current Population of Armenia». https://www.iri.org/wp-content/uploads/2023/05/Armenia_Final-Presentation_01.05.2023_Eng.pdf Access mode: <https://www.iri.org/> Text: – electronic.

Особенности субъектов и объектов юридической ответственности в публичном праве

Козлов Сергей Сергеевич,

ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»

Березин Александр Александрович,

аспирант, ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»
E-mail: alkamino@yandex.ru

В статье на основе анализа институциональных процессов исследуются особенности субъектного и объектного состава юридической ответственности в публичном праве. Значимость обращения к данной теме обусловлена динамикой изменений структуры государственной власти и интенсивным внедрением цифровых технологий в сферу управления. Автор обосновывает актуальность проблемы, исходя из очевидных преобразований в подходах к регламентации отношений между госорганами и гражданским обществом, а также подчеркивает усиливающуюся потребность в пересмотре традиционных категориальных основ в контексте современных вызовов. Цель исследования заключается в систематизации институционального, нормативного, междисциплинарного подходов для корректной оценки специфики санкционного механизма в публичном праве. В ходе работы выявляются структурные и методологические противоречия, порождающие несовместимость классических теорий с реалиями современной правоприменительной практики, что влияет на полноту правовой регламентации и устойчивость государственного регулирования. Резюмировано, что для повышения эффективности правового воздействия необходимо интегрировать элементы институционального анализа и гибкие методики оценки, способные учитывать многогранность публичных отношений. Изложенные материалы будут полезны для исследователей, практиков, законодателей, стремящихся к оптимизации взаимодействия между институтами госвласти и обществом.

Ключевые слова: власть, институциональный анализ, междисциплинарность, объект юридической ответственности, публичное право, субъект юридической ответственности

Введение

Проблема юридической ответственности в публично-правовой сфере остаётся одной из наиболее острых в современной науке, что обусловлено постоянной трансформацией публичной власти, ростом числа нормативных коллизий, а также необходимостью точного разграничения между частноправовыми и публичными началами. При этом категория субъектов и объектов ответственности зачастую рассматривается через призму общих теоретико-правовых положений, в то время как специфика публичного права требует более детального, структурного, содержательного подхода.

Основная исследовательская проблема заключается в отсутствии устойчивой доктринальной позиции относительно состава субъектов и границ объектов юридической ответственности в рассматриваемой сфере, что порождает неопределённость в правоприменении и существенно усложняет построение системы надлежащего реагирования на противоправные действия. В увязке с этим ставится важнейшая задача – проанализировать особенности субъектного состава и природы объектов, выявить внутренние противоречия в существующих интерпретациях и предложить концептуальные решения.

Материалы и методы

Современные научные изыскания, посвящённые раскрытию обсуждаемой темы, отражают обширный спектр исследовательских подходов. В рамках анализа литературы выделено несколько смысловых направлений.

Первую группу составляют работы, сфокусированные на институциональных и теоретико-правовых характеристиках самой категории ответственности. В труде Н.Р. Герасимовой, Х.Т.Г. Гадбана она в публичном праве рассматривается как самостоятельный институт, связанный с необходимостью поддержания функциональной легитимности власти и обеспечения её подотчётности [1]. В статье Д.Е. Пангельской, Н.М. Яковлева подтверждается эта концептуальная линия, при этом авторы настаивают на необходимости доктринального пересмотра оснований привлечения к ней [5].

Вторая категория объединяет публикации, в которых высвечивается ценностный и общественный потенциал рассматриваемого института. Так, А.И. Сайфуллин трактует юридическую ответственность органов публичной власти как социокультурный феномен, призванный легитимиро-

вать властные отношения в глазах общества [6]. В этом же контексте работа И.В. Кушнира представляет особый интерес – автор обращается к характеристике категориальной пары «баланс – дисбаланс» как аналитической оптике для изучения ответственности и правовых запретов [2]. Такой подход позволяет сместить акцент с формальной правонарушающей составляющей на системную целостность правопорядка.

Следующее исследовательское направление формируется вокруг проблемы субъектного состава. Изыскание М.Ю. Осипова направлено на осмысление статуса органов госвласти как субъектов правонарушения и, одновременно, как носителей публичной легитимации [4]. Автор подчёркивает противоречие между необходимостью привлечения к ответственности представителей власти и ограничениями, вытекающими из принципа разделения властей. Смежную тематику затрагивает и С.Н. Шабуневич, описывающий эволюцию ответственности государства как переход от частноправовой модели компенсации вреда к публично-правовой форме реагирования [10].

Особую группу составляют труды, ориентированные на модернизационные вызовы. В статье А.А. Тенетко анализируются содержательные стороны обсуждаемой темы в увязке с цифровизацией публичной сферы [8]. Автор справедливо указывает на размывание субъектных границ в условиях использования автоматизированных решений, что влечёт необходимость ревизии традиционных конструкций в сторону большей гибкости и динамичности. Также поднимается вопрос на предмет нормативной неопределённости и фрагментарности регулятивной базы. Аналогично, В.И. Червонюк и Е.А. Леоненкова делают упор на трансформации характеризуемой ответственности под воздействием инноваций в конституционной практике [9]. В работе Н.А. Скребневой принцип виновности анализируется сквозь призму различий между частным и публичным правом [7]. А.В. Моисеев сосредотачивается на проблеме реализации альтернативных санкций, показывая, что в публично-правовой сфере традиционные формы наказания не всегда адекватны специфике нарушений [3]. Он предлагает расширить арсенал юридических реакций за счёт процедурно-ориентированных и репутационных мер воздействия.

Обзор литературы помогает выделить ряд концептуальных расхождений, а также пробелов. Одни авторы склонны акцентировать нормативные и институциональные аспекты ответственности [1, 4, 5], другие – интерпретируют её как инструмент социоправового баланса [2, 6]. На фоне усиливающейся цифровизации и институциональной фрагментации публичной сферы растёт интерес к пересмотру субъектного состава и форм ответственности, что в ряде публикаций сопровождается отказом от классических категорий в пользу гибридных моделей.

При подготовке данной статьи в качестве методов использованы сравнение, формально-

юридический и контент-анализ, аксиологическая интерпретация, а также элементы институционального и системного анализа. Требуется дальнейшее развитие междисциплинарных стратегий, способных охватить весь спектр трансформаций в публично-правовой ответственности.

Результаты и обсуждение

Юридическая ответственность в публичном праве представляет собой механизм воздействия, посредством которого государственные институты налагают санкции на физических или юридических лиц, наделённых публичными функциями, за уклонение от исполнения или нарушение установленных законом обязанностей. Рассматриваемый институт характеризуется комплексностью мер, которые направлены на восстановление нарушенного баланса интересов, обеспечение законности при реализации властных полномочий, поддержание доверия к госсистеме, что делает его важнейшим инструментом регулирования и правоприменения [2, 7].

В рамках публичного права предполагается асимметрия властных полномочий и подчинённости, что непосредственно влияет на конфигурацию субъектного состава. В отличие от частной сферы, где участники правоотношений формально равны, в публичной субъектами ответственности выступают не только индивидуальные правонарушители, но и носители полномочий власти:

- соответствующие госорганы;
- должностные лица;
- те, кто наделён публичной функцией (например, государственные корпорации, унитарные предприятия, органы местного самоуправления) [1, 4].

Существенным отличием служит то, что в публичном праве субъект может одновременно находиться в позиции правоприменителя и объекта контроля. К примеру, должностное лицо, обладая публичной компетенцией, подчас нарушает установленные нормы при исполнении полномочий. Эта двойственность положения требует особого подхода к определению критериев ответственности, включая анализ:

- статуса;
- объёма компетенций;
- характера делегированных полномочий.

Нельзя игнорировать и тот факт, что в публично-правовой сфере допускается привлечение к ответственности не только физических, но и юридических лиц, при этом последние – субъекты публичного права – часто реализует функции, сопоставимые с властными. Проблема идентификации обостряется в условиях административной реформы и цифровизации госуправления, когда границы между публичной и частной сферами становятся всё менее чёткими.

В характеризуемой области объектом юридической ответственности является не только сам правонарушающий акт или результат деяния, но и подымаемые им публичные интересы. Здесь весьма

значима дифференциация между непосредственными объектами – теми, что непосредственно затронуты (например, порядок управления, функционирование государственной службы, финансовая дисциплина) – и ими же в широком смысле, представляющими собой совокупность охраняемых государством благ.

Ответственность ориентирована на защиту системы публичного управления как институциональной основы. Таким образом, объектом выступают не только формализованные нормы, но и функциональные компоненты правопорядка:

- стабильность;
- законность;
- доверие граждан к власти [9].

Подобный подход требует переосмысления традиционных категорий «ущерб» и «нарушение», поскольку последствия противоправного деяния могут быть нематериальными, но при этом глубоко деструктивными для публичного устройства.

Особого внимания заслуживает вопрос разграничения объектов ответственности при сложной системе многоуровневого управления. Нарушение, которое совершено на уровне местного самоуправления, подчас имеет отложенные последствия для централизованной системы. Следовательно, объект оказывается распределённым, а не локализованным в рамках одного институционального уровня (рис. 1).

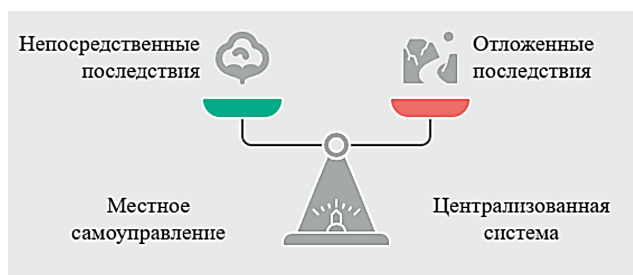

Рис. 1. Балансировка ответственности в многоуровневом управлении

(составлено автором на основе [3, 5, 8])

Далее следует обратиться к анализу проблематики пределов и механизмов индивидуализации. Так, в рамках публичного права предполагается наличие чётких механизмов привлечения к ответственности, однако в ряде случаев системная неясность в определении субъекта или объекта влечёт за собой явные трудности в юридической квалификации деяния. Индивидуализировать становится сложнее, во-первых, при наличии коллективных форм реализации власти (коллегиальные органы, межведомственные комиссии), а во-вторых – в ситуациях делегированной или субсидиарной ответственности, когда прямой виновник не совпадает с формальным исполнителем.

В рассматриваемом контексте встаёт вопрос конструктивной идентификации «фактического субъекта» – лица или органа, чьи действия или бездействие реально привели к нарушению. Для этого требуется применение комплексных правовых критериев:

- степени автономности принятия решений;
- характера и объёма делегированных функций;
- наличия дискреционных полномочий [1, 10].

Не менее важным является институциональный аспект механизма: применение санкций в публичном праве сопровождается не только юридическим осуждением, но и потерей репутационного и политического капитала. Следовательно, ответственность в характеризующейся сфере выполняет не только карательную, но и превентивную, а также регулятивную функции (рис. 2).

Рис. 2. Основные функции ответственности в публичном праве (составлено автором на основе [4, 6, 7])

Современные условия порождают новые конфигурации публичных субъектов, в том числе, цифровых агентов, контрактных форм управления, а также гибридных структур, сочетающих элементы государственной и частной инициативы. В складывающихся условиях возникают вопросы:

- кто несёт ответственность за действия автоматизированных систем, реализующих публичные функции;
- являются ли платформенные решения (например, в рамках «умного города») носителями публичных обязанностей и, соответственно, субъектами возможной ответственности [6, 9].

Помимо этого, остаётся нерешённым вопрос на предмет нормативной асимметрии – при совпадении последствий частного и публичного правонарушения меры ответственности могут существенно различаться. Это ведёт к фрагментарности правового регулирования и подрывает системную логику. Проблема заключается в том, что публичное право в ряде случаев стремится к избыточной формализации, игнорируя «социальную ткань» правоотношений и реальные причинно-следственные связи между субъектом и объектом нарушения.

Выводы

Особенности субъектов и объектов юридической ответственности в публичном праве определяются

институциональной природой властных отношений, многоуровневостью управления, а также ориентацией на защиту обобщённых, а нередко и трудно формализуемых интересов государства и общества.

Современные трансформации характеризуются сферой требуют не просто корректировки существующих подходов, но и выработки новых теоретических оснований, в рамках которых учитываются следующие процессы:

- цифровизация;
- гибридизация субъектов;
- усложнение механизмов правовой ответственности.

С авторской точки зрения, результативность публично-правового регулирования напрямую зависит от способности науки предложить точные критерии дифференциации исследуемых субъектов и объектов с учётом реалий XXI века.

Литература

1. Герасимова Н.Р., Гадбан Х.Т.Г. Юридическая ответственность в публичном праве // *Контентус*. – 2020. – № 7 (96). – С. 35–44.
2. Кушнир И.В. Категориальная пара «баланс – дисбаланс» в общетеоретическом исследовании запретов и ответственности по российскому законодательству // *Сибирский антропологический журнал*. – 2021. – Т. 5. – № 2. – С. 172–181.
3. Моисеев А.В. Проблема реализации альтернативных санкций в праве // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. – 2020. – Т. 1. – № 3 (96). – С. 29–35.
4. Осипов М.Ю. Юридическая ответственность органов государственной власти за нарушение прав граждан как фактор повышения эффективности взаимодействия публичной власти с населением // *Научные труды. Российская академия юридических наук. Сборник статей*. – Москва: 2020. – С. 11–15.
5. Пангельская Д.Е., Яковлев Н.М. Юридическая ответственность в современном публичном праве // *Евразийский юридический журнал*. – 2023. – № 1 (176). – С. 484–485.
6. Сайфуллин А.И. Институт юридической ответственности органов публичной власти как социальная ценность права в современном обществе // *Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики. Материалы V Национальной научно-практической конференции*. – Казань: 2021. – С. 150–155.
7. Скребнева Н.А. Принцип виновности как основание юридической ответственности в публичном и частном праве // *Наука и инновации – современные концепции. Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума*. – Москва: 2023. – С. 21–24.
8. Тенетко А.А. Юридическая ответственность в сфере цифровых технологий в публичном праве // *Роль бизнеса в трансформации общества – 2024. Сборник материалов XIX Международного конгресса (международной научно-практической конференции)*. – Москва: 2024. – С. 468–471.
9. Червонюк В.И., Леонтенкова Е.А. Публично-правовая ответственность: оценка современных взглядов в контексте утверждающегося в конституционной практике инновационного подхода // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2024. – № 4 (68). – С. 66–75.
10. Шабуневич С.Н. Эволюция доктрины ответственности государства перед личностью: от частноправовых к публично-правовым аспектам // *Юстиция Беларуси*. – 2024. – № 11 (272). – С. 13–18.

SPECIFICS OF SUBJECTS AND OBJECTS OF LEGAL RESPONSIBILITY IN PUBLIC LAW

Kozlov S.S., Berezin A.A.
Murmansk Arctic University

This article explores the particularities of the subject and object composition of legal responsibility within the domain of public law, drawing upon an analysis of institutional processes. The relevance of the topic stems from the ongoing transformation of state governance structures and the accelerated integration of digital technologies into administrative systems. The author substantiates the urgency of the issue by referencing evident shifts in the regulation of relations between state authorities and civil society, while also emphasizing the growing necessity to revise traditional categorical foundations in light of contemporary challenges. The aim of the study is to systematize institutional, normative, and interdisciplinary approaches for a more accurate evaluation of the sanctioning mechanism specific to public law. The research reveals structural and methodological contradictions that result in an incompatibility between classical legal theories and the realities of modern law enforcement, thereby affecting both the comprehensiveness of legal regulation and the stability of public administration. It is concluded that enhancing the effectiveness of legal intervention requires the integration of institutional analysis and flexible evaluative methodologies capable of capturing the complexity of public legal relations. The presented findings will be of particular value to scholars, practitioners, and policymakers engaged in optimizing the interaction between state institutions and society.

Keywords: authority, institutional analysis, interdisciplinarity, legal responsibility object, public law, legal responsibility subject.

References

1. Gerasimova N.R., Gadban H.T.G. Legal responsibility in public law // *Contentus*. – 2020. – No. 7 (96). – Pp. 35–44.
2. Kushnir I.V. The categorical pair “balance – imbalance” in the general theoretical study of prohibitions and responsibility under Russian law // *Siberian Anthropological journal*. – 2021. – Vol. 5. – No. 2. – Pp. 172–181.
3. Moiseev A.V. The problem of implementing alternative sanctions in law // *Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga University*. – 2020. – Vol. 1. – No. 3 (96). – Pp. 29–35.
4. Osipov M.Y. The legal responsibility of public authorities for the violation of citizens’ rights as a factor in increasing the effectiveness of public authorities’ interaction with the population. *Scientific Works. Russian Academy of Law Sciences. Collection of articles*. – Moscow: 2020. – Pp. 11–15.
5. Pangelskaya D.E., Yakovlev N.M. Legal responsibility in modern public law // *Eurasian Law Journal*. – 2023. – No. 1 (176). – Pp. 484–485.
6. Saifullin A.I. Institute of legal responsibility of public authorities as a social value of law in modern society // *Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice. Materials of the V National Scientific and Practical Conference*. – Kazan: 2021. – Pp. 150–155.

7. Skrebneva N.A. The principle of guilt as the basis of legal responsibility in public and private law // Science and Innovation – modern concepts. Collection of scientific articles based on the results of the International Scientific Forum. – Moscow: 2023. – Pp. 21–24.
8. Tenetko A.A. Legal responsibility in the field of digital technologies in public law // The role of business in the transformation of society – 2024. Collection of materials of the XIX International Congress (international scientific and practical conference). – Moscow: 2024. – Pp. 468–471.
9. Chervonyuk V.I., Leontenkova E.A. Public legal responsibility: an assessment of modern views in the context of an innovative approach established in constitutional practice // Legal Science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 4 (68). – Pp. 66–75.
10. Shabunovich S.N. Evolution of the doctrine of state responsibility to the individual: from private law to public law aspects // Justice of Belarus. – 2024. – No. 11 (272). – Pp. 13–18.

Проблемные вопросы в деятельности региональных контрольно-надзорных органов в области строительства

Барышников Никита Эдуардович,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

В статье рассматривается влияние изменений в основных положениях законодательных и нормативных актов в сфере контрольно-надзорной деятельности на объектах капитального строительства на функции и полномочия органов государственного строительного надзора. При этом показано, что ряд вводимых поправок могут нанести серьезный ущерб безопасности людей, зданий и сооружений.

Ключевые слова: законодательство, нормативные акты, безопасность населения, государственный строительный надзор, экспертиза проектной документации.

Строительный комплекс Российской Федерации является локомотивом всей экономики потому, что благодаря его деятельности решаются производственные, экономические и социальные задачи нашего государства.

Обязательными компонентами при строительстве зданий и сооружений должны быть их функциональность, эстетичность, надежность и безопасность. Для обеспечения безопасности населения и безаварийного состояния объектов капитального строительства функционируют органы государственного строительного надзора.

В соответствии с Градостроительным кодексом РФ (далее – Кодекс), надзор за строительной деятельностью реализуется исполнительными органами власти как федерального, так и регионального уровня. Эта система контроля имеет принципиальное значение для развития градостроительной сферы и страны в целом, гарантируя безопасность при возведении и обновлении капитальных объектов, включая жилые здания.

Законодательство четко разграничивает две контрольные функции в строительстве. В статье 53 Кодекса описывается строительный контроль – **внутренний механизм проверки**, осуществляемый непосредственными участниками строительства (подрядчиками, застройщиками или заказчиками). Его основная задача – следить за соблюдением проектных решений, строительных стандартов и качеством используемых материалов.

Параллельно действует **система внешнего надзора**, регламентированная статьей 54. Представители государственного строительного надзора обоих уровней наделены широкими полномочиями. Они вправе беспрепятственно посещать зарегистрированные стройплощадки для инспекций, истребовать необходимую документацию, выносить предупреждения при выявлении нарушений. В случае игнорирования замечаний строительные работы могут быть остановлены. Завершающим этапом становится участие инспекторов в процедуре ввода объекта в эксплуатацию [6, с. 4].

За двадцатилетний период действия Кодекса в него неоднократно вносились изменения, появлялись новые регулирующие документы. Однако не все законодательные новации позитивно отразились на качественных и безопасных аспектах строительной отрасли, особенно в современный период.

Регуляторная гильотина

В рамках масштабной реформы контрольно-надзорной деятельности после 2019 года был вне-

дрен принцип «регуляторной гильотины». Его законодательной основой стал Федеральный закон № 247-ФЗ от 31.07.2020 «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», инициировавший всеобъемлющий пересмотр нормативных актов с обязательными требованиями, принятых до начала 2020 года.

Масштабная ревизия затронула свыше 318 тысяч требований к предпринимательской деятельности, из которых более 143 тысяч были упразднены. Особенностью реформы стало активное взаимодействие с бизнес-сообществом через 43 специально созданные отраслевые группы, где предприниматели составили большинство участников. По оценке вице-премьера Дмитрия Григоренко, озвученной на Всероссийском форуме контрольных органов, модернизация регулятивной базы и её адаптация к современным реалиям позволила бизнесу сэкономить около 200 миллиардов рублей [12].

Существенным нововведением стала трансформация системы проверок на основе риск-ориентированного подхода. Правительство модифицировало процедуры контроля, внедрив систему управления рисками: теперь частота проверок напрямую зависит от уровня риска предприятия – организации с высоким риском подвергаются регулярным проверкам, тогда как низкорисковые субъекты освобождены от контрольных мероприятий [8].

В какой-то мере это помогло российскому бизнесу (в том числе и строительному) избежать лишних проверок в целях самостоятельного ведения контроля и обеспечения качества продукции. Однако в строительной сфере возникли дополнительные сложности и проблемы.

Так, была введена процедура обязательного досудебного обжалования при возникновении спорных вопросов (в отличие от ранее применяемого судебного разбирательства) [10, с. 17].

Также предложена единая система цифровизации процедур контроля – по видам надзора, по контролирующему органу, по территории.

Был применен мораторий на проверки, который коснулся как плановых, так и внеплановых проверок.

Понятие регуляторной гильотины было применено ко всем отраслям экономики, при этом заимствовано оно было из шведского опыта 80-х годов. Но есть одно отличие: в Швеции сам застройщик, предприниматель или физлицо несет ответственность за безопасность здания (сооружения) и органов стройнадзора (в отличие от многих других стран) там нет [9].

В настоящее время практически исключены выездные проверки объектов строительства со стороны органов госстройнадзора. В основном деятельность на профилактические мероприятия (консультирование, опрос, предупреждение), что не в полной мере обеспечивает эффективность контрольно-надзорной деятельности.

Уже с 2020 года действует на треть меньше Сводов Правил (бывшие СНиПы), чем ранее, причем в оставшихся нормативно-технических документах многие пункты, которые были обязательными, стали рекомендательными.

Послабления в регуляторной области могут быть вполне понятны, если это не касается безопасности граждан. Для строительной сферы государственный надзор обязателен. Анализируя некоторые аспекты в строительной сфере, можно доказательно объяснить необходимость надзорных органов в строительстве, причем при условии наличия в них компетентных, профессионально подготовленных служащих.

Строительные материалы

В 2015 году состоялась реформа института контроля за качеством производства строительных материалов, что обусловило негативные последствия в строительной отрасли [5, с. 8].

3 апреля 2013 года в высотном здании «Олимп» (40 этажей, высота 150 м) в Грозном произошло возгорание ветрозащитного покрытия на фасаде из-за короткого замыкания в сплит-системах. Фактически ветрозащитная пленка представляла собой тонкую синтетическую мембрану толщиной 0,5–1,0 мм, являясь легковоспламеняющимся материалом.

По данным следствия никто не погиб, так как строительство было не закончено [15].

25.03.2018 года произошел пожар в ТЦ «Зимняя вишня» из-за протечки воды в потолочном светильнике и короткого замыкания. Погибли 60 человек. Экспертиза установила, что талая вода (по официальной версии следствия) с крыши затекла в потолочный светильник на 4-м этаже, как раз над детским парком. Протечку замечали и до пожара, но внимания на неё никто не обращал.

Возможной причиной также могла быть контрафактная кабельная продукция, которая поступает на российский рынок.

По данным, озвученным на Круглом столе «Фальсификат и контрафакт строительных материалов и изделий: что делать добросовестным строителям?», современный строительный рынок серьезно насыщен поддельной продукцией. Об этом заявил **Антон Мороз**, занимающий посты вице-президента НОСТРОЙ и СПб ТПП. Согласно экспертным оценкам, доля фальсификата варьируется от четверти до более чем половины всех стройматериалов, а финансовые потери от его использования достигают астрономической суммы в 2 трлн рублей ежегодно.

В своем выступлении спикер подчеркнул, что при возведении капитальных объектов строительно-монтажные работы на 80% зависят от применяемых материалов. Это позволяет утверждать, что надежность и безопасность готового здания на 60% определяется качеством использованных строительных ресурсов [13].

История знает немало трагических примеров, когда возгорания в высотных сооружениях развивались по идентичному сценарию. Такие инциденты были зафиксированы в столице: в 2007 году пламя охватило фасад бизнес-центра «Дукат-плейс 3» на улице Гашека, а двумя годами позже аналогичная ситуация произошла с жилым домом, расположенным на улице Ивана Бабушкина.

В декабре 2009 года произошел один из самых трагичных пожаров в ночном клубе «Хромая лошадь» (г. Пермь), повлекший гибель 156 человек и впоследствии еще двух пострадавших. В Перми (2009 г.) в ночном клубе «Хромая лошадь» из-за пожара во время празднования юбилея клуба погибли 156 человек [14]. Это была одна из самых больших трагедий, связанных с пожарами.

Нарушение строительных норм и правил

Трагический инцидент, произошедший в торговом комплексе «Славянский» в Кемерово в феврале 2016 года, наглядно демонстрирует последствия пренебрежения строительными нормативами. В результате коллапса кровельной конструкции и межэтажного перекрытия второго уровня травмы получили семь человек.

Расследование показало, что корень проблемы кроется в халатном подходе к монтажу железобетонных элементов, когда строители отступили от установленных технических требований. Особую озабоченность вызывает тот факт, что действующие Своды Правил оставляют простор для вольной интерпретации некоторых своих положений, что создает потенциально опасную ситуацию при строительстве (рис. 1).

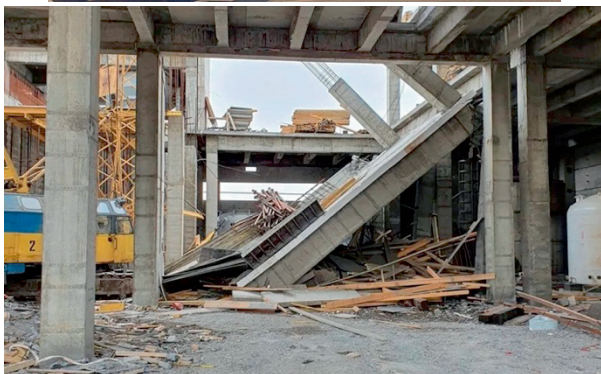

Рис. 1. Фотографии с места обрушения строительных конструкций

Выводы и последствия

- 1) По мнению экспертов, причиной аварийной ситуации была ржавая арматура в строительных конструкциях и ненадежность их крепления. Дополнительный эффект мог быть привнесен за счет вибрации от поездов железной дороги, находящейся рядом с этим зданием. Однако его следовало учесть при проектировании здания.
- 2) Внесенные изменения в нормативно-техническую документацию не всегда положительно влияют на качество и безопасность в строительстве. Свод правил СП 63.13330.2012 «Бетонные и железобетонные конструкции. Основные положения» содержал все расчетные приложения как справочные или рекомендованные, что не позволило их использовать как обязательные при проектировании здания.
- 3) Отсутствие надлежащего строительного контроля со стороны застройщика также явилось причиной обрушения конструкций.

Менее чем через год после обрушения собственники торгового комплекса начали незаконную реконструкцию здания с заменой несущих конструкций, что было замечено органами государственного надзора и приостановлено решением суда.

Негосударственная экспертиза

Значительные изменения в сфере экспертизы проектной документации произошли весной 2012 года. Первого апреля вступили в действие поправки к Кодексу, внесенные Федеральным законом № 337 от 28.11.2011, которые уравнивали в правах государственную и негосударственную экспертизу проектной документации и результатов инженерных изысканий.

Введение института негосударственной экспертизы преследовало несколько ключевых целей: стимулирование конкурентной среды среди экспертных организаций, повышение качества проектных разработок и ускорение процесса рассмотрения проектной документации [1].

Для получения полномочий на осуществление негосударственной экспертной деятельности организациям требовалось пройти процедуру аккредитации в Федеральной службе аккредитации, подтвердив соответствие установленным критериям. Примечательно, что представители строительного бизнеса и девелоперы с воодушевлением встретили появление альтернативных экспертных органов [2].

Однако после 5 лет существования негосударственной экспертизы выяснилось, что появилось большое количество аккредитованных экспертных организаций (около 900), причем большинство из них возникло, не имея практического опыта в проектировании и экспертной деятельности, что привело к крайне нездоровой конкуренции, значительному снижению качества экспертизы. В 2018 году Минстрой РФ подготовил законопро-

ект о создании саморегулируемой организации (СРО) для негосударственных экспертных компаний. При этом организации должны были вносить средства в компенсационные фонды (страхование ответственности и обеспечение договорных обязательств), что непомерно увеличивало финансовую нагрузку на эти компании с небольшой численностью персонала (как правило, 5–7 человек). В итоге закон не был принят, но проблемы обострились, так как некачественно произведенные экспертизы угрожают безопасности и жизням людей.

Более того крупные строительные компании стали организовывать свои «карманные» органы негосударственной экспертизы, что также отрицательно повлияло на качество проектной документации и результатов инженерных изысканий.

Известно, что коммерческие экспертизы отказали всего в 0,2% случаев при предъявлении проектной документации [6], но это вовсе не означает, что все проекты были абсолютно корректны.

Для заказчиков и генеральных подрядчиков создание альтернативы государственной экспертизы было возможностью ускорить процесс рассмотрения проектной документации и начала строительства, а зачастую и снизить затраты на экспертную деятельность. Но для строительной отрасли в целом это привнесло немало проблем.

Выводы

1. Упрощенная процедура аккредитации организаций негосударственной экспертизы проектов и инженерных изысканий и отсутствие должного контроля за их деятельностью привело к созданию многих фирм, не имеющих опыта в этой сфере и наличия квалифицированных специалистов, что повлекло снижение качества экспертной деятельности.

2. Организации негосударственной экспертизы проектов и инженерных изысканий должны нести ответственность (через СРО или другие контролирующие организации) за результаты своей профессиональной деятельности.

Общие выводы

1. Органы государственного надзора существовали и в дореволюционной России, и в Советском Союзе, и в постсоветские времена.
2. Ограничение их полномочий и функций при условии столь масштабного ведения строительства может повлечь ухудшение его качества и даже угрожать безопасности.
3. Вводимые в деятельность органов госстройнадзора профилактические мероприятия не всегда дают сведения и полные данные объекте капитального строительства, а значит, снижают эффект контрольно-надзорных действий.

Литература

1. Бебес А.О., Воронин Максим Александрович, Гаврилов Антон Александрович, Овченков

Вадим Витальевич, Беляк Владислав Сергеевич Описание механизма проведения строительной экспертизы при реконструкции // Московский экономический журнал. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opisanie-mehanizma-provedeniya-stroitelnoy-ekspertizy-pri-rekonstruktsii> (дата обращения: 08.04.2025).

2. Вошинский М.В. Защита прав предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля с учетом новых положений федерального законодательства // 2021 г. СПС «Консультант Плюс».
3. Дидикин А.Б. Обязательные требования и правовые средства их оценки в механизме регуляторной политики // Мониторинг правоприменения. 2021. № 1 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnye-trebovaniya-i-pravovye-sredstva-ih-otsenki-v-mehanizme-regulyatornoy-politiki> (дата обращения: 08.04.2025).
4. Коробко В.И. Технический надзор в строительстве: учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования /. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 208 с.
5. Лукманова И.Г. Строительный контроль и управление качеством в строительстве: учебное пособие / Под общ. ред. И.Г. Лукмановой. – Воронеж, 2016. – 185 с.
6. Малышев Н.С. Как теперь в России будет осуществляться государственный строительный надзор: обзор изменений и анализ проблем. // Статья на Едином ресурсе застройщиков. //erz.rf.//07.04.2021.
7. Сапёров, С.А. Правовое регулирование земельных и градостроительных отношений. Оборот и использование недвижимости: учебное пособие для вузов / С.А. Сапёров. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 394 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-14317-1. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/544249>
8. Тимофеева С.С., Груздева О.Е. Профессиональные риски в строительстве и «регуляторная гильотина» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Строительство и архитектура. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-riski-v-stroitelstve-i-regulyatornaya-gilotina> (дата обращения: 08.04.2025).
9. Четверик Н.П. Еще раз о независимом строительном надзоре: европейский опыт. // Ж. «Строительные материалы, оборудование, технологии XXI века», № 10, 2014. С.
10. Южаков В. Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Реформа госконтроля и «регуляторная гильотина»: что получилось с позиции бизнеса? // ЭКО. 2021. № 7 (565). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-goskontrolya-i-regulyatornaya-gilotina-cto-poluchilos-s-pozitsii-biznesa> (дата обращения: 08.04.2025).
11. Ялилов А.Д. Гражданско-правовые договоры как регуляторы отношений в области строи-

тельства // ВЭПС. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-dogovory-kak-regulyatory-otnosheniy-v-oblasti-stroitelstva> (дата обращения: 08.04.2025).

12. Электронный ресурс:// <https://ria.ru/20241102/ekonomika-1981551915.html?ysclid=m81g71cm-rj686287875>.
13. Информационный портал «Все о саморегулировании»./// <https://www.all-sro.ru/news/v-sankt-peterburge-obsudili-falsifikat-na-rynke-stroy-materialov/?ysclid=m81hnbkru9481240682>.
14. Электронный ресурс:// tass.ru/info/7265987.
15. Электронный ресурс:// <https://realty.rbc.ru/news/577d2c449a7947a78ce94d69?from=copy>.

PROBLEMATIC ISSUES IN THE ACTIVITIES OF REGIONAL CONTROL AND SUPERVISORY AUTHORITIES IN THE FIELD OF CONSTRUCTION

Barishnikov N.E.

Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article examines the impact of changes in the main provisions of legislative and regulatory acts in the field of control and supervisory activities at capital construction sites on the functions and powers of state construction supervision structures. It is shown that a number of the amendments can introduce seriously damaged the safety of people, buildings and structures.

Keywords: legislation, regulations, public safety, state construction supervision, examination of design documentation.

References

1. Bebes A.O., Voronin Maxim Alexandrovich, Gavrilov Anton Alexandrovich, Ovchenkov Vadim Vitalievich, Belyak Vladislav Sergeevich Description of the mechanism of construction expertise during reconstruction // Moscow Economic Journal. 2021. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opisanie-mehanizma-provedeniya-stroitelnoy-ekspertizy-pri-rekonstruktsii> (date of request: 04/08/2025).
2. Voshchinsky M.V. Protection of the rights of entrepreneurs in the implementation of state control (supervision) and municipal control, taking into account the new provisions of federal legislation» // 2021 SPS Consultant Plus.
3. Didikin A.B. Mandatory requirements and legal means of their assessment in the mechanism of regulatory policy // Monitoring

of law enforcement. 2021. No. 1 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnye-trebovaniya-i-pravovye-sredstva-ih-otsenki-v-mehanizme-regulyatornoy-politiki> (date of request: 04/08/2025).

4. Korobko V.I. Technical supervision in construction: textbook. a manual for students of institutions of higher professional education. education / . – M.: Publishing center «Academy», 2012. – 208 p.
5. Lukmanova I.G. Construction control and quality management in construction: a textbook / Under the general editorship of I.G. Lukmanova. Voronezh, 2016. 185 p. (in Russian)
6. Malyshev N.S. How the state construction supervision will be carried out in Russia now: a review of changes and an analysis of problems. // Article on the Unified resource of developers. // erz.rf/04/07/2021.
7. Saperov, S.A. Legal regulation of land and urban planning relations. Turnover and use of real estate: a textbook for universities / S.A. Saperov. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 394 p. (Higher education). – ISBN 978-5-534-14317-1. – Text: electronic // Educational platform Yurayt [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/544249>
8. Timofeeva S.S., Gruzdeva O.E. Occupational risks in construction and the «regulatory guillotine» // Bulletin Of SUSU. Series: Construction and Architecture. 2021. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-riski-v-stroitelstve-i-regulyatornaya-gilotina> (date of reference: 04/08/2025).
9. Chetverik N.P. Once again about independent construction supervision: European experience. // J. «Building materials, equipment, technologies of the XXI century», No. 10, 2014. p.
10. Yuzhakov V. N., Dobrolyubova E.I., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. The reform of state control and the «regulatory guillotine»: what happened from a business perspective? // ECO. 2021. No. 7 (565). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-goskontrolya-i-regulyatornaya-gilotina-cto-poluchilos-s-pozitsii-biznesa> (date of reference: 04/08/2025).
11. Yalilov A.D. Civil law contracts as regulators of relations in the field of construction // VEPS. 2022. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-dogovory-kak-regulyatory-otnosheniy-v-oblasti-stroitelstva> (date of request: 04/08/2025).
12. Electronic resource:// <https://ria.ru/20241102/ekonomika-1981551915.html?ysclid=m81g71cm-rj686287875>.
13. Information portal «All about self-regulation»./// <https://www.all-sro.ru/news/v-sankt-peterburge-obsudili-falsifikat-na-rynke-stroy-materialov/?ysclid=m81hnbkru9481240682>.
14. Electronic resource:// tass.ru/info/7265987.
15. Electronic resource <https://realty.rbc.ru/news/577d2c449a7947a78ce94d69?from=copy>.

Гарантии прав инвалидов: проблемы и перспективы в рамках инновационно-технологической модели инвалидности

Башмакова Ирина Владимировна,

аспирант высшей школы права Югорского государственного университета; аналитик в отделе адаптивной физкультуры, МБУ «Спортивный комплекс «Дружба»
E-mail: irinushka_bv@mail.ru

Изменения, которые происходят в обществе, процессы, внедряемые во все сферы жизнедеятельности, оставляют определенный след на общественных отношениях, которые формируются между определенными субъектами. Тематика инвалидности, в последнее время, претерпевает значительные преобразования, которые открывают возможности для инвалидов и порождают новые потребности, которые, для недискриминационного реализации прав и свобод инвалидов, требуют правовых гарантий. В настоящее время, инвалидность соответствует инновационно-технологической модели, что трактует целесообразность пересмотра нормативной правовой базы, регламентирующей реализацию прав и свобод инвалидов, с учетом современных потребностей.

Ключевые слова: инвалидность, гарантии, инновационно-технологическая модель, Социальный кодекс инвалидов РФ, специальные потребности.

Реализация прав и свобод не представляется возможной без общеобязательных правовых предписаний, которыми выступают правовые гарантии, закрепленные в нормативных правовых актах. Соблюдение такого рода предписаний необходимо для того, чтобы в обществе не возникало дискриминационного волнения, и все субъекты общественных отношений могли в полном объеме реализовать свои потребности, через призму гарантированности прав.

В Российской Федерации особое внимание обращено на проблематику инвалидности, обусловлен данный факт тем, что сложившаяся политическая обстановка приводит к росту численности инвалидов и, как следствие, возникает потребность в совершенствовании законодательной базы и, возможно, в ее глобальном пересмотре.

В настоящее время, гарантии прав инвалидов отражены в многочисленных нормативных правовых актах, основными из которых являются Конституция РФ¹ и Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»² (далее – ФЗ № 181-ФЗ).

Конституция РФ закрепляет основные права инвалидов, которыми они наделены наравне с иными категориями граждан, не имеющими никаких отклонений в состоянии физического или психологического здоровья. К таким правам следует отнести право на жизнь, на неприкосновенность, на жилище, передвижение и т.д.

ФЗ № 181-ФЗ был принят в результате ратификации Конвенции о правах инвалидов³, которая имеет определенную юридическую силу на территории государств, принявших ее. В указанном нормативном правовом акте закреплены определенные специфические права инвалидов, которые отражают те потребности, которые необходимо удовлетворить инвалиду для комфортной и полноценной жизни: право на реабилитацию и абилитацию, сопроводительное проживание, на медицинское обслуживание и т.д.⁴.

¹ Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 года // Государственная Дума Федерального собрания РФ. URL: <http://duma.gov.ru>.

² Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» в ред. от 28.12.2022 № 569-ФЗ. // Собрание законодательства РФ. – № 48. – 27.11.95. – Ст. 4563.

³ Конвенция о правах инвалидов: [Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года] // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 6. – Ст. 468.

⁴ Кобылина И.В. Проблемы обеспечения мер социальной защиты инвалидов в Российской Федерации // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2016. – № 2 (3). – С. 342.

Закрепленные права помимо их гарантированности, требуют и соответствующего их исполнения. Инвалид в силу определенных особенностей, не всегда может самостоятельно справиться с теми или иными физиологическими потребностями, что характеризует еще одну потребность, которая выражена в защите прав инвалидов уполномоченными органами. Государство, в свою очередь, обязано создать такую систему юридических гарантий, касающихся соблюдения и защиты прав и свобод инвалидов. Основная нагрузка в оказании помощи инвалидам лежит на органах социальной защиты¹.

Целесообразно выделять финансовые, организационные, правовые и иные гарантии, совокупность которых обеспечивает беспрепятственную реализацию прав и свобод инвалидов². При этом, не все нормативные правовые акты, которые регламентируют реализацию тех или иных прав инвалидов несут обязательный характер, например, нормативные документы, которые применяются уполномоченными органами государственной власти, осуществляющими защиту прав инвалидов, несут декларативный характер, что вызывает определенные трудности в рассматриваемой области.

Помимо указанного перечня гарантий отмечаются и гарантии процессуального характера, которые направлены на то, чтобы поощрить и протестировать противоправное поведение, а в данном случае и исключить дискриминацию³.

Итак, в Российской Федерации сформирован общий механизм правовых гарантий, из которых целесообразно выделить механизм субъективного характера, то есть механизм, который будут иметь отношение лишь к инвалидам. Примером сказанного может служить гарантия на образование, закрепленная в Конституции РФ, при этом, федеральное законодательство конкретизирует данную гарантию тем, что для реализации данного права инвалиду требуются специальные условия организации образовательного процесса.

Внедрение инновационных технологий оказало существенное воздействие на правовой механизм гарантий прав инвалидов. Инновационные технологии способствуют тому, что инвалиды, которые нуждаются в специфическом вмешательстве в их жизнедеятельность, например, инновационное протезирование, использование экзоскелетов, искусственного интеллекта и так далее, могут удовлетворить такие потребности, но при этом, следует отметить отсутствие четкого правового механизма в анализируемой области.

Предполагаем, что устранение существующих проблем возможно только через совершенствование законодательства, но с учетом новой модели инвалидности, при этом гарантии в рамках инновационно-технологической модели инвалидности должны учитывать следующие приоритетные направления:

- доступность инновационных технологий реабилитационного характера;
- универсальный дизайн инновационных технологий;
- техническую поддержку;
- правовую защиту;
- интеграцию (профессиональную и образовательную);
- социальное участие, но уже с позиции инновационного преобразования.

В виду того, что инвалиды являются категорией лиц, которым для создания благоустройства необходимы определенные технические средства реабилитации, а современные инновационные технологии способствуют более эффективной функциональности, требуется формирование новой инновационно-технологической социальной защиты.

Таким образом, в рамках инновационно-технологической модели инвалидности формируется новая потребность инвалидов, которая нуждается в законодательном закреплении и должна быть выражена в социально-техническом обеспечении.

Предполагается, что данное право должно включить в себя не только социальный характер обеспечения инвалидов, то есть пенсии, пособия, льготы и т.д., а также и учесть технологическое обеспечение, к которому целесообразно отнести технические средства реабилитации инновационного характера.

Еще раз вернемся к многочисленности нормативных правовых актов в рассматриваемой области, система правового регулирования в виду указанной проблемы, достаточно разниться. Здесь имеют место правовые пробелы в области терминологического аппарата, не урегулированности процедур использования и финансирования инновационных технологий и т.д.

Таким образом, имеется серьезная проблема, которая выражена в отсутствии единого правового пространства, устранить которую представляется возможным посредством принятия единого кодифицированного нормативного правового акта. Соответственно, целесообразно разработать и принять, например, «Социальный кодекс инвалидов Российской Федерации». Считаем, что принятие единого нормативно-правового акта, а именно кодекса, способствовало бы тому, что в него включили бы все нормы социального обеспечения, социального страхования, а равно социальной поддержки различных категорий граждан, в том числе детей-инвалидов.

Представляется, что данный кодекс должен вместить в себя перечень всех пособий, меры социальной поддержки, основы предоставления со-

¹ Титор С.Е. Особенности труда инвалидов // Инвалиды и общество. – 2017. – № 1 (23). – С. 39.

² Мецгер А.А. Гарантии прав человека и гражданина в юридической науке: теоретико-правовой аспект // Образование и право. – 2021. – № 8. – С. 64.

³ Козионов К. М., Радченко Т.Е. Системный подход к социальной помощи инвалидам // Сборник материалов XV Международной научно-практической конференции. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 123.

циального и медицинского обслуживания, а равно инновационных средств реабилитации и абилитации, закрепить единый понятийный аппарат, определить компетенцию федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ в сфере установления и предоставления мер социальной поддержки данной категории граждан.

Социальный кодекс РФ должен иметь определенную четкую структуру, которая должна предусматривать две части – общую и специальную. Общая часть Социального кодекса РФ должна включать в себя фундаментальные положения социальной защиты инвалидов, а также закрепить терминологический аппарат.

Социальный кодекс РФ должен включить все ныне действующие нормативные правовые акты, то есть, необходимо сделать консолидацию нормативных правовых актов. К таковым нормативным правовым актам целесообразно отнести:

1. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»;
2. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»;
3. Федеральный закон от 08.06.2015 № 139-ФЗ «О гарантиях социальной защиты отдельных категорий граждан»;
4. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»;
5. Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»;
6. Федеральный закон от 07.08.2000 № 122-ФЗ «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации»;
7. Федеральный закон от 22.12.2014 № 421-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений, связанных с предоставлением мер социальной защиты (поддержки), а также выплат по обязательному социальному страхованию отдельным категориям граждан, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

Помимо включения в Социальный кодекс РФ нормативных правовых актов, кодифицированный нормативный правовой акт должен полностью вытеснить все действующие разъяснения, письма,

инструкции в анализируемой области, носящие факультативный характер.

Таким образом, принятие единого кодифицированного нормативного правового акта будет способствовать устранению разрозненности, декларативности и бланкетности правового механизма прав инвалидов.

Литература

1. Козионов К. М., Радченко Т.Е. Системный подход к социальной помощи инвалидов // Сборник материалов XV Международной научно-практической конференции. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 121–124.
2. Мецгер А.А. Гарантии прав человека и гражданина в юридической науке: теоретико-правовой аспект // Образование и право. – 2021. – № 8. – С. 63–69.
3. Титор С.Е. Особенности труда инвалидов // Инвалиды и общество. – 2017. – № 1 (23). – С. 29–44.

GUARANTEES OF THE RIGHTS OF DISABLED PEOPLE: PROBLEMS AND PROSPECTS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE INNOVATIVE-TECHNOLOGICAL MODEL OF DISABILITY

Bashmakova I.V.

Ugra State University

The changes that occur in society, the processes introduced into all spheres of life, leave a certain mark on the social relations that are formed between certain subjects. The problem of disability has recently undergone significant transformations that open up new opportunities for disabled people, however, it also gives rise to new needs that, for the non-discriminatory implementation of the rights and freedoms of disabled people, require legal guarantees. Currently, disability corresponds to the innovative-technological model, which interprets the advisability of revising the regulatory framework governing the implementation of the rights and freedoms of disabled people, taking into account modern needs.

Keywords: disability, guarantees, innovative-technological model, Social Code of the Disabled People of the Russian Federation, special needs.

References

1. Kozionov K. M., Radchenko T.E. A systems approach to social assistance to disabled people // Collection of materials of the XV International scientific-practical conference. – Ufa: Bashkir State University, 2020. – P. 121–124.
2. Metzger A.A. Guarantees of human and civil rights in legal science: theoretical and legal aspect // Education and Law. – 2021. – No. 8. – P. 63–69.
3. Titor S.E. Features of the work of disabled people // Disabled people and society. – 2017. – No. 1 (23). – P. 29–44.

Лунев Владимир Георгиевич,

кандидат технических наук, генеральный директор,
ООО «Разрез Аршановский»
E-mail: info@arshanovskiy.ru

Березин Альберт Алексеевич,

магистр юриспруденции, юрисконсульт, АНО «Цифровая
Трансформация»
E-mail: berezinaa@my.msu.ru

Березин Эдвард Алексеевич,

студент института прокуратуры, Московского
государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: edwardberезин@mail.ru

В исследовании рассматриваются правовые аспекты добычи полезных ископаемых. Актуальность исследования заключается в необходимости более детального правового регулирования хозяйственной деятельности в области добычи полезных ископаемых и налогообложения данной деятельности в соответствии с налоговым законодательством, в том числе в отношении налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ).

Опираясь на международный опыт и противопоставляя его российской модели налогообложения, авторы исследования приходят к выводу о существовании противоречивых подходов в отечественном правовом регулировании, что создает потребность в его более детальной регламентации. В частности, отмечаются противоречия между «горнодобывающей промышленностью» и «разработкой карьеров», предлагаются законодательные уточнения.

Настоящее исследование подчеркивает важность гармонизации правового регулирования сферы добычи полезных ископаемых для устранения неточностей в налоговом законодательстве, увеличения экономической эффективности деятельности, защиты государственных интересов в отношении добычи полезных ископаемых.

Ключевые слова: налогообложение, НДПИ, законодательство о недропользовании, полезные ископаемые, горнодобывающая промышленность, недра.

Начиная с древних времен минеральные ресурсы являются фундаментом развития цивилизации. Традиционно под полезными ископаемыми понимаются «твердые, жидкие (кроме воды) и газообразные природные вещества, находящиеся в недрах земли и на ее поверхности в границах территории определенного государства и его континентального шельфа, используемые в народном хозяйстве» [1, с. 8]. В литературе принята классификация ископаемых ресурсов на твердые (мрамор, гранит, торф, уголь, различные руды металлов), жидкие (подземные воды, нефть) и газообразные (горючий газ).

Подпадая под категорию твердых ископаемых ресурсов, уголь является уникальным по своим свойствам топливом, применяемым во многих сферах промышленности. Ключевой особенностью ресурса является его сложная структура, в которую входят базовые химические элементы и вещества (азот, водород, углерод, летучие вещества). Различая качественные показатели витринита, температуру сгорания и выхода летучих веществ, в научном сообществе принято классифицировать уголь на бурый, каменный и антрацит [2]. Выделяют технологические марки угля, обозначаемые, как правило, одной – двумя первыми буквами (например, бурому углю соответствует марка Б) [3].

Как известно, уголь используется в качестве энергетического топлива, или в качестве технологического сырья при коксовании и для разнообразных углехимических процессов. В связи с чем по целевому назначению специалисты делят уголь на энергетический, используемый в энергетике, и коксующийся, то есть пригодный для коксования.

Уголь, содержащийся в недрах, не является, как и недра, объектом гражданского оборота. Экономическую ценность полезное ископаемое приобретает исключительно после извлечения из недр, то есть после непосредственной добычи.

На протяжении веков способы и технологии добычи полезных ископаемых менялись. Исследователи выделяют следующие этапы развития горных технологий: собирательство на поверхности (40–10 тыс. лет до н.э), первые примитивные подземные работы, добыча с использованием примитивной механизации труда (начало н.э. – средние века), механизация основных технологических процессов (XVIII в.), механизация и автоматизация технологий (XIX в.), модернизация добычи на основе научно-технического прогресса (XX в.), технологии будущего (настоящее время) [4, с. 14]. Несмотря на развитие технологий, смысл добычи – неизменный: полезное ископаемое извлекается (вынимается, добывается) из недр.

В действующем законодательстве отсутствует определение термина «добыча». Тем не менее

в целях регулирования налоговых отношений, складывающихся по поводу налога на добычу полезных ископаемых, важным с практической точки зрения является определение содержания этого явления.

В НК РФ содержание деятельности по добыче в целях налогообложения НДС раскрывается через определение термина «добытое полезное ископаемое».

Под «полезным ископаемым признается продукция горнодобывающей промышленности и разработки карьеров (если иное не предусмотрено пунктом 3 настоящей статьи), содержащаяся в фактически добытом (извлеченном) из недр (отходов, потерь) минеральное сырье (породе, жидкости и иной смеси), первая по своему качеству соответствующая национальному стандарту, региональному стандарту, международному стандарту, а в случае отсутствия указанных стандартов для отдельного добытого полезного ископаемого – стандарту организации» (п. 1 ст. 337 НК РФ).

«Полезным ископаемым также признается продукция, являющаяся результатом разработки месторождения, получаемая из минерального сырья с применением перерабатывающих технологий, являющихся специальными видами добычных работ, а также перерабатывающих технологий, отнесенных в соответствии с лицензией на пользование недрами к специальным видам добычных работ» (п. 1 ст. 337 НК РФ).

Очевидно, что извлечение из недр или отходов полезного ископаемого связано с возникновением обязанности исчисления и уплаты НДС. Добыча в логике ст. 337 НК РФ – это извлечение полезных ископаемых из недр и в результате применения технологических процессов.

Вместе с тем в анализируемой выше норме имеется противоречие: из пункта 1 следует, добытое полезное ископаемое относится к горнодобывающей промышленности и разработке карьеров. Однако горнодобывающая промышленность – это «комплекс отраслей по добыче и обогащению полезных ископаемых» [5, с. 106]. В ее состав входят все отрасли промышленности, связанные с добычей полезных ископаемых.

В свою очередь «разработка карьера» ни при каких обстоятельствах отраслью промышленности не является. Карьер – это горная выработка, образующаяся в процессе извлечения, в том числе полезных ископаемых. Таким образом, разработка карьера это один из элементов горнодобывающей промышленности. В связи с чем упоминание этих двух понятий является нелогичным.

Заметим, что само наличие термина «горнодобывающая промышленность» при обозначении и характеристике добытого полезного ископаемого является излишним. Законодатель под «промышленностью» понимает отрасль промышленности, определяемую исходя из ОКВЭД. В действующем классификаторе исследуемая сфера деятельности именуется «Добыча полезных ископаемых» [6]. Учитывая наличие противоречий, а также отсутствие смысловой нагрузки в упоминании гор-

нодобывающей промышленности и разработки карьера, предлагается уточнить анализируемую норму путем исключения из нее проанализированных дефиниций.

Главенствующим специальным источником в рассматриваемой сфере является Закон «О недрах», объектом регулирования которого составляют отношения, связанные с охраной, геологическим изучением, непосредственным использованием, разведкой и добычей полезных ископаемых.

Собственность государства на полезные ископаемые и иные ресурсы, находящиеся на территории в рамках государственных границ закреплена в ст. 1.2 Закона [7]. Участки недр не могут быть объектом гражданско-правовых сделок. Данный подход соответствует основной мировой практике. По сведениям, приведенным Воиновым В.В. в большинстве стран собственником всех природных ресурсов является соответствующее государство, невзирая на то, что собственником земельного участка, на котором установлено месторождение природных ресурсов является другое лицо. При этом в некоторых немногочисленных странах собственность на недра обусловлена собственностью на земельный участок (например, в США) [8, с. 30].

Добытые из недр полезные ископаемые по условиям лицензии могут находиться в федеральной государственной собственности, собственности субъектов РФ, муниципальной, частной и в иных формах собственности. Таким образом, процесс законной добычи ископаемых подразумевает переход после извлечения ресурсов в собственность добывшего их лица.

Национальная концепция в отношении добычи полезных ископаемых в настоящее время основывается на обеспечении полной охраны окружающей среды и использовании природных ресурсов с позиции необходимости и целесообразности [9, с. 110].

Законодательство о недропользовании, предусматривая правовые и экономические основы комплексного рационального использования и охраны недр, имеет своей целью обеспечение и последующую защиту интересов страны, хозяйствующих субъектов и граждан. Из отмеченного следует, что защита недр и их целесообразное использование являются первостепенными государственными задачами, в то время как обеспечение государственных интересов таковым не является.

Иной подход свойственен странам Восточной Азии. В соответствии с законодательством, регулирующим отношения в сфере недропользования на территории Китая, основными целями правового регулирования являются охрана полезных ископаемых, собственником которых, как указано выше, признается само государство, предотвращение нецелесообразного использования и расхищения природных ресурсов, защита государственного правопорядка.

Так, согласно Закону о минеральных ресурсах Китайской Народной Республики, принятому в марте 1986 г. [10], единственным собственником всех природных ресурсов, месторождения которых

расположены на территории КНР, признается государство, которое утверждает государственный план, устанавливающий требования по определенному уровню недродобычи и иных процессов в рассматриваемой индустрии [11, с. 102]. При этом, заметим, факт нахождения соответствующего земельного участка в собственности иного субъекта в этом случае не имеет правового значения.

Защита прав и интересов малочисленных народов, охрана окружающей среды в некоторых странах (в частности, в Австралии и Канаде) проявляется, помимо вышеуказанного, в обязательной процедуре согласования с общинами коренных малочисленных народов решения о предоставлении участков недр в пользование [12, с. 77].

Возвращаясь к национальному законодательству о недропользовании, отметим существование особых отношений между государством и недропользователями. Правовой статус государства как главного субъекта в сфере отношений недропользования объясняет преобладание в этой сфере императивных норм, имеющих публичный характер [13, с. 130].

Добыча полезных ископаемых лицензируется. Лицензией является документ, удостоверяющий право пользования участком недр в определенных границах в соответствии с указанной целью в течение установленного срока при соблюдении заранее оговоренных условий [14, с. 79]. При этом начало действия рассматриваемого разрешительного документа, и, следовательно, появление новых полномочий и обязанностей у лицензиата, связаны с процедурой его государственной регистрации [7].

Недропользование осуществляется в строго определенных пространственных границах. Эти границы в действующем законодательстве именуется участками недр. При описании границ участков недр, предоставляемых в пользование с правом добычи полезных ископаемых, указываются также верхняя и нижняя границы в контуре месторождения полезного ископаемого [15].

Участок недр, предоставляемый в рамках установленной процедуры с целью разработки новых месторождений природных ресурсов, именуется горным отводом. Указанная деятельность включает в себя непосредственное пользование горным отводом с целью добычи полезных ископаемых, возведение специальных сооружений и требует обязательного получения согласия.

На основании п. 2 ч. 2 ст. 33 Закона «О недрах» в процессе осуществления хозяйственной деятельности по добыче природных ресурсов из недр, возникает обязанность соблюдения всех регламентированных процедурных требований, в том числе и в части технических планов или проектов развития горных работ. В основе хозяйственной деятельности по добыче природных ресурсов лежат утвержденные планы, составленные исходя из положений проектной документации разработки полезных ископаемых.

В отношении проектной документации предусмотрена процедура ее утверждения, осуществ-

ляемая специально созданной Федеральным агентством по недропользованию комиссией.

Следует отметить, что добыча полезных ископаемых состоит из нескольких этапов. Является ли этап проектирования разработки месторождения составной частью добычи – вопрос дискуссионный. Однако он при каких обстоятельствах не входит в предмет настоящего исследования. Практическое значение ответ на этот вопрос будет иметь при налогообложении прибыли, получаемой недропользователем от основной деятельности. Следующим этапом является подготовительные работы, к которым относятся работы по бурению, снятию почвенно-растительного слоя и вскрышных работ. Подготовительными также являются работы, связанные с зачисткой не извлеченных из недр полезных ископаемых, их оконтуриванием и подготовкой к непосредственному извлечению. Основным этапом, непосредственно входящим в зону интереса настоящей работы, является непосредственная выемка полезных ископаемых из недр «на гора». Именно момент отделения, другими словами, выемки (изъятия) полезного ископаемого из недр или отходов и является основой для налогообложения НДС.

Проведенный анализ позволяет сформулировать определение добычи полезного ископаемого как лицензируемую, осуществляемую как правило на основании технического проекта (далее по тексту – ТП), деятельность по извлечению полезного ископаемого, в результате которой полезное ископаемое становится объектом гражданского оборота. Практическая ценность законодательного закрепления понятия добыча полезных ископаемых связана с необходимостью идентификации деятельности, результат которой является объектом взимания НДС.

Выявленные противоречия предопределили необходимость уточнить второе предложение п. 1 ст. 337 НК РФ, изложив его в следующей редакции: «При этом полезным ископаемым признается продукция (если иное не предусмотрено пунктом 3 настоящей статьи), содержащаяся в фактически добытом (извлеченном) из недр (отходов, потерь) минеральном сырье (породе, жидкости и иной смеси), первая по своему качеству соответствующая национальному стандарту, региональному стандарту, международному стандарту, а в случае отсутствия указанных стандартов для отдельного добытого полезного ископаемого – стандарту организации».

Литература

1. Язвин, А.Л. Еще раз о «подземных водах и полезных ископаемых» / А.Л. Язвин // Разведка и охрана недр. – 2020. – № 5. – С. 7–12.
2. ГОСТ 25543-2013 Угли бурые, каменные и антрациты. Классификация по генетическим и технологическим параметрам, с изменениями. М.: Стандартинформ, 2014. 21 с.
3. Информационно-технический справочник по наилучшим доступным технологиям ИТС

- 37–2017 «Добыча и обогащение угля» (утв. Приказом Росстандарта от 15 декабря 2017 г. № 2841). М.: Бюро НДТ, 2017. 294 с.
4. Специальные способы разработки месторождений полезных ископаемых: учебник для вузов. / Т.Т. Исмаилов, В.И. Голик, Е.Б. Долников. М.: Издательство Московского государственного горного университета, 2008. 331 с.
5. Мелешко, Ю.В. Специфика горной промышленности как вида экономической деятельности / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня. – 2020. – № 11. – С. 105–116.
6. ОК 029–2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200110162> (дата обращения: 01.04.2025).
7. Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395–1 «О недрах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 10 – ст. 823.
8. Правовые основы природоресурсного налогообложения: учебное пособие для бакалавров и магистров / под общ. ред. С.Г. Пепеляева. М.: Статут, 2017. 158 с.
9. Николаев, Д.А. Особенности предпринимательских правоотношений в сфере добычи общераспространенных полезных ископаемых / Д.А. Николаев // International Law Journal. – 2021. – Т. 4, № 6. – С. 109–112.
10. Mineral Resources Law of The People's Republic of China 19 March, 1996 (Article 3) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.china.org.cn/english/environment/34342.htm> (дата обращения: 01.04.2025).
11. Адигамов, А.И. Особенности развития правовой системы КНР в аспекте нормативно-правового регулирования добычи углеводородов / А.И. Адигамов // Образование и право. – 2024. – № 7. – С. 99–103.
12. Миркеримова, Н.Ф. Правовое регулирование геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых в зарубежных странах / Н.Ф. Миркеримова // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2020. – С. 74–78.
13. Березина, Ю.П. Маркшейдерская деятельность как средство контроля в недропользовании / Ю.П. Березина // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 5. – С. 129–131.
14. Третьякова, Е. Правовой статус пользователя недр как особого участника предпринимательской деятельности / Е. Третьякова // ЭП. – 2023. – № 3 (181). – С. 76–88.
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 3 мая 2012 г. № 429 «Об утверждении Положения об установлении и изменении границ участков недр, предоставленных в пользование» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 19. – ст. 2445.

THE ESSENCE AND LEGAL CONTENT OF MINERAL EXTRACTION

Lunev V.G., Berezin A.A., Berezin E.A.

Limited liability company «Razrez Arshanovsky», Autonomous non-profit organization «Digital Transformation», Kutafin Moscow State Law University

This study examines the legal aspects of mineral extraction. The relevance of the study lies in the need for more detailed legal regulation of economic activity in the field of mineral extraction and taxation of this activity in accordance with tax legislation, including with respect to the mineral extraction tax (MET).

Based on international experience and contrasting it with the Russian taxation model, the authors of the study come to the conclusion that there are contradictory approaches in domestic legal regulation, which creates a need for its more detailed regulation. In particular, contradictions are noted between the “mining industry” and “quarry development”, and legislative clarifications are proposed.

This study emphasizes the importance of harmonizing legal regulation of the mineral extraction sphere in order to eliminate inaccuracies in tax legislation, increase the economic efficiency of activities, and protect state interests in relation to mineral extraction.

Keywords: taxation, mineral extraction tax, legislation on subsoil use, minerals, mining industry, subsoil.

References

1. Yazvin, A.L. Once again about “groundwater and minerals” / A.L. Yazvin // Exploration and protection of subsoil. – 2020. – No. 5. – P. 7–12.
2. GOST 25543–2013 Brown coals, hard coals and anthracites. Classification by genetic and technological parameters, with amendments. Moscow: Standartinform, 2014. 21 p.
3. Information and technical reference book on the best available technologies ITS 37–2017 “Coal mining and beneficiation” (approved by the Order of Rosstandart dated December 15, 2017 No. 2841). Moscow: Bureau of NDT, 2017. 294 p.
4. Special methods of developing mineral deposits: a textbook for universities. / T.T. Ismailov, V.I. Golik, E.B. Dolnikov. Moscow: Publishing House of Moscow State Mining University, 2008. 331 p.
5. Meleshko, Yu.V. Specifics of the mining industry as a type of economic activity / Yu.V. Meleshko // Economic science today. – 2020. – No. 11. – P. 105–116.
6. ОК 029–2014 (KDES Rev. 2). All-Russian classifier of types of economic activity [Electronic resource]. Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/1200110162> (accessed: 01.04.2025).
7. Law of the Russian Federation of 21.02.1992 No. 2395–1 “On Subsoil” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 10 – Art. 823.
8. Legal Foundations of Natural Resource Taxation: a textbook for bachelors and masters / edited by S.G. Pepeliaev. Moscow: Statut, 2017. 158 p.
9. Nikolaev, D.A. Features of entrepreneurial legal relations in the field of extraction of common minerals / D.A. Nikolaev // International Law Journal. – 2021. – Vol. 4, No. 6. – P. 109–112.
10. Mineral Resources Law of The People's Republic of China March 19, 1996 (Article 3) [Electronic resource]. Access mode: <http://www.china.org.cn/english/environment/34342.htm> (date accessed: 01.04.2025).
11. Adigamov, A.I. Features of the development of the legal system of the PRC in the aspect of regulatory framework for hydrocarbon production / A.I. Adigamov // Education and Law. – 2024. – No. 7. – P. 99–103.
12. Mirkerimova, N.F. Legal regulation of geological study, exploration and production of minerals in foreign countries / N.F. Mirkerimova // Mineral resources of Russia. Economy and management. – 2020. – P. 74–78.
13. Berezina, Yu.P. Mine surveying activity as a means of control in subsoil use / Yu.P. Berezina // Civil service and personnel. – 2021. – No. 5. – P. 129–131.
14. Tretyakova, E. Legal status of a subsoil user as a special participant in entrepreneurial activity / E. Tretyakova // EP. – 2023. – No. 3 (181). – P. 76–88.
15. Resolution of the Government of the Russian Federation of May 3, 2012 No. 429 “On approval of the Regulation on the establishment and change of boundaries of subsoil plots provided for use” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 19. – Art. 2445.

Вишнева Ульяна Ивановна,

независимый исследователь, адвокат Московской коллегии адвокатов «Право и инновации»

E-mail: vishneva777@yandex.ru

Цель исследования – системный анализ проблем досудебного рассмотрения индивидуальных трудовых споров. При этом были охарактеризованы основные способы досудебного разрешения индивидуальных трудовых споров, выявлены проблемы, предложены способы их решения. В рамках работы использовался, прежде всего, формально-юридический метод, а также принципы объективности, плюрализма, системности. В результате было установлено, что основные способы досудебного разрешения индивидуальных трудовых споров не являются в полном объёме эффективными. При этом было определено, что такие проблемы вызваны, как правовыми дефектами, так и низким уровнем правовой культуры, отсутствием адекватного информирования, прежде всего, самих работников о возможности применения соответствующих правовых процедур. Как следствие, были обоснованы основные предложения в рамках реформирования трудового законодательства России, в первую очередь в части изменения модели рассмотрения споров КТС, введения специальной нормы об использовании процедур медиации при рассмотрении индивидуальных трудовых споров.

Ключевые слова: досудебное разрешение индивидуальных трудовых споров, индивидуальные трудовые споры, комиссия по трудовым спорам, медиация, работодатель, работник, судебный порядок разрешения споров.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что право на труд имеет конституционный характер, так как оно закреплено нормами статьи 37 Конституции РФ. Причем непосредственно пункт 4 настоящей статьи закрепляет право на индивидуальные и коллективные споры [1]. То есть требования разрешения таких споров фактически носит конституционный характер. Однако на сегодняшний день институт досудебного разрешения прежде всего индивидуальных трудовых споров переживает определенный кризис.

При этом, исследователи обращают внимание на тот факт, что подобные споры могут длиться довольно продолжительное время, месяцы и даже годы, что объективно не только не способствует стабильности в вопросах реализации трудовых функций, создаёт помехи стабильности в сфере производственной деятельности, но и ставит под сомнение эффективность самого механизма защиты прав работников [6, с. 144].

Естественно, важным фактором является проявление традиционного правового нигилизма, как со стороны работников, так и со стороны работодателей. При этом вполне верно обращается внимание на тот факт, что большинство субъектов трудовых правоотношений или в принципе не имеют представления о способах защиты своих трудовых прав, или склонны быть носителями такого вида правового нигилизма, как правового субъективизма, который понимается как чрезвычайная абсолютизация своих прав и игнорирование прав других субъектов трудовых правоотношений.

Также исследователи вполне резонно обращают внимание и на тот факт, что большинство работников не всегда чётко разбираются в системе документооборота. В настоящее время пока явно невысок уровень грамотности в сфере электронного документооборота, но даже в условиях традиционного документооборота на бумажном носителе, работники передают документы, например, заявления без подтверждения принятия документа на втором экземпляре. Это в частности, мешает создать адекватную доказательственную базу уже в ходе рассмотрения трудового спора в суде.

Кроме того, следует признать и тот факт, что органы прокуратуры, органы инспекции труда не всегда эффективно защищают трудовые права субъектов трудовых правоотношений и, прежде всего, работников. Как следствие, становятся очевидными следующие проблемы в сфере досудебной защиты прав работника:

- недостатки в целом самой системы, как механизмов, так и конкретных форм досудебной за-

щиты прав субъектов трудовых правоотношений, прежде всего, работников;

- нет достаточных механизмов и правовых форм в сфере урегулирования представительства сторон трудовых отношений и, прежде всего, работников в процедурах досудебной защиты прав;
- правовое положение работодателя и работника неравное, работник априори более слабая сторона, а работодатель в свою очередь наделен большими возможностями по защите своих интересов и имеет возможности для формирования необходимого для него объема доказательств для разрешения возникших споров.

Таким образом, например, ставится вопрос о целесообразности самого института комиссий по трудовым спорам в современной России. Но вместе с тем, следует отметить, что в рамках доктрины в известной степени рассматриваются и вопросы проблем использования медиации при досудебном рассмотрении индивидуальных трудовых споров [11].

Таким образом, в рамках статьи ставится в качестве цели анализ проблем досудебного разрешения индивидуальных и коллективных споров, как в КТС, так и с использованием медиативных процедур.

Обсуждение

Как уже отмечалось в настоящее время существуют определенные проблемы в части досудебного разрешения индивидуальных трудовых споров в рамках комиссии по трудовым спорам.

В ряде случаев такие проблемы для исследователей очевидны. В частности, речь идет о неэффективности комиссии о трудовых спорах, что позволяет говорить о том, что сама система досудебной защиты прав работников не является эффективной и от таких механизмов необходимо отказаться в частности от комиссий по трудовым спорам [9, с. 28].

При этом, например, Е. Сафарова обосновывает мнение о том, что сами результаты, итоги работы КТС, как основного органа досудебного разрешения, порой редко бывают полезными, так большая часть таких решений все равно обжалуется той стороной, которая недовольна принятым решением, что снижает роль КТС, как способа и фактора разгрузки судов» [Цит. по 9, с. 369].

Вместе с тем, как показывает практика, такое утверждение не всегда соответствует действительности. В частности, приводится довольно показательный пример, когда КТС приняла решение выплатить работнику о взыскании с компании суммы на 7,5 миллионов рублей не выплаченной заработной платы. Причем обжалованное работодателем в судебном порядке такое решение «устояло» в рамках судебного рассмотрения дела. И как следствие, соответствующие денежные средства были получены [6, с. 145].

Думается ликвидация такого института нецелесообразна, как минимум в силу двух основных причин.

Во-первых, ликвидация таких комиссий фактически приведет к тому, что будет ликвидирован сам институт досудебного разрешения индивидуальных трудовых споров.

Во-вторых, если будет ликвидирован данный институт, тогда станет неясно, какой именно орган будет разрешать споры в тех организациях, которые географически удалены от места нахождения судебных органов.

Вместе с тем, следует согласиться с теми авторами, кто определяет, что проблемы есть. Прежде всего, следует отметить, что в принципе в КТС обращаются относительно нечасто. При этом во многом таким фактором является законодательство РФ и разъяснения Пленума Верховного суда РФ. Высший судебный орган России отмечает, что нормы статьи 46 Конституции РФ гарантируют возможность судебной защиты и при этом сам ТК РФ не содержит нормы и положения об обязательном предварительном внесудебном порядке защиты и разрешения споров. То лицо, которое полагает, что его права нарушены, имеет право обращаться непосредственно в суд для защиты своих прав [4].

То есть в данном случае, рассмотрение спора КТС не является обязательным условием для подачи заявления в суд.

Естественно, существенным фактором является и неверие прежде всего работников в независимость КТС.

Здесь следует обратить внимание на мнение Г. Янкиной о том, что работники склонны не обращаться в КТС, так как работники не верят в то, что в рамках КТС будет справедливо разрешен соответствующий спор. При этом исследователь видит и паритетный способ формирования КТС [12, с. 258].

Аналогично, обосновывается точка зрения о том, что КТС в значительной степени находится в зависимости от работодателя. Поэтому даже если весь состав КТС будет формироваться за счет работников, то руководитель, работодатель все равно имеет все административные ресурсы, чтобы привлечь членов КТС на свою сторону.

Некоторые исследователи обосновывают точку зрения о том, чтобы превратить КТС полностью в орган трудового коллектива. Вместе с тем, такая трансформация КТС не будет способствовать реализации принципа равноправия сторон трудовых правоотношений и неочевидно, что эффективность деятельности КТС возрастет.

При этом, следует обратить внимание на мнение В. Сербинович, что формирование КТС только за счет работников очевидно будет нарушать принцип социального партнерства, который является одним из основных принципов современного трудового права [10, с. 292].

Точно также выделяют и такой минус КТС, как отсутствие компетентности членов самой КТС при рассмотрении трудовых споров. То есть, прежде всего, отсутствие профессионального юридиче-

ского образования, отсутствие широкой практики работы в рамках разрешения трудовых споров. В этом случае необходимо внедрение обязательных правовых семинаров, например, под шефством региональных отделений профсоюзов или трудовых инспекций, на которые с определенной периодичностью работодатель будет обязан за свой счет направлять сотрудников для повышения их юридической грамотности в вопросах трудового права. Это в свою очередь будет способствовать повышению общего уровня юридической грамотности работников, а также сократит злоупотребления со стороны работодателей.

Еще одной проблемой, которая не позволяет использовать весь ресурс института КТС, является отсутствие данной комиссии в подавляющем большинстве организаций. Только достаточно крупные организации имеют ресурсы для создания данного органа, но даже не все представители крупного бизнеса, не говоря уже, о среднем и малом бизнесе, формируют внутри своих компаний КТС. Это вызвано не только отсутствием ресурсов, но также и отсутствием инициативы для ее создания, как со стороны работников, так и со стороны работодателей. Последним чаще всего не нужен лишний орган, который будет иметь возможность влиять на внутренние дела организации и на его взаимоотношения с работниками.

Тенденции в настоящее время таковы, что работники при возникновении неразрешимых трудовых конфликтов чаще всего просто увольняются или идут на уступки руководству, осознавая их противоправный характер. На это влияет, как указывалось выше, отсутствие правовой грамотности, сложность доказывания своей позиции в КТС и в суде по причине отсутствия доступа ко всей информации и документам, которые находятся у работодателя, априори более сильное положение работодателя по сравнению с работником. Также для эффективной защиты своих прав и интересов работнику необходимо привлечение квалифицированного специалиста (адвоката), что зачастую финансово сложно для граждан, так как юридические услуги стоят дорого. Лишь небольшая доля граждан замотивированы отстаивать свои трудовые права всеми доступными законом способами.

Существуют и определенные проблемы правового характера, которые непосредственно вытекают из норм ТК РФ [2]. Нормы статьи 385 ТК РФ довольно четко ставят само право обращения в КТС в зависимости от невозможности работника самостоятельно или с участием своего представителя урегулировать разногласия. Но одновременно ничего не говорится о механизмах разрешения самостоятельно или с помощью представителя конфликта, спора.

Кроме того, думается данное требование неоправданно ужесточает порядок обращения в КТС, делая его даже более жестким, чем процедуру обращения в суд.

Более того, в статье 385 ТК РФ не определяется какие именно споры подлежат рассмотрению

в КТС. Лишь только осуществляя системное толкование норм статей 385 и 391 ТК РФ, можно сделать вывод о том, что КТС имеет право рассматривать те споры, которые не являются сферой исключительного рассмотрения судом.

В своё время А. Костюк обращал внимание на определенные дефекты статьи 387 ТК РФ [5, с. 41]. В частности, на тот факт, что нормы статьи 387 ТК РФ не содержат четкой процедуры рассмотрения и разрешения трудовых споров КТС.

Причём, исследователь отмечал, что в данном случае, более чётко и системно определены и прописаны права работника. Закрепляются, например, гарантии в случае неявки работника и его представителя. В то же время права работодателя на участие в заседании КТС не определены в принципе. Нормы анализируемой статьи дают право КТС, но не сторонам, вызывать свидетелей, специалистов. Но правовой статус свидетелей, специалистов не установлен.

Вторым блоком являются проблемы в сфере медиации, как досудебного способа разрешения трудовых споров. Причем данный институт относительно новый. Фактически полноценно он начал складываться после принятия в 2010 году закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [3].

Данный закон в пункте 2 статьи 1 определяет, что такая процедура может распространяться и на споры, которые возникают из трудовых правоотношений. Причём, следует отметить, что в рамках доктрины обосновываются плюсы и достоинства такой процедуры. Как правило к ним относят следующие [7, с. 55]:

- во-первых, конфиденциальность. Причём, закон о медиации закрепляет принцип конфиденциальности, что в данном случае представляет интерес для работодателей, так как в известной степени такая норма позволит в целях заботы о репутации предприятия, фирмы не выносить конфликт в публичную плоскость;
- во-вторых, это добровольность, что позволяет начать процедуру в том случае, если обе стороны заинтересованы в разрешении конфликта. А это уже изначально создает больше возможности для позитивного разрешения конфликта;
- в-третьих, это относительно короткий срок принятия решения, что вполне оптимально, так как трудовые конфликты, споры не должны длиться долго;
- в-четвёртых, это возможность прийти к общему решению, максимально оптимальному и при этом не портить сами отношения в рамках трудового коллектива.

Вместе с тем и при применении процедуры медиации возникают определенного вида проблемы. Прежде всего, следует согласиться с теми исследователями, кто обосновывает мнение о том, что не было внесено никаких поправок в нормы ТК РФ после принятия закона о медиации. Естественно, следует согласиться с теми, кто полагает, что не-

обходимо определить в рамках ТК РФ те категории споров, которые могут быть рассмотрены в рамках процедуры медиации, определить, что рассмотрение спора в КТС приостанавливается на срок процедуры медиации.

Одновременно Ю. Павловская выделяет и несколько иные проблемы, которые не позволяют институту медиации получить широкое распространение при рассмотрении индивидуальных трудовых споров [7, с. 56]:

- прежде всего нет формально определенных процессуальных форм разрешения трудовых споров именно с использованием такого института как медиация;
- предельно низкий уровень, как общей, так и правовой культуры сторон, которые являются участниками спора, субъектами спора, когда большинство даже не слышало о самом институте медиации;
- высокая степень конфликтности в рамках разрешения трудовых споров и в рамках гражданского процесса в целом;
- отсутствие полноценного опыта медиации в России.

Дискуссионным остается вопрос относятся ли прокуратура и государственная инспекция труда к органам досудебного урегулирования спора или же всё-таки данные инстанции являются надзорными органами.

С одной стороны цель досудебного урегулирования спора является устранение нарушения прав лица, что в рамках своих компетенций может сделать и прокуратура и государственная инспекция труда, но с другой стороны эти органы, как и суд располагают мощными властными полномочиями, которые не только могут разрешить спор между работником и работодателем, но и возложить в некоторых случаях на работодателя наказания в виде штрафов, запретов, а иногда и передать материалы проверки в правоохранительные органы для возбуждения уголовного дела, например, в случаях невыплаты работодателем заработной платы более двух месяцев. Фактически прокуратура и государственная инспекция труда являются для работника карательным инструментом в отношениях с работодателем, обращаясь в эти органы он не нацелен на разрешение спора мирным путем, а ждет карательных санкций в отношении работодателя, который нарушил его права.

Ранее судебная практика не разделяла позицию о том, что прокуратура и государственная инспекция труда являются органом досудебного урегулирования спора и не считал обращение в них уважительной причиной для пропуска срока на подачу искового заявления в суд.

В известной степени такая проблема была решена Пленумом ВС РФ от 29 мая 2018 года. [13].

Результаты

Таким образом, были выявлены проблемы в части досудебного рассмотрения индивидуальных трудо-

вых споров, и в первую очередь в рамках деятельности КТС и процедуры медиации. Как следствие, объективно необходимым становится внесение изменений в законодательство.

Говоря о деятельности КТС следует отметить, что реформирование деятельности таких комиссий, прежде всего, должно идти в рамках увеличения степени самостоятельности, независимости комиссий. В данном случае следует согласиться с теми исследователями, кто полагает, что возможно кардинально изменить сам процесс, способ формирования таких комиссий.

В частности, следует согласиться с теми авторами, кто полагает, что снизить уровень зависимости КТС от работодателя можно, если привлечь для рассмотрения такого спора КТС, которая была сформирована в другой организации, которая не относится к данному работодателю. Таким образом, состав КТС будет меняться.

Точно также представляется необходимым изменить положения статьи 385 ТК РФ и предоставить право работнику обращаться в КТС непосредственно без предварительного условия о разрешении спора лично с работодателем.

Целесообразно создание специальных правовых семинаров обязательных для всех работников под эгидой региональных профсоюзов или инспекции труда для повышения правовой грамотности в сфере их трудовых прав.

Также автор настоящей статьи считает целесообразным ввести статью 390.1. «Медиация при разрешении трудовых споров».

В ней могут быть урегулированы следующие вопросы.

- 1) Может быть определен перечень тех индивидуальных трудовых споров, которые разрешаются в рамках процедур медиации.
- 2) На время процедуры медиации приостанавливается рассмотрение спора в КТС, в суде.
- 3) Определить требования к медиативному соглашению при рассмотрении трудовых споров.
- 4) Определить сроки проведения процедур медиации при рассмотрении трудовых споров.
- 5) Определить требования к мировому соглашению в рамках процедуры медиации.

Заключение

Таким образом, по итогам работы можно сделать определенные выводы.

Во-первых, нормы современного отечественного законодательства закрепляют нормы о досудебном рассмотрении трудовых споров. Автор настоящей работы полагает, что в качестве основных способов можно рассматривать деятельность КТС и медиацию.

Во-вторых, при анализе вопроса о рассмотрении спора в рамках КТС были выявлены и определенные проблемы. В частности, отказ работников обращаться в КТС в силу того, что нет доверия к данному органу, в том числе, убежденность в том, что КТС выражают исключительно интересы

работодателя. Кроме того, следует отметить и проблему фрагментарности правового регулирования статуса КТС, наличие пробелов в законодательных предписаниях.

В-третьих, довольно эффективным способом досудебного разрешения споров может стать и процедура медиации. Вместе с тем она не получила широкого распространения в связи с тем, что нет необходимой правовой основы по вопросам разрешения трудовых споров. Кроме того, в известной степени такой институт остается пока неизвестным, прежде всего, для работника.

В-четвёртых, внедрение обязательных правовых семинаров для повышения знаний работников об их трудовых правах и обязанностях повысят в целом уровень их правовой грамотности, будет содействовать профилактике отказа от досудебного урегулирования трудовых споров.

В-пятых, автором настоящей статьи были обоснованы предложения по изменению отечественного законодательства в сфере закрепления досудебных процедур разрешения индивидуальных трудовых споров.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 04.02.2014 № 1 – ФКЗ, с учетом поправок, утвержденных всенародным голосованием 01.07.2020) // Российская газета. – 25.12.1993. – № 237.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 04.08.2024) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002. – N 1 (ч. 1). – Ст. 3.
3. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 августа 2010. – N 31. – Ст. 4162.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. N 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – N 6.
5. Костюк К.И. Проблемы разрешения индивидуальных трудовых споров в комиссии по трудовым спорам // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 6. – С. 40–43.
6. Новичков И.В., Лебедев М.А., Ковалева М.Д. Проблемные аспекты досудебного рассмотрения и разрешения трудовых споров // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 1. – С. 144–149.
7. Павловская, Ю.Ю. Медиация в трудовых спорах: проблемные аспекты правоприменения.

Вопросы трудового права. 2021. – № 5. – С. 54–56.

8. Панфилов Н.А., Шишкина А.Д. Практика деятельности комиссии по трудовым спорам (оп материалам судебной практики) // Вопросы российской юстиции – 2021. – № 1. – С. 369–377.
9. Семенихин В.В. Порядок рассмотрения индивидуального трудового спора в комиссии по трудовым спорам / В.В. Семенихин // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2020. – № 19. – С. 27–28.
10. Сербинович В.В. Эффективность создания комиссии по трудовым спорам на предприятии / В.В. Сербинович // Экономика и управление в современных условиях. – 2019. – С. 292–293.
11. Холодионова Ю.В. Медиация как способ урегулирования трудовых споров и роль посредника (медиатора) в этом процессе // Бизнес, менеджмент и право. URL: http://bmpravo.ru/show_stat.php?stat=875.
12. Янкин Г.Н. Особенности разрешения индивидуальных трудовых споров / Г.Н. Янкин // Аллея науки. – 2016. – № 4. – С. 257–264.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. N 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/documents/own/26841/?ysclid=m20e1qemxf603391442>

THE MAIN PROBLEMS OF PRE-TRIAL PROTECTION OF EMPLOYEE'S RIGHTS

Vishneva U.

Moscow Bar Association "Law and Innovations"

The purpose of the study is a systematic analysis of the problems of pre-trial consideration of individual labor disputes. At the same time, the main methods of pre-trial resolution of individual labor disputes were characterized, problems were identified, and ways to solve them were proposed. The work used, first of all, the formal legal method, as well as the principles of objectivity, pluralism, and consistency. As a result, it was found that the main methods of pre-trial resolution of individual labor disputes are not fully effective. At the same time, it was determined that such problems are caused by both legal defects and a low level of legal culture, the lack of adequate information, first of all, to employees themselves about the possibility of applying appropriate legal procedures.

As a result, the main proposals were substantiated within the framework of reforming the labor legislation of Russia, primarily in terms of changing the model for considering disputes of the Labor Dispute Commission, introducing a special rule on the use of mediation procedures in considering individual labor disputes.

Keywords: Pre-trial resolution of individual labor disputes, individual labor disputes, labor dispute commission, mediation, employer, employee, judicial procedure for dispute resolution.

References

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated

- February 4, 2014 No.1-FKZ, subject to amendments approved by popular vote on July 1, 2020). Rossiiskaia Hazeta [Russian Newspaper], December 25, 1993, № 237.
2. The Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on August 4, 2024). Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation], January 7, 2002. No 1 (part 1), Art. 3.
 3. Federal Law No. 193-FZ of July 27, 2010 "On an alternative Dispute Settlement procedure involving an Intermediary (Mediation Procedure)" (as amended on July 26, 2019), Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation], August 2, 2010, No. 31, Art. 4162.
 4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 dated March 17, 2004 "On the application of the Labor Code of the Russian Federation by the Courts of the Russian Federation " (with amendments and additions), Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2004, N 6. (in Russian)
 5. Kostyuk K.I., Problems of resolving individual labor disputes in the labor dispute Commission, Tendencii Razvitiia Nauki i Obrazovaniia, [Trends in the development of science and education], 2020, No. 6., pp. 40–43
 6. Lebedev M.A., Novichkov I.V., Kovaleva M.D. Problematic aspects of pre-trial consideration and resolution of labor disputes. Agrarnoe i Zemelnoe Pravo [Agrarian and land law], 2022, No. 1, pp. 144–149
 7. Pavlovskaya, Yu.Yu. Mediation in labor disputes: problematic aspects of law enforcement. Voprosi trudovogo prava [Labor law issues], 2021, No. 5, pp. 54–56 (in Russian)
 8. Panfilov N.A., Shishkina A.D. The practice of the Commission on labor disputes (based on judicial practice). Voprosi Rossiiskoi Justitsii [Issues of Russian Justice], 2021, No. 1, pp. 369–377
 9. Semenikhin V.V. The procedure for considering an individual labor dispute in the labor dispute commission. Buhgalterskii uchet v budjetnikh i nekommercheskikh organizatsiyakh [Accounting in budgetary and non-profit organizations], 2020, No. 19, pp. 27–28
 10. Serbinovich V.V. Efficiency of creation of the commission on labor disputes at the enterprise. Ekonomika i Upravleniye v sovremennikh usloviyakh [Economics and management in modern conditions], 2019, pp. 292–293
 11. Kholodionova Yu.V. Mediation as a way of resolving labor disputes and the role of an intermediary in this process. Biznes, menedjment i pravo [Business, management and Law]. Available at: http://bmpravo.ru/show_stat.php?stat=875
 12. Yankin G.N. Features of the resolution of individual labor disputes. Alleia Nauki [Alley of Science], 2016, No. 4, pp. 257–264
 13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 29, 2018 No.15 "On the application by courts of legislation regulating the labor of employees working for employers – individuals and employers – small businesses that are classified as microenterprises" (with amendments and additions). Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/26841/?ysclid=m20e1qemxf603391442> (in Russian)

Особенности внедрения искусственного интеллекта в судебные процессы: автоматизация и цифровизация правоприменения

Володин Евгений Анатольевич,

аспирант, АНО ВО «Московский гуманитарный университет»

E-mail: Volodin.zhen@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в судопроизводстве. Проанализированы перспективы и риски автоматизации отдельных процессуальных действий, таких как поиск и анализ судебных прецедентов, подготовка проектов судебных решений и оценка доказательств. Особое внимание уделено проблемам цифровизации правоприменительной деятельности судов в условиях развития информационного общества, включая обеспечение конфиденциальности персональных данных и минимизацию рисков алгоритмической предвзятости.

Цель исследования – определить ключевые направления внедрения ИИ в судебные процессы с учетом необходимости обеспечения процессуальных гарантий, таких как право на справедливое судебное разбирательство и равенство сторон.

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). В результате сформулированы предложения по оптимизации процессуального законодательства в целях эффективной имплементации технологий ИИ в судопроизводство, в частности, разработка правовых норм, регулирующих использование ИИ в судебной системе и устанавливающих стандарты качества и безопасности данных технологий. Сделан вывод о важности выработки концептуальных подходов к регламентации использования ИИ в судебной деятельности, учитывающих баланс между эффективностью правосудия и защитой прав и интересов граждан.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судопроизводство, цифровизация, автоматизация, правоприменение, процессуальное законодательство.

Введение

Стремительное развитие информационных технологий в начале XXI века оказало существенное влияние на все сферы жизни общества, в том числе на область юриспруденции. Одним из ключевых трендов цифровой трансформации права становится внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в юридическую практику, включая судопроизводство. Использование ИИ открывает широкие возможности для оптимизации и повышения эффективности судебных процессов за счет автоматизации рутинных операций, ускорения анализа больших объемов данных, обеспечения единства судебной практики. В то же время интеграция ИИ в деятельность судов порождает ряд дискуссионных вопросов, связанных с необходимостью обеспечения процессуальных гарантий, соблюдения принципов правосудия, определения пределов автоматизации правоприменения [1, с. 57].

Современные вызовы, связанные с необходимостью повышения эффективности системы правосудия, диктуют использование инновационных технологий, включая искусственный интеллект. Применение ИИ позволяет автоматизировать рутинные процессы, анализировать большие объемы нормативно-правовой информации и сокращать сроки рассмотрения дел. Однако, несмотря на очевидную пользу автоматизации и цифровизации, включение ИИ в правоприменение сопровождается рядом проблем юридического, этического и организационного характера.

Цель настоящего исследования – определить основные достижения и трудности внедрения ИИ в судебные процессы, проанализировать примеры передового опыта и наметить направления для дальнейшего совершенствования.

Материалы и методы

Объектом анализа стали программные решения, основанные на искусственном интеллекте, применяемые в системе правоприменения. Для анализа использованы комбинированные методы, включая сравнительно-правовое исследование успешных практик зарубежных и отечественных систем, а также формально-юридический метод для изучения нормативной основы использования цифровых технологий в судебной системе.

Литературный обзор

Одним из ключевых аспектов применения ИИ в судебных процессах является автоматизация обработ-

ки больших объемов данных. Как справедливо отмечает Б.Н. Габричидзе, использование алгоритмов машинного обучения позволяет существенно ускорить анализ судебной практики и систематизацию информации [2]. Примером успешной реализации такого подхода может служить система «Casebook», разработанная компанией Ravel Law. Данная платформа использует технологии естественной обработки языка (NLP) для поиска и классификации релевантных судебных решений, что значительно облегчает работу юристов.

В работах С.Ю. Васильева обсуждается роль ИИ в предотвращении ошибок и формировании рекомендаций на основе анализа прецедентов [3]. Вместе с тем, внедрение ИИ в судебную систему сопряжено с рядом проблем и ограничений. Как справедливо подчеркивает В.А. Лазарев, автоматизированные алгоритмы не должны подменять собой свободу судебного усмотрения [4]. Решения, принимаемые ИИ, должны носить рекомендательный характер и подлежать критической оценке со стороны судьи. Кроме того, использование ИИ в судебных процессах порождает вопросы этического и правового регулирования, связанные с обеспечением прозрачности, подотчетности и непредвзятости алгоритмов.

Полагаем, что внедрение ИИ в судебную систему является перспективным направлением, способным повысить эффективность и качество правосудия. Однако данный процесс должен происходить постепенно и сопровождаться тщательной проработкой правовых и этических аспектов. Необходимо четкое разграничение сфер ответственности между человеком и машиной, а также обеспечение контроля за функционированием алгоритмов. Только при соблюдении этих условий ИИ сможет стать надежным помощником судьи, не подменяя, а дополняя его профессиональные компетенции.

Международный опыт применения искусственного интеллекта (ИИ) в судебной системе демонстрирует значительный потенциал данной технологии для оптимизации процесса принятия решений. Ряд стран уже внедрил алгоритмы ИИ в свою судебную практику, что позволило повысить эффективность и скорость рассмотрения дел.

Одним из ярких примеров успешного использования ИИ в судебной сфере является опыт Эстонии. Как отмечается в исследовании М. Хервига и К. Спийлиотиса, эстонские суды применяют алгоритмы для автоматизации рассмотрения мелких исков, таких как споры по потребительским кредитам [5]. Система анализирует информацию по делу, формирует проекты судебных решений и представляет их судье для утверждения. Такой подход позволяет существенно сократить нагрузку на судей и ускорить процесс разрешения типовых споров.

Другим примечательным кейсом является опыт Китая, где активно внедряется платформа «智慧法院» («Умный суд»). Данная система, разработанная компанией Hao Lian Technology, использует

технологии машинного обучения и обработки естественного языка для анализа судебных документов и предоставления аналитических отчетов [6]. Платформа способна классифицировать дела, выявлять ключевые факты и генерировать рекомендации для судей. Согласно отчету Верховного народного суда КНР, применение «Умного суда» позволило повысить эффективность судопроизводства на 30% и получило высокую оценку на международном уровне.

На наш взгляд, опыт Эстонии и Китая убедительно доказывает значимость ИИ для принятия судебных решений. Автоматизация рутинных задач и предоставление аналитической поддержки судьям способствуют ускорению процессов, снижению нагрузки на судебную систему и повышению качества правосудия. Вместе с тем, важно отметить, что применение ИИ в судебной сфере требует тщательной проработки правовых и этических аспектов. Необходимо обеспечить прозрачность и подконтрольность алгоритмов, исключить риски дискриминации и предвзятости, а также сохранить за судьями ключевую роль в принятии окончательных решений.

Внедрение цифровых технологий, в частности искусственного интеллекта (ИИ), в различные сферы общественной жизни, включая судебную систему, порождает ряд юридических и этических проблем. Как справедливо отмечает А.Г. Шахназарова в своей работе «Правовые аспекты применения искусственного интеллекта в судебной системе», масштабная интеграция ИИ сопряжена с вызовами, связанными с защитой персональных данных и риском алгоритмической предвзятости [7].

Одной из ключевых проблем использования ИИ в судебной сфере является обеспечение конфиденциальности и безопасности персональных данных. Алгоритмы ИИ обрабатывают значительные объемы чувствительной информации, включая персональные данные участников судебных процессов. В этой связи критически важно разработать надежные механизмы защиты данных, обеспечивающие их конфиденциальность и целостность при использовании ИИ в судебной системе.

Другой серьезной проблемой является риск алгоритмической предвзятости. Для минимизации подобных рисков необходимо обеспечить прозрачность и подотчетность алгоритмов ИИ, а также разработать механизмы выявления и устранения предвзятости.

Целесообразно предположить, что проблемы защиты данных и алгоритмической предвзятости являются ключевыми вызовами на пути внедрения ИИ в судебную систему. Масштабная интеграция цифровых технологий требует выработки комплексных правовых и этических норм, обеспечивающих баланс между эффективностью правосудия и защитой прав граждан. Необходимо создать надежные системы информационной безопасности, гарантирующие конфиденциальность персональных данных. Кроме того, следует разработать стандарты и протоколы тестирования алгоритмов

ИИ на предмет предвзятости, а также обеспечить прозрачность и подконтрольность их функционирования.

Результаты

Текущий уровень цифровизации российского правосудия характеризуется неравномерностью. С одной стороны, активно развиваются системы электронного документооборота, видеоконференцсвязи, онлайн-сервисы для подачи процессуальных документов. С другой стороны, применение ИИ носит фрагментарный характер и ограничивается отдельными пилотными проектами.

Преимуществами ИИ в судебной деятельности выступают повышение оперативности, точности и последовательности принимаемых решений, снижение нагрузки на судей. В качестве рисков можно выделить опасность чрезмерной зависимости от алгоритмов, возможные ошибки и предвзятость ИИ.

Одним из успешных примеров цифровизации судебной системы является российская платформа «Электронное правосудие», позволяющая подать документы в электронном виде и отслеживать стадии рассмотрения дела. Однако объем судебных данных требует более глубокого анализа, что делает необходимым использование ИИ для предсказания исходов дел или выявления противоречий в правоприменении. Примером служит внедрение в Санкт-Петербурге пилотного проекта по автоматизированной обработке исков, что позволило на треть сократить сроки рассмотрения процедур по банкротству [8].

В России также ведется работа по цифровой трансформации судебной системы. Постановлением Правительства РФ от 21.12.2020 № 2184 утверждена Концепция цифровой трансформации судебной системы до 2030 года. В качестве приоритетного направления в ней обозначено внедрение ИИ-инструментов, в том числе для поиска судебных актов, автоматической генерации процессуальных документов, оценки перспектив рассмотрения споров. С 2019 года в судах общей юрисдикции функционирует сервис «Правосудие онлайн», позволяющий в автоматизированном режиме подавать процессуальные документы в электронном виде.

Развитие ИИ-технологий в российской судебной системе требует адекватного правового регулирования. Представляется, что в процессуальном законодательстве должны быть четко определены допустимые сферы и формы применения ИИ в судопроизводстве. В частности, на наш взгляд, целесообразно нормативно закрепить возможность использования ИИ-систем на этапе изучения судьей материалов дела, подбора релевантной судебной практики, подготовки проектов судебных актов.

При этом окончательные процессуальные решения всегда должны приниматься судьей с учетом оценки рекомендаций ИИ.

Анализ мирового опыта свидетельствует, что наиболее перспективными направлениями применения ИИ в судопроизводстве являются:

1. Оптимизация документооборота, автоматическая систематизация и анализ судебных актов.
2. Поддержка принятия решений путем обработки больших данных и прогнозного моделирования.
3. Использование чат-ботов для информирования участников процесса.
4. Внедрение технологий распознавания речи, изображений, автоматического протоколирования ормационной безопасности и приватности.

Правовое регулирование использования ИИ в судебной сфере в России находится на начальной стадии формирования. Действующее процессуальное законодательство не содержит прямых норм, регламентирующих применение ИИ. В связи с этим требуется выработка специального регулирования, устанавливающего принципы, пределы и процедуры задействования ИИ в судопроизводстве.

Зарубежный опыт свидетельствует о сложностях полной замены человеческого участия автоматическими решениями. В США система COMPAS, предназначенная для оценки риска рецидива преступников, подверглась критике за алгоритмическую предвзятость [9]. Кроме того, судьи ограничены в возможности проверки логики решений ИИ, что может отрицательно сказаться на справедливости и прозрачности результатов.

Обсуждение

Внедрение ИИ в судебные процессы является общемировым трендом. По мнению ряда экспертов, использование ИИ способно существенно трансформировать сферу правосудия, сделав его более технологичным, гибким и доступным для граждан [10].

При этом в научной литературе справедливо акцентируется внимание на необходимости взвешенного подхода к цифровизации правосудия. Передача ИИ функций по отправлению правосудия не должна подрывать фундаментальные принципы независимости и беспристрастности судей, самостоятельности и равноправия сторон [11].

Учитывая комплексный характер проблемы, важным представляется организация междисциплинарных исследований, направленных на осмысление социальных, правовых и этических аспектов применения ИИ в юридической практике [12].

Применение ИИ в судах имеет очевидные преимущества, такие как экономия времени, повышение унификации решений и укрепление прозрачности правоприменения. Однако, несмотря на это, технология не устранит проблемы полностью. Одной из основных преград остается недостаточная правовая регламентация алгоритмов. Современное законодательство недостаточно адаптировано к вызовам цифровизации, что создает неопределенность в регулировании обязательств цифровых

систем. Более того, значительную угрозу представляет риск утраты данных при кибератаках.

Позиция российских судов пока сдержанна в отношении ИИ. Судебная практика избегает ссылок на автоматические системы как базы для принятия решений. Кроме того, формализация правосудия через цифровые инструменты может ослабить человеческий подход к разрешению споров, нивелируя субъективные аспекты конфликтов.

Важно учитывать, что использование ИИ ни в коем случае не должно стирать человеческое участие в процессе правосудия. Следует разрабатывать системы, которые поддерживают деятельность судей, но не заменяют их

Заключение

Применение ИИ в судебной системе дает широкие перспективы для автоматизации и упрощения правоприменения. Однако внедрение требует тщательного подхода, в том числе комплекса мер по правовому регулированию процессов, защиты данных и минимизации предвзятости алгоритмов. Разработка отечественных решений должна учитывать успешные практики других стран и осмысливать их через призму российских реалий. Перспективным направлением видится расширение аналитических платформ, допускающих их использование в качестве вспомогательного инструмента для судей.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в судопроизводство становится объективной реальностью и открывает новые возможности для совершенствования правосудия в эпоху цифровой трансформации. Вместе с тем интеграция ИИ в деятельность судов должна осуществляться постепенно и взвешенно, не приводя к умалению фундаментальных процессуальных гарантий и принципов. Представляется необходимым дальнейшее развитие правовой регламентации использования ИИ в судебной деятельности, в том числе определение допустимых сфер его применения, требований к обеспечению прозрачности и объяснимости автоматизированных решений, стандартов информационной безопасности.

Дальнейшие исследования в данной области целесообразно сосредоточить на следующих направлениях:

1. Сравнительно-правовой анализ регулирования использования ИИ в судебных системах разных стран.
2. Разработка этических принципов и стандартов применения ИИ в правосудии.
3. Оценка социальных последствий цифровизации судебных процессов.
4. Поиск оптимальных моделей взаимодействия человека и ИИ в судопроизводстве.

Литература

1. Лаптев В.А. Искусственный интеллект в судопроизводстве: проблемы и перспективы // Российское правосудие. 2022. № 8. С. 56–63

2. Габричидзе Б.Н. Искусственный интеллект в правоприменении: новые возможности и вызовы // Закон. 2020. № 8. С. 15–20.
3. Васильев С.Ю. Цифровизация правосудия: перспективы и угрозы // Арбитражная практика. 2021. № 4. С. 32–39.
4. Лазарев В.А. Автоматизация судебных процессов: этические аспекты // Российский судья. 2019. № 7. С. 28–34.
5. Lõhmus K. AI in Estonian Courts: a New Era for Small Claim Cases // International Journal of Legal Technology. 2020. Vol. 2. pp. 45–49.
6. Zhang W. Smart Courts in China. An Innovative Approach to Justice // Beijing Law Review. 2019. Vol. 10. pp. 254–268.
7. Шахназарова А.Г. Искусственный интеллект в судебной системе: возможности и ограничения // Научные исследования юридических технологий. 2022. № 3. С. 14–21.
8. Кузнецова Н.А. Применение пилотных цифровых технологий в арбитражных делах // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 5. С. 56–61.
9. Dressel J., Farid H. The Accuracy, Fairness, and Limits of Predicting Recidivism // Science Advances. 2018. Vol. 4(1). pp. 126–134.
10. Кондратьев В.А. Искусственный интеллект в судебной системе: опыт, риски и перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 2. С. 120–130.
11. Курячая М.М. Электронное правосудие в России: единство конституционно-правового пространства или разрыв традиций // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 24–28.
12. Бурцева Е.В. Применение систем искусственного интеллекта на стадии возбуждения уголовного дела // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 3. С. 382–390.

FEATURES OF THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LAWSUITS: AUTOMATION AND DIGITALIZATION OF LAW ENFORCEMENT

Volodin E.A.

Moscow Humanitarian University

The article deals with topical issues of the use of artificial intelligence (AI) technologies in legal proceedings. The prospects and risks of automating individual procedural actions, such as the search and analysis of court precedents, the preparation of draft judgments and the evaluation of evidence, are analyzed. Special attention is paid to the problems of digitalization of law enforcement activities of courts in the context of the development of the information society, including ensuring the confidentiality of personal data and minimizing the risks of algorithmic bias. The purpose of the study is to identify key areas of AI implementation in judicial processes, taking into account the need to ensure procedural guarantees, such as the right to a fair trial and equality of the parties. The methodological basis of the research was made up of general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, analogy) and private scientific methods (formal legal, comparative legal). As a result, proposals have been formulated to optimize procedural legislation in order to effectively implement AI technologies in court proceedings, in particular, the development of legal norms regulating the use of AI in the judicial system and setting standards for the quality and safety of these technologies. It is concluded that it is important to develop conceptual approaches to regulating the use of AI in judicial activities, taking into

account the balance between the effectiveness of justice and the protection of the rights and interests of citizens.

Keywords: artificial intelligence, legal proceedings, digitalization, automation, law enforcement, procedural legislation.

Referents

1. Laptev V.A. Artificial intelligence in judicial proceedings: problems and prospects // Russian justice. 2022. No. 8. pp. 56–63.
2. Gabrichidze B.N. Artificial intelligence in law enforcement: new opportunities and challenges // Law. 2020. No.8. pp. 15–20.
3. Vasiliev S. Yu. Digitalization of justice: prospects and threats // Arbitration practice. 2021. No. 4. pp. 32–39.
4. Lazarev V.A. Automation of judicial processes: ethical aspects // Russian judge. 2019. No.7. pp. 28–34.
5. Lõhmus K. AI in Estonian Courts: a New Era for Small Claim Cases // International Journal of Legal Technology. 2020. Vol. 2. pp. 45–49.
6. Zhang W. Smart Courts in China. An Innovative Approach to Justice // Beijing Law Review. 2019. Vol. 10. pp. 254–268.
7. Shakhnazarova A.G. Artificial intelligence in the judicial system: opportunities and limitations // Scientific research of legal technologies. 2022. No.3. pp. 14–21.
8. Kuznetsova N.A. Application of pilot digital technologies in arbitration cases // Arbitration and civil procedure. 2022. No. 5. pp. 56–61.
9. Dressel J., Farid H. The Accuracy, Fairness, and Limits of Predicting Recidivism // Science Advances. 2018. Vol. 4(1). pp. 126–134.
10. Kondratiev V.A. Artificial intelligence in the judicial system: experience, risks and prospects of use // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2021. No.2. pp. 120–130.
11. Kuryachaya M.M. Electronic justice in Russia: the unity of the constitutional and legal space or the rupture of traditions // Constitutional and municipal law. 2020. No. 4. pp. 24–28.
12. Burtseva E.V. Application of artificial intelligence systems at the stage of initiation of a criminal case // All-Russian Journal of Criminology. 2021. Vol. 15. No. 3. pp. 382–390.

Понятие «занятие высшего положения в преступной иерархии» и его содержание

Жидова Юлия Джасаратовна,

аспирант, кафедра уголовного процесса и криминалистики,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА
Минюста России)

E-mail: uliazhidova@yandex.ru

В статье рассматривается понятие «занятие высшего положения в преступной иерархии», включая его содержание и значение в контексте криминологии и социологии. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Анализируются социальные, экономические и правовые аспекты, определяющие данную ситуацию. Работа посвящена роли высших уровней криминальной иерархии в организации преступных сообществ, их влиянию на общество и правоохранительную систему. Методика включает анализ существующей литературы, а также изучение конкретных примеров из практики. Представлены точки зрения научного сообщества касательно того, кто именно в преступном сообществе может являться «лидером». Статья подчеркивает, что изучение структуры организованной преступности является важным шагом к созданию более эффективных стратегий борьбы с преступностью. Понимание динамики и процессов, связанных с высшими уровнями преступной иерархии, позволит не только выявить верхние уровни преступных организаций, но и предотвратить их дальнейшее расширение и влияние на общество. В дальнейшем требуется углубленное исследование взаимодействий между различными уровнями преступных структур и методами их функционирования для достижения полной картины криминальной активности в современных условиях.

Ключевые слова: преступная иерархия, высшее положение, организованная преступность, лидерство, криминальная субкультура, социология преступности.

Введение

Актуальность изучения понятия «занятие высшего положения в преступной иерархии» обусловлена ростом организованной преступности и изменением ее структуры в современном обществе. В условиях глобализации и распространения технологий преступные группы обретают новые формы и методы работы. Понимание иерархии внутри преступных групп, а также местоположения ее лидеров, имеют ключевое значение для разработки эффективных стратегий борьбы с преступностью. Цель данной работы заключается в исследовании того, какие характеристики и функции присущи лицам, занимающим высокие позиции в преступной иерархии.

Преступность на современном этапе своего развития становится все более организованной, и данный фактор не остается не зафиксированным в научной литературе. Помимо этого, отмечается тенденция к глобализации организованной преступности, а, следовательно, и к ее масштабному распространению. Данное утверждение подтверждается тем, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации организованная преступность определена как важное и значимое направление, необходимое для обеспечения равной и неделимой безопасности для всех государств [1].

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования нами использованы разнообразные источники, включая статистические данные о преступности, материалы судебных дел, результаты опросов и интервью с представителями правоохранительных органов и специалистами в области криминологии, а также анализа законодательства. Применение качественных и количественных методов позволит более глубоко понять природу организованной преступности и высшие уровни преступной иерархии. Так, в рамках качественных методов рассмотрены интервью с экспертами, работающими в правоохранительных органах, чтобы выяснить, какие практики они считают наиболее эффективными для противодействия высокопрофильным преступникам. Также использован контент-анализ законодательных актов и судебной практики, чтобы выявить пробелы в действующем законодательстве. Количественные методы включают статистические данные о преступлениях, что может помочь выявить тенденции и корреляции в преступной активности.

Результаты и обсуждения

Как известно, занятие высшего положения в преступной иерархии подразумевает наличие определенной власти и влияния, которые эти личности оказывают на своих подчиненных и на существующие преступные схемы. Такие лица отвечают за стратегическое планирование, распределение ресурсов и руководство операциями. В теории социальной организации это положение может быть соотнесено с понятиями авторитета и легитимности. Лидеры преступных групп часто формируют собственные нормативные системы и ценности, отличные от общепринятых, что способствует их приверженности к существующим криминальным традициям и кодексам.

Кроме того, важным аспектом является выбор структуры управления в преступной организации. Часто эта структура имеет четкую иерархию, где верхушка занимает ключевые позиции, способствуя созданию системы, устойчивой к внешним воздействиям. Лидеры могут использовать различные манипулятивные методы для поддержания своего положения и контроля над подчиненными, такие как угрозы, насилие или экономические стимулы.

В ретроспективном анализе организация преступного сообщества в Российской Федерации всегда наказывалась уголовной ответственностью. Федеральным законом от 03 ноября 2009 года № 245-ФЗ статья, устанавливающая ответственность за организацию преступного сообщества, дополнена частью 4, в которой законодателем впервые употребляется формулировка об организаторе как о лице, занимающем высшее положение в преступной иерархии. Затем, Федеральным законом от 01 апреля 2019 года № 46-ФЗ в Уголовный Кодекс Российской Федерации внесены изменения, а именно: внесена статья, устанавливающая ответственность за фактическое занятие лицом высшего положения в преступной иерархии. В данном случае законодателем вновь употребляется словосочетание, но уже в названии статьи, которое прямо дублирует ее диспозицию – «занятие высшего положения в преступной иерархии» [2]. К сожалению, с указанного момента и по настоящий момент времени законодателем так и не предприняты попытки утвердить, кого именно надлежит квалифицировать как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии. На наш взгляд, данное понятие является основополагающим, и остановиться на его определении нам необходимо.

Понятие «занятие высшего положения в преступной иерархии» является достаточно сложным и в научной литературе к данному вопросу обращались не единожды. Так, не вызывает сомнения, что лицо занимает высшее положение где-либо, т.е. находится на высшей ступени, в том числе, и в криминальной среде, только тогда, когда оно способно руководить, являться организатором, а значит, обладает выраженными лидерскими качествами.

Как отмечается в различного рода социологических словарях, под лидером стоит понимать одного из наиболее авторитетных членов группы, общества или организации, который выполняет роль организатора и принимается группой на фоне того, что он обладает способностями решать важные для группы задачи и проблемы.

При анализе данного термина становится однозначно понятно, что лидер – это лицо, выполняющее главные функции для «жизнеобеспечения», функционирования группы: к примеру, организаторские, управленческие, консолидирующие. При общественной полезности группы для человека, общества и государства в целом, лидеры – ценные и незаменимые помощники. Однако в случае, если статусом «лидера» обладает преступный элемент, то ситуация принимает аномальный, патологический характер. И мы полностью солидарны с мнением ученых, что наличие у лица статуса преступного лидера надлежит рассматривать как крайне опасное состояние личности.

Квалификация преступного элемента как обладающего статусом лидера представляет собой нерегламентированную деятельность. Так, лицо, занимает «лидерское» положение в криминальной среде, т.е. высшее положение в преступной иерархии, в том случае, если он выделился среди остальных криминальных субъектов совокупностью «авторитетных» черт.

В научной литературе достаточно освещена тема черт преступного элемента, благодаря которым он выделяется в криминальном социуме. Так, к примеру, Зуев Е.А. характеризует лидеров как одиозных и харизматичных личностей, а Гирько С.И. и Белянский Е.Б. характеризует как лицо, «обладающее завышенной самооценкой, достаточно высоким уровнем интеллекта, коммуникабельностью, способностью приспосабливаться к сложившейся ситуации, воздействовать на людей и использовать их в своих корыстных интересах» [3–5].

Известно, что «высший неформальный статус для осужденного присваивали тому, кто заслужил привилегированное место своим поведением и образом жизни», то есть, получение преступным элементом статуса лидера и занятие им высшего положения в преступной иерархии в наибольшей степени зависит от наличия у него криминального авторитета.

Законодателем нигде не прописано какое положение является высшим в преступной иерархии, в научной литературе также нет однозначного понимания. Позволим себе привести некоторые точки зрения, имеющие значение и требующие внимания. В научной литературе сложились две диаметрально противоположные точки зрения, касаемо вопроса, кто же именно является лицом, занимающим высшее положение, которое имеет колоссальное значение для верного правоприменения, поскольку данный вопрос определяет субъект преступления.

Первая точка зрения, которой придерживается ряд ученых, полагают, что занятие высшего положения в преступной иерархии не подразумевают собой какое-либо определенное лицо, имеющее статус. Так, Шалагин Е.А. отмечает, что высшие ступени в той или же иной преступной иерархии занимали такие субъекты, как «паханы», «положенцы», «воры в законе», а также авторитеты преступных сообществ и групп, а сегодня к этому перечню добавились криминальные олигархи». Сенатов А.В. считает, что лиц, имеющих высший неформальный статус в преступной среде, называли «паханами», «сидельцами», а чаще всего «бродягами». Скобликов П.А. пишет, что отсутствие определенного круга субъектов в рамках ст. 210.1 УК РФ явно свидетельствует о том, что лицо, которое занимает высшее положение в рамках преступной иерархии – это «определенное место во властной вертикали криминального мира» [6–8]. Таким образом, данные ученые не связывают понятие «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» с каким-либо определенным статусом.

Вторая точка зрения диаметрально противоположна и ученые полагают, что лицо, которое занимает высшее положение в преступной иерархии, обязательно должно иметь статус «вор в законе». Приведем некоторые из них. Так, Бурлаков В.Н. и Щепельков В.Ф. так и пишут, что «высшим положением в криминальной среде обладает лицо, называемое вором в законе». Хармаев Ю.В. и Батоев В.Б. воров в законе считают элитой воровского движения и называют «институтом лидерства». Солидарны с данной точкой зрения Никифорова А.А. и Петрова Т.Л., которые высказываются, что «все остальные лица из противоправного мира (т.е. – кроме воров в законе) находятся на низшей ступени, соответственно, они подчиняются лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии». К.А. Максимова указывала, что в качестве субъекта преступления, который предусмотрен ст. 210.1 УК РФ, выступают только «воры в законе», а «оставшуюся, пестрящую разнообразием, нисходящую руководящую иерархию руководства преступной среды не следует учитывать как субъекта по указанной статье». Белоцерковский пишет, что «наряду с существующими преступными организациями по-прежнему координирующей и находящейся на верхушке считается сообщество «воров в законе»». Баир В.Д. и Александров В.П. высказываются о наличии «мастей» в преступной иерархической системе (от высшей по статусу к низшей – «блатные», «мужики», «красные» и «шкварные»), группу «блатных» возглавляют «воры в законе», а далее по нисходящей следуют: «свои», «авторитетные блатные», «стремящиеся», «приблатненные», «бойцы» («пехота») [9–14]. На основании вышеизложенного следует, что лидирующее положение в преступной иерархии занимают именно воры в законе.

Нами была проанализирована судебная практика, которая показала, что лицами, которые выступают в качестве субъектов преступления, указан-

ного в ст. 210.1 УК РФ, выступают лица, которые обладают статусом «вор в законе» и которые занимают такие положения, как «положенец», «смотрящий», т.е. выполняющие функции организационно-распорядительного, нормативно-регулирующего и дисциплинарного характера на «местах», т.е. вверенных им территориях. Так, постановлением Вологодского областного суда от 01.12.2021 г. по делу № 2–2/2021 признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного по ст. 210.1 УК РФ, Джинчвелашвили Н.Д., Синицын И.Е., Кодуа И.М., Антипенко А.В., Журкин В.В. Суд установил, что Джинчвелашвили Н.Д. имел неформальный криминальный статус «вор в законе», выполняя при этом функции организационно-распорядительного, нормативно-регулирующего и дисциплинарного характера: назначал иных преступных элементов ответственными за «воровскую кассу», «смотрящими»; принимал участие в «воровских сходках» и пр. Синицын И.Е., Кодуа И.М., Антипенко А.В. и Журкин В.В. имели неформальный криминальный статус «смотрящий», являясь при этом доверенными лицами «вора в законе», уполномоченные выполнять от его имени отдельные организационно-распорядительные, нормативно-регулирующие и дисциплинарные функции в пределах указанной территории. При этом в постановлении судьей отмечено, что все вышеперечисленные лица занимали высшее положение в преступной иерархии [15].

Так, приговором Верховного Суда Республики Татарстан от 25.03.2022 г. Нейдеров С.М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Суд установил, что Нейдеру С.М. на сходке лиц, занимающих лидирующее положение в преступной иерархии, был присвоен статус «положенец», который предоставляет в уголовно-преступной среде широкие организационно-распорядительные, регулирующие и дисциплинарные функции. В данном акте отмечено, что статус «положенец» является высшим в преступной иерархии [16].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что судебной системой РФ высшим положением признается не только высший неформальный криминальный статус «вор в законе», но и «положенец», а также «смотрящий» [17]. Причем, следует отметить, что разницы между ними суд не ставит, т.е. это никак не влияет на квалификацию преступления и назначения наказания. В научной литературе существует точка зрения, согласно которой «положенец», «смотрящий» – это не статус лица, а его должность, название которой образуется напрямую от осуществляемых ими функций.

Аналогичной точки зрения придерживаются Агарков А.В. и Шиков А.А. считающие, что это своеобразные неформальные должности, на которые могут назначаться лица, имеющие авторитет среди членов криминальной среды [18].

Безусловно, анализируя ситуацию с криминальными статусами, можно выделить несколько ключевых моментов, которые требуют внимания

в контексте совершенствования законодательства и правоприменительной практики в России.

Во-первых, следует отметить, что наличие нескольких неформальных криминальных статусов, которые фактически играют аналогичную роль в преступной иерархии, ведет к путанице в правоприменении. Судебная система не всегда четко различает эти роли, что может снижать точность и обоснованность квалификации преступлений [19]. Для устранения данной неопределенности необходимо более четко определить и законодательно закрепить понятия, относящиеся к криминальной иерархии, а также классифицировать различные статусы в зависимости от их реального влияния и функций в преступной среде. Это может облегчить как работу правоохранительных органов, так и судебного аппарата, повысив тем самым качество правоприменительной практики.

Во-вторых, законодательство должно более подробно описывать критерии и признаки, позволяющие выявлять и доказывать факт принадлежности лица к той или иной категории в преступной иерархии. Это не только поможет в формировании более четкой практики на уровне судов, но и улучшит качество работы следственных органов, которые могут сталкиваться с трудностями в сборе доказательств о статусе подсудимого. Это может быть достигнуто, например, путем разработки специализированных методик для оценки и анализа деятельности организованных преступных групп.

Третьим аспектом, требующим усовершенствования, является подход к наказанию. На текущий момент статус «положенец» и подобные ему не влияют напрямую на квалификацию преступления и назначаемое наказание, что ставит под сомнение действенность уголовной ответственности для таких лиц, которые не только участвуют в преступной деятельности, но и занимают руководящие позиции в преступных структурах. Необходимо рассмотреть возможность введения уголовных санкций, которые бы учитывали не только сам факт совершения преступления, но и уровень влияния и ответственности личности в рамках организованной преступной группы [20].

Четвертый вывод касается необходимости усиления профилактической работы и образовательных программ для населения. Понимание опасностей и последствий организованной преступности, а также правовых последствий для участников может стать важным аспектом в борьбе с криминальными структурами. Образование о криминальных статусах и их последствиях может сыграть важную роль в формировании негативного мнения о таких ролях в обществе.

Исторический и социологический анализ показывает, что преступность, как социальное явление, развивается в рамках конкретных культурных, экономических и политических условий. Углубленный анализ этих условий и активное сотрудничество с социальными службами могут помочь в выработке более эффективных мер по предотвращению

организованной преступности. Таким образом, комплексный подход, включающий законодательные изменения, улучшение правоприменительной практики, а также работу с обществом, может существенно улучшить ситуацию и снизить уровень организованной преступности в стране.

На основании изучения действующего законодательства РФ и других государств (Грузия, Армения, Казахстан, Кыргызстан), в части касающейся организованной преступности, вышеизложенных точек зрения существующих в научной литературе, а также анализа судебной практики, мы пришли к выводу, что однозначного определения термину «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» нет, что образует достаточно неопределенную ситуацию вокруг правоприменения данной нормы. Помимо этого, кроме «вора в законе», «положенца», «смотрящего», нами не установлены иные статусы, занимающие высшее положение в преступной иерархии.

В текущей ситуации, связанной с применением термина «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» в уголовном кодексе Российской Федерации, можно отметить несколько ключевых аспектов, которые требуют особого внимания и дальнейшего анализа. Несмотря на то, что прошло более 14 лет с момента первого употребления этого термина в действующем законодательстве, остается незрелость и неопределенность, которую законодатель не разрешил. Причины этой неопределенности связаны с расширением круга субъектов, подпадающих под действия статьи 210.1 УК РФ, а также, возможно, с нежеланием властей использовать в официальных документах жаргонные термины.

Выводы

Таким образом, на фоне этих обстоятельств наблюдается двоякость в понимании и интерпретации термина, что существенно влияет на правоприменительную практику. С одной стороны, отсутствие четкого определения приводит к возникновению правовых пробелов и различий в толковании норм, что ухудшает условия для успешного привлечения к уголовной ответственности лиц, действительно занимающих ведущие позиции в организованных преступных группах. С другой стороны, многое зависит от внутренней политики и согласованности действий различных правоохранительных органов, которые могут различно подходить к оценке и типизации рассматриваемых лиц.

Эта неопределенность, в свою очередь, значительно затрудняет обеспечение законности, обоснованности и справедливости в уголовном процессе. Попытки применить нормы законодательства на практике часто приводят к разным последствиям для сходных случаев, что подрывает доверие общества к правоохранительным органам и к системе уголовного правосудия в целом. Отсутствие согласованности и единства правоприменительной практики ведет к ситуациям, когда одни

и те же действия могут трактоваться различными способами в зависимости от конкретного региона или судебной инстанции.

В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод о том, что для улучшения ситуации необходимы следующие меры. Прежде всего, требуется разработка более четких и универсальных определений ключевых понятий, связанных с организованной преступностью, с учетом динамики изменений как в уголовной среде, так и в законодательной практике. Это обязательно должно сопровождаться активной работой по повышению правовой грамотности среди правозащитников и судебных органов.

Ключевым аспектом в этом контексте остается необходимость разработки соответствующих рекомендаций и инструкций для практикующих юристов и судей с целью унификации подходов к оценке деятельности лиц, занимающих высшие позиции в преступной иерархии. Только так можно обеспечить соблюдение правовых норм в России, увеличить уровень доверия к правовой системе и сделать ее более справедливой и эффективной в борьбе с организованной преступностью.

Литература

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // «Российская газета», N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
3. Зуев Е.А. Криминальный лидер: особенности характеристики. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 1 (60).
4. Гирько С.И., Бемянский Е.Б. Законодательные основы оперативно-розыскного противодействия преступлениям общеуголовной направленности, совершаемым лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии // Научный портал МВД России. 2016. № 3 (35).
5. Бурлаков В.Н., Щепальков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве. // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 77–81
6. Сенатов А.В. Признаки, характеризующие лицо, занимаемое высшее положение в преступной иерархии // Вестник кузбасского института. 2020. № 1 (42).
7. Шалагин Е.А. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26).
8. Сенатов А.В. Признаки, характеризующие лицо, занимаемое высшее положение в преступной иерархии // Вестник кузбасского института. 2020. № 1 (42).
9. Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // Закон. 2019. № 7. С. 104–119.
10. Хармаев Ю.В., Батоев В.Б. Оперативно-розыскное противодействие лидерам организованных преступных формирований: проблемы и пути решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89).
11. Никифорова А.А., Петрова Т.Л. К вопросу об утрате статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Ученые записки казанского юридического института МВД России, 2023, № 1 (15). С. 45–52
12. Максимова К.А. К вопросу о содержании понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», используемого законодателем в ч. 4 ст. 210 УК РФ // Вопросы юридической науки: взгляд молодых ученых: сб.ст., посвященных 20-летию Алтайской академии экономики и права. Барнаул, 2013. С. 75–81.
13. Направления оптимизации уголовного законодательства в контексте оптимизации системы правового регулирования борьбы с организованной преступностью. [Электронный доступ]. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/upload/articles/Monografiya2.pdf> (дата обращения: 15.03.2025)
14. Дамдинов Б.В., Парфенов А.В. Применение специальных познаний в организации оперативно-розыскной, розыскной и идентификационной деятельности по борьбе с организованной преступностью и привлечению к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Дисс. исследование. // Закон и Право. № 5, 2021. – С. 126–130
15. Решение второго апелляционного суда общей юрисдикции от 16.08.2022 по делу № 55–334/2022 // СПС Консультант Плюс
16. Приговор № 22–6315/2023 от 25 августа 2023 г. по делу № 1–342/2023 // СПС Консультант Плюс
17. Бовин Б. Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б. Радиализация в местах заключения: подход социальной идентичности. Пенитенциарная наука. 2020, № 14 (3). С. 415–424.
18. Агарков А. В., Шиков А.А. Оперативно-розыскное документирование деятельности лидеров уголовной среды и членов экстремистской организации «АУЕ» // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 77–86.
19. Казберов П.Н. Выстраивание эффективной коммуникации с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 434–440
20. Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Криминологическая трактовка занятия высшего положения в преступной иерархии. // Социальное управление. – 2023. – № 5(4), С. 140–154.

THE CONCEPT OF «OCCUPYING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY» AND IT'S CONTENT

Zhidova Yu.D.

All-Russian State University of Justice

This article examines the concept of “occupying the highest position in the criminal hierarchy”, including its content and meaning in the context of criminology and sociology. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. The social, economic and legal aspects determining this situation are analyzed. The work is devoted to the role of the highest levels of the criminal hierarchy in the organization of criminal communities, their impact on society and the law enforcement system. The methodology includes an analysis of existing literature, as well as the study of specific examples from practice. The points of view of the scientific community regarding who exactly in a criminal community can be a “leader” are presented. The article emphasizes that studying the structure of organized crime is an important step towards creating more effective crime control strategies. Understanding the dynamics and processes associated with the highest levels of the criminal hierarchy will not only identify the upper levels of criminal organizations, but also prevent their further expansion and influence on society. In the future, an in-depth study of the interactions between different levels of criminal structures and their functioning methods is required to achieve a complete picture of criminal activity in modern conditions.

Keywords: criminal hierarchy, higher status, organized crime, leadership, criminal subculture, sociology of crime.

References

1. “Criminal Code of the Russian Federation” dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 28.02.2025) // Rossiyskaya Gazeta, N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.
2. National Security Strategy of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27 (part II). – Art. 5351.
3. Zuev E.A. Criminal leader: characteristics. // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 1 (60).
4. Girko S.I., Belyansky E.B. Legislative bases of operational-investigative counteraction to crimes of a common criminal nature committed by persons occupying the highest position in the criminal hierarchy // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3 (35).
5. Burlakov V.N., Shchepalkov V.F. The leader of the criminal community and the basis of responsibility: postmodernity in criminal law. // All-Russian Journal of Criminology. 2019. No. 3. pp. 77–81
6. Senatov A.V. Signs characterizing a person occupying the highest position in the criminal hierarchy // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2020. № 1 (42).
7. Shalagin E.A. Criminological characteristics of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 4 (26).
8. Senatov A.V. Signs characterizing a person occupying the highest position in the criminal hierarchy // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2020. № 1 (42).
9. Skoblikov P.A. The highest position in the criminal hierarchy: problems of interpretation and application of Part 4, see 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. 2019. No. 7. pp.104–119.
10. Kharmaev Yu.V., Batoev V.B. Operational-investigative counteraction to the leaders of organized criminal formations: problems and solutions // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (89).
11. Nikiforova A.A., Petrova T.L. On the issue of the loss of the status of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023, No. 1 (15). pp. 45–52
12. Maksimova K. A. on the issue of the content of the concept of “a person occupying the highest position in the criminal hierarchy” used by the legislator in Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation // issues of legal science: the view of young scientists: collection of articles dedicated to the 20th anniversary of the Altai Academy of Economics and Law. Barnaul, 2013. pp.75–81.
13. Directions of optimization of criminal legislation in the context of optimization of the system of legal regulation of the fight against organized crime. [Electronic access]. Access mode: <http://pravo.gov.ru/upload/articles/Monografiya2.pdf> (accessed: 03/15/2025)
14. Damdinov B.V., Parfenov A.V. The use of special knowledge in the organization of operational-investigative, investigative and identification activities to combat organized crime and bring to criminal responsibility persons occupying the highest position in the criminal hierarchy. Diss. research. // Law and Law. No. 5, 2021. – pp. 126–130
15. The decision of the Second Court of Appeal of General Jurisdiction dated 08/16/2022 in case No. 55–334/2022 // SPS Consultant Plus
16. Verdict No. 22–6315/2023 of August 25, 2023 in case No. 1–342/2023 // SPS Consultant Plus
17. Bovin B. G., Kazberov P.N., Bovina I.B. Radicalization in places of detention: a social identity approach. Penal science. 2020, No. 14 (3). pp. 415–424.
18. Agarkov A.V., Shikov A.A. Operational investigative documentation of the activities of leaders of the criminal environment and members of the extremist organization “AUE” // Penitentiary Science. 2022. Vol. 16, No. 1 (57). pp. 77–86.
19. Kazberov P.N. Building effective communication with persons convicted of terrorist and extremist crimes // Penal science. 2022. Vol. 16, No. 4 (60). pp. 434–440
20. Moiseev A.M., Kondratyuk S.V. Criminological interpretation of the occupation of the highest position in the criminal hierarchy. // Social management. – 2023. – № 5(4), Pp. 140–154.

Концепция и методика правового образования в Российской Федерации как фундамент повышения уровня конституционной культуры граждан

Каландаришвили Зураб Нодарович,

кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов; доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования, РГПУ им. А.И. Герцена
E-mail: zurab.kalandarishvili@yandex.ru

Лисицын Дмитрий Владимирович,

аспирант третьего года обучения кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
E-mail: song2@mail.ru

В статье проводится научный анализ, связанный с разработкой современной концепцией и методикой правового образования в Российской Федерации, которая позволяет стать фундаментом для повышения уровня конституционной культуры граждан, когда благодаря правовому образованию в правосознании граждан формируется образ конституционного государства, строящегося на действующих конституционных нормах и принципах, ценностях и представлениях о себе как о гражданах, обладающими объективными правами, соблюдение которых является высшим смыслом деятельности государства и общества.

Ключевые слова: конституционная культура, конституция, конституционные ценности, правовое образование, граждане, конституционные принципы.

Большую роль в современных реальных условиях в Российской Федерации в целях повышения уровня конституционной культуры граждан выполняет концепция и методика правового образования.

Особо стоит выделить значение социально-правовой работы, направленной на практико-ориентированное и личностно-актуализированное правовое образование, которое проводится с населением страны.

Основной отличительной особенностью правового образования является его характеристика как составного элемента конституционной культуры личности, под которой следует понимать сложившуюся в результате социально-правовой действительности в ее культурном контексте когнитивно-аксиологическую систему, отражающую реалии правовой жизни социума и степени внедрения в отечественное законодательство идей конституционализма являющихся образцом правового поведения индивида.

Именно правовоспитательной функции отводится центральное место в механизме формирования правовой безопасности и правовой активности граждан.

Анализируя нами концепцию правового образования, можно выделить ряд особенностей, которыми она должна обладать:

- правовое образование должно быть направлено на освоение гражданами реально существующих правовых отношений и должно иметь конкретный практико-ориентированный и личностно-актуализированный характер;
- в современных условиях необходима четкая конкретизация целей и задач правового образования с целью обеспечить их соответствие актуальным потребностям и существующим социально-правовым реалиям общества;
- правовое образование должно основываться на целевых установках, которые необходимо определить в принимаемых государством федеральных программных документах. В силу этого существует необходимость разработки и утверждения единой базовой федеральной программы правового образования населения;
- правовое образование должно быть эффективным, где эффективность – это существующее соотношение между поставленными целями правового образования и достигнутыми социально-правовыми результатами.

В современных реалиях в конституционном поле требуется проявление активного учета в ходе разработки правовых норм важнейших культур-

ных и социальных особенностей российского общества, а также адаптацию создаваемых законов под реальные субъективные потребности граждан с целью выработки у них должного уважения к существующему праву. Для этого требуется чтобы законы соответствовали критерию справедливости и нравственности, поскольку только справедливый закон может повлиять на выработку представления о его роли как высшей социально-нравственной ценности.

- одним из наиболее значимых элементов правового образования должна является пропаганда конституционных норм, что обусловлено их особой значимостью для развития общества и государства и отражением в них ключевых ценностей идей конституционализма. Важной особенностью природы конституционных норм должно является то, что они содержат в себе целые программы правового поведения граждан и формируют основу правомерного поведения личности.

Здесь, мы полагаем, что «нормы Конституции РФ формируют и закрепляют основные социальные ценности российского государства, на которое должно ориентироваться конкретное правовое поведение человека. В российском обществе конституционные нормы, должны играть основополагающую роль в процессе формирования правомерного поведения личности субъекта» [1, с. 190].

- при составлении методических правовых программ, главный вектор необходимо делать на то, что у обучаемых следует сформировать представление о том, что основу любой современной конституции конструируют социальные ценности имеющие демократическую и либеральную природу, однако, вместе с тем, существует огромная разница между их конституционным классическим пониманием, которое берет свое начало в природе и уникальных свойствах психики человека и пониманием, на которое оказали влияние идеологические факторы, которые влияли на понимание рассматриваемых норм в различных государствах на разных этапах государственного развития. Поэтому, правовое образование граждан должно осуществляться посредством трансляции аксиологических концепций гражданственности, понимаемые как осмысление человеком своего индивидуального правового поведения, регулирование собственной социальной деятельности на благо общества и осознанное целеполагание по отношению к прошлому, настоящему и будущему России, которое включает отношение человека к своей стране ее истории, культуре и национальным традициям;
- система методических форм, средств и способов, которую можно применить в современных условиях для развертывания педагогической работы по правовому образованию, должна определяться не только в зависимости от возрастных особенностей обучаемых, но и от социального, территориального, религиозного

окружения, от уровня образования и социальной культуры граждан. В качестве приоритетных для правового образования должны рассматриваться индивидуальные воспитательные методы влияния на правосознание и правовое поведение обучаемых, где решающее значение принадлежит рациональному выбору дидактических форм и средств.

Переходя к рассмотрению принципов, которые лежат в основе формирования и развития системы правового образования, выделим следующие ее уровни:

Первый уровень – создание и организация основных элементов формирующейся конституционной культуры как совокупность общественно значимых ценностей и целей, при системообразующей роли гражданских и правовых ценностей.

Второй уровень – организация педагогического воздействия на индивидов, начиная с детского возраста, особенно на психологическом и нравственном уровнях.

Третий уровень – настройка формирующей системы на сотрудничество с гражданами, с учетом их собственных социально-правовых интересов, а также задач социально-правовой защиты.

Для этого необходим ряд мероприятий, которые будут иметь позитивное влияние на формирование п уровня конституционной культуры:

1) необходимо создать при Правительстве РФ федеральный орган, к числу полномочий которого следует отнести проведение мероприятий, направленных на усиление системы правового образования. В состав такого органа должны войти известные педагоги, ученые, а также политические и общественные деятели;

2) следует возложить на Министерство юстиции РФ функцию правового образования граждан;

3) существующий государственный образовательный стандарт необходимо дополнить положениями об обязательном преподавании в средних и высших учебных заведений предмета «Основы конституционного права» с необходимыми предъявлениями образовательных требований к лицам, осуществляющим обучение по этим предметам. Занятия при этом не должны ограничиваться теоретическими вопросами, их проведение должно осуществляться с учетом практико-ориентированной и личностно-актуализированной направленности изложения учебного материала, где следует отходить от формального изучения (запоминания) предписаний Конституции РФ и других нормативных правовых актов, что было свойственно советскому позитивистскому отношению к праву. Педагоги должны научить обучаемых думать и искать прежде всего причинно-следственные связи и руководствоваться в образовательной деятельности по принципу – «не запоминать, а разбираться, ибо думать – значит сомневаться»;

4) необходимо всестороннее изучение либеральных традиций мировой цивилизации, в том числе институтов непосредственной представительной демократии, разъяснение значения пра-

вового, политического и идеологического плюрализма, в центре которого должна находиться идея соблюдения в полном объеме прав и свобод личности;

5) необходимо дополнить процесс правового образования патриотическим компонентом, который должен быть основан на богатой отечественной истории и, в частности, присущих российскому народу традиционных ценностях, начиная с тех, что были сформированы еще в восточнославянской конституционной культуре, включая этическую воспитанность, общинную солидарность и взаимответственность, вечевую государственность как прароснову демократического режима, стремление к патриотизму, гражданственности, толерантности и равноправию. Именно об этом именно говорится в Указ Президента РФ № 809 [2].

Описанные мероприятия в комплексе позволяют существенно повысить эффективность процесса правового образования в стране. Это, в свою очередь, выступит основой для формирования позитивного уровня конституционной культуры граждан.

Конечной целью правового образования следует признать формирование в правосознании граждан образа конституционного государства, строящегося на действующих конституционных принципах, нормах права и ценностях, и представлении о себе как о гражданах, обладающих правами, соблюдение которых и является высшим смыслом деятельности государства и общества в целом.

Необходимо при этом всегда помнить, что правовое образование может эффективно функционировать только при условии активной поддержки со стороны государственной власти и существующих общественных объединений. Только при таких условиях правовое образование может стать успешным и эффективным социально-правовым процессом в деле конструирования позитивного уровня конституционной культуры личности, когда полученные гражданами правовые знания, ценности и установки и идеи конституционализма превратятся у них в твердые личные убеждения,

в социальноправовую волю строгого следования правовым предписаниям и высоким нравственно-духовным основам.

Литература

1. Каландаришвили З.Н. Правовая культура молодежи современного российского общества: теоретико-правовой анализ. СПб.: СПбИВСЭП, 2011. С. 190.
2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 28.03.2025).

THE CONCEPT AND METHODOLOGY OF LEGAL EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AS A FOUNDATION FOR RAISING THE LEVEL OF CONSTITUTIONAL CULTURE OF CITIZENS

Kalandarishvili Z.N., Lisicin D.V.

St. Petersburg University of Trade Unions for the Humanities, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

The article provides a scientific analysis related to the development of a modern concept and methodology of legal education in the Russian Federation, which makes it possible to become the foundation for raising the level of constitutional culture of citizens, when, thanks to legal education, the image of a constitutional state is formed in the legal consciousness of citizens, based on existing constitutional norms and principles, values and self-image as citizens with objective rights, the observance of which is the highest meaning of the activities of the state and society.

Keywords: constitutional culture, constitution, constitutional values, legal education, citizens, constitutional principles.

References

1. Kalandarishvili Z.N. Legal culture of youth in modern Russian society: theoretical and legal analysis. St. Petersburg: SPbIVSEP, 2011. P. 190.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (date of access: 28.03.2025).

Роль института уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации в процессе взаимодействия государства и гражданского общества

Каява Александр Сергеевич,

аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин
и международного права, Астраханский государственный
университет

E-mail: alexandr.kayava@inbox.ru

В статье исследуется деятельность уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации как связующего звена между государством и гражданским обществом. Автор рассматривает правовой статус и полномочия региональных омбудсменов, особое внимание уделяя их посреднической роли в защите прав граждан. На конкретных примерах из практики региональных омбудсменов показано, как уполномоченные взаимодействуют с общественными организациями, средствами массовой информации и другими институтами гражданского общества. В работе анализируются основные направления деятельности омбудсменов: защита прав граждан, анализ работы государственных органов и правовое просвещение населения. Автор обращает внимание на недостаточное взаимодействие с юридическими клиниками и предлагает принять меры по развитию такого сотрудничества, что позволит улучшить правовое образование студентов и укрепить кадровый потенциал аппаратов уполномоченных.

Ключевые слова: уполномоченный по правам человека, гражданское общество, правозащита, государственные органы, правовое просвещение, юридические клиники, общественные организации.

Основы государственного строя Российской Федерации определены в Конституции страны. Согласно ее положениям, Россия является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления [13, с. 192]. Таким образом, в Основном Законе закреплены современные принципы, на которых должна быть построена российская государственность, – это демократия, верховенство права и прав человека [7].

Хотя в конституционных положениях нет прямого упоминания гражданского общества, оно является неотъемлемым элементом правового демократического государства, что также признано наукой конституционного права [12, с. 51]. Такое общество представляет собой многогранную совокупность объединений людей, различных структур и институтов, которые сформированы и действуют независимо от государства, обладают возможностью реализации всего спектра интересов граждан, а также имеют различные формы – это общественные организации социальной, правоохранительной и политической направленности [12, с. 53]. Несмотря на независимость гражданского общества от государства, между ними существует неразрывная связь, которая представлена различными формами. Гражданское общество активно взаимодействует с российским государством через некоммерческие организации, объединения и союзы, общественные палаты, экспертные и общественные советы, созданные при органах публичной власти для обсуждения наиболее значимых вопросов, волнующих граждан. В то же время государство обуславливает основные тенденции дальнейшего развития институтов гражданского общества, осуществляет правовое регулирование его деятельности и финансирует деятельность общественных организаций и граждан Российской Федерации посредством системы грантовой поддержки [11, с. 38].

Особая роль в таком процессе взаимодействия гражданского общества и государства отводится институту уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации (также известного как омбудсмен). Ранее данный институт не был представлен в системе государственных органов. Правовой статус регионального омбудсмена, его независимость от других государственных органов Российской Федерации обуславливают научный интерес к изучению специфики его совместной работы с институтами гражданского общества.

Для раскрытия темы исследования применены как общенаучные методы, в том числе произведен анализ действующего законодательства, регулирующего вопросы осуществления правозащитной деятельности региональных омбудсменов и их взаимодействия с гражданским обществом. Кроме того, применены также формально-юридический, эмпирический и функциональный методы.

Изучение научной литературы, посвященной правовой природе института уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации показывает, что цель учреждения данной государственной должности – это предоставить дополнительную возможность для граждан получить квалифицированную бесплатную юридическую помощь и защитить свои права и свободы [3, с. 132].

При этом правозащитная деятельность уполномоченного не отменяет и не влечет пересмотра компетенции других государственных органов, которые также обеспечивают защиту и восстановление нарушенных прав свобод. Данное замечание, получившее свое нормативное закрепление в Федеральном законе от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации», повлияло на объем полномочий региональных омбудсменов – они не могут выносить решения, обязательные для исполнения органами публичной власти, которые допустили нарушение прав и свобод человека и гражданина. Тем не менее, в силу имеющихся правовых гарантий осуществления правозащитной деятельности омбудсмена, такие органы обязаны в течение 30 дней рассмотреть заключение уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации.

Значимость института уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации в части взаимодействия государства и гражданского общества объясняется, в частности, его особым правовым статусом и местом в государственной системе правозащиты. Так, региональный омбудсмен является независимым, неподотчетным и неподконтрольным каким-либо органам или должностным лицам, при этом в сферу его компетенции входит не только рассмотрение жалоб на действия (бездействие) органов публичной власти, которыми ущемлены права человека, но и предложений по совершенствованию законодательства. В этой связи, для осуществления правозащитной деятельности зачастую уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации компенсирует законодательные ограничения личным авторитетом как среди граждан и представителей гражданского общества, так и во властных структурах, и у должностных лиц [9, с. 47].

В дополнение к этому, в компетенцию уполномоченного входит защита прав и свобод человека и гражданина в различных сферах общественной жизни – социальной, жилищной, трудовой, принудительного исполнения решений суда, образовательной и т.д., что позволяет гражданам и обще-

ственным организациям обращаться к данному должностному лицу по широкому спектру правовых вопросов.

В этой связи, региональный омбудсмен может рассматриваться как посредник между государственной властью и гражданским обществом, который содействует в организации между ними взаимодействия в целях создания условий для реализации прав и свобод человека и гражданина.

В статье 12 вышеупомянутого закона предусмотрено, что региональный омбудсмен взаимодействует не только с государственными и муниципальными органами, но общественными объединениями и организациями, осуществляющими защиту прав и свобод человека и гражданина, или иными словами, с правозащитными институтами гражданского общества.

Кроме того, законодателем предусмотрены определенные императивные нормы для отдельных институтов гражданского общества в части взаимодействия с региональным омбудсменом. Так, общественные наблюдательные комиссии, в соответствии с частью 3 статьи 12 Федерального закона от 18.03.2020 № 48-ФЗ, обязаны направить уполномоченному по правам человека в субъекте Российской Федерации материалы по итогам осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания.

Таким образом, действующее законодательство устанавливает определенные условия взаимодействия уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации с отдельными институтами гражданского общества. Между тем, другие организационные вопросы не нашли своего закрепления в нормативных положениях, оставляя большую свободу действий как региональным омбудсменам по работе с общественными организациями, так и последним – в части взаимодействия с должностным лицом, представляющим государство. Как показывает практика уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, условия и порядок взаимодействия с институтами гражданского общества регламентируются соглашениями региональных омбудсменов с общественными организациями [3, с. 133].

Так, между Курским региональным отделением Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» и Уполномоченным по правам человека в Курской области заключено соглашение о взаимодействии и принятии совместных мер по вопросам обеспечения государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в пределах компетенции. Для достижения цели соглашения стороны осуществляют обмен информацией, взаимное консультирование, проводят совместные приемы граждан, проверочные выезды, просветительские мероприятия, разрабатывают предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики [10].

В юридической литературе выделяют следующие функции уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации [6, с. 15]. При их реализации он также взаимодействует с институтами гражданского общества.

1. Правозащитная функция, основными элементами которой является рассмотрение обращений граждан на нарушение их прав и свобод органами публичной власти, принятие мер по их восстановлению, а также оказание заявителем бесплатной юридической помощи.

В ходе реализации данной функции уполномоченный взаимодействует с институтами гражданского общества. Так, общественные правозащитные организации могут участвовать в совместном приеме с региональным омбудсменом, доводить до его сведения о конкретной ситуации, в которой, по мнению общественников, усматривается ущемление прав и свобод граждан.

Так, 27 января 2025 г. Уполномоченный по правам человека в Чувашской Республике совместно с представителем Чувашского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» провели прием граждан, в ходе которого всем обратившимся оказана бесплатная юридическая помощь [8].

2. Аналитическая функция омбудсмана раскрывается в изучении работы государственных органов и должностных лиц в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина, оценке реализации государственных программ и национальных проектов, которые касаются прав граждан, по итогам которых омбудсмен формулирует и направляет в органы публичной власти предложения и рекомендации по повышению качества жизни населения.

В ходе реализации данной функции уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации взаимодействует как с компетентными государственными органами и органами местного самоуправления, так и институтами гражданского общества. При этом такая деятельность не сводится только к запросу необходимой информации для анализа, уполномоченный может выступить организатором различных мероприятий, на которые приглашаются представители как государственной власти, так и общественности.

К примеру, 21 сентября 2022 г. астраханский омбудсмен провел рабочую встречу с представителями природоохранных органов, некоммерческих организаций и научного сообщества.

На встрече обсуждались ключевые вопросы, связанные с реализацией Федерального проекта «Оздоровление Волги». Участники мероприятия провели активный обмен мнениями, по результатам которого сформулированы предложения о принятии дополнительных мер, необходимых для достижения поставленных Федеральным проектом целей. Уполномоченный, заслушав предложения экспертов, поблагодарил за их участие в рабочей встрече и обратил внимание на то, что все высказанные мнения и их аргументации будут учте-

ны в дальнейшей работе по защите прав жителей Астраханской области на благоприятную окружающую среду [4, с. 15].

В Ярославской области под эгидой уполномоченного реализуется проект «Правозащитный аудит», цель которого – проведение экспертизы с участием профессионального сообщества юристов тех сфер жизни, где реализация прав человека затруднена в связи с недостатками в нормативно-правовом регулировании. По итогам такой оценки формулируются предложения для внесения изменений в действующее законодательство [2, с. 3].

В ряде субъектов при региональных омбудсменах, в силу положений статьи 19 Федерального закона от 18.03.2020 № 48-ФЗ действуют экспертные советы в целях оказания консультативной помощи. Исходя из анализа положений об экспертных советах установлено, что их деятельность в целом направлена на выработку рекомендаций и предложений по совершенствованию законодательства, поскольку его членами являются практикующие юристы и ученые-правоведы.

3. Просветительская функция уполномоченного предполагает проведение мероприятий по повышению правовой культуры граждан, не имеющих юридическое образование. Значимость данной функции за последние годы выросло, поскольку информация, в том числе правовая, становится одним из важных факторов реализации прав граждан в условиях развивающейся цифровизации общества [1, с. 11].

При таких обстоятельствах, формы просветительских мероприятий, проводимых омбудсменом, претерпевают изменения. Уполномоченный публикует не только материалы по правовому просвещению (буклеты, брошюры и т.д.), но ведет официальный сайт, страницу в социальных сетях.

Особое значение отводится взаимодействию омбудсмана с институтами гражданского общества, в частности со средствами массовой информации, которые посредством телевизионных и радиопрограмм, печатных и сетевых изданий доводят до аудитории социально значимые сведения, в том числе правового характера – новшества законодательства, важные моменты правоприменительной практики. В ходе такого взаимодействия со СМИ региональный омбудсмен ведет свою программу на радио или телеканале.

Так, в Астраханской области реализуется совместный проект Уполномоченного по правам человека и радиостанции «Южная Волна», в форме еженедельной передачи «Просто о правах». Из данной передачи жители региона могут узнать о свежих новостях – о вступающих в силу нормативных правовых актах, касающихся прав и свобод человека и гражданина, получить рекомендации, как юридически грамотно поступить в той или иной жизненной ситуации [5, с. 47].

С учетом правового статуса и многогранности деятельности института уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, его роль в процессе взаимодействия государства

и гражданского общества сводится в основном к посреднической функции.

В ходе рассмотрения обращений граждан, анализа законодательной и правоприменительной практики региональный омбудсмен взаимодействует с различными общественными организациями.

Между тем, региональными уполномоченными уделяется мало внимания взаимодействию с юридическими клиниками, которые, будучи субъектами, оказывающими негосударственную юридическую помощь, также, наряду с омбудсменом, выполняют правозащитную функцию.

Представляется, что такое сотрудничество между омбудсменом и образовательным учреждением, на базе которого функционирует юридическая клиника, позволит, во-первых, повысить правовую культуру стажирующихся студентов путем обмена опытом в решении тех или иных правовых вопросов, и, во-вторых, решить вопрос кадрового обеспечения государственного органа, обеспечивающего деятельность уполномоченного, — его аппарата. Для усиления взаимодействия с юридическими клиниками целесообразно разработать типовые соглашения между вузами и аппаратами уполномоченных.

Литература

1. Атагимова Э.И. Роль юридических клиник в системе оказания бесплатной юридической помощи Российской Федерации: история и современность // Мониторинг правоприменения. 2021. № 3 (40). С. 11–17.
2. Бабуркин С.А. Взаимодействие Уполномоченного и институтов гражданского общества — важный механизм реализации прав человека // Окно в НКО. 2020. № 12 (236). С. 3.
3. Демидов М.В. Основные направления взаимодействия уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации с органами власти и с негосударственными структурами // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 2 (4). С. 132–135.
4. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Астраханской области 2022 году. Астрахань: ООО «Типография «Новая Линия». 2023. 132 с.
5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Астраханской области 2023 году. Астрахань: ООО «Типография «Новая Линия». 2024. 152 с.
6. Дудко И.Г. Институт уполномоченных по правам человека в России: концептуальные основы и эволюция // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 10. С. 11–18.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. проф. В.Д. Зорькина — 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2011 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025).

8. Проведен совместный прием граждан Уполномоченным по правам человека в Чувашской Республике и представителем Ассоциации юристов России // Уполномоченный по правам человека в Чувашской Республике URL: <https://ombudsman.cap.ru/news/2025/01/27/proveden-sovmestnij-priem> (дата обращения: 20.03.2025).
9. Садовникова Г.Д. Взаимодействие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с правозащитными институтами гражданского общества // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4 (80). С. 45–53.
10. Соглашение о сотрудничестве Курского регионального отделения Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» и Уполномоченного по правам человека в Курской области // Уполномоченный по правам человека в Курской области URL: <https://upch46.ru/wp-content/uploads/2024/06/soglashenie-s-vog.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).
11. Федотов А.В., Ильичева М.В. Государство и институты гражданского общества: построение системы государственной поддержки в регионах // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 38–50.
12. Хайруллина Р.М., Белохвосткин А.В. Конституционно-правовые основы гражданского общества // Образование и право. 2023. № 3. С. 51–55.
13. Храмушин В.В. Основы конституционного строя России: проблемы содержательной характеристики // Право: история и современность. 2023. № 2. С. 191–200.

ROLE OF THE OMBUDSMAN INSTITUTION IN A CONSTITUENT ENTITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PROCESS OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY

Kayava A.S.

Astrakhan State University

The article examines the activities of the Ombudsman in the constituent entities of the Russian Federation as a link between the state and civil society. The author considers the legal status and powers of regional ombudsmen, paying special attention to their mediating role in protecting the rights of citizens. Specific examples from the practice of regional ombudsmen show how commissioners interact with public organizations, the media and other civil society institutions. The work analyzes the main activities of the ombudsmen: protecting the rights of citizens, analyzing the work of state bodies and legal education of the population. The author draws attention to insufficient interaction with legal clinics and proposes to take measures to develop such cooperation, which will improve the legal education of students and strengthen the human resources of the authorized bodies.

Keywords: Commissioner for Human Rights, civil society, protection of rights, state bodies, legal education, legal clinics, public organizations.

References

1. Atagimova E.I. The role of legal clinics in the system of providing free legal aid in the Russian Federation: history and modernity // Monitoring of law enforcement. 2021. No. 3 (40). P. 11–17.

2. Baburkin S.A. Interaction of the Commissioner and civil society institutions is an important mechanism for the implementation of human rights // Window in NPOs. 2020. No. 12 (236). P. 3.
3. Demidov M.V. Main areas of interaction of human rights ombudsmen in the constituent entities of the Russian Federation with government bodies and non-governmental structures // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2020. No. 2 (4). P. 132–135.
4. Report on the activities of the Human Rights Commissioner in the Astrakhan Region in 2022. Astrakhan: OOO "New Line Printing House". 2023. 132 p.
5. Report on the activities of the Human Rights Commissioner in the Astrakhan Region in 2023. Astrakhan: OOO "Novaya Liniya Printing House". 2024. 152 p.
6. Dudko I.G. The Institute of Human Rights Commissioners in Russia: Conceptual Foundations and Evolution // Constitutional and Municipal Law. 2024. No. 10. Pp. 11–18.
7. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / Ed. by prof. V.D. Zorkin – 2nd ed., revision. Moscow: Norma: NIC INFRA-M, 2011 // Access from the reference and legal system "ConsultantPlus" (date of access: 03/19/2025).
8. A joint reception of citizens was held by the Human Rights Commissioner in the Chuvash Republic and a representative of the Association of Lawyers of Russia // Human Rights Commissioner in the Chuvash Republic URL: <https://ombudsman.cap.ru/news/2025/01/27/proveden-sovmestnij-priem> (date of access: 03/20/2025).
9. Sadovnikova G.D. Interaction of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation with human rights institutions of civil society // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2021. No. 4 (80). P. 45–53.
10. Cooperation Agreement between the Kursk Regional Branch of the All-Russian Public Organization of Disabled People "All-Russian Society of the Deaf" and the Human Rights Commissioner in the Kursk Region // Human Rights Commissioner in the Kursk Region URL: <https://upch46.ru/wp-content/uploads/2024/06/soglasenie-s-vog.pdf> (accessed: 20.03.2025).
11. Fedotov A.V., Ilyicheva M.V. State and Civil Society Institutions: Building a System of State Support in the Regions // Bulletin of Tula State University. Humanities. 2020. No. 4. pp. 38–50.
12. Khairullina R.M., Belokhvostkin A.V. Constitutional and Legal Foundations of Civil Society // Education and Law. 2023. No. 3. P. 51–55.
13. Khramushin V.V. Fundamentals of the constitutional system of Russia: problems of substantive characteristics // Law: history and modernity. 2023. No. 2. P. 191–200.

Проблемы правового регулирования конституционно-правовых основ защиты чести, достоинства и деловой репутации

Кузнецов Никита Алексеевич,

аспирант, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

E-mail: kuznetsov.nikita.alekseevich@gmail.com

В статье проанализированы теоретические основы конституционно-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации личности в Российской Федерации. Рассматриваются конституционные гарантии этих нематериальных благ (ст. 21 и ст. 23 Конституции РФ), их правовая природа как объектов особой охраны, а также взаимосвязь национальных норм с международными актами (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция о правах человека и др.). Отдельное внимание уделено проблемным аспектам реализации права на защиту чести и достоинства в правоприменительной практике (баланс с свободой слова, судебная защита, диффамация) и различным доктринальным подходам в конституционном праве относительно данных категорий. Сделаны выводы о значимости данных правовых ценностей и направлениях совершенствования их защиты.

Ключевые слова: честь; достоинство; деловая репутация; нематериальные блага; Конституция РФ; Европейская конвенция; диффамация; свобода слова; судебная защита.

Введение

Право на защиту чести, достоинства и деловой репутации традиционно признаётся одной из важных ценностей в правовом государстве [1]. Эти нематериальные блага напрямую связаны с ядром правового статуса личности. Достоинство личности отражает присущее каждому человеку ощущение собственной ценности, а честь – социально-этическую оценку индивида со стороны общества [2]. Деловая репутация характеризует оценку профессиональных качеств лица (или организации) и может быть как положительной, так и отрицательной. В совокупности честь, достоинство и репутация образуют основу индивидуального статуса в обществе, поэтому их охрана возведена в ранг конституционных прав гражданина [3]. Конституция РФ и отраслевое законодательство гарантируют недопустимость посягательств на эти блага, обеспечивая каждому возможность судебной защиты при их нарушении. Далее в статье последовательно рассматриваются конституционные гарантии указанных прав, их природа, международно-правовые стандарты в данной сфере, а также актуальные проблемы правоприменения и научные подходы к их пониманию.

Конституционные гарантии права на честь, достоинство и деловую репутацию

В Конституции Российской Федерации право на честь, достоинство и доброе имя прямо закреплено в главе 2, посвященной правам и свободам человека и гражданина. Статья 21 (ч. 1) провозглашает: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Данная норма устанавливает абсолютный запрет на унижение человеческого достоинства и возлагает на государство позитивную обязанность уважать и защищать его. Так, ни законодатель, ни правоприменитель не вправе оправдывать решения, унижающие достоинство человека (например, жестокое или унижающее обращение противоречит ч. 2 ст. 21 Конституции). Достоинство личности в конституционном смысле рассматривается как неотъемлемая ценность, принадлежащая каждому от рождения, независимо от любых обстоятельств (социального статуса, национальности, убеждений и пр.). Этот субъективный аспект понимания достоинства в российской Конституции сочетается с международным признанием объективной ценности каждого человека как носителя прав и свобод.

Статья 23 (ч. 1) Конституции относит к основным правам каждого неприкосновенность частной

жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Таким образом, на конституционном уровне каждому гарантируется возможность требовать уважения к своей чести и репутации. Термин «доброе имя» по сути охватывает как честное имя гражданина, так и его деловую репутацию. Наличие этой нормы означает, что распространение порочащих сведений или иное посягательство на честь и имя человека противоречит Основному Закону. В развитие данного положения ст. 46 (ч. 1) Конституции гарантирует судебную защиту прав и свобод, тем самым обеспечивая механизм реализации права на защиту чести, достоинства и репутации. Фактически Конституция обязывает государство создать условия, при которых пострадавший от диффамации либо оскорбления гражданин мог эффективно защитить свое доброе имя в суде.

Следует отметить, что указанные конституционные права не являются безусловными и изолированными от других конституционных ценностей – напротив, они тесно связаны со свободой выражения мнения. Согласно ч. 3 ст. 17 Конституции, осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц [4], что означает, что свобода слова (ст. 29) ограничивается требованиями неприкосновенности чести и достоинства.

Таким образом, Конституция РФ закладывает прочные основы для охраны чести, достоинства и репутации: провозглашает неприкосновенность достоинства личности, гарантирует каждому право на защиту своего доброго имени, и устанавливает судебные механизмы защиты. Эти нормы обладают высшей юридической силой, и все остальные законы развивают и конкретизируют конституционные гарантии в данной сфере.

Проблемы правоприменения и доктринальные подходы

Практические аспекты реализации права на защиту чести и достоинства в Российской Федерации во многом сводятся к балансированию данного права с конкурирующей свободой слова, а также к совершенствованию средств судебной защиты. Несмотря на провозглашение конституционных гарантий, на практике в 1990–2000-е годы остро стоял вопрос о недопустимости злоупотребления исками о защите чести для давления на прессу и общественную дискуссию. Российские суды изначально придерживались классического подхода, установленного статьёй 152 Гражданского Кодекса Российской Федерации: любое распространение не соответствующих действительности порочащих сведений считалось основанием для ответственности, если только ответчик не докажет истинность сказанного. [5]

Однако возникала проблема разграничения фактов и оценочных мнений. Например, негативные высказывания о публичном лице могут носить характер субъективного суждения, не поддающе-

гося проверке на истинность, и жесткое их преследование могло бы ущемить свободу критики. В ответ на эти вызовы Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 3 (24.02.2005) указал, что судам следует различать утверждения о фактах и оценочные суждения: последние не являются предметом судебной защиты по ст. 152 ГК, поскольку выражают субъективное мнение и не могут быть проверены на соответствие действительности [6]. Данный подход, восходящий к практике ЕСПЧ, исключает возможность взыскания за оценочные суждения, кроме случаев, когда форма их выражения сама по себе оскорбительна. Если же мнение высказано в заведомо оскорбительной, унижающей форме, допускается привлечение к ответственности за оскорбление – административной (штраф по ст. 5.61 КоАП РФ) или гражданско-правовой (компенсация морального вреда) [7]. Такая дифференциация способствует соблюдению конституционного баланса: защита чести не превращается в цензуру, но при этом грубые личные выпады, не имеющие фактического содержания, не остаются безнаказанными.

Ещё одна проблемная грань – соразмерность санкций за диффамацию. В российской практике известны случаи присуждения высоких сумм компенсации морального вреда за ущерб репутации, что вызывало озабоченность относительно «охлаждающего эффекта» для СМИ. Европейский суд в ряде решений против Российской Федерации указывал, что чрезмерные взыскания могут нарушать ст. 10 ЕКПЧ, если несоразмерны цели защиты репутации и способны парализовать свободу слова. В ответ российские суды стали более аккуратно подходить к размеру компенсаций, учитывая характер распространенных сведений, масштаб аудитории и степень причиненных страданий. Пленум Верховного Суда рекомендовал судам при определении компенсации морального вреда учитывать требования разумности и справедливости, а также фактические обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность [6].

Также в последние годы на первый план вышли вопросы защиты чести и репутации в информационно-телекоммуникационных сетях (Интернет). Анонимность и скорость распространения информации усложняют привлечение к ответственности клеветников. Законодатель дополнил ГК РФ статьёй 152.1 о защите чести и репутации в интернете, позволив требовать удаления порочащей информации и опровержения в сети. Однако практика применения этих норм еще формируется, и доктрина обращает внимание на необходимость международного сотрудничества для эффективного удаления клеветнических материалов, размещенных на зарубежных платформах.

С точки зрения доктринальных подходов, в науке конституционного права честь и достоинство рассматриваются двояко: и как субъективные права, и как основы правопорядка. Некоторые исследователи подчеркивают абсолютный характер человеческого достоинства, ставя его в систему

высших конституционных ценностей (аналогично германскому праву, где достоинство неприкосновенно). Отмечается, что ст. 21 Конституции РФ фактически выполняет роль основополагающего принципа, влияющего на толкование других прав. Например, запрет пыток, презумпция невиновности, право на уважение частной жизни – все эти институты в конечном счёте служат охране достоинства личности. Достоинство рассматривается не только как личное моральное свойство, но и как юридическое состояние, требующее определенных социальных условий: достойного уровня жизни, отсутствия дискриминации и т.п. (в международных актах прямо говорится о связи достойного существования с социальными правами: ст. 22 и 23 Всеобщей декларации упоминают обеспечение условий, необходимых для поддержания достоинства человека [8]).

Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно ссылался на достоинство личности как основу конституционных положений и критерий конституционности законов. Например, в Постановлении № 4-П от 19.04.2016 г. (дело о пожизненном заключении) КС РФ подчеркнул, что человеческое достоинство не может умаляться даже в отношении осужденных, и это накладывает требования гуманности на условия их содержания [9].

Наконец, упоминания заслуживает уголовно-правовой аспект. В 2011 году ст. 129 УК РФ (клевета) была декриминализована, однако уже в 2012 уголовная ответственность за клевету восстановлена в виде ст. 128.1 УК РФ. Сейчас заведомо ложное порочащее сведение, распространенное публично, влечет уголовное наказание (штраф, обязательные работы, а при отягчающих – вплоть до лишения свободы) [10].

Доктринальные оценки тут разделились: одни считают уголовное преследование необходимой гарантией защиты чести, особенно в случаях злонамеренной клеветы, другие указывают на риски злоупотребления этой статьей для ограничения журналистских расследований и свободы критики. В конституционно-правовом смысле уголовная защита допустима постольку, поскольку она соблюдает принцип соразмерности: наказание за слово не должно быть чрезмерно суровым или применяться к недоказанной информации. Конституционный Суд РФ в Определениях отказывался признавать декриминализацию клеветы необходимой конституционной мерой, оставляя этот вопрос на усмотрение законодателя.

Подводя итог анализу проблем, можно отметить: российская практика постепенно эволюционировала от весьма строгого подхода к защите чести (вплоть до криминализации любого порочащего высказывания) к более сбалансированному, учитывающему стандарты свободы слова. Научные концепции при этом укрепляют понимание чести и достоинства как фундаментальных конституционных ценностей, требующих особой охраны, но не абсолютизированных за счет ущемления других прав.

Заключение

Честь, достоинство и деловая репутация – это конституционно признанные нематериальные блага, находящиеся под защитой государства и права. Конституция Российской Федерации устанавливает необходимые основы для их охраны, подтверждая особый статус этих ценностей в правовой системе. Проведенное исследование показало, что российский законодатель и суды, опираясь на международные принципы, формируют комплексный механизм защиты чести и достоинства: от провозглашения их неприкосновенности (ст. 21) и гарантии судебной защиты (ст. 46) до детальной регламентации способов защиты в гражданском, административном и уголовном законодательстве. Правовая природа данных благ как неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения определяет их ключевое место среди прав человека. Вместе с тем, реализация права на защиту чести и репутации требует учета баланса с другими свободами – прежде всего со свободой выражения мнения. Современная правоприменительная практика в России, учитывая европейские стандарты, стремится обеспечить такую пропорциональность, различая факты и оценки, защищая частную жизнь и доброе имя граждан, но не препятствуя обоснованной критике и общественному контролю.

Доктринальные дискуссии вокруг понятия достоинства личности, статуса чести и доброго имени в конституционном праве способствуют более глубокому пониманию этих категорий. Достоинство все чаще рассматривается как общеконституционный принцип, пронизывающий всю систему прав человека. Честь и репутация – как необходимые элементы обеспечения человеческого достоинства в социальных взаимодействиях. На конференциях и в научных публикациях предлагаются пути совершенствования законодательства: например, развитие специальных норм о защите чести в цифровой среде, уточнение пределов компенсации морального вреда, повышение эффективности реабилитации доброго имени пострадавших.

Немаловажно подчеркнуть, что защита чести, достоинства и деловой репутации – важнейший показатель цивилизованности правовой системы. Обеспечивая уважение к личности, государство реализует конституционный принцип приоритета прав и свобод человека (ст. 2 Конституции РФ). При дальнейшем развитии законодательства и правоприменения в этой сфере следует сохранять баланс между охраной нематериальных благ личности и поддержанием свободной, открытой для критики общественной среды. Именно такое равновесие соответствует конституционно-правовым основам и гуманистическому характеру российского государства.

Литература

1. Баженов И.С. Правовое регулирование защиты чести, достоинства и деловой репутации //

Мониторинг правоприменения. – 2014. – № 4 (13). – С. 59–64.

2. Бегунков И.Д. Честь, достоинство и деловая репутация как правовые категории // Вестник науки и образования. Часть 1. – 2018.
3. Честь и достоинство // Большая российская энциклопедия 2004–2017 URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/4684191> (дата обращения: 27.03.2025).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>, 06.10.2022.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 4, 2005.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // «Российская газета» от 31 декабря 2001 г. N 256
8. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 10.12.1998
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 N 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197028/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES FOR THE PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION

Kuznetsov N.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article analyzes the theoretical foundations of constitutional and legal protection of honor, dignity and business reputation of an individual in the Russian Federation. The article considers constitutional guarantees of these intangible assets (Articles 21 and 23 of the Constitution of the Russian Federation), their legal nature as objects of special protection, as well as the relationship of national norms with international acts (Universal Declaration of Human Rights, International Covenant on Civil and Political Rights, European Convention on Human Rights, etc.). Special attention is paid to problematic aspects of the implementation of the right to protect honor and dignity in law enforcement practice (balance with freedom of speech, judicial protection, defamation) and various doctrinal approaches in constitutional law regarding these categories. Conclusions are made about the significance of these legal values and directions for improving their protection.

Keywords: honor; dignity; business reputation; intangible benefits; Constitution of the Russian Federation; European Convention; defamation; freedom of speech; judicial protection.

References

1. Bazhenov I.S. Legal regulation of the protection of honor, dignity and business reputation // Monitoring of law enforcement. – 2014. – No. 4 (13). – P. 59–64.
2. Begunkov I.D. Honor, dignity and business reputation as legal categories // Bulletin of science and education. Part 1. – 2018.
3. Honor and dignity // Great Russian Encyclopedia 2004–2017 URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/4684191> (date of access: 03/27/2025).
4. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation, including new subjects of the Russian Federation – the Donetsk People's Republic, the Lugansk People's Republic, the Zaporizhzhia Region and the Kherson Region, was published on the Official Internet Portal of Legal Information <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>, 06.10.2022.
5. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, N 32, Art. 3301.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.02.2005 N 3 "On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, N 4, 2005.
7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 03.02.2025) // "Rossiyskaya Gazeta" of December 31, 2001 N 256
8. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948) // Rossiyskaya Gazeta, 10.12.1998
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.04.2016 N 12-P "On the case of resolving the issue of the possibility of execution in accordance with the Constitution of the Russian Federation of the ruling of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 in the case of "Anchugov and Gladkov v. Russia" in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197028/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/
10. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on February 28, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation, June 17, 1996, N 25, Art. 2954

Малютов Дмитрий Александрович,

аспирант, Международный инновационный университет
E-mail: dmitrij-malyutov@yandex.ru

В статье отмечено, что основным признаком правотворческой коллизии является наличие в содержании или текстуальной форме нормы такой логической или грамматической особенности, которая препятствует им в реализации нормы права быть надлежащим средством для достижения цели такой нормы. Доказано, что представители отраслевых юридических наук так же не обходят вниманием проблему правотворческих коллизий: авторы используют термин «нормотворческая коллизия», очевидно отождествляя ее с правотворческой. Несоблюдение требований к правовым дефинициям и правилам их введения в текст нормативного правового акта вызывает ненадлежащее использование дефиниций как средства нормопроектной техники. Сделан вывод, что в процессе познания в сознании субъекта правотворчества должен сформироваться адекватный образ объекта или знания о познаваемом объекте. Заблуждение, то есть неадекватное воспроизведение объективной реальности в процессе познания выступает предпосылкой правотворческих коллизий.

Ключевые слова: правотворческие коллизии, особенности, предпосылки, развитие, совершенствование законодательства.

В современном мире происходит, с одной стороны, послабление религиозных, этических и нравственных регуляторов общественных отношений, а, с другой, усиление роли положительного права. При этом интенсивное развитие системы источников права обуславливает увеличение их количества и, в свою очередь, повышает внимание к их качеству. И это имеет свое объяснение, потому что, как небезосновательно считает И.Я. Янышина, в системе источников права Российской Федерации наблюдается ряд деформаций и, в частности, значительное количество правотворческих коллизий [8].

В трудах как зарубежных, так и отечественных ученых (В.М. Баранова, И.А. Былы-Сабадаш, Н.Н. Вопленко, А.С. Дашкова, Ж.А. Дзейко, В.М. Карташова, Т.В. Кашаниной, В.М. Косовича, А.Б. Лисюткина, В.М. Сырых, А.Ф. Скакун, Ю.А. Тихомирова) освещены отдельные вопросы, касающиеся правотворческих коллизий. Острые дискуссии порождает вопросы, что следует считать правотворческой коллизией – деятельность или ее результат. Большинство ученых (М.М. Вопленко, А.Б. Лисюткин, А.Д. Третьякова и др.) отстаивают правотворческую позицию, что коллизией является сам неадекватный результат правотворческой деятельности.

Считаем целесообразным систематизировать позиции исследователей и сформировать целостное представление о природе и особенностях правотворческих коллизий в Российской Федерации.

В определении А.С. Лашкова правотворческая коллизия неоправданно наделена признаком виновности [4].

По мнению Б. Малышева, основным признаком правотворческой коллизии является наличие в содержании или текстуальной форме нормы такой логической или грамматической особенности, которая препятствует им (содержания или форме нормы) в реализации нормы права быть надлежащим средством для достижения цели такой нормы. Смысл норм права, которые содержат правотворческие коллизии, должен выясняться с помощью широкого использования телеологического способа толкования [10].

Авторский коллектив пособия «Юридическое документоведение», пытаясь закрепить важнейшие черты правотворческих коллизий, предлагает следующее определение: правотворческая коллизия как разнovidность юридической коллизии – это воплощенный в нормативном правовом акте результат несоблюдения правотворческим органом правил-требований юридической техники, законов формальной логики, правил современного русского языка, который нарушает общие принци-

пы или конкретные нормы правотворчества и приводит к принятию нечеткого и некачественного по форме/содержанию акта, что снижает его качество, и приводит к вредным социальным и юридическим последствиям для правоприменительного процесса [1].

Представители отраслевых юридических наук так же не обходят вниманием проблему правотворческих коллизий. Здесь можно заметить, что авторы используют термин «нормотворческая коллизия», очевидно отождествляя ее с правотворческой. Так же отдельные ученые считают взаимозаменяемыми «нормотворчество» и «правотворчество».

Проанализировав ряд определений понятия правотворческой коллизии и ее признаки, выделенные разными исследователями, считаем целесообразным акцентировать на наиболее важных чертах и свойствах этого явления.

Во-первых, правотворческая коллизия имеет место в процессе официальной деятельности правотворческого органа.

Во-вторых, правотворческая коллизия имеет добросовестный характер, что исключает вопрос об умысле или неосторожности субъектов правотворческой деятельности. Этим правотворческая коллизия отличается от нарушения, заложенного в содержание нормативного правового акта. Это подчеркивает Е.П. Евграфова, рассматривая один из видов правотворческих коллизий – законотворческую [3].

Следовательно, субъективными причинами являются те, которые касаются личности правотворца как субъекта правотворчества, его сознания и воли. Однако основой всех названных субъективных причин, по нашему мнению, является заблуждение в познании, осуществляемом в процессе правотворчества соответствующим субъектом. Это познание направляется на реализацию прагматической задачи – создание, изменение или отмена правовой нормы, систематизацию правовых норм.

При осуществлении правотворческой деятельности познаются: а) социальные процессы под углом зрения их правового опосредования, б) имеется нормативно-правовая база в пределах, очерченных характеристиками нормопроякта; в) в необходимых случаях – юридическая, особенно, судебная, практика; г) господствующие ценностные представления в сфере, которая требует нормативно-правового урегулирования; д) идеологические элементы; е) научные теории; ж) иностранный опыт нормативно-правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений. В процессе познания в сознание субъекта правотворчества должен сформироваться адекватный образ объекта или знания о познаваемом объекте. Заблуждение, то есть неадекватное воспроизведение объективной реальности в процессе познания, по сути, и выступает предпосылкой правотворческих коллизий.

Иначе говоря, правотворческие коллизии затрудняют толкование правовых норм, препятству-

ют их непосредственной реализации и применению.

С таким утверждением можно согласиться лишь частично, поскольку, по нашему мнению, на эффективность правового регулирования влияют не только правотворческие, но и другие правовые коллизии. Итак, правотворческой коллизией следует считать отклонение от общих принципов правотворения, требований правотворческой техники, логики или грамматики в процессе официальной деятельности правотворческого органа, обусловленное добросовестным заблуждением правотворца, объективируемым в недостатках нормативных правовых актов.

Правотворческая коллизия является видовым понятием относительно общего понятия «правовая коллизия». В свою очередь, правотворческие коллизии подлежат классификации по различным критериям. Наиболее распространенными критериями для дифференциации правотворческих коллизий И.С. Шевчук считает: отрасли законодательства (коллизии в конституционном, гражданском, уголовном и других отраслях); дуальный характер права (коллизии в частной и публичной отраслях), степень истинности (спорные и бесспорные коллизии), внешнюю форму источников права, в которых допускаются коллизии (в международных договорах, конституциях, кодексах, законах и т.п.), сферы влияния (коллизии в экономической, политической, социальной и других сферах), характер открытости (явные и латентные коллизии), степень распространения (распространенные и нераспространенные коллизии), характер последствий коллизии, которые причинили материальный, моральный или организационный вред; обусловили деформацию юридической практики или рост противоправной активности), элементы структуры правовой нормы, в которых допущена коллизия (коллизии в гипотезе, диспозиции, санкции), степень юридического урегулирования определенной сферы общественных отношений (коллизии, которые допущены из-за отсутствия регламентации, недостаточность регламентации или чрезмерную регуляцию) [5].

Кроме того, исследователи классифицируют правотворческие коллизии и по таким критериям: по психологическому механизму формирования выделяют умышленные и непреднамеренные правотворческие коллизии; по видам нарушенных требований различают юридические, логические и грамматические коллизии. По уровню сложности (характеру последствий) А.В. Мальков предлагает разделять правотворческие коллизии на элементарные (простые) и системные (многофакторные) коллизии [2]. При этом именно системные коллизии признаются особенно опасной разновидностью коллизий, которые причиняют, соответственно, наибольший вред и распространяются на значительную сферу общественных отношений. По нашему мнению, здесь идет речь не столько о правотворческих ошибках, а, скорее, о доктринальных, которые имеют, как уже отмечалось, системный характер.

По нашему мнению, отдельную группу образуют дефинитивные коллизии, которые допускает нормотворец, фиксируя определение понятий в тексте нормативно-правового акта. В отечественной юридической литературе коллизиям в правовых дефинициях уделено незначительное внимание. В основном это вопрос рассматривается лишь в контексте исследования средств нормотворческой техники, приводятся примеры ложных (с точки зрения логики и юридического языка) дефиниций. В частности, исследуя правовые дефиниции, А.Н. Дашковская отмечает достаточно низкое качество законодательной техники, что проявляется, в частности, в неразвитости понятийного аппарата отечественного законодательства, отсутствия легальных определений важных для правового регулирования понятий, неоднозначности понятийных формулировок, нечеткости определений, что приводит к значительному количеству споров между субъектами правоотношений, излишнюю доступность, переходящую в декларативность (малоинформативность) законодательных дефиниций [9].

Так же В.М. Косов указывает, что несоблюдение требований к правовым дефинициям и правилам их введения в текст нормативного правового акта вызывает ненадлежащее использование дефиниций как средства нормопроектной техники, становится причиной правотворческих коллизий [1]. М.Л. Костин считает, что это, в частности, круг в определении (логическая коллизия), тавтология, отсутствие определения, определение неизвестного через неизвестное, отрицательное определение. Исследователь резюмирует, что такие дефекты правовых дефиниций не только препятствуют верному пониманию права, но и негативно влияют на развитие понятийного аппарата и законодательной базы [6].

Однако, по нашему мнению, проблема коллизий в определениях понятиях в текстах нормативных правовых актов проявляется значительно шире. Как подчеркивает А.В. Хворостянкина, вопросы законодательных дефиниций как приема законодательной техники не ограничивается сугубо техническими и логическими правилами их построения и использования [3]. Поэтому и коллизии в правовых дефинициях допускаются не только при несоблюдении технических правил их конструирования, но и при решении вопроса о необходимости и целесообразности отдельных дефиниций, их соответствии принципам правовой определенности, стабильности правовой системы и, в то же время, гибкости права и тому подобное.

Нередко законодатель допускает коллизии в процессе разработки и принятия законодательных актов. Относительно подзаконных актов следующие коллизии являются первичными, поскольку это подзаконный нормативный правовой акт. Следовательно, коллизии в законе вызывают коллизии в подзаконном акте, хотя в последнем не исключается возможность допущения и «самостоятельных» коллизий.

В то же время нам, как и другим исследователям, обидно констатировать, что сейчас юридическая наука не смогла сформулировать общепринятого определения законотворческой коллизии и ее существенных признаков, что существенно затрудняет решение указанной проблемы.

Виновное противоправное деяние в сфере законотворчества, которое приводит к негативным последствиям, логичнее было бы назвать правонарушением, а не коллизией, а следовательно, и задавать вопросы о привлечение к юридической ответственности за такую деятельность уполномоченных на ее осуществление лиц, поскольку последствия могут быть, кроме того, что чрезвычайно тяжелыми, но и пролонгированными во времени, то есть наступать не сразу после принятия нормативного правового акта, а продолжительное время спустя [2].

В общем, для дифференциации законотворческих коллизий на отдельные виды можно применить те же критерии, что и для правотворческих коллизий.

Более или менее универсальной является классификация законотворческих коллизий, предложенная В.М. Барановым и В.М. Сергеевым – человечество обладает необходимым объемом научных знаний относительно сущности, природы и механизма функционирования явления правовой действительности, которое подлежит законодательному регулированию [7].

Следовательно, выделение концептуальных коллизий объясняется тем, что основой концепции того или иного закона всегда выступает личная позиция субъекта правотворчества по вопросу, подлежащему урегулированию. Соответственно, если субъект имеет ложное представление об этом вопросе, то это отражается на содержании закона.

Литература

1. Баймаханов М.Т. Противоречия в развитии правовой надстройки / М.Т. Баймаханов. Алма-Ата: Изд-во «НАУКА», 2021.-356 с.
2. Барциц И.Н. Правовое пространство России. Вопросы конституционной теории и практики / И.Н. Барциц. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2020. 496 с.
3. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в праве / Н.А. Власенко. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2024. – 99 с.
4. Лазарев Л.В. Проблемы судебного нормоконтроля в решениях Конституционного Суда РФ / Л.В. Лазарев // Российская юстиция. 2024. – № 2.-С. 8–11.
5. Лучин О.В. Конституционные деликты / О.В. Лучин // Государство и право. 2022. – № 1. – С. 12–19.
6. Митюков М.А. Послание Конституционного Суда: критический взгляд на состояние законности / М.А. Митюков // Российская юстиция. – 2023.-№ 7.-С. 8.

7. Надеев Р. Законотворческие ошибки / Р. Надеев // Российская юстиция. 2025. – № 2. – С. 20–22.
8. Некрасов С.И. Федеральные и региональные средства и способы преодоления юридических коллизий публично-правового характера / С.И. Некрасов // Государство и право. 2023. – № 4. – С. 5–11.
9. Рекомендации о процедурах предотвращения и разрешения юридических коллизий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов // Российская Федерация. 2023. – № 9. – С. 21–23.
10. Романова О.В. К вопросу о понятии и правовой природе правовых позиций Конституционного Суда РФ / О.В. Романова // Государство и право. –2022. – № 7. – С. 84–87.

THE PLACE OF LAW-MAKING COLLISIONS IN THE THEORY OF LAW

Malyutov D.A.

International Innovative University

The article notes that the main feature of a law-making collision is the presence in the content or textual form of a norm of such a logical or grammatical feature that prevents them from being an appropriate means to achieve the goal of such a norm in the implementation of the legal norm. It is proven that representatives of sectoral legal sciences also do not ignore the problem of law-making collisions: the authors use the term “norm-making collision”, obviously identifying it with law-making. Failure to comply with the requirements for legal definitions and the rules for introducing them into the text of a normative legal act causes improper use of definitions as a means of norm-drafting technology. It is concluded that in the

process of cognition, an adequate image of an object or knowledge about the cognized object should be formed in the mind of the subject of lawmaking. Misconception, that is, inadequate reproduction of objective reality in the process of cognition, is a prerequisite for law-making collisions.

Keywords: law-making conflicts, features, prerequisites, development, improvement of legislation.

References

1. Baimakhanov M.T. Contradictions in the development of the legal superstructure / M.T. Baimakhanov. Alma-Ata: Publishing house “NAUKA”, 2021.-356 p.
2. Bartsits I.N. Legal space of Russia. Issues of constitutional theory and practice / I.N. Bartsits. – М.: Publishing house of Moscow state. University named after M.V. Lomonosov, 2020. 496 p.
3. Vlasenko N.A. Conflict of laws rules in law / N.A. Vlasenko. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk University, 2024. – 99 p.
4. Lazarev L.V. Problems of judicial norm control in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation / L.V. Lazarev // Russian justice. 2024. – No. 2.-P. 8–11.
5. Luchin O.V. Constitutional torts / O.V. Luchin // State and Law. 2022. – No. 1. – P. 12–19.
6. Mityukov M.A. Message of the Constitutional Court: a critical look at the state of legality / M.A. Mityukov // Russian Justice. – 2023.-No. 7.-P. 8.
7. Nadeev R. Legislative errors / R. Nadeev // Russian Justice. 2025. – No. 2. – P. 20–22.
8. Nekrasov S.I. Federal and regional means and methods for overcoming legal collisions of a public law nature / S.I. Nekrasov // State and Law. 2023. – No. 4. – P. 5–11.
9. Recommendations on the procedures for preventing and resolving legal conflicts between government bodies of the Russian Federation and its subjects // Russian Federation. 2023. – No. 9. – P. 21–23.
10. Romanova O.V. On the issue of the concept and legal nature of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation / O.V. Romanova // State and Law. –2022. – No. 7. – P. 84–87.

Проект межевания как способ перераспределения земель в населенных пунктах (на примере Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы)

Матина Анастасия Александровна,
независимый исследователь
E-mail: 1132236296@pfur.ru

Пожарская Мария Сергеевна,
независимый исследователь
E-mail: 1132236301@pfur.ru

В статье исследуется проект межевания территории как способ перераспределения земель в населенных пунктах. В работе представлен анализ нормативно-правовой базы, регулирующий процесс разработки, согласования и утверждения проектов межевания территории в городе Москве. Также выявлены и проанализированы наиболее распространенные цели подготовки проектов межевания территории и ключевые задачи, которые решаются с применением данного инструмента. Подробно рассмотрены следующие аспекты: особенности формирования земельных участков для эксплуатации объектов капитального строительства, а также предоставления инвесторам, перераспределение в границах садоводческих или огороднических некоммерческих товариществ, увеличение земельных участков за счет смежной территории, свободной от обременений. Выявлены проблемы, возникающие при подготовке проекта межевания территории, и предложены пути их решения.

Ключевые слова: проект межевания территории, планировочная организация, перераспределение земель, нормативно-правовое регулирование, градостроительная деятельность.

Введение

В связи с активным развитием Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы формирование единой и эффективной системы землевладения и землепользования становится важным и востребованным.

Межевание территории – это инструмент, с помощью которого создаются условия для более эффективного и рационального управления земельными ресурсами. Подготовка и утверждение проекта межевания территории является одним из способов определения местоположения земельных участков, их изменения, а также перераспределения.

Основная часть

В соответствии со статьей 11.3 Земельного кодекса Российской Федерации [1] образование земельных участков из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, возможно с помощью разработки проекта межевания территории (далее – ПМТ).

В соответствии со статьей 43 Градостроительного кодекса Российской Федерации [2], подготовка ПМТ может осуществляться для определения местоположения границ земельных участков вне зависимости от формы собственности, а также в целях установления, изменения или отмены красных линий.

В городе Москве органом исполнительной власти, принимающим решения об утверждении или корректировке ПМТ, подготавливаемых в виде отдельного документа, в соответствии с постановлением Правительства Москвы от 20.02.2013 № 99-ПП «Об утверждении Положения о Департаменте городского имущества города Москвы» [5], является Департамент городского имущества города Москвы (далее – ДГИ).

Разработка ПМТ осуществляется на основании распоряжения ДГИ и правоустанавливающих документов на объекты недвижимости.

Решения о подготовке документации самостоятельно могут принимать садоводческие или огороднические некоммерческие товарищества (далее – СНТ или ОНТ) в отношении территории, которая была предоставлена им для осуществления деятельности.

Заявитель в праве обратиться в любую проектную организацию для уточнения условий разработки проекта межевания.

Разработка документации не зависит от наличия или отсутствия утвержденной градостроительной документации в части планировки территории.

Основные требования к составу и содержанию разрабатываемой документации устанавливаются нормативно-правовыми актами в области градостроительной деятельности.

В Москве постановлением Правительства Москвы от 26.12.2017 № 1089-ПП утвержден порядок подготовки, согласования и утверждения ПМТ, подготавливаемых в виде отдельного документа [3]. Приказом ДГИ и Комитета по архитектуре и градостроительству города Москвы от 12.04.2018 № 63/253 утверждена типовая форма ПМТ [4].

Цели разработки ПМТ инвестор определяет самостоятельно, исходя из планируемого развития территории.

Как показано на рисунке 1, наиболее распространенными целями разработки ПМТ являются:

1. Перераспределение земель в границах СНТ или ОНТ по фактическому использованию территории (28%).
2. Формирование земельных участков для эксплуатации зданий, строений, сооружений (48%).
3. Формирование земельных участков при условии утвержденной градостроительной документации для предоставления инвесторам на основании принятых градостроительных решений (6%).
4. Увеличение земельных участков за счет смежной территории, свободной от обременений. (18%) (рис. 1).

Рис. 1. Процентное соотношение разработанных ПМТ в Троицком и Новомосковском административных округах города Москвы в 2023–2024 годах

На основании представленного соотношения можно сделать вывод, что преимущественно целью разработки ПМТ в исследуемых границах является формирование границ земельных участков для эксплуатации жилых и нежилых объектов.

В городе Москве перераспределение земельных участков, находящихся в частной и государственной собственности, возможно осуществить в рамках государственной услуги «Перераспределение земель и (или) земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и земельных участков, находящихся

в частной собственности» (далее – государственная услуга) [6].

Перераспределение земельных участков более целесообразно осуществлять в рамках государственной услуги, если соблюдены следующие критерии:

- заявитель – физическое лицо;
- вид разрешенного использования земельного участка предусматривает индивидуальное жилищное строительство;
- отсутствует утвержденная документация по планировочной организации территории.

Отметим, что возможность перераспределения в рамках государственной услуги не исключает возможность разработки ПМТ инвестором при наличии такой потребности.

Далее более подробно рассмотрены наиболее распространенные цели разработки ПМТ.

1. Перераспределение земель в границах СНТ или ОНТ по фактическому использованию территории.

Участки преимущественно устанавливаются для эксплуатации индивидуальных жилых домов по фактическому использованию (чаще всего по границам ограждения), выделяются территории общего пользования, например, проходы или проезды. Также встречается установление участков в качестве иной территории.

К таким участкам относятся территории, которые в настоящее время не используются, или их назначение не установлено, а также свободные от застройки участки, в границах которых планируется строительство.

ПМТ может разрабатываться как на всю территорию СНТ или ОНТ, так и на отдельные участки.

2. Формирование земельных участков для эксплуатации зданий, строений, сооружений.

На рисунке 2 представлено процентное соотношение задач, которые решаются при разработке ПМТ с целью образования участков для эксплуатации капитальных объектов жилого и нежилого назначения.

Разработка ПМТ с вышеуказанной целью чаще всего обусловлена необходимостью решения следующих задач.

1. Установление границ земельных участков существующих многоквартирных жилых домов, нежилых зданий, сооружений, земельных участков общественных территорий, с указанием установленных ограничений и обременений использования всех перечисленных видов участков, а также в целях обоснования необходимых условий предоставления земельных участков, в том числе установления публичных сервитутов, иных обременений, установления условий неделимости земельного участка.
2. Устранение пересечения земельного участка с красными линиями улично-дорожной сети (далее – КЛ УДС) и перераспределение участка вне границ КЛ УДС со смежной территорией, свободной от обременений.

3. Формирование участков в целях эксплуатации объектов производственного назначения по фактическому использованию при наличии утвержденной документации по планировочной организации территории.
4. Раздел земельного участка при наличии утвержденной документации по планировочной организации территории.
5. Формирование границ земельного участка по фактическому использованию при наличии утвержденной документации по планировочной организации территории (рис. 2).

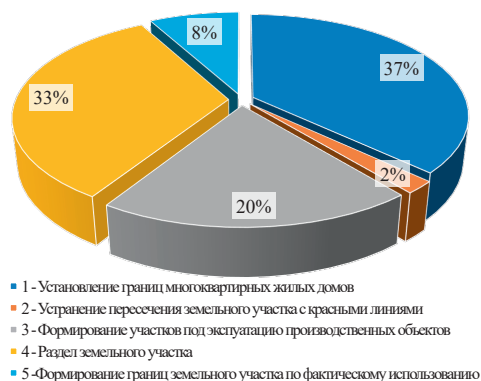

Рис. 2. Процентное соотношение задач, решаемых при разработке ПМТ

Из рисунка 2 можно сделать вывод, что чаще всего разработка ПМТ осуществляется в целях формирования земельных участков для эксплуатации объектов капитального строительства, выделения участков под существующими объектами и раздела земельного участка при наличии утвержденной документации по планировке территории. Это обусловлено градостроительным развитием исследуемых округов, а также потребностями собственников земельных участков.

При формировании участков для эксплуатации многоквартирных жилых домов также устанавливаются участки с минимизированными затратами территории на их содержание.

ПМТ могут разрабатываться как на территорию жилого квартала, так и на его часть, в зависимости от поставленных задач.

3. Формирование земельных участков при условии утвержденной градостроительной документации для предоставления в рамках принятых градостроительных решений.

В соответствии с постановлением Правительства Москвы на основании статьи 23 Закона города Москвы от 20.12.2006 года № 65 «О Правительстве Москвы» [7] создана Градостроительно-земельная комиссия города Москвы (далее – Комиссия), которая принимает решения по вопросам, касающимся градостроительной и инвестиционной деятельности, земельных отношений, строительства и реконструкции объектов капитального строительства.

Если Комиссией принимается решение о предоставлении инвесторам земельного участка в границах территории с утвержденной планировочной

организацией, возникает необходимость в разработке и утверждении ПМТ.

Разработка документации возможна в целях формирования участков для реализации городских программ и объектов, так и для инвестиционных проектов под различные цели.

4. Увеличение земельных участков за счет смежной территории, свободной от обременений.

Увеличение земельных участков за счет смежной территории возможно для решения следующих задач:

- увеличение земельного участка под эксплуатацию личного подсобного хозяйства;
- увеличение границ земельного участка и/или участков за счет смежной территории, свободной от обременений, для эксплуатации жилых и/или нежилых зданий.

Для решения указанных выше задач физические лица, являющиеся заказчиками, производят разработку ПМТ при наличии утвержденной документации по планировке территории. Если же заказчик – юридическое лицо, разработка ПМТ для решения указанных выше задач обязательна.

Выводы

1. Существующая нормативно-правовая база, регулирующая подготовку проектов межевания в Москве, информативна. Она в достаточной степени охватывает нюансы разработки документации, касающиеся как текстовой, так графической части. Однако в силу существования не только федеральных, но и региональных регламентирующих документов, у заказчиков и исполнителей могут возникать проблемы с поиском актуальной информации.

Для решения этого вопроса возможно создание на официальном сервере Правительства Москвы тематической страницы, содержащей актуальную нормативно-правовую и нормативно-методическую базы по данному вопросу, поскольку ПМТ является распространенным, а иногда и единственно возможным способом перераспределения земель в границах Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы.

2. При подготовке графических материалов у разработчиков также возникают проблемы с поиском информации о градостроительных ограничениях, распространяющихся на территорию разработки.

Решить данную проблему можно с помощью информационных ресурсов, находящихся в свободном доступе: государственной информационной системы обеспечения градостроительной деятельности и публичной кадастровой карты.

3. Анализ качества подготовленных разработчиками материалов ПМТ за рассматриваемый период позволил выявить, что большая часть документации отвечает установленным требованиям и может быть согласована органами исполнительной власти при условии исправления не критичных замечаний.

4. Разработка проектов межевания в исследуемых границах происходит преимущественно в целях перераспределения в границах СНТ или ОНТ, а также формирования границ земельных участков для эксплуатации зданий, строений, сооружений.
5. Цели и задачи разработки ПМТ обусловлены градостроительным развитием рассматриваемой территории.

В настоящее время, существует как необходимость урегулирования вопросов землепользования в условиях сложившихся земельно-правовых отношений, так и реализация инвестиционных проектов на неосвоенных территориях.

Литература

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (последняя редакция): сайт/ КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 24.03.2025).
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (последняя редакция): сайт/ КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 03.03.2025).
3. Закон города Москвы от 20.12.2006 № 65 «О Правительстве Москвы» (последняя редакция): сайт/ Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов – URL: <https://docs.cntd.ru/document/3670247> (дата обращения: 21.03.2025).
4. Постановление Правительства Москвы от 15.05.2012 № 199-ПП «Об утверждении административных регламентов предоставления государственных услуг Департаментом городского имущества города Москвы» (последняя редакция): сайт/ Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов – URL: <https://docs.cntd.ru/document/537918774> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Постановление Правительства Москвы от 20.02.2013 № 99-ПП «Об утверждении Положения о Департаменте городского имущества города Москвы» (последняя редакция): сайт/ Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов – URL: <https://docs.cntd.ru/document/537931289> (дата обращения: 25.03.2025).
6. Постановление Правительства Москвы от 26.12.2017 № 1089-ПП «Об утверждении Порядка подготовки, согласования и утверждения проектов межевания территории, подготавливаемых в виде отдельного документа, в городе Москве» (последняя редакция): сайт/ Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов – URL: <https://docs.cntd.ru/document/556169281> (дата обращения: 03.03.2025).
7. Приказ Департамента городского имущества города Москвы и Комитета по архитек-

туре и градостроительству города Москвы от 12.04.2018 № 253 «Об утверждении типовой формы проекта межевания территории, подготавливаемого в виде отдельного документа, в городе Москве» (последняя редакция): сайт/ Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов – URL: <https://docs.cntd.ru/document/557247461> (дата обращения: 10.03.2025).

A LAND SURVEYING PROJECT AS A WAY TO REDISTRIBUTE LAND IN POPULATED AREAS (USING THE EXAMPLE OF THE TROITSK AND NOVOMOSKOVSKY ADMINISTRATIVE DISTRICTS OF MOSCOW)

Matina A.A., Pozharskaya M.S.

In this paper, a land surveying project is considered as a tool for redistributing land in populated areas. The article includes an analysis of the regulatory framework governing the development, coordination and approval of land surveying projects in the city of Moscow. The paper identifies and examines the most common goals of preparing a land surveying project and the main tasks that can be solved using this tool. The following aspects are considered in detail: the specifics of the formation of land plots for the operation of capital construction facilities, as well as the provision to investors, the redistribution within the boundaries of horticultural or horticultural non-profit partnerships, the increase of land plots due to the adjacent territory, free from encumbrances. The problems that arise during the preparation of the land surveying project have been identified and ways to solve them have been proposed.

Keywords: land surveying project, planning organization, land redistribution, regulatory and legal regulation, urban planning activities.

References

1. Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated October 25, 2001 (as amended): ConsultantPlus website – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (accessed: March 24, 2025).
2. Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated December 29, 2004 (as amended): ConsultantPlus website – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (accessed: March 3, 2025).
3. Moscow City Law No. 65 dated December 20, 2006 “On the Moscow Government” (as amended): Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents website – URL: <https://docs.cntd.ru/document/3670247> (accessed: March 21, 2025).
4. Resolution of the Moscow Government No. 199-PP dated May 15, 2012 “On Approval of Administrative Regulations for the Provision of Public Services by the Moscow City Property Department” (as amended): Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents website – URL: <https://docs.cntd.ru/document/537918774> (accessed: March 20, 2025).
5. Resolution of the Moscow Government No. 99-PP dated February 20, 2013 “On Approval of the Regulations on the Moscow City Property Department” (as amended): Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents website – URL: <https://docs.cntd.ru/document/537931289> (accessed: March 25, 2025).
6. Resolution of the Moscow Government No. 1089-PP dated December 26, 2017 “On Approval of the Procedure for Preparation, Coordination and Approval of Land Surveying Projects Prepared as a Separate Document in the City of Moscow” (as amended): Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents website – URL: <https://docs.cntd.ru/document/556169281> (accessed: March 3, 2025).
7. Order of the Moscow City Property Department and the Moscow City Committee for Architecture and Urban Planning No. 253 dated April 12, 2018 “On Approval of the Model Form of the Land Surveying Project Prepared as a Separate Document in the City of Moscow” (as amended): Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents website – URL: <https://docs.cntd.ru/document/557247461> (accessed: March 10, 2025).

Обеспечение законности в административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов в условиях ЕАЭС

Мовчан Алсу Замировна,

аспирант заочной формы обучения кафедры
административного и финансового права Российской
таможенной академии
E-mail: movchanaz@yandex.ru

В статье рассматривается понятие законности как ключевого принципа административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов; исследуются вопросы правового регулирования и юридические предпосылки обеспечения законности. Также в статье приводятся актуальные вопросы соблюдения законности в административной юрисдикции и направления совершенствования механизмов обеспечения законности в административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов.

Ключевые слова: административно-юрисдикционная деятельность, административная юрисдикция, таможенные органы Российской Федерации, Федеральная таможенная служба РФ, обеспечение законности, правовое регулирование, производство дел об административных правонарушениях.

Введение

Ввиду последних политических и экономических событий на международной арене, приводящих к повышению интенсивности товарного оборота, повышается значимость таможенных органов, соответственно чему возрастает актуальность и вопросов деятельности органов Федеральной таможенной службы РФ в сфере административной юрисдикции. Это формирует потребность в теоретическом осмыслении деятельности таможенных органов по рассмотрению и разрешению дел административной юрисдикции, а также обуславливает появление потребности в выработке рекомендаций по улучшению таможенного администрирования. Совершенствованию процесса обеспечения законности будет способствовать анализ правовых отношений, имеющих место в сфере применения органами Федеральной Таможенной службы мер административно-процессуального характера на различных этапах осуществления юрисдикционных производств различных разновидностей; также модернизации будет способствовать исследование норм права – регламентирующих деятельность административно-процессуального характера, осуществляемую органами Федеральной Таможенной службы юрисдикционного типа, и обеспечивающих соблюдение законных прав и интересов гражданина, общества и государства. Однако задача эта осложняется недостаточной обоснованностью понятия обеспечения законности административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов.

Теоретико-правовые основы обеспечения законности в административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов

В нормативно-правовых рамках таможенного законодательства (как Российской Федерации, так и государств-членов Евразийского Экономического союза) органы таможни обладают рядом полномочий, позволяющим им реализовывать меры административно-юрисдикционного характера. По мнению ряда авторов, к которым относится и А.Ю. Якимов [31], административно-юрисдикционную деятельность следует рассматривать как комплекс действий по разрешению дел, относящихся к определенной категории делопроизводства. В.В. Дорохин [19] рассматривает данное понятие как комплекс полномочий, которые позволяют исполнительным органам рассматривать дела определенной юрисдикции и принимать по ним

решения. П.П. Сафоненков [30] предполагает, что административно-юрисдикционная деятельность, регулируемая правовыми нормами, а также имеющими полномочия органами государственного управления, представляет собой особую разновидность процессуальной формы, а ее ключевой целью является восстановление права, которое было нарушено. Л.Л. Попов исследует административно-юрисдикционную деятельность в разрезе причин возникновения потребности в ней, которые появятся при появлении негативной ситуации или факта конфликта [28]. Никитина А.П. изучает административно-юрисдикционную деятельность через процедуры и юридические факты, которые провоцируют возникновение административно-правовых отношений [25, с. 207–211].

Основополагающие аспекты законности административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов необходимо рассматривать в двух контекстах: содержательном – к ним будут относиться нормативно-нравственные нормы, обуславливающие соблюдение служебной дисциплины, и правовом – к ним относятся нормы, регламентирующие поведение госслужащих [17]. Соответственно эффективность обеспечения законности в административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов будет тесно связана с соблюдением установленного порядка, поведенческих норм, служебной дисциплины, а также с обладанием всеми необходимыми знаниями в сфере законодательства, регламентирующего таможенное дело. Говоря о законности, необходимо уточнить, что под этим термином могут рассматриваться различные значения: законность может использоваться в значении «осуществление правовых норм» [21, с. 310]; как понятие обеспечения общественной жизни, в котором закон является доминирующей силой [29, с. 221]; а также как способ построения общества, в котором действуют механизмы, ограждающие от произвола [22, с. 130], и даже как «система реализации права в государственном правотворчестве» [16, с. 592].

В отношении административной юрисдикции таможенных органов Российской Федерации термин «законность» можно рассматривать как ту деятельность, которую они и относящиеся к ним должностные лица осуществляют в поисках решений конфликтов, относящихся к административно-правовой категории, и применение релевантных конфликту мер наказания [27, с. 50–53].

Соблюдение законности административно-юрисдикционной деятельности обеспечивает ряд структурных субъектов ведомства Федеральной таможенной службы Российской Федерации, однако обеспечение законности может не только осуществляться таможенными органами РФ, но и производиться органами судебной власти.

Функциональной базой деятельности в рамках административной юрисдикции таможенных органов будет являться ряд функций; к таковому функционалу будет относиться, в частности, обеспечение надзорных и контрольных мероприятий

в сфере таможенной деятельности, обеспечение защиты авторского права на ИС, обеспечение валютного контроля, осуществление транспортного контроля, осуществление карантинного, санитарного, фитосанитарного, ветеринарного и прочих видов надзора. Также к функциям, лежащим в основе административно-юрисдикционной деятельности, будут относиться меры по выявлению и пресечению правонарушений административного характера, которые находятся в сфере действия полномочий таможенных органов. Все приведенные функции регламентируются рядом нормативно-правовых актов.

Принципами реализации законности, релевантными в том числе и в отношении таможенных органов Российской Федерации, будут являться верховенство и единство закона, равенство прав и обязанностей, гарантия гражданских свобод и прав, всеобщий характер соблюдения законности, неизбежность наказания за нарушение закона, неприемлемость конфронтации между целесообразностью и законностью, а также неукоснительность соблюдения принципов законности [8].

Определяя главные черты законности, необходимо выделить следующие:

1. Законность является базисом всей модели существования государственных органов;
2. Законность представляет собой ключевое требование, которое предъявляется к деятельности субъектов госуправления;
3. Законность – это поведенческая модель сотрудников;
4. Законность – это метод, в соответствии с которым реализуются полномочия и компетенции субъектов управления.

Все эти черты являются отражением специфики административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов, и их комплекс образует целостную систему производств.

Соответственно выделенным чертам и приведенным ранее определениям законность мы можем определить законность как режим, при котором соблюдаются нормы права, обеспечивается работоспособность госаппарата, обеспечивается безопасность населения, соблюдаются права и свободы граждан, реализуются законы, правовые регламенты и прочие нормативные правовые акты.

В административно-юрисдикционной деятельности таможенной службы Российской Федерации законность выражается через систему мероприятий, целью которых является недопущение и профилактика появлений правовых нарушений при осуществлении дисциплинарной деятельности, в претензионном производстве, а также в отношении административных дел.

Механизм осуществления законности в административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов Российской Федерации обеспечивает применение правовых норм в соответствии с содержанием нормативно-правовых актов, в том числе и Конституции Российской Федерации.

К административной юрисдикции таможенных органов будут относиться дела по нарушениям административного характера, связанные с жалобами на бездействие или действие, с принуждением к административной ответственности, а также с регулированием дисциплинарной ответственности.

Действия таможенных органов регламентируются их полномочиями, функциями и компетенциями; таможенные органы могут возбуждать дела, осуществлять расследование по ним, рассматривать дела самостоятельно в досудебном порядке или передавать для рассмотрения в судебном порядке в суд, выносить решения, исполнять постановления, а также принимать меры административного принуждения, пресечения, ответственности и правового восстановления [27, с. 50–53].

Правовое регулирование административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов Российской Федерации регламентируют не только нормативно-правовые акты, относящиеся к сфере нарушений административного права, но и нормативно-правовые акты, касающиеся обложения налогами и сборами, а также целый ряд федеральных и ведомственных НПА в направлении таможенного дела. Деятельность таможенных органов в рамках административной юрисдикции производится в различных формах, которые могут относиться к разным типам административно-правового делопроизводства.

Юридические предпосылки обеспечения законности в административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов

В деятельности таможенных органов производство по жалобе рассматривается как комплекс мероприятий административной юрисдикции, которые отображают алгоритм разрешения конфликта вышестоящим органом; конфликт в данном контексте подразумевается как имеющий место между заявителем жалобы и таможенным органом; производство по жалобе открывается на основании предполагаемого несоблюдения интереса, свободы либо права, а также оно может быть вызвано избыточным назначением обязательств [23, с. 10]. Обеспечение законности позволяет наладить взаимодействие между заявителем и таможней, а также на основе индивидуальной инициативы устранить незаконное действие административного характера [20, с. 100].

Относительно производства по жалобе можно выделить следующие определяющие эту форму деятельности признаки:

1. Цели и задачи сторон относятся к сфере влияния исполнительного органа, решения которого предполагается обжаловать;
2. Отношения процессуального характера возникают по решению лица либо организации, которые не наделены властью;
3. Алгоритм деятельности представителей госоргана, в адрес которого была направлена жалоба, регламентирован законом;

4. Стадии делопроизводства также регламентируются законодательством;
5. Правовые нормы административно-юрисдикционной деятельности отображают процессуальный статус обеих сторон;
6. Есть сформулированные законом сроки для осуществления каждой стадии делопроизводства;
7. Есть специальный документооборот (процессуальные акты, входящая жалоба, доказательств, уведомления, решения), который оформляется по форме;
8. Права отправителя жалобы соблюдаются законом и их соблюдение контролируется вышестоящими органами, а также судебной инстанцией;
9. Решение в отношении поданной жалобы может явиться основанием для открытия судебного дела [26, с. 24].

Принципы обеспечения законности при производстве дел административной юрисдикции в таможенных органах РФ аналогичны общим принципам – это требования публичности, общественной справедливости, гласности, соответствия норме закона, установления истины, доступности. Дела должны вестись на русском языке.

Особыми признаками, присущими обеспечению законности при производстве по жалобе, будут являться:

- Особый порядок регламента производства, связанный с действием Закона о таможенном регулировании, в соответствии с гл. 51 которого к жалобам также будут относиться претензии к действию либо бездействию сотрудников таможенной службы [9];
- Процессуальные отношения могут инициироваться не только физическим лицом, но и юридическим лицом, а также их представителями. Все инициаторы могут являться как декларантами, так и перевозчиками, а также участниками инфраструктурного комплекса, существующего вокруг таможенной деятельности;
- Подача жалобы осуществляется в обжалуемый орган, но рассматривать его будет орган, находящийся выше по ступени организационной иерархии; судебная инстанция будет рассматривать обжалования решений и жалобы [5];
- Перед разбирательством в суде таможенный орган, в адрес которого поступила жалоба, заявляет возражение, что позволяет либо убедиться в том, что ранее вынесенное решение было верным, либо исправить сделанные ошибки [8, с. 5–15];
- Процессуальные взаимоотношения являются следствием нежелательного для заявителя итога таможенных отношений;
- Свидетельства по жалобе являются подтверждением исполнения заявителем своих обязательств, а также отражают им реализацию своих прав, и вместе с тем могут являться доказательством нарушения законного права;

– Заявитель может подавать прошение о приостановлении действия обжалуемого документа на период административного производства.

Производство дел по жалобам осуществляется в соответствии с ФЗ-59 [6], ФЗ-311 [15], а также Приказом № 600 [13].

В таможенных органах регулирование административно-юрисдикционной деятельности при производстве дел об административных правонарушениях осуществляется на основании ряда нормативно-правовых актов, в том числе – Положения о федеральной таможенной службе [12]. Так как Федеральная таможенная служба Российской Федерации обладает достаточно обширным рядом полномочий, производство дел об административных правонарушениях находится в сфере административно-юрисдикционной деятельности и обладает всеми ее характерными признаками; относится оно к направлению конфликтов административно-правового типа.

Регламент производства дел об административных правонарушениях учитывает в том числе и внутриведомственные документы (в том числе и письма), в которых приводятся примеры судебного судопроизводства и анализируется практическая деятельность по производству дел административного типа. Использование внутриведомственных писем и нормативных актов позволяет Федеральной таможенной службе Российской Федерации реагировать на происходящие изменения (в частности, на поведение лиц, которые участвуют во внешней экономической деятельности) более быстро и более эффективно [19, с. 87–92].

Ведение деятельности по производству в отношении административных правонарушений основывается на статьях Кодекса об административных правонарушениях [2], однако в ведении исследуемого нами органа появляются только те нарушения нормативных и правовых установок, которые непосредственно связаны с несоблюдением таможенного регламента. Компетенции для осуществления производства есть у лиц и органов, которые упомянуты в статье 23.8, – в частности, у судов, у руководителя таможенного органа и его заместителей, у руководителей структурных подразделений и их заместителей. Также релевантные компетенции имеются у начальников таможенных служб, таможен, постов, а также у их заместителей. Дополнительно к этому списку компетенциями наделяются прочие уполномоченные лица, состоящие на службе в Федеральной таможенной службе [3].

При обеспечении законности в качестве административных правонарушений рассматриваются, в частности, следующие: незаконная отправка транспорта и товаров с нелегальным пересечением границы; недостоверное либо недостаточное товарное декларирование; недекларирование; нарушение разнообразных ограничений и запретов; несоблюдение норм таможенной процедуры; несоблюдение сроков и других критериев таможенного контроля; ведение нелегальной деятельности в сфере таможенной деятельности. Обеспе-

чение законности предусматривает рассмотрение дел о таких административных правонарушениях по месту совершения нарушения.

Соответственно административно-юрисдикционная деятельность по данным разновидностям дел будет представлять собой ряд мероприятий, носящих процессуальный характер, и регламентироваться действующим законодательством. Процессуальные действия в этом случае предполагают формирование протоколов, открытие дела, осуществление расследования, рассмотрение и принятие решения принятым органом самостоятельно либо с передачей в суд, а также исполнение принятого решения. Помимо КоАП, привлечение к административной ответственности также регламентирует и ряд нормативно-правовых актов, действующих внутри ведомства.

К административной юрисдикции относится в том числе и привлечение к дисциплинарной ответственности, которое может вменяться за бездействие или действие, а также за нарушение трудовой дисциплины.

Меры дисциплинарной ответственности будут налагаться за совершение проступков дисциплинарного характера, которые могут негативно отразиться на функциональном состоянии всей системы Федеральной таможенной службы Российской Федерации.

Дисциплинарные меры применяются руководителем ФТС РФ по отношению к сотрудникам ведомства; выбор их зависит от особенностей поведения работников и тяжести совершенного ими нарушения. Обеспечение законности при производстве дел о дисциплинарных правонарушениях производится на основе российских нормативно-правовых актов, актов трудового права, а также нормативно-правовых актов, которые действуют внутри указанного ведомства.

Основные направления совершенствования обеспечения законности в административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов

На сегодняшний день законодательно деятельность в рамках работы с делами в направлении административного производства системно не регулируется. В законодательстве существуют пробелы, и потому в делопроизводстве имеют место правовые коллизии, что вкупе с отсутствием вертикальной системы негативно сказывается на эффективности обеспечения законности. Несмотря на это, механизм реализации законности постоянно совершенствуется, примером чему может служить появление квазисудебной юрисдикции с совершенствованием нормативной базы и действующим механизмом обжалования.

Нуждается в нормативной проработке вопрос установления тех условий, которые могут свидетельствовать о соблюдении либо несоблюдении приведенных ранее в статье принципов законности, а также вынесение решений по обеспечению

законности в целях правовой гражданской защиты в сфере административной юрисдикции. Формирование нормативов соблюдения принципа законности в данном направлении затрудняется тем, что Кодекс об административных правонарушениях отличается довольно специфическим характером структуры: в нем соединены как процессуально-институциональные требования, так и материально-правовые, что обуславливает широкий разбег нормативных требований относительно процессов административной юрисдикции в соответствии с их соотносимостью с тем или иным типом правонарушений административного порядка.

Эффективность обеспечения законности в отношении рассмотрения административно-правовых правонарушений не является высокой, что связано в том числе и с нехваткой законных гарантий, а также с недоработкой организационных основ. К актуальным проблемам, в частности, следует отнести минимальный уровень процессуальности гражданских прав, отсутствие для юридических лиц возможности обжалования в досудебном порядке, неудобный порядок личного приема, а также слабое нормативное регулирование регистрации обращений и нехватку законодательно установленной процедуры подачи претензий относительно восстановления правомочности. Проблемой является наличие единственного и необособленного органа производства, а также нехватка системы органов, позволяющих подавать апелляции в досудебном порядке.

«Тонкие» вопросы обеспечения законности в отношении правонарушений, лежащих в сфере дисциплинарной ответственности, в частности, представляют собой нехватку прямых норм права, которые бы позволили не только сформулировать, но и закрепить формы, способы, пути осуществления дисциплинарного контроля и надзора, а также установления фактов проступка; осложняют обеспечение законности неясность или несоблюдение сроков осуществления процессуальных мероприятий. Проблемными вопросами также является недостаточная проработка мер, с применением которых должны будут обеспечиваться делопроизводства в отношении дисциплинарных правонарушений. Также следует отдельно упомянуть нехватку законодательно установленного списка требований, предъявляемых относительно получения информации о происшествии дисциплинарного типа и ее оформления; дискуссионными являются вопросы относительно способов определения состава правонарушения и процессуальная правомочность ответственного в рамках дела о дисциплинарном правонарушении. Нет ясности и относительно той ответственности, которую должны нести должностные лица, если те НПА, которые были изданы при их участии, не являются релевантными другим более юридически-значимым НПА.

Так как нет четкого установленного отличия между сферами надзора и контроля, то нормативное регламентирование соответствующих компетенций органов таможенной службы не является

достаточно стандартизированным. В некоторых случаях достаточно сложными являются сопоставимость и выявление системных связей между внутриведомственной документацией, а также между ними – и компетенциями контрольных специалистов, внутренними стандартами, оценочными методиками и так далее. Добавляет сложности и недостаточно высокий уровень общественного контроля относительно обеспечения законности в сфере административной юрисдикции деятельности Федеральной таможенной службы Российской Федерации.

Решить проблему влияния растущего количества нормативно-правовых актов, которые регламентируют таможенную деятельность, находясь вне структуры кодекса, может помочь конструирование новых норм (например, как происходило в случае с шестой статьей Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1], а также с седьмой статьей Уголовно-процессуального кодекса [4]), которые регламентируют принципы обеспечения законности при осуществлении арбитражного производства и рассмотрения уголовных дел). Обеспечению законности деятельности, осуществляемой таможенными органами в рамках административной юрисдикции, может способствовать комбинация судебного надзора (обеспечивающего вынесение окончательного решения) с прокурорским контролем, имеющим активные компетенции.

Изучение практических аспектов применимости Кодекса об административных правонарушениях, а также особенностей обеспечения законности свидетельствует о том, что эффективность прокурорского надзора нуждается в мерах совершенствования, которые необходимо разрабатывать сообразно с решением проблемных вопросов законодательства, которое осуществляет регулирование данной деятельности. Чтобы эффективно решать вопросы, связанные с обеспечением законности в сегменте административно-правовых отношений, возникающих в сфере таможенной деятельности, требуется модернизация административного судопроизводства.

Выводы

Обеспечение законности в области административной юрисдикции является важным принципом, в соответствии с которым должна осуществляться деятельность органов таможни. На сегодняшний день сама система нормативного регулирования деятельности таможенных органов в контексте административной юрисдикции является рабочей, но в ней присутствуют некоторые недостатки, что может негативно сказываться на обеспечении ключевых конституционных принципов – в частности, правового равенства участников дела. До того момента, как будет вынесено решение по частному делу, горизонтальная правовая иерархия действует не в полной мере эффективно, и права участников не соотносятся как равноправные, что негативно

сказывается на обеспечении законности. Существует потребность в формировании более четкого понимания принципа законности, соответственно чему в законодательство необходимо введение норм, формулирующих этот принцип применительно к административной юрисдикции таможенной деятельности. Это позволит совершенствовать осуществление гражданских свобод и прав – причем как при назначении решений, так и на всех этапах производства дел в административно-процессуальной сфере.

Литература

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/91b08c9739d7a766b0c1e105ba9de1dcb5b91a1d/ (дата обращения: 03.04.2025)
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 03.04.2025)
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 03.04.2025)
4. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/f5c3db1837a657c14a41cd8ea577f01e9f8f9209/ (дата обращения: 03.04.2025)
5. Об утверждении Порядка действий должностных лиц таможенных органов при рассмотрении жалоб на решение, действие (бездействие) таможенных органов и их должностных лиц: приказ ФТС России от 29 декабря 2020 г. № 1163 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL
6. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 N 59-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_380985/ (дата обращения: 03.04.2025)
7. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_380985/ (дата обращения: 03.04.2025)
8. Зеленцов, А.Б. Обращение граждан как административно-правовая форма. Вестник РУДН, Серия: Юридические науки, № 1, 2007. – С. 5–15
9. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.04.2025)
10. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289 ФЗ (с изм. и доп., включая от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 32, ч. 1, ст. 5082; 2021. – № 27, ч. 1, ст. 5180.
11. Об утверждении Порядка действий должностных лиц таможенных органов при рассмотрении жалоб на решение, действие (бездействие) таможенных органов и их должностных лиц: приказ ФТС России от 29 декабря 2020 г. № 1163 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL
12. Постановление Правительства РФ от 23.04.2021 N 636 (ред. от 03.10.2023) «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, внесении изменений в Положение о Министерстве финансов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382977/ (дата обращения: 03.04.2025)
13. Приказ ФТС России от 30.06.2020 № 600 «Об утверждении Порядка работы с обращениями граждан в таможенных органах Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL <https://www.alt.ru/tamdoc/20pr0600/> (дата обращения: 03.04.2025)
14. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 N 59-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL
15. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 27.11.2010 N 311-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107181/ (дата обращения: 03.04.2025)
16. Бочина Н.Е. Проблемы обеспечения законности в административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов. Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии, № 1, 2013. – 128 с.
17. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учебное пособие. – М.: Норма, 2012. – 592 с
18. Гречкина О.В. Административная юрисдикция таможенных органов Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011.
19. Гречкина О.В. Нормотворчество таможенных органов в сфере административной юрисдик-

ции на современном этапе. Вестник Южно-уральского государственного университета, № 4, 2013. – С. 87–92.

20. Дорохин В.В. Производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое органами внутренних дел: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005
21. Загряцков М.Д. Административная юстиция и право жалобы: в теории и законодательстве. – М.: Книга по требованию, 2014. – 100 с
22. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2019. – 310 с.
23. Лушников А.М. Теория государства и права. – М.: Эксмо, 2010. – 130 с
24. Матвиенко Г.В. Административное производство по жалобам в таможенных органах в условиях цифровизации. Правовая политика и правовая жизнь, № 1, 2021. – 10 с.
25. Мясников А.П. Обеспечение законности в административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии, № 2, 2015.
26. Никитина А.П. и другие Административно-юрисдикционная деятельность таможенных органов Российской Федерации. Вестник Московского университета МВД России, № 1, 2018. – С. 207–211.
27. Никольская А.А. Административные процедуры в системе публичного управления (проблемы административно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Никольская. – Воронеж, 2007. – 24 с.
28. Пищенко О.Н. Административная юрисдикционная деятельность таможенных органов: общая характеристика / О.Н. Пищенко. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 37 (275). – С. 50–53.
29. Попов Л.Л. Административные процедуры: проблемы теории, законодательства и практики: Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. «Стратегия национального развития и задачи российской юридической науки». – М.: Проспект, 2016
30. Радько Т.Н. Теория государства и права в схемах и определениях: учебное пособие. – М.: Проект, 2011. – 221 с.
31. Сафонов П.Н., Зубач А.В., Сафонов О.А. Административная юрисдикционная деятельность таможенных органов. – М.: Юрайт, 2017.
32. Якимов А.Ю. Административно-юрисдикционный процесс и административно-юрисдикционное производство. Государство и право. 1999. № 3.

The article examines the concept of legality as a key principle of administrative and jurisdictional activities of customs authorities; examines issues of legal regulation and legal prerequisites for ensuring legality. The article also presents current issues of legality in administrative jurisdiction and directions for improving the mechanisms for ensuring legality in the administrative and jurisdictional activities of customs authorities.

Keywords: administrative and jurisdictional activity, administrative jurisdiction, customs authorities of the Russian Federation, Federal Customs Service of the Russian Federation, rule of law, legal regulation, proceedings on administrative offenses.

References

1. "Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" dated 24.07.2002 N 95-FZ (as amended on 28.12.2024) [Electronic resource] – Access mode: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/91b08c9739d7a766b0c1e-105ba9de1dcb5b91a1d/ (date of access: 03.04.2025)
2. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 03.02.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) [Electronic resource] – Access mode: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of access: 03.04.2025)
3. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 03.02.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) [Electronic resource] – Access mode: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of access: 03.04.2025)
4. "Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" dated 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 20.03.2025) [Electronic resource] – Access mode: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/f5c3db1837a657c14a41cd8ea577f01e9f8f9209/ (date accessed: 03.04.2025)
5. On approval of the Procedure for actions of customs officials when considering complaints against decisions, actions (inactions) of customs authorities and their officials: order of the Federal Customs Service of Russia dated December 29, 2020 No. 1163 [Electronic resource] – Access mode: URL
6. Federal Law "On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation" dated 02.05.2006 N 59-FZ (latest revision) [Electronic resource] – Access mode: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_380985/ (date of access: 03.04.2025)
7. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_380985/ (date of access: 03.04.2025) (date of access: 03.04.2025)
8. Zelentsov, A.B. Citizens' appeal as an administrative-legal form. RUDN Bulletin, Series: Legal Sciences, No. 1, 2007. – P. 5–15
9. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [Electronic resource] – Access mode: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 03.04.2025)
10. On customs regulation in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law of August 3, 2018 No. 289-FZ (as amended and supplemented, including dated July 2, 2021) // Coll. legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 32, part 1, art. 5082; 2021. – No. 27, part 1, art. 5180.
11. On approval of the Procedure for actions of customs officials when considering complaints against decisions, actions (inactions) of customs authorities and their officials: order of the Federal Customs Service of Russia dated December 29, 2020 No. 1163 [Electronic resource] – Access mode: URL
12. Resolution of the Government of the Russian Federation dated April 23, 2021 N 636 (as amended on October 3, 2023) "On approval of the Regulation on the Federal Customs Service, amendments to the Regulation on the Ministry of Finance of the Russian Federation and recognition of certain acts and individual provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation as invalid" [Electronic resource] – Access mode: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382977/ (date of access: April 3, 2025)
13. Order of the Federal Customs Service of Russia dated 30.06.2020 No. 600 "On Approval of the Procedure for Handling

ENSURING LEGALITY IN THE ADMINISTRATIVE AND JURISDICTIONAL ACTIVITIES OF CUSTOMS AUTHORITIES IN THE EAEU

Movchan A.Z.
Russian Customs Academy

- Citizens' Appeals in the Customs Authorities of the Russian Federation" [Electronic resource] – Access mode: URL <https://www.alta.ru/tamdoc/20pr0600/> (date accessed: 03.04.2025)
14. Federal Law "On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation" dated 02.05.2006 N 59-FZ (latest revision) [Electronic resource] – Access mode: URL
 15. Federal Law "On Customs Regulation in the Russian Federation" dated 27.11.2010 N 311-FZ (latest revision) [Electronic resource] – Access mode: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107181/ (date accessed: 03.04.2025)
 16. Bochina N.E. Problems of Ensuring Legality in Administrative-Jurisdictional Activities of Customs Authorities. Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy, No. 1, 2013. – 128 p.
 17. Vitruk N.V. Constitutional Justice. Judicial-Constitutional Law and Process: Textbook. – M.: Norma, 2012. – 592 p.
 18. Grechkina O.V. Administrative Jurisdiction of Customs Authorities of the Russian Federation: Theoretical and Applied Research: Dis. ... Doctor of Law. – M., 2011.
 19. Grechkina O.V. Rulemaking of Customs Authorities in the Sphere of Administrative Jurisdiction at the Present Stage. Bulletin of the South Ural State University, No. 4, 2013. – P. 87–92.
 20. Dorokhin V.V. Proceedings on cases of administrative offenses carried out by internal affairs bodies: Diss. ... Cand. of Law. – M., 2005
 21. Zagryatskov M.D. Administrative justice and the right to complain: in theory and legislation. – M.: Book on Demand, 2014. – 100 p.
 22. Komarov S.A. General Theory of State and Law: a textbook for undergraduate and graduate students. – M.: Yurait, 2019. – 310 p.
 23. Lushnikov A.M. Theory of State and Law. – M.: Eksmo, 2010. – 130 p.
 24. Matvienko G.V. Adminwasteful proceedings on complaints in customs authorities in the context of digitalization. Legal policy and legal life, No. 1, 2021. – 10 p.
 25. Myasnikov A.P. Ensuring legality in the administrative-jurisdictional activities of customs authorities // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy, No. 2, 2015.
 26. Nikitina A.P. and others Administrative-jurisdictional activities of customs authorities of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 1, 2018. – P. 207–211.
 27. Nikolskaya A.A. Administrative procedures in the public administration system (problems of administrative and legal regulation: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences / A.A. Nikolskaya. – Voronezh, 2007. – 24 p.
 28. Pishchenkov O.N. Administrative jurisdictional activities of customs authorities: general characteristics / O.N. Pishchenkov. – Text: direct // Young scientist. – 2019. – No. 37 (275). – P. 50–53.
 29. Popov L.L. Administrative procedures: problems of theory, legislation and practice: Collection of reports. International scientific and practical conf. "Strategy of national development and tasks of Russian legal science". – M.: Prospect, 2016
 30. Radko T.N. Theory of state and law in schemes and definitions: a tutorial. – M.: Project, 2011. – 221 p.
 31. Safonenkov P.N., Zubach A.V., Safonenkova O.A. Administrative jurisdictional activities of customs authorities. – M.: Yurait, 2017.
 32. Yakimov A. Yu. Administrative-jurisdictional process and administrative-jurisdictional proceedings. State and Law. 1999. No. 3.

Конституционные гарантии прав граждан и административно-правовые ограничения в контексте цифровизации государственного управления в РФ

Моисеев Иван Алексеевич,

студент Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: ivan.moiseev.13@inbox.ru

Сангаджиев Бадма Владимирович,

д.ю.н., профессор кафедры международного и конституционного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В эпоху стремительной цифровизации государственного управления в Российской Федерации особое значение приобретает вопрос о конституционных гарантиях прав граждан и административно-правовых ограничениях. Настоящая статья посвящена комплексному анализу взаимодействия этих двух ключевых аспектов. Рассматривается трансформация механизмов реализации и защиты прав граждан в условиях активного внедрения цифровых технологий в деятельность органов государственной власти.

Ключевые слова: цифровизация государственного управления, гарантии конституционных прав, административно-правовые ограничения, цифровизация государственного управления в РФ, баланс прав и безопасности, прозрачность государственного управления.

Цифровизация в государственном управлении в настоящее время является процессом внедрения информационных технологий и автоматизации процессов для повышения эффективности работы государственных органов, улучшения качества предоставляемых услуг и увеличения прозрачности взаимодействия между государством и гражданами. В последние годы этот процесс активно развивается в разных странах мира, включая Россию. В научной доктрине такие определения как «открытое правительство» и «цифровое правительство» наиболее часто выступают центром дискуссий [11].

Концепция цифрового правительства направлена на применение информационных и коммуникационных технологий для повышения эффективности, прозрачности и доступности государственных услуг. При этом можно отметить, что такая концепция подразумевает преобразование традиционных форм государственного управления в более современные и интерактивные модели, основанные на использовании цифровых инструментов и платформ [12]. Относительно концепции открытого правительства, следует отметить, что такая концепция управления предполагает максимальную возможность в отношении информации по её гласности и постижимости для общественности касательно государственного аппарата, а также активное вовлечение граждан к обсуждению и принятию решений. Цель открытого правительства – сделать работу государственных структур прозрачной, подотчетной и эффективной, а также повысить доверие граждан к государству [13].

Официальный курс в вопросе цифровизации в Российской Федерации направлен на внедрение передовых информационных технологий в работу государственных органов. Основная цель заключается в повышении эффективности, прозрачности и удобства взаимодействия между государством и гражданами. Такая политика включает разработку нормативной базы, поддержку инновационных проектов, создание единой цифровой инфраструктуры и подготовку квалифицированных кадров. Важнейшими задачами являются оптимизация административных процессов, сокращение бумажной волокиты, обеспечение безопасности данных и расширение доступа к государственным услугам через интернет [14].

Важность в данном вопросе является принятие Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации 2017 году [8] и Указ Президента Российской Федерации от 2018 г.

№ 204 [9] заложило общие ориентиры на устранение административных препятствий и снятие ключевых правовых ограничений для продвижения цифровых технологий.

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204, пункт 11 [9] определяет необходимость создания системы правового регулирования, обеспечивающей цифровую экономику. Указанная система должна способствовать развитию высокотехнологичных отраслей экономики, интеграции российских информационных технологий и программных продуктов в мировую индустрию.

В данном контексте конституционные гарантии прав граждан играют важную роль, обеспечивая защиту интересов каждого человека от возможных злоупотреблений со стороны государства. Следует отметить, что согласно положениям статьи 2 Конституции РФ [1] определяет основное направление нашего государства в части соблюдении прав и свобод человека и гражданина одним из основных приоритетных задач государства. При этом во второй главе основного закона предусмотрены основные права человека и гражданина. На основании анализа положений главы 2 Конституции РФ [1], можно выделить ряд гарантирующих норм, которые тесно связаны с процессами цифровизации государственного управления, а именно:

- статья 23 Конституции РФ [1] гарантирует каждому человеку право на тайну личной жизни, включая конфиденциальность персональных данных. Это означает, что любые действия государственных органов, направленные на сбор, обработку и хранение персональных данных, должны осуществляться строго в рамках закона и с соблюдением всех необходимых процедур защиты информации;
- статья 29 Конституции РФ [1] гласит, что каждый гражданин имеет право свободно выражать свое мнение, получать и распространять информацию любым законным способом. Цифровизация позволяет упростить доступ к государственным услугам через электронные платформы, однако важно обеспечить свободу слова и недопущение цензуры в интернете;
- статья 46 Конституции РФ [1] предусматривает, что граждане имеют право обращаться в суд для защиты своих нарушенных прав. Это включает возможность обжалования действий или решений государственных органов, связанных с использованием цифровых технологий, если эти действия нарушают права гражданина;
- статья 19 Конституция РФ [1] запрещает любую форму дискриминации по признакам пола, расы, национальности, вероисповедания и другим основаниям. Важно, чтобы цифровые системы не создавали неравенства среди различных групп населения и обеспечивали равный доступ ко всем государственным услугам;
- положения статьи 32 Конституции РФ [1] относительно одного из политических прав, а именно право участвовать в управлении государ-

ственными делами непосредственно либо через представителей. Цифровые технологии позволяют расширить возможности участия граждан в политической жизни страны, например, через онлайн-голосование или общественные обсуждения законопроектов.

С вступлением в силу положений статьи 64.1 Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4] законодатель закрепил возможность онлайн-голосования, которое в настоящее время получает положительную оценку. Дистанционный способ участия в выборах выступает дополнительным инструментом, расширяющим реализацию конституционного права граждан на участие в политической жизни, включая выборы представителей в государственные органы. Наряду с такими формами, как голосование по почте или через доверенное лицо, закрепленными в правовых нормах, дистанционный метод активно применяется в большинстве демократических стран. Важно отметить, что данный подход не ограничивает избирательные права граждан, поскольку сохраняется свобода выбора: участник может проголосовать традиционным способом на избирательном участке либо воспользоваться современными технологиями, что подчеркивает адаптацию законодательства к актуальным потребностям общества. К такой позиции пришел Конституционный суд при отказе в рассмотрении жалобы в порядке конституционного надзора [10].

Следует отметить, что важным элементом является защита персональных данных граждан. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» [5] устанавливает строгие требования к обработке и хранению такой информации. Государственные органы обязаны обеспечивать безопасность персональных данных и предотвращать их несанкционированное использование.

Для упрощения взаимодействия с государственными структурами используется электронная цифровая подпись (ЭЦП), регулируемая Федеральным законом № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [7]. ЭЦП обеспечивает юридическую силу электронных документов и позволяет гражданам подписывать заявления, договоры и другие официальные бумаги в электронном виде. Федеральный закон № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [6] предусматривает создание единого портала госуслуг (ЕПГУ), который позволяет гражданам получать различные государственные услуги в режиме онлайн. Этот закон определяет порядок оказания услуг, сроки рассмотрения заявлений и ответственность должностных лиц за нарушение установленных норм.

В условиях цифровизации возрастает значение контрольных функций государства. Органы надзора, такие как Роскомнадзор, следят за соблюдением законодательства в сфере информационных технологий, защищают интересы граждан

и обеспечивают соблюдение конфиденциальности и безопасности данных. Однако, следует также упомянуть и о проблемах, связанных с цифровыми технологиями: их развитие влечет за собой рост угроз кибератак и мошенничества. Законодательство РФ предусматривает уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, например, статья 272 УК РФ «неправомерный доступ к компьютерной информации» [2], а также предусматривает административную ответственность за «нарушение правил защиты информации», например статья 13.12 [3].

Автоматизация государственных процессов в Российской Федерации, с одной стороны, открывает новые возможности для реализации и защиты прав граждан, упрощая доступ к информации и государственным услугам. С другой стороны, возникает ряд вопросов, связанных с обеспечением конституционных гарантий прав и свобод человека в условиях активного внедрения цифровых технологий.

В контексте административно-правовых ограничений важно соблюдать баланс между необходимостью обеспечения безопасности и правопорядка и защитой прав граждан на свободу слова, собраний и объединений. Внедрение систем распознавания лиц, мониторинга социальных сетей и других технологий должно осуществляться с соблюдением законности и уважением к правам человека.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принятой всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Рос. газ. 1.07.2020.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Рос. газ. 18.06.1996.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Рос. газ. № 256, 31.12.2001.
4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 13.12.2024) // СЗ РФ, 17.06.2002, № 24, ст. 2253.
5. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Рос. газ. № 165, 29.07.2006.
6. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Рос. газ. № 168, 30.07.2010.
7. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ // Рос. газ. № 75, 08.04.2011.
8. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного об-

щества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ, 15.05.2017, № 20, ст. 2901.

9. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ, 14.05.2018, № 20, ст. 2817.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 № 2568-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лобанова Михаила Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями федеральных законов «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве», а также положениями Закона города Москвы «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования» и Порядка дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года».
11. Жолдасова Ш.Б. Цифровизация государственного управления // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2022. 10(97). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/14269>.
12. Brunswicker S., Johnson J. From Governmental Open Data Toward Governmental Open Innovation (GOI). A Global Perspective // The Handbook of Global Science, Technology, and Innovation. Wiley, 2015. Ch. 24.
13. Hensley K. An Exploration of the Impact of an Open Governance Approach on Strategic Decision Making, Collaboration, Organizational Change, and Sustainability. Walden University: College of management and technology. 2011. 177 p.
14. Королева Е.Л. Цифровизация государственного управления в Смоленской области: проблемы и перспективы // Цифровая трансформация государственного и муниципального управления: сборник материалов Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 1 июля 2021 г.) / ред. кол.: Н.В. Морозова [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – С. 46–48.

CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF CITIZENS' RIGHTS AND ADMINISTRATIVE AND LEGAL RESTRICTIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Moiseev I.A., Sangadzhiev B.V.

All-Russian State University of Justice

In the era of rapid digitalization of public administration in the Russian Federation, the issue of constitutional guarantees of citizens' rights and administrative and legal restrictions is of particular importance. This article is devoted to a comprehensive analysis of the interaction of these two key aspects. The article considers the trans-

formation of mechanisms for the implementation and protection of citizens' rights in the context of the active introduction of digital technologies into the activities of public authorities.

Keywords: digitalization of public administration, guarantee of constitutional rights, administrative and legal restrictions, digitalization of public administration in the Russian Federation, balance of rights and security, transparency of public administration.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Russian Gas. 1.07.2020.
2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 04.08.2023) // Russian Gas. 06/18/1996.
3. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ // Russian Gas. No. 256, 31.12.2001.
4. On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum: Federal Law No. 67-FZ of 12.06.2002 (as amended on 08.08.2024, as amended. dated 13.12.2024) // Federal Law of the Russian Federation, 17.06.2002, No. 24, art. 2253.
5. On personal data: Federal Law No. 152-FZ dated 27.07.2006 // Russian Gas. No. 165, 07/29/2006.
6. On the organization of the provision of State and municipal services: Federal Law No. 210-FZ dated 07/27/2010 (as amended on 12/28/2024) // Russian Gas. No. 168, 07/30/2010.
7. On electronic signatures: Federal Law No. 63-FZ dated 04/06/2011 // Russian Gas. No. 75, 08.04.2011.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" // SZ RF, 15.05.2017, No. 20, art. 2901.
9. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 No. 204 (as amended on 07/21/2020) "On National Goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024" // Federal Law of the Russian Federation, 05/14/2018, No. 20, art. 2817.
10. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09/29/2022 No. 2568-On "Refusal to accept for Consideration the complaint of citizen Lobanov Mikhail Sergeevich for violation of his Constitutional Rights by the Provisions of Federal Laws "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum", "On Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" and "On conducting an experiment on the organization and implementation of remote electronic voting in the federal city of Moscow," as well as the provisions of the Law of the City of Moscow "On conducting an experiment on the organization and implementation of remote electronic voting" and the Procedure for remote electronic voting in the elections scheduled for September 19, 2021."
11. Zholdasova Sh.B. Digitalization of public administration // Universum: economics and jurisprudence: electron. scientific journal 2022.10(97). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/14269>.
12. Brunswicker S., Johnson J. From Governmental Open Data Toward Governmental Open Innovation (GOI). A Global Perspective // The Handbook of Global Science, Technology, and Innovation. Wiley, 2015. Ch. 24.
13. Hensley K. An Exploration of the Impact of an Open Governance Approach on Strategic Decision Making, Collaboration, Organizational Change, and Sustainability. Walden University: College of management and technology. 2011. 177 p.
14. Koroleva E.L. Digitalization of public administration in the Smolensk region: problems and prospects // Digital transformation of public and municipal administration: collection of materials of the All-Russian Scientific Conference (Cheboksary, July 1, 2021) / ed. by professor: N.V. Morozova [et al.] – Cheboksary: Publishing house "Wednesday", 2021. pp. 46–48.

Понятие и некоторые признаки правовых коллизий в отечественной юриспруденции

Малютов Дмитрий Александрович,

аспирант, Международный инновационный университет

E-mail: dmitrij-malyutov@yandex.ru

В статье рассмотрена правовая коллизия как неотъемлемый элемент правовой реальности, которая охватывает все правовые явления, как фундаментальные, так и производные от них, как отрицательные, так и положительные. Выяснено, что общая природа правовой коллизии станет ясной тогда, когда путем анализа всех правовых явлений и процессов, в которых может иметь место коллизия, будет установлен необходимый и достаточный перечень признаков этого сложного феномена. Доказано, что правовая коллизия представляет собой индивидуальную девиацию, которая воплощается как в одном поступке лица, так и в ряде поступков, которые характеризуют его поведение. В таком аспекте правовая коллизия – это несоответствие между закрепленной в норме права идеальной моделью общественных отношений и правовым поведением субъекта в конкретной ситуации. Сделан вывод о том, устранение коллизий становится дополнительной задачей, которая требует дополнительных материальных и духовных ресурсов.

Ключевые слова: правовая коллизия, юридическая наука, фундаментальные идеи, признаки феномена.

Практически все исследователи, которые в свои работах обращались и обращаются к категории «правовая коллизия», неоднократно предпринимали попытки систематизировать результаты ее научного познания и сформулировать родовое понятие коллизии в правовом аспекте.

Задачей общетеоретической юриспруденции является разработка универсального понятия правовой коллизии, для чего следует интегрировать все подходы к ее пониманию и формам проявления. Общая природа правовой коллизии станет ясной тогда, когда путем анализа всех правовых явлений и процессов, в которых может иметь место коллизия, будет установлен необходимый и достаточный перечень признаков этого сложного феномена.

Последнее имеет не только много разных интерпретаций, но и, по наблюдениям И.О. Бондова, обозначается разными терминами: в научной и учебной юридической литературе употребляются следующие термины, являющиеся словесным символом этой категории: «норма права», «правовая норма», «юридическая норма» [5].

Эти термины являются словосочетаниями, не обходимой составляющей которых выступает слово «норма». Обычно под термином «норма» в юридической науке понимают правило поведения (от. лат. *norma* – правило, образец), хоть с учетом структуры самой нормы права верным считаем мнение о том, что «правило» – более узкая категория, поскольку оно содержится только в диспозиции правовой нормы» [7]. Со своей стороны, И.В. Сергеев подчеркивает, что с точки зрения этимологии и смысловой нагрузки слов «правовая» и «юридическая», которые являются составляющими приведенных выше терминов, не совсем корректно употреблять их как синонимы.

Как следует из следующего определения, норма права представляет собой модель разрешенной, запрещенной или обязательного правового поведения, или, иначе говоря, «нормы программируют поведение людей в соответствии с заложенной в норме идеальной моделью общественных отношений». Кроме того, в юридической норме предусматриваются юридические средства, с помощью которых обеспечивается возможное или надлежащее поведение [2]. В таком аспекте правовая коллизия – это несоответствие между закрепленной в норме права идеальной моделью общественных отношений и правовым поведением субъекта в конкретной ситуации.

Так, по мнению Б.Э. Настасьина, родовое понятие, через которое следует определять коллизия,

является «несоответствие». Коллизия, независимо от ее формы существования, будь то в правовом познании или в правовом поведении (действиях, операциях) субъектов, или в юридических документах, заключается в их несоответствии определенным требованиям, правилам, эталонам, образцам, принципам, ценностям и тому подобное. Исследователь считает, что такие требования по своей природе идеальными (надлежащими) явлениями и определяющими положительные свойства, которым должны соответствовать свойства реального явления. Коллизия, собственно, и проявляется в несоответствии определенных свойств реального явления свойствам идеального явления. При этом истинность определенных требований, которые вытекают из свойств идеального явления, берется за аксиому [10].

Частично разделяя такое мнение, считаем целесообразным дополнить рассуждения исследователя и уточнить собственную позицию. Как представляется, для того, чтобы познать сущность правовых коллизий, следует рассмотреть их в широком контексте правовой реальности. На этой основе выделяются три относительно автономных уровня правовой реальности: а) мир идей (идея права); б) мир знаковых форм (правовые нормы и законы); в) мир социальных взаимодействий (правовая жизнь). Именно к таким очевидностям, по нашему мнению, относятся правовые коллизии, которые отражают одно из основных внутренних противоречий права – дихотомию надлежащего и сущующего, то есть того права, каким оно должно быть, и реального права. В этом аспекте фактическое поведение в сфере права представляет собой правовую реальность (то право, что есть), которая не в полной мере соответствует идеалу, образцу поведения (тому, что должно быть). Мы склонны понимать правовую коллизию как отклонение от правовой нормы – отступление от правильного, типичного, общепринятого варианта поведения.

Итак, правовая коллизия является неотъемлемым элементом правовой реальности, которая «охватывает все правовые явления, как фундаментальные, так и производные от них, как отрицательные» так и положительные» [4].

Очевидно, это обусловлено тем, что сначала поведение, которое отклоняется от социальных стандартов, исследовалось в рамках социологии, и лишь позднее категория «девиация» (от лат. *deviatio* – отклонение) вошла в предметное поле философии, антропологии, психологии, педагогики, юриспруденции. Обычно девиантное поведение рассматривается в двух аспектах – узком и широком: 1) как поступки, действия человека, не соответствуют официально установленным или фактически сформированным в определенном обществе нормам (стандартам, шаблонам) и 2) как социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствует официально установленным или фактически сформированным в определенном обществе нормам (стандартам, шаблонам) [3].

Правовая коллизия представляет собой индивидуальную девиацию, которая воплощается как в одном поступке лица, так и в ряде поступков, что характеризуют ее поведение. Практически все исследователи рассматривают девиации во взаимосвязи с нормами.

Отечественные ученые, развивая коммуникативную концепцию, коммуникацией в праве считают «осложненный проблемными интерпретациями значений правовых / неправомерных действий процесс правового взаимодействия субъектов, направленный на достижение коммуникативного равновесия и консенсуса» [1]. В то же время способность человека понимать закрепленную в предписаниях права информацию и действовать соответственно определяется в конечном итоге уровнем развития ее правовой культуры, а точнее – правосознания. Непонимание этой информации, не владение навыками ее правильного толкования неизбежно приводят к тому, что правовая коммуникация начинает осуществляться стихийно, по большей части – путем проб и ошибок.

Если рассматривать право как форму человеческой коммуникации, то очевидна его связь с языком, через который транслируются необходимые человеку нормы, чтобы его поведение соответствовало общеобязательным правилам-стандартам. Норма права лишь тогда обеспечивает успешную правовую коммуникацию, когда она максимально четко фиксирует права и обязанности, дает возможность субъекту права понять ее содержание и воплотить в своем поведении. Иначе говоря, препятствием для коммуникации выступает также любая коллизия в самой правовой норме, в связи с чем, встает вопрос о необходимости устранения этого препятствия.

Как следует из вышеизложенного, коллизия не возникает сама собой, она является воплощением неправильного толкования, понимания содержания нормы права в сознании субъекта, неправильной формой закрепления информации в ней. В этом аспекте правовая коллизия тесно связана с заблуждением.

Эпикур, по мнению исследователей, исходил из признания абсолютной истинности чувственного восприятия, считая, что заблуждение возникает лишь в результате его неправильных толкований [1], и в определенной степени отождествлял заблуждение и ложь, что не совсем верно, поскольку ложь является сознательным искажением действительности и имеет негативный характер, заблуждение же формируется неосознанно.

Заблуждение – ошибочное мнение (ложное), которое на некоторое время принимается за истину. Ошибка – это результат неправильного теоретического или практического действия, возникшего в связи с личными, случайными причинами; это непреднамеренная неправильность, которую нет необходимости подвергать сомнению [8].

Л.И. Калиниченков приходит к выводу, что понятие коллизии шире, чем понятие заблуждения, причем понятие «заблуждение» не поглощается

понятием «коллизия». По нашему мнению, целесообразно не сравнивать объем указанных понятий, а определить взаимосвязь между ними.

По сути, заблуждение является субъективной интерпретацией человеком объективной действительности, неправильное представление о ней, сформировавшееся вследствие дефектов рационального и чувственного познания. В свою очередь, ошибка – это своеобразная модель поведения человека, основанная на его заблуждении и обычно порождающая негативные для него самого и (или) общества последствия.

Стоит также подчеркнуть, что заблуждение бывает двух видов: добросовестное и недобросовестное. Добросовестным является такое заблуждение, когда человек считает свое суждение, представление истинным, правильным, не осознавая его неадекватности реальным фактам или обстоятельствам, при этом далеко не всегда она может проверить истинность своего убеждения. Такое заблуждение имеет латентный, скрытый характер для самого субъекта. И наоборот, недобросовестное заблуждение осознается и признается человеком, однако перед другими он твердит, что это истина. По нашему мнению, условием / причиной правовой коллизии может быть лишь непреднамеренное и неосознаваемое, то есть добросовестное заблуждение. Недобросовестное заблуждение связано с такой категорией, как обман, анализ которого, правда, не охватывается предметом нашего исследования.

Рассматривая вопрос о правовой коллизии, нельзя обойти вниманием ее влияние на отношения между субъектами права. Как уже отмечалось, по большей части с коллизиями связываются негативные последствия, в частности, недействительность сделок; судебная коллизия считается дефектом, который значительно усложняет реализацию права лица на судебную защиту путем предопределения принятия незаконных, необоснованных и несправедливых судебных решений [9].

По нашему мнению, категорически утверждать лишь о негативных последствиях правовой коллизии не стоит. Нам больше импонирует позиция, которую отстаивают представители других гуманитарных наук, например, современные педагоги, лингвисты. В частности, отечественные ученые Л.М. Костин и А.А. Пелипин считают, что, коллизии уже больше не воспринимаются как что-то плохое или неуместное, наоборот, они стали необходимой составляющей процесса. Это обусловлено тем, что осознание как учителем, так и учеником, типичных ошибок и их анализ определяет дальнейшие шаги обеих сторон в процессе обучения [6]. Белорусские ученые разделяют такое мнение, рассматривая ученические ошибки как феномен, имманентный процесса познания. Школа выступает социальным институтом, назначенным для того, чтобы ученики, познавая, допускали ошибки под наблюдением педагогов. Ошибки в этом случае выступают важнейшим элементом обратной связи, что позволяет учителю оптимизировать изучение

нового материала в условиях массового обучения. При этом ошибка ученика отражает его индивидуальное восприятие исследуемого объекта [3].

Иначе говоря, в процессе реализации правовых норм реальное поведение субъектов может отличаться от того, которое было первоначально предсказано нормой, и одной из причин таких различий выступает правовая коллизия.

Эту коллизию во многих случаях можно считать элементом обратной связи между нормотворцем и адресатом правовой нормы, свидетельствующей о содержательных или формальных недостатках последней, которые стали помехой в правовом общении.

В большой степени определяют природу и специфику правового порядка правовые коллизии в поведении отдельных субъектов права как факторы, дестабилизирующие правовой порядок. Правовые коллизии, «вплетаясь» в правовые явления и процессы, порождают расхождения между желаемым и реально существующим правопорядком. Под желаемым понимается правовой порядок как цель, к которой стремится правовое общество (при таких обстоятельствах правовой порядок – это законодательно запрограммированный уровень общественных отношений, который должен соответствовать и природно-правовым критериям). Взамен, правовой порядок, который реально существует в обществе – это действительное состояние общественных отношений, которое является результатом воплощения правовых принципов и характеризуется определенным уровнем осуществления субъективных прав и исполнения юридических обязанностей всеми субъектами общественных отношений.

Наличие правовых коллизий по большей части можно зафиксировать лишь тогда, когда в реально существующем правопорядке правовые нужды не получают удовлетворение или удовлетворение неэффективно. В связи с этим устранение коллизий становится дополнительной задачей, которая требует дополнительных материальных и духовных ресурсов.

Литература

1. Анишина В. Правовые позиции Конституционного Суда России / В. Анишина // Российская юстиция. 2020. – № 7. – С. 11–12.
2. Бачило И.Л. Проблемы гармонизации в законодательстве / И.Л. Бачило // Журнал российского права. 2024. – № 8. – С. 84–89.
3. Васильева Л.Н. О несоответствии законодательства о судебной системе некоторых субъектов Российской Федерации федеральному законодательству / Л.Н. Васильева // Журнал российского права. 2022. – № 10. – С. 94–97.
4. Елисеев Б.П. Договоры и соглашения между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации: решение или порождение проблем? / Б.П. Елисеев // Государство и право. 2022. – № 4. – С. 5–13.

5. Карасев М.Н. Некоторые аспекты толкования норм права / М.Н. Карасев // Журнал российского права. 2023. – № 11. – С. 17–21.
6. Курбатов А. Разрешение коллизий в праве / А. Курбатов // Законность. 2021. – № 3. с. 39–42.
7. Лазарев Л.В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права / Л.В. Лазарев // Журнал российского права. 2024.п.-С. 3–13.
8. Некрасов С.И. Федеральные и региональные средства и способы преодоления юридических коллизий публично-правового характера / С.И. Некрасов // Государство и право. 2023. – № 4. – С. 5–11.
9. Рекомендации о процедурах предотвращения и разрешения юридических коллизий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов // Российская Федерация. 2023. – № 9. – С. 21–23.
10. Романова О.В. К вопросу о понятии и правовой природе правовых позиций Конституционного Суда РФ / О.В. Романова // Государство и право. –2022.-№ 7.-С. 84–87.

THE CONCEPT AND SOME FEATURES OF LEGAL CONFLICTS IN DOMESTIC JURISPRUDENCE

Malyutov D.A.

International Innovative University

The article examines a legal collision as an integral element of legal reality, which covers all legal phenomena, both fundamental and derivative, both negative and positive. It is found that the general nature of a legal collision will become clear when, by analyzing all legal phenomena and processes in which a collision may take place, a necessary and sufficient list of features of this complex phenomenon is established. It is proven that a legal collision is an individ-

ual deviation, which is embodied both in one act of a person and in a number of acts that characterize his behavior. In this aspect, a legal collision is a discrepancy between the ideal model of social relations enshrined in the rule of law and the legal behavior of the subject in a specific situation. It is concluded that the elimination of collisions becomes an additional task that will require additional material and spiritual resources.

Keywords: legal conflict, legal science, fundamental ideas, signs of a phenomenon.

References

1. Anishina V. Legal positions of the Constitutional Court of Russia / V. Anishina // Russian justice. 2020. – No. 7. – P. 11–12.
2. Bachilo I.L. Problems of harmonization in legislation / I.L. Bachilo // Journal of Russian law. 2024. – No. 8. – P. 84–89.
3. Vasilyeva L.N. On the inconsistency of the legislation on the judicial system of some constituent entities of the Russian Federation with federal legislation / L.N. Vasilyeva // Journal of Russian law. 2022. – No. 10.-P. 94–97.
4. Eliseev B.P. Treaties and agreements between the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation: a solution or a generation of problems? /B.P. Eliseev // State and Law. 2022. – No. 4. – P. 5–13.
5. Karasev M.N. Some aspects of interpretation of legal norms / M.N. Karasev // Journal of Russian Law. 2023. – No. 11. – P. 17–21.
6. Kurbatov A. Resolution of conflicts in law / A. Kurbatov // Legality. 2021. – No. 3. P. 39–42.
7. Lazarev L.V. Constitutional Court of Russia and the development of constitutional law / L.V. Lazarev // Journal of Russian Law. 2024.п.-P. 3–13.
8. Nekrasov S.I. Federal and regional means and methods of overcoming legal collisions of a public law nature / S.I. Nekrasov // State and Law. 2023. – No. 4. – P. 5–11.
9. Recommendations on the procedures for preventing and resolving legal conflicts between government bodies of the Russian Federation and its subjects // Russian Federation. 2023. – No. 9. – P. 21–23.
10. Romanova O.V. On the issue of the concept and legal nature of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation / O.V. Romanova // State and Law. –2022.-No. 7.- P. 84–87.

Проблемные аспекты регулирования банковской сферы в Российской Федерации

Монетов Антон Геннадиевич,

преподаватель кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, РГУ имени С.А. Есенина

Терехина Александра Романовна,

студент, юридический институт, РГУ имени С.А. Есенина

Предметом научного исследования является регулирование банковской сферы в России, так как она играет ключевую роль в обеспечении стабильности финансовой системы и защите интересов вкладчиков. Целью работы является анализ существующих угроз и правовых недочётов, имеющих в современном правовом регулировании банковской системы России. В ходе исследования применялись как общетеоретические методы – анализ, дедукция, индукция, а также специально-юридические методы, например, метод правового моделирования при конструировании направлений оптимизации действующего законодательства. В данной статье рассматриваются основные проблемные аспекты регулирования банковского сектора в РФ, включая недостатки нормативно-правовой базы, а также необходимость модернизации подходов к надзору и управлению рисками.

Ключевые слова: банковское регулирование, финансовый надзор, Банк России, комплаенс, ПОД/ФТ, банковская система, санкции, цифровизация, финансовые риски.

Банковская система является основой финансовой инфраструктуры любого государства. Эффективное регулирование позволяет минимизировать риски финансовых кризисов, повысить доверие к банковскому сектору и обеспечить его устойчивость. В России ключевую роль в регулировании играет Банк России, который устанавливает нормативные требования, контролирует деятельность кредитных организаций и реализует меры по противодействию финансовым преступлениям. Однако в условиях санкционного давления, цифровизации и растущих киберугроз актуализируются новые вызовы, требующие пересмотра традиционных методов регулирования. Помимо этого, при осуществлении государственного регулирования банковской сферы следует учитывать экономическое состояние государства, особенности политических и социальных проблем¹.

В современной России банковский сектор представляет собой неотъемлемую часть всей финансовой системы нашей страны, поскольку именно банки осуществляют расчеты с различными как национальными, так и международными клиентами, проводят работу по обеспечении сохранности активов и денежных средств, занимаются эмиссией, устанавливают правила расчетов и банковских операций.

Согласно сведениям официальной статистики по состоянию на 01 февраля 2025 года в Российской Федерации действует порядка 311 банков, а также около 40 небанковских кредитных организаций, что говорит о весьма масштабной банковской системы в России.

Правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации представляет собой совокупность норм, непосредственно направленных на обеспечение устойчивости финансовой системы, защиту интересов клиентов, снижение рисков и контроль за деятельностью кредитных организаций.

Так, основными целями регулирования являются²:

- поддержание стабильности банковской системы;
- обеспечение ликвидности и платежеспособности банков;

¹ Миронов В.Ю. Государственное регулирование банковской деятельности (финансово-правовой аспект) // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 3(33). С. 116.

² Винникова И.В. Банковский надзор в системе финансово-правового регулирования банковской деятельности: автореф. дисс. канд. юрид. наук: по специальности 12.00.04. – М., 2015. – С. 4.

- контроль за соблюдением финансовых стандартов и нормативов;
- защита прав вкладчиков и заемщиков;
- противодействие финансовым преступлениям (отмыванию денег, финансированию терроризма и мошенничеству).

Правовое регулирование банковской системы Российской Федерации базируется как на актах федерального законодательства, так и на отдельных ведомственных актах. Прежде всего, следует отметить, что основополагающее значение в регулировании деятельности банковских учреждений принадлежит Конституции РФ, как основному закону государства. Конституция РФ закрепляет принципы экономической жизни государства: свободный оборот товаров, работ и услуг, равенство всех форм собственности, возможность осуществлять свободную предпринимательскую деятельность.

В силу того, что банки являются полноценными и самостоятельными участниками гражданско-правовых отношений, к регулированию их деятельности применяется Гражданский кодекс.

Но помимо общих законодательных актов регламентация функционирования банковской сферы осуществляется и при помощи специализированных нормативно-правовых актов, в частности, таким актом является ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», которые закрепляет задачи и цели деятельности Банка России, а также ряд контрольных полномочий, осуществляемые Центральным Банком РФ в отношении банковских учреждений, из содержания которых можно сделать вывод, что именно Банк России является главенствующим регулятором всей банковской системы государства.

Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» закрепляет правовой статус банковских учреждений, вопросы, связанные с получением лицензии на осуществление банковской деятельности, а также основания, при наличии которых происходит ликвидация банков.

Важное значение в непредсказуемых современных экономических условиях играет ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» особенно в период, когда банки активно привлекают денежные средства населения, что обуславливает создание гарантий для граждан, позволяющих обеспечить сохранность денежных средств граждан, например, при лишении банка лицензии или при его банкротстве.

В современном мире теневая экономика особенно распространена, в том числе с учетом возрастанием и распространением масштабов деятельности организованной преступности, которая существует и действует в самых разнообразных формах: бандитизм, преступные сообщества, транснациональные преступные организации.

Все это обуславливает необходимость в осуществлении борьбы с отмыванием денежных средств добытых преступным путем или направляемых на финансирование преступлений террористической направленности, в ходе которой боль-

шую роль играет ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», который предусматривает порядок осуществления контроля в отношении движения денежных средств в рамках банковских операций.

Помимо федеральных законов, регулирование осуществляется подзаконными актами Банка России, такими как инструкции, положения и указания.

Действующее законодательство нашей страны содержит более 10 000 актов, регулирующих банковскую сферу. Оценивая масштаб России, количество действующих банков и актов, упорядочивающих их деятельность, нельзя не отметить наличия ряда проблем в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Конечно, имеющаяся на сегодняшний день нормативно-правовая база имеет ряд недостатков, и несмотря на постоянное совершенствование законодательства, регулирование банковской деятельности в РФ остается сложным и фрагментарным.

На наш взгляд, предвестником возникновения нестыковок в банковском законодательстве Российской Федерации является отсутствие нормативно закреплённого понятия банковской деятельности, которое весьма часто фигурирует в текстах Указаний Банка России и иных актах. При этом Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» определяет, что представляет собой банк, однако не конкретизирует, что подразумевает банковская деятельность, а также объем данного понятия, и это зачастую порождает правовую неопределенность¹.

Также одной из основных проблем является изменчивость законодательства – частые корректировки нормативных актов создают неопределенность для участников рынка. Примером может служить регулярные изменения законодательства в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма, а именно Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Так, ранее банки были вправе самостоятельно определять критерии подозрительных операций, руководствуясь разъяснениями Банка России и Росфинмониторинга, однако поправками, вступившими в силу в 2021–2023 годах, осуществлено введение новых оснований для блокировки счетов и отказа в обслуживании клиентов, а также требования к внедрению риско-ориентированного подхода.

Такие изменения имеют весьма существенные последствия для банков, поскольку они наиболее часто стали совершать заморозку разного рода операций и отказывать в проведении платежей, опасаясь санкции со стороны регулятора. Также произошло увеличение нагрузки на комплаенс-

¹ Алиева Э.Б. Проблемы правового регулирования банковской деятельности в Российской Федерации // Вестник Дагестанского государственного университета. № 3. 2018. С. 112.

отделы банков, что особенно тяжело для небольших кредитных организаций¹.

В научной литературе специалисты также отмечают проблему несогласованности норм. Так, некоторые правовые акты противоречат друг другу, что затрудняет их применение. Примером может служить процедура регистрации коммерческого банка, где по Федеральному закону «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 129-ФЗ для уплаты уставного капитала отводится годичный срок, тогда как Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» для внесения уставного капитала установлен месячный срок.

Стоит также отметить и существующие проблемы в сфере правового регулирования снижения рисков. Банковский сектор России подвержен различным видам рисков, включая кредитные, операционные, регуляторные и санкционные. Отмечается недостаточность механизмов контроля за связанными кредитами. Так, связанные кредиты (выдаваемые аффилированным лицам) увеличивают риск банкротства и вывода активов. Например, в 2017 году ЦБ РФ отозвал лицензию у банка «Югра» из-за выдачи кредитов компаниям, связанным с акционерами банка, что привело к серьезным убыткам. Также банки, действующие на территории России, сталкиваются с санкционными рисками, в то время как действующие нормы не всегда позволяют им эффективно управлять этими угрозами. Так, введение санкций против крупных российских банков (Сбербанк, ВТБ, Альфа-Банк) привело к необходимости быстрого перехода на альтернативные платежные системы, например, СПБ, но правовое регулирование этих систем пока несовершенно.

Говоря о рисках, стоит также отметить и ограниченные инструменты регулирования цифровых рисков². Рост цифровых финансовых технологий и киберугроз требует обновления законодательства, но регулирование остается фрагментарным. На сегодняшний день в России принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», однако правовые механизмы противодействия хакерским атакам на банки пока недостаточно проработаны, что вытекает из информационного сообщения Банка России об увеличении сообщений от банков всей страны о существенном распространении хакерских атак.

На наш взгляд, в целях снижения распространения вышеназванных проблем, а также возникновения новых прежде всего стоит обратить внимание на совершенствование терминологии, а именно внедрения нормативно установленного понятия

банковской деятельности, под которой следует понимать профессиональную деятельность кредитных организаций, связанную с привлечением денежных средств физических и юридических лиц, их размещением от своего имени и за свой счет, а также осуществлением расчетов и других операций, предусмотренных действующим законодательством.

Также в современных условиях требуется адаптация регулирования для минимизации негативных последствий санкций, а именно необходимость модернизации надзора и управления рисками³.

Так, современные вызовы требуют пересмотра традиционных подходов к банковскому надзору.

Кроме того, нельзя не отметить проблемные моменты характерные для отдельных аспектов функционирования банковской системы Российской Федерации. Достаточно дискуссионными являются некоторые вопросы, связанные с предоставлением кредитов. В настоящее время банковские учреждения предоставляют денежные средства займы на основе договора кредитования. Однако, в действующем гражданском законодательстве отсутствует четко выработанное легальное определение кредитного договора, критериев на основании которого происходит заключение кредитного договора в силу чего достаточно часто банки без существенных причин отказывают гражданам и организациям в получении кредита. Как показывает практика, достаточно часто банки при решении вопроса о предоставлении кредита руководствуются кредитной историей, но в некоторых случаях у граждан, которые ранее не обращались в банковские учреждения кредитная история отсутствует, в силу чего банки, опасаясь того, что кредит не будет возвращен в полном или частичном объеме, откажут в предоставлении кредита.

Для разрешения вышеуказанной проблемы целесообразно на уровне гражданского законодательства закрепить понятие «неплатежеспособность», которое может быть использовано банками при определении возможности клиента погасить кредит. Иным способом разрешения вышеуказанной ситуацией является принятием Центральным банком ведомственного акта, которым будут руководствоваться банки при предоставлении кредитов.

Говоря о проблемных аспектах регулирования банковской сферы, следует также отметить те вопросы, которые имеют место в связи с неоднозначностью правового статуса Банка России.

Центральный Банк России является важнейшим регулятором не только банковского сектора, но и в целом финансовой сферы. Однако, нельзя не отметить ряд дискуссионных вопросов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Прежде всего, следует отметить неоднозначный правовой статус Банка России. Это связано с неоднозначностью законодательных трактовок,

¹ Лесниченко В.В. Правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации // Научный аспект. 2022. Т. 3. № 4. С. 326.

² Гаджиева Д.Г. Актуальные проблемы правового регулирования банковской системы в Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 41 (331). С. 90.

³ Котцова А.А. Правовое регулирование банковской деятельности // Альманах мировой науки. 2016. № 6–2(9). С. 98.

использующихся при определении правового положения Центрального Банка, что отрицательно сказывается на эффективности его деятельности, которая включает в себя реализацию единой кредитно-денежной политики, регулирование кредитных учреждений, осуществление мероприятий, направленных на укрепление рубля как национальной валюты России, проведение валютного контроля.

Основы правового статуса Банка России закреплены в таких основополагающих актах как Конституция РФ, ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», но такие установления во многом носят лишь общий характер. Так, в ст. 75 Конституции РФ закрепляют основополагающие направления деятельности Банка России: проведение денежной эмиссии, осуществление защиты рубля как национальной валюты. Важнейшей оговоркой, указанной в вышеуказанной конституционной норме, является то, что Центральный Банк осуществляет свою деятельность независимо от иных органов власти. С одной стороны рассматриваемый нами субъект, осуществляющий финансовое регулирование, является органом специальной компетенции, осуществляющий кредитное регулирование, а с другой стороны Банк России функционирует в форме юридического лица, что позволяет главному банку государства заключать гражданско-правовые сделки с различными субъектами. Сложность понимания правовой природы Банка России обусловлено тем фактом, что его функционирование регулируется нормами сразу нескольких отраслей права: конституционно-го, гражданского, финансового.

В научной литературе представлено несколько основных теорий, касающихся определения статуса Банка России.

Первая точка зрения заключается в том, что Центральный банк является органом государственной власти специальной компетенции. Об этом косвенно свидетельствует ст. 75 Конституции РФ, которая предусматривает самостоятельность и автономность Банка России от иных органов исполнительной власти.

Г.А. Тосунян, анализируя полномочия Центрального банка, приходит к выводу, что он является иным федеральным органом, так, как только ему принадлежит функция по осуществлению эмиссии новых денежных средств. Это позволяет вести речь о том, что Центральный банк не входит ни в одну из ветвей власти¹.

В подтверждении данной точки зрения отметим, что у Банка России имеются определенные властные полномочия, что еще раз подчеркивает отнесение его к органам государственной власти. В частности, Центральный банк осуществляет контроль и надзор в отношении нижестоящих банков, в ходе своей деятельности им принимаются обязательные для исполнения кредитными учреждениями нормативные акты, при этом в случае необходи-

мости, например, для защиты интересов вкладчиков применять санкции в отношении банков.

Именно наличие властных полномочий позволяет говорить о том, что Банк России является ключевым регулятором банковской системы. В частности, им устанавливаются требования, предъявляемые к уставному капиталу банка, сумму капитала, отводимого банком в качестве обязательного резерва, который должен быть также размещен в Центральном Банке. Создание обязательных резервов является обязательным условием для функционирования любого банка и позволяет при необходимости обеспечить защиту интересов вкладчиков. Устанавливая ряд обязательных требований по отношению к банкам, Банк России осуществляет контроль за составом банковских учреждений в банковской системе, допуская лишь добросовестных субъектов.

Вторая точка зрения заключается в том, что Банк России выступает в качестве организации. Авторы, разделяющие данную позицию, полагают, что Центральный банк является особым юридическим лицом, действующим в сфере публичного права.

Так, А.Г. Братко отмечает, что Центральный банк выступает в качестве юридического лица, но созданного не на основе устава, иных учредительных документов, а на основе публично-правового акта, при этом Банк России широко участвует в имущественных правоотношениях².

Характерным признаком любого государственного органа является то, что он комплектуется и функционирует за счет особого аппарата – государственных служащих, получающих денежное содержание за выполнение своих профессиональных обязанностей. Служащие Центрального Банка России не являются государственными служащими, то есть не исполняют и не реализуют полномочия Российской Федерации, субъекта РФ, исключением из общего правила, является Председатель ЦБ РФ. Это обусловлено тем фактом, что правовой статус основной части служащих регламентируется не служебным законодательством о государственной службе, а нормативными актами, принимаемыми Советом Директоров. Кроме того, заработная плата служащих Банка России не формируется за счет средств федерального бюджета, что еще раз подтверждает то, что сотрудники Банка России не являются госслужащими.

Наиболее существенным аргументом, подтверждающим точку зрения, что Центральный Банк не выступает в качестве органа власти является то, что его статус и выполняемые им функции не характерны для трех классических ветвей власти. Безусловно, Банк России не выступает в качестве законодательного или судебного органа, и в то же время Банк России не является и исполнительным органом власти, так как он не входит в единую систему органов исполнительной власти: Правительства и соответствующих министерств.

¹ Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. К вопросу о статусе Банка России // Деньги и кредит. 1998. № 9. С. 10.

² Братко А.Г. Центральный банк в банковской системе России / А.Г. Братко. – М., 2001. – С. 232.

Банк России в своей основе имеют существенную гражданско-правовую основу, которая входит в противоречие с публично-правовой основой, о чем в свою очередь свидетельствует порядок материального обеспечения функционирования Банка России, деятельность которого финансируется не из государственного бюджета, а за счет собственных средств. В свою очередь деятельность органа власти финансируется из федерального бюджета.

Таким образом, можно сделать вывод, что в силу наличия всех имеющихся противоречий, в том числе и в законодательства, нельзя отнести Центральный банк к той или иной ветви власти. Целесообразно признать Банк России в качестве организации, осуществляющей отдельные властные полномочия. Это в свою очередь позволит уточнить правовой статус мегарегулятора банковской системы, что отразится на защите прав и законных интересов нижестоящих банков, вкладчиков.

Выделим проблемы, которые характерны при осуществлении Центральным банком функций мегарегулятора банковского сектора.

В связи с влиянием геополитической обстановки, введением санкций в отношении Российской Федерации, Центральный Банк практически перестал осуществлять действия, направленные на валютную интервенцию, в результате чего не осуществляется поддержка собственной национальной валюты путем приобретения и продажи иностранной валюты. Это в свою очередь влияет на неконтролируемые колебания иностранной валюты, а также возникают условия для осуществления различных незаконных спекуляций, связанных с оборотом иностранной валюты.

Анализируя банковский сектор, можно прийти к выводу, что наиболее благоприятное положение в банковском секторе принадлежит государственным банкам, которые, по сути, выступают в качестве монополистов, а более мелкие коммерческие банки не могут полноценно конкурировать с крупными банками, тем самым выдавливаются из банковского сектора. Нередко это приводит к тому, что банки, занимающие незначительное положение в секторе, банкротятся, что отрицательно сказывается на всей банковской системе, снижается приток денежных средств.

Надлежащий уровень эффективности правового регулирования банковской сферы возможен только при совершенной нормативно-правовой базе, используемой при регулировании общественных отношений, возникающих в банковском секторе. Существенная часть правовой базы, используемой при регулировании банковского сектора, – это нормативно-правовые акты Центрального банка. Однако, система нормативных актов Банка России не отличается системностью, а сама правотворческая деятельность мегарегулятора не регламентирована в надлежащем порядке.

К возможным направлениям улучшений, на наш взгляд, следует отнести:

- развитие риск-ориентированного подхода – переход от формальных нормативов к оценке реальных финансовых рисков;
- использование Big Data и искусственного интеллекта для анализа операций и прогнозирования кризисных ситуаций;
- создание благоприятной среды для цифровых банков и финтех-компаний, что позволит ускорить внедрение инноваций.

Таким образом, регулирование банковской сферы в России сталкивается с рядом существенных проблем, влекущих негативные последствия как для самих финансовых организаций, так и для всей банковской системы России в целом. Для повышения устойчивости банковского сектора необходимо модернизировать подходы к регулированию, снижая избыточные ограничения, повышая эффективность надзора и обеспечивая баланс между финансовой безопасностью и развитием отрасли. Одновременно с этим следует предпринять меры, направленные на повышение эффективности деятельности Центрального банка, являющегося основным регулятором банковского сектора.

Литература

1. Алиева Э.Б. Проблемы правового регулирования банковской деятельности в Российской Федерации / Э.Б. Алиева // Вестник Дагестанского государственного университета. – № 3. – 2018. – С. 110–115.
2. Братко А.Г. Центральный банк в банковской системе России / А.Г. Братко. – Москва: Спартак, 2001. – 335 с.
3. Винникова И.В. Банковский надзор в системе финансово-правового регулирования банковской деятельности: автореф. дисс. канд. юрид. наук: по специальности 12.00.04. – М., 2015. – 24 с.
4. Гаджиева Д.Г. Актуальные проблемы правового регулирования банковской системы в Российской Федерации / Д. Г. 3.Гаджиева // Молодой ученый. – 2020. – № 41 (331). – С. 89–91.
5. Котцова А.А. Правовое регулирование банковской деятельности / А.А. Котцова // Альманах мировой науки. – 2016. – № 6–2(9). – С. 97–99.
6. Лесниченко В.В. Правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации / В.В. Лесниченко // Научный аспект. – 2022. – Т. 3. № 4. – С. 324–329.
7. Миронов В.Ю. Государственное регулирование банковской деятельности (финансово-правовой аспект) / В.Ю. Миронов // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 3(33). – С. 114–121.
8. Тосунян Г. А. К вопросу о статусе Банка России / Г.А. Тосунян, А.Ю. Викулин // Деньги и кредит. – 1998. – № 9. – С. 9–11.
9. Халилеев С.В. Проблемы правового регулирования банковской сферы в РФ / В.С. Халилеев // Инновационная экономика: перспективы

PROBLEMATIC ASPECTS OF REGULATION OF THE BANKING SECTOR IN THE RUSSIAN FEDERATION

Monetov A.G., Terekhina A.R.

Russian State University named after S.A. Yesenin

The subject of scientific research is the regulation of the banking sector in Russia, as it plays a key role in ensuring the stability of the financial system and protecting the interests of depositors. The purpose of the work is to analyze the existing threats and legal shortcomings existing in the modern legal regulation of the Russian banking system. In the course of the research, both general theoretical methods were used – analysis, deduction, induction, as well as special legal methods, for example, the method of legal modeling in designing areas of optimization of current legislation. This article examines the main problematic aspects of the regulation of the banking sector in the Russian Federation, including the shortcomings of the regulatory framework, as well as the need to modernize approaches to supervision and risk management.

Keywords: Banking regulation, financial supervision, Bank of Russia, compliance, AML/CFT, banking system, sanctions, digitalization, financial risks.

References

1. Aliyeva E.B. Problems of legal regulation of banking activities in the Russian Federation / E.B. Aliyeva // Bulletin of Dagestan State University. – No. 3. – 2018. – P. 110–115.
2. Bratko A.G. The Central Bank in the banking system of Russia / A.G. Bratko. – Moscow: Spartak, 2001. – 335 p.
3. Vinnikova I.V. Banking supervision in the system of financial and legal regulation of banking activities: author's abstract. diss. candidate of legal sciences: in specialty 12.00.04. – Moscow, 2015. – 24 p.
4. Gadzhieva D.G. Actual problems of legal regulation of the banking system in the Russian Federation / D. G. 3. Gadzhieva // Young scientist. – 2020. – No. 41 (331). – P. 89–91.
5. Kottsova A.A. Legal regulation of banking activities / A.A. Kottsova // Almanac of world science. – 2016. – No. 6–2(9). – P. 97–99.
6. Lesnichenko V.V. Legal regulation of banking activities in the Russian Federation / V.V. Lesnichenko // Scientific aspect. – 2022. – Vol. 3. No. 4. – P. 324–329.
7. Mironov V. Yu. State regulation of banking activities (financial and legal aspect) / V. Yu. Mironov // Leningrad Law Journal. – 2013. – No. 3(33). – P. 114–121.
8. Tosunyan G.A. On the Status of the Bank of Russia / G.A. Tosunyan, A. Yu. Vikulin // Money and Credit. – 1998. – No. 9. – P. 9–11.
9. Khalileev S.V. Problems of Legal Regulation of the Banking Sector in the Russian Federation / V.S. Khalileev // Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement. – 2018. – No. 2 (28). – P. 98–104.

Правовые аспекты формирования коллективного иммунитета вследствие иммунопрофилактики инфекционных заболеваний в Китае и России

Ратникова Василиса Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского, предпринимательского и транспортного права, Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: vitaflamma@gmail.com

Стрельникова Наталья Викторовна,

кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры микробиологии, вирусологии и иммунологии, Дальневосточный государственный медицинский университет
E-mail: jpdom@mail.ru

Кольцов Игорь Петрович,

кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой микробиологии, вирусологии и иммунологии, Дальневосточный государственный медицинский университет
E-mail: k_mikr@mail.fesmu.ru

Стрельников Игорь Анатольевич,

старший преподаватель высшей школы лингводидактики, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: jpregon@gmail.com

Резак Елена Владимировна,

старший преподаватель высшей школы кибернетики и цифровых технологий, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 010931@togudv.ru

В статье сопоставляются правовые аспекты формирования коллективного иммунитета в результате проведения государственной политики иммунопрофилактики инфекционных заболеваний в Китае и России в исторической ретроспективе. Целью исследования послужило выявление актуальных направлений модернизации политики России в сфере иммунопрофилактики. Предметом являются положения нормативно-правовых актов в Китайской Народной Республике и Российской Федерации в области иммунопрофилактики за период с 1949 года по настоящее время. Методологию составили сравнительно-правовой, формально-юридический, сопоставительной интерпретации и иные методы. Тема обладает историографической новизной, так как в доктринальных источниках российских и китайских учёных недостаточно информации об изучении государственного регулирования правовых аспектов иммунопрофилактики и о сопоставительном анализе законодательных актов двух стран. Итогом исследования является вывод о возможности заимствования ряда положений из современных законов Китая, в частности, о страховании нестандартных реакций, поствакцинальных осложнений и компенсаций. Эффективность системы коллективной иммунизации детского и взрослого населения зависит от надлежащей реализации нормативно-правовых актов, их дальнейшей модернизации, а также развития международного сотрудничества в области медицины и эпидемиологии.

Ключевые слова: иммунопрофилактика, нормативно-правовые акты, вакцинация, календарь прививок, коллективный иммунитет, КНР, РФ, поствакцинальное осложнение.

Формирование коллективного иммунитета является одним из базисов защиты жизни и здоровья граждан страны, когда значительная часть населения становится невосприимчивой к инфекционному заболеванию, и риск распространения возбудителя инфекции в популяции снижается.

Коллективный иммунитет защищает человека от повторного заболевания и может быть связан с естественным инфицированием и выздоровлением индивида, с дальнейшим формированием у него постинфекционного активного, естественного иммунитета. Второй путь является регулируемым, и может быть достигнут путем вакцинации определённых контингентов детей и взрослых, с дальнейшим формированием у привитых активного искусственного индивидуального иммунитета, что, одновременно, способствует созданию и укреплению коллективного иммунитета населения территории. Вакцинация входит в перечень мероприятий по специфической профилактике инфекционных заболеваний и регулируется государством, путём организации производства, обращения, применения, хранения, отпуска и уничтожения иммунобиологических лекарственных препаратов (ИЛП). С целью неспецифической профилактики необходимы изоляция источника инфекции, прерывание путей передачи и защита восприимчивых групп населения путём дезинфекции, дезинсекции, дератизации, санитарного просвещения.

Одной из наиболее восприимчивых к инфекционным заболеваниям групп являются дети. В каждой стране предписаны процедуры иммунизации, есть собственные схемы иммунопрофилактики, учитывающие эпидемиологические, медико-социальные и этнокультурные особенности регионов. Утверждены как индивидуальные, так и коллективные схемы вакцинации, на бесплатной и платной основе. Существенное внимание в каждой стране уделяют вакцинации детей первого года жизни.

По данным Всемирной организации здравоохранения, около 85,8% годовалых детей в мире вакцинированы [5]. Имеются существенные различия в охвате профилактическими прививками внутри каждой из стран. На показатели вакцинации различных стран, как и округов внутри одной страны влияет ряд факторов: доступность и стоимость вакцин; добровольность вакцинации; эндемичность территорий по инфекционным заболеваниям и другие.

Международное сотрудничество в сфере иммунопрофилактики и медицины является важной частью государственного регулирования с целью

формирования устойчивого коллективного иммунитета. Россия и Китай являются соседями, и длительный период сотрудничают в разных сферах жизнеобеспечения, борьбы с конвенционными (карантинными) инфекциями и эпидемиями. В Китае иммунопрофилактике уделяется большое внимание в течение исследуемого периода. В частности, приняты документы стратегического планирования, национальные планы действия по ликвидации отдельных видов болезней, имеющих глобальное распространение: корь, полиомиелит, гепатит В и др. Комплексная работа по иммунизации населения началась сразу после основания Китайской Народной Республики в 1949 году [4]. Преимущественно она была связана с вакцинацией против распространённых в то время эпидемических заболеваний, как натуральная оспа, менингит, холера, чума, брюшной тиф, коклюш и туберкулёз. Наиболее значимым для профилактики туберкулёза ИЛП служила вакцина БЦЖ, как в Китае, так и в Российской Федерации и СССР [2]. Согласно «Временным мерам по вакцинации», все жители КНР должны быть вакцинированы против оспы [12]. В отчёте о первом пятилетнем плане «О развитии народного хозяйства» (1953–1957 гг.) было указано, что Советский Союз оказывал Китаю большую помощь в его реализации, в частности, в сфере здравоохранения [7].

В отношении России, планы действия по ликвидации отдельных видов болезней с эпидемическим распространением были характерны в советский период, когда осуществлялись ликвидационные мероприятия по ограничению вспышек натуральной оспы, чумы, полиомиелита, туберкулёза [2] и т.п.

Государственная программа иммунизации в КНР была запущена в 1978 году, под эгидой программы общественного здравоохранения. В то время она включала 4 плановые детские вакцины против шести инфекционных, эпидемически значимых болезней: туберкулёз, дифтерия, столбняк, коклюш, полиомиелит и корь [2, 6]. В СССР в это время действовал приказ Министерства здравоохранения СССР «О сроках проведения профилактических прививок» от 25.04.1973 № 322, в перечень которого входили 7 вакцин для плановой вакцинации и 12 вакцин по эпидемическим показаниям. На современном этапе развития здравоохранения, в 2016 году был введён План «Здоровый Китай 2030» [8], в целях комплексного улучшения качества здоровья китайской нации, достижения скоординированного развития здравоохранения, а также экономического и социального совершенствования народного благосостояния. Это позволило достигнуть значительных результатов по профилактике и контролю над распространением основных инфекционных заболеваний, а также повысить уровень медицинской грамотности населения Китая.

В настоящее время в нашей стране также утверждена Стратегия развития иммунопрофилактики инфекционных болезней на период до 2035 го-

да, согласно распоряжению Правительства РФ от 18.09.2020 № 2390-р, в целях предупреждения, ограничения распространения и ликвидации некоторых инфекционных и иных болезней. Одновременно действует Стратегия развития здравоохранения в РФ на период до 2025 г. от 06.06.2019 № 254.

В 2022 году Государственный совет Китая объявил о 14-ом пятилетнем национальном плане здравоохранения [1, 14], включающем задачу корректировки типов вакцин в соответствии с программой вакцинации и меняющимися потребностями страны в области здравоохранения. К 2023 году Национальная программа иммунизации Китая включала 13 ИЛП для плановой вакцинации. Кроме того, в эпидемических районах или среди отдельных групп населения доступны целевые вакцины против сибирской язвы и лептоспироза, хантавирусной инфекции, передающейся от грызунов и вызывающей геморрагическую лихорадку с почечным синдромом (ГЛПС).

Вакцины, которые жители КНР должны получать в соответствии с постановлениями правительства, включают те, что определены Национальной программой иммунизации; и те, что добавлены народными правительствами провинций, автономных регионов и городов при реализации национальной программы иммунизации; используемые для экстренной вакцинации или массовой иммунизации, организованной народными правительствами уездного и вышестоящего уровня или их департаментами по контролю за заболеваниями. В Китае родитель или опекун ребёнка, в течение одного месяца после его рождения обязан обратиться в учреждение, проводящее вакцинацию по месту жительства ребёнка, или в больницу, где родился ребёнок, для получения сертификата о вакцинации. Если ребёнок принимается в детский сад или школу, данные учреждения должны проверить и подтвердить сертификат о вакцинации. Стоит отметить, что в КНР в рамках национальной программы иммунизации вакцинация является бесплатной.

График вакцинации по Национальной программе КНР на 2021 год [13] сходен с Национальным календарём профилактических прививок РФ, но более структурирован, так как предполагает разделение ИЛП не только по возрасту, но и месяцам жизни для ребёнка до года, а также типы вакцины, способы и кратность вакцинации и дозу. Вместе с тем, помимо графика вакцинации, предусмотрено несколько частей документа: 1) общие положения; 2) инструкции по применению каждой вакцины; 3) вакцинация детей с распространёнными особыми состояниями здоровья. К таким отнесли недоношенных детей гестационного возраста менее 37 недель, детей с низкой массой тела, до 2,5 кг; детей, рождённых от матерей, инфицированных вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ); с нарушениями функции иммунной системы.

Основными действующими законами в сфере иммунизации населения в Китае можно назвать: Закон КНР о профилактике и лечении инфекци-

онных заболеваний от 21.02.1989 года [9]; Закон КНР о вакцинации от 29.06.2019 [10]; Закон КНР о контроле за оборотом лекарственных средств от 26.08.2019 [11].

В России действуют следующие федеральный законы, регулирующие иммунопрофилактику в нашей стране: об обращении лекарственных средств от 12.04.2010 № 61 и об иммунопрофилактике инфекционных болезней от 17.09.1998 № 157. Отдельного акта об обороте вакцин не предусмотрено: оборот иммунобиологических лекарственных препаратов (ИЛП) регулируется наряду с другими лекарственными средствами.

Под вакцинами в законодательстве КНР подразумевается профилактический биологический продукт, используемый для иммунизации людей с целью предотвращения и контроля возникновения и распространения заболеваний. В России производят широкий перечень иммунобиологических лекарственных препаратов (ИЛП), предназначенных для формирования активного или пассивного иммунитета либо диагностики наличия иммунитета или диагностики специфического приобретенного изменения иммунологического ответа на аллергизирующие вещества. Вакцины являются иммунобиологическими препаратами, непосредственно предназначенными для формирования активного, искусственного поствакцинального иммунитета с целью плановой или экстренной специфической профилактики инфекционных заболеваний. С другой стороны, некоторые вакцины могут быть использованы в качестве лечебных препаратов для специфического лечения хронических инфекций: бруцеллёза, гонореи. Требуется уточнения термин «вакцина», включенный в перечень Постановления Правительства РФ от 16.07.2022 № 1287 (ред. от 13.12.2023) «Об утверждении списка микроорганизмов, токсинов, оборудования и технологий, подлежащих экспортному контролю», в котором вакцина отнесена к ИЛП в очень широком смысле, в том числе и как препарат для диагностики наличия и изменения иммунитета, что тождественно дефиниции ИЛП, как собирательного понятия (термина), которое объединяет несколько конкретных объектов на основе их общих признаков.

Закон о вакцинах КНР 2019 года считается всеобъемлющим законодательным актом по регулированию вакцин. Он устанавливает нормативную систему, охватывающую весь жизненный цикл вакцин, вводит систему держателей разрешений на продажу вакцин, устанавливает правовую ответственность всех сторон и дополнительно разъясняет систему компенсации для любых лиц, у которых проявляются аномальные или нестандартные реакции на вакцинацию. Кроме того, в нем подчеркивается использование современных технологий для создания национальной электронной платформы для отслеживания вакцин [3]. По указанным выше законам КНР, государство должно внедрить правила обязательного страхования ответственности за качество вакцины, а также единую систему предоставления информации о без-

опасности вакцин. Закрепляется и подлежит опубликованию информация о рисках вакцинации, безопасности вакцин и несчастных случаях. Публикация существенной информации о качестве и безопасности вакцин должна быть своевременной, точной и всеобъемлющей, а научная оценка должна проводиться по мере необходимости. Отдельно в КНР уделяется внимание поствакцинальным осложнениям. В частности, есть меры по выявлению аномальных или нестандартных реакций на вакцинацию; планы экстренного реагирования на предполагаемые реакции на вакцинацию; мониторинг предполагаемых побочных реакций на иммунизацию и компенсации за нестандартные реакции на вакцинацию. Аномальные реакции на вакцинацию означают неблагоприятные лекарственные реакции, вызванные препаратами, квалифицированными как вакцины, во время или после проведения стандартной схемы вакцинации, которые приводят к повреждению тканей, органов и изменению функций организма реципиента, и не являются виной ни одной из вовлеченных сторон, как качество вакцины, психологические факторы, инкубационный период и прочее. Выявление аномальных реакций на вакцинацию является обязанностью медицинских ассоциаций. Стоит отметить, что в указанном выше случае, компенсация выплачивается финансовыми отделами народных правительств провинций, автономных районов и городов КНР, находящихся в прямом подчинении центрального правительства, из фондов вакцинации, если вакцина входит в программу иммунизации, а если не входит – покрывается соответствующими держателями лицензий на продажу вакцин. В России перечень поствакцинальных осложнений утверждён постановлением Правительства РФ от 02.08.1999 № 885, им определяется возможность граждан получить единовременное пособие в размере 10 000 руб. При этом, согласно законодательству в РФ, важно доказать причинно-следственную связь между проведением вакцинации и развитием осложнений.

Отличительной чертой законодательства Китая является то, что вопросами пропаганды профилактики и контроля инфекционных заболеваний, а также просвещения населения в области здравоохранения должны бесплатно заниматься средства массовой информации (СМИ), школы всех уровней и типов. Особое внимание санитарному просвещению населения уделяют медицинские вузы и учреждения. Все организации и лица на территории Китайской Народной Республики должны принимать меры профилактики и контроля, связанные с инфекционными заболеваниями: расследования, проверки, сбор образцов, изоляция больного, своевременное лечение и другое.

Таким образом, в нормативно-правовых актах России и Китая есть схожие положения, однако встречаются и существенные отличия, такие, как обязательность вакцинации, планирование иммунопрофилактики, страхование ответственности и прав граждан при возникновении поствакциналь-

ных осложнений и нестандартных реакций. Считаем целесообразным обратить внимание на такие направления модернизации политики России в области иммунопрофилактики, как упорядочивание сферы реализации права на компенсацию за поставочные осложнения; возможности страхования ответственности за некачественный препарат и нерегламентированную процедуру проведения вакцинации. Эффективность системы коллективной иммунизации зависит от надлежащей реализации нормативно-правовых актов, а также закреплённых в них положений. С целью расширения возможностей в реализации прав граждан пользоваться достижениями медицинской науки в части профилактики эпидемически значимых инфекций, требуется дальнейшее совершенствование механизмов государственного управления рисками распространения инфекционных заболеваний. В этой связи стоит отметить необходимость в легальном определении (дефиниции) вакцин и подобных им препаратов из перечня ИЛП. В перспективе предусмотреть разработку проекта и принятие закона об обращении иммунобиологических лекарственных препаратов: вакцин, анатоксинов, сывороток, иммуноглобулинов и пр., в качестве комплексного всеобъемлющего документа, усиливающего роль государства в обеспечении качества иммунопрофилактики, организации мероприятий по формированию коллективного иммунитета, охраны здоровья граждан, осуществлению надлежащего контроля над эпидемическими, эндемическими и эпизоотическими процессами на территории России.

Литература

1. Герасимова Т.Г. История вакцинации в Китае до начала XXI в. / Т.Г. Герасимова // Российское китаеведение. 2024. № 3 (8). С. 91–105. DOI 10.48647/ICCA.2024.27.47.006.
2. Государственно-правовые основы организации борьбы с туберкулёзом в первые годы советской власти в России / В.И. Ратникова, И.П. Кольцов, Н.В. Стрельникова, И.А. Стрельников [и др.] // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4 (232). С. 87–90. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_4_87.
3. Feng J, Li Q. How to ensure vaccine safety: An evaluation of China's vaccine regulation system. *Vaccine*. 2021 Aug 31;39(37):5285–5294. doi: 10.1016/j.vaccine.2021.07.081. Epub 2021 Aug 6. PMID: 34373122; PMCID: PMC8344949.
4. Impact of immunization programs on 11 childhood vaccine-preventable diseases in China: 1950–2018 // Pan J. et al. // *The Innovation*. 2021. Volume 2. Issue 2. URL: <https://doi.org/10.1016/j.xinn.2021.100113>.
5. Vaccination Rates by Country 2025 <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/vaccination-rates-by-country>
6. Zhang H., Lai X., Patenaude B., Jit M., Fang H. Adding new childhood vaccines to China's National Immunization Program: evidence, benefits, and priorities // *The Lancet Public Health*. 2023. Volume 8. Issue 12. P. 1016–1024. DOI: 10.1016/S2468-2667(23)00248-7.
7. The First Five-Year Plan (1953–1957). URL: <https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjfgzh/202112/P020211214370085847910.pdf>
8. The CPC Central Committee and the State Council issued the “Healthy China 2030” Planning Outline. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2016–10/25/content_5124174.htm
9. Law of the People's Republic of China on the Prevention and Control of Infectious Diseases. URL: <http://www.nhc.gov.cn/fzs/s3576/201808/6d-00c158844f42c5bcf94993bffa665a.shtml>
10. Vaccine Administration Law of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019–06/30/content_5404540.htm
11. Drug Administration Law of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019–08/26/content_5424780.htm
12. Shi Chunlin, Xu Shaoyuan Research on vaccination work in the early days of New China // *Beijing Party History*. 2021. № 2. P. 41–49. <http://hprc.csn.cn/gsyj/shs/ylwss/202206/P020220606400209120378.pdf>
13. National Immunization Program Vaccine Childhood Immunization Program and Instructions-2021 г. URL: <http://www.nhc.gov.cn/jkj/s3581/202103/590a8c7915054aa682a-8d2ae8199e222/files/7559f978e6be4ec585a9a1fe0d9224f6.pdf>
14. The 14th Five-Year Plan for National Health. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2022–05/20/content_5691424.htm

LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF HERD IMMUNITY DUE TO IMMUNOPROPHYLAXIS OF INFECTIOUS DISEASES IN CHINA AND RUSSIA

Ratnikova V.I., Strelnikova N.V., Koltsov I.P., Strelnikov I.A., Rezak E.V.
Far Eastern State Transport University, Far Eastern State Medical University,
Pacific national university, Pacific National University

The article compares the legal aspects of the formation of collective immunity as a result of the implementation of state policy of immunoprophylaxis of infectious diseases in China and Russia in historical retrospect. The aim of the study was to identify current areas of modernization of Russia's policy in the field of immunoprophylaxis. The subject is the provisions of regulatory legal acts in the People's Republic of China and the Russian Federation in the field of immunoprophylaxis for the period from 1949 to the present. The methodology was made up of comparative legal, formal legal, comparative interpretation and other methods. The topic has historiographical novelty, since the doctrinal sources of Russian and Chinese scientists do not contain enough information on the study of state regulation of legal aspects of immunoprophylaxis and on the comparative analysis of legislative acts of the two countries. The result of the study is the conclusion about the possibility of borrowing a number of provisions from modern Chinese laws, in particular, on insurance of non-standard reactions, post-vaccination complications and compensation. The effectiveness of the system of collective immunization of children and adults depends on the proper implementation of regulatory and legal acts, their further modernization, as well as the development of international cooperation in the field of medicine and epidemiology.

Keywords: immunoprophylaxis, regulatory legal acts, vaccination, vaccination calendar, herd immunity, PRC, RF, post-vaccination complications.

References

1. Gerasimova T.G The history of vaccination in China until the beginning of the 21st century // Russian Sinology. 2024. № 3(8). C. 91–105. DOI 10.48647/ICCA.2024.27.47.006.
2. State and legal foundations for organizing the fight against tuberculosis in the first years of Soviet power in Russia / V.I. Ratnikova, I.P. Koltsov, N.V. Strelnikova, I.A. Strelnikov [et al.] // Law and state: theory and practice. 2024. № 4 (232). P. 87–90. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_4_87.
3. Feng J, Li Q. How to ensure vaccine safety: An evaluation of China's vaccine regulation system. Vaccine. 2021 Aug 31;39(37):5285–5294. DOI: 10.1016/j.vaccine.2021.07.081. Epub 2021 Aug 6. PMID: 34373122; PMCID: PMC8344949.
4. Impact of immunization programs on 11 childhood vaccine-preventable diseases in China: 1950–2018 // Pan J. et al. // The Innovation. 2021. Volume 2. Issue 2. URL: <https://doi.org/10.1016/j.xinn.2021.100113>.
5. Vaccination Rates by Country 2025 <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/vaccination-rates-by-country>
6. Zhang H., Lai X., Patenaude B., Jit M., Fang H. Adding new childhood vaccines to China's National Immunization Program: evidence, benefits, and priorities // The Lancet Public Health. 2023. Volume 8. Issue 12. P. 1016–1024. DOI: 10.1016/S2468-2667(23)00248-7.
7. The First Five-Year Plan (1953–1957). URL: <https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjtzgh/202112/P020211214370085847910.pdf>
8. The CPC Central Committee and the State Council issued the “Healthy China 2030” Planning Outline. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2016–10/25/content_5124174.htm
9. Law of the People's Republic of China on the Prevention and Control of Infectious Diseases. URL: <http://www.nhc.gov.cn/fzs/s3576/201808/6d00c158844f42c5bcf94993bffa665a.shtml>
10. Vaccine Administration Law of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019–06/30/content_5404540.htm
11. Drug Administration Law of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019–08/26/content_5424780.htm
12. Shi Chunlin, Xu Shaoyuan Research on vaccination work in the early days of New China // Beijing Party History. 2021. № 2. P. 41–49. <http://hprc.cssn.cn/gsyj/shs/ylwss/202206/P020220606400209120378.pdf>
13. National Immunization Program Vaccine Childhood Immunization Program and Instructions-2021 r. URL: <http://www.nhc.gov.cn/jkj/s3581/202103/590a8c7915054aa682a8d2ae8199e222/files/7559f978e6be4ec585a9a1fe0d9224f6.pdf>
14. The 14th Five-Year Plan for National Health. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2022–05/20/content_5691424.htm

Конституционный нигилизм как деформация конституционного правосознания

Рехачева Татьяна Викторовна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права, ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

E-mail: tatiana.rekhacheva@gmail.com

Настоящая статья посвящена исследованию конституционного нигилизма как деформации конституционного правосознания. Важность исследования данной темы заключается в необходимости всестороннего рассмотрения механизмов деформации конституционного правосознания и формирования нигилистических настроений в обществе. Целью данной работы является разработка теоретического фундамента конституционного нигилизма как деформации конституционного правосознания для разработки дальнейших методов преодоления и сдерживания конституционного нигилизма. Методология включает следующие методы: диалектико-материалистический, нормативный, анализ и синтез. В статье рассматриваются семь типов деформации конституционного правосознания, и отдельно выделяется конституционный нигилизм. В работе выдвинуто предположение о существовании цикла деформации конституционного правосознания и обозначены предполагаемые сроки цикла. В конце статьи отображены основные выводы, и характеристики конституционного нигилизма как деформации конституционного правосознания.

Ключевые слова: конституционный нигилизм, деформация конституционного правосознания, воздействие конституционного нигилизма на правосознание, цикл деформации конституционного правосознания.

Вопросами конституционного правосознания учёные-юристы интересуются с середины XX века. Однако несмотря на то, что конституционное правосознание представляет собой важный элемент в формировании системы государства и права в современных странах, привить его всем гражданам не предоставляется возможным из-за особенности данного типа правосознания.

В научной среде выделяется три основных уровня правосознания: обыденное, профессиональное и научно-теоретическое [1, с. 152].

Конституционное правосознание не может быть обыденным, поскольку является своеобразной надстройкой над правосознанием.

Профессиональное правосознание характеризуется способностью видеть мир в специфическом нормативно-правовом ракурсе, ориентируясь на принципы и понятия юридического права, выраженные в предписаниях нормативно-правовых актов законодательства [2, с. 24]. Необходимо констатировать наличие конституционного правосознания, как профессионального правосознания, у довольно ограниченного круга лиц, поскольку лишь некоторые нормативно-правовые акты закрепляют необходимость высшего юридического образования у представителя в суде (п. 2 ст. 49 ГПК[3], п. 3 ст. 59 АПК[4]), судьи (п. 1 ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [5]), адвоката (п. 1 ст. 9 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [6]), нотариуса (ст. 2 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» [7]). А пп. 2 и 3 ст. 12 ФЗ-79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [8] предполагают лишь наличие высшего образования у государственных служащих, «Справочник типовых квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы» [9] также предъявляет требование только к наличию высшего образования (или средне профессионального для отдельных групп должностей муниципальной службы), хотя и перечисляет рекомендуемые специальности и направления подготовки. Для депутатов ограничения по уровню образования не применяются.

Учёный-юрист И.А. Кравец считает, что чаще всего элементы, присущие конституционному правосознанию, формируются у людей, профессионально занимающимся юридической деятельностью [10, с. 192].

Исходя из анализа норм можно говорить о сформированном конституционном правосознании у адвокатов, нотариусов и судей, возможном наличии сформированного конституционного пра-

восознания у государственных служащих и муниципальных служащих и о вероятном конституционном правосознании у депутатов.

Научно-техническое правосознание представляет собой высший уровень правосознания, существующее лишь в нескольких постиндустриальных странах, в которых главным компонентом является накопление, распределение, использование знаний и наличие множества научных школ и университетов, как кластеров, объединяющих научные школы и направления. Российская Федерация только вступила в постиндустриальный мир, и пока говорить о конституционном правосознании, как о научно-теоретическом преждевременно.

Для определения деформации конституционного правосознания, необходимо сначала определить его основные элементы. На основании определений и суждений Э.Э. Барина [11, с. 14], В.В. Никитяевой [12, с. 17], И.А. Кравеца [10, с. 238], Г.А. Наквасина и В.В. Хрулева [13, с. 134], В.И. Червенюка [14, с. 166] были выделены следующие основные элементы.

Во-первых, конституционное правосознание представляет собой отдельный вид сознания, об этом свидетельствуют такие части определения как «высшая форма правового сознания», «особый вид правового сознания», «важная роль правосознания», «отраслевой вид правосознания».

Во-вторых, конституционному правосознанию присуще «совокупность правовых идей, знаний и взглядов», «познание и осознание необходимости прямого действия конституции», иначе говоря, направленность на реализацию конституционных норм.

В-третьих, конституционное правосознание основывается на активной гражданской позиции, а именно «активное участие граждан в правоприменительном процессе», «потребность граждан в реализации требований Конституции», то есть проявление психологического и эмоционально-волевого характера.

Факультативными элементами можно назвать связь с другими конституционными сферами (правом, юридической практикой и нормативной базой) и субъективную сторону конституции.

Следовательно, деформация конституционного правосознания будет направлена на вышеназванные признаки, субъектами будут вышеназванные группы.

Вопросами деформации правосознания исследователи занимаются с середины XX века, а вопросами деформации конституционного правосознания – с начала XXI века.

Среди основных типов деформации правосознания выделяют правовой инфантилизм, правовую индифферентность, правовой идеализм, правовой нигилизм и депривированное правовое сознание [15, с. 222], негативно-правовой радикализм или перерождённое правосознание, спекулятивно-правовой популизм, нравственно правовой конформизм и правовой фетишизм [16, с. 43–44], пра-

вовую демагогию и правовой дилетантизм (невежество) [17, с. 88].

М.С. Кабененко, рассматривает несколько типов деформации конституционного правосознания и выделяет конституционно-правовой идеализм, конституционно-правовой инфантилизм, индифферентность, репрессивные и криминальные деформации, конституционный фетишизм и конституционный нигилизм [18, с. 14–16].

Необходимо разграничить формы выражения деформаций конституционного правосознания, чтобы выявить конституционной нигилизм как отдельный вид деформации.

Конституционный идеализм выражается в создании идеала, несоответствующего действительности, и его даже называют «более жесткой формой, владеющей умами людей» [19, с. 155]. В качестве примера рассмотрим перестройку в России, когда большая часть населения страны считала, что скоро жить станет лучше, однако, как показала история, конституционный идеализм, как деформация правосознания, господствовать долго не может и должен замениться на другую форму выражения.

Конституционный фетишизм выражается в неприятии любых реформ и враждебном отношением к государству, меняющему законодательство и политический строй. Основной чертой данной деформации будет сохранение существующей Конституции и конституционных отношений в неизменном состоянии. Люди, попавшие под эту деформацию, возводят Конституцию в абсолют и при любом вопросе толкуют Конституцию так, как им выгодно.

Конституционный инфантилизм выражается в отсутствии желания быть информированным о принятых правовых актах, нормах, регламентирующих деятельность органов власти, системы политических прав, нацеленных на включение в жизнь страны и управление её делами.

Данные три типа деформации конституционного правосознания практически невозможны среди людей с профессиональным правосознанием, поскольку основная суть этих деформаций – слепая вера в лучшее или нежелание принимать участие и нести ответственность – подобное трудно представить у юриста, обученного мыслить юридическими категориями.

В данной работе не будет рассматриваться индифферентность, как деформация конституционного правосознания, поскольку если индивид индифферентен к праву, то конституционное правосознание у такого индивида просто не сформируется.

Репрессивные деформации выражается в форме применений наивысших мер наказания вплоть до несанкционированного насилия. Криминальные деформации выражается через потерю нравственных и культурных ориентиров в жизни, которые заменяются криминальными установками. Криминальные деформации и репрессивные деформации, чаще присущи лицам, работающим в правоохранительных органах.

Конституционный нигилизм выражается в форме неукротимого желания пересмотреть конституцию и в форме откровенного игнорирования конституционных норм и принципов.

Конституционный нигилизм как один из видов деформации правосознания уже рассматривался в отечественной науке. И.Н. Сенин [17, с. 88], С.М. Воробьев и О.В. Лещенко [15, с. 222] считают, что деформации необходимо классифицировать и выстраивать в иерархической значимости, начиная с правового инфантилизма, затем правовая индифферентность, потом правовой идеализм, и только затем правовой нигилизм. Согласно С.М. Воробьеву и О.В. Лещенко существует и пятый уровень воздействия – это депривированное правовое сознание, которое возникает после дискредитирования правосознания. То есть нигилизм не будет высшей точкой изменения правосознания, однако он является последней ступенью перед необратимым изменением правосознания.

Когда речь заходит о воздействии конституционного нигилизма на правосознание, то можно говорить о деформации правосознания и выделять три основные стадии деформации правосознания:

- 1) изменение уровня правовой установки;
- 2) изменение уровня оценки;
- 3) регуляция уровня правовой установки [20, с. 11].

Конституционный нигилизм проходит все три стадии, и каждая стадия характеризуется своими последствиями. Например, на первой стадии, субъект только знакомится с новой информацией, которая требует его дальнейшего рассмотрения. На этом уровне может возникнуть деформация, но при наличии сильного профессионального правосознания такая деформация затруднительна. На следующем, втором уровне субъект принимает решение об анализе, оценке информации и дальнейшем её принятии. Второй уровень начинается с отторжения информации и заканчивается убеждением о необходимости изменения своей правовой установки. Такое изменение возможно в следствие социальных, экономических, политических или иных причин, побудивших человека полностью отказаться от предыдущих ценностей и правовых установок. Кроме того, данная стадия закладывает возможности дальнейшего когнитивного диссонанса, который на третьей стадии кардинально изменит правосознание субъекта. Третий уровень характеризуется выбором из нормативного поля подходящих под новую правовую установку норм права, изменением привычного поведения, выбором новых кумиров и примеров для подражания.

Весь цикл деформации правосознания – процесс долгий и занимает промежуток времени от 1 года до 15 лет. Выбор начального срока цикла основан на том, что за год в сознании человека может укорениться мысль о необходимости изменения своих мировоззренческих установок. Важными точками можно считать 5-летий (средняя степень деформации правосознания, нано-

сящая вред обществу и государству, устраняемая с помощью нормативно-правовых и подзаконных актов во временной промежуток сроком до 5 лет, необходимый для изменения нигилистического правосознания) и 10-летний срок (сильная степень деформации правосознания, наносящая существенный вред обществу и государству, для устранения которого требуется принятие нормативно-правовых актов на уровне федерации и временной промежуток до 10 лет для реализации принятых актов и изменения нигилистического правосознания), 15 лет – максимальный срок деформации правосознания, у лица, обладающего профессиональным правосознанием. Данные сроки цикла можно соотнести с градацией преступлений средней тяжести, тяжких преступлений и особо тяжких преступлений.

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод, что конституционный нигилизм как деформация конституционного правосознания имеет ряд характерных черт.

Во-первых, конституционный нигилизм является одной из форм деформации конституционного правосознания и имеет ряд характерных признаков, которые позволяют отличать его от иной деформации.

Во-вторых, конституционный нигилизм как деформация правосознания опасен, поскольку ему подвержены лица, имеющие профессиональное правосознание, и лица, работающие в органах публичной власти, то есть лица, наделённые властными полномочиями.

В-третьих, конституционное правосознание имеет двойственный характер, то есть соединяет в себе политические и правовые компоненты.

В-четвёртых, во избежание негативного влияния конституционного нигилизма на конституционное правосознание людей необходимо выстроить долгосрочную систему формирования конституционного правосознания, включающую в себя юридическую поддержку незащищённых слоёв населения, разъяснение правовых норм и комплексное повышение уровня правовой грамотности граждан.

Литература

1. Исаева Н.В. К проблеме конституционализации правового сознания правоприменителя. Lexx Russia. 2018. № 11 (144). – С. 151–161.
2. Чикалов О.В. Профессиональное правосознание: понятие, уровни, структурные элементы. Вестник Московского университета МВД России. 2000 (1). – С. 23–26
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. Официальный портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 28.12.2024).
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. Официальный портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 28.12.2024).

5. О статусе судей в Российской Федерации: закон РЗ от 26.06.1992 № 3132–1. Официальный портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023). (дата обращения 20.02.2025)
6. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ. Официальный портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 22.04.2024).
7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Российская газета, № 49 (дата обращения 28.12.2024).
8. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.02.2004 № 79–ФЗ. Официальный портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 08.08.2024).
9. Справочник типовых квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы. URL: <https://rosmintrud.ru>. (дата обращения 20.02.2025)
10. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М.; Новосибирск: ЮКЕА, 2002. – 400 с.
11. Баринов Э.Э. Конституционное правосознание в российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00. Ростов н/Д, 2001. – 143 с.
12. Никитяева В.В. Конституционное правосознание: Вопросы теории и практики: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02 Воронеж, 2002. – 207 с.
13. Наквасина Г.А., Хрулева В.В. Конституционное правосознание и правовая культура в механизме правового регулирования. Вестник Воронежского института МВД России, 2014. № 3. – С. 133–138.
14. Червенюк В.И. Конституция и конституционное правосознание / В.И. Червенюк. Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. – С. 166–169.
15. Воробьев С.М., Лещенко О.В. Деформация правосознания личности в условиях дискредитации власти в Российской Федерации. Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. – С. 217–225.
16. Стругова Е.В. О правосознании и его деформации. Юридическая наука. 2016. № 1. – С.41–48.
17. Сенин, И.Н. Деформации правосознания и пути их преодоления. Эпоха науки. Социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. –С. 87–91.
18. Кабаненко, М.С. Деформация конституционного правосознания. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 1 (34). – С. 14–19.
19. Frankowski S. Legal Reform in Post-Communist Europe: The View from Within. Hague: Martinus Nijhoff Publ., 1995. – 483 с.
20. Марченко Д.Э. Деаксиологическое правовое сознание и его формы: диссертация ... кан-

дидата юридических наук: 12.00.01. Саратов, 2001. –184 с.

CONSTITUTIONAL NIHILISM AS A DEFORMATION OF CONSTITUTIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS

Rekhacheva T.V.

Dostoevsky Omsk State University

This article is devoted to the study of constitutional nihilism as a deformation of constitutional legal consciousness. The importance of studying this topic lies in the need for a comprehensive consideration of the mechanisms of deformation of constitutional legal consciousness and the formation of nihilistic sentiments in society. The purpose of this work is to develop a theoretical foundation for constitutional nihilism as a deformation of constitutional legal consciousness for the development of further methods for overcoming and restraining constitutional nihilism. The methodology includes the following methods: dialectical-materialistic, normative, analysis and synthesis. The article considers seven types of deformation of constitutional legal consciousness, and constitutional nihilism is separately identified. The work puts forward an assumption about the existence of a cycle of deformation of constitutional legal consciousness and indicates the expected timing of the cycle. At the end of the article, the main conclusions and characteristics of constitutional nihilism as a deformation of constitutional legal consciousness are displayed.

Keywords: constitutional nihilism, deformation of constitutional legal consciousness, the impact of constitutional nihilism on legal consciousness, the cycle of deformation of constitutional legal consciousness.

References

1. Isaeva N.V. On the problem of constitutionalization of legal consciousness of law enforcement officers. Lexx Russia. 2018. No. 11 (144). – P. 151–161.
2. Chikalov O.V. Professional legal consciousness: concept, levels, structural elements. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2000 (1). – P. 23–26
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 11/14/2002 No. 138-FZ. Official portal of legal information <http://pravo.gov.ru> (date of access 12/28/2024).
4. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 07/24/2002 No. 95 FZ. Official portal of legal information <http://pravo.gov.ru> (date of access 28.12.2024).
5. On the status of judges in the Russian Federation: Law RZ of 26.06.1992 No. 3132–1. Official portal of legal information <http://pravo.gov.ru> (as amended on 10.07.2023, as amended on 27.11.2023). (date of access 20.02.2025)
6. On advocacy and the bar in the Russian Federation: Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ. Official portal of legal information <http://pravo.gov.ru> (date of access 22.04.2024).
7. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries. Rossiyskaya Gazeta, No. 49 (date of access 28.12.2024).
8. On the state civil service of the Russian Federation: Federal Law of 27.02.2004 No. 79-FZ. Official portal of legal information <http://pravo.gov.ru> (date of access 08.08.2024).
9. Handbook of standard qualification requirements for filling municipal service positions. URL: <https://rosmintrud.ru>. (date of access 20.02.2025)
10. Kravets I.A. Formation of Russian constitutionalism (problems of theory and practice). Moscow; Novosibirsk: UKEA, 2002. – 400 p.
11. Barinov E.E. Constitutional legal consciousness in the Russian Federation: dis. ... Cand. of Law: 12.00. Rostov n / D, 2001. – 143 p.
12. Nikityaeva V.V. Constitutional legal consciousness: Theory and practice: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.02 Voronezh, 2002. – 207 p.
13. Nakvasina G.A., Khruleva V.V. Constitutional legal consciousness and legal culture in the mechanism of legal regulation. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. No. 3. – P. 133–138.
14. Chervenyuk V.I. Constitution and constitutional legal consciousness / V.I. Chervenyuk. Bulletin of the Moscow University of the

- Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 10. – P. 166–169.
15. Vorobyov S.M., Leshchenko O.V. Deformation of the individual's legal consciousness in the context of discrediting the authorities in the Russian Federation. Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 442. – P. 217–225.
16. Strugova E.V. On legal consciousness and its deformation. Legal science. 2016. No. 1. – P. 41–48.
17. Senin, I.N. Deformations of legal consciousness and ways to overcome them. The era of science. Socio-economic and social sciences. 2017. No. 12. – P. 87–91.
18. Kabanenko, M.S. Deformation of constitutional legal consciousness. Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2013. No. 1 (34). – P. 14–19.
19. Frankowski S. Legal Reform in Post-Communist Europe: The View from Within. Hague: Martinus Nijhoff Publ., 1995. – 483 p.
20. Marchenko D.E. Deaxiological legal consciousness and its forms: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.01. Saratov, 2001. –184 p.

Формирование актуальной базы судебных актов как основа для использования технологий искусственного интеллекта в судебной системе: предложения для законодательного регулирования

Рыков Анатолий Николаевич,
к.ю.н., независимый исследователь

В статье проведён краткий обзор практики применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в судебной системе на примере США, Великобритании, Китая и России. Особое внимание уделено вопросам прозрачности судебной деятельности, обеспечению доступа к судебным актам и влиянию цифровизации на эффективность правосудия. На основе сравнительно-правового анализа предлагаются конкретные меры совершенствования российского законодательства в части обязательной публикации судебных актов и использования ИИ в судебном процессе. Перспективы внедрения современных технологий для повышения качества судебного разбирательства подтверждаются эмпирическими данными и международным опытом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровое правосудие, судебная система, сравнительно-правовой анализ, публикация судебных актов.

Введение

Современные технологии, в частности искусственный интеллект, все активнее проникают в систему правосудия, способствуя модернизации судебного процесса. При этом указанные изменения несут как позитивные изменения, так и соответствующие риски. Одним из ключевых аспектов рисков, связанных с использованием ИИ в судебной системе, является репрезентативность базы данных судебных актов.

Очевидно, что неполнота базы судебных актов может привести к некорректным выводам и неправильным решениям.

В связи с этим в условиях глобальной цифровизации и повышения требований к прозрачности судебной деятельности особую актуальность приобретает обеспечение обязательной публикации судебных актов, как основы формирования базы данных для применения инструментов ИИ. Открытость и доступность к использованию в указанных целях судебных решений и доступность для проверки используемых инструментов ИИ является непременным условием доверия граждан к судебной системе в новых условиях.

Цель настоящего исследования – обозначить отдельные проблемные аспекты использования ИИ в судебных системах ряда стран, выявить положительные и негативные стороны. А также сделать попытку предложить меры по совершенствованию российского законодательства с учётом современных технологических возможностей, с пониманием, что предстоит сложный многогранный процесс обсуждения к подходам законодательного регулирования складывающихся правоотношений.

Международный опыт использования ИИ в судебной системе

США

В США активно применяются системы, основанные на алгоритмической оценке риска, такие как COMPAS, используемые при определении меры пресечения и назначения мер ответственности. Однако исследования показывают, что она может быть неточной и предвзято относится к определенным группам населения.

Используется в США также и система PSA (Public Safety Assessment), которая помогает судьям принимать решения, основываясь на статистическом анализе девяти факторов, что способствует объективизации судебных решений.

При этом использование инструментов ИИ сопряжено с рядом широко обсуждаемых инцидентов. Так, большую огласку получил случай, когда в 2023 году федеральный судья в Манхэттене оштрафовал двух нью-йоркских адвокатов на \$5000 каждого за то, что они ссылались на выдуманные ИИ дела о причинении вреда здоровью в иске против авиакомпании [3].

В феврале 2024 года Федеральная торговая комиссия США потребовала от стартапа DoNotPay выплатить \$193 тыс. за претензии к его «ИИ-юристу». Компания продвигала свой сервис как «первого в мире робота-юриста». Регулятор подчеркнул, что стартап должен прекратить делать ложные заявления о возможности своего чат-бота на основе искусственного интеллекта [12].

Основатель стартапа в сфере ИИ Джером Деволд попытался представить свою позицию в апелляционном суде штата Нью-Йорк с помощью созданного ИИ аватара. Деволд, выступая в суде без адвоката, включил видео с речью виртуального спикера, сгенерированного ИИ, не предупредив об этом суд заранее. Реакция судейской коллегии была мгновенной: «Вы не будете использовать этот зал суда как платформу для запуска своего бизнеса», — заявила судья [13].

В январе 2024 года Главный судья Джон Робертс выступил с ежегодным — отчётом, в котором высказал мнение об использовании искусственного интеллекта в судопроизводстве. «Это всегда плохая идея», — написал Робертс в своем годовом отчете, отметив, что «любое использование ИИ требует осторожности и скромности». Однако, эти инструменты обладают желанным потенциалом для сглаживания любого несоответствия между имеющимися ресурсами и насущными потребностями в нашей судебной системе», — написал Робертс [14].

Великобритания

В Великобритании информационные системы, такие как Digital Case System (DCS), обеспечивают цифровизацию судебных процессов, позволяя вести дела в режиме онлайн, сокращая время рассмотрения и повышая эффективность работы судов. Британские эксперты подчёркивают необходимость сохранения человеческого фактора в принятии окончательных решений, что обеспечивает защиту прав участников процесса. В 2023 году суды Англии и Уэльса получили руководство по применению ИИ, позволяющее судьям использовать его для оптимизации процессов, но с ограничениями: ИИ не может заменять судей в юридическом анализе и принятии решений.

«Судьям не нужно избегать осторожного использования ИИ», — сказал Master of the Rolls Джеффри Вос, второй по рангу судья в Англии и Уэльсе. «Но они должны гарантировать, что защищают доверие и несут полную личную ответственность за все, что они производят» [11].

Китай

Китай является одним из лидеров по внедрению технологий ИИ в судебную систему. С 2007 года

в Китае проводятся видеоконференции и онлайн-трансляции судебных заседаний, а инициатива «умных судов» позволяет автоматизировать ряд процессов: от формирования судебных актов до анализа доказательств с использованием методов машинного обучения. Китайские суды активно используют платформы, такие как China Judgments Online, что обеспечивает прозрачный доступ к судебным решениям и способствует снижению коррупционных рисков. Общественность активно обсуждает примеры прорывных технологий в судебной системе Китая. Так, в Китае через приложение WeChat заработал цифровой суд, разобравший свыше 3 миллионов дел за год. СМИ получили доступ к платформе. Демонстрировалась процедура в Ханчжоуском суде: стороны спора общаются в видеочате, а их разногласия разрешает виртуальный судья на базе AI [18].

Прогрессивным является решение о том, что судьи обязаны использовать ИИ для консультаций при принятии решений. ИИ помогает анализировать дела, рекомендовать законы и исправлять ошибки в приговорах. Если судья отклоняет рекомендации ИИ, он должен предоставить письменное объяснение [25].

Возможно, это самое прорывное решение для судебной системы и имеющийся в Китае опыт имеет наибольшую ценность.

Колумбия

В 2022 году Колумбия одобрила закон, обязывающий государственных юристов по возможности использовать технологии для повышения эффективности своей работы. В СМИ активно освещался случай, когда судья Хуан Мануэль Падилья вызвал большую дискуссию, признав, что использовал инструмент искусственного интеллекта ChatGPT при решении вопроса о том, должна ли страховка ребенка-аутиста покрывать все расходы на его лечение. И использовал свой диалог с GPTCHAT при обоснования своего решения. Октавио Техейро, судья Верховного суда Колумбии, заявил, что ИИ вызвал моральную панику в юридической сфере, поскольку люди опасаются, что роботы заменят судей, но он предсказал, что этот инструмент, вероятно, вскоре станет общепринятым и обычным явлением [19].

Нидерланды

Окружной суд Роттердама протестировал искусственный интеллект в качестве инструмента для составления мотивировочной части приговоров по уголовным делам. Судьи и секретари использовали ИИ для создания первичного черновика, объясняющего обоснование вынесенного решения. ИИ не принимал участие в самом вынесении приговора, и все стороны были уведомлены об экспериментальном использовании технологии. Несмотря на эффективность инструментов ИИ, эксперимент не снял опасения по поводу рисков использования систем ИИ в судебных разбирательствах. Суд предложил рассмотреть возможность разработки защищённой внутренней системы ИИ, обученной

на публичных судебных решениях, чтобы повысить точность работы [24].

Россия

Российская судебная система делает первые шаги по интеграции ИИ-технологий. Национальная платформа ГАС «Правосудие» уже включает элементы электронного документооборота и автоматизированной регистрации судебных актов. В апреле 2025 года на заседании Президиума Совета судей создана Рабочая группа органа судейского сообщества, которая сформулирует варианты и подходы к использованию искусственного интеллекта при рассмотрении дел. После этого проект выдвинут на обсуждение.

Виктор Момотов, председатель Совета судей РФ, высказывает мнение, что искусственный интеллект не сможет полностью заменить судью. Он считает, что ИИ может быть полезен в технических аспектах, таких как приказное производство, но не способен проникнуть в глубину человеческой психики и постигнуть дух закона. Момотов подчеркивает, что ИИ не является нейтральным и его решения могут быть непредсказуемыми. Он поддерживает использование ИИ как вспомогательного инструмента для повышения эффективности правосудия, но не как полную замену человеческого судьи [5].

Изложенное убедительно демонстрирует вектор развития судебной системы. Во всех источниках отмечается, что дополнительное использование ИИ для формирования проектов судебных решений рассматривается как перспективное направление, способное снизить нагрузку на судей и повысить объективность вынесения решений.

Однако это возможно только при создании понятных и объективных условий его применения. И этот вызов законодатель не может игнорировать. В Опубликованном отчёте AI Index Report за 2025 год от Stanford HAI констатируется, что во всем мире увеличивается количество упоминаний ИИ в законодательной повестке. В 2024 году в 75 ключевых странах упоминания ИИ в парламентских и законодательных обсуждениях выросли на 21,3%, увеличившись с 1557 в 2023 году до 1889. С 2016 года общее количество таких упоминаний выросло более чем в девять раз.

Расширяется сеть международных институтов безопасности в сфере ИИ. Первые из них появились в ноябре 2023 года в США и Великобритании. Аналогичные или схожие организации в 2024 году были созданы в Японии, Франции, Германии, Италии, Сингапуре, Южной Корее, Австралии, Канаде и на уровне Европейского союза. Количество федеральных нормативных актов США, связанных с ИИ, стремительно растёт. В 2024 году было принято 59 нормативных актов по вопросам ИИ—более чем вдвое больше по сравнению с 25 в 2023 году. Эти акты исходили от 42 различных федеральных агентств, что также вдвое больше по сравнению с 21 агентством в предыдущем году [17].

В первой части данной работы автор преследовал цель показать вариативность использования инструментов ИИ в судебной практике.

Во второй части работы мы ставим перед собой задачу сделать акцент лишь на одном, но ключевом аспекте использования ИИ в судебной сфере: формировании общедоступной репрезентативной базы данных судебных актов и предоставления обществу доступа к ней для анализа.

Необходимость обозначения данного аспекта, вызвана тем, что несмотря на законодательное закрепление требования публикации судебных актов как в Российской Федерации, так и за рубежом, она остаётся преимущественно декларативной, так как не сопровождается эффективными санкционными механизмами. Подобный подход создаёт ряд проблем для использования возможностей инструментов анализа, в том числе, с использованием ИИ. Ключевыми из них является:

- проблема возможной монополизации использования полной базы данных судебных актов, что будет приводить к отсутствию доступа к ней неограниченного круга лиц;
- проблема создания открытых возможностей для проверки потенциальных результатов анализа базы данных судебных актов.

Без открытого и общедоступного пользования указанными возможностями добиться доверия со стороны общества к результатам использования ИИ в судебном разбирательствах будет невозможно. В связи с этим, необходимо обозначить подходы к правому регулированию указанных отношений.

Краткий сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию публикации судебных актов

Россия

Правовое регулирование публикации судебных актов основывается на положениях статьи 126 Конституции Российской Федерации, норм Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» и Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Детализация регламентации приведена в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 27.09.2017 г. «Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В указанном документе декларируется, что ответственность за передачу на публикацию судебных актов и соблюдение требований законодательства возложена на работников аппарата судов.

Таким образом, де-юре, презюмируется, что граждане РФ имеют право свободного доступа

к указанной информации, за исключением установленных законом ограничений. Установлен также способ публикации судебных актов – размещение на официальных сайтах в сети Интернет, ответственные и сроки размещения. Де-факто, никаких правовых последствий, в случае невыполнения указанных норм не наступает.

США

В США нет федерального закона, гарантирующего обязательную публикацию всех судебных решений на официальных сайтах. Однако многие суды добровольно размещают свои решения на своих интернет – сайтах, что делает их доступными для общественности. Решения публикуются в сборниках судебных решений, таких как федеральные и региональные, что обеспечивает доступ к ним для юристов и общественности. Таким образом, правового механизма, гарантирующего публикацию судебных актов, тоже нет.

Великобритания

В Великобритании недавно была создана единая база данных судебных решений Англии и Уэльса, которая обеспечивает доступ к судебным актам в удобном для компьютерной обработки формате. Это соответствует концепции «открытого правосудия» и позволяет свободно использовать судебные документы, за исключением случаев, когда их содержание не подлежит разглашению.

Что касается санкций за не опубликование судебных актов, прямых санкций за это не указано в законодательстве.

Китай

В Китае законодательный механизм для публикации судебных актов основан на Положении Верховного народного суда об обнародовании в сети «Интернет» решений народных судов. Согласно этому положению, все выносимые китайскими судами приговоры (за исключением некоторых категорий дел, таких как дела о несовершеннолетних или государственной тайне) публикуются в интернете. Это положение обеспечивает прозрачность и доступность судебных решений для общественности. Публикация осуществляется на единой онлайн-платформе, где скрывается конфиденциальная информация о физических и юридических лицах.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что формирование общедоступной и актуальной базы судебных актов осуществляется без законодательных механизмов, гарантирующих ее актуальность. В этой связи следует отметить и ключевое различие в указанных механизмах для разных ветвей власти. Если для актов законодательной и исполнительной власти требуется публикация актов, затрагивающих права граждан, для их вступления в силу, то судебные акты действуют с момента принятия, но публикуются для информирования. Единый подход к публикации актов всех ветвей власти, включая «совокупность судебных решений» в формате централизованной базы дан-

ных, критически важен для обеспечения системного анализа правоприменения, выявления правовых тенденций и предотвращения противоречий. Доступ не только к индивидуальным актам, но и к их массиву устраняет информационную асимметрию, позволяя гражданам, юристам и государству оценивать единообразие судебной практики, что соответствует принципам правовой определенности. Без этого невозможны цифровизация права, использование больших данных и ИИ-инструментов, повышающих прозрачность и предсказуемость правовой системы. В связи с этим полагаем, что для правовой системы Российской Федерации целесообразно разработать законодательный механизм, обязывающий обязательную публикацию судебных актов с четкой регламентацией ответственности за нарушение данного порядка. Такой шаг не только позволит создать актуальную и репрезентативную базу данных для анализа с использованием инструментов искусственного интеллекта, но и повысит открытость и доступность судебной информации для граждан.

Предложения по совершенствованию законодательства России

Предлагаются для обсуждения следующие меры законодательного регулирования:

1. Установить обязательность публикации судебных актов. Ввести норму, согласно которой судебный акт вступает в силу исключительно после его официального опубликования, что исключит вероятность обработки базы данных в отсутствии значимых прецедентов.

2. Введение санкций за не опубликование судебного акта. Разработать механизм административной ответственности для должностных лиц и органов за несвоевременное или полное отсутствие публикации судебного акта.

3. Значимость предлагаемых изменений и научный анализ. Применение ИИ в судебной системе имеет потенциал для:

- сокращения сроков рассмотрения дел за счёт автоматизации рутинных процедур;
- повышения объективности судебных решений посредством анализа больших массивов данных и выявления закономерностей;
- снижения субъективного влияния на судебный процесс, что особенно актуально в условиях коррупционных рисков.

Научные исследования подтверждают, что автоматизированный анализ документов и использование ИИ способны существенно повысить эффективность работы судов. Однако важно обеспечить прозрачность условий для их использования. И актуальная общедоступная база судебных актов, гарантированные законом – первое и необходимое условие для возможности применения инструментов анализа.

Применение новых технологий должно сопровождаться строгим контролем и нормативным регу-

лированием для избежания ошибок и алгоритмической предвзятости.

Заключение

Цифровизация судебной системы и внедрение технологий ИИ открывают новые возможности для повышения эффективности и прозрачности правосудия. Введение предложенных мер в российское законодательство позволит не только улучшить качество судебных решений, но и усилить доверие граждан к правосудию в условиях цифровой трансформации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». – Москва: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.03.2025).
3. Вайзер Бенджамин, Вот что происходит, когда ваш адвокат использует ChatGP T. Джордан Роуз, основатель и президент Rose Law Group, даёт рекомендации, Нью-Йорк Таймс, – URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/27/nyregion/avianca-airline-lawsuit-chatgpt.html?smid=tw-nytimes&smtyp=cur>.
4. Галкина Н.М., Кузнецова Д.В., Воробьев М.А., Зарубежный опыт применения ИИ в судебной системе: обзор научных исследований. – CyberLeninka, 2024, – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnoy-sisteme>.
5. Губанов Артем, Момотов рассказал, откуда в российские суды придет искусственный разум, 2021, Legal. Report., – URL: https://legal.report/momotov-rasskazal-otkuda-v-rossijskie-sudy-pridet-iskusstvennyj-razum/?utm_source=perplexity.
6. Драгилев Е.В., Драгилева Л.Л., Дровалева Л.С., Паламарчук С.С. Информатизация судебной системы Китая. Юридическая наука № 8 2022, – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-sudebnoy-sistemy-kitaya?utm_source=perplexity.
7. Джулия Энгвин, Джефф Ларсон, Сурья Матту и Лорен Кирхнер, Смещение машины, ProPublica, 2016, – URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (дата обращения: 01.01.2023).
8. Жарова А., Елин В., Панфилов П. Внедрение Искусственного интеллекта в правоприменительную практику: на примере России, The Case of Russia. – ResearchGate, 2024, – URL: https://www.researchgate.net/publication/368072041-Introducing_Artificial_Intelligence_into_Law_Enforcement_Practice_The_Case_of_Russia.
9. Лаптев В.А., Д. Фейзрахмановна, Применение искусственного интеллекта в правосудии: текущие тенденции и перспективы на будущее, 2024 – Springer, 2024, том 4, с. 394–405, –URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s44230-024-00074-2>.
10. Ллевеллин Джон, Вводящая в заблуждение предвзятость ProPublica по отношению к машинам, 2020,. – URL: <https://www.investigativeeconomics.org/p/propublicas-misleading-machine-bias>.
11. Мелли Брайан, Судьям в Англии и Уэльсе с осторожностью разрешили использовать ИИ при составлении юридических заключений, 2025, Associated Press news, – URL: <https://apnews.com/article/artificial-intelligence-ai-guidance-england-wales-judges-c2ab374237a563d3e4b556876955f7>.
12. Руслан@Travis_Macrif, DoNotPay должна выплатить \$193 тысяч за претензии к «ИИ юристу», Информационная служба Хабра, – URL: https://habr.com/ru/news/881616/?utm_source=perplexity.
13. Сахара Дарт, Стартапер «отправил» на заседание в суд Нью-Йорка своего ИИ-аватара. Судья оказалась против, 2025, – URL: <https://www.ixbt.com/news/2025/04/11/sudja-njujorka-presekla-popytku-vystuplenija-aiavatara-v-apelljacionnom-sude.html>.
14. Шерман Марк, Председатель Верховного суда Робертс с осторожностью относится к использованию искусственного интеллекта в федеральных судах, 2024 Associated Press news, –URL: <https://apnews.com/article/supreme-court-john-roberts-artificial-intelligence-3445b0df1ccf15e1e7ac13476fc935d7>.
15. Энгвин, Джулия, Ларсон Джефф, По словам исследователей, систематическая ошибка в оценке криминального риска математически неизбежна, ProPublica, 2016, – URL: <https://www.propublica.org/article/bias-in-criminal-risk-scores-is-mathematically-inevitable-researchers-say>.
16. Английские судьи впервые получили руководство по искусственному интеллекту, Сэм Тобин, 12.12.2023, –URL: <https://www.reuters.com/legal/transactional/english-judges-get-first-ever-guidance-artificial>.
17. Влияние искусственного интеллекта на общество никогда не было более выраженным, Stanford HAI, –URL: <https://hai.stanford.edu/ai-index/2025-ai-index-report>.
18. В Китае стартовали суды с виртуальными судьями, Platforma Media, 2025, – URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/v-kitae-startovali-sudy-s-virtualnymi-sudyami/>.
19. Колумбийский судья говорит, что он использовал ChatGPT при вынесении решения, The

- Guardian, 2023, – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/feb/03/colombia-judge-chatgpt-ruling>.
20. Лаборатория доступа к правосудию. Проверка результатов оценки общественной безопасности в округе Харрис, Техас, – URL: <https://a2jlab.org/wp-content/uploads/2020/11/Validation-of-the-PSA-in-Harris-County-TX.pdf>.
 21. Новости права. 04.04.2025 // Совет судей разрабатывает концепцию применения ИИ в судах, – URL: <https://pravo.ru/news/258108/>.
 22. Основы цифровизации судебной системы в России: ГАС «Правосудие» и перспективы развития, 2021, – URL: <https://ej.sudrf.ru>.
 23. Подходы и методы регулирования применения ИИ в Российской Федерации: сравнительный анализ. – Elibrary, 2021, – URL: https://rdc.grfc.ru/2021/11/regulation_artificial_intelligence/.
 24. Окружной суд Роттердама тестирует искусственный интеллект в качестве вспомогательного средства для написания уголовного приговора De Rechtspraak, 2025, – URL: <https://www.rechtspraak.nl/Organisatie-en-contact/Organisatie/Rechtbanken/Rechtbank-Rotterdam/Nieuws/Paginas/Rechtbank-Rotterdam-doet-proef-met-Artificial-Intelligence-als-schrijfhulp-in-een-strafvonnis.aspx>.
 25. Судей в Китае обязали использовать искусственный интеллект, ПАСО, 2022, – URL: <https://paso.ru/press-czentr/novosti-i-sobyitiya/sudej-v-kitae-obyazali-ispolzovat-iskusstvennyj-intellekt.html>.
 26. Freedom of Information Act (FOIA). – США, www.foia.gov (дата обращения: 05.03.2023).
 27. Data Protection Act 2018. – Великобритания, www.legislation.gov.uk (дата обращения: 05.03.2023).

FORMATION OF AN UP-TO-DATE DATABASE OF JUDICIAL ACTS AS A BASIS FOR USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE JUDICIAL SYSTEM: PROPOSALS FOR LEGISLATIVE REGULATION

Rykov A.N.

The article provides a brief overview of the practice of using artificial intelligence (AI) technologies in the judicial system using the example of the USA, Great Britain, China and Russia. Particular attention is paid to the issues of transparency of judicial activity, ensuring access to judicial acts and the impact of digitalization on the effectiveness of justice. Based on a comparative legal analysis, specific measures are proposed to improve Russian legislation in terms of mandatory publication of judicial acts and the use of AI in judicial proceedings. The prospects for the introduction of modern technologies to improve the quality of judicial proceedings are confirmed by empirical data and international experience.

Keywords: artificial intelligence, digital justice, judicial system, comparative legal analysis, publication of judicial acts.

References

1. Constitution of the Russian Federation: [adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020] // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (accessed: 03/05/2025).
2. Federal Law of December 22, 2008 No. 262-FZ “On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Rus-

- sian Federation”. – Moscow: www.pravo.gov.ru (accessed: 03/05/2025).
3. Weiser Benjamin, Here’s What Happens When Your Lawyer Uses ChatGP T. Jordan Rose, founder and president of Rose Law Group, gives recommendations, New York Times, – URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/27/nyregion/avianca-airline-lawsuit-chatgpt.html?smid=tw-nytimes&smtyp=cur>.
4. Galkina N.M., Kuznetsova D.V., Vorobyov M.A., Foreign experience of using AI in the judicial system: a review of scientific research. – CyberLeninka, 2024, – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnoy-sisteme>.
5. Gubanov Artem, Momotov told where artificial intelligence will come to Russian courts from, 2021, Legal. Report., – URL: https://legal.report/momotov-rasskazal-otkuda-v-rossijskie-sudy-pridet-iskusstvennyj-razum/?utm_source=perplexity.
6. Dragilev E.V., Dragileva L.L., Drovaleva L.S., Palamarchuk S.S. Informatization of the judicial system of China. Legal science No. 82022, – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-sudebnoy-sistemy-kitaya?utm_source=perplexity.
7. Julia Angwin, Jeff Larson, Surya Mattoo, and Lauren Kirchner, Machine Bias, ProPublica, 2016, – URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (accessed: 01.01.2023).
8. Zharova A., Elin V., Panfilov P. Implementation of Artificial Intelligence in Law Enforcement Practice: The Case of Russia, The Case of Russia. – ResearchGate, 2024, – URL: https://www.researchgate.net/publication/368072041_Introducing_Artificial_Intelligence_into_Law_Enforcement_Practice_The_Case_of_Russia.
9. Laptev V.A., D. Feizrahmanovna, Application of Artificial Intelligence in Justice: Current Trends and Future Prospects, 2024 – Springer, 2024, Vol. 4, pp. 394–405, – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s44230-024-00074-2>.
10. Llewellyn John, ProPublica’s Misleading Bias towards Machines, 2020, – URL: <https://www.investigativeeconomics.org/p/publicas-misleading-machine-bias>.
11. Melly Bryan, Judges in England and Wales cautiously allowed to use AI in legal opinions, 2025, Associated Press news, – URL: <https://apnews.com/article/artificial-intelligence-ai-guidance-england-wales-judges-c2ab374237a563d3e4bbb56876955f7>.
12. Ruslan@Travis_Macri, DoNotPay must pay \$193 thousand for claims against “AI lawyer”, Habr Information Service, – URL: https://habr.com/ru/news/881616/?utm_source=perplexity.
13. Sahara Dart, Startup “sent” his AI avatar to a hearing in New York court. The judge was against it, 2025, – URL: <https://www.ixbt.com/news/2025/04/11/sudja-njujorka-presekla-popytku-vystuplenija-aiavatara-v-apelljacionnom-sude.html>.
14. Sherman Mark, Chief Justice Roberts wary of using artificial intelligence in federal courts, 2024 Associated Press news, – URL: <https://apnews.com/article/supreme-court-john-roberts-artificial-intelligence-3445b0df1ccf15e1e7ac13476fc935d7>.
15. Engwin, Julia, Larson, Jeff, Bias in Criminal Risk Scores Is Mathematically Inevitable, Researchers Say, ProPublica, 2016, – URL: <https://www.propublica.org/article/bias-in-criminal-risk-scores-is-mathematically-inevitable-researchers-say>.
16. English Judges Get First Ever Guidance on Artificial Intelligence, Sam Tobin, 12/12/2023, – URL: <https://www.reuters.com/legal/transactional/english-judges-get-first-ever-guidance-artificial>.
17. The Impact of Artificial Intelligence on Society Has Never Been More Pronounced, Stanford HAI, – URL: <https://hai.stanford.edu/ai-index/2025-ai-index-report>.
18. China Launches Courts with Virtual Judges, Platforma Media, 2025, – URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/v-kitae-startovali-sudy-s-virtualnymi-sudyami/>.
19. Colombian Judge Says He Used ChatGPT to Ruling, The Guardian, 2023, – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/feb/03/colombia-judge-chatgpt-ruling>.
20. Access to Justice Lab. Validation of the Public Safety Assessment in Harris County, Texas, – URL: <https://a2jlab.org/wp-content/uploads/2020/11/Validation-of-the-PSA-in-Harris-County-TX.pdf>.
21. Legal News. 04.04.2025 // The Council of Judges will develop a concept for the use of AI in courts, – URL: <https://pravo.ru/news/258108/>.

22. Fundamentals of digitalization of the judicial system in Russia: GAS “Justice” and development prospects, 2021, – URL: <https://ej.sudrf.ru>.
23. Approaches and methods for regulating the use of AI in the Russian Federation: comparative analysis. – Elibrary, 2021, – URL: https://rdc.grfc.ru/2021/11/regulation_artificial_intelligence/
24. The District Court of Rotterdam is testing artificial intelligence as an aid in writing criminal sentences De Rechtspraak, 2025, – URL: https://www.rechtspraak.nl/Organisatie-en_contact/Organisatie/Rechtbanken/Rechtbank-Rotterdam/Nieuws/Paginas/Rechtbank-Rotterdam-doet-proef-met-Artificial-Intelligence-als-schrijfhulp-in-een-strafvonnis.aspx.
25. Judges in China are required to use artificial intelligence, PASO, 2022, – URL: <https://paso.ru/press-czentr/novosti-i-sobyitiya/sudej-v-kitae-obyazali-ispolzovat-iskusstvennyj-intellekt.html>.
26. Freedom of Information Act (FOIA). – USA, www.foia.gov (date of access: 05.03.2023).
27. Data Protection Act 2018. – UK, www.legislation.gov.uk (date of access: 05.03.2023).

О реализации проекта платежной системы БРИКС: проблемы правового регулирования

Сорокина Елена Владимировна,

к.п.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
доцент Северо-Западного филиала, ФГБОУВО «РГУП
имени В.М. Лебедева»
E-mail: halens@mail.ru

В данной статье проанализированы правовые основы проекта платежной системы BRICS Pay. Определены правовые (и финансово-правовые, в частности) проблемы и противоречия, возникающие при ее создании и внедрении. Произведенный анализ и его результаты позволили авторам разработать предложения по совершенствованию экономической основы и правовой базы для реализации этого проекта платежной системы. Определен объект исследования: это общественные отношения, возникающие в сфере экономического и правового регулирования при реализации проекта платежной системы. Предметом исследования являются финансовые правоотношения между странами-участницами БРИКС, особенности правового регулирования, сопровождающие реализацию проекта платежной системы, постановка ключевых проблем, связанные с его правовым регулированием.

В результате анализа считаем возможным постановку таких проблем: принадлежность стран БРИКС к различным правовым системам, основанным на различных исторических и культурных контекстах. Как следствие – собственные регуляторные рамки и подходы к функционированию платежных систем, где актуализируются разные уровни обеспечения безопасности данных и защиты информации. Отмечены сложности интеграции этого проекта с другими проектами, в том числе новой расчетной платформой BRICS Bridge, основанной на цифровых финансовых активах. Своевременным представляется вопрос о разработке единой валюты объединения. Очевидно, что поставленные проблемы имеют серьезный характер, а в случае отсутствия интеграции ставит под сомнение возможность реализации проекта платежной системы BRICS Pay в рамках реформы финансовой архитектуры.

Автор, рассмотрев различные точки зрения, изучив финансовое законодательство стран, входящих в объединение, предлагает возможные способы урегулирования выявленной проблематики.

Ключевые слова: проект платежной системы БРИКС, финансовое сотрудничество, финансовая модель, финансово-правовой суверенитет, правовая основа финансового сотрудничества.

Международные финансовые правоотношения стран БРИКС активно развиваются. Наиболее значительные изменения наблюдаются в сфере платежно-расчетных отношений, – это один из ключевых факторов, способствующих росту экономики стран БРИКС. Стремясь укрепить свои позиции на мировой арене и снизить зависимость от традиционных международных платежных систем, а также санкционного давления, страны-участницы инициировали создание собственной платежной системы BRICS Pay.

Процесс разработки и внедрения данного проекта сопряжен с множеством юридических вопросов, касающихся соблюдения международных стандартов финансового права, синхронизации законодательства стран-участниц и других вызовов. На современном этапе финансовое сотрудничество БРИКС активно изучается преимущественно специалистами в области экономики, тогда как правовое взаимодействие в рамках объединения ещё не получило должного развития и находится в стадии обсуждения и формирования. Отсутствие собственных независимых инструментов для проведения финансовых операций стимулирует научные и правотворческие устремления к решению возникающих правовых проблем в рамках объединения. Именно поэтому рассмотрение проблем, объективно возникающих в финансово-правовых отношениях между странами БРИКС, особенно в плане правового регулирования единой платежной системы, представляется требующим конкретизации и анализа.

Финансовое сотрудничество стран БРИКС, как известно, занимает центральное место среди приоритетных направлений взаимодействия этих государств. На данный момент группа активно готовит глобальную реформу мировой финансовой системы, особое внимание уделяя проработке новых расчетно-платежных механизмов [14]. Об этом стало известно в октябре 2024 года в рамках встречи министров финансов и управляющих Центральными банками стран БРИКС (Далее – ЦБ) [6]. По данным МВФ, страны, входящие в БРИКС, существенно нарастили долю в мировой торговле [7]. Вопрос о разработке собственной платежной инфраструктуры стоит первоочередным в рамках финансовой реформы БРИКС: эксперты предложили активизировать межбанковское взаимодействие, улучшить инфраструктуру платежных систем и увеличить применение национальных валют, включая цифровые, в расчетах как внутри объединения, так и с третьими странами [1]. Ярким примером этих усилий служит Рабочая группа БРИКС по плате-

жам (BPTF), занимающаяся разработкой инновационных трансграничных платежных систем. В качестве первого этапа развития международной платежной системы группа продвигает коммерческий проект BRICS Pay, анонсированный на годовом заседании Делового совета объединения 17 октября 2024 года [14].

На официальном сайте организации БРИКС указано, что BRICS Pay – это децентрализованная международная платежная система для стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка), обеспечивающая быстрые, безопасные и экономичные финансовые операции в местных валютах [19]. Основная цель проекта BRICS Pay состоит в том, чтобы облегчить торговлю между странами в национальных валютах.

Проект платформы BRICS Pay представляет собой сервис с цифровым кошельком, который можно связать со своими внутренними банковскими счетами. Он разработан на базе облачных технологий, интегрирующих национальные платежные системы стран БРИКС. Особенностью также является осуществление транзакций в национальных валютах стран-участниц, избегая конвертации в доллар или евро.

На основании изучения исследуемого явления, можно сделать вывод, что BRICS Pay – это довольно перспективный проект, цель которого отражает более широкие амбиции стран участниц: снижение зависимости от мировых валют, укрепление финансового и правового суверенитета государств БРИКС, перестройка глобальной финансовой архитектуры в сторону многополярной модели. Данный тезис подтверждается многими российскими и зарубежными экспертами. Так, профессор Пекинского университета Сун Вэй подчеркнул важность BRICS Pay для защиты финансового и экономического суверенитета развивающихся стран, в плане самостоятельности в управлении финансовыми ресурсами и свободы принятия решений без внешнего вмешательства. Финансовая независимость имеет первостепенное значение для достижения политического, энергетического, продовольственного, технологического и иных видов суверенитета [19].

По мнению американского ученого Д. Краузе, широкое внедрение системы BRICS Pay может стимулировать новые платежные решения, в том числе создание аналогичных финансовых платформ другими странами, что будет способствовать формированию многополярной финансовой архитектуры [9]. Весьма интересно научное исследование Гарвардского университета: определено, что самый надежный способ для стран БРИКС снизить свою зависимость от доллара США – расширить использование своих собственных национальных валют в трансграничных платежах [9].

Несмотря на то, что большинство экспертов положительно высказываются о данном проекте, существуют и противоположные мнения. К числу организаций, негативно относящихся к созданию новой международной платежной системы, отно-

сятся МВФ и Всемирный Банк (далее – ВБ) [20]. Их основным аргументом является тезис о возможном подрыве мировой финансово-экономической системы, устоявшейся с момента Бреттон-Вудских соглашений, потенциальные риски для международной финансовой стабильности и экономической безопасности, связанные с трансграничными платежными системами, которые не соблюдают стандарты по минимизации незаконной деятельности. По нашему мнению, данные опасения несколько преувеличенные. Во-первых, развивающиеся страны критикуют обе организации за прозападный характер, неэффективность рекомендаций и за то, что они не учитывают их интересы и возрастающую роль в мировой экономике. Именно поэтому эффективнее будет разрабатывать собственные адаптированные платежные стандарты, реализовывать новые трансграничные платежные системы. Которые открывают дорогу для технологических инноваций, для увеличения скорости, безопасности и прозрачности финансовых операций. По нашему мнению, эффективность работы BRICS Pay зависит от ряда факторов: 1) качества разработки самой платформы 2) степени её интеграции с национальными платёжными системами. Успешная реализация этих задач возможна лишь при наличии хорошо продуманной и структурированной нормативно-правовой базы, обеспечивающей необходимую юридическую поддержку и регламентирующую функционирование платформы в условиях межнационального сотрудничества. Кроме того, интеграция с национальными платежными системами требует учёта особенностей локальной правовой среды каждой из стран БРИКС. Необходимо разработать механизмы адаптации платформы к специфике регулирования в каждой стране, именно поэтому вопрос о ее правовом регулировании требует более детального рассмотрения.

Известно, что правовой статус БРИКС определяется как неформальное объединение – на официальном сайте клуба используют термин «неформальная группа» [9]. У блока нет статуса международной организации – в отличие, например, от ООН или НАТО.

Глушаков А.Ю., Соболевская А.И. отмечают, что из-за отсутствия общего юридического базиса у стран-участниц БРИКС большинство российских и зарубежных исследователей рассматривают объединение не как союз, а как партнёрство в области науки, культуры, политики и экономики [4]. Из вышесказанного следует, что у объединения нет права принятия юридически обязывающих решений. Какие правовые нормы могут стать фундаментом для платежной системы БРИКС ввиду отсутствия у объединения правосубъектности? В целом, как отмечает Л.П. Ануфриева, поскольку БРИКС представляет собой преимущественно форум взаимодействия стран, не имея четко сформулированного устава, правовой базой можно считать сами принципы сотрудничества, взаимодействия государств между собой, что относится к неписанному праву [2].

Правовые основы регулирования платежной системы BRICS Pay можно условно поделить на три уровня: общепринятые принципы и нормы международного права, международные соглашения и инициативы, принятые в рамках объединения, а также национальное законодательство стран-участниц.

Рассмотрим подробнее. Глушаков А.Ю., Соболевская А.И. подчеркивают, что международное право служит фундаментом для выстраивания взаимоотношений между государствами, входящими в состав БРИКС [5]. Международно-правовые нормы в обязательном порядке применяются практически всеми участниками объединения, более того, для большинства государств-членов БРИКС учет норм международного права выступает в качестве основы при построении внутреннего законодательства.

Как отмечает Е.С. Губенко, основные принципы построения платежных систем определены Комитетом по платежным и расчетным системам Банка международных расчетов в рамках, разработанных в 2010 году [10]. Они применимы ко всем платежным системам различных государств, включают требования к правовой базе, степени безопасности и надёжности, а также прозрачности и доступности системы. Исследователь Петрова Г.В. указывает, что государства сотрудничают на межправительственном уровне для выработки универсальных конвенций и соглашений с участием ООН, МВФ, ЮНСИТРАЛ, ВТО, МТП и других международных организаций по вопросам выработки единых правовых условий и стандартов [11]. Так, к одним из первых документов в области электронных платежей относятся акты, разработанные комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). К таковым относится Правовое руководство ЮНСИТРАЛ по электронному переводу средств [13].

При создании платежной системы BRICS Pay также должны учитываться международно-правовые стандарты, которые включают унифицированные правила международных расчетов – такие, как правила Международной Торговой палаты, регулирующие банковские платежи и обязательства, например, Унифицированные правила цифровых торговых операций (URDTT), изданные в 2021 году [19]. Наибольший интерес представляет рассмотрение конкретных соглашений БРИКС, регулирующих разработку единой платежной системы. Это связано с тем, что основные принципы международного права носят универсальный характер и не всегда учитывают интересы участников международных отношений, поэтому страны БРИКС разработали механизм международного сотрудничества, учитывающий цели, национальные интересы и приоритеты развития каждой из стран. Такой механизм называется «мягким», поскольку основан на добровольном выполнении норм участниками объединения, поэтому все инициативы, которые далее будут перечислены носят необязательный характер.

Соглашения в рамках БРИКС оформляются по результатам разнообразных мероприятий и встреч, включающих в себя ежегодные саммиты лидеров, заседания министров и глав ведомств, работу специализированных рабочих групп и комиссий, а также форумы и конференции [3]. В иерархии правовой основы деятельности БРИКС первое место занимают декларации. Это ключевые документы, которые принимаются на каждом саммите, формирующие стратегию и направления сотрудничества между государствами-членами. В Итоговой декларации саммита 2023 года акцентировано внимание на финансовой политике, включая подготовку Группой БРИКС по финансовым расчетам (BPTF) отчета о платежных механизмах, основанных на трансграничных системах. Подчеркнута необходимость использования национальных валют в торгово-финансовых операциях [14]. В Казанской декларации БРИКС от 23 октября 2024 года также затрагиваются вопросы сотрудничества в платёжной сфере. В пункте 65 декларации подтверждается приверженность укреплению финансового сотрудничества в рамках БРИКС, признаются преимущества быстрых, экономичных, прозрачных и безопасных трансграничных платежей на основе равноправного доступа и использования национальных валют [14].

В итоговых декларациях саммитов находят отражение идеи и предложения, выдвинутые в годовых отчетах Делового совета БРИКС, касающиеся развития финансовых инструментов и платежных систем. Так, в 2018 г. Деловой совет БРИКС выделил в качестве одного из приоритетов в своем годовом отчете – развитие новой международной платежной системы (НМПС) [18]. В 2019 год начато обсуждение проекта BRICS Pay: «Расширить BRICS Pay до союза приложений для электронных кошельков стран BRICS и обеспечить возможность проведения расчетов в валютах стран BRICS» [6]. В отчете 2020 г. указаны планы создать коммерческую систему BRICS Pay для стран BRICS +, а именно мобильное приложение или электронный кошелек, который будет работать на любом смартфоне. В 2024 году были согласованы основные принципы BRICS Pay, и проект получил одобрение всех национальных отделений Рабочей группы по финансовым услугам Делового совета БРИКС, что также отражено в годовом отчете [17]. Кроме того, основой для разработки и реализации платформы является Соглашение о консорциуме BRICS Pay от 31 октября 2024 года, действующее по принципам децентрализованной автономной организации (DAO) [16]. В качестве основного направления совместной деятельности выделяется создание, развитие и поддержка экосистемы BRICS Pay и её компонентов.

Необходимо указать на фактор национального законодательства стран БРИКС. В вышеупомянутом Соглашении о консорциуме BRICS Pay отмечается, что он основан на законодательстве каждой страны, то есть во всём, что не урегулировано соглашением, участники руководствуются действу-

ющим собственным национальным законодательством. Отдельного внимания заслуживают полномочия Центральных Банков стран БРИКС. В Стратегии развития национальной платежной системы «МИР» на период 2025–2027 годов, разработанной Банком России, указано продолжение развития международного сотрудничества в рамках надзора и наблюдения в платежной сфере, в том числе, в рамках ранее заключенных соглашений [17]. Подзаконные акты Банка России, регулирующие деятельность платёжных систем и операторов платёжных услуг, могут применяться и к BRICS Pay по мере её интеграции в российскую финансовую инфраструктуру.

В правовом регулировании BRICS Pay выделяется ряд проблем. Одна из них связана с принадлежностью стран БРИКС к различным правовым системам, основанным на различных исторических и культурных контекстах. Каждая страна имеет свои регуляторные рамки и подходы к функционированию платёжных систем, соответственно существуют серьезные различия в национальном законодательстве, регулирующем эту сферу. Габов А.В. отмечает: «Для развития мы должны понимать правила – страны БРИКС разные, их правовые модели, правовые решения формировались в разное время, в разных обстоятельствах» [9]. Мы сравнили законодательство о платёжных системах стран-участниц объединения – России и Ирана (страны, относящиеся к разным правовым системам): в России гораздо большее значение уделяется обеспечению безопасности данных и защите информации, в то время, как в Иране защита данных регулируется в рамках секторального подхода, и законодательство в этой сфере недостаточно полное. Такие различия могут приводить к рискам утечки данных, а также к юридическим конфликтам при обработке транзакций. Аналогичная ситуация наблюдается и с правовым регулированием инновационных технологий. Этот момент важен, так как для успешного функционирования новой платёжной инфраструктуры планируется интеграция BRICS Pay с другими проектами, в том числе новой расчетной платформой BRICS Bridge, основанной на ЦФА. Очевидно, что отсутствие такой интеграции ставит под сомнение необходимость данной платформы в рамках реформы финансовой архитектуры. Аргументом, подтверждающим данную позицию, является мнение С.П. Савинского, который отмечал, что расчеты в национальных валютах эффективны только как промежуточная, переходная модель торговых расчетов при разработке и внедрении новой расчетной валюты [15].

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о необходимости устранения правовых различий, затрудняющих развитие единой платёжной системы. Один из вариантов – гармонизация законодательства. Довольно подробно этому вопросу уделили внимание на IX Юридическом форуме стран БРИКС, проводимом в МГИМО. Экспертами было отмечено отставание общей правовой

системы БРИКС, ввиду чего обозначена необходимость построения правового периметра объединения, проведение гармонизации, с учетом национальных интересов и особенностей каждой страны БРИКС [18]. По мнению авторов, гармонизация законодательства крайне важна еще и в свете того, что в состав объединения вошли новые участники, и его численность продолжает активно расти. Тем не менее, существует ряд трудностей на пути гармонизации законодательства. Среди них эксперты отмечают проблему недостаточного раскрытия информации о законодательстве между странами БРИКС; зависимость некоторых стран союза (например, Египта и Эфиопии) от МВФ и ВБ, вследствие чего они вынуждены подчиняться их требованиям для получения кредитов. Основываясь на результатах проведенного исследования, можно заключить, что проект BRICS Pay представляет собой ключевую стратегическую инициативу, направленную на укрепление финансового суверенитета и достижения большей экономической самостоятельности.

Однако реализация этих амбициозных планов не обходится без проблем финансового и правового характера. Они обусловлены многообразием правовых систем стран БРИКС, различиями в правовой культуре и, как следствие, значительной неоднородностью национального законодательства, регулирующего платёжные отношения в странах-участницах.

Возможными вариантами решения являются гармонизация, предполагающая сближение законодательства и обмен судебной практикой. Создание регулирующих органов и арбитражного механизма, позволяющего оперативно и эффективно разрешать споры между участниками платёжной системы.

В совокупности все эти факторы подчеркивают как значительные возможности подобных проектов, так и препятствия, которые необходимо преодолеть, чтобы полностью реализовать их потенциал.

Поставленные проблемы и определенные задачи, требующие решения, связаны с изучением особенностей трансграничных расчетов, разработки и внедрения новых расчетно-платёжных инфраструктур, стандартов, унифицированных правил, обосновывают необходимость дальнейших исследований и являются перспективными направлениями для современной финансово-правовой науки.

Литература

1. Авдеев В.В. Страны БРИКС заинтересованы в развитии взаимных расчетов и снижении их зависимости от международной финансовой архитектуры // Российская газета. 2024. 18.10. Ст. 236 (дата обращения 12.03.2025).
2. Ануфриева Л.П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 124 (дата обращения 12.03.2025).

3. БРИКС // Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/briks/ (дата обращения 10.01.2025).
4. Глушаков А.Ю., Соболевская А.И. Источники нормативного регулирования деятельности БРИКС // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 4 (78). С. 98–112 (дата обращения 12.03.2025).
5. Глушаков А.Ю., Соболевская А.И. Модельное нормотворчество в Российской Федерации как фактор гармонизации законодательств стран – участниц БРИКС // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 3 (73). С. 6–18 (дата обращения 12.03.2025).
6. Деловой совет БРИКС 2019 год // Национальный Комитет по исследованию БРИКС. [Электронный ресурс] URL: <https://nkibrics.ru/posts/show/5c9bbf8a62726930c41f0000> (дата обращения 27.12.2024).
7. Доклад о мировых инвестициях 2024 – Содействие инвестициям и цифровое правительство // Организация Объединенных наций [Электронный ресурс] URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_overview_ru.pdf (дата обращения 18.03.2025).
8. Кашкин С.Ю., Калиниченко П.А. Гармонизация законодательства России и Европейского Союза как ключевой момент их эффективного взаимодействия в XXI веке // Право и государство. Теория и практика. 2005. № 12. С. 100–130 (дата обращения 12.03.2025).
9. На IX Юридическом форуме БРИКС состоялась сессия, посвященная праву финансовых и инвестиционных рынков стран объединения // Ассоциация юристов России. [Электронный ресурс] URL: <https://alf.ru/news/na-ix-yuridicheskom-forume-briks-sostoyalas-sessiya-posvyashchennaya-pravu-finansovykh-i-investitsio/> (дата обращения 10.03.2025).
10. Перевод на русский язык опубликован на официальном сайте Банка России. См: Принципы для инфраструктуры финансового рынка. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.cbr.ru/PSystem/docs/concept.pdf> (дата обращения 27.12.2024).
11. Петрова Г.В. Международное финансовое право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. 319 с (дата обращения 12.03.2025).
12. Платежная система БРИКС – новый шаг на пути создания финансовой инфраструктуры развивающихся стран // ИИМП. [Электронный ресурс] URL: <https://worldmarketstudies.ru/article/platiznaa-sistema-briks-novyj-sag-na-puti-sozdania-finansovoj-infrastruktury-razvivaiushih-stran/> (дата обращения 19.03.2025).
13. Правовое руководство ЮНСИТРАЛ по электронному переводу средств, подготовленное секретариатом комиссии ООН по праву международной торговли в Нью-Йорке в 1987 го-
ду // Ефимова. Л.Г., Новоселова Л.А. Банки: ответственность за нарушения при расчетах. М., 1996. 624 с (дата обращения 12.03.2025).
14. Председательство в БРИКС: итоги 2024 года на финансовом треке // Банк России. [Электронный ресурс] URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=23293> (дата обращения 20.03.2025).
15. Савинский С.П. Создание платежной системы стран БРИКС+: дис...канд. экон. наук. М., 2023. 207 с (дата обращения 12.03.2025).
16. Соглашение о создании Консорциума BRICS Pay от 20 сентября 2024 г. [Электронный ресурс] URL: https://bbf2a463-6e2c-4484-b1b1-b55a3678d857.selstorage.ru/BRICS_Pay_Consortium-RU.pdf (дата обращения 26.12.2024).
17. Стратегия развития национальной платежной системы на период 2025–2027 годов. // Банк России. [Электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/170680/on-rnps_2025-27.pdf (дата обращения 26.12.2024).
18. Annual Report 2023/24 // BRICS Business Council. [Электронный ресурс] URL: https://bbf2a463-6e2c-4484-b1b1-b55a3678d857.selstorage.ru/BRICS_ar_2024.pdf (дата обращения 20.03.2025).
19. BRICS countries navigate new alternative payment system for stronger cooperation // Global Times. [Электронный ресурс] URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202410/1321391.shtml> (дата обращения 20.03.2025).
20. IMF chief seeks more details on BRICS payments system plans // France24. [Электронный ресурс] URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20241024-imf-chief-seeks-more-details-on-brics-payments-system-plans> (дата обращения 21.03.2025).

ON THE IMPLEMENTATION OF THE BRICS PAYMENT SYSTEM PROJECT: PROBLEMS OF FINANCIAL AND LEGAL REGULATION

Sorokina E.V.

Lebedev Russian State Unitary Enterprise

This article analyzes the legal basis of the BRICS Pay payment system project. The legal (and financial-legal, in particular) problems and contradictions that arise during its creation and implementation have been identified. The analysis and its results allowed the authors to develop proposals for improving the economic framework and legal framework for the implementation of this payment system project. The object of research is defined: These are social relations that arise in the field of economic and legal regulation during the implementation of a payment system project. The subject of the study is financial legal relations between the BRICS member countries, the specifics of the legal regulation accompanying the implementation of the payment system project, and the formulation of key problems related to its legal regulation.

As a result of the analysis, we consider it possible to pose the following problems: the BRICS countries belong to different legal systems based on different historical and cultural contexts. As a result, we have our own regulatory frameworks and approaches to the functioning of payment systems, where different levels of data security and information protection are being updated. The difficulties of integrating this project with other projects, including the new BRICS Bridge settlement platform based on digital financial assets, were noted. The issue of developing a single currency of the association seems timely. It is obvious that the problems posed are serious, and in the absence of integration, it casts doubt on the possibility of im-

plementing the BRICS Pay payment system project as part of the financial architecture reform.

The author, having considered various points of view, having studied the financial legislation of the countries belonging to the association, suggests possible ways to resolve the identified issues.

Keywords: the BRICS payment system project, financial cooperation, financial model, financial and legal sovereignty, legal basis of financial cooperation.

References

1. Avdeev V.V. BRICS countries are interested in developing mutual settlements and reducing their dependence on the international financial architecture // Rossiyskaya Gazeta. 2024. 18.10. Art. 236 (date of access 12.03.2025).
2. Anufrieva L.P. BRICS: on the legal nature and principles of cooperation // Actual problems of Russian law. 2019. No. 12 (109). P. 124 (date of access 12.03.2025).
3. BRICS // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. [Electronic resource] URL: https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/briks/ (date of access 10.01.2025).
4. Glushakov A.Yu., Sobolevskaya A.I. Sources of regulatory framework for BRICS activities // Leningrad Law Journal. 2024. No. 4 (78). P. 98–112 (accessed on 12.03.2025).
5. Glushakov A.Yu., Sobolevskaya A.I. Model rule-making in the Russian Federation as a factor in harmonization of legislation of the BRICS member countries // Leningrad Law Journal. 2023. No. 3 (73). P. 6–18 (accessed on 12.03.2025).
6. BRICS Business Council 2019 // National Committee for BRICS Research. [Electronic resource] URL: <https://nkibrics.ru/posts/show/5c9bbf8a62726930c41f0000> (date of access 12/27/2024).
7. World Investment Report 2024 – Investment Promotion and Digital Government // United Nations [Electronic resource] URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_overview_ru.pdf (date of access 03/18/2025).
8. Kashkin S.Yu., Kalinichenko P.A. Harmonization of the legislation of Russia and the European Union as a key moment of their effective interaction in the 21st century // Law and State. Theory and Practice. 2005. No. 12. pp. 100–130 (date of access 03/12/2025).
9. The IX BRICS Legal Forum held a session dedicated to the law of financial and investment markets of the association's countries // Association of Lawyers of Russia. [Electronic resource] URL: <https://alrf.ru/news/na-ix-yuridicheskoy-forume-briks-sostoyalas-sessiya-posvyashchennaya-pravu-finansovykh-investitsiy/> (accessed on 10.03.2025).
10. The translation into Russian was published on the official website of the Bank of Russia. See: Principles for the infrastructure of the financial market. [Electronic resource] Access mode: <http://www.cbr.ru/PSys/Docs/concept.pdf> (accessed on 27.12.2024).
11. Petrova G.V. International financial law: a textbook for universities. M.: Yurait, 2025. 319 p. (date of access 12.03.2025).
12. The BRICS payment system – a new step towards creating a financial infrastructure for developing countries // IIMR. [Electronic resource] URL: <https://worldmarketstudies.ru/article/plateznaa-sistema-briks-novyy-sag-na-puti-sozdaniya-finansovoy-infrastruktury-razvivayushaya-stran/> (date of access 19.03.2025).
13. UNCITRAL Legal Guide on Electronic Funds Transfer, prepared by the Secretariat of the United Nations Commission on International Trade Law in New York in 1987 // Efimova. L.G., Novoselova L.A. Banks: liability for violations in settlements. M., 1996. 624 p. (date of access 12.03.2025).
14. BRICS Chairmanship: 2024 Results on the Financial Track // Bank of Russia. [Electronic resource] URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=23293> (date of access 20.03.2025).
15. Savinsky S.P. Creation of a Payment System for the BRICS+ Countries: diss...cand. econ. sciences. M., 2023. 207 p. (date of access 12.03.2025).
16. Agreement on the establishment of the BRICS Pay Consortium dated September 20, 2024. [Electronic resource] URL: https://bbf2a463-6e2c-4484-b1b1-b55a3678d857.selstorage.ru/BRICS_Pay_Consortium-RU.pdf (date of access 12/26/2024).
17. Strategy for the development of the national payment system for the period 2025–2027. // Bank of Russia. [Electronic resource] URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/170680/on-rnps_2025-27.pdf (date of access 12/26/2024).
18. Annual Report 2023/24 // BRICS Business Council. [Electronic resource] URL: https://bbf2a463-6e2c-4484-b1b1-b55a3678d857.selstorage.ru/BRICS_ar_2024.pdf (date of access 20.03.2025).
19. BRICS countries navigate new alternative payment system for stronger cooperation // Global Times. [Electronic resource] URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202410/1321391.shtml> (date of access 20.03.2025).
20. IMF chief seeks more details on BRICS payments system plans // France24. [Electronic resource] URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20241024-imf-chief-seeks-more-details-on-brics-payments-system-plans> (accessed 21.03.2025).

Финансово-правовое обеспечение поддержки семьи, материнства, отцовства и детства в России

Усань Анастасия Сергеевна,

аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Волгоградского государственного университета
E-mail: Nastena98god@yandex.ru

Статья посвящена исследованию финансово-правового обеспечения поддержки семьи, материнства, отцовства и детства в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена сложной демографической ситуацией в стране, низкими показателями рождаемости и значительной долей семей с детьми, находящихся за чертой бедности. Несмотря на декларируемую государством приоритетность семейной политики, эффективность существующих мер поддержки остается недостаточной. Цель статьи – комплексный анализ элементов финансово-правового обеспечения семьи и обоснование необходимости синергетического подхода к реализации государственной семейной политики. В статье рассматриваются проблемы, связанные с отсутствием в российском законодательстве легального определения понятия «финансово-правовое обеспечение семьи», а также с недостаточной эффективностью отдельных мер государственной поддержки. Статья структурирована следующим образом. Вначале анализируются основные элементы финансово-правового обеспечения семьи: бюджетно-правовые, налогово-правовые, гражданско-правовые и административно-правовые. Далее рассматривается взаимодействие этих элементов и обосновывается синергетический эффект от их комплексного применения с приведением конкретных примеров, основанных на материалах диссертационного исследования. В заключении подводятся итоги исследования, обосновывается необходимость комплексного подхода к финансово-правовому обеспечению семьи и намечаются перспективы дальнейшего изучения данной проблематики.

Ключевые слова: Финансово-правовое обеспечение семьи, государственная семейная политика, социальные выплаты, материнский капитал, синергетический эффект, социальная защита.

Актуальность исследования финансово-правового обеспечения семьи в России обусловлена, прежде всего, сложной демографической ситуацией, характеризующейся низкими показателями рождаемости и высокой долей семей, находящихся за чертой бедности. Данная проблематика требует не только глубокого научного осмысления, но и разработки эффективных инструментов государственного регулирования, направленных на стимулирование рождаемости и повышение качества жизни семей с детьми. Именно в этом контексте финансово-правовое обеспечение, как составная часть государственной семейной политики, приобретает особое значение.

Финансово-правовое обеспечение семьи, представляя собой комплексную систему мер, гарантированных государством, направлено на создание благоприятных экономических условий для ее существования и развития, рождения и воспитания детей. Эффективность данной системы напрямую зависит от ее адресности и способности учитывать специфику социально-экономической и демографической ситуации, что обуславливает необходимость детального анализа действующих финансово-правовых механизмов и выявления их соответствия реальным потребностям семей с детьми.

Не менее важным аспектом исследования является изучение взаимосвязи финансово-правового обеспечения с другими видами государственной поддержки семьи. Социальные и медицинские меры, направленные на охрану здоровья матери и ребенка, обеспечение доступности образования и социальных услуг, неразрывно связаны с финансовой поддержкой и дополняют ее. Только комплексный подход, объединяющий различные инструменты государственного регулирования, способен обеспечить реальную защиту семьи и создать условия для ее благополучного развития.

Кроме того, актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа роли внебюджетных фондов и негосударственных организаций в системе финансовой поддержки семьи. Социальный фонд России, как ключевой институт, реализующий меры государственной социальной политики, играет важную роль в обеспечении финансовой стабильности семей с детьми. Вместе с тем, активное участие негосударственных организаций в предоставлении адресной помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, дополняет государственные меры и расширяет охват социальной поддержкой. Таким образом, исследование всех аспектов финансово-правового обеспече-

ния семьи позволит сформировать более полное представление о действующей системе поддержки и разработать рекомендации по ее оптимизации.

Несмотря на приоритетный характер государственной семейной политики, декларируемый на конституционном уровне и подтверждаемый значительными бюджетными ассигнованиями, в российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «финансово-правовое обеспечение семьи». Данный пробел в терминологии, находясь на стыке финансового, семейного и социального права, затрудняет как теоретическое осмысление данного феномена, так и его практическую реализацию. Отсутствие четкой дефиниции порождает неоднозначность в толковании и применении правовых норм, регулирующих финансовую поддержку семей с детьми, что может приводить к нарушению прав граждан и снижению эффективности государственных мер.

Более того, отсутствие легального определения «финансово-правового обеспечения семьи» затрудняет разработку и реализацию целостной и системной государственной семейной политики. Невозможность четкой идентификации содержания данного понятия препятствует формированию адекватных механизмов бюджетного финансирования, разработке эффективных налоговых льгот и вычетов, а также оптимизации деятельности внебюджетных фондов и негосударственных организаций, участвующих в предоставлении финансовой поддержки семьям. В этой связи научная разработка данного понятия, базирующаяся на комплексном анализе действующего законодательства, судебной практики и социально-экономических реалий, приобретает особую актуальность и представляет собой необходимый шаг на пути к совершенствованию системы государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства в Российской Федерации. Формулировка четкого и однозначного определения «финансово-правового обеспечения семьи» позволит не только устранить существующую терминологическую неопределенность, но и создаст прочную основу для дальнейшего развития законодательства и повышения эффективности мер государственной поддержки.

Цель статьи заключается в анализе основных элементов финансово-правового обеспечения семьи и обоснование необходимости комплексного подхода к защите семьи.

Финансово-правовое обеспечение семьи, являясь многокомпонентным инструментом реализации государственной семейной политики, находит свое нормативное закрепление в ряде законодательных актов, формирующих сложную и иерархически организованную систему правового регулирования. Фундаментальные основы данного обеспечения заложены в Конституции Российской Федерации, которая, провозглашая Россию социальным государством (ст. 7), обязывает государство создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека, а также гарантирует государственную поддержку семьи, материнства,

отцовства и детства (ст. 38). Эти конституционные положения служат базисом для развития семейного законодательства, в частности, Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ), который детализирует правовые основы регулирования семейных отношений и форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, подтверждая приоритет семейного воспитания детей и защиту их прав и законных интересов.

Значительный блок нормативно-правовых актов регулирует вопросы предоставления государственных пособий и выплат семьям с детьми, формируя систему прямой финансовой поддержки. Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (Закон № 81-ФЗ) устанавливает исчерпывающий перечень государственных пособий, выплачиваемых семьям в связи с рождением и воспитанием детей, а также определяет их размеры и порядок предоставления. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» регулирует программу материнского (семейного) капитала, предоставляя семьям дополнительные возможности для улучшения жилищных условий, получения образования детьми и формирования накопительной пенсии матери. Федеральный закон от 28.12.2017 № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» (Закон № 418-ФЗ) регламентирует предоставление ежемесячных выплат в связи с рождением (усыновлением) первого или второго ребенка, определяя условия их назначения, размеры и источники финансирования.

Помимо указанных федеральных законов, система финансово-правового обеспечения семьи включает в себя ряд подзаконных нормативных актов, указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ, конкретизирующих отдельные аспекты предоставления мер государственной поддержки. Так, указы Президента РФ, например, Указ от 07.04.2020 № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей», устанавливают дополнительные выплаты и льготы для отдельных категорий семей. Постановления Правительства РФ, такие как Постановление от 16.12.2022 № 2330 «О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка», детализируют порядок назначения и выплаты пособий, устанавливая критерии нуждаемости и перечень необходимых документов.

Таким образом, нормативно-правовая база, регулирующая финансовую поддержку семьи, представляет собой сложную систему взаимосвязанных актов, функционирующих на различных уровнях правовой системы и направленных на реализацию конституционных гарантий социальной защиты семьи, материнства, отцовства и детства.

Анализ приведенных нормативно-правовых актов позволяет выделить ряд ключевых признаков, характеризующих финансово-правовое обе-

спечение семьи в России. Прежде всего, следует отметить его комплексный межотраслевой характер. Регулирование данной сферы осуществляется нормами различных отраслей права: бюджетного (определение источников и механизмов финансирования мер поддержки), налогового (предоставление налоговых льгот и вычетов), гражданского (регулирование алиментных обязательств, защита имущественных прав детей) и административного (лицензирование деятельности учреждений социальной сферы, контроль за их деятельностью). Такая межотраслевая природа финансово-правового обеспечения обусловлена многогранностью самого понятия «семья» и необходимостью применения различных правовых инструментов для ее эффективной поддержки.

Важнейшим признаком финансово-правового обеспечения семьи является его целевая направленность на создание благоприятных экономических условий для существования и развития семьи, рождения и воспитания детей. Все меры финансовой поддержки, предусмотренные законодательством, ориентированы на достижение этой цели, будь то прямые бюджетные выплаты, налоговые льготы или финансирование социальных программ. Это подчеркивает социальную значимость данного института и его роль в реализации демографической политики государства.

Гарантированный характер предоставляемых мер поддержки также выступает отличительным признаком финансово-правового обеспечения семьи. Государство берет на себя обязательства по обеспечению семей с детьми необходимой материальной помощью, что находит свое выражение в конституционной гарантии социальной поддержки (ст. 39 Конституции РФ) и конкретизируется в законодательстве о государственных пособиях, материнском капитале и других мерах поддержки.

Дифференцированный подход к применению мер финансовой поддержки позволяет учитывать различные факторы, влияющие на потребности семей. Состав семьи (количество детей, наличие детей-инвалидов), социальное положение (уровень дохода), статус родителей (работающие, безработные) – все эти критерии учитываются при назначении и выплате пособий и предоставлении льгот. Такой дифференцированный подход обеспечивает адресность мер поддержки и позволяет направлять государственные ресурсы тем, кто в них нуждается больше всего.

Наконец, динамичность развития законодательства в сфере финансовой поддержки семьи отражает постоянное совершенствование системы социальной защиты и ее адаптацию к меняющимся социально-экономическим условиям. Многочисленные изменения и дополнения, вносимые в законы о государственных пособиях, материнском капитале и других мерах поддержки, свидетельствуют о стремлении государства повысить эффективность и доступность финансовой помощи семьям с детьми. Таким образом, выделенные признаки позволяют охарактеризовать финансово-правовое

обеспечение семьи как сложную, динамично развивающуюся систему мер, направленную на создание благоприятных условий для реализации семейных функций и воспитания детей.

Учитывая приведенный анализ нормативно-правовой базы и выделенных характерных признаков, финансово-правовое обеспечение семьи можно определить как систему гарантированных государством мер, закрепленных нормами различных отраслей права (бюджетного, налогового, гражданского, административного) и направленных на создание благоприятных экономических условий для существования и развития семьи, рождения и воспитания детей, применяемых дифференцированно с учетом состава семьи, социального положения и статуса родителей, и характеризующихся динамичным развитием в соответствии с изменяющимися социально-экономическими условиями. Данное определение, отражая комплексный и динамичный характер финансово-правового обеспечения семьи, подчеркивает его целевую направленность на поддержку семьи как основы общества и важнейшего института социализации подрастающего поколения. Оно также учитывает дифференцированный подход к предоставлению мер поддержки, обеспечивающий адресность и эффективность государственной семейной политики. Наконец, данное определение акцентирует внимание на гарантированном характере предоставляемых мер, что соответствует конституционным принципам социального государства и защиты семьи, материнства, отцовства и детства.

Финансово-правовое обеспечение семьи неразрывно связано с социальным и медицинским обеспечением, формируя единую систему поддержки, ориентированную на создание благоприятных условий для реализации семейных функций и воспитания детей. Финансово-правовые механизмы, включая бюджетные выплаты, налоговые льготы и гражданско-правовые инструменты, создают необходимую экономическую базу для реализации социальных и медицинских прав семьи. Как отмечается в диссертационном исследовании, «финансово-правовое обеспечение выступает фундаментом всей системы, создавая экономические предпосылки для реализации социальных и медицинских прав семьи» [4, с. 273].

Социальное обеспечение, в свою очередь, направлено на предоставление семьям с детьми доступа к качественным социальным услугам, таким как дошкольное образование, социальное обслуживание, организация досуга. Многие меры социальной поддержки имеют и финансово-правовую составляющую. Например, ежемесячное пособие по уходу за ребенком обеспечивает семье не только материальную помощь, но и возможность выполнения важной социальной функции – воспитания ребенка. Государство также финансирует различные социальные программы для семей с детьми, направленные на повышение качества жизни и социальную адаптацию. В этом контексте

финансово-правовое и социальное обеспечение тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Медицинское обеспечение гарантирует семье право на получение бесплатной медицинской помощи, что является важнейшим условием охраны здоровья матери и ребенка. Финансирование системы здравоохранения осуществляется в рамках финансово-правового обеспечения, обеспечивая работу медицинских учреждений, закупку оборудования и лекарственных препаратов. Кроме того, отдельные виды пособий, например, пособие по беременности и родам, непосредственно связаны с получением медицинской помощи. Таким образом, финансово-правовое обеспечение создает экономическую основу для реализации права на медицинское обслуживание.

Взаимодействие финансово-правового, социального и медицинского обеспечения формирует комплексный подход к защите семьи, материнства, отцовства и детства. Как отмечают М.С. Арутюнян, Д.А. Курбанов и О.Ю. Хисматуллин, «концепция целостной системы социальной поддержки как предпосылка создания фонда пенсионного и социального страхования... от идеи до воплощения» позволяет более эффективно реализовывать государственную семейную политику [1, с. 45]. Только благодаря синергетическому эффекту от взаимодействия различных видов обеспечения можно достичь поставленной цели – создания благоприятных условий для развития семьи и воспитания детей.

Взаимосвязь финансово-правового, социального и медицинского обеспечения наиболее отчетливо проявляется в механизме реализации права на ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет. Данная мера, нормативно закреплённая в Законе № 81-ФЗ, предназначена для частичной компенсации утраченного заработка родителей (или иных родственников, фактически осуществляющих уход) и одновременно создает условия для реализации социально значимой функции – воспитания ребенка в семейной среде. Таким образом, пособие по уходу за ребенком выступает интегративным инструментом, синтезирующим финансово-правовой и социальные аспекты государственной поддержки. С одной стороны, оно гарантирует минимальный уровень материального обеспечения семьи в период временного прекращения трудовой деятельности одного из родителей. С другой стороны, способствует укреплению института семьи, создавая возможности для полноценного воспитания ребенка на критически важных этапах его развития.

Взаимодействие различных видов обеспечения демонстрирует и система финансирования здравоохранения в контексте охраны здоровья матери и ребенка. Государство, в рамках финансово-правового регулирования, обеспечивает финансовую устойчивость медицинских организаций, гарантируя тем самым реализацию конституционного права граждан на охрану здоровья (ст. 41 Конституции РФ). Институт родовых сертификатов,

введенный в 2006 году, является примером целевого финансирования медицинской помощи, оказываемой женщинам в период беременности и родов. Предоставляя возможность выбора медицинского учреждения, сертификат не только повышает качество и доступность медицинской помощи, но и стимулирует конкуренцию между медицинскими организациями.

Деятельность Фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС) также иллюстрирует взаимосвязь финансово-правового и медицинского обеспечения. ФОМС, аккумулируя средства обязательного медицинского страхования, обеспечивает финансовое покрытие медицинских услуг, входящих в базовую программу ОМС, включая медицинское наблюдение беременности, родовспоможение и медицинскую помощь детям. Таким образом, ФОМС, являясь инструментом финансово-правового регулирования, гарантирует реализацию права на медицинскую помощь в рамках системы ОМС, формируя устойчивую финансовую базу для функционирования данной системы. Следовательно, родовые сертификаты и деятельность ФОМС, будучи элементами финансово-правового обеспечения, напрямую способствуют реализации медицинских прав семьи, демонстрируя тесную взаимосвязь и взаимозависимость этих сфер.

Комплексный подход к защите семьи, материнства, отцовства и детства предполагает не только согласованное применение финансово-правовых, социальных и медицинских мер, но и активное вовлечение в этот процесс внебюджетных фондов и негосударственных организаций. Такое взаимодействие позволяет расширить охват социальной поддержкой, учесть специфические потребности различных категорий семей и повысить эффективность использования ресурсов.

Социальный фонд России (СФР), являясь ключевым институтом, реализующим меры государственной социальной политики, играет важную роль в обеспечении финансовой стабильности семей с детьми. Как отмечают исследователи, «объединение социальных фондов позволит повысить доступность услуг и социальные выплаты» [5, с. 133]. СФР администрирует программу материнского капитала, назначает и выплачивает пособия по беременности и родам, по уходу за ребенком, а также осуществляет выплаты по случаю потери кормильца. Концентрация этих функций в рамках единой структуры способствует оптимизации процессов и повышению качества обслуживания граждан.

Негосударственные организации, включая благотворительные фонды и общественные организации, также вносят существенный вклад в систему социальной поддержки семьи. Они реализуют адресные программы помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, учитывая индивидуальные обстоятельства и предоставляя дифференцированную поддержку [3, с. 25]. Деятельность НКО, отличающаяся гибкостью и оперативностью, позволяет адресно реагировать на потреб-

ности семей и оказывать помощь в тех случаях, когда государственные меры поддержки оказываются недостаточными.

Взаимодействие СФР и негосударственных организаций, как отмечалось в диссертационном исследовании, позволяет «создать более эффективную систему защиты семей с детьми и обеспечить им более благоприятные условия для жизни и развития» [4, с. 296]. Развитие партнерских отношений между государством, внебюджетными фондами и НКО, включая совершенствование механизмов взаимодействия и разработку совместных программ, является важным направлением повышения эффективности социальной политики, ориентированной на поддержку семьи и детства.

Таким образом, комплексный подход к защите семьи предполагает синергетическое взаимодействие различных элементов системы социальной поддержки. Финансово-правовое обеспечение, социальные и медицинские меры, деятельность СФР и негосударственных организаций, взаимодополняя друг друга, создают условия для реализации прав семьи, обеспечения достойного уровня жизни и гармоничного развития детей.

Мультидисциплинарный характер финансово-правового обеспечения семьи обусловлен поливалентностью самого понятия «семья» и императивом использования диверсифицированного набора правовых инструментов для ее эффективной поддержки [4, с. 278]. Детальный анализ правового поля позволяет выделить следующие элементы данной системы.

Бюджетно-правовой блок детерминирует источники и механизмы финансирования мер государственной поддержки семьи, формируя фундамент всей системы. Бюджетный кодекс Российской Федерации (БК РФ), регламентируя общие принципы формирования и исполнения бюджетов всех уровней, постулирует расходы на социальную политику, включая поддержку семей с детьми, в качестве обязательных расходных статей (ст. 69 БК РФ). Этот механизм гарантирует резервирование финансовых ресурсов для реализации соответствующих мер социальной защиты. Бюджетные трансферты, выступая в качестве инструмента прямой финансовой помощи, дифференцируются на государственные пособия и финансирование целевых программ. Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (Закон № 81-ФЗ) устанавливает исчерпывающий перечень государственных пособий, выплачиваемых в связи с рождением и воспитанием детей, включая пособие по беременности и родам, единовременное пособие при рождении ребенка, ежемесячное пособие по уходу за ребенком, а также ежемесячное пособие на ребенка (ст. 3 Закона № 81-ФЗ). Федеральные целевые программы, такие как программа материнского (семейного) капитала, предоставляют дополнительные возможности для решения жилищных проблем, получения образования детьми и формирования накопительной части пенсии матери. Региональные и муниципальные

бюджеты, дополняя федеральные меры, устанавливают собственные программы и выплаты, адаптированные к специфике социально-экономической ситуации и демографическим особенностям территорий.

Налогово-правовой блок, реализуемый посредством системы льгот и вычетов, предоставляет семьям с детьми дополнительную финансовую поддержку путем редуцирования налоговой нагрузки. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) предусматривает стандартные налоговые вычеты на каждого ребенка, социальные налоговые вычеты, ассоциированные с расходами на образование и лечение, а также имущественные налоговые вычеты при приобретении жилья (ст. 218, 219, 220 НК РФ). Несмотря на наличие данных инструментов, их эффективность нередко подвергается критике. Как отмечают Н.З. Зотиков и А.Ф. Савдерева, социальные и имущественные вычеты по НДФЛ характеризуются низкой эффективностью, обусловленной недостаточным размером вычетов и отсутствием механизма их индексации [2, с. 140]. Региональные и муниципальные органы власти наделены полномочиями устанавливать дополнительные налоговые льготы для многодетных семей, например, по транспортному, земельному налогам и налогу на имущество физических лиц.

Гражданско-правовой блок регулирует имущественные и неимущественные отношения внутри семьи, гарантируя защиту прав и законных интересов ее членов. Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) устанавливает правовые основы брачного договора, предоставляющего супругам возможность детерминировать имущественные права и обязанности, а также регламентирует алиментные обязательства родителей по содержанию несовершеннолетних детей (ст. 40, 80 СК РФ). Нормы гражданского права регулируют вопросы наследования детьми имущества родителей, устанавливая обязательную долю в наследстве для несовершеннолетних и нетрудоспособных детей.

Административно-правовой блок ориентирован на обеспечение надзора за деятельностью учреждений, предоставляющих социальные услуги семьям с детьми, а также на установление ответственности за нарушение прав семьи. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) предусматривает административную ответственность за неисполнение родительских обязанностей, невыплату алиментов, нарушение прав несовершеннолетних (ст. 5.35, 5.35.1 КоАП РФ). Административное право также регулирует порядок лицензирования деятельности учреждений дошкольного образования, общеобразовательных организаций, медицинских учреждений, обеспечивая необходимый уровень качества предоставляемых услуг.

Таким образом, финансово-правовое обеспечение семьи, являясь интегративным механизмом, синергично объединяет различные отрасли права, формируя комплексную систему поддержки, ориентированную на укрепление института се-

мы и создание благоприятных условий для развития детей.

Эффективность финансово-правового обеспечения семьи детерминирована не только наличием отдельных элементов, но и их согласованным взаимодействием, генерирующим синергетический эффект. Комплексное применение бюджетных, налоговых, гражданско-правовых и административно-правовых механизмов обеспечивает мультипликативное усиление позитивного воздействия на институт семьи, создавая благоприятные условия для ее развития и выполнения социальных функций.

Бюджетно-правовые меры, определяя объемы и направления финансирования, формируют материальную базу для реализации налоговых льгот, компенсируя выпадающие доходы бюджета. Налоговые льготы, в свою очередь, редуцируя финансовую нагрузку на семью, стимулируют использование гражданско-правовых инструментов, таких как брачный договор, для защиты семейных интересов и регулирования имущественных отношений. Гражданско-правовые нормы, устанавливая алиментные обязательства и определяя порядок наследования, создают правовую основу для применения административно-правовых механизмов контроля и ответственности. Административно-правовые меры, обеспечивая правопорядок в сфере семейных отношений, гарантируют соблюдение прав семьи на получение бюджетных выплат, социальных услуг и налоговых льгот.

Наглядной иллюстрацией синергетического взаимодействия служит сочетание бюджетных выплат по уходу за ребенком, предоставляемых Социальным фондом России, и стандартного налогового вычета на детей, предусмотренного НК РФ. Эти меры, дополняя друг друга, существенно снижают финансовую нагрузку на семью в период воспитания ребенка. Аналогично, имущественный налоговый вычет при приобретении жилья стимулирует семьи к улучшению жилищных условий, создавая предпосылки для применения гражданско-правовых норм, регулирующих совместную собственность супругов. В сфере защиты права ребенка на материальное содержание наблюдается взаимодействие гражданско-правовых норм, устанавливающих алиментные обязательства родителей, и административно-правовых санкций за их невыплату.

Таким образом, фрагментарное применение отдельных элементов финансово-правового обеспечения не позволяет в полной мере реализовать потенциал государственной поддержки семьи. Только комплексный подход, базирующийся на синергетическом взаимодействии всех элементов, способен гарантировать достижение поставленной цели – создания благоприятной экономической среды для развития института семьи и выполнения им важнейших социальных функций.

Эффективность финансово-правового обеспечения семьи детерминирована не только наличием отдельных элементов, но и их согласованным взаимодействием, генерирующим синергетический

эффект. Комплексный подход, интегрирующий бюджетные, налоговые, гражданско-правовые и административно-правовые механизмы, обеспечивает мультипликативное усиление позитивного воздействия на институт семьи, создавая благоприятные экономические условия для ее развития и реализации социальных функций. Фрагментарное же применение отдельных инструментов не позволяет в полной мере раскрыть потенциал государственной поддержки. Как отмечается в диссертационном исследовании, «только комплексное применение всех элементов финансово-правового обеспечения позволяет учитывать различные аспекты жизнедеятельности семьи, создавая благоприятные условия для ее развития и воспитания детей» [4, с. 278].

Взаимодействие различных элементов системы финансово-правового обеспечения семьи наглядно иллюстрируется примерами, представленными в таблице.

Анализ представленных примеров демонстрирует, что синергетический эффект достигается за счет взаимодополняемости и взаимного усиления различных элементов финансово-правового обеспечения семьи. Бюджетные выплаты, компенсируя часть расходов семей с детьми, создают экономические предпосылки для использования налоговых льгот. Налоговые льготы, в свою очередь, стимулируют граждан к более активному применению гражданско-правовых инструментов, таких как брачный договор, для регулирования имущественных отношений и защиты семейных интересов (табл. 1).

Таблица 1. Примеры взаимодействия различных элементов системы финансово-правового обеспечения семьи, материнства, отцовства и детства

Элемент 1	Элемент 2	Пример взаимодействия	Нормативно-правовая база
Бюджетно-правовой	Налогово-правовой	Выплата пособия по уходу за ребенком (СФР) + стандартный налоговый вычет на детей (НК РФ)	Закон № 81-ФЗ, НК РФ ст. 218
Налогово-правовой	Гражданско-правовой	Имущественный налоговый вычет при покупке жилья (НК РФ) + регулирование совместной собственности супругов (СК РФ, брачный договор)	НК РФ ст. 220, СК РФ ст. 40
Гражданско-правовой	Административно-правовой	Алиментные обязательства родителей (СК РФ) + административная ответственность за уклонение от уплаты алиментов (КоАП РФ)	СК РФ ст. 80–99, КоАП РФ ст. 5.35.1

Гражданско-правовые нормы, устанавливая права и обязанности членов семьи, служат основой для применения административно-правовых санкций в случае их нарушения. Такое взаимодействие элементов создает целостную и эффективную систему финансово-правовой поддержки семьи, направленную на достижение социально значимых целей – укрепление института семьи, стимулирование рождаемости и повышение качества жизни семей с детьми. Игнорирование же принципа комплексности и фокусирование исключительно на отдельных элементах системы неизбежно приводит к снижению ее эффективности и не позволяет в полной мере реализовать потенциал государственной поддержки семьи.

Проведенное исследование, посвященное анализу финансово-правового обеспечения поддержки семьи, материнства, отцовства и детства в Российской Федерации, позволило комплексно рассмотреть данный институт как сложную, динамично развивающуюся систему, интегрирующую нормы различных отраслей права и реализующуюся посредством взаимодействия бюджетных, налоговых, гражданско-правовых и административно-правовых механизмов. Выделение ключевых элементов финансово-правового обеспечения – бюджетно-правового, налогово-правового, гражданско-правового и административно-правового – позволило детально изучить их содержание, функциональную направленность и специфику взаимодействия. Особое внимание уделено анализу синергетического эффекта, возникающего при комплексном применении всех элементов системы, что обусловлено их взаимодополняемостью и способностью к взаимному усилению позитивного воздействия на институт семьи.

Необходимость комплексного подхода к финансово-правовому обеспечению семьи обусловлена многоаспектностью проблем, с которыми сталкиваются семьи с детьми. Фрагментарное применение отдельных мер государственной поддержки, фокусирующееся лишь на одном из аспектов (например, только на выплате пособий или предоставлении налоговых льгот), не способно обеспечить достижения целей государственной семейной политики – укрепления института семьи, стимулирования рождаемости, повышения качества жизни семей с детьми. Только системное и согласованное взаимодействие всех элементов финансово-правового обеспечения, учитывающее различные потребности семей и специфику их социально-экономического положения, позволяет создать благоприятную среду для реализации семьей ее функций и воспитания детей.

Перспективы дальнейшего исследования данной проблематики связаны с необходимостью более глубокого анализа эффективности действующих мер финансово-правового обеспечения семьи, разработки методики комплексной оценки их результативности, а также с изучением передового зарубежного опыта в данной сфере. Особое внимание следует уделить вопросам совершенство-

вания механизмов бюджетного финансирования, оптимизации системы налогообложения семей с детьми, упрощения административных процедур, связанных с получением мер государственной поддержки, а также повышению уровня правовой грамотности населения в сфере семейного и социального права. Дальнейшее развитие научных исследований в данном направлении будет способствовать совершенствованию государственной семейной политики и повышению ее эффективности в решении демографических проблем и обеспечении благополучия семей с детьми.

Литература

1. Арутюнян, М.С. Концепция целостной системы социальной поддержки как предпосылка создания фонда пенсионного и социального страхования: от идеи до воплощения / М.С. Арутюнян, Д.А. Курбанов, О.Ю. Хисматуллин // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4 (70). – С. 41–46.
2. Зотиков, Н.З. Социальные и имущественные налоговые вычеты по НДФЛ, их эффективность / Н.З. Зотиков, А.Ф. Савдерова // Социальные и экономические системы. – 2022. – № 6–5(34). – С. 135–156.
3. Телицына, А.Ю. Некоторые меры государственной и негосударственной поддержки для семей с детьми: роль организаций некоммерческого сектора // Социальные науки и детство. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 23–38.
4. Усань, А.С. Зарубежный опыт финансовой поддержки материнства и детства // Байкальские компаративистские чтения. – Иркутск, 2023. – С. 272–279.
5. Чмут, Г.А. Объединение социальных фондов позволит повысить доступность услуг и социальные выплаты // Заметки ученого. – 2022. – № 11. – С. 133–136.

LEGAL AND FINANCIAL FRAMEWORK FOR FAMILY SUPPORT IN RUSSIA

Usan A.S.

Volgograd State University

This article examines the financial and legal framework for family support in Russia. The relevance of this topic stems from the complex demographic situation in the country, characterized by low birth rates and a significant proportion of families with children living below the poverty line. Despite the declared state priority of family policy, the effectiveness of existing support measures remains insufficient. The article aims to conduct a comprehensive analysis of the elements of the financial and legal framework for family support and to substantiate the need for a synergistic approach to the implementation of state family policy. The article addresses the problems associated with the lack of a legal definition of “financial and legal support for families” in Russian legislation, as well as the insufficient effectiveness of individual state support measures.

The article is structured as follows. Initially, the main elements of the financial and legal framework for family support are analyzed: budgetary and legal, tax and legal, civil law and administrative law. Further, the interaction of these elements is considered, and the synergistic effect of their integrated application is substantiated with specific examples based on the materials of the dissertation research. In conclusion, the research results are summarized, the need for an integrated approach to the financial and legal framework for family

support is substantiated, and prospects for further study of this issue are outlined.

Keywords: Financial and legal support for families, state family policy, social payments, maternity capital, synergistic effect, social protection.

References

1. Arutyunyan, M. S., Kurbanov, D. A., & Khismatullin, O. Yu. (2022). The concept of a holistic social support system as a prerequisite for the creation of a pension and social insurance fund: From idea to implementation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 4(70), 41–46.
2. Zotikov, N. Z., & Savderova, A. F. (2022). Social and property tax deductions for personal income tax, their effectiveness. *Sotsial'nye i ekonomicheskie sistemy*, 6–5(34), 135–156.
3. Telitsyna, A. Yu. (2023). Some measures of state and non-state support for families with children: The role of non-profit sector organizations. *Sotsial'nye nauki i detstvo*, 4(2), 23–38.
4. Usan, A. S. (2023). Foreign experience of financial support for maternity and childhood. In *Baikal Comparative Readings* (pp. 272–279). Irkutsk.
5. Chmut, G. A. (2022). The unification of social funds will improve the availability of services and social payments. *Zametki uchenogo*, 11, 133–136.

Чернявская Мария Станиславовна,

к.ю.н., старший преподаватель кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В статье рассмотрены вопросы правовой формы негосударственных судебно-экспертных учреждений, в том числе допустимость использования самого термина «учреждение». На основании анализа правовых норм и судебной практики сделан вывод, что термин «учреждение» противоречит законодательству и требуется использование термина «организация». При этом рассмотрены формы некоммерческих организаций и сделан вывод о том, что автономная некоммерческая организация наиболее подходящая форма для судебно-экспертных организаций. Однако анализ судебной практики показывает, что суды не всегда осознают важность этих критериев, что вызвано противоречивостью законодательства о судебно-экспертной деятельности, а также необходимостью знать многие организационные особенности производства судебных экспертиз. Консультации по данным вопросам мог бы предоставлять руководитель судебно-экспертной организации при решении вопроса о назначении судебной экспертизы. Однако правовой статус руководителя судебно-экспертной организации также не определен, в связи с чем выдвинуты предложения по регулированию данного вопроса. Данные предложения в первую очередь касаются требований, которые следует предъявлять претенденту на должность руководителя судебно-экспертной организации, например, таких, как наличие высшего образования по определенной специальности и стаж работы.

Ключевые слова: судебная экспертиза; негосударственные судебно-экспертные организации; судебно-экспертные учреждения; правовая форма; некоммерческое партнерство; частное учреждение; автономная некоммерческая организация; руководитель судебно-экспертной организации; правовой статус; требования; стандарты.

Предмет судебной экспертологии включает в себя закономерности организации судебно-экспертной деятельности, что подразумевает рассмотрение вопросов организации, структуры, функций государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений [16, С. 17]. Эти вопросы становятся все более актуальными в связи с тем, что современное уголовное, гражданское и административное судопроизводство в Российской Федерации невозможно без использования специальных знаний в процессуальной форме, в том числе путем производства судебных экспертиз. Процессуальное законодательство предусматривает привлечение любого лица, обладающего специальными знаниями, не только сотрудника судебно-экспертного учреждения (далее – СЭУ), к производству судебной экспертизы. Как правило, на практике судебная экспертиза назначается в учреждения, потому что они предоставляют больше возможностей для проведения исследований различных родов (видов) судебных экспертиз. Кроме того, существует четкая организация деятельности и проще создавать комиссии экспертов в случае необходимости. Однако Федеральный закон «Государственной судебно-экспертной деятельности» (далее – ФЗ ГСЭД), по сути, умалчивает о существовании негосударственных СЭУ и не содержит норм, прямо регулирующих их работу и содержащих определение понятия негосударственных СЭУ, а также не регламентирует деятельность лиц, которых следует считать негосударственными судебными экспертами.

Многие статьи в законе не разделяют государственных судебных экспертов и негосударственных. Только статья 41 ФЗ ГСЭД лишь частично затрагивает проблемы производства судебных экспертиз лицами, не являющимися сотрудниками государственных СЭУ (далее – ГСЭУ). При всем этом, с точки зрения процессуального законодательства, назначение судебных экспертиз в негосударственные СЭУ вполне допустимо, поскольку ни в одном процессуальном кодексе России не декларируется, что экспертиза может выполняться только в ГСЭУ (ст. 79 ГПК РФ, ст. 82 АПК РФ, ст. 77 КАС РФ, ст. 195 УПК РФ, ст. 26.4 КоАП РФ).

Обозначенное противоречие возникло сразу же после принятия ФЗ ГСЭД, на что было обращено внимание. Так, Ю.К. Орлов отмечал, что изначально закон должен был регулировать деятельность всех СЭУ, однако впоследствии этого не произошло, и на данный момент деятельность негосударственных СЭУ не имеет должного правового регулирования, хотя в процессуальных кодексах такие СЭУ полностью приравнены к государственным [14, С. 21]. Ряд авторов при этом считает, что на-

значать производство судебной экспертизы в негосударственные СЭУ следует только в случае отсутствия возможности сделать это в ГСЭУ. Как указывает М.В. Жижилина, известной гарантией надлежащего уровня производства экспертизы является ее поручение государственному СЭУ. В этом случае за качество экспертного исследования отвечает учреждение в лице его руководителя. Именно поэтому, по мнению М.В. Жижиной, Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 своего Постановления от 21.12.10 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [1, С. 2] (далее – Постановление ВС № 28) рекомендует судам обращаться в негосударственные экспертные учреждения, в неэкспертные учреждения, а также привлекать в качестве судебных экспертов отдельных лиц лишь в случае невозможности провести экспертизу в государственном СЭУ по ряду причин [13, С. 21–22].

Однако необходимо отметить, что Постановление ВС РФ № 28 указывает, в каких случаях невозможно назначение судебной экспертизы в ГСЭУ, но нет категорического указания, что в иных случаях назначение в негосударственное СЭУ невозможно. Кроме того, данное пояснение в первую очередь относится к случаям, когда необходимо назначить экспертизу в ГСЭУ, обслуживающее другую территорию. Т.е. речь идет не о невозможности назначения судебной экспертизы в ГСЭУ вообще, а в конкретное ГСЭУ, которое при этом в соответствии с законом является обязанным выполнять соответствующие экспертизы. Таким образом, в данном пункте отсутствует противопоставление государственных и негосударственных СЭУ, только разъясняется, каким образом возможно производство судебной экспертизы, если ГСЭУ, обслуживающее соответствующую территорию, не может принять ее к производству. Если же рассмотреть те случаи, когда назначение судебной экспертизы в ГСЭУ является невозможным, то можно увидеть следующее. Во-первых, речь идет об обстоятельствах, известных ГСЭУ изначально: отсутствие эксперта конкретной специальности или надлежащей материально-технической базы, либо специальных условий для выполнения исследований. Во-вторых, указываются обстоятельства, предусмотренные ст. 70 УПК РФ, содержащей основания для отвода эксперта. В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 70 УПК РФ таким основанием является в том числе и некомпетентность эксперта. Кроме того, на данный момент действует Распоряжение Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «Об утверждении перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями», которое четко указывает, в каких случаях экспертиза может назначена только в ГСЭУ.

При этом «судебно-экспертное учреждение» или «негосударственное судебно-экспертное учреждение» не закреплён в законодательстве. В соответствии со ст. 5 УПК РФ существует «экспертное учреждение» – государственное судебно-экспертное или иное учреждение, которому поручено

производство судебной экспертизы. В определении не указано четко, что подразумевается под «иными учреждениями», следовательно, возникает правовая неопределенность. Идет ли речь об ином «государственном учреждении» или ином негосударственном учреждении? Непонятно также, под «иным учреждением» законодатель понимает любое учреждение или «иное судебно-экспертное учреждение». В специальных исследованиях и литературе часто можно обнаружить то, что отражение понятий «государственные и негосударственные судебно-экспертные учреждения» [17, С. 19] стало само собой разумеющимся, в то время как в самом законодательстве России ясное разграничение этих правовых понятий отсутствует.

Без дачи определения термин «экспертное учреждение» также использован в ст. 82 АПК РФ и ст. 77 КАС РФ, посвященных назначению судебной экспертизы. В ст. 26.4 КоАП РФ указано, что производство экспертизы может быть поручено «учреждению». В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее – Постановление ВС РФ № 28) дополнительно разъяснено, что «под негосударственными судебно-экспертными учреждениями следует понимать некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами».

Однако в соответствии с § 7 ГК РФ и второй главой Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ учреждение является одним из видов некоммерческих организаций (далее – НКО). В связи с этим термины, содержащие в себе слово «учреждение», некорректны с точки зрения гражданского права. Вместо «учреждения» следует использовать термин «организация», как это сделано в Постановлении Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» [2]. Кроме того, более точным будет обозначение «судебно-экспертная организация» (далее – СЭО), т.к. организация может объединять людей на основании наличия у них у них определенных профессиональных навыков и знаний, в рамках которых они выступают в качестве экспертов, но при этом такие организации не нацелены на участие именно в судебном процессе (например, это могут быть различные саморегулируемые организации или лаборатории). При этом представляется верным, чтобы негосударственные судебно-экспертные организации (далее – негосударственные СЭО) являлись некоммерческими [18, С. 30]. Тем не менее, одного этого указания недостаточно, что подтверждается использованием термина «учреждение» в Постановлении Пленума ВС от 21.12.2010 № 28 «О су-

дебной экспертизе по уголовным делам», а также судебной практикой по назначению судебных экспертиз.

Особенно это касается назначения судебной оценочной экспертизы, а также экспертиз с целью определения стоимости. В первую очередь это связано с тем, что в перечнях родов (видов) выполняемых экспертиз ГСЭУ, входящих в систему Минюста и МВД, такие экспертизы формально отсутствуют или же не объединены в рамках одного рода (это касается проведения различных экспертиз, в том числе с целью определения стоимости предоставленных объектов). Поэтому правоприменителю легче обращаться в специализированную организацию, особенно если речь идет о судебных оценочных экспертизах, т.к. ВС РФ утвердил, что подобные экспертизы должны применяться с учетом федеральных стандартов оценки [3]. В связи с этим большинство судебных оценочных экспертиз, а также экспертиз с целью определения стоимости назначаются в негосударственные СЭУ, причем часто в коммерческие в форме обществ с ограниченной ответственностью (далее – ООО) [4]. Важно, что это происходит в том числе и в рамках уголовного процесса [5], хотя в соответствии с Постановлением ВС РФ № 28 назначение возможно только в некоммерческие организации.

Однако стоит отметить, что в большинстве уголовных дел судебные экспертизы проводятся в ГСЭУ, более того, как правило они проводятся в рамках предварительного расследования или дознания и назначаются следователями или дознавателем [6]. Это объясняется особенностями уголовного процесса, в первую очередь тем, что судебная экспертиза является производной от других следственных действий, в рамках которых происходит обнаружение объектов, впоследствии направляемых на нее. С учетом того, что в качестве специалистов, осуществляющих обнаружение, изъятие и фиксацию объектов выступают специалисты ГСЭУ, то целесообразно назначение судебной экспертизы в ГСЭУ, где объекты хранятся и где работают специалисты, непосредственно присутствовавшие при их обнаружении, что является важным при производстве самой экспертизы.

Что касается гражданских и административных дел, то здесь назначение происходит практически в любые организации. Помимо ГСЭУ это могут автономные некоммерческие организации, некоммерческие партнерства, частные учреждения, общества с ограниченной ответственностью, закрытые акционерные общества. При этом у судов не возникает претензий к данным заключениям, исходя из правовой формы организации. Суды в некоторых случаях указывают в качестве гарантии правильности заключения эксперта то, что оно выполнено экспертом специализированного экспертного учреждения, при том, что такое «учреждение» создано в форме ООО [7].

При этом существуют случаи, когда в коммерческие организации обращаются для проведения повторных экспертиз, например, когда у одной

из сторон имеются сомнения в правильности выводов. Такие сомнения возникли в отношении заключения, подготовленного в региональном ЭКЦ ГУ МВД. В связи с этим судом была назначена повторная экспертиза в ООО, которая подтвердила выводы первичной. Обе экспертизы были приняты судом в качестве доказательств [8].

Более того существуют случаи назначения повторных экспертиз в негосударственные СЭО, после того как у суда возникли сомнения в заключениях, подготовленных в ГСЭУ [9]. В рамках данного дела эксперт ГСЭУ не смог сделать категорический вывод, что не удовлетворило суд. В связи с этим была назначена повторная почерковедческая экспертиза. Эксперт негосударственной СЭО сделал категорический вывод, при этом объяснив это тем, что в ходе рассмотрения дела был добыт оригинал оспариваемого договора. В данном случае важно отметить, что назначение повторной экспертизы является ошибочным, т.к. негосударственному СЭО был передан оригинал документа, который до этого в принципе не исследовался, при том, что повторная экспертиза назначается по тем же объектам и по тем же вопросам. В этой же ситуации наиболее целесообразно было назначить новую экспертизу. На это мог бы указать руководитель СЭО, принимая производство судебной экспертизы. Однако этого сделано не было, в связи с чем возникает вопрос о его компетентности или правильности организации структуры СЭО.

На данный момент требования к руководителю негосударственных СЭО не определены законодательно. Однако ФЗ ГСЭД указаны требования к руководителю государственного СЭУ. Кроме того, в проекте ФЗ СЭД существует понятие руководителя СЭО, под которым понимается директор или начальник (заведующий) государственной судебно-экспертной организации (подразделения), руководитель негосударственной судебно-экспертной организации [10]. Также указывается, что руководителем может быть гражданин РФ, имеющий высшее профессиональное образование и прошедший профессиональное обучение в области судебной экспертизы, а также являющийся дееспособным и не имеющим неснятой или непогашенной судимости.

При том, что обязанности руководителя негосударственного СЭО не определены, представляется, что должны быть схожи с обязанностями руководителя ГСЭУ. Кроме того, права и обязанности руководителя СЭО, указанные в проекте ФЗ СЭД, в целом соответствуют правам и обязанностям руководителя государственного СЭУ из действующего ФЗ ГСЭД за некоторыми исключениями. Так, в проекте ФЗ СЭД дополнительно указано, что руководитель не вправе сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначившего. В права руководителя, с одной стороны, добавлено право ходатайствовать перед органом или лицом, назначившим судебную экспертизу, о привлечении граждан иностранных государств, обладающих специаль-

ными знаниями. С другой стороны, убрано право требовать в определенных случаях возмещения расходов (ст. 15, ч. 5). С учетом того, что такими случаями являются различного рода компенсации, понесенные не по вине СЭО в связи с производством судебной экспертизы, представляется, что данное право должно быть оставлено.

В проекте ФЗ СЭД есть указание на то, что руководитель должен иметь высшее профессиональное образование и пройти профессиональное обучение в области судебной экспертизы. Это не значит, что руководитель должен быть экспертом во всех родах (видах) экспертиз. Однако руководитель должен, во-первых, так организовать внутреннюю структуру СЭО, чтобы у него был контакт с экспертами, возможно, осуществляющих руководство отделом по производству определенного рода (вида) экспертиз. Руководители этих отделов смогут предоставлять руководителю СЭО необходимую информацию. Однако руководителю также надлежит организовывать взаимодействие с правоохранительными органами и судом. Именно руководитель при назначении экспертизы должен указать на необходимость проведения комплексной или комиссионной экспертизы. Должен обеспечить надлежащую передачу объектов и материалов дела. Таким образом, руководитель должен иметь представление о тех видах экспертиз, которые проводятся в СЭО, а также иметь достаточный опыт в проведении экспертиз вообще, чтобы иметь представление о них на практике. Следовательно, к руководителю СЭО должны предъявляться требования об уровне специальных знаний и стаже работы по экспертной специальности [19]. Однако возможен и иной подход.

Если исходить из таких функций руководителя, как:

- организация взаимодействия с другими участниками процесса;
- консультация по вопросам назначения и производства
- разъяснение прав и обязанностей, предупреждение об ответственности
- контроль качества экспертиз, с точки зрения соблюдения всех законодательных требований, т.е. без нарушения принципа независимости эксперта, —

то руководитель должен в первую очередь разбираться в правовых аспектах процесса назначения и производства судебных экспертиз. Следовательно, первостепенным является наличие у руководителя соответствующих юридических знаний. Однако в таком случае предъявление требований становится сложнее, т.к. необходимо определить юридическую специальность и то, каким образом она подтверждается. Исходя из предложенного порядка в проекте ФЗ СЭД можно предусмотреть сдачу экзамена по судебной экспертологии без подтверждения компетенции в рамках отдельной экспертной специальности. При этом можно считать достаточным наличие юридического образования, если в ходе его получения лицом были вы-

полнены научно-исследовательские работы по темам в области судебно-экспертной деятельности.

Вопрос о некоммерческой основе негосударственных СЭУ и функциях руководителя важен и с точки зрения их позиционирования самих себя, в том числе в рамках рекламы. Представляется недопустимым, например, использование коммерческой рекламы. В целом недопустимо присутствие некой «клиентоориентированности» в деятельности СЭУ: у НКО, созданной в целях содействия правосудия, не может быть «клиентов». Обращение происходит от участников процесса. И взаимоотношения с ними выстраиваются в соответствии с нормами процессуального права и законодательства о судебной экспертизе, а не гражданского, в том числе, закона «О защите прав потребителей». Даже оценка качества произведенной экспертизы затруднительна. Заключение эксперта оценивается в ходе судебного разбирательства. Если суд принял заключение эксперта в качестве доказательства по делу и указал это при вынесении решения, то доброкачественность заключения подтверждена решением суда.

Оспаривать это заключение эксперта возможно лишь в рамках разбирательства по делу, в ходе которого это заключение было выполнено. При этом если заключение не будет принято судом, это не значит, что оно выполнено некачественно. Поэтому это все равно будет подлежать доказыванию. Но рассмотрение такого вопроса потребует получения материалов дела, привлечение специалиста и т.д. Таким образом, очевидно, что производство судебных экспертиз не может рассматриваться в качестве услуги в обычном гражданско-правовом смысле¹. Поэтому не может быть речи и об обычном способе рекламирования.

Если же говорить о конкретных организационно-правовых формах, в которых могут быть созданы негосударственные СЭУ, то необходимо выделить следующие: некоммерческие партнерства, частные учреждения, автономные некоммерческие организации.

Некоммерческим партнерством признается основанная на членстве некоммерческая организация, учрежденная гражданами и (или) юридическими лицами для содействия ее членам в осуществлении деятельности, направленной на достижение общественных благ. Некоммерческие партнерства основаны на членстве, в связи с чем входящие в них лица сохраняют определенную степень независимости, в том числе имеют право по своему усмотрению выходить из некоммерческого партнерства. Представляется, что это неудобно для целей именно судебно-экспертной организации, т.к. ей необходимо обеспечить надежное производство судебных экспертиз. Кроме того, члены некоммерческого партнерства не являются его сотрудниками, т.е. по факту они остаются част-

¹ Чубина Е.А. «Любой каприз за ваши деньги», или применимы ли законы коммерческой рекламы к судебной экспертизе? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 12. С. 84.

ными экспертами, действующими самостоятельно. В связи с этим некоммерческое партнерство не целесообразно как организационно-правовая форма СЭО, т.к. оно не имеет своей целью организацию труда, но только содействие в его осуществлении. Также следует отметить, что в соответствии с законом члены некоммерческого партнерства не отвечают по его обязательствам, а некоммерческое партнерство не отвечает по обязательствам своих членов. В этом смысле некоммерческое партнерство и его члены не являются единым субъектом, что усложняет вопрос предъявления к ним претензий в случае необходимости.

Некоммерческие партнерства, объединяющие экспертов, при этом могут иметь важную роль для судебно-экспертного сообщества, например, их могут использовать эксперты, не желающие работать в качестве сотрудников СЭО, но нуждающиеся в определенной технической базе, которую не могут обеспечить себе самостоятельно. Некоммерческое партнерство же может обеспечить это за счет членских взносов или иным предусмотренным законом способом. С этим согласуются и иные особенности некоммерческих партнерств: их члены имеют право участвовать в управлении делами некоммерческого партнерства и получать информацию о деятельности некоммерческого партнерства в установленном учредительными документами порядке, т.к. они прямо в этом заинтересованы. При этом член некоммерческого партнерства может быть исключен из него по решению остальных членов в случаях и в порядке, которые предусмотрены учредительными документами некоммерческого партнерства, что гарантирует отсутствие злоупотреблений. Кроме того, исключение может быть предусмотрено за неподобающее поведение, например, нарушение этических норм.

Частным учреждением признается некоммерческая организация, созданная собственником (гражданином или юридическим лицом) для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера. Как видно уже из самого определения частное учреждение является менее самостоятельной организацией. Это объясняется, прежде всего, тем, что учреждение не имеет самостоятельной имущественной базы для своего функционирования, – собственник передает ему имущество лишь в оперативное управление. В связи с этим видится возможность злоупотребления в виде создания такого учреждения коммерческой организацией с большой долей влияния на него для опосредованного осуществления судебно-экспертной деятельности.

Автономной некоммерческой организацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, созданная в целях предоставления услуг в сфере образования, здравоохранения, культуры, науки, права, физической культуры и спорта и иных сферах. Автономная некоммерческая организация (далее – АНО) может быть создана в результате ее учреждения гражданами и (или)

юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов.

АНО отличается в том числе тем, что переданное учредителями имущество является собственностью уже созданной организации, кроме того здесь не предусмотрена возможность свободного выхода, что в большей степени гарантирует функционирование СЭО. Кроме того, указанная цель создания АНО в большей степени соответствует функциям СЭО. В первую очередь, это касается возможности привлечения не судебного эксперта, но специалиста. Поскольку последний сторона защиты имеет право привлекать самостоятельно, это означает необходимость заключения договора на оказание услуг. Кроме того, нельзя исключать возможность привлечения АНО к работе сотрудников, которые могут выступать в качестве сведущих лиц.

Важно отметить, что членами автономной некоммерческой организации могут являться и юридические лица. С одной стороны, это означает, что их могут создавать для тех же целей, что и отдельные эксперты, СЭУ, с другой стороны, закон не ограничивает круг юридических лиц, которые могут являться членами, следовательно, это могут быть и коммерческие организации. В этом видится также возможность для злоупотреблений: автономные некоммерческие организации будут создаваться коммерческими организациями для возможности вести судебно-экспертную деятельность. Однако данную проблему можно решить через требования к руководителю СЭО, которые следует зафиксировать в законе, а также в законодательных требованиях к самой негосударственной СЭО.

Помимо требований к руководителю представляется необходимым соблюдение следующих требований к СЭО:

1. Наличие не менее двух судебных экспертов по каждой экспертной специальности штате негосударственной СЭО.

Проект ФЗ СЭД предлагает, что в отношении негосударственных СЭО достаточно одного штатного сотрудника. Однако с учетом того, что СЭО создаются для оказания содействия правосудию, то они должны обеспечить возможность производства экспертиз, в случае выбора их организации. В то же время только одного сотрудника для этого недостаточно, т.к. он может находиться в отпуске или на больничном, могут быть иные обстоятельства, препятствующие поручению ему производства судебной экспертизы. В связи с этим нужен хотя бы еще один сотрудник, которому может быть поручена судебная экспертиза.

2. Наличие технической базы для проведения экспертиз, правом производства которых обладают штатные эксперты.

Это правило также обуславливается тем, что СЭО обязаны обеспечить исполнение порученной им экспертизы. С учетом того, что процесс назначения судебной экспертизы начинается с поиска судебного эксперта или СЭО, которые способны наиболее эффективно произвести судебную экс-

пертизу, что включает себя и необходимость соблюдения сроков, то отсутствие технической базы, призванной обеспечить производство экспертизы, было бы введением в заблуждение относительно потенциального уровня такой эффективности.

3. Наличие системы хранения объектов, представленных для проведения судебных экспертиз.

Соблюдение данного требования может проверяться в рамках проведения процедуры сертификации негосударственных СЭО. Следует отметить, что проверяется именно система хранения, а не наличие технической базы для проведения судебных экспертиз, т.к. она зависит от применяемых методик, и в целом может быть различной. В то же время система хранения является обязательной и должна отвечать соответствующим требованиям.

В связи с этим представляется необходимым введение обязательных требований к негосударственным СЭО в рамках закона, также возможно рассмотрение одновременной сертификации по некоторым критериям, в первую очередь, по техническому оснащению. Создание же СРО может привести к дополнительному разделению государственных и негосударственных экспертов, при том, что по своей сути СЭД должна быть единой. Эти аспекты следует учитывать при дальнейшей работе над проектом ФЗ СЭД.

Литература

1. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе уголовных дел». Вестник Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 3. 8 с.
2. Постановление Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе». URL:
3. Обзор судебной практики № 4 за 2018 год (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2018 г.). URL: <https://www.vsr.ru/documents/practice/27547/> (дата обращения: 12.09.2020 г.)
4. Решение Брянского областного суда от 30 марта 2020 года № 3А-1489/2019 3А-406/2020 3А-406/2020(3А-1489/2019;)~М-1222/2019 М-1222/2019 по делу № 3А-1489/2019 URL: https://oblsud-brj.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1223661&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата подачи заявления 12.09.2020);
5. Решение Рязанского областного суда от 30 марта 2020 г. № 3А-305/2020 3А-305/2020~М-545/2019 М-545/2019 по делу № 3А-305/2020 URL: https://oblsud-riz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1275842&delo_id=1540005&new=0&text_number=1. (дата запроса 12.09.2020)

6. Приговор Никулинского районного суда от 08.07.2015 № 1–225/2015 по делу № 1–225/2015 URL: https://nikulinsky-msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=239649870&deloid=1540006&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1;
7. Приговор Чертановского районного суда от 09.12.2014 № 1–722/2014 по делу № 1–722/2014 URL: https://chertanovsky-msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=198064522&deloid=1540006&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 12.09.2020)
8. Приговор Тушинского районного суда от 09.12.2014 № 1–722/2014 1–393/14 1–393/2014 от 4 июля 2014 г. URL: https://tushinsky-msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=168110488&deloid=1540006&_caseType=0&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения 12.09.2020)
9. Решение Волжского районного суда № 2–4195/2019 2–54/2020 2–54/2020(2–4195/2019;)~М-4410/2019 М-4410/2019 от 27 февраля 2020 г. по делу № 2–4195/2019 URL: https://volzhsky-sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=48765789&deloid=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 12.09.2020)
10. Решение Правобережного районного суда от 06.07.2018 № 2–608/2018 по делу № 2–608/2018 URL: https://magprav-chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=a90b311c-0493-4c4d-b817-ed-4129f4ffe6&deloid=1540005&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 12.09.2020)
11. Решение Ленинского районного суда № 2–1711/2019 2–7/2020 2–7/2020(2–1711/2019;)~М-1461/2019 М-1461/2019 от 28 февраля 2020 г. по делу № 2–1711/2019 URL: https://maglen-chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=-case&_uid=f2dded79-7aеc-4718-bf62-8ad-6fef7ce65&deloid=1540005&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 12.09.2020)
12. Текст законопроекта № 306504–6 «О судебной экспертизе в Российской Федерации». Режим доступа URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6#bh_histras (дата обращения: 12.09.2020)
13. Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: автореф. дис. ... доктор юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 53 с.
14. Дубровин О.В., Никитин С.Г., Поминов А.В. Приоритетная экспертная система и саморегулируемая организация как механизмы управления уровнем квалификации судебных экспертов в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2013. № 5 (6). С. 70–73.

15. Жижина М.В. К вопросу о назначении экспертизы в гражданском и арбитражном процессе // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 1 (37). С. 16–25.
16. Орлов Ю.К. Процессуальные проблемы судебной экспертизы // Судебная экспертиза. 2004. № 1. С. 21–22.
17. Россинская Э.Р. Компетентностный подход как основа судебно-экспертной дидактики // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2016. № 1. С. 62–67.
18. Россинская Э.Р. Современная судебная экспертиза – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 10–18.
19. Россинская Е. Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьбы: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. 464 с.
20. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Негосударственные экспертные учреждения, их правовой статус и организационные формы // Законность. 2009. № 2. С. 28–32.
21. Чернявская М.С. Направления совершенствования деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2 (111). С. 150–158.
22. Чубина Е.А. «Любой каприз за ваши деньги», или применены ли законы коммерческой рекламы к судебной экспертизе? // Вестник Университета имени О.Э. Кутафина. 2015. № 12. С. 82–85.

LEGAL FORM OF NON-GOVERNMENTAL FORENSIC SCIENCE INSTITUTIONS

Chernyavskaya M.S.

Kutafin Moscow State Law University

The paper is devoted to the question of the legal form of non-governmental forensic science agency, including the permissibility of using the term «agency». Based on the analysis of legal norms and judicial practice, it is concluded that the term «agency» contradicts the law and requires the use of the term «organization». At the same time, the forms of non-profit organizations are considered and it is concluded that an autonomous non-profit organization is the most appropriate form for forensic science organizations. However, the analysis of judicial practice shows that courts do not always realize the importance of these criteria, which is caused by the inconsistency of legislation on forensic expertise, as well as the need to know many organizational features of forensic science examinations. Advice on these issues could be provided by the head of the forensic science organization when deciding on the appointment of a forensic examination. However, the legal status of the head of the forensic science organization is not defined, and therefore proposals have been put forward to resolve this issue. These proposals primarily relate to the requirements that should be presented to an applicant for the position of head of a forensic science organization, such as having a higher education in a particular specialization and length of service.

Keywords: forensic science; non-governmental forensic science organization; forensic science institutions; legal form; non-profit partnerships; private institutions; autonomous non-profit organization; head of a forensic science organization; legal status; standards.

References

1. Decree of the Supreme Court of Russian Federation dated 21.12.2010 No 28 «About the forensic examination of criminal

- cases». Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2010. № 3. 8 p.
2. Decree of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 04.04.2014 No. 23 «On some issues of Practice in the Application of Legislation on expertise by Arbitration courts». URL:
3. Review of judicial Practice No. 4 for 2018 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 26, 2018). URL: <https://www.vsr.ru/documents/practice/27547/> (дата обращения: 12.09.2020 г.)
4. Bryansk Regional Court Decision No. 3A-1489/2019 3A-406/2020 3A-406/2020(3A-1489/2019);~M-1222/2019 M-1222/2019 dated March 30, 2020 in case No. 3A-1489/2019 URL: https://oblsud-brj.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1223661&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (date of application 09/12/2020);
5. Decision of the Ryazan Regional Court No. 3A-305/2020 3A-305/2020~M-545/2019 M-545/2019 dated March 30, 2020 in case No. 3A-305/2020 URL: https://oblsud-riz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1275842&delo_id=1540005&new=0&text_number=1. (date of request 12.09.2020)
6. Verdict of the Nikulinsky District Court No. 1–225/2015 dated July 8, 2015 in case No. 1–225/2015 URL: https://nikulinsky-msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&id=239649870&deloid=1540006&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1;
7. Verdict of the Chertanovsky District Court No. 1–722/2014 dated December 9, 2014 in case No. 1–722/2014 URL: https://chertanovsky-msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&id=198064522&deloid=1540006&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (accessed 12.09.2020)
8. Verdict of the Tushinsky district Court no. 1–393/14 1–393/2014 from July 4, 2014 URL: https://tushinsky-msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&id=168110488&deloid=1540006&_caseType=0&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (date of application 12.09.2020)
9. Decision of the Volzhsky District Court № 2–4195/2019 2–54/2020 2–54/2020(2–4195/2019);~M-4410/2019 M-4410/2019 dated February 27, 2020 G. in case No. 2–4195/2019 URL: https://volzhsky-sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=48765789&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (accessed 12.09.2020)
10. Decision of the Pravoberezhny District Court No. 2–608/2018 dated July 6, 2018 in case No. 2–608/2018 URL: https://magprav-chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=a90b311c-0493-4c4d-b817-ed4129f4ffe6&deloid=1540005&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (accessed 12.09.2020)
11. Decision of the Leninsky District Court № 2–1711/2019 2–7/2020 2–7/2020(2–1711/2019);~M-1461/2019 M-1461/2019 dated February 28, 2020 in case No. 2–1711/2019 URL: https://maglen-chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=f2dded79-7aec-4718-bf62-8ad6fef7ce65&deloid=1540005&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (accessed 12.09.2020)
12. Text of Draft Law No. 306504–6 “On Forensic Expertise in the Russian Federation”. URL access mode: https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6#bh_histras (accessed 12.09.2020)
13. Aminev F.G. Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' v Rossijskoj Federacii: sovremennye problemy i puti ih resheniya: avtoref. dis. ... doktora yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2016. 53 p.
14. Dubrovina O.V., Nikitin S.G., Pominov A.V. Prioritetnaya ekspertnaya sistema i samoreguliruemaya organizatsiya kak mekhanizmy upravleniya urovnem kvalifikatsii sudеbnыh ekspertov v Rossijskoj Federacii // Evrazijskaya advokatura. 2013. № 5 (6). P. 70–73.
15. Zhizhina M.V. K voprosu o naznachenii ekspertizy v grazhdanskom i arbitrazhnom processe // Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. 2015. № 1 (37). P. 16–25.
16. Orlov YU.K. Processual'nye problemy sudebnoj ekspertizy // Sudebnaya ekspertiza. 2004. № 1. P. 21–22.
17. Rossinskaya E.R. Kompetentnostnyj podhod kak osnova sudebno-ekspertnoj didaktiki // Uголовное судопроизводство: problemy teorii i praktiki. 2016. № 1. S.62–67.

18. Rossinskaya E.R. Sovremennaya sudebnaya ekspertologiya – nauka o sudebnoj ekspertize i sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti // Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. 2015. № 4 (40). P. 10–18.
19. Rossinskaya E. R., Galyashina E.I. Nastol'naya kniga sud'i: sudebnaya ekspertiza. M.: Prospekt, 2010. 464 p.
20. Rossinskaya E.R, Galyashina E.I. Negosudarstvennye ekspertnye uchrezhdeniya, ih pravovoj status i organizacionnye formy // Zakonnost'. 2009. № 2. P. 28–32.
21. Chernyavskaya M.S. Napravleniya sovershenstvovaniya deyatel'nosti negosudarstvennyh sudebno-ekspertnyh organizacij // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. № 2 (111). P. 150–158.
22. Chubina E.A. «Lyuboj kapriz za vashi den'gi», ili primenimy li zakony kommercheskoj reklamy k sudebnoj ekspertize? // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2015. № 12. P. 82–85.

Фиксация административных правонарушений в области дорожного движения во время пандемии COVID-19

Штымов Кантемир Заурович,

аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: lyudvig998@mail.ru

Проблемы адаптации процессов фиксации правонарушений к условиям пандемии и обеспечения эффективности контроля нарушений – актуальная проблема. Она определила цель статьи – исследовать изменения в фиксации административных правонарушений в области дорожного движения в период пандемии COVID-19 в России. В работе представлены результаты ретроспективного и сравнительного анализов по проблеме изменения динамики количества дорожно-транспортных происшествий до, во время и после начала пандемии COVID-19, с заключением, выделением следственно-причинной связи и выводов.

Ключевые слова: административные правонарушения; правила дорожного движения; цифровой пропуск; устройства автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения; пандемия COVID-19.

Введение

Пандемия COVID-19 стала «вызовом» для общества во всем мире, и затронула многие сферы жизни людей, включая дорожное движение. Ограничения, изоляция, и другие факторы способствовали изменению поведения людей при выборе средств передвижения и стратегии поведения на дороге, что, в свою очередь, повлияло на статистику правонарушений и эффективности их фиксации, выявления и контроля.

Можно констатировать, что следствием пандемии COVID-19 стала проблема, которая заключается в значительном изменении в поведении участников дорожного движения и необходимости пересмотра и анализа методов контроля и надзора в части обеспечения безопасности дорожного движения, включающих приоритетно методы фиксации административных правонарушений.

В условиях ограничений, связанных с пандемией, правоохранительные органы столкнулись с необходимостью поиска новых подходов к фиксации правонарушений, что создало дополнительные вызовы для обеспечения безопасности на дорогах. Эффективность существующих методов контроля за нарушениями и их адаптация к новым условиям стали важными аспектами, требующими детального анализа. Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации правоохранительных и контрольных механизмов к новым условиям, возникшим в результате пандемии, что требует пересмотра подходов к фиксации и учету нарушений.

Материалы и методы исследования

Пандемия COVID-19, и связанные с ней изменения в жизни общества, оказали влияние на все сферы общественной жизни. Область контроля, регулирования и надзора в сфере дорожного движения, как административно-правовой институт, также была «затронута» последствиями пандемии. Для того, чтобы отследить эти изменения, важно обратиться к методологии анализа международной практики, методологии сравнительно-ретроспективного анализа и изучения статистических показателей.

Обратимся к данным Национальной администрации безопасности движения (NHTSA) [9]. NHTSA проводился анализ ситуации на дорогах во время пандемии и после снятия ограничений. Было определено, что в момент пандемии COVID-19 смертность на дорогах сократилась, а позже резко возросла, при этом наиболее явная динамика

ка по увеличению количества смертей пришлось на 2021 и 2022 гг., уже после пандемии.

Эти данные показывают ситуацию, сложившуюся в США. Эксперты, комментируя положения дел по состоянию сферы дорожного движения, обозначают, что в период пандемии на дорогах стало меньше людей, и большинство водителей стали менее внимательными и законопослушными, считая, что контролирующие и надзорные государственные органы «заняты» регулированием самоизоляционного режима и других, связанных с пандемией условий и ситуаций [10].

Схожая ситуация была отмечена в европейских странах. По данным федеральных статистических ведомств Германии, Франции, Италии, Швеции, Норвегии и ряда других стран, во время пандемии резко сократилось количество дорожно-транспортных происшествий, в том числе и ДТП со смертельным исходом. В данном случае такие показатели связывают с введенным повсеместно режимом самоизоляции и вынужденным сокращением активности на дорогах. Однако уже летом 2020 года показатели по количеству дорожно-транспортных происшествий вернулись к доковидным результатам, что отражено в результатах сравнительного анализа, проведенного Ю.Ю. Никоренко [5].

Для анализа статистических показателей и ситуации в области дорожного движения в России было определено провести четыре этапа исследования:

- на первом этапе был проведен ретроспективный анализ, и изучены статистические данные по количеству ДТП за 2011–2019 гг. (хронологические рамки обусловлены возможностью поиска достоверных статистических данных), в связи с чем проведена оценка динамики по выделенному показателю;
- на втором этапе был проведен анализ по количеству ДТП, количеству смертей и случаев ранения в результате дорожно-транспортных происшествий за 2020–2024 гг., для оценки динамики выделенных показателей во время и после пандемии;
- на третьем этапе был проведен сравнительный анализ, выделены, просчитаны и проанализированы относительные показатели динамики роста до пандемии, и в период после пандемии;
- на четвертом этапе был проведен анализ государственной политики в части фиксации административных правонарушений в области дорожного движения во время пандемии COVID-19, с выделением новых механизмов и процессов фиксации, запущенных в период пандемии, и выделением рекомендаций для дальнейшего совершенствования системы фиксации административных правонарушений в области дорожного движения во время пандемии COVID-19.

Результаты и обсуждение

Анализ данных до начала пандемии COVID-19 представляет собой важный этап в исследовании ад-

министративных правонарушений в области дорожного движения. Путем использования данных, представленных на сайте Госавтоинспекции, в разделе «показатели состояния безопасности дорожного движения», была проанализирована динамика роста показателей «дорожно-транспортные происшествия», «количество смертей в результате дорожно-транспортных происшествий», «количество раненных» [2]. Результаты этого анализа отражены на рисунке 1.

На рисунке 1 отражено, что с 2011 по 2019 год отмечалось стабильное снижение количества ДТП, при этом за 8 лет процент по количеству ДТП снизился на 23%. Это можно объяснить общей политикой государства, направленной на контроль, регулирование и совершенствование дорожного движения и внедрение мероприятий по увеличению показателей безопасности дорожного движения в стране.

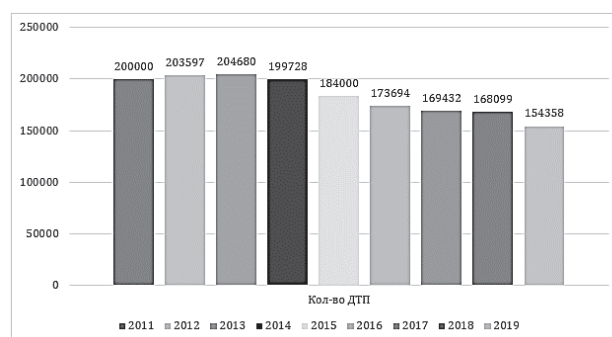

Рис. 1. Кол-во ДТП, зарегистрированные в России в 2011–2019 гг.

[Источник: составлено автором]

Имея данные о динамике роста показателей до пандемии, мы можем также оценить их качественное и количественное изменение в сложившихся в результате пандемии COVID-19 условий. Для более детального анализа были также добавлены показатели по количеству смертей и количеству ранений вследствие ДТП. Статистические показатели были проанализированы и представлены на рисунке 2.

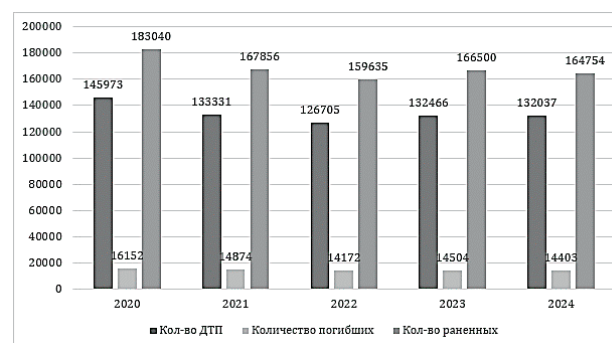

Рис. 2. Кол-во ДТП, зарегистрированные в России в 2020–2024 гг.

[Источник: составлено автором]

Анализ данных, представленных на рисунке 1 и 2, позволяет отметить, что в 2020 году количе-

ство дорожно-транспортных происшествий резко сократилось на 9%, в сравнении с показателями за 2019 год. Это можно связать с тем, что в начале пандемии были введены строгие ограничения на передвижение, внедрена системы цифровых пропусков для автомобилистов и пассажиров. Все это в совокупности отразилось на уровне правонарушений, так как сократилось фактическое количество машин на дорогах.

В отличие от зарубежного опыта, который был рассмотрен и представлен выше, после пандемии не произошло резкого возврата показателей по количеству ДТП к «доковидным» цифрам, а произошло стабильное снижение количества дорожно-транспортных происшествий, которое продолжалось до 2023 года.

Чтобы более точно определить причину такой динамики, был проведен сравнительный анализ относительного изменения показателя по количеству дорожно-транспортных происшествий за два периода. Для этого по формуле относительного изменения показателя были посчитаны отклонения, и проведено сравнение, насколько динамика показателей за 2020–2024 годы отличается от динамики за 2011–2019 гг. Наглядно результаты подсчета представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ динамики показателей ДТП в период до пандемии, во время пандемии и после

Год	Количество дорожно-транспортных происшествий	Отклонение (относительно предыдущего года)	Отклонение (относительно среднего значения за 2011–2024 гг.)
Период до пандемии			
2011	200000	-	↑ 119%
2012	203597	↑ 115%	↑ 121%
2013	204680	100%	↑ 122%
2014	199728	↓ 97%	↑ 119%
2015	184000	↓ 92%	↑ 110%
2016	173694	↑ 94%	↑ 104%
2017	169432	↓ 97%	↑ 102%
2018	168099	↑ 99%	↑ 101%
2019	154358	↓ 97%	↓ 98%
Период во время и после пандемии			
2020	145073	↓ 88%	↓ 86%
2021	133331	↑ 91%	↓ 79%
2022	126705	↑ 95%	↓ 75%
2023	132466	↑ 104%	↑ 79%
2024	132037	↓ 99%	↑ 79%

[Источник: составлено автором]

Как можно заметить по данным в таблице 1, показатели по количеству зафиксированных и зарегистрированных дорожно-транспортных происшествий стабильно увеличивались с 2011

по 2018 год, в сравнении со средним значением, а в относительном сравнении начали уменьшаться с 2014 по 2019 гг., однако снижение было незначительным (в пределах 5%). При этом заметное снижение отмечается в 2020 году, как в относительном показателе, так и в сравнении со средним значением. Далее динамика была неоднородной, однако по колонке «Отклонение относительно среднего значения» мы можем отметить, что в целом в ковидный и постковидный периоды отмечается позитивная динамика уменьшения количества дорожно-транспортных происшествий.

Предполагается, что такие результаты связаны с совершенствованием механизма фиксации административных правонарушений в области дорожного движения, который был запущен в 2020 году, в период пандемии COVID-19, и продолжался в последующие годы.

Стоит отметить, что фиксация административных правонарушений в области дорожного движения бывает нескольких видов. К традиционным методам относят патрулирование дорожной полицией, на постах ГИБДД, на определенных участках дорог в городе, и в передвижном формате. К более современным и актуальным средствам фиксации административных правонарушений в области дорожного движения относят средства автоматической фиксации, имеющие функции фотосъемки и видеозаписи [3,4].

В последние годы развивается процесс автоматизации фиксации административных правонарушений в области дорожного движения, и развитие этого процесса стало крайне актуальным и значимым во время пандемии COVID-19. В условиях ограниченного физического взаимодействия правоохранительные органы начали активно использовать системы видеонаблюдения и автоматизированные камеры, что позволило сократить необходимость в личных проверках и взаимодействии с водителями. Это не только снизило риск распространения вируса, но и повысило оперативность реагирования на правонарушения.

Можно выделить следующие решения, проекты и программы, которые были внедрены в систему обеспечения безопасности дорожного движения со стороны контрольно-надзорных государственных органов в 2020 году:

- Министерство транспорта работало над такими проектами, как «Дорожная сеть» и «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства» [7];
 - под руководством МВД РФ реализовывались мероприятия в рамках федерального проекта «Безопасность дорожного движения» [6].
- Представленные проекты включают в себя мероприятия, направленные на непосредственное совершенствование работы контрольных и надзорных органов в части обеспечения безопасности дорожного движения, а именно:
- оснащение патрульными автомобилями подразделений, осуществляющих контрольные и надзорные функции в области обеспечения

безопасности дорожного движения, с оборудованными техническими средствами фиксации обстановки внутри и снаружи, радиостанцией, сигнальной громкоговорящей установкой;

- подразделения, осуществляющие контрольные и надзорные функции, были оснащены специальными техническими средствами измерений, используемыми для контроля за безопасностью при эксплуатации автомобильных дорог (в рамках реализации проектов было выделено не менее 12,5 тыс. технических средств);
- были приобретены, установлены и отрегулированы автоматизированные специальные технические средства измерений, используемые для контроля за безопасностью при эксплуатации транспортных средств.

Также, эффективным и современным методом фиксации административных правонарушений в области дорожного движения, которое получило свое распространение и после снятия ограничений, является использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Они использовались с целью дистанционного мониторинга дорог и фиксации административных правонарушений в области дорожного движения, и выполняли надзорную функцию, а также позволяли не нарушать дистанцию и изоляционный режим [1].

Использование БПЛА уже в 2021 году как метод фиксации административных правонарушений в области дорожного движения стал использоваться в 17 регионах Российской Федерации, и позволял фиксировать следующие нарушения: выезд на встречную полосу или пересечение дорожной разметки. Также, дроны передают информацию о дорожной ситуации нарядам ДПС, информируют посты ДПС и т.д. С точки зрения психологического воздействия использование БПЛА также имеет свою эффективность: автомобилистов и других участников дорожного движения заранее информируют об использовании дронов для фиксации административных правонарушений в сфере дорожного движения, что оказывает определенное давление и способствует соблюдению правопорядка.

Еще одним методом фиксации административных правонарушений в сфере дорожного движения, разработанным во время пандемии COVID-19, является федеральное мобильное приложение для фиксации нарушений правил дорожного движения гражданами. В период пандемии это приложение стало тестироваться на территории города Москвы, и имело название «Помощник Москвы». Пользователи приложения могли зафиксировать, путем осуществления фотосъемки, следующие правонарушения: несоблюдение оплаты парковки, нарушение правил стоянки автомобилей, парковку на газоне, проезд на красный свет светофора и другие административные правонарушения. Приложение использовалось в тестовом режиме, и в последствие было доработано и модернизировано. В настоящее время это приложение, на федеральном уровне, планируется к запуску и кон-

тролю, для повышения эффективности механизма фиксации административных правонарушений в сфере дорожного движения [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пандемия COVID-19 стала «катализатором» для совершенствования механизма фиксации административных правонарушений в сфере дорожного движения. Об успешности решений, которые были приняты и внедрены в 2020 году, говорит статистика по количеству дорожно-транспортных происшествий: в период пандемии отмечалось резкое уменьшение показателя, и его значение после снятия ограничений не вернулось к доковидным значениям. Можно констатировать, что совершенствование процессов и методов фиксации административных правонарушений должно осуществляться с использованием цифровых технологий, методов профилактики и предупреждения правонарушений, а также устойчивых, актуальных и современных инициатив.

Выводы и заключение

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на все сферы жизни, включая сферу обеспечения безопасности дорожного движения. С введением ограничительных мер и карантина в начале 2020 года наблюдалось резкое снижение интенсивности дорожного движения. Это, в свою очередь, отразилось на количестве зафиксированных нарушений правил дорожного движения. Анализ статистических данных показывает, что в 2020 году, вследствие пандемии, произошло резкое сокращение зафиксированных правонарушений в области дорожного движения.

Сравнение статистических показателей во время и после пандемии с предковидным периодом позволило более глубоко проанализировать изменения, произошедшие в системе фиксации административных правонарушений в области дорожного движения. До начала пандемии COVID-19 правоохранительные органы использовали традиционные методы контроля, такие как патрулирование, остановка транспортных средств и визуальный мониторинг. Эти методы, хотя и были эффективными, имели свои ограничения, включая зависимость от человеческого фактора и возможность субъективной оценки ситуации. С началом пандемии произошли значительные изменения в подходах к фиксации правонарушений.

Оценка эффективности принятых мер по контролю за административными правонарушениями в области дорожного движения в условиях пандемии COVID-19 показывает, что комплексный подход, включающий использование современных технологий, обучение сотрудников и активное информирование населения, является ключевым для достижения положительных результатов. Общая тенденция свидетельствует о том, что адаптация к новым условиям и активное взаимодействие с гражданами могут существенно повысить уровень безопасности на дорогах и снизить количе-

ство правонарушений. Важно, чтобы правоохранительные органы продолжали развивать и адаптировать свои методы работы, учитывая новые реалии и технологии, чтобы обеспечить безопасность на дорогах и минимизировать количество правонарушений в будущем. Также, необходимым видится реализовывать работу по совершенствованию статистического и отчетного аппаратов, что позволит более детально оценивать эффективность от конкретных внедренных средств и методов, и выстраивать стратегию развития с опорой на промежуточные результаты и итоги.

Литература

1. ГИБДД стала использовать дроны для выявления нарушений ПДД в 17 регионах России // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12137015>
2. Госавтоинспекция // Статистические показатели [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.gibdd.ru/>
3. Кобзева Е. И., Ушакова Е. В., Ткаченко Д. Г. Внедрение и совершенствование правового регулирования цифровых технологий в транспортную систему Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. – 2021. – № 2. – С. 146–154.
4. Космин В. В. Пандемия COVID-19 и автомобильный транспорт уроки первой волны // Техник транспорта: образование и практика. – 2021. – Т. 2. – № 3. – С. 308–316.
5. Никоренко, Ю. Ю. Факторы, влияющие на уровень опасности автомобильных дорог / Ю. Ю. Никоренко, С. С. Мордвин // Проектирование автомобильных дорог: сборник докладов 81-й Международной научно-методической и научно-исследовательской конференции МАДИ – Москва: Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), 2023. – С. 18–29. – EDN RYVOSS.
6. Паспорт федерального проекта «Безопасность дорожного движения» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319305/1d661b3c9eb9339c2d7864bb8a1d83fce2bae731/
7. Паспорт федерального проекта «Дорожная сеть» // Министерство транспорта РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319305/1d661b3c9eb9339c2d7864bb8a1d83fce2bae731/
8. Разработано «федеральное» мобильное приложение для фиксации нарушений ПДД гражданами, 2024 год // Отдел новостей D-Russia.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://d-russia.ru/razrabotano-federalnoe-mobilnoe-prilozhenie-dlja-fiksacii-narushenij-pdd-grazhdanami.html>
9. National Highway Traffic Safety Administration [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nhtsa.gov/>
10. Xenophontos C., Malléjacq P. Global Insights: Learning from a Global Pandemic // Transportation performance management newsletter. 2020. Vol. 1. Issue 1. Pp. 8–10. URL: <https://www.tpm-portal.com/wp-content/uploads/2020/11/TPM-Newsletter-Fall-2020.pdf>

FIXING ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF TRAFFIC DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Shtymov K.Z.

O.E. Kutafin Moscow State Law University

The problems of adaptation of the processes of fixation of offenses to the pandemic conditions and ensuring the effectiveness of control over violations is a topical issue. It determined the purpose of the article – to study changes in the fixation of administrative offenses in the field of road traffic during the pandemic COVID-19 in Russia. The paper presents the results of retrospective and comparative analyses on the problem of changes in the dynamics of the number of traffic accidents before, during and after the beginning of the COVID-19 pandemic, with the conclusion, highlighting the investigative-causal relationship and conclusions.

Keywords: administrative offences; traffic rules; digital pass; devices for automatic recording of traffic violations; COVID-19 pandemic.

References

1. The State Traffic Safety Inspectorate has begun using drones to detect traffic violations in 17 regions of Russia // TASS [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12137015>
2. The State Traffic Safety Inspectorate // Statistical indicators [Electronic resource]. URL: <http://stat.gibdd.ru/>
3. Kobzeva E. I., Ushakova E. V., Tkachenko D. G. Implementation and improvement of legal regulation of digital technologies in the transport system of the Russian Federation // Transport law and safety. – 2021. – No. 2. – P. 146–154.
4. Kosmin V. V. The COVID-19 pandemic and road transport lessons of the first wave // Transport technician: education and practice. – 2021. – Vol. 2. – No. 3. – P. 308–316.
5. Nikorenko, Yu. Yu. Factors influencing the level of danger of highways / Yu. Yu. Nikorenko, S. S. Mordvin // Design of highways: collection of reports of the 81st International scientific-methodical and research conference MADI–Moscow: Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), 2023. – P. 18–29. – EDN RYVOSS.
6. Passport of the federal project “Road Safety” [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319305/1d661b3c9eb9339c2d7864bb8a1d83fce2bae731/
7. Passport of the federal project “Road Network” // Ministry of Transport of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319305/1d661b3c9eb9339c2d7864bb8a1d83fce2bae731/
8. A “federal” mobile application for recording traffic violations by citizens has been developed, 2024 // D-Russia.ru News Department [Electronic resource]. URL: <https://d-russia.ru/razrabotano-federalnoe-mobilnoe-prilozhenie-dlja-fiksacii-narushenij-pdd-grazhdanami.html>
9. National Highway Traffic Safety Administration [Electronic resource]. URL: <https://www.nhtsa.gov/>
10. Xenophontos C., Malléjacq P. Global Insights: Learning from a Global Pandemic // Transportation performance management newsletter. 2020. Vol. 1. Issue 1. Pp. 8–10. URL: <https://www.tpm-portal.com/wp-content/uploads/2020/11/TPM-Newsletter-Fall-2020.pdf>

Защита семейных прав при расторжении брака: медиативные процедуры

Автомонова Марина Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: a.mv@ro.ru

На фоне явного роста конфликтности бракоразводных процессов традиционная судебная модель всё чаще оказывается неспособной обеспечить деликатное и по-настоящему эффективное разрешение споров, особенно при наличии несовершеннолетних детей. Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью выработки механизмов, способных одновременно учитывать правовые и эмоционально-психологические аспекты распада семьи. Целью работы стало концептуальное и прикладное осмысление медиативных процедур как альтернативного инструмента защиты семейных прав при расторжении брака. В рамках анализа при выполнении работы выявлены расхождения в оценке правового статуса медиативного соглашения, а также неоднородность подходов к его юридической легализации и включению в исполнительное производство. Помимо этого, в литературе прослеживается разобщённость в вопросе обязательности характеризуемой процедуры – от полной автономии сторон до интеграции в структуру бракоразводного процесса как его предварительного этапа. Автор приходит к выводу, что медиативный формат способен значительно смягчить конфликт и ускорить разрешение спора, однако требует институциональной доработки и профессионализации соответствующего корпуса. Авторский вклад заключается в систематизации научных позиций, критической интерпретации, а также в предложении направлений совершенствования рассматриваемого механизма, включая усиление процессуальных гарантий и развитие цифровых форматов участия. Статья адресована специалистам в области семейного права, медиаторам, юристам-практикам, разработчикам политики в сфере альтернативного разрешения споров.

Ключевые слова: альтернативное урегулирование, бракоразводный процесс, защита семейных прав, медиативное соглашение, медиация, посредничество, процедура, семейные споры

Введение

Расторжение брака зачастую превращается в затяжную процедуру, где формальные рамки судебного разбирательства усугубляют конфликт, повышают эмоциональную нагрузку, а также существенно удорожают процесс.

Особую тревогу вызывает ситуация с несовершеннолетними участниками спора, чьи интересы традиционные методы защиты зачастую не способны полноценно учесть.

Традиционная правоприменительная модель демонстрирует целый ряд недостатков: чрезмерная формализация, затягивание сроков, психологическое давление на стороны, высокие процессуальные издержки. В подобных условиях медиативные процедуры выступают перспективным механизмом, который способствует сбалансированному разрешению споров и сохранению закрытого формата обсуждения.

В данной связи многими исследователями предпринимаются попытки проанализировать механизмы медиативных процедур как альтернативы классическим судопроизводственным инструментам, ориентированные на сохранение баланса прав супругов и благополучия детей.

Материалы и методы

В литературе, посвящённой обсуждаемой теме, выделяется несколько содержательных направлений. Во-первых, основу для анализа составляют нормативные акты, определяющие правовые рамки применения медиации в семейных делах. Так, Семейный кодекс Российской Федерации [1] устанавливает приоритет интересов ребёнка, а Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ [2] формализует рассматриваемую процедуру как альтернативную форму разрешения конфликтов с участием независимого посредника. Эти акты задают институциональный контур, в пределах которого развиваются как теоретические, так и прикладные изыскания.

Системный подход демонстрируют в своей публикации Д.Э. Измайлова и А.З. Нагучева [3], акцентируя внимание на этапе предварительной коммуникации между сторонами и роли медиатора в снятии эмоционального напряжения. Подобную позицию разделяет и В.И. Малыгина [6], однако делает упор на восстановительном потенциале процедуры, рассматривая медиацию как пространство для выработки не только юридически, но и психологически устойчивых решений. В работе М.А. Чепурновой и М.А. Кондрашовой [9] прослеживается стремление объединить правовой и поведенческий аспекты взаимодействия супругов, где посредник

выступает не арбитром, а фасилитатором диалога. Тем самым подчеркивается гибкость медиативного инструментария в контексте бракоразводных споров.

Сравнительно-правовой подход представлен у Н.А. Курмаевой [5], которая проводит параллели между российской и зарубежной практикой семейной медиации. В её анализе прослеживается тезис о большей институциональной зрелости иностранных юрисдикций, где медиация интегрирована в систему правосудия не только нормативно, но и на уровне судебной практики. Работы Ж.Т. Кумыбековой [4] и Г.В. Мартыановой [7] демонстрируют межправовую перспективу – заметен фокус на различиях в уровне подготовки медиаторов, а также в механизмах имплементации достигнутых соглашений в систему исполнительного производства.

Р.В. Павлов [8] интерпретирует медиативную процедуру как фактор деэскалации конфликта, в котором супруги получают возможность выразить накопленные претензии в конструктивной форме. Н.Ю. Чубка [10] поднимает проблему доверия к посреднику и высвечивает значение предварительного согласия сторон на формат общения. В интернет-публикации [11] выделены практические рекомендации для сторон, а также представлены реальные сценарии применения характеризуемой процедуры, что позволяет увидеть её восприятие за пределами академической среды.

Обобщая литературный массив, следует отметить наличие концептуальных расхождений относительно степени обязательности медиативной процедуры: часть авторов настаивает на её факультативности, а другие – на институционализации как ключевого этапа до обращения в суд. Помимо этого, до сих пор не сформирована единая позиция по вопросу правового статуса соответствующего соглашения (одни исследователи рассматривают его как частноправовой договор, другие – как документ с квазисудебной силой). Недостаточно проработана проблематика цифровизации и использования удалённых форматов, несмотря на явную актуальность этого аспекта. Также слабо освещена специфика участия несовершеннолетних в анализируемом процессе, особенно в ситуациях, когда интересы ребёнка и родителей могут вступать в противоречие.

При подготовке данной статьи в качестве методов использованы формально-юридический, сравнительный и контент-анализ, элементы социопсихологической интерпретации медиативного поведения сторон, а также систематизация и обобщение.

Результаты и обсуждение

Институт медиации в России получил закрепление в Федеральном законе от 27.07.2010 № 193-ФЗ. Здесь посредничество определяется добровольным, конфиденциальным, гибким форматом урегулирования спора, при котором третья сторона – ме-

диатор – способствует диалогу, но не навязывает решения [2].

Дополнительную опору медиативным практикам создаёт Семейный кодекс РФ, провозглашающий приоритет защиты интересов ребёнка и поощряющий поиск конструктивных способов разрешения конфликтов в семьях [1].

В результате сочетание законодательно установленной автономии сторон и акцента на социальной составляющей спора создаёт благоприятную почву для применения медиации в бракоразводных делах.

Основу работы каждого посредника составляет ряд краеугольных принципов, которые получили отражение в статье 3 упомянутого выше Федерального закона. (рис. 1).

Рис. 1. Выделение принципов проведения процедуры медиации (составлено автором на основе [1, 3, 6, 8])

Так, добровольность процедуры означает, что вступление и выход из неё зависят исключительно от воли участников, что снижает риск дисбаланса влияния. Во-вторых, нейтральность медиатора предполагает отсутствие у него личных или профессиональных интересов в исходе переговоров, что формирует доверительное пространство для обмена мнениями. Конфиденциальность же гарантирует, что всё, сказанное за «круглым столом», не учтёт в материалы судебного дела без согласия обеих сторон, что значительно уменьшает страх публичного осуждения или использования сказанного против участников.

Процедурный формат медиативной сессии в контексте обозначения конкретных этапов представлен на схеме (рис. 2).

Итак, процесс обычно начинается с ознакомительной встречи, на которой посредник выслушивает каждую сторону отдельно, чтобы выявить её подлинные запросы и эмоциональные барьеры.

Затем следует совместная фаза, когда супруги садятся за один стол, уже вооружённые пониманием того, как их потребности могут коррелировать или противоречить интересам партнёра. Работа чаще всего ведётся в несколько «раундов», где каждая сессия смещает акценты от фиксированных позиций («я хочу столько-то в качестве алиментов») к более глубинным мотивациям («мне важно обеспечить ребёнку стабильный режим и эмоциональную поддержку»). Завершающая стадия включает оформление достигнутых договорённостей в виде медиативного протокола, который при необходимости проходит юридическую экспертизу и утверждение судом для придания ему исполнительной силы.

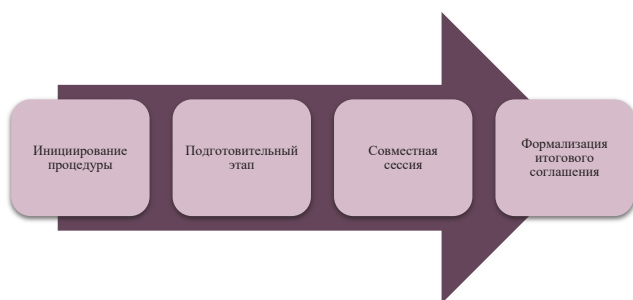

Рис. 2. Этапы внедрения медиации (составлено автором на основе [4, 5, 9])

В ситуациях, где прямой контакт супругов чреват эскалацией, практикуется «шаттл-медиация», когда посредник, подобно связному, перемещается между изолированными кабинетами и передаёт предложения. Адаптация идей Гарвардского проекта переговоров превращает фокус с закреплённых позиций на общих интересах – вместо вычленения «столько-то активов» стороны совместно ищут пути обеспечения нужд семьи, формируя новые варианты решения. В более сложных случаях подключают дополнительных экспертов – психологов или финансовых консультантов – что предоставляет возможность всесторонне проработать вопросы распределения имущества и воспитания детей, нивелируя риски одностороннего давления [3, 10].

На основе полевых исследований можно говорить о том, что медиативные процедуры позволяют сократить время урегулирования спора почти вдвое по сравнению с традиционным судебным разбирательством и добиться соглашений в 60–80% случаев. Участники отмечают более высокий уровень контроля над процессом и меньшее чувство проигрыша по сравнению с вынужденными судебными решениями. Вместе с тем, при серьёзном дисбалансе ресурсов между супругами добровольность обретает «декоративный» характер, а договорённости без последующего одобрения судом остаются уязвимыми к оспариванию. Скрытые мотивации, не вскрытые на начальном этапе, способны свести на нет всю проделанную работу, если медиатор упустит возможность глубоко проанализировать внутренние установки сторон [4, 8].

Применительно к рассматриваемым медиативным процедурам целесообразно выделить риски

и ограничения: неравномерность переговорных позиций (когда один супруг существенно доминирует в вопросах финансов или социального статуса, добровольность может оказаться формальной); скрытые мотивы (отсутствие адекватного предварительного интервью чревато тем, что ключевые условия «спрячутся» за общеизвестными триггерными темами (алименты, раздел имущества); ограниченная правоприменительная сила (если соглашение не утверждено судом, при последующем обострении спора его положения могут быть оспорены) [4, 6, 11].

С учётом отмеченного выше видится уместным сформулировать рекомендации по оптимизации медиативной практики (рис. 3).

Рис. 3. Предложения по оптимизации медиативной практики (составлено автором)

Как представляется, расширение практики медиации требует системного подхода к подготовке посредников: интеграции модулей по семейной психологии и основам юриспруденции в образовательные программы. Весьма значимым направлением видится включение медиативных соглашений прямо в механизм исполнительного производства – это повысит их надёжность и сделает инструмент ощутимо привлекательным для участников. Помимо обозначенного выше, активная цифровизация (использование защищённых онлайн-платформ для встреч и электронного документооборота) позволит снять территориальные барьеры, а государственно-частное партнёрство сможет обеспечить льготный или бесплатный доступ к услугам для семей с невысоким доходом.

Выводы

Медиация в семейных спорах при расторжении брака предстает не просто одним из способов урегулирования конфликтов, а комплексной методикой,

способной смягчить бюрократию и психологическую нагрузку.

Ключевое юридическое преимущество рассматриваемого процесса заключается в гибкости и отсутствии жесткой регламентации, что даёт возможность сторонам найти решение, которое максимально соответствует их интересам, в рамках закона.

Применение гибких процедур, ориентированных на интересы детей и материальное благополучие сторон, открывает путь к более человечному и экономически оправданному формату разрешения бракоразводных процессов, что в перспективе укрепит социальную устойчивость российских семейных институтов. С авторской точки зрения, весьма значимым является тот факт, что осенью 2024 года стадо известно, что Минюст прорабатывает законопроект о законодательном введении в России обязательной процедуры примирения при разводе.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 21.04.2025).
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 21.04.2025).
3. Измайлова Д.Э., Нагучева А.З. Особенности применения медиации при расторжении брака // Поколение будущего. Сборник избранных статей Международной научной конференции. – Санкт-Петербург: 2021. – С. 135–138.
4. Кумысбекова Ж.Т. Институт медиации при расторжении брака // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – № 1 (59). – С. 153–159.
5. Курмаева Н.А. Семейная медиация по делам о расторжении брака в России и зарубежных странах // Вопросы экономики и права. – 2020. – № 145. – С. 21–24.
6. Малыгина В.И. Медиация как средство защиты семейных прав при расторжении брака // Вопросы устойчивого развития общества. – 2022. – № 4. – С. 643–645.
7. Мартянова Г.В. Медиация как форма защиты семейных прав при расторжении брака // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1 (229). – С. 205–206.
8. Павлов Р.В. Медиация как фактор разрешения супружеских конфликтов // Актуальные исследования. – 2024. – № 50–3 (232). – С. 75–77.
9. Чепурнова М.А., Кондрашова М.А. Медиация как способ защиты прав и интересов супругов

при расторжении брака // Правовая позиция. – 2022. – № 8 (32). – С. 38–42.

10. Чубка Н.Ю. Медиация при расторжении брака // Академическая публицистика. – 2024. – № 9–2. – С. 378–383.

11. Юрист рассказал об особенностях медиации при разводе // URL: <https://iz.ru/1820210/2025-01-12/urist-rasskazal-ob-osobennostah-mediacii-pri-razvode> (дата обращения: 21.04.2025).

PROTECTION OF FAMILY RIGHTS IN DIVORCE PROCEEDINGS: MEDIATION PROCEDURES

Avtomonova M.V.

Stavropol branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Against the backdrop of a notable increase in the conflict intensity of divorce proceedings, the traditional judicial model is increasingly failing to ensure delicate and genuinely effective dispute resolution, particularly when minor children are involved. The relevance of this study stems from the pressing need to develop mechanisms capable of simultaneously addressing both the legal and emotional-psychological dimensions of family dissolution. The objective of this research is to provide both a conceptual and applied analysis of mediation procedures as an alternative instrument for protecting family rights during divorce. The analysis reveals discrepancies in the assessment of the legal status of mediation agreements, as well as a lack of uniformity in approaches to their juridical recognition and enforceability. Moreover, the literature reflects significant divergence on the question of whether mediation should be optional or institutionalized as a mandatory preliminary stage in divorce proceedings. The author concludes that mediation offers considerable potential for de-escalating conflict and expediting resolution, yet it necessitates institutional refinement and the professionalization of the mediators' community. The author's contribution lies in the systematization of academic perspectives, critical interpretation of legal practices, and the proposal of directions for improving the mediation mechanism, including the strengthening of procedural safeguards and the development of digital participation formats. The article is intended for legal scholars specializing in family law, practicing mediators, legal professionals, and policymakers in the field of alternative dispute resolution.

Keywords: alternative resolution, divorce proceedings, family rights protection, mediation, mediation agreement, procedure, spousal disputes, third-party facilitation.

References

1. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 (as amended on 11/23/2024) (as amended and supplemented, intro. effective from 02/05/2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (date of application: 04/21/2025).
2. Federal Law No. 193-FZ dated 07/27/2010 (as amended on 07/26/2019) "On an alternative Dispute Settlement Procedure involving an Intermediary (mediation procedure)" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (date of application: 04/21/2025).
3. Izmailova D.E., Nagucheva A.Z. Features of the use of mediation in the dissolution of marriage // Generation of the future. Collection of selected articles of the International Scientific Conference. – Saint Petersburg: 2021. – Pp. 135–138.
4. Kumysbekova Zh.T. Institute of Mediation at the dissolution of marriage // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. – 2020. – No. 1 (59). – Pp. 153–159.
5. Kurmayeva N.A. Family mediation in cases of divorce in Russia and foreign countries // Issues of economics and law. – 2020. – No. 145. – Pp. 21–24.
6. Malygina V.I. Mediation as a means of protecting family rights at the dissolution of marriage // Issues of sustainable development of society. – 2022. – No. 4. – Pp. 643–645.

7. Martianova G.V. Mediation as a form of protection of family rights at the dissolution of marriage // Law and the State: theory and practice. – 2024. – No. 1 (229). – Pp. 205–206.
8. Pavlov R.V. Mediation as a factor of marital conflict resolution // Current research. – 2024. – No. 50–3 (232). – Pp. 75–77.
9. Chepurnova M.A., Kondrashova M.A. Mediation as a way to protect the rights and interests of spouses at the dissolution of marriage // Legal position. – 2022. – No. 8 (32). – Pp. 38–42.
10. Chubka N.Y. Mediation at the dissolution of marriage // Academic journalism. – 2024. – No. 9–2. – Pp. 378–383.
11. The lawyer spoke about the features of mediation in divorce // URL: <https://iz.ru/1820210/2025-01-12/urist-rasskazal-ob-osobennostah-mediicii-pri-razvode> (date of application: 04/21/2025).

Будиллов Григорий Михайлович,

аспирант, кафедра гражданского и корпоративного права
Санкт-Петербургского государственного экономического
университета (СПбГЭУ)

Актуальность темы работы обусловлена состоянием российского законодательства, имеющего ряд несовершенств в части регулирования процедуры банкротства. Собрание кредиторов – один из наиболее важных институтов в банкротстве, именно от него зависит вся процедура, а посему он нуждается в наиболее тщательном правовом регулировании законодательства. В данный момент существует ряд вопросов для правоприменительной практики, что зачастую приводит к нарушению прав кредиторов, а также других участников процесса, в связи с чем возникает необходимость дополнительного анализа данного вопроса.

Статья посвящена анализу отечественной правовой системы регулирования собрания кредиторов в процедуре банкротства, а также сравнению ее сильных и слабых сторон по отношению к другим законодательствам. Был произведен анализ судебной практики на предмет выявления конкретных проблем в практике судов. В рамках данной статьи рассматриваются проблемные вопросы, касающиеся собрания кредиторов, а также возможные пути реформирования законодательства с целью повышения экономической эффективности и совершенствования законодательного регулирования для недопущения злоупотреблений со стороны управляющих, должников и третьих лиц.

Ключевые слова: собрание кредиторов, кредиторы в банкротстве, Закон о банкротстве.

Собрание кредиторов является центральным элементом процедуры банкротства, определяющим судьбу должника и распределение его активов среди кредиторов. Это не просто формальность, а ключевой этап, требующий тщательной подготовки и активного участия всех заинтересованных сторон. Его эффективность напрямую влияет на справедливость и прозрачность процесса банкротства, а также на минимизацию потерь кредиторов.

В основе собрания кредиторов лежит принцип коллективного принятия решений. Кредиторы, являющиеся основными заинтересованными лицами в деле о банкротстве, получают возможность выразить свою волю относительно дальнейшей судьбы должника и порядка удовлетворения их требований. Их коллективное решение, принятое в соответствии с законодательством, обладает юридической силой и обязательной для исполнения.

Главные задачи собрания кредиторов многогранны. Прежде всего, оно призвано определить процедуру банкротства, которая будет наиболее эффективна для реализации имущества должника и удовлетворения требований кредиторов. Выбор между конкурсным производством, мировым соглашением или реструктуризацией задолженности – ключевое решение, принимаемое на собрании. Этот выбор зависит от множества факторов, включая финансовое состояние должника, состав и размер требований кредиторов, перспективы восстановления платежеспособности должника.

Кроме того, собрание кредиторов участвует в формировании и утверждении плана распределения имущества должника между кредиторами. Этот план должен быть справедливым и учитывать очередность удовлетворения требований, установленную законом. Здесь важно отметить, что собрание кредиторов не может игнорировать законодательно установленную иерархию требований кредиторов, однако в рамках этой иерархии может принимать решения о распределении имущества в соответствии с интересами большинства.

Статьи 12–15 Федерального закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве) регулируют порядок участия кредиторов в собраниях кредиторов. Они описывают: уведомление о собрании, его организацию и проведение, а также требования к правомочности собрания и принятию решений. Ненадлежащее уведомление делает собрание неправомочным, а принятые решения – недействительными.

Арбитражный управляющий (ст. 12, п. 1 Закона о банкротстве) обязан организовать и провести собрание в течение трёх недель с момента получения

соответствующего требования (ст. 14, п. 3 Закона о банкротстве), если закон не устанавливает иной срок. Если управляющий не выполнит это требование, собрание могут провести лица, инициировавшие его созыв (ст. 12, п. 5 Закона о банкротстве), соблюдая требования статей 12–14.

Это гарантирует права кредиторов, но только в случае неисполнения арбитражным управляющим своих обязанностей. В противном случае, решение, принятое на собрании, проведенном с нарушениями Закона о банкротстве, может быть признано судом недействительным.

Появление комитета кредиторов в конкурсных производствах интересно с исторической точки зрения. Г.Ф. Шершеневич отмечал аналогию между конкурсом и акционерным обществом, указывая, что, подобно тому как наблюдательный совет ограничивает произвол директоров в акционерном обществе, комитет кредиторов призван контролировать конкурсное управление. Это связано с тем, что многочисленное и часто неподготовленное собрание кредиторов, подобно общему собранию акционеров, может быть малоэффективно. Таким образом, по аналогии с корпоративным правом, собрание кредиторов сравнимо с общим собранием акционеров, а комитет кредиторов – с советом директоров (наблюдательным советом).

Закон предоставляет кредиторам, помимо основного права на удовлетворение своих требований к должнику, дополнительные права, не вытекающие непосредственно из гражданских правоотношений. К ним относится право участвовать в коллегиальных органах кредиторов (собрании и комитете), выражающих общую волю и интересы кредиторов. Статьи 12–18 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» подробно регламентируют их правовой статус, формирование и принятие решений.

Существует дискуссия о правовой природе этих органов. М.В. Телюкина считает собрание кредиторов самостоятельным субъектом конкурсного права, отличным от субъектов гражданского права. Е.А. Павлодский и О.Р. Зайцев придерживаются иной позиции, основываясь на Постановлении КС РФ от 22.07.2002 № 14-II, где указывается, что объединение кредиторов – это собрание кредиторов, связанных с должником гражданско-правовыми договорами, а не новое юридическое лицо.

В.А. Химичев критикует пункт 4 статьи 15 Закона о банкротстве за расплывчатость формулировок, не определяющих формальные основания для признания решений недействительными, а также случаи несущественных нарушений или ситуаций, когда голос заявителя не мог повлиять на результат голосования. В связи с этим предлагается использовать положения корпоративного права, в частности, пункт 7 статьи 49 Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», позволяющий акционерам обжаловать решения общего собрания, принятые с нарушением закона, других нормативных актов или устава общества.

Однако, эффективность собрания кредиторов во многом зависит от уровня информированности кредиторов и их активного участия. Часто кредиторы, не имея достаточной информации о финансовом состоянии должника и процедуре банкротства, не могут адекватно оценить предложенные варианты и принять обоснованные решения. Это может привести к принятию неэффективных решений, затягиванию процедуры банкротства и увеличению потерь.

Встреча кредиторов не всегда заканчивается единогласным решением. Возникают споры, оспариваются принятые решения, и не всегда результаты собраний соответствуют закону. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 26 декабря 2018 г. (далее – Обзор) анализирует подобные ситуации, где оспаривается законность решений собраний кредиторов. Рассмотрим ключевые моменты этого Обзора.

В одном деле о банкротстве кредитор, отсутствовавший на первом собрании по выбору саморегулируемой организации (далее – СРО) из-за отсутствия в реестре, после включения в него и обретения статуса мажоритарного кредитора, созвал новое собрание. На нём было отменено первоначальное решение о выборе СРО и принято новое. Кредиторы, участвовавшие в первом собрании, проигнорировали второе, что привело к взаимному оспариванию решений.

Экономическая коллегия разрешила спор, указав, что закон о банкротстве не запрещает кредиторам пересматривать решения о выборе арбитражного управляющего или СРО. Изменение решения возможно до тех пор, пока оно не повлияло на права и интересы других лиц. В данном случае, изменение решения допустимо до утверждения судом кандидатуры арбитражного управляющего, выбранной на первом собрании.

Законодатель, несмотря на частые изменения в законодательстве о банкротстве, не уделяет должного внимания вопросу оспаривания решений собраний кредиторов. Отсутствует единая судебная практика высших инстанций по этому вопросу. Кроме того, закон не регулирует порядок оспаривания решений комитета кредиторов, хотя арбитражная практика допускает такое оспаривание по аналогии с процедурой обжалования решений собрания кредиторов (судов кассационной инстанции и ВАС РФ).

Также серьезным вопросом для юридической практики является то, что считать препятствием к участию в собрании кредиторов. Определение термина «препятствие к участию в собрании кредиторов» носит оценочный характер и является дискрецией суда. Судебная практика демонстрирует различные подходы. Например, Арбитражный суд Уральского округа (Постановление от 13.02.2018 N Ф09–8691/17) признал незаконным недопуск представителя кредитора из-за отсутствия подлинника доверенности, если арбитражный управляющий получил скан-копию доверенности по электронной почте и, таким образом, знал о полномочиях пред-

ставителя, посчитав, что недопуск воспрепятствовал реализации прав кредитора.

Также незаконен недопуск, если определение о включении в реестр требований кредиторов оглашено, но отсутствует в картотеке арбитражных дел, но кредитор предоставит заверенную судом копию определения. Бездействие управляющего по своевременной идентификации кредитора считается незаконным, если он знал о дате рассмотрения требования. Небольшое опоздание на регистрацию, если собрание ещё не началось, суд может оправдать (постановления Пятого ААС от 18.03.2013 N 05АП-2548/2013 и АСУО от 09.09.2020 N Ф09–4841/20). Однако опоздание после начала собрания, даже по уважительной причине, обычно ведёт к недопуску.

Недопуск возможен также при явке неуполномоченного лица. Список лиц, имеющих право участвовать в собрании, закрытый и определён статьей 12 Закона о банкротстве.

В заключение, можно сказать, что собрание кредиторов – это сложный, но необходимый механизм, играющий ключевую роль в процессе банкротства. Его эффективность напрямую зависит от законодательного регулирования, прозрачности процедуры и активного участия всех заинтересованных сторон. Повышение уровня информированности кредиторов и совершенствование механизмов их участия в принятии решений – залог справедливого и эффективного разрешения дел о банкротстве. Дальнейшее развитие законодательства в этой области должно быть направлено на усиление роли кредиторов и обеспечение максимальной защиты их интересов.

Литература

1. Обжалование решений собрания кредиторов / И.Ю. Золотилов // Арбитражная практика. – 2010. – N 5. – С. 100–107. – ISSN 1608-6732
2. Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». М., 2003. С. 15–16.
3. Павлодский Е.А., Зайцев О.Р. Правовое положение кредитора в деле о банкротстве // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 39.
4. Химичев В.А. Указ. соч. С. 40.
5. Собрание кредиторов и комитет кредиторов как коллективные субъекты конкурсного права / М.А. Говоруха // Современное право. – 2008. – N 1. – С. 11–15. – ISSN 1991-6027
6. Телюкина М.В. Конкурсное право. М., 2000. С. 216
7. Собрание кредиторов и комитет кредиторов как коллективные субъекты конкурсного права / М.А. Говоруха // Современное право. – 2008. – N 1. – С. 11–15. – ISSN 1991-6027
8. Постановления ФАС Московского округа от 27.07.2006 № КГ-А41/6509–06, от 24.11.2004 № КГ-А41/10842–04

9. Совместное постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ от 09.12.1999 № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”»; постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об акционерных обществах”»
10. Постановление 14 ААС от 12.09.2008 по делу № А05–7330/2007.
11. Постановление 14 ААС от 13.05.2008 по делу № А05–10222/2006–21.

MEETING OF CREDITORS: CURRENT ISSUES OF THEORY AND JUDICIAL PRACTICE

Budilov G.M.

St. Petersburg State University of Economics

The relevance of the topic of the paper is due to the state of Russian legislation, which has a number of imperfections in terms of regulating bankruptcy proceedings. The creditors meeting is one of the most important institutions in bankruptcy, the whole procedure depends on it, and therefore it needs the most thorough legal regulation of legislation. At the moment, there are a number of issues for law enforcement practice, which leads to a violation of the rights of creditors, as well as other participants in the process, and therefore there is a need for additional analysis of this issue. This article is devoted to the analysis of the domestic legal system for regulating the creditors meeting in bankruptcy proceedings, as well as comparing its strengths and weaknesses in relation to other legislation. An analysis of judicial practice was carried out to identify specific problems in the practice of courts. This article discusses problematic issues related to the creditors' meeting, as well as possible ways to reform legislation in order to increase economic efficiency and improve legislative regulation to prevent abuse by managers, debtors and third parties.

Keywords: Creditors' meeting, creditors in bankruptcy, Bankruptcy Law.

References

1. Appealing decisions of the creditors' meeting / I. Yu. Zolotilov // Arbitration practice. – 2010. – N 5. – P. 100–107. – ISSN 1608-6732
2. Telyukina M.V. Commentary on the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”. Moscow, 2003. P. 15–16.
3. Pavlodsky E. A., Zaitsev O.R. Legal status of a creditor in a bankruptcy case // Journal of Russian Law. 2004. No. 7. P. 39.
4. Khimichev V.A. Op. cit. P. 40.
5. The meeting of creditors and the creditors' committee as collective subjects of bankruptcy law / M.A. Govorukha // Modern law. – 2008. – N 1. – P. 11–15. – ISSN 1991-6027
6. Telyukina M.V. Competition law. M., 2000. P. 216
7. Creditors' meeting and creditors' committee as collective subjects of competition law / M.A. Govorukha // Modern law. – 2008. – N 1. – P. 11–15. – ISSN 1991-6027
8. Resolutions of the FAS Moscow District dated 27.07.2006 No. KG-A41/6509–06, dated 24.11.2004 No. KG-A41/10842–04
9. Joint Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 09.12.1999 No. 90/14 “On Certain Issues of Application of the Federal Law “On Limited Liability Companies””; Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 18.11.2003 No. 19 “On Certain Issues of Application of the Federal Law “On Joint-Stock Companies””
10. Resolution of the 14th AAS dated 12.09.2008 in case No. A05–7330/2007.
11. Resolution of the 14th AAS dated 13.05.2008 in case No. A05–10222/2006–21.

Особенности возникновения обязательств ресурсоснабжающих организаций, обслуживающих организаций и управляющих организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства

Васильева Ирина Викторовна,

аспирант, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «СИНЕРГИЯ»

E-mail: durova_irina.blg@mail.ru

В статье рассматривается правовая природа и распределение обязательств между ресурсоснабжающими организациями (РСО), поставщиками услуг и управляющими компаниями (УК) в жилищно-коммунальной сфере. Особое внимание уделяется дуалистической природе этих обязательств как договорно-правовых конструкций, регулируемых Жилищным и Гражданским кодексами РФ, а также соответствующими подзаконными актами. В исследовании выделены сложности, связанные с договорными дисбалансами, финансовыми рисками и эксплуатационными зависимостями, которые существенно влияют на исполнение обязательств в данной сфере. Судебная практика анализируется с целью выявления пробелов в нормативно-правовой базе, подчеркиваются проблемы распределения рисков, обеспечения исполнения договоров и распределения ответственности между участниками. На основе выявленных недостатков формулируются законодательные предложения, направленные на повышение стабильности договорных отношений, оптимизацию механизмов заключения прямых договоров, совершенствование правового надзора и прозрачности. В статье обосновывается необходимость проведения правовых реформ, направленных на обеспечение сбалансированного соотношения частных интересов и публично-правовых требований в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Ключевые слова: жилищное, коммунальное, хозяйство, ресурсоснабжающие организации, управляющие компании, обслуживающие организации, обязательства, ответственность, договор, услуги.

Вопрос возникновения обязательств ресурсоснабжающих организаций, обслуживающих организаций и управляющих организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства актуален как никогда. По данным статистики общая задолженность населения за услуги ЖКХ в 2024 году превысила 1 трлн рублей. Только по неуплате за электроэнергию долги составляют 350 млрд рублей, на 7% больше, чем в 2023 году¹. Обязательства по оказанию услуг являются наиболее сложными, спорными и противоречивыми в теории и практике гражданского права².

В доктринальном плане понятие «коммунальные услуги» (от лат. *communis* – общий/совместный) охватывает организованную деятельность субъектов по обеспечению холодного и горячего водоснабжения, водоотведения, электроснабжения, газоснабжения, отопления, направленную на поддержание пригодных условий проживания граждан в жилых помещениях. Таким образом, в перечень услуг входят: энергоснабжение (поставка электрической и тепловой энергии, газа); отопление (поставка тепловой энергии или горячей воды); водоснабжение и водоотведение; обращение с отходами³.

В цивилистическом плане услуги следует четко отличать от выполнения работ. Оказание услуг связано с нематериальными результатами и регулируется главой 39 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в то время как выполнение работ приводит к созданию или преобразованию материального объекта (глава 37 ГК РФ). Это принципиальное различие часто игнорируется в жилищно-коммунальной сфере, где термин «услуга» часто применяется без разграничения как к эксплуатационным работам, так и к непосредственному ресурсоснабжению.

В правовом контексте необходимо различать договорные обязательства и правоотношения.

¹ Долги за коммуналку с россиян будут взиматься по-новому: названы последствия // URL: <https://www.mk.ru/economics/2025/01/14/dolgi-za-kommunalku-s-rossiyan-budut-vzimatsya-ponovomu-nazvany-posledstviya.html> (Дата обращения: 14.01.2025)

² Гражданское право: учебник для вузов. В 2 ч. Ч. 2 / под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М.: Эксмо, 2009. – С. 370.

³ Брагинский М. И., Витрянский В.В. Договорное право. В кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: Проспект, 2002. – С. 1038.

Первое является структурным элементом второго и определяется как гражданско-правовая связь, в силу которой одна сторона (должник) обязана совершить определенное действие в пользу другой стороны (получателя) или воздержаться от такого действия, а получатель имеет право требовать исполнения этой обязанности. Правоотношение, в свою очередь, включает в себя не только само обязательство, но и юридические факты, субъектный состав, объект, защитные механизмы.

Сервисные отношения в жилищно-коммунальной сфере должны трактоваться исключительно в рамках частноправовых категорий, прежде всего обязательственного права. В отличие от управленческого дискурса, склонного воспринимать такие отношения через призму административного регулирования или технико-эксплуатационного взаимодействия, гражданское право требует рассматривать их как вытекающие из договоров на оказание услуг (ст. 779–783 ГК РФ), договоров на выполнение работ (ст. 702–729 ГК РФ) или договоров энергоснабжения (ст. 539–548 ГК РФ). Каждый из этих договоров имеет свой правовой режим и предмет.

Договоры энергоснабжения, в частности, представляют собой самостоятельный договорный тип, регулируемый специальным подразделом главы 30 ГК РФ. Данный договор характеризуется подачей энергии абоненту через присоединенные сети и, в частности, накладывает двусторонние обязательства: энергоснабжающая организация (РСО) должна обеспечить бесперебойность и качество поставки, а потребитель – оплачивать принятую энергию и поддерживать техническое состояние точки присоединения. Специфика данного обязательства заключается в его непрерывном характере и технической взаимозависимости исполнения сторонами.

Обязательства управляющих организаций (УК) и обслуживающих компаний несмотря на то, что на практике их часто приравнивают, возникают в рамках разных правовых конструкций. УК, действующие, как правило, на основании договора управления жилым помещением (ст. 162 ЖК РФ), выполняют сложные, многофункциональные задачи, которые могут включать как элементы обслуживания (уборка, мелкий ремонт), так и выполнения работ (капитальный ремонт). При этом сервисные организации, как правило, привлекаются либо в рамках договорного делегирования (аутсорсинга) со стороны УК, либо как независимые стороны в договорах на выполнение работ/услуг с потребителями или РСО.

Чтобы проанализировать понятие услуг, в рамках которых возникают обязательства между субъектами ЖКХ, обратимся к трактовкам ученых относительно понимания характера обязательств в отношениях по оказанию услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), многие из которых считают, что отношения обслуживания тождественны оказанию услуг.

Некоторые ученые, такие как Е.А. Антонова и Н.А. Вац, подчеркивают материальный аспект обязательств по ЖКУ, определяя их как «комплекс работ и услуг», направленных на обеспечение содержания и восстановления жилых помещений, зданий и коммунальной инфраструктуры¹. Это определение соответствует более широкой трактовке, которая объединяет как договорные обязательства по оказанию услуг, так и технические обязанности по эксплуатации, что позволяет говорить о гибридной правовой природе таких обязательств. Однако данный факт не должен заслонять необходимость применения строгих правовых критериев для разграничения видов договоров. Отсутствие четкой договорной квалификации приводит к искажениям в механизмах распределения и реализации ответственности.

Иной взгляд представлен С.А. Кирсановым, который рассматривает жилищно-коммунальное хозяйство как систему, обеспечивающую комфортные условия проживания, зависящие от степени благоустройства жилого дома². Такой подход смещает акцент с чисто технического и договорного аспекта на экономическую и социальную полезность, предполагая, что характер этих обязательств зависит от внешних факторов, таких как муниципальное развитие и градостроительная политика.

Н.К. Клемайкин, М.Н. Павленков считают главным, что «жилищно-коммунальные услуги должны осуществляться на одинаковых и равноправных условиях в отношении каждого потребителя услуг, и быть направленными на обеспечение комфортных условий жизни потребителя услуг посредством профессионального управления многоквартирным домом, содержания, эксплуатации и необходимого текущего и капитального ремонта, предоставления коммунальных услуг надлежащего качества: электрической и тепловой энергии, водоснабжения, газоснабжения и водоотведения»³.

В противоположность этому Н.К. Клемайкин и М.Н. Павленков делают акцент на справедливом доступе к услугам, утверждая, что основная функция жилищно-коммунального хозяйства заключается в обеспечении справедливого и равного отношения ко всем потребителям посредством профессионального управления собственностью и качественного предоставления ресурсов⁴. Данная точка зрения вносит дополнительный нормативно-правовой и публично-правовой компонент, указывая на то, что обязательства в данной сфере выхо-

¹ Антонова Е. В., Вац Н.А. Разработка системы управления качеством жилищно-коммунальных услуг: учебное пособие. – Красноярск: Изд-во ФГАОУ «СФУ», 2017. – 135с.

² Кирсанов С.А. Жилищные и коммунальные услуги как вид экономической деятельности // Российский экономический интернет-журнал. – 2013. – № 1 – С. 10–12.

³ Клемайкин Н. К., Павленков М.Н. Направления развития ЖКХ России // Вестник ТГУ. Экономика. – 2020. – № 5. – С. 21–33.

⁴ Клемайкин Н.К., Павленков М.Н. Направления развития жилищно-коммунального хозяйства в России // Вестник ТГУ. Экономика. – 2020. – № 5. – Р. 21–33.

дят за рамки чисто договорных отношений и включают в себя обязательства по оказанию публичных услуг.

Наконец, А.А. Касимов и Н.В. Проваленова выделяют различные виды обязательств в рамках ЖКХ, отмечая, что одни услуги предоставляются управляющими компаниями (УК) и обслуживающими организациями, а другие относятся к сфере деятельности ресурсоснабжающих организаций (РСО)¹ Такая классификация подчеркивает множественность правовых отношений в секторе, что еще больше усложняет вопрос о том, можно ли считать эти обязательства строго договорными по своей природе.

Исходя из проанализированных точек зрения, можно выделить несколько ключевых областей расхождений:

1) природа обязательств: некоторые ученые рассматривают обязательства как договорные услуги, в то время как другие подчеркивают их общественно-полезную функцию или регулятивный характер;

2) роль потребителей: в то время как одни трактуют рассматривают потребителей как стандартные договорные стороны, другие подчеркивают необходимость равного и справедливого доступа к услугам, подразумевая более широкую юридическую ответственность поставщиков услуг;

3) дифференциация поставщиков услуг: некоторые ученые не проводят различий между разными категориями поставщиков услуг ЖКХ, в то время как другие признают особые правовые роли УК, РСО и компаний по техническому обслуживанию.

Правовая природа обязательств, возникающих в жилищно-коммунальной сфере, двойственна: если их содержание регулируется частноправовыми принципами (добровольность, равенство, возмездность и т.д.), то на их возникновение могут влиять административные акты или подзаконные акты (например, навязывание услуг поставщиками в монопольных сферах). Тем не менее, такое регулирующее влияние не меняет основополагающего цивилистического характера возникающих обязательств – они остаются договорными, если иное прямо не предусмотрено законом.

Сфера действия гражданско-правовых обязательств расширяется благодаря взаимодействию диспозитивных и императивных норм. Например, статьи 154–157 Жилищного кодекса определяют механизм расчета коммунальных платежей, но при этом оставляют возможность его изменения по соглашению сторон. Таким образом, создается многоуровневая система обязательств, сочетающая в себе законодательные предписания и гибкость договора.

Наличие множества сторон – РСО, УК, обслуживающих организаций и конечных потребителей – обуславливает необходимость создания се-

ти двусторонних договорных отношений, а не многостороннего договора. Каждое парное отношение должно быть независимо квалифицировано и оценено по своим элементам: субъекту, объекту, причине и содержанию. Введение прямых договоров между потребителями и РСО трансформирует роль УК из договорных посредников в технических координаторов, что требует пересмотра структуры их ответственности и финансовых рисков.

Судебная практика подтверждает необходимость договорной квалификации обязательств даже при отсутствии письменного соглашения. Например, в деле А17–9190/2016 (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа)² суд признал наличие отношений по энергоснабжению, основанных на фактической подаче и принятии энергоресурсов, в соответствии со ст. 544 ГК РФ.

Таким образом, доктринально и нормативно правовая модель жилищно-коммунальных обязательств должна быть встроена в гражданско-правовую теорию обязательств. Любой управленческий, административный или технический дискурс должен выступать исключительно в качестве вспомогательного инструментария для толкования содержания и исполнения соответствующих договорных обязательств.

Научная новизна данного подхода заключается в обосновании комплексной модели частноправовых обязательств в жилищно-коммунальной сфере, основанной на дифференцированном применении договорных типов, строгом разграничении выполнения работ и оказания услуг, уточнении взаимосвязи договорных обязательств и правоотношений. Данная модель позволяет воссоздать правовую структуру жилищно-коммунального хозяйства в соответствии с гражданско-правовыми принципами, требующими теоретической ясности, терминологической точности и системной целостности.

В сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) возникновение обязательств становится все более сложным вопросом, особенно при изучении взаимодействия между ресурсоснабжающими организациями (РСО), обслуживающими организациями и управляющими компаниями (УК). Эти отношения, часто рассматриваемые через призму гражданского права, представляют собой парадокс, так как они существуют в рамках, регулируемых принципами частного права, но при этом подвержены внешнему, нормативному и административному давлению, что позволяет преодолеть границу между частным и публичным правом. Эта двойственность побуждает нас задаться вопросом: когда присущий этим обязательствам характер становится чисто договорным, а когда внешние, общественные факторы усложняют их классификацию в гражданском праве? Растущий объем долгов, который к 2025 году превысит один триллион

¹ Касимов А.А., Проваленова Н.В. Правовое регулирование жилищно-коммунального хозяйства в современной России // Журнал исследований гражданского права. – 2022. – No. 2. – С. 45–60.

² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.05.2018 N Ф01–883/2018 по делу N А17–9190/2016. Требование: О взыскании долга по оплате электроэнергии и о взыскании пеней за просрочку ее оплаты // СПС Консультант Плюс

рублей, лишь подчеркивает противоречие между экономической необходимостью и юридической ответственностью, заставляя переосмыслить обязательства, налагаемые этими услугами.

В гражданском праве понятие «коммунальные услуги», происходящее от латинского *commune*, означающего «общий», обозначает предоставление основных услуг, таких как водоснабжение, газоснабжение, электроснабжение, отопление и вывоз мусора, направленных на поддержание основных условий жизни. Однако такая

Широкая классификация коммунальных услуг поднимает вопрос о том, являются ли эти услуги просто техническими функциями или же они служат более широкому социальному контракту. При всей простоте, что услуги нематериальны, а работы связаны с созданием или изменением физического объекта, применение в секторе ЖКХ часто оказывается размытым. Таким образом, возникает вопрос: можно ли по-настоящему отделить поставку электроэнергии от выполнения работ по техническому обслуживанию, если и то, и другое способствует непрерывному функционированию жилищных систем?

Кроме того, правовые отношения в жилищно-коммунальном секторе часто представляются как единая структура, однако они далеко не однородны. Обязательства, связанные с договорами на оказание услуг, договорами на выполнение работ или договорами энергоснабжения, имеют разные правовые режимы, однако на практике эти границы часто размываются в пересекающихся, двойных обязательствах. Смешение типов договоров, например, на оказание услуг и на техническое обслуживание, не позволяет добиться правовой ясности, необходимой для надлежащего распределения ответственности и обязанностей. Можно утверждать, что такое отсутствие различий искажает механизмы реализации ответственности, что ставит вопрос о теоретических основах классификации договорных обязательств в этом секторе.

При рассмотрении роли управляющих компаний в сравнении с обслуживающими организациями становится очевидным, что эти организации, хотя их часто рассматривают как взаимозаменяемые, на самом деле действуют в различных правовых рамках. УК, традиционно связанные договорами управления жилым фондом, выполняют многогранные функции, включающие как техническое обслуживание, так и капитальный ремонт, в то время как сервисные организации, как правило, выступают в роли субподрядчиков или независимых организаций, предоставляющих конкретные услуги. Такое расхождение порождает актуальный вопрос о том, в какой степени эти организации действительно выполняют отдельные, юридически разные роли, и как это различие влияет на их договорные обязательства и ответственность перед потребителями.

Литература

1. Антонова Е. В., Вац Н.А. Разработка системы управления качества жилищно-коммунальных услуг: учебное пособие. – Красноярск: Изд-во ФГАОУ «СФУ», 2017. – 135с.
2. Брагинский М. И., Витрянский В.В. Договорное право. В кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: Проспект, 2002. – С. 1038.
3. Гражданское право: учебник для вузов. В 2 ч. Ч. 2 / под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М.: Эксмо, 2009. – С. 370.
4. Дементеева, И.И. Некоторые проблемы правового регулирования предоставления коммунальных услуг / И.И. Дементеева, Ю.С. Онищенко // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: Сборник статей IX Национальной научно-практической конференции (симпозиума), Краснодар, 23 апреля 2024 года. – Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2024. – С. 25–31.
5. Демидова И. Разбирательство между ресурсоснабжающей и управляющей компаниями дошло до Верховного Суда // Жилищное право. 2021. N 4. С. 17–21.
6. Долги за коммуналку с россиян будут взиматься по-новому: названы последствия // URL: <https://www.mk.ru/economics/2025/01/14/dolgi-za-kommunalku-s-rossiyan-budut-vzimatsya-ponovomu-nazvany-posledstviya.html> (Дата обращения: 14.01.2025)
7. Кирсанов С.А. Жилищные и коммунальные услуги как вид экономической деятельности // Российский экономический интернет-журнал. – 2013. – № 1 – С. 10–12.
8. Клемайкин Н. К., Павленков М.Н. Направление развития ЖКХ России // Вестник ТГУ. Экономика. – 2020. – № 5. – С. 21–33.
9. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.05.2018 N Ф01–883/2018 по делу N A17–9190/2016. Требование: О взыскании долга по оплате электроэнергии и о взыскании пеней за просрочку ее оплаты // СПС Консультант Плюс
10. Постановление Правительства РФ от 06.02.2006 N 75 (ред. от 21.12.2018) «О порядке проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом» // Российская газета. – 2006. – N 37.
11. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 N 354 (ред. от 11.04.2024) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов») // Российская газета. – 2011. – N 116.

PECULIARITIES OF THE EMERGENCE OF OBLIGATIONS OF RESOURCE SUPPLYING ORGANIZATIONS, SERVICE ORGANIZATIONS AND MANAGEMENT ORGANIZATIONS ENGAGED IN ECONOMIC ACTIVITIES WITHIN THE HOUSING AND COMMUNAL SERVICES SYSTEM

Vasileva I.

Moscow financial and industrial university "SYNERGY"

The article considers the legal nature and distribution of obligations between resource supplying organizations (RSO), service providers and management companies (MC) in the housing and communal sphere. Special attention is paid to the dualistic nature of these obligations as contractual legal constructions regulated by the Housing and Civil Codes of the Russian Federation, as well as relevant by-laws. The study highlights the complexities associated with contractual imbalances, financial risks and operational dependencies that significantly affect the fulfillment of obligations in this sphere. Judicial practice is analyzed to identify gaps in the legal framework, highlighting the problems of risk allocation, contract enforcement and distribution of liability between the participants. Based on the identified shortcomings, legislative proposals are formulated to increase the stability of contractual relations, optimize the mechanisms of direct contracting, and improve legal oversight and transparency. The article substantiates the need for legal reforms aimed at balancing private interests and public-law requirements in the sphere of housing and communal services.

Keywords: housing, utilities, economy, resource supplying organizations, management companies, service organizations, obligations, responsibility, contract, services.

References

1. Antonova E. V., Vats N.A. Development of a quality management system for housing and communal services: a textbook. – Krasnoarsk: Publishing House of the Federal State Autonomous Educational Institution "SFU", 2017. – 135 p.
2. Braginsky M. I., Vitryansky V.V. Contract law. In book. 3: Contracts for the performance of work and the provision of services. – Moscow: Prospect, 2002. – P. 1038.
3. Civil law: a textbook for universities. In 2 parts. Part 2 / edited by V.P. Kamyshansky, N.M. Korshunov, V.I. Ivanov. – M.: Eksmo, 2009. – P. 370.
4. Dementeeva, I.I. Some problems of legal regulation of the provision of public utilities / I.I. Dementeeva, Yu.S. Onishchenko // Private law of the Russian Federation: history, current state, trends and development prospects: Collection of articles of the IX National scientific and practical conference (symposium), Krasnodar, April 23, 2024. – Krasnodar: Research Institute of Actual Problems of Modern Law, 2024. – P. 25–31.
5. Demidova I. The proceedings between the resource supplying and management companies reached the Supreme Court // Housing law. 2021. N 4. P. 17–21.
6. Utility debts from Russians will be collected in a new way: consequences are named // URL: <https://www.mk.ru/economics/2025/01/14/dolgi-za-kommunalku-s-rossiyan-budut-vzimatsya-ponovomu-nazvany-posledstviya.html> (Accessed: 14.01.2025)
7. Kirsanov S.A. Housing and communal services as a type of economic activity // Russian economic online journal. – 2013. – No. 1 – P. 10–12.
8. Klemaykin N. K., Pavlenkov M.N. Directions for the development of the housing and communal services of Russia // Bulletin of TSU. Economy. – 2020. – No. 5. – P. 21–33.
9. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 22.05.2018 N F01–883/2018 in case N A17–9190/2016. Claim: On collection of debt for payment for electricity and on collection of penalties for late payment // SPS Consultant Plus
10. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 06.02.2006 N 75 (as amended on 21.12.2018) "On the procedure for holding an open competition by a local government body to select a management organization to manage an apartment building" // Rossiyskaya Gazeta. – 2006. – N 37.
11. Resolution of the Government of the Russian Federation of 06.05.2011 N 354 (as amended on 11.04.2024) "On the provision of public utilities to owners and users of premises in apartment buildings and residential buildings (together with the "Rules for the provision of public utilities to owners and users of premises in apartment buildings and residential buildings") // Rossiyskaya Gazeta. – 2011. – N 116.

Правовое регулирование разработки техногенных россыпей драгоценных металлов: от разведочно-эксплуатационных полигонов к современным вызовам

Васянин Георгий Михайлович,

аспирант, кафедра гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет
E-mail: Vasyanin88@rambler.ru

В статье исследуются правовые аспекты разработки техногенных россыпей драгоценных металлов в России. Проанализирована эволюция нормативного регулирования от советского периода до современного этапа. Особое внимание уделено проблеме отмены разведочно-эксплуатационных полигонов (РЭП) и её последствиям для золотодобывающей отрасли. Рассмотрены преимущества и недостатки РЭП, а также альтернативные подходы к правовому регулированию разработки техногенных россыпей. На основе анализа мнений специалистов отрасли сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в сфере недропользования.

Ключевые слова: техногенные россыпи, драгоценные металлы, разведочно-эксплуатационные полигоны, недропользование, правовое регулирование, крупнообъемное опробование, экологические требования, золотодобыча, техногенные месторождения, отходы горного производства.

Разработка техногенных россыпей драгоценных металлов представляет собой одно из перспективных направлений развития горнодобывающей промышленности России, обладающее значительным экономическим потенциалом. Техногенные россыпи, сформированные в результате предшествующей добычи, содержат существенные запасы драгоценных металлов, извлечение которых становится рентабельным по мере совершенствования технологий и роста цен на металлы. Вовлечение этих объектов в хозяйственный оборот решает одновременно несколько задач: увеличивает минерально-сырьевую базу отрасли, создает дополнительные рабочие места, снижает негативное воздействие на окружающую среду за счет переработки накопленных горнопромышленных отходов и приносит дополнительные налоговые поступления в бюджеты различных уровней. Однако в последние годы наблюдается существенное усложнение процедуры вовлечения техногенных россыпей в разработку, связанное с отменой института разведочно-эксплуатационных полигонов (РЭП). Данный инструмент, позволявший оперативно и достоверно оценивать запасы техногенных россыпей путем крупнообъемного опробования с попутной добычей, был исключен из практики недропользования, что привело к необходимости применения стандартных методик разведки, не учитывающих специфику техногенных объектов. В результате многие потенциально перспективные участки остаются невостребованными, а недропользователи сталкиваются с серьезными административными и экономическими барьерами при попытке их освоения.

История правового регулирования разработки техногенных россыпей в нашей стране прошла несколько этапов, отражающих изменения в подходах к недропользованию. В советский период техногенные россыпи рассматривались как неотъемлемая часть минерально-сырьевой базы, а их разработка велась преимущественно с использованием разведочно-эксплуатационных полигонов. РЭПы позволяли оперативно оценивать запасы и качество техногенных россыпей путем проведения крупнообъемного опробования с попутной добычей полезных ископаемых. Этот подход был обусловлен спецификой техногенных объектов: крайней неравномерностью распределения полезного компонента, сложным строением, наличием крупных частиц металла, что делало традиционные методы разведки малоэффективными. А.И. Сидоркин и Н.А. Сидоркина отмечают, что в советский

период существовала четкая система нормативных актов, регламентирующих порядок разработки техногенных месторождений, включая техногенные россыпи, что обеспечивало их эффективное вовлечение в хозяйственный оборот [7]. С переходом к рыночной экономике в 1990-е годы система правового регулирования недропользования претерпела существенные изменения. Был принят Закон РФ «О недрах», установивший новые принципы пользования недрами, включая лицензионный порядок предоставления участков недр.

Современный этап правового регулирования разработки техногенных россыпей характеризуется отказом от практики применения РЭП и переходом к стандартным методикам разведки, применяемым для коренных месторождений и первичных россыпей. Ключевым моментом в этом процессе стали так называемые «письма Аксенова» — документы, выпущенные Федеральным агентством по недропользованию в 2013–2014 годах, которые фактически запретили использование РЭП для разведки и добычи полезных ископаемых.

Анализируя международный опыт правового регулирования старательской деятельности, можно сделать вывод, что во многих странах с развитой горнодобывающей промышленностью существуют специальные режимы для разработки техногенных объектов, учитывающие их специфику и направленные на стимулирование их вовлечения в хозяйственный оборот [1]. В России же наблюдается противоположная тенденция: усложнение административных процедур, увеличение сроков и затрат на разведку техногенных россыпей, что делает многие потенциально перспективные объекты экономически непривлекательными для недропользователей. Эта ситуация вызывает обоснованную критику со стороны профессионального сообщества и требует пересмотра подходов к правовому регулированию разработки техногенных россыпей с учетом их специфики и экономической значимости.

Е.А. Дорош и Б.Л. Тальгамер, анализируя минерально-сырьевую базу золотодобычи в Ленском золотоносном районе, отмечают, что освоение техногенных образований может значительно пополнить минерально-сырьевую базу россыпного золота региона [2].

Разведочно-эксплуатационные полигоны (РЭП) представляют собой особый инструмент, позволяющий эффективно оценивать запасы техногенных россыпей с учетом их специфических особенностей. Ключевым преимуществом РЭП является возможность проведения крупнообъемного опробования, которое обеспечивает высокую достоверность оценки запасов полезных ископаемых. Техногенные россыпи характеризуются крайне неравномерным распределением металла, что делает традиционные методы разведки малоэффективными. В таких объектах часто встречаются крупные частицы драгоценных металлов, которые практически невозможно обнаружить при бурении скважин или проходке шурфов. Крупнообъемное

опробование, проводимое в рамках РЭП, позволяет получить более репрезентативные данные о содержании полезного компонента и его распределении в массиве. Это особенно важно для техногенных россыпей, сформированных в результате предыдущей добычи с использованием устаревших технологий, когда значительная часть металла оставалась в отвалах. Геологическое строение техногенных россыпей также отличается от первичных объектов: они имеют нарушенную структуру, измененный гранулометрический состав и часто содержат техногенные включения, что требует специфических подходов к их изучению.

Несмотря на очевидные преимущества, применение РЭП имеет ряд недостатков, которые необходимо учитывать при формировании правового регулирования. Основные опасения связаны с потенциальными экологическими рисками: разработка РЭП сопровождается нарушением земель, возможным загрязнением поверхностных и подземных вод, изменением ландшафта. Эти воздействия, хотя и локализованы на уже нарушенных территориях, требуют тщательного контроля и минимизации. Для эффективного применения РЭП необходима разработка и внедрение строгих экологических требований, включающих обязательную рекультивацию нарушенных земель, применение замкнутых систем водооборота, использование современных технологий очистки сточных вод. Другим существенным недостатком РЭП является возможность злоупотреблений со стороны недропользователей. Существует риск использования РЭП как прикрытия для незаконной добычи полезных ископаемых, когда под видом разведочных работ ведется полномасштабная добыча без соответствующих разрешений и уплаты налогов. Для предотвращения подобных ситуаций необходим эффективный государственный контроль за деятельностью на РЭП, включающий регулярные проверки, точный учет добытого металла и строгую отчетность. При соблюдении этих условий преимущества РЭП значительно перевешивают потенциальные риски, особенно учитывая экономическую и экологическую целесообразность вовлечения техногенных россыпей в хозяйственный оборот.

Современная практика разработки техногенных россыпей сталкивается с серьезными проблемами, обусловленными отменой РЭП и необходимостью применения стандартных методик разведки, не учитывающих специфику этих объектов. Применение буровых скважин и шурфов для разведки техногенных россыпей приводит к существенному искажению данных о содержании полезного компонента, особенно при наличии крупных частиц металла. В результате возникает значительное расхождение между разведанными и фактически извлекаемыми запасами, что создает риски для недропользователей и снижает инвестиционную привлекательность проектов. Кроме того, стандартные методики разведки требуют значительных временных и финансовых затрат, которые часто несоизмеримы с масштабами и экономическим

потенциалом техногенных россыпей. Для многих небольших предприятий, особенно в отдаленных районах, такие затраты становятся непреодолимым барьером для вовлечения техногенных объектов в разработку.

Решение проблем, связанных с разработкой техногенных россыпей, требует комплексного подхода, включающего как совершенствование нормативно-правовой базы, так и внедрение инновационных технологий. Так, В.А. Чантурия и соавторы разработали инновационные процессы интенсификации сепарации труднообогатимого алмазосодержащего сырья коренных, россыпных и техногенных месторождений, обеспечивающие эффективное природопользование с обеспечением экологической безопасности технологических процессов, что позволит повысить извлечение полезных компонентов и рентабельность разработки [8]. Перспективным направлением является также использование методов дистанционного зондирования Земли для оценки объемов техногенного сырья и мониторинга экологической обстановки при эксплуатации россыпей, что подтверждается исследованиями В.С. Литвинцева и соавторов [5]. Эти технологические инновации должны сопровождаться соответствующими изменениями в правовом регулировании, включая разработку специальных методических рекомендаций по разведке техногенных россыпей, упрощение процедуры получения разрешительной документации и, возможно, возврат к практике применения РЭП с усиленным контролем за соблюдением экологических требований. Такой подход позволит сбалансировать интересы государства, недропользователей и общества в целом, обеспечивая эффективное вовлечение техногенных россыпей в хозяйственный оборот при минимизации негативного воздействия на окружающую среду.

Альтернативные подходы к правовому регулированию разработки техногенных россыпей должны учитывать, как специфику этих объектов, так и современные требования к рациональному недропользованию. Наиболее обоснованным представляется возврат к практике применения РЭП, но с существенной модернизацией этого инструмента. Современные РЭП должны функционировать в условиях усиленного контроля за соблюдением экологических требований, включая обязательный производственный экологический мониторинг, применение наилучших доступных технологий и полную рекультивацию нарушенных земель. С.А. Прокопьева и соавторы, исследуя актуальные способы отработки техногенных россыпных месторождений золота, отмечают необходимость внедрения специализированных технологий извлечения мелкого золота, которые могут быть эффективно апробированы в рамках РЭП [6]. Такой подход позволит не только повысить полноту извлечения полезных компонентов, но и минимизировать негативное воздействие на окружающую среду. Параллельно с возвратом к РЭП необходима разработка специальных методических рекомендаций

по разведке техногенных россыпей, учитывающих их особенности и обеспечивающих достоверную оценку запасов. Эти рекомендации должны предусматривать возможность использования нестандартных методов опробования, адаптированных к специфике техногенных объектов.

Особого внимания заслуживает дискуссия о возможности классификации отвалов прошлых лет как отходов горного производства, что открывает альтернативный путь правового регулирования их переработки. Д.А. Игнатьев, анализируя основные направления совершенствования правового регулирования обращения с отходами, образующимися при пользовании недрами, указывает на широкий спектр научных мнений относительно права собственности на такие отходы, а также на имеющиеся на сегодняшний день неточности в терминологическом аппарате текущего законодательства. [3]

В добычном сообществе часто обсуждается возможность применения Федерального закона № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» к отвалам горнодобывающих предприятий. В этом случае переработка отвалов может рассматриваться как утилизация отходов с целью извлечения полезных компонентов, что существенно упрощает административные процедуры и снижает финансовую нагрузку на предприятия. Однако такой подход сталкивается с серьезными проблемами правовой квалификации и разграничения понятий «отходы горного производства» и «техногенные россыпи». Основная сложность заключается в определении момента, когда отходы горного производства приобретают статус техногенного месторождения и, следовательно, подпадают под действие законодательства о недрах. Отсутствие четких критериев такого разграничения создает правовую неопределенность и риски для недропользователей. Для решения этой проблемы необходимо законодательное закрепление понятия «техногенные россыпи» и разработка специального правового режима их разведки и разработки, учитывающего как требования рационального недропользования, так и экологические аспекты.

Профессиональное сообщество золотодобытчиков активно выступает за возврат к практике применения разведочно-эксплуатационных полигонов при разработке техногенных россыпей. Особенно показательна в этом отношении позиция Б.К. Кавчика, имеющего многолетний опыт работы в золотодобывающей отрасли [4]. В своих публикациях он последовательно отстаивает мнение о необходимости восстановления института РЭП, подкрепляя его весомыми аргументами. Ключевой тезис заключается в том, что техногенные россыпи представляют собой сложные объекты 4-й группы сложности по классификации запасов, и их разведку необходимо вести именно с помощью РЭП. Традиционные методы разведки, включая бурение и шурфовку, не обеспечивают достоверной оценки запасов таких объектов из-за крайне неравномерного распределения полезного компонента и нали-

чия крупных частиц металла. Только крупнообъемное опробование, проводимое в рамках РЭП, позволяет получить репрезентативные данные о содержании и распределении металла в техногенной россыпи. Этот аргумент имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку недостоверная оценка запасов приводит к экономическим рискам для недропользователей и может сделать проект нерентабельным.

Второй важный аргумент в пользу РЭП связан с их экономической и социальной значимостью. Применение РЭП позволяет оперативно вовлекать техногенные россыпи в отработку, что способствует увеличению добычи золота, созданию дополнительных рабочих мест и росту налоговых поступлений в бюджеты различных уровней. Это особенно важно для отдаленных районов, где золотодобыча часто является основой экономики. Отмена РЭП привела к тому, что многие потенциально перспективные техногенные объекты остаются невостребованными из-за сложности и дороговизны их разведки стандартными методами. В результате страдает не только отрасль, но и социально-экономическое развитие золотодобывающих регионов. Третий аргумент основан на многолетней практике применения РЭП, которая подтверждает их эффективность. До запрета РЭП этот инструмент успешно использовался для разведки и добычи на техногенных россыпях, обеспечивая достоверную оценку запасов и рациональное недропользование. Многолетний опыт показывает, что при правильной организации работ и соблюдении экологических требований РЭП не создают значительных экологических рисков, а наоборот, способствуют рекультивации нарушенных земель и вовлечению в хозяйственный оборот отходов предыдущей добычи. Эти аргументы, подкрепленные практическим опытом, заслуживают серьезного внимания при разработке новых подходов к правовому регулированию разработки техногенных россыпей.

Проведенное исследование свидетельствует о необходимости совершенствования правового регулирования разработки техногенных россыпей драгоценных металлов. Отказ от разведочно-эксплуатационных полигонов и переход к стандартным методикам разведки существенно снизили эффективность вовлечения техногенных объектов в хозяйственный оборот. Восстановление института РЭП с одновременной модернизацией его правового режима представляется наиболее перспективным направлением развития законодательства. При этом модернизированные РЭП должны функционировать в условиях усиленного экологического контроля и применения современных технологий. Параллельно необходима разработка специальных методических рекомендаций по разведке техногенных россыпей и законодательное закрепление их особого статуса. Реализация этих мер создаст условия для рационального использования техногенных ресурсов при соблюдении принципов экологической безопасности.

Литература

1. Васянин Г.М. Развитие правового регулирования старательской деятельности: обобщение международного опыта // Юридическая наука. – 2023. – № . 7. – С. 108–112.
2. Дорош Е.А., Тальгамер Б.Л. Анализ минерально-сырьевой базы золотодобычи в Ленском золотоносном районе и обоснование направлений развития способов разработки россыпей // Науки о Земле и недропользование. – 2022. – Т. 45. – № . 3 (80). – С. 222–234.
3. Игнатьев Д.А. Основные направления совершенствования правового регулирования обращения с отходами, образующимися при пользовании недрами // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2020. – № . 5. – С. 109–120.
4. Кавчик Б.К. Влияние сокращения геологических проб на результаты опробования и подсчет запасов золоторудных месторождений // Недропользование XXI век. – 2020. – № . 1. – С. 122–127.
5. Литвинцев В.С. и др. Метод дистанционного зондирования Земли в составе работ по оценке объемов техногенного сырья и экологической обстановки при эксплуатации россыпей // Георесурсы. – 2021. – Т. 23. – № . 4. – С. 116–123.
6. Прокопьева С.А. и др. Актуальные способы отработки техногенных россыпных месторождений золота с технологией извлечения мелкого золота // Науки о Земле и недропользование. – 2020. – Т. 43. – № . 4 (73). – С. 458–466.
7. Сидоркин А.И., Сидоркина Н.А. Техногенные месторождения в Российской Федерации: проблемы законодательного регулирования и судебной практики // Аграрное и земельное право. – 2016. – № . 4 (136). – С. 29–35.
8. Чантурия В.А. и др. Интенсификация процессов сепарации труднообогатимого алмазосодержащего сырья коренных, россыпных и техногенных месторождений // Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых. – 2022. – № . 5. – С. 95–108.

LEGAL REGULATION OF THE DEVELOPMENT OF TECHNOGENIC PLACERS OF PRECIOUS METALS: FROM EXPLORATION AND EXPLOITATION SITES TO MODERN CHALLENGES

Vasyanin G.M.

St. Petersburg State University of Economics

The article studies legal aspects of the development of technogenic placers of precious metals in Russia. The evolution of normative regulation from the Soviet period to the modern stage is analyzed. Special attention is paid to the problem of abolition of exploration and exploitation sites (EES) and its consequences for the gold mining industry. The advantages and disadvantages of REP, as well as alternative approaches to the legal regulation of the development of technogenic placers are considered. On the basis of the analysis of opinions of specialists of the industry proposals on improvement of legislation in the sphere of subsoil use are formulated.

Keywords: technogenic placers, precious metals, exploration and production sites, subsoil use, legal regulation, large-volume sam-

pling, environmental requirements, gold mining, technogenic deposits, mining waste.

References

1. Vasyanin G.M. Development of legal regulation of prospecting activities: generalization of international experience // Legal science. – 2023. – No. 7. – P. 108–112.
2. Dorosh E.A., Talgamer B.L. Analysis of the mineral resource base of gold mining in the Lensky gold-bearing region and substantiation of the directions of development of placer mining methods // Earth Sciences and Subsoil Use. – 2022. – Vol. 45. – No. 3 (80). – P. 222–234.
3. Ignatiev D.A. Main directions for improving the legal regulation of waste management generated during subsoil use // Gaps in Russian legislation. Legal journal. – 2020. – No. 5. – P. 109–120.
4. Kavchik B.K. The Impact of Reducing Geological Samples on the Results of Testing and Estimation of Reserves of Gold Ore Deposits // Subsoil Use in the 21st Century. – 2020. – No. 1. – P. 122–127.
5. Litvintsev V.S. et al. The Method of Remote Sensing of the Earth as Part of Work on Assessing the Volumes of Man-Made Raw Materials and the Environmental Situation during Placer Operations // Georesources. – 2021. – Vol. 23. – No. 4. – P. 116–123.
6. Prokopyeva S.A. et al. Current Methods of Developing Man-Made Placer Gold Deposits with Fine Gold Extraction Technology // Earth Sciences and Subsoil Use. – 2020. – Vol. 43. – No. 4 (73). – P. 458–466.
7. Sidorkin A.I., Sidorkina N.A. Man-made deposits in the Russian Federation: problems of legislative regulation and judicial practice // Agrarian and land law. – 2016. – No. 4 (136). – P. 29–35.
8. Chanturia V.A. et al. Intensification of separation processes of difficult-to-process diamond-bearing raw materials from primary, placer and man-made deposits // Physical and technical problems of mineral development. – 2022. – No. 5. – P. 95–108.

Соотношение цифровых денег и цифровой валюты: сущность, признаки, перспективы

Выборова Яна Евгеньевна,

аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Байкальский государственный университет
E-mail: yana.38@list.ru

В статье речь идет о том, что существуют три основных подхода к пониманию сущности электронных и цифровых денег. По одному из них электронные и цифровые деньги считаются тождественными понятиями, по второму – цифровые деньги включают в себя электронные; третий, предлагает понимание электронных и цифровых денег как различных категорий. Анализируя признаки цифровых денег, стоит исходить из того, что именно цифровые деньги в понимании криптовалют несколько отличаются от цифровых денег центральных банков. Доказано, что электронные деньги – это единицы стоимости, хранящиеся в электронном виде, выпущенные эмитентом электронных денег для исполнения платежных операций. Проанализировав соотношение криптовалюты со свойствами денег, можно сказать, что криптовалюту трудно называть деньгами в привычном понимании.

Ключевые слова: цифровая валюта, электронные деньги, законодательство, технологии, перспективы.

Изучая любой вопрос, сначала важно обратиться к понятийному аппарату. Ведь без понимания того, что такое цифровые деньги, двигаться дальше очень тяжело. Кроме того, в данной теме исследования существует неопределенность с понятиями. Анализируя имеющиеся научные материалы: статьи, словари, диссертационные работы – можно понять, что у разных авторов разные взгляды на концепцию цифровых денег.

Исследовали этот вопрос в своих работах такие ученые как Наумов А.С., Мишин В.И., Соловьев С.В., Добров О.К. и др. Иностранные исследователи также активно изучали этот вопрос, среди них: Х. Армелиус, С. Хендри, И. Боде, М. Нидеркорн и другие.

Несовершенное понимание цифровых денег вызывает то, что научная доктрина в этом аспекте развивается медленнее, чем движется технический прогресс, поэтому часто можно встретить информацию, не совсем соответствующую действительности. Кроме того, российское законодательство предлагает собственную концепцию цифровых денег, что еще больше усложняет понимание общей картины. Главные разногласия заключаются в соотношении электронных и цифровых денег. Существуют три основных подхода. По одному из них электронные и цифровые деньги считаются тождественными понятиями, по второму – цифровые деньги включают в себя электронные; последний, предлагает понимание электронных и цифровых денег как различных категорий [3].

Начать следует с анализа научной доктрины. Финансовая энциклопедия определяет цифровые деньги как любые платежные средства, существующие сугубо в электронной форме [7]. То есть, по такому определению цифровые деньги появляются перед нами как довольно широкая форма денег и можно сделать логический вывод о том, что они могут включать в себя электронные деньги, виртуальную валюту и криптовалюту. Таким образом, рассмотрен первый подход, по которому цифровые деньги – это широкая категория, более широкая, чем электронные деньги. По второму подходу, как уже упоминалось, электронные и цифровые деньги идентичны. Например, словарь финансово-экономических терминов при определении цифровых денег употребляет как синоним термин электронные деньги, то есть говорить о существенных различиях в этом случае нельзя [5].

Подобной мысли в своей монографии придерживается Пронин А.Т. Исходя из представленной автором информации, можно понять, что ученый не выделяет различий между электронными

и цифровыми деньгами. Подтверждает это тезис автора о том, что криптовалюта является видом электронных денег, однако ее обычно относят именно к цифровым деньгам. Таким образом, Пронин А.Т. не выделяет различий между электронными и цифровыми деньгами [9]. Можно сказать, что такая путаница вызвана тем, что и электронные, и цифровые деньги функционируют в цифровом пространстве, в электронном виде, для их использования и обращения требуются специальные устройства и системы.

Довольно современный подход содержится в работе Хуторной М.Е., Захарова С.В., Ткачева Ю.П., где цифровые деньги рассматривают как деньги, которые должны эмитироваться центральными банками стран [2].

Именно такое изложение мнения и можно считать третьей концепцией относительно понимания разграничения электронных и цифровых денег. Также высказывается идея, что такие цифровые деньги возникают из-за влияния на финансовую систему криптовалют. Ведь появление такого актива вызвало существенный отток средств населения, а центральные банки в свою очередь стремятся сохранить деньги в национальных валютах. Кажется, что такой подход является довольно прогрессивным и таким, что достаточно точно описывает современное положение вещей [10].

Анализируя научную доктрину, можно сделать вывод о том, что в настоящее время есть некоторая неопределенность и различия в концепциях. Вариантом решения этой проблемы могло бы быть создание нового обобщающего термина, например «деньги существуют и функционируют в цифровой среде». Тогда бы к этому можно было отнести все вариации денег, которые существуют сейчас, и функционируют в онлайн среде, при этом каждая из них не будет терять своих особенностей. То есть к таким деньгам можно было бы отнести электронные деньги, цифровые деньги центральных банков, криптовалюту и виртуальную валюту.

Термин «цифровые деньги», лучше всего использовать именно в значении цифровых денег центральных банков. Ведь большинство стран мира, занимающихся этим вопросом, используют термин «цифровые деньги центрального банка» именно для обозначения средств, которые должны выпускаться ими и стать заменителем в будущем или приложением к наличным средствам на данный момент.

Также необходимо проанализировать подход законодателя к этому вопросу. Понятие цифровой валюты дано в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Цифровой валютой признается совокупность электронных данных, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, в отличие от «цифровых денег», эмитентом которых является Централь-

ный банк Российской Федерации. Исходя из этого определения, можно понять, что цифровыми деньгами считается именно электронная форма денежной единицы Российской Федерации – рубля, то есть такая валюта должна быть эквивалентна государственно-контролируемой официальной валюте, а право на ее выпуск будет иметь именно Центральный банк Российской Федерации.

Сейчас правовое регулирование цифровых денег в законодательстве довольно сжато, ведь цифровой рубль, который еще называют е-рубль, находится в процессе разработки, однако его сущность выражена в указанном выше понятии.

Анализируя признаки цифровых денег, стоит исходить из того, что именно цифровые деньги в понимании криптовалют несколько отличаются от цифровых денег центральных банков. Первые имеют более длительную и широкую практику существования и применения, вторые же только начали свое развитие. Вопреки различиям между ними, такие деньги имеют общие характеристики. К ним можно отнести:

- существование в цифровой среде;
- необходимость соответствующего технического обеспечения для осуществления операций с такими деньгами;
- выполнение функции средства обмена, актива и ценности;
- направлены на замену и уменьшение количества наличных операций;
- ускоренные транзакции;
- высшая степень защищенности от мошенничества по сравнению с наличными расчетами;
- подобная технологическая основа – большинство криптовалют созданы на основе технологии блокчейн, такой механизм планируется использовать и для цифровых денег центральных банков [6].

Также стоит определить различие цифровых денег центральных банков от безналичной формы денег. Она заключается в платежной инфраструктуре, используемой для совершения транзакций. Если сейчас для осуществления безналичных платежей часто необходимо привлекать несколько банков (банк продавца и покупателя), платежные системы, то при функционировании цифровых денег центральных банков потребность привлекать несколько банков отпадет, так как эмитентом таких денег будет Центральный банк и обслуживание кошельков также будет отнесено к его компетенции. Таким образом, время на выполнение транзакций уменьшится.

Говоря о видах цифровых денег, применяется концепция, при которой цифровые деньги это широкая категория, которая включает в себя электронные деньги, цифровые деньги центральных банков, виртуальные активы и криптовалюту. Стоит подробнее раскрыть каждый из этих видов и первым из них будут электронные деньги. Определение этого понятия можно найти в научной доктрине и законодательстве.

Электронные деньги – это единицы стоимости, хранящиеся в электронном виде, выпущенные эми-

тентом электронных денег для исполнения платежных операций [1]. Исходя из определения электронных денег и анализируя положения закона, можно сказать, что электронные деньги сохраняют свойства наличной и безналичной формы денег, ведь также используются для удовлетворения потребностей в платежных операциях, а на их эмитенте лежит обязательство по ним. Тем не менее, их особенностью является существование в электронном виде и на электронном кошельке. Важно отметить, что эмитентов электронных денег гораздо больше, чем эмитентов цифровых денег центрального банка, ведь только последний может выпускать такой вид денег.

Эмитентами электронных денег могут быть: российские банки, филиалы иностранных банков, отделения почты России, ЦБ РФ. Отнесение к эмитентам электронных денег также ЦБ РФ несколько усложняет ситуацию разделения электронных и цифровых денег. Ведь основным признаком, по которому эти две категории отличаются, является именно эмитент, в силу того, что законодательное регулирование цифровых денег центрального банка сейчас довольно узкое.

Электронные и цифровые деньги имеют кое-что общее – такое как существование в безналичной форме и направление на осуществление финансовых платежных операций. Тем не менее, их отличия заключаются в различных субъектах эмиссии и различных требованиях к проведению платежных операций с ними. Также электронные деньги сейчас являются более нормативно разработанными, в отличие от цифровых. Дальнейшая работа с цифровыми деньгами позволит выделить еще больше особенностей исследуемых категорий. В частности, существует потребность в определении, какие платежные операции можно будет осуществлять с цифровыми деньгами; каков порядок их выпуска и использования.

Изучая научную доктрину, можно понять, что сейчас много работ оперируют нормами старого законодательства, поэтому их данные являются не совсем репрезентативными. Это потому, что прогресс движется быстрее, чем его нормативное оформление, а последнее в свою очередь, опережает теоретическое обоснование. В целом, это не причиняет существенного вреда, однако, некоторая неопределенность с понятием все же остается. В частности это касается сущностного понимания концепции электронных денег и отделение их от других инструментов, применяемых в цифровом пространстве. Также, с оглядкой на то, что теоретические разработки в целом являются несколько устаревшими, можно допустить мнение о том, что электронные деньги пока не находятся на вершине популярности, ведь появились новые прогрессивные и удобные способы расчетов в цифровом мире.

Бытует мнение, что виртуальные активы и криптовалюты тождественны, ведь они используются в цифровом пространстве. Однако, как было упомянуто выше, фактор использования несколь-

ких вариаций денег в одной среде еще не делает их тождественными между собой. Мельник М.А. в своей работе указывает на то, что виртуальная валюта обычно используется в онлайн-играх. Криптовалюта в свою очередь тоже может использоваться как средство платежа в таких играх, однако, представляется, что криптовалюту все же целесообразно определять отдельно от виртуальной валюты, ведь сущностная идея криптовалюты была не в удовлетворении виртуального интереса, а в стремлении использовать ее как вариант, обеспечивавший возможность покрытия широкого круга реальных расчетов [8].

Под такое определение подпадают не только криптовалюты, а также цифровые токены, игровые скины. Представляется, что в понимании законодателя, виртуальные активы являются довольно широкой категорией. Что, на самом деле является проблемой, ведь сейчас в Российской Федерации достаточно много операций проводится с использованием криптовалют. То есть, возникает ситуация, когда фактически криптовалюта широко используется, но если относить ее к виртуальному активу в понимании законодателя, не может подлежать такому использованию [4].

На логичный вопрос, целесообразно ли признавать криптовалюту платежным средством ответить довольно сложно. Ведь, с одной стороны, она является довольно популярным инструментом в финансовых операциях, а с другой стороны, такое признание может нанести ущерб будущим цифровым деньгам центрального банка, так как будет вызывать отток средств населения в криптовалюты. В целом, решая такую задачу, нужно ориентироваться на то, как много контроля над финансовыми потоками стремится получить государство. Ведь, наиболее демократичным вариантом было бы предоставить населению выбор, как использовать собственные деньги. Удачная реализация цифровых денег, их популяризация, стимулировали бы использование этого инструмента. Но, ограничивать право на распоряжение собственными финансами может вызвать логическое недовольство граждан.

В целом, криптовалюта является деньгами. Но, существует ряд неудобств. Прежде всего, сложности вызывают значительные колебания курса криптовалют, ведь, если возможно падение цены одной из наиболее популярной криптовалюты – биткойна в очень быстрые сроки почти вдвое, сопоставлять с этим цены на товары становится довольно сложно. Следующим проблемным моментом является недостаточная техническая обеспеченность для осуществления операций с криптовалютой. Ведь для расчетов ею необходимо специальное оснащение, переход на которое в силу многих причин могут позволить себе далеко не все. Относительно функции меры стоимости, здесь тоже существуют проблемные моменты. Наиболее явным является то, что криптовалют существует действительно очень много и ситуация здесь иная чем с обычными деньгами. Ведь, если

в обычных деньгах, мера стоимости выражается той валютой, которая является официальной в государстве, то в силу государственной независимости криптовалют, ситуация значительно сложнее.

Естественно, можно исходить из того, что каждый субъект на рынке сам будет вправе выбирать, какая именно криптовалюта будет мерой стоимости его товаров, однако представляется, что это вызовет значительный хаос на рынке. И последняя функция – средство накопления также реализуется не в полной мере. С одной стороны, криптовалюту сейчас очень многие люди используют как инвестиции. С другой, стабильность криптовалют ничем не обеспечена. То есть, в случае падения определенной монеты, никто не сможет вернуть потерянные средства. Поэтому часто криптовалюты используются как средство спекуляций, то есть монеты приобретаются и продаются в момент поднятия их курса. Тем не менее, о классическом варианте накопления говорить трудно. Таким образом, проанализировав соотношение криптовалюты со свойствами денег, можно сказать, что криптовалюту трудно называть деньгами в привычном понимании.

Важно понимать, что, несмотря на все преимущества цифровых денег, которые они могут предоставить, существует очень много пробелов. Они связаны с тем, что это инновационный продукт, аналогов которого раньше не существовало. Несмотря на то, что толчком к развитию таких денег стали криптовалюты, использование абсолютно одинаковых технологий не является возможным, ведь криптовалюты создавались как независимый финансовый инструмент, с потенциально меньшим количеством пользователей; в цифровых деньгах же весомую роль играет государство, а количество пользователей, которые могут в будущем использовать такие деньги одновременно, может достигать миллионов. Поэтому, многие страны имеют существенные сложности на этапе пилотных проектов, когда необходимо определиться с технологией, протестировать ее, понять возможные потенциальные проблемы. Также, учитывая технологический прогресс в финансовой сфере, который мы сейчас наблюдаем, встает вопрос, смогут ли цифровые деньги в целом удовлетворить потребности потребителей и дать что-то лучше чем то, что существует сейчас.

Литература

1. Абрамова М.А. Перспективы внедрения цифрового рубля в денежный оборот России: атрибуты и принципы формирования доверенной цифровой среды / Абрамова М.А., Кунитсына Н.Н., Дюдикова Е.И. // Финансы: теория и практика. – 2023. – Т. 27 № 4. С. 6–16
2. Гусева А.А. Возможные пути решения проблемы легализации денежных средств через криптовалюту // Экономика. Право. Инновации. – 2024. – № 5 (2). – С. 36–45.

3. Жарина Н.А., Гайфутдинова Р.З., Кузнецова С.Б. Регулирование криптовалют в России: современное состояние и дальнейшие тенденции // Вестник Академии знаний. – 2022. – С. 416–421
4. Кирьянова Д.А. Криптовалюта: угроза финансовой безопасности РФ // Сборник статей международной практической конференции «Проблемы обеспечения финансовой безопасности и эффективности экономических систем в XXI в.» – Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики. – 2017. – С. 262–268
5. Ковалёв А.В. Некоторые методологические вопросы современной теории денег // Russian Journal of Economics and Law. – 2021. – Т. 15, № 3. – С. 473–484.
6. Молчанов, М.В. Криптовалюта: понятие и проблемы / М.В. Молчанов. – 2024. – № 10. – С. 300–303.
7. Панова Г.С. Особенности развития рынка криптовалют в России / Г.С. Панова // Финансы, деньги, инвестиции. – 2022. – № 2 (82). С. 10–18.
8. Сафарли А.Х. Анализ значимости цифровых валют в международной и российской финансовых системах / Сафарли А.Х. // Аудиторские ведомости. – 2023. – № 1. – С. 110–113
9. Синельникова-Мурылева Е.В., Шилов К.Д., Зубарев А.В. Сущность криптовалют: дескриптивный и сравнительный анализ. / Е.В. Синельникова-Мурылева, К.Д. Шилов, А.В. Зубарев // Финансы: теория и практика. – 2024. – № 23(6). – С. 36–49.
10. Чернышева, М.А. Криптовалюта, как платежный инструмент денежно-кредитной сферы / М.А. Чернышева, В.В. Гребеник // Вестник европейской науки. – 2022. – Т. 14. – № 3.

THE RELATIONSHIP BETWEEN DIGITAL MONEY AND DIGITAL CURRENCY: ESSENCE, SIGNS, PROSPECTS

Vyborova Ya. E.

Baikal State University

The article says that there are three main approaches to understanding the essence of electronic and digital money. According to one of them, electronic and digital money are considered identical concepts, according to the second, digital money includes electronic money; the third, offers an understanding of electronic and digital money as different categories. Analyzing the signs of digital money, it is worth considering that digital money in the understanding of cryptocurrencies is somewhat different from the digital money of central banks. It is proved that electronic money is a unit of value stored in electronic form, issued by the issuer of electronic money for the execution of payment transactions. Having analyzed the relationship of cryptocurrency with the properties of money, we can say that it is difficult to call cryptocurrency money in the usual sense.

Keywords: digital currency, electronic money, legislation, technologies, prospects.

References

1. Abramova M.A. Prospects for the introduction of the digital ruble into the money circulation of Russia: attributes and principles of forming a trusted digital environment / Abramova M.A., Kunityna N.N., Dyudikova E.I. // Finance: theory and practice. – 2023. – Vol. 27 No. 4. Pp. 6–16

2. Guseva A.A. Possible ways to solve the problem of legalization of funds through cryptocurrency // *Economy. Law. Innovations.* – 2024. – No. 5 (2). – Pp. 36–45.
3. Zharina N.A., Gaifutdinova R.Z., Kuznetsova S.B. Regulation of cryptocurrencies in Russia: current state and further trends // *Bulletin of the Academy of Knowledge.* – 2022. – Pp. 416–421
4. Kiryanova D.A. Cryptocurrency: a threat to the financial security of the Russian Federation // *Collection of articles from the international practical conference "Problems of Ensuring Financial Security and Efficiency of Economic Systems in the 21st Century"* – St. Petersburg University of Management Technologies and Economics. – 2017. – P. 262–268
5. Kovalev AV Some methodological issues of the modern theory of money // *Russian Journal of Economics and Law.* – 2021. – Vol. 15, No. 3. – P. 473–484.
6. Molchanov, MV Cryptocurrency: concept and problems / MV Molchanov. – 2024. – No. 10. – P. 300–303.
7. Panova GS Features of the development of the cryptocurrency market in Russia / GS Panova // *Finance, money, investments.* – 2022. – No. 2 (82). P. 10–18.
8. Safarli A. Kh. Analysis of the importance of digital currencies in the international and Russian financial systems / Safarli A.Kh. // *Audit statements.* – 2023. – No. 1. – P. 110–113
9. Sinelnikova-Muryleva E.V., Shilov K.D., Zubarev A.V. The essence of cryptocurrencies: descriptive and comparative analysis. / E.V. Sinelnikova-Muryleva, K.D. Shilov, A.V. Zubarev // *Finance: theory and practice.* – 2024. – No. 23 (6). – P. 36–49.
10. Chernysheva, M.A. Cryptocurrency as a payment instrument of the monetary sphere / M.A. Chernysheva, V.V. Grebenik // *Bulletin of Eurasian Science.* – 2022. – V. 14. – No. 3.

Проблемы единообразия правового регулирования международной воздушной перевозки грузов пассажиров и багажа

Демешко Максим Игоревич,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

E-mail: demeshko.maxim@yandex.ru

В статье речь идет о том, что российская авиационная транспортная система находится на пути интеграции к общемировой. Доказано, что, как и любое явление правовой действительности, внешнюю форму проявления существования норм права, регулирующих деятельность, связанную с использованием воздушного пространства с помощью воздушных судов, можно и необходимо рассматривать в динамике. Целью и задачей выполнения программы адаптации авиационного законодательства Российской Федерации к мировому законодательству, определены приоритетные сферы, в которых осуществляется адаптация авиационного законодательства Российской Федерации к мировому авиационному законодательству. Сделан вывод о том, что негативно влияет на доступность нормативно-правовых актов, а особенно законов в сфере административно-правового регулирования авиации, злоупотребление отсылочной и бланкетной структурой правовой нормы. Это делает закон не конкретным, даже декларативным, усложняет его толкование и применение. Способ решения этой проблемы систематизация, лучше всего в форме кодификации законодательства.

Ключевые слова: воздушные перевозки, регламенты, стандарты, правовое регулирование, единообразие.

Характерный признак государства – наличие развитой транспортной инфраструктуры, в частности авиационной. Выгодное географическое положение Российской Федерации, имеющиеся воздушные трассы и воздушные коридоры для пересечения государственной границы подтверждают, что гражданская авиация в условиях достаточного уровня правового обеспечения, может стать одним из факторов мировых интеграционных процессов.

Российская авиационная транспортная система находится на пути интеграции к общемировой. Такая интеграция предусматривает развитие политических, экономических, культурных отношений Российской Федерации, в том числе, с Европейским Союзом.

Организацию воздушного движения, аэронавигационное обеспечение безопасности полетов, метеорологическое обеспечение деятельности гражданской авиации осуществляет Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиация).

Российская Федерация как новый субъект международного права в 1992 году стала страной-членом Международной организации гражданской авиации (ИКАО), которая сегодня насчитывает более 190 стран. ИКАО – мировой лидер в содействии и координации процессов экономической либерализации и обеспечение безопасности полетов и авиационной безопасности международного воздушного транспорта.

С 2001 года в Российской Федерации издается сборник аэронавигационной информации, формат которого соответствует стандартам ИКАО и включает всю необходимую аэронавигационную информацию. С учетом рекомендаций ИКАО, на правительственном уровне принято решение о переходе на мировую геодезическую систему 1984 г. (WGS-84). Начиная с 2001 года в воздушном пространстве Российской Федерации применяются крейсерские эшелоны ИКАО, а также сокращенный минимум вертикального эшелонирования [6].

Сотрудничество Российской Федерации с ИКАО обеспечивается через Европейский и Северо-Атлантический офис ИКАО. На его базе организуются мероприятия регионального значения, происходит работа по постоянному совершенствованию Европейского аэронавигационного плана, осуществляется работа специализированных рабочих групп (EANPG, FLOE, MET, AIS, безопасности полетов, авиационной статистики, вопросов воздушных перевозок, юридических вопросов, перевозки опасных грузов и т.п.) [3].

Чикагская конвенция «О международной гражданской авиации» вступила в силу 4 апреля

1947 года. Она регламентирует функционирование аэропортов, наземных аэронавигационных средств и служб, порядок урегулирования противоречий. Участие Российской Федерации в Конвенции способствует разработке и принятию международных стандартов в сфере гражданской авиации, которые являются приложениями к Чикагской конвенции (18 приложений).

Как и любое явление правовой действительности, внешнюю форму проявления существования норм права (источников), регулирующих деятельность, связанную с использованием воздушного пространства с помощью воздушных судов (гражданская авиация), можно и необходимо рассматривать в динамике, то есть в историко-правовом аспекте. С 1991 года был утвержден ряд нормативно-правовых актов различной юридической силы как по вопросам транспорта в целом, так и правового регулирования гражданской авиации в частности, что и создает правовой фундамент приближения авиационного законодательства Российской Федерации к *acquis communautaire*.

Целью и задачей выполнения программы адаптации авиационного законодательства Российской Федерации к мировому законодательству, определены приоритетные сферы, в которых осуществляется адаптация авиационного законодательства Российской Федерации. К ним относятся технические правила и стандарты, причем отношения в этих сферах, по нашему мнению, регулируются многочисленным количеством источников вторичного законодательства *acquis communautaire*: директивами и регламентами [8].

Признавая, что определенные положения двусторонних соглашений о воздушном сообщении между Российской Федерацией и государствами-членами Европейского Сообщества, которые противоречат нормам права европейского сообщества, должны быть приведены в соответствие с ними с целью создания прочной правовой базы для воздушного сообщения между Российской Федерацией и государствами-членами Европейского сообщества и сохранение непрерывности таких воздушных перевозок», были утверждены Соглашения между Российской Федерацией и европейским сообществом об определенных аспектах воздушного сообщения [10].

Среди источников «вторичного» права ЕС видное место занимают регламенты, в том числе и авиационные, с помощью которых происходит унификация, а последние являются «наиболее эффективным средством интеграционного строительства» [9]. Одной из важнейших черт регламента является его одинаковое применение во всех государствах-членах ЕС, что, в свою очередь, исключает возможность его подмены национальными правовыми актами. В литературе по этому поводу отмечается, что в случае возникновения коллизий между ним и любой национальной нормой именно регламент будет обладать абсолютным приоритетом, а отсюда следует исключение при-

нятия каких-либо национальных законов, которые могут противоречить нормам регламента [1].

Кроме того, для внедрения в Российской Федерации программы «единого европейского неба» приведена в соответствие со стандартами евроконтроля система взимание аэронавигационных сборов, автоматизированы все районные центры управления воздушным движением. Интеграция в общее авиационное пространство, которая предусматривает адаптацию системы экономического регулирования авиационных перевозок в европейское законодательство, является сегодня одним из приоритетов развития отрасли.

6–7 марта 2007 года в г. Брюссель состоялась рабочая встреча, целью которой было обсуждение контекста и содержания будущего соглашения между Российской Федерацией и ЕС по общему авиационному пространству, а также ряд других вопросов в сфере авиационных отношений в рамках РФ-ЕС, в частности относительно дальнейшей модернизации российского авиационного законодательства для законной гармонизации его к правилам ЕС и представления стороной ЕС сценария постепенного принятия стандартов ЕС и законодательства в сфере авиации.

Обе стороны также согласились продолжить обсуждение технических вопросов путем рабочих встреч между EASA (Европейское агентство по безопасности авиации) и российской стороной для рассмотрения дальнейших шагов, которые вытекают из интеграции JAA (Объединенные авиационные власти) в EASA а также относительно непрерывной эксплуатации воздушных судов, и которые сейчас зарегистрированы в государствах членах ЕС [4].

Результатом этих рабочих встреч представителей Российской Федерации и ЕС стало подписание рабочих договоренностей по сотрудничеству Росавиации и Минтранса Российской Федерации и EASA в Париже 9 декабря 2009 г., согласно которым «Росавиация уже признала полномочия и задачи EASA, в частности в сфере стандартизации путем процедур, которые внедряют Кипрские договоренности (по разработке, принятию и выполнению совместных авиационных требований) и соглашается, что EASA будет осуществлять стандартизационные визиты на основании соответствующих стандартов, которые приведены в Приложении 1, в случае применения и в соответствии со стандартизационными техническими методами, принципами и процедурами, определенными в Приложении 2» [7].

В нормативных документах Минтранса о сертификации типа авиационной техники имеется определение авиационных правил, а именно: «свод процедур, правил, норм и стандартов, выполнение которых является обязательным условием регулирования полетов и охраны окружающей среды от воздействия авиации» [2]. Анализ российского авиационного законодательства дал основания констатировать, что авиационные правила являются «элементами государственного регулирования деятельности в области гражданской авиации,

а в случае их нарушения устанавливается ответственность; элементами механизма управления безопасностью в области авиации, в случае применения которых с целью регулирования гражданской авиации уполномоченным органом по вопросам гражданской авиации запрещаются, отменяются, временно прекращаются любые виды полетов и авиационная деятельность.

Следовательно, влияние и процесс согласования национальных и общеевропейских стандартов и норм является долговременным, требует значительных усилий и большого количества мер со стороны государства, и проявляется как в положительных, так и отрицательных последствиях, которые в перспективе еще требуют пересмотра и анализа. В соответствии с нормами, руководитель уполномоченного органа по вопросам гражданской авиации осуществляет полномочия по организации разработки проектов авиационных правил Российской Федерации и утверждения их в установленном порядке. Предоставление юридической силы авиационным правилам Российской Федерации, которые регулируют различные аспекты авиационной деятельности, разрабатываются и утверждаются Росавиацией приказами организационно-распорядительного характера, а для того, чтобы они соответствовали регламентам ИКАО и законодательству ЕС (директивам и регламентам), необходимо внести изменения в части регистрации нормативно-правовых актов Росавиации в Министерстве юстиции Российской Федерации [5].

Негативно влияет на доступность нормативно-правовых актов, а особенно законов в сфере административно-правового регулирования авиации, злоупотребление отсылочной и бланкетной структурой правовой нормы. Это делает закон не конкретным, даже декларативным, усложняет его толкование и применение. Способ решения этой проблемы систематизация, лучше всего в форме кодификации законодательства.

Следовательно, наилучшим способом решения указанных проблем представляется дальнейшая систематизация в форме кодификации авиационного законодательства (актов, имеющих силу закона).

Такая работа требует много времени и значительных усилий, но они будут оправданы, если удастся достичь цели – устранить все пробелы и коллизии, сделать законодательство проще и прозрачнее, легко интерпретировать и применять. При этом будут устранены имеющиеся правовые коллизии и пробелы в законодательстве, которое должно улучшить в Российской Федерации состояние административно-правового регулирования безопасности авиации в частности, и правового регулирования гражданской авиации вообще.

Литература

1. Афанасьев В.Г. Мировой воздушный транспорт: правовой аспект. М.: Международные отношения. 2024. 210 с.

2. Бордунов В.Д., Копылов М.Н. Правовой режим международного воздушного пространства// Вопросы международного воздушного права/ Под ред. М.И. Лазарева, В.И. Менжинского, Л.В. Сперанской. М.: ИГП АН. 2023. 190 с.
3. Воскобойникова М.А. Юридические аспекты углубления интеграции в гражданской авиации// Московский журнал международного права. 2023. № 3. С. 11–15.
4. Грязнов В.С. Правовые основы воздушных сообщений. М: НОУ ВКШ «Авиабизнес». 2021. 300 с.
5. Дежкин В.Н. Правовое регулирование международных воздушных сообщений. М.: Юридическая литература. 2021. 230 с.
6. Кейта М. Правовое регулирование коммерческой деятельности в международных воздушных сообщениях. Нормы международного права. М.: Спарк. 2021. 190 с.
7. Малеев Ю.Н. Воздушный кодекс Российской Федерации и международное право// Московский журнал международного права. 2025. № 1. С. 24–28.
8. Могилевкин И. Воздушный транспорт: новые горизонты и новые проблемы// Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 9. 80 с.
9. Покровский Ф.А. Рекомендации и заключения в системе правовых актов Европейского Сообщества// Вестник Московского Университета. Серия 11, Право. 2025. № 1. 400 с.
10. Талалаев А.Н. Право международных договоров. Действие и применение договоров. М.: Международные отношения. 2023. 260 с.

PROBLEMS OF UNIFORMITY IN LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL AIR CARRIAGE OF CARGO, PASSENGERS AND BAGGAGE

Demeshko M.I.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article discusses that the Russian aviation transport system is on the path to integration with the global one. It has been proven that, like any phenomenon of legal reality, the external form of manifestation of the existence of legal norms regulating activities related to the use of airspace by aircraft can and should be considered in dynamics. The goal and objective of the implementation of the program for adapting the aviation legislation of the Russian Federation to global legislation, identified priority areas in which the adaptation of the aviation legislation of the Russian Federation to global aviation legislation is carried out. It is concluded that the accessibility of regulatory legal acts, and especially laws in the field of administrative and legal regulation of aviation, is negatively affected by the abuse of the reference and blanket structure of the legal norm. This makes the law not specific, even declarative, complicates its interpretation and application. The way to solve this problem is systematization, best of all in the form of codification of legislation.

Keywords: air transportation, regulations, standards, legal regulation, uniformity.

References

1. Afanasyev V.G. World air transport: legal aspect. Moscow: International relations. 2024. 210 p.
2. Bordunov V.D., Kopylov M.N. Legal regime of international airspace// Issues of international air law/ Ed. by M.I. Lazarev, V.I. Menzhinsky, L.V. Speranskaya. Moscow: IGP AN. 2023. 190 p.

3. Voskoboinikova M.A. Legal aspects of deepening integration in civil aviation// Moscow journal of international law. 2023. No. 3. P. 11–15.
4. Gryaznov V.S. Legal basis of air traffic. Moscow: NOU VKS "Aviabusines". 2021. 300 p.
5. Dezhkin V.N. Legal regulation of international air traffic. M.: Legal Literature. 2021. 230 p.
6. Keita M. Legal regulation of commercial activities in international air traffic. Norms of international law. M.: Spark. 2021. 190 p.
7. Maleev Yu.N. Air Code of the Russian Federation and international law// Moscow Journal of International Law. 2025. No. 1. Pp. 24–28.
8. Mogilevkin I. Air transport: new horizons and new problems// World economy and international relations. 2020. No. 9. 80 p.
9. Pokrovsky F.A. Recommendations and opinions in the system of legal acts of the European Community// Bulletin of Moscow University. Series 11, Law. 2025. No. 1. 400 p.
10. Talalaev A.N. Law of international treaties. The operation and application of treaties. Moscow: International Relations. 2023. 260 p.

О соотношении соглашения о финансировании участия в кредите с производными финансовыми инструментами

Егоров Даниил Петрович,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук
Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева

E-mail: egorov.danya98@gmail.com

В статье анализируется актуальный вопрос о возможности квалификации соглашения о финансировании участия в кредите в качестве производного финансового инструмента по российскому праву. В рамках статьи сопоставляются имеющиеся в российском законодательстве определения ПФИ и соглашения о финансировании участия в кредите, а также проводится анализ обоснованности распространения правового режима ПФИ на соглашения о финансировании участия в кредите. В отсутствие какой-либо дискуссии о соотношении данных правовых конструкций в отечественном правовом порядке автор обращается к международному опыту решения рассматриваемой проблемы. По итогам проведенного анализа с опорой на выработанные в международной практике критерии автором предлагается подход к ограничению соглашения о финансировании участия в кредите от производных финансовых инструментов.

Ключевые слова: участие в кредите, фондируемое участие, вторичный рынок кредитования, синдицированный кредит, производные финансовые инструменты.

Правовая природа появившегося в конце 2020 года в российском законодательстве соглашения о финансировании участия в кредите вызывает споры. Одним из важнейших вопросов в этой связи является вопрос о возможности квалификации данного соглашения в качестве производного финансового инструмента (далее – ПФИ). Рассматриваемый вопрос имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Последствием квалификации соглашения о финансировании участия в кредите в качестве ПФИ будет применение к нему целого ряда положений законодательства, распространяющихся на ПФИ: начиная от специфичных требований к субъектному составу его сторон (установленных Законом о рынке ценных бумаг [1]) и до особого подхода к судебной защите требований, вытекающих из такого соглашения (п. 2 ст. 1062 ГК РФ [2]). Интересно, что совсем недавно в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, предусматривающий исключение применения законодательства о ПФИ к соглашениям о финансировании участия в кредите [3]. Таким образом, не вызывает сомнений, что вопрос является крайне актуальным и требует тщательного анализа.

Начнем с анализа определения ПФИ, содержащегося в ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг. Согласно данному определению под понятие ПФИ, среди прочего, подпадают договоры, в которых обязанность одной стороны такого договора по уплате денежной суммы поставлена в зависимость от наступления обстоятельства, свидетельствующего о неисполнении или ненадлежащем исполнении определенным юридическим лицом своих обязанностей. Банк России в указании от 16 февраля 2015 г. № 3565-У [4] уточняет данное определение и прямо о том, что базисным активом ПФИ могут являться кредитные события (среди которых прямо названо неисполнение третьим лицом своих обязательств).

С одной стороны, при буквальном толковании указанного определения ПФИ (особенно с учетом приведенного указания ЦБ РФ) может сложиться впечатление, что соглашение о финансировании участия в кредите должно подпадать под данное определение, следовательно, признаваться ПФИ. Так, соглашение о финансировании участия в кредите является договором, в котором обязанность кредитора по выплате денежных средств внешнему участнику является условной, поскольку возникновение такой обязанности зависит от того, вернет ли заемщик свой долг по кредитному договору или нет (т.е. формально такая обязан-

ность поставлена в зависимость от кредитного события).

С другой стороны, обоснованность такого буквального толкования вызывает вопросы. В частности, при таком подходе под категорию ПФИ должны будут подпадать практически любые условные сделки, в которых обязанность по выплате денежных сумм хотя бы одной из сторон зависит от наступления какого-либо указанного в законе неизвестного события. Очевидно, что такое толкование не может быть признано приемлемым, поскольку его принятие приведет к неоправданному расширению понятия ПФИ (в том числе, туда будут подпадать условные сделки с обычным хозяйственным риском не имеющие деривативной природы, такие как, например, договор страхования, договор поручительства и т.п.). Таким образом, представляется, что обращение к одному лишь буквальному толкованию легального определения ПФИ не позволяет нам корректно ответить на вопрос о том, является ли интересующее нас соглашение о финансировании участия в кредите договором ПФИ или нет.

Проблема осложняется тем, что вопрос о правовой природе ПФИ в российском праве разработан слабо, и какие-либо общепринятые четкие критерии, позволяющие отграничить юридическую модель ПФИ от всех иных договорных типов, не сформированы [5]. Эта проблема проявляется каждый раз, когда в отечественном правовом поле появляется какой-либо новый инструмент (как правило, заимствованный из международной финансовой практики): в первую очередь сразу возникают дискуссии и правовая неопределенность относительно того, должен ли такой инструмент относиться к ПФИ или нет. Показателен пример кредитной ноты. Так, в связи с тем, что конструкция кредитной ноты также вписывается в буквальное толкование определения ПФИ из Закона о рынке ценных бумаг, ряд исследователей считают, что кредитная нота должна считаться ПФИ [6]. В то же время, существует и иная позиция, согласно которой кредитные ноты имеют природу иную, чем ПФИ, в связи с чем не должны считаться ПФИ [7]. Аналогичные дискуссии имеются в доктрине и в отношении целого ряда иных непоименованных финансовых инструментов.

С рассматриваемым в настоящей статье соглашением о финансировании участия в кредите ситуация еще более сложная – из-за новизны данного договора в российском праве какие-либо дискуссии о его соотношении с ПФИ в отечественной доктрине отсутствуют полностью. В этой связи интересно обратиться к иностранному опыту, где аналогичный вопрос возникал около тринадцати лет назад и был успешно разрешен.

Итак, до 2012 года в международной практике существовала дискуссия о том, должны ли соглашения об участии в кредите считаться деривативами, а именно таким их видом как свопами, определение и специальное регулирование которых было введено Законом Додда-Франка 2010 года (далее – Закон Додда-Франка). Проблема была

аналогичной: определение свопа было сформулировано весьма широкого, а прямого исключения для соглашений об участии в кредите не было [8]. Для целей устранения указанной неопределенности на глобальном финансовом рынке Ассоциация кредитного рынка (*LMA*) (далее – *LMA*) и Ассоциация кредитных синдикатов и торговли (*LSTA*) (далее – *LSTA*) подготовили развернутые письма в адрес Комиссии по торговле товарными фьючерсами и Комиссии по ценным бумагам и биржам (далее – Комиссии), в которых последовательно отстаивался подход о том, что стандартные соглашения об участии в кредите по английскому и американскому праву не должны считаться свопами, и на основе этого содержалась просьба к указанным комиссиям выпустить прямое разъяснение о том, что режим свопов не должен распространяться на указанные соглашения [9,10]. В указанных письмах отмечалось, что соглашение об участии в кредите в отличие от свопа не приводит к возникновению в обороте искусственных рисков, поскольку соглашение об участии в кредите может быть заключено только таким кредитором, который в действительности является кредитором по кредитному договору [10]. Участие в кредите возможно только в пределах конкретного реально существующего кредита и только в той его части, которая ранее не была передана третьим лицам (иным участникам). Указанное свойство участия в кредите препятствует искусственному «надуванию пузыря», поскольку кредитный риск заемщика не увеличивается, а лишь перекладывается с кредитора на участника. В случае же со свопами, напротив, описанного выше ограничения нет, соответственно, в отсутствие специальных регуляторных ограничений участники смогут заключать бесчисленное количество свопов, создавая искусственный долг, кратко превышающий долг базового обязательства.

Еще одним аргументом *LMA* является то, что отсутствуют какие-либо основания для дифференцированного подхода к регулированию разных форм передачи кредита – к уступке и к участию в кредите [10]. Тот факт, что уступка не является деривативом подталкивает к выводу о том, что и иные формы вторичного рынка кредитования (включая, участие в кредите) не должны считаться деривативами (учитывая отсутствие у участия в кредите рисков, свойственных деривативам и описанным выше). Принятие же обратного подхода (т.е. квалификация соглашения об участии в качестве дериватива) будет сопряжено с целым рядом издержек для его сторон (в связи с необходимостью соблюдения ряда ограничений, применимых к свопам), что сделает его заметно менее выгодной формой передачи кредита в сравнении с уступкой, и, как следствие, может привести к практическому отказу от участия в кредите с переходом к уступке как к единственной приемлемой форме передачи кредита.

Комиссии приняли указанные выше аргументы *LSTA* и *LMA* и выпустили соответствующее разъяс-

яснение [11], прямо исключающее квалификацию соглашения об участии в кредите в качестве свопа (для целей Закона Додда-Франка), при условии, что соблюдаются следующие критерии: 1) кредитор по соглашению об участии в кредите должен быть владельцем соответствующего кредитного актива (например, выступать в роли кредитора по кредитному договору), в отношении которого реализуется участие); 2) объем финансирования, предоставляемого суб-участником в рамках соглашения об участии, не должен превышать сумму основного кредитного договора; 3) суб-участник осуществляет выплату причитающихся сумм по соглашению об участии одновременно (без применения рассрочки) и исключительно за счет собственных средств, исключая привлечение заемного финансирования для целей исполнения данного обязательства, 4) суб-участник получает как риск, так и потенциальную доходность, вытекающую из соответствующего кредита, в котором он участвует. Такое разъяснение было позитивно воспринято участниками рынка и юридическим сообществом, поскольку фактически решило указанную проблему для большинства соглашений об участии в кредите (которые, как правило, соответствуют указанным критериям).

Учитывая, что причины, по которым российский правопорядок регулирует ПФИ, обусловлены аналогичными рисками (в частности, синтетическими и структурными рисками для финансового рынка), представляется, что предложенный выше принцип разграничения (и приведенные выше аргументы) являются универсальными и могут успешно использоваться и в российском контексте. В этой связи, интересно проверить, отвечает ли российское соглашение о финансировании участия в кредите описанным выше четырем критериям.

Соответствие соглашения о финансировании участия в кредите первому критерию может быть выведена из его законодательного определения, закрепленного в пункте 1 статьи 10.1 Закона о синдицированном кредите [12]. Указанная правовая норма устанавливает, что одной из ключевых обязанностей кредитора по такому соглашению является его обязанность по осуществлению прав по кредитному договору, из чего может быть сделан вывод о том, что кредитором в таком соглашении может быть только лицо, которое является кредитором по кредитному договору (т.е. действительно несет кредитный риск заемщика). Это положение принципиально отличает рассматриваемую конструкцию от ПФИ, поскольку исключает возможность искусственной передачи риска субъектами, не несущими реального кредитного риска.

Второй критерий также выполняется. Во-первых, п. 1 ст. 10.1 Закона о синдицированном кредите, устанавливает ограничения для целевого использования полученной кредитором от внешнего участника суммы – такая сумма может быть использована либо для исполнения обязательств по кредитному договору, либо для возмещения ранее предоставленных кредитором сумм кредита.

Из указанной нормы очевидна связь между размером предоставляемых внешним участником денежных средств и размером кредита, в котором участвует внешний участник. Во-вторых, пункт 2 статьи 10.1 Закона предусматривает механизм перехода прав по кредитному договору к внешнему участнику в объеме, соответствующем размеру предоставленного им финансирования. Реализация этого механизма возможна только в том случае, если размер предоставляемых внешним участником денежных средств составляет не более суммы кредита (т.к. внешний участник в любом случае не может получить к заемщику требование на сумму, превышающую сумму кредита). Указанное выше наглядно демонстрирует, что соглашение о финансировании участия в кредите в отличие от ПФИ приводит к перекладыванию исключительно реального хозяйственного риска (кредитного риска заемщика) от одного лица (кредитора) к другому (внешнему участнику) и не влечет появления в обороте «новых» (искусственных) рисков.

С третьим критерием ситуация немного сложнее. С одной стороны, в законодательстве не установлено какого-либо запрета на предоставление рассрочки внешнему участнику, а также каких-либо ограничений в части источников фондирования сумм, передаваемых внешним участником кредитору. Однако представляется, что рассматриваемый критерий в большинстве случаев будет выполняться фактически. Рассматриваемые соглашения заключаются кредиторами, прежде всего, в целях снижения нагрузки на капитал кредитора путем получения денежных средств от внешнего участника (не дожидаясь срока возврата кредита по кредитному договору). Не вызывает сомнений, что такая цель может быть достигнута только в случае, если кредитор фактически получает от внешнего участника соответствующую сумму денежных средств (иными словами, приобретение внешним участником соответствующего участия в обмен на предоставление им лишь обязанности предоставить сумму денежных средств в будущем не позволяет кредитору получить соответствующую ликвидность, в связи с чем в большинстве случаев такая модель не будет интересна кредиторам). Что касается внешнего участника, то он наоборот предоставляет денежные средства в связи с наличием соответствующей ликвидности и готовностью ее предоставить кредитору, соответственно, опции привлечения финансирования для целей исполнения своих обязательств внешним участником также будут неприменимы в большинстве случаев.

Выполнение четвертого критерия не вызывает больших сомнений, так как согласно пункту 1 статьи 10.1 Закона о синдицированном кредите главной обязанностью кредитора, входящей в предмет рассматриваемого соглашения, является обязанность по передаче внешнему участнику денежных средств, полученных от заемщика по кредитному договору (в части участия в кредите), что является неотъемлемой частью рассматриваемого соглашения. Передача внешнему участнику доход-

ности по кредитному договору – конститутивный признак соглашения о финансировании участия в кредите.

Учитывая вышеизложенное, представляется, что соглашение о финансировании участия в кредите по общему правилу не должно квалифицироваться в качестве ПФИ, и законодательство, применимое к ПФИ, не должно распространяться на такие соглашения.

В качестве дополнительного аргумента проанализируем некоторые положения законодательства о ПФИ, применение которых к рассматриваемому соглашению будет приводить к абсурдным последствиям.

Начнем с положений п. 2 ст. 1062 ГК РФ, согласно которой судебная защита предоставляется сторонам договора ПФИ по общему правилу только в тех случаях, когда соблюдаются установленные данной нормой требования к субъектному составу соответствующей сделки, а именно, если хотя бы одной из сторон такой сделки является лицо, имеющее банковскую лицензию или лицензию на осуществление профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг. Как следует из п. 1 ст. 10.1 Закона о синдицированном кредите, субъектный состав соглашений о финансировании участия в кредите намного шире, чем субъектный состав сделок ПФИ, пользующихся судебной защитой по п. 2 ст. 1062 ГК РФ. Как в качестве кредитора, так в качестве внешнего участника в соглашении о финансировании участия в кредите может участвовать целый ряд субъектов, не имеющих ни банковскую лицензию, ни лицензию на осуществление деятельности на рынке ценных бумаг. Получается, что, если мы будем толковать п. 2 ст. 1062 ГК РФ буквально (распространяя его на соглашения о финансировании участия в кредите), то соглашения о финансировании участия в кредите, заключенные без участия банков или профессиональных участников рынка ценных бумаг, будут лишены судебной защиты. Не вызывает сомнений, что такое положение крайне негативно скажется на рынке участия в кредите и фактически парализует его в части сделок без указанных «разрешенных» субъектов.

Помимо этого, рассмотрим положения статьи 51.4 Закона о рынке ценных бумаг, которые, среди прочего, предусматривают ряд ограничений для внебиржевых ПФИ. В частности, абзац второй части 6 статьи 51.4 Закона о рынке ценных бумаг предусматривает, что заключение ПФИ не на торгах биржи допускается только при условии, что выплата денежных сумм по такому ПФИ, поставленная под условие, осуществляется за счет кредитной организации, брокера, дилера, специализированного финансового общества, которое в соответствии с целями и предметом его деятельности вправе осуществлять эмиссию структурных облигаций, и получающая такие денежные средства сторона является юридическим лицом.

Здесь возникает похожая проблема в случае, если мы относим соглашения о финансирова-

нии участия в кредите к ПФИ и распространяем на них указанное регулирование. В части субъектного состава на стороне внешнего участника возникнет противоречие части 9 статьи 10.1 Закона о синдицированном кредите, которая предусматривает, что физические лица (имеющие статус квалифицированного инвестора) вправе быть участниками в кредите, с абзацем вторым части 6 статьи 51.4 Закона о рынке ценных бумаг, который прямо запрещает заключение ПФИ, если получающая денежные средства сторона (очевидно, что получающей денежные средства стороной в зависимости от наступления кредитного события по рассматриваемому соглашению будет именно внешний участник) не является юридическим лицом. Проблемы возникнут и на стороне кредитора по соглашению о финансировании участия в кредите, поскольку абзац второй части 6 статьи 51.4 Закона о рынке ценных бумаг предусматривает, что выплата денежных средств по ПФИ возможна только за счет кредитной организации, брокера, дилера или специализированного финансового общества, в то время перечень лиц, имеющих право заключать соглашения о финансировании участия в кредите в качестве кредитора в соответствии с Законом о синдицированном кредите, принципиально отличается – так, согласно ч. 1 ст. 10.1 Закона о синдицированном кредите, помимо кредитных организацией такое соглашение может быть заключено также широким кругом иных юридических лиц, фондов и иностранных юридических лиц, при этом дилеры и брокеры наоборот отсутствуют в данном перечне.

Запрет заключения соглашений о финансировании участия в кредите для физических лиц (в качестве внешних участников участников), а также ограничение субъектного состава соглашений об участии в кредите на стороне кредитора только до кредитных организаций, брокеров, дилеров и специализированных финансовых обществ предоставляются неоправданными, поскольку без каких-либо оснований лишают целый ряд субъектов доступа к рынку участия в кредите. Если применять такие ограничения и запрет к соглашениям о финансировании участия в кредите, это не только вызовет указанное выше противоречие в регулировании, но и увеличит риски признания недействительными соглашений, которые не соответствуют критериям, установленным Законом о рынке ценных бумаг. Не вызывает сомнений, что такие последствия неизбежно окажут негативное влияние развитие рынка участия в кредите, а также вторичного кредитования в целом.

Таким образом, приведенные выше примеры некорректности применения существующего в российском праве правового режима ПФИ к соглашению о финансировании участия в кредите окончательно снимают все сомнения и дополнительно подкрепляют сделанный выше вывод о том, что соглашения о финансировании участия по общему правилу не должны признаваться ПФИ.

Литература

1. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Законопроект № 729233–8 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/729233-8> (дата обращения: 12.04.2025).
4. Указание Банка России от 16 февраля 2015 года № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов» // «Вестник Банка России». 2015. № 28 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Сафонова Т.Ю., Терехович Ю.В. Проблемы создания системы регулирования рынка ПФИ // Банковское право. 2014. N 5. С. 15–23 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Синицын С.А., Дьяконова М.О., Печегина П.Д. Структурная нота в российском и зарубежном праве: проблемы и перспективы развития законодательства и теории // Предпринимательское право. 2024. N 1. С. 2–9 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Груздев О.С. Вопросы правовой квалификации кредитных нот (соотношение с ценными бумагами, производными финансовыми инструментами) // Закон. 2016. N 12. С. 47–57 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Grady J., Clark J.A. Clarity for loan participations under Dodd-Frank. Memorandum. Richards Kibbe & Orbe LLP. Jul. 19, 2012 // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=8730427f-22b7-4d1e-a869-628d33f37196> (дата обращения: 12.04.2025).
9. Letter from R. Bram Smith, Executive Director, LSTA, Jul. 22, 2011. URL: <https://www.sec.gov/comments/s7-16-11/s71611-25.pdf> (дата обращения: 12.04.2025).
10. Letter from Clare Dawson, Managing Director, LMA, Jul. 22, 2011. URL: <https://www.sec.gov/comments/s7-16-11/s71611-17.pdf> (дата обращения: 12.04.2025).
11. Further Definition of “Swap,” “Security-Based Swap,” and “Security-Based Swap Agreement”; Mixed Swaps; Security-Based Swap Agreement Recordkeeping, Release No. 33–9338; 34–67453; File No. S7–16–11. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/FR-2012-08-13/2012-18003/summary> (дата обращения: 12.04.2025).
12. Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (зай-

ме) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

THE RELATIONSHIP BETWEEN LOAN PARTICIPATION AGREEMENTS AND DERIVATIVES

Egorov D.P.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article analyses the topical issue of the possibility of qualifying a loan participation agreement as a derivative. The article compares the definitions of derivative and loan participation agreement in the legislation and analyses the justification of extending the legal regime of derivatives to loan participation agreements. In the absence of any discussion on the correlation of these legal constructions in the domestic legal system, the author turns to the international experience of solving the problem in question. Based on the results of the analysis and based on the criteria developed in international practice, the author proposes an approach to distinguishing loan participation agreement from derivatives.

Keywords: loan participation, funded participation, syndicated loan, secondary loan market, derivatives.

References

1. Federal Law of 22 April 1996 № 39-FZ “On the securities market” // Legal reference system “ConsultantPlus”.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part two) from 26.01.1996 № 14-FZ (ed. from 13.12.2024) // Legal reference system “ConsultantPlus”.
3. Draft Law No. 729233–8 // System of Legislative Activity Support of the State Automated System “Legislation”. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/729233-8> (date of reference: 12.04.2025).
4. Decree of the Bank of Russia dated 16 February 2015 No. 3565-U “On Types of Derivatives” // ‘Bulletin of the Bank of Russia’. 2015. No. 28 // Legal reference system “ConsultantPlus”.
5. T.Y. Safonova, Y.V. Terekhovich. Problems of creation of the system of regulation of the market for derivative financial instruments // Banking law. 2014. No. 5. P. 15–23. // Legal reference system “ConsultantPlus”.
6. S.A. Sinitsyn, M.O. Dyakonova, P.D. Pechegina. The Structural Element in the Russian and Foreign Law: Problems and Prospects of the Development of Law and Theory // Business law. 2024. No. 1. P. 2–9 // Legal reference system “ConsultantPlus”.
7. O.S. Gruzdev. Legal qualification of credit notes (relationship to securities, financial derivatives) // Law. 2016. N 12. P. 47–57 // Legal reference system “ConsultantPlus”.
8. Grady J., Clark J.A. Clarity for loan participations under Dodd-Frank. Memorandum. Richards Kibbe & Orbe LLP. Jul. 19, 2012 // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=8730427f-22b7-4d1e-a869-628d33f37196> (дата обращения: 12.04.2025).
9. Letter from R. Bram Smith, Executive Director, LSTA, Jul. 22, 2011. URL: <https://www.sec.gov/comments/s7-16-11/s71611-25.pdf> (дата обращения: 12.04.2025).
10. Letter from Clare Dawson, Managing Director, LMA, Jul. 22, 2011. URL: <https://www.sec.gov/comments/s7-16-11/s71611-17.pdf> (дата обращения: 12.04.2025).
11. Further Definition of “Swap,” “Security-Based Swap,” and “Security-Based Swap Agreement”; Mixed Swaps; Security-Based Swap Agreement Recordkeeping, Release No. 33–9338; 34–67453; File No. S7–16–11. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/FR-2012-08-13/2012-18003/summary> (дата обращения: 12.04.2025).
12. Federal Law of 31 December 2017 № 486-FZ “On syndicated credit (loan) and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” // Legal reference system “ConsultantPlus”.

Кошель Павел Григорьевич,
аспирант, Университет «Синергия»
E-mail: kpash13@me.com

В статье рассматривается проблема справедливости в гражданском праве, исследуется ее теоретическая база и практическое применение. Актуальность исследования обусловлено тем, что понятие справедливость в основе своей является абстрактной и зависящей от многих факторов, вопрос обостряется еще тем, что формально данный принцип не имеет закрепления в нормах ГК РФ и потому были сформированы позиции по данному вопросу. Анализируются основные подходы к пониманию справедливости, важное внимание уделяется соотношению справедливости с другими принципами. Исследование выявляет существующие правовые пробелы и рассматриваются рекомендации по улучшению законодательства и практики применения норм гражданского права, направленные на более эффективное обеспечение справедливости, подчеркивающие важность справедливости как одного из принципа правового регулирования в гражданских правоотношениях. Результаты и выводы в представленной работе могут быть в дальнейшем использованы для развития данного вопроса.

Ключевые слова: гражданское право, принципы права, справедливость, принципы гражданского права, гражданское законодательство.

Проблематика, связанная с принципом справедливости в гражданском праве, остается одной из наиболее актуальных и дискуссионных тем в юридической науке. Современное общество, столкнувшееся с множеством социальных и экономических изменений, требует переосмыслению устоявшихся норм и принципов, регулирующих частные отношения. Вопрос обостряется еще и тем, что на данный момент не сформирована общая концепция рассматриваемого принципа. Кроме того, существует множество различных подходов к пониманию справедливости в гражданском праве. Важность рассматриваемого вопроса обоснована тем, что справедливость, как важный аспект правового регулирования, не только влияет на формирование законодательства, но и определяет подходы к разрешению споров, что непосредственно затрагивает права и законные интересы участников гражданского оборота. В условиях современной действительности и возможной перспективы развития глобализации права, а также с учетом многообразия правовых систем, необходимо вновь оценить значение справедливости в контексте гражданских отношений. Цель настоящего исследования заключается в анализе концепции справедливости в контексте гражданского права, в установлении её позиции в рамках системы правовых принципов, рассмотрении различных подходов к её интерпретации, выявлению основных проблем и противоречий с рассмотрением судебной практики, а также формировании рекомендаций в рамках законодательного регулирования. В качестве методологического подхода в работе будет использован комплексный анализ, включая анализ, синтез, аналогия, а также историко-правовой и системный метод. Это позволит не только определить место данного принципа в системе российского гражданского права, но и выявить их практическое проявление. Также будет проведен анализ судебной практики, что поможет оценить реальную применимость принципа справедливости в разрешении гражданских дел.

Справедливость является одним из основополагающих понятий не только в философии, но и в праве. В юридическом контексте справедливость может быть определена как принцип, согласно которому права и обязанности сторон должны быть уравновешены, а результат правоприменения – соответствовать моральным стандартам общества. При этом, важно здесь отметить, что данный принцип имеет абстрактное значение, поскольку зависит от многих факторов: экономических, социально-культурных, исторических, поскольку от этого формируется понятие «справед-

ливость». Справедливость в праве Древнего Рима также имело неопределенный характер: «с одной стороны, она представляет собой идеальное состояние вещей (*aequitas*), которое должно находить свое отражение в праве и служить добродетелью в рамках нравственности. С другой стороны, справедливость может быть понята как практическое правило, подразумевающее принцип «каждому своё» и последовательное применение установленных норм (*justitia*)» [8]. В контексте данного вопроса критически важно определить, можно ли отнести понятие «справедливость» к основополагающим принципам права и в частности, к базовым началам гражданского права. В своей научной работе «Понятие справедливости в гражданском праве» А.В. Коновалов отмечает, что «в отечественной юридической науке термин «справедливость» не часто рассматривается в контексте формулировок принципов права. Преимущественно он используется в связке с понятием «социальная справедливость» и в рамках критики фальшивой справедливости буржуазной правовой системы» [9].

Важным аспектом является также международное понимание справедливости и его связь с принципами гражданского права. Некоторые исследователи обращаются к этому вопросу с лингвистической точки зрения, отмечая, что латинское слово «*Justitia*» (справедливость) происходит от корня «*jus*», который переводится как «право». В английском языке термины «право» и «справедливость» обозначаются одним словом – «*justice*», что подчеркивает глубокую взаимосвязь между этими понятиями [10]. Существует мнение, что право включает в себя компоненты стабильности и порядка, которые находятся в противоречии со справедливостью, и эти аспекты рассматриваются как взаимонезависимые. При этом справедливости уделяется особое внимание именно формальным и процессуальным аспектам, поскольку считается, что наличие четко определенных процедур является необходимым условием для достижения справедливости [11]. Агибалова Е.Н. в своей работе обозначает, что «в условиях господствующего в России позитивного правопонимания справедливость часто вообще отделяют от права, относя ее к нравственно-этической сфере» [4]. Также имеется позиция, что справедливость не является отдельным принципом, а прослеживается в самом законе: «...изначально рассматривал справедливость не как принцип, а как некое требование» [7]. Такой же позиции российский правовед Д.И. Дедова, его позиция следующая «...принцип справедливости отсутствует, но справедливость как сущность права воплощена в каждом принципе права в отдельности и во всех принципах вместе взятых» [5]. Следует обратить внимание на диссертационную работу С.А. Ивановой, которая вносит значимый вклад в исследование актуальной темы. В этой работе автор поднимает вопрос о «размывании» принципа справедливости в гражданском законодательстве. Она утверждает, что основные положения гражданского законодательства, изло-

женные в статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, представляют собой ключевые элементы этого принципа. Под справедливостью в контексте гражданского права Иванова понимает характерные черты частного права, которые основаны на равенстве сторон, имущественной независимости и свободе воли [6].

Рассмотренные аспекты подчеркивают важность анализа темы справедливости в праве, поскольку на сегодняшний день остается открытым вопрос о том, как следует рассматривать справедливость: в качестве принципа гражданского права или как более общее, широкое понятие. Поскольку справедливость представляет собой глубоко философскую категорию, ни доктрина гражданского права, ни гражданское законодательство не предлагают однозначного и четкого определения этого понятия. Вместе с этим, слово «справедливость» встречается в нормах ГК РФ (как в общей, так и в специальной части) и других нормативных актах, относящихся к области гражданского права, кроме того повсеместно используется в правоприменительной практике. Это указывает на то, что справедливость действительно является составной частью правовых принципов и активно используется на практике правоприменителями.

В соответствии со ст. 1 ГК РФ, выделяются не менее шести основных принципов гражданского права, однако среди них на первый взгляд отсутствует принцип справедливости. Тем не менее, как было упомянуто ранее, этот принцип активно применяется на практике в рамках правового регулирования. В частности, в соответствии с п. 2 ст. 6 ГК РФ: «При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права), а также требований добросовестности, разумности и справедливости». Учитывая эту норму, можно утверждать, что справедливость фактически признается в качестве самостоятельного принципа в гражданском праве. Закрепление данного принципа находит подтверждение и в ряде других норм ГК РФ: ст. 65.2 упоминает понятие справедливой компенсации, которая определяется на усмотрение суда. В п. 1 ст. 308.3 говорится о том, что размер денежных выплат также устанавливается судом, основываясь на принципах справедливости, в соответствии с п. 5 ст. 393 сумма убытков, подлежащих взысканию, определяется на основании принципов разумности и справедливости. Аналогичные нормы содержатся в ст. 1101 и ст. 1252 ГК РФ, которые указывают судам на необходимость учитывать принцип справедливости при определении размера компенсации [1]. Кроме того, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в пункте 12 определяется, что в делах о возмещении убытков, в случае их признания, суд должен определять размер подлежащих возмещению убытков с учетом всех обсто-

ятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности в отношении допущенного нарушения [3].

Данные нормы напрямую показывают нам, что принцип справедливости фактически реализуется в гражданско-правовых отношениях. При этом в теории имеются противоречия, повторно обращаясь к работе Е.Н. Агibalова, я хочу выделить три основные концепции взаимосвязи принципа справедливости с другими принципами гражданского права [4]:

1. Принцип справедливости предстает как самостоятельный принцип, реализуемый в праве. Эта точка зрения поддерживается Е.В. Вавилиным и А.А. Волосом, которые подчеркивают его значимость и выделение среди ключевых принципов.

2. Принцип справедливости является межотраслевым принципом. В рамках гражданского права он объединяет все остальные принципы, являясь их частью и двигателем для реализации. Такую позицию поддерживают Б.М. Гонгало и Н.А. Новикова, которые утверждают, что «справедливость, будучи универсальным правовым принципом, одновременно является важным элементом частного права, находя свое отражение в частноправовых нормах через другие принципы и положения законодательства». Согласно их мнению, принцип справедливости в гражданском законодательстве проявляется в таких ключевых концепциях, как равенство, соразмерность и эквивалентность гражданского оборота. К данной концепции стоит отнести Иванову С.А., как уже ранее отмечалось, она утверждает, что основные положения гражданского законодательства, изложенные в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, представляют собой ключевые элементы этого принципа. Похожую позицию занимаю и А.С. Гайдук с А.А. Киселевым, которые рассматривают принцип справедливости как «фундаментальное правовое начало, важнейший принцип не только гражданского, но и всего права, который служит основой для построения всей правовой системы» [9].

3. Принцип справедливости тесно связан с принципом добросовестности. Это утверждение находит поддержку в работах П.М. Филиппова, который подчеркивает, что справедливость является важным компонентом добросовестности. Основное значение этих принципов заключается в том, что они формируют и регулируют поведение участников гражданских правоотношений, реализация направлена на соблюдение правовых норм и обеспечение правомерного поведения.

Анализируя представленные позиции, мы поддерживаем мнение о независимости и самостоятельности принципа справедливости, как принципа гражданского права. Основываясь на вышеизложенном, рассматриваемый принцип содержится в ряде норм ГК РФ, а также в иных нормативных актах. Помимо этого, справедливость, как основополагающий принцип гражданского права, имеет важное значение для формирования и регулирования гражданских обязательств. Она выступает сво-

его рода этическим и правовым компасом, который направляет законодателей, судей и участников гражданских оборотов на путь соблюдения баланса интересов сторон и достижения справедливых результатов в различных ситуациях. В контексте договорных отношений и деликтного права справедливость проявляется в различных аспектах. В сфере договорных отношений справедливость служит основой для формирования обязательств сторон, направленных на реализацию сделок. Заключая договор, стороны стремятся к тому, чтобы их интересы и ожидания были учтены, что, в свою очередь, предполагает наличие согласованных условий и взаимных уступок. Принцип справедливости становится особенно актуальным в ситуациях, когда одна из сторон выступает более сильной или опытной, что может привести к дисбалансу в правах и обязанностях. Также справедливость в договорных отношениях также подразумевает защиту интересов сторон от злоупотреблений. Применение справедливости в договорной практике служит механикой для разрешения конфликтов и недоразумений, возникающих вследствие непредвиденных обстоятельств, так, при возникновении форс-мажорных обстоятельств суды могут использовать принцип справедливости для корректировки условий договора или их отмены, признавая поступки сторон, исходя из их добросовестности и разумности.

В области деликтного права справедливость также занимает центральное место, определяя рамки ответственности за причинение вреда. Деликтное право, сосредотачивающееся на возмещении убытков, основано на идее восстановления нарушенного баланса между вредителем и потерпевшим, здесь справедливость учитывает не только фактические обстоятельства дела, но и моральные и этические аспекты поведения сторон. Принцип справедливости в деликтном праве проявляется в различных формах, таких как необходимость учета характера и степени вины, а также обстоятельств, при которых произошло причинение ущерба. Суды, принимая во внимание факторы степени вины и социальные контексты, ориентируются на установление справедливой компенсации, что часто включает в себя различные виды убытков, таких как материальные, моральные и упущенная выгода. В совокупности представленные факторы дают нам понимание о том, что принцип справедливости самодостаточно функционирует в контексте гражданских правоотношений. Ключевое значение этого принципа в гражданском праве заключается в том, что он формирует базовые этико-правовые категории, которые в свою очередь служат основой для нормативного регулирования гражданских отношений. Принцип справедливости не только гарантирует баланс интересов сторон, но и способствует выработке справедливых решений, обеспечивая тем самым стабильность и правовую определенность в гражданских делах.

В процессе анализа данной темы, помимо уже упомянутых теоретических неоднозначностей,

необходимо акцентировать внимание на правоприменительных проблемах, которые возникают в результате этих теоретических пробелов. Одной из проблем можно назвать наличия конфликта между справедливостью и законностью. Законодательство зачастую представляет собой жесткие рамки, в которых судьи и правоприменительные органы обязаны действовать. В этой связи возникает ситуация, когда закон может предписывать результаты, кажущиеся несправедливыми. Например, в случае соблюдения обязательств сторон в договоре, одно лицо может понести чрезмерные убытки, поскольку закон не всегда учитывает все нюансы конкретных обстоятельств. В подобной ситуации судьи могут обнаружить трудности при стремлении обеспечить равновесие между соблюдением закона и достижением справедливости.

Следующей и особой важной проблемой стоит назвать наличие свободной интерпретация понятия «принцип справедливости». Как уже ранее отмечалось, справедливость, как понятие носит субъективный характер, ввиду своей универсальности, которое может зависеть от различных общественных факторов. Проблема еще осложняется отсутствием формально-законного определения данного принципа, но при этом фактически она осуществляется, поэтому оценка справедливости может сильно варьироваться в зависимости от судьи, обстоятельств дела и даже контекста, в котором рассматривается ситуация. Ранее рассмотренные нормы гражданского права свидетельствуют об этом, законодатель прямо закрепляет в ряде норм ГК РФ особенность применения данного принципа, а именно «на усмотрение суда». Это создает риски непредсказуемости в правоприменительной практике, что может подрывать доверие к судебной системе. Роль судебной интерпретации становится решающей в процессе внедрения принципа справедливости в правоприменительную практику. Используя свою свободу усмотрения, судьи могут формулировать выводы, что открывает возможность для проявления субъективизма в судебных решениях. Так, рассматривая судебную практику хочется обратить внимание на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2022 N 34-КГ22–1-К3. Из материала дела следует, что 16 июля 2020 года суд частично удовлетворил иск П. к пенсионному органу, признав незаконным отказ в досрочном назначении страховой пенсии. 20 января 2021 года П. запросила взыскание судебных расходов на услуги представителя в сумме 31250 рублей. Суд первой инстанции частично удовлетворил требование, снизив сумму до 20000 рублей, указав на несоответствие запрашиваемой суммы принципам разумности справедливости и степени сложности дела. Апелляционный суд подтвердил решение, отметив, что размер возмещения не может соответствовать стоимости услуг. Кассационный суд оставил решения без изменений, однако Верховный Суд отменил их, указав на необходимость пропорционального распре-

деления судебных расходов при частичном удовлетворении иска. Так, в пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 уточняется, что суд не может произвольно уменьшать сумму судебных издержек без возражений и доказательств их чрезмерности со стороны другой стороны. Тем не менее, суд вправе снизить сумму издержек, если она явно неразумна, учитывая расходы на услуги представителя, объем требований, цену иска, сложность дела и время на подготовку документов. В соответствии с одной из ключевых задач гражданского судопроизводства – обеспечением справедливого судебного разбирательства и соблюдением необходимого баланса процессуальных прав и обязанностей сторон. При рассмотрении вопроса о возмещении судебных расходов суд должен учитывать несколько важных аспектов. Во-первых, если сторона не возражает и не доказывает чрезмерность запрашиваемых расходов, суд не вправе произвольно снижать эту сумму. Во-вторых, в случае признания издержек явно несоразмерными, суд обязан вынести мотивированное решение. В материалах дела содержится частная жалоба на определение суда первой инстанции о взыскании 20000 рублей судебных расходов с пенсионного органа. П. ссылается на статьи 88, 98 и 100 ГПК РФ и ПП ВС РФ от 21 января 2016 года № 1. Она утверждает, что нет доказательств чрезмерности её расходов на услуги представителя и указывает, что средняя стоимость таких услуг в её регионе составляет 26000 рублей. П. считает, что размер взысканных расходов необоснованно низкий. В результате Судебная коллегия ВС РФ отменила решения суда по этому вопросу и направила дело на новое рассмотрение [12]. Данная судебная практика демонстрирует, что «принцип справедливости» широко применяется в гражданско-правовых отношениях и активно используется судами в их решениях. Однако из-за субъективного характера его интерпретации судов возникают ошибки в судебных актах. Конечно, важно отметить, что в основе своей не только данная ошибка стало в основе, но одной из них стоит назвать. Проблема субъективизма порождает различную судебную практику, что приводит к росту недоверия к судебной власти. в основе своей недопустимо

Рассматривая проблемы принципа справедливости в гражданском праве особо важно в данном ключе предложить рекомендации. Основная проблема заключается в том, что в действующем законодательстве (ст. 1 ГК РФ) отсутствует четкое закрепление этого принципа, а также его ясное определение. На основе этой ситуации можно выделить два ключевых подхода к решению данной проблемы:

1. Закрепление принципа справедливости в ст. 1 ГК РФ. Безусловно, раскрыть содержание принципа справедливости представляется крайне затруднительным. Тем не менее, указав общие признаки этого явления и одновременно дав возможность правоприменителям прямо применять

его, может положительно повлиять на реальное использование принципа.

2. Сформировать «законное» определение принципа справедливости в нормативных источниках. Создание конкретного значения рассматриваемого принципа позволит решить проблему субъективизма в судебной системе. В рамках настоящего исследования, опираясь на изученные научные труды, нами было сформировано следующее определение. Принцип справедливости в гражданских правоотношениях заключается в обеспечении равного и добросовестного обращения сторон, уважающего их права и законные интересы, с целью создания условий для справедливого разрешения споров и достижения разумного баланса интересов участников гражданского оборота. Справедливость подразумевает учет конкретных обстоятельств каждого дела, добросовестность и разумность действий сторон, а также стремление к недопущению злоупотребления правом. Предложенная дефиниция, по нашему мнению, подчеркивает влияние справедливости на все гражданское право в целом, а также протекционистскую направленность этого принципа.

В заключении следует отметить, что вопрос о содержании понятия «справедливость» как в гражданском праве, так и в иных отраслях является актуальным и на сегодняшний день. В нашей работе было проведено общее исследование проблемы справедливости, охватывающее как теоретические аспекты, так и правоприменительных проблемах. При рассмотрении теоретической основы было доказано, что «справедливость» является принципом, который активно применяется в рамках реализации норм ГК РФ. В ходе исследования были выделены три ключевых концепции, которые определяли соотношение принципа справедливости с другими принципами гражданского права. Изучение и развитие знания о принципе справедливости, на наш взгляд, должно плодотворно повлиять на развитие гражданско-правовых институтов, в том числе на правоприменительную практику, связанную с ними.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Электронный ресурс: Справочно-правовая система «Консультант Плюс»;
2. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Электронный ресурс: Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.02.2025);
3. Агibalова Е.Н. Принцип справедливости в гражданском праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. № 2;

4. Булгаков В.В. К проблеме соотношения справедливости и права / Булгаков В.В., Булгакова Д.В. // Аграрное и земельное право. 2020. № 8;
5. Гонгало Б.М. Новикова И.Л. Справедливость как принцип гражданского права и критерий его эффективности // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 79–90;
6. Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2006;
7. Кабисова В.А. Понятие и содержание принципа справедливости в гражданском праве // Вестник магистратуры. 2020. № 4;
8. Кирюхин Д.И. Справедливость как aequitas и iustitia в философско-правовой мысли Древнего Рима // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2013. № 3;
9. Коновалов А.В. Понятие справедливости в гражданском праве // Lex Russica. 2019. № 8;
10. Панченко, П. А. К вопросу о принципе справедливости в гражданском судопроизводстве / П.А. Панченко. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 47 (442). – С. 269–273;
11. Сорокина Ю. В. К вопросу о справедливости в праве / Сорокина Ю.В., Малиновская Н.В. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 1;
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2022 N 34-КГ22–1-К3 (УИД 51RS0009–01–2020–000575–81) // Юридическая информационная система «Легалакт». – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11042022-n-34-kg22-1-k3/> (дата обращения: 05.02.2025)

THE PROBLEM OF JUSTICE IN CIVIL LAW

Koshel P.G.

Synergy University

The article considers the problem of fairness in civil law, examines its theoretical basis and practical application. The relevance of the study is due to the fact that the concept of fairness is fundamentally abstract and depends on many factors, the issue is aggravated by the fact that formally the following principle is not included in the Civil Code of the Russian Federation and therefore the positions on this issue have been formed. The main approaches to the understanding of fairness are analyzed, important attention is paid to the correlation of fairness with other principles. The study identifies existing legal gaps and considers recommendations to improve the legislation and practice of application of civil law norms, aimed at more effective enforcement of fairness, emphasizing the importance of fairness as one of the principles of legal regulation in civil legal relations. The results and conclusions in the presented work can be further used for the development of this issue.

Keywords: civil law, justice, civil law principles, civil legislation.

References

1. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FZ // Electronic resource: Reference and legal system "Consultant Plus";

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Electronic resource: Reference and legal system "Consultant Plus" (date of access: 02/11/2025);
3. Agibalova E.N. The principle of justice in civil law // Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2019. No. 2;
4. Bulgakov V.V. On the problem of the relationship between justice and law / Bulgakov V.V., Bulgakova D.V. // Agrarian and land law. 2020. No. 8;
5. Gongalo B.M. Novikova I.L. Justice as a principle of civil law and a criterion for its effectiveness // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. No. 2. P. 79–90;
6. Ivanova S.A. The principle of justice in the civil law of Russia: author's abstract. dis. ...Doctor of Law. Vladimir, 2006;
7. Kabisova V.A. The concept and content of the principle of justice in civil law // Bulletin of the Magistracy. 2020. No. 4;
8. Kiryukhin D.I. Justice as *aequitas* and *justitia* in the philosophical and legal thought of Ancient Rome // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. 2013. No. 3;
9. Konovalov A.V. The concept of justice in civil law // Lex Russica. 2019. No. 8;
10. Panchenko, P.A. On the issue of the principle of justice in civil proceedings / P.A. Panchenko. – Text: direct // Young scientist. – 2022. – No. 47 (442). – P. 269–273;
11. Sorokina Yu.V. On the issue of justice in law / Sorokina Yu. V., Malinovskaya N.V. // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2011. No. 1;
12. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/11/2022 N 34-KG22–1-K3 (UID 51RS0009–01–2020–000575–81) // Legal Information System "Legalact". – Access mode: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-pograzhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11042022-n-34-kg22–1-k3/> (date of access: 02/05/2025)

Правовые проблемы соотношения понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация» в российском гражданском законодательстве

Кузнецов Никита Алексеевич,

аспирант, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

E-mail: kuznetsov.nikita.alekseevich@gmail.com

В статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты соотношения понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация» как охраняемых нематериальных благ в контексте гражданского законодательства Российской Федерации. Автор анализирует проблемы правовой неопределенности и пересечения содержания указанных категорий. Особое внимание уделяется проблеме квалификации порочащих сведений, различиям в характере охраны личных и деловых нематериальных благ, а также вопросам компенсации морального вреда.

Ключевые слова: честь; достоинство; деловая репутация; гражданско-правовая защита; способы и меры защиты гражданских прав.

Теоретико-правовая характеристика понятий

В гражданском праве честь, достоинство и деловая репутация относятся к категории личных нематериальных благ. Согласно ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации, нематериальные блага (включая достоинство личности, честь и доброе имя, деловую репутацию и др.) принадлежат гражданину от рождения или в силу закона, являются неотчуждаемыми и охраняются законом [1]. Несмотря на признание этих категорий законодательством, самих легальных определений понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация» в законах РФ не содержится. Данное обстоятельство порождает научные дискуссии и неоднозначность в понимании их сущности. В доктрине выработалось несколько подходов: (1) полное размежевание чести, достоинства и репутации как различных благ; (2) рассмотрение их как взаимосвязанных, но не тождественных категорий (доминирующая точка зрения); (3) отсутствие четкого разграничения, фактически объединение этих понятий.

Честь в традиционном понимании представляет собой общественную (социальную) оценку личности, меру ее моральных, духовных и иных качеств. Например, М.Н. Малеина определяет честь как оценку общества, отражающую положительные качества гражданина [2]. Это внешняя сторона репутации, связанная с добрым именем человека.

Достоинство, напротив, обычно связывают с внутренней самооценкой личности, чувством собственной ценности и уважения. Л.О. Красавчикова характеризует достоинство как «известную самооценку личностью своих моральных, деловых и иных социальных качеств» [3], то есть внутреннее сознание человеком своей значимости, основанное на оценке окружающих.

Таким образом, честь можно назвать объективным (внешним) аспектом репутации, а достоинство – субъективным (внутренним) аспектом личности.

Деловая репутация представляет собой особый вид репутации, связанный с профессиональной и предпринимательской сферой. В литературе деловую репутацию определяют как совокупность оценок профессиональных качеств лица и результатов его деятельности, характеризующих его достоинства и недостатки и формирующих его устойчивый образ [4].

Иначе говоря, деловая репутация – это общественная оценка надежности, добросовестности и компетентности лица в деловых отношениях. Деловая репутация может относиться как к граж-

данину (индивидуальному предпринимателю, профессионалу), так и к юридическому лицу, тогда как честь и достоинство присущи только физическим лицам.

Следует отметить, что единообразного научного понимания данных категорий не сложилось. Многие авторы придерживаются дифференцированного подхода, полагая, что честь, достоинство и репутация тесно связаны, но не совпадают.

Так, Ю.В. Молочков считает честь «гранью положительной репутации человека», элементом общей репутации [5]. Другие, напротив, фактически отождествляют честь и достоинство.

Например, А.М. Эрделевский вводит понятие «право чести», разделяя его на субъективный аспект (достоинство – гарантированное государством право каждого на уважение собственной личности независимо от его поступков) и объективный аспект (доброе имя и репутация – право человека своими действиями формировать мнение о себе окружающих) [6]. Достоинство по сути выступает частью чести, что нивелирует разграничение между ними.

Имеются и противоречивые взгляды: например, С.В. Нарижный высказывал мнение, согласно которому достоинство – это общественная оценка человека, а честь – его личная самооценка, то есть прямо противоположное более распространенному пониманию [7].

Подобное разнообразие точек зрения подтверждает сложность теоретического разделения рассматриваемых понятий.

Правовое регулирование защиты чести, достоинства и деловой репутации

Статья 150 ГК РФ относит честь, достоинство и деловую репутацию к числу охраняемых нематериальных благ, принадлежащих гражданину от рождения. Основная норма, устанавливающая способ защиты этих благ, – статья 152 ГК РФ. Согласно п. 1 ст. 152, гражданин вправе требовать в судебном порядке опровержения распространенных о нем сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, если распространивший сведения не докажет их соответствие действительности [1]. Данная норма означает, что при защите репутационных прав бремя доказывания истинности спорных сведений возлагается на ответчика. Опровержение должно быть опубликовано тем же способом, что и оспоренные сведения, либо другим аналогичным способом. Закон также допускает защиту чести, достоинства и деловой репутации после смерти гражданина по требованию заинтересованных лиц (такими лицами могут являться родственники гражданина) – тем самым репутация покойного охраняется от посмертного порочащего посягательства.

Нередко встречаются и случаи так называемой диффамации – публичного распространения сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина или организации. Это более широкое понятие, чем клевета, так как включа-

ет в себя распространение любых порочащих сведений независимо от их истинности.

Для случаев диффамации в СМИ Гражданский кодекс и профильное законодательство предусматривают специальные правила. Так, ст. 152 ГК РФ обязывает, что порочащие сведения, распространенные в средствах массовой информации, опровергаются в том же СМИ [1]. Аналогичные положения содержит Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации», закрепляющий право на опровержение и ответ. Кроме того, если порочащие сведения содержатся в официальном документе, закон требует заменить или отозвать такой документ (п. 3 ст. 152 ГК). В случаях, когда ложные сведения получили широкую огласку (например, в интернете) и обычное опровержение неэффективно, ст. 152 ГК РФ предусматривает судебскую защиту в форме удаления информации и пресечения ее дальнейшего распространения (п. 5 ст. 152) – современный механизм, введенный в 2013 году для защиты репутации в цифровой среде.

Специфика правового регулирования состоит и в различии субъектов, наделенных соответствующими нематериальными благами. Юридические лица не обладают честью или достоинством в человеческом смысле, однако наделены правом на деловую репутацию. Пункт 11 ст. 152 ГК РФ устанавливает, что правила статьи о защите деловой репутации гражданина (за исключением компенсации морального вреда) соответственно применяются и к защите деловой репутации юридического лица. Это означает, что организация вправе через суд требовать опровержения сведений, порочащих ее деловую репутацию, однако не может требовать компенсации морального вреда, поскольку последняя связана с нравственными страданиями, испытывать которые могут лишь физические лица. Таким образом, для коммерческих и некоммерческих организаций предусмотрена охрана их деловой репутации репутации равным образом с гражданами, за исключением нематериальной (эмоциональной) составляющей ущерба.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 3 от 24.02.2005 г. («О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации...») дал судам разъяснения по применению ст. 152 ГК РФ. В частности, Пленум подчеркнул, что право граждан на защиту чести, достоинства и репутации имеет конституционную природу, а деловая репутация юридического лица – важное условие успешной деятельности организации. Суды при рассмотрении таких дел должны соблюдать баланс между охраной репутационных прав и свободой слова, свободой массовой информации, учитывая требования ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Судебная практика выработала критерии, при наличии которых распространенная информация признается порочащей и подлежит опровержению. По смыслу ст. 152 ГК РФ защита чести, достоин-

ства и деловой репутации возможна при одновременном наличии трех условий: (1) сведения имеют порочащий характер, то есть умаляют честь, достоинство или репутацию лица; (2) имел место факт распространения этих сведений третьим лицом; (3) сведения являются несоответствующими действительности (ложными) [10].

Если хотя бы одно условие не доказано, в иске будет отказано. Так, истинные сведения, даже если они нелицеприятны для лица, судебной защите по ст. 152 ГК не подлежат. Не подлежат защите также оценочные суждения и мнения: Пленум ВС РФ разъяснил, что выражения, являющиеся субъективным мнением, убеждением или оценкой (например, критическое мнение о чьих-либо профессиональных качествах), не могут быть проверены на соответствие действительности и не являются предметом иска по ст. 152. Иными словами, закон охраняет репутацию от фактически ложных утверждений, но не от негативных оценок или мнений, которые остаются в сфере свободы выражения. Гражданин, не согласный с оценочным суждением в СМИ, вправе лишь опубликовать свой ответ (реплику), но не требовать опровержения.

Кроме гражданско-правовых средств, честь, достоинство и репутация защищаются и иными отраслями права. Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность за клевету (ст. 128.1 УК РФ) и оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ как административное правонарушение), что обеспечивает дополнительную охрану этих благ от умышленных посягательств. Однако приоритетным способом восстановления нарушенных нематериальных прав остается гражданско-правовая защита, позволяющая взыскать компенсацию морального вреда (ст. 151 ГК РФ) и публично реабилитировать доброе имя пострадавшего.

Таким образом, действующее законодательство РФ сформировало систему норм, защищающих честь, достоинство и деловую репутацию: от конституционных положений до детально регламентированных процедур опровержения и возмещения вреда. Вместе с тем, практика применения этих норм выявила ряд проблем в разграничении указанных понятий, требующих анализа.

Заключение

Честь, достоинство и деловая репутация – фундаментальные нематериальные блага, отражающие как общественную оценку личности, так и ее внутреннюю самооценку. Российское гражданское законодательство закрепляет механизм защиты этих благ от диффамации, предоставляя каждому право на опровержение ложных порочащих сведений и компенсацию морального вреда. Вместе с тем проведенный анализ показывает, что разграничение понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация» носит во многом условный характер: они переплетены между собой и зачастую нарушаются одновременно единым противоправным деянием. Отсутствие в законе четких определений порождает

разнообразие доктринальных подходов и некоторые проблемы в судебной практике – от затруднений с квалификацией оскорблений до неурегулированности статуса репутации государственных органов.

Для развития института защиты нематериальных благ представляется важным устранить выявленные пробелы и противоречия. Предлагается дать законодательное определение чести, достоинства и деловой репутации, разграничить их сферы применения, урегулировать вопрос о репутации публичных образований, уточнить процедуры опровержения и критерии компенсации, а также учитывать лучшие иностранные практики и стандарты в этой области. Реализация данных мер позволит повысить эффективность защиты конституционного права граждан на честь и доброе имя, не умаляя при этом иных ценностей демократического общества – свободы слова и информации.

В заключение следует подчеркнуть, что честь, достоинство и деловая репутация являются неотъемлемыми составляющими правового статуса личности в современном гражданском обществе. Их охрана – показатель развитости правовой системы и уважения к человеку. Совершенствуя правовые механизмы защиты этих благ, законодатель и суды тем самым укрепляют гарантии личной неприкосновенности и справедливости, обеспечивая баланс между частными и публичными интересами. Дальнейшее развитие нормативной базы и судебной практики в данном направлении будет способствовать повышению уровня правовой защищенности граждан и организаций, укреплению принципа верховенства права и доверия к правосудию.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024)
2. Малеина М.Н. Защита личных неимущественных прав граждан. – М.: Статут, 2005. – 438 с.
3. Красавчикова Л.О. Компенсация морального вреда субъектам экономической деятельности в случаях причинения вреда их деловой репутации // Юридический мир. – 2008. – № 8. – С. 12.
4. Зеленская Л. А., Гаспарян А.К. Деловая репутация юридического лица: понятие и признаки // Право и практика. – 2018. – № 4. – С. 225–232.
5. Молочков Ю.В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1993. – 19 с.
6. Эрделевский А.М. Защита чести, достоинства и деловой репутации в судебной практике // Хозяйство и право. – 2006. – № 1. – С. 133–137.
7. С. В. Нарижный, К.И. Голубев. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. – 1-е изд. – М.: Юридический центр, 2004. – 410 с.
8. О праве на деловую репутацию органов публичной власти и публично-правовых обра-

зований // Арбитражные споры. – URL: <https://arbspor.ru/articles/605/> (дата обращения: 27.03.2025)

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4.
10. Определение Верховного Суда РФ от 24.05.2006 № 59-Г06–8 // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 27.03.2025)

LEGAL PROBLEMS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF “HONOR”, “DIGNITY” AND “BUSINESS REPUTATION” IN RUSSIAN CIVIL LEGISLATION

Kuznetsov N.A.

Moscow Financial and Industrial University “Synergy”

The article examines the theoretical and legal aspects of the relationship between the concepts of “honor”, “dignity” and “business reputation” as protected intangible assets in the context of the civil legislation of the Russian Federation. The author analyzes the problems of legal uncertainty and the intersection of the content of these categories. Particular attention is paid to the problem of qualifying defamatory information, differences in the nature of protection of personal and business intangible assets, as well as issues of compensation for moral damage.

Keywords: honor; dignity; business reputation; civil law protection; methods and measures for protecting civil rights.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one): federal law of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 08.08.2024)
2. Maleina M.N. Protection of personal non-property rights of citizens. – M.: Statut, 2005. – 438 p.
3. Krasavchikova L.O. Compensation for moral damage to economic entities in cases of damage to their business reputation // Legal World. – 2008. – No. 8. – P. 12.
4. Zelenskaya L. A., Gasparyan A.K. Business reputation of a legal entity: concept and features // Law and Practice. – 2018. – No. 4. – P. 225–232.
5. Molochkov Yu.V. Protection of honor and dignity in civil proceedings: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. – Ekaterinburg, 1993. – 19 p.
6. Erdelevsky A.M. Protection of honor, dignity and business reputation in judicial practice // Business and law. – 2006. – No. 1. – P. 133–137.
7. S. V. Narizhny, K.I. Golubev. Compensation for moral damage as a way to protect non-property benefits of an individual. – 1st ed. – Moscow: Legal Center, 2004. – 410 p.
8. On the right to business reputation of public authorities and public-law entities // Arbitration disputes. – URL: <https://arbspor.ru/articles/605/> (date of access: 27.03.2025)
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.02.2005 No. 3 “On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2005. – No. 4.
10. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.05.2006 No. 59-G06–8 // SPS ConsultantPlus (date of access: 27.03.2025)

О судебной практике за умышленное нарушение договоров, содержащих оговорки об ограничении ответственности

Малинина Елена Александровна,

адвокат, член Адвокатской палаты Московской области

E-mail: 77108564@mail.ru

В настоящей статье освещена актуальная российская практика по вопросу доказывания умышленного нарушения предпринимательского договора, который содержит условия об исключении или ограничении ответственности. Проанализированы аргументы судов при оценке поведения стороны, нарушившей договор, в спорах об исполнении обязательств по договорам, заключенным в рамках предпринимательской деятельности и включающим оговорку об ограничении ответственности. Делается вывод о том, что с учетом сложившейся судебной практики необходимо учитывать при заключении договора то, что чем больше поведение стороны договора, нарушившей обязательство коммерческого договора, соответствует предсказуемому и очевидному поведению разумного предпринимателя, тем с большей степенью вероятности суд придет к выводу о возможности применения условий договора, ограничивающих или исключающих ответственность нарушителя.

Ключевые слова: соглашение об ограничении размера ответственности, умышленное нарушение обязательства, проявление заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства, грубая неосторожность, налоговая оговорка.

Стороны коммерческой сделки, руководствуясь принципом свободы договора, предусмотренным ст. 421 Гражданского кодекса РФ, могут предусмотреть условия, ограничивающие или исключающие их ответственность, например, установив предельный размер компенсации за нарушение. Однако, в силу п. 4 ст. 401 Гражданского кодекса РФ, ограничивающие или исключающие ответственность условия не действуют в случае умышленного нарушения договора [1]. На практике зачастую возникают вопросы оценки наличия или отсутствия умысла в действиях нарушившей договор стороны. В качестве способа обоснования отсутствия умысла Пленум Верховного суда Российской Федерации указывает приведение доказательства проявления должником «хотя бы минимальной степени заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства» [2].

Стоит обратить внимание на то, что Пленум Верховного суда РФ в данном разъяснении указывает только один из примеров поведения должника, которое может свидетельствовать об отсутствии умысла. Очевидно, что изложение всех возможных способов доказывания неумышленности нарушения могло бы создать обратный эффект и дать возможность должнику использовать перечень способов доказывания отсутствия умысла в противоправных целях.

При исследовании вопроса об отсутствии умысла в нарушении договора Карапетов А.Г. предлагает в случае невозможности определения истинных целей нарушения анализировать две составляющие: наличие реальной возможности исполнить договор и причины, по которым исходя из принципа добросовестности, обязательства не были исполнены [3]. Иваненко В.В. так же считает, что анализ причин позволит исключить возможность использования данной нормы в противоправных целях. Например, когда должник только создает видимость проявления им должной степени заботливости и осмотрительности [4].

Представляется интересным подход судов к оценке данного вопроса. Как показывает практика, в некоторых случаях суды при рассмотрении дела могут оценивать поведение ответчика при исполнении договора в целом, а не только обстоятельства события нарушения. Анализ поведения должника в течение всего срока действия договора может говорить в том числе о том, что суды пытаются установить и то, насколько склонным к нарушению договора является ответчик.

Так, в одном из дел суд пришел к выводу об отсутствии признаков умышленного нарушения, поскольку суд не усмотрел виновных или недобросовестных действий общества, которые возможно было расценить как умышленное нарушение ответчиком обязательств [5]. Судом была дана оценка поведению ответчика, который в течение года своевременно поставлял товар, а его отказ от договора, который стал поводом для обращения покупателя в суд за взысканием убытков, – был мотивирован неисполнением им обязательств по внесению аванса. В этой связи суд счел возможным применить положения договора об ограничении ответственности поставщика. Однако, мы не утверждаем, что данный подход может быть повсеместным и широко распространен в судебной практике.

Исследуя вопрос о наличии умысла в действиях нарушителя, следует отметить то, что грубая неосторожность также может стать поводом неприменения оговорки об ограничении ответственности, например, когда должник знал каким образом и имел возможность предотвратить нарушение обязательства, но тем не менее предпринял не все меры для надлежащего исполнения договора. По общему правилу, неисполнение обязательств контрагентами не должно приниматься во внимание по смыслу статьи 401 ГК РФ. Однако, данное правило не действует, если стороны напрямую связали в договоре обязательства по оплате поступлением средств от контрагентов. Например, в рассматриваемом кейсе стороны не только включили такое условие, но и исключили ответственность на случай, если денежные средства ими не будут вовремя выплачены. При рассмотрении спора о взыскании неустойки за несвоевременную оплату суд учел то обстоятельство, что ответчик доказал принятие мер по получению платы только от некоторых контрагентов (потребителей), в связи с чем счел возможным применить норму договора об исключении ответственности только в отношении той суммы, меры по взысканию которой с потребителей были предприняты должником [6].

В другом деле суд указал, что применительно к денежным обязательствам по общему правилу всякая просрочка является умышленной, если должник знает о наличии долга и не исполняет его. Вместе с тем, применительно к арендным обязательствам при оценке умышленности нарушения может быть учтено, например, наличие спора о размере долга и арендной платы. Между тем, даже если есть спор о размере задолженности, суд должен выяснить, добросовестно ли поступает должник, возражая против требования кредитора. В данном деле, анализируя возможность взыскания упущенной выгоды с арендатора по договору, условия которого предусматривали возможность взыскания только прямого ущерба, суд исследовал насколько существенной была просрочка должника, поведение сторон. В результате суд пришел

к выводу о необходимости соблюдения условия об ограничении ответственности [7].

Иногда суды для установления умысла назначают экспертизы. Следует учитывать то, что заключения экспертов могут содержать вероятностные выводы или результаты экспертиз могут быть взаимоисключающими. В таком случае суд может сделать вывод об отсутствии умысла при наличии других косвенных доказательств. Например, в споре о взыскании упущенной выгоды с поставщика суд отказал истцу в связи с тем, что возможность ее взыскания была ограничена договором, а наличие умысла не было подтверждено. При этом в обоснование этого суд дал оценку тому обстоятельству, что заключения судебных экспертиз содержали противоречивые выводы о причинах возникновения недостатков и однозначно так и не было установлено являлись ли дефекты производственными или эксплуатационными. В связи с этим, суд, учитывая так же то, что недостатки не были явными, пришел к выводу об отсутствии умысла поставщика и применил положения договора, ограничивающие его ответственность [8].

Не менее интересной представляется и судебная практика по договорам об оказании услуг, которые ограничивают ответственность исполнителя размером полученного вознаграждения. В одном деле исполнитель при декларировании товара допустил ошибку, за которую был привлечен к административной ответственности, а декларант лишился товара в результате его конфискации. Суд апелляционной инстанции признал возможным взыскание убытков только в ограниченном договором размере, несмотря на то что вина таможенного представителя была подтверждена постановлением о привлечении его к административной ответственности.

Вероятно, с учетом содержания правоотношений стоило бы еще на этапе заключения договора учесть, что заказчик может понести серьезные убытки в случае нарушений исполнителем своих обязательств и исключить условия, ограничивающие ответственность, чтобы в последующем избежать потенциального спора о наличии или отсутствии умысла стороны в ненадлежащем исполнении договора. Аналогичный подход, например, применяют в вопросах о привлечении к налоговой ответственности. Более того, в предпринимательских отношениях считается уже устоявшимся обычаем делового оборота – включение в договор налоговых оговорок и перенос ответственности на контрагента за убытки и потери, которые могут возникнуть в результате ненадлежащего исполнения им налоговых обязательств. Если стороны включили в договор налоговую оговорку, это дает возможность в случае привлечения лица к налоговой ответственности взыскать убытки с контрагента [9].

Представляется, что аналогичный подход может быть применен не только в делах о доначислении налогов, но и, например, о привлечении

к административной ответственности за нарушение правил обработки персональных данных в отношениях между оператором и лицом, которому была поручена их обработка и в результате действий или бездействия которого оператор был привлечен к административной ответственности.

В заключение отметим, что несмотря на то, что по мнению некоторых авторов, в судебных актах, как правило, не раскрываются мотивы соответствующих выводов о виновности или невиновности лица, в связи с этим толкование судом пределов заботливости и осмотрительности в конкретном случае зачастую остается неясным [10], анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что в ситуациях, когда поведение стороны с большей степенью очевидности соответствует поведению среднестатистического субъекта предпринимательских отношений и воспринимается как некое адекватное и разумное, более вероятно то, что суд придет к выводу о проявлении стороной необходимой степени заботливости и осмотрительности и неумышленности нарушения, а следовательно, вероятность применения условий договора об ограничении или исключении ответственности выше. В этой связи рекомендуется еще на этапе согласования условий коммерческого договора, исходя из содержания правоотношений оценивать возможность установления вины в случае нарушения обязательств и взвешенно подходить к решению включить в договор оговорку об ограничении ответственности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона РФ № 273-ФЗ от 8 августа 2024 года) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 12. С. 56.
4. Иваненко В.В. Содержание категории вины в гражданском праве: в поисках оптимального решения // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 1. С. 16.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.07.2024 по делу № А53–28129/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение Арбитражного суда города Москвы от 11.11.2024 по делу № А40–256187/22–113–1962 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Решение Арбитражного суда города Москвы от 25.10.2022 по делу № А40–45186/20–127–283 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.09.2024 по делу № А48–5418/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 11.09.2020 по делу № А27–29259/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Опыты цивилистического исследования: сборник статей / И.И. Акимов, В.А. Волгина, А.А. Громов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. Москва: Статут, 2019. Вып. 3: специальный выпуск к юбилею профессора Евгения Алексеевича Суханова. С. 237.
11. Кузнецов М.В. Ответственность без вины в предпринимательских отношениях // Арбитражные споры. 2017. № 1. С. 77.
12. Монастырский Ю.Э. Современное значение понятия «степень вины» при привлечении к ответственности директоров в корпоративном праве России // Хозяйство и право. 2022. № 8.
13. Сераков В.В. Сравнительно-правовой анализ предвидимости убытков как способа ограничения размера причиненных убытков // Вестник гражданского права. 2016. № 4. С. 159–184.

ABOUT JUDICIAL PRACTICE FOR INTENTIONAL BREACH OF CONTRACTS INCLUDED CLAUSES ON LIMITATION OF LIABILITY

Malinina E.A.

Moscow Region Bar Association

This article covers current Russian practice on the issue of proving intentional breach of a business contract that contains clauses on exclusion or limitation of liability. It analyzes the arguments of the courts when assessing the behavior of the party that violated the contract in disputes on the performance of obligations under contracts concluded within the framework of business activities and including a clause on limitation of liability. It is concluded that, given the established judicial practice, it is necessary to take into account when concluding a contract that the more the behavior of the party to the contract that violated the obligation of the commercial contract corresponds to the predictable and obvious behavior of a reasonable entrepreneur, the more likely the court will come to the conclusion on the possibility of applying the terms of the contract that limit or exclude the liability of the violator.

Keywords: agreement to limit the amount of liability, willful breach of an obligation, exercise of care and prudence in the performance of an obligation, gross negligence, tax clause.

References

1. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 № 51-FL (amended by Federal Law of the Russian Federation № 273-FL of August 8, 2024) // RLS «ConsultantPlus».
2. Regulation of the Plenary of the Supreme Court of the Russian Federation «On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» of 23.06.2015 № 25 // RLS «ConsultantPlus».
3. Karapetov A.G. Models of Civil Rights Protection: An Economic View // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2014. № 12. P. 56.
4. Ivanenko V.V. The Content of the Category of Guilt in Civil Law: In Search of an Optimal Solution // Civil Law Bulletin. 2023. Т. 23. № 1. P. 16.
5. The judgement of the Arbitration Court of the North Caucasus District of 23.07.2024 in case № А53–28129/2023 // RLS «ConsultantPlus».
6. The judgement of the Arbitration Court of the Moscow city of 11.11.2024 on the case № А40–256187/22–113–1962 // RLS «ConsultantPlus».

7. The judgement of the Arbitration Court of the Moscow city of 25.10.2022 on the case № A40–45186/20–127–283 // RLS «ConsultantPlus».
8. The judgement Arbitration Court of the Central District of 24.09.2024 on the case № A48–5418/2023 // RLS «ConsultantPlus».
9. The judgement of the Arbitration Court of the Kemerovo region of 11.09.2020 on the case № A27–29259/2019 // RLS «ConsultantPlus».
10. Experiments in civilistic research: collection of articles / I.I. Aki-mova, V.A. Volgina, A.A. Gromov, and others; head of the authors' collective and responsible editors A.M. Shirvindt, N.B. Shcherbakov. Moscow: Statut, 2019. R. 3: special release for the anniversary of Professor Evgeny Alekseevich Sukhanov. P. 237.
11. Kuznetsov M.V. Liability without fault in business relations // Arbitration disputes. 2017. № . 1. P. 77.
12. Monastyrsky Y.E. The current meaning of the degree of guilt concept in the prosecution of directors in Russia corporate law // Economy and law. 2022. № 8.
13. Serakov V.V. (2016) Comparative legal analysis of the foreseeability of losses as a way to limit the amount of damage caused. Herald of Civil Law, № 4, pp. 159–184.

Актуальные вопросы производства экспертиз в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд

Молчанов Андрей Вячеславович,

аспирант кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс», Российский университет транспорта (РУТ МИИТ)

E-mail: tonyhatespeople@yandex.ru

В рамках выполнения функций государственными органами заказов в обстановке нарастания санкционных ограничений, нестабильности экономических и социальных условий, а также непредвиденности итогов их деятельности, возникает необходимость в управлении рисками через создание эффективных и основательных механизмов контроля за процедурами закупок. Исследование направлено на анализ сложившихся практик осуществления экспертиз в области закупок для нужд государства и муниципалитетов, на примере ОАО «РЖД». Основа статьи – исследование применения экспертиз при закупках товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд. За основные инструменты исследования были приняты методы диалектического, абстрактно-логического анализа и системного подхода. Статья представляет интерес для профессионалов, занятых в области разработки стратегий управления экспертизами в закупках, и подчёркивает важность участия квалифицированных специалистов в проведении данных исследований. Отдельное внимание уделяется разработке и внедрению методологии, направленной на улучшение процесса проведения экспертиз в контексте обеспечения государственных и муниципальных заказов, демонстрируя это на примере ОАО «РЖД».

Ключевые слова: закупки товаров, работы, муниципальные закупки, государственные закупки, экспертиза, экспертиза закупок.

ОАО «РЖД» осуществляет закупки по Федеральному закону от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ, регулирующему процедуры закупок товаров, работ, услуг для специфических категорий юридических лиц и другими законодательными и подзаконными актами, устанавливающими правила проведения закупок;

Регламентом проведения закупочной деятельности по приобретению товаров, выполнению работ и предоставлению услуг в интересах Открытого акционерного общества «Российские железные дороги».

В организации внедрены правила, касающиеся налоговой прозрачности и антикоррупционных инициатив, а также важны принципы предотвращения возможных конфликтов интересов. Добавление контрагента в список ненадежных поставщиков происходит строго согласно основаниям и процедурам, определенным в нормативных актах РФ [1].

В регламент по проведению закупочных процедур товаров, выполнения работ и оказания услуг, необходимых для Открытого акционерного общества «Российские железные дороги», внесены определенные коррективы:

Изменены правила, связанные с предотвращением конфликта интересов в процессе закупок: введен список лиц, исключаемых из состава закупочной комиссии, а также определена последовательность мер для предупреждения и разрешения конфликта интересов.

Правительство Российской Федерации обладает полномочиями на заключение контрактов с исключительным поставщиком для реализации государственных оборонных заказов, когда активируются специальные экономические меры, описанные в статье 26.1 пункт 1 Федерального закона № 61ФЗ «Об обороне», датированного 31 мая 1996 года. Эта регуляция актуализируется для поддержки операций контртеррористического характера и других военных действий за пределами страны:

введено ограничение на участие в тендерах для лиц, определённых как иностранные агенты согласно нормам закона;

уточнены обстоятельства, исключающие применение законодательства о государственных и муниципальных закупках, при осуществлении закупочной деятельности субъектами, определенными как взаимозависимые с заказчиком согласно критериям, установленным Налоговым кодексом РФ.

Закупки путем проведения конкурсов продолжают занимать ведущую позицию.

В 2023 году ОАО «РЖД» приобрело товары и услуги на сумму в 1 881,8 миллиарда рублей.

через конкурентные процедуры составили 1 232,8 млрд рублей, что эквивалентно 65,5% от общего объема;

у исключительного поставщика – 546,2 млрд рублей, составляющих 29,0 процентов;

Закупки без проведения конкурсных процедур составили 102,8 миллиарда рублей, что равняется 5,5% [3].

Процесс оценивания объектов экспертизы в рамках государственных контрактов на выполнение работ или оказание услуг, предназначенных для удовлетворения потребностей государства и заключаемых Открытым акционерным обществом «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД»), может быть разработан учитывая различные группы оценочных критериев:

Профессиональный анализ соответствия представленных отчетных документов нормам и условиям государственного договора включает временные рамки, содержание, метод подачи и стандарты оформления.

2. Оценка экспертами того, как результаты выполнения работ (предоставления услуг) отвечают условиям госконтракта, включает анализ сроков выполнения, объемных и численных параметров, структуры и качества реализуемых работ, местоположения их осуществления, уровня научности, соответствия действующему законодательству, значимости и инновационности результатов, а также участия в проекте внешних организаций или субподрядчиков.

Этап 2. Разработка набора критериев для выбора экспертов для оценки документации по исполненным государственным контрактам или их этапам

Для эффективной оценки выполнения обязательств и рассмотрения документации, связанной с государственными контрактами или их отдельными этапами, критически важно привлекать экспертов с соответствующим опытом и профессиональной квалификацией. Эти специалисты должны быть способны осуществлять экспертизу без предвзятости и конфликта интересов, что обеспечивает достоверность и правомерность экспертных выводов в рамках нормативных требований контрактной системы в области государственных закупок [2].

Критерии оценки, границы их вариативности и соответствующие оценочные значения устанавливаются независимо Государственным заказчиком.

Шаг 3. Составление коллектива специалистов для выполнения анализа

В настоящий момент происходит процесс отбора квалифицированных специалистов, строго соответствующих установленным критериям для выполнения аналитической работы по проверке и оценке представленной отчетности. Подбор экспертов осуществляется с учетом тематической направленности и особенностей конкретных про-

ектов, при этом на каждый документ выделяется по меньшей мере два специалиста.

Команда экспертов, ответственная за анализ, должна неизменно состоять из специалистов, чьи компетенции соответствуют тематике проверяемых материалов. Кроме того, эти эксперты должны иметь официальное разрешение на выполнение такой работы, как это определено в статье 41 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Этап 4. Проведение экспертизы

Анализ выполнения условий и проверка финансовых отчетов по госконтрактам производится квалифицированными специалистами согласно критериям оценки.

Чтобы гарантировать успешное выполнение экспертной оценки, необходимо воплотить в жизнь нижеперечисленные процедуры:

Предоставление экспертам документации для отчета (включая различные документы и материалы, а также в электронном формате), а также сведений о временных рамках проведения экспертного анализа.

При возникновении потребности происходит уточнение объекта экспертного исследования, а также разработка вопросов для решения специфических проблематик в рамках экспертизы.

Осуществление независимого анализа с последующей разработкой заключения экспертов, отражающего итоги изучения исполнения условий и представленных документов по государственным договорам.

3. По требованию государственного заказчика может быть организована дополнительная экспертиза (если возникнет такая необходимость). Эту экспертизу могут осуществлять эксперты, не участвовавшие в первичной оценке.

После завершения анализа отчетных документов следует составить два экспертных отзыва. Оформление каждого из них предполагает подпись специалиста, осуществившего рассмотрение материалов, и утверждение директором.

Закупочная деятельность ОАО «РЖД» осуществляется в рамках Федерального закона № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», что предполагает необходимость строгого соответствия внутренних регламентов компании требованиям законодательства. В данном контексте особую значимость приобретает экспертиза:

согласование процессов закупок с требованиями закона о защите конкуренции (Федеральный закон № 135-ФЗ);

обоснования метода выбора поставщика, включая осуществление закупок у единого исполнителя;

сохранения конкурентных принципов при разработке техзаданий.

2. Основополагающие принципы осуществления анализа первоначальной стоимости контракта

Экспертная оценка, важная сфера которой – анализ НМЦК, использует методы:

сопоставление стоимости на рынке через анализ данных из Единой информационной системы и данных полученных из коммерческих источников; методология, приспособленная к особенностям железнодорожного сектора;

анализ профессионалами с учётом специализированных знаний в данной сфере.

Процесс верификации цен в ситуациях, где наблюдается ограниченная конкуренция, становится особенно трудным. Для идентификации неправомерных отклонений стоимости товаров или услуг необходимо использование эконометрических моделей [4].

3. Анализ целостности субъектов тендерных операций

Для снижения угрозы коррупции и картелей осуществляется глубокий анализ будущих поставщиков, охватывающий:

изучение связей между субъектами закупочной деятельности через информацию из Единого государственного реестра юридических лиц и реестров корпоративных данных;

анализ финансовой стабильности с использованием данных бухгалтерского учета;

отслеживание записей в Реестре недобросовестных поставщиков и анализ судебных решений.

4. Применение информационных технологий в анализе закупочных процедур

В рамках цифровой трансформации процессов закупок активно применяются аналитические платформы, основанные на AI, которые ориентированы на:

автоматически обнаруживать манипуляции ценообразованием;

осуществлять предиктивный анализ, используя большие данные;

улучшать открытость закупочных процессов путем взаимодействия с Единой информационной системой и электронными торговыми площадками.

Анализ закупочной деятельности ПАО «Российские железные дороги» требует всестороннего изучения, объединяющего юридическое изучение, финансовые оценки и применение информационных технологий. Ключевыми вызовами здесь являются поддержание здоровой конкурентной среды, адекватность механизмов формирования цен и уменьшение возможностей для коррупции. Будущие исследования могут сосредоточиться на создании автоматизированных контрольных систем для закупок, интегрирующих искусственный интеллект.

Литература

1. Логвинова О.Н. Методологический подход по формированию методического обеспечения процесса проведения экспертизы отчетных материалов по завершённым государственным контрактам (этапам контрактов) // Современное педагогическое образование.

2023. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskii-podhod-po-formirovaniyu-metodicheskogo-obespecheniya-protssesa-provedeniya-ekspertizy-otchetnyh-materialov-po> (дата обращения: 10.04.2025).

2. Сергеева С.А. Экспертиза в сфере закупок: сущность понятия и основной инструментарий // Финансовые рынки и банки. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertiza-v-sfere-zakupok-suschnost-ponyatiya-i-osnovnoy-instrumentariy> (дата обращения: 10.04.2025).
3. Управление закупочной деятельностью ОАО «РЖД» Электронный ресурс // <https://sr2023.rzd.ru/ru/managerial-aspect/procurement-management> (дата обращения 17.04.2025)
4. Чистов И.В. Методическое обеспечение экспертизы начальной (максимальной) цены контракта в процессе проведения контрольных мероприятий в сфере государственных закупок // Региональная и отраслевая экономика. 2023. № S2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskoe-obespechenie-ekspertizy-nachalnoy-maksimalnoy-tseny-kontrakta-v-protssesse-provedeniya-kontrolnyh-meropriyat-v-sfere> (дата обращения: 10.04.2025).

CURRENT ISSUES OF EXPERTISE IN THE FIELD OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, AND SERVICES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS USING

Molchanov A.V.

Russian University of Transport (MIIT)

In the context of the performance of functions by state procurement bodies in the context of increasing sanctions, instability of economic and social conditions, as well as the unpredictability of the results of their activities, there is a need for risk management through the creation of effective and thorough mechanisms for monitoring procurement procedures. The study is aimed at analyzing the established practices of implementing examinations in the field of procurement for the needs of the state and municipalities, using the example of JSC Russian Railways. The article is based on a study of the use of examinations in the procurement of goods and services for state and municipal needs. The main research tools were the methods of dialectical, abstract-logical analysis and systems approach. The article is of interest to professionals involved in the development of strategies for managing examinations in procurement, and emphasizes the importance of the participation of qualified specialists in conducting these studies. Special attention is paid to the development and implementation of a methodology aimed at improving the process of conducting examinations in the context of ensuring state and municipal orders, demonstrating this using the example of JSC Russian Railways.

Keywords: procurement of goods, works, municipal procurement, state procurement, examination, procurement examination.

References

1. Logvinova O.N. Methodological approach to the formation of methodological support for the process of conducting an examination of reporting materials on completed government contracts (stages of contracts) // Modern pedagogical education. 2023. No. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskii-podhod-po-formirovaniyu-metodicheskogo-obespecheniya-protssesa-provedeniya-ekspertizy-otchetnyh-materialov-po> (date of request: 04/10/2025).
2. Sergeeva S.A. Expertise in the field of procurement: the essence of the concept and basic tools // Financial markets and banks. 2022. No.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertiza-v-sfere-zakupok-suschnost-ponyatiya-i-osnovnoy-instrumentariy> (date of reference: 04/10/2025).

3. Management of procurement activities of JSC "Russian Railways" Electronic resource // <https://sr2023.rzd.ru/ru/managerial-aspect/procurement-management> (accessed 04/17/2025)
4. Chistov I.V. Methodological support for the examination of the initial (maximum) contract price in the process of conducting con-

trol measures in the field of public procurement // Regional and sectoral economics. 2023. № S2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskoe-obespechenie-ekspertizy-nachalnoy-maksimalnoy-tseny-kontrakta-v-protsesse-provedeniya-kontrolnyh-meropriyatiy-v-sfere> (date of request: 04/10/2025).

Границы диспозитивности при законодательном регулировании внутренних и внешних отношений корпорации

Никольский Даниил Александрович,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия)
E-mail: danikolskiy@gmail.com

В статье рассматривается проблема разделения норм корпоративного законодательства на императивные и диспозитивные. Автор приводит алгоритм толкования законодательных правил и делает вывод о действии в российской практике презумпции императивности норм корпоративного права и предлагает адаптировать его с целью повышения эффективности регулирования посредством ввода дополнительного теста диспозитивности. В ходе анализа выделены внутренние и внешние отношения корпорации, которым свойственны различные предметы регулирования и к которым в разной степени должны применяться частноправовые принципы свободы договора и автономии воли. Для расширения границ диспозитивности корпоративного регулирования автор предлагает использовать судебный тест диспозитивности, который будет учитывать условное разделение всех норм корпоративного права на регулирующие внутренние или внешние отношения корпорации, а также общие принципы построения системы корпоративного права.

Ключевые слова: корпоративное право, корпоративная сделка, автономия воли, свобода договора, внутрикорпоративные отношения.

В условиях глобальных вызовов и трансформации международных торговых связей для целей обеспечения эффективной работы национальных экономик особое значение приобретает законодательство, регулирующее доступные большинству участников рынка механизмы осуществления предпринимательской деятельности и инвестирования. В контексте российской экономики и правовой сферы основным таким механизмом является хозяйственное общество, позволяющее участникам объединить свои капиталы для совместного извлечения прибыли посредством производственной, финансовой или любой иной деятельности.

Ядром правового режима института хозяйственных обществ, несмотря на широчайший предмет предпринимательского права, является корпоративное право [3], в последнее время переживающее достаточно комплексные изменения [18]. И хотя в его отношении законодатель не высказывался о своем намерении повысить гибкость регулирования для создания дополнительного притока инвестиций, как он сделал в отношении недавних новелл законодательства об инвестиционных фондах [11], ученые-юристы уже долго рассуждают о возможности расширения границ диспозитивности корпоративного права посредством увеличения объема доступных участникам корпораций диспозитивных норм [6]. Тонкая «настройка» условий корпоративной сделки¹ под потребности конкретного общества, следуя теории экономического анализа фирмы [20], снизит транзакционные и прочие издержки самой корпорации, а также ее участников и представителей органов управления, что положительно скажется на инвестиционной привлекательности хозяйственного общества как основной формы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности и, следовательно, на российской экономике в целом.

Указанный подход соответствует принципам диспозитивности, автономии воли и свободы договора, присущим частному праву, которые возможно распространить и на корпоративное право, названное Е.А. Сухановым «специальным частным правом» [16, с. 51]. В свою очередь, необходимо учитывать, что корпоративные отношения имеют комплексную природу, в которую входят, в том числе, и публично-правовые элементы [7], а само по себе корпоративное право возможно рассма-

¹ Под этим термином мы имеем в виду совокупность правил, регулирующих деятельность каждой конкретной корпорации, которая включает, помимо прочего, императивные и диспозитивные нормы законодательства, а также согласованные участниками корпорации положения, выраженные в учредительных и внутренних документах общества.

тривать как элемент предпринимательского права [4, с. 15, 58], из-за чего при построении баланса между императивным и диспозитивным регулированием законодателю необходимо учитывать как частно-правовые интересы участников корпорации, так и роль корпорации в правовых отношениях, осложненных участием государства или защитой публичного интереса. В связи с этим невозможно утверждать о необходимости или практической эффективности слепого расширения границ диспозитивности корпоративного права, например, посредством закрепления презумпции диспозитивности его норм, но требуется выработать систему правил толкования и оценки норм, которая может быть построена на концепции внутренних и внешних отношений корпорации, заложенной еще в работах В.П. Мозолина [8].

В рамках российского корпоративного права дискуссия о диспозитивности законодательных правил невозможна без признания текущих реалий правового регулирования и правоприменения, заключающихся в анализе положений ГК РФ и корпоративных законов об обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах в соответствии с двухчленным алгоритмом, определяющим границы диспозитивности того или иного правила.

Первая часть этого алгоритма состоит из общей презумпции императивности норм корпоративного права, которую А.А. Кузнецов обосновывает историческим формированием корпорации как определенного концессионного субъекта, которому государство своим разрешением на учреждение дарует привилегию ограниченной ответственности и свободной продажи акций. Исторически первые корпорации, колониальные компании, создавались посредством специального акта государства и подчинялись скорее нормам публичного права, в связи с чем в их регулировании не было места свободе и диспозитивности в том виде, как их сегодня понимает наука частного права [6, с. 17–23].

В современных же правовых системах учреждение корпорации является одним из выражений автономии воли ее участников и конституционного права на осуществление предпринимательской деятельности. Государство в процедуре учреждения коммерческих юридических лиц выступает исключительно как посредник, обеспечивающий надлежащее ведение корпоративного реестра и проводящий лишь базовую проверку представляемых ему документов на соответствие закону. Таким образом, государство не *выражает* волю на создание корпорации, но *проверяет* волю ее участников вступить в корпоративные отношения посредством учреждения общества, из-за чего невозможно говорить о том, что сама по себе корпорация является продуктом или предметом публичного права, а, значит, и об обоснованности презумпции императивности, свойственной именно публичным отраслям права.

Несмотря на это, российская правоприменительная практика в сфере корпоративного права продолжает исходить из неписанной презумпции

императивности, которую не смогли пошатнуть даже положения Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах», еще раз закрепившие диспозитивные начала гражданского регулирования.

В контексте описанной презумпции существенное значение приобретает второй элемент алгоритма: оговорку о возможности совершить *opt-out* из регулирования закона, то есть предусмотреть отдельным решением участников общества (выраженным в форме положений устава или внутренних документов), что к конкретной корпорации применяется не правило, предлагаемое законом в общем порядке, а одобренное участниками правило, которое может отличаться от закона в обозначенных законодателем границах.

Так, Закон об ООО прямо разрешает соответствующим положением устава уменьшить количество голосов, которое требуется для созыва внеочередного общего собрания участников¹. Или, допуская еще большую диспозитивность, позволяет сократить все установленные законом сроки для созыва общего собрания², и такое указание ясно воспринимается судами [10]. Таким образом, законодатель в корпоративных законах предлагает достаточно стройную и четкую систему: при отсутствии диспозитивной оговорки в установленном правиле оно является императивным и не может быть изменено решением участников корпорации, выраженным в какой-либо форме. При наличии такой оговорки правило признается диспозитивным в заданных оговоркой пределах. В приведенных выше примерах таким пределом являлось уменьшение порога голосов и сроков, но не их увеличение.

Описанным выше образом была выстроена понятная и внутренне цельная парадигма оценки диспозитивности норм корпоративного законодательства, к которой приспособились участники оборота, и, самое главное, адекватно восприняли судебные органы. Мы не утверждаем, что каждая норма корпоративного права и ее понимание на этапе правоприменения соответствует указанному алгоритму, но отмечаем, что он в достаточной мере описывает общее правило толкования норм как на этапе правотворчества, так и во время их применения при оценке положений уставов и внутренних документов корпораций.

В свою очередь, с опорой на описанное выше, мы полагаем, что постепенный отход от такой парадигмы позволит, во-первых, учесть частноправовую природу современных корпораций и корпоративного права в целом и, во-вторых, обеспечить надлежащую гибкость механизмов корпоративного управления, позволяющих провести их тонкую настройку в отношении каждого конкретного хозяйственного общества.

Основой подобной смены парадигмы, по нашему мнению, должно стать восприятие законодателем и правоприменителем договорного подхода к пониманию корпорации, понимающего ее как пу-

¹ П. 2 ст. 35 Закона об ООО.

² П. 4 ст. 36 Закона об ООО.

чок контрактов (*nexus of contracts*), возникающих между ее участниками, менеджерами и третьими лицами, с которыми корпорация вступает в гражданские отношения [20, с. 830]. Такая установка потенциально позволит по-новому взглянуть на различные элементы корпоративных отношений, в том числе на природу учредительных документов корпорации [14] или на вопросы исключения участника [19], и в целом применить новый комплексный подход к пониманию корпоративной сделки в контексте российского гражданского законодательства [13] при разработке и имплементации новелл корпоративного права. При этом такой подход не исключит определенной публичной «обвязки», свойственной корпоративному праву как элементу предпринимательского права и корпорации как субъекту публично-правовых отношений, которая будет учтена далее при выделении и описании категории внешних отношений корпорации.

Применительно к проблеме диспозитивности норм корпоративного права идея договорной природы корпорации позволяет как сделать вывод о применении к регулирующим ее правилам частноправовых принципов автономии воли и свободы договора с учетом отдельных ограничений, связанных с существом и основными принципами построения корпоративных отношений, так и разделить корпоративные отношения на условно *внутренние* и *внешние*, в которых, как будет описано ниже, элемент диспозитивности будет иметь различное значение.

Начнем с теоретического описания внутренних отношений, к которым относятся юридические связи между самой корпорацией, ее участниками, органами управления и контроля, связанные с корпоративным управлением, принятием решений органов управления и осуществлением корпоративных прав и обязанностей. По нашему мнению, именно права и обязанности в рамках внутренних корпоративных отношений составляют содержание корпоративной сделки, являющейся ядром пучка контрактов и основанием для возникновения и дальнейшей деятельности корпорации. Таким образом, внутренние отношения корпорации в нашем понимании схожи с описанными В.П. Мозолиным «внутрикорпоративными» отношениями, о которых он отмечал: «Это регулируемые нормами права инвестиционно-партнерские отношения между участниками в хозяйственных товариществах и обществах, связанные с их созданием и внутренней деятельностью, в том числе деятельностью по формированию воли товариществ и обществ, выступающих в качестве субъектов гражданско-правовых отношений с третьими лицами» [9, с. 28–29].

В рамках внутренних корпоративных отношений диспозитивные нормы, предлагающие базовое регулирование отдельных механизмов, снижают транзакционные издержки сторон на составление учредительных документов, исключая необходимость в каждом конкретном уставе учитывать плеяду жизненных ситуаций и позволяя опираться на универсальные нормы законодательства. Они предлагают участникам корпорации стандартные процедуры ра-

боты органов и реализации их корпоративных прав, субсидиарно наполняющие содержание корпоративной сделки. С их помощью, помимо разрешения проблемы неполноты корпоративной сделки, также достигается определенное снижение будущих транзакционных издержек, связанных с корпоративным управлением, – корпоративное законодательство предлагает общие основы организации корпорации как внутренней системы, наполненной правами и соответствующими обязанностями ее участников и менеджмента, и как самостоятельного участника гражданского оборота посредством закрепления норм о ее исполнительных органах.

Политико-правовые основания активного применения императивных норм не ограничены каким-либо конкретным блоком причин, но применительно к внутренним корпоративным отношениям наиболее значимой причиной является защита прав миноритарных участников¹. Для этих целей, например, в Законе об ООО закреплено максимальное количество голосов, которым должен обладать участник для направления требования о созыве внеочередного общего собрания участников², – таким образом мажоритарии, контролирующей более двух третей голосов, не смогут внести в устав общества положения об увеличении порога, тем самым отрезав миноритарных участников от возможности созвать общее собрание.

Внешние отношения корпорации, в свою очередь, регулируют положение юридического лица в качестве самостоятельного участника гражданского оборота, обладающего отдельной от участников корпоративной сделки правосубъектностью. Мы относим к ним правила, касающиеся учреждения и регистрации юридических лиц, полномочий исполнительных органов и заключения обществом сделок, требующих одобрения органов управления. Также к внешним отношениям относятся, например, институт ограниченной ответственности, значительно увеличивающий риски для кредиторов корпорации, и совокупность норм о единоличном исполнительном органе как представителе общества, через которого осуществляется все его взаимодействие с третьими лицами [5]. В этих сферах активное использование императивных норм вполне оправданно: множество контрагентов, вступающих в отношения с обществом, ожидают определенного «типового» регулирования, представление о котором чаще всего построено на основании организационно-правовой формы юридического лица.

Помимо этого, говоря о российской правовой системе, в которой наиболее популярной формой корпорации являются хозяйственные общества³,

¹ О значении защиты прав миноритариев для правотворчества в корпоративной сфере указывает даже законодатель (см. пояснительную записку к Законопроекту № 229418–7 «О внесении изменений в статьи 40 и 75 Федерального закона «Об акционерных обществах» (в части усиления защиты прав миноритарных акционеров)», где прямо указывается что целью законопроекта является защита миноритарных акционеров).

² П. 2 ст. 35 Закона об ООО.

³ Нельзя не обратить внимание, что несмотря на различные подходы к регулированию долей в уставных капиталах

подавляющее большинство участников массового рынка использует при заключении договоров с контрагентами типовые процедуры и правила, построенные на ясных ожиданиях. Диспозитивное регулирование обозначенных механизмов исключит такую ясность и потребует от каждого контрагента корпорации проверки ее устава и внутренних документов на предмет положений, отходящих от применимых в общем порядке правил, что значительно увеличит транзакционные издержки буквально каждого субъекта экономики. При этом достаточно сложно предположить, какие выгоды могут получить участники корпоративной сделки при увеличении степени договорной свободы в рамках внешних отношений корпорации, поскольку их ядром является корпорация как самостоятельный субъект, а не организационная форма договоренностей ее участников. В связи с этим аргументы, направленные на ограничение диспозитивности норм корпоративного права, регулирующих внешние отношения корпорации, преобладают над общими рассуждениями о необходимости обеспечения договорной свободы в частноправовых отношениях.

В свою очередь, такие аргументы не могут быть с очевидностью применены к регулированию внутренних корпоративных отношений, то есть к вопросам корпоративного управления, а также взаимодействия между участниками и самой корпорацией. Их содержание не находит прямого выражения в правоотношениях корпорации с третьими лицами, из-за чего императивный статус соответствующих норм законодательства не будет иметь тех позитивных эффектов, которые были описаны выше.

Необходимо отметить, что нормы, регулирующие отдельные внешние отношения корпорации, несмотря на их первоначальную направленность на регулирование внешних отношений, в отдельных случаях либо непосредственно затрагивают внутренние отношения, либо определяют общие правила корпоративного управления, задавая общие принципы регулирования. К таким наборам норм относятся, например, правила о типологии организационно-правовых форм. Как указывает О.В. Гутников, необходимость деления юридических лиц по организационно-правовым формам по принципу *numerus clausus* имеет существенные догматические, политико-правовые и практические основания, а также, следуя логике договорной теории корпорации, противоречит его договорной природе и неоправданно сковывает гражданский оборот и свободу участников экономических отношений [2]. В свою очередь, мы полагаем, что ограниченный перечень организационно-правовых форм отражает специфику корпоративных отношений и не является примером безосновательного ограничения свободы корпоративной сделки, что можно обосновать несколькими аргументами.

обществ и ограниченной ответственностью и акций, а также отдельные отличия в вопросах корпоративного управления, российское корпоративное законодательство предлагает почти идентичные правила, определяющие взаимодействие обоих типов хозяйственных обществ с третьими лицами.

Во-первых, предложенные законодателем формы возможно рассматривать как базовые типы корпоративной сделки, которые далее могут быть подстроены участниками корпорации в зависимости от их коммерческих и иных потребностей и интересов. Такие базовые типы могут иметь экономические, исторические, компаративистские либо любое иное основание, и выбор их состава не должен подвергаться существенной критике до тех пор, пока их содержательное наполнение либо в целом соответствует запросам оборота без существенных изменений, либо, при необходимости, допускает такие существенные изменения для подстройки корпоративных отношений, влекущих сближение или даже пересечение различных организационно-правовых форм.

Во-вторых, организационно-правовые формы имеют существенное значение при вступлении корпорации в отношения с третьими лицами: контрагенты зачастую отказываются от предметного изучения учредительных и внутренних документов общества, и в условиях отсутствия заданных законодателем форм они не имели бы адекватного представления об основных характеристиках лица, с которыми они вступают в гражданские правоотношения. Базовые организационно-правовые формы же дают подобное общее представление и, что самое важное, в императивном порядке регулируют наиболее важные вопросы ответственности юридического лица и его участников.

В-третьих, организационно-правовые формы непосредственно связаны с процедурой учреждения корпорации, то есть определенным составом юридических фактов, выполнение которых влечет возникновение корпорации как участника гражданского оборота. Процедура учреждения наполнена базовым набором условий, которые государство в лице законодателя предъявляет к юридическому лицу для легитимизации его деятельности и допуска на экономический рынок. Набор таких условий различен для каждой формы и отражает ее специфику, в связи с чем процедура учреждения и организационно-правовая форма обосновывают друг друга.

Обращаем внимание, что внутри института исполнительных органов существуют как упомянутые нормы, регулирующие внешние отношения, так и внутренние отношения, связанные с процедурой назначения директора, его обязанностями по отношению к корпорации и участникам, а также разграничением полномочий между органами корпорации – в их отношении законодатель более активно использует диспозитивные нормы, разрешая, например, передавать полномочие по назначению единоличного исполнительного органа между общим собранием и советом директоров, формировать коллегиальный исполнительный орган или устанавливать дополнительные требования к кандидатам в эти органы. При этом примечательно использование диспозитивных норм посредством разрешения корпорациям иметь несколько единоличных исполнительных органов по различным моделям, что было имплементиро-

вано в целях обеспечения наиболее эффективного руководства деятельностью общества единоличным исполнительным органом, а также наделения акционеров или кредиторов общества большими возможностями по осуществлению контроля за его деятельностью [1].

Таким образом, в контексте разрешения вопроса о диспозитивности норм корпоративного права в первую очередь необходимо путем их функционального толкования определить, регулирует ли норма исключительно внутренние отношения, или в ее предмете фигурирует внешний элемент. В первом случае, мы полагаем, что отсутствуют какие-либо основания ограничивать свободу участников корпорации изменить порядок применения корпоративного регулирования к отдельной корпорации посредством модификации отдельных условий корпоративной сделки.

Однако, с позиции *ex ante* анализа не всегда представляется возможным отделить нормы, связанные с внешними отношениями, от правил, регулирующих внутренние отношения, из-за чего для соблюдения формальной юридической техники наиболее эффективным нам представляется закрепления дополнительного правоприменительного *ex post* теста по аналогии с тестом диспозитивности норм договорного права, отраженном в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах». Одним из положений такого теста будет являться указание на то, что норма корпоративного права не может признаваться диспозитивной в случае, если она регулирует внешние отношения корпорации и непосредственно затрагивает права ее кредиторов, при этом диспозитивное толкование такой нормы может негативно повлиять на стабильность гражданско-правового оборота или права и интересы его добросовестных участников.

Дополнительно, с учетом описанных нами ограничений в части императивного регулирования внутренних отношений, обеспечивающих выполнение отдельных принципов построения корпоративного права, необходимо отразить в правоприменительном тесте также положение о том, что норма должна признаваться императивной в случае, если ее диспозитивное прочтение нарушает какой-либо из принципов построения системы корпоративного права, в том числе в части защиты прав миноритариев, обеспечения деятельности органов корпорации или работы механизмов воздействия на органы юридического лица.

Помимо этого, для целей предлагаемого выше теста, по нашему мнению, важнейшим является закрепление двух правил его применения. Во-первых, анализируемая норма должна быть изучена судом абстрактно, а не казуально, то есть без привязки к конкретным отношениям сторон спора. Ввиду этого можно будет достигнуть значительной правовой определенности при составлении условий корпоративной сделки и не зависеть от позиций судов первых инстанций в случае, если конкретная норма уже была анализирована ВС РФ. Такой подход,

помимо прочего, основан на стремлении перенести оценку диспозитивности норм на уровень *ex ante* в наибольшей возможной степени и исключить известную неопределенность *ex post* подхода. При этом мы не исключаем, что при нормативном определении нормы корпоративного законодательства в качестве диспозитивной конкретное условие корпоративной сделки, предлагающее альтернативное ей регулирование, может быть признано недействительным как недобросовестное или противоречащее основам корпоративного законодательства. Во-вторых, предлагаемые уровни теста должны применяться последовательно в связи с увеличением степени судейского усмотрения при анализе нормы на каждом из уровней: таким образом переход к третьему уровню теста, требующего от суда общего понимания теории корпоративных отношений, будет возможен только если суд не найдет ответа на первых двух уровнях – такая механика снизит издержки суда, исключит непоследовательность применения теста и позволит участникам оборота с большей ясностью подходить к формированию условий корпоративной сделки.

В совокупности с общей презумпцией диспозитивности норм корпоративного права, такой тест, построенный на договорном понимании корпорации и следующим за ним восприятию внутренних и внешних корпоративных отношений, позволит в значительной степени повысить гибкость корпоративного регулирования, снизить возникающие транзакционные издержки всех задействованных участников и повысить инвестиционную привлекательность хозяйственных обществ.

Литература

1. Андрианова М.А., Потапов Н.А. Принцип «двух ключей» как новый механизм контроля за деятельностью единоличного исполнительного органа юридического лица // Юрист. 2020. N 3. С. 49–54.
2. Гутников О.В. Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно-правовые формы и критерии их разграничения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. N 2. С. 128–163.
3. Кашанина Т.В. Корпоративное право: учеб. Пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016.
4. Корпоративное право / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Волтерс Клувер, 2007.
5. Кузнецов А.А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. N 10. С. 4–31.
6. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017. 160 с.
7. Мамутов В.К. Хозяйственный кодекс в системе правового регулирования обеспечения экономики в Украине // Государство и право. 2008. № 6. С. 65–72.

8. Мозолин В.П. О юридической природе внутрикорпоративных отношений // Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство. М.: Юстицинформ, 2008 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Мозолин В.П. О юридической природе внутрикорпоративных отношений // Государство и право. 2008. N 3. С. 28–37.
10. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18.12.2023 № Ф10–6267/2023 по делу № А54–5941/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона № 557693–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» и Федеральный закон «О рынке ценных бумаг». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/557693-8> (дата обращения: 08.04.2025).
12. Пояснительная записка к Законопроекту № 229418–7 «О внесении изменений в статьи 40 и 75 Федерального закона «Об акционерных обществах» (в части усиления защиты прав миноритарных акционеров)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/229418-7> (дата обращения: 08.04.2025).
13. Степанов Д.И. Сделка учредителей и присоединение к ней последующих участников / Д.И. Степанов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. N 3. С. 6–65.
14. Степанов Д.И. Устав как форма сделки / Д.И. Степанов // Вестник гражданского права. 2009. N 1. С. 4–62.
15. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014.
16. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Федеральный закон от 08.08.2024 № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
18. Цепов Г.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью как принудительное расторжение корпоративного контракта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. N 10. С. 96–113.
19. Coase R.H. The Nature of the Firm // *Economica New Series*. 1937. Vol. 4. Iss. 16.
20. Eisenberg M.A. The Conception That the Corporation Is a Nexus of Contracts, and the Dual Nature of the Firm // *The Journal of Corporation Law*. 1999. Vol. 24. No. 4. P. 819–836.

BOUNDARIES OF DISPOSITIVITY IN LEGISLATIVE REGULATION OF INTERNAL AND EXTERNAL RELATIONS OF THE CORPORATION

Nikolskiy D.A.

Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law)

The article considers the problem of dividing the norms of corporate legislation into imperative and dispositive. The author provides

an algorithm of interpretation of legislative rules and concludes that in Russian practice there is a presumption of imperative nature of norms of corporate law and proposes to adapt it to improve regulatory effectiveness by introducing an additional dispositivity test. The analysis identifies internal and external relations of the corporation, which are characterized by different subjects of regulation and to which the private law principles of freedom of contract and autonomy of will should be applied to varying degrees. To expand the boundaries of dispositiveness of corporate regulation, the author proposes to use the judicial test of dispositivity, which will take into account the conditional division of all norms of corporate law into those regulating internal or external relations of the corporation, as well as the general principles of construction of the system of corporate law.

Keywords: corporate law, corporate transaction, autonomy of will, freedom of contract, intra-corporate relations.

References

1. Andrianova M.A., Potapov N.A. The principle of “two keys” as a new mechanism of control over the activities of the sole executive body of a legal entity // *Jurist*. 2020. N 3. P. 49–54.
2. Gutnikov O.V. Classification of legal entities in modern corporate law: organizational and legal forms and criteria for their differentiation // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2022. N 2. P. 128–163.
3. Kashanina T.V. Corporate law: textbook for academic bachelor's degree. Moscow: Yurait, 2016.
4. Corporate Law / ed. by I.S. Shitkina. Moscow: Wolters Kluwer, 2007.
5. Kuznetsov A.A. The body of a legal entity as its representative // *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2014. N 10. P. 4–31.
6. Kuznetsov A.A. Limits of autonomy of will in corporate law: a brief essay. Moscow: Statut, 2017. 160 p.
7. Mamutov V.K. Economic Code in the system of legal regulation of economic security in Ukraine // *State and Law*. 2008. № 6. P. 65–72.
8. Mozolin V.P. On the legal nature of intracorporate relations // Mozolin V.P. Modern doctrine and civil legislation. P. Modern doctrine and civil legislation. Moscow: Justitsinform, 2008 // RLS «ConsultantPlus».
9. Mozolin, V.P. On the legal nature of intracorporate relations // *State and Law*. 2008. N 3. P. 28–37.
10. Resolution of the Arbitration Court of the Central District of 18.12.2023 No. F10–6267/2023 in case No. A54–5941/2022 // RLS «ConsultantPlus».
11. Explanatory Note to Draft Federal Law No. 557693–8 “On Amending the Federal Law ‘On Investment Funds’ and the Federal Law ‘On the Securities Market’”. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/557693-8> (date of reference: 08.04.2025).
12. Explanatory Note to Bill No. 229418–7 “On Amending Articles 40 and 75 of the Federal Law ‘On Joint-Stock Companies’ (in terms of strengthening the protection of minority shareholders’ rights)”. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/229418-7> (date of reference: 08.04.2025).
13. Stepanov D.I. Transaction of the founders and accession of subsequent participants / D.I. Stepanov // *Vestnik of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2010. N 3. P. 6–65.
14. Stepanov D.I. Charter as a form of transaction / D.I. Stepanov // *Vestnik of civil law*. 2009. N 1. P. 4–62.
15. Sukhanov E.A. Comparative Corporate Law. Moscow: Statute, 2014.
16. Federal Law of 08.02.1998 N 14-FZ “On Limited Liability Companies” // RLS «ConsultantPlus».
17. Federal Law No. 287-FZ dated 08.08.2024 “On Amendments to the Federal Law “On Joint-Stock Companies” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // RLS «ConsultantPlus».
18. Tsepov G.V. Exclusion of a participant from a limited liability company as a forced termination of a corporate contract // *Vestnik of Economic Justice of the Russian Federation*. 2017. N 10. P. 96–113.
19. Coase R.H. The Nature of the Firm // *Economica New Series*. 1937. Vol. 4. Iss. 16.
20. Eisenberg M.A. The Conception That the Corporation Is a Nexus of Contracts, and the Dual Nature of the Firm // *The Journal of Corporation Law*. 1999. Vol. 24. No. 4. P. 819–836.

Конструирование как способ наиболее полного установления содержания гражданско-правового договора

Оюн Саян Айдынович,

аспирант, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: edu.lex.sayan@gmail.com

В статье рассматривается проблема ограниченности традиционного подхода к гражданско-правовому договору как к совокупности прямо выраженных условий. Автор доказывает, что такой подход игнорирует подразумеваемые условия, вытекающие из обычаев, принципов добросовестности и разумности, а также действительной воли сторон. В результате суды нередко принимают формальные решения, не учитывающие контекст договорных отношений, особенно при наличии пробелов («лакун») в договоре. Анализируется английская доктрина конструирования договора, включающая не только толкование, но и импликацию условий. Рассматриваются критерии восполнения пробелов: необходимость, справедливость и разумность. Приводятся примеры из судебной практики, иллюстрирующие последствия игнорирования подразумеваемых условий. Анализируются возможности применения институтов толкования, аналогии закона, права и выведения подразумеваемых условий договора исходя из основополагающих принципов добросовестности, разумности и справедливости.

Ключевые слова: конструирование, импликация, толкование договора, подразумеваемые условия договора.

Категория гражданско-правового договора как в отечественной цивилистике, так и в правоприменительной практике необоснованно продолжает оставаться в качестве раскрытой и исследованной темы. Существующие работы, посвященные вопросу о правовой природе договора достигли некоторого консенсуса о триединой модели гражданско-правового договора: во-первых, понимая договор в качестве сделки, направленной на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей; во-вторых, как правоотношение, являющееся результатом заключения сделки; в-третьих, в качестве формы сделки – письменного либо устного документа [2, с. 14–20]. Несмотря на такое многопонятное представление о договоре, деятельность, направленная на выяснение количественного состава субъективных гражданских прав и обязанностей сторон, резко прерывается демаркационной линией в виде прямо выраженных условий договора, из которых такое содержание исходит.

Ответ на вопрос о справедливости такого решения весьма неутешителен: подход, заключающийся в усеченном представлении о договоре как о совокупности прямо выраженных условий (прямо выраженное содержание договора) не позволяет взглянуть на то, что находится за его пределами: на обыкновенное поведение сторон договора, их действительную либо предполагаемую волю, характеристику контрагента, его деятельности, правовую природу договора, обычаи делового оборота, представления о разумности, добросовестности, справедливости, особенности правовой системы и так далее. Порой прямо выраженного условия может и не быть вовсе, тем самым формируя «лакуну» в договоре.

Разъяснения Пленума Верховного суда о том, что толкование договора не должно приводить к такому пониманию условия договора, которое стороны с очевидностью не могли иметь в виду [6], несправедливо игнорируются судом при разрешении дела. К примеру, можно привести следующую ситуацию: ИП подал иск к ООО о взыскании задолженности по договору подряда и неустойку (пеню), начисленную на сумму долга. Условие о неустойке было сформулировано следующим образом: «подрядчик имеет право требовать уплаты пени в размере 0,1% от неоплаченной в срок суммы за каждый день просрочки оплаты выполненных работ, но более 10% от неоплаченной в срок суммы». Ответчик сообщил, что имелось в виду ограничение размера неустойки в виде «но не более 10%». Суд не согласился с доводами ответчика и указал, что

суд не вправе выполнять за стороны распорядительные действия, формулировать и подразумевать условия договора, вопреки буквальному толкованию [5]. Результат такого толкования, учитывая также наличие очевидной опечатки в определении договорного условия, вряд ли отражает действительную волю сторон. В договорной практике известны случаи, когда стороны формулируют условие о неустойке с установлением предела её взыскания (не более определенной суммы, процента). Буквальное толкование без учета действительной (в крайнем случае – подразумеваемой) воли сторон неспособно в полной мере прояснить, что имели в виду составители договорного условия.

Между тем, толкование имеет свои функциональные пределы, поскольку оно направлено прежде всего для уяснения смысла условий договора [1, с. 187–200]. Толкование неспособно разрешить проблему, при которой стороны договора не урегулировали обстоятельство, ставшее «лакуной» на пути полного и справедливого разрешения спора между сторонами.

В качестве примера такой ситуации можно привести известное дело о правовой природе мирового соглашения: истец обратился в суд с иском о взыскании с ответчика неосновательное обогащение из-за переплаты за услуги по передаче электроэнергии. Суд первой инстанции и апелляция удовлетворили иск. Кассационный суд отменил решения и утвердил мировое соглашение, по которому ответчик признал требования и вернул сумму переплаты. Позже истец подал иск о взыскании процентов за пользование чужими средствами (ст. 395 и 1107 ГК РФ), так как мировое соглашение не содержало условий об отказе от процентов. Суд первой инстанции отказал, решив, что соглашение прекратило все обязательства. Однако апелляция и кассация с этим не согласились и удовлетворили требования истца. Президиум ВАС отменил решения апелляции и кассации, поддержав позицию суда первой инстанции. Основными аргументами было следующее: мировое соглашение имеет цель окончательно урегулировать спор, прекращая все связанные с ним обязательства. Если соглашение не предусматривает дополнительных требований, в том числе по процентам, такие требования не могут быть заявлены впоследствии. Как указал в своем особом мнении к рассматриваемому решению судья ВАС РФ в отставке, С.В. Сарбаш: «мировое соглашение не содержало какого-либо условия и даже упоминания о процентах за пользование чужими денежными средствами... С точки зрения формальной логики также достаточно трудно вывести из признания должником одного долга подразумеваемое намерение кредитора на прощение другого долга, который к тому же предметом иска не являлся» [7]. Все известные методы толкования, направленные на выяснение содержания условий договора, даже с учетом действительной воли сторон, функционально не могли привести к такому результату.

В этой связи, возникает необходимость пересмотра традиционного подхода к трактовке гражданско-правового договора, рассматривая его не как статичную совокупность прямо выраженных условий, а как сложное комплексное образование [3, с. 24–26], включающее в себя помимо прямо выраженных условий договора также и подразумеваемые условия. При этом стоит отметить, что простое толкование условий договора оказывается недостаточным, поскольку оно ограничено лишь анализом явно выраженного содержания, что не охватывает всей полноты взаимных прав и обязанностей сторон. Для адекватного понимания гражданско-правового договора требуется более глубокий и расширенный подход, включающий не только толкование условий, но и их конструктивное дополнение посредством импликации условий договора. Такой подход предполагает комплексное конструирование договора, в котором толкование и подразумевание условий взаимосвязаны и дополняют друг друга, создавая полную картину обязательств сторон.

В английской правовой доктрине для установления содержания совокупности субъективных гражданских прав и обязанностей сторон договора используется особый метод, именуемый конструированием (*construction; to construe*). Следует подчеркнуть, что термины *construction* и *interpretation* нередко употребляются взаимозаменяемо, обозначая процесс толкования условий договора. Однако, как отмечает Герард МакМилл, конструирование представляет собой более широкий процесс, включающий не только толкование, но и импликацию (*implication*) условий договора [15, с. 13]. Данная идея получила отражение в английском судебном прецеденте *Equitable Life Assurance Society v. Hyman*, в котором указано: «Необходимо различать процессы толкования и импликации. Цель толкования заключается в установлении наиболее подходящего юридического смысла, который может быть разумно приписан словам текста» [13]. Из этого вытекает, что толкование ограничивается исключительно прямо выраженными условиями договора и функциональным образом не может выходить за пределы их смысла, выводимое исходя из существующих методов толкования.

В то же время возможно возникновение ситуации, когда прямо выраженные условия не были определены сторонами, например, в виду упущения наступления возможных событий в процессе исполнения договора, их намеренного игнорирования, разрешения вопроса о восполнении пробела в будущем. Такое положение дел в доктрине рассматривается как наличие пробела или «лакуны» в договоре. В странах общего права, восполнение таких пробелов осуществляется через импликацию условий договора (*implication of terms*), в то время как в некоторых странах континентального права, например, в Германии, аналогичный процесс достигается посредством эквилибристики в виде восполнительного (дополняющего) толкования [1, с. 49]. Однако данный метод по своей

правовой природе не может считаться толкованием [4, с. 378], поскольку сущность толкования заключается в уяснении смысла прямо выраженных условий договора с учетом применяемых методов, тогда как восполнение пробелов путем толкования функционально невозможно из-за отсутствия самого объекта толкования.

Вопрос о последовательности применения рассматриваемых методов в научной литературе, как правило, не поднимается. На наш взгляд, процесс импликации следует применять только в тех случаях, когда толкование условий договора оказывается недостаточным для определения содержания прав и обязанностей сторон.

Таким образом, конструирование договора представляет собой метод, направленный на наиболее полное уяснение содержания гражданско-правоотношения через совмещение толкования и импликации условий договора.

Подразумеваемые условия договора представляют из себя положения, которые никак не отражены в содержании гражданско-правового договора, но подразумеваются в силу различных источников права [16, с. 210]. В доктрине выявлены две модели [18, с. 801–819] [11, с. 10–11] [12] подразумеваемых условий договора, сущность которых заключается в моменте их возникновения в договорном правоотношении. На наш взгляд, указанные модели подразумеваемых условий договора можно охарактеризовать следующим образом: как подразумеваемые условия договора, возникающие на момент заключения договора (*ex ante*), а также на момент разрешения спора (*ex post*).

К числу первой модели подразумеваемых условий договора входят содержание диспозитивных норм права; условия, подразумеваемые исходя из обычаев делового оборота и обыкновений; условия, исходящие из судебной практики *stare decisis*. Особенность таких условий договора заключается в том, что они уже возникли в момент заключения гражданско-правового договора вместе с прямо выраженными условиями договора и, тем самым, не формируют пробел в договоре. При разрешении спора, суд осуществляет поиск подразумеваемого условия договора в соответствующих источниках и указывает сторонам о «предсуществовании» таких условий с самого начала.

Сущность подразумеваемых условий договора, возникающих *ex post*, заключается в устранении пробелов в договоре, которые не могли быть восполнены ни прямо выраженным содержанием договора, ни источниками, свойственными для *ex ante* модели. В этом случае суд применяет особый процесс по импликации подразумеваемых условий договора на основе определенных критериев для импликации (например, в английской практике это тесты *officious bystander*, *business efficacy* [14 с. 346–367]), основополагающих принципов права (разумности, добросовестности, справедливости), исходя из правовой природы и цели договора с учетом предполагаемого либо гипотетического намерения сторон, поскольку выявление

действительной воли сторон может быть не только затруднительным, но и вовсе невозможным.

Импликацию подразумеваемых условий договора можно свести к следующим случаям.

Во-первых, если пробел в договоре парализует возможность исполнения обязательств таким образом, что оно становится трудновыполнимым, но возможным (*критерий необходимости*). В качестве примера такой ситуации можно привести дело *The Moorcock (1889)* – одно из значимых решений в английском договорном праве, касающееся подразумеваемых условий в договорах. Владелец судна заключил договор с владельцем причала для разгрузки груза. Судно было пришвартовано к причалу, и во время отлива осело на дно реки, где находились скрытые подводные препятствия, что привело к повреждению. Владелец судна подал иск, требуя возмещения убытков. Основной вопрос заключался в том, можно ли предположить существование подразумеваемого условия о том, что причал будет безопасным для стоянки судна во время отлива. Суд подтвердил ответственность ответчика, поскольку им было дано подразумеваемое обещание о том, что место стоянки судна будет, насколько это позволяет возможная разумная степень заботливости, в пригодном состоянии, чтобы не нанести ущерб судну. Без этого условия договор бы не имел смысла [17]. Из этого дела возник тест на «бизнес эффективность» (*business efficacy test*), согласно которому в договоре предполагаются условия, необходимые для его выполнения. Судьи пришли к выводу, что стороны разумно ожидали, что причал будет безопасным, и такое условие было необходимо для обеспечения работоспособности договора. В этом случае наличие подразумеваемого условия договора является *необходимым* для нормального функционирования договорного правоотношения.

Во-вторых, пробел в договоре, который ставит одну из сторон договора в невыгодное, несправедливое положение, но не препятствующее исполнению обязательств по договору, подобно первому случаю (*критерий справедливости*). Пример такого пробела обнаруживается в следующем деле: истец обратился в суд о взыскании убытков в размере 25200 рублей, возникших из-за уплаты транспортного налога. Суть спора заключалась в следующем: в 2014 году истец передал автомобиль ответчику по договору купли-продажи. Однако ответчик не перерегистрировал транспортное средство на своё имя, что привело к продолжению начисления налога на прежнего владельца. В итоге истец уплатил налог за 2018–2022 годы и потребовал возместить эти расходы с ответчика. Суд отметил, что отсутствие перерегистрации со стороны ответчика не является основанием для возмещения убытков, поскольку обязанность по снятию автомобиля с учёта также лежала на прежнем владельце [8]. Ключевой вопрос в данном деле заключается в следующем: содержит ли договор купли-продажи подразумеваемое условие о необходимости постановки покупателем транспортного сред-

ства на учет? Ответ на этот вопрос представляется сложным ввиду проблемы разграничения частного и публичного права, а именно вопроса о допустимости трансформации публично-правовой обязанности по постановке на учет транспортного средства в частноправовую. Опуская вопрос о дуализме права, можно отметить, что такая трансформация, безусловно, имеет позитивные последствия, поскольку предоставляет продавцу возможность взыскания убытков, возникающих в результате нарушения обязательства, вытекающего из подразумеваемого условия договора.

В-третьих, это пробел, который является настолько неестественным, поскольку если задать вопрос любому разумному лицу о том, подразумевается ли конкретное условие на месте пробела, ответом будет: «Конечно, это само собой разумеется» (*критерий разумности*). В качестве абстрактного примера можно привести ситуацию с покупкой кофейного напитка: подразумевается, что он будет определенной температуры – теплым или горячим. Если же напиток окажется холодным, при условии, что иное прямо не оговорено (например, «айс-кофе»), то это будет рассматриваться как нарушение подразумеваемого условия договора о качестве товара.

При этом важно отметить, что критерии представленных пробелов – необходимость, справедливость и разумность – могут вполне накладываться друг на друга. Восполнение пробела может быть обосновано не только с точки зрения разумности, но и его объективной необходимости. Например, подразумеваемое условие договора купли-продажи автомобиля из автосалона предполагает наличие минимального количества топлива в бензобаке. Это необходимо не только потому, что без топлива покупатель не сможет проверить техническое состояние транспортного средства перед заключением сделки, но и выехать из автосалона после приобретения.

Конструирование договора в российском праве в основном представлено через толкование и импликацию подразумеваемых условий, возникающих на стадии *ex ante*, но не *ex post*. Однако, несмотря на ограниченность применения данного института в полной мере, отдельные судебные акты демонстрируют обратное, к примеру, ранее упомянутое дело о мировом соглашении. Исключительность применения импликации вполне обоснована по нескольким причинам.

Во-первых, в большинстве случаев процесс конструирования завершается на этапе толкования условий договора. С учетом множества признанных в судебной практике методов толкования, их применение, как правило, оказывается достаточным для разрешения спора.

Во-вторых, импликация подразумеваемых условий представляет собой сложный и многоуровневый процесс. Он требует не только анализа содержания всех условий договора, но и учета целого комплекса нормативных и обычных источников, обыкновений, действительной воли сторон. Если

из этих источников невозможно установить наличие необходимого условия в договоре, суд констатирует наличие пробела. При этом, одной лишь констатации пробела недостаточно – импликация подразумеваемого условия должна быть обоснована, поскольку она затрагивает два фундаментальных принципа гражданского права: свободу договора и *pacta sunt servanda* [10, с. 186–188]. Решение о таком вторжении в частноправовые отношения необходимо решать *ad hoc* с учетом ранее упомянутых критериев.

В-третьих, нормативно-правовой инструментарий для импликации в российском праве остается ограниченным. Некоторую возможность для применения данного механизма предоставляет пункт 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49, который допускает альтернативные подходы к толкованию. Тем не менее, догматически некорректной будет ссылка на статью 431 ГК РФ, поскольку толкование направлено исключительно на уяснение смысла уже существующих условий, а не на восполнение пробелов, возникающих при их отсутствии. Вторым допустимым вариантом может стать норма об аналогии закона, права и выведения подразумеваемого условия договора исходя из основополагающих принципов добросовестности, разумности и справедливости (ст. 6 ГК РФ) [9, с. 465–473]. Абсолютная гибкость указанной нормы и принципов гражданского права позволяет применять процесс импликации подразумеваемых условий договора без создания специальных формализованных правил по импликации. Тем не менее, без такой формализации остаётся существенным риск непризнания в правоприменительной практике такого процесса. В связи с этим, возможность рецепции устоявшихся правил о применении указанного института с учётом российской правовой действительности остаётся открытым.

Категория гражданско-правового договора требует пересмотра устоявшихся подходов к его трактовке. Ограничение понимания договора только его прямо выраженными условиями приводит к правовой неопределенности и невозможности полного и справедливого разрешения гражданско-правовых споров. Процесс конструирования договора, включающий как толкование, так и импликацию условий, позволяет более точно определить содержание взаимных прав и обязанностей сторон.

Опыт английского права демонстрирует эффективность использования импликации договорных условий, особенно в ситуациях, когда выявленный пробел препятствует реализации обязательств или создает несправедливые последствия для одной из сторон.

В настоящее время, российская правовая система ограниченно использует этот механизм. Тем не менее, отдельные судебные акты указывают на возможность импликации в исключительных случаях, что свидетельствует о необходимости

дальнейшего развития данного подхода в российском праве.

Внедрение концепции конструирования договора потребует не только теоретического осмысления, но и соответствующего изменения судебной практики и нормативно-правового регулирования.

Литература

1. Байрамкулов А.К. Толкование договора в российском и зарубежном праве. – М.: Статут, 2016. – 224 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/605753> (дата обращения: 01.04.2025). – Режим доступа: по подписке.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. – 3 изд. – М.: Статут, 2011. – 847 с.
3. Егоров А.В. Многозначность понятия обязательства: практический аспект // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 4. – С. 23–42
4. Жученко С.П. Толкование договора // Практика применения общих положений об обязательствах: Сборник статей. – М.: Статут, 2011. – С. 371–392. URL: <https://znanium.com/catalog/product/339086> (дата обращения: 01.04.2025). – Режим доступа: по подписке.
5. КонсультантПлюс // Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 июля 2024 г. N 09АП-40500/24 по делу N А40-216179/2023. URL: <https://consultant.ru/> (дата обращения: 26.03.2025)
6. КонсультантПлюс // Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». URL: <https://consultant.ru/> (дата обращения: 26.03.2025)
7. КонсультантПлюс // Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 марта 2011 г. N 13903/10. URL: <https://consultant.ru/> (дата обращения: 26.03.2025)
8. КонсультантПлюс // Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 22 сентября 2023 г. N 06АП-3894/23 по делу N А73-4941/2023. URL: <https://consultant.ru/> (дата обращения: 30.03.2025)
9. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.], Под ред. Карапетова А.Г. – М.: М-Логос, 2020. – 1469 с.
10. Оюн С.А. Подразумеваемые условия договора: на границе freedom of contract и pacta sunt servanda // Закон и право. – 2024. – № 5. – С. 186–189. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrazumevaemye-usloviya-dogovora-na-granitse-freedom-of-contract-i-pacta-sunt-servanda> (дата обращения: 01.04.2025).

11. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. Том 2. – М.: Международные отношения, 1998. – 512 с.
12. Demystifying Implied Terms // The Allard Research Commons URL: https://commons.allard.ubc.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=1745&context=fac_pubs (дата обращения: 27.03.2025).
13. Equitable Life Assurance Society v. Hyman // British and Irish Legal Information Institute. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2000/39.html> (дата обращения: 23.03.2025).
14. McKendrick E. Contract Law: Text, Cases, and Materials. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 1053 p.
15. McMeel G. McMeel on The Construction of Contracts: Interpretation, Implication, and Rectification. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 912 p.
16. Stone R., Devenney J. The Modern Law of Contract. – London: Routledge, 2015. – 594 p.
17. The Moorcock // Commonwealth Legal Information Institute. URL: <http://www.commonlii.org/uk/cases/UKLawRpPro/1889/8.html> (дата обращения: 23.03.2025).
18. Zimmermann R., Jansen N. Commentaries on European Contract Laws. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 2384 p.

CONSTRUCTION AS A WAY OF THE MOST COMPLETE ESTABLISHMENT OF THE CONTENT OF A CIVIL LAW CONTRACT

Oyun S.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the limitations of the traditional approach to civil law contracts as merely a set of expressly stated terms. The author argues that this approach fails to account for implied terms arising from customs, principles of good faith and reasonableness, as well as the actual intent of the parties. As a result, courts often render formalistic decisions that disregard the broader contractual context, particularly in cases of contractual gaps (“lacunae”). The analysis includes the English doctrine of contract construction, which encompasses not only interpretation but also the implication of terms. The criteria for gap-filling are explored: necessity, fairness, and reasonableness. Case law examples illustrate the consequences of neglecting implied terms. The study also evaluates the potential application of interpretation tools, analogy of law and equity, and the derivation of implied contractual terms based on fundamental principles of good faith, reasonableness, and fairness.

Keywords: construction, implication, interpretation of contract, implied terms.

References

1. Bayramkulov A.K. Interpretation of the contract in Russian and foreign law. – М.: Statut, 2016. – 224 p. URL: <https://znanium.com/catalog/product/605753> (date of access: 01.04.2025). – Access mode: by subscription.
2. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book one: General provisions. – 3rd ed. – М.: Statut, 2011. – 847 p.
3. Egorov A.V. Polysemy of the concept of obligation: practical aspect // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2011. – No. 4. – P. 23–42
4. Zhuchenko S.P. Interpretation of the contract // Practice of applying general provisions on obligations: Collection of articles. – М.: Statut, 2011. – P. 371–392. URL: <https://znanium.com/catalog/product/339086> (date of access: 01.04.2025). – Access mode: by subscription.

5. ConsultantPlus // Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated July 15, 2024 N 09AP-40500/24 in case N A40–216179/2023. URL: <https://consultant.ru/> (date of access: 26.03.2025)
6. ConsultantPlus // Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.12.2018 N 49 “On certain issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract”. URL: <https://consultant.ru/> (date of access: 26.03.2025)
7. ConsultantPlus // Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 22, 2011 N 13903/10. URL: <https://consultant.ru/> (date of access: 26.03.2025)
8. ConsultantPlus // Resolution of the Sixth Arbitration Court of Appeal dated September 22, 2023 N 06AP-3894/23 in case N A73–4941/2023. URL: <https://consultant.ru/> (date of access: 30.03.2025)
9. Fundamental Provisions of Civil Law: Article-by-Article Commentary to Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic publication. [Revision 1.0] / A.V. Asoskov, V.V. Baibak, R.S. Bevzenko [et al.], Ed. by A.G. Karapetov – M.: M-Logos, 2020. – 1469 p.
10. S.A. Oyun. Implied terms of the contract: on the border between freedom of contract and pacta sunt servanda // Law and Right. – 2024. – No. 5. – P. 186–189. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrazumevaemye-usloviya-dogovora-na-granitse-svobody-dogovora-i-pacta-sunt-servanda> (date of access: 01.04.2025).
11. Zweigert K., Kötz H. Introduction to Comparative Law in the Sphere of Private Law: In 2 volumes. Volume 2. – M.: International Relations, 1998. – 512 p.
12. Demystifying Implied Terms // The Allard Research Commons URL: https://commons.allard.ubc.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=1745&context=fac_pubs (date of access: 27.03.2025).
13. Equitable Life Assurance Society v. Hyman // British and Irish Legal Information Institute. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2000/39.html> (date of access: 23.03.2025).
14. McKendrick E. Contract Law: Text, Cases, and Materials. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 1053 p.
15. McMeel G. McMeel on The Construction of Contracts: Interpretation, Implication, and Rectification. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 912 p.
16. Stone R., Devenney J. The Modern Law of Contract. – London: Routledge, 2015. – 594 p.
17. The Moorcock // Commonwealth Legal Information Institute. URL: <http://www.commonlii.org/uk/cases/UKLawRpPro/1889/8.html> (accessed 23.03.2025).
18. Zimmermann R., Jansen N. Commentaries on European Contract Laws. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 2384 p.

Государственная поддержка экспортно-ориентированных предприятий малого и среднего бизнеса

Павлюк Альберт Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ
E-mail: albert.pavlyuk@mail.ru

Гаджиева Танзила Хамидовна,

студентка бакалавриата, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ
E-mail: gadjievatanzila@yandex.ru

Статья анализирует текущие показатели и барьеры экспортной активности малого и среднего предпринимательства (МСП) в России, а также меры государственной поддержки, направленные на их преодоление. Основные ограничения для МСП включают низкую конкурентоспособность продукции, трудности в доступе к финансовым ресурсам, институциональные и деловые барьеры. Для их решения внедряются меры: снижение бюрократических барьеров, увеличение квот на госзакупки, субсидии, акселерационные программы и цифровые платформы для информирования предпринимателей. Особое внимание уделяется деятельности Центров поддержки экспорта (ЦПЭ) и центров «Мой бизнес», предоставляющих услуги на всех этапах экспортной деятельности: от подготовки продукции к международным требованиям до участия в международных выставках. В том числе поддержка включает помощь в защите интеллектуальной собственности и субсидирование расходов на регистрацию товарных знаков и патентов за рубежом. Отдельно в статье рассматриваются ключевые аспекты нормативного регулирования внешнеэкономической деятельности, включая требования к экспортному налогообложению.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, экспорт, барьеры для экспорта, государственная поддержка, Центры поддержки экспорта, «Мой бизнес», международные рынки, интеллектуальная собственность, внешнеэкономическая деятельность, НДС на экспорт, конкурентоспособность.

Введение

По состоянию на апрель 2024 года доля малых и средних предприятий (МСП) в России, которые занимаются экспортом, достигла 14% [TAdviser, 2024]. Такой низкий показатель от общего числа МСП обусловлен несколькими факторами. Во-первых, конкурентоспособность продукции МСП низка, так как в том числе они обладают слабостью структуры капитала и ограничениями в получении доступа к источникам капитала. Во-вторых, барьером являются ограниченные возможности в увеличении доли рынка. К тому же не все игроки МСП экспортируют товары в страны назначения напрямую, делая это через посредников. В свою очередь, это обусловлено двумя причинами.

Во-первых, существуют институциональные и деловые барьеры, которые не могут быть решены сектором МСП, а во-вторых, существуют проблемы, связанные с финансированием/капиталом. В дополнение к этим двум проблемам, существует еще несколько препятствий, с которыми сталкиваются предприниматели МСП при увеличении экспорта своей экспортной продукции. Эти препятствия можно разделить на 2 (два) типа, а именно, на внутренние и внешние.

Внутренние ограничения включают в себя:

- неграмотное управление;
- спецификация продукции не соответствуют рыночному спросу;
- доступ к производственным ресурсам все еще низок;
- качество продукции все еще низкое;
- трудности в выполнении экспортных требований и процедур;
- трудности в производстве спецификаций продукции в соответствии с изменениями потребительских вкусов или рыночного спроса;
- низкое качество человеческих ресурсов.

Внешние ограничения включают в себя:

- ослабление темпов мирового экономического роста, что привело к сокращению инвестиций и экспорта продукции МСП;
- непоследовательное проведение центральной политики;
- отсутствие доступа игроков МСП к финансовым учреждениям, связанным с деловым капиталом;
- трудности с получением сырья;
- отсутствие квалифицированной рабочей силы, необходимой для осуществления производственной деятельности;

- отсутствие информации о потенциальных рынках за рубежом.

Материалы и методы

В статье использовалась комбинация общенаучных и специальных методов. В числе общенаучных методов – способы и приемы научного познания, вытекающие из формальной и диалектической логики (анализ, синтез, индуктивно-дедуктивный метод, сравнение, восхождение от абстрактного к конкретному). В числе специальных методов можно назвать формально-юридический, метод анализа вторичных данных, моделирование.

Литературный обзор

В работе автор обращался к действующему законодательству Российской Федерации, а также к научным трудам Ц. Хао, Ф.А. Таскина, П.А. Шутя, Н.О. Якушева.

Результаты

В Российской Федерации в последнее время развивается программа поддержки субъектов МСП посредством решения обозначенных внешних проблем. Так, в первую очередь стоит отметить создание центром «Мой Бизнес». Центр содействия предпринимательской деятельности «Мой бизнес», функционирующий с 2019 года в качестве института комплексного сопровождения субъектов малого и среднего предпринимательства в пределах юрисдикции соответствующего субъекта Российской Федерации, осуществляет предоставление многоаспектных мер поддержки, направленных на формирование благоприятной среды для инициации, становления и эволюционного развития коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, вне зависимости от стадии их хозяйственной деятельности, начиная с этапа концептуализации предпринимательской инициативы и завершая стадией устойчивого коммерческого функционирования.

Комплекс указанных мер реализуется в рамках исполнения государственных обязательств, установленных нацпроектом «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», предусматривающего формирование инфраструктуры поддержки, включающей центры компетенций, оказывающие содействие на всех этапах предпринимательского цикла, начиная с осуществления маркетинговых исследований, разработки технологических решений, внедрения коммерческих стратегий, и заканчивая обеспечением правовой легитимности деятельности посредством консультирования по вопросам получения разрешительной документации, сертификации, правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, защиты товарных знаков и иных средств индивидуализации.

Функционал указанных центров распространяется как на субъекты предпринимательской дея-

тельности, осуществляющие хозяйственную деятельность на постоянной основе, так и на физических лиц, иницирующих предпринимательскую активность впервые. Для интенсификации коммерческого развития предусмотрены акселерационные программы, экспертно-аналитическое сопровождение, мероприятия образовательного характера, а также правовая и консультационная поддержка, направленная на содействие в прохождении регистрационных процедур и разработке стратегических бизнес-планов. В целях адаптации к актуальным цифровым вызовам и трансформации деловой среды центры «Мой бизнес» интегрируют цифровые коммуникационные платформы, включая проведение вебинаров, специализированных обучающих мероприятий и информационного взаимодействия посредством интернет-ресурсов, таких как мессенджеры и видеохостинговые платформы.

В соответствии с поручениями Президента Российской Федерации, изложенными в послании Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 года, государственными органами была инициирована разработка нормативно-правового и экономического механизма, направленного на создание дополнительного пакета мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, с целью нивелирования негативных последствий макроэкономических факторов и стабилизации бизнес-среды [Известия, 2021]:

- Послабление в сфере контроля и надзора над малым и средним бизнесом выступает в качестве наиболее «прикладной» меры, которая касается каждого, кто занимается бизнесом. Например, предприятия, впервые допустившие ошибку, предлагается на первый раз избежать юридических последствий. Таким образом снижаются риски и затраты, связанные с бюрократией, позволяя МСП сосредоточиться на улучшении своей продукции и услуг, что особенно важно для соответствия зарубежным стандартам;
- Среди мер поддержки повышение квоты на закупку у МСП для государственных заказчиков с 15% до 20%. Квота для госкомпаний увеличилась с 20% до 30%. В результате стимулируется развитие предприятий за счет увеличения спроса на их продукцию, что дает им ресурсы и стимулы для выхода на новые рынки;
- Отдельно были проработаны пути помощи начинающим предпринимателям. К примеру, выделение сертификатов на сумму в пределах 100 тысяч рублей, средства по которым можно будет потратить на становление и развитие – аренду помещения, раскрутку в интернете, налоги и др. То есть дается возможность МСП укрепить свои позиции, инвестируя в маркетинг, аренду и цифровизацию, что облегчает их подготовку к конкуренции на международных рынках;
- Создание цифровой платформы, на которой представитель малого и среднего предприни-

мательства сможет узнать обо всех мерах поддержки в автоматическом режиме. Так упрощается доступ к инструментам, необходимым для экспорта, включая субсидии, гранты и консультации по международной торговле, ускоряя процесс интеграции на мировые рынки.

В рамках реализации приоритетного федерального проекта, направленного на стимулирование акселерационного развития субъектов малого и среднего предпринимательства в экспортно-ориентированном секторе, на территории 82 субъектов Российской Федерации сформирована институциональная инфраструктура в виде сети специализированных Центров поддержки экспорта (далее – ЦПЭ), функциональное предназначение которых заключается в обеспечении комплексного сопровождения хозяйствующих субъектов на различных стадиях осуществления внешнеэкономической деятельности [7]. В отдельных административно-территориальных образованиях аналогичные полномочия возложены на структурные подразделения центров «Мой бизнес», выполняющие эквивалентные функции в рамках унифицированного механизма поддержки предпринимателей.

Комплекс мер, реализуемых посредством деятельности ЦПЭ, охватывает всестороннее информационно-консультационное сопровождение субъектов предпринимательства по вопросам внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), что предполагает предоставление профессиональных рекомендаций, методологическую поддержку в части адаптации бизнес-процессов к международным стандартам, организацию профильного образовательного контента, осуществление мероприятий, направленных на формирование и развитие деловых связей с потенциальными зарубежными контрагентами, а также координацию участия в международных выставочных экспозициях и бизнес-миссиях.

Дополнительно предпринимателям предоставляется содействие в интеграции продукции на электронные торговые платформы глобального масштаба, что сопряжено с необходимостью приведения производимой продукции в соответствие с унифицированными нормативами международного стандартизационного регулирования, сертификационными требованиями и регламентами экспортной юрисдикции. Существенным направлением деятельности центров является предоставление правового инструментария, обеспечивающего защиту объектов интеллектуальной собственности в процессе выхода продукции на международные рынки, что включает содействие в правовой охране изобретений, товарных знаков и промышленных образцов, а также их регистрацию в компетентных органах юрисдикции принимающей стороны, минимизируя правовые риски и обеспечивая легитимность использования данных объектов в коммерческом обороте. Получателями могут быть юридические лица и индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в соответствующем субъекте

Российской Федерации и соответствующие требованиям законодательства. ЦПЭ покрывает 100% расходов на пошлины, а затраты на подачу заявки и ведение дел оплачиваются на условиях софинансирования в пропорции 70% от ЦПЭ и 30% от предпринимателя, с лимитом до 1 миллиона рублей. Для получения услуг необходимо правильно заполнить заявку и соглашение, а также предоставить информацию об итогах заключения экспортного контракта в течение 3 лет. [8]

Обсуждение

Соответственно, в совокупности все эти меры способствуют выходу МСП на международные рынки, обеспечивая их адаптацию к требованиям внешнего рынка, а значит, укрепляя позиции в глобальной экономике. К тому же, снижаются затраты на выход на международные рынки

Также стоит отметить ключевые аспекты нормативного регулирования внешнеэкономической деятельности для российских экспортеров. Согласно Гражданскому кодексу РФ, его положения распространяются на отношения с иностранными лицами, если иное не установлено законом. В международной торговле применяются нормы Венской конвенции 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров. Существенное влияние на условия внешнеторговых сделок оказывают законодательство о таможенном и валютном контроле, а также федеральные законы, регулирующие экспортную деятельность.

Особое внимание в нормативно-правовом регулировании внешнеэкономической деятельности уделяется вопросам налогообложения операций, связанных с экспортом товаров, в частности применению налоговых преференций в отношении налога на добавленную стоимость (далее – НДС). В соответствии с положениями действующего налогового законодательства Российской Федерации, вывоз товаров за пределы таможенной территории Российской Федерации облагается по налоговой ставке 0%, что распространяется и на субъектов малого и среднего предпринимательства при условии документального подтверждения фактического осуществления экспортной операции. [9]

Налогоплательщик, претендующий на применение указанной налоговой ставки, обязан представить в налоговые органы исчерпывающий перечень документов, регламентированный положениями Налогового кодекса Российской Федерации. В данный пакет включаются, в частности, копии внешнеторгового контракта, заключенного с нерезидентом, а также таможенные декларации с соответствующими отметками органов таможенного контроля, свидетельствующие о пересечении товаром государственной границы и его выпуске в режим экспорта. В случае осуществления экспортных операций в юрисдикции, не входящие в состав Таможенного союза, возникает необходимость соблюдения дополнительного формата документального подтверждения, соответствующего тре-

бованиям как российского законодательства, так и норм международных соглашений, регулирующих вопросы трансграничного движения товаров.

Заключение

Таким образом, государственная политика в области стимулирования экспортной деятельности субъектов МСП в Российской Федерации представляет собой совокупность целенаправленных мероприятий, ориентированных на минимизацию барьеров институционального, финансового и административного характера, препятствующих выходу национальных компаний на международные рынки.

Ключевым элементом указанной поддержки выступает система Центров поддержки экспорта (далее – ЦПЭ), институционализированных в 82 административно-территориальных единицах Российской Федерации, деятельность которых направлена на сопровождение хозяйствующих субъектов на всех стадиях экспортно-ориентированной деятельности, включая предоставление образовательных программ, содействие в организации участия в международных выставочных мероприятиях, оказание консультационной помощи в сертификационных процедурах, а также обеспечение правовой защиты объектов интеллектуальной собственности.

Дополнительно функционируют центры «Мой бизнес», предоставляющие предпринимательским структурам маркетинговое и юридическое сопровождение, способствующие формированию конкурентоспособных брендов и обеспечивающие интеграцию товаров на международные электронные торговые платформы.

Несмотря на реализуемый комплекс мер поддержки, сохраняется ряд системных ограничений, включая недостаточную конкурентоспособность отечественной продукции на внешних рынках, ограниченные возможности доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, а также недостаточную информированность предпринимателей о действующих инструментах государственной поддержки. В целях нивелирования данных проблемных аспектов государство реализует политику снижения административных барьеров, инициирует программы акселерации предпринимательской активности и расширяет объемы квотирования закупок продукции субъектов МСП для удовлетворения государственных нужд, что в совокупности призвано обеспечить дальнейшее развитие национального экспортного потенциала.

В результате текущая система поддержки направлена на развитие экспортного потенциала МСП, однако ее эффективность требует устранения оставшихся организационных и институциональных препятствий. В перспективе при условии преодоления этих барьеров российские МСП смогут успешнее интегрироваться в международные рынки и укрепить свои позиции в глобальной экономике.

Литература

1. Таскин Ф.А. Реализация политики поддержки экспорта малых и средних предприятий в Свердловской области // Концепт. – 2022. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-politiki-podderzhki-eksporta-malyh-i-srednih-predpriyatiy-v-sverdlovskoy-oblasti> (дата обращения: 16.12.2024).
2. Хао Ц. Влияние международного права на импорт и экспорт МСП // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mezhdunarodnogo-prava-na-import-i-eksport-msp> (дата обращения: 16.12.2024).
3. Шуть П.А. Особенности и проблемы экспортной деятельности малого и среднего бизнеса в России // СТЭЖ. – 2015. – № 2 (21). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-problemy-eksportnoy-deyatelnosti-malogo-i-srednego-biznesa-v-rossii> (дата обращения: 16.12.2024).
4. Якушев Н. О. К вопросу об экспорте МСП в России: количественная оценка // Стратегии бизнеса. – 2019. – № 12 (68). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-eksporte-msp-v-rossii-kolichestvennaya-otsenka> (дата обращения: 16.12.2024).
5. [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Малый бизнес России#:~: text=По%20состоянию%20на%20апрель%202024, обнародованных%2022%20мая%202024%20года](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Малый_бизнес_России#:~:text=По%20состоянию%20на%20апрель%202024,обнародованных%2022%20мая%202024%20года).
6. <https://iz.ru/1168451/dmitrii-grinkevich-ekaterina-vinogradova/mer-vam-pravitelstvo-sformirovalovnyi-paket-podderzhki-msp>
7. <https://www.exportcenter.ru/export-support/>
8. <https://export-69.ru/eksporteru/gosudarstvennaya-podderzhka-malogo-i-srednego-biznesa/>
9. [https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/nds/exporter/#:~: text=При%20реализации%20товаров%2C%20вывезенных%20в,\(далее%20-%20Налоговый%20кодекс\)](https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/nds/exporter/#:~:text=При%20реализации%20товаров%2C%20вывезенных%20в,(далее%20-%20Налоговый%20кодекс)).

GOVERNMENT SUPPORT FOR EXPORT-ORIENTED SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Pavlyuk A.V., Gadzhieva T.H.

Moscow State Institute of International Relations

The article analyzes the current indicators and barriers to the export activity of small and medium-sized enterprises (SMEs) in Russia, as well as government support measures aimed at overcoming them. The main limitations for SMEs include low competitiveness of products, difficulties in accessing financial resources, institutional and business barriers. To address them, the following measures are being implemented: reducing bureaucratic barriers, increasing quotas for government procurement, subsidies, acceleration programs and digital platforms for informing entrepreneurs. Particular attention is paid to the activities of Export Support Centers (ESCs) and My Business centers, which provide services at all stages of export activities: from preparing products for international requirements to participating in international exhibitions. In particular, support includes assistance in protecting intellectual property and subsidizing the costs of registering trademarks and patents abroad. Separately, the article

considers key aspects of regulatory framework for foreign economic activity, including requirements for export taxation.

Keywords: Small and medium-sized enterprises (SMEs), export, export barriers, government support, Export Support Centers (ESC), "My Business" centers, international markets, intellectual property, foreign economic activity, VAT on exports, competitiveness.

References

1. Taskin F.A. Realizatsiya politiki podderzhki eksporta malyyh i srednykh predpriyatiy v Sverdlovskoy oblasti // *Koncept*. – 2022. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-politiki-podderzhki-eksporta-malyyh-i-srednykh-predpriyatiy-v-sverdlovskoy-oblasti> (data obrashcheniya: 16.12.2024).
2. Hao C. Vliyaniye mezhdunarodnogo prava na import i eksport MSP // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*. – 2022. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-mezhdunarodnogo-prava-na-import-i-eksport-msp> (data obrashcheniya: 16.12.2024).
3. Shut' P.A. Osobennosti i problemy eksportnoy deyatel'nosti malogo i srednego biznesa v Rossii // *STEZh*. – 2015. – № 2 (21). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-problemy-eksportnoy-deyatelnosti-malogo-i-srednego-biznesa-v-rossii> (data obrashcheniya: 16.12.2024).
4. Yakushev N. O. K voprosu ob eksporte MSP v Rossii: kolichestvennaya ocenka // *Strategii biznesa*. – 2019. – № 12 (68). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-eksporte-msp-v-rossii-kolichestvennaya-otsenka> (data obrashcheniya: 16.12.2024).
5. <https://www.tadviser.ru/index.php/Stat'ya:> Malyj_biznes_Rossii#:~: text=Po%20sostoyaniyu%20na%20aprel'%202024, obnarodovannyh%2022%20maya%202024%20goda.
6. <https://iz.ru/1168451/dmitrii-grinkevich-ekaterina-vinogradova/mer-vam-pravitelstvo-sformirovalo-novyi-paket-podderzhki-msp>
7. <https://www.exportcenter.ru/export-support/>
8. <https://export-69.ru/eksporteru/gosudarstvennaya-podderzhka-malogo-i-srednego-biznesa/>
9. [https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/nds/exporter/#:~: text=Pri%20realizacii%20tovarov%2C%20vyvezennyh%20v,\(dalee%20-%20Nalogovyy%20kodeks\).](https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/nds/exporter/#:~: text=Pri%20realizacii%20tovarov%2C%20vyvezennyh%20v,(dalee%20-%20Nalogovyy%20kodeks).)

Совершенствование законодательства в целях развития индивидуального жилищного строительства

Панарина Ирина Владимировна,

независимый исследователь, кафедра правового регулирования и экономической деятельности, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»
E-mail: 9670975879@mail.ru

Актуальность научного исследования объясняется потребностью в совершенствовании законодательства в целях развития индивидуального жилищного строительства на фоне существующих проблем в исследуемом направлении, в частности, слабый уровень контроля за целевым использованием земельных ресурсов под проекты индивидуального жилищного строительства, проблемы в налоговом регулировании земельных ресурсов, стандартизации выполнения строительно-производственных работ, значительной бюрократизации процессов развития индивидуального жилищного строительства, низкий уровень территориального управления возведенными коттеджными поселками. Цель работы – сформулировать направления совершенствования законодательства в целях развития индивидуального жилищного строительства. Методы исследования: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ теоретических источников академической литературы, нормативных документов, законодательных актов, регламентирующих вопросы, связанные с развитием индивидуального жилищного строительства, сопоставление, анализ сравнительный анализ, системный подход, формально-юридический метод. Выводы: Автор анализирует изменения в регулировании порядка строительства малоэтажных жилых комплексов, а именно введение подробной регламентации их долевого строительства. Сделан вывод, что были введены ясные и четкие нормы в отношении соответствующих индивидуальных жилых домов и общего имущества коттеджных поселков, аналогичные положениям о многоквартирных домах. Тем не менее, для развития сферы индивидуального жилищного строительства целесообразно унифицировать акты законодательного регулирования коттеджных поселков с использованием механизма эскроу-счетов и без него.

Ключевые слова: правовое регулирование; индивидуальное жилищное строительство; земельные участки; совершенствование актов законодательного регулирования; коттеджные поселки; развитие; проблемы.

Введение

В конце первого квартала 2022 года был принят Федеральный закон от 30.12.2021 № 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 476-ФЗ) [1]. С его помощью были изменены некоторые положения, которые обозначены в содержании Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ) [2]. Исходя из внесенных в ключевые положения данного законодательного акта изменений, обращая внимание на ст. 2 ФЗ № 214-ФЗ, участие субъектов в проектах долевого строительства стало доступным при возведении жилых малоэтажных домов или в целом коттеджных поселков. При этом жилым домом признается индивидуально-определенное здание, которое состоит из комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании (ч. 2 ст. 16 Жилищного кодекса РФ) [3].

Отметим, что проблема урегулирования долевого строительства малоэтажных жилых комплексов давно назрела, и с изменениями в законодательстве оно стало активно развиваться, как и в целом строительство индивидуальных домов. По итогам 2024 года из более чем 90 млн квадратных метров жилых помещений, домов и квартир, введенных в эксплуатацию в российских регионах, свыше 55% – это индивидуальные жилые дома на фоне действующего в РФ национального проекта и реализуемым программам, направлениям льготной ипотеки. При этом сохраняется тенденция роста массового индивидуального строительства. К этому подталкивает и социальная политика государства, ориентированная на поддержку многодетных семей (60% объемов строительства многоквартирных жилых домов составляют однокомнатные квартиры и студии).

Результаты исследования и их обсуждение. Распространение с 2022 г. механизма эскроу-счетов на строительство малоэтажных жилых комплексов способствовало развитию направлений, сформированных «ДОМ.РФ» в рамках оптимизации операций финансирования возведения домов в коттеджных поселках с применением эскроу-счетов, что обозначается в договорах подряда. На программу был выделен 1 млрд руб., а процентная ставка для подрядчиков составила всего 1% го-

довых. Средства покупателей подлежат размещению на эскроу-счетах с привлечением кредитов. На портале «строим.дом.рф», на котором подрядчики, участвующие в программе с применением эскроу-счетов, размещают проекты застройки, более 1,4 тыс. типовых проектов домов средней площадью 143 кв.м. Как справедливо полагает М. Хуснулин, отмечается планомерный переход к общественно значимым подходам к возведению жилых индивидуальных домов (коттеджей). Именно данный подход увеличивает привлекательность активов коттеджных посёлков для граждан, крупнейших компаний-застройщиков, банковских организаций. Этому также способствуют направления государственной материальной поддержки, упрощение бюрократических и административных процедур, а также активное использование эскроу [4].

Ранее отсутствовала последовательная регламентация управления активами коттеджных поселков как общего имущества, а не активов отдельных граждан. В правоприменительной практике в ходе рассмотрения споров по взысканию денежных средств, направленных на содержание в коттеджных поселках общего имущества, применяли положения, прописанные в Гражданском, Жилищном кодексе, а также в Правилах содержания общего имущества в многоквартирном доме [5]. Поскольку законодательные нормы и нормативная база были неоднозначными, управляющие компании жилых малоэтажных объектов зачастую злоупотребляли своими правами. По утверждению О.П. Зиновой, возможность злоупотребления управляющими компаниями жилых малоэтажных объектов составляли разные факторы, включая:

- недостаточную определенность субъектной принадлежности и состава общих объектов инфраструктурного обеспечения;
- отсутствие подхода к индивидуализации границ малоэтажных объектов внутри коттеджного поселка.

В целом, обозначенные факторы воздействуют на аргументацию необходимости денежных выплат на содержание общих объектов инфраструктурного обеспечения, используемых в коттеджном поселке, а также на степень информационной прозрачности выполнения расчётов и вычислений этих выплат [6, с. 108]. В качестве примера злоупотребления своими правами в рамках заявленной темы для научного исследования: компания-застройщик организывает собрание граждан-жильцов до момента реализации в рыночном сегменте свыше 57% построенных жилых домов на земельных ресурсах коттеджного поселка. При этом данные дома пока являются собственностью компании-застройщика. Соответственно, отмечается достаточно высокая степень вероятности завышения тарифов по денежным выплатам граждан аффилированным компаниям по отношению к застройщику.

В случае с «классическими» коттеджными поселками невозможна долевая собственность жителей на общее имущество (как правило, инфраструктура принадлежит инвестору, застройщику)

[7]. Не определен список объектов, относящихся к общему имуществу. У собственника нет обязательств по целевому использованию данных объектов. При этом бремя несения расходов на содержание такого типа активов не может быть возложено на граждан, исходя из наличия прав собственности на эти активы. В контексте правоприменительной практики Суд подчеркнул обязанность собственников участков платить за содержание общего имущества, независимо от того, пользуются они им или нет [8]. Крайне интересной выступает позиция Р.С. Бевзенко [9]. Исследователь предлагает концептуальную модель, которая предполагает единство и взаимодополнение трёх компонентов, в частности: индивидуального полного права собственности на объект жилой недвижимости, доли в праве общей собственности, обязательного членства собственников помещений в сообществе. Забегая вперед, отметим, что Закон № 476 урегулировал в отношении индивидуальных жилых домов в коттеджных поселках, построенных с использованием механизма эскроу-счетов, два из трех вышеупомянутых аспектов. В отношении же членства в сообществе отдельные моменты остались нерегламентированными, как то: сроки проведения собраний, то, что в одном комплексе может быть только одно сообщество, и т.д. [10].

Иная ситуация сложилась после изменений законодательства с коттеджными поселками, построенными с использованием механизма эскроу-счетов.

Закон № 476 ввел детальное регулирование порядка определения состава активов общего пользования в малоэтажных комплексах, момента появления права собственности на эти активы, порядка его перехода от компании-застройщика к собственникам коттеджей в поселке. В контексте данного научного исследования представляется необходимым подробнее охарактеризовать и проанализировать конкретные изменения в законодательном акте.

Обращаясь к ст. 2 ФЗ № 214-ФЗ, под малоэтажным комплексом жилого обеспечения целесообразно понимать совокупность индивидуальных жилых домов, а также объектов общего имущества в коттеджном поселке, отраженных в проектной декларации, возведение которых проводилось компанией-застройщиком согласно проектной документации.

В нормативном акте ФЗ № 476-ФЗ обозначены условия участия граждан и компаний-застройщиков в проектах долевого строительства, где объектом выступает малоэтажный комплекс, расположенный на территории поселка (таблица 1).

Исходя из ст. 19 ФЗ № 214-ФЗ, в содержание проектной декларации включаются данные о компании-застройщике и об инвестиционно-строительном проекте. Кроме того, проектная декларация позволяет выявить объём прав и обязанностей компании-застройщика на заёмное финансовое обеспечение инвестиционно-строительного проекта недвижимых объектов, которые обозначены в рассматриваемом документе. После того,

как договор по проекту долевого строительства заключен с гражданином (гражданами), такие изменения вносятся в содержание проектной декларации. Однако корректировкам не подлежат данные о периоде выполнения строительно-монтажных работ, планируемой дате передачи малоэтажных комплексов гражданам, периоде окончания строительства активов общего назначения (рисунок 1).

Таблица 1. Систематизация условий участия граждан и компаний-застройщиков в проектах долевого строительства, где объектом выступает малоэтажный комплекс

Субъект в проектах долевого строительства	Условия
Компания-застройщик	Строительство малоэтажных комплексов на территории поселка собственными силами либо с привлечением иных субъектов
	Возведение инженерно-технических, коммуникационных систем согласно содержанию проектной декларации
	Передача гражданину малоэтажный комплекс в собственность, а также прав на земельные участки
	Введение в эксплуатацию малоэтажных комплексов
	Строительство активов общего назначения
Гражданин (собственник)	Выплата в полном объеме рыночной стоимости в соответствии с договором
	Принятие в качестве имущества земельного участка и возведенного на нём малоэтажного комплекса
	Эксплуатация собственного имущества в коттеджном поселке

Рис. 1. Характеристика содержания проектной декларации на малоэтажные комплексы

Источник: составлено автором на основе действующих актов нормативного и законодательного регулирования.

До принятия рассматриваемого Закона № 476-ФЗ были введены два таких перечня активов общего назначения: для многоквартирных домов и для нежилых помещений. В частности, к ним относятся инфраструктурные, инженерно-технические объекты, обслуживающие территорию малоэтажных комплексов в коттеджном поселке, составляющие его благоустройства (детские площадки, автомобильные парковки, тротуары, места досуга и коллективного отдыха).

Участники общей долевой собственности должны пропорционально своей доле участвовать в уплате налогов, сборов и иных обязательных платежей по общему имуществу, в расходах и издержках по его содержанию и сохранению (ст. 249 Гражданского кодекса РФ). Обязанность участника общей долевой собственности, в том числе и перед другими участниками, затрачиваться на содержание общего имущества вытекает из факта участия в праве собственности на него. Она не зависит от использования этого имущества тем или иным участником. Собственник (арендатор) земельного участка платит за содержание и пользование объектами инженерно-технической и транспортной инфраструктур, в том числе котельных, водонапорных башен, тепловых пунктов, проездов, тротуаров, элементов благоустройства, детских и спортивных площадок, мест отдыха, парковочных площадок, сбор твердых коммунальных отходов и др. [8].

Целью поправок, введенных Законом № 476-ФЗ, было повышение уровня защищенности покупателей индивидуальных жилых домов [11]. Он установил понятные и простые нормы в отношении общего имущества коттеджных поселков, построенных с использованием механизма эскроу-счетов, похожие на регулирование управления общим имуществом многоквартирных домов (общедолевое имущество в многоквартирном доме не является объектом недвижимости и не требует самостоятельной государственной регистрации, не подлежит отдельному отчуждению). Внесение соответствующих изменений Законом № 476-ФЗ стало первым шагом к урегулированию имущественных отношений в коттеджных поселках, а именно: были регламентированы строительство индивидуальных жилых домов в границах территории малоэтажного жилищного комплекса в случае привлечения финансирования по договору участия в долевом строительстве; порядок определения состава общего имущества малоэтажного жилого комплекса; момент возникновения права собственности на него; порядок перехода прав от застройщика к собственнику; был установлен одновременный переход права долевой собственности на долю в общей собственности на имущество поселка; был закреплён принцип зависимости размера доли в общем имуществе от размера земельного участка. Но строительство не осуществляется только путем привлечения денежных средств с использованием механизма эскроу-счетов, а значит, правовое регулирование содержания коттеджных поселков фак-

тически зависит от способа привлечения финансирования, иначе говоря, организационные и имущественные отношения в поселках разного типа (появившихся в результате долевого строительства или возведенных на деньги инвестора, где инфраструктура принадлежит третьим лицам, – вероятно, аффилированным с застройщиком фирмам) будут различаться. Необходимо выработать единый подход в управлении коттеджными поселками с целью защиты прав покупателей и инвесторов. Это может послужить поводом для реформирования законодательства в данной области. На настоящий же момент собственникам домов в «классических» коттеджных поселках, которые полагают, что аффилированные с застройщиком компании, управляющие общим имуществом, завышают тарифы, придется выводить способы защиты из общих норм о добросовестности, недопустимости злоупотребления правом (ст. 10 Гражданского кодекса РФ) [12–14].

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, в процессе научного исследования авторами были сделаны основные выводы:

1. Автор анализирует изменения в регулировании порядка строительства малоэтажных жилых комплексов, а именно введение подробной регламентации их долевого строительства.

2. Сделан вывод, что были введены ясные и четкие нормы в отношении соответствующих индивидуальных жилых домов и общего имущества коттеджных поселков, аналогичные положениям о многоквартирных домах.

3. Тем не менее, для развития сферы индивидуального жилищного строительства целесообразно унифицировать акты законодательного регулирования коттеджных поселков с использованием механизма эскроу-счетов и без него.

4. Строительство не осуществляется только путем привлечения денежных средств с использованием механизма эскроу-счетов, а значит, правовое регулирование содержания коттеджных поселков фактически зависит от способа привлечения финансирования, иначе говоря, организационные и имущественные отношения в поселках разного типа (появившихся в результате долевого строительства или возведенных на деньги инвестора, где инфраструктура принадлежит третьим лицам, – вероятно, аффилированным с застройщиком фирмам) будут различаться. Необходимо выработать единый подход в управлении коттеджными поселками с целью защиты прав покупателей и инвесторов. Это может послужить поводом для реформирования законодательства в данной области.

Литература

1. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

ской Федерации» от 30.12.2021 N 476-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405464/ (дата обращения: 03.04.2025).

2. Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 N 214-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/ (дата обращения: 03.04.2025).

3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 03.04.2025).

4. Дом в тренде: как строится малоэтажная Россия [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/16/07/2024/6687e4489a79476665ae3bd4> (дата обращения: 03.04.2025).

5. Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 N 491 (ред. от 14.09.2024) «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62293/ (дата обращения: 03.04.2025).

6. Зиновьева О. П. О некоторых аспектах содержания общего имущества коттеджных поселков // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9. – № 4. – С. 107–112.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 N 23-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н.Н. Марасанова» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_206920/ (дата обращения: 03.04.2025).

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 N 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_206920/

ru/document/cons_doc_LAW_405140/ (дата обращения: 03.04.2025).

9. Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. – М.: Логос, 2017. – С. 64–68.
10. Пьянкова А.Ф. Правовое регулирование малоэтажных жилых комплексов // *Ex jure*. – 2023. – № 1. – С. 85–95.
11. Каширин К.Д., Куровский С.В., Мишин Д.А., Макаренко В.С., Рукавишникова Т.А. Правовые аспекты применения автоматизированных систем мониторинга и контроля в IT-индустрии // *Юридическая наука*. – 2024. – № 6. – С. 399–402.
12. Мишин Д.А., Куровский С.В., Смолин П.В. Проблемы и перспективы развития отечественного конституционализма // *Современное общество и право*. – 2024. – № 4(71). – С. 45–50.
13. Мишин Д.А., Куровский С.В., Рукавишникова Т.А. Отдельные проблемы правового регулирования и реализации права на наследование // *Современное общество и право*. – 2024. – № 2(69). – С. 117–122.
14. Мишин Д.А., Куровский С.В., Халафян А.А. Цифровизация как направление развития государства и права: сущность, перспективы, риски // *Вестник Академии права и управления*. – 2024. – № 5(80). – С. 77–81.

IMPROVING LEGISLATION FOR THE DEVELOPMENT OF INDIVIDUAL HOUSING CONSTRUCTION

Panarina I.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The relevance of the scientific research is explained by the need to improve the legislation for the development of individual housing construction against the background of existing problems in the area under study, in particular, a weak level of control over the targeted use of land resources for individual housing construction projects, problems of tax regulation of land resources, standardization of construction and production works, significant bureaucratization of the processes of development of individual housing construction, a low level of territorial management of erected cottage villages. The purpose of the work is to formulate directions for improving the legislation for the development of individual housing construction. Research methods: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of theoretical sources of academic literature, regulatory documents, legislative acts regulating issues related to the development of individual housing construction, comparison, analysis, comparative analysis, systems approach, formal-legal method. Conclusions: The author analyzes changes in the regulation of the procedure for the construction of low-rise residential complexes, namely the introduction of detailed regulations for their shared construction. It was concluded that clear and precise regulations were introduced in relation to the relevant individual residential buildings and common property of cottage villages, similar to the provisions on apartment buildings. However, for the development of the individual housing construction sphere, it is advisable to unify the acts of legislative regulation of cottage villages with and without the use of the escrow account mechanism.

Keywords: legal regulation; individual housing construction; land plots; improvement of legislative regulation acts; cottage villages; development; problems.

References

1. Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated 30.12.2021 N 476-FZ (latest revision) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405464/ (accessed: 03.04.2025).
2. Federal Law “On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated 30.12.2004 N 214-FZ (latest revision) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/ (accessed: 03.04.2025).
3. Housing Code of the Russian Federation of 29.12.2004 N 188-FZ (as amended on 03.02.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (accessed: 03.04.2025).
4. House in trend: how low-rise Russia is being built [Electronic resource] // RBC. – Access mode: <https://www.rbc.ru/society/16/07/2024/6687e4489a79476665ae3bd4> (accessed: 03.04.2025).
5. RF Government Resolution No. 491 of 13.08.2006 (as amended on 14.09.2024) “On approval of the Rules for the maintenance of common property in an apartment building and the rules for changing the amount of payment for the maintenance of residential premises in the event of the provision of services and performance of work on the management, maintenance and repair of common property in an apartment building of inadequate quality and (or) with interruptions exceeding the established duration” [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62293/ (date of access: 03.04.2025).
6. Zinovieva O.P. On some aspects of the maintenance of common property of cottage villages // *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. – 2022. – Vol. 9. – No. 4. – P. 107–112.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.11.2016 N 23-P “On the case of verifying the constitutionality of the provisions of the second paragraph of clause 1 of Article 2 of the Federal Law “On state registration of rights to real estate and transactions with it” in connection with the complaint of citizen N.N. Marasanov” [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_206920/ (date of access: 03.04.2025).
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.12.2021 N 55-P “On the case of verifying the constitutionality of part 1 of article 7, part 1 of article 44, part 5 of article 46, clause 5 of part 2 of article 153 and article 158 of the Housing Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen T.S. Malkova” [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405140/ (date of access: 03.04.2025).
9. Bevzenko R.S. Land plot with buildings on it: introduction to Russian real estate law. – М.: М-Logos, 2017. – Pp. 64–68.
10. Pyankova A.F. Legal regulation of low-rise residential complexes // *Ex jure*. – 2023. – No. 1. – Pp. 85–95.
11. Kashirin K.D., Kurovsky S.V., Mishin D.A., Makarenko V.S., Rukavishnikova T.A. Legal aspects of the use of automated monitoring and control systems in the IT industry // *Legal science*. – 2024. – No. 6. – P. 399–402.
12. Mishin D.A., Kurovsky S.V., Smolin P.V. Problems and prospects for the development of domestic constitutionalism // *Modern society and law*. – 2024. – No. 4(71). – P. 45–50.
13. Mishin D.A., Kurovsky S.V., Rukavishnikova T.A. Certain problems of legal regulation and implementation of the right to inheritance // *Modern society and law*. – 2024. – No. 2 (69). – P. 117–122.
14. Mishin D.A., Kurovsky S.V., Khalafyan A.A. Digitalization as a direction of development of the state and law: essence, prospects, risks // *Bulletin of the Academy of Law and Management*. – 2024. – No. 5 (80). – P. 77–81.

Правовое регулирование цифровых технологий в предпринимательской деятельности

Пермяков Максим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, Уральский
государственный экономический университет
E-mail: pmv0929@yandex.ru

Банных Станислав Германович,

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой
креативного управления и гуманитарных наук, Уральский
государственный экономический университет
E-mail: Bannyx.Stas@mail.ru

Сарапульцева Анастасия Владиславовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры истории
и философии, Уральский государственный экономический
университет
E-mail: vladislavaanastasevna@gmail.com

Научная статья посвящена изучению вопросов, касающихся правового регулирования цифровых технологий в области предпринимательской деятельности. В статье рассматриваются актуальные особенности использования цифровых технологий в сфере предпринимательства, а также выделяются основные правовые аспекты, связанные с их внедрением. Таким образом отметим, что цифровые технологии получили быстрый рост в эпоху зарождения интернет-пространства. Они используются в различных сферах жизни, практически повсеместно, в том числе и в предпринимательской деятельности. Сейчас уже трудно представить себе предпринимателя, который в той или иной мере не пользовался бы цифровыми технологиями. Начиная от регистрации своего производства товаров или услуг, заканчивая сбытом продукта предпринимательской деятельности на различных площадках в сети интернет. Данный этап в истории предпринимательства, несомненно, имеет ряд положительных моментов. Является удобным как для производителя, так и для покупателя. У большего количества людей появилась возможность заниматься предпринимательством, но применение цифровых технологий несёт в себе и некоторые угрозы, такие как: мошенничество, угроза безопасности персональных данных, нарушение прав интеллектуальной собственности и прочие. Для обеспечения безопасности предпринимателя и его клиентов, разрабатываются различные законы. В данной статье рассмотрены законы, которые регулируют применение цифровых технологий в предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: цифровые технологии, предпринимательство, предпринимательская деятельность, законодательство, право, цифровая экономика, экономика, образование, искусство, досуг, медицина, искусственный интеллект.

В современном мире цифровые технологии используются практически во всех сферах жизни, таких как: экономика, образование, искусство, досуг, медицина, работа. Нашу жизнь уже сложно представить без информационных технологий, интернета, быстрыми темпами развивающегося по всему земному шару. Нынешний быт стал обыденностью, и для многих развитие в области цифрового пространства является положительным, но дабы разобраться в этой теме подробнее нужно изучить вопрос цифровизации с разных сторон, с целью обезопасить себя с помощью осведомлённости в этой теме.

Цифровые технологии представляют из себя различную работу с информацией: хранение, обработка, передача.

Преимущества данного способа работы с информацией заключаются в её скорости, точности, надёжности.

Термин «Цифровая экономика» появился ещё в 1995 году, в связи с развитием сети интернет, после чего данное направление начало развиваться, особенно стремительно в период распространения смартфонов, по причине удобства и доступности использования данных гаджетов.

Вопрос о перспективе роста этой отрасли экономики является достаточно неоднозначным, как и во всех областях жизни, которые занимают большую её часть, ведь сейчас трудно представить нашу современность без цифровой экономики, с приходом глобализации курсы валют на мировом рынке просчитываются, анализируя все экономические параметры, используя для этого информационные технологии

Рассмотрим положительные и отрицательные стороны данного вопроса:

Положительные:

- Доступность
- Прозрачность
- Повышение производительности труда

Отрицательные:

- Мошенничество
- Угроза безопасности данных
- Рост неравенства
- Потеря рабочих мест (в связи с роботизацией и развитием Искусственного интеллекта)

Рассмотрев положительные и отрицательные стороны, можно прийти к выводу о том, что несмотря на весомые преимущества, существуют также и риски, которые как раз формализуются с помощью правового регулирования. Сложность контроля цифрового пространства заключается в появлении большого количества мошенников, уходя-

щих от ответственности, пользуясь недостаточно быстрым реагированием на изменения в мире, технологиях, со стороны государства, используя уязвимости законотворческого аппарата, сложности формулирования законов таким образом, чтоб они были однозначны и не имели изъяснов в трактовке.

Задача государства, в быстроменяющемся во всех сферах, обществе – создать и контролировать исполнение законов для обеспечения безопасности граждан и экономики в целом.

Дабы более детально разобраться, в сущности, проблематики цифровизации в бизнесе и то, каким образом осуществляется контроль над этой областью, рассмотрим какие законы регулируют эту сферу, а также правовую сущность использования цифровых технологий в предпринимательстве.

Исключительное право на коммерческое обозначение

Статья ГК РФ под номером 1539

Обладателю прав принадлежит особое право на применение коммерческого обозначения своей фирмы любым законным путём, с целью идентификации своих товаров или услуг (исключительное право на коммерческое обозначение), в том числе с помощью указания коммерческого обозначения на вывесках, бланках, в счетах и на иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах или их упаковках, в сети «Интернет», если такое обозначение обладает достаточными различительными признаками и его употребление правообладателем для индивидуализации своего предприятия является известным в пределах определённой территории. [1] Данная статья защищает предпринимателя в случае, когда стороннее лицо, с целью ввести в заблуждение, а также с желанием привлечения прибыли использует его коммерческое обозначение. Данное незаконное действие со стороны обидчика может повлечь за собой негативные последствия для предпринимателя, от чего потерпевший вправе потребовать у правонарушителя возмещения убытков (ст. 3 ГК РФ н. 1539)

ГК РФ Статья 1345. Патентные права

1. Права на патент относятся к правам интеллектуальной собственности [1] на изобретения, полезные модели и промышленные образцы.

2. Автору изобретения или полезной модели принадлежат эти права:

- 1) исключительное право;
- 2) право авторства.

2. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, автору изобретения, полезной модели или промышленного образца принадлежат также и другие права, в том числе право на получение патента, право на вознаграждение за служебное изобретение. К примеру, рассмотрим ситуацию: фирма «Альфа» занимается разработкой ПО (программное обеспечение) для последующий продажи, создаёт приложение, существенно отличающиеся технологически от своих конкурентов. Опи-

раясь на данную статью, компания способна защитить свои права на использование новой технологии, использующейся в их разработке, а также потребовать возмещения убытков с тех, кто без их разрешения воспользовался их технологией, тем самым нарушая их права интеллектуальной собственности. Таким образом, данная статья защищает права тех, кто осуществляет предпринимательскую деятельность в сфере информационных технологий, регулирование этой сферы бизнеса государством очень важно, это значительно помогает развитию, особенно небольшим предпринимателям.

Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 N 63-ФЗ

Электронная подпись – метод подписания электронного документа, позволяющий распознать его автора, подтвердить подлинность и сделать документ юридически значимым.

В статье под номером 3. «Правовое регулирование отношений в области использования электронных подписей» говорится о том, что:

1. Взаимодействия в сфере применения электронных подписей контролируются настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, а также соглашениями между участниками электронного взаимодействия. Если другое не установлено федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами или решением о создании корпоративной информационной системы, последовательность использования электронной подписи в корпоративной информационной системе может назначаться администратором этой системы или соглашением между членами электронного взаимодействия. [3]

Закон об электронных подписях содержит в себе нормы, соответствуя которым, документ, подписанный данным способом, имеет юридическую силу. С появлением данной технологии и до её полноценного регламентирования государством, таким образом, чтоб в трактовке закона отсутствовали неточности и уязвимости, а также до создания систем защиты с помощью информационных технологий, были случаи мошенничества и фальсификации подписей в цифровом пространстве, что приносило не только неудобства, но и серьёзные проблемы тем, кто стал жертвой мошеннических схем. Использование электронных подписей является более удобным, а также, благодаря установленным правовым нормам, более безопасным способом аутентификации человека. Рассмотрев ещё один закон, который служит для обеспечения безопасности участников экономических и не только отношений в цифровой сфере, можно прийти к выводу о том, что правовое регулирование очень важно, особенно в нынешний исторический этап, когда темп внедрения новых информационных технологий достигает невероятных показателей. Ведь практически каждая новая технология, помимо удобства использования, а также экономии

времени, в руках злоумышленников приносит вред простым пользователям.

Защита конфиденциальных данных всегда была важным правовым аспектом, с развитием цифрового пространства данная проблема особенно обострилась, обратимся к нормам права, регулирующих данный вопрос:

Конфиденциальность и защита данных

Федеральный закон «О персональных данных» устанавливает нормы, которые должны защищать конфиденциальные данные, в том числе и в цифровом пространстве. В статье 7 ФЗ РФ говорится о том, что лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом. [2] Взяв во внимание всё вышеизложенное, можно сделать следующий вывод. Этот закон способствует совершению сделок в цифровом и не только пространстве, по причине того, что покупатель какого-либо товара или услуги может быть спокоен за сохранность своих данных, в ином случае, нарушившее закон, лицо или организация должна будет понести ответственность за правонарушение. Данный закон очень важен по причине частых утечек персональных данных в цифровой сфере. Многие злоумышленники способны оставаться незамеченными в этой среде, пользуясь изменчивостью технологий в ней. Государство, изучая данное пространство, адаптируется и создаёт новые методики борьбы с мошенниками в сети интернет, ужесточает степень наказания фирм, продающих преступникам конфиденциальные данные их клиентов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации
2. Федеральный закон «О персональных данных» Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция)
3. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 N 63-ФЗ
4. Авилкина С.В. Цифровая экономика: управление, бизнес, образование / Под ред. С.В. Авилкина, М.А. Бакулева, И.И. Горских и др. М: Кнорус, 2019.

5. Зеленков Ю.А. Стратегическое управление ИТ в условиях неопределенности. М.: 2013.: КРОК
6. Цифровое государство // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации
7. Современные тенденции цифровой экономики // Экономика и управление народным хозяйством URL: https://ecsn.ru/files/pdf/201805/201805_43.pdf

LEGAL REGULATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN BUSINESS ACTIVITIES

Permyakov M.V., Bannykh S.G., Sarapultseva A.V.
Ural State University of Economics

The scientific article is devoted to the study of issues related to the legal regulation of digital technologies in the field of entrepreneurial activity. The article examines the current features of the use of digital technologies in the field of entrepreneurship, as well as highlights the main legal aspects related to their implementation. Thus, we note that digital technologies have gained rapid growth in the era of the emergence of the Internet space. They are used in various spheres of life, almost everywhere, including in business activities. Now it is difficult to imagine an entrepreneur who would not use digital technologies in one way or another. Starting from the registration of their production of goods or services, ending with the sale of the product of entrepreneurial activity on various sites on the Internet. This stage in the history of entrepreneurship undoubtedly has a number of positive aspects. It is convenient for both the manufacturer and the buyer. More people have the opportunity to engage in entrepreneurship, but the use of digital technologies also carries some threats, such as fraud, personal data security threats, intellectual property rights violations, and others. Various laws are being developed to ensure the safety of the entrepreneur and his clients. This article discusses the laws that regulate the use of digital technologies in business activities.

Keywords: digital technologies, entrepreneurship, entrepreneurial activity, legislation, law, digital economy, economics, education, art, leisure, medicine, artificial intelligence.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii
2. Federal'nyj zakon «O personal'nyh dannyh» Federal'nyj zakon «O personal'nyh dannyh» ot 27.07.2006 N 152-FZ (poslednyaya redakciya)
3. Federal'nyj zakon «Ob elektronnoj podpisi» ot 06.04.2011 N 63-FZ
4. Avilkina S.V. Cifrovaya ekonomika: upravlenie, biznes, obrazovanie / Pod red. S.V. Avilkina, M.A. Bakuleva, I.I. Gorskih i dr. M: Knorus, 2019.
5. Zelenkov YU.A. Strategicheskoe upravlenie IT v usloviyah neopredelennosti. M.: 2013.: KROK
6. Cifrovoe gosudarstvo // Ministerstvo cifrovogo razvitiya, svyazi i massovyh kommunikacij Rossijskoj Federacii
7. Sovremennye tendencii cifrovoj ekonomiki // Ekonomika i upravlenie narodnym hozyajstvom URL: https://ecsn.ru/files/pdf/201805/201805_43.pdf

Роль цифровых платформ в обеспечении прав владельцев интеллектуальной собственности: российский и зарубежный опыт

Никольский Никита Владимирович,

аспирант, Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: Nikolskii99@yandex.ru

В статье исследуется роль цифровых платформ в обеспечении прав владельцев интеллектуальной собственности в условиях цифровизации. Автор рассматривает цифровые платформы не только как технических посредников, но и как инфраструктурные единицы, формирующие собственную правовую среду, влияющую на характер оборота результатов интеллектуальной деятельности. Проанализированы положения действующего российского законодательства, обозначены проблемы применения норм гражданского права в условиях цифровизации. Особое внимание уделено правовому статусу платформ, вопросам их гражданско-правовой ответственности, а также неопределенности нормативного регулирования, препятствующей эффективной защите прав авторов и правообладателей. Выявлены ключевые проблемы, связанные с квалификацией цифровых действий, правовым режимом размещения и распространения контента, а также отсутствием правового признания новых моделей поведения в цифровой среде. Рассмотрены технологические механизмы обеспечения прав, включая блокчейн, смарт-контракты и автоматизированные системы фильтрации, раскрываются их возможности и правовые ограничения. Проведен сравнительно-правовой анализ американской, европейской и китайской моделей регулирования ответственности платформ, выявлены тенденции усиления их обязательств по проактивному контролю за контентом. Сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства: разработка специального правового режима для платформ, интеграция цифровых технологий в доказательственную базу, признание гибких форм публичного лицензирования и институционализация механизмов предотвращения нарушений. Делается вывод о необходимости системного переосмысления правового регулирования в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровые платформы, интеллектуальные права, посредники, баланс интересов.

В условиях стремительного развития цифровой экономики и технологической трансформации всех сфер общественной жизни возрастает значимость интеллектуальной собственности как ключевого нематериального актива. При этом особую актуальность приобретает проблема обеспечения прав на результаты интеллектуальной деятельности в виртуальной среде, где традиционные формы правового регулирования оказываются недостаточно адаптированными к новым моделям взаимодействия субъектов.

Цифровые платформы – агрегаторы контента, маркетплейсы, онлайн-сервисы и распределенные сети – становятся основным пространством обращения, лицензирования и распространения объектов интеллектуальной собственности [1]. Они не просто заменяют привычных посредников, а формируют собственную правовую среду, в которой взаимодействие между автором, правообладателем, пользователем и техническим оператором приобретает гибридный и многослойный характер. Такая трансформация неизбежно влечет за собой пересмотр существующих концепций исключительного права, границ дозволенного использования, механизмов правоприменения и самой логики авторского контроля.

Одновременно с этим, цифровая среда обостряет и противоречия между интересами различных групп: авторов, стремящихся к охране результатов своего труда; правообладателей, преследующих коммерческие цели; пользователей, ожидающих свободного и мгновенного доступа к культурным и информационным ценностям; информационных посредников, на которых фактически возлагаются функции регулирования и фильтрации [5]. Именно в этой точке схождения интересов возникает вопрос о балансе прав и обязанностей, необходимости перераспределения рисков и ответственности в соответствии с новыми моделями цифровой экономики.

В ряде юрисдикций предпринимаются попытки правового осмысления статуса цифровых платформ, определения пределов их ответственности за нарушение прав на объекты интеллектуальной собственности, внедрения проактивных механизмов реагирования. Однако в российском праве этот процесс пока остается фрагментарным и реактивным, что препятствует формированию устойчивой и предсказуемой правовой среды.

Цифровые платформы в современном правовом пространстве представляют собой не просто технологические инструменты обмена данными и контентом, но становятся инфраструктурными

ми единицами новой экономики, определяющими формы взаимодействия между участниками гражданского оборота. Их сущностной особенностью является способность опосредовать отношения между множеством сторон – авторами, правообладателями, пользователями, техническими операторами – формируя тем самым неформальную, но влиятельную правовую среду, основанную на условиях пользовательских соглашений, алгоритмах доступа и встроенных механизмах контроля [8].

В отличие от традиционного рынка интеллектуальной собственности, в котором передача прав, лицензионные соглашения и правовая защита осуществлялись в основном в индивидуализированной и иерархической форме, платформенная модель характеризуется массовостью, автоматизированностью и трансграничным характером сделок. В цифровом обороте права могут реализовываться в условиях, при которых платформа одновременно выступает связующим звеном, арбитром и выгодоприобретателем, а ее оператор – субъектом, влияющим на саму архитектуру оборота прав в цифровой среде.

Одним из ключевых аспектов платформенной модели является редукция традиционных посредников, что значительно упрощает доступ к охраняемым объектам и расширяет аудиторию пользователей. Вместе с тем, отсутствие должного правового регулирования правового статуса платформ и механизмов их вмешательства в отношения авторов и пользователей порождает множество споров и правовых неопределенностей. Так, платформа может предоставлять техническую возможность загрузки и распространения охраняемого контента, но при этом не имеет юридической обязанности контролировать соответствие такого контента нормам законодательства об интеллектуальной собственности – особенно в правопорядках, где действует принцип «невмешательства» посредника до получения уведомления (например, модель notice and takedown, закреплённая в DMCA [12]).

В результате цифровая платформа формирует собой гибридную правовую реальность, в которой смешиваются нормы публичного и частного права, правовые конструкции и технологические интерфейсы, регламенты и пользовательские сценарии. Эта среда не является нейтральной: архитектура платформы, ее алгоритмы ранжирования, модерации и рекомендации прямо влияют на то, какие «объекты интеллектуальной собственности становятся доступными, как они используются, и в каких условиях обеспечивается их правовая охрана» [11, с. 62].

Российское законодательство об интеллектуальной собственности, кодифицированное преимущественно в четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ), исторически ориентировано на охрану прав в аналоговой среде и с трудом адаптируется к новым цифровым формам обращения результатов интеллектуальной деятельности. Согласно ст. 1225

ГК РФ, к охраняемым объектам интеллектуальной собственности относятся произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ, базы данных, изобретения, товарные знаки и иные результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Правообладателю предоставляется исключительное право на использование соответствующего объекта, включая воспроизведение, распространение, доведение до всеобщего сведения, переработку и иные способы использования (п. 2 ст. 1270 ГК РФ).

В условиях цифровой среды теряется четкость между действиями, имеющими юридически значимый характер (например, воспроизведение в смысле ст. 1270 ГК РФ), и техническими операциями, производимыми в фоновом режиме. Избранная законодательная модель находится в явной несогласованности с фактическими отношениями, складывающимися в цифровой среде, а повседневная практика миллионов пользователей находится вне границ легального поля.

Кроме того, существующая редакция ГК РФ не учитывает особенности платформенного оборота прав, где правообладатель может не иметь информации о размещении его произведения, а пользователь не обладает способами достоверной проверки правового статуса контента. Эта правовая лакуна особенно остро проявляется при массовом некоммерческом использовании произведений, когда пересылка контента осуществляется между физическими лицами – в семье, в профессиональном чате или на публичной странице, не имеющей коммерческой направленности. С точки зрения действующего законодательства, такие действия могут трактоваться как нарушение исключительного права, независимо от реального вреда или намерений субъекта.

На этом фоне в российской доктрине начинает формироваться концепция «добросовестного цифрового пользователя» – субъекта, который действует без умысла нарушить авторские права, не извлекает прибыли и использует контент в пределах разумного личного интереса. Признание такого статуса потребует системного переустройства норм права интеллектуальной собственности, в частности – пересмотра принципа абсолютности исключительного права в цифровой среде, и разработки новых правовых механизмов балансировки интересов правообладателя и общества [3].

В результате российская правовая система находится в фазе перехода: с одной стороны, она сохраняет жесткую защиту прав правообладателя, опираясь на формально-юридическую модель, с другой – сталкивается с необходимостью учета социально оправданных моделей цифрового поведения, получающих массовое распространение в интернете.

Цифровые платформы занимают пограничное положение между техническим оператором и субъектом, непосредственно вовлеченным в гражданский оборот. Такая промежуточная позиция порождает

дает сложности в определении правового статуса платформы, особенно в рамках ее возможной ответственности за действия пользователей, нарушающих исключительные права авторов и правообладателей.

В российском законодательстве вопрос ответственности платформ за нарушения в цифровой среде не урегулирован специальными нормами. Это приводит к вынужденному применению общих норм гражданского и информационного права. Согласно ст. 1250 ГК РФ, защита интеллектуальных прав осуществляется в том числе путем предъявления требований к лицу, содействующему нарушению права, однако в отношении цифровых посредников эти нормы не дают четких критериев для определения объема обязанностей. На практике это означает, что платформа «может избежать ответственности, заявив о своей технической нейтральности, даже если именно ее действия или бездействие объективно способствовали нарушению» [4, с. 180].

При этом в научной литературе постепенно формируется представление о том, что цифровая платформа, особенно обладающая возможностями модерации контента, извлечения прибыли от его размещения, внедрения алгоритмов распространения, должна рассматриваться как субъект, несущий гражданско-правовую ответственность. Предоставляя пользователям инфраструктуру для размещения контента, платформа фактически создает технические условия для оборота объектов ИС и потому не может полностью устраниваться от возникающих правовых последствий [7].

В зарубежных правовых системах проблема ответственности платформ решается посредством введения ограниченного иммунитета при соблюдении процедуры реагирования на нарушения. Так, в США действует механизм *notice-and-takedown*, в соответствии с которым платформа освобождается от ответственности, если незамедлительно удаляет контент по обоснованному уведомлению правообладателя. Аналогичная модель содержится в Директиве ЕС об электронной коммерции 2000 года [13], где предусмотрена дифференцированная ответственность в зависимости от масштаба и характера деятельности платформы.

В Китайской Народной Республике регулирование построено на сочетании жесткого государственного контроля и интеграции правовой охраны ИС в рамки законодательства об электронной коммерции. Законодательство обязывает платформы не только реагировать на жалобы правообладателей, но и проактивно предотвращать размещение контрафактной продукции, включая объекты ИС. При этом в китайской модели четко прослеживается приоритет превентивного вмешательства, а не ретроспективной ответственности, что отличает ее от западных подходов.

На фоне этих примеров российская модель представляется менее развитой и нормативно фрагментарной. Зарубежный опыт демонстрирует, что превентивная цифровая ответственность

платформ становится не исключением, а новой нормой регулирования. Российское законодательство, если оно стремится быть конкурентоспособным в глобальной цифровой среде, должно учитывать данные тенденции и адаптировать принципы ответственности и защиты ИС в сторону гибридных и технологически релевантных моделей [6].

Сравнительный анализ показывает, что тенденция к возложению активной обязанности на платформу по предотвращению нарушений становится международным стандартом. Платформы больше не рассматриваются как пассивные каналы распространения информации: они превращаются в активных участников цифрового оборота, обладающих не только техническим контролем, но и экономическим интересом в использовании охраняемых объектов.

На этом фоне особенно остро встает вопрос о правовом статусе платформ в российском праве. Современные цифровые технологии, используемые в рамках платформенной инфраструктуры, предоставляют правообладателям новые технические возможности для идентификации, контроля и подтверждения прав на объекты интеллектуальной собственности. В частности, речь идет о таких технологиях, как распределенные реестры (блокчейн), искусственный интеллект (ИИ), метки времени, смарт-контракты и автоматизированные системы мониторинга контента. Их внедрение меняет саму архитектуру правоприменения, позволяя частично обойтись без участия государства и институциональных арбитров.

Технологии блокчейн и ИИ становятся инструментами доказательственной автономии правообладателей. С их помощью возможно зафиксировать факт создания произведения, установить последовательность его модификаций, а также контролировать обращения копий в цифровой среде. Однако, техническая достоверность сведений, зафиксированных в распределенном реестре, не тождественна юридической достоверности. Основная проблема заключается в том, что даже объективно верная информация о дате или пользователе не дает ответа на вопрос о наличии у него правового титула. Кроме того, правовой режим таких записей в российском праве не урегулирован: в частности, не ясно, «можно ли признать запись в блокчейне надлежащим доказательством в суде без иных подтверждающих документов» [10, с. 60].

В то же время смарт-контракты, реализуемые на основе блокчейн-платформ, открывают принципиально новые возможности для автоматического управления правами. Такие контракты могут включать условия о сроке использования произведения, географических ограничениях, количестве воспроизведений и автоматически блокировать доступ при нарушении условий. Однако подобный режим требует не только технологической, но и юридической интеграции, то есть признания таких контрактов как разновидности лицензионных соглашений, соответствующих ст. 1235 и 1286 ГК РФ.

Еще одно направление применения цифровых технологий – автоматизированные системы обнаружения контрафакта, уже активно применяющиеся крупными платформами (например, Content ID на YouTube). Эти алгоритмы способны распознавать даже частично модифицированные произведения, сигнализируя о возможном нарушении и приостанавливая публикацию до разрешения спора.

Несмотря на очевидный потенциал цифровых технологий в обеспечении прав владельцев интеллектуальной собственности, их применение в российском правовом поле пока ограничено. Отсутствует легальное определение блокчейна, нет правовой квалификации цифровых реестров как доказательств, а нормы о лицензионных соглашениях остаются ориентированными на традиционные формы контрактации. При этом именно технологическое опосредование правоотношений становится новой реальностью оборота ИС.

Проблема соблюдения баланса интересов между авторами, правообладателями, пользователями и цифровыми посредниками стала одной из центральных тем научной дискуссии в условиях цифровизации интеллектуальных прав. Цифровая среда радикально изменила способы производства, хранения и распространения результатов интеллектуальной деятельности, одновременно нарушив прежние механизмы уравнивания прав и обязанностей. Возникла ситуация, в которой массовое поведение пользователей стало правонарушающим де-юре, при том что де-факто оно воспринимается обществом как социально допустимое [9].

Проблема баланса обостряется тем, что доступ к произведениям становится элементом культурного, образовательного и профессионального равенства, а чрезмерная защита исключительных прав – фактором социальной фрагментации. В этом контексте разработка юридической конструкции «добросовестного пользователя», предложенная в научной литературе, приобретает особую значимость. Такой пользователь действует без коммерческой цели, не нарушает целостности произведения и не препятствует его нормальному экономическому использованию. В случае размещения произведения в цифровой среде с согласия правообладателя, его некоммерческое использование должно презюмироваться как допустимое, если отсутствует прямой запрет со стороны автора.

Однако правовой механизм балансировки интересов не может быть ограничен только корректировкой моделей использования. Он требует и перераспределения обязанностей между участниками цифрового оборота, прежде всего – возложения на платформы обязанности по информированию пользователей о правовом статусе контента, внедрения фильтров незаконного использования и обеспечения механизма обратной связи с правообладателями. Подлинный баланс достигается через установление юридически опосредованных взаимных ограничений.

Значимым направлением достижения баланса становится также развитие форм публичных лицензий и механизмов «Creative Commons», позволяющих авторам гибко регулировать условия использования своих произведений в цифровой среде. В условиях цифровизации интеллектуальных прав необходимо формировать в российском праве такую нормативную конструкцию, которая бы одновременно учитывала интересы авторов и правообладателей, гарантировала доступ пользователей к культурным и информационным ценностям, а также обязывала платформы участвовать в обеспечении правового порядка. Для достижения этой цели представляется целесообразным:

- разработать специальный правовой статус цифровой платформы как участника оборота объектов ИС;
- внедрить процедуру уведомления и удаления контента по образцу механизма notice-and-take-down;
- признать юридическую силу смарт-контрактов и блокчейн-реестров при обороте исключительных прав;
- закрепить концепцию добросовестного цифрового пользователя с ограниченной ответственностью при некоммерческом использовании произведений;
- интегрировать гибкие формы публичного лицензирования в рамки российского законодательства.

В результате можно сделать вывод, что формирование устойчивой и сбалансированной модели правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности в цифровой среде невозможно без признания изменившейся природы оборота объектов ИС и активной роли цифровых посредников. Только в этом случае цифровая трансформация будет сопровождаться не деградацией, а эволюцией правового порядка.

Литература

1. Бигалиева Я.Г., Плутенко Д.С. Понятие цифровых технологий и их значение в гражданском праве // Право и управление. 2024. № 5. С. 535–540.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. № 289. 22.12.2006.
3. Григорян А.А. Влияние цифровых технологий на трансграничную защиту интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2025. № 1. С. 68–74.
4. Дейнеко А.Г. Цифровые права в Гражданском кодексе: ближайшие последствия и отдаленные перспективы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 2. С. 175–198.
5. Лосева О.В. Цифровые интеллектуальные активы как объекты стоимостной оценки // Науч-

ное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2024. № 2. С. 66–76.

6. Магоня П.Д. Особенности антимонопольного регулирования на цифровых рынках // Евразийский юридический журнал. 2022. № 12 (175). С. 220–221.
7. Матаева Э.А. Организационно-правовые средства защиты авторских прав на базы данных и мультимедийные продукты в праве интеллектуальной собственности // Российский научный вестник. 2022. № 4. С. 66–68.
8. Мещанова М.В. Законодательство Китая об электронной торговле: адаптация зарубежного опыта правового регулирования // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021. № 3. С. 3–9.
9. Москаленко А.И. Биткоин, технологии блокчейн и развитие интеллектуальной собственности в сети Интернет // Международное публичное и частное право. 2021. № 5. С. 17–20.
10. Шрам Д.В. Антимонопольное регулирование деятельности ит-гигантов: основные тенденции зарубежного и российского законодательства // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1 (29). С. 54–65.
11. Шугурова И.В., Шугуров М.В. Защита прав интеллектуальной собственности в контексте развития цифровых платформ: перспективы для ЕАЭС // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 60–63.
12. Digital Millennium Copyright Act: Public Law 105–304. Oct. 28, 1998 // United States Code. – Title 17. Copyrights.
13. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce) // Official Journal of the European Communities. – 2000. – L 178. – P. 1–16.

THE ROLE OF DIGITAL PLATFORMS IN ENSURING THE RIGHTS OF INTELLECTUAL PROPERTY OWNERS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Nikolsky N.V.

The All-Russian State University of Justice

The article examines the role of digital platforms in ensuring the rights of intellectual property owners in the context of digitalization. The author considers digital platforms not only as technical intermediaries, but also as infrastructure units that form their own legal environment that influences the nature of the circulation of intellectual property. The provisions of the current Russian legislation are analyzed, and the problems of applying civil law in the context of digitalization are identified. Particular attention is paid to the legal status

of platforms, issues of their civil liability, as well as the uncertainty of regulatory framework that hinders the effective protection of the rights of authors and copyright holders. The key problems associated with the qualification of digital actions, the legal regime for posting and distributing content, as well as the lack of legal recognition of new models of behavior in the digital environment are identified. The author considers technological mechanisms for ensuring rights, including blockchain, smart contracts and automated filtering systems, reveals their capabilities and legal limitations. A comparative legal analysis of the American, European and Chinese models of regulating platform liability is carried out, and trends in strengthening their obligations to proactively control content are identified. Proposals for improving Russian legislation are formulated: development of a special legal regime for platforms, integration of digital technologies into the evidence base, recognition of flexible forms of public licensing and institutionalization of mechanisms for preventing violations. A conclusion is made about the need for a systemic rethinking of legal regulation in the context of the digital economy.

Keywords: digital platforms, intellectual rights, intermediaries, balance of interests.

References

1. Bigaliev G., Plutenko D.S. The concept of digital Apostille technology and IH meaning in Civil Law // Law and governance. 2024. № 5. S. 535–540.
2. Civil Code of the Russian Federation (part four) from 18.12.2006. 230-FZ (Ed. from 22.07.2024) // Rossiyskaya Gazeta. № 289. 22.12.2006.
3. Grigoryan A.A. Impact digital wawrabh technology of cross-border intellectual property protection // intellectual property. Copyright and other legal rights. 2025. № 1. S. 68–74.
4. Daneko A.G. Digital evaluative rights in the Civil Code: licking the consequences and the long-term repeatable perspective. // work. 2020. T. 15. № 2. S. 175–198.
5. Loseva O.V. Digital intellectual assets as objects of valuation // Scientific Review. Series 1: Extraveconomics and law. 2024. № 2. S. 66–76.
6. Magonia P.D. Anti-monopoly regulation of digital Apostille // Eurasian legal journal. 2022. № 12 (175). S. 220–221.
7. Mataeva.A. Organizational and legal means of copyright protection for databases and multimedia products in direct intellectual property // Russian Scientific Journal. 2022. № 4. S. 66–68.
8. Meshchanova M.V. Legislation of the Republic of Belarus: adaptation of the law of the Republic of Belarus // Journal of the Belarusian State University. Right. 2021. № 3. S. 3–9.
9. Moskalenko A.And. Bitcoin, blockchain technologies and intellectual property development in Internet // international public and private law. 2021. № 5. S. 17–20.
10. Schram D.V. Antimonopoly regulation activities Apostille-gigantov: main Urgant trends for the protection of Russian and Russian legislation // prologue: journal O pravle. 2021. № 1 (29). S. 54–65.
11. Shugurova I.V., Shugurov M.V. Protection of intellectual property rights in the context of the development of digital Apostille platform: perspectives on the future of EA paradigms // Eurasian legal journal. 2021. № 8 (159). S. 60–63.
12. Digital Millennium Copyright Act: Public Law 105–304. Oct. 28, 1998 // United States Code. – Title 17. Copyrights.
13. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce) // Official Journal of the European Communities. – 2000. – L 178. – P. 1–16.

Проблема определения контролирующих должника лиц при подаче заявления о привлечении к субсидиарной ответственности

Печкин Сергей Андреевич,

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Севастопольского государственного университета
E-mail: pechkincer@mail.ru

В последние годы в России наблюдается значительное внимание к вопросам субсидиарной ответственности, особенно в контексте определения контролирующих должника лиц (КДЛ). Субсидиарная ответственность представляет собой механизм, позволяющий привлечь к ответственности лиц, которые фактически контролируют должника и могут быть признаны виновными в его финансовых затруднениях. Важно отметить, что правильное определение КДЛ является ключевым моментом для успешного разрешения споров, связанных с банкротством, и защиты интересов кредиторов.

В современных экономических реалиях, характеризующихся нестабильностью и ростом количества банкротств, особую актуальность приобретает вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности КДЛ.

Данная работа посвящена анализу основных проблем, возникающих при идентификации КДЛ в контексте инициирования процедуры субсидиарной ответственности.

Учитывая постоянное совершенствование законодательной базы и развитие судебной практики в данной сфере, своевременное отслеживание этих изменений выступает ключевым фактором эффективной защиты интересов кредиторов и требует систематического внимания со стороны всех заинтересованных лиц.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, должник, кредитор, контролирующие должника лица.

При подаче заявления о привлечении контролирующих должника лиц (КДЛ) к субсидиарной ответственности возникает ряд сложностей, связанных с определением самих КДЛ и их роли в управлении должником. Для успешного восприятия реализации права на защиту интересов кредиторов, важно учитывать, что суды должны обращаться к критериям оценки вовлеченности данных лиц в управление организацией.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 53, выделяются три ключевых критерия, которые должны учитывать суды при оценке степени ответственности КДЛ. К этим критериям относятся: влияние лица на финансовое состояние должника, меры, принятые лицом в целях предотвращения банкротства, а также активность в управлении бизнесом. Существенным является то, что определение влияния КДЛ на предприятие требует досконального анализа всех аспектов его деятельности, что требует системного подхода [1].

Несмотря на существующие критерии, на практике суды часто сталкиваются с разными интерпретациями данных норм, что иногда приводит к неясностям. Так, в разных случаях суды могут по-разному реагировать на идентификацию КДЛ, что связано с отсутствием прозрачности в организации управления предприятием и легкостью заключения выводов о контроле [2]. Соответственно, понимание и интерпретация критериев, прописанных в Постановлении, существенно зависят от имеющихся в конкретном банкротном деле доказательств.

В настоящее время усматривается существенное увеличение общего количества заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по делам о банкротстве – с 2018 года по 2023 рост составил 88,8% [3].

Для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности необходимо достоверно подтвердить связь между поведением контролирующего лица и возникшими убытками у кредиторов. Это может быть особенно сложно в случаях, когда членство конкретного лица в управлении организацией не поддается четкому документальному подтверждению [4].

Одним из больших вызовов в процессе привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности является сбор и представление надлежащих доказательств. Суды требуют от истца наличия конкретных фактов, подтверждающих, что контролирующее лицо действительно имело влияние на предприятие, что зачастую требует дополнительных

затрат времени и ресурсов. Отсутствие документального подтверждения активности КДЛ может сыграть решающую роль в ходе разбирательства [5].

Проблема определения контролирующих должника лиц (КДЛ) в контексте субсидиарной ответственности на практике определяется не только теоретическими аспектами, но и актуальными законодательными изменениями. Изменения, произошедшие в 2017 году, стали ключевым этапом в эволюции российского законодательства о банкротстве. В тот период была признана неэффективность прежней системы, когда лишь незначительное количество требований кредиторов удовлетворялось, что создавало условия для злоупотреблений со стороны должников и их контролирующих лиц [6].

Сложность в идентификации КДЛ заключается в многообразии их ролей и функций в организациях. Часто контролирующие лица могут занимать формально незначительные позиции, однако фактически воплощать в себе все полномочия по управлению финансовыми потоками и стратегиями компании. Поэтому судебные инстанции должны учитывать не только официальные должности, но и реальные механизмы воздействия данных лиц на принятие решений в компании [7].

Значительное внимание уделяется процессуальным правам КДЛ, включая возможность участия в судебных разбирательствах, связанных с привлечением их к ответственности. Право на защиту интересов в ходе судебного разбирательства становится важным инструментом для минимизации рисков, связанных с необоснованным привлечением к ответственности [8]. Это право также включает возможность обжалования судебных актов, которыми подтверждено требование кредитора.

Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц (КДЛ) представляет собой важный элемент механизма защиты интересов кредиторов в рамках дел о банкротстве. Актуальные изменения, касающиеся привлечения КДЛ к ответственности, существенно повлияли на судебную практику, в частности, отмечается активное применение норм, содержащихся в статьях 61.11–61.13 Закона о банкротстве, согласно которым контролирующие лица могут быть привлечены к ответственности за действия, которые препятствовали удовлетворению требований кредиторов [9].

Судебная практика демонстрирует, что ответственность может возникать не только у лиц, принимающих активные решения, но также и у других фигур, участвующих в бизнесе [10]. Это подчеркивает важность внимания к «иному контролирующему лицу», которое хоть и не занимает формально высокие руководящие позиции, но обладает фактическим контролем над деятельностью должника.

Важно понимать, что практические аспекты применения субсидиарной ответственности КДЛ также вызывают определенные трудности. Судебные процессы зачастую затягиваются из-за необ-

ходимости проверки данных о контроле над должником и подтверждения фактов, влекущих ответственность. Это создает дополнительные риски как для кредиторов, так и для самих КДЛ, что требует новых подходов в регулировании подобных отношений и совершенствования судебной практики.

Существует множество судебных решений, затрагивающих вопросы контроля, но практика их применения остается разрозненной. Это связано с разными подходами судов к интерпретации понятия «контролирующее лицо». Одни суды могут применять более свободные интерпретации, основанные на фактическом влиянии на финансовые и управленческие процессы должника, в то время как другие настаивают на формальных признаках контроля. Это создает значительные правовые риски, как для кредиторов, так и для контролирующих лиц [11].

Еще одной важной проблемой остается вопрос ответственности наследников контролирующих лиц. Судебная практика показывает, что в некоторых случаях возможна передача ответственности на наследников, однако отсутствует четкое законодательное регулирование, касающееся применения такого принципа. В своих решениях Верховный Суд РФ подтвердил, что наследники могут быть привлечены к субсидиарной ответственности, но на практике это не всегда приводит к успешному взысканию долгов, что в свою очередь ставит под сомнение защиту интересов кредиторов [12].

Однако, несмотря на то что принятые законодательные изменения подчеркивают прокредиторский характер, на практике многие дела заканчиваются безрезультатно, влияя как на степень доверия к системе, так и на бизнес-среду в целом [13].

Одной из ключевых проблем, возникающих в процессе привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, является недостаток четких критериев для определения этих лиц. Без ясных законодательных и методических указаний на определение контролирующих лиц, процедура привлечения оказывается под угрозой бездействия и неэффективности [14].

Не менее важной является и проблема правоприменительной практики, в которой встречаются случаи недостаточной квалификации судей, рассматривающих дела о привлечении контролирующих лиц, что может привести к произвольным решениям и снижению качества правосудия. Поскольку каждая ситуация имеет свои уникальные особенности, универсальные рекомендации могут оказаться неэффективными и неприемлемыми, что еще больше усложняет процесс [14].

Таким образом, для решения проблемы определения контролирующих лиц необходимо не только адаптировать действующие нормы, но и выработать общепринятые практики, охватывающие разные аспекты контроля и ответственности.

Верховный Суд РФ регулярно публикует разъяснения, способствующие минимизации правовых пробелов в применении законодательства о банкротстве. Это позволяет устранить неясности, ка-

сающиеся привлечения конкретных категорий лиц к субсидиарной ответственности, что также способствует пополнению конкурсной массы должников и обоснованности решений судов [9].

Судебная практика демонстрирует растущую тенденцию к детальному анализу реальных действий менеджмента и бенефициаров компаний, отходя от чисто формального рассмотрения дел. При оценке обстоятельств банкротства учитывается как поведение руководителей, так и факторы, приведшие к финансовому краху организации. Такой подход отражает важную правовую тенденцию: основанием для привлечения к субсидиарной ответственности становится не только формальное аффилирование, но и реальный контроль над предприятием [15].

Не менее актуальной проблемой является вопрос о привлечении несовершеннолетних детей к ответственности за действия их родителей, что стало достаточно обсуждаемой темой последних лет. Несмотря на то, что данная практика не занимает массового характера, она указывает на изменение общественного мнения и готовность судов рассматривать более широкие аспекты ответственности контролирующих лиц. В этом контексте суды становятся более готовыми к интерпретации законодательства по мере возникновения новых правовых вопросов [13].

Актуальность вопросов, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, проявляется на фоне высокой степени дефолта заемщиков. Кредиторы часто сталкиваются с неисправностью возврата долгов, что порождает необходимость искать иные механизмы защиты своих прав. Субсидиарная ответственность как один из таких механизмов позволяет обратить внимание на действия лиц, управляющих финансовыми ресурсами должника, и привлечь их к ответственности за убытки, причиненные кредиторам [8].

Согласно законодательству, для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности требуется не только наличие задолженности основного должника, но и определение факта их контроля над деятельностью компании. Этот процесс может включать в себя детальный анализ корпоративных структур, учредительных документов и фактического управления предприятием. Важно отметить, что закон предоставляет возможность быстро определить размер ответственности, исходя из общей суммы задолженности, что значительно упрощает процесс обращения в суд [16].

Судебная практика демонстрирует, что одним из основных факторов, определяющих судьбу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, является наличие доказательств, подтверждающих непосредственное вмешательство контролирующих лиц в дела компании. Нередко возникают ситуации, когда суды встают на сторону таких лиц, если не удается доказать, что они не исполняли свои обязанности надлежащим образом [8].

При этом, критически важным фактором является понимание контролируемыми лицами своих обязанностей и рисков, связанных с управлением должником. Нерегулярные или непрозрачные действия могут привести к обоснованию претензий со стороны кредиторов.

Кредиторам необходимо внимательно следить за действиями управляющих компаний для своевременного выявления признаков недобросовестного поведения КДЛ, что позволяет избежать дальнейших финансовых потерь. Например, при наличии информации о подозрительных транзакциях либо оттоке активов следует незамедлительно инициировать расследование и подготовить необходимые доказательства для обращения в суд. Важно понимать, что право на обращение за субсидиарной ответственностью предоставлено не всем, а лишь тем лицам, которые имеют достаточные основания и доказательства [8].

Такой подход не только укрепляет позиции кредиторов, но и способствует формированию более ответственной бизнес-среды. Усиленное внимание к вопросам субсидиарной ответственности будет способствовать снижению желаемого уровня недобросовестных действий со стороны управленческих структур, что положительно скажется на коммерческой практике. Привлечение к ответственности контролирующих лиц создает дополнительные стимулы для соблюдения законов и правил деловой этики [16].

Процессуальная сторона вопроса также играет важную роль. Статистические данные о результатах судебных разбирательств показывают, что многие дела сопровождаются как прямыми, так и косвенными доказательствами, которые могут существенно повлиять на исход дела. Кредиторам важно не упустить ни одного факта, который может стать решающим в судебном процессе.

Ожидается, что в будущем судебная практика продолжит эволюционировать, предлагая новые подходы к определению контролирующих лиц и соответствующих им обязательств. Такой процесс требует активной позиции кредиторов, их готовности к мониторингу ситуации в качестве активных участников, а не пассивных наблюдателей, что подчеркивает необходимость в постоянном повышении юридической грамотности и консолидации усилий в борьбе с недобросовестными практиками в сфере управления должниками.

Судебная практика показывает, что наиболее активно происходят изменения в понимании контроля над должником и его экономическим состоянием. Например, случаи, когда КДЛ не выполняют свои обязательства или ведут недобросовестные операции, становятся все более распространенными [14]. Эти изменения подтверждают необходимость более детального рассмотрения структуры управления и этих лиц.

Недавние исследования выявили, что разъяснения Верховного суда относительно субсидиарной ответственности явились важным шагом вперед, однако они также подчеркивают наличие противо-

речий в действующем законодательстве. Судебная практика отражает эти противоречия, касающиеся как определения контролирующих лиц, так и критериев их привлечения к ответственности. На фоне роста дел о банкротстве тенденции к отказу от формальной интерпретации контроля становятся все более очевидными [9]. Тем не менее, судебная арбитражная практика продолжает развиваться, показывая позитивные тенденции в определении и привлечении КДЛ к ответственности.

Судебная практика в этой области продолжает оставаться предметом активного научного обсуждения и инициирует вопросы, касающиеся правоприменительных аспектов и разработки рекомендаций для будущих исследований. Перспективы судебной практики по субсидиарной ответственности напрямую связаны с необходимостью сбалансированного подхода, который будет учитывать интересы как кредиторов, так и должников, обеспечивая справедливость в процессе банкротства [17].

Расширение возможностей применения субсидиарной ответственности также выявляет ряд актуальных вопросов для юридической практики. В ряде ситуаций выявляются пробелы в правовых инструментах, необходимых для полноценной реализации обновленного подхода к мониторингу поведения должников и их контролирующих лиц. Данный факт обуславливает потребность в углубленном анализе действующих нормативных положений и формировании на их базе четких параметров оценки действий управленческого персонала.

Таким образом, текущая судебная практика создает важные предпосылки для дальнейших изменений и улучшений как на уровне процесса, так и на уровне нового понимания ролей участников в области банкротства. Необходимо дальнейшее изучение данных тенденций, чтобы эффективно реагировать на вызовы, которые ставит перед юриспруденцией современная экономика.

Вопрос идентификации КДЛ при инициировании процедуры субсидиарной ответственности нуждается в тщательном исследовании. Ключевой трудностью выступает определение состава данных лиц, что требует детального анализа. Для понимания этой проблемы актуально учитывать как правовые нормы, так и судебную практику, что позволяет сформировать более полное представление о механизмах, действующих в данной сфере.

Согласно существующим нормам законодательства, КДЛ, могут быть определены на основании фактических обстоятельств, а также на основании их правового статуса в отношении должника. Учитывается, что не всегда физические лица, принимающие решения, являются формальными собственниками или руководителями, что создает дополнительные сложности в процессе аналитической работы. Важно, что в практике имеется множество решений, когда суды отказывают в привлечении КДЛ к ответственности, ссылаясь на отсутствие четких доказательств их контроля над должником.

Классификация КДЛ, исходя из их участия в управлении деятельностью должников, предотвращает возможность более точно определить лиц, подлежащих ответственности. В частности, в судебной практике нередко встречается вопрос о том, кто именно из-за своей роли может быть признан контролирующим лицом – только акционеры или лица, на практике принимающие ключевые решения.

Наряду с этим, необходимо учитывать и правоприменительную практику. Судебные акты, касающиеся субсидиарной ответственности, демонстрируют широкий спектр трактовок норм законодательства, в том числе и относительно определения контролирующих лиц.

Таким образом, для эффективного разрешения проблем, связанных с определением КДЛ, требуется комплексный подход, который включает в себя как юридическую, так и практическую составляющую. Постоянные изменения в законодательстве и судебной практике также вносят свои коррективы в процесс определения контролирующих должника лиц, что делает данную область необходимой для дальнейшего изучения и анализа в контексте изменений в правоприменительной практике.

В заключение, можно сказать, что проблема определения КДЛ и их привлечения к субсидиарной ответственности остается актуальной и требует дальнейшего изучения и совершенствования. Перспективы судебной практики в этой области зависят от готовности законодателей и судей к изменениям, а также от способности всех участников процесса адаптироваться к новым условиям. Важно, чтобы законодательство и судебная практика продолжали развиваться в направлении повышения прозрачности и предсказуемости, что, в конечном итоге, будет способствовать укреплению правовой системы в целом.

Литература

1. Вишневская Наталья Владимировна, Головкин Виталий Сергеевич. Позиции Верховного Суда Российской Федерации о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. 2023. № 2 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsii-verhovnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-o-privlechenii-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti> (21.02.2025).
2. Конгин А.И. Позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросу привлечения к субсидиарной ответственности членов коллегиальных органов банков // Право и управление. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsii-verhovnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-po-voprosu-privlecheniya-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti-chlenov-kollegialnyh-organov> (11.04.2025).

3. Статистические данные Судебного департамента Верховного Суда РФ URL: <https://cdep.ru/?id=79>
4. Вдовин И.О. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц в деле о банкротстве // Вестник магистратуры. 2020. № 1–4 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-v-dele-o-bankrotstve> (25.03.2025).
5. Анжела Пашаевна Идрисова Проблемы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника в банкротстве // Закон и право. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-privlecheniya-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-lits-dolzhnika-v-bankrotstve> (17.12.2024).
6. Акдерли Даниил Михайлович Новеллы в области регулирования субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве // StudNet. 2020. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novelly-v-oblasti-regulirovaniya-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-pri-bankrotstve> (17.12.2024).
7. Колесов А.В. Особенности правового положения контролирующих должника лиц при банкротстве // Право и управление. 2024. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-polozheniya-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-pri-bankrotstve> (09.04.2025).
8. Журиков И.А. Права контролирующих должника лиц на участие в процессах, влияющих на их привлечение к субсидиарной ответственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 10 (265). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-na-uchastie-v-protsessah-vliyayuschih-na-ih-privlechenie-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti> (25.03.2025).
9. Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex Russica. 2018. № 12 (145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-lits-pri-bankrotstve-dolzhnika> (23.12.2024).
10. Муталиева А.А. Привлечение к субсидиарной ответственности иного контролирующего должника лица: обстоятельства, подлежащие доказыванию // Образование и право. 2022. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privlechenie-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti-inogo-kontroliruyuschego-dolzhnika-litsa-obstoyatelstva-podlezhaschie-dokazyvaniyu> (11.04.2025).
11. М. Хачикян Проблемы исполнения решений о привлечении лиц контролирующих должника к субсидиарной ответственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 12–5 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-ispolneniya-resheniy-o-privlechenii-lits-kontroliruyuschih-dolzhnika-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti> (11.04.2025).
12. Носикова П.В., Лаврентьева Т.Н. Проблемы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве юридического лица // Образование и право. 2024. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-privlecheniya-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-pri-bankrotstve-yuridicheskogo-litsa> (11.04.2025).
13. Петухов С.В. Проблемы правоприменительной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц // Образование и право. 2022. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-pravoprimenitelnoy-praktiki-privlecheniya-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-lits> (17.12.2024).
14. Чигарских А.Д. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц при банкротстве: тенденции и проблемы судебной практики // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 5 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-kontroliruyuschih-lits-pri-bankrotstve-tendentsii-i-problemy-sudebnoy-praktiki> (17.12.2024).
15. Рубан П.О., Коркин М.С. Субсидиарная ответственность участников (акционеров) хозяйственных обществ: проблемы современной судебной практики // Право и управление. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-uchastnikov-aktsionerov-hozyaystvennyh-obschestv-problemy-sovremennoy-sudebnoy-praktiki> (11.04.2025).
16. Хайбуллин А.А. Особенности субсидиарной ответственности, контролирующих лиц должника // E-Scio. 2020. № 6 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-lits-dolzhnika> (11.04.2025).
17. Валерий Николаевич Алферов, Марьям Микоиловна Коригова Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмента повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. № 3 (35). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kontseptsii-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kak-instrumenta-povysheniya-effektivnosti-instituta-bankrotstva-i-obespecheniya](https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kontseptsii-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kak-instrumenta-povysheniya-effektivnosti-instituta-bankrotstva-i-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-strany) (23.12.2024).

THE PROBLEM OF DETERMINING THE PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR WHEN APPLYING FOR SUBSIDIARY LIABILITY

Pechkin S.A.
Sevastopol State University

In recent years, there has been considerable attention in Russia to the issues of subsidiary liability, especially in the context of determining the debtor's controlling persons (CdLS). Subsidiary liability is a mechanism that makes it possible to bring to justice persons who actually control the debtor and may be found guilty of his financial difficulties. It is important to note that the correct definition

of the KDL is key to the successful resolution of bankruptcy-related disputes and the protection of creditors' interests.

In modern economic realities, characterized by instability and an increasing number of bankruptcies, the issue of bringing CDL to subsidiary responsibility is becoming particularly relevant.

This work is devoted to the analysis of the main problems that arise in the identification of CDL in the context of initiating the procedure of subsidiary liability.

Given the continuous improvement of the legislative framework and the development of judicial practice in this area, timely monitoring of these changes is a key factor in effective protection of creditors' interests and requires systematic attention from all stakeholders.

Keywords: subsidiary liability, bankruptcy, debtor, creditor, persons controlling the debtor.

References

1. Vishnevskaya Natalia Vladimirovna, Golovko Vitaly Sergeevich The positions of the Supreme Court of the Russian Federation on bringing persons controlling the debtor to subsidiary responsibility // Scientific Notes of the Altai Branch of the Russian Academy of National Economy under the President of the Russian Federation. 2023. No. 2 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsii-verhovnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-o-privlechenii-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti> (02/21/2025).
2. Kongin A.I. The positions of the Supreme Court of the Russian Federation on the issue of bringing to subsidiary responsibility members of collegial bodies of banks // Law and Management. 2023. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsii-verhovnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-povoprosu-privlecheniya-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti-chlenov-kollegialnyh-organov> (04/11/2025).
3. Statistical data of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation URL: <https://cdep.ru/?id=79> (30.03.2025).
4. Vdovin I.O. Subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy proceedings // Bulletin of Magistracy. 2020. № 1–4 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-v-dele-o-bankrotstve> (03/25/2025).
5. Angela Pashaevna Idrisova Problems of bringing to subsidiary responsibility the controlling persons of the debtor in bankruptcy // Law and Law. 2024. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-privlecheniya-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-lits-dolzhnika-v-bankrotstve> (12/17/2024).
6. Akderli Daniil Mikhailovich Novelties in the field of regulation of subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy // StudNet. 2020. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novelty-v-oblasti-regulirovaniya-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-pri-bankrotstve> (12/17/2024).
7. Kolesov, Alexander Vladimirovich, Features of the legal status of persons controlling the debtor in bankruptcy // Law and Management. 2024. No.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-polozheniya-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-pri-bankrotstve> (04/09/2025).
8. I.A. Zhurikov The rights of persons controlling the debtor to participate in processes affecting their involvement in subsidiary liability // Property relations in the Russian Federation. 2023. № 10 (265). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-na-uchastie-v-protsessah-vliyayuschih-na-ih-privlechenie-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti> (03/25/2025).
9. Sviridenko O.M. Actual issues of subsidiary liability of controlling persons in case of bankruptcy of the debtor // Lex Russica. 2018. № 12 (145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-lits-pri-bankrotstve-dolzhnika> (23.12.2024).
10. Mutaliev A.A. Bringing another controlling debtor to subsidiary responsibility: circumstances to be proved // Education and Law. 2022. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privlechenie-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti-inogo-kontroliruyuschego-dolzhnika-litsa-obstoyatelstva-podlezhaschie-dokazyvaniyu> (04/11/2025).
11. M. Khachikyan Problems of enforcement of decisions on bringing persons controlling the debtor to subsidiary responsibility // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 12–5 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolneniya-resheniy-o-privlechenii-lits-kontroliruyuschih-dolzhnika-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti> (04/11/2025).
12. Polina Viktorovna Nosikova, Tatyana Nikolaevna Lavrentieva Problems of bringing to subsidiary responsibility persons controlling the debtor in case of bankruptcy of a legal entity // Education and Law. 2024. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-privlecheniya-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-pri-bankrotstve-yuridicheskogo-litsa> (04/11/2025).
13. Petukhov S.V. Problems of law enforcement practice of bringing controlling persons to subsidiary responsibility // Education and Law. 2022. No. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravoprimenitelnoy-praktiki-privlecheniya-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-lits> (12/17/2024).
14. Chigarskikh A.D. Subsidiary liability of controlling persons in bankruptcy: trends and problems of judicial practice // Skif. Questions of student science. 2022. No.5 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-kontroliruyuschih-lits-pri-bankrotstve-tendentsii-i-problemy-sudebnoy-praktiki> (12/17/2024).
15. Ruban Polina Olegovna, Korkin Maxim Sergeevich Subsidiary liability of participants (shareholders) of business companies: problems of modern judicial practice // Law and Management. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-uchastnikov-aktsionerov-hozyaystvennyh-obschestv-problemy-sovremennoy-sudebnoy-praktiki> (11.04.2025).
16. Khaibullin Ayrat Aidarovich Features of subsidiary liability, controlling persons of the debtor // E-Scio. 2020. No. 6 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-lits-dolzhnika> (04/11/2025).
17. Valery Nikolaevich Alferov, Maryam Mikoilovna Korigova Development of the concept of subsidiary liability as a tool to increase the effectiveness of the bankruptcy institution and ensure the economic security of the country // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2018. № 3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kontseptsii-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kak-instrumenta-povysheniya-effektivnosti-instituta-bankrotstva-i-obespecheniya> (23.12.2024).

Признание обязательств супругов общими в деле о банкротстве: некоторые вопросы распределения бремени доказывания

Сергеев Георгий Олегович,

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: georgysergeev1999@gmail.com

В статье анализируются выработанные в судебной практике арбитражных судов кассационной инстанции подходы к вопросу распределения бремени доказывания при рассмотрении требований о признании обязательств должника общими обязательствами супругов в деле о банкротстве.

Ключевые слова: признание обязательств супругов общими, банкротство, требования кредиторов, распределение бремени доказывания.

В рамках института банкротства граждан значительное научное и практическое внимание вызывает вопрос о признании обязательств супругов общими. Если при банкротстве юридических лиц уровень злоупотреблений корпоративной формой предопределил развитие института субсидиарной ответственности, носящей исключительный характер, то при банкротстве граждан неоднозначность действующего правового регулирования и высокий уровень злоупотреблений предопределили рост числа обособленных споров о признании требования кредитора к должнику общим обязательством супругов.

Правопритязания кредиторов исходят из того, что предоставленные активы (или экономический эффект от предоставления) во взаимоотношениях с должником поступают прямо или косвенно в имущественную массу супруга должника (общую имущественную массу супругов). Основываясь на этом, кредиторы требуют расширить (установить) круг обязанных по их требованию лиц путем признания обязательства перед кредитором общим обязательством супругов.

Избранная законодателем модель правового регулирования активов и пассивов супругов подвергается критике – возникает проблема несбалансированности наличия в законе презумпции совместного характера нажитых в период брака активов супругов и отсутствия презумпции совместного характера нажитых в период брака долгов. Такая настройка позитивного права снижает правовую определенность прав кредиторов, осуществляющих имущественное предоставление.

Возможно, решение проблемы заключается не в избрании иной модели позитивного регулирования, а лежит в процессуальной плоскости, например путем закрепления в актах толкования ВС РФ правовой позиции по распределению бремени доказывания в обособленном споре об общности долга супругов в деле о банкротстве. Данный вопрос является центральным при рассмотрении спора об общем характере долга. Понятные для сторон обособленного спора процессуальные ориентиры, позволят повысить правовую определенность обеспечения прав кредиторов и супругов должников.

Признанная в доктрине и правоприменительной практике проблема арбитражного процесса заключается в том, что процессуальные оппоненты узнают о возложении на них бремени доказывания при применении определенного стандарта только *post factum* – после изготовления мотивировочной части судебного акта. В этом смысле, усложняет-

ся его последующее обжалование, так как стороны могли представить доказательства на которых они основывают свои требования или возражения ранее, следовательно, они самостоятельно несут риск совершения или несовершения процессуального действия.

Обозрение правоприменительной практики указывает на значительный рост рассмотрения судами категории обособленных споров о признании обязательств перед кредитором общим обязательством супругов в рамках дел о банкротстве граждан. При этом с догматической точки зрения, актуальность проблемы заключается не только в ответе на повышенный спрос правоприменительной практики, а в стремлении к выстраиванию отношений формального равенства и обеспечению интересов противоборствующих сторон при несостоятельности граждан.

Историческое развитие подходов к распределению бремени доказывания в спорах о признании обязательств супругов общими обусловлено и проистекает из сложившейся практики рассмотрения данной категории споров в судах общей юрисдикции. Суды, ссылаясь на положения статьи 56 ГПК РФ, формально исходили из того, что обязанность доказывания возлагается на ту сторону, которая заявляет требование о распределении долга.

Данная правовая позиция была первоначально сформулирована гражданской коллегией ВС РФ, что обеспечило последующее единообразие судебной практики [1]. В большинстве случаев такие споры возникали между супругами и были связаны с выяснением характера и судьбы долговых обязательств, приобретенных в браке.

Массив практики по рассмотрению такой категории споров привел к закреплению в пункте 5 «Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2016)» [2] (далее – Обзор № 1) выработанной судами позиции о возложении бремени доказывания по таким требованиям на заявителя, которая исходила из крайне высокого уровня злоупотреблений при разделе активов и пассивов между супругами. Недобросовестные стороны процесса, зачастую, пользовались механизмом предъявления в суд для раздела между собой «дружественной» кредиторской задолженности, что уменьшало имущественную массу супруга, не являвшегося стороной обязательства.

Впоследствии, в отечественное законодательство был имплементирован институт банкротства граждан, который стал крайне востребован. Как следствие, получив новый инструментарий, споры о распределении долга более активно стали инициировать кредиторы в рамках дел о несостоятельности своих должников.

Арбитражным судам, рассматривающим дела о банкротстве граждан, стала очевидна несправедливость сложившегося в общей юрисдикции подхода. Для независимых кредиторов является невыполнимым бремя доказывания обстоятельств внутренних взаимоотношений супругов. При этом российский институт несостоятельности характе-

ризуется повышенной конфликтностью и высоким уровнем злоупотреблений правом.

Учитывая принцип единства судебной практики, правовая позиция, закрепленная в пункте 5 Обзора № 1, а также правоприменительная практика гражданской коллегии ВС РФ, делали крайне затруднительным для кредиторов реализацию процессуальных прав в обособленных спорах с супругами должников в делах о банкротстве. Кредиторы были скованы в возможности указать суду на объективную материально-правовую реальность. Ведь при буквальном толковании пункта 2 статьи 45 СК РФ во взаимосвязи со статьей 65 АПК РФ, кредиторам требовалось представить доказательства из внутренних взаимоотношений между супругами – доказательства того, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи.

В случае если должник получил от кредитора денежные средства наличными, например для целей на развития бизнеса, а впоследствии обманул кредитора и израсходовал денежные средства на улучшение имущественного положения семьи, проследить судьбу предоставленного кредитором исполнения крайне затруднительно.

Возражая односторонней практике судов общей юрисдикции, в некоторых арбитражных окружных судах, выработанная практика начала ставиться под сомнение. Суды объясняли, что правовая позиция, изложенная в пункте 5 Обзора № 1, применяется в связи с тем, что споры между бывшими супругами часто сопровождаются межличностными конфликтами, а также повышенной вероятностью представления сфальсифицированных доказательств, подтверждающих наличие общих обязательств. В случае, когда супруг оспаривает общность долга, он не может представить доказательства расходования средств, так как фактически их не использовал. Судебная практика в таких ситуациях направлена на защиту прав такого лица, возлагая на него обязательство только при наличии доказательств того, что средства были использованы для нужд семьи [3].

Впоследствии подход арбитражных судов к рассмотрению данной категории споров поменялся диаметрально подходу судов общей юрисдикции. Сформировалась правоприменительная практика, согласно которой, правовая позиция пункта 5 Обзора № 1 сформулирована в качестве общего правила для квалификации обязательств супругов в случае спора между ними, именно этим обстоятельством обусловлен предусмотренный данной правовой позицией порядок распределения бремени доказывания, исходя из того, что оба супруга в достаточной степени осведомлены об обстоятельствах сложившихся между ними имущественных отношений. Указанный порядок не может быть применен к независимому кредитору, как правило, не имеющему сведений о финансовых взаимоотношениях между супругами. В данном случае необходимо применять общий, выработанный в судебной практике подход, предусматривающий распреде-

ление бремени доказывания исходя из доступности подлежащих представлению доказательств и сведений для участников процесса. То есть, бремя доказывания обстоятельств, касающихся финансовых взаимоотношений супругов, в данном случае возлагается только на них [4].

В рамках дел о банкротстве граждан арбитражные суды объясняли мотивы «слома» судебной практики судов общей юрисдикции: в силу доверительных, личных и, как правило, закрытых от третьих лиц внутрисемейных отношений пояснить обстоятельства и представить доказательства того, что денежные средства, полученные от кредитора одним из супругов (или обоими), были израсходованы на личные нужды или на нужды семьи, могут лишь сами супруги [5].

Анализ судебной практики показывает, что при формировании правовых позиций суды опирались на постановление Президиума ВАС РФ от 13.05.2014 № 1446/14, в котором была сформулирована концепция справедливого распределения бремени доказывания [6]. Применение данного подхода при разрешении споров о признании обязательств супругов общими обусловлено необходимостью учета баланса процессуальных возможностей и обеспечения справедливости процесса в условиях ограниченного доступа к доказательствам со стороны кредиторов.

При выработке правовых подходов учитывались и правовые позиции экономической коллегии ВС РФ [7]. Арбитражные суды исходили из того, что при определении стороны, на которую должно быть возложено бремя доказывания, учитывается не только общее процессуальное правило, но и реальные возможности сторон по представлению доказательств. Подход, основанный на принципе объективной доступности доказательств, предполагает, что доказывание тех или иных обстоятельств должно быть возложено на ту сторону, которая, с учетом характера спорных правоотношений, имеет наибольшую возможность получить и представить соответствующую информацию. Это обеспечивает баланс интересов сторон и способствует более справедливому разрешению спора, особенно в случаях, когда одна из сторон не обладает доступом к значимым фактам или документам.

Схожая позиция известна со времен громкого дела «Кировского завода» [8], подтвердившего возможность перераспределения бремени доказывания, тем самым заложив гибкий подход к его применению в современной судебной практике. Последовательный переход бремени доказывания в научной литературе именуется как «правило доказательственного пинг-понга» [9].

Неприменимость позиции, изложенной в пункте 5 Обзора № 1, была обоснована судами особенностями (спецификой) дел о банкротстве, включая конфликт интересов между кредиторами и должником в условиях недостаточности средств, а также очевидным интересом супруга должника, выраженном в нежелании отвечать по обязательству

должника. К тому же возникает конкуренция между кредиторами и высокая вероятность злоупотребления правом. Учитывая объективные трудности кредитора в получении прямых доказательств, суды последовательно утверждали, что в таких ситуациях необходимо опираться на совокупность согласующихся косвенных доказательств. После представления таких доказательств бремя доказывания личного характера обязательства должно переходить на супругов. Этот подход был закреплен Арбитражным судом Уральского округа в пункте 5 «Обзора судебной практики по актуальным вопросам применения законодательства о банкротстве гражданина», согласно которому для переложения бремени доказывания на возражающих супругов достаточно представить весомые доводы и косвенные доказательства [10].

При этом следует отметить некоторую неточность избранной формулировки. С процессуальной точки зрения переложение бремени доказывания нельзя возложить совместно на должника и супруга должника, перераспределение бремени доказывания возможно только в отношении супруга должника, как ответчика по обособленному спору. Требование по такому спору к самому должнику не заявляется и не противопоставляется.

Основываясь на приведенной судебной практике, можно заключить, что для кредитора, участвующего в таких спорах, достаточно представить доказательства, которые *prima facie* (на первый взгляд) подтверждают наличие сомнений в личном характере обязательства. В свою очередь, супругу должника, указывающему на личный характер обязательства, не должно составлять затруднений опровергнуть эти сомнения, поскольку именно супруг должника обладает всеми необходимыми доказательствами, исходя из характера их внутрисемейных отношений с несостоятельным должником.

Как следует поступить суду в случае пассивной процессуальной позиции супруга должника по обособленному спору? К примеру, если на притязания кредитора ответчик просто молчит. Зачастую возражения относительно требований кредиторов весьма формальны – недоказанность притязаний по буквальному толкованию пункта 2 статьи 45 СК РФ. При применении формального подхода, обстоятельства, на которые ссылается кредитор, им не доказаны, то есть в деле отсутствуют достаточные доказательства, позволяющие суду преодолеть стандарт доказывания и признать факты установленными [11].

Как указывается в правоприменительной практике, как правило, судебное разбирательства по такой категории споров строится по модели, предполагающей истребование судом у ответчика как лица, обладающего исчерпывающей информацией о собственных расходах, дополнительных доказательств в обоснование своих возражений, которые способны развеять соответствующие сомнения иных участников процесса и суда, и в таком случае непредставление ответчиком дополнительных доказательств презюмирует уклонение

с его стороны от опровержения доводов и обстоятельств, на которые мотивированно указывает процессуальный оппонент, вследствие чего ответчик должен нести риск наступления негативных последствий от собственного пассивного процессуального поведения [12].

Такому подходу будут непременно выдвинуты возражения о том, что суд не может собирать доказательства по собственной инициативе оказывая помощь одной из сторон, являющейся самостоятельным субъектом доказательственной деятельности и принимающей последствия несовершенства активных процессуальных действий. Вместе с тем, обозначенные возражения лишь поверхностно отражают суть вопроса, тогда как подлинная проблема носит более фундаментальный характер.

Базовая проблема доказывания в отечественной правоприменительной практике долгое время сводится к тезису – суд не может обязать ответчика представлять доказательства, а может лишь предложить их представить. По этим причинам кредиторы были скованы в возможности истребования доказательств у супруга должника.

С точки зрения догматики процессуального права такой подход воспринимается в качестве архаизма, однако его смягчение в судебной практике дается нелегко. Тем не менее истребование доказательств у процессуального оппонента допускается разъяснениями пункта 38 ППВС РФ № 46 [13] и, дополнительно, недавними разъяснениями пункта 18 ППВС РФ № 12 [14]. Столь ригидный подход правоприменителя на современном этапе должен быть окончательно преодолен.

Учитывая вышеизложенное, пассивная процессуальная позиция супруга должника в споре с кредитором относительно общего характера обязательства должна трактоваться в пользу кредитора. В данном случае применима концепция «близости к источнику возникновения риска», которая является устоявшейся в доктрине гражданского права: ответственность за риск обычно возлагается на того, кто находится ближе к его источнику, так как такое лицо имеет больше возможностей для контроля и предотвращения риска, чем другие участники оборота [15].

В отличие от предложений по введению презумпции общности пассивов супругов, при применении обозначенных подходов у супруга должника имеется больше возможностей по реализации своих прав. Например, доказывание обособления имущественных масс или отсутствия положительного экономического эффекта от полученного должником предоставления. В таком случае, снимается проблема о необходимости доказывания супругом должника отрицательного факта, ему предоставляется возможность доказывать положительные факты, которыми он располагает.

Последующее теоретическое осмысление апробированных на практике окружных арбитражных судов позиций и их закрепление в разъяснениях ВС РФ, позволит избежать законодательных изменений, потенциально чреватых непредсказуемы-

ми негативными последствиями для гражданского оборота. Кроме того, это позволит обеспечить единообразие судебной практики в одной из наиболее динамично развивающихся категорий споров при банкротстве граждан.

Литература

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.03.2016 № 75-КГ15–12 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 16-КГ15–35 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.03.2015 № 5-КГ14–162 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»
3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.07.2020 № Ф09–1350/18 по делу № А76–4488/2017 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.08.2020 № Ф09–408/19 по делу № А07–40411/2017 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.09.2021 № Ф07–13358/2021 по делу № А56–83684/2019 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.11.2022 № Ф09–7057/22 по делу № А76–45097/2020 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.06.2021 № Ф010–3088/2020 по делу № А36–2540/2017 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.02.2016 по делу N 309-ЭС15–13978, А07–3169/14 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.03.2012 № 12505/11 по делу № А56–1486/2010 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Мифтахутдинов, Р.Т. Высшая судебная инстанция продолжает объяснять правила «доказательственного пинг-понга» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 7. С. 24–26.
10. Обзор судебной практики по актуальным вопросам применения законодательства о бан-

кротстве гражданина: утв. на заседании президиума Арбитражного суда Уральского округа 24.07.2020 // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2020. № 4.

11. Карапетов А. Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. С. 3–96.
12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.08.2022 № Ф09–1592/18 по делу № А76–2682/2017 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.06.2024 № 12 «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Карапетов, А.Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 506 с.

RECOGNITION OF SPOUSES' OBLIGATIONS AS COMMON IN A BANKRUPTCY CASE: SOME ISSUES OF DISTRIBUTION OF THE BURDEN OF PROOF

Sergeyev G.O.

St. Petersburg State University

The article analyzes the approaches developed in the judicial practice of arbitration courts of cassation to the issue of distributing the burden of proof when considering claims for recognition of the debtor's obligations as common obligations of spouses in a bankruptcy case.

Keywords: recognition of spouses' obligations as common, bankruptcy, creditors' claims, distribution of burden of proof.

References

1. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.03.2016 No. 75-KG15–12 // Access from the reference legal system "ConsultantPlus"; Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.12.2015 No. 16-KG15–35 // Access from the reference legal system "ConsultantPlus"; Determination of the Judicial Collegi-

um for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.03.2015 No. 5-KG14–162 // Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

2. "Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2016)" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 13, 2016) // Access from the reference legal system "ConsultantPlus"
3. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated July 8, 2020 No. F09–1350/18 in case No. A76–4488/2017 // Access from the reference legal system "ConsultantPlus", Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated August 19, 2020 No. F09–408/19 in case No. A07–40411/2017 // Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
4. Resolution of the Arbitration Court of the North-West District dated September 24, 2021 No. F07–13358/2021 in case No. A56–83684/2019 // Access from the ConsultantPlus legal reference system.
5. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated November 7, 2022 No. F09–7057/22 in case No. A76–45097/2020 // Access from the ConsultantPlus legal reference system.
6. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated June 16, 2021 No. F010–3088/2020 in case No. A36–2540/2017 // Access from the ConsultantPlus legal reference system.
7. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.02.2016 in case No. 309-ES15–13978, A07–3169/14 // Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
8. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 06.03.2012 No. 12505/11 in case No. A56–1486/2010 // Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
9. Miftakhutdinov, R.T. The highest judicial authority continues to explain the rules of "evidentiary ping-pong" // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. No. 7. P. 24–26.
10. Review of judicial practice on topical issues of application of legislation on bankruptcy of an individual: approved. at the meeting of the Presidium of the Arbitration Court of the Ural District on July 24, 2020 // Economic justice in the Ural District. 2020. No. 4.
11. Karapetyan A. G., Kosarev A.S. Standards of proof: analytical and empirical study // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. Supplement to the Monthly Journal. 2019. No. 5. pp. 3–96.
12. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated August 18, 2022 No. F09–1592/18 in case No. A76–2682/2017 // Access from the ConsultantPlus legal reference system.
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.12.2021 No. 46 "On the application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when considering cases in the court of first instance" // Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.06.2024 No. 12 "On preparing a case for trial in an arbitration court" // Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
15. Karapetyan, A.G. Economic analysis of law. М., 2016. P. 506 p.

Анализ правового регулирования арктического туризма в Российской Федерации на региональном уровне

Цветкова Юлия Сергеевна,

старший преподаватель, кафедра международного и морского права, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова

E-mail: yultsvetkova@mail.ru

В статье, при использовании сравнительного метода, рассматривается правовое регулирование арктического туризма на уровне субъектов Российской Федерации. Анализируются стратегии развития туризма Ненецкого автономного округа, Чукотки, Мурманской области, Архангельской области, Красноярского края, меры развития, предпринимаемые в Республике Коми. Автором обосновывается необходимость регулирования арктического туризма не только на федеральном, но и на региональном уровне. Проблематика регионального регулирования арктического туризма представляется актуальной также потому, что на федеральном уровне задекларирована необходимость развития арктического туризма в России, однако имеющееся законодательство на сегодняшний день носит бессистемный характер.

Ключевые слова: Арктика, арктический туризм, полярный туризм, круизный туризм, ледокол.

В контексте выбора места для отдыха потенциальными туристами очевиден и объясним выбор южных регионов с теплым и комфортным климатом. Тем интереснее представляется рост популярности Арктики, для которой характерны сложные метеоусловия, суровый климат и ледовая обстановка, как точки притяжения туристов.

Россия обладает самой большой территорией в Арктической зоне. В 2024 году российскую Арктическую зону посетили 1,3 млн туристов. В частности, прирост по численности туристов показывают такие регионы, как Чукотский автономный округ (+50% к численности туристов в 2023 г.), Мурманская область (+18,6%), Красноярский край (+16,1%) и Якутия (+10,6%) [13].

Режим «Арктическая зона РФ» распространяется на 10 регионов – Мурманская область, Республика Карелия, Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Республика Коми, Красноярский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий округ, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ. Правовой статус Арктической зоны РФ регламентируется Федеральным законом «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [1].

Регионы Арктики являются одним из приоритетных направлений в развитии экспедиционного круизного туризма, что прописано в Концепции развития круизного туризма в РФ на период до 2024 года.

Стратегии развития арктического туризма разрабатываются и принимаются не только на федеральном, но и на региональном уровне. Стратегия развития туризма в Российской Федерации предлагает весьма обширный комплекс мер по развитию туризма в России, однако не дает каких-либо практических рекомендаций относительно полярного туризма.

В то время как на федеральном уровне регулирование туризма в полярных районах происходит весьма декларативно, более детально эти вопросы проработаны на уровне местного законодательства.

В 2017 г. Постановлением губернатора Ненецкого автономного округа была утверждена Стратегия развития туристско-рекреационного кластера Ненецкого автономного округа на период до 2022 года. Согласно документа, развитие туризма в регионе осложнено рядом факторов, в частности, отсутствием инфраструктуры, проблемами с логистикой, низким качеством туристского сервиса, высокой себестоимостью услуг и т.д.

На примере зарубежного опыта, а также опыта передовых российских регионов, добиться устойчивого развития туризма в регионе можно при помощи создания туристско-рекреационного кластера, что предполагает совокупность размещенных предприятий и организаций туристского сектора, объединенных экономическими интересами в одном или нескольких ключевых видах экономической деятельности; наличие механизма координации деятельности и кооперации участников кластера. Оценка эффективности производится по уровню результативности деятельности каждого предприятия или организации.

Как указывает А.Ф. Еремеева, наиболее развитым регионом для туризма среди арктических субъектов России является Мурманская область [7]. Наибольшую развитость Мурманской области для полярного туризма отмечают также Т.Б. Мордвинова, А.С. Скаримов, М.А. Скаримова [8]. Наиболее перспективными, по их мнению, являются акватории Берингова и Чукотского морей, а также акватории, входящие в морской трансграничный парк «Берингия».

Постановлением Правительства Мурманской области от 25.12.2013 г. № 768-ПП/20 утверждена Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года [1]. Так, значительные перспективы имеет создание комплекса услуг круизного туризма по трассам Северного морского пути из Мурманска к Новой Земле, Земле Франца-Иосифа, Северному полюсу, а также к архипелагу Шпицберген.

При этом Мурманская область старается отойти от классического представления об арктическом туризме как о некой «зимней истории», делает акцент на полярном дне как достопримечательности, формирует событийный туризм (фестивали, забег на оленях, соревнования по кайтингу и т.д.). Также акцент делают, в числе прочего, на традициях местных малочисленных народов [2].

Согласно Стратегии развития туризма в Чукотском автономном округе на период до 2025 года в качестве приоритетных направлений туризма обозначены круизный туризм, этнографический туризм, экологический туризм, а также смежные виды туризма (охота, рыбалка, гастрономический, событийный туризм). При этом среди наиболее популярных маршрутов вокруг Чукотки можно выделить путешествие из Анадыря на остров Врангеля и тур по Северному морскому пути из Мурманска до Анадыря.

Как отмечает М.И. Алексеева, туристские зоны Архангельской области выделены с учетом перспектив межрегиональных туристских маршрутов [6]. Так, выделяются туристские зоны «Архангельск – Холмогоры – Пинега – Мезень», «Северодвинск – Онега – Онежское Поморье», «Соловецкие острова», «Каргополь и Кенозерье», «Юг Архангельской области», «Русская Арктика», «Северное Трехречье».

Развивать арктический туризм в Республике Коми предполагается при помощи программы

«Гектар в Арктике», согласно которой гражданам предоставляются земельные участки в арктической зоне. Эффективность программы, а также планируемое ее использование в контексте развития туризма, были положительно оценено председателем Комитета Республики Коми имущественных и земельных отношений на очередном заседании Координационного совета при Главе Республики Коми, посвященного вопросам развития Арктики [11].

Республика Саха (Якутия), обладающая огромным потенциалом для развития туризма, стала первым российским арктическим регионом, разработавшим серию туристических продуктов «Сокровища Якутии», в рамках которых туристы могут посетить крупные предприятия добывающей отрасли и центры развития местных традиционных промыслов, в частности, ювелирный дом, производство пушнины, центр традиционной якутской посуды, а также ряд предприятий пищевой промышленности [15].

Вместе с тем, некоторые виды туризма в Якутии требуют дополнительных мер государственной поддержки: культурно-познавательный, этнографический, круизный, экологический и деловой, нишевый (мистический¹, йога-туры, палеонтологический), экстремальный, гастрономический и событийный [6].

В 2019 г. было подписано соглашение о сотрудничестве по формированию и развитию Туристско-рекреационного кластера «Арктический» Красноярского края, координатором которого является Агентство развития Норильска. Среди целей создания кластера указываются, в том числе, формирование, продвижение и реализация туристского продукта региона, стимулирования развития новых направлений в туризме, совместное использование субъектами туристского кластера туристских ресурсов территории. Арктические территории региона оцениваются как имеющие большой туристический потенциал [12].

Одним из ключевых туристских проектов на территории Арктики является развитие Русским географическим обществом научно-туристического кластера «Хатанга – долина мамонта» (с. Хатанга, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, Красноярский район). Проект предполагает создание в качестве точки притяжения Ледника «Арт-объект «Мамонт» – выставочное помещение ледникового типа площадью от 250 до 500 кв.м., а также запуск специализированного круизного судна для обзорных экскурсий по Хатангскому заливу. Для туристов разработаны также экскурсия на озеро Таймыр (останки мамонтов), экспедиция на плато Путорана (с 2010 года – памятник Всемирного наследия ЮНЕСКО)², экспедиция в Попи-

¹ Представляет собой посещение загадочных мест, с которыми связаны легенды и предания, например, гора Кисилых, озеро Лабынкыр, аномальная зона в долине реки Вилюй «Долина смерти», Шаман-дерево на трассе «Магадан-Якутск».

² Плато сформировалось около 252 млн лет назад в результате извержения огромного супервулкана. На Путоране нахо-

гайский импактный кратер, экспедиции на птичьи базары, лежбища моржей, пастбища овцебыков, посещение ледового лагеря «Барнео».

В Ямало-Ненецком автономном округе в процессе реализации находится проект туристического комплекса «Рай из», который должен стать самым большим горнолыжным курортом за полярным кругом в мире.

В зависимости от региона, в Арктической зоне Российской Федерации морской туризм представлен несколькими самостоятельными видами туризма – круизами, яхтингом и пляжным туризмом. Морское круизное судоходство в Арктике осуществляются на российских научно-исследовательских судах и атомных ледоколах в акваториях морей Северного Ледовитого океана и Тихого океана.

Для Арктики характерен круизный экспедиционный туризм и – отчасти – яхтинг. В частности, центром парусного туризма в Арктике может стать Салехард, в котором в августе 2020 года завершилась морская экспедиция на яхтах «Сибирь» и «Жемчужина», маршрут которой пролегал через Белое, Баренцево, Печорское и Карское моря. Участники экспедиции указывают на экстремальность арктического яхтинга, существенно отличающегося от парусных круизов по южным морям и европейскому побережью морей Северного Ледовитого океана [9]. Отсутствие возможности укрыться от непогоды во время многодневных переходов обуславливают особые требования к подготовке экипажа, состоянию судна, навигационной, логистической и метеорологической поддержке, и техническому оснащению¹. Развитие яхтинга в регионе возможно при условии наличия стоянки маломерных судов, создания яхтенного клуба и развития парусного спорта в регионе, что предполагает необходимость не только экономических инвестиций, но и соответствующего правового регулирования.

Одним из самых популярных направлений путешествий в российскую Арктику, как для иностранных туристов, так и для российских, являются круизы по Северному Ледовитому океану. Арктические круизы осуществляются на судах ледового класса (экспедиционное судно «Си Спирит») и ледоколах «50 лет Победы», «Капитан Хлебников», «Капитан Драницын», с возможной высадкой как на лед, так и на лодки-зодиак для рассмотрения природных объектов.

Атомный ледокол «50 лет Победы» выполняет круизы по маршруту Мурманск – Северный полюс с заходом на Землю Франца-Иосифа. Особенностью бронирования арктических экспедиционных круизов является то, что бронирование туров начинается за 1,5 года до отплытия в отличие от бронирования туров практически во все остальные регионы мира.

дятся примерно 22 тысячи озер, ледники, каньоны глубиной до 1,5 км, а также самый высокий водопад России

¹ Эхолокация, спутниковая связь, морская автоматическая идентификационная система (АИС), а также система контроля пересечения границ Российской Федерации, для согласования движения с пограничными службами.

Вместе с тем, ввиду того, что экстремальность арктических туров, обусловленная сложными погодными условиями и труднодоступностью региона, отражается на стоимости подобных путешествий (так, стоимость 13-дневного круиза «На ледоколе к вершине планеты», выполняемом на флагманском ледоколе «50 лет Победы» в июле 2025 года, составляет 3245 000 рублей на одного человека). В частности, в программу круиза входит:

- знакомство с Мурманском, до которого туристам нужно добраться самостоятельно, это не входит в состав туристского продукта;
- посадка на ледокол «50 лет Победы», выход в море через Кольский пролив;
- при благоприятных погодных условиях – высадки на лёд и полеты на вертолете над идущим во льдах атомоходом и арктическими островами в Северном Ледовитом океане;
- прибытие на Северный полюс;
- исследование одного из самых труднодоступных регионов Арктики – архипелага Земля Франца-Иосифа;
- возвращение в Мурманск через Баренцево море.

Однако подобный вид отдыха пока не доступен для широкого круга туриста и считается «элитным» и малодоступным.

Проанализировав стратегии развития туризма в арктических российских регионах, можем сделать вывод о том, что федерального регулирования арктического туризма недостаточно: необходима также регламентация на уровне субъектов Российской Федерации. Данная необходимость обусловлена особенностями регионов и видами туризма, которые могут быть реализованы на определенной территории. Также не последнюю роль в специфике регулирования играет изначально не равное физико-географическое положение арктических регионов, а также разный уровень экономического развития, а также

Активное освоение полярных регионов должно происходить с учетом специфики того или иного субъекта России. Полагаем, что документ, регламентирующий арктический туризм, должен быть принят в каждом арктическом регионе. Все региональные стратегии развития туризма должны поддерживать:

- перспективные туристские маршруты;
- перспективные для региона виды туризма;
- слабые и сильные стороны региона;
- меры поддержки бизнеса.

Арктическая зона России имеет существенный потенциал для развития туризма. Однако, такие особенности арктических регионов, как сложные климатические условия, непредсказуемые погодные условия, наличие ледовой обстановки, территориальная удаленность и труднодоступность отдельных мест, нехватка инфраструктуры, необходимости со строительством обуславливают необходимость дополнительного правового регулирова-

ния, которое должно осуществляться не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов. Именно регулирование на местном уровне может учесть особенности конкретного региона, его возможности и туристический потенциал.

Литература

1. Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13.07.2020 № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 июля 2020 г. № 29 ст. 4503.
2. Постановление Правительства Мурманской области от 25.12.2013 № 768-ПП/20 «О стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года»
3. Постановление Губернатора Мурманской области от 27.08.2014 № 126-ПГ «Об утверждении региональной программы социально-экономического развития «Мурманская область – стратегический центр Арктической зоны Российской Федерации» // «Мурманский Вестник» от 29 августа 2014 г. № 159
4. Постановление Губернатора Ненецкого автономного округа Стратегия развития туристско-рекреационного кластера Ненецкого автономного округа на период до 2022 года
5. Распоряжение Правительства Чукотского автономного округа от 09.12.2019 № 487-рп «Об утверждении Стратегии развития туризма Чукотского автономного округа на период до 2025 года»
6. Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 20.11.2020 № 1070-р «О стратегии развития туризма в Республике Саха (Якутия) на период до 2025 года»
7. Соглашение о сотрудничестве по формированию и развитию Туристско-рекреационного кластера «Арктический» Красноярского края от 28.10.2019 г.
8. Алексеева М.И. Особенности и перспективы развития туризма в арктических субъектах Российской Федерации (на примере Архангельской области) / М.И. Алексеева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 46 (388). – С. 66–69.
9. Возможен ли северный яхтенный туризм. – URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/vozmozhen-li-severnoy-yakhtennyu-turizm/> (дата обращения 04.04.2025)
10. Еремеева А.Ф. Региональные особенности формирования туристической среды в российской Арктике (на примере Мурманской области и Ямало-Ненецкого автономного округа) // Инновации и инвестиции. 2022. № 8.
11. Полярное право: Монография (Мордвинова Т.Б., Скарисов А.С., Скарисова М.А.) (под ред. А.С. Скарисова) («Юстиция», 2017)

12. Концепцию Арктического туризма в Коми планируется реализовать с привлечением программы «Гектар в Арктике». Электронный ресурс: <https://ourreg.ru/2023/06/07/koncepciju-arkticheskogo-turizma-v-komi-planiruetsja-realizovat-s-privlecheniem-programmy-gektar-v-arktike/> (дата обращения 07.03.2025)
13. Сколько туристов ездят в Арктику? Минэкономразвития подвело итоги 2024 года и выяснило, какой регион стал лидером роста турпотока в АЗРФ. – URL: <https://goarctic.ru/society/skolko-turistov-ezdyat-v-arktiku-minekonomazvitiya-podvelo-itogi-2024-goda-i-vyyasnilo-kakoy-region-/> (дата обращения 03.04.2025)
14. Эксперт: арктические территории Красноярского края имеют большой туристический потенциал. Электронный ресурс: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/96002/> (дата обращения 03.04.2025)
15. Якутия разработала маршруты в рамках стратегии промышленного туризма. – URL: <https://tass.ru/v-strane/10976997> (дата обращения 04.03.2025).

ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF ARCTIC TOURISM IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE REGIONAL LEVEL

Tsvetkova Y.S.

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

Using the comparative method, the article examines the legal regulation of Arctic tourism at the level of the subjects of the Russian Federation. The strategies of tourism development in the Nenets Autonomous Okrug, Chukotka, Murmansk Region, Arkhangelsk Region, Krasnoyarsk Territory, and development measures taken in the Komi Republic are analyzed. The author substantiates the need to regulate Arctic tourism not only at the federal, but also at the regional level. The issue of regional regulation of Arctic tourism is also relevant because the need for the development of Arctic tourism in Russia has been declared at the federal level, but the current legislation is unsystematic.

Keywords: Arctic, arctic tourism, polar tourism, cruise tourism, ice-breaker.

References

1. Federal Law “On State Support for entrepreneurial Activity in the Arctic zone of the Russian Federation” dated July 13, 2020 No. 193-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation dated July 20, 2020 No. 29 art. 4503.
2. Decree of the Government of the Murmansk Region dated December 25, 2013 No. 768-PP/20 “On the strategy of socio-economic development of the Murmansk Region regions until 2020 and for the period up to 2025”
3. Decree of the Governor of the Murmansk Region dated 08.27.2014 No. 126-PG “On approval of the regional socio-economic development program “Murmansk Region – the strategic Center of the Arctic zone of the Russian Federation” // Murmansk Vestnik dated August 29, 2014 No. 159
4. Decree of the Governor of the Nenets Autonomous Okrug Strategy for the development of the tourist and recreational cluster of the Nenets Autonomous Okrug districts for the period up to 2022
5. Decree of the Government of the Chukotka Autonomous Okrug dated 09.12.2019 No. 487-rp “On approval of the Tourism Development Strategy of the Chukotka Autonomous Okrug for the period up to 2025”
6. Decree of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 20.11.2020 No. 1070-r “On the Strategy for the develop-

- ment of tourism in the Republic of Sakha (Yakutia) for the period up to 2025"
7. Agreement on cooperation in the formation and development of the Arctic Tourism and Recreation Cluster of the Krasnoyarsk Territory dated 28.10.2019.
 8. Alekseeva M.I. Features and prospects of tourism development in the Arctic regions of the Russian Federation (on the example of the Arkhangelsk region) / M.I. Alekseeva. – Text: direct // Young scientist. – 2021. – № 46 (388). – Pp. 66–69.
 9. Is northern yachting tourism possible? – URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/vozmozhen-li-severnnyy-yakhtennyy-turizm> (accessed 04.04.2025)
 10. Ereemeeva A.F. Regional features of the formation of the tourist environment in the Russian Arctic (on the example of the Murmansk Region and the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) // Innovations and investments. 2022. No. 8.
 11. Polar law: A monograph (Mordvinova T.B., Skaridov A.S., Skaridova M.A.) (edited by A.S. Skaridov) ("Justice", 2017).
 12. The concept of Arctic tourism in Komi is planned to be implemented with the involvement of the "Hectare in the Arctic" program. Electronic resource: <https://ourreg.ru/2023/06/07/koncepciju-arkticheskogo-turizma-v-komi-planiruet-sja-realizovat-s-privlecheniem-programmy-gektar-v-arktike> (accessed 03.07.2025)
 13. How many tourists go to the Arctic? The Ministry of Economic Development summed up the results of 2024 and found out which region has become the leader in the growth of tourist traffic in the Russian Arctic. – URL: <https://goarctic.ru/society/skolko-turistov-ezdyat-v-arktiku-minekonomazvitiya-podvelo-itogi-2024-goda-i-vyyasnilo-kakoy-region> (accessed 04.03.2025)
 14. Expert: the Arctic territories of the Krasnoyarsk Territory have great tourism potential. Electronic resource: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/96002> (accessed 04.03.2025)
 15. Yakutia has developed routes as part of its industrial tourism strategy. – URL: <https://tass.ru/v-strane/10976997> (accessed 03.04.2025).

Павлов Игорь Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
морского права, ФГБОУ ВО «Морской государственный
университет имени адмирала Г.И. Невельского»
E-mail: Igor_2671@mail.ru

Шахов Ярослав Владимирович,

студент, ФГБОУ ВО «Морской государственный университет
имени адмирала Г.И. Невельского»
E-mail: shahovson@mail.ru

Эксплуатация морского транспорта связана с разнообразием опасных морских рисков, высокая вероятность их наступления обуславливает необходимость применения особого инструмента – морского страхования в целях компенсации имущественных потерь. Ключевым документом, регулирующим правовые отношения в области морского страхования, является договор морского страхования. По неясной причине данному виду договора уделяется недостаточно внимания в юридической науке, в связи с чем авторами было проведено исследование, направленное на всестороннее изучение особенностей договора морского страхования в Российской Федерации.

В статье приводится понятие договора морского страхования, дано соотношение договора морского страхования с договором имущественного страхования. На основании анализа законодательства Российской Федерации и научной литературы авторами выделены особые свойства договора морского страхования, отличающие его от других видов, а также предложена классификация видов морского страхования по объекту страхования.

Ключевые слова: морское право, страховое право, договор морского страхования, объект страхования, страхователь, страховщик.

На основании ст. 246 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (далее – КТМ РФ): «**По договору морского страхования** страховщик обязуется за обусловленную плату (страховую премию) при наступлении предусмотренных договором морского страхования опасностей или случайностей, которым подвергается объект страхования (страхового случая), возместить страхователю или иному лицу, в пользу которого заключен такой договор (выгодоприобретателю), понесенные убытки» [2].

Данное определение схоже с определением договора имущественного страхования из ч. 1 ст. 929 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в которой также указаны похожие субъекты и содержание договора [3]. Отличие заключается в том, что на основании ч. 1 ст. 249 КТМ РФ объектом морского страхования может быть всякий имущественный интерес, связанный с торговым мореплаванием (например, судно, строящееся судно, груз, фрахт, плата за проезд пассажира, плата за пользование судном, ожидаемая от груза прибыль, заработная плата, ответственность судовладельца и т.д.) [2].

Проведя анализ законодательства Российской Федерации и научной литературы, предлагаем выделить следующие **свойства договора морского страхования**.

Первое свойство – причастность к виду имущественного и транспортного страхования.

Во-первых, страховой интерес в морском страховании исходя из ст. 934 ГК РФ связан с имуществом, соответственно, все виды договоров морского страхования являются имущественными [10, с. 282].

Во-вторых, ошибочно считать, что транспортное страхование – это лишь страхование транспортных средств. На самом деле, транспортное страхование – совокупность видов страхования, обеспечивающих защиту имущественных интересов [8, с. 78].

Второе свойство – это разнообразие объектов договора морского страхования.

В качестве примера можно привести многообразие имущественных интересов, связанных со страхованием судов. Судно, как предмет договора морского страхования, различается по размеру, типу, району плавания, назначению. При этом транспортные отношения усложняются, появляется большее количество судов, грузоперевозок, членов морского экипажа [9, с. 49]. Следовательно, каждый договор морского страхования становится уникальным по объекту морского страхования.

Здесь стоит отметить, что отношения по договору морского страхования связаны в первую оче-

редь с владением, пользованием и распоряжением морских судов. При этом, важно понимать, что законодательное определение морского судна отличаются в зависимости от сферы действия нормативных актов (в том числе международных) [1]. В данной работе мы руководствуемся ч. 1 ст. 7 КТМ РФ, где судно представляет собой «самоходное или несамоходное плавучее сооружение, которое используется в целях торгового мореплавания» [2].

Третье свойство – уникальные страховые риски, которые могут быть указаны в договоре, например: общая авария, ледовая авария, посадка судна на мель, пиратство, исчезновение судна.

Четвёртое свойство – наличие морского абандона (ст. 278, ст. 279 КТМ РФ). Абандон встречается в других видах страхования, однако морской абандон имеет особенную процедуру и основания. В частности, можно отметить, что, абандон возникает в результате заявления страхователя. Срок подачи заявления составляет 6 месяцев. Абандон не может быть взят страхователем обратно [15, с. 49–51].

Пятое свойство – письменная форма в соответствии со ст. 248 КТМ РФ [2].

Что касается **видов договора морского страхования**, их можно классифицировать, главным образом, по объекту договора морского страхования. Именно данная классификация позволяет лучше понять правовую природу договоров морского страхования.

Договор страхования морского судна

Часто данное страхование называют, как и автомобильном страховании – КАСКО. Данное слово происходит от нидерландского «casco» и означает «корпус» [11, с. 264]. Иными словами, страхование КАСКО защищает судно «внешне»: без экипажа и груза.

1.1. По времени жизни судна страхование КАСКО делится на страхование строящегося судна и судна эксплуатируемого, которое, в свою очередь подразделяется на виды по возрасту судна, которое делится на новое или старое судно. Данная классификация имеет практический смысл для страховщика, ведь общеизвестно, что чем старше транспортное средство, тем выше его аварийность и выше страховые риски, с ним связанные. Следовательно, имеет смысл повысить страховую премию за более старое судно.

Договор страхования грузов, перевозимых морем – страхование груза на всём протяжении морской перевозки

Данный вид страхования называют также КАРГО (от испанского «carga» – нагрузка, погрузка) [16]. Данный вид страхования является особо актуальным, так как существует длительная тенденция увеличения грузоперевозок через море. Современное страхование грузов становится возможным благодаря взаимодействию страхователя и страховщика со страховыми агентами, брокерами, которые при-

нимают важное участие в заключении договоров морского страхования [6, с. 60–63].

Для России доля страховых премий по страхованию грузов (не только в сфере торгового мореплавания) составила 1,3% в 2021 году. Однако, эти объёмы не отражают реальный масштаб развития страхования грузов, так как в основном страхуются экспортные грузы. Более того, с 2014 по 2024 годы замечен рост количества договоров страхования грузов на 19,7% [14, с. 184]. Это свидетельствует о реальном развитии страхования грузов и его значимости.

Достаточно интересным подвидом договора морского страхования грузов является *страхование контейнеров*.

Контейнер отделим и от судна, и от его содержимого. Можно застраховать как контейнеры для генеральных грузов, так и специализированные. В отношении страхования контейнера действует основное правило – страховщик несёт ответственность за повреждение самого контейнера, даже если содержимое не повреждено. Однако из общего правила есть исключения. Например, при нарушении пломбировки, воздействию взрывчатых веществ, неправильное крепление груза в контейнере и др. [13].

Договор страхования ответственности в торговом мореплавании

В первую очередь, это страхование гражданско-правовой ответственности судовладельца. По своей сути данный договор похож на аналогичный договор из автострахования ОСАГО, однако с ключевыми различиями. Первое заключается в том, что в страховании автогражданской ответственности регламентированы все тарифы, что нельзя сказать про страхование ответственности судовладельцев. Второе связано с тем, что услуги по страхованию ОСАГО осуществляют российские страховые компании, в то время как договор морского страхования ответственности судовладельца можно заключить с иностранной страховой компанией. Третье различие выходит из срока действия договора страхования ОСАГО – 1 год. Договор морского страхования ответственности судовладельца может иметь другие сроки действия.

Существуют обстоятельства, когда объём обязательств страховщика по договору страхования меньше запрашиваемых условий общеаварийной гарантии. В таком случае, на основании ст. 273 КТМ РФ, страховщик обязан покрыть расходы по общей аварии в размере страхового возмещения, указанном в договоре морского страхования, даже если размер возмещения не покрывает размер страховой суммы полностью [5, с. 16].

Стоит отметить, что особую значимость данный вид договора приобретает из-за усиления позиций России в Арктических океанических территориях, богатыми нефтью. В договор морского страхования ответственности входят также экологические риски, в том числе аварийный разлив нефти и нефтепродуктов на морских акваториях [4, с. 16].

Страхование экипажа

По данному виду договора могут быть застрахованы заработная плата и иные причитающиеся капитану судна и другим членам экипажа судна суммы, в том числе расходы на репатриацию (возвращение в страну, место проживания). Существует взгляд, что в данный вид страхования входят также страхование жизни экипажа и пассажиров, а также страхование от несчастных случаев [12, с. 429].

Пассажирское страхование

Аналогично со страхованием экипажа и в соответствии с дефиницией объекта морского страхования из КТМ РФ, плата за проезд пассажира морем может быть застрахована.

Множественные обязательства по морскому страхованию

В статье 249 КТМ РФ в качестве фактического данного вида обязательства предстаёт перестрахование – деятельность по защите одним страховщиком (перестраховщиком) имущественных интересов другого страховщика (перестрахователя), связанных с принятым последним по договору страхования (основному договору) обязательств по страховой выплате.

Иные виды договоров

К таким относят, например, страхование фрахта за пользование судном для перевозки грузов, пассажиров и его багажа. Так, судовладелец заинтересован получить арендную плату за использование судна перевозчиком, платежеспособность которого напрямую зависит от благополучной перевозки застрахованного груза [7, с. 49].

Также к данному виду можно отнести страхование расходов по снаряжению и эксплуатации судна и другие.

Смешанные (комбинированные; комплексные) договоры, совмещающие сразу несколько объектов страхования

Они включают в себя несколько вышеперечисленных видов, несколько объектов страхования.

В заключение стоит отметить важность дальнейшего изучения договора морского страхования, ведь увеличение количества международных морских перевозок – часть политики государства, а морское страхование – гарант стабильности мировой экономики, способствующий укреплению доверия всех сторон сделок в торговом мореплавании.

Литература

1. Международная конвенция о спасании 1989 года (SALVAGE): заключена в г. Лондоне

28.04.1989 – Доступ из СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/2540770/> (дата обращения: 16.03.2025).

2. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: федер. закон от 30.04.1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/3LULtA> (дата обращения: 10.03.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. от 31.10.2024). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/3LULxd> (дата обращения: 10.03.2025).
4. Егорова, Е.Н. Экономические инструменты защиты окружающей среды: страхование ответственности судовладельцев за разливы нефти / Е.Н. Егорова // УЭКС. – 2013. – № 12 (60). – С. 1–35.
5. Исаков, В.С. Предоставление страховщиком обеспечения платежей по общей аварии как его обязательство в рамках договора морского страхования // Океанский менеджмент. – 2022. – № 3 (17). – С. 13–18.
6. Каламкарлова, А.А. Страхование грузоперевозок на морском транспорте в международной торговле / А.А. Каламкарлова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 11. – С. 60–65.
7. Лебедев, П.А. Правовое положение выгодоприобретателя в морском страховании в Российской Федерации / П.А. Лебедев // Современное право. – 2015. – № 11. – С. 47–52.
8. Логвинова, И.Л. Транспортное страхование как защита имущественных интересов юридических и физических лиц / И.Л. Логвинова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 11. – С. 74–80.
9. Никулина, Н. Н., Ушаков, И.И. Сравнительный анализ особенностей перестраховочной деятельности по некоторым видам страхования / Н.Н. Никулина, И.И. Ушаков // Вестник экономической безопасности. – 2015. – № 4. – С. 46–52.
10. Соколов, Н.В. Транспортное страхование как часть имущественного страхования в Российской Федерации / Н.В. Соколов // Право и экономика в условиях санкций: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М.: Издательская группа «Юрист». – 2023. – С. 282–290.
11. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / О.В. Абознова, Н.Г. Беляева, Т.Л. Вербенко и др.; под ред. И.В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, – 2022. – 480 с.
12. Тимченко, Т.М. Боран-Кешишьян, А.Л. Современные аспекты медицинского страхования здоровья и жизни членов экипажей судов / Т.М. Тимченко, А.Л. Боран-Кешишьян // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения

и истории медицины. – 2022. – № 3. – С. 428–433.

13. Условия страхования контейнеров от СПАО «Ингосстрах»: сайт СПАО «Ингосстрах» – URL: <https://www.ingos.ru/corporate/transport/kasko-container> (дата обращения: 21.03.2025).
14. Цыганов, А.А., Брызгалов, Д.В., Рыбаков, С.И. Страхование грузов в Российской Федерации: современное состояние, эффективность и пути развития / А.А. Цыганов, Д.В. Брызгалов, С.И. Рыбаков // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 1 (202). – С. 183–186.
15. Чебунин, А.В. Абандон в теории и практике страхования / А.В. Чебунин // Сибирский юридический вестник. – 2003. – № 1. – С. 48–55.
16. Экономический словарь терминов – URL: https://gufo.me/dict/economics_terms/КАРГО (дата обращения: 21.03.2025).

MARINE INSURANCE CONTRACT IN RUSSIA: CONCEPT, PROPERTIES, TYPES

Pavlov I.N., Shakhov Y.V.

Admiral G.I. Nevelsky Maritime State University

The operation of marine transport is associated with a variety of dangerous maritime risks, the high probability of their occurrence necessitates the use of a special tool – marine insurance in order to compensate for property losses. The key document regulating legal relations in the field of marine insurance is the marine insurance contract. For some reason, this type of contract is not given enough attention in legal science, and therefore the authors conducted a study aimed at a comprehensive study of the specifics of the marine insurance contract in the Russian Federation.

The article presents the concept of a marine insurance contract, and provides a correlation between a marine insurance contract and a property insurance contract. Based on the analysis of the legislation of the Russian Federation and scientific literature, the authors have identified the special properties of the marine insurance contract that distinguish it from other types, as well as proposed a classification of types of marine insurance by insurance object.

Keywords: maritime law, insurance law, marine insurance contract, insurance object, policyholder, insurer.

References

1. The International Convention on Salvage of 1989 (SALVAGE) [Electronic resource]: concluded in London on 04/28/1989 – Access from the ATP ConsultantPlus. – Text: electronic (date of request: 03/16/2025).
2. The Code of Merchant Shipping of the Russian Federation [Electronic resource]: feder. Law No. 81-FZ of 30.04.1999 (as amended on 06/22/2024) (as amended and supplemented, intro. effective from 09/01/2024) – Access from the SPS “ConsultantPlus”. – Text: electronic (date of request: 03/10/2025).
3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) [Electronic resource]: feder. Law No. 51-FZ of 11/30/1994 (as amended on 08/08/2024) (as amended dated 31.10.2024). – Access from the SPS ConsultantPlus. – Text: electronic (date of request: 03/10/2025).
4. Egorova, E.N. Economic instruments for environmental protection: shipowners’ liability insurance for oil spills / E.N. Egorova // UEX. – 2013. – № 12 (60). – Pp. 1–35.
5. Isakov, V.S. Provision by the insurer of payment security for a general accident as its obligation under the marine insurance contract // Ocean Management. – 2022. – № 3 (17). – Pp. 13–18.
6. Kalamkarova, A.A. Insurance of cargo transportation by sea in international trade / A.A. Kalamkarova // Actual problems of the humanities and natural sciences. – 2010. – No. 11. – pp. 60–65.
7. Lebedev, P.A. The legal status of the beneficiary in marine insurance in the Russian Federation / P.A. Lebedev // Modern law. – 2015. – No. 11. – pp. 47–52.
8. Logvinova, I.L. Transport insurance as protection of property interests of legal entities and individuals / I.L. Logvinova // Property relations in the Russian Federation. – 2022. – No. 11. – pp. 74–80.
9. Nikulina, N. N., Ushakov, I.I. Comparative analysis of the features of reinsurance activities for certain types of insurance / N.N. Nikulina, I.I. Ushakov // Bulletin of Economic Security. 2015. No. 4. pp. 46–52.
10. Sokolov, N.V. Transport insurance as part of property insurance in the Russian Federation / N.V. Sokolov // Law and economics under sanctions: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow: Publishing Group “Lawyer”. – 2023. – pp. 282–290.
11. Handbook of evidence in the arbitration process / O.V. Abonova, N.G. Belyaeva, T.L. Verbenko et al.; edited by I.V. Reshetnikova. 2nd ed., revised and additional – M.: NORMA, INFRA-M., – 2022. – 480 p.
12. Timchenko, T.M. Boran-Keshishian, A.L. Modern aspects of medical insurance for the health and life of ship crew members / T.M. Timchenko, A.L. Boran-Keshishian // Problems of social hygiene, public health and the history of medicine. – 2022. – No. 3. – pp. 428–433.
13. Terms of container insurance from Ingosstrakh Joint-Stock Company – URL: <https://www.ingos.ru/corporate/transport/kasko-container> (date of request: 03/21/2025).
14. Tsyganov, A.A., Bryzgalov, D.V., Rybakov, S.I. Cargo insurance in the Russian Federation: current state, efficiency and ways of development / A.A. Tsyganov, D.V. Bryzgalov, S.I. Rybakov // Problems of forecasting. – 2024. – № 1 (202). – Pp. 183–186.
15. Chebunin, A.V. Abandonment in the theory and practice of insurance / A.V. Chebunin // Siberian Law Bulletin. – 2003. – No. 1. – pp. 48–55.
16. Economic dictionary of terms – URL: https://gufo.me/dict/economics_terms/КАРГО (date of request: 03/21/2025).

Правовое регулирование технологии блокчейн в российской правовой системе

Шульженко Владислав Сергеевич,

аспирант, Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: mattbeker@mail.ru

Статья посвящена правовому регулированию технологии блокчейн в российской правовой системе. Целью исследования является выявление правовых проблем, возникающих при использовании блокчейна в частноправовых отношениях, и разработка предложений по их решению. Методология основана на формально-юридическом анализе законодательства, сравнительно-правовом подходе. Установлено, что ключевыми проблемами являются неопределённость правового статуса смарт-контрактов, сложности идентификации участников и отсутствие признания юридической силы записей в распределённых реестрах. Предложены меры по дополнению гражданского законодательства, стандартизации цифровой идентификации и признанию блокчейн-записей доказательствами в суде. Новизна исследования заключается в комплексной оценке правовой природы блокчейна как самостоятельного регулятора цифровых сделок. Полученные выводы могут быть применимы при совершенствовании законодательства в сфере цифровых технологий и разработке методических рекомендаций для правоприменительных органов.

Ключевые слова: блокчейн, смарт-контракты, цифровые активы, децентрализованные реестры, интеллектуальная собственность.

Цифровизация экономики приводит к появлению новых технологических решений. Блокчейн как инструмент децентрализованной фиксации данных широко используется в финансовых расчетах и цифровых сделках. Его основное свойство – неизменяемость записей, что создает предпосылки для автоматизации обязательств в традиционных правоотношениях. Однако существующая правовая система строится на иных принципах: централизованном контроле, персональной ответственности и обязательной идентификации субъектов. Это вызывает сложность в интеграции блокчейна в традиционные гражданско-правовые механизмы.

Вопросы регулирования блокчейн-технологий в России остаются открытыми. Отдельные правовые нормы затрагивают цифровые активы и инвестиционные платформы, но комплексного регулирования децентрализованных реестров не разработано. Отсутствие единых правовых стандартов, как указывает А.В. Рощупкина, приводит к судебным спорам «о защите цифровых прав и признании блокчейн-инструментов в гражданском обороте как легальных инструментов» [7, с. 49].

Блокчейн представляет собой децентрализованную систему обработки информации, основанную на криптографических методах защиты данных. Каждая запись фиксируется в блоке, который после проверки добавляется в цепочку предыдущих блоков. В результате образуется неизменяемый реестр. В традиционных базах данных информация может изменяться, а в блокчейне модификация ранее внесенных данных невозможна без пересчета всей цепочки. Это делает технологию устойчивой к подделке.

Однако правовая природа блокчейна остается предметом дискуссий: его можно рассматривать как средство удостоверения фактов, технологическую инфраструктуру для исполнения сделок или инструмент распределенного управления цифровыми активами. Юридическая квалификация блокчейна осложняется его децентрализованной структурой.

В традиционном праве субъекты взаимодействуют через централизованные механизмы контроля (нотариат, государственные реестры). Блокчейн устраняет необходимость в посредниках, заменяя их математическими алгоритмами. Вопросы авторства записей и ответственности участников такой системы требуют концептуального переосмысления.

Вопрос о правовой природе блокчейна также остается дискуссионным, что отражается в различных теоретических подходах к его определению.

Один из них рассматривает блокчейн как «технологический инструмент фиксации и хранения данных, аналогичный распределенной базе данных, но с высокой степенью защиты от модификации» [3, с. 14].

В этом случае правовое регулирование сводится к вопросам защиты информации и обеспечения юридической значимости записей, сделанных в блокчейне. Такой подход наиболее близок к концепции правового признания электронных доказательств и цифровых подписей, что позволяет использовать блокчейн в государственном администрировании.

Другой подход исходит из того, что блокчейн является не просто инструментом хранения информации, а механизмом «юридической фиксации прав и обязательств, который может выполнять функции самостоятельного регулятора» [2, с. 22].

Здесь блокчейн рассматривается как новая форма регулирования частноправовых отношений, в которой алгоритмы заменяют традиционные правовые конструкции. Такой взгляд требует адаптации существующего законодательства к цифровым технологиям и признания блокчейн-платформ юридически значимыми системами фиксации сделок.

Некоторые нормы гражданского права могут быть адаптированы для регулирования блокчейн-правоотношений. Например, эта технология позволяет фиксировать сделки без традиционной письменной формы, но действующее законодательство требует подписания договоров. Вопрос об их правовой природе остается открытым: с одной стороны, они соответствуют концепции автоматизированного исполнения обязательств, с другой – не подпадают под классические конструкции договорного права. И.Е. Михеева указывает, что в ряде зарубежных юрисдикций блокчейн воспринимается как технологическая платформа, «не требующая самостоятельного правового регулирования, тогда как в других странах предпринимаются попытки адаптации законодательства к новым цифровым инструментам» [4, с. 8].

Использование блокчейн-технологий в публичном праве связано с потребностью государства в прозрачных механизмах управления. Децентрализованный реестр может применяться в системах государственного учета и налогового администрирования. Одним из перспективных направлений является ведение государственных реестров регистрации прав на недвижимость, учета корпоративных долей и автоматизации государственных закупок.

Блокчейн в целом снижает риски фальсификации данных. В ряде стран уже реализуются пилотные проекты по использованию блокчейна в государственных базах данных, однако в России его применение остается фрагментарным. Финансовая сфера остается одной из наиболее активных областей применения блокчейна. Законодательство регулирует цифровые финансовые активы, однако остается открытым вопрос о статусе участ-

ников криптовалютных транзакций и налогообложении цифровых активов. Токенизация активов также требует законодательного признания. Токены в отличие от традиционных финансовых инструментов могут представлять собой права на активы. Поэтому без нормативного закрепления такие механизмы не обладают юридической силой. Такие пробелы создают риски для участников цифрового рынка.

В сфере частного права блокчейн применяется в цифровых сделках и защите интеллектуальной собственности. Одним из ключевых направлений является использование смарт-контрактов, представляющих собой алгоритмически запрограммированные соглашения автоматического исполнения. В отличие от традиционных договоров, такие механизмы не требуют стороннего контроля. Однако в российском праве «смарт-контракты все еще не получили однозначной правовой квалификации – иногда они рассматриваются как вид электронного договора, иногда – как технология исполнения гражданско-правового обязательства» [6, с. 272].

Проблемной остается идентификация сторон, поскольку анонимность блокчейн-транзакций затрудняет определение субъектов обязательств. В международной практике рассматриваются модели регулирования смарт-контрактов через концепцию электронных договоров, однако их адаптация к российскому праву требует законодательного закрепления автоматизированного исполнения обязательств.

Стоит отметить значение блокчейна для сферы правовой охраны интеллектуальных прав. Эта технология позволяет фиксировать авторские права, обеспечивая неизменяемую запись о создании произведения и его последующем использовании. Однако такие механизмы пока не имплементированы в правовую систему России. В судебной практике возникают споры о признании данных в блокчейне-цепочках в качестве доказательств.

Российское законодательство не содержит единого нормативного акта, регулирующего блокчейн-технологии в гражданском обороте, что приводит к фрагментарному правоприменению. Законодательные попытки дать определение блокчейну встречаются в стратегических документах¹, но эти положения не создают обязательных правил поведения для частных субъектов.

Наиболее значимыми правовыми актами являются Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² и Федеральный закон от 31.07.2020

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.08.2019 № 1797-р «Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года» (вместе с Планом мероприятий по реализации Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года) // Собрание законодательства РФ. 19.08.2019. № 334. Ст. 4850.

² Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием

№ 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹.

В частности, эти законодательные акты устанавливают правовой режим для привлечения инвестиций через цифровые платформы. Однако эти нормы не затрагивают блокчейн в его общем технологическом смысле. Смарт-контракты и иные формы использования блокчейна остаются за пределами нормативного регулирования. В результате на практике участники блокчейн-отношений вынуждены обращаться к общим нормам гражданского права.

Отдельные правовые нормы, регулирующие цифровые технологии, применяются к блокчейну по аналогии, но не учитывают его специфики. Например, нормы о письменной форме сделок (ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации², далее – ГК РФ) требуют наличие подписи сторон, что несовместимо с принципом автоматического исполнения смарт-контрактов.

Вопрос правового признания данных в блокчейн-цепочке осложняется тем, что в процессуальном праве отсутствует четкое определение их доказательственной силы. Судебная практика по этому вопросу пока неоднородна: в одних делах суды принимают блокчейн-записи в качестве доказательств, в других – требуют традиционные формы фиксации обязательств.

Для сравнения, в иностранных юрисдикциях предпринимаются различные модели регулирования блокчейна. В США блокчейн воспринимается как технологическая инфраструктура, регулируемая отраслевыми нормами, например, в сфере финансовых технологий (FinTech). В Европейском союзе действует Регламент о рынках криптоактивов³ (MiCA), который создает правовую основу для обращения цифровых активов.

Китай же выбрал путь «строгостоящего государственного контроля, ограничив использование публичных блокчейн-платформ» [5, с. 129].

Российская модель не соответствует ни одной из этих стратегий: блокчейн не запрещен, но и не регулируется в полной мере.

Ведущая проблема правового регулирования блокчейна заключается в отсутствии единого под-

инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 172. 07.08.2019.

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 173. 06.08.2020.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.

³ Регламент (ЕС) 2023/1114 Европейского парламента и Совета от 31 мая 2023 года о рынках криптоактивов, о внесении изменений в Регламент (ЕС) № 1093/2010 и № 1095/2010 и Директиву 2013/36/ЕС и об отмене Регламента (ЕС) № 596/2014 (MiCA) // Официальный журнал Европейского Союза. 2023. L150. С. 40–130. URL: <https://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 11.03.2025).

хода к правосубъектности участников системы. В традиционном гражданском праве субъекты сделки идентифицируются через правовой статус (физическое или юридическое лицо), регистрационные данные и другие параметры. В блокчейне же возможны анонимные транзакции. Например, если обязательство фиксируется в смарт-контракте без указания персональных данных сторон, в случае нарушения исполнения решения суда становится затруднительным. Вопрос усложняется и тем, что «блокчейн-платформы работают в трансграничном формате, а в российском праве нет механизмов регулирования децентрализованных субъектов на таком уровне», – заключают Т.В. Васильева и Л.В. Кудрявцева [1, с. 81].

Открытым остается вопрос о применимом праве в спорах между участниками блокчейн-экосистемы. В классических частноправовых режимах автор или правообладатель регистрирует свои права через официальные реестры, в блокчейне же фиксация прав может осуществляться без государственного контроля. Это создает юридическую коллизию: запись в блокчейне подтверждает существование объекта, но не является доказательством права собственности.

В судебной практике возникают споры о признании таких записей юридически значимыми. С одной стороны, блокчейн может использоваться как инструмент подтверждения прав, с другой – «без законодательного закрепления его правового статуса суды могут не признавать такие записи в качестве доказательств» [8, с. 79].

Судебные споры по делам, связанным с блокчейн-технологиями, демонстрируют неоднородность правоприменения. Одним из показательных дел стало разбирательство по заявке на регистрацию товарного знака «Блокчейн/blockchain» в отношении товаров и услуг 09, 35, 36 и 42 классов Международной классификации. Истец, полагая, что обозначение обладает различительной способностью, обратился в Роспатент за регистрацией, но получил отказ. Административный орган указал, что термин «блокчейн» является общеупотребительным и не может быть монополизирован в качестве товарного знака. Истец оспорил этот отказ в Суд по интеллектуальным правам, но суд поддержал позицию Роспатента, сославшись на то, что использование общеизвестных технологических терминов в качестве товарных знаков противоречит требованиям ГК РФ. Верховный Суд также отказал в передаче кассационной жалобы на рассмотрение, подтвердив, что заявленное обозначение не может служить средством индивидуализации товаров и услуг⁴.

Другой спор касался признания недействительным патента на блокчейн-платформу, используемую для управления интеллектуальной собственностью. Истец разработал систему учета и передачи прав с применением блокчейна и получил патент, однако в дальнейшем его регистрация бы-

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.08.2020 № 300-ЭС20–1053.

ла оспорена третьей стороной, полагающей, что спорное техническое решение не отвечает требованиям новизны. Роспатент удовлетворил возражение и признал патент недействительным, указывая, что заявленные технологии представляют собой общеизвестные алгоритмы обработки данных и не обладают признаками изобретательского уровня. Истец обратился в Суд по интеллектуальным правам, требуя отмены решения Роспатента и восстановления своего исключительного права. Однако суд поддержал административный орган, отметив, что само по себе использование блокчейна не является техническим изобретением, если не предложено принципиально нового способа обработки информации¹.

Кроме вопросов интеллектуальной собственности, судебная практика затрагивает и использование блокчейна в гражданско-правовых отношениях. В одном из дел истец предъявил требования о защите исключительных прав на произведения науки и литературы, размещенные на блокчейн-платформе IPChain без его согласия. Ответчик, являющийся оператором платформы, утверждал, что его деятельность носила исключительно информационный характер, а сам факт размещения данных в распределенном реестре не является нарушением исключительных прав. Суд установил, что сведения о произведениях действительно были зафиксированы в блокчейне, однако их размещение сопровождалось аннотациями, позволяющими их идентифицировать. В результате суд признал факт нарушения интеллектуальных прав и обязал ответчика выплатить компенсацию².

Подобные разбирательства подчеркивают важность законодательного закрепления правил использования блокчейн-реестров для защиты авторских и имущественных прав.

Совершенствование правового регулирования блокчейн-технологий в частноправовых отношениях требует внесения изменений в гражданское законодательство, направленных на признание юридической значимости записей в распределенных реестрах и формализацию правового статуса смарт-контрактов. В частности, следует дополнить статью 160 ГК РФ («Письменная форма сделки») положением, предусматривающим возможность фиксации обязательств в блокчейн-системах с юридической силой, аналогичной электронной подписи.

Формулировка изменения может быть следующей:

«Фиксация условий сделки в информационной системе, использующей технологию распределенного реестра, при наличии технической возможности идентификации сторон, признается равнознач-

ной подписанию документа простой электронной подписью».

Такая новелла обеспечит признание смарт-контрактов в качестве юридически значимых сделок.

Кроме того, необходимо разработать единые стандарты идентификации участников блокчейн-транзакций. Это может быть реализовано через механизм цифровой идентификации, интегрируемый с государственными реестрами. В вопросах интеллектуальной собственности требуется официальное закрепление возможности фиксации авторских прав с использованием блокчейн-реестров. В целях повышения предсказуемости правоприменения необходимо разработать методические рекомендации для судов, касающиеся признания юридической силы данных, зафиксированных в блокчейне.

В результате можно сделать вывод, что система правового регулирования блокчейн-технологий в России остается на стадии формирования. Суды сталкиваются с проблемами квалификации смарт-контрактов и защиты цифровых активов. Включение в законодательство положений о юридической значимости записей в блокчейне и автоматизированных сделках позволит устранить существующие пробелы.

Литература

1. Васильева Т.В., Кудрявцева Л.В. К проблеме правового регулирования блокчейн технологий // Право и практика. 2024. № 2. С. 79–83.
2. Гарашко А.Ю. Перспективы использования блокчейн-технологий в системе государственно-правовой политики // *Advances in Law Studies*. 2021. Т. 9. № 4. С. 21–25.
3. Михеева И.Е. Альтернативный взгляд на правовое регулирование технологии блокчейн // *Юрист*. 2021. № 11. С. 13–18.
4. Михеева И.Е. Обзор правового регулирования технологии блокчейн // *Право и экономика*. 2020. № 5 (387). С. 5–10.
5. Мкртчян С.М. Зарубежный опыт уголовно-правовой охраны сферы функционирования блокчейн и оборота криптовалют // *Вестник экономики, права и социологии*. 2020. № 4. С. 127–131.
6. Мкртчян С.М. Ретроспективный обзор изменений правотворческих и правоприменительных тенденций уголовно-правового регулирования в сфере блокчейн-технологий // *Вопросы истории*. 2021. № 10–2. С. 266–274.
7. Рощупкина А.В. Особенности цифровых активов, технологии блокчейн и сервисов для управления цифровыми активами в правовом поле // *Вестник Академии права и управления*. 2024. № 6 (81). С. 47–51.
8. Титов А.С. Правовое регулирование технологии блокчейн при осуществлении публичной власти // *Юридическая наука*. 2024. № 5. С. 76–80.

¹ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.09.2023 № С01–1549/2022 по делу № А40–269679/2021.

² Решение Суда по интеллектуальным правам от 10.09.2021 по делу № СИП–387/2021.

LEGAL REGULATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Shulzhenko V.S.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article focuses on the legal regulation of blockchain technology within the Russian legal system. The aim of the study is to identify legal issues arising from the use of blockchain in private law relations and to develop proposals for their resolution. The methodology is based on formal legal analysis of legislation and a comparative legal approach. It has been established that the key problems include the legal uncertainty surrounding smart contracts, difficulties in identifying participants, and the lack of legal recognition of records stored in distributed ledgers. The paper proposes measures to amend civil legislation, standardize digital identification, and recognize blockchain records as admissible evidence in court. The novelty of the research lies in the comprehensive assessment of the legal nature of blockchain as an independent regulator of digital transactions. The findings may be applied in the improvement of legislation in the field of digital technologies and in the development of methodological guidelines for law enforcement authorities.

Keywords: blockchain, smart contracts, digital assets, decentralized ledgers, intellectual property.

References

1. Vasileva T.V., Kudryavtseva, L.V. On the Issue of Legal Regulation of Blockchain Technologies // *Law and Practice*. 2024. No. 2. Pp. 79–83.
2. Garashko A. Yu. Prospects for the Use of Blockchain Technologies in the System of State-Legal Policy // *Advances in Law Studies*. 2021. Vol. 9. No. 4. Pp. 21–25.
3. Mikheeva I.E. An Alternative View on the Legal Regulation of Blockchain Technology // *Jurist*. 2021. No. 11. Pp. 13–18.
4. Mikheeva I.E. Overview of the Legal Regulation of Blockchain Technology // *Law and Economics*. 2020. No. 5 (387). Pp. 5–10.
5. Mkrtchyan S.M. Foreign Experience of Criminal Law Protection in the Sphere of Blockchain Functioning and Cryptocurrency Circulation // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2020. No. 4. Pp. 127–131.
6. Mkrtchyan S.M. Retrospective Review of Changes in Lawmaking and Law Enforcement Trends in the Criminal Regulation of Blockchain Technologies // *Questions of History*. 2021. No. 10–2. Pp. 266–274.
7. Roshchupkina A.V. Features of Digital Assets, Blockchain Technology, and Services for Managing Digital Assets in the Legal Field // *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2024. No. 6 (81). Pp. 47–51.
8. Titov A.S. Legal Regulation of Blockchain Technology in the Exercise of Public Authority // *Legal Science*. 2024. No. 5. Pp. 76–80.

Субъектный состав лиц, заключающих коллективный договор в России и странах БРИКС

Шумилин Артём Вадимович,

аспирант, Российская государственная академия
интеллектуальной собственности (РГАИС)
E-mail: artemshum98@mail.ru

В статье проводится сравнительный анализ субъектного состава лиц, заключающих коллективный договор по законодательству стран БРИКС. Отдельно рассматриваются стороны работника, работодателя, дается анализ роли субъектов на основе доктринальных позиций. Цель исследования – выявить различия в правовом регулировании, где Россия и ОАЭ допускают прямое участие работников, а другие страны сохраняют монополию профсоюзов. Методология основана на сравнительно-правовом анализе законодательства 10 государств, включая новые члены БРИКС – ОАЭ, Иран, Эфиопию, – чей опыт ранее не получал достаточного внимания в научной литературе. Научная новизна работы заключается в систематизации подходов к представительству работников, а также в оценке влияния цифровизации и роста нестандартных форм занятости (самозанятость, платформенный труд) на коллективно-договорные механизмы.

Ключевые слова: коллективный договор, субъектный состав, страны БРИКС, профсоюзы, работодатели, социальное партнерство, сравнительно-правовой анализ, гибкость законодательства, самозанятые, цифровизация труда, ассоциации работодателей, трудовые отношения, защита прав работников, трипартизм.

Введение

Актуальность исследования субъектного состава сторон, участвующих в заключении таких договоров, обусловлена тем, что именно определение круга участников этого процесса формирует не только рамки переговорного механизма, но и отражает динамику взаимодействия труда и капитала в условиях трансформации глобальных рынков. Как справедливо отмечает А.С. Кудрин, легитимность и четкость в определении сторон коллективного договора напрямую влияют на эффективность социального партнерства, а значит – на достижение стратегических целей устойчивого развития [1, С. 9–12].

Цель данной работы заключается в комплексном анализе правовых норм, регулирующих субъектный состав участников коллективных договоров в России и странах БРИКС, с учетом расширения организации до 10 государств к 2025 году для определения различий субъектов со сторон коллективного договора.

Методология исследования базируется на сравнительно-правовом анализе национальных законодательств, что позволяет выявить как универсальные принципы, так и уникальные правовые решения.

Научная новизна заключается в попытке систематизировать опыт новых членов БРИКС – таких как ОАЭ, Иран или Эфиопия, – чье трудовое право ранее редко становилось объектом глубокого изучения в контексте коллективно-договорных отношений, а также в выявлении особенностей терминологического обозначения статуса субъектов стороны коллективного договора со стороны работников. Особый интерес представляет то, как национальные законодательства сочетают традиционные модели социального партнерства с вызовами цифровизации и ростом нестандартных форм занятости. Например, если в России и Китае акцент делается на участии профсоюзов как основных представителей работников, то в ОАЭ, переговорный процесс все чаще включает независимые ассоциации, отражая трансформацию роли государства в трудовых отношениях. Подобные различия не только формируют уникальный правовой ландшафт, но и задают вектор для международного диалога, позволяя странам БРИКС обмениваться опытом в поиске баланса между гибкостью рынка труда и защитой социальных гарантий.

Нормативная основа

В рамках проведения анализа были исследованы нормы зарубежного и российского законода-

тельства, регулирующего коллективные договоры, в частности: *Consolidação das Leis do Trabalho* Бразилии [2, ст. 611–613], Трудовой кодекс Российской Федерации [3, ст. 40], *Industrial Disputes Act*, 1947 Индии [4, раздел 2(k), 18], *Labor Contract Law*, 2007 Китая [5, ст. 51], *Labour Relations Act*, 1995 ЮАР [6, ст. 23–24], *Federal Decree-Law No. 33 of 2021* ОАЭ [7, ст. 7], *Labour Law*, 1990 Ирана [8, ст. 139–140], *Labour Proclamation No. 1156/2019* Эфиопии [9, ст. 123], *Labour Law No. 12 of 2003* Египет [10, ст. 160], *Manpower Act*, *Law No. 13 of 2003* Индонезии [11, ст. 116].

Исходя из обозначенных норм правовых актов, можно установить, что в коллективных договорах имеют место две стороны: сторона работника и сторона работодателя.

Сторона работодателя во всех государствах представлена непосредственно 1) работодателем, в той организационно-правовой форме, в которой работодатель реализует свои права и обязанности во всех странах 2) ассоциацией работодателей (Бразилия, ЮАР, Индонезия).

Сторона работника может быть представлена непосредственно 1) работниками (РФ, ОАЭ), 2) профсоюзами работников (Бразилия, Индия, Китай, ЮАР, Иран, Египет, Индонезия), 3) представителями работников (Россия, Иран, Эфиопия).

Теоретическая основа

З.А. Михайлова [12] указывает, что профсоюзы сегодня переживают нелегкие времена, что свидетельствует о наличии попыток их замещения социально-трудовыми советами [13], а также школами безопасности [14, с. 82]. Однако создаваемые организации, движения и ассоциации имеют лишь разовый характер, что не позволяет утверждать о наличии полноценной замены профсоюзам.

С.М. Миронова, З.Г. Литвиненко [15] в своем исследовании делают акцент на формировании новых категорий работников, таких как самозанятые, которые не могут входить в профсоюзы ввиду отсутствия официального трудоустройства, но также претендуют на защиты их прав специальными организациями, что требует распространения возможности вступления в профсоюз самозанятых и иных «платформенных сотрудников».

А.А. Сапфинова, А.В. Петрушкина [16] акцентируют внимание на том, что в России, например согласно ст. 370 Трудового кодекса, профсоюзам предоставлены непосредственные права по реализации прав и защиты работников, что не требует специального удостоверения полномочий.

П.Е. Морозов [17] исследуя профсоюзное движение в Китае подчеркивает, что на него возлагаются прямые обязанности по защите прав работников, что минимизирует риски совершения нарушений и сочетается с наличием обязанности работодателей реагировать на обращения профсоюзов.

К.М. Беликова [18] обращает внимание в своем исследовании, что в Китае, на профсоюзы возложена прямая обязанность заключения коллективных договоров и организации процесса такого за-

ключения, что влечет обязательное наличие коллективных договоров на всех предприятиях.

С.Г. Иванова [19] исследует вопрос формирования объединений работодателей. Так, автор указывает, что они направлены на удовлетворение интересов предпринимателей (работодателей), в том числе на ведение коллективных переговоров, что впрочем не раскрывает возможности подписания коллективного договора без специального указания.

Е.Г. Делегиоз [20] указывает, что именно профсоюзы призваны представлять интересы работников в рамках трипартизма, что является залогом социального государства.

Анализ выявленных норм и доктринальных позиций

Анализ законодательства стран БРИКС позволяет выделить ключевые модели субъектного состава сторон коллективного договора, которые, при всей вариативности, сохраняют общую биполярную структуру: работники и работодатели. Однако за этой кажущейся простотой скрывается сложный правовой механизм, где каждая сторона может быть представлена множеством факторов, отражающих специфику национальных трудовых систем.

Сторона работодателя, как правило, институционализирована наиболее четко. Во всех исследуемых странах ее ядро составляет сам работодатель – юридическое или физическое лицо, наделенное правом принимать обязательства в рамках своей организационно-правовой формы. Однако в таких государствах, как Бразилия, ЮАР или Индонезия, законодательство (например, ст. 611 *Consolidação das Leis do Trabalho* или ст. 116 *Manpower Act*) расширяет эту категорию, включая ассоциации работодателей. Это не просто техническая деталь, а стратегический механизм, позволяющий консолидировать интересы бизнеса на отраслевом или региональном уровне. Например, в ЮАР, где социальное неравенство остается острым вызовом, участие ассоциаций в переговорах (*Labour Relations Act*, ст. 23–24 [5]) помогает гармонизировать отношения между крупными корпорациями и малым бизнесом, создавая единые «правила игры».

Сторона работников демонстрирует куда большее разнообразие форм представительства, что напрямую связано с историей развития профсоюзного движения и политико-правовым контекстом. Если в Китае (ст. 51 *Labor Contract Law*) или Индии (раздел 2(k) *Industrial Disputes Act*) профсоюзы остаются монопольными участниками переговоров – что отчасти объясняется их интеграцией в государственную систему управления трудом – то в России или ОАЭ законодатель допускает прямые переговоры с работниками без посредничества профсоюзов (ст. 40 ТК РФ, ст. 7 *Federal Decree-Law No. 33 of 2021*). Последнее, впрочем, не отменяет роли профсоюзов, а скорее создает

альтернативу в условиях фрагментации трудовых коллективов.

Особый интерес представляет гибридная модель, как в Иране или Эфиопии, где наряду с профсоюзами (ст. 139–140 Labour Law Ирана) в переговорах участвуют избираемые представители работников (ст. 123 Labour Proclamation Эфиопии). Такой подход, с одной стороны, усиливает легитимность стороны работников, а с другой – становится компромиссом в странах с относительно слабым развитием независимых профсоюзов. В России, где ст. 40 ТК РФ также допускает оба варианта, это порождает уникальный симбиоз: профсоюзы конкурируют с иными представительными органами, что, по мнению некоторых экспертов, стимулирует их к большей активности, но одновременно размывает единство позиции работников.

Анализ приведенных исследований позволяет увидеть, как современные трудовые отношения балансируют между традицией и инновацией. Тревожные сигналы о кризисе профсоюзов, озвученные, например, З.А. Михайловой, действительно отражают глобальный тренд: классические формы рабочей солидарности теряют почву под ногами в эпоху цифровизации и платформенной занятости. З.А. Михайлова справедливо замечает, что социально-трудовые советы или школы безопасности пытаются заполнить вакуум, но их эфемерность лишь подчеркивает – альтернативы профсоюзам пока не способны стать полноценным институтом.

И здесь российский законодательный подход, как ни парадоксально, оказывается прозрачным. Разрешая заключать коллективные договоры не только через профсоюзы, но и через любых уполномоченных представителей, он словно предвидел нынешние вызовы. Ведь когда самозанятый или фрилансер, о которых пишут С.М. Миронова, З.Г. Литвиненко, получает шанс на коллективную защиту через гибкие формы самоорганизации, это не просто юридическая лазейка – это спасательный круг для тех, кого оставила за бортом меняющаяся экономика. Однако для получения этого «круга» еще далеко в правовой системе стран БРИКС.

Китайский опыт, с его жесткой привязкой коллективных договоров к профсоюзам, демонстрирует обратную сторону медали. Как отмечает Е.Е. Морозов, профсоюзы в КНР не только защищают права работников, но и несут прямую ответственность за заключение договоров, что, по мнению К.М. Беликовой, гарантирует их повсеместное наличие.

Да, такая система обеспечивает охват, но она же становится заложником собственной монополии. Если доверие к профсоюзам пошатнется – а примеры других стран показывают, что это не фантазия, – вся конструкция социального диалога может дать трещину. Российская же модель, сохраняя уважение к профсоюзам (вспомним их исключительные права, о которых говорят А.А. Сапфинова, А.В. Петрушкина), мудро остав-

ляет «запасной выход». Это похоже на архитектуру, где несущие опоры дополнены арочными перекрытиями: даже если одна конструкция ослабнет, здание не рухнет.

Нельзя не отметить и другую грань – роль работодателей. В то время как в Бразилии или ЮАР, как подчеркивает С.Г. Иванова, ассоциации бизнеса стали неотъемлемой частью переговорного процесса, российский подход, позволяющий работодателю действовать напрямую, выглядит менее бюрократичным. Конечно, это может снижать солидарность бизнеса, но зато дает шанс малым предприятиям, для которых участие в ассоциациях – непозволительная роскошь. Как показывает практика, в условиях, когда экономика все больше дробится на микропредприятия и стартапы, такая гибкость становится конкурентным преимуществом.

В конечном счете, российская редакция ст. 40 ТК РФ носит наиболее универсальный характер. Она собирает воедино классические элементы трудовых отношений, не запрещая при этом добавлять новые детали. В отличие от законодательств, где стороны коллективного договора жестко привязаны к конкретным организациям (будь то профсоюзы в Китае или ассоциации работодателей в Индонезии), обозначенный вариант остается открытым для перемен.

И это не просто юридическая техника – это философия, признающая, что формы социального диалога, которые должны эволюционировать вместе с обществом, на базе стабильного законодательства. Даже если завтра профсоюзы трансформируются в цифровые платформы, а ассоциации бизнеса – в нейросетевые алгоритмы, редакция ст. 40 Трудового кодекса РФ будет иметь актуальность и не потребует внесения изменений.

Заключение

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что российский вариант указания субъектного состава сторон коллективного договора более предпочтителен, т.к. учитывает возможность исчезновения профсоюзов работников либо отсутствия ассоциаций работодателей, при этом закрепляя более широкую формулировку, позволяющую любыми лицам и организациям, имеющим подтверждение полномочий действовать от имени работников или работодателей заключить коллективный договор.

Российская редакция носит наиболее универсальный характер, т.к. не требует изменения в случае изменения субъектного состава. Ведь работники и работодатели являются классическими участниками трудовых отношений, что оставляет норму ст. 40 Трудового кодекса России гарантированно актуальной и не требующей изменения, в отличие от законодательства иных стран БРИКС, в которых указаны ограниченные субъекты сторон коллективных договоров, в частности на стороне работников в лице профсоюзов.

Проведенное исследование субъектного состава сторон коллективного договора в России и странах БРИКС убедительно демонстрирует, что даже в условиях глобальной трансформации трудовых отношений базовый принцип bipolarности – работники и работодатели – остается незыблемым.

Важно и то, что российское законодательство, в отличие от китайского или индонезийского, избегает избыточной централизации. Научная новизна работы, проявившаяся в анализе законодательства новых членов БРИКС – ОАЭ, Ирана, Эфиопии, – подтверждает: мировой тренд движется в сторону плюрализма субъектов коллективного договора. Но именно Россия, сохраняя верность классическим участникам трудовых отношений, предлагает наиболее сбалансированную модель. Она не замыкается в рамках конкретных организаций, будь то профсоюзы или ассоциации, а фокусируется на сути – защите прав тех, кто трудится, и тех, кто предоставляет работу. Как показывает практика, такая широкая редакция субъектного состава не только гарантирует актуальность норм в условиях цифровизации, но и превращает коллективный договор из формального документа в живой инструмент социального диалога. В этом, пожалуй, и заключается главный урок для стран БРИКС: устойчивость права определяется не детализацией, а способностью адаптироваться, не теряя сути.

Литература

1. Кудрин А.С. К вопросу о сторонах социального партнерства: исторические аспекты и современный этап развития // Трудовое право в России и за рубежом. – 2024. – № 1. – С. 9–12.
2. «Consolidação das Leis do Trabalho (CLT)» Закон Бразилии Consolidação das Leis do Trabalho – CLT e normas correlatas // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1740767297&tld=ru&lang=pt&name=clt_e_normas_correlatas_1ed.pdf&text=Consolida%C3%A7%C3%A3o%20das%20Leis%20do%20Trabalho&url=https%3A%2F%2Fwww2.senado.leg.br%2Fbdsf%2Fbitstream%2Fhandle%2Fid%2F535468%2Fclt_e_normas_correlatas_1ed.pdf&lr=46&mime=pdf&l10n=ru&sign=29a2acead223d6e0249b070753a64216&keyno=0&nosw=1&serpParams=tm%3D1740767297%26tld%3Dru%26lang%3Dpt%26name%3Dclt_e_normas_correlatas_1ed.pdf%26text%3DConsolida%25C3%25A7%25C3%25A3o%2Bdas%2BLEis%2Bdo%2BTrabalho%26url%3Dhttps%25A%2F%2Fwww2.senado.leg.br%2Fbdsf%2Fbitstream%2Fhandle%2Fid%2F535468%2Fclt_e_normas_correlatas_1ed.pdf%26lr%3D46%26mime%3Dpdf%26l10n%3Dru%26sign%3D29a2acead223d6e0249b070753a64216%26keyno%3D0%26nosw%3D1 (дата обращения: 13.04.2025)
3. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – ст. 3.
4. «The Industrial Disputes Act, 1947» Закон Индии Industrial Disputes Act, 1947 <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/11102/1/industrial-disputes-act-1947.pdf> (дата обращения: 28.02.2025); THE TRADE UNIONS ACT, 1926 // URL: https://labour.uk.gov.in/files/Tradeunion_Act.pdf (дата обращения: 13.04.2025)
5. «Labor Contract Law, 2007» Закон о трудовом договоре КНР Приказ президента КНР No. 65 о вступлении в законную силу Закона о Трудовом Договоре КНР принят 29 июня, 2007 на 28ой сессии Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей 10 го созыва с 1 января 2008 г. // URL: [https://asia-business.ru/law/law3/dogovor/\(дата обращения: 28.02.2025\); Trade Union Law of the People's Republic of China \(Закон Китайской Народной Республики «О профсоюзах»\)\(по состоянию на 24.12.2021 г.\) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32634048](https://asia-business.ru/law/law3/dogovor/(дата%20обращения%3A28.02.2025);%20Trade%20Union%20Law%20of%20the%20People%27s%20Republic%20of%20China%20(Закон%20Китайской%20Народной%20Республики%20«О%20профсоюзах»)(по%20состоянию%20на%2024.12.2021%20г.)%20//%20URL%3Ahttps%3A%2F%2Fonline.zakon.kz%2FDocument%3Fdoc_id%3D32634048) (дата обращения: 13.04.2025)
6. «LabourRelationsAct,1995»ЗаконЮАР//URL:https://www.ccma.org.za/wp-content/uploads/2022/01/LABOUR_RELATIONS_ACT_NO._66_OF_1995.pdf (дата обращения: 13.04.2025)
7. «Federal Decree-Law No. 33 of 2021» Закон ОАЭ // URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1541/download> (дата обращения: 13.04.2025)
8. «Labour Law, 1990» Трудовой кодекс Ирана (1990) // URL: <https://irandataportal.syr.edu/labor-law> (дата обращения: 13.04.2025)
9. «Labour Proclamation No. 1156/2019» Закон Эфиопии // URL: https://mtalawoffice.com/images/upload/Labour-Proclamation-No_-1156-2019.pdf (дата обращения: 13.04.2025)
10. «Labour Law No. 12 of 2003» Трудовой кодекс Египта (Закон № 12 от 2003 г.) // URL: <https://sadanykhalifa.com/uploads/Laws/1576695424.pdf> (дата обращения: 13.04.2025)
11. «Manpower Act, Law No. 13 of 2003» Закон Индонезии № 13/2003 о труде (ст. 116–119) // URL: https://en.wikisource.org/wiki/Translation:Indonesian_Labor_Law_No._13_from_2003 (дата обращения: 28.02.2025); Закон № 2/2004 «Об урегулировании споров в сфере трудовых отношений» – URL: https://aacc-asia.org/content/landmarkdecisions/35_Putusan%20Ketiga.pdf (дата обращения: 13.04.2025)
12. Михайлова З.А. Профсоюзы vs новые формы объединения работников: возможно ли замещение? // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profsoyuzy-vs-novye-formy-obedineniya-rabotnikov-vozmozhno-li-zameschenie> (дата обращения: 13.04.2025).
13. Корпоративная социальная политика. // URL: <https://www.nornickel.ru/files/ru/others/Social->

ProgrammsNN_light.pdf (дата обращения: 13.04.2025).

14. Интегрированный годовой отчет ПАО «ММК» за 2020 год. // URL: https://mmk.ru/upload/iblock/c5f/t80bjab1uofvi6fjv-fr1i26w23xtape8/%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_RUS.pdf (дата обращения: 13.04.2025).
15. Миронова С. М., Литвиненко З.Г. Профсоюзы для самозанятых и работников платформ: опыт России и зарубежных стран // Legal Bulletin. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profsoyuzy-dlya-samozanyatyh-i-rabotnikov-platform-opyt-rossii-i-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 13.04.2025).
16. Сапфилова А. А., Петрушкина А.В. К вопросу о субъектах, реализующих меры по предупреждению нарушений трудовых прав работников // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-subektah-realizuyuschih-mery-po-preduprezhdeniyu-narusheniy-trudovyh-prav-rabotnikov> (дата обращения: 13.04.2025).
17. Морозов П. Е. О необходимости трансформации профсоюзного форума БРИКС // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 2 (114). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobходимости-transformatsii-profsoyuznogo-foruma-briks> (дата обращения: 13.04.2025).
18. Беликова К.М. Правовое положение компаний, занятых в предпринимательской деятельности в Китае. Что нужно знать, учреждая компанию? // Право и политика. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-kompaniy-zanyatyh-v-predprinimatelskoy-deyatelnosti-v-kitae-chnuzhno-znat-uchrezhdaya-kompaniyu> (дата обращения: 13.04.2025).
19. Иванова С.Г. Особенности правового положения объединения работодателей // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-polozheniya-obedineniya-rabotodateley> (дата обращения: 13.04.2025).
20. Делегеоз Е.Г. Трипартизм как политика активного партнерства // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tripartizm-kak-politika-aktivnogo-partnerstva> (дата обращения: 13.04.2025).

SUBJECT COMPOSITION OF PERSONS CONCLUDING A COLLECTIVE BARGAINING AGREEMENT IN RUSSIA AND THE BRICS COUNTRIES

Shumilin A.V.

Russian State Academy of Intellectual Property

The article provides a comparative analysis of the subject composition of persons concluding a collective agreement under the leg-

islation of the BRICS countries. The employee and employer sides are considered separately, and the role of the subjects is analyzed based on doctrinal positions. The purpose of the study is to identify differences in legal regulation, where Russia and the UAE allow direct participation of workers, while other countries maintain the monopoly of trade unions. The methodology is based on a comparative legal analysis of the legislation of 10 countries, including new BRICS members – the UAE, Iran, Ethiopia – whose experience has not previously received sufficient attention in the scientific literature. The scientific novelty of the work lies in the systematization of approaches to employee representation, as well as in assessing the impact of digitalization and the growth of non-standard forms of employment (self-employment, platform labor) on collective bargaining mechanisms.

Keywords: collective agreement, subject composition, BRICS countries, trade unions, employers, social partnership, comparative legal analysis, flexibility of legislation, self-employed, digitalization of labor, employers' associations, labor relations, protection of workers' rights, tripartism.

References

1. Kudrin A.S. On the issue of the parties to social partnership: historical aspects and the current stage of development // Labor law in Russia and abroad. – 2024. – No. 1. – P. 9–12.
2. “Consolidação das Leis do Trabalho (CLT)” Law of Brazil Conso lidação das Leis do Trabalho – CLT and normas correlatas // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1740767297&tld=ru&lang=pt&name=clt_e_normas_correlatas_1ed.pdf&text=Consolida%C3%A7%C3%A3o%20das%20Leis%20do%20Trabalho&url=https%3A%2F%2Fwww2.senado.leg.br%2Fbdsf%2Fbitstream%2Fhandle%2Fid%2F535468%2F-clt_e_normas_correlatas_1ed.pdf&l-r=46&mime=pdf&l-10n=ru&sign=29a2acead223d6e0249b070753a64216&keyno=0&no sw=1&serpPa rams=tm%3D 1740767297%26tld%3Dru%26lang%3Dpt%26name%3Dclt_e_normas_correlatas_1ed.pdf%26text%3DConsolida%25C3%25A7%25C3%25A3o%2Bdas%2BLeis%2Bdo%2BTrabalho%26url%3Dhttps%253A%2F%2Fwww2.senado.leg.br%2Fbdsf%2Fbitstream%2Fhandle%2Fid%2F535468%2F-clt_e_normas_correlatas_1ed.pdf%26lr%3D46%26mime%3Dpdf%26l10n%3Dru%26sign%3D29a2acead223d6e0249b070753a64216%26keyno%3D0%26nosw%3D1 (accessed on 13.04.2025)
3. “Labor Code of the Russian Federation” dated 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 26.12.2024) // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 07.01.2002. – No. 1 (part 1). – Art. 3.
4. «The Industrial Disputes Act, 1947» Industrial Disputes Act, 1947 <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/11102/1/industrial-disputes-act-1947.pdf> (accessed on 28.02.2025); THE TRADE UNIONS ACT, 1926 // URL: https://labour.uk.gov.in/files/Trande_union_Act.pdf (accessed on 13.04.2025)
5. «Labor Contract Law, 2007» Labor Contract Law of the People's Republic of China Order of the President of the People's Republic of China No. 65 on the entry into force of the Law on Labor Contracts of the People's Republic of China adopted on June 29, 2007 at the 28th session of the Standing Committee of the 10th National People's Congress from January 1, 2008 // URL: <https://asia-business.ru/law/law3/dogovor/> (date accessed: 02/28/2025); Trade Union Law of the People's Republic of China (as of 24.12.2021) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32634048 (accessed: 13.04.2025)
6. «Labour Relations Act, 1995» Law of South Africa // URL: https://www.ccma.org.za/wp-content/uploads/2022/01/LABOUR_RELATIONS_ACT_NO._66_OF_1995.pdf (accessed: 13.04.2025)
7. «Federal Decree-Law No. 33 of 2021» UAE Law // URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1541/download> (date of access: 13.04.2025)
8. «Labour Law, 1990» Iran Labor Code (1990) // URL: <https://iran-dataportal.syr.edu/labor-law> (date of access: 13.04.2025)
9. «Labour Proclamation No. 1156/2019» Law of Ethiopia // URL: https://mtalawoffice.com/images/upload/Labour-Proclamation-No_-1156-2019.pdf (date of access: 13.04.2025)
10. «Labour Law No. 12 of 2003» Egyptian Labor Code (Law No. 12 of 2003) // URL: <https://sadanykhalifa.com/uploads/Laws/1576695424.pdf> (accessed: 13.04.2025)

11. «Manpower Act, Law No. 13 of 2003» Indonesian Labor Law No. 13/2003 (Articles 116–119) // URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Translation: Indonesian_Labor_Law_No._13_from_2003](https://en.wikisource.org/wiki/Translation:Indonesian_Labor_Law_No._13_from_2003) (accessed: 28.02.2025); Law No. 2/2004 «On the Settlement of Disputes in the Sphere of Labor Relations» – URL: https://aaccasia.org/content/landmarkdecisions/35_Putusan%20Ketiga.pdf (date of access: 13.04.2025)
12. Mikhailova Z.A. Trade unions vs. new forms of employee association: is substitution possible? // Issues of Russian justice. 2021. No. 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profsoyuzy-vs-novye-formy-obedineniya-rabotnikov-vozmozhno-li-zameschenie> (date of access: 13.04.2025).
13. Corporate social policy. // URL: https://www.nornickel.ru/files/ru/others/SocialProgrammsNN_light.pdf (date of access: 13.04.2025).
14. Integrated annual report of PJSC MMK for 2020. // URL: https://mmk.ru/upload/iblock/c5f/t80bja-b1uofvi6fjvfr1i26w23xtape8/%D0%98%D0%B-D%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B-D%D1%8B%D0%B9%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_RUS.pdf (date of access: 04/13/2025).
15. Mironova S. M., Litvinenko Z.G. Trade unions for the self-employed and platform workers: the experience of Russia and foreign countries // Legal Bulletin. 2023. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profsoyuzy-dlya-samozanyatyh-i-rabotnikov-platform-opyt-rossii-i-zarubezhnyh-stran> (date of access: 13.04.2025).
16. Sapfirova A. A., Petrushkina A.V. On the issue of entities implementing measures to prevent violations of workers' labor rights // Society: politics, economics, law. 2016. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-subektah-realizuyuschih-mery-po-preduprezhdeniyu-narusheniy-trudovyh-prav-rabotnikov> (date of access: 13.04.2025).
17. Morozov P.E. On the need to transform the BRICS trade union forum // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2024. No. 2 (114). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-transformatsii-profsoyuznogo-foruma-briks> (date of access: 13.04.2025).
18. Belikova K.M. Legal status of companies engaged in entrepreneurial activity in China. What do you need to know when establishing a company? // Law and Politics. 2017. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-kompaniy-zanyatyh-v-predprinimatelskoy-deyatelnosti-v-kitae-cto-nuzhno-znat-uchrezhdaya-kompaniyu> (date of access: 13.04.2025).
19. Ivanova S.G. Features of the legal status of an employers' association // Gaps in Russian legislation. 2016. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-polozheniya-obedineniya-rabotodateley> (date of access: 13.04.2025).
20. Delegeoz E.G. Tripartism as a policy of active partnership // Socio-economic and humanitarian journal of Krasnoyarsk State Agrarian University. 2018. No. 2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tripartizm-kak-politika-aktivnogo-partnerstva> (date of access: 13.04.2025).

Сравнительно-правовой анализ сложноструктурных договоров в гражданском праве Российской Федерации и Туркменистана

Щегунц Николай Горикович,

аспирант, кафедра «Гражданское право» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
E-mail: nikolay.shegunts@gmail.com

В статье проведен комплексный сравнительно-правовой анализ сложноструктурных договоров в гражданском праве Российской Федерации и Туркменистана. Приводится авторское определение понятия сложноструктурной сделки и уточняются ключевые отличительные признаки сложноструктурных договоров. Обращается внимание на комплекс фактических реалий правовой жизни, обуславливающих активное применение сложноструктурных договорных конструкций в международном частном праве, в гражданских отношениях зарубежных государств, России и Туркменистана. Констатируется отсутствие прямого регулирования сложноструктурных договоров по гражданскому праву двух стран, делается акцент на проработке и закреплении принципа свободы договора в гражданском законодательстве как инструмента, создающего условия для регулирования сложноструктурного договора. Отмечается, что в ГК РФ нормы о свободе договора более детализированы, а гражданское законодательство Туркменистана, хотя и основывается на принципе свободы договора, раскрывает соответствующие нормы более лаконично, фокусируясь на поддержке решений правоприменителя. Для эффективного применения сложноструктурных договоров в Туркменистане рекомендовано найти баланс между нормативной урегулированностью и усмотрением правоприменителя, что позволит защитить интересы сторон и стимулировать использование таких договоров в практике. Представлены идеи по поводу взаимной рецепции гражданско-правовых норм и развитию гражданского законодательства двух стран. Выработанные по результатам сравнительно-правового анализа рекомендации могут быть направлены на развитие гражданского права и цивилистической доктрины.

Ключевые слова: сложноструктурные договоры, гибридный предмет гражданско-правовых обязательств, развитие гражданского права, доктрина сложноструктурных сделок, гражданское право Туркменистана, цифровая экономика.

Введение

Сложноструктурные договоры представляют собой важнейший эволюционный феномен современного гражданского (частного) права, позволяя участникам правовых отношений более гибко и эффективно регулировать взаимные обязательства, учитывая разнообразие интересов и сложность современных экономических процессов. Такие договоры способствуют оптимизации взаимодействия сторон, обеспечивая более точное соответствие гражданско-правовой формы реальным экономическим отношениям.

Гражданское законодательство стран континентальной правовой семьи, включая Российскую Федерацию и Туркменистан, проявляет определенную степень инертности в отношении к процессам регулирования сложных и структурированных договорных конструкций. Консерватизм, характерный для континентальной цивилистики, при этом, не позволяет идти в ногу с общественным прогрессом, включая развитие экономических отношений, которые становятся все более сложными. Структурированные сделки уже давно находят широкое распространение в России и Туркменистане, и в предпринимательской деятельности, включая корпоративное право (корпоративные договоры как инструменты структурирования сделок [8]), и в сделках между гражданами, направленных на удовлетворение бытовых потребностей, как, в частности, цепочка взаимосвязанных договоров по купле-продаже недвижимости, фактически подменяющих их многоактную меню с дополнительными условиями. Такие сделки и опосредующие их договоры способствуют укреплению защищенности интересов сторон, а также позволяют применять именно те нормы (конструкции) гражданского права, которые лучшим образом регулируют данные конкретные отношения. Наконец, в последнее десятилетие характеризуется стремительным развитием фондового рынка, причем не только в России, но и в Туркменистане, с ростом востребованности производных финансовых инструментов, структурированных инструментов, опосредованных соответствующими договорами, которые по природе являются сложноструктурными. А участие субъектов внешнеэкономической деятельности двух стран в сложных структурированных контрактах обуславливает важность наличия соответствующих положений в национальном законодательстве, которые проясняли бы нечеткие аспекты правоприменения.

Настоящая публикация призвана пролить свет на отдельные лакуны в доктрине и гражданско-

правовом регулировании сложноструктурных договоров на основе сравнений положений в гражданском праве Российской Федерации и Туркменистане.

Понятие и мировой опыт гражданско-правового регулирования сложноструктурных сделок

Новизна и комплексный характер сложноструктурных сделок объективно приводят к отсутствию единства в научных подходах по поводу их понятия и сущности. Однако для проведения сравнительных гражданско-правовых исследований, данного де-факто цивилистического института, необходимо сформулировать комплекс отправных точек, включая общую дефиницию сложноструктурных сделок. Полагаем, что под таковыми следует понимать сделки, направленные на установление, изменение или прекращение сложной системы гражданских прав и обязанностей включающие в себя несколько элементов, каждый из которых является сделкой сам себе, но которые не могут обеспечить комплекс взаимосвязанных интересов сторон, будучи совершенными в качестве самостоятельных сделок в произвольной последовательности и без единых правил.

Представляется возможным выделить некоторые системные характеристики сложноструктурных договоров: они опосредуют сразу несколько гражданских правоотношений, причем не обязательно объединенных общностью целей сторон; могут характеризоваться или сложным составом участников, или сложной структурой условий договора и правил их исполнения, или одновременно обоими «усложнениями». Многие сложноструктурные договоры относятся к числу смешанных, однако соответствующие понятия смешанного и сложноструктурного договора нельзя отождествлять (как в части наличия сложноструктурных договоров, выделяемых по критерию нетипичных дополнительных участников, включения недоговорных обязательств типа сделки об ответственности, односторонних актов-волеизъявлений, так и в части содержательных отличий между непоименованными смешанными договорами и непоименованными договорами, не предусмотренными законами и другими правовыми актами).

Регулирование сложноструктурных договоров наиболее проработано в международном частном праве (МЧП). Значительная свобода контрактов, характерная для МЧП, нашла внешнее выражение в структурировании сделок, которое становится источником повышения эффективности, прежде всего, в предпринимательских отношениях, а также в управлении собственностью. Так, например, на сложной структуре правоотношения, включая взаимно обусловленные обязательства по поводу встречного представления, в том числе со сложными правилами их возникновения, поставленными в зависимость от стечения внешних обстоятельств, построены структурированные ценные бумаги (финансовые инструменты), характеризующиеся по-

вышенным спросом как у эмитентов, так и у инвесторов на зарубежных фондовых рынках [12].

Кодифицированное гражданское законодательство Российской Федерации (Гражданский кодекс РФ, ГК РФ [1]) и Туркменистана (Гражданский кодекс Туркменистана, ГКТ [2]) не содержит норм, непосредственно именующие сложноструктурные сделки (договоры, контракты), равно как напрямую их регулирующие.

В целом, гражданское законодательство Российской Федерации несколько дальше (в сравнении с установлениями ГКТ) продвинулось в сфере регулирования сложноструктурных сделок. Это связано, прежде всего, с состоявшейся в 2010-е годы реформой гражданского права в России (или ее первого этапа, в зависимости от доминирующего взгляда на процессы реформирования российской цивилистики), направленной на модернизацию гражданско-правовых институтов, с включением в ГК РФ норм, регулирующих не только сравнительно новые формы и виды гражданских отношений, но и перспективные отношения, прежде всего, в сфере стремительно развивающейся цифровой экономики. Так, в частности, ГК РФ ныне известен институт непоименованных договоров (включая договоры, не предусмотренные законами и иными правовыми актами), получило урегулирование применение принципа диспозитивности в формулировании условий договора, а также позитивно выделяется и ряд других новаций.

ГКТ не говорит о сложных сделках (договорах), однако концепт сложного характера правовых явлений гражданскому законодательству Туркменистана известен, в частности, как и в ГК РФ, закреплён институт сложных вещей (ст. 169 ГКТ). Вопросы, связанные со структурой гражданско-правовых отношений в ГКТ практически не урегулированы, имеющиеся нормы ст. 58 и 971 ГКТ касаются аспектов структурирования корпоративных отношений, которые, в случае с положениями по поводу структуры органов управления, составляют основу договора о совместной деятельности, по своей природе близкого к сложноструктурным договорам (и в ряде случаев при включении в единый договор структурированных обязательств иной природы соответствует этой номинации).

Свобода договора как отправной концепт регулирования сложноструктурных сделок в РФ и Туркменистане

Несмотря на наличие лакун в прямом регулировании сложноструктурных договоров на основе положений как ГК РФ, так и ГКТ, исходя из анализа положений современной цивилистической доктрины [5; 6; 11] имеется возможность выделить институты, создающие основы для формирования понимания по поводу основополагающих принципов и правил по поводу содержания, заключения и исполнения сложноструктурных договоров.

Отправным концептом регулирования сложноструктурных сделок выступает принцип (начало)

свободы договора, столь важный для современного гражданского права, что зачастую закреплён и детально регламентирован законодательно. Место свободы договора в комплексе основных начал гражданского-правового регулирования в России закреплено в ст. 1 ГК РФ. Понятию свободы договора посвящена ст. 421 ГК РФ, ключевые смыслы суммированы в руководящем разъяснении высшей судебной инстанции: «граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора» (п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» [3]). Именно широко понимаемое правило по поводу свободы договора, по мнению западных юристов [9], стало основой для развития структурированных сделок (правоотношений) в международном частном праве, которые ныне в количественном выражении в МЧП и вовсе доминируют [13, р. 22, 34–37], отражая стремление сторон упростить регуляторную среду и обеспечить максимальную прозрачность и понятность договорных условий уже на стадии их согласования, избегая необходимости обращения к сложным и затратным механизмам разрешения последующих юридических конфликтов.

В п. 1 ст. 421 ГК РФ прямо указывается на то, что стороны вправе заключать любые договоры, в том числе не предусмотренные нормативно-правовыми актами: в таком случае лишь действует правило о неприменении к ним норм об отдельных видах договоров, что, однако, никак не исключает **возможности применения аналогии**. При этом стороны свободны, в том числе, в оформлении соответствующих сделок, которое может предусматривать как составление единого договора (в таком случае этот договор, как и сделка, будет квалифицироваться с научной точки зрения как сложноструктурный), так и нескольких договоров, каждый из которых может рассматриваться и как простой, и как сложный, в том числе смешанный то есть имеющий видовые признаки нескольких сделок (п. 3 ст. 421 ГК РФ).

По общему правилу, закреплённому в п. 4 ст. 421 ГК РФ, стороны свободны в определении условий договора; это правило не распространяется только на те случаи, когда включение в договор определенных условий предписывается императивно.

Из условий состоит структура договора, и ГК РФ разрешает сторонам, в частности, конструировать договоры из условий, специфичных для разных типов сделок, а также отсутствуют запреты, кроме прямо предусмотренных законом случаев, по поводу выстраивания системы условий в договоре таким образом, чтобы запуск последующего условия (обязательства) находился в зависимости от исполнения предыдущего условия (обязательства). Более того, подобные структурные схемы могут быть нелинейными, то есть, когда в зависимости от соблюдения или несоблюдения опреде-

ленных условий как зависящих, так и не зависящих от сторон, включая время и место соответствующих действий (бездействия), запускается цепочка развилки альтернативных условий, меняющая содержание обязательств и требований для их исполнения. Именно такие структуры характерны для квазигебальных новообразований в мировой цивилистики, как электронные «самоисполняемые» договоры по типу смарт-контрактов [7; 10; 14].

Усиливает определенность при заключении и исполнении сложноструктурных договоров в России положение п. 1 ст. 432 ГК РФ в той части, в которой при определении существенных условий договора в качестве таковых будут признаваться все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Это закрепляет и развивает возможности структурирования различных сделок, выделяя их наиболее значимые элементы. А также оказывает поддержку правоприменителю по одному из наиболее сложных аспектов применения аналогии закона – в выделении существенных условий структурированных договоров смешанной природы. Аналогичное положение содержится в п. 2 ст. 341 ГКТ, и в этом смысле рамочные условия для сложного структурирования договоров имеются в гражданском праве обеих стран.

Гражданское законодательство Туркменистана о свободе договора лаконично, в п. 1 ст. 333 ГКТ говорится лишь о праве лиц «в пределах закона свободно заключать договоры и определять содержание этих договоров». Действительность договора может зависеть от решения государства, однако в таком случае соответствующее положение должно быть закреплено в законе. В целом, положение п. 1 ст. 333 ГКТ легализует любые сложноструктурные договоры, однако ключевой недостаток законодательной конструкции в сравнении с регламентацией принципа свободы договора в ст. 421 ГК РФ кроется именно в лаконичности, которая не позволяет уяснить пределы выбора и специфику применения права в конкретных обстоятельствах, как-то при заключении договоров, не предусмотренных законом, а также в отношении правил применения диспозитивных норм). Положение ст. 340 ГКТ об аналогии также может применяться к регулированию обязательств, логически связанных со сложноструктурными сделками, но не зафиксированными в тексте договоров: «правила о договорных обязательствах применяются также в отношении других не договорных обязательств, если иное не вытекает из характера обязательства». Данное положение, помимо прочего, образует фундамент для регулирования нового типа гражданских договоров эпохи цифровой экономики – смарт-контрактов, которые по своей природе представляют сложноструктурированное соглашение с элементами договорных и недоговорных обязательств, как, например, сделки об ответственности, которые упоминает Д.Е. Богданов [4, с. 15]. В свою очередь недостаток правила ст. 340 ГКТ об аналогии заключается в том, что

законодатель не раскрывает принципы и порядок применения аналогии к регулированию договорных обязательств, если отсутствуют нормы ГКТ прямого действия (в отличие от ГК РФ, в котором прямо предусматривается применение аналогии закона к регулированию непоименованных договоров (не предусмотренных законом, п. 2 ст. 421)). Используемые в определенных случаях (см. ниже) формулировки о применении «наиболее близких по сути норм» представляются весьма размытыми, что может в определенных случаях ставить вопрос и о действительности положений сложноструктурных договоров, и о применяемом праве (нормах) для их толкования. В этой связи разрешение дилемм целиком перекладывается на правоприменителя, и анализируемые нормы ГКТ содействуют некоторой определенности в судебных решениях, и, по меньшей мере, очерчивают основные рамки правоприменительной деятельности, включая, прежде всего, толкование гражданско-правовых норм. Однако, рассчитывая, безусловно, на профессионализм и справедливость правоприменителя, стороны едва ли заинтересованы в множественной неопределенности на момент заключения сделки, и сопутствующие юридические и экономические риски могут привести к отказу от их заключения, что едва ли поспособствует социальному прогрессу, хотя, опять же, фиксирует определенную защищенность интересов наиболее уязвимых сторон по состоянию на текущий момент.

ГКТ известен институт смешанных договоров (по своей природе большинство сложноструктурных договоров будут также обладать признаками смешанного договора, по крайней мере в формулировке последнего по нормам гражданского законодательства Российской Федерации), при этом само понятие смешанных договоров отсутствует (в отличие от ГК РФ), что позволяет в теории рассматривать в качестве смешанных договоров по ГКТ и те, которые соответствуют указанным выше признакам сложноструктурных договоров. При этом в ГКТ содержится лишь норма по поводу толкования смешанных договоров (ст. 354), с указанием на то, что в данном случае «принимаются во внимание нормы о договорах, которые наиболее близки к сути исполнения и ему соответствуют». Соответствующая формулировка представляется не совсем удачной хотя бы в том смысле, что не дает возможности окончательно сориентироваться по поводу императивности воли законодателя и ее конкретного содержания. Возникают вопросы о том, могут ли применяться иные правила о толковании смешанных договоров, и как определить близость того или иного договора к сути исполнения. ГК РФ в п. 3 ст. 421 определяет, что для регулирования смешанных договоров применяются «в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора», то есть, во-первых, прямо говорится о необходимости выделения конкретных элементов соответствующего

договора для применения установленных в его отношении норм, во-вторых, о приоритете положений самого смешанного договора, в том числе сложноструктурного, в котором в таком случае необходимо и достаточно закрепить и конкретизировать соответствующие правила.

Интересным для российского законодателя представляется положение ст. 352 ГКТ «Непонятные значения». Как и некоторые другие нормы, помещенные в § 2 «Заключение договора» Главы 1 Части 3 ГКТ «Обязательственное право», соответствующие положения направлены, прежде всего, на защиту традиционных гражданских отношений с учетом культуры и исторического уклада туркменского общества, а также в связи со сложившейся правовой культурой, уровнем юридической грамотности населения, пробелами в которой заведомо не должны воспользоваться недобросовестные стороны. Однако регулирование было важно настроить именно так, чтобы оно не мешало нормально складываться гражданским отношениям с участием добросовестных сторон. Норма о непонятных значениях достаточно лаконичная и изложена следующим образом: «при наличии взаимоисключающих или многозначительных выражений предпочтение должно быть отдано тому значению, которое более других соответствует содержанию договора». По своему смыслу, данная норма подходит для регулирования споров по поводу содержания и исполнения сложноструктурных договоров. И ее наличие, пусть даже изначально по замыслу законодателя направленная на предупреждение иных общественных и правовых рисков, открывает путь к более широкому применению сложных и структурированных конструкций гражданско-правовых договоров по праву Туркменистана.

Заключение

Результаты сравнительно-правового исследования показывают, что ни в ГК РФ, ни в ГКТ не наблюдается четкого и последовательного подхода к регулированию сложноструктурных договоров. Сам факт их существования поддерживается нормами о свободе договоров, которые несколько лучше (в части детализации) проработаны в ГК РФ. ГК РФ содержит прямые установления о возможности заключения и порядке регулирования непоименованных договоров (договоров, не предусмотренных законом), а также устанавливает правила диспозитивности в определении условий договора, из которых затем формируется сложная структура договоров рассматриваемого типа. Гражданское законодательство Туркменистана также основывается на принципе свободы договора и предусматривает возможность реализации сторонами принципов диспозитивности, однако раскрывает соответствующие нормы достаточно лаконично, фокусируясь преимущественно на вопросах поддержки решений правоприменителя, который устраняет неопределенности уже в рамках разрешения юридических

споров, через трактовку положений нетипичных договоров, включая смешанные. Отсутствие определения смешанных договоров, а также презумпция о действительности непоименованных договоров, вытекающая из норм ГКТ по поводу непонятных значений, аналогии в регулировании не договорных обязательств, дают возможность более широкого, расширительного трактования положений по поводу сложноструктурных договоров по гражданскому праву Туркменистана. Однако с широтой соответствующих трактовок соседствуют многочисленные неопределенности и риски, и важно найти баланс нормативной урегулированности и усмотрения правоприменителя, который не только способствовал бы защите интересов отдельных сторон договора постфактум, но и создавал бы условия для более активного применения сложноструктурных сделок в цивилистической практике. В этой связи интерес представляет возможность прямой рецепции норм ст. 421 ГК РФ о свободе договора, в том числе по поводу заключения непоименованных сделок и применения к ним аналогии закона, в то время как законодателью из России может быть полезен для изучения и принятия дальнейших решений по поводу перенятия опыт регулирования непонятных значений договоров по гражданскому праву Туркменистана. В ГКТ существует необходимость определить понятие смешанных сделок и дифференцировать их от сделок, не предусмотренных законом (непоименованных, не известных гражданскому законодательству).

И в гражданском законодательстве России, и в гражданском законодательстве Туркменистана все еще сохраняется потребность в развитии норм о сложноструктурных договорах и опосредующих их сделках, и в этой связи важно обеспечивать не только обмен опытом между двумя странами, но и более широкое изучение и последующую рецепцию передовых зарубежных практик применения права и опыта гражданско-правового регулирования.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Туркменистана (Закон Туркменистана от 17.07.1998 г. № 294-I // Ведомости Меджлиса Туркменистана. – 1998. – № 2. – Ст. 38 (действующая редакция). [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.tm/ru/hukuk/merkezi/hukuk/459> (дата обращения 15.08.2024).
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 5.
4. Богданов, Д.Е. Сделки об ответственности в гражданском праве РФ: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Волгоград, 2005. – 23 с.

5. Волос А.А. Свобода договора в истории юриспруденции // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2014. – № 17. – С. 42–51.
6. Иванов О. М. О свободе договора, синдицированном кредите и направлениях развития гражданского права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2017. – № 1 (29). – С. 114–121. DOI: 10.17803/2311-5998.2017.29.1.114-121
7. Пучков, В.О. Цивилистическая доктрина цифровой эпохи: методологические, теоретические и прикладные проблемы: монография / В.О. Пучков; под редакцией доктора юридических наук, профессора В.С. Белых. – М.: Проспект, 2020. – 272 с.
8. Шиткина И. С., Бирюков Д.О. Корпоративный договор как правовой инструмент структурирования сделок в сфере предпринимательской деятельности // Хозяйство и право. – 2020. – № 3. – С. 12–27.
9. Barnett R. E., Oman N.B. Contracts: Cases and doctrine. – Aspen Publishing, 2021. – 1243 p.
10. Gallone G. Public Administration and the Challenge of Contractual Automation. Notes on Smart Contracts // European Review of Digital Administration & Law. – 2020. – Vol. 1. – No. 1–2. – P. 179–195. DOI: 10.4399/978882553896016
11. Klass G. Contracts, constitutions, and getting the interpretation-construction distinction right // Geo. J.L. & Pub. Pol'y. – 2020. – Vol. 18. – P. 13–54.
12. Kraus J. S., Scott R.E. Contract design and the structure of contractual intent // NYUL Rev. – 2009. – Vol. 84. – Rev. 1023.
13. Shaffer G. Emerging powers and the world trading system: the past and future of international economic law. – Cambridge University Press, 2021. – 321 p.
14. Zakharkina A., Kuznetsova O. Foreign civil doctrine of smart contracts // SHS Web of Conferences. – EDP Sciences, 2022. – Vol. 134. – Art. No 00016. – 6 p. DOI: 10.1051/shsconf/202213400016

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF COMPLEX STRUCTURE CONTRACTS IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND TURKMENISTAN

Sheguns N.G.

Kutafin Moscow State Law University

The article provides a comprehensive comparative legal analysis of complex structure contracts in the civil law of the Russian Federation and Turkmenistan. The author provides a definition of the concept of a complex structure transaction and specifies the key distinguishing features of complex structure contracts. Attention is drawn to the complex of factual realities of legal life that determine the active use of complex structure contractual structures in international private law, in civil relations of foreign states, Russia and Turkmenistan. The absence of direct regulation of complex structure contracts under the civil law of the two countries is noted, the emphasis is placed on the elaboration and consolidation of the principle of freedom of contract in civil legislation as an instrument that creates conditions for regulating a complex structure contract. It is noted that in the Civil Code of the Russian Federation the rules on freedom of contract are more detailed, and the civil legislation of Turkmenistan, although based on the principle of freedom of contract, discloses the relevant rules more concisely, focusing on supporting the deci-

sions of the law enforcement officer. For the effective use of complex structure contracts in Turkmenistan, it is recommended to find a balance between regulatory regulation and the discretion of the law enforcement officer, which will protect the interests of the parties and stimulate the use of such contracts in practice. The ideas on mutual reception of civil law norms and development of civil legislation of the two countries are presented. The recommendations developed based on the results of comparative legal analysis can be aimed at developing civil law and civilistic doctrine.

Keywords: complex structure contracts, hybrid subject of civil law obligations, development of civil law, doctrine of complex structure transactions, civil law of Turkmenistan, digital economy.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024) // SZ RF. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Civil Code of Turkmenistan (Law of Turkmenistan dated 17.07.1998 No. 294-I // Bulletin of the Mejlis of Turkmenistan. – 1998. – No. 2. – Art. 38 (current version). [Electronic resource]. URL: <https://minjust.gov.tm/ru/hukuk/merkezi/hukuk/459> (accessed August 15, 2024).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 14.03.2014 No. 16 “On freedom of contract and its limits” // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2014. – No. 5.
4. Bogdanov, D.E. Liability transactions in the civil law of the Russian Federation: abstract of dis. ... Cand. of Law. Sciences: 12.00.03. – Volgograd, 2005. – 23 p.
5. Volos A.A. Freedom of contract in the history of jurisprudence // Legality and law and order in modern society. – 2014. – No. 17. – pp. 42–51.
6. Ivanov O.M. On freedom of contract, syndicated loan and directions of development of civil law // Bulletin of the O.E. Kutafin University. – 2017. – No. 1 (29). – pp. 114–121. DOI: 10.17803/2311-5998.2017.29.1.114-121
7. Puchkov, V.O. Civilistic doctrine of the digital era: methodological, theoretical and applied problems: monograph / V.O. Puchkov; edited by Doctor of Law, Professor V.S. Belykh. – M.: Prospect, 2020. – 272 p.
8. Shitkina I. S., Biryukov D.O. Corporate agreement as a legal instrument for structuring transactions in the field of entrepreneurial activity // Business and Law. – 2020. – No. 3. – pp. 12–27.
9. Barnett R. E., Oman N.B. Contracts: Cases and doctrine. – Aspen Publishing, 2021. – 1243 p.
10. Gallone G. Public Administration and the Challenge of Contractual Automation. Notes on Smart Contracts // European Review of Digital Administration & Law. – 2020. – Vol. 1. – No. 1–2. – pp. 179–195. DOI: 10.4399/978882553896016
11. Klass G. Contracts, constitutions, and getting the interpretation-construction distinction right // Geo. J.L. & Pub. Pol’y. – 2020. – Vol. 18. – pp. 13–54.
12. Kraus J. S., Scott R.E. Contract design and the structure of contractual intent // NYUL Rev. – 2009. – Vol. 84. – Rev. 1023.
13. Shaffer G. Emerging powers and the world trading system: the past and future of international economic law. – Cambridge University Press, 2021. – 321 p.
14. Zakharkina A., Kuznetsova O. Foreign civil doctrine of smart contracts // SHS Web of Conferences. – EDP Sciences, 2022. – Vol. 134. – Art. No. 00016. – 6 p. DOI: 10.1051/shsconf/202213400016

Уголовная ответственность тренера за применение физического и психического насилия в отношении несовершеннолетнего спортсмена

Айрапетян Марина Камоевна,

аспирант кафедры уголовного права, Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); адвокат Московской коллегии адвокатов «Железников и партнеры»

В статье исследуется уголовная ответственность тренеров за применение физического и психического насилия в отношении несовершеннолетних спортсменов. Автор анализирует правовые нормы международных нормативных актов и федеральные законы, подчеркивая, что тренеры, как педагогические работники, обязаны применять гуманные методы воспитания и обеспечивать безопасность своих подопечных. Особое внимание уделяется проблеме высокой латентности таких преступлений, обусловленной дисбалансом власти в отношениях «тренер–спортсмен», страхом потерпевших и их родителей перед последствиями, а также общественной толерантностью к жестким методам спортивной подготовки.

Данная работа исследует проблематику применения статьи 156 УК РФ в контексте жестокого обращения с несовершеннолетними. В центре внимания находятся дискуссионные аспекты правовой оценки подобных деяний. Примечательно, что правоприменительная практика зачастую выдвигает требование о доказательстве систематического характера насильственных действий, хотя подобное условие отсутствует в уголовном законодательстве. Это создает предпосылки для неоправданного послабления уголовной ответственности.

Практические примеры демонстрируют тенденцию квалификации отдельных эпизодов физического и психологического насилия как административных проступков, минуя применение ст. 156 УК РФ. Тщательное изучение юридической доктрины и материалов судебной практики позволяет заключить, что трудности правовой оценки таких преступлений коренятся в двух основных факторах. Во-первых, отсутствует законодательно закрепленная дефиниция термина «жестокое обращение». Во-вторых, наблюдается разрозненность подходов к пониманию корреляции между ненадлежащим исполнением воспитательных обязанностей и проявлениями жестокости как основополагающими элементами данного состава преступления.

Ключевые слова: тренер, педагог, физическое насилие, психическое насилие, жестокое обращение в отношении несовершеннолетних, неисполнение обязанностей по воспитанию, побои, причинение вреда здоровью.

Введение

Отношения между тренером и спортсменом похожи на детско-родительские отношения. Власть тренера над ребенком является продолжением родительской власти и как бы делегируется родителями. Тренер может заменять или дополнять отцовскую фигуру и играть значимую роль в воспитании и развитии ребенка. Определение границ родительской власти и, как следствие, власти тренера над ребенком – процесс, который находится в нашем обществе на стадии формирования.

В отношениях тренер–спортсмен очевиден дисбаланс власти, это отношения зависимости, подчинения. Специфика таких отношений создает предпосылки для злоупотреблений со стороны тренера, особенно в отношении несовершеннолетних воспитанников.

Международные и российские нормативно-правовые акты категорически отрицают насилие как дозволенный метод воспитания. Однако фактически спортсмены часто становятся жертвами физического и психического насилия со стороны тренеров. Эти нарушения по многим причинам характеризуются высокой степенью латентности. Среди таких причин можно выделить следующие:

1. Игнорирование признаков насилия со стороны родителей или иных лиц, которые обязаны защищать интересы несовершеннолетнего. Помимо игнорирования возможно согласие с жесткими методами тренировок, их оправдание спортивной необходимостью, целями достижения результатов в условиях высокой конкуренции.
2. Малолетний возраст потерпевшего, авторитетное положение тренера, доверительный и долгий контакт между спортсменом и тренером.
3. Стыд перед родителями и сверстниками, стремление к достижению высоких спортивных результатов, страх быть изгнанным из команды, клуба, сборной и т.д.

В целом наше общество толерантно относится к жестким и даже жестоким методам спортивной подготовки, в том числе по отношению к детям. Принято считать, что без строгости и дисциплины невозможно достижение серьезных спортивных результатов, а психическое и физическое насилие является частью этой дисциплины. Только последние годы в средствах массовой информации стали освещаться случаи жестокого обращения тренеров со своими подопечными, методы известных тренеров стали подвергаться критике, бывшие и действующие профессиональные спор-

тсмены начали высказываться о насилии, которому они подвергались [19].

Согласно Кодексу этики Международного олимпийского комитета к фундаментальным принципам, на которых построено движение олимпизма, относится в том числе уважение международных конвенций, которые защищают права человека и, в частности, отрицают все формы домогательств (harassment) и жестокого обращения (abuse) – любые виды физического или психического вреда [24].

Кодекс этики требует от спортивных организаций всех уровней нулевой толерантности к нарушениям принципов безопасного спорта, который направлен на защиту спортсменов от домогательств, жестокого обращения и эксплуатации.

Необходимо с сожалением отметить абсолютную неизученность этой проблематики социальными науками и отсутствие отечественных социологических исследований. Зарубежные авторы также отмечают небольшое количество зарегистрированных случаев насилия в отношении спортсменов, высокую латентность этих преступлений и слабую исследованность данной проблемы, несмотря на ее очевидные негативные последствия [7, с. 9].

В рамках уголовного законодательства насильственные действия тренеров могут квалифицироваться как умышленное причинение различных степеней вреда здоровью, предусмотренное статьями 111, 112, 115, 116.1 и 117 УК РФ. Особое внимание следует уделить защите юных спортсменов, как наиболее уязвимой категории, что требует рассмотрения преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Статья 156 УК РФ устанавливает наказание за пренебрежение обязанностями по воспитанию несовершеннолетних. К ответственности могут привлекаться не только родители, но и лица, наделенные воспитательными функциями, включая работников образовательных, медицинских и социальных учреждений, осуществляющих надзор за несовершеннолетними.

Существенные изменения в правовом статусе спортивных организаций произошли с принятием Федерального закона № 127 от 30.04.2021 г. [4]. Этот нормативный акт инициировал трансформацию учреждений спортивной подготовки в образовательные организации.

С 1 сентября 2023 года произошло значимое преобразование: спортивные учреждения получили образовательный статус, а тренеры были приравнены к педагогическим работникам. Произошло слияние должностей «тренер» и «тренер-преподаватель».

В обязанности тренера-преподавателя (тренера) входит организация тренировочного процесса, проведение учебно-тренировочных занятий со спортсменами и обучающимися, а также руководство их соревновательной деятельностью для достижения спортивных результатов [20].

В соответствии с квалификационными требованиями, основной обязанностью тренера-преподавателя является обеспечение безопасности и сохранение здоровья обучающихся в ходе образовательного процесса. Профессиональная компетенция данных специалистов предполагает знание нормативно-правовой базы в сфере образования, спорта и оздоровительной деятельности, включая положения Конвенции о правах ребенка [14].

Российская Федерация, как участник Конвенции о правах ребенка, приняла на себя обязательства по реализации комплексных мер защиты несовершеннолетних. Статья 19 данного международного документа предписывает внедрение законодательных, административных и социально-просветительских механизмов, направленных на предотвращение всех видов насилия над детьми. Это касается как физического, так и психологического воздействия, включая случаи пренебрежения, жестокого обращения или эксплуатации со стороны любых лиц, ответственных за ребенка. Особое внимание уделяется созданию действенной системы расследования инцидентов жестокого обращения [2].

В контексте действующего законодательства физическое воспитание трактуется как комплексный процесс формирования личности. Согласно Федеральному закону «О физической культуре и спорте в РФ», его целью является развитие физических способностей, передача специальных знаний и навыков для воспитания всесторонне развитой, физически здоровой личности [20].

Федеральный закон «Об образовании в РФ» № 273-ФЗ, регламентирующий деятельность тренеров-преподавателей, рассматривает образование как целостный процесс, объединяющий воспитательную и обучающую составляющие [21].

Федеральный закон об образовании предлагает развернутую трактовку понятия «воспитание». Этот процесс охватывает множество аспектов формирования личности: от развития трудолюбия и ответственного отношения к деятельности до усвоения фундаментальных социокультурных и духовно-нравственных ценностей российского общества. Особый акцент делается на воспитании патриотизма, гражданской позиции, уважения к историческому наследию, старшему поколению и защитникам Отечества. Важными компонентами также являются формирование правосознания, бережного отношения к культурным традициям многонационального российского народа и окружающей среде [21].

Современное образовательное законодательство категорически отвергает авторитарные методы поддержания дисциплины. Основопологающим принципом признается взаимное уважение человеческого достоинства всех участников образовательного процесса. Закон однозначно запрещает применение любых форм физического или психического насилия как в отношении обучающихся, так и педагогических работников.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что тренер, получивший статус педагогического работника и осуществляющий воспитательные функции, полностью соответствует критериям субъекта преступления, предусмотренного статьей 156 УК РФ.

В контексте статьи 156 УК РФ существует проблема определения понятия «жестокое обращение», поскольку законодательное толкование данного термина отсутствует. Семейный кодекс РФ лишь указывает на недопустимость пренебрежительного, грубого и унижающего достоинство обращения при воспитании детей.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 27 мая 1998 г. № 10 расширяет понимание жестокого обращения, включая в него не только физическое и психическое насилие, посягательства на половую неприкосновенность, но и неприемлемые методы воспитания, унижающие человеческое достоинство [9].

Всемирная организация здравоохранения предлагает комплексное определение, охватывающее различные формы физического, сексуального и эмоционального насилия, а также пренебрежение заботой о несовершеннолетних, как отмечает В.С. Кузьменко [1, с. 64].

В научном сообществе существуют различные подходы к трактовке данного понятия. Ю.Е. Пудовочкин отстаивает позицию о тождественности понятий «насилие» и «жестокое обращение», предлагая заменить второе первым в ст. 156 УК РФ [3, с. 187].

Однако правоведы и судебная практика признают существование ненасильственных форм жестокого обращения, включающих лишение жилья, игнорирование базовых потребностей, отказ в медицинской помощи, материальном обеспечении, оставление в опасности и другие проявления бесчеловечного отношения [5, с. 277].

Дискуссионным остается вопрос о систематичности противоправных действий. Некоторые исследователи, включая Ю.В. Пудовочкина, считают, что единичный случай насилия без подтверждения систематического характера такого поведения должен квалифицироваться по статьям о причинении вреда здоровью [3, с. 192].

Анализ судебной практики демонстрирует преобладание подхода, требующего доказательства систематичности противоправных действий для квалификации деяния по статье 156 УК РФ. Единичные эпизоды насильственного поведения, как правило, не рассматриваются как достаточное основание для применения данной статьи.

Кассационные суды общей юрисдикции последовательно формируют позицию, согласно которой жестокое обращение представляет собой устойчивую модель поведения виновного по отношению к несовершеннолетнему. Такое поведение характеризуется причинением физических и моральных страданий через различные формы насилия и издевательств, включая нанесение побоев и создание неблагоприятных условий существования. Для

применения статьи 156 УК РФ требуется установить системный характер как неисполнения обязанностей по воспитанию, так и жестокого обращения [8].

Шестой кассационный суд общей юрисдикции подчеркивает, что ненадлежащее исполнение родительских обязанностей должно носить системный характер, поскольку это связано с нарушением фундаментальных требований статей 63 и 65 Семейного кодекса РФ. Данные нормы предписывают обеспечивать всестороннее развитие ребенка, включая физическое, психическое, духовное и нравственное становление, запрещают любые формы унижающего достоинство обращения и эксплуатации несовершеннолетних [13].

Верховный суд Республики Татарстан четко обозначает позицию: одиночный случай причинения вреда здоровью не может квалифицироваться по статье 156 УК РФ, а должен рассматриваться как самостоятельное преступление. При этом если жестокое обращение включает действия, образующие отдельный состав преступления (например, истязание или причинение вреда здоровью), требуется квалификация по совокупности преступлений [1].

Показательным является случай 2005 года в Омске, когда тренер по художественной гимнастике была привлечена к ответственности по статье 156 УК РФ. Характерно, что в ходе судебного разбирательства исследовался характер взаимодействия тренера со всеми воспитанниками для установления систематичности жестокого обращения [4].

Современная судебная практика демонстрирует, что отдельные эпизоды неподобающего поведения тренера обычно не составляют *corpus delicti* статьи 156 УК РФ. Это иллюстрирует случай с тренером-преподавателем спортивной школы олимпийского резерва, когда единичный инцидент с нанесением удара щелчком и использованием нецензурной лексики был признан недостаточным для формирования системы жестокого обращения [10]. Такой изолированный эпизод не отражает устойчивую линию поведения педагога и не образует необходимой для данного состава преступления системности противоправных действий.

Р.Д. Шарапов справедливо отмечает, что законодатель напрямую не связывает уголовную ответственность за жестокое обращение с множественностью (неоднократностью или систематичностью) действий или бездействия виновного [5, с. 278].

Уголовный закон не предполагает применение аналогии, должен отвечать требованиям определенности и конкретности, в связи с чем, при отсутствии в ст. 156 УК РФ каких-либо указаний на требование многократности в деянии виновного, даже единичные действия (бездействие) могут образовывать состав данного преступления.

Однако следует отметить, что судебная практика в основном квалифицирует однократное применение физического насилия по отношению к несовершеннолетним ученикам по ст. 6.1.1 КоАП РФ.

В мужской раздевалке бассейна тренер один раз ударил несовершеннолетнего ученика рукой в область затылка [7]; во время тренировки по хоккею тренер хоккейной команды нанес один удар хоккейной клюшкой по голове и оттолкнул рукой несовершеннолетнего Г.А, вследствие чего тот упал навзничь на лед [16]; тренер, находясь в спортивном клубе, нанес несовершеннолетнему ученику удары пластмассовой палкой [16]; во время проведения тренировочного процесса тренер схватил правой рукой несовершеннолетнего С. за шею, поднял над полом [17].

Анализ правоприменительной практики выявляет определенное несоответствие между буквой закона и его фактическим применением. Несмотря на то, что проявления физического насилия формально образуют состав преступления по статье 156 УК РФ, правоприменители зачастую считают уголовное преследование тренеров чрезмерной мерой. Такой подход, хотя и продиктован более мягкой оценкой общественной опасности подобных деяний, не вполне соответствует законодательным требованиям.

В теории уголовного права остается дискуссионным вопрос о юридической природе жестокого обращения в составе данного преступления. Существует неопределенность: является ли оно способом неисполнения воспитательных обязанностей или самостоятельным элементом преступного деяния.

С.А. Юрков в своем исследовании судебной практики обращает внимание на то, что суды часто не проводят четкого разграничения между неисполнением обязанностей по воспитанию и собственно жестоким обращением [6].

Судебная практика демонстрирует двойственный подход: в большинстве случаев одни и те же действия квалифицируются одновременно как неисполнение воспитательных обязанностей и жестокое обращение. Однако существуют прецеденты, где требуется отдельное доказывание каждого из этих признаков. Показательна позиция Шестого кассационного суда общей юрисдикции, который рассматривает эти элементы как взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 156 УК РФ [13].

Важным прецедентом является решение суда об отмене приговора нижестоящей инстанции, где подчеркивается невозможность квалификации единичного действия (удара по губе) одновременно как ненадлежащего исполнения воспитательных обязанностей и жестокого обращения. Суд потребовал четкого определения действий (бездействия), составляющих нарушение воспитательных обязанностей.

Заслуживает внимания позиция Ю.В. Пудовочкина, предлагающего дуалистический подход к пониманию объективной стороны преступления: с социально-правовой точки зрения она проявляется как бездействие (неисполнение воспитательных обязанностей), а с физической – может включать

как активные действия, так и бездействие, составляющие жестокое обращение [3, с. 187].

Д.В. Попов, исследуя психическое насилие в контексте статьи 156 УК РФ, выделяет различные его проявления: унижение, оскорбление, травлю, угрозы. Судебная практика подтверждает квалификацию по данной статье случаев использования нецензурной брани и угроз в адрес несовершеннолетних [2, с. 26].

С.А. Юрков в своих исследованиях существенно расширяет понимание деяний, образующих объективную сторону данного преступления. Помимо традиционного физического и психического насилия, автор включает в этот перечень бездействие в сфере защиты прав ребенка, применение неприемлемых воспитательных методов и уклонение от обеспечения надлежащих условий развития несовершеннолетнего. К последним относятся такие проявления как отсутствие должного ухода, поддержание антисанитарных условий проживания, создание неблагоприятной социальной среды, включая допущение распития алкогольных напитков в присутствии детей [6].

Последний вид деяния может относиться к тренеру, если ребенок находится под его контролем длительное время, и обеспечение ежедневных потребностей ребенка становится обязанностью тренера. Например, тренер может ограничивать доступ к еде, когда дети находятся в спортивном лагере под его присмотром – так тренер может применять жесткие методы быстрого снижения веса. Насилие, связанное с голоданием и быстрой потерей веса, зарубежные авторы выделяют в качестве самостоятельного вида [7, с. 9].

Признак неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности по воспитанию показывает, что преступление совершается в рамках отношений педагог-ученик. Жестокое обращение осуществляется именно в рамках этих отношений, где тренер не справляется со своей задачей по воспитанию, нарушает права и интересы доверенного ему ребенка.

Статья 156 УК РФ вступает в конкуренцию с общими составами преступлений против жизни и здоровья. При сопоставлении санкций различных составов преступлений можно сделать вывод, что по статье 156 УК РФ следует квалифицировать случаи жестокого обращения, которые повлекли не более чем легкий вред здоровью несовершеннолетнего. При этом важно отметить, что если в результате жестокого обращения по неосторожности был причинен вред здоровью любой степени тяжести, дополнительная квалификация по другим статьям не требуется.

Заключение

Суммируя изложенное, полагаем возможным прийти к следующим выводам:

1. Физическое насилие со стороны тренера по отношению к спортсмену квалифицируется

по общим статьям о причинении вреда жизни и здоровью.

2. При умышленном причинении вреда здоровью несовершеннолетнего спортсмена тренер должен нести ответственность по совокупности преступлений, а именно по статье о причинении вреда здоровью и по ст. 156 УК РФ. Нанесение побоев и причинение легкого вреда здоровью входит в состав преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, и дополнительной квалификации не требуют.
3. Несмотря на сложившуюся судебную практику, для квалификации деяния по ст. 156 УК РФ не требуется систематичность неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Единичный случай физического или психического насилия, а также иного жестокого обращения может образовывать состав преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ.
4. Жестокое обращение в ст. 156 УК РФ является составной частью деяния. Оно должно быть связано с процессом воспитания, то есть жестокое обращение проявляется в отношениях между тренером-преподавателем и обучающимся.

Литература

1. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 06.08.2021 по делу № 22–6165/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 21.03.2025).
3. Кузьменко В.С. Понятие «жестокое обращение» при квалификации преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 64–65.
4. Медведев А. Тренерская дисквалификация // Коммерсант. – 2006. – 14 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/657385> (дата обращения: 04.04.2025).
5. Попов Д.В. О насилии как признаке объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ // Российский судья. – 2024. – № 3. – С. 25–27.
6. Постановление Ангарского городского суда Иркутской области от 21 апреля 2023 г. по делу № 5–98/2023 // СПС «Гарант».
7. Постановление Московского городского суда от 22 февраля 2018 г. по делу № 4а-9477/2017 // СПС «Гарант».
8. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 октября 2022 г. по делу № 77–5030/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров,

связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 7.

10. Постановление Центрального районного суда г. Челябинска от 29 января 2010 г. // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 июня 2022 г. по делу № 77–2381/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25 июля 2023 г. по делу № 77–2664/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 07 февраля 2024 г. по делу № 77–461/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 № 761н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» (ред. от 31.05.2011) // Зарегистрировано в Минюсте РФ 06.10.2010 № 18638.
15. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 293 с.
16. Решение Кемеровского областного суда от 27 марта 2017 г. по делу № 12–132/2017 // СПС «Гарант».
17. Решение Усть-Илимского городского суда Иркутской области от 06 сентября 2024 г. по делу № 12–94/2024 // СПС «Гарант».
18. Столяров С.Е. Особенности организации и осуществления государственного контроля и надзора за организациями, реализующими дополнительные образовательные программы спортивной подготовки // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 2. – С. 57–60.
19. «Треснуть, с удовольствием». Как в России оправдывают жестокость тренеров [Электронный ресурс]. – URL: <https://sportrbc.ru/news/6658e91c9a79473e2c614748> (дата обращения: 05.04.2025).
20. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 25.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 5709; 2024. – № 10. – Ст. 861.
21. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 19.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598; 2024. – № 9. – Ст. 866.
22. Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве: Понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 418 с.
23. Юрков С.А. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несо-

вершеннолетнего по признакам объективной стороны // Уголовное право. – 2024. – № 5. – С. 76–84.

24. IOC (International Olympic Committee) Code of Ethics [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.olympics.com/ioc/documents/international-olympic-committee/ethics-code> (дата обращения: 01.04.2025).
25. Zach S., Guy S., Ben-Yechezkel R., Grosman-Rimon L. Clear Yet Crossed: Athletes' Retrospective Reports of Coach Violence // Behavioral Sciences. – 2024. – Vol. 14. – Art. 486.

CRIMINAL LIABILITY OF A COACH FOR THE USE OF PHYSICAL AND MENTAL VIOLENCE AGAINST A MINOR ATHLETE

Airapetian M.K.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines the criminal liability of coaches for physical and mental abuse against minor athletes. The author analyzes legal norms, international regulations, and federal laws, emphasizing that coaches, as pedagogical workers, are obliged to use humane methods of education and ensure the safety of their charges. Special attention is paid to the problem of high latency of such crimes due to the power imbalance in the «coach-athlete» relationship, the fear of victims and their parents of consequences, and social tolerance towards harsh methods of sports training.

This work investigates the application of Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation in the context of child abuse. The focus is on controversial aspects of the legal assessment of such acts. It is noteworthy that law enforcement practice often requires proof of systematic nature of violent actions, although such a condition is absent in criminal legislation. This creates prerequisites for unjustified mitigation of criminal liability.

Practical examples demonstrate a tendency to classify individual episodes of physical and psychological violence as administrative offenses, bypassing the application of Article 156 of the Criminal Code. A thorough study of legal doctrine and judicial practice materials leads to the conclusion that difficulties in legal assessment of such crimes stem from two main factors. First, there is no legally established definition of the term «cruel treatment.» Second, there is a disparity in approaches to understanding the correlation between improper performance of educational duties and manifestations of cruelty as fundamental elements of this corpus delicti.

Keywords: coach, teacher, physical violence, mental violence, cruel treatment of minors, failure to perform parenting duties, beatings, causing harm to health.

References

1. Appellate ruling of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated August 6, 2021 in case No. 22–6165/2021 // SPS «ConsultantPlus».
2. Convention on the Rights of the Child (adopted by UN General Assembly resolution 44/25 of November 20, 1989) [Electronic resource]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (accessed: 21.03.2025).
3. Kuzmenko V.S. The concept of «cruel treatment» in qualifying the crime provided for in Art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal Law. – 2014. – No. 5. – P. 64–65.
4. Medvedev A. Coach disqualification // Kommersant. – 2006. – March 14 [Electronic resource]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/657385> (accessed: 04.04.2025).
5. Popov D.V. On violence as a sign of the objective side of the crime provided for in Art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation // Russian judge. – 2024. – No. 3. – P. 25–27.
6. Resolution of the Angarsk City Court of the Irkutsk Region dated April 21, 2023 in case No. 5–98/2023 // SPS «Garant».
7. Resolution of the Moscow City Court dated February 22, 2018 in case No. 4a-9477/2017 // SPS «Garant».
8. Resolution of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated October 26, 2022 in case No. 77–5030/2022 // SPS «ConsultantPlus».
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 27, 1998 No. 10 «On the application by courts of legislation when resolving disputes related to the upbringing of children» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 1998. – No. 7.
10. Resolution of the Central District Court of Chelyabinsk dated January 29, 2010 // SPS «ConsultantPlus».
11. Resolution of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated June 23, 2022 in case No. 77–2381/2022 // SPS «ConsultantPlus».
12. Resolution of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated July 25, 2023 in case No. 77–2664/2023 // SPS «ConsultantPlus».
13. Resolution of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated February 7, 2024 in case No. 77–461/2024 // SPS «ConsultantPlus».
14. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated August 26, 2010 No. 761n «On approval of the Unified qualification directory of positions for managers, specialists and employees, section «Qualification characteristics of positions for educational workers» (as amended on May 31, 2011) // Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on October 6, 2010 No. 18638.
15. Pudovochkin Y.E. Responsibility for crimes against minors under Russian criminal law. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2002. – 293 p.
16. Decision of the Kemerovo Regional Court dated March 27, 2017 in case No. 12–132/2017 // SPS «Garant».
17. Decision of the Ust-Ilimsk City Court of the Irkutsk Region dated September 6, 2024 in case No. 12–94/2024 // SPS «Garant».
18. Stolyarov S.E. Features of the organization and implementation of state control and supervision over organizations implementing additional educational programs for sports training // Constitutional and municipal law. – 2022. – No. 2. – P. 57–60.
19. «Hit with pleasure.» How coach cruelty is justified in Russia [Electronic resource]. – URL: <https://sportrbc.ru/news/6658e91c9a79473e2c614748> (accessed: 05.04.2025).
20. Federal Law «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation» dated December 4, 2007 No. 329-FZ (as amended on February 25, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 50. – Art. 5709; 2024. – No. 10. – Art. 861.
21. Federal Law «On Education in the Russian Federation» dated December 29, 2012 No. 273-FZ (as amended on February 19, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 53 (part 1). – Art. 7598; 2024. – No. 9. – Art. 866.
22. Sharapov R.D. Violence in criminal law: Concept, qualification, improvement of the mechanism of criminal-legal prevention: dis. ... Doctor of Law. – Ekaterinburg, 2006. – 418 p.
23. Yurkov S.A. Problems of qualification of failure to fulfill duties to raise a minor based on the objective side // Criminal law. – 2024. – No. 5. – P. 76–84.
24. IOC (International Olympic Committee) Code of Ethics [Electronic resource]. – URL: <https://www.olympics.com/ioc/documents/international-olympic-committee/ethics-code> (accessed: 01.04.2025).
25. Zach S., Guy S., Ben-Yechezkel R., Grosman-Rimon L. Clear Yet Crossed: Athletes' Retrospective Reports of Coach Violence // Behavioral Sciences. – 2024. – Vol. 14. – Art. 486.

Leges Repetundarum, или становление антикоррупционной концепции в праве Римской республики

Брагина Елена Александровна,

аспирант кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета; старший преподаватель кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин, ВИТИ НИЯУ МИФИ; адвокат
E-mail: advokat.bragina@mail.ru

Статья завершает серию публикаций, посвящённых исследованию вопросов становления уголовной ответственности за взяточничество в странах Античного мира.

В настоящей работе проведен анализ опыта борьбы со взяточничеством в республиканском Риме. В статье последовательно изложена эволюция подходов в борьбе с вымогательством незаконных «вознаграждений» со стороны судей и других чиновников за исполнение своих прямых обязанностей, а также динамика принятия мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие взяточничеству, как на наиболее характерное проявление коррупции.

На примере памятников культуры и права Рима, а также нарративных источников античных авторов, рассмотрены основные виды применявшихся наказаний, а также ряд мер превентивного характера, связанных с пожизненным лишением всех прав и полномочий, которыми находясь на государственной службе злоупотребил чиновник с целью получения личной выгоды. Ряд правовых актов исходил из необходимости экономии уголовной репрессии, назначая наказание в виде смертной казни только в самых серьёзных случаях.

В заключении автор приходит к выводу о том, что в республиканском Риме взяточничество и вымогательство со стороны чиновников было отнесено к особо тяжким и опасным преступлениям, затрагивающим интересы всего государства.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, вымогательство, должностное лицо, методы борьбы с взяточничеством и вымогательством, экзекуционное право, смертная казнь, пожизненное лишение прав и полномочий должностного лица, карательно-рекуператорные методы борьбы с последствиями коррупционной деятельности, экономия уголовно-правовой репрессии.

Введение

Индекс восприятия коррупции [1], а также данные судебной статистики по делам коррупционной направленности за 2021, 2022 и 2023 гг. [2], демонстрируют неуклонно возрастающий уровень пораженности российского общества. Наибольшее количество преступлений, по которым вынесены обвинительные приговоры, связано с получением взятки. «Несовершенство российского уголовного законодательства, существующие механизмы борьбы с коррупционными преступлениями, в том числе и сама система назначения наказания, – отмечает профессор Г.И. Чечель [3, с. 45], – оказались малоэффективными». Выбирая методы борьбы со взяточничеством, отечественное уголовное право отдавало предпочтение лишь репрессивной составляющей, оставив коррупционные факторы вне зоны их правового воздействия. Подобное несовершенство и бесперспективность избранного направления заставляет всё научное сообщество объединять свои усилия для создания эффективного уголовного закона, направленного на предупреждение и пресечение использования своего служебного положения в целях незаконного обогащения.

Историография вопроса позволяет подчеркнуть неугасающий интерес правоведов, как теоретиков, так и практиков, к вопросам законодательной борьбы со взяточничеством на протяжении многих веков. Вместе с тем, ряд вопросов продолжает оставаться нерешенным и требует глубокого осмысления.

Литературный обзор

Дискуссии о размере и виде наказания, которое должно понести лицо, виновное в получении взятки не утихают уже много лет. В большинстве случаев речь идет об ужесточении уголовно-правовой политики государства начиная от введения конфискации имущества как уголовного наказания [4] или запрета на освобождение от наказания в виде условного осуждения [5], вплоть до отмены моратория на смертную казнь [6, 7]. В ряде случаев высказывается мнение о возможности исключения ареста, ограничения и лишения свободы как видов наказания путем их замены на принудительные работы [8]. «Забвение принципа историзма, – по мнению профессора О.Ф. Шишова, не способствует анализу действующих уголовно-правовых норм и долгосрочных тенденций их развития. Обращение же к истории уголовного законодательства, к использованию законотворческого опыта прошлых лет

имеет особое значение при решении вопросов совершенствования уголовного законодательства» [9, с. 42]. Изложенное выше не позволяет сомневаться в актуальности и целесообразности научных исследований, подобных представленному.

Методологическую основу исследования составили формально-логический, исторический, системный и сравнительный методы. В целях установления общих закономерностей развития права Античного мира, а также его антикоррупционной составляющей использовались социологический и социально-политический методы.

Результаты

К середине II в. до н.э., в результате победоносных Пунических войн, Рим стал могущественнейшим государством Средиземного моря. Подчиненные территории начинают рассматриваться нобилитетом, наделенным *imperium militiae* (вид юридической интенсивности высшей власти, существовавший за пределами Рима) [10, с. 89], в качестве объекта для разграбления и эксплуатации, а занимаемые там должности как способ быстрого прироста капитала за счёт незаконных вознаграждений, полученных путем вымогательств, подарков и поборов. Вкусив новообретённой роскоши с захваченных земель, римская знать отвергла основополагающий принцип жизни своих предков – *bona fides* (собственная честность и доверие к чужой честности, верность данному слову, нравственная обязанность всех людей выполнять своё обязательство, в чем бы оно ни выражалось) [11, с. 131–132] и бросилась в погоню за богатством. По словам Тита Ливия, «это было только начало, лишь зародыш будущей порчи нравов» (Liv. XXXIX.6.9) [12, с. 145]. Совершенное, как полагал Полибий (Polib. IV) [13, с. 448], государственное устройство Древнего Рима пошатнулось.

Первые жалобы *peregrini alicuius civitatis* (жители города, захваченного, но не разрушенного Римом) [14, с. 42] и *peregrini dediticii* (жители городов, завоеванных и разрушенных Римом за ожесточенное, отчаянное сопротивление) [14, с. 43] – жителей провинций на вымогательства римских наместников, начиная со 173 г. до н.э. (Liv. XLIII.2.3; XLIII.2.9) [15, с. 471] рассматривались международным судом *rescuperatores* [16, с. 1146], избираемым из обоих народов на основании принципа коллегиальности, в соответствии с положениями *ius gentium* в порядке гражданского [17, с. 189], а не уголовного судопроизводства. Присуждаемый к уплате денежный штраф в рамках рекуператорского иска, по аналогии с возмещением по *actio vindicatio*, был равен стоимости утраченного истцом имущества.

Многочисленные случаи вымогательств и иных злоупотреблений со стороны наместников в подвластных провинциях (Dio Cass. 53.12) [18, с. 124–126], которыми с 241 года до н.э. начал обраться Рим в результате успешной внешней политики и экспансии, послужили основанием для формирования нового *delict publica* (публичный деликт) – *crimen repetundarum* (вымогательство со стороны

наместников провинций при осуществлении должностных полномочий) [11, с. 273; 16, с. 1150]. К концу II в. до н.э., как указывают в своих трудах М. Бартошек [11, с. 273] и О.А. Омельченко [19, с. 243], состав *crimen repetundarum* стал охватывать получение взятки любым должностным лицом, в том числе судьей. Во времена императоров – любое преступление, заключающееся в дурном исполнении своих служебных обязанностей (Tac Ann., VI, 29–30) [20, с. 215–216].

Repetundarum преследовалось многочисленными римскими законами, получившими у исследователей-антиковедов общее название *leges repetundarum* (законы против вымогательства) [11, с. 181; 21, с. 225]. Полный текст указанных законов неизвестен. Упоминания античных авторов о содержании и составе судебных комиссий немногочисленны и порой противоречивы. Л.Л. Кофанов полагает, что *leges repetundarum* не вполне точно называют законами о взяточничестве, т.к. «данные нормы были направлены, прежде всего, против действий римских магистратов в области международных отношений, которые следует определить как кражу или грабеж» [19, с. 141–142], по поводу которых Ульпиан полагал возможным предъявлять не только уголовные, но и гражданские иски, имея ввиду рассматриваемые выше *rescuperatio* (D. XLVII.2.93) [23, с. 445].

В самом общем виде, отмечает, А.Н. Руденко, указанные акты представляли собой юридическую регламентацию полномочий комиссий по делам о вымогательствах, закрепляли общее количество судей и их число для каждого отдельного процесса, определяли процедуру отправления правосудия, а также виды наказаний, назначаемых по результатам рассмотрения дела [24, с. 444]. По мнению Н.А. Машкина [17, с. 189] и Э. Аннерса [25, с. 101] *leges repetundarum* отличались строгостью, но, вместе с тем были скорее средством политической борьбы за власть между сенаторами и всадниками, чем оказывали помощь провинциалам в борьбе с вымогательствами со стороны наместников. А.И. Немировский [26, с. 222] особо подчеркивает, что «сословие, обладавшее большинством голосов в судебных комиссиях, пользовалось большим политическим влиянием и имело возможность безнаказанно грабить провинции», поэтому борьба за преобладание в судебных комиссиях между сенаторами и всадниками всегда была столь ожесточенной.

Lex Calpurnia de repetundis 149 г. до н.э. (далее – закон Кальпурния) [10, с. 142; 16, с. 1150] стал первым законом, признавшим вымогательство со стороны магистратов и наместников провинций наказуемым деянием и учредившим в ходе организации новой уголовной юстиции постоянные судебные комиссии по делам о взятках и вымогательствах должностных лиц – *quaestio de repetundis* (Cic. off. II, XXI; Cic. Cluent. 53) [10, с. 142]. Комиссии состояли из высшего магистрата – претора (*praetor*) и судей (*iudex*), ежегодно избираемых из числа сенаторов (*senatores*), в том числе путем

многоступенчатой жеребьевки [24, с. 444]. Жалоба подавалась и продвигалась *patronus provinciae* (влиятельный член нобилитета, защищавший интересы провинции в Риме) [11, с. 240], что, как полагает Г.И. Тираспольский [27, с. 29–30], существенно снижало действенность закона. Санкция плебисцита предусматривала для преступившего закон носителя империя наказание в виде возврата недолжного приобретенного имущества [11, с. 198] – *rescuniae repetundarum* [28, с. 871]. По мнению Ф.Любкера [11, с. 1150] весьма вероятно, что указанные положения были дополнены *Lex Iulia de repetundis* 149–123/146 г. до н.э. [11, с. 192; 16, с. 1150], практически не оставившем о себе каких-либо упоминаний.

Lex Acilia (Sempronia) de iudiciis repetundarum 123/122/121/101 г. до н.э. [29, с. 355; 24, с. 445; 30; 26; 16], сохранившийся на обратной стороне бантинской таблицы в обширных обрывках, ужесточил наказание за незаконное присвоение вещей и денег, увеличив подлежащую возмещению сумму ущерба в два раза, подобно тому, как воры присуждались к двойному взысканию. Прежний порядок судопроизводства был преобразован в *iudicium publicum* (публичный судебный процесс) [27, с. 88]. Введена *ampliatio* [27, с. 15]. Места сенаторов в судебных комиссиях заняли всадники, полностью исключив их из *quaestio de repetundis*. Иск к магистрату мог быть предъявлен представителями правителя союзного государства или народа, что по мнению Л.Л. Кофанова указывает на *Lex Acilia (Sempronia)* как на единственный сохранившийся закон о международной тяжбе в *iudicium recuperatorium* [22, с. 143–144; 17, с. 189], в рамках которого существовала практика вознаграждения чужеземцев, сообщивших о вымогательствах со стороны магистратов и наместников при осуществлении ими своих должностных полномочий, путем присвоения римского гражданства [11, с. 181].

Lex Servilia Caepionis repetundarum 112/111/106 г. до н.э. [16, с. 764; 27, 196; 11, с. 198] судебские места были распределены поровну между сенаторами и всадниками. *Ampliatio* заменяется на *comperendinatio*, результате чего уголовный процесс был разделен на две стадии: *actio prima* и *actio secunda*. В дополнение к наказаниям, предусмотренным санкциями предшествующих *Leges repetundarum*, *Lex Servilia Caepionis* впервые ввел в качестве такового лишение политических прав [11, с. 198]: *ius suffragii* – права голоса в народном собрании; *ius honorum* – права занимать магистратские должности и *munera militaria* – права служить в римских легионах.

В 103/102–101/100 г. до н.э. [26, с. 222; 11, с. 198; 27, с. 41–42] всадники добились проведения *Lex Servilia Glaucia repetundarum*, полностью исключившего сенаторов из судебных комиссий. Практика вознаграждения информаторов стала распространяться на *latini coloniarii*. Подкуп и незаконное обогащение, распространению которых способствовало нравственное разложение римского общества, постепенно становились обычным делом

и на территории самого Рима, в связи с чем *Civis Romanus* получили право выдвигать в суде обвинение чиновнику, уличенному в *crimen repetundarum*. Таким образом, в процесс борьбы с коррупцией магистратов были вовлечены все граждане Рима, а не конкретный класс [31, с. 81–82] или высший государственный орган. В целом содержание закона устанавливается исследователями предположительно и интерпретируется неоднозначно.

Продолжением законодательной борьбы с коррупционными носителями империя стали *Lex Livia iudiciaria* 91 г. до н.э. [11, с. 193], учредивший новый уголовный суд для процессов над подкупленными судьями, и *Lex Corneliae repetundis* 82/81 г. до н.э. [26, с. 222; 16, с. 1150; 32, с. 12]. Последний исключил всадников из судебных комиссий *quaestio de repetundis*, вернув суды сенаторам [33, с. 21], содержал под угрозой наказания запрет на дачу, получение и посредничество во взяточничестве: «Тот, кто... даст деньги, или поручит совратить судью (*corruperit corrupendumve curauerit*), чтобы он не вынес приговор, то если он из простонародья, карается смертной казнью, если же из благородных, вместе с самим судьей ссылаются на острова с конфискацией имущества» (PS. 5.25.2; PS. 5.25.4) [34, с. 143]. М. Бартошек отмечает, что для носителей империя конфискация заключалась в лишении одной трети бесчестно приобретенного состояния [11, с. 186].

Завершением длительного процесса формирования правовой основы, направленной на борьбу с вымогательством со стороны наместников провинций и римских чиновников при осуществлении ими должностных полномочий, начавшегося с *Lex Calpurnia de repetundis* 149 г. до н.э., по мнению А.Б. Егорова [29, с. 355] стал *Lex Iulia (Caesaris)* 59 г. до н.э. [19, с. 244]. «Наиболее обширный и наиболее суровый», – как отмечает М. Бартошек [29, с. 189]. «Имеющий принципиальное государственное значение», – подчеркивает С.Л. Утченко [35, с. 68].

Объединив в себе более 100 пунктов, *Lex Iulia de repetundis* «установил правила поведения наместников провинций и перечень их должностных преступлений» [32, с. 17], закрепив общее понятие взяточничества, значительно расширив состав исследуемого преступления, фактически охватив понятием *repetundarum* любое неправомерное требование не только носителя империя (CTh IX.27.6. [36, с. 290], D.48.11.1 [37, с. 113], D.48.11.6 [37, с. 113–117], D.48.11.7 [37, с. 113–117], D.48.11.9 [37, с. 117]), но и кого-либо из его свиты, чем фактически ввел институт соучастия в форме посредничества (D.48.11.1 [37, с. 113]; D.48.11.5 [37, с. 115], PS.5.28.1 [34, с. 147]).

Предметом наказуемой римским законом взятки выступали определенные вещи, главным образом деньги [38, с. 102], а также выгоды имущественного характера, полученные в виде дара или путем занижения стоимости передаваемого имущества (D.48.11.8 [37, с. 117]). В качестве исключения *Lex Iulia de repetundis* предписывалось не рас-

смастивать в качестве взятки дары, полученные от супруги, двоюродных братьев и сестер, когнатов более близких по степени родства (D.48.11.1 [37, с. 113]), а также подарки по своей должности на сумму не более 100 золотых в год (D.48.11.6 [37, с. 113–117]). Вместе с тем, прием наместниками золотых венков, которые обычно подносились городами провинций был запрещен.

Lex Iulia de repetundis увеличил подлежащую взысканию pecuniaе repetundarum до четырехкратного размера (quadruplum) [11, с. 268], против наследников установил однократный размер (simpulum) [11, с. 189] D.48.11.2 [37, с. 115]. В качестве сопутствующего наказания осужденный подвергался infamia iuris mediata (опосредованное законное бесчестие наступало в качестве индивидуального акта по приговору суда вследствие некоторых уголовных преступлений) [19, с. 53], вследствие чего терял не только публичные права, но и некоторые частные. Так, например, Л.Л. Кофанов [39, с. 46] указывает, что infamis «не допускался к ходатайству и свидетельству за других (procurator), а также лишался избирательных прав (ius suffragii)». М. Бартошек говорит об ограничении правоспособности, особенно в области судопроизводства [11, с. 151]. О.А. Омельченко [19, с. 151] отмечает, что результатом бесчестия была потеря права «на занятие почетных должностей (ius honorum), на место при играх или религиозных церемониях, а также наследования (ius hereditarium)». И.А. Покровский [10, с. 254] упоминает об ограничении права быть опекуном. Ко всему сказанному выше, И.Б. Новицкий [40, с. 68] и А.А. Вологдин [41, с. 47] добавляют «запрет на вступление в законный римский брак со свободнорожденными (ius connubii)». Римские граждане полагали, что честь можно потерять только один раз, в связи с чем, infamia устанавливалась на всю жизнь.

В серьезных случаях было возможно exilium (PS.5.28.1) [34, с. 147] – отлучение из родины, или даже более суровое наказание (D.48.11.7.3) [37, с. 115]. Неизбежным последствием exilium, или как указывает написание данного термина Ф. Любкер – exsilium [16, с. 517], было capitis deminutio media [39, с. 45; 11, с. 60], влекущее утрату status civitatis [16, с. 292] и status familiae [11, с. 301], а также конфискацию имущества. В первом и втором столетии Империи exsilium было заменено deportatio – самый суровый из видов изгнания [11, с. 106]. По словам Л.Л. Кофанова [37, с. 117], «обычно ссылали на остров Сардиния, где из-за малярии большинство сосланных умирали в течение года».

Заключение

«Сыграв важную роль в устройстве провинциального управления и функционирования римского государственного аппарата» [33, с. 17], lex Iulia de repetundis более пятисот лет служил руководством для римских магистратов в провинциях и самом Риме. Тщательно проработанный и получивший высочайшую оценку, он вошел в Sententiarum ad

filium libri quinque [34], ставших, по мнению советского ученого-антиковеда Е.М. Штаерман, «основным компендием права и учебным пособием для юристов в западной половине Римской Империи» [34, с. 7], а также собрания двух крупнейших кодификации римского права – Codex Theodosianus [27, с. 41–42] и Digesta Justiniani [27, с. 60–61] (самую обширную и наиболее важную часть компиляции Corpus iuris civiles [27, с. 53–54]).

Однако, даже самый суровый и тщательно проработанный закон, получивший высокое признание компиляторов, оказался бессилем перед упадком нравов, растлевающим влиянием роскоши и жаждой денег, позволившими магистратам рассматривать занимаемые ими должности как способ быстрого прироста капитала за счёт незаконных вознаграждений. Единственными и самыми эффективными средствами в борьбе со взяточничеством, как показало настоящее исследование, оказались обычаи предков и такие понятия как честь и добрая совесть, не позволявшие проникать этому пагубному явлению не только в жизнь, но и в умы древних римлян.

Литература

1. Индекс восприятия коррупции в России [Электронный ресурс] / Transparency International. Официальный сайт. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2023/index/rus> (дата обращения: 29.06.2024).
2. Судебная статистика. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности за 2021, 2022 и 2023 гг. [Электронный ресурс] / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=150> (дата обращения: 29.06.2024).
3. Чечель Г.И. Наказание – как мера противодействия коррупции // Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе: сборник статей по материалам национальной заочной научно-практической конференции (Ставрополь, 17–18 июня 2019). – Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула», 2019. – С. 43–53.
4. Глава СК предложил конфисковывать у коррупционеров все имущество [Электронный ресурс] // РБК # Город [веб-сайт]. URL: <https://realty.rbc.ru/news/645cf3d39a7947bcf462e44b> (дата обращения: 29.06.2024).
5. Законопроект об ужесточении наказания за взятки направили в кабмин [Электронный ресурс] // Парламентская газета # Политика [веб-сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/zakonoproekt-ob-uzhestochenii-nakazaniya-za-vzyatki-napravili-v-kabmin.html> (дата обращения: 29.06.2024).
6. Рогозин выступил «за расстрелы, а не посадки» за коррупцию в оборонке [Электронный ресурс] // РБК # Технологии и медиа [веб-сайт]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_me

- dia/08/08/2021/610f07c09a7947abc280d855 (дата обращения: 29.06.2024).
7. Бывший глава МВД России предложил ввести смертную казнь за коррупцию [Электронный ресурс] // Lenta.ru # Полиция и спецслужбы [веб-сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/03/09/death/> (дата обращения: 29.06.2024).
 8. Проект Федерального закона N 376666–7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=IAI5Mw&base=PRJ&n=168273#W2bD-CHUP4ybqI157> (дата обращения: 29.06.2024).
 9. Шишов, О.Ф. Основные этапы развития советского уголовного права / О.Ф. Шишов // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1989. № 1. С. 42–43.
 10. История римского права / И.А. Покровский. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 447 с.
 11. Римское право. Понятия, термины, определения: Перевод с чешского / Бартошек М.; Пер.: Пресняков Ю.В.; Спец. науч. ред.: Черниловский З.М. – М.: Юрид. лит., 1989. – 448 с.
 12. Тит Ливий. История Рима от основания города. Том III. Изд-во «Наука» М., 1993. – 768 с.
 13. Всеобщая история. В 2 т. Т. 1 Кн. I–X / Полибий; Пер. с древнегреч. Ф.Мищенко. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 765 с.
 14. Римское право: учебное пособие / А.И. Бортенев, О.А. Сергачева, Е.Н. Коваленко; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС. – Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2017. – 135 с.
 15. История Рима от основания города. Т. 3 / Тит Ливий; Отв. ред.: Голубцова Е.С.; Ред. пер.: Гаспаров М.Л., Кнабе Г.С., Смирин В.М. – М.: Наука, 1993. – 768 с.
 16. Реальный словарь классических древностей по Любкеру / Под ред. чл. О-ва Ф. Гельбке, П. Никитина, М. Пустонского и Ф. Зелинского. – Санкт-Петербург: О-во классич. филологии и педагогики, 1885. – 1552 с.
 17. Машкин Н.А. Эдикты Августа из Киренаики // Вестник древней истории, 1938, № 1. С. 180–192.
 18. Римская история. Книги LI–LXIII / Перев. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; предисл. и коммент. А.В. Махлаюка. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 680 с.
 19. Всеобщая история государства и права: учебник. В 2 т. Т. 1 / О.А. Омельченко. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Эксмо, 2007. – Т. 1. – 592 с.
 20. Анналы. Малые произведения. История: Пер. с лат. / Публий Корнелий Тацит. – М.: ООО «Издательство АСТ»; «Ладомир», 2003. – 984.
 21. Закон Ацилия (Семпрония) о судах по взысканию денег, полученных незаконным путем (122 г. до н.э.) / Пер. с латин., предис. и коммент. Т.Г. Мякина // Вестник древней истории. – 2007. – № 4 (263). – С. 225–246.
 22. Кофанов. Л.Л. *Leges repetundarum* и публичная кража в государственной торговле хлебом республиканского Рима. *IVS ANTIQVVM* / Древнее право, 1 (31). с. 140–151.
 23. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. VII. Полутом 1. – М.: Статут, 2005. – 552 с.
 24. Руденко В.Н. *Quaestiones perpetuae* или древнеримский опыт правосудия без коррупции // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. 2014. № 1. С. 443–454.
 25. История европейского права. Перевод со шведского / Аннерс Э.; Отв. ред.: Шенаев В.Н.; Редкол.: Кудров В.М., Машлыкин В.Г.; Пер.: Валинский Р.Л. – М.: Наука, 1994. – 397 с.
 26. Немировский А.И. К вопросу о составе судебных комиссий по закону Ацилия о вымогательстве / А.И. Немировский // Вестник древней истории. – 1951. – № 2 (36). – С. 222–225.
 27. Римские законы (предъюстинианская эпоха): словарь-справочник / Г.И. Тираспольский. М.: Флинта: Наука, 2010. – 312 с.
 28. Латинско-русский словарь: около 50 000 слов / И.Х. Дворецкий. – 2-е изд., стер. – Москва: «Русский язык», 1976. – 1096 с.
 29. Егоров А.Б. Юлий Цезарь. Политическая биография. – СПб., 2014. – 548 с.
 30. Закон Ацилия (Семпрония) о судах по взысканию денег, полученных незаконным путем (122 г. до н.э.) / Пер. с латин., предис. и коммент. Т.Г. Мякина // Вестник древней истории. – 2007. – № 4 (263). – С. 225–246.
 31. Курс римского частного права: учебник / Цезаре Санфилиппо; [пер. с итал. И.И. Маханькова]; под общ. ред. Д.В. Дождева. – Москва: Норма: ИНФА – М, 202. – 464 с.
 32. Римское государство и право. Царский период и эпоха Республики. Учебное пособие / Егоров А.Б. – С.-Пб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. – 173 с.
 33. Егоров А.Б. Рим: от республики к империи. – СПб., 2017. – 311 с.
 34. Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана. Перевод с латинского / Отв. ред.: Кофанов Л.Л.; Пер.: Штарман Е.М. – М.: Зерцало, 1998. – 287 с.
 35. Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. – М.: Наука, 1977. – 255 с.
 36. Кодекс Феодосия о колонах (перевод и комментарии А.В. Коптева). Фрагменты 1–16 книг // Древнее право. *Ivs antiqvvm*. – М.: Спарк, 1996, № 1. – С. 262–312.
 37. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. VII. Полутом 2. – М.: Статут, 2005. – 564.
 38. Римское право: учебник и практикум для среднего профессионального образования / М.Н. Прудников. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 323 с.

39. Кофанов Л.Л. Римское право: Учебное пособие. – М.: РГУП, 2019. – 274 с.
40. Римское право: учебник для академического бакалавриата / И.Б. Новицкий. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 298 с.
41. Римское право: учебник и практикум / А.А. Володин. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2015. – 256 с.

LEGES REPETUNDARUM OR THE FORMATION OF AN ANTI-CORRUPTION CONCEPT IN THE LAW OF THE ROMAN REPUBLIC

Bragina E.A.

North-Caucasus Federal University, Volgograd Engineering and Technical Institute, branch of the National Research Nuclear University

The article concludes a series of publications devoted to the study of the issues of criminal liability for bribery in the countries of the Ancient world. This paper analyzes the experience of combating bribery in republican Rome. The article consistently outlines the evolution of approaches in the fight against extortion of illegal "rewards" from judges and other officials for the performance of their direct duties, as well as the dynamics of criminal law measures aimed at countering bribery, as the most characteristic manifestation of corruption. Using the example of cultural monuments and Roman law, as well as narrative sources of ancient authors, the main types of punishments used are considered, as well as a number of preventive measures related to life imprisonment of all rights and powers that an official abused while in public service in order to obtain personal gain. A number of legal acts proceeded from the need to reduce criminal repression by imposing the death penalty only in the most serious cases. In conclusion, the author concludes that in republican Rome, bribery and extortion by officials were classified as particularly serious and dangerous crimes affecting the interests of the entire state.

Keywords: corruption, bribery, extortion, official, methods of combating bribery and extortion, execution law, death penalty, life imprisonment of an official, punitive and regenerative methods of combating the consequences of corrupt activities, economy of criminal law repression.

References

1. Corruption Perception Index in Russia [Electronic resource] / Transparency International. The official website. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2023/index/rus> (date of access: 06/29/2024).
2. Judicial statistics. Judicial statistics on corruption cases for 2021, 2022 and 2023 [Electronic resource] / Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. The official website. URL: <http://www.cdep.ru/?id=150> (date of access: 06/29/2024).
3. Chechel G.I. Punishment as a measure to counteract corruption // Actual problems of law enforcement and management at the present stage: a collection of articles based on the materials of the national correspondence scientific and practical conference (Stavropol, June 17–18, 2019). – Stavropol: Publishing and Information Center "Fabula", 2019. – pp. 43–53.
4. Chapter The UK proposed to confiscate all property from corrupt officials [Electronic resource] // RBC # Gorod [website]. URL: <https://realty.rbc.ru/news/645cf3d39a7947bcf462e44b> (date of access: 06/29/2024).
5. The bill on tougher penalties for bribes was sent to the Cabinet of Ministers [Electronic resource] // Parliamentary Newspaper # Policy [website]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/zakonoproekt-ob-uzhestochenii-nakazaniya-za-vzyatki-napravili-v-kabmin.html> (date of appeal: 06/29/2024).
6. Rogozin spoke out "for executions, not arrests" for corruption in the defense industry [Electronic resource] // RBC # Technologies and Media [website]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/08/2021/610f07c09a7947abc280d855 (date of access: 06/29/2024).
7. The former head of the Ministry of Internal Affairs of Russia proposed to introduce the death penalty for corruption [Electronic resource] // Lenta.ru # Police and special services [website]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/03/09/death/> (date of reference: 06/29/2024).
8. Draft Federal Law No. 376666–7 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" [Electronic resource] / SPS "ConsultantPlus". URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=IAI5Mw&base=PRJ&n=168273#W2bD-CHUP4ybql157> (date of access: 06/29/2024).
9. Shishov, O.F. The main stages of the development of Soviet criminal law / O.F. Shishov // Bulletin of the Moscow University. The Pravo series. 1989. No. 1. pp. 42–43.
10. History of Roman Law / I.A. Pokrovsky. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 447 p.
11. Roman law. Concepts, terms, definitions: Translated from Czech / Bartoszek M.; Translated by Presnyakov Yu.V.; Special scientific ed. by Chernilovsky Z.M. – M.: Jurid. lit., 1989. – 448 p.
12. Titus Livy. The history of Rome from the founding of the city. Volume III. Nauka Publishing House, Moscow, 1993, 768 p.
13. General history. In 2t. Vol. 1 Books I–X / Polybius; Translated from ancient Greek by F.Mishchenko. Moscow: AST Publishing House, 2004. 765 p.
14. Roman Law: a textbook / A.I. Bortenev, O.A. Sergacheva, E.N. Kovalenko; Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Academy of Sciences. Volgograd: Publishing House of the Volgograd Institute of Management – branch of the RANEP, 2017. 135 p.
15. The history of Rome from the foundation of the city. Vol. 3 / Titus Livius; Edited by: Golubtsova E.S.; Edited by: Gasparov M.L., Knabe G.S., Smirin V.M. – M.: Nauka, 1993. – 768 p.
16. Real dictionary of classical antiquities by Lubker / Edited by chl. O.F. Gelbke, P. Nikitin, M. Pustonsky and F. Zelinsky. – St. Petersburg: Classical Publishing House. Philology and Pedagogy, 1885. – 1552 p.
17. Mashkin N.A. Edicts of Augustus from Cyrenaica // Bulletin of Ancient History, 1938, No. 1. pp. 180–192.
18. Roman History. Books LI–LXIII / Transl. from ancient Greek. edited by A.V. Makhlayuk; preface. and A.V. Makhlayuk's comment. – St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. – 680 p.
19. Universal history of the State and law: textbook. In 2 vols. Vol. 1 / O.A. Omelchenko. 4th ed., ispr. and add. – M.: Eksmo, 2007. – Vol. 1. – 592 p.
20. The Annals. Small works. History: Translated from Latin. Publius Cornelius Tacitus, Moscow: AST Publishing House, LLC; Ladimir, 2003. 984.
21. The Law of Acilius (Sempronius) on courts for the recovery of money obtained illegally (122 BC) / Translated from Latin, preface. and a comment by T.G. Myakina // Bulletin of Ancient History. – 2007. – № 4 (263). – Pp. 225–246.
22. Kofanov, L.L. Leges repetundarum and public theft in the state bread trade of Republican Rome. IVS ANTIQVVM / Ancient Law, 1 (31). pp. 140–151.
23. Digests of Justinian / Translated from Latin; Ed. by L.L. Kofanov. Vol. VII. Volume 1. – M.: Statute, 2005. – 552 p.
24. Rudenko V.N. Quaestiones perpetuae or the ancient Roman experience of justice without corruption // Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of combating corruption. 2014. No. 1. pp. 443–454.
25. The history of European law. Translated from Swedish / Anners E.; Edited by: Shenaev V.N.; Edited by: Kudrov V.M., Mashlykin V.G.; Translated by: Valinsky R.L. – M.: Nauka, 1994. – 397 p.
26. Nemirovskiy A.I. On the issue of the composition of judicial commissions under the law of Acilia on extortion / A.I. Nemirovskiy // Bulletin of Ancient History. – 1951. – № 2 (36). – Pp. 222–225.
27. Roman laws (pre-Augustinian era): dictionary-reference book / G.I. Tiraspol. Moscow: Flint: Nauka, 2010. – 312 p.
28. Latin-Russian dictionary: about 50,000 words / I.H. Dvoretzky. – 2nd ed., erased. Moscow: Russian Language, 1976, 1096 p.
29. Egorov A.B. Julius Caesar. Political biography. – St. Petersburg, 2014. – 548 p.
30. The Law of Acilius (Sempronius) on courts for the recovery of money obtained illegally (122 BC) / Translated from Latin, preface. and a comment by T.G. Myakina // Bulletin of Ancient History. – 2007. – № 4 (263). – Pp. 225–246.
31. Course of Roman private law: textbook / Cesare Sanfilippo; [trans. translated from Italian by I.I. Makhankov]; under the general editorship of D.V. Dozhdev. – Moscow: Norma: INFA – M, 202. – 464 p.

32. The Roman State and law. The Tsarist period and the era of the Republic. Textbook / Egorov A.B. – S.-Pb.: Publishing house of St. Petersburg University, 2013. – 173 p.
33. Egorov A.B. Rome: from Republic to Empire. – St. Petersburg, 2017. – 311 p.
34. Julius Paul. Five books of maxims for the son. Fragments of Domitius Ulpian. Translated from Latin / Ed. by Kofanov L.L.; Translated by Shtaerman E.M. – M.: Zertsalo, 1998. – 287 p.
35. Utchenko S.L. Political teachings of Ancient Rome, Moscow: Nauka Publ., 1977, 255 p.
36. The Code of Theodosius on the Columns (translated and commented by A.V. Koptev). Fragments of 1–16 books // Ancient Law. Ivs antiqvvm. – M.: Spark, 1996, No. 1. – pp. 262–312.
37. Digests of Justinian / Translated from Latin; Ed. by L.L. Kofanov. Vol. VII. Volume 2. Moscow: Statute, 2005. 564.
38. Roman law: textbook and practical course for secondary vocational education / M.N. Prudnikov. – 4th ed., revised and add. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 323 p.
39. Kofanov L.L. Roman law: A textbook. Moscow: RGUP, 2019. 274 p.
40. Roman law: textbook for academic baccalaureate / I.B. Novitsky. Moscow: Yurait Publishing House, 2017. 298 p.
41. Roman law: textbook and practical course / A.A. Vologda. Moscow: JUSTITIA, 2015. 256 p.

Взаимодействие культур: анализ этнокультурных аспектов в расследовании преступлений

Волохова Ольга Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: olga1416@yandex.ru

В статье рассматриваются методы взаимодействия правоохранительных органов с местными сообществами и особенности восприятия правопорядка различными этническими группами. Анализ этих аспектов позволяет глубже понять, как культурные различия формируют подходы к расследованию и взаимодействию с населением. Для достижения этой цели исследовано влияние этнокультурных различий на методы расследования, взаимодействие полиции с местными сообществами и восприятие правопорядка различными этническими группами.

Ключевые слова: расследование преступлений, этнокультурные различия, глобализация, миграционные процессы, преступление, приграничные территории, правоохранительная деятельность.

Историческая эволюция восприятия правопорядка тесно связана с социальными и политическими изменениями, происходившими в разных странах. Например, в Российской империи до реформы 1864 года судебная система была сословной, что формировало недоверие к правосудию среди крестьянского населения. Это было обусловлено тем, что представители низших сословий не имели равных прав в суде по сравнению с дворянством, что усиливало чувство несправедливости и отчуждения. В результате таких исторических условий правопорядок воспринимался не как универсальная ценность, а как инструмент власти привилегированных классов, что оставило глубокий след в общественном сознании.

В современных условиях глобализации и крупных миграционных процессов значительно возрастает значение понимания культурных различий в различных сферах деятельности, включая правоохранительную. Приграничные территории, как правило, характеризуются высоким уровнем этнического и культурного разнообразия, что создает определенные проблемы для правоохранительных органов. Исследование влияния культурных аспектов на процесс расследования преступлений становится особенно важным в таких регионах, поскольку оно позволяет выявить факторы, способствующие или препятствующие оптимальной работе правоохранительных органов.

Объектом исследования является процесс расследования преступлений на приграничных территориях, а предметом – этнокультурные аспекты, влияющие на его эффективность.

Целью данного исследования является выявление ключевых факторов, способствующих или препятствующих расследованию преступлений в условиях культурного разнообразия.

Для достижения поставленной цели в рамках исследования решаются следующие задачи: анализируется влияние культурных различий на методы расследования преступлений; исследуются особенности взаимодействия правоохранительных органов с местными этническими сообществами; разрабатываются рекомендации по улучшению практики расследования в мультикультурной среде.

Культурные различия существенно влияют на восприятие правопорядка различными этническими группами, что, в свою очередь, отражается на взаимодействии правоохранительных органов с местным населением. В регионах с высокой этнической разнообразностью уровень доверия к полиции может значительно варьироваться. Например,

в некоторых культурах правоохранные органы воспринимаются как инструмент репрессивной власти, что формирует недоверие и нежелание сотрудничать. В других – полиция ассоциируется с защитой и справедливостью, что способствует более открытому взаимодействию. Тем не менее, политическая ситуация как в стране, так и в мире также оказывает влияние на ход расследования преступлений на приграничных территориях [1, с. 246]. Таким образом, понимание и учет культурных различий, а также внешних факторов, является важным условием для успешной работы правоохранительных органов в многонациональных сообществах.

Культурные нормы и традиции местных сообществ играют ключевую роль в формировании взаимоотношений между правоохранительными органами и населением. В Канаде, например, была разработана специальная программа обучения полиции, направленная на понимание культурных особенностей коренных народов [2]. Это способствовало улучшению взаимодействия и снижению конфликтных ситуаций, что подтверждает значимость адаптации методов работы к культурным особенностям. Игнорирование таких норм может привести к недопониманию и даже конфликтам, что негативно сказывается на эффективности расследований. Также и Р.В. Бухаева отмечает, что стереотипы речевого общения формируются как на уровне образов и концептов, так и на уровне моделей вербального и невербального поведения, подчеркивая важность культурной компетенции [3].

Соответственно и криминалистическая методика расследования преступлений в многонациональных регионах требуют особого подхода, учитывающего культурное разнообразие местного населения. Как сказано выше, культурные различия могут значительно влиять на восприятие правоохранительными органами и, учитывая это, следователю целесообразно искать альтернативные способы получения информации. Для эффективного расследования важно учитывать такие аспекты, как язык, обычаи и традиции, которые могут повлиять на ход дела. В частности, использование в качестве специалистов переводчиков и национальных культурных посредников становится необходимым инструментом для обеспечения взаимопонимания между сторонами.

Практические примеры демонстрируют, как адаптация к местной культуре методов расследования может улучшить их эффективность. В приведенном примере Канады в провинции Британская Колумбия, произошло успешное расследование кражи в общине коренных народов. Ключевым элементом успеха стало привлечение старейшин племени в качестве посредников между следователем и местными жителями. Это позволило установить доверительные отношения, что способствовало получению важной информации. Уважение к культурным традициям и участие авторитетных представителей общины помогли сгладить возможные кон-

фликты и ускорить процесс расследования. Этот случай демонстрирует, как учет культурных особенностей может стать основой для эффективного взаимодействия и достижения позитивного результата.

Аналогичного мнения придерживается и Е.Н. Волынкин, говоря, что старейшины обладают большой, если не сказать абсолютной, информацией о жизни и поведении своих родственников, до мелочей знают все события, происходящие в своем районе [4, с. 10]. Этот случай иллюстрирует важность учета культурных факторов и необходимость подготовки сотрудников правоохранительных органов для работы в многонациональной среде.

Остановившись на отдельных аспектах проблем расследования на многонациональных территориях необходимо сказать о языковых барьерах. Следователи Следственного комитета России (СКР) и Министерства внутренних дел (МВД) давно жалуются на языковой барьер в общении с фигурантами уголовных дел, свидетелями, потерпевшими и коллегами из других стран, а также в работе с документами. Как показывает практика задержанные граждане ведут себя с правоохранительными органами одинаково: даже если они хорошо знают русский язык, то во время задержания они его срочно «забывают». Проводить же следственные действия без переводчика – значит нарушать право подозреваемого на защиту [5]. Все это замедляет процесс получения информации и увеличивает риск недопонимания, что, в свою очередь, может привести к потере ключевых улик. В таких ситуациях использование переводчиков или культурных посредников становится необходимым для обеспечения точности и полноты коммуникации.

Однако, даже при наличии переводчиков, риск искажения смысла из-за различий в культурных контекстах остается высоким, что подчеркивает важность обучения сотрудников основам межкультурной коммуникации, причем не только языковой, но и понимание невербальных сигналов, которые могут варьироваться в зависимости от культурного контекста. Таким образом, обучение сотрудников не только языкам, но и основам этнических различий становится важным элементом эффективного взаимодействия.

Существует множество факторов, способствующих укреплению сотрудничества между полицией и местными сообществами. Прозрачность действий правоохранительных органов играет ключевую роль в формировании доверия, что, в свою очередь, способствует более эффективному взаимодействию. Культурная осведомленность сотрудников полиции также является важным аспектом, позволяющим учитывать особенности взаимодействия с различными этническими группами. Тем не менее, правоохранительные органы могут сталкиваться и с ограничениями, связанными с коррумпированной системой государственной власти. Как отмечает К.С. Кучапина, это делает их бессильными даже при наличии достаточной доказательной

базы. При этом важно учитывать, что коррупции в органах внутренних не место. Конечно же, нужно бороться с коррупцией и преступностью среди правоохранителей самыми жесткими методами [6, с. 220–221]. Таким образом, для достижения эффективного сотрудничества необходимо учитывать как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на работу полиции.

Другой проблемой исследования преступлений, связанной с этнокультурными особенностями, расовой принадлежностью являются стереотипы поведения. Причем не только со стороны граждан, но и со стороны правоохранительных органов. Конечно, это может быть связано с актуальной социально-политической ситуацией, но все-таки необходимо разграничивать людей одной этнической культуры и не применять ко всем сложившийся стереотип, который может быть как положительным, так и отрицательным.

Ярким примером существования стереотипа являются США, где до настоящего времени наблюдается различие в отношении к европейским представителям и афроамериканцам. Историческое наследие дискриминации и сегрегации продолжает оказывать влияние на восприятие правосудия среди афроамериканского населения.

Согласно исследованию Pew Research Center, в 2020 году 64% афроамериканцев выразили низкий уровень доверия к полиции, что подчеркивает значимость этнического контекста в оценке правоохранительных органов. Ситуация также осложняется тем, что даже правоохранительные органы дискриминируют цветные меньшинства, о чем говорит исследование главного редактора Pew Research Center, которое показало, что темнокожие люди в шесть раз больше подвергались тюремному заключению, чем белые [7, с. 56].

Еще одним примером страны с высоким показателем этнического разнообразия, является Индия, в которой культурные различия и религиозные традиции создают неоднородность в восприятии права, что затрудняет унификацию подходов к правоприменению. Эти примеры иллюстрируют, как этнические особенности влияют на отношение к закону и взаимодействие с правоохранительными органами.

Представляется, что даже после устранения сложившегося стереотипа его последствия продолжают влиять на восприятие действующего правопорядка, что свидетельствует о необходимости учета исторического контекста для понимания современных этнокультурных особенностей в правоприменении. Таким образом, исторический опыт имеет долгосрочные последствия, формируя общественные установки и отношения к праву.

Рассматривая вопрос этнокультурных особенностей и их влияние на расследование преступлений, интересен положительный международный опыт в этом направлении.

Например, в Норвегии внедрена система посредничества в конфликтах, которая активно используется для разрешения споров в мультикуль-

турных сообществах. Этот метод предполагает участие профессиональных медиаторов, которые помогают сторонам достичь взаимопонимания и урегулировать конфликт, учитывая культурные различия. В азиатском регионе, в частности в Японии, большое внимание уделяется обучению сотрудников полиции межкультурной коммуникации, что позволяет им эффективно взаимодействовать с представителями различных этнических групп. Эти примеры демонстрируют значимость этнической и культурной чувствительности и адаптации подходов к особенностям конкретного региона.

Такие подходы разных стран для повышения эффективности расследования преступлений в мульти этнических странах можно назвать инновационными, и они являются неотъемлемой частью работы правоохранительных органов.

Однако стоит заметить, что, несмотря на кажущуюся универсальность методов, необходимо иметь в виду уникальность, социальную и правовую специфику каждой страны, которые должны учитываться при внедрении новых подходов. В разных странах со своей структурой общества, уровнями доверия к правоохранительным органам, прямое перенесение международного опыта может не дать таких же результатов. Для его успешной адаптации важно учитывать локальные условия и потребности.

Подводя итог данному исследованию, можно сказать, что в современных условиях глобализации и увеличения этнокультурного разнообразия обучение сотрудников правоохранительных органов навыкам мультикультурной компетенции приобретает особую значимость. Оно помогает развить способность эффективно взаимодействовать с представителями различных этнических и культурных групп, играя одну из главных ролей в предотвращении конфликтов и повышении уровня доверия к органам правопорядка.

Такие программы создаются с целью улучшения взаимодействия между представителями власти и локальными сообществами, что особенно важно в регионах с высоким уровнем этнического разнообразия. Они могут включать в себя регулярные встречи полиции с представителями сообществ, образовательные мероприятия, тренинги и практические занятия, которые помогают развивать навыки межкультурной коммуникации и уважения к культурным традициям, способствуя укреплению взаимопонимания и сотрудничества. Их реализация является важным шагом на пути к повышению доверия между правоохранительными органами и местными этническими сообществами, к снижению уровня преступности и, в целом, способствует созданию более безопасной среды обитания.

Для дальнейших исследований предлагается изучить влияние конкретных этнокультурных факторов на восприятие правопорядка в различных этнических группах, а также оценить эффективность различных подходов к обучению сотрудников правоохранительных органов. Это позволит дополнительно уточнить и расширить предложенные ре-

комендации, сделав их более адаптированными к специфике различных регионов.

Литература

1. Волохова О.В. Некоторые проблемы расследования преступлений на приграничных территориях / О.В. Волохова // Антикриминальная политика: актуальные проблемы регионов: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, Луганск, 15 ноября 2024 года. – Самара, 2024. – С. 242–248. – EDN HSLTDN.
2. По словам отставного офицера полиции, подготовка полицейских по вопросам коренных народов занимает дни, а не часы. [Электронный ресурс]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7a722d9f-67ed135f-c72e731c-74722d776562/https/www.cbc.ca/news/canada/thunder-bay/police-training-indigenous-issues-1.3762000 (дата обращения: 02.04.2025)
3. Бухаева Р.В. Этнокультурные стереотипы речевого общения (на материале бурятского языка): автореф. дис. ... д-ра фил. наук. – Москва, 2015. – 55 с.
4. Волынкин Е.Н. О некоторых вопросах противодействия этнической преступности // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» № 5 (21) 2018. [Электронный ресурс]. URL: [http:// Alley-science.ru](http://Alley-science.ru) (дата обращения: 02.04.2025).
5. Следователи преодолевают языковой барьер. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/513114> (дата обращения: 03.04.2025).
6. Кучапина К.С. Коррупция в органах внутренних дел: причины, последствия, организация противодействия / К.С. Кучапина // Правовая культура. – 2011. – № 1(10). – С. 219–222. – EDN OPGLPN.
7. Медушевский Н.А., Шабанова А.Д., Антонова Т.Е. Проблемы дискриминации афроамериканцев в современных США // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 2А. С. 52–61. DOI: 10.34670/AR.2020.58.81.007. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.publishing-vak.ru/file/archive-](http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2020-2/7-shabanova.pdf)

politology-2020–2/7-shabanova.pdf (дата обращения: 03.04.2025).

CULTURAL INTERACTION: ANALYSIS OF ETHNOCULTURAL ASPECTS IN CRIME INVESTIGATION

Volokhova O.V.

Kutafin Moscow State Law University

The article discusses the methods of interaction of law enforcement agencies with local communities and the peculiarities of the perception of law and order by various ethnic groups. Analyzing these aspects allows for a deeper understanding of how cultural differences shape approaches to investigation and interaction with the public. To achieve this goal, the influence of ethno-cultural differences on investigative methods, police interaction with local communities, and the perception of law and order by various ethnic groups has been studied.

Keywords: crime investigation, ethnocultural differences, globalization, migration processes, crime, border territories, law enforcement.

References

1. Volokhova O.V. Some problems of investigation of crimes in the border territories / O.V. Volokhova // Anti-criminal policy: actual problems of the regions: a collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference, Lugansk, November 15, 2024. Samara, 2024. pp. 242–248. EDN HSLTDN.
2. According to a retired police officer, police training on Indigenous issues take days, not hours. [electronic resource]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7a722d9f-67ed135f-c72e731c-74722d776562/https/www.cbc.ca/news/canada/thunder-bay/police-training-indigenous-issues-1.3762000 (date of request: 04/02/2025)
3. Bukhaeva R.V. Ethnocultural stereotypes of speech communication (based on the Buryat language): abstract of the dissertation of Dr. Phil. sciences. – Moscow, 2015. – 55 p.
4. Volinkin E.N. On some issues of countering ethnic discrimination crime // “Scientific and practical electronic journal Alley of Science” No. 5 (21) 2018. [Electronic resource]. URL: [http:// Alley-science.ru](http://Alley-science.ru) (date of application: 04/02/2025).
5. Investigators overcome the language barrier. [electronic resource]. URL: <https://iz.ru/news/513114> (date of application: 04/03/2025).
6. Kuchapina K.S. Corruption in the internal affairs bodies: causes, consequences, organization of counteraction / K.S. Kuchapina // Legal culture. – 2011. – № 1(10). – Pp. 219–222. – EDN OPGLPN.
7. Medushevsky N.A., Shabanova A.D., Antonova T.E. Problems discrimination against African Americans in the modern United States // Theories and problems of political research. 2020. Volume 9. No. 2A. pp. 52–61. DOI: 10.34670/AR.2020.58.81.007. [Electronic resource]. URL: [http://www.publishing-vak.ru/file/archive-](http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2020-2/7-shabanova.pdf)

Уголовно-правовая характеристика субъективных признаков преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ: субъект преступления

Дерябин Александр Сергеевич,

аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета (МГЮА) им. О.Е. Кутафина.

E-mail: alexander.deryabin@mail.ru

«Финансовые пирамиды» наносят ущерб как гражданам, так и государству в целом. Новизна явления затрудняет правильное понимание данного явления требует дополнительного анализа соответственно.

В данной статье проводится углубленный уголовно-правовой анализ субъективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, с акцентом на вид субъекта преступления – общий или специальный. Особое внимание уделяется обстоятельствам, которые обуславливают вид субъекта состава преступления, а также их влиянию на квалификацию деяний. Автор подчеркивает необходимость учета индивидуальных характеристик субъекта при анализе преступления, что позволяет более точно определить степень общественной опасности деяния и обеспечить адекватное применение уголовного законодательства. Статья вносит вклад в теоретическое осмысление вопросов уголовной ответственности и правоприменительной практики.

Ключевые слова: финансовые пирамиды, субъект преступления, общий и специальный субъект, финансовые пирамиды, уголовно-правовая борьба с финансовыми пирамидами.

Иными вопросами, определяющими пределы действия ст. 172.2 УК являются субъект данного состава преступления и субъективная сторона состава.

Касательно проблемы является ли субъект преступления общим или специальным, можно выделить два аспекта: описана ли в диспозиции нормы ответственность за соучастие в подобного рода преступлениях по аналогии со статьями за организацию преступных организаций (ст. 205.4, 205.5, 208, 210, 282.1, 282.2 УК), а также следует ли признавать субъектом преступления только руководителя юридического лица.

А.В. Зарубин считает, что ст. 172.2 УК предусматривает ответственность за соучастие, указывая, что в основном составе данной нормы описаны действия организатора. В дополнение автор отмечает, что преступления подобного рода могут быть совершены организованной группой [1].

Касательно формы соучастия позиция автора упречна. Безусловно, судебная практика, связанная со статьями за организацию преступных организаций, показывает, что в большинстве случаев подобные преступления совершаются в составе организованных групп. Но представляется нецелесообразным исходить из практического минимума, отбрасывая при этом теоретический максимум, сужая норму до указанной формы соучастия, при том, что случаи совершения преступления в составе преступного сообщества происходят регулярно, пусть не в таком объеме как в составе организованной группы [2]. Таким образом, предусматривает ли ст. 172.2 УК ответственность за соучастие или нет, нельзя сводить возможность совершения данного преступления сугубо в составе организованной группы.

Вопрос относительно «особо рода соучастия» предусмотренного в ст. 172² УК был рассмотрен в прошлом параграфе, но следует добавить, что, например, в ст. 282.1 УК ответственность предусмотрена за соучастие направленное на совершение преступлений экстремистской направленности, в свою очередь сами же деяния, совершаемые по экстремистскому мотиву, определены в иных нормах Особенной части УК. В случае ст. 172.2 УК, определяется само деяние, а не пресекается соучастие в нем. При этом можно сказать, что данная норма криминализует в том числе общественно опасный способ совершения мошенничества, но не соучастие в данном преступлении. В связи с этим усмотреть генетическую связь норм за организацию преступных сообществ и «финансовой пирамиды» в этом аспекте не представляется возможным.

А.Н. Лясколо, определяет ст. 172 УК и ст. 172.2 УК как общую и специальную норму соответственно [3]. Данные нормы не соотносятся как общая и специальная, но следует рассмотреть подробнее проблемы, связанные с субъектом состава преступления ст. 172 УК, в связи с тем, что указанные выше статьи имеют схожие проблемы в этом аспекте, а значит возможно заимствовать опыт правоприменения ст. 172 УК.

В своем исследовании Б.В. Волженкин идентифицирует субъектов рассматриваемого преступления в лице руководителей коммерческих организаций, осуществляющих банковские операции без надлежащего разрешения, а также руководителей зарегистрированных банков и иных финансовых учреждений, нарушающих лицензионные условия. Автор подчеркивает, что физические лица не могут быть зарегистрированы в качестве субъектов банковской деятельности, а это влечет за собой вывод о том, что субъект преступления является специальным [4].

Н.А. Лопашенко придерживаясь с вышеупомянутым автором похожей позиции, предлагала дополнить ст. 172 УК, предусмотрев возможность совершения данного преступления в том числе и физическими лицами [5]. Такая позиция выступает усредненной между позициями Б.В. Волженкина и А.Н. Лясколо, который признает субъекта ст. 172 УК как общим, так и специальным [6].

Позиции, которые признают субъект состава преступления ст. 172 УК общим, содержат в себе оговорку, что если данное преступление совершил представитель юридического лица, то субъектом признается данное должностное лицо [7]. В таком подходе трудно усмотреть отличия от вышеуказанной позиции А.Н. Лясколо.

Соглашаясь с мнением о том, что субъект преступления может быть как должностное лицо, так и физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, следует указать, что в правоприменительной практике доминирует такой же подход [8].

Наряду с этим, не является верным сам факт признания данных статей как общей и специальной нормой. А.В. Корнеева указывала, что специальная норма является более детализированной и включает в себя все признаки общей нормы, однако вносит конкретизацию одного или нескольких из них. Специальные нормы, таким образом, служат инструментом для уточнения и дифференциации уголовной ответственности в зависимости от конкретных обстоятельств совершенного деяния, что способствует более эффективному применению уголовного законодательства и обеспечению правовой определенности. На основании этого, следует заключить, что ст. 172 УК не является общей нормой по отношению к ст. 172.2 УК, т.к. она не содержит все признаки статьи предусматривающую ответственность за организацию «финансовых пирамид».

Представляется, что такая позиция была основана в том числе и на практике, сформировавшейся в условиях, существовавших до введения

ст. 172.2 УК, когда в некоторых случаях действия организаторов «финансовой пирамиды» квалифицировались как незаконная банковская деятельность. Следует согласиться с И.А. Клепицким, который акцентирует внимание на том, что такая практика была основана на неверном толковании закона. Ведь в законодательстве нет запрета тому или иному субъекту вести учет дебета и кредита, а также иных показателей, касающихся финансового состояния организации. Сама же банковская деятельность включает в себя в том числе договор банковского счета, который организаторы «финансовой пирамиды» со своими вкладчиками не заключают [9]. Привлечение средств может осуществляться различными способами, а сужение таковых сугубо до заключения договора банковского счета создаст пробел в законодательстве.

В литературе некоторыми авторами субъект финансовых пирамид признается специальным, охватывая лишь случаи, когда организатор «финансовой пирамиды» действует от лица юридического лица [10]. В соответствии с позицией Н.А. Лопашенко, субъектом состава преступления могут быть признаны лица, осуществляющие предпринимательскую или иную деятельность, включая тех, кто приобрел статус индивидуального предпринимателя или учредил юридическое лицо с целью ведения деятельности, связанной с привлечением денежных средств или иного имущества [11]. К такому выводу указанный ученый приходит в связи с указанием в диспозиции нормы на «отсутствие инвестиционной или иной законной предпринимательской деятельности или иной деятельности». При этом на основании анализа, проведенного в главе первой настоящей работы, можно сделать вывод, что данный признак указывает на схему функционирования «финансовых пирамид», при котором нет иного источника дохода, кроме как денег иных вкладчиков, но никак не описывает субъекта состава преступления. В связи с этим, следует согласиться с позицией Зубцова А.А., который указывает, что данное преступление посягает не на установленный порядок ведения той или иной экономической деятельности, а на стабильность экономических отношений в целом. Следовательно, как указывает автор, отсутствует корреляция с тем, осуществляется ли такая деятельность законно или лежит за рамками правового поля [12].

Данная позиция ни только опровергается по тем же основаниям, что и подобные доводы при рассмотрении вопроса о субъекте незаконной банковской деятельности, но и не находит отражения в судебной практике. Так, адвокат осужденного, совершившего преступление по ч. 4 ст. 159 УК, выражал несогласие с приговором суда, считал его незаконным и необоснованным, мотивируя тем, что судом неправильно применен уголовный закон, действия осужденного при признании его виновным должны были быть квалифицированы по ст. 172.2 УК, поскольку осужденный, вопреки выводам суда, являлся субъектом предпринимательской деятельности и фактически осуществлял

ее. Суд отклонил апелляционную жалобу в этой части [13].

Также, есть мнения, которые указывают, что субъект является общим, а если деятельность осуществлялась с образованием юридического лица, то к ответственности привлекаются руководитель организации и главный бухгалтер [14]. Наряду с этим, существуют позиции, которые не аргументированы, но указывают, что субъект является общим [15].

Подводя итог данному анализу, следует заключить: субъект преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК является общим. «Финансовая пирамида» может быть замаскирована под разными видами деятельности как зарегистрированными, так без проведения таких процедур.

Литература

1. Зарубин А.В. Проблемы квалификации организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Е.Н. Рахманова. 2018. Издательство: ИД «Петрополис». С. 159–165;
2. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 22 марта 2021 г. по делу № 22–233/2021// ГАС РФ «Правосудие»
3. Ляскало А.Н. Уголовно-правовая защита коллективных инвестиций // Уголовное право. 2021. № 6. С. 28–38.
4. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 763 с.
5. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М.: Волтерс Клувер, 2006. 673 с.
6. Ляскало А.Н. Уголовная ответственность за незаконные операции по обналичиванию и транзиту денежных средств // Российский следователь. 2014. № 17. СПС «КонсультантПлюс».
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII–VIII (комментарий к ст. 172 УК РФ; автор – П.С. Яни). СПС «КонсультантПлюс»;
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2014 г. № 1743-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Никулиной Е.В. на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 172 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. – Москва: Проспект, 2021. С 533.
10. Агешкина Н.А., Беляев М.А., Белянинова Ю.В., Бирюкова Т.А., Болдырев С.А., Буранов Г.К., Воробьев Н.И., Галкин В.А., Дудко Д.А., Егоров Ю.В., Захарова Ю.Б., Копьев А.В. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ. – Специально для системы ГАРАНТ, 2016 г.
11. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) ... С. 48.
12. А.А. Зубцов. Уголовно-правовое противодействие организации финансовых пирамид и участию в них. дис. канд. юр. наук. С. 114.
13. Апелляционное определение СК по уголовным делам Московского городского суда от 06 июля 2023 г. по делу N 10–9128/2023 // СПС «Консультант Плюс»
14. Абдульманов А.А., Азаренко Е.А., Балябин В.Н., Бокша И.В., Борисов С.В., Боровиков В.Б., Боровикова В.В., Виденькина Ж.В., Габдрахманов Р.Л., Денисенко М.В., Диника В.И., Дмитренко А.П., Ерасов А.М., Жеребченко А.В., Журавлева Г.В., Кадников Н.Г., Кадников Б.Н., Кадников Ф.Н., Калининская Я.С., Карпова Н.А., Кузиков В.Н., Милин А.Е., Миловидова С.Ф., Мордовец А.А., Осипов В.А., Осокин Р.Б., Плешаков А.М., Пушкин А.В., Русскевич Е.А., Святенюк Н.И., Старых С.М., Чугунов А.А., Шкабин Г.С. Уголовное право России (учебник в двух томах, том второй: Особенная часть) (под ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова). – М.: ИД «Юриспруденция», 2018 г. // СПС «Консультант Плюс»
15. Гравина А.А., Зайцев О.А., Жилкин М.Г., Кашепов В.П., Кошаева Т.О. и др. Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации (в двух томах, том первый; отв. ред. д.ю.н., проф. И.И. Кучеров, д.ю.н., проф. О.А. Зайцев, д.ю.н., доц. С.Л. Нудель). – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – ООО «Юридическая фирма Контракт», 2020 г.

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTIC OF SUBJECTIVE FEATURES OF THE OFFENSE UNDER ART. 172.2 OF THE CRIMINAL CODE: THE SUBJECT OF THE CRIME

Deryabin A.S.

Kutafin Moscow State Law University

“Financial pyramids” cause damage to both citizens and the state as a whole. The novelty of the phenomenon makes it difficult to correctly understand this phenomenon requires additional analysis accordingly.

In this article an in-depth criminal-legal analysis of the subjective side of the corpus delicti of the crime provided by Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is carried out with a focus on the type of the subject of the crime – general or special. Particular attention is paid to the circumstances that determine the type of the subject of the crime, as well as their influence on the qualification of acts. The author emphasizes the need to take into account the individual characteristics of the subject in the analysis of the crime, which allows to more accurately determine the degree of public dan-

ger of the act and ensure adequate application of criminal law. The article contributes to the theoretical understanding of the issues of criminal responsibility and law enforcement practice.

Keywords: financial pyramids, subject of crime, general and special subject, financial pyramids, criminal-legal fight against financial pyramids.

References

1. Zarubin A.V. Problems of qualification of the organization of activities to attract money and (or) other property // Criminal policy and law enforcement practice. Collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference. Edited by E.N. Rakhmanova. 2018. Publisher: Publishing House "Petropolis". C. 159–165;
2. Appellate determination of the Lipetsk Regional Court of March 22, 2021 in case No. 22–233/2021 // GAS RF "Justice".
3. Lyaskalo A.N. Criminal-legal protection of collective investments // Criminal Law. 2021. № 6. C. 28–38.
4. Volzhenkin B.V. Crimes in the sphere of economic activity (economic crimes). SPb.: Yurid. center Press, 2002. 763 c.
5. Lopashenko N.A. Crimes in the sphere of economy: Author's commentary to the criminal law (Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation) (article-by-article). Moscow: Wolters Kluwer, 2006. 673 c.
6. Lyaskalo A.N. Criminal liability for illegal operations on cashing and transit of funds // Russian investigator. 2014. № 17. SPS "ConsultantPlus".
7. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 vol. (article-by-article) / A.V. Brilliantov, A.V. Galakhova, V.A. Davydov and others; ed. by V.M. Lebedev. Moscow: Yurait, 2017. T. 2: Special part. Sections VII–VIII (commentary on article 172 of the Criminal Code of the Russian Federation; author – P.S. Yani). SPS "ConsultantPlus";
8. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 17, 2014 № 1743-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Nikulina E.V. on violation of her constitutional rights by the provisions of Article 172 of the Criminal Code of the Russian Federation" // JPS "ConsultantPlus".
9. Klepitsky I.A. New economic criminal law: a monograph. – Moscow: Prospect, 2021. C 533.
10. Ageshkina N.A., Belyaev M.A., Belyaninova Y.V., Biryukova T.A., Boldyrev S.A., Buranov G.K., Vorobyev N.I., Galkin V.A., Dudko D.A., Egorov Y.V., Zakharova Y.B., Kopyev A.V. Scientific and practical commentary to the Criminal Code of the Russian Federation from June 13, 1996 N 63-FZ. – Specially for the GARANT system, 2016.
11. Lopashenko N.A. Crimes in the sphere of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation) ... C. 48.
12. A.A. Zubtsov. Criminal-legal counteraction to the organization of financial pyramids and participation in them. diss. kand. jur. sciences. C. 114.
13. Appellate determination of the Criminal Court of the Moscow City Court of July 06, 2023 on the case N 10–9128/2023 // JPS "Consultant Plus".
14. Abdulmanov A.A., Azarenko E.A., Balyabin V.N., Boksha I.V., Borisov S.V., Borovikov V.B., Borovikova V.V., Videnkina Zh, Dineka V.I., Dmitrenko A.P., Erasov A.M., Zherebchenko A.V., Zhuravleva G.V., Kadnikov N.G., Kadnikov B.N., Kadnikov F.N., Kalininskaya Ya, Kuzhikov V.N., Milin A.E., Milovidova S.F., Mordovets A.A., Osipov V.A., Osokin R.B., Pleshakov A.M., Pushkin A.V., Russkevich E.A., Svyatenyuk N.I., Starykh S.M., Chugunov A.A., Shkabin G.S. Criminal Law of Russia (textbook in two volumes, volume two: Particular Part) (ed. by Dr. Yu.N.G. Kadnikov). – Moscow: Publishing House "Jurisprudence", 2018 // JPS "Consultant Plus"
15. Gravina A.A., Zaitsev O.A., Zhilkin M.G., Kashepov V.P., Koshayeva T.O. et al. Scientific and practical commentary to Chapter 22 "Crimes in the sphere of economic activity" of the Criminal Code of the Russian Federation (in two volumes, volume one; ed. by Dr. I.I. Kucherov, Prof. I.I. Kucherov, Dr. I.I. Kucherov, Prof. O.A. Zaitsev, Dr.Yu. Zaitsev, Dr. Yu. S.L. Nudel). – Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – Contract Law Firm LLC, 2020.

Понятие и общая характеристика организации расследования занятия высшего положения в преступной иерархии

Жидова Юлия Джасаратовна,

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА
Минюста России)

E-mail: uliazhidova@yandex.ru

Данная статья посвящена изучению феномена «высшее положение в преступной иерархии» и анализу общих характеристик организации расследования данного преступления. Автор обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Дается аргументированное обоснование формирования и функционирования преступной деятельности, а также указывается, что в современном обществе преступная деятельность принимает множественные формы, характеризующиеся сложной организационной структурой и разнообразными целями. Одним из самых сложных и в то же время распространенных процессов является достижение высшего статуса в криминальной иерархии. Автор подчеркивает, что данная тема требует особого рассмотрения, поскольку она имеет не только криминологическое значение, но и обширные социальные, экономические и правовые последствия. Расследование подобных преступлений не только обеспечивает важные данные о функционировании преступных организаций, но и способствует разработке эффективных стратегий противодействия организованной преступности.

Ключевые слова: расследование, преступная иерархия, преступное сообщество, этапы расследования, «вор в законе», лидер преступных сообществ, высшее положение в преступной иерархии.

Введение

Современные организованные преступные группировки характеризуются сложной иерархической структурой, в которой четко распределены роли и полномочия. Особенно значительное внимание в правоприменительной практике уделяется лицам, занимающим высшие позиции в иерархии организованной преступности, известным как криминальные авторитеты или «воры в законе». Эти фигуры часто обладают не только значительным влиянием на свою преступную среду, но и способны оказывать влияние на широкий спектр социально-экономических процессов в обществе. Криминальные авторитеты являются ключевыми игроками в организованной преступности, и их роль можно охарактеризовать как централизующую. Они не только управляют преступными операциями, но и выступают медиаторами в конфликтах между различными группами, сохраняя баланс силы и влияния внутри преступной структуры. Более того, организованная преступность охватывает широкий спектр незаконных действий, включая наркоторговлю, торговлю людьми, коррупцию, отмывание денег и киберпреступность. Преступления такого рода не ограничиваются территориальными границами одного государства и зачастую носят транснациональный характер, что существенно усложняет процесс их расследования. Так, актуальность данной темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, организованная преступность значительно влияет на экономическое развитие государств, подрывая легальные рыночные механизмы и создавая неравные условия для законного бизнеса. Во-вторых, она представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности, способствуя распространению насилия и коррупции. По данным различных международных организаций, такие преступные структуры способствуют дестабилизации обществ и нарушению правопорядка, что в свою очередь приводит к снижению доверия граждан к государственным институтам.

Эти реалии подчеркивают необходимость разработки и внедрения более эффективных методов расследования преступлений, связанных с организованной преступностью. С 2019 года в Уголовном кодексе Российской Федерации действует статья 210.1, которая устанавливает уголовную ответственность за сам факт нахождения на вершине преступной иерархии [1]. Эффективное расследование таких преступлений требует учёта специфики доказательственной базы, особенностей оперативно-розыскной деятельности, а также межведомственного взаимодействия.

Материалы и методы исследований

В данной статье были использованы различные источники информации, в том числе научные публикации, исследовательские работы, нормативные правовые акты, а также практический опыт правоохранительных органов. Методологическая основа исследования включает в себя качественный анализ данных, систематизацию информации, а также эмпирические исследования, проводимые через наблюдение и анализ дел, связанных с организованной преступностью. Для глубокого понимания структуры и специфических характеристик преступной иерархии целесообразно рассмотреть теорию «троичной структуры» преступных организаций. В данной модели выделяются три уровня: нижний, представленный уличными преступниками, средний, включающий лидеров группировок, и высший, состоящий из криминальных авторитетов. Приоритетными методами стали анализ результатов уже проведенных расследований, а также результаты опытно-экспериментальной работы современных авторов с работниками правоохранительных органов.

Результаты и обсуждения

«Занятие высшего положения в преступной иерархии» представляет собой сложный процесс, требующий глубокого теоретического подхода и тщательного осмысления источников. Различные исследователи предоставляют уникальный взгляд на это понятие, внося ценные теоретические и практические аспекты в это понятие.

Как очень точно указывают А.М. Моисеев и П.В. Агапов, акцентируют внимание на социально-экономических факторах, способствующих поднятию отдельных личностей на высшие уровни криминальной иерархии [2–3]. В таких исследованиях подчеркивается, что формирование криминальных «вождей» зачастую связано с определенными условиями, такими как ухудшение социально-экономической ситуации, отсутствие правоприменения и высокие уровни безработицы. Эти аспекты создают плодородную почву для появления харизматичных лидеров, способных манипулировать массами и контролировать криминальные операции.

Кроме того, многие авторы (Г.В. Пережогина, Н.В., Попова К.С. Садомский) делают упор на межличностные связи, которые помогают утвердиться на высших ступенях преступной иерархии [4–5]. Ключевыми моментами здесь являются доверие и личные отношения, которые позволяют устанавливать стабильные альянсы и поддерживать контроль над группами. В данном контексте исследования предлагают рассматривать преступные структуры как сложные социальные сети, где каждая криминальная единица может иметь свои особые механизмы взаимодействия и контроля.

Не менее интересным является то, как различные теории криминологии объясняют выбор стра-

тегий, используемых фигурами высшего уровня для поддержания своей власти. В этом плане работы авторов могут варьироваться от чисто социологических подходов до более сложных теорий, включающих элементы психологии и социокультурного анализа, а также исследования организации расследования преступлений, связанных с занятием высшего положения в преступной иерархии. Последнее требует понимания, как специфики преступной деятельности, так и детального анализа межведомственного взаимодействия на всех уровнях правоохранительных органов.

Проблемам расследования занятия высшего положения в преступной иерархии уделяют внимание многие современные авторы. Однако вопросы тактики преодоления противодействия расследованию данного преступления изучены еще недостаточно.

Следует согласиться с мнением А.В. Степина о том, что с точки зрения расследования, основная цель заключается в сборе доказательств и обеспечении легитимности действий органов правопорядка, направленных на пресечение такой деятельности. Расследование этих преступлений требует применения комплексного подхода, включающего различные методы и технологии. Первым шагом является анализ поведения самого преступного элемента и его структуры. Понимание взаимосвязей между участниками преступной группы позволяет выявить схемы взаимодействия, определить важные фигуры и их роли в совершении преступлений [6].

Для эффективного расследования преступной деятельности, особенно в контексте организованной преступности, необходимо применять множество комплексных методов. Расследование преступлений, предусмотренных статьёй 210.1 УК РФ, представляет собой сложную задачу, требующую преодоления специфических трудностей. В отличие от обычных преступлений, в данном случае речь идёт не о деянии, а о статусе лица в криминальной иерархии. Это требует от следственных органов и оперативных служб не только сбора стандартных доказательств, но и глубокого анализа признаков, указывающих на положение субъекта в иерархии. Важным этапом является сбор информации и разведка, которые могут включать различные способы получения данных. Например, мониторинг телефонных переговоров и прослушивание являются привычной практикой для следственных органов, так как они позволяют выявить связи между участниками преступных группировок и прояснить их действия. Кроме того, важно также использовать агентурные сети, которые могут предоставить ценную информацию изнутри этих группировок, к примеру, работа с информаторами, которые находятся близко к преступным кругам или даже являются их частью, может помочь следствию получить уникальные данные. Также, анализ открытой информации из социальных сетей и различных информационных систем оказывается полезным, так как многие преступники ис-

пользуют эти платформы для коммуникации и координации своих действий.

Стоит упомянуть, что финансовый анализ представляет собой еще один важный аспект расследований. Лидеры организованной преступности часто используют сложные схемы для отмывания денег, что затрудняет их выявление. Например, такие преступные организации могут создавать подставные компании или использовать оффшорные счета для сокрытия реальных финансовых потоков. Следовательно, изучение финансовых операций, анализ банковских транзакций и выявление аномалий в расходах и доходах становятся ключевыми моментами для успешного раскрытия преступлений. Один из ярких примеров – расследование, связанное с итальянской мафией, где правоохранительные органы сумели разоблачить сеть отмывания денег через сложные транзакции между множеством компаний в разных странах.

Сотрудничество с международными организациями и правоохранительными структурами других стран также играет решающую роль в борьбе с организованной преступностью. Поскольку многие преступные группировки действуют на международном уровне, такое взаимодействие становится обязательным для успешного расследования. В истории были случаи, когда совместные операции Europol и Интерпола позволили разоблачить международные наркокартели. Например, операция «Cocaine Cowboys», проведенная в 2019 году, позволила задержать более 300 подозреваемых, причастных к международной торговле наркотиками, благодаря обмену информацией между различными правоохранительными органами [7].

Использование криминологических и статистических методов становится еще одним значимым направлением расследования. Анализ данных о совершенных преступлениях в определенных регионах и выявление закономерностей могут сыграть важную роль в предсказании и предотвращении преступной деятельности. Например, применяя методы статистического анализа, специалисты смогли выявить районы с высокой вероятностью совершения определенных преступлений, что позволило правоохранительным органам заранее направлять дополнительные ресурсы для профилактики и реагирования на потенциальные угрозы [8].

Основным источником доказательств в делах, связанных с положением лица в преступной иерархии, являются результаты оперативно-розыскной деятельности. К таким доказательствам относятся негласные следственные действия, агентурные сведения, записи телефонных переговоров и другие материалы, подтверждающие статус человека в криминальном мире.

Ярким примером такого дела служит уголовное дело № 1–11/2022, рассмотренное в Нижегородском областном суде [9]. В рамках этого дела было осуждено лицо, признанное «смотрящим» за регионом. Суд основывался на множестве доказательств, включая показания свидетелей из криминальной среды, аудиозаписи, а также материалы, полу-

ченные в результате прослушивания переговоров с другими участниками преступного сообщества.

Расследование таких дел требует тесного взаимодействия между различными федеральными структурами, такими как Следственный комитет, МВД и ФСБ. Это обусловлено межрегиональным и транснациональным характером деятельности преступных сообществ, что требует координации усилий на уровне федеральных органов. Для эффективного расследования используются аналитические ресурсы и интегрируются данные из разных ведомств.

Важно отметить, что уголовные дела по статье 210.1 редко возбуждаются самостоятельно. Чаще всего они связаны с другими преступлениями, такими как организация преступного сообщества (статья 210 УК РФ), вымогательство, незаконный оборот оружия и наркотических средств. Сама по себе статья 210.1 носит превентивный характер и направлена на устранение организующей силы в криминальной среде.

В судебной практике последних лет наблюдается тенденция к признанию достаточности доказательств, основанных на совокупности косвенных признаков, подтверждающих властное положение обвиняемого в преступной среде. Например, в постановлении Верховного Суда РФ от 14 января 2025 года по делу Юношева А.Ю. была подтверждена законность приговора, основанного на результатах оперативных разработок, признаниях свидетелей и материалах ОРМ, несмотря на отсутствие прямых доказательств конкретных преступных деяний [10].

Однако в научной литературе и практике правоприменения часто поднимается вопрос о неопределенности правовой конструкции статьи 210.1. Термин «высшее положение в преступной иерархии» не имеет четкого законодательного определения, что создает риск субъективного толкования и правовой произвольности. Это требует дополнительной правовой регламентации и разработки рекомендаций, обеспечивающих единообразие следственной и судебной практики.

Таким образом, организация расследования преступлений, связанных с занятием высшего положения в преступной иерархии, представляет собой сложный и многоступенчатый процесс, который требует сочетания традиционных следственных методов с современными способами оперативного наблюдения и аналитической обработки информации. Эффективность таких расследований во многом зависит от уровня подготовки следователей, оперативных сотрудников и способности правоохранительной системы выявлять и систематизировать доказательства, подтверждающие авторитет обвиняемого в криминальной среде.

Более того, современная судебная практика показывает, что статья 210.1 УК РФ может быть успешно применена при условии строгого соблюдения процессуальных стандартов и комплексного подхода к оценке доказательной базы. Однако для повышения эффективности этой нормы требуется

дальнейшая научная разработка её понятийного аппарата, унификация судебной практики и внесение уточнений в действующее законодательство, направленных на конкретизацию признаков «высшего положения» в преступной иерархии.

Выводы

Вышесказанное позволяет сделать объективное заключение о том, что эффективное расследование преступной деятельности требует использования различных подходов и методов. Каждый из этих элементов вносит свой вклад в создание целостной картины преступной организации и способствует её разоблачению. Важно помнить, что для достижения успеха необходимо комбинировать данные методы, чтобы обнаружить и пресечь преступные схемы на всех уровнях. Для того, чтобы совершенствовать процесс расследования, следует обратить внимание на несколько ключевых направлений. Во-первых, необходимо расширение межведомственного сотрудничества между различными государственными и частными структурами. Разработка общих протоколов взаимодействия и обмена информацией позволит создавать более целостную картину преступной деятельности. Во-вторых, важно инвестировать в технологии и инновационные методы расследования. Использование искусственного интеллекта для анализа больших данных, а также развитие баз данных, которые позволят оперативно получать доступ к необходимой информации, значительно упростят работу следственных органов. В-третьих, обучение и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов также играет значительную роль. Регулярные тренинги и семинары по новым методам расследования, правовым аспектам и этическим нормам помогут укрепить профессиональный потенциал кадров и дать возможность действовать в соответствии с международными стандартами.

Наконец, необходимо также вести активную работу с общественностью и СМИ для формирования общественного мнения о важности борьбы с организованной преступностью. Открытость и прозрачность действий правоохранительных органов могут способствовать повышению доверия со стороны общества и, соответственно, улучшению пропорций в получении необходимой информации для расследования.

Таким образом, организация расследования занятий высшего положения в преступной иерархии представляет собой многоуровневый процесс, требующий совместных усилий различных агентств и применения разнообразных методов. Постоянное совершенствование подходов и технологий в этой области поможет не только в борьбе с данным видом преступности, но и в создании более безопасного и справедливого общества.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Гос. Думой 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ //

- Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954
2. Агапов, П.В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии / П.В. Агапов, Н.В. Сальников, С.В. Кондратюк // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 3(30). – С. 49–55.
3. Моисеев, А.М. Судебная криминологическая экспертиза занятия высшего положения в преступной иерархии: опыт производства / А.М. Моисеев, С.В. Кондратюк // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации: Материалы Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 20 октября 2023 года. – Новосибирск: Уфимский университет науки и технологий, 2023. – С. 117–120.
4. Попова, Н.В. Преступное сообщество и занятие высшего положения в преступной иерархии: уголовные и уголовно-процессуальные аспекты / Н.В. Попова, К.С. Садомирский // Актуальные проблемы деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 19 октября 2023 года. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2023. – С. 211–215.
5. Пережогина, Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии / Г.В. Пережогина // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 4(50). – С. 43–48.
6. Степин, А.В. Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии: уголовно-правовая новация / А.В. Степин // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. – 2019. – № 2(12). – С. 92–94.
7. Лаверсо, Дж., и Мацуэда, Р.Л. Организация банд и идентичность банд: исследование постоянного членства в банде. // Журнал количественной криминологии. – 2019. – № 35 (4). – С. 797–829.
8. Лорд, Н. Дж., Кэмпбелл, Л. Дж. и Ван Вингерден, К. Грязные деньги других людей: профессиональные посредники, динамика рынка и финансы «белых воротничков», корпораций и организованной преступности. Британский криминологический журнал. – 2019. – № 59 (5). – С. 1217–1236.
9. Власенко, В.В. Проблемы квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ). / В.В. Власенко // Уголовное право. – 2022. – № 5. – 81 с.
10. Определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 января 2025 г. N 16-УД24–24-А3 Оснований для отмены или изменения приговора нет, поскольку наказание осужденному за занятие высшего

положения в преступной иерархии назначено с учетом характера и степени общественной опасности содеянного, данных о личности виновного, влияния назначенного наказания на его исправление

THE CONCEPT AND GENERAL CHARACTERISTICS OF THE ORGANIZATION OF THE INVESTIGATION OF THE OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY

Zhidova Yu.D.

All-Russian State University of Justice

The article is devoted to the study of the concept of "the highest position of the criminal hierarchy" and the analysis of the general characteristics of the organization of the investigation of the occupation of the highest position in the criminal hierarchy. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. A brief justification of the organization of criminal activity is given and it is noted that in modern society, criminal activity takes on a variety of forms, differing in complexity of structure and goals. One of the most confusing and at the same time commonplace phenomena is the occupation of the highest position in the criminal hierarchy. The author notes that this topic deserves special attention, as it is associated not only with criminology, but also with numerous social, economic and legal consequences. The investigation of such crimes not only provides valuable information about the activities of criminal groups, but also contributes to the development of more effective measures to combat organized crime.

Keywords: investigation, criminal hierarchy, criminal community, stages of investigation, "thief in law", leader of criminal communities, highest position in the criminal hierarchy.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation: adopted by the State Duma on June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954
2. Agapov, P.V. Actual issues of implementation of criminal liability for occupying the highest position in the criminal hierarchy / P.V. Agapov, N.V. Salnikov, S.V. Kondratyuk // Law and order: history, theory, practice. – 2021. – No. 3 (30). – P. 49–55.
3. Moiseev, A.M. Forensic criminological examination of occupying a high position in a criminal hierarchy: production experience / A.M. Moiseev, S.V. Kondratyuk // Theory and practice of fundamental and applied research in the field of forensic activities and DNA registration of the population of the Russian Federation: Proceedings of the International scientific and practical conference, Novosibirsk, October 20, 2023. – Novosibirsk: Ufa University of Science and Technology, 2023. – P. 117–120.
4. Popova, N.V. Criminal community and occupying a high position in a criminal hierarchy: criminal and criminal procedural aspects / N.V. Popova, K.S. Sadomsky // Actual problems of the activities of divisions of the penal system: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, Voronezh, October 19, 2023. – Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2023. – P. 211–215.
5. Perezhogina, G.V. Issues of criminal liability for occupying a high position in a criminal hierarchy / G.V. Perezhogina // Legal science and law enforcement practice. – 2019. – No. 4 (50). – P. 43–48.
6. Stepin, A.V. Occupation of a high position by a person in a criminal hierarchy: a criminal-legal innovation / A.V. Stepin // Actual problems of penitentiary science and practice. – 2019. – No. 2 (12). – P. 92–94.
7. Laverso, J., and Matsueda, R.L. Gang organization and gang identity: A study of permanent gang membership. // Journal of Quantitative Criminology. – 2019. – № 35 (4). – P. 797–829.
8. Lord, N.J., Campbell, L.J. and Van Wingerden, K. Other People's Dirty Money: Professional Middlemen, Market Dynamics, and the Finances of White-Collar, Corporate, and Organized Crime. British Journal of Criminology. – 2019. – № 59 (5). – P. 1217–1236.
9. Vlasenko, V.V. Problems of Qualifying the Occupation of a High Position in a Criminal Hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). / V.V. Vlasenko // Criminal Law. – 2022. – № 5. – 81 p.
10. Definition of the Criminal Cases Division of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 14, 2025 No. 16-UD24–24-A3 There are no grounds for canceling or changing the sentence, since the punishment for the convicted person for occupying a high position in the criminal hierarchy was assigned taking into account the nature and degree of public danger of the act, information about the personality of the perpetrator, the impact of the assigned punishment on his correction

Влияние внутреннего убеждения судьи на законность, обоснованность и мотивированность судебного решения в уголовном процессе

Зацепина Олеся Геннадиевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

Статья посвящена исследованию роли внутреннего убеждения судьи в обеспечении законности, обоснованности и мотивированности судебных решений в уголовном процессе. Проанализированы теоретические подходы к определению внутреннего убеждения отечественных ученых-процессуалистов. В работе раскрывается влияние внутреннего убеждения на формирование судебного акта, подчеркивается его значение для достижения справедливости в отправлении правосудия и предотвращения судебных ошибок. Особое внимание уделяется проблеме баланса между субъективным усмотрением судьи и требованиями закона. На основе анализа действующих нормативных правовых актов и доктринальных источников предлагаются пути совершенствования правового регулирования данного института с целью укрепления доверия к правосудию.

Ключевые слова: внутреннее убеждение судьи, законность, обоснованность, мотивированность судебного решения, уголовный процесс, оценка доказательств, субъективная деятельность, объективность принимаемого решения.

Статья 17 УПК РФ закрепляет свободу оценки доказательств, под которой в широком смысле понимается наличие неотъемлемого права у судьи, присяжных заседателей, прокурора, следователя, дознавателя оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Проблема внутреннего убеждения при оценке доказательств длительное время продолжает оставаться предметом острых научных дискуссий. Возникший интерес к данной проблеме весьма обоснован, поскольку оценка доказательств по внутреннему убеждению является вопросом, от правильности разрешения которого зависит успех всей процессуальной деятельности.

Уголовно-процессуальный аспект понятия внутреннего убеждения стал предметом исследования в научных трудах Белкина Р.С., Строговича М.С., Резника Г.М., Грошевого Ю.М., Фойницкого И.Я., Ковтуна Н.Н., Халдеева Л.С., Ярославского А.Б.

С учетом того, что внутреннее убеждение является результатом непрерывной познавательной, психической деятельности субъектов уголовного процесса по оценке доказательств и ее результатов, учеными были сформулированы основные определения данного понятия, которые нашли свое теоретико-правовое отражение в уголовно-процессуальной науке.

Внутреннее убеждение рассматривается как психическое состояние, отличающееся твердой уверенностью в истинности достигнутых результатов, объективно отражающее состояние доказанности факта, события [1, с.37].

Еще Фойницкий И.Я. утверждал, что внутреннее убеждение – это мыслительный процесс, исходящий в сознании на основании имеющихся данных в уголовном деле [4, с. 188].

В современной уголовно-процессуальной науке правосудие понимается как общественное явление, которое складывается не только из системы мер и приемов деятельности судов, но и как субъективный процесс, движимый правосознанием судей [5, с. 129].

Несмотря на наличие значительного количества научных разработок, единого подхода к формулированию понятия внутреннего убеждения до настоящего времени не выработано. Этим вызвана необходимость конкретизации названного правового явления.

В уголовном судопроизводстве внутреннее убеждение в одних случаях рассматривается как метод и способ оценки доказательств, в других –

как критерий оценки либо ее результат. По-разному определяется и природа внутреннего убеждения, поскольку различные авторы придают ей гносеологический, психологический, а также логический смысл.

В психологии убеждение понимается как комплекс идей, усваиваемых человеком в сознании, которые заставляют действовать тем или иным образом. Убеждения могут быть концептуализированы как особый способ мыслительной, познавательной деятельности, когда люди принимают за истинные и достоверные знания, полученные об определенных событиях, и приобретают опыт.

С психологической точки зрения убеждение рассматривается как метод воздействия на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению. Убеждение базируется на аналитическом мышлении, в основе которого преобладают логика, доказательность, научная аргументация.

В словаре русского языка Ожегова С.И. под убеждением понимается твердый взгляд на что-либо, основанный на какой-нибудь идее, мировоззрении [3, с. 669].

Исходя из требований уголовно-процессуального закона, оценка доказательств по внутреннему убеждению означает такой порядок, при котором она производится органом, в производстве которого находится уголовное дело, при отсутствии заранее установленных правил о значении и силе доказательств (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). Эта оценка завершается категорическими выводами и решениями, исключающими всякое сомнение в их правильности.

Приведенные дефиниции внутреннего убеждения предполагают: во-первых, необязательность оценки доказательств, данной одним должностным лицом для другого, принявшего дело к своему производству; во-вторых, необязательность оценки доказательств предыдущей процессуальной инстанции для последующей; в-третьих, необязательность для лица, ведущего производство по делу, оценок доказательств, которые даны различными участниками процесса в ходатайствах, заключениях и т.п.

Указанное, конечно, не означает, что для лица, осуществляющего производство по делу, безразличны доводы, которые приводятся иными участниками процесса. Оценивая их со своей стороны, точнее можно прийти к правильным убеждениям и выводам, обеспечив таким образом всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела.

Ключевое место среди вопросов, связанных с проблемой изучения понятия внутреннего убеждения в уголовном процессе, занимает вопрос формирования внутреннего убеждения судьи. Положения Конституции Российской Федерации о самостоятельности судебной власти и осуществлении правосудия только судом придают особую значимость стадии рассмотрения дела судом как завершающей стадии движения уголовного дела.

Это связано с тем, что каждое из собранных сторонами обвинения и защиты доказательств будет проверено судом на предмет их относимости, допустимости, достоверности и достаточности в условиях состязательного процесса, а также оценено на основании внутреннего убеждения судьи.

В трудах М.С. Строговича внутреннее убеждение судьи трактуется как субъективное отражение объективной истины, выполняющее одновременно несколько функций: оно выступает и как критерий оценки доказательств, и как процесс их анализа, и как метод познания, и как итоговый вывод судьи.

В интерпретации названного ученого, внутреннее убеждение – это разумная, осознанная, обоснованная уверенность в правильности определенного вывода, опирающаяся на объективные факты и достигаемая в результате вдумчивого, непредвзятого и всестороннего исследования всех обстоятельств дела. М.С. Строгович утверждал, если судьи пришли к убеждению о доказанности какого-либо факта, они не только вправе, но и обязаны в соответствии с законом обосновать, на что опирается их убеждение. Поэтому внутреннее убеждение – это именно разумная и аргументированная уверенность, а никак не «интуиция», не «чутье», не «наитие», не «импульс» [2, с. 345].

Процессуальный закон обязывает суд оценить представленные доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, и отразить в судебном акте мотивы, на основании которых он пришел к таким выводам, принял или отклонил доводы лиц, участвующих в деле, со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты, исходя из принципов равноправия сторон и состязательности процесса.

Следует отметить, что в данном контексте особое значение приобретает важнейший принцип статуса судебной власти – независимость суда. Он является одним из фундаментальных принципов правового государства и предполагает возможность функционирования судебной власти независимо от влияния других ветвей власти, а также от внешнего воздействия, которое может выражаться в формировании общественного мнения, оказании давления со стороны общественных организаций и пр.

Статьей 8 Кодекса Судейской этики, утвержденного 19 декабря 2012 года VIII Всероссийским съездом судей, установлено, что судья при рассмотрении дела обязан придерживаться независимой и беспристрастной позиции в отношении всех участников процесса. Судья должен осуществлять судебские полномочия, исходя исключительно из оценки фактических и правовых обстоятельств дела, в соответствии с внутренним убеждением, уважая процессуальные права всех участвующих в деле лиц, независимо от какого-либо постороннего воздействия, давления, угроз или иного прямого, или косвенного вмешательства в процесс рассмотрения дела, с какой бы стороны оно

не оказывалось, и какими бы мотивами и целями не было вызвано. Судья должен осуществлять профессиональную деятельность в строгом соответствии с законом, опираясь на внутреннее убеждение и не поддаваясь влиянию кого бы то ни было со стороны. Публичное обсуждение деятельности судьи, критические высказывания в его адрес не должны влиять на законность и обоснованность выносимого им решения [6].

Из сказанного следует, что независимость суда является отдельным, существенным принципом судебной власти. Она предполагает сущность статуса суда, его конституционно-правовой объем и содержание, основную базисную характеристику правового положения судебной власти, как в системе государственной власти, так и во взаимоотношениях с общественными институтами.

Исходя из этого, сложно переоценить значимость принципа независимости судебной власти по отношению к принятию судом решений на основании своего внутреннего убеждения.

Безапелляционным представляется суждение о том, что суд является основным субъектом оценки доказательств. Это обусловлено тем, что именно на суд возложены полномочия разрешать дело по существу, выносить по нему окончательное решение. В связи с этим, по нашему мнению, суд – единственный участник познания, осуществляющий контроль над всеми процессуальными действиями, в том числе и за деятельностью уполномоченных субъектов, связанной с собиранием и оценкой доказательств.

Следует отметить, что действия суда не должны сводиться к игнорированию позиций и доводов иных участников процесса, наделенных правом представлять доказательства, а если говорить о субъектах уголовного преследования, обязанностью доказывать обстоятельства, которые кладутся в основу обвинения.

В этой связи не стоит забывать и о не менее важном принципе уголовного процесса – состязательности сторон, прямо вытекающего из положений ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, несоблюдение которого может привести к безусловной отмене судебного решения.

Исходя из частей 2 и 3 ст. 15 УПК РФ функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Уголовно-процессуальный закон возлагает на суд обязанность оценки доказательств. Каждое доказательство приобретает значение по конкретному делу только после его оценки судом. Именно суд, оценив доказательства, приходит к убеждению об их допустимости, относимости и достоверности, а также отражает их в итоговом акте право-

судия как подтверждающие либо опровергающие те или иные обстоятельства.

Высокое предназначение актов правосудия возлагает на судей особую ответственность за их качественную составляющую. Поэтому суд при их постановлении остается свободным в своих выводах.

Вместе с тем, суд при оценке доказательств по своему внутреннему убеждению не должен опираться на безосновательную уверенность в правильности своих действий. Оценка не может быть произведена произвольно без учета требований закона, поскольку каждое доказательство суд должен оценивать не только в отдельности, но также в совокупности и во взаимной связи с другими фактическими данными.

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ, все постановления и определения суда должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Обеспечение законности судебного решения подразумевает требование осуществлять уголовно-процессуальную деятельность в точном соответствии с законом, соблюдать все нормы процессуального и материального права. На это прямо указывают положения ст. 7 УПК РФ. Соблюдение установленной процессуальной формы гарантируется законодательным закреплением системы норм, регламентирующих основания, порядок, условия и пределы осуществления уголовных процедур.

Решение суда по уголовному делу признается законным, если при его принятии были надлежащим образом применены положения Конституции РФ, УПК РФ, а также иных федеральных законов.

Обоснованность приговора предусматривает обязательную взаимосвязь и соответствие выводов суда, изложенных в приговоре, обстоятельствам дела, подтвержденных совокупностью доказательств, исследованных в судебном заседании и признанных судом достаточными и достоверными.

Важно акцентировать внимание на том, что понятия законность и обоснованность хотя неразрывно связаны между собой и применяются по отношению к судебному решению в совокупности, они все же выступают в качестве самостоятельных требований, предъявляемых к этому процессуальному документу. Их дефиниции существенно различаются. Если законность – это такое свойство приговора, которое характеризует его с точки зрения соответствия закону и, тем самым, выражает связь приговора с законом, то обоснованность иллюстрирует приговор с точки зрения его соответствия фактическим обстоятельствам дела, очерчивает связь приговора с установленными по делу фактами (обстоятельствами), с исследованными по делу доказательствами.

В свою очередь мотивированность судебного решения подразумевает приведение судом мотивов, по которым он пришел именно к тем выводам, которые содержатся в данном судебном акте. Например, при постановлении приговора суд должен надлежащим образом обосновать судеб-

ные действия и принятые решения по вопросам, поставленным перед судом в соответствии с законом (ст. 299 УПК РФ). Мотивированность является неотъемлемой частью законности, обоснованности судебного решения, требованием, подлежащим неукоснительному соблюдению.

В данном контексте следует отметить, что личное убеждение судьи может оказывать значительное влияние на законность, мотивированность и обоснованность судебного решения.

Сущность вышеизложенного заключается в том, что личное убеждение судьи может влиять на то, как судья интерпретирует и применяет законы, а также на аргументацию и логику, используемую в судебном решении.

Как правило, судья интерпретирует доказательства таким образом, чтобы они поддерживали и закрепляли его сформировавшееся убеждение по результатам рассмотрения дела.

Вместе с тем, при формировании правовой позиции по делу судья не должен отодвигать на второй план требования законности и обоснованности. Он обязан на основе анализа представленных доказательств стремиться к объективности в аргументации своей позиции, четко указывая на нормы закона, на которые он опирается при принятии процессуального решения. При этом судья должен сохранять независимость и беспристрастность в оценке доказательств, руководствуясь принципом справедливости.

Особое внимание следует акцентировать на том, что с целью избегания предвзятости и субъективных ошибок, которые могут возникнуть в процессе формирования внутреннего убеждения судьи, судебные процедуры содержат гарантии, обеспечивающие беспристрастное рассмотрение дел. К ним относятся право на защиту, право на обжалование и право на справедливое судебное разбирательство.

Значительное влияние на недопущение субъективных ошибок при принятии судьями процессуальных решений оказывает наличие в уголовном судопроизводстве апелляционных и кассационных процедур, способствующих соблюдению гарантированного для участников процесса института проверки судебных решений и установлению баланса между содержанием принятого решения и его законностью, обоснованностью и мотивированностью.

Наличие в уголовно-процессуальном законодательстве таких процедур является сдерживающим фактором для принятия судом необоснованных, незаконных решений, опирающихся на предвзятость и игнорирование требований, установленных законом для того или иного судебного действия.

Внутреннее убеждение судьи, несомненно, играет немаловажную роль при принятии судебного решения. Но главенствующая роль в данных сложных процедурах правоприменения должна отводиться вопросам надлежащего применения норм материального и процессуального законодательства.

С целью неукоснительного соблюдения принципа законности при принятии судебного решения судье после формирования субъективного мнения о необходимости вынесения процессуального решения именно в том виде, в котором оно не противоречит внутренним установкам, целесообразно осуществить самоанализ, направленный на проверку его соответствия требованиям действующего законодательства.

При его реализации следует ответить на ряд вопросов, связанных с постановлением судебного решения, чтобы окончательно убедиться в правильности своей позиции и всеобъемлемости проведенного анализа представленных и исследованных доказательств. К их числу, в частности, относятся: доказано ли, что деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, имело место; что оно совершено подсудимым; является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено; виновен ли подсудимый в совершении преступления; подлежит ли наказанию за содеянное; какое должно быть назначено наказание и пр.

Не вызывает сомнений, что в настоящее время деятельность судьи в сфере уголовно-процессуального правоприменения становится исключительно значимой, поскольку в условиях действия принципа разделения властей, являясь носителем судебной власти, он непосредственно выполняет государственную функцию, направленную на отправление правосудия.

В современной правовой доктрине не сформировано единообразного толкования термина «внутреннее убеждение судьи», что обуславливает необходимость разработки его четкой научной дефиниции. В этой связи предлагается следующая формулировка данного понятия.

Внутреннее убеждение судьи – это уверенность в достоверности исследованных доказательств, правильности и обоснованности выводов, служащих основой для принятия законного, обоснованного и справедливого судебного решения, сформированная свободно, без внешнего давления, с использованием профессионального опыта, логики, правосознания, при соблюдении требований уголовно-процессуального законодательства, принципов уголовного процесса, основанная на субъективно-объективной оценке совокупности доказательственного массива при условии полного, всестороннего и объективного исследовании всех обстоятельств дела.

В контексте рассматриваемой проблематики вопросы, связанные с субъективной деятельностью судьи в уголовном процессе, формирующей его внутреннее убеждение, понятие этой субъективно-объективной категории и правовые связи внутреннего убеждения с деятельностью участников процесса по доказыванию обстоятельств дела и оценке доказательств остаются дискуссионными.

Личное убеждение судьи может оказывать значительное влияние на законность, мотивированность и обоснованность судебного решения. Од-

нако для обеспечения справедливости и объективности при отправлении правосудия судьям, как носителям судебной власти, необходимо направлять свою деятельность в сторону минимизации влияния внутреннего убеждения на принятие незаконных и необоснованных решений путем ориентирования на строгое следование закону, объективность в аргументации принимаемых решений, независимость и беспристрастность в оценке обстоятельств, изложенных сторонами, а также на соблюдение процессуальных гарантий, обеспечивающих справедливое и беспристрастное рассмотрение дел.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – Москва: Бек, 1997. – 341 с.
2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. / М. С. – М.: Наука. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. – 1968. – 470 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов/ Под ред. Чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 750 с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., Санкт-Петербург: Альфа, 1996. – 606 с.
5. Внутреннее убеждение судьи П.Н. Шабанов Воронежский государственный университет. Вестник ВГУ. Серия: Право 2010 год № 1 с. 129–138.
6. Кодекс судейской этики. Утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 года // Электронный ресурс. Режим доступа:

https://www.vsrfr.ru/about/info/documents_regulations/1979/

THE IMPACT OF A JUDGE'S INNER CONVICTION ON THE LEGALITY, VALIDITY, AND MOTIVATION OF A COURT DECISION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Zatsepina O.G.

Vladimir Dahl Luhansk State University

The article is devoted to the study of the role of a judge's inner conviction in ensuring the legality, validity, and motivation of court decisions in criminal proceedings. The theoretical approaches to defining inner conviction of domestic procedural scientists are analyzed. The work reveals the influence of inner conviction on the formation of a judicial act, emphasizes its importance for achieving fairness in the administration of justice and preventing judicial errors. Particular attention is paid to the problem of balance between the subjective discretion of a judge and the requirements of the law. Based on the analysis of current regulatory legal acts and doctrinal sources, ways to improve the legal regulation of this institution are proposed in order to strengthen trust in justice.

Keywords: inner conviction of a judge, legality, validity, motivation of a court decision, criminal procedure, assessment of evidence, subjective activity, objectivity of the decision taken.

References

1. Belkin R.S. Kriminalisticheskaya enciklopediya / R.S. Belkin. – Moskva: Bek, 1997. – 341 s.
2. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo processa: v 2 t. / M. S. – M.: Nauka. T. 1: Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugovnogo processa. – 1968. – 470 s.
3. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57000 slov/ Pod red. Chl.-korr. AN SSSR N. Yu. Shvedovoj. – 19-e izd., ispr. – M.: Rus. yaz., 1987. – 750 s.
4. Fojnickij I. Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. T.2. SPb., Sankt-Peterburg: Al'fa, 1996. – 606 s.
5. Vnutrennee ubezhdenie sud'i P.N. Shabanov Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. Vestnik VGU. Seriya: Pravo 2010 god № 1 s. 129–138.
6. Kodeks sudejskoj etiki. Utverzhen VIII Vserossijskim s'ezdom sudej 19 dekabrya 2012 goda // Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: https://www.vsrfr.ru/about/info/documents_regulations/1979/

Чайка Олеся Олеговна,

студент Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: olesyachayka005@gmail.com

Зашляпин Леонид Александрович,

кандидат юридических наук, преподаватель Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: simple.teacher@outlook.com

Исследование посвящено анализу процессуального статуса врача в уголовном судопроизводстве России. Результаты показывают, что правовое положение врача характеризуется нормативной и доктринальной неопределенностью. Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит четкого определения прав и обязанностей врача как участника процесса, в отличие от таких субъектов, как специалист и эксперт, чей статус детально регламентирован и связан с функцией содействия правосудию. В отношении врача подобная публично-правовая роль с очевидностью не прослеживается. Законодательство о здравоохранении регулирует специальную правоспособность и дееспособность врача исключительно в сфере медицинской деятельности, не компенсируя пробелы УПК РФ в части уголовно-процессуального статуса. Доктринальные подходы к проблеме неоднозначны: от приравнивания врача к специалисту до признания необходимости выделения особого статуса, требующего законодательной проработки. В действующем законодательстве и научной теории отсутствуют явные признаки, позволяющие однозначно определить уголовно-процессуальный статус врача. Для формирования целостного представления о его положении необходимы дальнейшие исследования.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, участники, субъект, врач, статус, правовое положение, правоспособность, дееспособность, осмотр, освидетельствование.

Введение

Известный российский ученый А.А. Дорская отмечает, что кризисные явления в праве выступают причиной социальных революций [1, с. 8–15]. В теории уголовного процесса в качестве таковых можно указать на наличие участников с дефектными статусами, правовое положение которых не урегулировано в законе или имеет лишь частичную регламентацию. Статус врача в нашем законодательстве так же остается неопределенным, что порождает кризис в регулировании таких значимых действий, как осмотр трупа, освидетельствование и др. Вместе с тем процессуальное положение данного субъекта остается недостаточно изученным в юридической науке.

Среди исследователей, занимающихся этой проблемой, можно выделить Н.С. Юшееву, И.В. Буромского и Л.А. Зашляпина [2; 3; 4]. В отличие от их работ, настоящая статья анализирует статус врача в уголовном судопроизводстве с учетом всего контекста его упоминания в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Так, Н.С. Юшеева сосредотачивает внимание на врачебной деятельности как объекте исследования; И.В. Буромский – на участии врача в отдельных процессуальных действиях без изучения его роли в принятии решений о мерах принуждения и продолжительности допроса, а Л.А. Зашляпин преимущественно рассматривает процессуальное положение медицинского работника при осмотре трупа на основе предыдущего законодательства. Указанное различие определяет новизну нашего исследования. Его актуальность обусловлена тем, что упорядочение статуса врача способствует устранению произвола в уголовно-процессуальной деятельности (процессуального хаоса) и его преобразованию в процессуальный порядок.

Основной научной целью, реализуемой в ходе исследования, было выявление признаков процессуального положения врача, проявляемых в осмотре трупа и освидетельствовании с участием врача, при принятии решений о принудительном приводе больных лиц и определении продолжительности допроса лица на основании удостоверения врачом состояния его здоровья.

Объектной областью изучения в настоящей статье выступали нормы действующего уголовно-процессуального законодательства, упоминающие врача, и нормы законодательства о здравоохранении, а также синхронные позиции ученых, представляющих медицинскую науку и юриспруденцию. В качестве основного метода применялся доктринально-юридический подход. Для его реализации исследование было структурировано,

а результаты представлены в отдельных разделах статьи.

Нормативное регулирование статуса врача

Процессуальное положение врача в отечественном уголовном судопроизводстве может быть выведено из норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ), регулирующих участие данного субъекта в таких процессуальных действиях, как осмотр трупа (ст. 178 УПК РФ), освидетельствование (ст. 179 и 290 УПК РФ), а также из регламентации процедур определения врачом состояния здоровья участников уголовного процесса, исключающего применения к ним мер процессуального принуждения или установления темпоральных факторов допроса, зависящих от самочувствия допрашиваемого лица (ст. 113 и 187 УПК РФ).

Проблематика уголовно-процессуального статуса должна рассматриваться в соотношении с положением других участников процесса, что, логично, для уголовно-процессуальных правоотношений. Сохраняя такой подход, подчеркнем, что определение статуса врача в уголовном судопроизводстве невозможно без сравнения его положения с положением иных участников уголовно-процессуальных отношений.

Во-первых, действующий уголовно-процессуальный закон содержит нормы-дефиниции, определяющие статус начальника органа дознания (п. 17 ст. 5 УПК РФ), следователя (п. 41 ст. 5 УПК РФ) и многих других субъектов, однако в данном разделе закона отсутствует определение понятия «врач». Уже этот пониженный уровень внимания к данному участнику может являться признаком его процессуального положения. Признаки, характеризующие статус врача в такой ситуации, могут быть выявлены в нормах, регулирующих процессуальные действия и решения с его участием, которые указаны выше, обосновывая необходимость применения юридико-доктринального метода.

Во-вторых, можно предположить, что процессуальное положение врача наиболее близко к статусу специалиста и судебно-медицинского эксперта. В отношении специалиста законодательство устанавливает его принадлежность к субъектам, выполняющим определенную уголовно-процессуальную функцию (глава 8 УПК РФ), а также закрепляет его основные права (ст. 58 УПК РФ). Из этого следует, что процессуальный статус этого участника определен и сводится к содействию правосудию, предполагает отсутствие у него процессуального или материального интереса в деле, ориентацию на оказание помощи участникам ex officio, которые не обладают специальными знаниями, для осуществления своих функций, его зависимости от процессуальных действий и решений властных участников правоотношений. Аналогичные черты присущи и статусу эксперта (ст. 57 УПК РФ), который связывается с наличием специаль-

ных знаний – в данном случае медицинских, – используемых для проведения исследований и подготовки заключений по их результатам. В отличие от специалиста и эксперта, процессуальное положение врача не имеет столь детального регулирования, позволяя фиксировать пробельность законодательства.

Врач как участник осмотра трупа занимает процессуальное положение, встроенное в установленный законом порядок этого действия, поскольку правила ст. 178 УПК РФ коррелируют с общими нормами о производстве осмотров (ст. 177 УПК РФ). Таким образом, он является элементом эталонной формы проведения следственного действия, определяя этим допустимость формируемого с его участием доказательства. Указанное предполагает его существенную роль в осмотре трупа. Законодатель, однако, с одной стороны, предусматривая участие врача в этом следственном действии, вероятно предполагает его процессуальную активность и определенную самостоятельность, а с другой стороны, относит его к группе лиц, чье положение зависит от решений властных участников процесса – следователя. Именно следователь принимает решение о привлечении врача к участию в следственном действии, при этом рассматривая его как субъекта, замещающего судебно-медицинского эксперта. Следовательно, статус эксперта в данном контексте оказывается выше правового положения врача. Одновременно УПК РФ не закрепляет конкретных прав и обязанностей врача в осмотре трупа, что свидетельствует о неопределенности его статуса.

В качестве участника освидетельствования врач выступает субъектом, дополняющим процессуальное положение другого лица. Закон возлагает обязанность проведения освидетельствования на следователя, предполагая, что это действие не требует специальных знаний (ст. 179 УПК РФ). Привлечение врача является усмотрением следователя, при этом гипотеза нормы ч. 1 ст. 179 УПК РФ представляется неопределенной, ограничиваясь формулировкой «при необходимости», которая не конкретизируется. Эта необходимость может связываться с применением не медицинских знаний, а дополнением технико-криминалистической дееспособности следователя. Как минимум статус эксперта этого не допускает.

Лишь в случае освидетельствования лица иного пола, чем следователь, процессуальное положение врача приобретает доминирующий (статусный) характер, поскольку в такой ситуации он проводит освидетельствование самостоятельно, без участия следователя. Однако и для указанной процедуры его права и обязанности не регламентированы. Решающим фактором выступает пол лица, проводящего освидетельствование, отличный от пола освидетельствуемого лица, тогда как специальные медицинские знания являются факультативным условием.

При освидетельствовании в ходе судебного разбирательства врач может составить акт осви-

детельствования, однако это не закреплено как юридическая обязанность. Последующие ответы врача на вопросы сторон и его сообщение суду и сторонам о результатах освидетельствования также не имеют закрепленной законом формы. Отсутствие процессуального порядка оформления акта и представления результатов ослабляет понимание процессуального положения врача как участника процесса и процедуры собирания доказательств с его участием.

Определение состояния здоровья лица, подлежащего принудительному приводу, может осуществляться врачом и соответствует традиционной медицинской деятельности. Законодатель, не определяя вводимый в закон процессуальный статус больного, который не может покинуть место пребывания, подчеркивает в этом случае наличие отношений «пациент – лечащий врач», не присущих уголовно-процессуальным отношениям. При этом медицинский работник не принимает процессуальных решений: отказ от принудительного привода остается прерогативой властного участника процесса. Содержание правоотношений между врачом, лицом, осуществляющим привод, и лицом, подлежащим приводу, остается неясным. В данном случае врач действует в рамках общей медицинской правоспособности, не обладая процессуальной правоспособностью (дееспособностью).

Рекомендации врача относительно продолжительности допроса в зависимости от состояния здоровья допрашиваемого (ч. 4 ст. 187 УПК РФ) равно не подкреплены процессуальными правами, обязанностями или ответственностью. Очевидно, что законодатель оставляет регулирование такой деятельности исключительно в ведении специального законодательства о здравоохранении, не конструируя необходимой формы в уголовно-процессуальном законе. В этом случае, а также в процессуальном порядке принудительного привода больных лиц, врач не приобретает процессуальной право– и дееспособности, не может (и не участвует) в совершении действий и принятии решений, находится вне уголовного процесса.

Как это описывается в работах, разрабатывающих данную тематику, для понимания правового положения врача возникает объективная потребность привлечения норм иной отрасли права – о здравоохранении [4, с. 52]. В Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон о здравоохранении) содержатся понятия медицинского работника (п. 13 ст. 2) и лечащего врача (п. 15 ст. 2), что можно заимствовать для понимания врача как участника осмотра трупа, освидетельствования; состояния пациента (п. 17 ст. 2), допускающего его использования для определения возможности применения мер принудительного привода; клинических рекомендаций (п. 23 ст. 2), вероятно, могущих использоваться в определении временного периода продолжительности проведения допроса. В этом нормативном акте определен круг лиц, имеющих право на осу-

ществление медицинской деятельности (ст. 69), права лечащего врача (ст. 70), обязанности медицинских работников (ст. 73), но все это не связано с отраслью уголовного судопроизводства. При этом Закон о здравоохранении не дает понятия врача, а все то, что присутствует в сфере уголовно-процессуальных отношений, регулируется УПК РФ и Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 1 УПК РФ), а те видовые понятия, которые присутствуют в Законе о здравоохранении на позволяют сформулировать родовое понятие «врач» и перенести его по аналогии в уголовно-процессуальное регулирование статуса врача. Пробельность законодательства представляется системной.

Из этого следует, что правовой статус врача, по нашему мнению, определен в отраслевом законодательстве о здравоохранении, сопровождаемый его специальной правоспособностью и дееспособностью для медицинской деятельности и не определен в уголовно-процессуальном праве.

Доктринальные подходы к определению статуса врача

В российской науке проблематика правового статуса врача раскрывается через ряд доктринальных позиций. Представители медицинской науки, например, отмечают отсутствие нормативной определенности в правовом положении врача и подчеркивают необходимость его закрепления [5, с. 323]. Этот вопрос связывается, прежде всего, с регламентацией специальной правоспособности, дееспособности и деликтоспособности врача в законодательстве о здравоохранении, которая кажется очевидной.

Наоборот, в предыдущем разделе нами была выделена неопределенность процессуального положения врача, обусловленная спецификой его участия в таких следственных действиях, как осмотр трупа, освидетельствование, а также в процедурах определения возможности применения мер процессуального принуждения и установления допустимой продолжительности допроса. Очевидно, что пределы правоспособности врача по Закону о здравоохранении могут не совпадать с правоспособностью врача в уголовном процессе.

Так, А.В. Тихомиров, исследуя общеправовые аспекты статуса врача, приводит распространенное среди медиков мнение, согласно которому врач не является субъектом права [6, с. 4]. Однако это утверждение ошибочно: в юридическом аспекте врач обладает правосубъектностью. Проблема его правового положения заключается в границах правоспособности и дееспособности, что имеет значение для уголовного судопроизводства. В этой связи возникают вопросы: в каком качестве врач в понимании Закона о здравоохранении участвует в следственных действиях или принимает отраслевые решения, необходимые для процессуальных выводов должностных лиц? Является ли врач в таких случаях лишь сотрудником медицинского учреждения? Может ли он самостоятельно принимать решение об участии в следственном действии

(например, соглашаться с требованием следователя) без указания на то руководителя медицинской организации? Способен ли он выполнять функции, выходящие за рамки врачебной деятельности? Общеправовой статус врача, определяемый законодательством о здравоохранении, ограничивается его профессиональной лечебной деятельностью и не касается специальной правоспособности врача в уголовном судопроизводстве. При отсутствии четкой регламентации в уголовно-процессуальном законе возникает сомнение в правоспособности врача в уголовном судопроизводстве. Правоспособность врача по Закону о здравоохранении не переходит в процессуальную правоспособность врача в уголовном судопроизводстве.

Т.Е. Сучкова, анализируя нормативные акты и судебную практику, указывает, что российская правовая система не содержит четкого определения понятия «врач», что влечет неопределенность его правового статуса [7, с. 57–58]. Аналогичный вывод делает А.В. Аронов, отмечая отсутствие в профильном законодательстве безусловного определения понятия «врач» и его правового статуса [8, с. 31, 33, 35]. Это исключает возможность прямого заимствования признаков из медицинской науки в теорию уголовного процесса и применения аналогии в конструировании процессуального положения врача. По мнению указанных авторов, современная дифференциация врачей и их специальной правоспособности препятствуют формированию универсального понятия врача и его правового статуса. Такая неопределенность неизбежно переносится в уголовно-процессуальную сферу, создавая дополнительные сложности.

Н.С. Юшеева, не вступая в противоречие с Т.Е. Сучковой и А.В. Ароновым, выдвигает гипотезу о том, что в обыденном правосознании понятие «врач» ассоциируется исключительно с оказанием медицинской помощи, а не с участием в судопроизводстве [2, с. 424]. Анализируя Закон о здравоохранении, указанный автор констатирует полную неопределенность правового положения врача применительно к уголовному процессу и предлагает использовать критерии образования и права на осуществление лечебно-профилактической деятельности для его определения [2, с. 424–425]. Следовательно, субъект (доктор, следователь-криминалист и т. д.), производящий такие процессуальные действия как осмотр трупа или освидетельствование, должен удостовериться в наличии у лица высшего медицинского образования и права на врачебную практику, что в принципе возможно по соответствующим документам и своим решением придать врачу соответствующий процессуальный статус.

В связи с этим можно предположить необходимость разработки специального процессуального статуса врача, основанного на его особой правоспособности и дееспособности в уголовном судопроизводстве. Общеправовой статус выпускника медицинского вуза мог бы трансформироваться (масштабироваться) в специальный статус врача

в уголовном процессе. Подобный механизм наблюдается в случае с выпускником юридического вуза, который, подтвердив образование, занимает в установленном законом порядке должность следователя и после этого приобретает специальную правоспособность в конкретном деле. Помещать выпускника юридического вуза сразу в процессуальный статус следователя в конкретном деле, минуя соответствующий порядок преобразований общей правоспособности в специальную правоспособность, видится странным.

Занимая схожую с нашей позицию о необходимости соотнесения процессуального положения различных субъектов для целей определения статуса одного из них, Н.С. Юшеева, например, считает, что процессуальное положение врача отличается от статуса специалиста [2, с. 425]. В то же время И.В. Буромский отождествляет статус врача и специалиста [3, с. 66, 73, 75], не учитывая намерение законодателя разграничить эти категории участников процесса. При этом он не рассматривает роль врача в процессуальных действиях и процедурах, связанных с оценкой состояния здоровья для применения мер принуждения или определения процессуальных параметров (например, продолжительности допроса). Напротив, Н.С. Юшеева включает эти аспекты в свой анализ, что мы поддерживаем. Таким образом, статус врача может конструироваться на основе норм о его участии в осмотре трупа (ст. 178 УПК РФ), освидетельствовании (ст. 179 и 290 УПК РФ), а также в процедурах, связанных с применением мер процессуального принуждения и установлением процессуальных ограничений в зависимости от состояния здоровья (ст. 113 и 187 УПК РФ). Однако единообразного подхода к определению статуса врача в юридической науке нет, а доктринальные позиции остаются противоречивыми. Нормативное регулирование и уголовно-процессуальная наука синхронно оставляют не ясным процессуальный статус врача.

Вывод

Проведенное нами исследование выявило то, что процессуальный статус врача характеризуется нормативной и доктринальной неопределенностью. Нормы УПК РФ не содержат четкого определения правового положения врача в уголовном процессе, не предусматривая субъективных прав и юридических обязанностей данного участника. Это отличает врача от таких участников процесса, как специалист и эксперт, чьи права и обязанности детально регламентированы. Последних можно достаточно категорично отнести к группе субъектов с функцией содействия правосудию, что фиксирует их публичный интерес в деле. В отношении врача такого утверждать нельзя. Фиксируемая неясность в специальной правоспособности и дееспособности врача в уголовно-процессуальном праве не компенсируется нормами законодательства о здравоохранении. Оно определяет специальную правоспособность и дееспособность врача для медицинской (врачебной) дея-

тельности. УПК РФ такого регулирования статуса врача для уголовного процесса не предусматривает. Доктринальные подходы к определению положения врача расходятся: от отождествления его со специалистом до выделения особого статуса, требующего законодательной конкретизации. Выявление очевидных признаков уголовно-процессуального статуса врача невозможно как в действующим законодательстве, так и в современной доктрине. Для формирования предметного знания о процессуальном положении врача требуются дополнительные исследования.

Литература

1. Дорская, А.А. Кризис в праве как одна из причин революций 1917 г. / А.А. Дорская // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: юридические науки. – 2017. – № 3 (27). – С. 8–15.
2. Юшеева, Н.С. Правовые проблемы деятельности врача в уголовном судопроизводстве / Н.С. Юшеева // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 424–427. – EDN XQNOFF.
3. Буромский, И.В. Правовые аспекты участия врача в процессуальных действиях: учебное пособие / И.В. Буромский. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 96 с.
4. Зашляпин, Л.А. Правовое положение врача в осмотре трупа по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. / Л.А. Зашляпин // Legal Bulletin. – 2024. – Т. 9, № 4. – С. 48–61. – DOI 10.5281/zenodo.14638518. – EDN TAUHUI.
5. Риффель, А. В. О необходимости установления статуса врача в Российском обществе / А.В. Риффель // Фундаментальные исследования. – 2007. – № 12–2. – С. 323. – EDN KWZUNT.
6. Тихомиров, А.В. Проблемы правового положения российского врача / А.В. Тихомиров // Медицинская экспертиза и право. – 2015. – № 6. – С. 4–11. – EDN VCFRBD.
7. Сучкова, Т. Е. К вопросу о правовом статусе врача / Т.Е. Сучкова // Земский врач. – 2012. – № 6 (17). – С. 57–60. – EDN PUKZCH.
8. Аронов, А.В. Правовой статус врача в Российской Федерации / А.В. Аронов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 4. – С. 30–37. – DOI 10.24412/2073–3305–2024–4–30–37. – EDN RBBFON.

THE STATUS OF A DOCTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Chayka O.O., Zashlyapin L.A.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The study analyzes the procedural status of a physician in criminal proceedings in Russia. The results show that the legal status of a physician is characterized by normative and doctrinal uncertainty. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not clearly define the rights and responsibilities of a physician as a participant in the process, unlike such subjects as a specialist and an expert, whose status is regulated in detail and is associated with the function of assisting justice. With regard to a physician, such a public-law role is clearly not traced. Healthcare legislation regulates the special legal capacity and legal capacity of a physician exclusively in the field of medical activity, without compensating for the gaps in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of criminal-procedural status. Doctrinal approaches to the problem are ambiguous: from equating a physician with a specialist to recognizing the need to allocate a special status that requires legislative development. The current legislation and scientific theory lack obvious signs that allow one to unambiguously determine the criminal-procedural status of a physician. Further research is needed to form a holistic understanding of his/her status.

Keywords: criminal process, criminal proceedings, participants, subject, doctor, status, legal status, legal capacity, legal capacity, examination, examination.

References

1. Dorskaya, A.A. Crisis in law as one of the causes of the revolutions of 1917 / A.A. Dorskaya // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: legal sciences. – 2017. – No. 3 (27). – P. 8–15.
2. Yusheeva, N.S. Legal problems of a doctor's activities in criminal proceedings / N.S. Yusheeva // Gaps in Russian legislation. – 2018. – No. 3. – P. 424–427. – EDN XQNOFF.
3. Buromsky, I.V. Legal aspects of a doctor's participation in procedural actions: a tutorial / I.V. Buromsky. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. – 96 p.
4. Zashlyapin, L.A. Legal status of a doctor in examining a corpse under the Charter of Criminal Procedure of 1864 / L.A. Zashlyapin // Legal Bulletin. – 2024. – Vol. 9, No. 4. – P. 48–61. – DOI 10.5281/zenodo.14638518. – EDN TAUHUI.
5. Riffel, A.V. On the need to establish the status of a doctor in Russian society / A.V. Riffel // Fundamental research. – 2007. – No. 12–2. – P. 323. – EDN KWZUNT.
6. Tikhomirov, A.V. Problems of the legal status of a Russian doctor / A.V. Tikhomirov // Medical examination and law. – 2015. – No. 6. – P. 4–11. – EDN VCFRBD.
7. Suchkova, T.E. On the Legal Status of a Physician / T.E. Suchkova // Zemsky Vrach. – 2012. – No. 6 (17). – P. 57–60. – EDN PUKZCH.
8. Aronov, A.V. Legal Status of a Physician in the Russian Federation / A.V. Aronov // Education. Science. Scientific Personnel. – 2024. – No. 4. – P. 30–37. – DOI 10.24412/2073–3305–2024–4–30–37. – EDN RBBFON.

Практико-ориентированный подход к разработке частной криминалистической методики поддержания государственного обвинения по делам о присвоении или растрате с использованием своего служебного положения

Ильин Федор Ильич,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: i.ilin@mail.ru

На основе результатов исследования доктринальных источников и материалов судебной практики разработана практико-ориентированная криминалистическая частная методика поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции по уголовным делам о хищениях в форме присвоения или растраты с использованием своего служебного положения, разделы которой оснащены доктринальным обоснованием и многочисленными информационно-аналитическими ссылками на материалы судебной практики. Практико-ориентированный подход к разработке методики применялся автором в двух аспектах: с одной стороны, выводы и рекомендации методики подтверждались не только доктринальными источниками, но и результатами исследования значительного массива судебной практики, а, с другой стороны, сама методика предназначается для практического применения, в связи с чем носит научно-прикладной характер. При разработке частных криминалистических методик целесообразно придание им структурированного характера.

Ключевые слова: частная криминалистическая методика поддержания государственного обвинения, практико-ориентированный подход, присвоение или растрата.

Правовые принципы, предусматривающие осуществление уголовного судопроизводства на основании состязательности и равноправия сторон, отказ от признания суда органом уголовного преследования, разделение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела закреплены ст. 123 Конституции РФ, ст. ст. 15, 244 УПК РФ. Умелое использование государственным обвинителем достижений криминалистической науки способствует повышению эффективности реализации функции уголовного преследования в суде. Существенным криминалистическим ресурсом повышения результативности познавательно-аналитической деятельности, связанной с обоснованием и отстаиванием обвинительного тезиса, всесторонним исследованием и проверкой собранных доказательств и результатов предварительного расследования, выявлением и исправлением следственных ошибок, является использование частных криминалистических методик поддержания государственного обвинения по отдельным видам и категориям преступлений.

Присвоение или растрата составляют значительную часть преступлений, совершенных против собственности в сфере экономики. По данным МВД в январе-декабре 2024 года из 1 040 969 преступлений, совершенных против собственности, 8971 хищений осуществлено способом присвоения или растраты [12]. Повышенную общественную опасность представляют такие тяжкие деяния, как предусмотренные ч. 3 ст. 160 УК РФ присвоение или растрата, совершенные с использованием своего служебного положения.

В судебных архивах Санкт-Петербурга автором выявлены, изучены и обобщены материалы 133 уголовных дел по ч. 3 ст. 160 УК РФ, рассмотренных судами Санкт-Петербурга в 2004–2024 годах (далее – «судебная практика»). 24–26 февраля 2025 года в Санкт-Петербургском Юридическом институте (филиале) ФГКОУ УВО «Университет прокуратуры РФ» автором проведено анкетирование 79 участников образовательной программы повышения квалификации прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров специализированных прокуратур различных субъектов РФ, имеющих многолетний опыт поддержания государственного обвинения в суде (в том числе 62 слушателей – по делам о присвоении или растрате) по вопросам, связанным с поддержанием государственного обвинения по делам о присвоении

или растрате, целесообразности использования в практической деятельности частной криминалистической методики поддержания государственного обвинения (далее – «анкетирование»).

Результаты изучения автором судебной практики и доктринальных источников послужили научно-практической основой для разработки частной криминалистической методики поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции по делам о присвоении или растрате с использованием своего служебного положения (далее – «методика»). Применение практико-ориентированного подхода позволило разработать научно-практическое руководство, содержащее конкретные выводы, рекомендации и алгоритмы действий при поддержании государственного обвинения в судебном разбирательстве состязательного характера.

В правовой доктрине указывается, что судебное разбирательство в значительной мере обуславливает использование положений криминалистики [13, с. 25–27], поддерживается необходимость разработки особенностей поддержания обвинения по отдельным категориям дел [18, с. 37–39].

При разработке частной криминалистической методики автор исходил из предпосылки, что судебное разбирательство является завершающей частью двуединого процесса деятельности по расследованию преступления, направленного на раскрытие преступления, что обуславливает широкое использование криминалистических достижений в судебном разбирательстве. Разделяем при этом точку зрения И.Н. Якимова, который еще в 1925 году указывал, что криминалистика «имеет своим предметом изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и изучению физической и моральной личности преступника» [19, с. 3].

Государственный обвинитель должен обладать криминалистическими познаниями и использовать криминалистически обусловленные интеллектуально-творческие методы при осуществлении познавательно-аналитической деятельности, связанной с обоснованием и доказыванием обвинительного тезиса. Результаты исследованной судебной практики подтверждают, что в 74% дел имеет место совершение деяний незначительной правовой и фактической сложности, однако часть рассматриваемых преступлений представляет собой сложные, многоэпизодные деяния, совершенные, например, генеральным директором ФГУП [2], Открытого акционерного общества [3], председателем ТСЖ [2], главным бухгалтером учреждения [10] и др. Кроме того, несмотря на то, что крупный размер в делах о присвоении или растрате встречается в незначительной части дел, многие из совершенных деяний все же представляют определенную сложность в расследовании и доказывании, поскольку являются многоэпизодными деяниями, квалифицируются с вменением признака «с использованием своего

служебного положения», некоторые из них совершены с использованием, например, единых карт оплаты, банковских карт, сопровождались «обналичиванием» похищенных денежных средств, совершались по предварительному сговору группой лиц, с использованием кассового ключа и пароля к контрольно-кассовой машине или оформлением потребительских кредитов на основании подложных данных на неосведомленных лиц, путем внесения подложных сведений в программу «1С МультиФронт» и составления фиктивных залоговых билетов ломбарда, фальсификацией полисов страхования КАСКО, ОСАГО различных страховых компаний, с использованием систем дистанционного осуществления платежей.

Облигаторность наличия криминалистических знаний у государственного обвинителя обусловлена не только возложением на него бремени уголовного преследования в суде от имени государства, но и самой необходимостью профессиональной оценки в процессе состязательного характера таких вещественных доказательств по делам о присвоении или растрате, как, например, учетная документация; товарно-материальные ценности; электронные носители бухгалтерской, банковской, финансовой информации; системы дистанционного осуществления банковских платежей; электронная подпись и ключи доступа и коррекции; информация систем видеонаблюдения, информация о соединениях между абонентами и данные о прослушивании телефонных переговоров; объекты и доказательства, полученные в результате использования криминалистических методов почерковедения, результаты технического исследования документов, опознания по голосу, видеоизображению, экспертиз. При проведении автором анкетирования 84% опрошенных государственных обвинителей подтвердили, что на этапе подготовки к поддержанию государственного обвинения всегда проводят анализ и оценку собранных следствием доказательств.

В доктрине указывается, что доказывание – основное содержание уголовного судопроизводства, а создание возможностей для осуществления доказывания, его обеспечение – основное содержание криминалистической деятельности [14, С. 3–7]. Криминалистическая методика должна, в связи с этим иметь научно-прикладной характер, что в целом подтверждается результатами анкетирования, в ходе которого 57% государственных обвинителей согласились с необходимостью придания частной методике прежде всего прикладного характера и обоснования результатами обобщения материалов судебной практики, 20% затруднились ответить на данный вопрос и только 23% не усмотрели данной необходимости.

Полагаем при этом, что многочисленные методики расследования имеют ограниченное применение в случае их использования государственным обвинителем в судебной стадии уголовного судопроизводства, поскольку существенное отличие целей и задач следователя и государственно-

го обвинителя обуславливает значительные различия целей, содержания и структур методик. В методике расследования основное внимание сосредоточено на поисково-познавательной деятельности, в то время, как предметом методики поддержания государственного обвинения является познавательно-аналитическая деятельность, направленная на отстаивание и обоснование обвинительного тезиса, всестороннее и объективное исследование и проверку результатов предварительного расследования, собранных доказательств, представленных сторонами состязательного процесса, а также вопросы квалификации деяния и назначения наказания с учетом личности подсудимого. Эмпирическую базу исследования, необходимую для разработки судебной методики, должны составлять не только материалы предварительного расследования, но, в значительной мере, материалы судебного разбирательства.

Не можем не согласиться, что «многие методики расследования напоминают объемные научные трактаты, которые отпугивают начинающих следователей и дознавателей» [14, с. 34]. Следует отметить, что имеющиеся методики поддержания государственного обвинения носят, зачастую, недостаточно структурированный и излишне теоретический характер, снижающий их ценность для практического использования, поскольку не содержат таких конкретных криминалистических рекомендаций и алгоритмов действий, которые бы базировались на обширном фундаменте систематизированных материалов и примеров судебной практики.

В качестве одной из существенных задач разработанной методики автор считает разработку рекомендаций и алгоритмов, связанных с необходимостью заблаговременного выявления при ознакомлении с материалами дела следственных ошибок и последующим их исправлением в ходе судебного разбирательства. Основным мероприятием интеллектуально-аналитического характера по подготовке к судебному разбирательству является всестороннее изучение государственным обвинителем материалов уголовного дела, нормативных источников, специальной литературы, судебной практики, что не всегда имеет место на практике, хотя 86% проанкетированных автором государственных обвинителей считают, что при подготовке к государственному обвинению требуется заблаговременное выявление следственных ошибок.

Результаты изучения судебной практики рассмотрения уголовных дел по ч. 3 ст. 160 УК РФ подтверждают, что имеет место совершение не только следственных квалификационных ошибок, например, по ч. 3 ст. 160 УК РФ осужден бармен, совершивший присвоение 9405 рублей [7], но и касающиеся, в частности, соблюдения прав на судебную защиту, обусловившее направление дела по подсудности [5], возбуждения дела, признания доказательств недопустимыми, неполноты или односторонности расследования [1], обуславливающие отказ от обвинения (полностью или частично),

например, несовершеннолетнего иностранного работника, занимающего должность мастера [6], прекращение уголовного дела и уголовного преследования, например, в отношении кассира банка, присвоившей 7000 рублей [8], возвращение дела прокурору в связи с наличием неустранимых при рассмотрении дела препятствий, связанных с тем, что следователем при описании преступления не определяется такой обязательный элемент объективной стороны состава преступления, как место совершения преступления [11].

При изучении судебной практики в 6% дел выявлены ошибки, связанные с квалификацией действий при разграничении составов присвоения или растраты и смежных составов иных преступлений против собственности, дополнительным вменением и разграничением деяний, предусмотренных ст. 160 УК РФ, и например, ст. 158 УК РФ, 159 УК РФ, ст. 174–1 УК РФ, ст. 286 УК РФ, ст. 292 УК РФ).

Выявление ошибок усложняется тем обстоятельством, что в значительной части дел большинство обвиняемых еще в ходе предварительного расследования полностью признают вину, а судебно-следственные ситуации, связанные с активной защитой и противодействием обвинению выявлены автором по материалам судебной практики в 13,5% дел, а в 85% дел обвиняемые заявляют о полном или частичном признании вины.

В 52% дел автором выявлены ошибки, допущенные в связи с излишним вменением такого, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, квалифицирующего признака, как использование своего служебного положения, а в 6% дел выявлены обусловившие их следственные ошибки, связанные с неполнотой или односторонностью проведенного расследования, недостаточностью проверки версий, неисполнением/ненадлежащим исполнением следственных или иных процессуальных действий, необходимых для собирания доказательств.

Результаты анкетирования, проведенного автором, подтвердили, что 32% государственных обвинителей, поддерживавших обвинение по рассматриваемому деянию, сталкивались с необходимостью заявить в суде ходатайство о переквалификации вменяемого деяния со ст. 160 ч. 3 УК РФ на ст. 160 ч. 1 УК РФ, 29% подтвердили, что сталкивались с такими существенными следственными ошибками по данной категории дел, которые могли быть устранены только в случае возврата дела прокурору.

Необходимо отметить, что в ряде случаев, исправляя квалификационную ошибку, государственные обвинители просили о переквалификации действий подсудимого со ст. 160 ч. 3 УК РФ по ст. 160 ч. 1 УК РФ, с чем суд соглашался, или суд исключал квалифицирующий признак по своей инициативе. В деле о присвоении, совершенном продавцом-кассиром в ходе судебных прений государственный обвинитель исключил квалифицирующий признак и квалифицировал деяние по ч. 1 ст. 160 УК РФ [4], в деле о растрате, совершенной несовершеннолетним мастером, государствен-

ный обвинитель исправил следственную ошибку, квалифицировал действия по ч. 1 ст. 160 УК РФ, в результате чего судом вынесено постановление об освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ и прекращении уголовного дела в соответствии со ст. 25 УПК РФ [6].

Автор исходит из предпосылки, что криминалистика «по своему содержанию является преимущественно эмпирической наукой» [17, с. 21–24]. Поэтому, с нашей точки зрения, рассчитанная на практическое использование методика должна быть четко структурированной, лаконичной, содержать не только общетеоретические, но и разработанные с учетом примеров судебной практики конкретные рекомендации и предлагать алгоритмы и последовательность действий. Осознавая, что разработка теоретической проблематики, обосновывающей структуру методики, является отдельной теоретико-правовой задачей, автор посчитал целесообразным при разработке методики руководствоваться предлагаемой профессором Н.П. Кирилловой и введенной ею в научный оборот унифицированной структурой частной методики поддержания государственного обвинения по отдельным категориям дел [16, с. 47–54].

Автор включил в методику конкретные научно-практические криминалистические рекомендации и алгоритмы действий, рекомендуемые для их использования при изучении материалов дела, выявлении, оценке и систематизации типичных доказательств, а также типичных следственных ошибок и способов устранения обстоятельств, препятствующих поддержанию обвинения в уголовном процессе состязательного характера, подтвержденные значительным числом примеров судебной практики и ссылок информационно-аналитического характера, которыми оснащены соответствующие разделы методики. В соответствии со структурой методики осуществлено обобщение и систематизация типичных и конкретных способов совершения деяний, доказательств, следственных ошибок, способов их исправления, версий защиты, особенностей подготовки и участия государственного обвинителя в различных частях (стадиях) судебного разбирательства.

Разработанная судебная криминалистическая методика имеет четкую структуру и содержит не только общетеоретические, но и конкретные научно-практические выводы и рекомендации по применению криминалистических методов и тактики на различных стадиях судебного производства, алгоритмы действий государственного обвинителя, сведения о типичных способах и доказательствах совершения деяний, типичных ошибках уголовно-правового, уголовно-процессуального и криминалистического характера, допускаемых в ходе предварительного расследования, способах их выявления и исправления в судебном разбирательстве, типичных версиях защиты, особенностях подготовки и участия государственного обвинителя в подготовительной части судебного разбирательства, предварительном слушании,

судебном следствии, прениях сторон, особенно в составлении апелляционного представления. В содержании частной методики отражены тактико-криминалистические особенности обеспечения деятельности государственного обвинителя по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке принятия судебного решения (гл. 40 УПК РФ), поскольку, по материалам судебной практики 58% уголовных дел по присвоению или растрате рассматривается в особом порядке. При этом выявлены многочисленные случаи признания вины в совершении преступлений, квалифицируемых с излишним вменением признака «с использованием своего служебного положения» обвиняемыми, на которых были возложены только трудовые функции технического характера, например, продавцом-кассиром, присвоившей 2778 рублей [9].

Полагаем, что соблюдение судом и государственным обвинителем требований особого процессуального порядка предъявляет повышенные требования к познавательной-аналитической деятельности, подготовке к судебному заседанию, изучению материалов уголовного дела, поскольку снижение качества предварительной проверки и оценки государственным обвинителем совокупности доказательств, обоснованности содержания и выводов обвинительного заключения, качества предварительного расследования может повлечь за собой нарушения законности, воспрепятствовать постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора. Результаты проведенного автором анкетирования подтверждают, что 43% опрошенных государственных обвинителей считают, что применение особого порядка принятия судебного решения предъявляет повышенные требования к изучению материалов дела.

Разработанная автором частная криминалистическая методика поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции по уголовным делам о присвоении или растрате с использованием служебного положения включает в себя десять разделов, включающих криминалистические рекомендации научно-практического характера, алгоритмы действий, снабженные многочисленными информационно-аналитическими ссылками не только на доктринальные источники, но и на эмпирическую базу исследования, примеры, выявленные автором по материалам судебной практики:

Раздел I. Общая уголовно-правовая характеристика присвоения или растраты с использованием служебного положения. Краткая характеристика элементов состава преступления: объект, предмет, объективная сторона, субъект, субъективная сторона и ее обязательные признаки – прямой умысел и корыстная цель.

Раздел II. Типичные доказательства, подтверждающие типичные способы совершения деяния и наличие элементов состава преступления. Типичные и конкретные способы совершения и сокрытия деяния. Типичные и конкретные доказательства,

характеризующие предмет преступления, объективную и субъективную сторону, субъект преступления.

Раздел III. Типичные следственные ошибки уголовно-процессуального, уголовно-правового и криминалистического характера, допускаемые при формировании доказательственной базы и способы их исправления в ходе судебного разбирательства. Понятие и классификация следственных ошибок. Типичные и конкретные следственные ошибки, выразившиеся в неполноте, односторонности и необъективности исследования обстоятельств уголовного дела, существенных нарушениях уголовно-процессуального закона (в том числе, которые должны были привести к возвращению дела прокурором следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации деяния или пересоставления обвинительного заключения и устранения недостатков; которые могут привести к возвращению дела судом прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению; которые могут привести к признанию доказательств по делу недопустимыми и их исключению), в неправильном применении уголовного закона.

Раздел IV. Типичные версии защиты, типичные доказательства, представляемые стороной защиты, способы противодействия государственному обвинению, типичные судебные ситуации, складывающиеся в зависимости от позиции стороны защиты.

Раздел V. Участие государственного обвинителя в подготовке к судебному разбирательству. Изучение материалов уголовного дела, планирование деятельности по поддержанию государственного обвинения и прогнозирование судебных ситуаций.

Раздел VI. Участие государственного обвинителя в предварительном слушании. Особенности участия в зависимости от основания проведения предварительного слушания.

Раздел VII. Участие государственного обвинителя в подготовительной части судебного заседания, в том числе, при разрешении вопроса о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке.

Раздел VIII. Участие государственного обвинителя в судебном следствии. Тактика и прогнозирование судебно-следственных ситуаций. Проверка выводов предварительного следствия, криминалистическое прогнозирование судебных ситуаций, исследование доказательств, планирование тактики действий, изложение и разъяснение обвинения, определение очередности исследования доказательств, участие в судебных следственных действиях и исследовании доказательств, допросе и оглашении показаний, осмотре вещественных доказательств, исследовании и оценке заключений специалиста и эксперта

Раздел IX. Участие государственного обвинителя в прениях сторон. Особенности и тактические приемы, формы подготовки, построения и произнесения обвинительной речи в прениях сторон в су-

дебном разбирательстве состязательного характера, задачи, композиционная структура, элементы речи.

Раздел X. Подготовка апелляционного представления. Особенности и требования к составлению, содержанию, стилистике, структуре и срокам подачи.

1. На основе результатов исследования доктринальных источников и материалов судебной практики разработана предназначенная для использования государственными обвинителями структурированная практико-ориентированная криминалистическая частная методика поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции по уголовным делам о хищениях в форме присвоения или растраты с использованием своего служебного положения, соответствующие разделы которой оснащены необходимым доктринальным обоснованием и многочисленными информационно-аналитическими ссылками на материалы практики судебного рассмотрения уголовных дел указанной категории.

2. Применение практико-ориентированного подхода к разработке методики позволило разработать научно-практическое руководство, содержащее конкретные выводы, рекомендации, последовательности и алгоритмы действий при поддержании государственного обвинения в судебном разбирательстве состязательного характера, а также сведения, выявленные и систематизированные как по доктринальным источникам, так и по материалам судебной практики, информационно-аналитическими ссылками на которые оснащены соответствующие разделы методики. В методику включены сведения об уголовно-правовой характеристике рассматриваемых деяний, типичных способах их совершения и сокрытия, типичных доказательствах, ошибках уголовно-процессуального, уголовно-правового и криминалистического характера, допущенных в ходе предварительного расследования, способах их выявления и исправления в судебном разбирательстве, типичных версиях защиты, особенностях подготовки и участия государственного обвинителя в судебном разбирательстве, в том числе, проводимом в особом порядке, в предварительном слушании, подготовительной части судебного заседания, судебном следствии, прениях сторон, составлении апелляционного представления.

3. При разработке частных криминалистических методик автор считает необходимым придание им практико-ориентированного характера, который автор рассматривает в двух аспектах: 1) Разработка методики должна осуществляться, как с использованием достижений криминалистической науки и результатов теоретико-правовых исследований, так и обосновываться и подтверждаться результатами исследования и систематизации достаточно массива судебной практики по делам рассматриваемой категории. 2) Разрабатываемая методика должна предназначаться для практического ее использования при поддержании государствен-

ного обвинения, иметь четкую структуру и в значительной степени научно-прикладной характер, то есть, содержать научно-практические выводы и рекомендации, алгоритмы действий, обуславливающие возможность и целесообразность ее использования при осуществлении государственным обвинителем познавательного-аналитического деятельности в судебном разбирательстве составительского характера.

4. Структурированный характер частной методики поддержания государственного обвинения является необходимым условием ее построения, поскольку обусловлен нормативно урегулированной строгой последовательностью частей (этапов) судебного разбирательства по уголовному делу, научно-прикладным характером ее использования, который призван облегчить ее применение в качестве практического руководства по поддержанию государственного обвинения. Структура методики должна подчеркивать, как системное единство, логику, взаимосвязь, комплексный характер и цели осуществляемого в суде уголовного преследования, так и отражать самостоятельный характер конкретных задач обвинителя на каждом отдельном этапе судебного разбирательства.

5. В методике должны быть отражены тактико-криминалистические особенности деятельности государственного обвинителя по уголовным делам, рассматриваемым судом в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), поскольку значительная часть уголовных дел по присвоению или растрате рассматривается в особом порядке. Присвоение или растрата зачастую представляют собой деяния значительной правовой и фактической сложности, совершение которых сопровождается их сокрытием, фальсификацией учетной документации, в связи с чем упрощенный характер судебного разбирательства не должен приводить к снижению стандартов правосудия, являться причиной нарушения критериев законности, обоснованности и справедливости приговора.

Литература

1. Материалы уголовного дела № 1–274/2013/Архив Санкт-Петербургского городского суда
2. Материалы уголовного дела № 1–150/2018/Архив Санкт-Петербургского городского суда
3. Материалы уголовного дела № 1–7/2021/Архив Санкт-Петербургского городского суда
4. Материалы уголовного дела № 1–556/2011/Архив Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга
5. Материалы уголовного дела № 1–467/2014/Архив Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга
6. Материалы уголовного дела № 1–295/2015/Архив Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга

7. Материалы уголовного дела № 1–464/2016 / Архив Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга.
8. Материалы уголовного дела № 1–144/2018/Архив Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга
9. Материалы уголовного дела № 1–350/2018/Архив Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга
10. Материалы уголовного дела № 1–306/2022/Архив Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга
11. Материалы уголовного дела № 1–286/2015/Архив Невского районного суда города Санкт-Петербурга
12. Данные МВД РФ о состоянии преступности в РФ за январь-декабрь 2024 года Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года (xn – b1aew.xn – p1ai) – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 27.01.25)
13. Зеленский В.Д., Корчагин А.Ю. Об использовании организационных средств и методов в судебном разбирательстве уголовных дел. Российская юстиция 2016. № 11. С. 25–27
14. Исаенко В.Н. Криминалистическая подготовка прокурорских работников, участвующих в уголовном судопроизводстве. Законность. М., 2011. № 6. С. 3–7
15. Ищенко Е. П., Водянова Н.Б. Алгоритмизация следственной деятельности: монография. М., Юрлитинформ, 2010. 302с.
16. Кириллова Н.П. Структура частной методики поддержания государственного обвинения по отдельным категориям дел. СПб. Криминалист 2011 № 2(9) С. 47–54
17. Колдин В.Я. Криминалистика: вчера, сегодня, завтра // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 21–24
18. Тугутов Б.А. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения. Законность. 2012. № 1. С. 37–39
19. Якимов И.Н. Криминалистика: Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М.: ЛексЭст, 2003. 496с.

PRACTICAL-ORIENTED APPROACH TO DEVELOPING A CRIMINALISTIC PRIVATE METHODOLOGY FOR SUPPORTING THE STATE PROSECUTION IN CASES OF EMBEZZLEMENT OR MISAPPROPRIATION WITH THE USAGE OF ONE'S OFFICIAL POSITION

Ilin F.I.

St. Petersburg State University

A practical-oriented criminalistic private methodology for supporting the state prosecution in the first instance court proceedings in criminal cases of theft in the form of embezzlement or misappropriation with the usage of one's official position has been developed, based on the results of the study of doctrinal sources and judicial practice materials with its sections equipped with doctrinal justifications and numerous informational and analytical references to judicial practice materials. A practice-oriented approach to developing the methodology was applied by the author in two aspects: on the one hand, the conclusions and recommendations of the methodology were

supported not only by doctrinal sources but also by the results of a comprehensive analysis of a substantial body of judicial practice; on the other hand, the methodology itself is intended for practical application, and therefore has an applied scientific character. When developing private criminalistic methodologies, it is advisable to give them a structured character.

Keywords: Private criminalistic methodology of supporting the state prosecution, practice-oriented approach, embezzlement and misappropriation.

References

1. Criminal case materials No. 1–274/2013/Archive of the St. Petersburg City Court
2. Criminal case materials No. 1–150/2018/Archive of the St. Petersburg City Court
3. Criminal case materials No. 1–7/2021/Archive of the St. Petersburg City Court
4. Criminal case materials No. 1–556/2011/Archive of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg
5. Criminal case materials No. 1–467/2014/Archive of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg
6. Criminal case materials No. 1–295/2015/Archive of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg
7. Criminal case materials No. 1–464/2016 /Archive of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg.
8. Criminal case materials No. 1–144/2018/Archive of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg
9. Criminal case materials No. 1–350/2018/Archive of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg
10. Criminal case materials No. 1–306/2022/Archive of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg
11. Criminal case materials No. 1–286/2015/Archive of the Nevsky District Court of St. Petersburg
12. Data from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the state of crime in the Russian Federation for January–December 2024 Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2024 (xn – b1aew. xn – p1ai) – [Electronic resource]. – [Website]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (date of access: 27.01.25)
13. Zelensky V.D., Korchagin A. Yu. On the use of organizational means and methods in the trial of criminal cases. Russian Justice 2016. No. 11. Pp. 25–27
14. Isaenko V.N. Forensic training of prosecutors participating in criminal proceedings. Legality. M., 2011. No. 6. Pp. 3–7
15. Ishchenko E.P., Vodyanova N.B. Algorithmization of investigative activity: monograph. M., Yurлитinform, 2010. 302s.
16. Kirillova N.P. The structure of a private methodology for maintaining public prosecution in certain categories of cases. SPb. KriminalistЪ 2011 № 2(9) pp.47–54
17. Koldin V. Ya. Forensic science: yesterday, today, tomorrow // Russian justice. 2011. № 3. pp. 21–24
18. Tugutov B.A. Forensic aspects of maintaining public prosecution. Legality. 2012. № 1. pp. 37–39
19. Yakimov I.N. Forensic science: A guide to criminal technique and tactics. New edition, reprinted from the 1925 edition. Moscow: LexEst, 2003. 496 p.

К вопросу о доказательственном значении осмотра как мероприятия налогового контроля по делам о налоговых преступлениях

Косарева Береника Павловна,

аспирант, Кубанский государственный университет

E-mail: berenika01@yandex.ru

Под налоговым контролем в законодательстве Российской Федерации понимается деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах. Важная роль материалов мероприятий налогового контроля для возбуждения и расследования налоговых преступлений обусловлена особой законодательной регламентацией порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях. Статья посвящена доказательственному значению такого мероприятия налогового контроля как осмотр помещений и территорий. Осмотр проводится для установления обстоятельств, имеющих значение для полноты проверки. В статье рассматривается порядок проведения осмотра и основания его проведения, анализируется тенденция, намеченная в судебной практике в части признания протоколов осмотра недопустимыми по причине несоблюдения требований участия в проведении осмотра надлежащих понятий.

Автором обращается внимание на проблемные вопросы установления подлежащих доказыванию фактов нарушения законодательства о налогах и сборах ввиду ретроспективного характера проводимых мероприятий налогового контроля.

Ключевые слова: доказывание, осмотр, налоговая проверка, налоговые преступления, процессуальные действия.

Особенности выявления и расследования налоговых преступлений выражаются в специальном правовом механизме, регламентирующем возбуждение уголовных дел соответствующей направленности. Поскольку поводом для возбуждения дел о налоговых преступлениях выступают только материалы, направленные налоговым органом, особое внимание должно уделяться качеству материалов, собранных на этапе проведения мероприятий налогового контроля, для их последующей проверки и оценки на предмет допустимости, достоверности и относимости.

Под налоговым контролем в законодательстве Российской Федерации понимается деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах в предусмотренных законом формах.

К перечню мероприятий налогового контроля в числе прочих относится осмотр территорий, помещений проверяемого лица. Осмотр представляет собой выездное контрольное мероприятие, направленное на установление фактических обстоятельств, проверку информации и сведений, имеющихся у налогового органа по вопросам правильности исчисления и уплаты налогов и сборов проверяемым лицом. Несмотря на то, что протокол осмотра отражает фактические обстоятельства, существующие в момент проведения осмотра и не может быть единственным достаточным доказательством обстоятельств, существовавших в проверяемый период и имеющих значение для квалификации действий проверяемого лица в проверяемый период, проведение осмотра и его надлежащее документальное оформление, является важным элементом системы доказательств налогового правонарушения или его отсутствия.

Нормативно закреплены случаи обязательного проведения осмотра при наличии у налогового органа информации об искажениях в бухгалтерском учете (неучтенных товарно-материальных ценностях, производственных мощностях, произведенной продукции, занижения выручки и т.д.). При этом перечень не является исчерпывающим, но задает определенный вектор. Можно сделать вывод о том, что осмотр в обязательном порядке проводится налоговым органом в случае, если есть обоснованные предположения в искажении представленной налогоплательщиком информации, в результате чего возможно занижение подлежащих уплате налогов и сборов.

Несмотря на то, что на первый взгляд осмотр может проводиться только в рамках проведения мероприятий выездного контроля, законодатель-

ство не ставит перед уполномоченным органом таких ограничений, а напротив указывает на возможность проведения осмотра как при выездной, так и в определенных случаях при камеральной налоговой проверке, а также в рамках налогового мониторинга налоговой декларации по налогу на добавленную стоимость.

Осмотр производится на основании соответствующего мотивированного постановления должностного лица, утвержденного руководителем или заместителем руководителя налогового органа. Несоблюдение данных требований делает проведенный осмотр и составленный по его итогам протокол недопустимым.

Налоговые органы вправе проводить осмотр в любых используемых проверяемым лицом для извлечения дохода или связанные с содержанием иных объектов налогообложения независимо от места их нахождения производственные, складские, торговые и иные помещения и территории [1].

Осмотр в обязательном порядке производится в присутствии понятых. Согласно ст. 98 Налогового кодекса Российской Федерации в качестве понятых могут быть выступать любые не заинтересованные в исходе дела физические лица, при этом в качестве понятых не допускается участие должностных лиц налоговых органов. Поскольку все работники налогового органа, даже не будучи должностными лицами, находятся в непосредственной служебной зависимости от руководителя налогового органа, к полномочиям которого относится вынесение решения о привлечении либо об отказе в привлечении к налоговой ответственности по результатам проверки [2]. При этом законодательством не регламентировано могут ли в качестве понятых выступать работники проверяемого лица (организации или индивидуального предпринимателя).

В судебной практике отсутствует единая позиция относительно возможности привлечения работников проверяемого лица в качестве понятых. Ранее в судебной практике доминировала позиция, что работники проверяемой организации или индивидуального предпринимателя не могут участвовать в осмотре в качестве понятых. Такая позиция изложена в ряде судебных актов: постановлении ФАС Московского округа от 03.12.2010 по делу № А40–6293/10–13–36 [3], постановлении ФАС Северо-Западного округа от 13.09.2007 по делу № А05–419/2007 [4]. Такой подход уравнивает позиции проверяемого лица и проверяющих его должностных лиц при проведении осмотра, исходя из необходимости присутствия при проведении осмотра объективно беспристрастных лиц – понятых, не связанных ни с проверяемым лицом, ни с проверяющей группой должностных лиц. Такой подход представляется верным.

Однако, более свежая судебная практика свидетельствует о кардинальном изменении подхода к решению вопроса о возможности участия в качестве понятых сотрудников проверяемого лица. Теперь суды не усматривают в этом безусловных нарушений. К примеру, в постановлении Ар-

битражного суда Уральского округа от 03.12.2018 № Ф09–6893/18 суд указал, что буквальное толкование нормы п. 3 ст. 98 НК РФ подразумевает возможность привлечения в качестве понятых любых физических лиц, не заинтересованных в исходе дела, за исключением должностных лиц налогового органа. При отсутствии прямого запрета на участие должностных лиц налогоплательщика в проведении проверочного мероприятия, фактически необоснованное недоверие заявителя к ним само по себе не может служить основанием для признания результатов такого мероприятия недействительными [5]. Поскольку Налоговым кодексом Российской Федерации не предусмотрены критерии определения степени такой заинтересованности лиц, данный вопрос решается судом с учетом конкретных обстоятельств дела [6]. При отсутствии прямого запрета на участие должностных лиц налогоплательщика в проведении проверочного мероприятия, основания для признания результатов такого мероприятия недействительными, отсутствуют [7].

В настоящее время привлечение работников проверяемого лица к участию в проведении осмотра не является безусловным основанием для признания составленного по итогам проведения осмотра протокола недопустимым доказательством. В то же время привлечение в качестве понятых должностного лица налогового органа делает составленный по итогам осмотра протокол недопустимым доказательством, поскольку запрет на участие таких лиц в качестве понятых прямо предусмотрен Налоговым кодексом Российской Федерации. Представляется, что оценка степени заинтересованности работника проверяемого лица зависит от занимаемой им должности и служебных обязанностей, содержащихся в должностной инструкции и трудовом договоре. Безусловно наиболее предпочтительно привлекать в качестве понятых лиц, не связанных трудовыми отношениями с проверяемым лицом. Именно привлечение в качестве понятых абсолютно посторонних лиц сводит к нулю вероятность признания составленного протокола осмотра недопустимым доказательством по формальному основанию – несоблюдению требований закона о проведении осмотра в присутствии понятых.

В проведении осмотра вправе участвовать проверяемое лицо либо его представитель, однако их отсутствие не влечет признание составленного протокола недопустимым доказательством при условии соблюдения законодательно регламентированной процедуры проведения осмотра.

К проведению осмотра при необходимости могут привлекаться специалисты. Участие в осмотре отраслевых специалистов может быть целесообразно и полезно, например, в случае обследования помещений производственных цехов для определения фактического производственного цикла деятельности проверяемого лица. Должностные лица налоговых органов в ходе проведения мероприятий контроля анализируют хозяйственную де-

тельность и для проверки обоснованности проведенных налогоплательщиком операций привлечение профильных специалистов соответствующей отрасли хозяйственной деятельности позволяет наиболее компетентно провести контрольные мероприятия.

В ходе осмотра при необходимости производятся фотофиксация или видеозапись. Использование технических средств и фиксация хода проведения осмотра является также важным аспектом, позволяющим подтвердить факт соблюдения при проведении осмотра установленной законом процедуры либо напротив подтвердить факт допущенных нарушений.

Проблемным аспектом использования в доказывании налоговых правонарушений и преступлений результатов проведенного осмотра территорий и помещений проверяемого лица является ретроспективность мероприятий налогового контроля. Осмотр территории и помещений позволяет зафиксировать обстановку непосредственно в момент проведения осмотра. Однако контрольные мероприятия проводятся налоговыми органами в отношении завершенных налоговых периодов, как правило за три года. Поэтому протокол осмотра территорий и помещений может выступать косвенным доказательством допущенных нарушений либо напротив соблюдения законодательства, при условии что деятельность налогоплательщика в проверяемый период и в момент осмотра была идентична.

Осмотр может выступать в качестве вспомогательного мероприятия контроля, которое само не позволяет установить достоверно обстоятельства проверяемого периода, но дает возможность сделать обоснованные предположения о необходимых дополнительных мероприятиях, а также о возможном характере и обстоятельствах деятельности налогоплательщика в проверяемый период. Доказательственное значение осмотра обуславливается фактическим исследованием деятельности налогоплательщика и зависит от соблюдения законодательно установленных требований к проведению осмотра и составлению соответствующего протокола. В случае нарушения уполномоченными должностными лицами обязательных требований к проведению и фиксации результатов осмотра, протокол осмотра становится недопустимым и утрачивает прямое доказательственное значение.

Однако нельзя утверждать, что в этом случае результаты осмотра становятся бесполезными. Информационное значение проведенного мероприятия сохраняется даже в условиях невозможности использования его в качестве доказательства. Как было отмечено выше, результаты осмотра могут стать импульсом для проведения иных мероприятий. Протокол осмотра не имеет самостоятельного значения в отрыве от всей системы доказательств, основанной на результатах проведения комплексных контрольных мероприятий.

Ценность и значимость результатов производственного осмотра зависит от степени подготовленности данного контрольного мероприятия, в первую очередь с точки зрения соблюдения всех необходимых процедур от вынесения постановления о проведении осмотра до составления по итогам его проведения соответствующего протокола.

Литература

1. Письмо Федеральной налоговой службы от 17.07.2013 № АС-4–2/12837@ «О рекомендациях по проведению мероприятий налогового контроля, связанных с налоговыми проверками» // СПС Гарант (дата обращения 23.04.2025).
2. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.02.2010 по делу № А75–6187/2009 // СПС Гарант (дата обращения 26.04.2025).
3. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 03.12.2010 № КА-А40/15062–10 по делу № А40–6293/10–13–36 // СПС Гарант (дата обращения 26.04.2025).
4. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.09.2007 по делу № А05–419/2007 // СПС Гарант (дата обращения 26.04.2025).
5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.12.2018 № Ф09–6893/18 по делу № А60–4234/2018 // СПС Гарант (дата обращения 26.04.2025).
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2019 № 309-ЭС19–2530 по делу № А60–4234/2018 // СПС Гарант (дата обращения 26.04.2025).
7. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.12.2021 № 15АП-21031/21 по делу № А53–21406/2021 // СПС Гарант (дата обращения 26.04.2025).

ON THE EVIDENTIARY VALUE OF INSPECTION AS A MEASURE OF TAX CONTROL IN CASES OF TAX CRIMES

Kosareva B.P.
Kuban State University

Tax control in the legislation of the Russian Federation means the activity of authorized bodies to control compliance with the legislation on taxes and fees. The important role of materials of tax control measures for initiation and investigation of tax crimes is due to the special legislative regulation of the procedure for initiation of criminal cases on tax crimes. The article is devoted to the evidentiary value of such a measure of tax control as inspection of premises and territories. Inspection is carried out to establish the circumstances relevant to the completeness of the audit. The article considers the order of inspection and the grounds for its conduct, analyzes the trend in judicial practice in terms of recognition of inspection protocols inadmissible due to non-compliance with the requirements of participation in the inspection of proper witnesses. The author draws attention to the problematic issues of establishing the facts of violation of legislation on taxes and fees subject to proof due to the retrospective nature of tax control measures.

Keywords: evidence, inspection, tax audit, tax offences, procedural actions.

References

1. Letter of the Federal Tax Service 17.07.2013 № AS-4-2/12837@ "On Recommendations on the Conduct of Tax Control Measures Related to Tax Audits" // SPS Garant (accessed 23.04.2025).
2. Resolution of the Federal Arbitration Court of the West Siberian District 09.02.2009 in case № A75-6187/2009 // SPS Garant (accessed 26.04.2025).
3. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District 03.12.2010 № KA-A40/15062-10 in case № A40-6293/10-13-36 // SPS Garant (accessed 26.04.2025).
4. Resolution of the Federal Arbitration Court of the North-West District of 13.09.2007 in case № A05-419/2007 // SPS Garant (accessed 26.04.2025).
5. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District 03.12.2018 № F09-6893/18 in case № A60-4234/2018 // SPS Garant (accessed 26.04.2025).
6. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation 29.03.2019 № 309-ES19-2530 in case № A60-4234/2018 // SPS Garant (accessed 26.04.2025).
7. Ruling of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal 19.12.2021 № 15AP-21031/21 in case № A53-21406/2021 // SPS Garant (accessed 26.04.2025).

Доказывание, квалификация и назначение наказания при совершении убийства из корыстных побуждений

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургский университет МВД России; судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы доказывания, квалификации и обоснованности назначения наказания при совершении преступления, предусмотренного ст. 105 ч. 2 п. «з» УК РФ – «Убийство из корыстных побуждений». По мнению автора, квалификация этого преступления по совокупности с кражей или с разбоем во всех случаях отнюдь не обязательна и зависит от доказанности умысла на совершение соответствующего преступления и определенной последовательности действий виновного. Автоматическое вменение при корыстном убийстве также кражи или разбоя может повлечь существенную судебную ошибку с нарушением прав обвиняемого. В статье автор отмечает, что один лишь умысел на совершение преступления ненаказуем, в то время как при подобном убийстве именно доказательства наличия определенного умысла являются основой для правильной квалификации по указанной статье, поскольку сам факт умышленного причинения смерти потерпевшему отнюдь не свидетельствует о том, что мотив преступления был именно корыстным. По мнению автора, квалификация преступления по совокупности с кражей будет обоснованной в случае, когда заведомый умысел на убийство с целью завладения имуществом неочевиден, а хищение совершено уже после причинения смерти. Совокупность убийства из корыстных побуждений с разбоем верна лишь в том случае, если убийство было совершено в ходе первоначально начатого разбойного нападения. В статье автор приводит примеры соответствующих приговоров судов с их подробным анализом, а также ссылается на научные работы в данной области.

Ключевые слова: Квалификация преступлений, уголовная ответственность, убийство из корыстных побуждений, кража, разбой, умысел на причинение смерти, судебная ошибка, нарушение прав обвиняемого.

Среди различных видов квалифицированных убийств в практической деятельности следственных и судебных органов достаточно часто встречается такой вид, как предусмотренное пунктом «з» части 2 ст. 105 УК РФ убийство из корыстных побуждений. Понятие корысти при убийстве охватывает материальную выгоду в самом широком понимании этого слова, [1] однако, по нашему мнению, особый интерес представляет умысел на завладение путем убийства определенным имуществом. Без преувеличения можно утверждать, что во всех случаях доказывание и квалификация данного преступления или же совокупности преступлений вызывают существенные проблемы.

Как известно, один лишь умысел на совершение преступления ненаказуем. При подобном же убийстве именно доказательства наличия определенного умысла являются основой для правильной квалификации по указанной статье. Действительно, сам факт умышленного причинения смерти потерпевшему отнюдь не свидетельствует о том, что мотив преступления был именно корыстным. Напротив, факт умышленного причинения смерти указывает только лишь на умысел на причинение смерти. Корыстный мотив подлежит доказыванию отдельно. Версия защиты виновного в подобных случаях всегда проста и сводится к тому, что убийство совершено на почве личной неприязни. Конечно, санкция так называемого «простого» убийства, то есть предусмотренного частью 1 ст. 105 УК РФ убийства на почве личной неприязни, в отличие от санкции, предусмотренной частью 2 ст. 105 УК РФ, является гораздо более мягкой. Указанное же квалифицированное убийство допускает наказание вплоть до пожизненного лишения свободы.

Даже в тех случаях, когда имеются основания предполагать, что та или иная материальная заинтересованность имела место, виновный всегда может заявить, что она появилась позже, уже после совершения преступления, а, непосредственно совершая деликт, он ничем подобным не руководствовался и убил потерпевшего в ходе конфликта, вследствие зависти, ревности, соперничества и т.д. В таких случаях следственные органы попадают в достаточно затруднительное положение, когда мотив деяния понятен, но труднодоказуем.

Одним из возможных выходов в таких случаях является уход от корыстного мотива при убийстве с дополнительной квалификацией деяния как кражи.

Например, Мурманским городским судом вынесен приговор уроженцу Архангельской области, обвиняемому в убийстве двух лиц и краже. [2] Уста-

новлено, что в ноябре 2022 года подсудимый решил убить хозяев квартиры, в которой распивал спиртное. Он напал на спавших к тому моменту хозяев – мужчину и женщину, нанеся им множественные удары в шею и голову ножом и отверткой. От полученных телесных повреждений потерпевшие скончались на месте.

После этого виновный похитил из квартиры имущество стоимостью 10 000 рублей и скрылся. Вскоре он вернулся в ту же квартиру со своим знакомым, они похитили имущество еще на 2 000 рублей.

Суд признал уроженца Архангельской области виновным по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ («Убийство двух лиц»), ч. 1 ст. 158 УК РФ («Кража») и п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ («Кража группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище»). Наказание виновному назначено в виде 20 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии особого режима.

Второй фигурант также признан виновным по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ч. 2 ст. 316 УК РФ («Заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления»).

Здесь квалификация деяния как убийства двух лиц очевидна, обоснованна и не вызывает сомнений. Наличие же корыстного мотива, напротив, определенные сомнения вызывает, поскольку обвиняемый вину не признал, а иные доказательства подобного мотива отсутствуют.

Поэтому здесь следственный орган, идя по очевидному пути, в части хищения квалифицирует деяния как кражи, поскольку для погибших хищение их имущества, безусловно, является тайным, а доказательства хищений в деле имеются.

То есть в случае, когда заведомый умысел на убийство с целью завладения имуществом не очевиден, а хищение совершено уже после причинения смерти, то обоснованна квалификация деяния по совокупности преступлений по ст. 105 ч. 1 УК РФ как «простое» убийство (при отсутствии иных квалифицирующих признаков) и по ст. 158 УК РФ как кража.

По мнению Л.А. Андреевой, убийство из корыстных побуждений может быть квалифицировано по совокупности с кражей в случаях, когда: 1) убийца лишает жизни потерпевшего с целью завладения его имуществом, но не сразу после убийства, а с определенным разрывом во времени. При этом для завладения имуществом требуется совершить дополнительные преступные действия, например, тайно проникнуть в квартиру убитого; 2) завладение имуществом осуществляется убийцей сразу же после убийства, но причинение смерти не преследовало этой цели, например, убийство совершено с целью завладения квартирой, но затем преступник завладевает и ценностями убитого. [3]

Соглашаясь с Л.А. Андреевой, в то же время хочется отметить, что совершение дополнительных действий для квалификации по совокупности отнюдь не обязательно. Кто мешает виновному, на-

ходящемуся в жилище убитого, похитить его имущество тут же, спустя небольшой промежуток времени – полчаса или час? Понятие разрыва по времени очень неопределенно и может составлять от нескольких минут до многих суток. Кроме того, полагаем, что, при доказанном умысле на завладение определенным имуществом, не имеет значения, завладел ли виновный этим имуществом сразу или спустя определенное время. Даже если фактически он завладел имуществом спустя длительное время, то дополнительной квалификации по ст. 158 УК РФ не требуется.

Иной распространенной формой квалификации по совокупности с корыстным убийством является разбой. Следует отметить, что квалификация деяния как корыстного убийства и разбоя, по нашему мнению, достаточно противоречива. При наличии заведомого умысла на убийство из корыстных побуждений дополнительная квалификация деяния как нападения с целью хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, может нарушить один из основных принципов уголовного закона – принцип справедливости. Согласно этому принципу, никто не может быть осужден дважды за одно и то же. Фактически же виновный в этом случае осуждается за один и тот же корыстный умысел и при убийстве и при разбое.

Так, Московский областной суд вынес приговор в отношении Ш. [4] Он признан виновным по п.п. «д, з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство с особой жестокостью, из корыстных побуждений, сопряженное с разбоем, п.п. «б, в» ч. 4 ст. 162 УК РФ (разбой), ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ (покушение на мошенничество). При этом Ш. назначено наказание в виде 20 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Ш. договорился с ранее знакомым водителем автомобиля марки «Мерседес-Бенц S 450 4 MAT-IC Майбах» об оказании ему услуг частного извоза на этом автомобиле. Чтобы убить водителя, Ш. подготовил нож.

Вечером Ш. в безлюдном месте напал на водителя и нанес ему множественные удары ножом, от которых потерпевший скончался.

Затем Ш. выкинул тело из автомобиля и уехал с места преступления на автомобиле стоимостью более 4,1 миллиона рублей. В дальнейшем он пытался продать похищенный автомобиль.

По общему правилу, если в ходе разбойного нападения потерпевшему была причинена смерть, то действия виновного квалифицируются, по совокупности с разбоем, по ст. 105 ч. 2 п. «з» УК РФ.

Однако в данном случае ситуация обратная, преступления совершены в иной последовательности. Виновный сразу планировал причинить потерпевшему смерть с целью завладения его автомобилем, то есть изначально совершил не разбойное нападение, а именно корыстное убийство. И корыстное убийство, и разбой предполагают наличие еще до совершения преступления умысла на завладение имуществом – одним и тем же ав-

томобилем. Таким образом, здесь виновный осуждается и за то, что с прямым умыслом убил потерпевшего, напав на него и завладев автомобилем, и за то, что напал на потерпевшего с применением насилия, опасного для жизни, причинив тяжкий вред здоровью и завладев при этом его автомобилем. Нетрудно заметить, что одни и те же действия вменяются виновному дважды.

Поэтому, по нашему мнению, при корыстном убийстве, если доказано наличие умысла именно на причинение смерти с целью завладения имуществом, то квалификация таких действий еще и как разбоя будет излишней. С учетом того, что оба преступления являются особо тяжкими, то подобное необоснованное вменение может повлечь назначение несправедливого наказания в виде лишения свободы на длительный срок. Обоснованной совокупность данных преступлений является лишь в том случае, если потерпевший был убит именно в ходе первоначально имевшего место разбойного нападения.

Убийство из корыстных побуждений, подсудное суду региона, безусловно, обладает повышенной общественной опасностью, является особо тяжким преступлением и, вследствие этого, требует особой тщательности при предварительном расследовании и судебном рассмотрении. Квалификация его по совокупности с кражей или с разбоем во всех случаях отнюдь не обязательна и зависит от доказанности умысла на совершение соответствующего преступления и определенной последовательности действий виновного. Автоматическое вменение при корыстном убийстве также кражи или разбоя может повлечь существенную судебную ошибку с нарушением прав обвиняемого.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 976 с. С. 298.
2. Электронный ресурс «Известия» URL: <https://iz.ru/1635251/2024-01-16/sud-v-murmanske-vynes-prigovor-po-delu-o-dvoinom-ubiistve-i-krazhe> (дата обращения 15.04.2025 г.)
3. Л.А. Андреева «Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах».

Учебное пособие. Изд. Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 1998. 56 с. С. 27.

4. Официальный сайт прокуратуры г. Москвы URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=98081186 (дата обращения 15.04.2025 г.)

PROVING, QUALIFYING, AND PUNISHING THE COMMISSION OF A MURDER FOR PROFIT

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of proving, qualifying and justifying the imposition of punishment for the commission of a crime under Article 105, Part 2, paragraph “h” of the Criminal Code of the Russian Federation – “Murder for selfish motives.” According to the author, the qualification of this crime in conjunction with theft or robbery in all cases is by no means mandatory and depends on the evidence of intent to commit the relevant crime and a certain sequence of actions of the perpetrator. The automatic imputation of theft or robbery in the case of a mercenary murder may entail a significant miscarriage of justice in violation of the rights of the accused. In the article, the author notes that the intent to commit a crime alone is not punishable, while in such a murder, it is the evidence of a certain intent that forms the basis for proper qualification under this article, since the very fact of intentionally causing death to the victim does not at all indicate that the motive for the crime was precisely self-serving. According to the author, the qualification of a crime in conjunction with theft will be justified in the case when the deliberate intent to kill for the purpose of seizing property is not obvious, and the theft was committed after causing death. The combination of murder for selfish motives with robbery is true only if the murder was committed during the initial robbery. In the article, the author gives examples of relevant court verdicts with their detailed analysis, and also refers to scientific work in this field.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, murder for mercenary motives, theft, robbery, intent to cause death, miscarriage of justice, violation of the rights of the accused.

References

1. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / under the general editorship of V.M. Lebedev. – 5th ed., revised and add. – M.: Norma, 2007. – 976 p.p. 298.
2. Electronic resource “Izvestia” URL: <https://iz.ru/1635251/2024-01-16/sud-v-murmanske-vynes-prigovor-po-delu-o-dvoinom-ubiistve-i-krazhe> (date of application 04/15/2025)
3. L.A. Andreeva “Qualification of murders committed under aggravating circumstances”. Textbook. Publishing house of the St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation. 1998. 56 p.p. 27.
4. The official website of the Moscow Prosecutor’s Office URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=98081186 (accessed 04/15/2025)

Общая характеристика мер, направленных на предупреждение рецидивной преступности

Мирошниченко Надежда Викторовна,

доктор юридических наук, доцент, Профессор кафедры экономической теории и правового регулирования экономики Ставропольского государственного аграрного университета
E-mail: n01071978@mail.ru

Рябова Лилия Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: liliya.ryabova.63@mail.ru

Савченко Оксана Николаевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского федерального университета
E-mail: Saw4encko.xenia@yandex.ru

Аветикова Татьяна Давидовна,

аспирант кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета
E-mail: avetikovatatana@gmail.ru

С объективной стороны содержание противодействия рецидивной преступности выражается в совокупности различных мер политического, правового, социального, криминологического, экономического, медицинского, психолого-педагогического, духовно-нравственного, организационно-административного характера, основная цель которых оказывать сдерживающие, а в лучшем случае и устраняющее воздействие на все элементы рецидивной преступности как негативного социального феномена. Авторы статьи, проанализировав деятельность органов власти различных уровней – федерального, регионального и местного – приходят к выводу, что меры, применяемые к рецидивной преступности только в том случае будет эффективными, когда они не противоречат друг другу и оказывают влияние на все стороны жизни преступника-рецидивиста. Однако какие бы меры противодействия рецидивной преступности в дальнейшем не появились нужно постоянно помнить о том, что в отношении преступника-рецидивиста также должны соблюдаться принадлежащие им базовые права и свободы. В противном случае рецидивист как живая личность исчезнет, придавленный массивом огромного социального и государственного организма, что может крайним негативным образом сказаться на его дальнейшем поведении и отношении как к государству, так и к обществу в целом

Ключевые слова: преступник, рецидивист, предупреждение преступлений, пробация, причины преступности, профилактика, общественная опасность, личность преступника, административный надзор, наказание, судимость.

Одним из самых ключевых элементов в противодействии рецидивной преступности является деятельность государственных органов и общественных организаций и объединений, которая раскрывается в своем содержании.

Необходимо отметить, что ведущее место в противодействии рецидивной преступности занимают политические и правовые методы, поскольку именно они выступают тем базисом, той основой на которой зиждутся все остальные меры по противодействию рецидивной преступности. Особенно важны политические меры, поскольку именно они создают предпосылки для действия правовых и иных мер противодействия преступности. Под политическими мерами, используемыми против рецидивной преступности, понимаются все решения, которые принимаются органами государственной и муниципальной власти для противодействия данному виду преступности.

Уголовно-правовые методы противодействия рецидивной преступности достаточно скудны. Во-первых, они в основном направлены только на предупреждение рецидивной преступности. Во-вторых, они ограничиваются статьей 18 и 68 УК РФ, в которых рассматриваются вопросы, связанные с понятием, видами и значением рецидива преступления, и назначением наказания за его совершение. Некоторую положительную роль, надо отметить, имеет учет в статье 58 УК РФ при выборе места исправительного учреждения, в которых будет отбывать осужденный лишение свободы, вида рецидива преступлений. Однако этого всего явно недостаточно для того, чтобы уголовно-правовые меры противодействия рецидивной преступности заработали в полную мощность. Тысячу раз правы те, ученые, которые предлагают индивидуализировать назначение наказания в зависимости от вида рецидива преступлений, как это было до реформ 2003 года в УК РФ. При этом А.А. Джагрунов соглашаясь с тем, что наказание за рецидив преступлений должно быть более формализовано в соответствии с видом рецидивом преступлений, все же признает, что те минимальные пределы, назначения наказания за тот или иной вид рецидива преступлений, которые существовали в ранее действующей редакции УК РФ были явно чрезмерными. Он, в частности предлагает, что за простой рецидив преступлений минимальный размер наказания должен быть не менее одной третьей от максимального размера самого строгого вида наказания, установленного за вновь совершенное преступление, за опасный рецидив преступлений не менее половины от максимального размера

самого строгого вида наказания, установленно-го за вновь совершенное преступление, а за осо-бо опасный рецидив преступлений не менее двух третей от максимального размера самого строгого вида наказания, установленного за вновь совер-шенное преступление. [3, С. 76]

Уголовно-правовые меры по противодействию рецидивной преступности, конечно, не исчерпыва-ют всего арсенала правовых мер, направленных на борьбу с указанным видом преступности. Боль-шинство этих мер вполне справедливо направлены в качестве основной их мишени на главный эле-мент рецидивной преступности, а именно на лич-ность преступника-рецидивиста. В этой связи хо-чется обратить внимание на сравнительно недавно принятый Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10 «О пробации в Российской Федерации». Ос-новополагающим термином, как следует из назва-ния выше указанного федерального закона явля-ется пробация. Определение понятия пробации, как это вытекает из части первой статьи 5 Феде-рального закона от 6 февраля 2023 г. № 10 состоит из трех элементов:

1) во-первых, круга лиц, в отношении кото-рых применяется пробация к которым относится: а) осужденные; б) лица, в отношении которых при-няты иные меры уголовно-правового характера; в) лица, которые освободились из мест лишения свободы и мест отбывания принудительных работ;

2) пробация применяется только тогда, когда указанные выше лица оказались в тяжелой жиз-ненной ситуации;

3) пробация заключается в совокупности мер (природа и характер которых не раскрываются в виду их многообразия) направленных на ресоци-ализацию, социальную адаптацию, социальную ре-абилитацию и защиту прав и законных интересов подлежащих пробации лиц.

Если нормы о пробации заработают на практи-ке, то это будет первым государственным и пра-вовым институтом, который направлен на вклю-чение лиц, находящихся более или менее дли-тельное время в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы обратно в социум в каче-стве его полноценных членов.

Из буквального толкования легальной дефини-ции пробации очевидно, что она направлена в пер-вую очередь на претворение в жизнь социальных мер противодействия рецидивной преступности. Под ними следует понимать любые меры, которые направлены на налаживание нормальных право-мерных отношений с составляющими общество субъектами. Рецидивист должен понять, что не-смотря на свое ужасное прошлое у него есть шанс изменится и стать в глазах общества другим чело-веком, не имеющим прямой ассоциации с крими-нальным миром.

Социальные меры противодействия рецидив-ной преступности не следует смешивать, как это сделал Г. Агамов, с экономическими мерами. Он, в частности, отнес к социальным мерам оказание помощи при трудоустройстве на работу, поиск по-

стоянного или временного места для проживания и т.д. [1, С. 45] Конечно, никто не будет отрицать глубокую взаимосвязь между социальными и эко-номическими мерами противодействия рецидив-ной преступности. Любой человек гораздо уверен-нее себя чувствует в обществе, когда у него есть жилье, работа, право на определенные социаль-ные выплаты, или хотя бы наличие возможности их получить в будущем. Важно также и мнение самого преступника-рецидивиста по поводу предоставле-ния ему важнейших социальных и экономических благ.

Одной из самых важных социальных мер, на-правленных против рецидивной преступности, яв-ляется создание рецидивистом семьи или возвра-щение давно уже утраченных семейных уз. Осо-бенно действенными такие меры станут в случае рождения в семье рецидивиста детей, за которых у него может возникнуть дополнительное чувство ответственности.

Применение медицинских мер в отношении преступников-рецидивистов предполагает ком-плекс мероприятий, которые направлены на улуч-шение общего состояния здоровья и в особенности на то, чтобы помочь ему избавиться от различных зависимостей: алкогольной, наркотической, пси-хотропной. В последнее время особенно в среде достаточно молодых преступников-рецидивистов развивается игромания, которая заключается в безудержном пристрастии к азартным компью-терным играм. Наличие любого вида зависимости очень сильно разрушает нейромедиаторную систе-му человека (имеется в виду здесь прежде всего такие нейромедиаторы как серотонин, дофамин, и норадреналин), которая ответственна за хоро-шее настроение, улучшение самочувствия, ослаб-ления разрушительной силы аффектов, возмож-ность рационально мыслить, спокойное состояние духа, умение концентрироваться и обучаться, быть более решительным человеком и т.д.

При применении медицинских мер по оздоров-лению преступника-рецидивиста необходимо при-нимать во внимание следующие обстоятельства:

1) при каких обстоятельствах лицо стало зави-симым от наркотиков, алкоголя, участия в азарт-ных играх;

2) в какой мере лицо стало зависимым, то есть способно ли оно осознавать свои действия и руко-водить ими;

3) материальное положение преступника-рецидивиста, которое включает возможность опла-чивать проведенные с ним медицинские процеду-ры;

4) длительность зависимости, то есть тот пери-од времени, в течении которого лицо злоупотре-бляло наркотиками, алкоголем, психотропными ве-ществами и т.д.;

5) наличие у лица мотивов и желания, которое направляет все его физические и умственные уси-лия на выздоровление;

6) наличие у преступника-рецидивиста психи-атрического заболевания, которое необходимо

вылечить либо симптомы которого нужно в значительной мере ослабить.

Криминологические меры противодействия рецидивной преступности позволяют оценивать данный вид преступности как целостное социальное явление со своими закономерностями развития, детерминационной основой, влиянием на важнейшие общественные процессы и отношения. В качестве выработки основ криминологических мер предупреждения рецидивной преступности выступает сбор различных статистических и функциональных данных о состоянии, структуре и динамике рецидивной преступности, её различных социальных моделях и географическом распределении по территории Российской Федерации.

Важное значение в механизме противодействия рецидивной преступности имеют психолого-педагогические меры. Несмотря на то, что в настоящее время в России можно отметить настоящий психологический бум, то есть повальное увлечение обществом психологической литературой, мало кто, по-настоящему понимает силу психологических и педагогических методов, которые при постоянном их осуществлении способны значительно изменить личность преступника-рецидивиста. Важно отметить, что сама возможность психолого-педагогических методов воздействовать на сознание человека и его психику основана на нейропластичности мозга, который может и во взрослом возрасте образовывать новые нервные клетки, а также объединять свои клетки синоптическими связями. [6, С. 251]

При применении психолого-педагогических мер и при оценки их эффективности следует принимать во внимание:

- 1) возраст преступника-рецидивиста;
- 2) наличие у лица психических отклонений, комплексов или травм, которые способствуют совершению преступлений;
- 3) длительность применения психолого-педагогических мер;
- 4) степень устойчивости у рецидивиста преступных мотивов;
- 5) добровольное согласие рецидивиста на применение в отношении него психолого-педагогических методов;
- 6) его готовность воспринимать результаты примененных психолого-педагогических мер;
- 7) дифференциацию психолого-педагогических мер на основе учета психического состояния преступника -рецидивиста;
- 8) индивидуальные физиологические и психологические особенности преступника-рецидивиста;
- 9) психологическое отношение преступника-рецидивиста к тем лицам, которые осуществляют в отношении него психолого-педагогические меры;
- 10) возможность приспособления конкретной психолого-педагогической меры к особенностям личности преступника-рецидивиста.

Психолого-педагогические меры противодействия рецидивной преступности очень хорошо дополняются духовно-нравственными мерами, кото-

рые направлены на глубокую перестройку сознания преступника-рецидивиста.

По мнению А.И. Чучаева, исправление преступника не может выступать одним из средств в достижении цели специальной превенции, так как само по себе исправление преступника уже является наиболее возможной высокой целью наказания. [5, С. 63] Наиболее важным моментом в исправлении рецидивиста становится то, что оно уже необратимо и лицо, которое смогло исправиться никогда уже не станет на преступный путь. В тех же случаях, когда рецидивист только заявляет о своем исправлении и даже сам в него в определенном смысле верит, то есть в случае частичного, неполного или поверхностного исправления откаты назад в криминальное прошлое становятся неизбежными.

Духовно-нравственные меры гораздо лучше действуют на тех рецидивистов, которые несмотря на свою мрачную жизнь смогли сохранить веру в Бога, под каким бы конкретно именем они его не знали (Иисус Христос, Аллах, Яхве, Кришна и т.д.). И большим подспорьем в изменении личности рецидивиста стало бы предоставление ему возможности даже в местах лишения свободы посещать богослужения и другие религиозные мероприятия на которых он смог бы в полной мере удовлетворить свои теистические чувства.

Поскольку человечество еще не научилось заглядывать в мозг отдельного человека и определять, о чем он думает и в каком психическом состоянии находится, исправившийся рецидивист должен своей каждодневной жизнью доказывать, что к прежней криминальной жизни он не вернется. Одной из самых знаменитых цитат В.И. Ленина была «доверяй, но проверяй». Российское государство строго следует этому принципу устанавливая административный надзор в отношении различных категорий граждан, которые в силу своих предыдущих деяний чувство доверия не вызывают. Основные положения такого надзора установлены в Федеральном законе от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Из самого названия данного федерального закона, очевидно, что он распространяется не на всех лиц, отбывших наказание, а только на тех лиц, которые освободились из мест лишения свободы. При этом даже не в отношении всех лиц, освободившихся из мест лишения свободы, устанавливается административный надзор.

Сама суть административного надзора состоит в наблюдении за определёнными категориями лиц, перечисленных в статье 4 Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ, за соблюдением ими установленными в их отношении временными ограничениями прав и свобод, а также за выполнение ими своих обязанностей. Современные технические средства позволяют легко находить не только местоположение лица, за которым установлен административный надзор, но и определять, чем он конкретно занимается. Однако в таком случае разница между административным надзором и та-

ким видом уголовного наказания как ограничение свободы будет в значительной степени стерта. Поэтому для административного надзора постоянный контроль за поведением поднадзорного лица не допустим. Он может устанавливаться лишь в том случае, если в отношении поднадзорного лица уже были установлены факты его нарушения административных ограничений и есть реальные основания опасаться того, что поднадзорное лицо в дальнейшем не просто нарушит административные ограничения, но и сможет совершить новое преступление, независимо от его характера и степени общественной опасности.

Раскрывая систему мер, направленных на противодействие рецидивной преступности необходимо отметить наличие в ней трех уровней:

- 1) федерального (уровня РФ);
- 2) регионального (уровня федерального округа РФ);
- 3) краевого, областного и республиканского уровня (уровня субъекта РФ).

В целом можно отметить, что меры, предпринимаемые для борьбы с рецидивной преступностью на уровне Северо-Кавказского федерального округа (далее СКФО) и уровне Ставропольского края дополняют, конкретизируют и индивидуализируют федеральные меры соответствующей направленности. Основная проблема реализации мер противодействия рецидивной преступности в СКФО и Ставропольском крае заключается в их недостаточном финансировании и наличии большого количества бюрократических процедур, которые не только замедляют их применение, но иногда и превращают их в пустые, ничем не подкрепленные политические лозунги и заявления.

В числе мер, которые все-таки нашли достойное применение в СКФО и Ставропольском крае можно отметить следующие: налаживание работы телефона доверия; оказание адресной материальной помощи рецидивистам, которые находятся на свободе и которые в силу здоровья не могут сами работать; применение института наставничества к рецидивистам, не достигшим 21-летнего возраста; осуществление различных образовательных объектов, которые помогают расширить кругозор рецидивистов, разработка комплексных краевых планов, направленных на профилактику и предупреждение рецидивной преступности; направление сил и средств рецидивистов, на возмещение причинённого им вреда личным, общественным и государственным интересам; ограничение возможности молодежи и детей общаться с преступниками-рецидивистами, так и не вставшими на путь исправления, для предотвращения передачи ими криминального опыта подрастающему поколению; разъяснение рецидивистам тех уголовно-правовых последствий, которые они понесут, если вновь нарушат уголовный закон; оказание помощи в освоении различных навыков, которые помогут в дальнейшем рецидивисту при трудоустройстве либо при его деятельности в качестве самозанятого; выдвижение законодательных

инициатив по установлению уголовной ответственности работодателя, в случае отказа им рецидивистам, вставшим на путь исправления в трудоустройстве, если единственным основанием этого является их богатое криминальное прошлое.

Необходимо отметить, что противодействие рецидивной преступности может осуществляться и на уровне муниципальных образований. Например, в городе Златоуст – это достаточно крупный город в Челябинской области с населением на 2023 год более 159 тысяч человек, проводились рейды под названием «Рецидив под контролем», направленные на профилактику рецидивной преступности. В ходе этих рейдов были проверены 117 жителей Южного Урала, которые были судимы, в том числе и 93 человека, находящихся под административным надзором. Были выявлены 24 правонарушения, связанные с невыполнением наложенных на освобождённых осужденных административных обязанностей. По итогам данной проверки 19 материалов дел по вопросам нарушения административного надзора поднадзорными лицами были переданы в суд. Провинившимся лицам были назначены различные наказания, включая, штраф, административный арест, продление административного надзора, увеличение количества обязанностей, которые должны выполнять поднадзорные лица. [4]

Аналогичное мероприятие только под названием «Рецидив» было проведено и в Ставропольском крае. Проверки подверглись более 4 тысяч лиц, находящихся под административным надзором сотрудниками различных государственных органов: краевым МВД, федеральными органами исполнения наказания, органами социальной защиты населения, органами здравоохранения. По итогам было составлено более 150 протоколов административных правонарушений, среди которых преобладало самовольное покидания места проживания. [2] Сопоставляя данные приведённых проверок в городе Златоусте и в Ставропольском крае нужно отметить, что осужденные Ставрополя более ответственно относятся к исполнению своих обязанностей, установленных в их отношении административным надзором.

В заключении рассмотрения мер, направленных на предупреждение рецидивной преступности и их характеристики с учетом региональных аспектов необходимо отметить следующее:

1. Комплекс мер, которые применяются при противодействии рецидивной преступности должен быть сбалансированным и учитывать не только потребности государства и общества, но интересы тех преступников-рецидивистов, которых непосредственно касается применения таких мер. Меры, применяемые к рецидивной преступности только в том случае будет эффективными, когда они не противоречат друг другу и оказывают влияние на все стороны жизни преступника-рецидивиста.
2. При применении комплекса мер противодействия рецидивной преступности должны ис-

ходить из того каков был механизм детерминации данного вида преступности. Особенное значение в этом механизме следует придавать личности преступника-рецидивиста и его следующим характеристикам: а) рецидивоопасности; б) преступному (криминальному) стажу; в) характеру и степени общественной опасности совершенных им преступлений; г) сроку воздержания от совершения рецидивистами новых преступлений; д) особенностям социальной микросреды в которой живут рецидивисты и степени её криминогенности; е) характеру доминирующих в их поведении мотивов; ж) состоянию физического и психического здоровья, полу, возрасту, склонностью к аффективному поведению, образу жизни; з) наличию зависимости. Очевидно, что все вышеперечисленные характеристики личности преступника-рецидивиста влияют прямо или косвенно друг на друга и на возможность совершения им новых преступлений и должны учитываться при выборе мер противодействия рецидивной преступности только в совокупности.

3. Нет никаких сомнений в том, что в наше стремительно несущееся время и бурное развитие общества могут быть найдены или разработаны более совершенные методы противодействия рецидивной преступности, которые будут обладать более высокой степенью эффективности. Однако какие бы меры противодействия рецидивной преступности в дальнейшем не появились нужно постоянно помнить о том, что в отношении преступника-рецидивиста также должны соблюдаться принадлежащие им базовые права и свободы. В противном случае рецидивист как живая личность исчезнет, придавленный массивом огромного социального и государственного организма, что может крайним негативным образом сказаться на его дальнейшем поведении и отношении как к государству, так и к обществу в целом.
4. Необходимо изучать зарубежные меры по противодействию рецидивной преступности, которые оказались эффективными в других странах. Но внедрение их в российскую действительность должно быть не бездумным, а очень осторожным учитывая специфику нашей повседневной жизни. В этих целях следует перевести огромное количество зарубежных источников, посвященных борьбе с рецидивной преступностью для того, чтобы они стали доступны и российским ученым, специализирующимся в сфере противодействия рецидивной преступности.

Литература

1. Агамов Г. Социальная адаптация и профилактика рецидива // Российская юстиция. 1997. № 3. С. 45–49.
2. В МВД завершили профилактическое мероприятие «Рецидив» на Ставрополье // KP.RU. URL: <https://www.stav.kp.ru/online/news/5762596/> (Дата обращения 13.12.2024 г.).
3. Джагрунов А.А. Правила назначения наказания при совокупности и рецидиве преступлений нуждаются в дополнительной формализации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 3. С. 76–82.
4. Рецидив под контролем // Твой регион. URL: <https://tregion.info/74region/reczidiv-pod-kontrolem/> (Дата обращения 13.12.2024 г.).
5. Чучаев А.И. Цели наказания. М. 1989.
6. Юсупов Ф.А. Юлдашев А.А. Нейропластичность и возможности современной нейрореабилитации // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 3. С. 251–272.

GENERAL CHARACTERISTICS OF MEASURES AIMED AT PREVENTING RECIDIVISM

Miroshnichenko N.V., Ryabova L.V., Savchenko O.N., Avetikova T.D.

Stavropol State Agrarian University, Stavropol Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Caucasus Federal University

On the objective side, the content of countering recidivism is expressed in a combination of various political, legal, social, criminological, economic, medical, psychological, pedagogical, spiritual, moral, organizational and administrative measures, the main purpose of which is to have a deterrent, and at best, a eliminating effect on all elements of recidivism as a negative social phenomenon. The authors of the article, having analyzed the activities of authorities at various levels – federal, regional and local – come to the conclusion that measures applied to recidivism will only be effective if they do not contradict each other and have an impact on all aspects of the life of a repeat offender. However, no matter what measures to counteract recidivism appear in the future, it must always be remembered that the basic rights and freedoms of a recidivist must also be respected. Otherwise, the repeat offender will disappear as a living person, crushed by the massive social and state organism, which can have an extremely negative effect on his further behavior and attitude towards both the state and society as a whole.

Keywords: criminal, repeat offender, crime prevention, probation, causes of crime, prevention, public danger, criminal identity, administrative supervision, punishment, criminal record.

References

1. Agamov G. Social adaptation and prevention of relapse // Russian Justice. 1997. No. 3. P. 45–49.
2. The Ministry of Internal Affairs completed the preventive measure “Relapse” in Stavropol // KP.RU. URL: <https://www.stav.kp.ru/online/news/5762596/> (Accessed on 13.12.2024).
3. Dzhagrunov A.A. Rules for sentencing for multiple and recidivist crimes need additional formalization // North Caucasian Legal Bulletin. 2013. No. 3. P. 76–82.
4. Relapse under control // Your region. URL: <https://tregion.info/74region/reczidiv-pod-kontrolem/> (Accessed 13.12.2024).
5. Chuchaev A.I. Goals of punishment. M. 1989.
6. Yusupov F.A. Yuldashev A.A. Neuroplasticity and possibilities of modern neurorehabilitation // Bulletin of Science and Practice. 2022. Vol. 8. No. 3. P. 251–272.

Использование доказательств как средств уголовно-правовой аргументации на досудебных стадиях уголовного процесса

Морозов Александр Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ставропольского института кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права
E-mail: bucha2002@mail.ru

Иванов Сергей Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета
E-mail: 1kol1@list.ru

Лаута Олег Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета
E-mail: oligarxx@inbox.ru

Юсифова Зарина Валихановна,

аспирант кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета
E-mail: Za_ars@mail.ru

Деятельность уполномоченных субъектов со стороны обвинения и со стороны защиты на досудебных стадиях уголовного процесса представляет собой доказывание ряда обстоятельств, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве, которые в своей совокупности составляют обособленную позицию по делу, требующую убедительной аргументации правовыми способами и методами. Начало процесса уголовно-правовой аргументации связано с деятельностью следователя и дознавателя на этапе проверки поступившей информации об признаках преступления, и связано с принятием решения о возбуждении уголовного дела. В дальнейшем уголовно-правовая аргументация тесно вплетена в процесс производства следственных действий, получения, проверки и оценки доказательств. Отмечается, что объем возможностей правовой аргументации у стороны обвинения и стороны защиты различен, что негативным образом отражается на реализации принципа состязательности. В заключение констатируется, что в целом уголовно-правовая аргументация на досудебных стадиях подчинена общим законам логики, но, тем не менее, имеет свои специфические особенности, обусловленные ее взаимосвязью с процессом доказывания по уголовному делу.

Ключевые слова: аргументация, уголовный процесс, доказательство, доказывание, сторона обвинения, сторона защиты, теория доказательств, следственное действие, осмотр, судебная экспертиза, прокурор, следователь, дознаватель, возбуждение уголовного дела, обвинительное заключение.

Применение норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства подчинено ряду основополагающих целей, среди которых самыми главными являются защита интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, недопустимость незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности, а также обеспечение закрепленных в законе прав и свобод человека и гражданина. Реализация указанных целей осуществляется путем выполнения установленных правовых предписаний, содержащихся в материальных и процессуальных нормах, регламентирующих процедуру квалификации общественно-опасных деяний и уголовного преследования в рамках предварительного расследования и судебного рассмотрения соответствующих дел.

Указанная выше деятельность уполномоченных субъектов по осуществлению уголовного преследования осуществляется в обозначенных законом рамках с соблюдением закрепленных в нормах права принципов, являющихся фундаментальными, основополагающими идеями, своеобразным базисом, на котором строятся рассматриваемые нами общественные отношения. В рамках обозначенной проблемы нас в наибольшей степени интересует закрепленный в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) принцип состязательности сторон, в соответствии с которым разрешение уголовного дела, а также обвинение и защита не могут быть отнесены к полномочиям одних и тех же участников рассматриваемой деятельности, ни одна из сторон не обладает заранее определенным преимуществом, а вынесение итогового решения зависит, в том числе, от успешности уголовно-правовой аргументации своей позиции по делу.

Отстаивая свою позицию, каждый из участников уголовно-процессуальной деятельности вправе использовать весь спектр определенных законом средств и методов аргументации, которые, в конечном итоге, должны оказать решающее значение на принятие итогового решения по уголовному делу. В науке нет единого мнения о том, что относится к средствам (формам) юридической аргументации. Так, К.В. Каргин к ним относит: 1) аргументы; 2) доказательства; 3) план аргументации; 4) приемы и способы аргументации; 5) правила аргументации; 6) инструментальные средства аргументации. [4, С. 53] Ю.Д. Парунова, рассматривая процесс доказывания в системе правовой аргументации, указывает, что в структуре последней важную роль играют презумпции и прецеденты. Кроме

того, по мнению указанного автора, не последнюю роль в этом процессе играют оценочные понятия и суждения. [7, С. 13] Практически все научные взгляды и концепции на правовую (юридическую) аргументацию привносят в ее структуры какие-то новые, оригинальные элементы, что обусловлено наличием трудностей в самом понимании данного процесса, восприятии его как в широком, так и в узком смысле, отсутствием формально-правового закрепления данного понятия на законодательном уровне. Не смотря на многообразие подходов, подавляющее большинство правоведов ассоциирует доказывание и аргументацию, причем считает первое частью второго, хотя встречаются и противоположные точки зрения. Например, А.С. Александров придерживается точки зрения, в соответствии с которой юридическая аргументация – составная часть теории доказательств, и последняя представлена наиболее богатым арсеналом методов и средств, обращенных не только к специально уполномоченным субъектам, но и к рядовому обывателю. [1, С. 53]

Таким образом, не смотря на многообразие мнений по поводу содержания юридической аргументации вообще и уголовно-правовой аргументации в частности, большинство исследователей поддерживают позицию, согласно которой доказательства являются ее центральной, неотъемлемой частью. Мы поддерживаем озвученные научные позиции, да и само толкование понятия «аргументация» подразумевает вовлеченность ее в доказательственный процесс, вокруг которого строится деятельность по реализации функций уполномоченных субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, аргумент – причина, доказательство, убеждение, довод; аргументировать – доказывать, излагать доказательно, доводить; аргументация – довод, доказательное рассуждение. [3, С. 40] В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой аргумент – это довод, доказательство; аргументировать – привести доказательства, аргументы. [6, С. 28] Сам термин «аргументация» имеет латинское происхождение и изначально носил следующие значения: *argumentatio* – приведение доказательства, *arguo* – показывать, утверждать, доказывать. [8, С. 6]

Убедившись в несомненности тезиса об основополагающей роли доказательств в уголовно-правовой аргументации, считаем необходимым проанализировать механизм использования средств доказывания в данном процессе. Прежде всего, необходимо ответить на вопрос о том, когда, на каком этапе уголовного процесса берет свое начало юридическая аргументация и когда, соответственно, в этот процесс включаются доказательственные элементы? Мы считаем, что использование средств аргументации начинается с самых ранних стадий, и уже на этапе возбуждения уголовного дела уполномоченный законом субъект при принятии соответствующего решения в процессуальном акте отражает результаты логической де-

ятельности по оценке складывающейся ситуации. Так, согласно ст. 140 УПК РФ, для возбуждения уголовного дела необходимы повод и основание. В качестве основания закон называет наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В постановлении о возбуждении уголовного дела уполномоченный субъект (в ст. 146 УПК РФ это следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания) именно аргументирует достаточность таких данных, а, по сути, и их относимость и допустимость, что роднит данный процесс с процедурой доказывания. Однако на этапе возбуждения уголовного дела указанные субъекты весьма ограничены в возможности получения доказательственной информации, она в целом носит больше ориентирующий характер и ее объем и содержание определяются в целом единственной задачей – аргументацией позиции следователя либо дознавателя относительно возбуждения уголовного дела или отказа в его возбуждении. В ч. 1 ст. 144 УПК РФ перечислены возможности указанных выше субъектов по проверке поступившей информации о признаках преступления. Так, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Перечисленные действия являются источниками ценной информации в контексте аргументации принятого решения о возбуждении уголовного дела, но только некоторые из них при обязательном соблюдении процессуальной формы будут являться доказательствами по делу. Это результаты судебной экспертизы и протоколы следственных осмотров. Иные следственные действия до возбуждения уголовного дела проводить не разрешается, но результаты таких действий в дальнейшем могут быть использованы в процессе доказывания по делу.

Почему же законодатель сделал исключение для названных следственных действий, и не разрешил до возбуждения уголовного дела проводить, например, допрос? Ответ кроется опять-таки в плоскости установления озвученных выше поводов и оснований. Без результатов следственного осмотра (чаще всего это осмотр места происшествия) выявить признаки состава преступления весьма затруднительно, а тем более признать их достаточными для принятия соответствующего процессуального решения. Следователь либо дознаватель практически находятся в ситуации

информационного вакуума, только погружаются в обстоятельства предполагаемого криминального события, а от них уже требуется в кратчайшие сроки не только принять решение о возбуждении дела либо в отказе, но и еще аргументировать это решение. Но не всегда и следственный осмотр может дать полный объем интересующей информации о признаках состава преступления (главным образом, на рассматриваемом этапе нужны сведения об объективной стороне), поэтому УПК РФ допускает назначение и производство судебной экспертизы. Действительно, ряд вопросов, требующих разрешения на рассматриваемом этапе, невозможно решить без специальных познаний. Смоделируем следующую практическую ситуацию. Дежурная следственно-оперативная группа выехала на место происшествия в связи с поступившим сообщением об обнаружении трупа, например по месту его проживания, ближайшими родственниками. Под руководством следователя был произведен осмотр места происшествия и осмотр трупа в соответствии установленными нормами уголовно-процессуального законодательства, однако внешних признаков, свидетельствующих о насильственном характере смерти, в ходе осмотра не установлено. Более того, и элементы окружающей обстановки не позволяют однозначно сделать подобный вывод. Тем не менее, в ходе опроса совместно проживающих с умершим гражданином родственников были получены сведения о том, что в отношении него неоднократно высказывались угрозы от неустановленных лиц в связи с его профессиональной, политической, общественной деятельностью, в том числе угрозы убийством. Для аргументации следователем решения о возбуждении уголовного дела по признакам убийства явно недостаточно наиболее рациональным действием уполномоченного субъекта на данной стадии является назначение судебно-медицинской экспертизы.

В дальнейшем, после возбуждения уголовного дела, у следователя либо дознавателя появляется более широкие возможности для использования средств доказывания в аргументации своей позиции по делу. Кроме того, появляются и новые участники уголовного судопроизводства, прежде всего, сторона защиты – как минимум подозреваемый, а позже обвиняемый, их представители (защитники). Каждая из сторон формирует свою позицию, аргументация которой становится одной из главных задач их деятельности на последующих этапах расследования, причем в данном случае средства аргументации по своей форме и содержанию практически аналогичны средствам доказывания. [2, С. 68]

Следует отметить, что приводимые аргументы всегда связаны с позицией по делу, занимаемой определенным участником. Сторона обвинения аргументируя свою позицию, приводит доводы в пользу того, что событие преступления имело место, виновность обвиняемого в инкриминируемом деянии, общественно-опасные последствия совершенного преступления и т.д., то есть фактически

целью уголовно-правовой регламентации в данном случае будет доказывание обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ.

Юридическая аргументация стороны защиты существенно отличается от аналогичной деятельности участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Прежде всего, подозреваемый либо обвиняемый, а также их представители путем представления правовых доводов пытаются опровергнуть аргументируемую следователем либо дознавателем позицию относительно указанных выше обстоятельств, подлежащих доказыванию, формируют и обосновывают свои версии относительно события преступления, формы вины и мотивов, характера и размер вреда, причиненного преступлением.

Возможны ситуации, когда, например, защитник по уголовному делу обращает внимание следователя на наличие обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния; обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание; обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, аргументируя свою позицию ссылками на нормы права и имеющиеся возможности доказывания указанных обстоятельств. Именно возможности уголовно-правовой аргументации со стороны защиты значительно ограничены по сравнению с подобными возможностями стороны обвинения, и связаны такие ограничения как раз с полномочиями в сфере доказательственной деятельности. Прежде всего отметим, что в отличие от следователя либо дознавателя защитник не имеет права проводить следственные действия, а, следовательно, получать таким образом доказательства, то есть лишен одного из важнейших средств уголовно-правовой аргументации. Сторона защиты может лишь ходатайствовать о назначении либо проведении таких действий, то есть имеет место лишь аргументация необходимости их проведения, но принятие решения в любом случае остается за стороной обвинения.

Независимо от того, по чьей инициативе проводится следственное действие, защитник имеет право в нем участвовать, не только с целью наблюдения за законностью производимых процессуальных действий, но и собирая информации для последующей правовой аргументации своей позиции по делу. Так, например, ст. 53 УПК РФ относит к полномочиям защитника в ходе проведения допроса формулировать вопросы допрашиваемым лицам, консультировать подозреваемого либо обвиняемого, включать в текст протокола следственного действия свои замечания. К сожалению, практика показывает, что защитники редко принимают участие в производстве таких следственных действий, как обыск, выемка, предъявление для опознания, осмотр, освидетельствование и других. [5, С. 129]

Указанные выше следственные действия играют важную роль в формировании доказательственной информации и последующей аргументации своей

правовой позиции по уголовному делу для стороны защиты. Так, например, в ходе проведения предъявления для опознания защитник кроме наблюдения за соблюдением процессуальных правил производства данного следственного действия, может убедиться, например, в явных отличиях идентифицируемых предметов либо лиц; присутствие на допросах позволит исключить постановку наводящих вопросов; результаты следственного эксперимента могут дать важную информацию о механизме произошедшего события, его хронометраже, последовательности действий участников. В совокупности вся полученная информация позволит более полно и обстоятельно сформировать позицию по делу и аргументировать ее в ходе предварительного расследования, что, безусловно, должно найти отражение в соответствующих процессуальных документах, таких как ходатайства, жалобы, адвокатские запросы и т.д.

Тем не менее, не смотря на весьма ограниченные возможности стороны защиты для сбора доказательств по сравнению с подобными полномочиями стороны обвинения, ч. 3 ст. 86 УПК РФ предоставляет защитнику ряд правомочий, позволяющих определенным образом получить информацию для ее последующего использования в аргументации своей позиции по уголовному делу. В частности, защитник вправе осуществлять сбор доказательств путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик и иных документов от органов публичной власти и негосударственных организаций и учреждений. В контексте формирования доказательств в тех процессуальных формах, которые указаны в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, эти полномочия несущественны, однако в преломлении через призму аргументации своей позиции они представляются весьма значимыми. Например, опросив лицо, предположительно присутствовавшее на месте происшествия и владеющее информацией, не представленной на настоящий момент в уголовном деле, защитник не только получает возможность подачи аргументированного ходатайства о допросе этого лица в качестве свидетеля, но и сопоставляет эти сведения с полученной ранее информацией из других источников, проверяет свои версии, на предмет их соответствия, выдвигает новые и формулирует аргументы для предъявления таковых органам и должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование.

В перечне источников доказательств, закрепленных в УПК РФ, наибольшее значение в процессе аргументации своей позиции по делу имеет, по нашему мнению, судебная экспертиза. Законодатель, закрепляя в ст. 74 УПК РФ перечень доказательств, не подразумевает их иерархии по юридической силе или по каким-либо иным основаниям. Тем не менее, в практической деятельности уполномоченных субъектов результаты экспертных исследований, проведенные на основе применения специальных познаний все же обладают большей

убедительной силой, нежели, скажем, показания свидетеля, к тому же связанного с обвиняемым какими-либо отношениями. Безусловно, речь идет о субъективном восприятии, что, в целом не противоречит ст. 17 УПК РФ, которая устанавливает, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательство по своему внутреннему убеждению. Подобная норма как нельзя лучше свидетельствует о тесной связи и обоюдном влиянии доказательственной деятельности и уголовно-правовой аргументации, сущность которых проявляется именно в процессе убеждения в своей позиции соответствующих субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

Уголовно-правовая аргументация в ходе предварительного расследования находит свое выражение в ряде процессуальных документов. Некоторые из них мы уже назвали – это постановление о возбуждении уголовного дела, различного рода ходатайства, жалобы, обращения. Но основополагающим актом, в котором в полной мере проявляется специфика исследуемой нами деятельности, является обвинительное заключение (обвинительный акт либо обвинительное постановление в случае производства предварительного расследования в форме дознания). В ст. 220 УПК РФ приводится перечень из девяти пунктов, которые должны содержаться в обвинительном заключении. Часть из них носит больше формальный характер и отвечает, прежде всего, требованиям составления процессуальных документов. Другие же отражают содержательную сущность момента окончания предварительного расследования и направлены на обоснование сторонами позиции по делу в части ее уголовно-правовой аргументации предусмотренными законом средствами. К таковым относятся: существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела; формулировка предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), предусматривающих ответственность за данное преступление; перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания; перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания. Таким образом, в данном случае уголовно-правовой аргументации имеют место быть как материальные, так и процессуальные аспекты обоснования выбранной позиции, и центральное место среди них занимают, безусловно, доказательства.

Формулируя в рассматриваемом акте суть предъявляемого обвинения, следователь должен аргументировать, почему он квалифицирует общественно-опасное деяние именно по данному пункту, части, статье УК РФ, то есть уголовно-правовой аргументации должен быть подвергнут каждый из элементов состава преступления. Следует отметить, что в контексте правовой аргумен-

тации понятия состав преступления и обстоятельства, подлежащие доказыванию, весьма тесно переплетаются, как и в целом нормы материального и процессуального права, деление на которые, по мнению ряда авторов, весьма условное. [9, С. 223]

Таким образом, оперируя нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства в ходе осуществления доказывания по уголовному делу на стадии предварительного расследования, уполномоченные субъекты используют инструментов, присущий процессу правовой аргументации в целом, которая, в свою очередь, строится на общих правилах логики. Тем не менее, имеется и ряд своих особенностей, характерных именно для уголовно-правовой аргументации.

- прежде всего, в ходе рассматриваемого нами процесса аргументации осуществляется оценка получаемой информации и объектов материального мира. И указанная оценка имплементирована в сам процесс доказывания по уголовному делу, в следующую схему: собрание доказательств – проверка доказательств – оценка доказательств;
- кроме того, в процессе уголовно-процессуальной аргументации субъектам, явлениям и событиям могут приписываться свойства и состояния, не соответствующие действительности. Позиции стороны обвинения и стороны защиты по своей сути противоположны, и аргументация этих позиций также направлена порой на доказывание противоречащих друг другу обстоятельств;
- оценка приведенных аргументов является конечной целью деятельности, тогда как в процессе обыденной логической деятельности аргументация может быть направлена лишь на познание окружающих явлений;
- уголовно-правовая аргументация строится на совокупности субъективных и объективных доводов, что обусловлено закрепленной в нормах уголовно-процессуального права системой источников доказательств, отличающихся разной природой и возможностью их оценки;
- выдвижение аргументов, особенно на первоначальном этапе расследования, зачастую носит интуитивный характер, основано на предположениях, общих версиях произошедшего события и находит подтверждение либо опровержение позднее в процессе доказывания по уголовному делу;
- возможности уголовно-правовой аргументации обусловлены и ограничены рядом обстоятельств, основными из которых являются: а) различиями в статусе субъектов процесса доказывания (прежде всего стороны обвинения и стороны защиты); б) правилами собирания, проверки и оценки доказательств, условиями производства следственных и иных процессуальных действий, закрепленными УПК РФ.

Литература

1. Александров А.С. Цель и средства аргументации в уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 1). С. 52–59.
2. Байрамов А.Г. Правовые доказательства как средства юридической аргументации // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 1). С. 68–70.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1: А-Г. М.: Цитадель, 1998. – 681 с.
4. Каргин К.В. Понятие и элементы юридической аргументации: Монография. – Н. Новгород, 2011. – 67 с.
5. Качнова М.М. Процессуальные полномочия защитника в ходе участия в доказывании на стадии предварительного расследования // Вестник магистратуры. 2019. № 11–2. С. 129–131.
6. Ожегов С. И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 стр.
7. Парунова Ю.Д. Оценочные понятия в правовой аргументации // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. 2020. № 3 (207). С. 10–17.
8. Перерва В.В. Логические основы аргументации: учебное пособие. М., 2006. – 87 с.
9. Шкеле М.В. Состав преступления и обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу // Право и современная экономика: сборник материалов I Международной научно-практической конференции юридического факультета СПбГЭУ. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 223–226.

THE USE OF EVIDENCE AS A MEANS OF CRIMINAL LEGAL ARGUMENTATION AT THE PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS

Morozov A.Y., Ivanov S.A., Lauta O.N., Yusifova Z.V.

Stavropol Institute of Cooperation (branch) of the Belgorod University of Cooperation, North-Caucasus Federal University

The activities of authorized subjects on the part of the prosecution and on the part of the defense at the pre-trial stages of the criminal process represent the proving of a number of circumstances fixed in the criminal procedure legislation, which together constitute a separate position on the case, requiring convincing argumentation by legal means and methods. The beginning of the process of criminal legal argumentation is connected with the activities of the investigator and the inquirer at the stage of checking the information received about the signs of a crime, and is connected with the decision to initiate criminal proceedings. In the future, criminal law argumentation is closely interwoven into the process of conducting investigative actions, obtaining, verifying and evaluating evidence. It is noted that the scope of the possibilities of legal argumentation for the prosecution and the defense is different, which negatively affects the implementation of the principle of competition. In conclusion, it is stated that, in general, criminal legal argumentation at the pre-trial stages is subject to the general laws of logic, but, nevertheless, it has its own specific features due to its relationship with the process of proving a criminal case.

Keywords: argumentation, criminal process, evidence, proving, prosecution, defense, theory of evidence, investigative action, ex-

amination, judicial examination, prosecutor, investigator, inquirer, initiation of criminal proceedings, indictment.

References

1. Aleksandrov A.S. The purpose and means of argumentation in criminal proceedings // Legal technique. 2013. No. 7 (part 1). P. 52–59.
2. Bayramov A.G. Legal evidence as a means of legal argumentation // Legal technique. 2013. No. 7 (part 1). P. 68–70.
3. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Volume 1: A-G. Moscow: Citadel, 1998. – 681 p.
4. Kargin K.V. Concept and elements of legal argumentation: Monograph. – N. Novgorod, 2011. – 67 p.
5. Kachnova M.M. Procedural powers of the defense attorney during participation in proving at the preliminary investigation stage // Bulletin of the Magistracy. 2019. No. 11–2. P. 129–131.
6. Ozhegov S. I. and Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions / Russian Academy of Sciences. Vinogradov Russian Language Institute. – 4th ed., supplemented. M.: OOO “A TEMP”, 2006. – 944 p.
7. Parunova Yu.D. Evaluation Concepts in Legal Argumentation // News of Universities. North Caucasus Region. Series: Social Sciences. 2020. No. 3 (207). P. 10–17.
8. Pererva V.V. Logical Foundations of Argumentation: A Tutorial. M., 2006. – 87 p.
9. Shkele M.V. The elements of a crime and circumstances subject to proof in a criminal case // Law and modern economics: collection of materials of the I International scientific and practical conference of the law faculty of St. Petersburg State University of Economics. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2018. Pp. 223–226.

Тенденции реализации уголовной ответственности за уклонение от частичной мобилизации

Пчелкин Алексей Юрьевич,

аспирант кафедры уголовного права Международного
юридического института

E-mail: alexey_russia.ru@mail.ru

Начавшаяся осенью 2022 года частичная мобилизация российских граждан выявила существенные пробелы в системе правового регулирования ответственности за уклонение от призыва. Комплексный анализ действующей нормативно-правовой базы, включающей военное законодательство, основополагающие правовые концепции и материалы судебной практики высших судебных инстанций, выявил отсутствие эффективных юридических инструментов противодействия уклонистам. Результаты проведенного исследования позволили сформулировать авторскую концепцию решения данной проблемы на основе выявленных системных причин несовершенства правового механизма. Анализ особенностей применения уголовного закона в условиях чрезвычайных ситуаций, таких как период мобилизации, показал, что российское законодательство должно учитывать повышенную общественную опасность преступлений, совершенных в это время, и предусматривать соответствующие отягчающие обстоятельства. Современная военная обстановка диктует острую потребность в создании специализированного уголовно-правового комплекса, учитывающего особенности правоприменения в условиях боевых действий.

Ключевые слова: военное время, мобилизация, уклонение от призыва, уголовная ответственность, отягчающие обстоятельства.

В современной геополитической ситуации, когда государство противостоит множеству вызовов и опасностей, актуальность определения уголовной ответственности за уклонение от военной службы возросла до критической отметки. Организация мобилизационных процессов и ведение учета граждан, подлежащих призыву, подразумевают необходимость глубокого анализа правоприменительных механизмов и совершенствования законодательства в сфере военно-уголовного права. Российское уголовное законодательство пока не полностью адаптировано к особенностям преступлений, возникающих в период мобилизации и во время военных действий.

Отсутствие ясных правовых норм, специфического законодательства для военного периода и несогласованность судебных решений порождают правовые пробелы, которые могут ослабить обороноспособность государства. Одновременно важно оценивать качество изменений в уголовном законодательстве и их воздействие на общественное мнение и поведение людей.

Цель исследования заключается в комплексном анализе действующего уголовного законодательства России в сфере уклонения от воинской службы во время мобилизации. В ходе работы будут выявлены пробелы в правоприменительной практике и проанализированы пути создания самостоятельной системы военно-уголовного законодательства.

Обзор литературы

С сентября 2022 года, после объявления частичной мобилизации, исследователи разных областей активно изучают её последствия, публикуя научные работы, посвященные как правовым основаниям мобилизации, так и уголовно-правовым последствиям уклонения от призыва. В центре внимания авторов этих исследований находится анализ правовых норм, регулирующих мобилизацию, а также историко-правовой контекст их формирования.

Авторы П.В. Агапов, Р.В. Закомолдин и В.В. Меркурьев в своей работе, посвященной уголовной ответственности за уклонение от призыва во время мобилизации, акцентируют внимание на частичной мобилизации как на основном механизме исполнения воинской обязанности, зафиксированном в российском законодательстве. В качестве аргументации в пользу мобилизации авторы акцентируют внимание на ее важности для защиты национальной безопасности и укрепления обороноспособности государства, указывая на то, что уклонение от службы в армии представляет со-

бой серьезную угрозу для этих целей и карается по закону [20].

Научная публикация Мялицыной М.А. «Уклонение от призыва на военную службу по мобилизации: ответственность есть, а нормы нет» раскрывает существенные пробелы правового регулирования мобилизационных процессов. Особое внимание уделяется неоднозначности формулировок первой части статьи 328 Уголовного кодекса Российской Федерации. Несоответствие действующих норм современным реалиям частичной мобилизации требует законодательной модернизации существующих положений либо разработки новых правовых механизмов для регламентации уголовной ответственности при уклонении от мобилизационного призыва [21]. Данная проблематика получила развитие в исследованиях С.А. Орловского, посвященных уголовно-правовым аспектам ответственности за неисполнение мобилизационных обязанностей.

В работе рассматривается тенденция к ужесточению наказания за ряд правонарушений, в частности, дезертирства, а также появление новых видов преступлений, среди которых выделяются добровольное принятие плена и мародерство. Такие изменения, по мнению автора, направлены на повышение боевой готовности российской армии в нынешней ситуации военного противостояния [14].

Вопросы правового регулирования мобилизации также освещаются в трудах Магомедова Б.М., Магомедова Г.Б. и Мусалова М.А. [19], а также в анализе Уторовой Т.Н. и Шалегина С.П. [22], которые акцентируют внимание на необходимости формирования правовой базы, способной эффективно решать задачи мобилизации и военной службы в современном контексте.

Изучение существующих научных трудов позволяет выделить главные вопросы и стратегии, связанные с уголовной ответственностью за уклонение от военной службы, и подкрепить тем самым аргументацию о необходимости модернизации законодательства в этой сфере.

Методология исследования

Данное исследование построено на синтезе теоретических и практических данных. В его основу положены результаты научных публикаций, размещенных в юридических и военных журналах, а также информация из открытых источников, что обеспечивает комплексный подход к изучению проблем уклонения от военной службы во время мобилизации.

Результаты исследования. Теоретическая и практическая значимость

Уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований влечет наступление уголовной ответственности по статье 328 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [1].

Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствуют об уве-

личении числа лиц, привлеченных к ответственности за данное преступление. В 2018 и 2019 годах число осужденных находилось в пределах 597–624 человек, после чего в 2020 году наблюдалось небольшое снижение до 554 осужденных. В последующие годы количество осужденных вновь увеличилось, достигнув 928 человек в 2021 году и 1121 в 2022 году. Параллельно с этим, число уголовных дел, закрытых по данной статье, также демонстрирует колебания, с минимальным значением в 153 случаях в 2018 году и максимальным в 314 случаях в 2020 году [23]. Статистика уголовного преследования за уклонение от военной службы демонстрирует значительную трансформацию правоприменительной практики. Существенное наращивание количества вынесенных обвинительных приговоров при одновременном снижении прекращенных производств характеризует период после начала специальной военной операции. Аналитические материалы РБК свидетельствуют о десятикратном росте возбужденных дел за уклонение от призыва с мая по сентябрь 2022 года, после чего динамика приобрела противоположный характер.

Законодательные поправки от 24 сентября 2022 года существенно ужесточили уголовную ответственность за правонарушения, совершенные в особый период. Введению данных изменений предшествовало объявление частичной мобилизации на территории Российской Федерации 3 сентября 2022 года. Модификация главы 33 Уголовного кодекса РФ расширила перечень квалифицирующих признаков, предусматривающих двукратное увеличение максимального срока лишения свободы за преступные деяния во время мобилизационных мероприятий, военного положения или вооруженных конфликтов. Дополнительно статья 63 УК РФ включила данные обстоятельства в список факторов,отягчающих наказание при совершении преступлений.

Мобилизация столкнулась с трудностями из-за того, что некоторые граждане, получившие повестки на сборы, стали сознательно избегать исполнения своих обязанностей, прибегая к разным методам уклонения. В Пензенской области произошел инцидент, который привлек внимание общественности, когда мужчине, не пожелавшему получить повестку о мобилизации, сначала инкриминировали нарушение Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [3], а затем прокурором прекращено уголовное преследование гражданина с последующим правом восстановления нарушенных прав и получения материальной компенсации за период необоснованного содержания под стражей. Правовым основанием для данного решения послужили разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно квалификации субъектного состава преступного деяния, предусмотренного частью первой статьи 328 Уголовного кодекса РФ [8].

Анализ законодательного регулирования мобилизационных процедур выявил существенные расхождения между нормами уголовного и граждан-

ского права, а также правоприменительной практикой верховных судебных инстанций.

Федеральное законодательство о воинской обязанности устанавливает механизм призыва граждан на военную службу при введении особых режимов, включая мобилизацию и военное положение. Мобилизационное законодательство предписывает гражданам, состоящим на воинском учете, незамедлительно прибыть в пункты сбора согласно предписаниям Министерства обороны и уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, располагающих мобилизационным резервом [2].

Уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает ответственность за уклонение от военной службы при отсутствии законных оснований для освобождения граждан от призыва, что закреплено положениями статьи 328 УК РФ. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» в статье 23 устанавливает предшествующее прохождение военной службы в качестве легитимного основания для освобождения от повторного призыва. Актуальная редакция Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения альтернативной гражданской службы» определяет субъектный состав данного правонарушения. Мужчины призывного возраста, состоящие или обязанные состоять на воинском учете, не находящиеся в запасе и подлежащие призыву согласно действующему законодательству, признаются нарушителями при уклонении от военной службы.

Федеральное законодательство о воинской обязанности детально регламентирует процедуры мобилизации граждан при введении военного положения. Нормативно-правовая база, включающая конституционные законы и подзаконные акты, определяет специфику призыва военнообязанных лиц в особые периоды. Законодательные положения статьи 17 Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» устанавливают категории граждан, подлежащих призыву из запаса, исключая осужденных за определенные виды преступлений согласно утвержденному перечню.

Системный анализ законодательства о военной службе и мобилизационной подготовке в Российской Федерации устанавливает безусловную обязанность мобилизованных граждан прибыть к назначенному пункту сбора согласно полученным мобилизационным документам. Федеральное законодательство через положения статьи 10 третьего пункта Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» определяет правовые последствия уклонения граждан от исполнения мобилизационных мероприятий. Неопределенность в законе относительно вида ответственности не лишает правоохранительных органов возможности наложения

как административных, так и уголовных санкций на нарушителя.

Некоторые считают, что статья 328 УК РФ не применима к ситуациям, связанным с мобилизацией, поскольку это особый вид военной службы. Однако правовые специалисты подчеркивают уголовную ответственность резервистов за необоснованное уклонение от мобилизационных мероприятий согласно статье 328 Уголовного кодекса Российской Федерации. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ № 3 освобождают от ответственности граждан, достигших предельного призывного возраста либо отслуживших срочную службу. Актуальным остается юридический статус действий военнообязанных, не подпадающих под указанные категории освобождения при неявке по мобилизации.

Разработка нормы статьи 328 УК РФ произошла без учета потенциальных чрезвычайных обстоятельств, подобных возникшим в России после 21 сентября 2022 года. Действующее с 2008 года Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 демонстрирует несоответствие современным реалиям при рассмотрении дел об уклонении от призыва в условиях мобилизации. Многолетнее отсутствие мобилизационных мероприятий, длившееся более восьмидесяти лет, привело к дефициту правоприменительного опыта в данной области. Текущая правовая оценка требует преимущественной опоры на базовые законодательные нормы, максимально детально регламентирующие процедурные аспекты.

Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года определило ключевые аспекты применения военного законодательства судебными органами [10]. Способ начала военной службы предопределяет специфику правового регулирования отношений между государством и военнослужащими (п. 7). Конституционная обязанность защиты Отечества реализуется через механизмы срочной службы по призыву либо добровольного поступления на военную службу по контракту. Мобилизационный призыв создает особую правовую конструкцию, требующую дополнительного толкования с позиции обязательности или добровольности. Отсутствие четкой дифференциации юридических последствий при неисполнении обязанностей различных форм военной службы формирует определенную правовую неопределенность. Законодательное закрепление ответственности военнообязанных за уклонение от призыва подчеркивает императивный характер данных правоотношений. Нормы трудового права разграничивают правовой статус военнослужащих по мобилизации и контрактников, акцентируя внимание на различной природе возникновения служебных отношений. Мобилизационная служба, базируясь на гражданском долге, может приобретать характер добровольных отношений при последующем заключении военного контракта.

Отсутствие четкой правовой позиции Верховного Суда в рассматриваемой области обуслов-

лено, по всей видимости, отсутствием соответствующей правоприменительной практики. Комплексный анализ правоприменительной практики российских судов, включая материалы справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», демонстрирует отсутствие прецедентов рассмотрения дел об уклонении от мобилизационного призыва.

В действующем законодательстве Российской Федерации, где статья 328 Уголовного кодекса определяет данное правонарушение как преступление небольшой тяжести, предусматривающее максимальное наказание до двух лет лишения свободы. Изучение судебных протоколов свидетельствует о том, что суды чаще всего назначают штраф в диапазоне от 5 до 150 тысяч рублей в качестве наказания за рассматриваемое преступление. Лишение свободы, максимальный срок которого составляет полтора года, применяется редко и, как правило, в условном порядке, что не влечет реального отбывания наказания. Данная практика судов подкрепляет мнение о том, что рассматриваемое деяние относится к категории преступлений с наименьшей степенью общественной опасности по сравнению с другими правонарушениями. В связи с текущей ситуацией некоторые авторы высказывают предположение о целесообразности отмены уголовной ответственности за деяние, предусмотренное статьей 328 УК РФ [15].

Верховный Суд Российской Федерации в пункте 2 Постановления Пленума № 11 акцентирует внимание на значительном возрастании уровня общественной опасности преступных деяний против военной службы при возникновении чрезвычайных обстоятельств [9]. Мобилизационный период, включающий общую либо частичную мобилизацию, равно как режим военного положения на территории государства или конкретных регионов, вступает в действие согласно срокам, установленным Указом Президента РФ № 647 от 21.09.2022 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» [5]. Прекращение мобилизационного периода либо военного положения определяется конкретными временными рамками, зафиксированными в соответствующем указе.

Указ № 647 определил стартовую дату частичной мобилизации как день его публикации, однако не указал ее конечную дату. Следовательно, с 21 сентября 2022 года в России действует режим мобилизации, который, по всей видимости, будет продолжаться неопределенно. Важность термина «частичная» не имеет юридического значения, поскольку законодательство не содержит особых положений, регулирующих данный вид мобилизации. Масштаб привлечения военнообязанных граждан определяет фундаментальные различия между формами мобилизации в государстве. Поэтапный характер мобилизационных мероприятий, установленный президентским указом, позволяет рационально использовать доступные людские ресурсы без законодательного ограничения численности призываемых резервистов.

В соответствии с текущей Военной доктриной, усиление мобилизационной способности страны признается главным приоритетом в сфере военной политики России, направленным на защиту ее обороны и безопасности [12]. Каждый мужчина, игнорирующий призыв, становится слабым звеном в оборонительной системе нашей страны. Очевидно, что основная ответственность за защиту Родины в зоне проведения специальной военной операции ложится на мобилизованных, поскольку призывники по срочным контрактам в эту зону не задействуются.

С 19 октября 2022 года в России действует система реагирования на угрозы, которая включает в себя различные уровни готовности. В четырех новых регионах страны введено военное положение, в восьми субъектах – средний уровень реагирования, предусматривающий мобилизационные действия. Остальные территории России находятся на более низких уровнях готовности, но все равно предполагают усиление мер безопасности и контроля.

Вооруженное противостояние Российской Федерации с сопредельным государством, сопровождающееся установлением особого правового режима на ряде территорий и масштабными мобилизационными процессами, обуславливает необходимость рассмотрения боевых действий и сопутствующих им условий в качестве дополнительныхотягощающих обстоятельств при юридической квалификации правонарушений и определении меры ответственности. Мы считаем, что в нынешних условиях уклонение от военной службы должно рассматриваться как серьезное преступление, подпадающее под определение, указанное в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Несмотря на то, что на данный момент боевые действия сосредоточены в отдельных регионах, нельзя исключать вероятности их расширения.

Анализ правоприменительной практики демонстрирует отсутствие судебных прецедентов, при которых уклонение от прохождения военной службы, даже в чрезвычайных условиях, рассматривалось бы судами как фактор, усиливающий ответственность обвиняемого. При вынесении решения Отраденский районный суд Краснодарского края не обнаружил обстоятельств, обосновывающих применение более строгих мер наказания к подсудимому. Стоит отметить, что инцидент произошел в Краснодарском крае, где согласно Указу Президента № 757, местным властям поручено осуществление мероприятий мобилизационного характера [6]. В остальных территориальных зонах этот фактор не признается как обстоятельство, которое могло бы повлиять на увеличение наказания для осужденных.

Суды, отклоняя данное отягчающее обстоятельство, руководствовались не юридическими нормами, а собственной интерпретацией текущей обстановки в России, которую они оценивали как мирную. Изучение правоприменительной практики уголовного судопроизводства различных кате-

горий выявило существенный пробел между законодательными требованиями и реальным применением отягчающих обстоятельств при вынесении приговоров. Анализ материалов уголовных дел, рассмотренных после 24 сентября 2022 года по общеуголовным и военным составам преступлений, демонстрирует крайне редкое использование данного квалифицирующего признака следственными органами – всего в восьми случаях. Судебные инстанции при рассмотрении указанных дел систематически отклоняли возможность ужесточения наказания даже при наличии соответствующих обоснований в обвинительных заключениях.

Судебная практика демонстрирует, что при отсутствии применения пункта «л» части 1 статьи 63 УК РФ суды в различных ситуациях руководствуются двумя основными факторами. На территории предполагаемого совершения преступления отсутствовали признаки чрезвычайной ситуации, военных действий либо вооруженного противостояния. Материалы уголовного дела не содержат сведений о причинно-следственной связи между введенной мобилизацией и совершенным деянием. Сложившаяся правоприменительная практика судов обуславливает применение отягчающего обстоятельства, предусмотренного пунктом «л» части 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации, исключительно при официальном установлении особого правового режима на определенной местности. Вне зависимости от введения правовыми актами режима чрезвычайного положения или военного положения, реальность вооруженного конфликта, с его боевыми действиями, может возникнуть на определенной территории. Это объективная реальность, которая не зависит от формальных правовых актов, как подчеркивается в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11. Судебная практика демонстрирует терминологическую неточность при квалификации временных рамок мобилизации, подменяя законодательно установленное понятие «мобилизационный период» термином «режим». Российские суды, признавая текущее мобилизационное положение страны, сохраняют устоявшийся подход к рассмотрению уголовных дел, пренебрегая анализом причинно-следственной связи между мобилизационными мероприятиями и противоправным поведением подсудимых. Одним из приговоров характеризуется формулировка, где суд учитывает не только характер и тяжесть преступления, а и личность виновного, а также контекст и обстоятельства совершения, при этом особо выделяя состояние алкогольного опьянения. Законодательная норма, установленная частью 11 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации, предоставляет судебным органам уникальную возможность рассматривать уровень алкогольного опьянения отдельно от прочих условий, обозначенных в начальном разделе данной статьи. Практика правоприменения демонстрирует взаимосвязь между объявлением мобилизации и ростом числа уклонений граждан от призыва. Мобилизационный пери-

од создает принципиально новую правовую реальность для субъектов права, ранее не имевших подобного опыта. Объективный анализ показывает несостоятельность данной аргументации, поскольку мобилизационные мероприятия представляют собой комплекс временных мер, включающих процедуру военного призыва. Формально-правовой подход позволяет утверждать, что действующие уголовно-правовые положения распространяют применение указанного обстоятельства на все категории преступлений, кроме случаев, где данный признак выступает отягчающим фактором.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года законодатель предусмотрел дифференцированную систему наказаний за уклонение от военной службы, закрепленную статьями 80 и 81 [13]. Современное законодательство демонстрирует значительный регрессивный характер правового регулирования данного вопроса ввиду отсутствия подобной детализации ответственности.

Не только юристы, разрабатывающие законы, но и представители научного сообщества отмечали пробелы в уголовном законодательстве в этой области. В ходе сравнительного анализа уголовного законодательства стран СНГ, проведенного Н.К. Рудю в рамках докторской диссертации, было установлено, что закрепление ответственности за уклонение от воинской службы, в том числе от тренировочных сборов и мобилизации, без уважительных причин, является более предпочтительной практикой по сравнению с российской моделью [18].

Кроме того, рассматривались иные подходы к решению поставленной задачи. В частности, В.И. Боевым в рамках докторской диссертационной работы была предложена идея формирования самостоятельной системы военно-уголовного законодательства [16]. Историческая практика советского уголовного законодательства демонстрирует эффективный подход к квалификации воинских преступлений через дополнительный признак совершения деяния.

Несмотря на то, что инициатива разработки уголовного законодательства для военного времени была проигнорирована, законодатель, похоже, не учел реальной опасности роста преступности и угроз для страны, которые впоследствии неожиданно проявились во время проведения специальной военной операции. Сложившаяся ситуация потребовала от законодательных органов оперативного внесения существенных изменений в уголовное законодательство. Правовые нововведения затронули квалификацию воинских преступлений, расширили перечень отягчающих обстоятельств согласно пункту «л» части 1 статьи 63 Уголовного кодекса РФ. Законодатель ужесточил санкции за посягательства на общественную безопасность и конституционные основы государства, а также криминализировал ряд новых составов преступлений, включая мародерство и пособничество диверсиям.

В свете изложенного, можно сформулировать следующие заключения.

Бегство от призыва на военную службу в рамках мобилизации подпадает под все признаки состава преступления, описанного в части 1 статьи 328 УК РФ.

Учитывая специфику совершения преступления в особый период, при определении наказания необходимо принимать во внимание обстоятельство, квалифицирующее его как отягчающее, согласно пункту «л» части 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ввиду особой общественной опасности таких преступлений в условиях чрезвычайной ситуации и с учетом текущих правовых тенденций, предлагается внести изменения в статью 328 УК РФ. Речь идет о добавлении квалифицирующего признака – совершения преступления в особый период, что повлечет за собой увеличение максимального наказания до пяти лет лишения свободы и установление минимального срока наказания в размере не менее двух лет.

Предложенная мера, хоть и эффективна в решении актуальных задач, но носит временный характер. В рамках концептуального подхода, нам представляется целесообразным вернуться к созданию специального уголовного кодекса, приспособленного к условиям военного времени, опираясь на уже существующую доктринальную основу.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 9. Ст. 1014.
3. О воинской обязанности и военной службе: федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 39. Ст. 6535.
5. Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации: указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 39. Ст. 6590.
6. О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756: указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 (ред. от 25.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 43. Ст. 7382.
7. На проект Федерального закона № 130883–3 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: официальный отзыв Правительства РФ от 24.10.2005 № 3384п-П4 // СПС «КонсультантПлюс».
8. О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения альтернативной гражданской службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 (ред. от 18.05.2023) // Российская газета. 2008. № 76.
9. О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) // Российская газета. 2008. № 140.
10. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 года № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 12 // Российская газета. 2023. № 120.
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: проект Федерального закона № 130883–3 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24.06.2004) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. 2014. № 298.
13. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591 (утратил силу).
14. Апарина, А.И. Совершенствование российского законодательства о частичной мобилизации как неотъемлемая преграда «законному» недобросовестному уклонению от призыва на службу / А.И. Апарина, В.А. Струцкая // Актуальные социально-экономические проблемы развития общества в России и за рубежом: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Волгоград, 30 ноября 2022 года. Том 1. – Волгоград: ООО Амирит, 2022. – С. 43–46.
15. Архипкина А. С., Шастина А.Р., Буниатишвили К.А. Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности за уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы (ст. 328 УК РФ) // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 6 (222). – С. 199–201
16. Бодаевский, В.П. Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка / В.П. Бодаевский // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74, № 4(173). – С. 44–62.

17. Ермолович Я. Н. О признании совершения преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий обстоятельством, отягчающим наказание // *Право в Вооруженных Силах*. – 2017. – № 5. – С. 81–86.
18. Жилкин, М.Г. Проблемы уголовной ответственности за уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы в период мобилизации / М.Г. Жилкин // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. – 2023. – № 3(66). – С. 16–24.
19. Магомедов, Б. М. К вопросу о правовом регулировании проблем, связанных с частичной мобилизацией в России / Б.М. Магомедов, М.А. Мусалов, Г.Б. Магомедов // *Право и государство: теория и практика*. – 2022. – № 12(216). – С. 321–324.
20. Меркурьев, В.В. Об уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу в порядке мобилизации / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов, Р.В. Закомолдин // *Военно-юридический журнал*. – 2023. – № 1. – С. 5–8.
21. Мялицына, М.А. Уклонение от призыва на военную службу по мобилизации: ответственность есть, а нормы нет / М.А. Мялицына // *Вопросы российской юстиции*. – 2022. – № 21. – С. 482–488.
22. Уторова, Т.Н. Современные тенденции развития военного уголовного законодательства России / Т.Н. Уторова, С.П. Шалегин // *Пени-тенциарная наука*. – 2023. – Т. 17, № 4(64). – С. 390–397.
23. Обзоры судебной статистики – Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. <https://www.vsr.ru/documents/statistics/?year=2023> (дата обращения 05.04.2025).

TRENDS IN THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR EVADING PARTIAL MOBILIZATION

Pchelkin A.Yu.

International Law Institute

The partial mobilization of Russian citizens, which began in the fall of 2022, revealed significant gaps in the system of legal regulation of responsibility for draft evasion. A comprehensive analysis of the current regulatory framework, including military legislation, fundamental legal concepts and judicial practice materials of the highest judicial instances, revealed the lack of effective legal instruments to counteract tax evaders. The results of the study made it possible to formulate the author's concept of solving this problem based on the identified systemic causes of the imperfection of the legal mechanism. An analysis of the specifics of the application of criminal law in emergency situations, such as the mobilization period, has shown that Russian legislation should take into account the increased public danger of crimes committed during this time and provide for appropriate aggravating circumstances. The current military situation dictates an urgent need to create a specialized criminal law complex that takes into account the specifics of law enforcement in combat conditions.

Keywords: wartime, mobilization, draft evasion, criminal liability, aggravating circumstances.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 28.02.2025) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 25. Art. 2954.

2. On mobilization training and mobilization in the Russian Federation: Federal Law No. 31-FZ of 02.26.1997 (as amended on 03/23/2024) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1997. No. 9. Art. 1014.
3. On military duty and military service: Federal Law No. 53-FZ dated 28.03.1998 (as amended on 02.10.2024) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 13, article 1475.
4. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 365-FZ dated 24.09.2022 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2022. No. 39. Art. 6535.
5. On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 09/21/2022 No. 647 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2022. No. 39. Article 6590.
6. On measures implemented in the subjects of the Russian Federation in connection with Decree of the President of the Russian Federation dated October 19, 2022 No. 756: Decree of the President of the Russian Federation dated October 19, 2022 No. 757 (as amended on 08/25/2023) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2022. No. 43. Art. 7382.
7. On the draft Federal Law No. 130883–3 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation”: official response of the Government of the Russian Federation dated 24.10.2005 No. 3384p-P4 // SPS “ConsultantPlus”.
8. On the practice of consideration by courts of criminal cases on evasion from conscription and alternative civilian service: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/03/2008 No. 3 (as amended on 05/18/2023) // *Rossiyskaya Gazeta*. 2008. No. 76.
9. On the preparation of civil cases for trial: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.06.2008 No. 11 (as amended on 09.02.2012) // *Rossiyskaya Gazeta*. 2008. No. 140.
10. On Amendments to Resolution No. 3 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 3, 2008 “On the Practice of Consideration by Courts of Criminal Cases on Evasion from Conscription and from military or alternative civilian service”: Resolution No. 12 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/18/2023 // *Rossiyskaya Gazeta*. 2023. No. 120.
11. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: draft Federal Law No. 130883–3 (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 06/24/2004) // SPS “ConsultantPlus”.
12. Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014, No. Pr-2976) // *Rossiyskaya Gazeta*. 2014. No. 298.
13. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 10/27/1960) (as amended on 07/30/1996) // *Vedomosti VS RSFSR*. 1960. No. 40. Art. 591 (abrogated).
14. Aparina, A.I. Improving Russian legislation on partial mobilization as an integral obstacle to “legitimate” unscrupulous evasion of conscription / A.I. Aparina, V.A. Strutskeya // *Actual socio-economic problems of society development in Russia and abroad: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Volgograd, November 30, 2022. Volume 1*. – Volgograd: Amirit LLC, 2022. – pp. 43–46.
15. Arkhipkina A. S., Shastina A.R., Buniatishvili K.A. Actual issues of criminal prosecution for evading military and alternative civil service (art. 328 of the Criminal Code of the Russian Federation) // *Agrarian and Land law*. – 2023. – № 6 (222). – Pp. 199–201
16. Bodaevsky, V.P. Characteristics and functional purpose of the system of criminal law norms ensuring the protection of military law and order / V.P. Bodaevsky // *Lex Russica (Russian law)*. – 2021. – Vol. 74, No. 4(173). – pp. 44–62.
17. Ermolovich Ya.N. On recognizing the commission of a crime in conditions of armed conflict or military operations as an aggravating circumstance // *Law in the Armed Forces*. – 2017. – No. 5. – pp. 81–86.
18. Zhilkin, M.G. Problems of criminal liability for evading military and alternative civilian service during the mobilization period /

- M.G. Zhilkin // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3(66). – Pp. 16–24.
19. Magomedov, B.M. On the issue of legal regulation of problems related to partial mobilization in Russia / B.M. Magomedov, M.A. Musalov, G.B. Magomedov // Law and the state: theory and practice. – 2022. – № 12(216). – Pp. 321–324.
20. Merkuriev, V.V. On criminal liability for evading conscription in the order of mobilization / V.V. Merkuriev, P.V. Agapov, R.V. Zakomoldin // Military Law Journal. – 2023. – No. 1. – pp. 5–8.
21. Myalitsyna, M.A. Evasion from conscription for military service on mobilization: there is responsibility, but there are no norms / M.A. Myalitsyna // Issues of Russian Justice. – 2022. – No. 21. – pp. 482–488.
22. Utorova, T.N. Modern trends in the development of military criminal legislation in Russia / T.N. Utorova, S.P. Shalegin // Penitentiary science. – 2023. – Vol. 17, No. 4(64). – pp. 390–397.
23. Reviews of judicial statistics – The Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/?year=2023> (accessed 04/05/2025).

Криминологическое предупреждение хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа: современное состояние и перспективы развития

Ущекин Станислав Николаевич,

адъюнкт кафедры уголовной политики Академии управления
МВД России

E-mail: stanislav.ushekin@yandex.ru

В статье представлена комплексная многоуровневая система криминологического предупреждения хищений с использованием электронных средств платежа. На основе анализа состояния преступности и причинного комплекса предложена модель, включающая общесоциальные меры (усилия власти, Банка России, финансовых организаций, бизнеса и потребителей) и специально-криминологические меры по направлениям «Защита прав потребителей», «Гарантии защиты имущества», «Усиление контроля» и «Технологическое совершенствование». Реализация данной системы направлена на повышение безопасности финансовых операций, защиту прав граждан и укрепление финансовой системы

Ключевые слова: хищения, электронные средства платежа, предупреждение, криминология.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и трансформации форм собственности, уголовное законодательство активно адаптируется к угрозам имущественным правам, устанавливая ответственность за кражу с банковского счета или электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) и мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). Стимулом для этих изменений послужило интенсивное развитие банковского сектора, коммерческих организаций, инновационных способов оплаты и розничных платежных систем, что привело к широкому распространению электронных средств платежа (далее – ЭСП) среди населения.

Тревожным следствием распространения ЭСП стал значительный рост противоправных действий. Количество несанкционированных операций увеличилось с 577 тыс. в 2019 году до 1,2 млн в 2024 году (рост на 107,5%), а объем незаконно переведенных средств вырос с 6,4 млрд. до 27,5 млрд рублей (колоссальные 328,5%)¹. При этом аналогичная динамика наблюдается и в сфере IT-преступлений, включая использование ЭСП, число которых возросло с 294,4 тыс. до 765,4 тыс. (159,9%). Особую обеспокоенность вызывает рост хищений с банковских карт, увеличившийся с 34,4 тысячи до 115,5 тысячи (235,8%) за тот же период².

Учитывая значительный рост хищений с использованием ЭСП, ключевое значение приобретает комплексное криминологическое предупреждение. На основе анализа состояния преступности, причинного комплекса и характеристик субъектов³, разработана система мер на двух уровнях: общесоциальном и специально-криминологическом. Первый включает в себя комплекс мероприятий, охватывающих экономическую, политическую, идеологическую, правовую и организационную сферы. Второй уровень ориентирован непосредственно на устранение причин и условий, специфичных для конкретных видов преступлений⁴.

¹ Статистика национальной платежной системы // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: <https://cbr.ru/statistics/nps/psrf/> (дата обращения: 19.03.2025).

² Статистические сведения ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. Форма: ИТТ (код 280). 2020–2024 гг.

³ Ущекин С.Н. Типология личности жертв хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа / С.Н. Ущекин // Евразийский юридический журнал. 2024. № 4(191). С. 392–393.

⁴ Сахаров А.Б. Социальная система предупреждения преступлений // Советское государство и право. 1972. С. 67–69.

Переходя к рассмотрению общесоциальных мер предупреждения данных преступлений, следует подчеркнуть, что в современных условиях их эффективность напрямую зависит от четкой структуры и скоординированной реализации¹. Для достижения максимального результата в предупреждении хищений, совершаемых с использованием ЭСП, необходимо классифицировать и детально рассмотреть общесоциальные меры по уровням принятия решений и ответственности, что позволит обеспечить комплексное воздействие на причины и условия, способствующие совершению таких преступлений.

Первая группа мер реализуется органами власти на федеральном и региональном уровнях. Данный уровень ответственности является фундаментом для обеспечения стабильности экономической среды, социальной справедливости и правопорядка, создавая условия, препятствующие возникновению преступности в сфере использования ЭСП.

Экономическая нужда, как отмечал В.Н. Кудрявцев, является значимым фактором корыстных преступлений², включая хищения в цифровой сфере. В этой связи, экономическое регулирование и адресная социальная поддержка населения (например, повышение МРОТ, индексация выплат) выступают важными мерами общесоциального предупреждения, снижая экономическую мотивацию к совершению имущественных преступлений.

Вместе с тем, стимулирование экономической активности населения, включая поддержку малого и среднего предпринимательства через льготное кредитование и налоговые преференции, является также важным инструментом общесоциального предупреждения. Создание рабочих мест и возможностей для легального заработка способствует снижению безработицы, повышению экономической стабильности и профилактике преступлений, в том числе в сфере электронных платежей.

Цифровизация, по мнению Ю.В. Трунцевского, открывает новые, масштабные уязвимости для несанкционированного доступа и манипулирования данными, превосходящие возможности до-цифровой эпохи³. В этой связи ключевое значение приобретает устранение цифрового неравенства посредством реализации государственных программ, нацеленных на повышение уровня цифровой грамотности населения и обеспечение равного и безопасного доступа к цифровым технологиям для всех категорий граждан. Указанное не только расширяет возможности для использования преимуществ цифровой экономики, но и значительно снижает уязвимость определенных групп населения перед цифровыми преступлениями, связанными с использованием ЭСП.

¹ Пинкевич Т.В. Противодействие преступлениям в сфере интеллектуальной собственности // Общество и право. 2007. № 3 (17). С. 88.

² Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М.: Инфра-М, 1998. С. 49–50.

³ Трунцевский Ю.В. Е-антикоррупция или е-коррупция: влияние глобальной цифровизации // Международное публичное и частное право. 2019. № 4. С. 42.

В современных условиях ключевое значение имеет стабилизация финансовой системы и противодействие цифровой преступности. Для этого необходимо регулярно совершенствовать законодательство в сфере финансовых технологий и цифровой безопасности, усиливать международное сотрудничество в борьбе с трансграничной цифровой преступностью и контролировать внедрение искусственного интеллекта в финансовой сфере, минимизируя риски и обеспечивая безопасность операций с ЭСП.

Следующую группу мер составляют действия, предпринимаемые Банком России и кредитно-финансовыми организациями. Этот уровень ответственности играет ключевую роль в обеспечении стабильности финансовой системы, защите прав и законных интересов клиентов, а также в создании надежной и безопасной среды для использования ЭСП⁴.

Реализация этой ответственности включает в себя, в частности, формирование продуманной финансовой политики и эффективное управление рисками. В данной сфере ключевое значение имеет гибкое регулирование, включая снижение процентных ставок для стимулирования инвестиций в безопасные платежные технологии. Необходимо непрерывно совершенствовать нормативно-правовую базу, регулирующую инновационные финансовые технологии, и внедрять эффективные методики прогнозирования и управления рисками, связанными с ЭСП, для оперативного выявления угроз.

Наряду с финансовыми мерами, критически важным аспектом деятельности Банка России и кредитно-финансовых организаций является обеспечение высокого уровня технологической безопасности. На уровне технологического развития первостепенно постоянное повышение требований к защищенности информационных систем кредитно-финансовых организаций. Важно совершенствовать контроль доступа сотрудников к конфиденциальной информации и активно использовать передовые технологии, включая искусственный интеллект, для автоматизированного обнаружения и предотвращения несанкционированного доступа и подозрительных транзакций, что критически важно для предупреждения хищений с использованием ЭСП.

Далее рассмотрим меры, предпринимаемые на уровне предприятий, которые, поддерживая стабильную экономическую активность и социальное благополучие работников, играют важную, хотя и косвенную, роль в предупреждении преступности, включая хищения с использованием ЭСП.

Прежде всего, увеличение объемов производства и повышение эффективности деятельности за счет оптимизации процессов, снижения издержек и надежных поставок обеспечивают стабильный экономический рост и создание новых рабо-

⁴ Петрякова Л.А. Предупреждение мошенничеств в банковской сфере // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 4. С. 383–391.

чих мест. Это способствует снижению социальной напряженности и уменьшает вероятность преступлений, вызванных экономическими трудностями.

Кроме того, ответственная ценовая политика предприятий, направленная на сдерживание инфляции и поддержание доступности товаров и услуг для широких слоев населения, способствует сохранению стабильного уровня жизни. Это снижает социальную неудовлетворенность, которая может являться одним из факторов, косвенно влияющих на общий уровень преступности в обществе.

Заключительная группа мер связана с активным участием самих потребителей в обеспечении собственной финансовой безопасности. Именно ответственное распоряжение личными финансами, повышение финансовой грамотности и должная осмотрительность при использовании электронных средств платежа играют здесь ключевую роль.

Как отмечает А.В. Овруцкий, импульсивное потребление, обусловленное экономическими, психологическими и социокультурными факторами, требует особого внимания¹. В этой связи, рациональное потребление и высокий уровень финансовой грамотности становятся первостепенно важными. Это включает в себя сокращение необдуманных расходов, поиск безопасных и выгодных способов совершения платежей, а также постоянное повышение осведомленности о правилах безопасного использования ЭСП, методах защиты от мошенничества и распознавании фишинговых атак.

Наряду с повышением личной финансовой грамотности, не менее важно формирование ответственного отношения к электронным платежам с самого раннего возраста. Целенаправленное воспитание у подрастающего поколения навыков безопасного обращения с ЭСП через образовательные программы и активное обучение в семье представляет собой стратегически важную инвестицию в снижение уровня преступности в будущем.

Таким образом, для эффективного предупреждения хищений с использованием ЭСП необходима реализация комплекса общесоциальных мер на различных уровнях. Вместе с тем, наряду с мерами общего характера, ключевое значение имеет применение специально-криминологических мер, непосредственно направленных на устранение причин и условий совершения конкретных видов преступлений в данной сфере.

В связи с изложенным предлагается комплекс мер, направленных на развитие инфраструктуры в сфере проведения операций с использованием ЭСП. Данные меры позволят создать более безопасные условия для участников кредитно-финансовых отношений и усилить защиту прав клиентов (собственников) от противоправного использования ЭСП, включая следующие ключевые направления:

¹ Овруцкий А.В. Импульсивное потребление в психологии и экономике: дифференциация подходов и их интеграция в рамках экономической психологии // Психолог. 2018. № 6. С. 62–78.

Первая группа мер направлена на комплексную защиту прав потребителей и снижение рисков несанкционированных операций. Положительным примером является законодательное закрепление права граждан устанавливать самозапрет на потребительские кредиты, а также на договоры связи и передачу SIM-карт². Необходимо расширить этот подход, закрепив право клиента на установление запрета на подключение и использование систем дистанционного банковского обслуживания (далее – ДБО) с упрощенной процедурой отказа, что особенно важно для уязвимых категорий граждан. Целесообразно также законодательно закрепить право клиента на установление гибких лимитов на суммы, количество и географию операций, а также на временное или постоянное ограничение операций по различным каналам, реализуемое через мобильные приложения и онлайн-сервисы банков.

В продолжение мер, направленных на обеспечение безопасной среды для использования ЭСП, особую значимость приобретает группа мер «Гарантии защиты имущества». Для повышения безопасности и снижения финансовых потерь целесообразно оптимизировать механизмы возврата средств, включая возможность внедрения смарт-контрактов для автоматического возврата при определенных условиях³. Предлагается обязать банки внедрить автоматическую приостановку (заморозку) подозрительных транзакций, контролируя транзитные переводы для эффективного противодействия схемам отмывания денег. В целях минимизации рисков рекомендуется установить ограничение на сумму бесконтактной транзакции без подтверждения PIN-кодом, а также усилить требования к подтверждению транзакций (например, при многократном использовании или ошибке), закрепив это в правилах национальной платежной системы «Мир». Наконец, для снижения финансовых потерь и стимулирования ответственного поведения необходимо развивать механизмы коллективной ответственности и страховые продукты, покрывающие риски хищений с использованием ЭСП.

Развивая тему усиления контроля со стороны кредитно-финансовых организаций, следует отметить приоритетную роль активного развития антифрод-систем. Для повышения их эффективности необходим переход к проактивному подходу, основанному на прогнозировании и предотвращении несанкционированных операций путем сбора и анализа данных с использованием машинного

² О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.04.2025 г.).

³ Гашенко И.В., Хорошунов М.Б. Смарт-контракты в финансовой сфере России // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. № 2. С. 41–49.

обучения и искусственного интеллекта. Важным направлением является развитие систем цифровой идентификации и репутации пользователей, возможно, на основе биометрии или блокчейна, с интеграцией в ЭСП и системы ДБО для снижения анонимности.

Перспективным инструментом контроля выступает поведенческая биометрия в системах ДБО, позволяющая анализировать особенности поведения пользователя и выявлять аномалии. Необходимо также совершенствовать взаимодействие между финансовыми организациями и операторами связи, включая автоматизированное определение нежелательных номеров и использование голосовых помощников для проверки подлинности операций. С целью усиления общественного контроля целесообразно привлекать граждан к предупреждению хищений через создание «цифровых патрулей» для мониторинга онлайн-пространства и распространения информации о безопасности.

Четвертая группа мер – «Технологическое совершенствование», где ключевым фактором обеспечения безопасности финансовых отношений является цифровая модернизация взаимодействия между клиентом и кредитно-финансовой организацией.

Для эффективной реализации этих мер необходимо активное внедрение передовых технологических решений, включая: создание безопасной среды тестирования финансовых инструментов; использование искусственного интеллекта и машинного обучения для анализа поведения пользователей, выявления фишинга и подозрительных транзакций в реальном времени; интеграцию биометрических методов аутентификации (сенсорные панели); применение динамических CVV/CVC кодов и токенизации; разработку защищенных каналов связи с клиентами.

В завершение исследования следует отметить, что предложенный комплекс мер, объединяющий общесоциальный (усилия власти, Банка России, финансовых организаций, бизнеса и потребителей) и специально-криминалогический (направления «Защита прав потребителей», «Гарантии защиты имущества», «Усиление контроля», «Технологическое совершенствование») уровни предупреждения хищений с использованием ЭСП, представляет собой многоуровневую и взаимосвязанную систему. Скоординированная реализация этой системы позволит существенно повысить безопасность финансовых операций, надежно защитить права граждан, укрепить доверие к финансовой системе и создать благоприятные условия для экономического развития.

Литература

1. Статистика национальной платежной системы // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: <https://cbr.ru/statistics/nps/psrf/> (дата обращения: 19.03.2025).

2. Статистические сведения ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. Форма: ИТТ (код 280). 2020–2024 гг.
3. Ущекин С.Н. Типология личности жертв хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа / С.Н. Ущекин // Евразийский юридический журнал. 2024. № 4(191). С. 392–393.
4. Сахаров А.Б. Социальная система предупреждения преступлений // Советское государство и право. 1972. С. 67–69.
5. Пинкевич Т.В. Противодействие преступлениям в сфере интеллектуальной собственности // Общество и право. 2007. № 3 (17). С. 88.
6. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М.: Инфра-М, 1998. С. 49–50.
7. Трунцевский Ю.В. Е-антикоррупция или е-коррупция: влияние глобальной цифровизации // Международное публичное и частное право. 2019. № 4. С. 42.
8. Петрякова Л.А. Предупреждение мошенничеств в банковской сфере // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 4. С. 383–391.
9. Овруцкий А.В. Импульсивное потребление в психологии и экономике: дифференциация подходов и их интеграция в рамках экономической психологии // Психолог. 2018. № 6. С. 62–78.
10. О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.04.2025 г.).
11. Гашенко И.В., Хорошунов М.Б. Смарт-контракты в финансовой сфере России // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. № 2. С. 41–49.

CRIMINOLOGICAL PREVENTION OF THEFTS COMMITTED USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT: CURRENT STATUS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Ushchekin S.N.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article presents a comprehensive multi-level system of criminological prevention of thefts using electronic means of payment. Based on the analysis of the state of crime and the causal complex, a model is proposed that includes general social measures (efforts of the authorities, the Bank of Russia, financial organizations, business and consumers) and special criminological measures in the areas of “Protection of consumer rights”, “Guarantees for the protection of property”, “Strengthening control” and “Technological improvement”. The implementation of this system is aimed at improving the security of financial transactions, protecting the rights of citizens and strengthening the financial system

Keywords: theft, electronic means of payment, prevention, criminology.

References

1. Statistics of the national payment system // Official website of the Central Bank of the Russian Federation. URL: <https://cbr.ru/statistics/nps/psrf/> (date of access: 19.03.2025).
2. Statistical data of the Federal State Institution "Main Information and Analytical Center" of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Form: ITT (code 280). 2020–2024.
3. Ushchekin S.N. Typology of the personality of victims of thefts committed using electronic means of payment / S.N. Ushchekin // Eurasian Law Journal. 2024. No. 4 (191). P. 392–393.
4. Sakharov A.B. Social system of crime prevention // Soviet state and law. 1972. P. 67–69.
5. Pinkevich T.V. Combating crimes in the field of intellectual property // Society and Law. 2007. No. 3 (17). P. 88.
6. Kudryavtsev V.N. Genesis of crime. Experience of criminological modeling. Moscow: Infra-M, 1998. Pp. 49–50.
7. Truntsevsky Yu. V. E-anti-corruption or e-corruption: the impact of global digitalization // International public and private law. 2019. No. 4. P. 42.
8. Petryakova L.A. Prevention of fraud in the banking sector // All-Russian Criminological Journal. 2023. No. 4. Pp. 383–391.
9. Ovrutsky A.V. Impulsive consumption in psychology and economics: differentiation of approaches and their integration within the framework of economic psychology // Psychologist. 2018. No. 6. Pp. 62–78.
10. On the creation of a state information system to combat offenses committed using information and communication technologies, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of April 1, 2025 No. 41-FZ // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 04/03/2025).
11. Gashchenko I.V., Khoroshunov M.B. Smart contracts in the financial sector of Russia // Legal Concept = Legal paradigm. 2023. No. 2. Pp. 41–49.

К вопросу о первопричинах необъективности и пристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства

Федорин Владимир Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра криминалистики, Воронежский государственный университет
E-mail: fedorin-ve@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с уяснением первопричин необъективности и пристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства, а также методы их нейтрализации. В результате проведенного анализа определено, что основными первопричинами предвзятости, некомпетентности и пристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства являются:

- Низкий уровень морально-психологических качеств профессиональных участников уголовного судопроизводства, при этом распространенными факторами, обуславливающим пристрастность либо предвзятость профессионального участника уголовного судопроизводства, являются: отношение к профессиональной деятельности как к средству незаконного обогащения; неспособность к самостоятельной оценке обстоятельств дела; слабоволие; повышенная внушаемость; конформизм; излишняя эмоциональность, раздражительность, обидчивость.
- Ненадлежащая профессиональная подготовка и отсутствие опыта правоприменительной деятельности.
- Профессиональная деформация. Наиболее распространенными формами указанной деформации являются правовой нигилизм; «профессиональная усталость»; профессиональная самоуверенность; приобретение установки на безоговорочное следование стереотипам при исследовании обстоятельств уголовных дел. Проявления профессиональной деформации весьма разнообразны, и безусловно, предопределяются процессуальными функциями того или иного участника уголовного судопроизводства.
- «Внешним» детерминантом необъективности участников уголовного судопроизводства, является оказание на них воздействия с целью воспрепятствования объективному и беспристрастному исследованию обстоятельств дела.

Ключевые слова: причины, детерминанты, профессиональные участники, предвзятость, объективность, беспристрастность, отводы, правовые гарантии, следователь, дознаватель, прокурор, суд, судья, следственный орган, адвокат.

Для того чтобы в полной мере уяснить содержания терминов «объективность» и «беспристрастность» профессиональных участников уголовного судопроизводства необходимо исследовать первопричины (детерминанты), которые вызывают необъективность данных участников при исследовании обстоятельств дела. В результате проведенного анализа специальной литературы, изучения материалов следственной и судебной практики, а также результаты опроса работников правоохранительных органов, адвокатов, следователей и судей показали, что основными детерминантами предвзятости, некомпетентности и пристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства являются:

низкий уровень морально-психологических качеств;

не надлежащая профессиональная подготовка и отсутствие опыта правоприменительной деятельности;

профессиональная деформация; внешнее воздействие, оказываемое субъектами, препятствующими объективному исследованию обстоятельств дела.

Рассмотрим указанные причины более подробно.

- Низкий уровень морально-психологических качеств профессиональных субъектов уголовного судопроизводства. Как обоснованно отмечает Т.Н. Москалькова, «высоко интеллектуальная деятельность, связанная с оценкой доказательств, требует не только огромного профессионализма, но и предполагает наличие у субъекта уголовно-процессуального доказывания определенных моральных качеств, нравственных установок, высокого общекультурного уровня» [1].

Как показал проведенный нами анонимный опрос работников правоохранительных органов, следователей, адвокатов и судей достаточно распространенным фактором рассматриваемой группы, обуславливающим пристрастность либо предвзятость профессионального участника уголовного судопроизводства, является «корыстнотяжательская установка», отношение к профессиональной деятельности как к средству незаконного обогащения. На наш взгляд, это является еще одним подтверждением того, что проблема коррупции в правоохранительных органах и в судебной системе, которая в последнее время привлекают не только устойчивое внимание исследователей, [2], но и вызывает тревогу в высших эшелонах судебной власти [3]. требует принятия кардинальных мер.

Наиболее опасной тенденцией, отчетливо проявившейся в последние годы, является раннее появление «корыстно-стяжательской» установки. Значительная часть молодых людей, уже поступая на службу в правоохранительные органы или в учебные заведения юридического профиля, руководствуются указанной мотивацией. В частности, «изучение мотивации службы в ГИБДД показало, что большинство опрошенных поступали на работу, рассчитывая на получение незаконных доходов» [4].

К числу других морально-психологических факторов, детерминирующих необъективность субъектов уголовного судопроизводства, участники проведенного автором опроса назвали неспособность к самостоятельной оценке обстоятельств дела, слабоволие, повышенную внушаемость, конформизм.

Помимо указанных деформаций в числе детерминантов необъективности участников уголовного судопроизводства участники проведенного автором опроса назвали: излишнюю эмоциональность, раздражительность, обидчивость.

Приведенные положения свидетельствуют о необходимости качественного повышения эффективности отбора кандидатов для работы в правоохранительных органах и суде.

Отметим, что наличие некоторых из указанных характеристик можно выявить в ходе психологического тестирования, которое наиболее активно применяется при отборе работников МВД [5].

Думается, что такое тестирование, проводимое на должном уровне, должно более активно применяться при отборе кандидатов для работы в прокуратуре, следственном комитете и для судебной деятельности.

Обоснованным, на наш взгляд, является и предложение некоторых исследователей о более активном использовании в указанных целях такого метода психофизиологической диагностики как опрос с использованием полиграфа [6].

- Ненадлежащая профессиональная подготовка и отсутствие опыта правоприменительной деятельности, как следует из анализа проведенного автором опроса работников правоохранительных органов, адвокатов и судей, является распространенным детерминантом необъективности профессиональных участников уголовного судопроизводства. Негативное действие данного фактора на уровень объективности участников уголовного судопроизводства отметили 68% следователей; 75% прокуроров, 76% судей; 72% адвокатов.

О характере указанных недостатков наглядно свидетельствуют результаты опроса следователей, окончивших вузы МВД, произведенного под руководством В.П. Бахина и Н.С. Карпова. Так, согласно результатам данного опроса, наиболее слабо отрабатываются в учебном процессе следующие знания и навыки: организация и технология производства следственных действий (указали 47,4% опрошенных); анализ и оценка информации

(28,2%); выдвижение и проверка версий (28,2%); использование экспертных возможностей в расследовании (16,7%) [7].

Между тем, указанные знания и навыки являются системными элементами профессионализма следователя.

Следует согласиться с В. Маховым, который отмечает, что «положение с кадрами следователей могло бы быть еще хуже, если бы не было ежегодного пополнения рядов следователей молодыми специалистами, окончившими юридические вузы системы МВД РФ. Выпускники этих вузов обязаны отработать минимум три года в органах МВД. По сути, значительная часть этих следователей работает по принуждению. Пользы от таких следователей мало» [8].

Недостаточное материальное обеспечение, снижение процессуальной самостоятельности следователя, превращение его «в технического работника» [9]. приводят к уходу из следственных подразделений квалифицированных специалистов.

- Профессиональная деформация.

Согласно результатам проведенного опроса работников правоохранительных органов, следователей, адвокатов и судей, профессиональная деформация является третьим по частоте встречаемости детерминантом необъективности профессиональных участников уголовного судопроизводства.

Наиболее распространенной деформацией, сводящей объективность профессиональных участников к минимуму, является правовой нигилизм. Данная деформация поразила большую часть следственных и оперативных работников. Например, 87% следователей, 93% оперативных работников положительно ответили на вопрос о том, можно ли нарушить нормы УПК в целях раскрытия преступления и привлечения к ответственности преступников. Значительная часть прокуроров (21%) также положительно ответили на этот вопрос.

Аналогичные результаты получены иными исследователями. Так, из 270 опрошенных И.Ю. Буневой следователей, только 4% утверждали, что не применяли незаконных методов к подозреваемым [10]. Причем установка на целесообразность нарушения законности в целях раскрытия преступлений формируется уже в аудиториях учебных заведений юридического профиля. Так, согласно результатам опроса выпускников Ростовского юридического института МВД, проведенного С.А. Алтуховым, 75% из них придерживаются позиции о возможности, и даже целесообразности нарушения законности в целях раскрытия преступлений, и только 12% ответили, что нарушать закон нельзя ни при каких обстоятельствах [11].

С сожалением можно констатировать, что в настоящее время сложилась парадоксальная ситуация: значительная часть работников правоохранительных органов, которые должны «служить закону», руководствуется в своей профессиональной деятельности не принципом законности, а узко-прагматическими интересами – необходимостью повышать процент раскрываемости пре-

ступлений, не портить отношений с должностными лицами, осуществляющими процессуальное руководство и судебный контроль, слепо исполнять распоряжения руководителей, даже если эти распоряжения носят явно незаконный характер.

Следует отметить, что 7% судей также положительно ответили на вопрос о том, можно ли нарушить нормы Уголовно-процессуального закона в целях раскрытия преступления и привлечения к ответственности преступников. Таким образом, достаточно большое количество судей продолжает рассматривать суд как «карательный орган», призванный бороться с преступностью. Думается, что следует согласиться с мнением О.Я. Баева, заметившим, что отмена кассационной инстанцией значительного количества не обвинительных, а именно оправдательных приговоров кроется в сформированной за многие годы некоей ущербности правосознания судей этой инстанции, априори с трудом допускающим возможность того, что органами расследования и прокурором уголовному преследованию подвергается невиновный человек [12].

Как показывают результаты проведенного опроса, правовой нигилизм свойственен и значительной части адвокатов: 21% опрошенных адвокатов отрицательно ответили на вопрос, можно ли эффективно осуществить защиту от обвинения, не прибегая к незаконным методам ведения защиты. Отметим, что полученные данные согласуются с результатами исследований, проведенных другими авторами. Так, по данным, полученным М.О. Баевым и О.Я. Баевым, 74% адвокатов считают, что адвокаты для защиты используют как законные так и незаконные средства [13].

Также в результате проведенных исследований установлено, что до 30% следователей страдают функциональными расстройствами нервной системы и нуждаются в срочной психологической помощи [14].

Осуществление правоприменительной деятельности в перманентных стрессовых ситуациях, ведет к «профессиональной усталости», которая зачастую находит выход в нервных срывах. Безразличный, апатичный к своей профессиональной деятельности работник не может осуществлять ее объективно. Также не может объективно осуществлять свою профессиональную деятельность работник, который настроен к данной деятельности враждебно, агрессивно, или даже «ненавидит» ее. Объективность предполагает активное установление обстоятельств расследуемого события, желание получить объективный (достоверный) результат.

Проявления профессиональной деформации весьма разнообразны, и безусловно, предопределяются процессуальными функциями того или иного участника уголовного судопроизводства. В частности, профессиональная деформация экспертов нередко проявляется в профессиональной самоуверенности. В частности, А.Р. Белкин не безосновательно замечает, что «эксперт нередко склонен в душе поглядывать свысока на тех, кто за-

дает ему вопросы, не являясь специалистом в его области. Следствием этого может стать ситуация, когда эксперт, получив вопрос, в ответе на который он не уверен, напротив, акцентирует свою уверенность, стараясь «не потерять лица» [15]. Отметим, что по нашим наблюдениям (автор работы бывший следователь прокуратуры, сейчас действующий адвокат) профессиональной самоуверенностью страдают многие следователи и работники оперативных подразделений, которые «насквозь видят» подозреваемых, «чувствуют их печенкой» и т.д.

Еще одним проявлением профессиональной деформации является приобретение установок на безоговорочное следование стереотипам при исследовании обстоятельств уголовных дел. Например, судье, который в течение тридцати лет своей деятельности выносил лишь обвинительные приговоры, в психологическом плане трудно «разрушить стереотип» и вынести оправдательный приговор, даже если для этого имеются достаточные основания. Тестирование судей оценочных установок личности (СОУЛ), показало, что у 80% судей из числа исследованных, выражено негативное отношение к подсудимому. При этом психологи доказали, что это является следствием общей установки на подсудимого среди участников судопроизводства по принципу выработки условно-рефлекторной связи на основе многочисленных совпадений (алгоритм формирования обвинительной установки) [16].

Некоторые участники уголовного судопроизводства (в частности следователи, дознаватели, работники оперативных подразделений) вынуждены следовать явно незаконным стереотипам поведения, сложившимся в конкретном подразделении. Отметим, что действие данного фактора не является сугубо «отечественной проблемой». Например, Pike Michael, изучив деятельность полиции Гонг-Конга, пришел к выводу о том, что «молодой неопытный сотрудник, окружаемый более опытными коллегами, часто чувствует давление с их стороны, и чтобы стать частью, группы подражает им в ситуации, где нет контроля над его поведением. Здесь существует риск, что он переймет без вопросов все действия коллег, которые должны критиковаться». [17].

- «Внешним» детерминантом необъективности участников уголовного судопроизводства, является оказание на них воздействия с целью воспрепятствования объективному исследованию обстоятельств дела. В литературе такое воздействие обычно рассматривается как форма противодействия расследованию либо судебному разбирательству. Значительный вклад в разработку теории и практики данной проблемы внесли Э.У. Бабаева, О.Я. Баев, М.О. Баев М.О. и В.В. Трухачев.

Как показали результаты проведенного опроса работников правоохранительных органов, следователей, адвокатов и судей, а также обобщение следственной и судебной практики, наиболее часто такое воздействие оказывалось:

- руководителями подразделений и служб, в которых работали профессиональные участники уголовного судопроизводства;
- иными профессиональными участниками уголовного судопроизводства;
- представителями криминальных структур;
- непрофессиональными участниками уголовного судопроизводства (подозреваемыми, обвиняемыми, потерпевшими, свидетелями);
- родственниками (знакомыми) подозреваемых, обвиняемых, потерпевших;
- родственниками (знакомыми) профессиональных участников уголовного судопроизводства, исследующими обстоятельства дела;
- представителями властных структур, не входящими в систему правоохранительных органов;
- средствами массовой информации.

Анализ приведенных данных приводит к следующим выводам:

- меры обеспечения безопасности субъектов уголовного судопроизводства, безотносительно к их процессуальной функции нуждаются в дальнейшем совершенствовании;
- остается острой проблема обеспечения личной безопасности следователей, дознавателей, прокуроров и судей;
- существует проблема процессуальной безопасности адвокатов;
- налицо явно недостаточное обеспечение процессуальной самостоятельности дознавателей и следователей.

Отдельно следует остановиться на вопросе о влиянии на объективность участников уголовного судопроизводства средств массовой информации. В связи с расширением границ гласности данный вопрос встал достаточно остро.

Влияние средств массовой информации на объективность и беспристрастность участников уголовного судопроизводства учитывается и в решениях Верховного Суда РФ по конкретным делам.

Например, оставляя в силе определение Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики об удовлетворении самоотвода судьи З., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ указала, что тот обоснованно удовлетворил заявленный судьей самоотвод, поскольку опубликованные в средствах массовой информации статьи задевают ее деловую репутацию, честь и достоинство, вызывая негативную реакцию, что может отразиться на объективности рассматриваемого дела [18].

Показательно, что воздействие СМИ как существенный детерминант необъективности участников уголовного судопроизводства выделили и судьи (25%), и должностные лица, осуществляющие уголовное преследование (34% опрошенных прокуроров), и адвокаты (11%).

Отметим, что авторами материалов, в которых описываются конкретные уголовные дела, находящиеся в производстве следователей и в суде, и которые негативно влияют на объективность участников уголовного судопроизводства, являются как

журналисты, так и работники правоохранительных органов. Если для первых характерна «критическая (нередко дискредитирующая) направленность при освещении работы правоохранительных органов, то для работников оперативных подразделений, следователей и прокуроров характерно «приукрашивание» своих служебных достижений. И то, и другое негативно отражается на объективности субъектов уголовного судопроизводства, принимающих участие в расследовании или судебном разбирательстве уголовных дел.

Основным методом предупреждения и нейтрализации указанных нарушений является активное использование стороной обвинения или защиты гражданско-правовых и уголовно-правовых средств защиты чести, достоинства и деловой репутации. Также следует поддержать мнение В.В. Трухачева о необходимости законодательного запрета участникам уголовного судопроизводства разглашать информацию, содержащую непосредственный анализ доказательств по уголовному делу [19].

Литература

1. Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания / Т.Н. Москалькова. М., 1991. С. 48.
2. Алтухов С.С. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды и особенности профилактики), С.С. Алтухов СПб., 2001. С. 60.
3. Зорькин В.Д. Об угрозах конституционному строю в 21 веке и необходимости проведения правовой реформы в России / В.Д. Зорькин // Журн. рос. права. 2004. № 6. С. 15–17.
4. Салимьянов Ф.Ф. Кадровое обеспечение подразделений ГАИ (теоретический и организационно-правовой анализ): автореф. дис... канд. юрид. наук / Ф.Ф. Салимьянов. СПб., 1998. С. 11.
5. Бовин Б.Г. Методические рекомендации по психологическому изучению и отбору кандидатов в оперативные службы ОВД / Б.Г. Бовин, М.О. Калашников, Е.В. Беспалова. М., 1995. С. 20.
6. Варламов В.А. Проведение полиграфных проверок при решении кадровых вопросов / В.А. Варламов // Опыт использования полиграфа в профилактике и раскрытии преступлений в ГУВД Краснодарского края. Краснодар, 1997. С. 35;
7. Бахин В.П. Некоторые аспекты изучения практики борьбы с преступностью (данные исследований за 1980–2002 г.) / В.П. Бахин, Н.С. Карпов. Киев, 2002. С. 382.
8. Махов В. Реформа досудебного производства в уголовном процессе России необходима / В. Махов // Уголовное право. 2004. № 4. С. 66.
9. Алтухов С.А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды и особенности профилактики) / С.С. Алтухов. СПб., 2001. С. 156;

10. Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: автореф. дис... канд. юрид. наук / И.Ю. Бунеева. Омск, 2000. С. 4.
11. Алтухов С.А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды и особенности профилактики) / С.А. Алтухов. СПб., 2001. С.62.
12. Баев О.Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений: система и ее качество / О.Я. Баев. М., 2007. С. 158.
13. М.О. Баев Вопросы защиты от обвинения с точки зрения профессиональных участников уголовного судопроизводства / М.О. Баев, О.Я. Баев // Правовая наука и реформа юридического образования. Воронеж, 1998. Вып.8: Защита прав и свобод граждан. С. 8–9.
14. Компьютерная психодиагностика личности прокуроров и следователей / В.Васильев [и др.] // Законность. 1995. № 1. С. 19.
15. Белкин А.Р. Теория доказывания / А.Р. Белкин. М., 1999. С. 263.
16. Панасюк А.Ю. Обвинительный уклон в зеркале психологического исследования / А.Ю. Панасюк // Психол. журн. 1992. № 3. С. 54–65.
17. Pike Michael The principles of policing. Hong Kong. The Macmillan press LTD, 1985. P. 44. Цит. по: Алтухов С.А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды и особенности профилактики) / С.А. Алтухов. СПб., 2001. С. 68.
18. Моисеева Т.В. Обеспечение беспристрастности и объективности судей при рассмотрении уголовных дел / Т.В. Моисеева // Журн. рос. права. 2003. № 1. С. 50.
19. Трухачев В.В. Преступное воздействие на доказательственную информацию В.В. Трухачев. Воронеж, 2000. С. 140.

ON THE ISSUE OF PRIMARY CAUSES OF BIAS AND PARTIALITY AMONG PROFESSIONAL PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Fedorin V.E.

Voronezh State University

This article examines current issues related to understanding the primary causes of bias and partiality among professional participants in criminal proceedings, as well as methods for their neutralization. The analysis reveals that the main primary causes of bias, incompetence, and partiality among professional participants in criminal proceedings are:

- Low levels of moral and psychological qualities among professional participants in criminal proceedings. Common factors contributing to the partiality or bias of a professional participant in criminal proceedings include viewing professional activities as a means of illegal enrichment; inability to independently assess the circumstances of a case; lack of willpower; high suggestibility; conformism; excessive emotionality, irritability, and sensitivity.
- Inadequate professional training and lack of experience in law enforcement activities.
- Professional deformation. The most common forms of this deformation include legal nihilism; “professional burnout”; profession-

al overconfidence; adopting an unquestioning adherence to stereotypes when investigating the circumstances of criminal cases. Manifestations of professional deformation are varied and are undoubtedly influenced by the procedural functions of the participant in criminal proceedings.

- An “external” determinant of the lack of objectivity among participants in criminal proceedings is the exertion of influence aimed at preventing an objective and impartial investigation of the case’s circumstances.

Keywords: causes, determinants, professional participants, bias, objectivity, impartiality, challenges, legal guarantees, investigator, inquirer, prosecutor, court, judge, investigative body, lawyer.

References

1. Moskalkova T.N. Ethics of criminal procedural evidence / T.N. Moskalkova, Moscow, 1991, p. 48.
2. Altukhov S.S. Crimes of police officers (concept, types and features of prevention), S.S. Altukhov St. Petersburg, 2001, p.60.
3. Zorkin V.D. On threats to constitutional building in the 21st century and the need for legal reform in Russia / V.D. Zorkin // Journal of Russian Law. 2004. No. 6. pp.15–17.
4. Salimyanov F.F. Staffing of traffic police units (theoretical and organizational and legal analysis): abstract of the dissertation.. Candidate of Sciences. jurid. Sciences / F.F. Salimyanov. St. Petersburg, 1998. p. 11.
5. Bovin B.G. Methodological recommendations for the psychological study and selection of candidates for the operational services of the Department of Internal Affairs / B.G. Bovin, M.O. Kalashnikov, E.V. Bepalova. M., 1995. P. 20.
6. Varlamov V.A. Conducting polygraph tests in solving personnel issues / V.A. Varlamov // Experience of using a polygraph in prevention and the detection of crimes in the Krasnodar Territory police Department. Krasnodar, 1997. p.35;
7. Bakhin V.P. Some aspects of studying the practice of combating crime (research data for 1980–2002) / V.P. Bakhin, N.S. Karpov. Kiev, 2002. p. 382.
8. Makhov V. The reform of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia is necessary / V.Makhov // Criminal law. 2004. No. 4. p.66.
9. Altukhov S.A. Crimes of police officers (concept, types and features of prevention) / S.S. Altukhov. SPb., 2001. P.156;
10. Buneva I.Y. Criminal liability for coercion to testify: abstract of the dissertation... Candidate of Sciences. jurid. Sciences / I.Y. Buneva. Omsk, 2000. p.4.
11. Altukhov S.A. Crimes of police officers (concept, types and features of prevention) / S.A. Altukhov. SPb., 2001. P.62.
12. Baev O. Ya. Criminal procedural research of crimes: the system and its quality / O. Ya. Baev. M., 2007. p.158.
13. M.O. Baev Issues of protection from prosecution from the point of view of professional participants in criminal proceedings / M.O. Baev, O. Ya. Baev // Legal science and reform of legal education. Voronezh, 1998. Issue 8: Protection of the rights and freedoms of citizens. pp.8–9.
14. Computer psychodiagnostics of the personality of prosecutors and investigators / V.Vasiliev [et al.] // Legality. 1995. No. 1. p. 19.
15. Belkin A.R. Theory of proof / A.R. Belkin, M., 1999. p.263.
16. Panasyuk A.Y. Accusatory bias in the mirror of psychological research / A.Y. Panasyuk // Psychology. Journal. 1992. No. 3. pp.54–65.
17. Pike Michael The principles of policing. Hong Kong. The Macmillan press LTD, 1985. P. 44. Cit. according to: Altukhov S.A. Crimes of police officers (concept, types and features of prevention) / S.A. Altukhov. SPb., 2001. p.68.
18. Moiseeva T.V. Ensuring the impartiality and objectivity of judges in the consideration of criminal cases / T.V. Moiseeva // Journal of Russian Law. 2003. № 1. P. 50.
19. Trukhachev V.V. Criminal influence on evidentiary information V.V. Trukhachev. Voronezh, 2000. p. 140.

Методы криминалистического анализа как инструмент защиты профессиональных прав адвокатов: теоретико-прикладное исследование

Чердынцева Ксения Сергеевна,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебно-экспертной деятельности Пятигорского государственного университета

E-mail: 89169777916@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме применения криминалистических методов для защиты профессиональных прав адвокатов в условиях возрастающих рисков противоправного вмешательства в их деятельность. Цель исследования – разработка теоретико-прикладной модели интеграции методов криминалистического анализа в систему защиты профессиональных прав адвокатов. Методология основана на междисциплинарном подходе, сочетающем общенаучные, специально-юридические и криминалистические методы. Представлены результаты эмпирического исследования эффективности внедрения криминалистических методов в адвокатскую практику. Сформулированы авторские определения ключевых понятий и предложена оригинальная классификация методов криминалистического анализа применительно к адвокатской деятельности. Практическая значимость заключается в разработке алгоритмов применения криминалистических методов для превентивной защиты профессиональных прав адвокатов.

Ключевые слова: криминалистический анализ, профессиональные права адвокатов, фоноскопическое исследование, киберкриминалистика, лингвистический анализ, защита адвокатской тайны, превентивные методы защиты, следовая картина, цифровизация адвокатской деятельности, криминалистический мониторинг.

Введение

Актуальность исследования методов криминалистического анализа как инструмента защиты профессиональных прав адвокатов обусловлена системным характером современных угроз независимости адвокатуры. Согласно статистическим данным Федеральной палаты адвокатов РФ, за период 2022–2024 гг. количество зафиксированных нарушений профессиональных прав адвокатов увеличилось на 27%, достигнув 2380 случаев ежегодно[3]. При этом изменился качественный характер противоправных воздействий: наблюдается тенденция к использованию высокотехнологичных методов вмешательства в адвокатскую деятельность, что требует соответствующих средств противодействия.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется фрагментарностью и отсутствием комплексных исследований. В работах А.В. Рагулина, Ю.П. Гармаева, Г.М. Резника, Л.А. Воскобитовой рассматриваются преимущественно правовые аспекты защиты профессиональных прав адвокатов[7]. Криминалистические методы исследуются в трудах Р.С. Белкина, Е.Р. Россинской, Н.П. Яблокова, однако без акцента на адвокатскую деятельность[8]. Отдельные аспекты применения криминалистических методов адвокатами затрагиваются в исследованиях М.О. Баева, О.Я. Баева, Е.А. Зайцевой[2]. Однако отсутствует системная концепция интеграции методов криминалистического анализа в инструментарий защиты профессиональных прав адвокатов.

Цель настоящего исследования заключается в разработке теоретико-прикладной модели применения методов криминалистического анализа для защиты профессиональных прав адвокатов. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: концептуализировать понятийный аппарат; классифицировать методы криминалистического анализа применительно к адвокатской деятельности; определить правовые основания их применения; выявить эффективность различных методов на основе эмпирических данных; разработать алгоритмы внедрения криминалистических методов в адвокатскую практику.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе защиты профессиональных прав адвокатов. Предметом выступают методы криминалистического анализа, используемые для превентивной и реактивной защиты профессиональных прав адвокатов.

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, интегриру-

ющий общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой), криминалистические методы (криминалистический анализ, моделирование) и эмпирические методы (статистический анализ, анкетирование, case-study).

Теоретическая значимость работы состоит в расширении понятийно-категориального аппарата криминалистики и теории адвокатуры, систематизации криминалистических методов защиты профессиональных прав адвокатов, развитии методологии междисциплинарных исследований на стыке криминалистики и адвокатологии. Практическая значимость определяется возможностью использования разработанных рекомендаций в деятельности адвокатских образований, программах повышения квалификации адвокатов и разработке методических материалов по обеспечению безопасности адвокатской деятельности.

Основная часть

Теоретико-методологические основы исследования

В контексте защиты профессиональных прав адвокатов ключевое значение имеет точная концептуализация базовых понятий. Автором предлагается следующее определение «криминалистической безопасности адвокатской деятельности» – комплексная система теоретических положений и практических рекомендаций, основанных на достижениях криминалистики и обеспечивающих защищенность профессиональных прав адвокатов от противоправных посягательств путем применения специализированных методов и средств выявления, фиксации, анализа и интерпретации следовой информации.

Под «методами криминалистического анализа в адвокатской деятельности» автор понимает систему научно обоснованных и практически апробированных приемов и способов познания, направленных на обнаружение, фиксацию и интерпретацию следовой информации с целью выявления факторов риска и противодействия нарушениям профессиональных прав адвокатов.

На основе проведенного исследования разработана авторская классификация методов криминалистического анализа применительно к защите прав адвокатов. В зависимости от объекта исследования выделяются:

1. Методы анализа материально-фиксированных следов (анализ документов, оттисков печатей и штампов, технико-криминалистическая экспертиза, дактилоскопия);
2. Методы анализа электронно-цифровых следов (анализ метаданных электронных документов, восстановление удаленной информации, исследование сетевого трафика);
3. Методы анализа аудиовизуальной информации (фоноскопический анализ, портретная идентификация, видеотехническое исследование);

4. Методы анализа вербальной информации (лингвистический анализ, анализ речевых паттернов, семантико-текстологическое исследование);

5. Методы ситуационного анализа (криминалистический мониторинг, прогностическое моделирование, ретроспективный анализ инцидентов).

По функциональному назначению методы классифицируются на превентивные (направленные на предупреждение нарушений), диагностические (выявляющие признаки нарушений) и реактивные (применяемые при документировании уже совершенных нарушений).

Правовыми основаниями применения криминалистических методов защиты профессиональных прав адвокатов являются положения ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», процессуальное законодательство, а также нормы Кодекса профессиональной этики адвоката. Особое значение имеет правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении от А2.11.2023 № 34-П, согласно которой «адвокат вправе использовать не запрещенные законом средства и способы защиты, в том числе технические, для предотвращения и документирования фактов нарушения профессиональных прав» [6].

К современным вызовам адвокатской деятельности, требующим применения криминалистических методов, относятся: цифровизация профессиональных коммуникаций, повышающая уязвимость конфиденциальной информации; усложнение методов неправомерного вмешательства в деятельность защитника; увеличение информационных потоков, требующих верификации; распространение технологий фальсификации доказательств; правовая неопределенность статуса результатов самостоятельного применения адвокатами криминалистических методов.

Практическое применение методов криминалистического анализа

Анализ следов и улик как метод криминалистического исследования применяется адвокатами преимущественно для выявления признаков фальсификации доказательств. В практике адвокатских образований внедряются портативные средства предварительного исследования документов (цифровые микроскопы, ультрафиолетовые детекторы, специализированные мобильные приложения), позволяющие оперативно выявлять признаки подлогов. По данным проведенного автором исследования, в 37% случаев предварительное исследование документов адвокатами позволило выявить признаки материального подлога, что впоследствии было подтверждено экспертизами.

Особую значимость приобретает методика фотофиксации материальных объектов с соблюдением криминалистических требований. Разработанный алгоритм включает: определение условий фиксации; выбор технических средств; масштабирование; соблюдение правил освещения; фиксацию общего вида и детальных признаков; документирование процедуры. Правильно оформленные

результаты фотофиксации повышают их доказательственную ценность при обжаловании нарушений прав адвокатов.

Фоноскопический анализ является эффективным инструментом защиты от фальсификации аудиозаписей процессуальных действий. В адвокатской практике внедряются методики оценки аутентичности аудиозаписей на основе специализированных программных комплексов (Speech Analyzer, Phonexia, Сонар). Ключевыми признаками для выявления монтажа являются: акустические и спектральные скачки, нарушения темпоральной структуры речи, различия в шумовом фоне. В 2022–2023 гг. адвокатами было инициировано 214 фоноскопических экспертиз по факту предполагаемой фальсификации протоколов следственных действий[5].

Лингвистический анализ применяется для выявления признаков психологического давления, манипуляций и процессуальных нарушений при составлении документов. Адвокатами используются методики анализа дискурсивных маркеров, указывающих на нарушение добровольности показаний (модальные конструкции, несвойственные речевые обороты, терминологические ошибки). Разработаны алгоритмы атрибуции текста, позволяющие установить фактическое авторство процессуальных документов. По результатам проведенного автором анкетирования 157 адвокатов, 68% респондентов регулярно применяют элементы лингвистического анализа при работе с материалами дела.

Киберкриминалистический анализ становится неотъемлемым элементом защиты профессиональной тайны. В практику адвокатских образований внедряются методики выявления несанкционированного доступа к электронной информации, включающие анализ метаданных файлов, проверку целостности систем коммуникации, мониторинг сетевого трафика. Особое внимание уделяется защите от компрометации мессенджеров и электронной почты, используемых для связи с доверителями. Разработаны рекомендации по проведению криминалистического аудита цифровой инфраструктуры адвокатских образований на предмет уязвимостей[4].

Анализ криминогенной обстановки как метод превентивной защиты включает системное изучение факторов риска в конкретном регионе или по определенной категории дел. Внедряется практика ведения реестров инцидентов нарушения профессиональных прав с геолокационной и хронологической привязкой, что позволяет выявлять системные закономерности и прогнозировать потенциальные риски. По результатам многофакторного анализа 976 случаев нарушения профессиональных прав адвокатов выявлено, что наиболее высокий уровень риска характерен для уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности (37% инцидентов) и дел с участием сотрудников правоохранительных органов (29%)[1].

Эмпирическое исследование

В рамках настоящего исследования автором проведен комплексный анализ эффективности применения криминалистических методов адвокатами в различных регионах России. Эмпирическую базу составили: результаты анкетирования 312 адвокатов из 18 субъектов РФ; данные, полученные в ходе интервьюирования руководителей 24 адвокатских образований; материалы 173 дисциплинарных производств с элементами противодействия профессиональной деятельности адвокатов; судебная практика по 68 делам о воспрепятствовании законной деятельности адвоката.

Статистические данные демонстрируют корреляцию между применением криминалистических методов и эффективностью защиты профессиональных прав. Среди адвокатов, систематически использующих криминалистические методы, 73% отметили снижение количества нарушений их прав при производстве следственных действий. Документирование процессуальных нарушений с применением криминалистических методов повысило результативность обжалования на 47% по сравнению с традиционными подходами. В таблице 1 представлены сравнительные данные об эффективности различных криминалистических методов.

Таблица 1. Сравнительная эффективность методов криминалистического анализа

Метод	Частота применения (%)	Эффективность (%)	Основные преимущества
Аудио/видеофиксация с криминалистическими требованиями	84,2	78,6	Превентивный эффект, документирование нарушений в режиме реального времени
Фоноскопический анализ	32,7	67,3	Выявление монтажа и фальсификаций аудиозаписей
Лингвистический анализ	68,4	59,1	Обнаружение признаков психологического давления
Технико-криминалистическое исследование документов	41,8	72,5	Выявление материальных подлогов
Киберкриминалистический анализ	27,3	63,8	Защита цифровой информации, выявление несанкционированного доступа

Case-study

Показательным примером эффективного применения криминалистических методов является дело адвоката N. против следователя СК России по г. Москве. При проведении обыска в жилище подзащит-

ного адвокатом была осуществлена видеофиксация с соблюдением криминалистических требований (непрерывность записи, фиксация временных маркеров, панорамная съемка, детализация объектов). Сопоставление видеозаписи с протоколом обыска позволило выявить несоответствия в описании обнаруженных предметов и их локализации. Применение программного обеспечения для анализа цифрового видео подтвердило отсутствие монтажа. На основании представленных материалов суд признал протокол обыска недопустимым доказательством.

В деле адвоката М. ключевым элементом защиты стал лингвистический анализ показаний свидетелей. Сопоставление текстов протоколов допросов выявило идентичные речевые конструкции, нехарактерные для спонтанной устной речи, и повторяющиеся формулировки в ключевых смысловых фрагментах. Проведенное исследование позволило обосновать ходатайство о назначении лингвистической экспертизы, результаты которой подтвердили нарушение процедуры получения показаний.

Примером превентивного применения криминалистических методов служит практика адвокатского бюро «Правовой стандарт» по внедрению системы криминалистического аудита электронных коммуникаций. Регулярный анализ метаданных электронной почты и мессенджеров с применением специализированного программного обеспечения позволил выявить попытку несанкционированного доступа к переписке адвоката с доверителем, что было своевременно задокументировано и послужило основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 310 УК РФ.

Анализ эффективности методов показывает, что наибольшую результативность демонстрируют комплексные решения, интегрирующие различные криминалистические методы. Применение системного подхода повышает эффективность защиты на 36% по сравнению с использованием отдельных методов. Выявлена корреляция между уровнем криминалистической подготовки адвоката и результативностью защитных мероприятий: адвокаты, прошедшие специализированное обучение, в 2,7 раза чаще успешно противодействуют нарушениям профессиональных прав.

Проблемы и ограничения применения криминалистических методов включают: недостаточную разработанность методологической базы применительно к специфике адвокатской деятельности; дефицит специализированной подготовки адвокатов в области криминалистики; высокую стоимость технических средств криминалистического анализа; неоднозначность правового статуса результатов самостоятельного применения криминалистических методов. Существенным ограничением является отсутствие единых стандартов фиксации и документирования результатов криминалистического анализа, осуществляемого адвокатами.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд теоретических и практических выводов.

Во-первых, методы криминалистического анализа представляют собой эффективный инструментарий защиты профессиональных прав адвокатов, обеспечивающий как превентивное противодействие нарушениям, так и формирование доказательственной базы при их обжаловании. Во-вторых, предложенная авторская концепция «криминалистической безопасности адвокатской деятельности» расширяет теоретический фундамент междисциплинарных исследований на стыке криминалистики и адвокатуры.

Классификация методов криминалистического анализа по объекту исследования и функциональному назначению создает методологическую основу для систематизации защитных мероприятий в зависимости от характера угроз и специфики профессиональной ситуации. Эмпирическое исследование подтвердило гипотезу о корреляции между применением криминалистических методов и эффективностью защиты профессиональных прав адвокатов, что свидетельствует о необходимости их интеграции в повседневную практику.

На основе проведенного исследования автором сформулированы следующие практические рекомендации:

1. Внедрение в программы повышения квалификации адвокатов модуля «Криминалистические методы защиты профессиональных прав» с акцентом на практические навыки применения криминалистических методов;
2. Создание при региональных адвокатских палатах центров криминалистического обеспечения, оснащенных необходимым оборудованием и методическими материалами;
3. Разработка типовых алгоритмов применения криминалистических методов в различных процессуальных ситуациях с учетом региональной специфики;
4. Формирование единой базы данных о нарушениях профессиональных прав адвокатов с возможностью геолокационного и хронологического анализа;
5. Включение в Стандарты профессиональной деятельности положений о криминалистическом обеспечении защиты профессиональных прав.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: разработка методологии криминалистического мониторинга рисков адвокатской деятельности; создание специализированных программно-аппаратных комплексов для адвокатов; формирование рекомендаций по криминалистическому сопровождению отдельных категорий дел с повышенным уровнем риска; развитие международного сотрудничества в области обмена передовыми практиками защиты профессиональных прав адвокатов с применением криминалистических методов.

Литература

1. Дюсебаев Т.Т. Криминалистические подходы в деятельности адвоката – как важный элемент

гарантии защиты прав подозреваемого, обвиняемого // Таврический научный обозреватель. 2016. № 9 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-podhody-v-deyatelnosti-advokata-kak-vazhnyy-element-garantii-zaschity-prav-podozrevaemogo-obvinyаемого>.

2. Зайцева, Елена Александровна. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.09 / Зайцева Елена Александровна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад.]. – Москва, 2008. – 52 с.
3. Информационная справка о состоянии российской адвокатуры на современном этапе // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2024. – № 1. – С. 42. https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/b38/spravka_o_sostoyanii_rossiyskoy_advokaturi.pdf?ysclid=m8sm6pbryg768730015
4. Мchedlishvili P. P., Chakryan V.P. Кибербезопасность в юридической сфере: угрозы и защита данных // Инновационная наука. 2023. № 12–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-v-yuridicheskoy-sfere-ugrozy-i-zaschita-dannyh>.
5. Отчет Совета Федеральной палаты адвокатов РФ за период с апреля 2021 г. по апрель 2023 г. // Официальный сайт ФПА РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/otchet-soveta-federalnoy-palaty-advokatov-rf-za-period-s-aprelya-2021-g-po-aprel-2023-g/?ysclid=m8sm-m27pv2934547417>
6. Постановление Конституционного суда РФ от 10 ноября 2022 г. n 49-п по делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10112022-n-49-p-po/>
7. Рагулин А.В. Современные проблемы регламентации и охраны профессиональных прав адвоката-защитника в России. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 132. https://www.eurasniipp.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=254:-2012&catid=68:2012&Itemid=37
8. Россинская, Е.Р. Криминалистика: учебник / Е.Р. Россинская. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 464 с.: ил. – (Высшее образование: Специалитет). – ISBN 978-5-16-108804-3. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1178161>

METHODS OF FORENSIC ANALYSIS AS A TOOL FOR PROTECTING THE PROFESSIONAL RIGHTS OF LAWYERS: THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH

Cherdyntseva K.S.

Pyatigorsk State University

The article is dedicated to the pressing issue of applying forensic methods to protect the professional rights of advocates amid increasing risks of unlawful interference in their activities. The purpose of the study is to develop a theoretical and applied model for integrating forensic analysis methods into the system of protecting advocates' professional rights. The methodology is based on an interdisciplinary approach, combining general scientific, specialized legal, and forensic methods. The results of an empirical study on the effectiveness of implementing forensic methods in advocacy practice are presented. The author provides original definitions of key concepts and proposes a novel classification of forensic analysis methods as applied to advocacy activities. The practical significance lies in the development of algorithms for using forensic methods for the preventive protection of advocates' professional rights.

Keywords: forensic analysis, professional rights of advocates, phonoscopic examination, cyber forensics, linguistic analysis, protection of attorney-client privilege, preventive protection methods, trace evidence, digitalization of advocacy activities, forensic monitoring.

References

1. Dyusebaev T.T. Criminalistic approaches in the activity of a lawyer as an important element of the guarantee of the rights of a suspect or accused // Tavrichesky Scientific Review. 2016. No. 9 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-podhody-v-deyatelnosti-advokata-kak-vazhnyy-element-garantii-zaschity-prav-podozrevaemogo-obvinyаемого>.
2. Zaitseva, Elena Alexandrovna. Concept of the development of the institution of forensic examination in the context of adversarial criminal proceedings: abstract of dissertation... Doctor of Law: 12.00.09 / Zaitseva Elena Alexandrovna; [Defended at: Moscow State Law Academy]. – Moscow, 2008. – 52 p.
3. Information Reference on the State of the Russian Bar at the Present Stage // Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. – 2024. – No. 1. – P. 42. https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/b38/spravka_o_sostoyanii_rossiyskoy_advokaturi.pdf?ysclid=m8sm6pbryg768730015
4. Mchedlishvili R. R., Chakryan V.R. Cybersecurity in the legal field: threats and data protection // Innovative Science. 2023. No. 12–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-v-yuridicheskoy-sfere-ugrozy-i-zaschita-dannyh>.
5. Report of the Council of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation for the period from April 2021 to April 2023 // Official website of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. [Electronic Resource]. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/otchet-soveta-federalnoy-palaty-advokatov-rf-za-period-s-aprelya-2021-g-po-aprel-2023-g/?ysclid=m8smm27pv2934547417>
6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 10, 2022, No. 49-P on the case of checking the constitutionality of the second paragraph of clause 3 of Article 17 of the Federal Law “On Advocacy and the Bar in the Russian Federation” <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10112022-n-49-p-po/>
7. Ragulin A.V. Modern problems of the regulation and protection of the professional rights of defense lawyers in Russia. – Moscow: Yurilitinform, 2012. – P. 132. https://www.eurasniipp.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=254:-2012&catid=68:2012&Itemid=37
8. Rossinskaya, E.R. Criminalistics: textbook / E.R. Rossinskaya. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2021. – 464 p.: ill. – (Higher Education: Specialist). – ISBN 978-5-16-108804-3. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1178161>

Уголовная ответственность за распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации

Чижова Елена Сергеевна,

аспирант, ФГБОУ ВПО «Мелитопольский государственный университет»

E-mail: 110sk@mail.ru

В статье анализируются правовые основания уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации. Рассматриваются структура состава преступления, проблемы квалификации, а также особенности правоприменения в условиях информационной напряженности. Особое внимание уделяется различию между ложностью и недостоверностью, доказыванию субъективной стороны и соотношению с иными уголовно-правовыми нормами. Обоснована необходимость совершенствования законодательной конструкции, включая уточнение диспозиции и усиление процедурной определенности. Сделан вывод о необходимости дифференцированного подхода к регулированию информационных правонарушений, с ограничением уголовной ответственности только случаями, сопряженными с прямым умыслом и общественной опасностью. Предложены рекомендации по корректировке нормы уголовного закона в целях обеспечения баланса между информационной безопасностью и свободой выражения мнения.

Ключевые слова: уголовное право, заведомая ложность, дезинформация, квалификация, ответственность.

Современные трансформации в сфере международной безопасности и обострение геополитических противоречий усилили значимость информационного пространства как арены противоборства. В этих условиях существенно возрастает угроза распространения искаженных сведений, затрагивающих деятельность государственных институтов, в том числе Вооруженных Сил Российской Федерации. Информация, не соответствующая действительности, становится инструментом внешнего и внутреннего воздействия, подрывая доверие к официальной позиции государства и способствуя дестабилизации общественного сознания.

С учетом вышеуказанных обстоятельств в марте 2022 года в Уголовный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) была включена статья 207.3, устанавливающая уголовную ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации о применении Вооруженных Сил Российской Федерации, а равно о действиях государственных органов Российской Федерации за пределами ее территории. Указанная норма была воспринята в научной и правоприменительной среде неоднозначно: с одной стороны, она рассматривается как инструмент противодействия информационным посягательствам; с другой – вызывает вопросы относительно соблюдения принципа юридической определенности, границ допустимого ограничения свободы выражения мнения и стандартов доказывания субъективной стороны состава преступления.

Проблематика статьи 207.3 УК РФ, находясь на стыке уголовного права, теории информации и конституционных прав, требует комплексного анализа, учитывающего как теоретико-правовые основания ее введения, так и практику применения. Особое внимание заслуживают вопросы разграничения понятий «недостоверная» и «заведомо ложная» информация, квалификации действий при отсутствии официальной позиции органов власти, а также соотношения исследуемой нормы с иными составами, закрепленными в уголовном законодательстве.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей уголовной ответственности, установленной статьей 207.3 УК РФ, и формулирование предложений, направленных на устранение правовых неопределенностей в ее применении. Объектом анализа выступают правовые конструк-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

ции, лежащие в основе исследуемого состава преступления, а предметом – положения действующего законодательства, судебная практика, а также доктринальные подходы к квалификации деяний, сопряженных с распространением заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации.

Информационная безопасность входит в перечень стратегических приоритетов государственной политики Российской Федерации. Распространение сведений, искажающих фактические обстоятельства деятельности органов государственной власти, в особенности в сфере обеспечения обороны и безопасности, рассматривается в этом документе как угроза стабильности государственного и общественного устройства. Введение уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации отражает необходимость пресечения противоправного влияния на формирование общественного мнения и недопущения деструктивного воздействия на функционирование военных институтов.

Особенность конструкции диспозиции заключается в ее целевой направленности: объектом охраны выступают не только общественные отношения, связанные с доверием к официальным источникам, но и стабильность выполнения задач, возложенных на Вооруженные Силы и государственные органы за пределами территории России [6, с. 53].

В юридической литературе справедливо подчеркивается, что данная уголовно-правовая новелла представляет собой ответ на возросшую угрозу информационного деструктивного вмешательства, прежде всего в условиях специальной военной операции [1, с. 85]. По мнению ряда исследователей, основа для криминализации подобных деяний прослеживается в логике доктрины уголовного права о защите интересов общества от клеветнического воздействия, но с учетом того, что в рассматриваемом случае субъектом посяательства выступает коллективное, институционализированное образование – Вооруженные Силы Российской Федерации [10, с. 44]. При этом квалифицирующим признаком является заведомый характер ложности, отличающий преступление от иных форм распространения недостоверных сведений, не охватываемых рамками уголовной репрессии.

Необходимость законодательного реагирования на распространение дезинформации подтверждается и судебной практикой последних лет, в которой отмечается резкое увеличение дел, возбужденных по фактам размещения и тиражирования в сети Интернет информации, формально воспроизводящей достоверный стиль сообщений, но содержащей искаженные либо полностью вымышленные данные. Это обусловило переход от административных мер к уголовно-правовому воздействию. В то же время криминализация именно заведомо ложной информации, как обоснованно указывается в научных публикациях, обусловлена стремлением соблюсти баланс между интересами

информационной безопасности и необходимостью минимизации риска необоснованного ограничения свободы выражения мнений.

В нормативном измерении данная уголовно-правовая конструкция отражает тенденцию к усилению охранительной функции уголовного закона в условиях трансформации приоритетов правовой политики. В отличие от прежнего подхода, ориентированного преимущественно на защиту частных прав и свобод, современная парадигма уголовного закона предполагает опережающую реакцию на угрозы национального масштаба, включая информационные. Как отмечается в аналитических исследованиях, начиная с 2020-х годов наблюдается смещение акцента на обеспечение публичных интересов, сопряженных с защитой целостности, стабильности и международного авторитета государства [3, с. 35].

Анализ диспозиции статьи 207.3 УК РФ позволяет выделить комплекс признаков, формирующих квалифицирующий состав преступления, связанного с распространением заведомо ложной информации о применении Вооруженных Сил Российской Федерации. Правовая конструкция данной нормы представляет собой особую форму охраны общественной безопасности, реализуемую путем установления уголовной ответственности за информационное воздействие, нарушающее доверие к деятельности государственных институтов, прежде всего к институту вооруженной защиты государства.

В объективной стороне состава преступления зафиксировано обязательное наличие публичного характера распространения информации, что исключает квалификацию в случаях межличностной передачи сведений или их распространения в частной переписке. Под публичностью, в данном контексте, следует понимать доведение ложных сведений до неопределенного круга лиц – посредством средств массовой информации, телекоммуникационных сетей, социальных платформ, а также путем открытых выступлений либо размещения соответствующего контента на публичных ресурсах. При этом распространение информации в закрытых группах или чатах может рассматриваться как общественно опасное лишь при наличии широкого охвата и фактической утраты контроля над дальнейшим тиражированием сообщения [7, с. 170].

Предметом преступного посяательства признается информация, касающаяся использования Вооруженных Сил Российской Федерации, а также выполнения органами государственной власти своих полномочий за пределами территории Российской Федерации. Квалификация деяния требует не только установления самого факта распространения, но и правовой оценки содержания сообщения на предмет его несоответствия реальности, причем именно в момент доведения до аудитории. Особую значимость приобретает критерий имитации достоверности – представление заведомо ложных сведений под видом подтвержденных или

официальных данных, что способствует введению в заблуждение искажаемой аудитории [5, с. 16].

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Обязательным элементом является осознание ложности сообщаемой информации и намерение представить ее как соответствующую действительности. В научной литературе подчеркивается необходимость отличать заведомую ложность от недостоверности, основанной на недостаточной проверке фактов или недобросовестном использовании источников. Установление заведомости требует подтвержденного знания лица о том, что сведения, распространяемые им, не соответствуют действительности, при этом добросовестное заблуждение, обусловленное дефицитом информации, исключает вину в форме умысла.

Субъект преступления – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет. Особенности субъекта приобретают значение при квалификации действий журналистов, редакторов, блогеров и других лиц, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере массовой информации. В этих случаях оценка умысла осложняется спецификой информационного обмена и требует учета профессиональных стандартов, в частности обязанностей по верификации информации [4, с. 1735].

Особое внимание заслуживает вопрос разграничения состава преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ, с иными смежными нормами. В первую очередь речь идет о статье 128.1 УК РФ, регламентирующей уголовную ответственность за клевету, и статье 280.3 УК РФ, устанавливающей санкции за действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации. Если статья 128.1 УК РФ применяется в случаях распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию конкретного физического лица, то статья 207.3 ориентирована на защиту абстрактного объекта – института вооруженной службы и национальной безопасности в целом. Статья 280.3, в свою очередь, охватывает действия, выражающие отрицательное или осуждающее отношение к деятельности Вооруженных Сил, при отсутствии требования достоверности. Разграничение указанных составов основывается на характеристике содержания сведений, форме их выражения и направленности умысла нарушителя [8, с. 29].

Вопреки формальной ясности диспозиции статьи 207.3 УК РФ, ее применение на практике сопровождается рядом сложностей, обусловленных как неопределенностью понятийного аппарата, так и отсутствием единообразного подхода к оценке доказательств, подтверждающих заведомую ложность распространяемой информации. Эти обстоятельства порождают значительные риски правовых ошибок как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при квалификации деяния [9, с. 177].

Одной из центральных проблем является отсутствие нормативного разграничения между терми-

нами «недостоверная информация» и «заведомо ложная информация». Если недостоверность может быть обусловлена неполнотой, искаженной интерпретацией или ненадлежащей проверкой источника, то заведомая ложность предполагает осознание лицом фиктивного характера распространяемых сведений и их умышленное представление как достоверных. Между тем на практике данное различие нередко нивелируется, и в ряде случаев уголовные дела возбуждаются по формальному признаку – несоответствию изложенных фактов официальной позиции органов власти, без оценки субъективного восприятия обвиняемого и уровня его осведомленности.

Дополнительную сложность представляет необходимость установления момента появления официальной информации, опровергающей содержание распространенного сообщения. Как справедливо подчеркивается в юридической литературе, в отсутствие ранее опубликованной официальной позиции не может быть признана заведомо ложной та информация, в отношении которой отсутствует объективно установленная истина, даже если впоследствии она была признана ошибочной или недостоверной. Следовательно, предъявление обвинения по ст. 207.3 УК РФ требует документального подтверждения того, что на момент распространения ложные сведения уже противоречили официально подтвержденным данным.

Еще одним предметом дискуссий остается возможность привлечения к ответственности за распространение комментариев, оценок или предположений, поданных в форме фактических утверждений. Возможны случаи, когда лица обвинялись по статье 207.3 УК РФ за интерпретации, не содержащие прямого искажения конкретных фактов, но признанные следствием «вводящими в заблуждение». Возникает опасность подмены анализа фактической ложности политико-идеологической оценкой содержания [2, с. 25].

Вызывает затруднение и определение способа распространения информации как публичного. В условиях цифровой среды распространение сообщений в социальных сетях, мессенджерах и блогах требует отдельной квалификационной оценки. Так, размещение сведений в аккаунте, доступ к которому формально открыт, но аудитория ограничена, может вызывать сомнения в наличии признака публичности.

Анализ положений статьи 207.3 УК РФ позволяет сделать вывод о ее сформированности как специальной уголовно-правовой нормы, направленной на защиту общественной безопасности в условиях актуализировавшихся информационных угроз. Законодатель, введя данную статью, стремился обеспечить оперативную реакцию на распространение деструктивного информационного воздействия, способного подорвать доверие к институтам государственной власти и Вооруженным Силам Российской Федерации.

В то же время установлено, что реализация положений данной нормы в правоприменительной

практике сопровождается рядом проблем. В числе основных – неопределенность в разграничении понятий ложности и недостоверности, недостаточная проработанность механизма доказывания субъективной стороны, а также отсутствие единых критериев для установления публичности распространения сведений. Отдельное значение приобретает риск чрезмерного ограничения свободы выражения мнения при квалификации оценочных суждений в качестве преступных деяний.

Статья 207.3 УК РФ представляет собой пример законодательной реакции, осуществленной в условиях форсированной правовой трансформации. Однако эффективность уголовно-правового запрета в сфере информационной безопасности зависит не от жесткости санкций, а от степени правовой определенности, обоснованности конструкций и сбалансированности интересов безопасности и свободы информации. Это требует системной доработки норм, в том числе уточнения состава преступления, конкретизации признаков заведомости и границ допустимого ограничения выражения мнений.

В перспективе целесообразным представляется внедрение дифференцированного подхода, предусматривающего разделение ответственности за умышленное распространение заведомо ложной информации и недобросовестное тиражирование непроверенных сведений. Уголовно-правовые меры при этом должны быть ограничены исключительно ситуациями, сопряженными с прямым умыслом и высокой степенью общественной опасности.

Литература

1. Бриллиантов А.В. Об ответственности за распространение заведомо ложной информации и дискредитацию использования Вооруженных Сил: сопоставительный анализ // Российское правосудие. 2023. № 10. С. 82–92.
2. Бриллиантов А.В. Ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации // Российское правосудие. 2023. № 1. С. 21–28.
3. Дулькина Л.В. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий: дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2023. 187с.
4. Иващенко З.С., Васильченко О.В., Григорян Д.К., Малявина А.Б. Фейковые новости о ходе проведения специальной военной операции как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. Т. 13. № 9 (62). С. 1731–1740.
5. Ильяшенко Е.А. Общественно значимая информация как предмет преступлений против

общественной безопасности // Российский следователь. 2024. № 6. С. 15–17.

6. Ильяшенко Е.А. Преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации: отдельные вопросы разграничения // Российский следователь. 2025. № 2. С. 51–54.
7. Малышев К.С. Особенности разграничения статей 207.3 и 280.3 Уголовного Кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3 (39). С. 169–172.
8. Мальков С.М. Фейки как деяние против военной службы и уголовно-правовое противодействие им // Военно-юридический журнал. 2023. № 1. С. 27–31.
9. Новикова О.В. Сущность публичного распространения заведомо ложной информации применительно к ст. 207.3 УК РФ // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 175–180.
10. Шипунова М.Н. О квалификации распространения недостоверных сведений о Вооруженных Силах Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 3. С. 41–45.

CRIMINAL LIABILITY FOR THE DISSEMINATION OF DELIBERATELY FALSE INFORMATION ABOUT THE ACTIVITIES OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Chizhova E.S.

Melitopol State University

The article analyzes the legal grounds for criminal liability for the dissemination of deliberately false information about the activities of the Armed Forces of the Russian Federation under Article 207.3 of the Criminal Code. It examines the structure of the offense, qualification challenges, and enforcement specifics under conditions of informational tension. Special attention is given to the distinction between falsity and inaccuracy, the burden of proof regarding intent, and correlation with other criminal provisions. The need to improve the legislative framework is justified, including clarification of the article's disposition and strengthening legal certainty. A differentiated regulatory approach is advocated, limiting criminal liability to cases involving direct intent and significant public danger. Proposals are made to amend Article 207.3 to better balance information security and freedom of expression.

Keywords: criminal law, deliberate falsity, disinformation, qualification, liability.

References

1. Brilliantov A.V. On Liability for Disseminating Deliberately False Information and Discrediting the Use of the Armed Forces: A Comparative Analysis // Russian Justice. 2023. No. 10. P. 82–92.
2. Brilliantov A.V. Liability for Disseminating Deliberately False Information about the Use of the Armed Forces of the Russian Federation // Russian Justice. 2023. No. 1. P. 21–28.
3. Dulkina L.V. Criminal Liability for the Public Dissemination of Deliberately False Information about the Use of the Armed Forces of the Russian Federation and the Exercise of Powers by State Authorities of the Russian Federation: PhD (Law) Dissertation. Stavropol, 2023. 187 p.
4. Ivashchenko Z.S., Vasilchenko O.V., Grigoryan D.K., Malyavina A.B. Fake News about the Special Military Operation as a Threat to the National Security of the Russian Federation // Eurasian Union: Issues of International Relations. 2025. Vol. 13. No. 9 (62). P. 1731–1740.

5. Ilyashenko E.A. Socially Significant Information as the Subject of Crimes Against Public Security // Russian Investigator. 2024. No. 6. P. 15–17.
6. Ilyashenko E.A. Crimes Related to the Dissemination of Deliberately False Socially Significant Information: Specific Issues of Differentiation // Russian Investigator. 2025. No. 2. P. 51–54.
7. Malyshev K.S. Features of the Differentiation Between Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (39). P. 169–172.
8. Malkov S.M. Fakes as Offenses Against Military Service and Criminal Law Measures Against Them // Military Law Journal. 2023. No. 1. P. 27–31.
9. Novikova O.V. The Essence of Public Dissemination of Deliberately False Information in Relation to Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Military Law. 2023. No. 1 (77). P. 175–180.
10. Shipunova M.N. On the Qualification of Disseminating False Information about the Armed Forces of the Russian Federation // Russian Investigator. 2024. No. 3. P. 41–45.

Преодоление конфликтов и предотвращение семейного насилия через систему правовой медиации

Щербакова Нина Владимировна,

к.фил.н., заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»

E-mail: nina.shcherbakova.2505@bk.ru

Кулида Оксана Александровна,

кандидат пед. наук, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»

E-mail oksanakulida77@yandex.ru

В данной статье речь идет об эффективности медиации как ответа на семейные конфликты с точки зрения разработки и разрешения возникшего конфликта: в частной сфере – для конфликтующих сторон, находящихся в кризисе, и в публичной сфере – для правовой системы России, регулирующей семейные отношения и семью, находящуюся в кризисе, в целом. А также о законодательном восприятии данного метода в нашей стране, особенно в отношении семейных конфликтов, и о том, можно ли с помощью правовых норм качественно изменить межличностные отношения в семейной системе.

Ключевые слова: семья, медиация, семейные конфликты, семейное насилие, система, стратегия.

Введение

Актуальность исследования

Современная семья находится в процессе перехода от патриархальной модели – «власти и подчинения» – к современной модели. Основанная на парадигмах «равенства, сотрудничества и солидарности» между членами, она требует соответствующих инструментов для вмешательства в случаях конфликта. Это видно из требований самоопределения и равноправия супругов, родителей и их детей, из необходимости обеспечения наилучших интересов детей, женщин, пожилых людей и инвалидов, из новой модели взаимодействия в семье. Как социальный организм – *живая машина* в терминологии Э. Морена, то есть самогенерирующаяся организация, способная к самозкоорганизации, – она обладает ресурсами для самостабилизации и реорганизации перед лицом переломов и кризисов, которые можно поощрять или облегчать.

Постановка проблемы

В современной практике семейной медиации существует противоречие между необходимостью применения комплексных методов работы с семьей и недостаточным использованием системных подходов в медиации. Это приводит к снижению эффективности разрешения сложных семейных конфликтов.

Исследования в данной области находятся на стадии развития. Существенный вклад внесли такие авторы как: Варга А.Я., Добряков И.В., Хамитова И.Ю., Иванова Е.Н., Эйдемиллер Э.Г., Берта-ланфи Л., Боуэн М., Маданес К., Минухин С., Паркинсон Л., Фишман С.

Методологическую основу исследования составили системный подход к анализу семейных отношений, концепция семейной медиации как особого вида деятельности, принципы целостности и взаимосвязанности элементов семейной системы.

Результаты исследования

Конфликты в семьях описываются в специализированной литературе как имеющие особые характеристики: сильно окрашенные эмоциями, они имеют или могут иметь последствия для идентичности и самооценки людей, они обычно сопровождаются действиями высокой интенсивности конфликта или, по крайней мере, с риском эскалации из-за воздействия эмоций, замешательства и крайних оборотительных установок или, по крайней мере, с риском их возникновения. По статистике, 24% россиян

сталкивались с домашним насилием в ближайшем окружении, в том числе в собственной семье. В 75% случаев в России от домашнего насилия страдают женщины. В браке этот показатель возрастает до 91%, а 40% тяжких насильственных преступлений в России совершается в семье. По данным Следственного Комитета Российской Федерации, в результате преступлений в 2024 году погибло более 1 тыс. детей, а почти 17 тыс. признано потерпевшими. Зачастую несовершеннолетние подвергаются насильственным действиям именно в семье.

Согласно законодательству РФ, семья характеризуется как социальный институт, который находится под особой защитой государства. Это подтверждается следующими положениями: Конституция РФ в статье 7 закрепляет положение о том, что государство обеспечивает государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства. Семья рассматривается как важнейший социальный институт, требующий всесторонней защиты со стороны государства [1].

Законодательством признается равноправие обоих родителей в семье, что отражено в концепции поддержки как материнства, так и отцовства. Явление глобализации культуры ускоряет переход от патриархальной семьи, парадигмы «власти и подчинения» к типу семьи демократического образца, модели «равенства, сотрудничества и солидарности»; где участники могут реализовать свои личные жизненные проекты и полностью реализовать себя. Новая модель должна обеспечить реализацию потенциала каждого из ее членов, равенство прав, эквивалентность обязанностей, признание и уважение различий, ориентированную на парадигмальные изменения для достижения наилучших интересов семьи и наилучших интересов ребенка.

Проекты вмешательства в семейные конфликты в эпоху модерна отдают приоритет общественному порядку – регулированию и судебному преследованию – над самоопределением семейной системы.

Вмешательство предписано для защиты индивидуальных интересов в конфликте. Углубление этой модели усилило вмешательство государства в семейную жизнь, экспроприруя *личное пространство* в пользу *общественного*, а вместе с ним и производительную и реорганизационную функцию семьи, которая после распада окончательно фрагментируется, что влечет за собой разрушительные последствия и разочарование для семейной системы и общества [3].

Судебное вмешательство в семейные конфликты, *будь то превентивные меры* (меры предосторожности) или *меры наказания* за индивидуальное поведение (лишение родительских прав, исключение из дома и т.д.), часто способствует достижению ожидаемого от таких судебных усилий успеха.

Цель, которую преследует восстановление продуктивной динамики в семье образцовым образом, не достигается, а, наоборот, блокируется в пользу публичной власти принятия решений, что часто усиливает негодование, насилие и незаинте-

ресованность – и требует больших материальных затрат и временных затрат – со стороны членов семьи, превращая их в соперников в юридической войне [4].

Представляется необходимым прибегнуть к моделям вмешательства, которые соответствуют целям семейной системы. Мы полагаем, что вмешательство должно быть направлено на семейную ячейку, находящуюся в состоянии беспорядка, и что его цель – гарантировать права группы и каждого из ее членов, поэтому мы выступаем за изменение бюджетов для этого подхода [2].

Конфронтационный язык судебного разбирательства не только противоречит необходимости восстановления общения внутри подразделения, но иногда и окончательно разрушает семейные отношения. Следует отметить, что в традиционном судебном процессе языком общения между сторонами является язык судебного разбирательства, состязания, воинственности. Эти процессуальные подходы в сочетании с профессиональным рвением адвокатов, защищающих претензии своих клиентов, могут навсегда разрушить семейные отношения [3].

Таким образом, подход к конфликтам в семьях с точки зрения совместного, устойчивого взаимодействия, способствующего развитию способности системы к самореорганизации и трансформации отношений, соответствует предположениям, которые привели к появлению семей, ныне находящихся в кризисе.

Положения гражданского семейного права России соответствуют конституционным декларациям и гарантиям, которые за последние сорок лет сделали шаги к новым горизонтам. Доказательством этого являются законодательные реформы, касающиеся равенства полов, родителей и детей, взаимности обязанностей, баланса родительской власти, то есть, освещение демократизации семьи, которая современна идентичному политическому процессу в гражданском обществе и с похожими взлетами и падениями [5].

Создание специальных юрисдикций для разрешения семейных конфликтов, специализация в семейных вопросах и недавнее включение неконфликтных методов перенаправления конфликтов являются проявлениями этих попыток.

В рамках этих охранительных институтов гражданское право признает – следуя самым современным тенденциям в семейном праве – растущую эффективность автономии воли супругов в их личных и имущественных отношениях, в отношениях между родителями и детьми и в интересах несовершеннолетних детей, увеличивая гражданскую дееспособность осуществлять самостоятельно акты гражданской жизни и личное осуществление весьма личных прав [7].

Обязанности и права субъектов детско-родительских отношений взаимно упорядочены, поэтому ребенок нуждается в семье и любит ее, а семья нуждается в ребенке и любит его. Под наилучшими интересами ребенка понимаются интере-

сы семьи, которые не могут противоречить интересам ребенка. В случаях, когда интересы обеих сторон конфликтуют, императивом вмешательства должно быть удовлетворение обоих интересов.

Когда семейные отношения или взаимодействия не отвечают потребностям и ожиданиям членов группы и даже становятся рискованными или вредными для здоровья ее членов, мы сталкиваемся с разладом в семье.

Если в семье неблагополучно, вмешательство государства необходимо и всегда должно учитывать наилучшие интересы ребенка и интересы семьи. Сохранение состава семьи и восстановление продуктивного взаимодействия в ней должны быть критерием вмешательства, несмотря на риск нарушения основных прав ее членов – наилучших интересов ребенка, интересов семьи, – гарантированных конституционным предписанием.

Это предусмотрено в положениях, регулирующих родительскую власть, где вмешательство государства, прежде всего в случае отсутствия совместного проживания родителей, возлагает осуществление родительской власти на того, с кем находятся несовершеннолетние дети, признавая за другим ее осуществление в меньшей степени и ограничиваясь правом-обязанностью общения и надзора за воспитанием ребенка. Другим примером такого вмешательства является законодательное положение о том, как родители должны исправлять своих детей, признавая их право делать это умеренно, запрещая жестокое обращение, наказание или действия, которые наносят физический или психологический вред или вред детям (статья 63 СК РФ) [3].

Во-вторых, вмешательство государства осуществляется через судью, например, в случае разногласий между отцом и матерью относительно управления личностью и имуществом их ребенка (статья 69 СК РФ), восполняя противодействие или невозможность согласия одного или обоих родителей в целях защиты интересов семьи (статья 69 СК РФ) [3]. В целях обеспечения безопасности и воспитания несовершеннолетних предусмотрены основания лишения и приостановления родительских прав, порядок осуществления и контроля опеки и, наконец, предоставления права опеки.

В отношении режима, регулирующего отношения супругов, вмешательство посредством норм создает модель супружеской пары, которая является равноправной, поддерживающей и упорядоченной для удовлетворения интересов семьи и в рамках этого основных прав каждого из супругов.

Признанная за супругами автономия в личных вопросах распространяется на определенные пределы семейных интересов, что также проявляется в обязательном правовом режиме супружеской собственности, в защите жилища, в эксплуатации семьи и в положениях об алиментах.

Во всех случаях упорядочение достижения гармоничного удовлетворения индивидуальных и семейно-групповых интересов гарантируется правовыми действиями и мерами предосторожно-

сти для безопасности людей и имущества. И именно здесь мы обнаруживаем чрезмерную юридикацию семейных конфликтов, иногда усиливаемую «традиционным адвокатом», который действует путем навязывания изменения «другому» на основании авторитета закона. Такое поведение усиливает конфликт, усиливает агрессию и, прежде всего, затрудняет восстановление общения между спорящими сторонами. Именно из-за разочарования, которое традиционные судебные процедуры оставляют у спорящих сторон, их адвокатов и самого судьи, разрабатываются новые пути для согласованного разрешения споров.

Из трещин, которые открываются в коре социальных, правовых и политических моделей современности, проникают, воссоединяются и возникают новые модели вежливости, взаимодействия в семьях, межличностных отношений, которые провозглашают новую семейную, политическую и социальную этику. Использование неконфликтных методов разрешения семейных конфликтов, таких как *медиация*, позволяет удовлетворить различные интересы сторон. Разрешение конфликтов посредством посредничества в семейных социальных отношениях в сложном обществе является сложной задачей.

Он объединяет различия, не скрывая их, демократическим и плюралистичным образом, укрепляя вежливость и создавая демократическую реальность в семье. Используя методы, характерные для медиации и совместных переговоров, медиаторы способствуют восстановлению главными участниками того, что принадлежит им как частям семейной социальной системы, а именно их способности к самореорганизации.

В ходе медиации участники не делегируют процесс или полномочия по принятию решений, а, скорее, в противоположном смысле, стремятся восстановить свою способность свободно и автономно принимать решения, нуждаясь в помощи медиатора в методах и навыках свободного и автономного процесса принятия решений. Семейный посредник будет выступать в качестве нейтральной третьей стороны, способствуя автономному выражению мнений главных участников в разговорах по поводу конфликтов. Коммуникационный климат медиационных процессов подпитывается уважением к другим, признанием различий, самоуважением и, как следствие, признанием других.

Таким образом, участники конфликтной ситуации берут на себя ответственность за свое поведение, могут вносить предложения по изменениям и дают себе возможность сохранить и восстановить трещины в семье.

Выводы

Посредничество в споре – это посредничество самого посредника, это приношение его личности: его терпеливой и любящей телесности и его бдительной рациональности, в месте и в время, которые являются единственным, что ему приписывают.

Требуемые от него характеристики нейтральности и вовлеченности в сочетании с конфиденциальностью и сдержанностью процедуры подразумевают неизбежную этическую ответственность. Никто не обязан брать на себя роль посредника, но тот, кто берет на себя эту роль, должен быть способен это сделать. Это подразумевает, в дополнение к стратегиям и приемам метода, способность к постоянному критическому самоанализу, к поддержанию нейтралитета и вовлеченности, которых требует роль.

Чтобы это была эффективная мера и, как следствие, чтобы меньше конфликтов достигало системы правосудия, ее не следует навязывать, ее следует распространять, при этом государственная политика должна быть направлена на:

1) распространение медиации в поисках изменения привычек в обществе... 2) разработку программ обучения и повышения квалификации для медиаторов, стремящихся к совершенству... 3) регулирование и организацию этой деятельности на основе междисциплинарности, постоянного обучения, контроля и т. д...».

В этой области эффективность, безусловно, будет зависеть от количества дел, которые снизят перегрузку Суда. Однако эта количественная оценка является признаком не эффективности метода, а скорее судебной политики очищения судов. Однако мы полагаем, что тщательный мониторинг соглашения, достигнутого в суде, сможет объяснить его различную эффективность, даже с учетом предвзятой цели его применения.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм. и доп. от 1 июля 2020 г. // *Собрание законодательства РФ*. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.
4. О защите прав и законных интересов детей в РФ: указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // *Собрание законодательства РФ*. – 2012. – № 23. – Ст. 2810.
5. О некоторых вопросах организации и функционирования системы медиации в РФ: указ Президента РФ от 21 дек. 2009 г. № 850 // *Собрание законодательства РФ*. – 2009. – № 51. – Ст. 6129.
6. Абрамова, И.А. Медиация в семейном праве: учебное пособие / И.А. Абрамова. – М.: Статут, 2021. – 256 с.
7. Мацкевич, О.В. Медиативные процедуры в семейном праве: монография / О.В. Мацкевич. – М.: Норма, 2022. – 289 с.
8. Можяева, А.В. Медиация в социальной сфере: учебное пособие / А.В. Можяева. – М.: Юрайт, 2021. – 210 с.

OVERCOMING CONFLICTS AND PREVENTING FAMILY VIOLENCE THROUGH THE LEGAL MEDIATION SYSTEM

Shcherbakova N.V., Kulida O.A.
Melitopol State University

This article deals with the effectiveness of mediation as a response to family conflicts from the point of view of developing and resolving the conflict that has arisen: in the private sphere – for conflicting parties in crisis, and in the public sphere – for the Russian legal system regulating family relations and the family in crisis as a whole. And also, about the legislative perception of this method in our country, especially with regard to family conflicts, and whether it is possible to qualitatively change interpersonal relations in the family system with the help of legal norms.

Keywords: family, mediation, family conflicts, family violence, system, strategy.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, as amended and supplemented on July 1, 2020 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 2020. – No. 31. – Art. 4398.
2. Family Code of the Russian Federation: federal law of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on July 24, 2023) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 1996. – No. 1. – Art. 16.
3. On the alternative dispute resolution procedure with the participation of a mediator (mediation procedure): federal law of July 27, 2010 No. 193-FZ // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 2010. – No. 31. – Art. 4162.
4. On the protection of the rights and legitimate interests of children in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of June 1, 2012 No. 761 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2012. – No. 23. – Art. 2810.
5. On some issues of the organization and functioning of the mediation system in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2009 No. 850 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2009. – No. 51. – Art. 6129.
6. Abramova, I.A. Mediation in family law: a tutorial / I.A. Abramova. – M.: Statut, 2021. – 256 p.
7. Matskevich, O.V. Mediation procedures in family law: monograph / O.V. Matskevich. – M.: Norma, 2022. – 289 p.
8. Mozhaeva, A.V. Mediation in the social sphere: a tutorial / A.V. Mozhaeva. – M.: Yurait, 2021. – 210 p.

Мягкое право как инструмент правового регулирования интеграционных процессов (на примере Всеобъемлющего евразийского партнерства)

Алексеева Анастасия Павловна,

аспирант, кафедра международного права Дипломатической академии МИД России
E-mail: al20ap22@gmail.com

В статье исследуется роль мягкого права в формировании Всеобъемлющего евразийского партнерства (ВЕП). Автор анализирует специфику применения мягкого права в контексте евразийской интеграции, выявляет его особенности как инструмента правового регулирования. Особое внимание уделяется практическому применению механизмов мягкого права в ЕАЭС и ШОС. Научная новизна заключается в формировании концепции роли мягкого права в создании региональной зоны свободной торговли. Методология исследования. Исследование базируется на анализе концептуальной природы мягкого права, изучении специфики применения мягкого права в международной интеграции, рассмотрении практического применения механизмов мягкого права в ЕАЭС и ШОС, исследовании судебной и правоприменительной практики. Теоретико-методологические основы исследования мягкого права как инструмента правового регулирования интеграционных процессов требуют анализа его концептуальной природы и специфики применения в международной интеграции. Мягкое право представляет собой особую форму правового регулирования, основанную на добровольной реализации содержащихся в нем норм. В отличие от традиционного права, оно не обладает обязательной юридической силой, однако играет важную роль в формировании международных стандартов поведения. Результаты. Анализ показал, что мягкое право в рамках ВЕП выполняет роль «правового моста», позволяющего снижать суверенные риски для государств-участников, преодолевать правовые коллизии, обеспечивать многоскоростную интеграцию.

Ключевые слова: мягкое право, интеграция, международно-правовое регулирование, Всеобъемлющее евразийское партнерство, ЕАЭС, ШОС.

Введение

В современных условиях глобализации и усиления интеграционных процессов особую актуальность приобретает исследование роли мягкого права в формировании Всеобъемлющего евразийского партнерства (ВЕП). Идея ВЕП, выдвинутая в 2016 году, предполагает создание масштабного интеграционного пространства, объединяющего государства, интеграционные организации и проекты евразийского пространства.

Цель исследования – выявить специфические черты применения мягкого права в контексте евразийской интеграции и сформировать концепцию его роли в международно-правовом регулировании интеграционных процессов на территории Евразии.

Теоретические основы исследования

В современной юриспруденции отсутствует унифицированное правовое определение мягкого права (soft law). Правовой феномен представлен совокупностью рекомендательных норм, закрепленных в документах факультативного характера.

Мягкое право характеризуется: добровольным характером имплементации, отсутствием санкционной составляющей, рекомендательным характером предписаний, механизмом реализации на основе консенсуса.

В контексте евразийской интеграции мягкое право выступает как дополнительный инструмент к традиционным международным договорам, обеспечивая гибкость и адаптивность правового регулирования. Это особенно важно в условиях динамично меняющейся международной среды и необходимости оперативного реагирования на новые вызовы.

Научная новизна исследования заключается в выявлении специфических черт применения мягкого права в контексте евразийской интеграции и формировании концепции его роли в создании региональной зоны свободной торговли.

Обсуждение

Императивный характер в данном правовом явлении отсутствует, что обуславливает исключительно добровольный характер их имплементации государствами. При этом отсутствие санкционной составляющей исключает возможность применения каких-либо принудительных мер в отношении субъектов, не соблюдающих данные нормы.

Нормативный характер мягкого права проявляется в рекомендательном характере содержащихся в нем предписаний, что детерминирует особый механизм их реализации, основанный на консенсусе и добровольном принятии обязательств субъектами международного и национального права.

Специфика применения мягкого права в рамках ВЕП определяется необходимостью гармонизации разнородных правовых систем участников интеграционного процесса (ЕАЭС, АСЕАН, ШОС). [1] В данном контексте мягкое право выполняет роль «правового моста», позволяющего: снижать суверенные риски для государств-участников, тестировать новые правовые нормы перед их закреплением в международных договорах, преодолевать правовые коллизии между различными правовыми системами, обеспечивать многоскоростную интеграцию участников.

Институциональная система ВЕП характеризуется многоуровневостью и включает как жесткие договоры (Таможенный кодекс ЕАЭС, Соглашение о ЗСТ с Вьетнамом), так и мягкие инструменты: совместные декларации (например, о сопряжении ЕАЭС и инициативы «Один пояс – один путь»), технические регламенты ЕЭК рекомендательного характера, модельный закон Межпарламентской ассамблеи СНГ.

По утверждению Р.М. Халафян подобные нормы мягкого права основаны на воле государств и по этой причине регулируются ими и впоследствии ведут к возникновению норм международного права [6].

В ЕАЭС, как и в иных интеграционных организациях принимаются рекомендательные акты, являющиеся примером источника мягкого права. Данные документы принимаются ЕЭК и впоследствии используются судом данного интеграционного союза. К примеру, рекомендация Коллегии ЕЭК от 12.11.2018 № 25, разработанная в соответствии с Договором о ЕАЭС от 29.05.2014, содержит в начале документа информацию о том, что рекомендация произведена с целью устранить различия в требованиях, предъявляемых к продукции для отнесения ее к медицинским изделиям. [7] Установленные рекомендациями критерии рекомендуется применять государствам-членам в рамках ЕАЭС.

Подтверждением применения рекомендаций, как отражения мягкого права, является применение их Судом ЕАЭС. Например, Решение от 23.10.2023, в соответствии с которым необходимо было определить точный код классификации импортируемого товара, что впоследствии вело либо к уплате ввозной таможенной пошлины по ставке 5%, либо 0%. [11]

В качестве иллюстрации представляется целесообразным обратиться к преамбуле Договора о Евразийском экономическом союзе, которая содержит положения, выраженные посредством норм «мягкого права». В частности, формулировка в преамбуле данного Договора: «...обеспечивая экономический прогресс путем совместных действий...», является примером такой «мягкой нор-

мы». [8] Указанные положения находят свое отражение в ряде обязательных документов, принимаемых в рамках ЕАЭС, включая: Соглашение о единой системе таможенного транзита Евразийского экономического союза и третьей стороны (третьих сторон) от 26.12.2024 [9], Соглашение о гармонизированной системе определения происхождения товаров, вывозимых с таможенной территории Евразийского экономического союза от 04.12.2023 [10], иные нормативно-правовые акты.

Целью создания Евразийского экономического союза являлось формирование единого рынка товаров, услуг и иных объектов экономического оборота. В рамках достижения данной цели органы ЕАЭС наделены полномочиями по принятию нормативных правовых актов. [2]

Нормы мягкого права оказывают существенное влияние на формирование судебной практики Евразийского экономического союза. При этом решения Суда ЕАЭС оказывают воздействие как на существующие нормативные положения, принятые в рамках союза, так и на перспективные акты, подлежащие принятию.

Учитывая императивное требование о приведении государствами-членами ЕАЭС своего национального законодательства в соответствие с нормами союза, следует констатировать наличие опосредованного влияния норм мягкого права на внутрисоюзное законодательство участников интеграционного объединения.

Данное положение вытекает из статьи 2 Договора о Евразийском экономическом союзе, содержащей дефиницию «гармонизация законодательства», а также из системного толкования всего Договора, закрепляющего: согласованность правового регулирования, синхронность принятия нормативных актов, приоритет общепризнанных норм и принципов международного права над актами национального законодательства.

Анализ судебной и правоприменительной практики в рамках ЕАЭС показывает активное использование механизмов мягкого права как инструмента правового регулирования интеграционных процессов. В условиях формирования ВЕП этот опыт приобретает особую значимость для развития евразийской интеграции.

В практике ЕАЭС использование норм мягкого права позволяет эффективно дополнять традиционные правовые механизмы различными методами регулирования, имеющими морально-политическую основу. Это особенно важно в контексте создания единого экономического пространства и формирования общих правил взаимодействия между государствами-участниками.

В частности, применение норм мягкого права в рамках ЕАЭС дает возможность: восполнять существующие правовые лакуны путем разработки и внедрения четких определений и интерпретаций ключевых понятий и терминов, что существенно повышает качество правоприменительной практики в сфере евразийской интеграции; осуществлять детальный анализ и верификацию международных

и региональных обычаев, подтверждая их легитимность и актуальность в условиях углубляющегося экономического взаимодействия между странами ЕАЭС и их партнерами по будущему ВЕП; укреплять доказательную базу при рассмотрении спорных вопросов путем привлечения экспертных заключений и рекомендаций от признанных международных и региональных организаций, что повышает объективность принимаемых решений в рамках евразийской интеграции.

Такой комплексный подход к использованию мягкого права в евразийском пространстве позволяет создать более гибкую и адаптивную систему правового регулирования, способную эффективно реагировать на новые вызовы и динамично меняющуюся международную обстановку.

Особенно актуальным становится использование механизмов мягкого права при формировании общих правил торговли, инвестиционной деятельности и движения капитала между странами ЕАЭС и их партнерами по ВЕП. Это позволяет учитывать специфику каждого государства-участника и находить оптимальные решения в условиях различных уровней экономического развития. [12]

В контексте развития ВЕП опыт использования мягкого права в ЕАЭС может стать основой для создания единых стандартов и правил взаимодействия между всеми участниками евразийского партнерства. Это касается как вопросов торговой политики, так и формирования общих подходов к инвестиционному сотрудничеству, защите прав интеллектуальной собственности и другим аспектам интеграционного взаимодействия.

Анализ правовой системы Шанхайской организации сотрудничества демонстрирует преобладание механизмов мягкого права как основного инструмента регулирования межгосударственных отношений. По мнению А.А. Чукреева, это характеризуется положениями Декларации о создании 2001 г., Хартии 2002 г. и Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов 2007 г. [5]

Это обусловлено спецификой организации, которая изначально была создана как площадка для диалога и сотрудничества, а не как строго регламентированный союз с жесткими обязательствами.

В рамках ШОС использование механизмов мягкого права проявляется через доверительное взаимодействие между государствами-участниками, основанное на политических договоренностях и морально-этических нормах. Такая система позволяет эффективно решать сложные вопросы без излишней формализации отношений и обеспечивает необходимую гибкость регулирования, что особенно важно в условиях динамично меняющейся международной обстановки.

Практическое применение механизмов мягкого права в ШОС охватывает различные сферы сотрудничества. В первую очередь это касается формирования общих подходов к обеспечению региональной безопасности и борьбе с новыми

вызовами и угрозами. Во вторую очередь, значительное внимание уделяется развитию экономического взаимодействия и созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций. Не менее важным аспектом является укрепление культурно-гуманитарных связей и координация действий в сфере науки, образования и технологий. [3]

Преимущества использования мягкого права в рамках ШОС заключаются в возможности учитывать национальные особенности и интересы каждого участника, что способствует снижению рисков политических противоречий при реализации совместных проектов. Такой подход создаёт особую атмосферу доверия и взаимопонимания между странами-участницами, позволяя гибко адаптироваться к меняющимся международным условиям.

Специфика применения мягкого права в ШОС по сравнению с другими международными организациями проявляется в приоритете политической договорённости над формальным правовым регулированием. Особое внимание уделяется вопросам безопасности и стабильности региона, при этом учитываются культурно-исторические особенности стран-участниц. Организация демонстрирует постепенный переход от политических деклараций к практическим действиям, что делает её уникальной моделью взаимодействия.

Потенциал использования опыта ШОС в развитии ВЕП заключается в возможности адаптации успешных практик мягкого права под новые условия. Это позволит сформировать единые подходы к решению региональных проблем, создать дополнительные инструменты для укрепления евразийской интеграции и развить новые форматы сотрудничества между участниками евразийского пространства.

Исходя из указанного рассмотрения применения норм мягкого права в ЕАЭС и ШОС, следует, что в контексте формирования Всеобъемлющего евразийского партнёрства ключевой проблемой также остается совмещение разнородных правовых систем партнеров. Мягкое право (англ. *soft law*), включая декларации, меморандумы и рекомендательные акты, сможет выполнить роль «правового моста», позволяя:

- Снижать суверенные риски: Отсутствие жестких обязательств делает мягкое право приемлемым для государств, опасющихся утраты контроля над национальным регулированием.
- Тестировать нормы: Рекомендации по цифровой торговле или транзиту энергоресурсов, принятые в рамках ЕАЭС, становятся основой для будущих договоров ВЕП, например, Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС–КНР, где положения об электронной коммерции изначально формулировались как необязательные. [4]

Предполагается, что многоуровневая система нормотворчества ВЕП будет сочетать: жесткие договоры (Таможенный кодекс ЕАЭС, Соглашение о ЗСТ с Вьетнамом и пр.); мягкие инструменты (совместные декларации (например, заявление

России и Китая о сопряжении ЕАЭС и инициативы «Один пояс – один путь»); технические регламенты ЕЭК, носящие рекомендательный характер до их ратификации; модельные законы Межпарламентской ассамблеи СНГ, адаптируемые национальными парламентами).

Такая система позволяет партнерам ВЕП не нарушать принципа *pacta sunt servanda*.

Также, мягкое право сможет нейтрализовать конфликты юрисдикций через принцип субсидиарности, гармонизацию прецедентов.

Критика мягкого права связана с отсутствием санкций, риском фрагментации (национальные интерпретации модельных актов (например, законы касательно блокчейна в России и Армении) создают правовую асимметрию).

Для усиления роли мягкого права предлагается разработать Регламент о применении мягкого права, закрепляющий процедуры его трансформации в жесткие нормы.

В соответствии с вышеизложенным, целесообразно создание концепции адаптивного правового регулирования в евразийской интеграции. Методологическая основа данной концепции состоит в том, что за основу берутся принципы адаптивности и динамичности правового регулирования, в которых мягкое право выступает как гибкий инструмент, способный подстраиваться под меняющиеся условия интеграционного процесса.

Ключевыми положениями концепции являются: адаптивность – способность правовой системы самостоятельно подстраиваться под изменения внешней среды; самоорганизация – формирование новых правовых паттернов на основе практического опыта; эмерджентность – появление новых свойств правовой системы в процессе интеграции; синергия – усиление эффекта от взаимодействия различных правовых механизмов; фрактальность – повторяемость правовых паттернов на разных уровнях интеграции.

Основными ожидаемыми эффектами от применения данной концепции являются: повышение гибкости правовой системы, ускорение процессов принятия решений, оптимизация регуляторных издержек, улучшение качества правовых норм, усиление конкурентоспособности интеграционного пространства.

Данная концепция представляет собой новый подход к правовому регулированию в евразийской интеграции, т.к. она позволяет создать более эффективную и устойчивую систему правового регулирования, способную оперативно реагировать на изменения внешней среды и внутренние вызовы интеграционного процесса.

Заключение

Мягкое право в международно-правовом регулировании интеграционных процессов в Евразии является одним из стратегических инструментов построения правового пространства. Его эффективность определяется уровнем международного правосоз-

нания. Перспективы развития связаны с совершенствованием механизмов имплементации.

Для усиления роли мягкого права предлагается: разработать Регламент о применении мягкого права, внедрить процедуру консенсуса при переходе от мягких норм к обязательным, гармонизировать терминологию в ключевых сферах сотрудничества.

Таким образом, мягкое право в международно-правовом регулировании интеграционных процессов в Евразии является не временным компромиссом, а стратегическим инструментом построения правового пространства «без границ».

Литература

1. Шумилов В.М., Салия М.Р. Идея Большого евразийского партнерства в свете международного права // Азия и Африка сегодня. 2021. № 2.
2. Капустин А.Я. Право Евразийского экономического сообщества: подходы к концептуальному осмыслению // Современный юрист. 2015. № 1.
3. Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 3.
4. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР от 17.05.2018/.
5. А.А. Чукреев. Региональное экономическое взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества: становление правовой системы / Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 2 (26). С. 89–105/.
6. Р.М. Халафян. Влияние «мягкого права» на международную правовую систему.
7. Рекомендация Коллегии ЕЭК № 12.11.2018 № 25 «О Критериях отнесения продукции к медицинским изделиям в рамках Евразийского экономического союза».
8. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014.
9. Соглашение о единой системе таможенного транзита Евразийского экономического союза и третьей стороны (третьих сторон) от 26.12.2024.
10. Соглашение о гармонизированной системе определения происхождения товаров, вывозимых с таможенной территории Евразийского экономического союза от 04.12.2023.
11. Решение суда ЕАЭС от 23.10.2023.
12. Сводные данные ЕЭК 2017–2023. Официальный сайт ЕЭ https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/807/EEC-Book-2020_2023.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

SOFT LAW AS AN INSTRUMENT OF LEGAL REGULATION OF INTEGRATION PROCESSES (ON THE EXAMPLE OF THE COMPREHENSIVE EURASIAN PARTNERSHIP)

Alekseeva A.P.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article examines the role of soft law in the formation of the Comprehensive Eurasian Partnership (CEP). The author analyzes the specifics of the application of soft law in the context of Eurasian integration, identifies its features as an instrument of legal regulation. Particular attention is paid to the practical application of soft law mechanisms in the EAEU and SCO. Scientific novelty lies in the formation of the concept of the role of soft law in the creation of a regional free trade zone. Research methodology. The study is based on the analysis of the conceptual nature of soft law, the study of the specifics of the application of soft law in international integration, consideration of the practical application of soft law mechanisms in the EAEU and SCO, the study of judicial and law enforcement practice. Theoretical and methodological foundations for the study of soft law as an instrument of legal regulation of integration processes require an analysis of its conceptual nature and the specifics of application in international integration. Soft law is a special form of legal regulation based on the voluntary implementation of the norms contained therein. Unlike traditional law, it does not have binding legal force, but plays an important role in the formation of international standards of behavior. Results. The analysis showed that soft law within the EEP plays the role of a "legal bridge" that allows reducing sovereign risks for member states, overcoming legal conflicts, and ensuring multi-speed integration.

Keywords: soft law, integration, international legal regulation, Comprehensive Eurasian Partnership, EAEU, SCO.

References

1. Shumilov V.M., Saliya M.R. The Idea of the Greater Eurasian Partnership in Light of International Law // *Asia and Africa Today*. 2021. No. 2.
2. Kapustin A. Ya. Law of the Eurasian Economic Community: Approaches to Conceptual Understanding // *Modern Lawyer*. 2015. No. 1.
3. Alimov R.K. Shanghai Cooperation Organization and Greater Eurasia // *Bulletin of International Organizations*. 2018. Vol. 13. No. 3.
4. Agreement on Trade and Economic Cooperation between the EAEU and the PRC dated 17.05.2018 /.
5. A.A. Chukreev. Regional Economic Interaction within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization: Formation of the Legal System / *Bulletin of the Tyumen State University. Socioeconomic and Legal Research*. 2021. Vol. 7. No. 2 (26). P. 89–105/.
6. R.M. Khalafyan. The Impact of "Soft Law" on the International Legal System.
7. Recommendation of the EEC Board No. 12.11.2018 No. 25 "On the Criteria for Classifying Products as Medical Devices within the Framework of the Eurasian Economic Union".
8. Treaty on the Eurasian Economic Union dated 29.05.2014.
9. Agreement on a Unified System of Customs Transit of the Eurasian Economic Union and a Third Party (Third Parties) dated 26.12.2024.
10. Agreement on a Harmonized System for Determining the Origin of Goods Exported from the Customs Territory of the Eurasian Economic Union dated 04.12.2023.
11. Decision of the EAEU Court dated 23.10.2023.
12. Consolidated data of the EEC 2017–2023. Official website of the EE https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/807/EEC-Book-2020_2023.pdf (date of access: 20.03.2025).

Гадаборшева Зинаида Бекхановна,

кандидат юридических наук, Ингушский государственный университет

E-mail: gadaborweva@mail.ru

Статья посвящена наиболее острым проблемам ЕАЭС, обсуждаемым в судах ЕАЭС представителями РФ, Комиссией ЕАЭС, а также в доктринальных источниках за последние 3 года, среди которых: отсутствие должного взаимодействия между таможенными органами объединения; отсутствие надлежащего уровня унификации тарифного законодательства; низкая роль Суда ЕАЭС и дублирование его функций Органом по разрешению споров ВТО; неопределенность субъектов Суда ЕАЭС; невозможность соблюдения санкционных режимов; проблемы при контроле за перемещением сильнодействующих веществ; множественность филологической неопределенности норм, содержащихся в Кодексе ЕАЭС. В результате исследования предлагается окончательное разделение предметной компетенции Суда ЕАЭС путем установления прямого запрета в главе IV Статута Суда ЕАЭС по повторному обращению после рассмотрения того же заявления по тому же предмету и тем же основаниям в ВТО. Кроме того, автором предлагается частичная интеграция определения «культурных ценностей» из российского законодательства в пункт 1 статьи 2 Таможенного кодекса ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, таможенное право, интеграция, Таможенный кодекс, культурные ценности, ВТО, международное право, российское право.

Введение

Евразийский экономический союз – достаточно молодое объединение по сравнению с аналогичными таможенными союзами, что само по себе выступает проблемой унификации (с 2015 года). Нерешенные вопросы ЕАЭС связаны не только с несоответствием законодательств государств-членов объединения, но и с «размытостью» формулировок как Договора о ЕАЭС, так и Кодекса Евразийского экономического союза (далее по тексту – ТК ЕАЭС). Разрешение подобных вопросов должно заключаться в справедливой унификации и систематизации норм объединения.

Научная новизна исследования заключается в предложениях по разделению юрисдикций Суда ЕАЭС и Органа по разрешению споров ВТО (далее по тексту – ОРС ВТО), а также в предложении по установлению определения «культурная ценность» на уровне законодательства ЕАЭС.

Материалы и методы

В работе был использован метод индукции, формально-юридический научный метод, метод сравнительного анализа, а также метод юридической герменевтики. При этом эмпирической основой работы выступили консультативные заключения Суда ЕАЭС и вопросы, публикуемые Комиссией ЕАЭС.

Литературный обзор

Проблемам таможенного регулирования ЕАЭС только за последние 3 года посвящено огромное количество работ как российских исследователей, так и авторов из ближнего зарубежья. При этом относительно небольшой срок функционирования объединения позволяет утверждать о наличии множества проблем, которые относятся к вопросам соответствия права государств-членов объединения и права ЕАЭС. В работе Р.В. Давыдова указывается, что одной из наиболее острых общих проблем ЕАЭС выступает вопрос взаимодействия между таможенными органами и отмечается отсутствие надлежащего урегулирования возможности электронного взаимодействия между государствами [6, с. 12]. Среди работ, посвященных тарифному регулированию, следует отметить исследование Д.В. Маркова, в котором подробно были рассмотрены принципы установления таможенных тарифов ЕАЭС, а также отсутствие надлежащего уровня унификации [14, с. 15]. Вопросы влияния Суда ЕАЭС на функционирование объединения были освещены в диссертации Э.А. Хачатряна, в которой была отмечена особая нормоконтрольная роль высшего судебного органа

и его влияние на законность при принятии решений таможенных органов. Кроме того, представляется интересным название, предложенное данным автором, – «интеграционный суд», что, с одной стороны, делает его уникальным судебным органом, с другой стороны, подчеркивается его низкое влияние на судебные системы государств-членов объединения [30, с. 11].

Основным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы таможенного регулирования через границу ЕАЭС, является Кодекс Евразийского экономического союза. Обратимся к его некоторым общим положениям.

В пункте 2 статьи 1 провозглашается обязательство соответствия Кодекса ЕАЭС иным международным договорам. Правда, в данной статье речь идет лишь о праве ЕАЭС. В пункте 4 той же статьи устанавливается приоритет норм Кодекса ЕАЭС над нормами иных актов. Согласно пункту 2 статьи 7, подразумевается, что исключения, вводимые государствами-членами и не относящиеся к тарифному регулированию, в том числе технического характера, включая экспорт военной продукции, подтверждается в соответствии с законодательством Договора о ЕАЭС. В пункте 4 статьи 7 устанавливается особый режим для товаров личного пользования, который определяется специальным перечнем, установленным Решением Комиссии ЕАЭС [23]. Отдельные таможенные документы могут быть созданы не только на уровне ЕАЭС, но и государствами-членами, и такие документы должны признаваться другими членами, что установлено в пункте 4 статьи 9 [26].

Одной из наиболее обсуждаемых проблем таможенного регулирования ЕАЭС выступает соответствие норм объединения международному праву, в частности ВТО – международная организация, устанавливающая глобальные правила торговли и торговых отношений между её участниками. На данный момент все члены ЕАЭС являются участниками ВТО, кроме Беларуси. При этом участие Беларуси в ВТО после 2025 года не исключается [19]. В этой связи новый Кодекс основывается на нормах, установленных ВТО. Объект правового регулирования вышеназванных организаций является схожим: таможенно-тарифное и нетарифное регулирование.

Вопрос о подчиненности двух международных правовых систем друг другу спорен и в основном включает в себя два подхода: монистический, предполагающий главенство норм ВТО и дуалистический, подразумевающий, что региональные организации – это отдельные структуры, нормы которых могут противоречить нормам ВТО. На наш взгляд, верны оба подхода, так как подчиненность нормам ВТО норм ЕАЭС не означает, что не может быть как исключений, так и правовых коллизий. В этой связи следует обратиться к статье 1 Договора о функционировании Таможенного союза [8, с. 94], в которой говорится, что нормы ВТО – часть системы Таможенного союза (пункт 1), но члены, не являющиеся членами ВТО, могут не применять

нормы ВТО (пункт 6). Также в статье 2 устанавливается приоритет норм ВТО над нормами ЕАЭС [7]. В этом смысле правовая система ЕАЭС – классическая региональная система ВТО, если не учитывать политические аспекты ЕАЭС. Для ВТО аналогом вышеупомянутого Договора выступает Генеральное соглашение по тарифам и торговле (далее по тексту – ГАТТ) [4], а также Генеральное соглашение о торговле услугами [5].

Коллизионно-юрисдикционный вопрос возник в 2017 году между Казахстаном и Киргизией. В результате таможенного конфликта, произошедшего на границе данных государств, Кыргызстан отправил в ВТО запрос на предмет соответствия норм ГАТТ и Марракешского соглашения по поводу возможности ужесточения досмотра грузов, направляющихся в третьи страны, в одностороннем порядке [15]. При этом оба государства являлись членами ЕАЭС [21]. Позднее, после того как спор был урегулирован, Кыргызстан отозвал жалобы.

Спорные вопросы, возникающие в ЕАЭС, могут быть урегулированы не только в Суде ЕАЭС, но и в ОРС ВТО, выполняющим по сути судебные функции. Несмотря на то, что решения Суда ЕАЭС носят рекомендательный характер (пункт 98 Статута Суда ЕАЭС), они при этом являются обязательными к исполнению в случае наличия спора (пункты 99, 100, 101 Статута Суда ЕАЭС) [25]. Решения ОРС ВТО также носят рекомендательный характер, при этом стороны спора самостоятельно определяют порядок исполнения решения [31]. Так, стороны могут самостоятельно выбрать один из двух юрисдикционных органов, но одновременное рассмотрение одного и того же спора обеими органами недопустимо. В этой связи следует упомянуть исследование Д.Г. Колоса, который предлагает ввести в Договор о ЕАЭС нормы, определяющие споры, предметная компетенция которой относится именно к ВТО [10, с. 21].

Существенное отличие предметной компетенции ОРС ВТО заключается в том, что в данный орган могут обращаться только государства-субъекты международного права, в то время как СУД ЕАЭС принимает заявления от индивидуальных предпринимателей. Более того, дискуссионным выступает вопрос обращения других физических лиц, осуществляющих профессиональную деятельность и являющихся хозяйственными субъектами. Так, в 2024 году Комиссия ЕАЭС обратилась в Суд ЕАЭС с запросом на разъяснение соответствующей возможности. Суд указал на несоответствие пункта 39 Статута Суда ЕАЭС и подпункта 20 пункта 2 Протокола, указав, что прямая возможность оспаривания физическим лицом наложенных штрафов предусматривается в Протоколе и не содержится в Статуте [13]. Таким лицом может быть, к примеру, самозанятый либо лицо, чья деятельность подлежит лицензированию, поэтому внесение изменений в вышеназванный подпункт представляется соответствующим текущим реалиям. Отметим, что в свете готовящихся законопроектов по включению в предметную компетенцию

арбитражных судов самозанятых, а также тем, что РФ является ведущим государством ЕАЭС, подобные реформы смогли бы повысить степень систематизации национального российского и международного права [16].

При осуществлении торговли с третьими странами и объединениями возникает множество вопросов, связанных с установлением тарифов. Это касается не только отдельных государств, но и объединений, прежде всего – Евросоюза, других европейских стран, не входящих в данную конфедерацию, а также Грузии, Ирана и Турции, а также в будущем – Соединенных Штатов Америки и других стран, с которыми в настоящее время торговля существенно сокращена [3, с. 218]. Касательно данной проблемы, представляется интересным работа М.П. Беликовой, отмечающей, что несмотря на введенные ЕС санкции, по несанкционированным секторам экономики торговля с РФ, напротив, выросла [2, с. 96]. Множество ограничений, вводимых РФ в качестве контрсанкционных мер, не действуют в других странах ЕАЭС, поэтому возникает конфликт таможенных ограничений, которые нарушают антисанкционную политику. С другой стороны, справедливости ради отметим, что подобные «трещины» таможенного законодательства ЕАЭС позволяют РФ декларировать введение контрсанкций, но продолжать пользоваться запрещенными товарами (что также относится и к ЕС). Примечательно, что наравне с контрсанкциями на уровне ЕАЭС до 1 апреля 2024 года был увеличен порог беспошлинного ввоза товаров с 200 до 1000 евро, что ярко иллюстрирует проблемы, испытываемые всеми сторонами, введшими санкции [24]. Согласно пункту 1 статьи 12 Кодекса ЕАЭС, товары, подпадающие под ограничения, подлежат незамедлительному вывозу, кроме случаев перегрузки для последующей международной перевозки. То же самое касается вывоза из ЕАЭС: подобный запрет устанавливается в пункте 2 вышеназванной статьи. Как указывается И.А. Аксеновым, вышеназванная проблема невозможности согласования контрсанкционной политики позволяет утверждать о росте предпосылок к созданию дополнительных ограничений внутри ЕАЭС, что противоречит принципам развития объединения [1, с. 3].

По состоянию на март 2025 года ЕАЭС насчитывает 35 внутренних ограничений, 4 из которых относятся к сфере внутреннего рынка, что неблагоприятно сказывается на торговых оборотах внутри объединения: отсутствие регулирования перемещения сильнодействующих веществ; неурегулированность правил, касающихся взаимодействия таможенных органов разных членов объединения по вопросам вывоза товаров третьих стран; отсутствие должного урегулирования по вопросам оборота культурных ценностей [22].

Проблема, касающаяся сильнодействующих веществ, заключается в явном противоречии законодательства РФ и норм ЕАЭС. С одной стороны, подпункт 1 пункта 1 статьи 50 ФЗ «Об обращении лекарственных средств» запрещает ввоз

ряда препаратов без соответствующего рецепта, с другой стороны, его содержание не может противоречить нормам ЕАЭС [28]. В подпункте 2 пункта 1 статьи 260 Кодекса ЕАЭС декларированию подлежат товары личного пользования, перемещаемые через таможенную границу Союза, для контроля за действующими ограничениями. Ограничения РФ и других стран ЕАЭС могут не совпадать. И в этих условиях возникает возможность перемещения запрещенных лекарственных средств через границу РФ, при этом запрет ЕАЭС действует только в тех случаях, когда границы РФ и ЕАЭС совпадают [29, с. 112]. В связи с этим Конституционный Суд РФ ввел обязанность соблюдения законодательства РФ, касающуюся сильнодействующих веществ, при перемещении через границу ЕАЭС, что фактически означает признание подобных действий незаконными, однако это не может обязать других членов ЕАЭС соблюдать данный запрет ввиду неподконтрольности российской юрисдикции [20]. Следует подчеркнуть, что данная проблема обозначена нами лишь с точки зрения законодательства РФ, и она может касаться и других членов ЕАЭС.

Проблема нормативного установления оборота культурных ценностей носит филолого-правовой характер. Например, в работе белорусского автора В.Ю. Осиповой указывается на существенные различия в нормативных определениях законодательств Беларуси и России. Так, исходя из содержания статьи 1.8 Кодекса Республики Беларусь о культуре, культурная ценность представляет собой либо материальный объект, либо результат интеллектуальной деятельности [9]. При этом в статье 3 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» культурным ценностям дается более широкое значение, включающее в себя языки, диалекты, а также идеалы, образцы поведения и даже территории [18]. В ЕАЭС утверждены специальные формы разрешительных документов по вывозу культурных ценностей, но сроки их согласования разнятся во всех объединениях от 2 рабочих дней в Армении до 20 в РФ [17, с. 48]. Отметим, что понятие «культурные ценности» упоминается в Кодексе ЕАЭС лишь как категория, подлежащая декларированию. На наш взгляд, вопросы столь сложного одновременно материального и нематериального предмета также должны быть унифицированы.

ЕАЭС как международный институт существует в современном виде менее 10 лет, поэтому его правовая база во многих случаях требует дополнительного пояснения. Поэтому значительная доля судебных актов носит консультативный характер, а сами акты именуются как «консультативное заключение». Остановимся на заявлениях с российских государственных органов, а также Комиссии ЕАЭС за последние 3 года.

Так, Генеральная прокуратура РФ указала на двоякость формулировки пункта 3 статьи 23 ТК ЕАЭС, где говорится о порядке классификации товара и не разъясняется, идет ли речь об одном

из отдельных видов товаров либо о товаре в совокупности. Суд указал, что право ЕАЭС подразумевает трактование норм в обычном понимании и в контексте, а также в соответствии с целями Договора ЕАЭС, отметив, что под товаром следует понимать отдельные виды товаров [12].

В другом деле по запросу Комиссии ЕАЭС был рассмотрен вопрос о толковании пункта 18 Протокола о порядке регулирования закупок к Договору о ЕАЭС (далее по тексту – Протокол). Создание единой системы госзакупок, а также её оптимизация и адаптация к реалиям разных государств объединения – еще не решенная задача с точки зрения ясности правоприменительной практики, но возможность участия в таких закупках уже имеется. Среди основных ограничений с точки зрения российского права следует выделить необходимость в получении электронной цифровой подписи, выдаваемой только филиалам иностранных компаний (то есть организациям из других стран ЕАЭС все равно необходимо регистрироваться в российских налоговых органах), а также ограниченность перечня товаров и услуг, которые могут быть предоставлены (подпункт 2 пункта 1 статьи 17 ФЗ «Об электронной подписи») [27]. В соответствии с пунктом 18 Протокола устанавливаются гарантированный денежный взнос, а также банковская гарантия. При этом Комиссия ЕАЭС указала на наличие значительных различий между государствами-членами по вопросу обеспечения исполнения договора. Суд в своем заключении указал, что данные виды обязательств следует установить на национальном уровне всех государств ЕАЭС, что не исключает возможности иметь другие виды обязательств наряду с обязанностью двух этих вышеупомянутых видов [11].

Обсуждение

В данной статье были рассмотрены проблемы таможенного регулирования ЕАЭС, обсуждаемые на уровне консультаций Суда ЕАЭС и в доктринальных источниках за последние 3 года. Объем нормативных проблем, с которым сталкивается объединение столь значителен, что требует дальнейшего изучения. На наш взгляд, логичное продолжение изучения вопросов таможенного регулирования ЕАЭС может заключаться в проведении сравнительного анализа с другими аналогичными таможенными союзами.

Результаты

Так, нами были рассмотрены наиболее острые проблемы таможенного регулирования в ЕАЭС, среди них: отсутствие должного взаимодействия между таможенными органами государств-членов объединения; отсутствие надлежащего уровня унификации при понимании общих терминов тарифного регулирования; низкая роль Суда ЕАЭС при разрешении споров; дублирование функций Суда ЕАЭС и ОРС ВТО; сложность при принятии решений

о принятии заявлений от физических лиц в Суде ЕАЭС; невозможность соблюдения санкционных режимов отдельными членами ЕАЭС; проблемы при контроле за перемещением сильнодействующих веществ; отсутствие понимания «культурная ценность» в законодательстве объединения; множественность филологической неопределенности норм, содержащихся в Кодексе ЕАЭС.

Заключение

В результате проведенного исследования был выявлен ряд проблем законодательства ЕАЭС, решение которых лежит, во-первых, в филологическом уточнении некоторых норм, а также в повышении их влияния на унификацию в части соответствия национальным законодательствам объединения.

В этой связи предлагает дополнить главу IV Статута Суда ЕАЭС следующим пунктом:

«При обращении государства-члена объединения в ОРС ВТО, Суд ЕАЭС не рассматривает заявление по тому же предмету и по тем же основаниям».

На данный момент вопрос юрисдикции ОРС ВТО и Суда ЕАЭС недостаточно точно урегулирован в Договоре о ЕАЭС, поэтому внесение данного дополнения может сократить количество споров, уже имеющих разъяснение, а также разграничит юрисдикции двух международных организаций.

Также предлагаем дополнить пункт 1 статьи 2 ТК ЕАЭС понятием «культурная ценность», взяв за основу определение, содержащееся в статье 3 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре», изложив её в следующей редакции:

«культурная ценность – это произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты».

В действующем праве ЕАЭС данное понятие отсутствует, а его трактование разными государствами-членами объединения столь существенно, что требует нормативного уточнения.

Литература

1. Аксенов, И.А. Проблемы и перспективы развития торговой политики ЕАЭС / И.А. Аксенов // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент № 1. – Улан-Удэ. – 2022. – С. 3–11. – DOI: 10.18101/2304-4446-2022-1-3-11.
2. Беликова, М.П. Взаимная торговля России и ЕС в 2022–2023 гг.: возможности восстановления / М.П. Беликова // Международная торговля и торговая политика № 4(36). – Москва. – 2023. – С. 96–108.
3. Гадаборшева, З.Б. Правовые статусы Европейского Союза и Союзного Государства: сравнительный анализ / З.Б. Гадаборшева // Вопросы

- российского и международного права № 1А. – 2022. – Том 12. – С. 218–228. – DOI: 10.34670/AR.2022.67.61.021.
4. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. N 37 (приложение, ч. VI). С. 2524–2538.
 5. Генеральное соглашение по торговле услугами // СПС «Гарант». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902340076> (дата обращения: 26.03.2025).
 6. Давыдова, Р.А. Управление процессом модернизации таможенного администрирования в условиях развития евразийской интеграции и цифровой трансформации: автореф. дис. ... кан. наук о государственном и муниципальном управлении / Давыдов Руслан Валентинович. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 2022, С. 12.
 7. Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы (подписан в г. Минске 19.05.2011) // Собрание законодательства РФ, 16.09.2019, N 37, ст. 5117.
 8. Киченина, В.С. ВТО и ЕАЭС: общие проблемы соотношения механизмов правового регулирования / В.С. Киченина // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии № 3(87). – 2023. – С. 94–98.
 9. Кодекс Республики Беларусь о культуре // СПС Эталон Online [Электронный ресурс] – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk1600413> (дата обращения: 28.03.2025).
 10. Колос, Д.Г. Конкуренция юрисдикции органов по разрешению споров ВТО и региональных торговых соглашений: уроки и перспективы для ЕАЭС / Д.Г. Колос // Вестник Московского университета № 3. – Серия 11. – Право. – Москва. – 2022. – С. 21–41.
 11. Консультативное заключение по делу № Р-4/22 // Официальный сайт Суда ЕАЭС. – [Электронный ресурс]. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/r-4.22/ (дата обращения: 30.03.2025).
 12. Консультативное заключение по делу № Р-4/24 // Официальный сайт Суда ЕАЭС. – [Электронный ресурс]. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-4.24/ (дата обращения: 29.03.2025).
 13. Консультативное заключение Суда ЕАЭС № Р-6/24 // Официальный сайт Суда ЕАЭС. – [Электронный ресурс]. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-6.24/ (дата обращения: 28.03.2025).
 14. Марков, Д.В. Финансово-правовое регулирование установления таможенных платежей: автореф. дис. кан. юр. наук / Марков Дмитрий Владимирович. Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, 2024. С. 15.
 15. Марракешское Соглашение об учреждении Всемирной торговой организации // СПС «Гарант». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902152> (дата обращения: 27.03.2025).
 16. Мухтарова, О.С. Субъекты в арбитражном процессе по делам об оспаривании привлечения к ответственности за совершение административных правонарушений / О.С. Мухтарова // Международный научно-исследовательский журнал № 9(147). – Екатеринбург. – 2024. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://research-journal.org/archive/9-147-2024-september/10.60797/IRJ.2024.147.64>. – <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.64>.
 17. Осипова, В.Ю. Пути совершенствования законодательства в сфере перемещения культурных ценностей через таможенную границу в ЕАЭС / В.Ю. Осипова // Путь в науку. Юридические науки (52). – 2024. – С. 48–51.
 18. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612–1) (ред. от 25.12.2023) // Российская газета, N 248, 17.11.1992.
 19. Переговоры о присоединении Беларуси к ВТО // Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://economy.gov.by/ru/peregovory-ru/> (дата обращения: 26.03.2025).
 20. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 N 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева» // Российская газета, N 165, 29.07.2015.
 21. Правительство КР обратилось в ВТО по ситуации, сложившейся на кыргызско-казахстанской государственной границе // Официальный сайт Кабинета министров Кыргызской Республики. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.kg/ru/post/s/ruskiy-pravitelstvo-kr-obratilos-v-vto-po-situatsii-slozhivsheysya-na-kyrgyzsko-kazahstanskoy-gosudarstvennoy-granitse> (дата обращения: 27.03.2025).
 22. Реестр ограничений ЕАЭС // Портал общих информационных ресурсов открытых данных ЕАЭС. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://barriers.eaeunion.org/barriers/ru/registers/obstacles> (дата обращения: 27.03.2025).
 23. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 N 30 (ред. от 18.02.2025) «О мерах нетарифного регулирования» // Таможенные ведомости, N 12, декабрь, 2015 (приложение N 6).
 24. Решение Совета ЕЭК № 35 // Официальный сайт ЕЭК. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/401/6516/> (дата обращения: 28.03.2025).
 25. Статут Суда ЕАЭС // Официальный сайт Суда ЕАЭС. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://courteurasian.org/upload/iblock/b30/2%20%D0%A1%>

D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%82%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0.pdf (дата обращения: 27.03.2025).

26. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017.
27. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об электронной подписи» // Российская газета, N 75, 08.04.2011.
28. Федеральный закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об обращении лекарственных средств» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Российская газета, N 78, 14.04.2010.
29. Халипов, С.В. Внешнеэкономические и неторговые аспекты перемещения через Государственную границу Российской Федерации сильнодействующих веществ / С.В. Халипов // Российский внешнеэкономический вестник № 2. – Москва. – 2021. – С. 112–123.
30. Хачатрян, Э.А. Роль решений Суда ЕАЭС и Суда ЕС в укреплении региональных правовых порядков: Сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. кан. юр. наук / Хачатрян Эдгар Артурович. Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2021. С. 11.
31. Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes // The official website of the WTO. – [Electronic resource]. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/dsu_e.htm (date of access: 27.03.2025).

PROBLEMS OF CUSTOMS REGULATION OF THE EAEU

Gadaborsheva Z.B.

Inghush State University

This article is devoted to the most acute problems of the EAEU, discussed in the courts of the EAEU by representatives of the Russian Federation, the EAEU Commission, as well as in doctrinal sources over the past 3 years, including: the lack of proper interaction between the customs authorities of the association; lack of an appropriate level of unification of tariff legislation; low role of the EAEU Court and duplication of its functions by the WTO Dispute Resolution Authority; uncertainty of the subjects of the EAEU Court; the impossibility of complying with sanctions regimes; problems in controlling the movement of potent substances; the multiplicity of philological uncertainty of the norms contained in the EAEU Code. As a result of the study, the author proposes a final division of the subject competence of the EAEU Court by establishing a direct prohibition in Chapter IV of the Statute of the EAEU Court on re-application after consideration of the same application on the same subject and on the same grounds in the WTO. In addition, the author proposes a partial integration of the definition of “cultural values” from Russian legislation into paragraph 1 of Article 2 of the EAEU Customs Code.

Keywords: EAEU, customs law, integration, Customs Code, cultural values, WTO, international law, Russian law.

References

1. Aksyonov, I.A. Problems and Prospects for the Development of the Trade Policy of the EAEU / I.A. Aksyonov // Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management No. 1. – Ulan-Ude. – 2022. – P. 3–11. – DOI: 10.18101/2304-4446-2022-1-3-11.

2. Belikova, M.P. Mutual Trade between Russia and the EU in 2022–2023: Recovery Possibilities / M.P. Belikova // International Trade and Trade Policy No. 4 (36). – Moscow. – 2023. – P. 96–108.
3. Gadaborsheva, Z.B. Legal Statutes of the European Union and the Union State: Comparative Analysis / Z.B. Gadaborsheva // Issues of Russian and International Law No. 1A. – 2022. – Vol. 12. – P. 218–228. – DOI: 10.34670/AR.2022.67.61.021.
4. General Agreement on Tariffs and Trade of 1994 (Concluded in Marrakesh on 15.04.1994) // Collected Legislation of the Russian Federation. September 10, 2012 N 37 (Appendix, Part VI). P. 2524–2538.
5. General Agreement on Trade in Services // SPS “Garant”. – [Electronic resource]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902340076> (date of access: 26.03.2025).
6. Davydova, R.A. Managing the process of modernization of customs administration in the context of the development of Eurasian integration and digital transformation: author’s abstract. dis. ... can. sciences on public and municipal administration / Davydov Ruslan Valentinovich. National Research University Higher School of Economics, Moscow, 2022, p. 12.
7. Agreement on the functioning of the Customs Union in the framework of the multilateral trading system (signed in Minsk on 19.05.2011) // Collected Legislation of the Russian Federation, 16.09.2019, N 37, art. 5117.
8. Kichenina, V.S. WTO and the EAEU: general problems of the relationship between legal regulation mechanisms / V.S. Kichenina // Scientific notes of the V.B. Bobkov St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy No. 3 (87). – 2023. – P. 94–98.
9. Code of the Republic of Belarus on Culture // SPS Estalon Online [Electronic resource] – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk1600413> (date of access: 28.03.2025).
10. Kolos, D.G. Competition of jurisdiction of WTO dispute resolution bodies and regional trade agreements: lessons and prospects for the EAEU / D.G. Kolos // Bulletin of Moscow University No. 3. – Series 11. – Law. – Moscow. – 2022. – P. 21–41.
11. Advisory opinion on case No. R-4/22 // Official website of the Court of the EAEU. – [Electronic resource]. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/r-4.22/ (date of access: 30.03.2025).
12. Advisory Opinion on Case No. P-4/24 // Official Website of the Court of the EAEU. – [Electronic Resource]. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-4.24/ (date of access: 29.03.2025).
13. Advisory Opinion of the Court of the EAEU No. P-6/24 // Official Website of the Court of the EAEU. – [Electronic Resource]. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-6.24/ (date of access: 28.03.2025).
14. Markov, D.V. Financial and Legal Regulation of Establishing Customs Duties: author’s abstract. dis. cand. jurid. sciences / Markov Dmitry Vladimirovich. Saratov State Law Academy, Saratov, 2024. Page 15.
15. Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization // SPS “Garant”. – [Electronic resource]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902152> (date of access: 03/27/2025).
16. Mukhtarova, O.S. Subjects in arbitration proceedings in cases of challenging liability for committing administrative offenses / O.S. Mukhtarova // International Research Journal No. 9 (147). – Ekaterinburg. – 2024. – [Electronic resource]. – URL: <https://research-journal.org/archive/9-147-2024-september/10.60797/IRJ.2024.147.64>. – <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.64>.
17. Osipova, V. Yu. Ways to improve legislation in the field of movement of cultural property across the customs border in the EAEU / V. Yu. Osipova // Path to Science. Legal Sciences (52). – 2024. – P. 48–51.
18. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture (approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 09.10.1992 N 3612–1) (as amended on 25.12.2023) // Rossiyskaya Gazeta, N 248, 17.11.1992.
19. Negotiations on the accession of Belarus to the WTO // Official website of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus. – [Electronic resource]. – URL: <https://economy.gov.by/ru/peregovory-ru/> (date of access: 26.03.2025).
20. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.07.2015 N 22-P “On the case of verifying the consti-

- tutionality of the provision of Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens of the Republic of Kazakhstan O.E. Nedashkovsky and S.P. Yakovlev" // Rossiyskaya Gazeta, N 165, 29.07.2015.
21. The Government of the Kyrgyz Republic applied to the WTO regarding the situation that has developed on the Kyrgyz-Kazakh state border // Official website of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic. – [Electronic resource]. – URL: <https://www.gov.kg/ru/post/s/russkiy-pravitelstvo-kr-obratilos-v-to-po-situatsii-slozhivsheysya-na-kyrgyzsko-kazahstanskoy-gosudarstvennoy-granitse> (date of access: 27.03.2025).
 22. Register of restrictions of the EAEU // Portal of general information resources of open data of the EAEU. – [Electronic resource]. – URL: <https://barriers.eaeunion.org/barriers/ru/registers/obstacles> (date of access: 27.03.2025).
 23. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission of 21.04.2015 N 30 (as amended on 18.02.2025) "On non-tariff regulation measures" // Customs Gazette, N 12, December, 2015 (Appendix N 6).
 24. Decision of the EEC Council No. 35 // Official website of the EEC. – [Electronic resource]. – URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/401/6516/> (date of access: 28.03.2025).
 25. Statute of the Court of the EAEU // Official website of the Court of the EAEU. – [Electronic resource]. – URL: <https://courteurasian.org/upload/iblock/b30/2%20%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%82%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0.pdf> (date of access: 03/27/2025).
 26. Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended on 05/29/2019) (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union) // Official website of the Eurasian Economic Union <http://www.eaeunion.org/>, 04/12/2017.
 27. Federal Law of 06.04.2011 N 63-FZ (as amended on 28.12.2024) "On Electronic Signature" // Rossiyskaya Gazeta, N 75, 08.04.2011.
 28. Federal Law of 12.04.2010 N 61-FZ (as amended on 26.12.2024) "On the Circulation of Medicines" (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) // Rossiyskaya Gazeta, N 78, 14.04.2010.
 29. Khalipov, S.V. Foreign economic and non-trade aspects of the movement of potent substances across the State Border of the Russian Federation / S.V. Khalipov // Russian Foreign Economic Bulletin No. 2. – Moscow. – 2021. – P. 112–123.
 30. Khachatryan, E.A. The Role of Decisions of the EAEU Court and the EU Court of Justice in Strengthening Regional Legal Orders: Comparative Legal Analysis: Abstract of a Cand. of Law. Sciences / Khachatryan Edgar Arturovich. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 2021. P. 11.
 31. Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes // The official website of the WTO. – [Electronic resource]. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/dsu_e.htm (date of access: 27.03.2025).

Механизмы международного сотрудничества Российской Федерации в области образования на площадках некоторых региональных интеграционных объединений

Гуляева Татьяна Константиновна,

к.ю.н., доцент кафедры интеграционного и европейского права, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА)

Общественные отношения, которые возникают в связи с реализацией политики международного сотрудничества России в образовательной и научной сферах, являются объектом рассмотрения в данной статье. Целью работы выступает анализ проблем совершенствования законодательства в сфере науки и высшего образования, формулирование предложений и рекомендаций об изменении и дополнении актов региональных интеграционных объединений по вопросам высшего образования. Актуальность продиктована двумя контурами изменений, среди которых геополитические аспекты, повышение интереса к БРИКС, пересмотр международной архитектуры норм и происходящие внутригосударственные факторы. В процессе анализа использовались общенаучные (исторический, диалектический, прогностический методы, дедукция, системный анализ, обобщение, сравнение и пр.), а также специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический) методы научного познания. Результаты работы – теоретическое обоснование и правовой анализ выявленных векторов и аспектов совершенствования правовых механизмов повышения результативности и эффективности международного сотрудничества государства в сфере высшего образования, установлены нормативно-правовые основы сотрудничества в рамках региональных интеграционных объединений (ЕАЭС, Союзное государство) по международному взаимодействию и методологическим основам в сфере не только высшего образования, но и науки.

Ключевые слова: образование, наука, интеграционные объединения, международное сотрудничество, пространство, иностранные обучающиеся.

Введение

Обеспечение устойчивого развития образования является одним из ключевых и трансформирующих элементов научно-технологического развития России [32].

Текущим принципом отечественной научно-технической политики представляется консолидация международного научного и научно-технического сотрудничества России [23], для поддержания которого применяется разработка и заключение международных соглашений, запуск программ и проектов в областях науки и технологий.

Технологическое лидерство заявлено в качестве одной из национальных целей развития России вплоть до достижения 2030 года и на срок до 2036 г. и может быть выстроено посредством развития и обеспечения надежных институциональных механизмов и инструментов международного сотрудничества России в сфере образования на площадках различных региональных интеграционных объединений.

Переход и вхождение в 2030 году России в круг 10 магистральных государств по количеству проводимых исследовательских проектов является одним из целевых показателей отечественного технологического лидерства. Немаловажным показателем, на который ориентируется Россия, также является «увеличение к 2030 году численности иностранных студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования в российских образовательных организациях высшего образования и научных организациях, не менее чем до 500 тыс. человек». Однако действующая специфика требует персонального преодоления определенных ограничений, не позволяющих достичь роста численности иностранных обучающихся (отсутствие у большинства университетов эффективно внедряемой стратегии привлечения иностранного контингента, специализированных центров международного сотрудничества, укомплектованных профессиональными специалистами со знанием иностранных языков, недостаточное количество современных образовательных программ на иностранных языках, привлекающих иностранных обучающихся, в том числе сетевых программ и программ двух дипломов, отсутствие должного количества профессорско-преподавательского состава, удлиненные сроки оформления приглашений и виз).

Текущая геополитическая ситуация стимулирует университеты России к мобилизации собствен-

ных ресурсов и активизации работы по установлению новых международных контактов, изменению векторов международного сотрудничества с западного направления на восточное, поиску новых зарубежных партнеров из дружественных стран и установлению с ними взаимовыгодных отношений, расширению круга партнеров среди компаний соответствующих отраслей для целей обучения, стажировок и практической адаптации иностранных обучающихся.

На данный момент вызовы геополитической ситуации включают такие препятствия по продвижению международного сотрудничества в сфере образования как ограничительные меры недружественных стран, замораживание возможностей международного взаимодействия с западными странами непосредственно в области образования, проведении академического обмена, интернационализации отечественных университетов на международной арене, разрыв и приостановка действия университетами недружественных государств договоров и соглашений о сотрудничестве.

Расширение и поиск новых горизонтов международного взаимодействия со стороны отечественных университетов будет благоприятствовать зарождению новейших научных проектов в области образования и активизации результативности международной образовательной кооперации.

Материал

Федеральное законодательство определяет три основные цели международного сотрудничества в образовании: расширение образовательных возможностей для россиян и иностранцев, развитие партнерских отношений РФ с зарубежными странами и организациями, совершенствование образовательных механизмов на международном и национальном уровнях [28].

Необходимость развития международного сотрудничества обусловлена рядом факторов. На государственном уровне это: потребность в кадрах международного уровня, необходимость обмена опытом, развитие внешнеэкономической деятельности, экспорт образовательных услуг и технологий, продвижение локальных брендов, привлечение инвестиций и культурная кооперация. На университетском уровне приоритетными являются: увеличение числа иностранных студентов, улучшение позиций в международных рейтингах и показателей эффективности, использование ресурсов вузов-партнеров, повышение качества образования и научной работы, развитие академической мобильности и расширение спектра образовательных услуг.

Субъекты международного сотрудничества в области высшего образования определены в статье 105 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (рис. 1).

Субъекты международного сотрудничества в высшем образовании

Рис. 1. Субъекты международного сотрудничества в сфере высшего образования

Современный этап предполагает ключевую формулу, направленную на повышение эффективности международного сотрудничества государства, и может включать цепочку действий, среди которых заблаговременное планирование по выстраиванию международных связей с учетом национальных интересов, поставленных целей, разработанных стратегий и показателей; организационный механизм, включающий процедуры разработки и заключения договоров и программ сотрудничества; аналитическая деятельность, предполагающая исследование национальных интересов и ожиданий университетов-партнеров; разработка и запуск национальных образовательных продуктов и программ, которые могут быть конкурентоспособными на международных площадках университетов региональных интеграционных объединений; использование и применение технологий цифрового маркетинга; введение института персональной ответственности в подразделениях университетов, отвечающих за международное направление, а также немаловажным является прохождение программ повышения квалификации ответственными работниками и сотрудниками университета.

В условиях растущих ограничений для международной деятельности вузов возрастает необходимость поиска альтернативных механизмов сотрудничества. Это подтверждается Концепцией гуманитарной политики РФ за рубежом 2022 года [13], подчеркивающей важность развития конкурентоспособности в образовательной и научной сферах на международном уровне.

Концепция внешней политики РФ [31] также определяет развитие международного образовательного сотрудничества как приоритетное направление, отвечающее национальным интересам. Для достижения поставленных целей предполагается использование комплексных инструментов взаимодействия через различные объединения – ЕАЭС, БРИКС, СНГ, а также площадки Азии, Африки и Латинской Америки [15].

В настоящее время происходит переосмысление подходов к выстраиванию международного образовательного сотрудничества как на государственном, так и на университетском уровнях [18].

Традиционные инструменты образовательного сотрудничества включают академические обмены студентов и преподавателей на основе двусторонних договоров (программы «Семестр за границей») с использованием цифрового маркетинга. Эффективными механизмами также являются университетские консорциумы (например, РАФУ [36]) и сетевые международные университеты в рамках ЕАЭС, ШОС и БРИКС, реализующие совместные образовательные программы. Важную роль играет взаимодействие университетских кафедр, исследовательских центров и отдельных ученых.

К инновационным механизмам сотрудничества относятся молодежные форумы, сезонные научные школы, образовательные франшизы и хабы, а также участие некоммерческих организаций, способствующих формированию позитивного имиджа университетов в международном научно-образовательном пространстве.

Среди иных механизмов можно выделить использование специализированных историко-документальных выставок, примером которых является проведенная в декабре 2023 г. в г. Хараре (Зимбабве) выставка по оказанию содействия странам Африки со стороны СССР и России в достижении своей независимости [8]. Следующим инструментом можно квалифицировать цифровую интернационализацию отечественных университетов, осуществляемую посредством обновления официальных сайтов, адресованных иностранным абитуриентам, внедрение разделов на иностранном языке, запуск цифровых сервисов и проектов на электронных платформах, в мессенджерах и социальных сетях.

Современные подходы к международному образовательному взаимодействию включают множество инновационных инструментов. Особого внимания заслуживает внедрение AI-технологий в виде университетских чат-систем, расширение международных олимпиад и укрепление позиций центров русского языка. Значимую роль играет деятельность профильных классов, особенно на базе зарубежных Русских домов (под эгидой Россотрудничества). Существенным элементом выступает финансовая поддержка учащихся через стипендии и гранты, а также запуск цифрового подготовительного факультета. Эффективными инструментами являются международные образовательные ярмарки, сотрудничество с рекрутерами и форми-

рование сообществ выпускников-иностранцев как представителей *alma mater*.

Развитие международного образовательного сотрудничества включает участие в проектах «мегасайенс», взаимодействие с ЮНЕСКО, программе «Послы российского образования и науки» [3], международные стажировки и формирование единого образовательного пространства СНГ, ЕАЭС, ШОС и БРИКС. Особое значение имеет научно-технологическая интеграция с Белоруссией [7] и развитие связей с образовательными учреждениями Азии, Африки и Ближнего Востока.

Эти механизмы направлены на создание совместных программ, привлечение иностранных студентов, развитие олимпиадного движения и межкультурного диалога. Трансформация международной деятельности происходит в двух направлениях: внешнем (повышение престижа российского образования, развитие академических обменов, гармонизация законодательства) и внутреннем (создание комфортной образовательной среды, продвижение русского языка, обеспечение качества образования).

Приоритетным направлением России в региональных интеграционных объединениях, особенно в ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия), является развитие институциональных механизмов образовательного сотрудничества.

Еще в Декларации 2011 года [27] унификация образовательных стандартов была обозначена как ключевой этап евразийской интеграции. Декларация 2018 года [9] усилила этот курс, направив развитие ЕАЭС к созданию «территории инноваций» и объединению научного потенциала стран-участниц [17].

Во время российского председательства (2018, 2023) приоритетами стали межвузовское партнерство и академическая мобильность [2]. В 2023 году были поставлены задачи унификации научно-технических программ и образовательных стандартов [4]. Хотя базовый договор ЕАЭС [11] лишь косвенно затрагивает образовательную сферу, Стратегические направления развития до 2025 года [30] предусматривают усиление научно-технологической интеграции.

Согласно стратегическим приоритетам и Докладу 2022 года [25], развитие включает цифровизацию образования, модернизацию сетевого взаимодействия, унификацию документооборота и создание единой информационной системы [30]. Декларация «Евразийский экономический путь» [10] предусматривает разработку научно-технологической программы с утверждением дорожной карты в 2025 году [40]. В сфере многостороннего правового регулирования образования сохраняет силу Соглашение о сотрудничестве в образовательной сфере 2009 года, нацеленное на формирование единого образовательного пространства. Его действие продолжается на основании Договора о прекращении ЕврАзЭС [12] в части, не противоречащей базовому договору ЕАЭС.

Значительным шагом вперед стало принятие в 2023 году Соглашения о взаимном признании ученых степеней [21], вступающего в силу в мае 2024 года. Этот документ призван усилить кадровую мобильность и способствовать свободному перемещению специалистов в рамках ЕАЭС.

Евразийский сетевой университет (ЕСУ) [14] представляет собой перспективную платформу международной образовательной кооперации России в рамках ЕАЭС, объединяющую различных участников евразийской интеграции.

Создание ЕСУ полностью соответствует современным интеграционным трендам, обозначенным в Стратегических направлениях развития до 2025 года. Университет способствует поэтапному формированию безбарьерного образовательного пространства ЕАЭС. Деятельность ЕСУ сфокусирована на подготовке квалифицированных специалистов через сетевое взаимодействие, проведении передовых научных исследований и разработке инструментов для свободного перемещения образовательных услуг. Несмотря на относительно недавнее начало работы, создание ЕСУ можно считать значимым достижением в развитии евразийского образовательного пространства с российским участием.

Другой важной формой международного взаимодействия выступает недавно сформированный Консорциум вузов в области евразийской интеграции. Согласно Рекомендации Коллегии ЕЭК [39], научно-технологический консорциум представляет собой временное объединение предприятий реального сектора экономики, научных организаций и высших учебных заведений для реализации совместных производственных и научно-технологических программ, требующих существенной концентрации материальных и интеллектуальных ресурсов [26].

Консорциум фокусируется на реализации совместных магистерских программ, развитии модульного обучения, организации курсов повышения квалификации и проведении научных исследований.

В современном образовательном пространстве ЕАЭС российское международное сотрудничество развивается по нескольким ключевым направлениям. Важную роль играет взаимодействие в рамках Научно-технического совета при Председателе Коллегии ЕЭК [35]. Активно реализуется программа взаимных стажировок для исследователей, магистрантов и аспирантов в научных организациях и вузах стран-участниц под эгидой ЕЭК [38]. Значимой платформой сотрудничества выступает Евразийская ассоциация университетов, берущая начало от Ассоциации университетов СССР 1989 года [34] и преобразованная в современный формат в 1992 году. Дополнительным инструментом интеграции служит Ассамблея народов Евразии [1], которая, согласно уставным документам, выступает площадкой для развития евразийской интеграции в научно-образовательной сфере [29].

Таким образом, можно констатировать следующее:

1. В рамках ЕАЭС наблюдается правовой вакуум по регулированию сотрудничества в сфере образования. Сформированы тематические блоки в праве ЕАЭС в области регулирования научно-технологического взаимодействия.
2. Международное сотрудничество в сфере образования прямо не отнесено к компетенции институциональных органов ЕАЭС (ЕЭК). Соответственно, предлагается расширить предметную компетенции ЕАЭС посредством внесения изменений в Договор о ЕАЭС от 2014 г. (включение нового раздела) либо принятия отдельного международного договора в форме Протокола к Договору о ЕАЭС от 2014 г., посвященного межгосударственному научно-техническому сотрудничеству.
3. Имеется явная необходимость закрепления в учредительном документе ЕАЭС пятой свободы – свободы перемещения знаний наряду с действующими в ЕАЭС свободой движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Создание единого рынка образовательных услуг и евразийского научно-образовательного пространства должно сопровождаться учреждением соответствующего межправительственного органа участников ЕАЭС.
4. Разработка отдельного межгосударственного соглашения о дополнительном финансировании академической мобильности студентов и профессорско-преподавательского состава за счет внутригосударственного или наднационального бюджета ЕАЭС.
5. Построение единого научно-образовательного пространства будет первым шагом в достижении технологического и образовательного суверенитета всего ЕАЭС.

В рамках пространства ЕАЭС особо выделяется внутреннее объединение Союзное государство [24].

Сотрудничество России и Белоруссии в образовательной сфере берет начало с Соглашения 1995 года [22], предшествовавшего созданию Союзного государства. Документ определил ключевые направления взаимодействия, включая развитие прямых связей между образовательными учреждениями, организацию академических обменов и поддержку различных форм межвузовского сотрудничества (ст. 13).

После создания Союзного государства в 2000 году образование и наука вошли в сферу совместного ведения [19]. Принятая Программа действий [6] и Постановление Совета Министров № 19 (2017) [5] заложили основы единого научно-технологического пространства. В 2023 году было подписано Соглашение о научно-техническом сотрудничестве [22], а в 2024 году согласованы планы реализации положений Договора о Союзном государстве на 2024–2026 годы [33].

В результате формируются параллельные образовательные пространства в рамках ЕАЭС и Союз-

ного государства, что требует определения приоритетности регионального наднационального регулирования в сфере образования и научной дипломатии.

Заключение

Развитие системы образования с участием зарубежных партнеров является важным фактором и аспектом, обеспечивающим наряду с научной дипломатией, двух- и многостороннее межгосударственное международное научно-техническое сотрудничество России.

Образование является критическим инструментом при решении проблем, связанных с расширением участия в международных пространствах.

Новые формы интеграции стран в международное пространство могут и должны включать государственную поддержку лидирующих образовательных структур.

Успешно продолжает формироваться общее образовательное пространство СНГ, определены перспективы разработки отдельного соглашения по признанию документов об ученых степенях.

Текущие заключительные рекомендации:

1. Информационное продвижение российских университетов среди целевых иностранных аудиторий. Внедрение и совершенствование новых подходов для решения социально-экономических вопросов адаптации иностранных граждан.
2. Подготовка на площадке ЕАЭС самостоятельного механизма, содержащего единые стандарты в области образования и науки и новую модель оценки результатов университетов государств ЕАЭС.
3. Коммерциализация и трансфер технологий, разработанных в государствах евразийского объединения.
4. Создание центров инновационных образовательных услуг для иностранных граждан, оснащенных новейшим оборудованием, коммуникационными средствами и программным обеспечением.
5. Участвующие в международной деятельности образовательных и научных организаций кадры требуют соответствующего подбора и постоянного повышения профессиональной квалификации.
6. Разработка предложений по формированию межгосударственных альянсов в области технологий и отдельного рынка интеллектуальной собственности объединений СНГ, БРИКС, ЕАЭС и африканского региона.
7. Инициирование по учреждению специализированных школ, способных значительно конкурировать на уровне интеграционных объединений, в целях достижения и получения научного и образовательного влияния.
8. Создание отдельных университетских образовательных программ по тематике интеграции евразийского пространства.

9. Разработка соответствующих дорожных карт по реализации молодежной политики в странах БРИКС, СНГ, ЕАЭС и африканского региона.
10. Модернизация и мониторинг стратегических процессов университетов в части международной деятельности и последующая оценка внутренней работы.
11. Внедрение системы грантовой поддержки университетов и обучающихся.
12. Пересмотр маркетинговой стратегии университетов, способствующей перемещению отечественного образования и науки на территорию зарубежных стран.
13. Корректировка участников международного сотрудничества, выявление новых дружественных акторов для образовательного и научного взаимодействия.
14. Учёт национальных интересов, а также региональной стратегии и особенностей развития субъекта России в социальной и экономической сферах.
15. Усиление координации деятельности акторов международного образовательного сотрудничества по регионам и странам.
16. Системное задействование научного и экспертно-аналитического потенциала российских научных организаций в развитии международного образовательного сотрудничества.
17. Развитие информационного партнёрства Россоотрудничества для вовлечения широкого круга российских соотечественников за рубежом в российскую научную и образовательную повестку.
18. Развитие научно-методического сотрудничества с российской образовательной и научной инфраструктурой за рубежом.
19. Развитие центров науки и образования.

Литература

1. URL: <http://eurasia-assembly.org/ru/dokumenty> (дата обращения: 11.04.2025).
2. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56663> (дата обращения: 11.04.2025).
3. URL: <https://alumni.rudn.ru/content/udn-club/> (дата обращения: 11.04.2025); URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/64290/> (дата обращения: 11.04.2025).
4. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/obrashchenie-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-vladimira-putina-k-glavam-gosudarstv-chlenov-eaes-po-s/> (дата обращения: 11.04.2025).
5. URL: <https://gknt.gov.by/rules/pravovye-akty-respubliki-belarus-v-sferakh-nauchnoy-nauchno-tehnicheskoy-i-innovatsionnoy-deyatelnosti/> (дата обращения: 11.04.2025).
6. URL: [№ 4 2025 \[ЮН\]](https://soyuz.by/programma-deystviy-rossiyskoy-federatsii-i-respubliki-belarus-po-realizacii-polozheniy-dogovora-o-sozdanii-</div><div data-bbox=)

- soyuznogo-gosudarstva (дата обращения: 11.04.2025).
7. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-podvedomstvennykh-uchrezhdeniy/97026/>.
 8. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?q=%D0%90%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0&active_date=01.01.2023;31.12.2023. (дата обращения: 11.04.2025).
 9. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС от 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».
 10. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» от 25.12.2023 // СПС «КонсультантПлюс».
 11. Договор о Евразийском экономическом союзе от 2014 // СПС «КонсультантПлюс».
 12. Договор о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества от 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».
 13. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».
 14. Меморандум о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета (ЕСУ) от 25.05.2022 // СПС «КонсультантПлюс».
 15. См.: пункт 19 Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».
 16. См.: Пункт 4 Меморандума о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета (ЕСУ) от 25.05.2022 // СПС «КонсультантПлюс».
 17. См.: Раздел 2 Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС от 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».
 18. См.: Садовничий В.А. Роль и задачи университетского сообщества в сохранении и развитии научно-образовательного пространства Евразии / В.А. Садовничий // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 3 (55). – С. 15–16. Ануфриева Л.П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества. Актуальные проблемы российского права. 2019;1(12):123–133. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.123-133>. Инновационная юриспруденция: учебник /отв. ред. В.В. Блажеев, М.В. Мажорина. – Москва: Проспект, 2025. – 912 с. (7).
 19. См.: Статья 18 Договора между Россией и Республикой Беларусь «О создании Союзного государства» от 1999 г. // СПС «КонсультантПлюс».
 20. См.: Статья 5 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о научно-техническом и инновационном сотрудничестве от 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».
 21. Соглашение «О взаимном признании документов об ученых степенях в государствах-членах Евразийского экономического союза» от 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».
 22. Соглашение о сотрудничестве в области культуры, образования и науки от 1995 г. // СПС «КонсультантПлюс».
 23. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СПС «КонсультантПлюс».
 24. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» // СПС «КонсультантПлюс».
 25. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/clcr/doklad_8.2.1.pdf (дата обращения: 11.04.2025).
 26. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/f7a/6.4.7.pdf> (дата обращения: 11.04.2025).
 27. Декларация от 18.11.2011 «О евразийской экономической интеграции» // СПС «КонсультантПлюс».
 28. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
 29. URL: <http://www.eurasia-assembly.org/ru> (дата обращения: 11.04.2025).
 30. Решение Высшего евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».
 31. Указ Президента РФ от 31.03.2023 N 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
 32. См.: Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
 33. URL: <http://government.ru/news/51877/> (дата обращения: 11.04.2025).
 34. URL: <http://www.eau-msu.ru/> (дата обращения: 11.04.2025).
 35. URL: <https://e-cis.info/news/566/113092/> (дата обращения: 11.04.2025).
 36. URL: <https://rafu.ru/> (дата обращения: 11.04.2025).
 37. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24.06.2022 N 26 «О приоритетах и долгосрочном прогнозе научно-технического развития Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».
 38. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22.08.2023 N 18 «О программе повышения квалификации исследователей (включая магистрантов, аспирантов) посредством взаимных стажировок в научных организациях и вузах государств – членов Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».

39. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19.12.2023 N 37 «О механизмах создания научно-технологических консорциумов для реализации совместных инфраструктурных проектов» // СПС «КонсультантПлюс».
40. Распоряжение Высшего Евразийского экономического совета от 25.12.2023 N 6 «О плане мероприятий («дорожной карте») по реализации Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // СПС «КонсультантПлюс».

MECHANISMS OF INTERNATIONAL COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF EDUCATION AT THE SITES OF SOME REGIONAL INTEGRATION ASSOCIATIONS

Gulyaeva T.K.

Kutafin Moscow State Law University

The social relations that arise in connection with the implementation of Russia's international cooperation policy in the educational and scientific fields are the subject of consideration in this article. The purpose of the work is to analyze the problems of improving legislation in the field of science and higher education, to formulate proposals and recommendations on amendments and additions to acts of regional integration associations on higher education. The relevance is dictated by two contours of changes, including geopolitical aspects, increased interest in BRICS, a revision of international architectural norms, and ongoing domestic factors. The analysis used general scientific (historical, dialectical, predictive methods, deduction, system analysis, generalization, comparison, etc.), as well as special (formal legal, comparative legal, statistical) methods of scientific cognition. The results of the work are a theoretical justification and a legal analysis of the identified vectors and aspects of improving legal mechanisms for increasing the effectiveness and efficiency of international cooperation between the state in the field of higher education, the regulatory framework for cooperation within regional integration associations (EAEU, Union State) on international cooperation and methodological foundations in the field of not only higher education, but also science has been established.

Keywords: education, science, integration associations, international cooperation, space, foreign students.

References

1. URL: <http://eurasia-assembly.org/ru/dokumenty> (date of access: 11.04.2025).
2. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56663> (date of access: 11.04.2025).
3. URL: <https://alumni.rudn.ru/content/udn-club/> (date of access: 11.04.2025); URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/64290/> (date of access: 11.04.2025).
4. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/obrashchenie-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-vladimira-putina-k-glavam-gosudarstv-chlenov-eaes-po-s/> (date of access: 11.04.2025).
5. URL: <https://gknt.gov.by/rules/pravovye-akty-respubliki-belarus-v-sferakh-nauchnoy-nauchno-tekhnicheskoy-i-innovatsionnoy-deyatelnosti> (date of access: 11.04.2025).
6. URL: <https://soyuz.by/programma-deystviy-rossiyskoy-federatsii-i-respubliki-belarus-po-realizatsii-polozheniy-dogovora-o-sozdani-i-soyuznogo-gosudarstva> (access date: 04/11/2025).
7. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-podvedomstvennykh-uchrezhdeniy/97026/>.
8. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?q=%D0%90%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0&active_date=01/01/2023;12/31/2023. (date accessed: 11.04.2025).
9. Declaration on the further development of integration processes within the EAEU of 2018 // SPS "ConsultantPlus".
10. Declaration on the further development of economic processes within the Eurasian Economic Union until 2030 and for the period until 2045 "Eurasian Economic Path" of 25.12.2023 // SPS "ConsultantPlus".
11. Treaty on the Eurasian Economic Union of 2014 // SPS "ConsultantPlus".
12. Treaty on the termination of the activities of the Eurasian Economic Community of 2014 // SPS "ConsultantPlus".
13. Concept of humanitarian policy of the Russian Federation abroad 2022 // SPS "ConsultantPlus".
14. Memorandum of Understanding on the Establishment of the Eurasian Network University (ENU) dated 25.05.2022 // SPS "ConsultantPlus".
15. See: paragraph 19 of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation for 2023 // SPS "ConsultantPlus".
16. See: Paragraph 4 of the Memorandum of Understanding on the Establishment of the Eurasian Network University (ENU) dated 25.05.2022 // SPS "ConsultantPlus".
17. See: Section 2 of the Declaration on the Further Development of Integration Processes within the EAEU dated 2018 // SPS "ConsultantPlus".
18. See: Sadovnichy V.A. The Role and Tasks of the University Community in Preserving and Developing the Scientific and Educational Space of Eurasia / V.A. Sadovnichy // Problems of Modern Economy. – 2015. – No. 3 (55). – P. 15–16. Anufrieva L.P. BRICS: on the legal nature and principles of cooperation. Actual problems of Russian law. 2019;1(12):123–133. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.123-133>. Innovative jurisprudence: textbook / ed. V.V. Blazheev, M.V. Mazhorina. – Moscow: Prospect, 2025. – 912 p. (7).
19. See: Article 18 of the Treaty between Russia and the Republic of Belarus "On the Creation of the Union State" dated 1999 // SPS "ConsultantPlus".
20. See: Article 5 of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on scientific, technical and innovative cooperation dated 2023 // SPS "ConsultantPlus".
21. Agreement "On mutual recognition of documents on academic degrees in the member states of the Eurasian Economic Union" dated 2023 // SPS "ConsultantPlus".
22. Agreement on cooperation in the field of culture, education and science dated 1995 // SPS "ConsultantPlus".
23. Federal Law of 23.08.1996 N 127-FZ "On Science and State Scientific and Technical Policy" // SPS "ConsultantPlus".
24. Treaty between the Russian Federation and the Republic of Belarus dated 08.12.1999 "On the creation of the Union State" // SPS "ConsultantPlus".
25. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/clcr/doklad_8.2.1.pdf (accessed on 11.04.2025).
26. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/f7a/6.4.7.pdf> (accessed on 11.04.2025).
27. Declaration of 18.11.2011 "On Eurasian Economic Integration" // SPS "ConsultantPlus".
28. Federal Law of 29.12.2012 N 273-FZ "On Education in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
29. URL: <http://www.eurasia-assembly.org/ru> (accessed on 11.04.2025).
30. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of 11.12.2020 No. 12 "On the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025" // SPS "ConsultantPlus".
31. Decree of the President of the Russian Federation of 31.03.2023 N 229 "On Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
32. See: Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2024 N 145 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
33. URL: <http://government.ru/news/51877/> (date of access: 11.04.2025).
34. URL: <http://www.eau-msu.ru/> (date of access: 11.04.2025).
35. URL: <https://e-cis.info/news/566/113092/> (date of access: 11.04.2025).
36. URL: <https://rafu.ru/> (date of access: 11.04.2025).

37. Recommendation of the Board of the Eurasian Economic Commission of 24.06.2022 N 26 "On the priorities and long-term forecast of scientific -technical development of the Eurasian Economic Union" // SPS "ConsultantPlus".
38. Recommendation of the Board of the Eurasian Economic Commission dated 08.22.2023 N 18 "On the program for improving the qualifications of researchers (including master's students, graduate students) through mutual internships in scientific organizations and universities of the member states of the Eurasian Economic Union" // SPS "ConsultantPlus".
39. Recommendation of the Board of the Eurasian Economic Commission dated 12.19.2023 N 37 "On mechanisms for creating scientific and technological consortia for the implementation of joint infrastructure projects" // SPS "ConsultantPlus".
40. Order of the Supreme Eurasian Economic Council dated 25.12.2023 N 6 "On the action plan ("road map") for the implementation of the Declaration on the further development of economic processes within the Eurasian Economic Union until 2030 and for the period until 2045 "Eurasian Economic Path" // SPS "ConsultantPlus".

Влияние международных норм и стандартов на законодательство РФ в сфере налоговых правонарушений: соответствие и несовпадения

Дамиров Эльдар Шаигович,
независимый исследователь
E-mail: eldardamirov75@mail.ru

В статье проведён анализ влияния международных норм и стандартов на законодательство Российской Федерации в сфере налоговых правонарушений, выявляются соответствия и расхождения. Рассматриваются ключевые международные документы и институты (такие как Организация экономического сотрудничества и развития – ОЭСР, Европейский суд по правам человека – ЕСПЧ, нормы Европейского союза и др.) и их роль в формировании российских правовых подходов к налоговым правонарушениям. Показано, что российское налоговое законодательство во многом восприняло международные стандарты – например, в части прозрачности налогообложения и борьбы с уклонением от налогов – однако сохраняются отличия в мерах ответственности и правоприменении. Отмечены особенности подходов к ответственности физических и юридических лиц, а также правовые механизмы, с помощью которых российская система адаптируется к мировым стандартам. Делается вывод, что несоответствие международным налоговым стандартам может повлечь неблагоприятные юридические последствия, включая споры в международных судах и ограничительные меры со стороны зарубежных юрисдикций, что подчёркивает необходимость дальнейшей гармонизации.

Ключевые слова: международные налоговые стандарты; налоговые правонарушения; ОЭСР; Европейский суд по правам человека; ответственность; гармонизация законодательства.

Российская правовая система в сфере налогообложения развивается под заметным влиянием международных норм и стандартов. Это обусловлено глобализацией экономики и трансграничным характером уклонения от уплаты налогов. Как отмечает Шелепов, в условиях финансовой глобализации национальные налоговые органы порой не имеют достаточных инструментов для эффективной борьбы со схемами ухода от налогообложения, пользующимися пробелами в законодательстве. Данный вызов стимулировал международное сотрудничество, выразившееся в разработке общепризнанных стандартов налоговой ответственности. Многие из этих стандартов были восприняты Россией, что отражено в нормативных актах и правоприменительной практике.

В российском законодательстве формально закреплено превосходство международных договоров в налоговой сфере. В соответствии со ст. 7 Налогового кодекса РФ, если международным договором установлены иные правила, чем в национальном законодательстве, применяются нормы международного договора. Это положение гарантирует приоритет соглашений об избежании двойного налогообложения и иных международных обязательств над внутренними нормами. Таким образом, правовая база изначально ориентирована на соблюдение принятых Россией международных налоговых норм.

Существенную роль играет Организация экономического сотрудничества и развития, разрабатывающая рекомендации по налогообложению и противодействию налоговым правонарушениям. Под эгидой ОЭСР реализован План действий BEPS (Base Erosion and Profit Shifting) по борьбе с размыванием налоговой базы и выводом прибыли. Россия активно участвует в этом проекте и проводит реформы в соответствии с его положениями. Например, мероприятия Плана BEPS стали частью проводимой в России налоговой реформы. В российском законодательстве рекомендации BEPS13 нашли отражение в ФЗ от 27.11.2017 № 340-ФЗ и в Главах 14.4 и 14.4–1 НК РФ, регулирующих подход к формированию межстрановых требований. Кроме того, Россия подписала Многостороннюю конвенцию ОЭСР (MLI) об изменении соглашений об избежании двойного налогообложения, которая вступила в силу для российских соглашений с 2021 года. Эти шаги свидетельствуют о стремлении российского законодателя соответствовать международным стандартам прозрачности и противодействия налоговым злоупотреблениям. [1, 36–59 с.]

В сфере ответственности за налоговые правонарушения ОЭСР также формирует ориентиры. В рамках «Ослодиалога» ОЭСР выработаны Глобальные принципы борьбы с налоговыми преступлениями, требующие наличия эффективных мер пресечения, межведомственного взаимодействия и признания уклонения от налогов тяжким правонарушением. Российское право отчасти соответствует этим принципам: уклонение от уплаты налогов в крупном размере криминализировано (ст. 198, 199 УК РФ), а также является предикатным преступлением для целей борьбы с отмыванием денежных средств в соответствии с рекомендациями ФАТФ. Вместе с тем, сохраняются и отличия. В частности, в России отсутствует институт прямой уголовной ответственности юридических лиц, тогда как многие страны ОЭСР ввели корпоративную ответственность за налоговые преступления. [2, 41–48 с.]

Исследователи отмечают, что в ряде зарубежных юрисдикций компании могут привлекаться к ответственности наряду с должностными лицами. Например, Бондарь и Волчкова указывают, что в иностранных правовых системах широко применяется механизм налоговых расследований специальными органами, позволяющий привлекать к ответственности корпорации и их руководителей. В российской же практике за налоговые нарушения компаний отвечают преимущественно должностные лица (руководители), а сама компания несёт санкции в административном порядке (штрафы по Налоговому кодексу). Таким образом, в вопросе ответственности организаций прослеживается несовпадение с подходами, рекомендованными международными институтами. [3, 84–86с.]

Влияние международных норм ощущается и через призму прав человека. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в своих решениях затрагивал вопросы налоговых санкций и процедур, устанавливая стандарты справедливости и правовой определённости. Хотя Европейская конвенция о защите прав человека 1950 года прямо не упоминает налоги, ЕСПЧ рассматривает налоговые дела, когда затрагиваются фундаментальные права. Вахитов подчёркивает, что Конвенция стала частью российского законодательства и имеет приоритет над национальными нормами в силу статьи 15 Конституции РФ. Это означает, что решения ЕСПЧ обязательны для российских органов в той мере, в какой национальная практика противоречит европейским стандартам. [4, 18–22 с.]

Одним из ключевых вкладов ЕСПЧ является развитие принципа *non bis in idem* (недопустимость двойного наказания) применительно к налоговым правонарушениям. В постановлении по делу «Сергей Золотухин против России» (2009) ЕСПЧ выработал единый подход к толкованию данного принципа, запретив преследование лица дважды за одно деяние, если оба преследования основаны на одних и тех же фактических обстоятельствах. Суд прямо указал, что эта гарантия распространяется не только на собственно уголовные обвинения, но и на административные взыскания ка-

рательного характера. Данное решение вынудило российскую правоприменительную практику скорректироваться, чтобы избежать параллельного привлечения к ответственности по административному и уголовному порядку за одно и то же уклонение от налога. В последующие годы российские суды и законодатель учли позицию ЕСПЧ: сейчас лицо, уплатившее недоимку и штрафы по требованию налоговых органов, как правило, освобождается от уголовной ответственности, что предотвращает ситуацию двойного наказания. Это пример того, как международные правовые стандарты через практику ЕСПЧ влияют на национальное регулирование налоговых правонарушений и обеспечивают защиту прав налогоплательщиков.

ЕСПЧ также стимулировал соблюдение принципа справедливого судебного разбирательства в налоговых делах. В деле «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» против России» (2011) Страсбургский суд признал, что российские власти нарушили право компании на справедливое судебное разбирательство и право на имущество, предъявив налоговые претензии ретроактивно и не предоставив достаточного времени для подготовки к защите. По мнению ЕСПЧ, чрезмерно спешное начисление многократных штрафов и быстрый переход к взысканию поставили компанию в заведомо невыгодное положение. Это решение продемонстрировало несоответствие отдельных аспектов российского налогового правоприменения европейским стандартам и повлекло имиджевые и финансовые последствия для государства. В ответ российское законодательство и суды уделили больше внимания обеспечению разумных сроков и пропорциональности санкций при рассмотрении крупных налоговых споров, стремясь избежать повторения подобных нарушений. Таким образом, стандарты ЕСПЧ способствуют укреплению правовой определённости и справедливости в национальной системе налоговой ответственности.

Хотя Российская Федерация не является членом Европейского союза, европейские правовые подходы в налоговой сфере служат ориентиром для реформ. В странах ЕС действуют директивы, направленные на противодействие уклонению от налогов и повышению прозрачности (например, Директива ЕС 2016/1164 об избежании уклонения от налогообложения). Россия в 2010-е годы сближала своё законодательство с этими тенденциями: введены правила тонкой капитализации и концепция бенефициарного собственника дохода, близкие по духу к антиуклонительным мерам ЕС. По сути, многие нововведения российского налогового законодательства происходили синхронно с глобальными инициативами, предлагаемыми ОЭСР и поддерживаемыми ЕС. Шилехин подчёркивает, что использование зарубежного опыта позволяет совершенствовать национальные меры ответственности за налоговые правонарушения. Например, заимствованы элементы европейской практики налогового контроля и аудита, ориентированные на профилактику нарушений. [5, 47–55 с.]

Вместе с тем, в последнее время обозначились и расхождения. В 2023 году Европейский союз отнёс Россию к числу «несотрудничающих юрисдикций» в налоговой сфере, выразив обеспокоенность появлением особых режимов (так называемых «русских офшоров» – специальных административных районов) и недостаточной прозрачностью. Включение в «чёрный список» ЕС привело к тому, что государства-члены Союза получили право применять к России оборонительные меры налогового характера. В их числе – усиленный контроль за финансовыми операциями с участием российских резидентов, отказ в признании расходов по сделкам с российскими компаниями для целей налогообложения, введение налога у источника на выплаты в Россию, которые ранее освобождались от налога, и другие ограничения. Эти меры имеют прямые юридические последствия для российских организаций, ведущих деятельность с контрагентами в ЕС, фактически санкционируя несоответствие России ряду международных налоговых стандартов. Подобная ситуация свидетельствует о том, что расхождения национальной системы с общепринятыми нормами (в данном случае – стандартами налоговой прозрачности и обмена информацией, продвигаемыми ОЭСР/ЕС) могут перерасти в материальные издержки для бизнеса и государственного бюджета. Тем самым, опыт отношений с ЕС подчёркивает важность соответствия международным требованиям: несоблюдение их ведёт к изоляции в налоговой сфере и дополнительным барьерам для экономического взаимодействия.

Международные стандарты влияют и на разработку дифференцированных подходов к ответственности разных категорий субъектов – индивидуальных налогоплательщиков и организаций. В российской системе существует разграничение: административные штрафы по Налоговому кодексу налагаются на организации и должностных лиц, а уголовная ответственность применяется только к физическим лицам (гражданам, индивидуальным предпринимателям, а также должностным лицам организаций). За рубежом нередки модели, при которых и компании несут уголовные наказания (например, крупные штрафы, конфискация, а в некоторых странах – иные меры вплоть до ликвидации компании за совершение налогового преступления). Милова и соавторы, проанализировав зарубежный опыт, отмечают наличие различных комбинаций гражданско-правовых, административных и уголовных санкций, применяемых к нарушителям налоговых норм. Многие государства вводят специальные штрафы именно для юридических лиц за уклонение от налогов, дополняя ответственность их руководителей. Российское законодательство же пока воздерживается от введения прямой уголовной ответственности компаний, опираясь на традиционный принцип виновной ответственности физических лиц. Это расхождение можно рассматривать как концептуальное отличие: международный тренд идёт в сторону

усиления ответственности организаций, тогда как РФ сохраняет классический подход. Впрочем, российская практика нашла свою форму воздействия на организации-правонарушители: кроме налоговых доначислений и штрафов, применяются меры налогового контроля и ограничения (например, приостановление операций по счетам при неисполнении требований налогового органа). Тем самым достигается частично схожий эффект наказания хозяйствующего субъекта, хотя и вне рамок уголовного судопроизводства. [6, 130–134 с.]

В отношении физических лиц российские нормы в целом соответствуют международным гарантиям, но имеют особые элементы. Так, в УК РФ существует механизм освобождения от ответственности за уклонение от уплаты налогов при добровольной уплате недоимки и пеней до привлечения к ответственности (примечания к ст. 198 и 199 УК РФ). Это стимулирует возмещение ущерба государству и соответствует реститутивным целям, хотя некоторые зарубежные системы предпочитают безусловное наказание даже при погашении долга, исходя из принципа неотвратимости санкций. Тем не менее, данная мера сочетается с международным принципом эффективности взыскания ущерба: государство получает уплаченные суммы, а лицо избегает судимости, что отчасти отражает гуманизацию ответственности. Международные институты не дают однозначной оценки подобным компромиссным механизмам, однако в ряде стран (например, Германия, Италия) есть схожие возможности прекращения дела при уплате недоимки, и Россия в этом смысле не выпадает из общего тренда смягчения при условии возмещения ущерба.

Международные стандарты проявляются не только в нормах законов, но и в практике их реализации. Одним из важных аспектов является международное сотрудничество в расследовании и пресечении налоговых правонарушений. Россия участвует в многосторонних механизмах обмена налоговой информацией – в рамках Глобального форума по транспарентности и обмену информацией (OECD Global Forum) проводятся взаимные оценки законодательства, и в последние годы российский режим обмена финансовой информацией (CRS – стандарт автоматического обмена банковской информацией) функционирует в соответствии с соглашениями. Это позволяет налоговым органам получать сведения о счетах российских резидентов за рубежом и, наоборот, предоставлять данные иностранным юрисдикциям. Таким образом, на практике реализуется принцип неотвратимости налоговой ответственности даже при трансграничной деятельности, что является ядром международных стандартов налогового комплаенса.

Однако актуальные геополитические обстоятельства испытывают на прочность эти механизмы. Прекращение прямого взаимодействия с налоговыми органами ряда иностранных государств (особенно стран ЕС) усложняет реализацию ранее согласованных стандартов. Тем не менее, базовые

международные нормы продолжают действовать: двусторонние соглашения об избежании двойного налогообложения сохраняются и применяются (за редким исключением случаев приостановления их отдельными странами), а обязательства по обмену информацией де-юре остаются в силе. Российские налоговые органы заявляют о намерении соблюдать международные договорённости, что важно для поддержания репутации страны как добросовестного участника мировой налоговой системы. Несоблюдение принятых стандартов, помимо внешних санкций, чревато и внутренними рисками – ухудшением инвестиционного климата, ростом недоверия со стороны налогоплательщиков, которые могут опасаться произвольного правоприменения вне рамок общепринятых норм.

Если национальное законодательство и практика в сфере налоговых правонарушений отклоняются от международных требований, возникают разноплановые негативные последствия. Во-первых, увеличивается вероятность споров в международных инстанциях. Прецеденты, подобные делу «ЮКОС против России», показали, что несоблюдение стандартов справедливого суда и защиты собственности приводит к громким разбирательствам в ЕСПЧ с вынесением решений против государства. Это влечёт не только материальные издержки (компенсации заявителям), но и репутационные потери, сигнализируя инвесторам о правовых рисках ведения бизнеса. Во-вторых, несоответствие стандартам прозрачности и добросовестной налоговой конкуренции грозит международной изоляцией в виде включения в «чёрные списки» и применения финансовых ограничений, как демонстрирует опыт отношений с ЕС в 2022–2023 гг.

Страны, замеченные в несоблюдении правил обмена информацией или потворствующие агрессивному налоговому планированию, могут считаться «налоговыми гаванями» с вытекающими санкциями. В-третьих, внутренние юридические последствия выражаются в снижении эффективности налогового администрирования: если российские нормы расходятся с мировыми, нарушители могут попытаться использовать эти лазейки. Например, несовершенство законодательства в части ответственности организаций могло бы побуждать недобросовестных налогоплательщиков переводить активы на юридические лица, минимизируя риск строгих санкций. Таким образом, для поддержания устойчивости налоговой системы и её интеграции в мировое пространство необходимо постоянное обновление законодательства с учётом международных стандартов.

Российская правовая система продемонстрировала способность воспринимать внешние стандарты через различные механизмы. Во-первых, имплементация международных договоров: ратификация многосторонних конвенций (как налоговая Конвенция ОЭСР о взаимной административной помощи или MLI) автоматически вносит изменения в национальную практику. Во-вторых, реформы законодательства с оглядкой на лучшие зарубеж-

ные практики: так, при подготовке новой редакции норм о трансфертном ценообразовании в Налоговом кодексе (глава 14.3) учтены Принципы ОЭСР по трансфертному ценообразованию, что отметили многие авторы. В-третьих, развитие судебной практики: высшие судебные органы России в своих постановлениях нередко ссылаются на положения международных актов. Например, Пленум Верховного Суда РФ разъяснял, что при рассмотрении дел об уклонении от уплаты налогов суды должны учитывать правовые позиции ЕСПЧ относительно допустимости повторного наказания и обеспечения права на защиту налогоплательщика. В-четвёртых, международное профессиональное взаимодействие: налоговые органы и эксперты РФ участвуют в рабочих группах ОЭСР, изучают опыт других стран, перенимая модели, успешно зарекомендовавшие себя за рубежом. Интеграция зарубежного опыта позволяет усилить национальные механизмы ответственности и предотвратить многие правонарушения ещё на стадии их планирования. Такой обмен информацией и знаниями служит своеобразным «каналом импорта» правовых институтов.

Наряду с адаптацией, остаются и области, требующие дальнейшего сближения с международными стандартами. К ним относится вопрос институционального обеспечения: в России после 2003 года отсутствует самостоятельный налоговый следственный орган (бывшая Федеральная служба налоговой полиции была расформирована, большинство функций ФСНП России и штат в 16 тысяч единиц переданы Министерству внутренних дел.) В большинстве развитых стран, напротив, имеются специализированные подразделения по расследованию налоговых преступлений – от подразделений в структурах министерств финансов до независимых служб. Международный опыт свидетельствует, что наличие такой институции повышает эффективность раскрытия сложных схем уклонения. В этом направлении в России наблюдается постепенное движение: созданы отделы налоговых преступлений в Следственном комитете и МВД, налаживается взаимодействие между ФНС и правоохранительными органами. Тем не менее, вопрос о воссоздании единого специализированного органа остается дискуссионным и, возможно, со временем будет решён с учётом лучших мировых практик.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что законодательство РФ в сфере налоговых правонарушений в значительной степени соответствует базовым международным нормам и стандартам, особенно в части материального права (составы правонарушений, основные виды санкций) и формальных обязательств по сотрудничеству. Россия участвовала в выработке многих международных правил и добилась прогресса в их имплементации. В то же время выявленные несовпадения связаны главным образом с историческими и правовыми особенностями национальной системы – например, традиционное отсутствие уголов-

ной ответственности организаций и некоторые отличия в процессуальных гарантиях. Эти различия не являются непреодолимыми: практика показывает тенденцию к их сглаживанию под влиянием внешних факторов.

Следует учитывать, что гармонизация с международными стандартами в налоговой сфере имеет не только правовое, но и стратегическое значение. Как отмечает Голова, масштабные нарушения налогового законодательства подрывают экономическую безопасность государства, угрожая стабильности финансирования социальных обязательств.

Международные стандарты выступают своего рода ориентиром, придерживаясь которого страна укрепляет свою финансовую систему и доверие граждан. Соответствие лучшим мировым практикам в области налогообложения повышает эффективность взимания налогов, снижает возможности для недобросовестных налогоплательщиков и облегчает интеграцию России в глобальную экономику. Наоборот, изоляция от этих стандартов может привести к статусу «непрозрачной» юрисдикции, с которой не рекомендуют иметь дело инвесторам и партнёрам.

В заключение, российское законодательство о налоговых правонарушениях представляет собой динамичную систему, эволюционирующую под воздействием международных норм. Соответствие этим нормам уже сейчас во многом достигнуто – например, в части принципов законности, определённости и справедливости наказания, Россия встроилась в общую европейскую традицию. Оставшиеся несовпадения постепенно устраняются посредством реформ и судебной практики. Для российского права важным является баланс между суверенными интересами в налоговой сфере и необходимостью следовать универсальным правилам, выработанным мировым сообществом. Правовые механизмы адаптации – от изменений в законах до международного сотрудничества налоговых служб – позволяют гибко реагировать на внешние вызовы. Продолжение курса на внедрение международных стандартов в национальную систему противодействия налоговым правонарушениям будет способствовать как повышению эффективности налогового администрирования, так и укреплению позиций России в глобальной экономике, снижая угрозы применения к ней дискриминационных мер.

Литература

1. Шелепов А.В. Проект BEPS: глобальное сотрудничество в сфере налогообложения // Вестник международных организаций. – 2016. – Т. 11, № 4. – С. 36–59.
2. Середа И.М. Анализ зарубежного законодательства, регламентирующего ответственность за преступления против налоговой системы // Пролог: журнал о праве. – 2013. – № 2. – С. 41–48.

3. Бондарь Е. А., Волчкова А.А. Ответственность за нарушение налогового законодательства в зарубежных странах: особенности организации системы налоговых расследований // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 3 (47). – С. 84–86.
4. Вахитов Р.Р. Европейский суд по правам человека защищает налогоплательщика // Налоговед. – 2005. – № 7. – С. 18–22.
5. Шилехин К.Е. Использование опыта зарубежных стран для совершенствования мер ответственности за совершение налоговых правонарушений // Налоги и налогообложение. – 2017. – № 7. – С. 47–55.
6. Милова И. Е., Римша К.К., Саяпина П.А. Некоторые аспекты анализа зарубежного опыта уголовной ответственности за налоговые преступления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 1(3). – С. 130–134.

THE IMPACT OF INTERNATIONAL NORMS AND STANDARDS ON RUSSIAN LEGISLATION IN THE SPHERE OF TAX OFFENSES: CONFORMITY AND INCONSISTENCY

Damirov E.S.

The article analyzes the influence of international norms and standards on the legislation of the Russian Federation in the field of tax offenses, identifying correspondences and discrepancies. It examines key international documents and institutions (such as the Organisation for Economic Co-operation and Development – OECD, the European Court of Human Rights – ECtHR, the European Union's norms, etc.) and their role in shaping Russian legal approaches to tax violations. The study shows that Russian tax legislation has largely adopted international standards – for example, regarding tax transparency and combating tax evasion – yet differences remain in enforcement and sanctions. The article highlights specific approaches to the liability of individuals versus legal entities, as well as legal mechanisms by which the Russian system adapts to global standards. It concludes that non-compliance with international tax standards can lead to adverse legal consequences, including litigation in international courts and defensive measures by foreign jurisdictions, underscoring the need for further harmonization.

Keywords: international tax standards; tax offenses; OECD; European Court of Human Rights; liability; harmonization of legislation.

References

1. Shelepov A. V. BEPS Project: Global Cooperation in Taxation // Bulletin of International Organizations. – 2016. – Vol. 11, No. 4. – P. 36–59.
2. Sereda I.M. Analysis of Foreign Legislation Regulating Liability for Crimes against the Tax System // Prologue: Journal of Law. – 2013. – No. 2. – P. 41–48.
3. Bondar E. A., Volchkova A.A. Liability for Violation of Tax Legislation in Foreign Countries: Features of the Organization of the Tax Investigation System // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 3 (47). – P. 84–86.
4. Vakhit R.R. The European Court of Human Rights protects the taxpayer // Tax expert. – 2005. – No. 7. – P. 18–22.
5. Shilekhin K.E. Using the experience of foreign countries to improve liability measures for committing tax offenses // Taxes and taxation. – 2017. – No. 7. – P. 47–55.
6. Milova I. E., Rimsha K.K., Sayapina P.A. Some aspects of the analysis of foreign experience of criminal liability for tax crimes // International journal of humanitarian and natural sciences. – 2021. – No. 1 (3). – P. 130–134.

Применение искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности России и зарубежных стран

Зайцева Серафима Евгеньевна,

канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»

E-mail: sima-zaitseva@yandex.ru

Попов Ярослав Евгеньевич,

студент, ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»

E-mail: popoffjaroslav2016@yandex.ru

В статье проводится анализ использования искусственного интеллекта (ИИ) для повышения эффективности работы правоохранительных органов. Актуальность данной проблемы подтверждается тем фактом, что благодаря упрощению и автоматизации тех или иных процессов, осуществляемых с помощью включения ИИ в деятельность полиции, создаются условия максимально быстрого и эффективного реагирования на любые нарушения общественного порядка. Новизна данной научной работы заключается в том, что выявлены правовые, этические, технические и организационные проблемы использования ИИ в отечественной и зарубежной практике правоохранительных органов. Цель статьи заключается в определении возможности внедрения искусственного интеллекта в правоохранительную сферу для облегчения и эффективности работы. Задачи, необходимые для достижения поставленной цели заключаются в проведении анализа и изучении существующих методов и технологий ИИ в полиции; оценке потенциала и перспективы использования ИИ для улучшения работы правоохранительных органов; выявлении препятствия и возможных рисков при внедрении ИИ в полицейскую деятельность и прочие. Методология исследования представлена общенаучными методами анализа, синтеза, сравнения, индукции и др., а также специальными методами (системно-правовым – для анализа рисков внедрения технологии искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность; математико-статистическим – для сбора и обобщения сведений и установления зависимостей между изучаемыми процессами). Выводы по итогам исследования – это перспектива использования ИИ как одного из важных инструментов в деятельности ОВД, способствующего ускорению расследований, повышению безопасности и эффективности правоохранительных структур. Однако его использование требует тщательной проработки юридических, технических и этических аспектов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правоохранительные органы, технологии безопасности нового поколения, внедрение инновационных алгоритмов, международное сотрудничество, правовое регулирование, конфиденциальность, цифровизация правоохранительных структур.

Введение

В настоящее время стремительный рост цифровых технологий практически во всех сферах человеческой деятельности особо связан с развитием различных информационных систем, способных частично или полностью реализовывать когнитивные и аналитические функции человека. Такие технологии и системы сегодня принято обобщенно относить к искусственному интеллекту (рис. 1).

Достижения в области искусственного интеллекта (ИИ) произвели революцию в различных секторах, и правоохранительные органы не стали исключением. Несомненно, что интеграция технологий ИИ в полицейскую работу может значительно повысить эффективность, продуктивность и безопасность операций правоохранительных органов.

Рис. 1. Значение интеграции ИИ в правоохранительную деятельность

На полицейской конференции в Дубае, прошедшей в марте 2023 года, были представлены доступные правоохранительным органам по всему миру новые технологии по обеспечению безопасности будущего: более совершенное и труднодоступное для обнаружения наблюдение, программное обеспечение для распознавания лиц, которое автоматически отслеживает людей в разных городах, и компьютеры для взлома телефонов. Достижения в области искусственного интеллекта по распознаванию лиц привели к тому, что сфера полицейского наблюдения становится все более глобальной. Мероприятие, вызванное резким ростом расходов в странах Ближнего Востока, таких как Объединенные Арабские Эмираты, которые принимали конференцию и активно внедряли технологии безопасности нового поколения, показало, что инструменты массовой слежки, которые, как считалось, когда-то были распространены только в Китае, получают все большее распространение. Растущее использование технологий сигнализирует о наступлении эры полицейской деятельности, основанной на программном обеспечении, что поднимает вопросы о влиянии на частную жизнь людей и о том, как используется политическая власть. Рассмотрим подробнее с помощью каких функций данной технологии правоохранительные органы могут приобрести преимущества перед преступностью.

Дубай. Полиция Дубая активно использует ИИ для повышения эффективности своей работы. Время, необходимое им для раскрытия преступления, сократилось до 10 дней, тогда как в Германии этот показатель составляет два месяца, в США – 35 дней, а во Франции – 180 дней. Это стало возможным благодаря внедрению инновационных алгоритмов, которые позволяют значительно ускорить анализ данных, формирование и принятие тех или иных решений. Например, технология виртуального вскрытия с использованием ИИ сократила процедуру с пяти часов до пяти минут, позволяя определять необходимость физического вскрытия без длительных процедур. Кроме того, система видеонаблюдения, оснащенная ИИ, помогла полиции Дубая арестовать около 300 подозреваемых в различных районах города, при взаимодействии с патрульными подразделениями. Камеры с технологией распознавания лиц и идентификации номерных знаков автомобилей передают данные в режиме реального времени в Центральный командный центр, что позволяет отслеживать передвижения подозреваемых и оперативно реагировать на принятые сообщения о правонарушениях и преступлениях.

Китай. В Китае активно внедряется система социального кредита, которая анализирует поведение граждан и присваивает им рейтинги на основе их действий. Одним из ключевых элементов этой системы является использование ИИ для обработки данных с более чем 176 миллионов камер наблюдения и других источников информации. Даже структурированному органу с большим запасом сотрудников подобная задача была бы очень трудновыполнимой. В свою очередь система от Cloud Walk отслеживает действия людей и на основе их поведения прогнозирует вероятность совершения преступления. Если человек часто посещает оружейные магазины и приобретает товары, которые могут быть использованы в преступных целях, его рейтинг подозрительности автоматически повышается, в случае достижения определенной отметки, лицо начинает расцениваться опасным для общества и его данные передают в полицию вместе с последним местом его нахождения [2, с. 96–101].

Великобритания. Полиция Лондона активно использует технологии распознавания лиц в режиме реального времени (LFR). В 2024 году было развернуто более 117 точек использования этой технологии, что в три раза больше, чем за предыдущие четыре года. Система помогла в предотвращении более 340 преступлений включая задержание более 30 подозреваемых в совершении сексуальных преступлений, что способствовало развитию положительной динамики в Великобритании. Однако использование таких технологий вызывает беспокойство у неравнодушных граждан, так как они опасаются за возможную ошибку системы и нарушение своих прав [8, с. 80–87].

Существенную роль в развитии искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности оказывает международное сотрудничество. Так, например, Интерпол активно участвует в развитии стандартов применения ИИ в полиции. В 2021 году была запущена программа “Artificial Intelligence for Law Enforcement”, в рамках которой страны обмениваются передовым опытом. Европейская комиссия представила Закон об искусственном интеллекте (AI Act), который вводит строгие правила для систем ИИ, используемых полицией и другими государственными органами [7, с. 359–386]. Согласно этим правилам, например, тотальное распознавание лиц в общественных местах может быть запрещено и исключение делается только для борьбы с терроризмом (рис. 2).

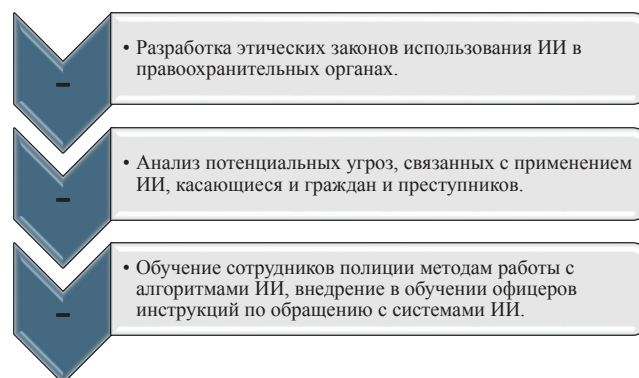

Рис. 2. Основные направления работы Интерпола

ИИ также применяется в борьбе с киберпреступностью. Такие страны, как США, Великобритания и Германия, активно используют алгоритмы машинного обучения для анализа интернет-трафика и выявления подозрительных финансовых операций, связанных с кибермошенничеством [6, с. 237–244].

Россия также участвует в международных проектах по использованию ИИ в правоохранительной сфере. В рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) обсуждается создание единой базы данных преступников с использованием ИИ. Это поможет странам-участникам более эффективно обмениваться информацией о разыскиваемых лицах и террористических угрозах.

В России также предпринимаются шаги по внедрению ИИ в деятельность ОВД. Одним из направлений является использование технологий распознавания лиц для обеспечения общественной безопасности. Однако широкомасштабное применение ИИ в правоохранительной сфере России находится на стадии разработки и тестирования. В настоящее время используются (рис. 3).

Однако, несмотря на успехи, перед российскими правоохранительными органами стоят вызовы, связанные с необходимостью модернизации правовой базы, обеспечением безопасности данных и повышением точности алгоритмов [5, с. 29–32]. Люди должны быть уверены в том, что эти технологии будут использованы лишь во благо (рис. 4).

Система распознавания лиц: В Москве действует одна из крупнейших систем видеонаблюдения с ИИ, позволяющая отслеживать подозреваемых и пропавших людей в режиме реального времени. В 2023 году эта система помогла раскрыть более 1000 преступлений.	Проект «Цифровой след»: В рамках цифровизации МВД разрабатываются алгоритмы анализа цифровых данных (переписок, транзакций, перемещений) для выявления преступных схем.

Рис. 3. Перспективы использования ИИ в ОВД России

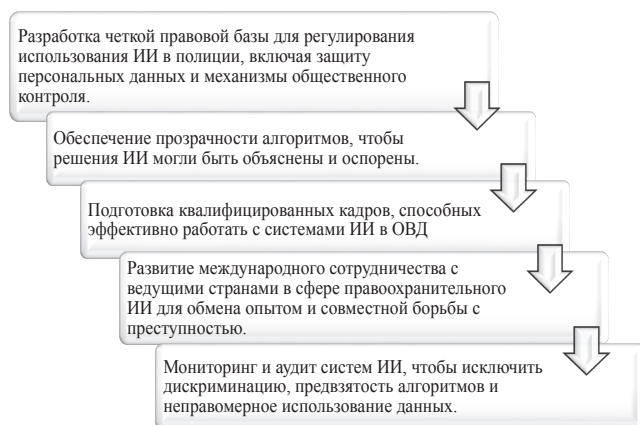

Рис. 4. Ключевые направления развития ИИ в правоохранительной сфере России

Точный период назвать трудно, но уже можно понять, что стоит ожидать от активного развития ИИ в правоохранительных органах. Наиболее вероятными направлениями станут:

- развитие «умных городов», где камеры и сенсоры будут отслеживать подозрительное поведение в реальном времени;
- внедрение автоматизированных криминалистических систем, анализирующих доказательства быстрее, чем люди;
- совершенствование систем предсказательной аналитики, позволяющих предотвращать преступления до их совершения;
- улучшение кибербезопасности и защиты данных, поскольку преступники также активно используют ИИ.

Таким образом, при грамотном подходе искусственный интеллект может стать мощным инструментом для повышения общественной безопасности, улучшения работы полиции и создания более справедливой и эффективной правоохранительной системы.

Несмотря на очевидные преимущества, широкое применение искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности сталкивается с рядом сложностей. Эти проблемы включают правовые, этические, технические и организационные аспекты (рис. 5, 6, 7).

Правовые и этические вызовы

Использование ИИ в органах внутренних дел требует четкого правового регулирования. Вопросы, связанные с обработкой персональных данных, конфиденциальностью информации, а также возможностью ошибок и предвзятости алгоритмов, являются ключевыми вызовами для законодателей.

Организационные аспекты

В правоохранительных органах многих стран ощущается нехватка специалистов по анализу данных и машинному обучению.

Технические ограничения

Хотя искусственный интеллект обладает высокой вычислительной мощностью и может анализировать большие массивы данных, у него есть технические ограничения.

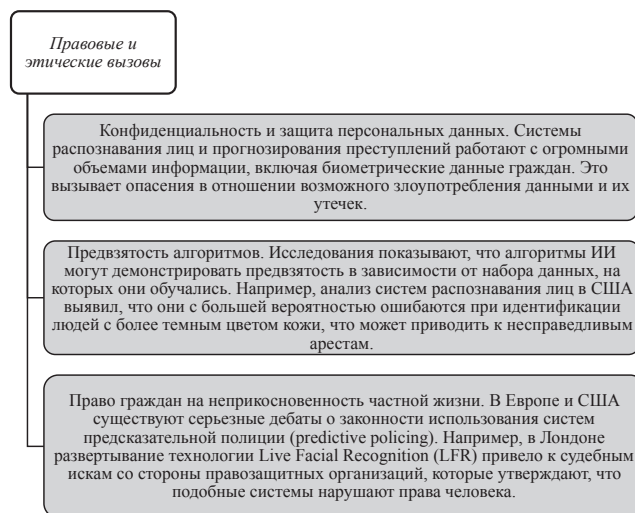

Рис. 5. Правовые и этические вызовы использования ИИ в деятельности ОВД

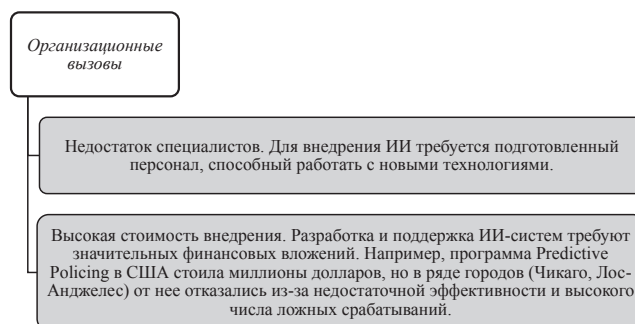

Рис. 6. Организационные вызовы

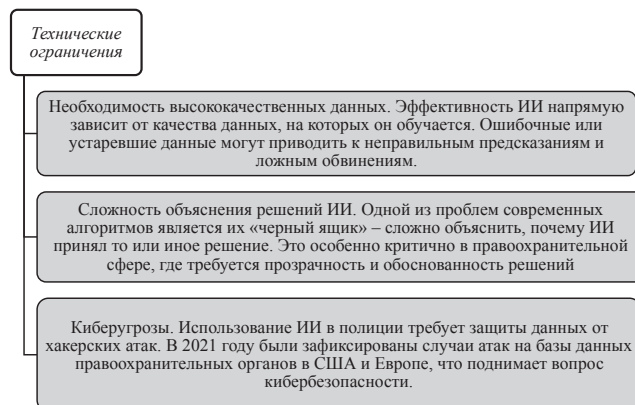

Рис. 7. Технические ограничения

Обсуждение

Теперь следует перейти к рассмотрению значения введения ИИ в деятельность ОВД для обычного гражданина в России и зарубежных странах.

Преимущества:

- повышение уровня безопасности. Системы видеонаблюдения с ИИ позволяют быстрее обнаруживать преступников, предотвращать теракты и усиливать контроль в общественных местах. Например, в Москве камеры с технологией распознавания лиц помогли задержать более 200 разыскиваемых преступников в 2023 году. В Лондоне технология Live Facial Recognition (распознавание лица «в прямом эфире») способствовала аресту десятков подозреваемых в тяжких преступлениях;
- снижение уровня преступности. В городах, где внедрены системы предсказательной аналитики, уровень преступлений снизился. В Лос-Анджелесе после внедрения predictive policing кражи автомобилей уменьшились на 12%, а случаи вооруженных нападений – на 21%;
- ускорение работы полиции. В Дубае с помощью ИИ сократили время раскрытия преступлений до 10 дней, тогда как в Европе этот процесс занимает от одного до шести месяцев. Это означает, что граждане могут рассчитывать на более оперативное расследование их заявлений;
- защита в цифровой среде. Алгоритмы ИИ помогают бороться с интернет-мошенничеством и киберпреступностью, защищая личные данные граждан. В США в 2023 году ИИ позволил предотвратить утечку более 500 тысяч номеров банковских карт на черном рынке [9, с. 209–237].

Риски и недостатки:

- возможность ошибок и ложных обвинений. Ошибки в работе систем распознавания лиц могут приводить к незаконным задержаниям. В США был зафиксирован случай, когда алгоритм ошибочно идентифицировал невиновного человека как преступника, что привело к его аресту;
- слежка за гражданами. В Китае система социального кредита контролирует поведение людей, а в России с развитием цифровых технологий также растет дискуссия о границах допустимой слежки;
- недостаточная прозрачность. Алгоритмы ИИ в ОВД работают как «черный ящик», и гражданам сложно понять, почему тот или иной человек был признан подозреваемым [10, с. 116–124].

Заключение

Рассмотренный материал дает право сделать вывод, что использование ИИ в деятельности ОВД становится неотъемлемой частью современного мира. Примеры из Дубая, Китая, Великобритании и других стран показывают, что технологии ИИ помогают значительно сократить время расследований, повысить раскрываемость преступлений и снизить уровень преступности.

Использование ИИ в деятельности ОВД демонстрирует значительный потенциал для повышения

эффективности работы правоохранительных органов. Опыт зарубежных стран показывает, что ИИ может существенно сократить время раскрытия преступлений, улучшить прогнозирование правонарушений и оптимизировать административные процессы. В России внедрение ИИ в правоохранительную деятельность находится на этапе становления, и дальнейшее развитие в этом направлении может привести к улучшению показателей раскрываемости преступлений и повышению уровня общественной безопасности [3, с. 191–194].

ИИ становится важным инструментом в деятельности ОВД, способствуя ускорению расследований, повышению безопасности и эффективности правоохранительных структур. Однако его использование требует тщательной проработки юридических, технических и этических аспектов. Опыт зарубежных стран показывает, что ИИ может значительно повысить раскрываемость преступлений, но его применение должно сопровождаться строгими мерами по защите прав граждан [1, с. 3–7].

Для России приоритетными задачами являются модернизация системы ОВД с учетом мировых тенденций, совершенствование системы видеонаблюдения, развитие аналитических центров МВД на основе ИИ и подготовка специалистов в области цифровой криминалистики [4, с. 125–129].

Внедрение искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел становится одной из ключевых тенденций современной правоохранительной системы. Опыт зарубежных стран демонстрирует значительные преимущества ИИ в повышении эффективности расследований, снижении уровня преступности и автоматизации рутинных полицейских процессов. В России также предпринимаются шаги по цифровизации правоохранительных структур, включая использование систем распознавания лиц, предсказательной аналитики и криминалистического ИИ.

Литература

1. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в следственной деятельности: задачи и проблемы // Криминалистика. – 2020 – № 9 – С. 3–7.
2. Брюхнов А.А., Марков А.И. Характеристика преступности в сфере высоких технологий и ее предупреждение // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 96–101.
3. Зоз В.А., Шроль А.Р. Использование технологий искусственного интеллекта в правоохранительных органах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 2. С. 191–194.
4. Палиева О.Н., Серегина Е.В. Значение и целесообразность использования искусственного интеллекта в ходе предварительного расследования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 2. С. 125–129.

5. Малина М.А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. – 2021 – № 2 – С. 29–32.
6. Hana Dubravova, Jan Cap, Kristyna Holubova, Lukas Hribnak. Artificial Intelligence as an Innovative Element of Support in Policing // Procedia Computer Science. 2024. С. 237–244.
7. Filipova I.A., Koroteev V.D. Future of the Artificial Intelligence: Object of Law or Legal Personality? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № . 1(2). С. 359–386.
8. Tatia Dolidze. The Role of Artificial Intelligence in Criminal Justice – Reality and Perspective // Law and World. 2024. № . 10(31). С. 80–87.
9. Richard A. Berk. Artificial Intelligence, Predictive Policing, and Risk Assessment for Law Enforcement // Annual Review of Criminology. 2021. № . 4. С. 209–237.
10. Chucha S. Yu. Artificial intelligence in justice: legal and psychological aspects of law enforcement // Law Enforcement Review. 2023. № . 7(2). С. 116–124.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LAW ENFORCEMENT IN RUSSIA AND ABROAD

Zaitseva S.E., Popov Ya.E.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article analyzes the use of artificial intelligence (AI) to improve the efficiency of law enforcement agencies. The urgency of this problem is confirmed by the fact that due to the simplification and automation of certain processes carried out by including AI in police activities, conditions for the fastest and most effective response to any violations of public order are created. The novelty of this scientific work lies in the fact that the legal, ethical, technical and organizational problems of using AI in domestic and foreign law enforcement practice have been identified. The purpose of the article is to determine the possibility of introducing artificial intelligence into the law enforcement sphere to facilitate and make work more efficient. The tasks necessary to achieve this goal are to analyze and study existing AI methods and technologies in the police; to assess the potential and prospects for using AI to improve the work of law en-

forcement agencies; identification of obstacles and possible risks in the implementation of AI in policing and others. The research methodology is represented by general scientific methods of analysis, synthesis, comparison, induction, etc., as well as special methods (system-legal – for analyzing the risks of introducing artificial intelligence technology into law enforcement; mathematical-statistical – for collecting and summarizing information and establishing dependencies between the studied processes). The conclusions of the study are the prospect of using AI as one of the important tools in the activities of the Department of Internal Affairs, contributing to speeding up investigations, improving the safety and effectiveness of law enforcement agencies. However, its use requires careful consideration of legal, technical and ethical aspects.

Keywords: artificial intelligence, law enforcement agencies, new generation security technologies, implementation of innovative algorithms, international cooperation, legal regulation, confidentiality, digitalization of law enforcement agencies.

References

1. Bakhteev D.V. Artificial intelligence in investigative activities: tasks and problems // Criminalistics. 2020– No. 9, pp. 3–7.
2. Bryukhnov A.A., Markov A.I. Characteristics of crime in the field of high technologies and its prevention // Philosophy of Law. 2021. No. 3 (98). pp. 96–101.
3. Zoz V.A., Shrol A.R. The use of artificial intelligence technologies in law enforcement agencies // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2021. Vol. 7 (73). No. 2. pp. 191–194.
4. Palieva O.N., Seregina E.V. The significance and expediency of using artificial intelligence during a preliminary investigation // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2022. No. 2. pp. 125–129.
5. Malina M.A. Digitalization of the Russian criminal process: artificial intelligence for the investigator or instead of the investigator // A Russian investigator. – 2021 – No. 2 – pp. 29–32.
6. Hana Dubravova, Jan Cap, Kristina Golubova, Lukasz Gribniak. Artificial intelligence as an innovative element of policing support // Procedural Computer Science. 2024. pp. 237–244.
7. Filippova I.A., Koroteev V.D. The future of artificial intelligence: the object of law or legal personality? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. No. 1(2). pp. 359–386.
8. Tatiana Dolidze. The role of artificial intelligence in criminal justice – reality and prospects // Law and peace. 2024. № . 10(31). Pp. 80–87.
9. Richard A. Burke. Artificial intelligence, predictive policing and risk assessment for law enforcement agencies // Annual Review of Criminology. 2021. No. 4. pp. 209–237.
10. Chucha S.Y. Artificial intelligence in justice: legal and psychological aspects of law enforcement // Law enforcement review. 2023. No. 7(2). pp. 116–124.

Реализация международных договорных обязательств в арбитражном процессе РФ

Запросов Алексей Александрович,

аспирант, международно-правовые науки, АНО ВО «Славяно-Греко-Латинская Академия»

E-mail: zaprosov@mail.ru

В статье рассмотрен поуровневый механизм включения международных договоров в отечественную правовую систему. Отмечены полномочия арбитражного суда в контексте применения международных договорных норм. Представлена сущность и цель Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 1980 г. Конвенция представляет собой один из ключевых международных правовых актов, регулирующих трансграничную торговлю. На основании судебной практики сделан вывод о том, что арбитражные суды Российской Федерации в своих многочисленных решениях указывают на положения Конвенции как на основополагающий источник регулирования внешнеторговых сделок.

Ключевые слова: арбитражный процесс, международное право, международный договор, арбитраж, венская конвенция 1980 г., глобализация.

Глобализация – одна из доминирующих тенденций последних десятилетий – оказывает существенное влияние на все сферы жизнедеятельности человека, в т.ч. право. Одним из результатов процессов глобализации являются международные договоры. Международные договоры, альянсы, интеграционные формации, международные организации – все это стало частью современной правовой реальности.

В современной юридической науке до сих пор не наблюдается единства мнений о сущности и функциях международного договора. Часть исследователей считает их инструментом ограничения свободы торговли, легитимизации практики вмешательства во внутренние дела суверенных государств, способом глобального продвижения западоцентристской парадигмы [5, с. 196]. По мнению других, международные договоры воплощают концепцию универсальной справедливости, благотворно сказываются на устойчивости международного правопорядка.

В любом случае априорным следует считать тот факт, что современное право и правоприменение находятся на пересечении национальных границ и международных отношений. Следовательно, возникает потребность в гармонизации национального законодательства с международными нормами. Тем не менее, в практике судебных решений нередко можно встретить ситуации коллизии национальных норм и международных обязательств.

То же касается и российской правоприменительной практики. Конституция Российской Федерации зафиксировала положение о вхождении международных общепризнанных и договорных норм в российскую правовую систему, что породило многолетние дискуссии о том, каким образом взаимодействуют нормы международных договоров и положения, действующие в пределах национальной юрисдикции. Будучи важным компонентом функционирования отечественной правовой системы, международные договоры вызывают множество споров и трудностей, особенно в контексте арбитражного правосудия.

Арбитражные суды выступают правоприменителями международных норм и, следовательно, на них возложена обязанность по следованию положениям международных договоров. При этом в области практического применения норм международного права арбитражными судами механизмы «встраивания» норм международных договоров пока еще не приобрели слаженности [5, с. 197]. Все это, собственно, приводит к выводу об *актуальности* рассмотрения специфики реализации

международных договорных обязательств в арбитражном процессе.

Включение международных договоров в отечественную правовую систему реализуется на нескольких уровнях – на уровне Конституции, на уровне законодательных актов и на уровне подзаконных актов, судебной практики, различных комментариев и разъяснений, публикуемых властными ведомствами [7, с. 176].

Конституционно-правовые основы применения международных договоров сформированы в ч. 4 ст. 15 Конституции, согласно положениям которой общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы [8]. В ситуации, когда положения международного договора устанавливают иные правила, чем предусмотренные национальным законом, то применять следует правила международного договора. Это позволяет сделать вывод о приоритетности международных договоров при разрешении споров, а также об обязательстве арбитражных судов учитывать международные обязательства при рассмотрении дел, если они регулируются соответствующими договорами.

На уровне законодательных актов приоритет международных договоров указан в Федеральном конституционном законе от 1995 г. «Об арбитражных судах в Российской Федерации», в Арбитражном процессуальном кодексе РФ, в Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 N 101-ФЗ, в Федеральном конституционном законе от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» и др. [1; 11; 12 и др.]

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации прямо предусматривает возможность применения международных договоров: так, ст. 13 устанавливает, что суд применяет международные договоры Российской Федерации, которые вступили в силу и подлежат применению к конкретным правоотношениям; ст. 254 регулирует порядок признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и арбитражей, в том числе на основании международных соглашений [1].

Арбитражные суды РФ при рассмотрении споров, связанных с внешнеэкономической деятельностью, регулярно обращаются к следующим международным актам: Конвенцию ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 1980 г. (т.н. Венская конвенция) – часто используется при разрешении споров между российскими и иностранными контрагентами; Конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года (Нью-Йоркская конвенция) – применяется в контексте признания и исполнения решений международных коммерческих арбитражей. Кроме того, арбитражный суд может ссылаться на двусторонние инвестиционные соглашения в случаях, когда рассматриваются дела, затрагивающие защиту иностранных инвестиций, соглашения в рамках ЕАЭС и СНГ при рассмотре-

нии споров, касающихся хозяйствующих субъектов из государств-участников этих объединений.

До момента упразднения Высшего Арбитражного Суда в 2014 г. его постановления и разъяснения играли значимую роль в формировании единообразной практики применения международных договоров. В настоящее время аналогичную функцию выполняет Верховный Суд Российской Федерации, который в рамках обзоров судебной практики и постановлений Пленума продолжает публиковать разъяснения по применению международных соглашений. Так, к примеру, в помощь арбитражным судам в разрешении трудностей было опубликовано постановление Пленума ВАС РФ № 11 от 11.06.1999 г. «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» [6, с. 10].

На современном этапе продолжается процесс детализации механизмов применения международных договорных норм арбитражными судами. В качестве примеров можно указать следующие постановления Пленума Верховного Суда РФ: от 12.05.2016 № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства», от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом», от 23.11.2010 № 27 (ред. от 31.10.2017) «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил и требований, регламентирующих рыболовство», от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», от 24.03.2005 № 5 (ред. от 19.12.2013) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» и проч. [13, с. 181].

В полномочия арбитражного суда входит не только применение международных договорных норм, но и их интерпретация, а также устранение неопределённости, заполнение пробелов и уточнение положения международного договора. При этом арбитражный суд вправе ссылаться лишь на те международные договоры, которые вступили в силу для Российской Федерации, были должным образом обнародованы и являются действительными на момент принятия решения суда [2, с. 15].

В рассматриваемой нами прикладной области особое значение имеют положения вышеотмеченной Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 1980 г. Конвенция представляет собой один из ключевых международных правовых актов, регулирующих трансграничную торговлю. Российская Федерация является участником данной Конвенции с 1 сентября 1991 г., и с тех пор положения Конвенции существенно влияют на отечественную арбитражную практику, будучи одним из главных источни-

ков правового регулирования внешнеэкономических контрактов, рассматриваемых в арбитражных судах.

Венская конвенция представляет собой международный договор, к которому присоединилось значительное количество государств. Конвенция носит диспозитивный характер: стороны вправе исключить её применение или изменить действие отдельных её положений (ст. 6). Основной целью Конвенции является унификация норм международной купли-продажи и устранение правовых барьеров в международной торговле.

Положения Венской конвенции подлежат непосредственному применению в случаях, предусмотренных ст. 1, в частности: в ситуациях, когда предприятия-стороны разбирательства находятся в разных государствах, являющихся участниками Конвенции; в ситуациях, когда нормы международного частного права обуславливают применение права государства-участника Конвенции.

Арбитражные суды Российской Федерации в своих многочисленных решениях указывают на положения Конвенции как на основополагающий источник регулирования внешнеторговых сделок. Конвенция применяется *ex officio*, даже если стороны прямо не сослались на неё в договоре, при условии соблюдения условий ст. 1 Конвенции. Арбитражные суды обращаются к международной практике толкования положений Конвенции, согласно ст. 7(1), предписывающей учитывать международный характер Конвенции и необходимость обеспечения единообразия её применения.

Применение Конвенции обладает следующими преимуществами: позволяет избежать конфликта между положениями национальных законодательств; обеспечивает предсказуемость, единообразие и универсальность регулирования; снижает издержки сторон, ускоряет рассмотрение дел и таким образом сокращает нагрузку на арбитражные суды.

Так, в частности, базисом для регулирования дела № М-2/2020, МКАС при ТПП РФ от 24.12.2020 г. выступили именно положения Конвенции. Сторонами разбирательства стали: Продавец – компания из КНР; Покупатель – российская компания. Продавец предъявил иск о взыскании задолженности за поставленные товары. Суд установил, что обе стороны находятся в государствах, являющихся участниками Конвенции, и, несмотря на отсутствие прямого указания на её применение в контракте, признал её применимой в силу статьи 1(1) (а) Конвенции. В данной связи суд удовлетворил исковые требования, руководствуясь положениями Конвенции, в частности, ст. 30, 33, 53, 59 и 90 [10].

В деле № А41–20318/11, рассматриваемом Арбитражным судом Московской области, сторонами выступили: Продавец (истец) – немецкая компания, Покупатель (ответчик) – российская компания. Продавец предъявил иск о взыскании задолженности за поставленный товар, поскольку покупатель не исполнил обязательства по оплате. Предприниматель из Германии В. Якобсон, действующий под

фирменным наименованием «Якобсон Ост-Вест Проект», предъявил иск к Федеральному государственному унитарному предприятию «Научно-исследовательский институт приборов» (ФГУП «НИИП») о взыскании задолженности за поставленную продукцию, а также процентов за просрочку платежа и судебных расходов. Истец утверждал, что поставил продукцию в соответствии с условиями контракта, однако ответчик не исполнил свои обязательства по оплате. Ответчик, в свою очередь, настаивал на том, что обязательства были исполнены в полном объеме, ссылаясь на дополнительные соглашения, и обжаловал решение суда первой инстанции, который удовлетворил исковые требования. Арбитражный апелляционный суд, рассмотрев апелляционную жалобу, пришел к выводу об отсутствии оснований для отмены решения суда первой инстанции. Суд установил, что ответчик не представил достаточных доказательств исполнения обязательств по оплате поставленной продукции. Суд применил положения Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, учитывая, что стороны находятся в государствах-участниках Конвенции, и договор подпадает под её сферу действия [4].

В решении от 18.01.2021 по делу № М-18/2020, вынесенным Международным коммерческим арбитражным судом при ТПП РФ, исковые требования были удовлетворены в полном объеме, и суд взыскал с ответчика сумму предоплаты; пени (неустойку), арбитражные расходы. Спор возник между государственным органом Республики Беларусь (истец, покупатель) и российским ПАО (ответчик, поставщик) в связи с неисполнением последним обязательств по внешнеторговому Контракту, заключенному в рамках межгосударственного соглашения о военно-техническом сотрудничестве. Контракт предусматривал 100% авансовую оплату за товар с поставкой на условиях EXW (Инкотермс 2010). Товар не был поставлен, аванс не возвращён.

В соответствии с соглашением сторон, применимым к делу признано материальное право Российской Федерации. Учитывая, что обе стороны находятся в государствах-участниках Венской конвенции ООН 1980 г., ее положения также применялись. В случае неполноты регулирования – применялся Гражданский кодекс Российской Федерации (так, на основании его положений было принято решение об уплате неустойки ответчиком). Решение суда подтверждает возможность взыскания предоплаты в рамках Венской конвенции даже без формального расторжения договора, если продавец фактически отказался от исполнения. Также подчёркивается приоритет международных норм в процессах регулирования международной купли-продажи с последующим применением национального права для вопросов, не урегулированных Конвенцией [9].

Данное решение соответствует общепринятой международной коммерческой арбитражной практике: в случае, если международный договор

(например, Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 1980 г.) не содержит конкретных или исчерпывающих положений, регулирующих спорный вопрос, суд или арбитражный орган обращается к применимому национальному праву. Согласно ст. 7(2) Венской конвенции, те аспекты, которые прямо не разрешены и не детализированы в тексте Конвенции, подлежат решению в соответствии с общими принципами, на которых она основана, а при отсутствии таковых – в соответствии с правом, применимым в силу норм международного частного права».

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Международные договоры являются неотъемлемой частью отечественной правовой системы; включение норм международного права в национальное законодательство происходит на нескольких уровнях – на уровне Конституции, на уровне законодательных актов и на уровне подзаконных актов, судебной практики, различных комментариев и разъяснений, публикуемых властными ведомствами.
- В полномочия арбитражного суда входит применение международных договорных норм, их интерпретация, устранение неопределённости, заполнение пробелов и уточнение положений.
- В рассматриваемой области особое значение имеют положения вышеотмеченной Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 1980 г. Конвенция представляет собой один из ключевых международных правовых актов, регулирующих трансграничную торговлю.
- Арбитражные суды Российской Федерации в своих многочисленных решениях указывают на положения Конвенции как на основополагающий источник регулирования внешнеторговых сделок. За счет этого судам удается избежать конфликта между положениями национальных законодательств; обеспечить предсказуемость, единообразие и универсальность регулирования; снизить издержки сторон, ускорить рассмотрение дел.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/. – Дата доступа: 16.04.2025.
2. Виноградова, Е.В. Международные договоры в модели современного российского конституционализма / Е.В. Виноградова // Право и современные государства. – 2020. – № 1. – С. 13–20.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [ment/cons_doc_LAW_5142/](https://www.consultant.ru/docu-). – Дата доступа: 16.04.2025.
4. Десятый арбитражный апелляционный суд. Постановление от 14 февраля 2012 г. по делу N А41–20318/11 // UNCITRAL. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.uncitral.org/docs/clout/RUS/RUS_140212_FT_1364.pdf – Дата доступа: 16.04.2025.
5. Запросов, А.А. Судебные ошибки в применении норм международных договоров в России / А.А. Запросов // Юридическая наука. – 2023. – № 12. – С. 196–200.
6. Киселева, О.А. Применение норм международных договоров в практике арбитражных судов Российской Федерации: дисс. канд. юрид. наук 12.00.10. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2020. – 420 с.
7. Киселева, О.А. Применение международных договоров Российской Федерации в арбитражном судопроизводстве России / О.А. Киселева // Правоприменение. – 2017. – № 3. – С. 174–189.
8. Конституция Российской Федерации // Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/doc/constitution/> – Дата доступа: 16.04.2025.
9. Международный коммерческий арбитражный суд при ТПП РФ. По материалам решения от 18.01.2021, № М-18/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cisg.info/tekst-resheniya.php?id=382> – Дата доступа: 16.04.2025.
10. Практика по Венской Конвенции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cisg.info/sudebnaya-praktika-po-venskoj-konvencii.php> – Дата доступа: 16.04.2025.
11. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 N 101-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ – Дата доступа: 16.04.2025.
12. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ – Дата доступа: 16.04.2025.
13. Шахназаров, Б.А. Непосредственное применение правил международных договоров при осуществлении защиты прав субъектов внутригосударственных и трансграничных отношений / Б.А. Шахназаров // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 8. – С. 174–184.

IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL CONTRACTUAL OBLIGATIONS IN THE ARBITRATION PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Zaprosov A.A.
Slavic-Greek-Latin Academy

The article presents the levels of the mechanism for incorporating international treaties into the domestic legal system. The powers of the arbitration court in the context of the application of international treaty norms are noted. The essence and purpose of the UN Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods of 1980 are presented. The Convention is one of the key international legal acts regulating cross-border trade. Based on judicial practice, it is concluded that the arbitration courts of the Russian Federation in their numerous decisions point to the provisions of the Convention as a fundamental source of regulation of foreign trade transactions.

Keywords: arbitration process, international law, international treaty, arbitration, Vienna convention of 1980, globalization.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 N 95-FZ (as amended on April 1, 2025) // Consultant-Plus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/. – Access date: April 16, 2025.
2. Vinogradova, E.V. International treaties in the model of modern Russian constitutionalism / E.V. Vinogradova // Law and modern states. – 2020. – No. 1. – P. 13–20.
3. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) of November 30, 1994 N 51-FZ // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Access date: 16.04.2025.
4. The Tenth Arbitration Court of Appeal. Ruling of 14 February 2012 in case No. A41–20318/11 // UNCITRAL. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.uncitral.org/docs/clout/RUS/RUS_140212_FT_1364.pdf – Access date: 16.04.2025.
5. Zaprosov, A.A. Judicial errors in the application of international treaties in Russia / A.A. Zaprosov // Legal science. – 2023. – No. 12. – P. 196–200.
6. Kiseleva, O.A. Application of the norms of international treaties in the practice of arbitration courts of the Russian Federation: diss. cand. jurid. sciences 12.00.10. – SPb: St. Petersburg State University, 2020. – 420 p.
7. Kiseleva, O.A. Application of international treaties of the Russian Federation in arbitration proceedings of Russia / O.A. Kiseleva // Law enforcement. – 2017. – No. 3. – P. 174–189.
8. Constitution of the Russian Federation // Garant [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.garant.ru/doc/constitution/> – Access date: 04/16/2025.
9. International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation. Based on the materials of the decision of 01/18/2021, No. M-18/2020 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.cisg.info/tekst-resheniya.php?id=382> – Access date: 16.04.2025.
10. Practice under the Vienna Convention [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.cisg.info/sudebnaya-praktika-povenskoj-konvencii.php> – Access date: 16.04.2025.
11. Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation” dated 15.07.1995 N 101-FZ (latest revision) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ – Access date: 16.04.2025.
12. Federal Constitutional Law of 31.12.1996 N 1-FKZ (as amended on 16.04.2022) “On the Judicial System of the Russian Federation” (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2023) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ – Access date: 16.04.2025.
13. Shakhnazarov, B.A. Direct application of the rules of international treaties in the protection of the rights of subjects of domestic and cross-border relations / B.A. Shakhnazarov // Actual problems of Russian law. – 2020. – Vol. 15. – No. 8. – P. 174–184.

Правовой режим и правовой статус арктических морских путей: соотношение понятий в международном праве

Орлов Климент Максимович,

аспирант, кафедра международного права, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: klimentospb@gmail.com

Статья посвящена соотношению понятий «правовой режим» и «правовой статус» применительно к арктическим морским путям. Автор уделяется особое внимание отсутствию тождественности между этими понятиями, в том числе и в международном праве. Меняющийся климат региона и возросшая с годами доступность мореплавания по арктическим морским путям вызвали беспокойство в международном сообществе по поводу суверенитета, эксплуатации ресурсов и прав судоходства. Международные сообщества и приарктические государства ведут постоянные дискуссии и переговоры по поводу международно-правового режима как арктических морских путей, так и Арктики в целом. В связи с этим представляется актуальным формирование определений международно-правового режима и статуса арктических морских путей.

Ключевые слова: международно-правовой режим, международно-правовой статус, арктический морской путь, Арктика, Северный морской путь, Северо-Западный проход, Трансполярный морской путь.

Исследуя международно-правовой режим арктических морских путей, до выявления компонентов данного режима, возникает вопрос, когда верно упоминать понятие «правовой режим», а когда – понятие «правовой статус». Если мы говорим о режиме, что это представляет. Ведь в доктрине по сей день возникают споры, неоднозначные решения в отношении применения того или иного понятия.

Правовой режим относится к комплексной системе правил, которая регулирует ту либо иную сферу деятельности, конкретную область либо предмет. Это набор правил и установок, который охватывает любой правовой вопрос и помогает, в свою очередь, этот вопрос решить. Правовой режим используется как для решения международных вопросов, так и для национальных, внутригосударственных. Соблюдая правовой режим, субъекты права могут удостовериться, что они действуют в соответствии с установленными правилами, а значит справедливо по отношению к другим субъектам права, поскольку вправе ожидать от других единообразного поведения.

В отечественной доктрине данный термин широко используется к самым различным объектам и отношениям. Н.И. Матузов и А.В. Малько считают, что правовой режим – это порядок регулирования, выраженный в комплексе дозволений, запретов, обязываний [6, с. 12]. А.П. Ситников отмечает, что правовой режим можно идентифицировать как правовое средство, применяемое в качестве специального регламента деятельности субъектов права, предназначенного для решения особых задач или работы публично-властных субъектов в особых обстоятельствах [8, с. 10].

Г.С. Беляева определяет правовой режим как «особый нормативный порядок регулирования общественных отношений, на основе установленных и обеспеченных государством правовых средств» [1, с. 34]. Указанные выше определения понятия «правового режима» позволяют прийти к общему выводу о том, что правовой режим – это совокупность правил, которая регулирует ту или иную сферу деятельности.

Примерами правовых режимов могут быть следующие:

- правовой режим земельных участков;
- правовой режим совместной собственности;
- правовой режим цифрового рубля;
- правовой режим проливов, используемых для международного судоходства;
- правовой режим Арктики и многие другие.

Словарь международного права под редакцией С.А. Егорова содержит понятие «международно-правового режима», при этом необходимо подчеркнуть, что как теория, так и правоприменительная практика до настоящего времени не выработала единого подхода к определению данного понятия. Так, международно-правовой режим определяется как «совокупность норм и принципов обычного и договорного характера, определяющих правовое положение некоторых категорий лиц и правовой статус отдельных видов пространств» [9]. Дополнительно указывается, что такой режим может устанавливать обязательные для субъектов международного права условия и порядок освоения природных ресурсов, условия и порядок осуществления торгово-экономических отношений [9].

В то же время правовой статус определяется как правовое положение объекта либо субъекта права в соответствии как с законодательством государства, так и договором. В большинстве случаев речь идет о правовом статусе юридических лиц, физических лиц и территории. Правовой статус направлен на наделение субъекта права правами и обязанностями либо на их ограничение, в том числе в отношении объекта права.

Согласно Большой российской энциклопедии, правовой статус – это правовое положение субъекта права, установленное позитивным правом, отражающее его фактическое состояние в правовой системе [5]. По мнению Н.И. Матузова, правовой статус являет собой «комплексную интеграционную категорию, отражающую взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства, индивида и коллектива, другие социальные связи» [7, с. 145].

Исходя из вышеизложенного становится наглядным, что в доктрине правовой статус рассматривается учеными в большинстве случаев в отношении именно субъектов права. В теории права и государства существенное внимание уделяется правовому статусу личности. Что же касается объектов права, то здесь возникает вопрос, а может ли объект права иметь правовой статус. После изучения множества литературных источников и правовых документов ответ на данный вопрос должен быть положительным. Так, правовым статусом могут наделяться абсолютно разнообразные субъекты и объекты права, например:

- правовой статус иностранных граждан на территории РФ;
- правовой статус взыскателя в исполнительном производстве;
- правовой статус Каспийского моря;
- правовой статус международных организаций как третьих сторон международных договоров;
- правовой статус Арктики и другие.

Правовой статус в международном праве определяется как установленное нормами международного права положение субъектов международного права [3, с. 37]. Указанное определение, приведенное в учебно-методическом материале В.Е. Живарева, необходимо подвергнуть сомне-

нию, поскольку как ранее было выявлено правовым статусом может быть наделен не только субъект права, например, физическое либо юридическое лицо, но Арктика и Антарктика, последние же не являются субъектами права.

Нельзя, в свою очередь, согласиться с О.С. Ежовой в том, что «правовой статус», «правовое положение» и «правовой режим» являются синонимами [2, с. 28]. В данном случае ученый говорит о режиме и о статусе применительно к правам и обязанностям иностранцев.

Стоит отметить, что выше были указаны как правовой режим Арктики, так и правовой статус Арктики. Эти понятия ни в коем случае не являются тождественными, вопреки мнению некоторых вышеупомянутых ученых, на этом примере следует проиллюстрировать их отличия.

Правовой статус закладывает основу, основываясь на принципах и границах юрисдикции, поэтому не так редко встречается научная литература, в которой рассматривается правовой статус тех или иных территорий, того или иного пространства. Например, если говорить о правовом статусе Арктики, здесь необходимо рассуждать о правовом положении Арктики относительно той или иной юрисдикции. В связи с этим нельзя не упомянуть и И.С. Жудро, который также считает необходимым разделять данные понятия и в отношении морских пространств: «правовой статус определяет положение данного пространства относительно суверенитета какого-либо государства, деля его на: 1) то, которое находится под государственным суверенитетом (внутренние воды и территориальное море) и 2) то, которое не находится и не может находиться под суверенитетом ни одного из государств (например, открытое море)» [4, с. 76].

Рассуждения И.С. Жудро могут быть положены и в основу правового статуса арктических морских путей. Несмотря на то, что правовой статус обычно применяется для определения прав, обязанностей и признания юридических или физических лиц в рамках конкретного правового режима, правовой статус арктических морских путей следует определять, как правовое положение того или иного арктического морского пути относительно суверенитета того или иного государства. Наибольшее внимание может быть уделено именно Российской Федерации и Канаде, государствам, чье национальное законодательство признает Северный морской путь (Россия) и Северо-Западный проход (Канада) своими водными пространствами, на которые распространяется исключительная юрисдикция данных стран. Единственным арктическим морским путем, свободным от национальной юрисдикции, является Трансполярный морской путь.

Правовой режим применяется для регулирования различных аспектов права, включает в себя конкретные законы, соглашения и правила. В продолжение предыдущего примера надлежит отметить, что правовой режим Арктики – свод правил, регулирующий деятельность и поведение субъектов права на территории Арктики. Как и ранее,

уместно упомянуть и мнение И.С. Жудро в отношении правового режима морских пространств, так, ученый отмечает, что «правовой режим определяет систему юридических норм и правил, которые регулируют деятельность и поведение субъектов права на данной территории» [4, с. 66]. Стоит согласиться с определением правового режима И.С. Жудро, оно наиболее полно отражает суть правового режима, и в то же время подчеркивает отсутствие тождественности с понятием правового статуса.

На основании вышеизложенного, автор исследования приходит к следующим выводам:

- понятие правового статуса не тождественно понятию правового режима. Данные понятия хотя и являются родственными, однако не могут заменять друг друга, быть взаимозаменяемыми.
- к вопросу о правовом регулировании арктических морских путей, о своде правил и правовых норм, верно вести речь о правовом режиме таких морских путей, а не о правовом статусе либо правовом положении.

Исходя из вышеприведенных выводов, понятие *международно-правового режима арктических морских путей* может быть составлено в следующем виде – это 1) исторически сложившийся 2) комплекс обычных и договорных международно-правовых норм, 3) определяющий поведение и взаимодействие государств и субъектов права, 4) на территории морских пространств арктических морских путей, 5) учитывающий географические и климатические особенности Арктики.

На взгляд автора исследования, представленное выше определение понятия международно-правового режима арктических морских путей наиболее полно отражает суть данного института. В нем подчеркивается историческая составляющая такого международно-правового режима, необходимость толкования норм наряду с принятыми народами обычаями, а также географический детерминизм. Ведь исторически основу правового режима арктических морских путей составляют национальные законодательства арктических государств, поскольку именно эти государства способствовали формированию такого режима [10, с. 120].

Таким образом, тождественность понятий «правовой режим» и «правовой статус» должна быть исключена, в том числе и в отношении международно-правового режима арктических морских путей.

Литература

1. Беляева Г.С. Правовой режим: к определению понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Т. 17. 2012. № 3–2. С. 33–35.
2. Ежова О.С. Национально-правовая имплементация международных норм о статусе ино-

странцев в СССР: Учеб. пособие. Киев, 1989. С. 28.

3. Живарёв, В.Е. Международное право: учебно-методический комплекс / В.Е. Живарёв. – М.: Юридический институт МИИТа, 2010. – 52 с.
4. Жудро И.С. Эволюция международно-правового режима Северного Ледовитого океана и национальные интересы России. Московский журнал международного права. 2016 – (2) – С. 63–80.
5. Малюгин С.В. Правовой статус [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/pravovoi-status-8da3d9?v=7019470> (дата обращения 02.02.2025)
6. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 6–29.
7. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. Курс лекций. М., 2001. С. 145.
8. Ситников А.П. Вопросы соотношения категорий «правовой режим», «правовое состояние», «правовой порядок» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 31. С. 9–11.
9. Словарь международного права / Т.Г. Авдеева, В.В. Алешин, Б.М. Ашавский и др.; отв. ред. С.А. Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 495 с. // СПС «Консультант Плюс»
10. Хабриева Т.Я., Курбанов Р.А. Правовые основы и интеграционные тенденции в Каспийском регионе. «Каспийская пятерка»: история и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 118–130.

LEGAL REGIME AND LEGAL STATUS OF ARCTIC SEA ROUTES: RELATIONSHIP OF CONCEPTS IN INTERNATIONAL LAW

Orlov K.M.

Saint Petersburg state University

The article is devoted to the relationship between the concepts of «legal regime» and «legal status» in relation to Arctic sea routes. The author pays special attention to the lack of identity between these concepts, including in international law. The changing climate of the region and the increased availability of navigation along Arctic sea routes over the years have raised concerns in the international community about sovereignty, exploitation of resources and navigation rights. International communities and Arctic states are constantly discussing and negotiating the international legal regime of both Arctic sea routes and the Arctic as a whole. In this regard, it seems relevant to formulate definitions of the international legal regime and status of Arctic sea routes.

Keywords: international legal regime, international legal status, arctic sea route, Arctic, Northern Sea Route, Northwest Passage, Transpolar Sea Route, legal regime.

References

1. Belyaeva G.S. Legal regime: towards defining the concept // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and Practical Issues. Vol. 17. 2012. № 3–2. Pp. 33–35.
2. Yezhova O.S. National-legal implementation of international norms on the status of foreigners in the USSR: Textbook. manual. Kyiv, 1989. Pp. 28.
3. Zhivarev, V.E. International law: teaching aid / V.E. Zhivarev. – Moscow: Law Institute of MIIT, 2010. – 52 p.

4. Zhudro I.S. Evolution of the international legal regime of the Arctic Ocean and Russia's national interests. *Moscow Journal of International Law*. 2016 – (2) – P. 63–80.
5. Malyugin S.V. Legal status [Electronic resource] // The Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal – URL: <https://bigenc.ru/c/pravovoi-status-8da3d9/?v=7019470> (date of access 02.02.2025)
6. Matuzov N.I., Malko A.V. Legal regimes: issues of theory and practice // *Jurisprudence*. 1996. N 1. P. 6–29.
7. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of state and law. Lecture course. Moscow, 2001. P. 145.
8. Sitnikov A.P. Issues of the relationship between the categories “legal regime”, “legal status”, “legal order” // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2009. N 31. P. 9–11.
9. Dictionary of International Law / T.G. Avdeeva, V.V. Aleshin, B.M. Ashavsky et al.; ed. by S.A. Egorov. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Statut, 2014. 495 p. // SPS “Consultant Plus”
10. Khabrieva T.Ya., Kurbanov R.A. Legal foundations and integration trends in the Caspian region. “Caspian Five”: history and prospects // *Journal of Russian Law*. 2021. N 8. P. 118–130.

К вопросу об ответственности за нарушения международного гуманитарного права в условиях применения права вето

Примов Магомедрасул Нариманович,

аспирант, кафедра международного и евразийского права,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
E-mail: pmn-05@mail.ru

Проблема ответственности за нарушения международного гуманитарного права резко обострилась после ликвидации СССР, содружества социалистических государств. Глобальный кризис, вызванный доминированием коллективного Запада в лице США в сфере международных отношений, привел к тотальному геноциду палестинского населения, актам международного терроризма. Международное сообщество не смогло адекватно отреагировать на осуществляемое в течение длительного периода истребление гражданского населения в оккупированной Палестине, масштабные международные теракты Израиля в Ливане. Происходящее вызывает обоснованные сомнения в действенности международного гуманитарного права, наличии ответственности за его нарушения, прежде всего, за военные преступления, в том числе, связанные с нарушениями Конвенции об обычном оружии. Однако возможности воздействия на военных преступников, нарушителей международных договоров, имеются. В качестве метода исследования, использованного для поиска имеющегося универсального механизма ответственности за нарушения международного гуманитарного права в целом, отдельных международных договоров, в условиях применения права вето, проведены анализ и систематизация результатов рассмотрения палестинского вопроса Генеральной Ассамблеей, Советом Безопасности ООН, а также соответствующих решений Международного Суда ООН и Международного уголовного суда. Результатом исследования является вывод о том, что невозможность реализации мер ответственности в рамках установленной Уставом ООН процедуры, через Совет Безопасности, не препятствует применению к нарушителю ограничительных мер на основании собственного национального законодательства. При этом, непосредственным основанием для ответственности военных преступников, нарушителей международного гуманитарного права в целом, выступают соответствующие резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, решения международных судов. Наличие таковых позволяет каждому отдельному государству-члену ООН применить к нарушителю меры, установленные Уставом ООН, воспроизведенные в национальном законодательстве. Предлагается также рассмотреть санкционный режим в отношении враждебных государств, установленный и применяемый США и ЕС, на предмет его адаптации и применения в рамках национального законодательства иных государств.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, военные преступления, геноцид, международный терроризм, ответственность, право вето, Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, международные суды, санкции.

Введение

Способность и решимость адекватно реагировать на военную угрозу, противостоять противнику, является главным сдерживающим инициирование вооруженного конфликта фактором и, одновременно, решающим фактором соблюдения норм МГП, безотносительно к сфере их действия [1, с.74].

Вместе с тем, после ликвидации СССР кардинально, в пользу США, изменилась расстановка сил на международной арене. Нарастание кризисных, грозящих перерасти в катастрофические, явлений в международной политике, демонстрирует все больший отход от международного гуманитарного права (МГП). Дальнейшее развитие данной ситуации приведет к ее катастрофическому завершению, поскольку коллективный Запад в лице США непрерывно иницирует вооруженные конфликты, направленные на создание нового мирового порядка, — окончательный разгром потенциальных соперников, оппонентов, достижение полного мирового господства. Решение минной проблемы в этих условиях не имеет перспектив. Вооруженные конфликты на территории бывшего СССР и Ближнего Востока подтверждают тот очевидный факт, что при создании нового мирового порядка нет места ни прежним договоренностям, ни МГП в целом. В этих условиях, и Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств с поправками от 3 мая 1996 года (URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/mines_prot2.pdf (дата обращения: 15.12.2024)), и Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении (URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mines_convention.shtml (дата обращения: 15.12.2024)) проблемы ограничения оборота наземного минного оружия решить не могут, а сама эта проблема ушла на второй план, поскольку для сколь-нибудь реального ее решения необходима минимизация вооруженных конфликтов [2, с. 4].

Прежние механизмы решения минной проблемы в значительной степени утратили свое реальное значение на фоне полного доминирования коллективного Запада, сопутствующего ему кризиса главной международной организации, оказавшейся неспособной на протяжении долгого времени прекратить военные преступления Израиля на Ближнем Востоке, ввиду блокирования США решений Совета Безопасности ООН (СБ ООН). При таких обстоятельствах, обеспечение ответственности за неисполнение МГП определяется наличием

реальных решений, обеспечивающих его исполнение.

Уставом ООН определено, что к основным целям данной международной организации относятся поддержание мира, безопасности, с помощью коллективных мер по подавлению актов агрессии или других нарушений мира (статья 1). Способом достижения указанных целей является следование самой ООН в целом и отдельных ее членов соответствующим принципам, в число которых входят: выполнение взятых на себя обязательств; неприменение силы или угрозы ее применения в отношении территориальной целостности или политической независимости любого государства; помощь ООН в уставной деятельности, обязательство воздерживаться от оказания помощи всякому государству, в отношении которого ООН принимает меры предупредительного либо принудительного характера (статья 2). Членство в организации сопряжено с ответственностью за нарушение принципов ее деятельности. Статьей 5 Устава предусмотрено право Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) приостанавливать, по предложению СБ ООН, «осуществление прав и привилегий», обусловленных членством в ООН, у государства, в отношении которого СБ ООН приняты меры предупредительного или принудительного характера. Восстановление прежнего статуса государства-члена ООН осуществляется СБ ООН. В соответствии со статьей 6 Устава, систематическое нарушение принципов ООН может повлечь рассмотрение ГА ООН, по предложению СБ ООН, вопроса об исключении из данной организации (URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.12.2024)).

В соответствии с Уставом ООН, СБ ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Однако в условиях отсутствия реального противодействия гегемонии коллективного Запада в лице США, ООН в значительной степени утратила свою роль главного международного объединения, обеспечивающего соблюдение МГП. По существу, обязанность соблюдать требования МГП является условием членства в ООН. Особая ответственность за соблюдение всеми членами ООН ее уставных задач возложена Уставом ООН (ст. 23) на СБ ООН в лице его постоянных членов – Китайской Республики, Франции, Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (Великобритании), Соединенных Штатов Америки, от позиции которых зависит практическое решение всех вопросов обеспечения мира и безопасности.

Однако США и Израиль, декларируя свою демократическую природу, нацеленность на соблюдение прав человека преимущественно в других, не вполне лояльных им государствах, фактически, своей реальной политикой в полной мере продемонстрировали несовместимость своей политики с МГП. Подтверждением тому является вся, относительно недолгая, история образования и развития

данных государств. Учитывая известную репутацию США, история которых неразрывно связана с геноцидом коренного населения, организацией и ведением вооруженных конфликтов и войн во всех частях света (Полный перечень войн, вооруженных конфликтов, развязанных США за свою историю. Журнал «Международная жизнь», – 18.05.2022. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/35248> (дата обращения: 20.12.2024)), в том числе в последние годы, а также действия Израиля, при полной поддержке и помощи США в Газе, сложно даже предположить соблюдение ими каких-либо договоров, не подкрепленных реальной силой.

Очевидность произошедших в международных отношениях изменений в пользу гегемонии США при решении вопроса о применении СБ ООН действий по фактам военных преступлений, нарушений МГП, наиболее отчетливо проявилась при обсуждении палестинского вопроса. 10 ноября 1975 года ГА ООН принята поддержанная СССР, арабскими и другими государствами (72 голоса за при 35 против и 32 воздержавшихся) резолюция 3379, квалифицировавшая сионизм как «форму расизма и расовой дискриминации» (URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-181963/> (дата обращения: 20.12.2024)). Отмена данной резолюции непосредственно связана с ликвидацией СССР: она отменена через 16 лет, инициированной США и Израилем резолюцией ГА ООН 48/86 от 16 декабря 1991 года (URL: <https://digitallibrary.un.org/record/135193?ln=ru> (дата обращения: 20.12.2024)), за принятие которой проголосовало 111 государств (в том числе, почти 30 из числа голосовавших за ранее принятую резолюцию, включая СССР, Беларусь и Украину), при 25 – против, и 13 воздержавшихся. Через 10 дней, 26 декабря 1991 года Совет республик Верховного Совета СССР принял Декларацию о прекращении существования СССР в качестве государства и субъекта международного права. За день до этого, 25 декабря 1991 объявил о прекращении своей деятельности в данном качестве президент СССР.

Абсолютное большинство государств-членов ООН поддерживает концепцию двух государств, занимают последовательную позицию по данному вопросу. В своей резолюции 1397 (2002) СБ ООН подтвердил исходную концепцию двух государств, Израиля и Палестины, которые должны существовать в пределах безопасных и признанных границ, одобрил подготовленную ООН, РФ, США и ЕС «дорожную карту» в резолюции 1515 (2003). В 2016 году СБ ООН в резолюции потребовал от Израиля немедленного и полного прекращения любой поселенческой деятельности. Однако длительная история (S/2011/592) блокирования приема в члены ООН Государства Палестина демонстрирует открытое противодействие США реализации принятого ООН решения о создании двух государств. Заявка на членство Государства Палестина в ООН с 2011 года находится на рассмотрении СБ ООН. В очередной раз деструктивная роль США в решении данного вопроса подтвердилась при рассмо-

трени 18 апреля 2024 года внесенного Алжиром в СБ ООН проекта резолюции S/2024/312 о рекомендации ГА ООН принять в члены ООН Государство Палестина (URL: <https://undocs.org/S/2024/312> (дата обращения: 20.12.2024)). США, ожидаемо, наложили вето на проект, поддержанный 12 членами СБ, при двух (Швейцария, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии) воздержавшихся (URL: <https://undocs.org/S/PV.9609/> (дата обращения: 20.12.2024)).

Геноцид населения оккупированного Государства Палестина, возведенный Израилем в ранг основного направления государственной политики, осуществляется при полной поддержке США. Демонстративное истребление мирного населения, тотальное уничтожение всей инфраструктуры на оккупированной территории в полной мере подтвердили наличие у США и Израиля собственных, несовместимых с членством в ООН, интересов, реализация которых обеспечивается по праву сильного, посредством полного игнорирования решений ООН. Данный вывод подтверждается как действиями, так и выступлениями официальных представителей США и Израиля. Одновременно, нашла свое подтверждение очевидная фиктивность участия этих государств в международных договорах по разоружению.

Последующие события, акты международного терроризма в Ливане в 2024 году, несовместимые с членством в ООН, противоречащие ее Уставу, целям и задачам, блокировка США в СБ ООН решений, предусматривающих ответственность Израиля за военные преступления, подтверждают необходимость поиска содействующих сохранению авторитета международного права решений.

В рамках СБ ООН практически невозможно возложение на Израиль ответственности за игнорирование международного права в виде предусмотренных Уставом ООН различных мер предупредительного или принудительного характера, исключения из данной организации. В резолюциях ГА ООН неоднократно отмечался тот факт, что наличие стратегических отношений с Израилем у США, являющихся постоянным членом ООН с правом вето, снимает все препятствия для агрессивной, экспансионистской политики и практики сионистского режима, ухудшения ситуации на Ближнем Востоке. Постоянный представитель США при ООН Негропonte Д.Д. 5 августа 2002 года сделал на этот счет откровенное заявление на чрезвычайной специальной сессии ГА ООН, посвященной ситуации на Ближнем Востоке. В данном заявлении сформулирована долгосрочная концепция США по блокированию любых резолюций СБ ООН и оспариванию решений ГА ООН, содержащих осуждение Израиля за его агрессивную и экспансионистскую политику на Ближнем Востоке, оккупацию палестинских земель. Заявление содержит в качестве основных постулатов: безоговорочное осуждение ХАМАС, «Палестинского исламского джихада», «Бригад мучеников Аль-Аксы», в качестве террористических организаций, ответственных за терро-

ристические акты и за подстрекательство к терроризму; утверждение о необходимости уничтожения инфраструктуры, которая поддерживает эти террористические операции, где бы она ни находилась; предупреждение об отклонении США проектов резолюций СБ ООН, не отвечающих данным требованиям, а также деятельности США в качестве арбитра в переговорном процессе между Палестиной и Израилем. Данное заявление получило известность как «Доктрина Негропonte». Последняя объясняет реагирование США на все проекты резолюций, рассматриваемых в СБ ООН, с целью прекращения огня в секторе Газа (URL: <https://web.archive.org/web/20060412001950/http://www.usunnewyork.usmission.gov/> (дата обращения: 20.12.2024)). Как и ранее, во времена СССР, именно США выступают в качестве инициаторов и спонсоров, отражающих непрекращающееся глобальное противостояние, вооруженных конфликтов. Завоевание мирового господства, строительство нового мирового порядка – это и есть главная причина вооруженных конфликтов на Украине и на Ближнем Востоке. Так, в рамках военной помощи Украине для продолжения боевых действий против, президент США 20 ноября 2024 года, открыто игнорируя международные договоры о запрете и ограничении оборота наземного минного оружия, в очередной раз санкционировал передачу Украине противопехотных мин (URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2024/11/19/biden-landmines-ukraine-russia/> (дата обращения: 20.12.2024)).

При таких обстоятельствах, ввиду фактической неспособности СБ ООН адекватным ситуации способом выполнять возложенные на него функции, необходимо иное решение вопроса об ответственности за нарушения МГП, военные преступления. Выработка действенных решений, направленных на то, чтобы таковая ответственность реализовалась на практике, требует анализа соответствующей деятельности ООН в условиях блокирования решений СБ ООН.

ООН: право сильного vs международное право

Необходимость поиска новых решений, способных обеспечить соблюдение МГП, защиту мирного населения в условиях вооруженного конфликта нашла свое подтверждение при рассмотрении в ООН проектов резолюций, содержащих требование о немедленном прекращении военных действий в Газе по гуманитарным соображениям. Объективная оценка по данному вопросу основывается на итогах рассмотрения содержания резолюций ГА ООН, а также внесенных в СБ ООН проектов резолюций по вопросу о ситуации на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос, сопоставлении позиции подавляющего большинства государств с позицией США-Израиля. Состоявшиеся обсуждения и их результаты продемонстрировали диаметрально противоположные подходы к решению вопроса о прекращении боевых действий на оккупированной территории Государства Палестина.

Так, 16 октября 2023 года СБ ООН рассмотрел проект резолюции S/2023/772, который содержал: решительное осуждение всяческих насилия, боевых действий, направленных против гражданских лиц, а также актов терроризма (пункт 2), а также призывы гуманитарного характера (URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents-all-pdfs> (дата обращения: 20.12.2024)). По результатам обсуждения, данный проект (S/PV.9439) резолюции поддержали 5 членов СБ ООН – РФ, Китай, а также Габон, Мозамбик и ОАЭ. Несмотря на сугубо гуманитарный характер проекта, против проголосовали делегации Франции, Японии, США, Соединенного Королевства. Шесть членов СБ ООН воздержались при голосовании. Соответственно, проект не был принят, так как не набрал необходимого числа голосов (URL: <https://press.un.org/en/2023/sc15445.doc.htm> (дата обращения: 20.12.2024)).

18 октября 2023 года в СБ ООН поступил подготовленный Бразилией проект резолюции S/2023/773, в котором осуждались боевые действия против населения, акты терроризма (пункт 1), при этом ответственность за грубое нарушение Израилем основополагающих принципов МГП возлагалась (пункт 2) на ХАМАС (<https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/311/26/pdf/n2331126.pdf>). Несмотря на крайне комплиментарный в отношении Израиля тон проекта, США наложили на него вето. Представитель США обвинил во всем происходящем исключительно ХАМАС, предложив всем рассматривать очевидные военные преступления своего основного союзника исключительно в качестве реализации права на самооборону (URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/pro/n23/310/62/pdf/n2331062.pdf> (дата обращения: 20.12.2024)).

25 октября 2023 года СБ ООН рассмотрел внесенный США проект резолюции S/2023/792 по тому же вопросу, а также подготовленный РФ проект резолюции S/2023/795. Основу проекта США составляли утверждения о террористической сущности противостоящих сионистам групп сопротивления, включая Хамас, совершении ими в Израиле 7 октября 2023 года «чудовищных террористических нападений», бесспорном праве Израиля на самооборону от террористических нападений, осуждении Хамас, Хезболлы и тому подобное. О каких-либо конкретных мерах по прекращению массовых убийств Израилем гражданского населения на оккупированных территориях и требованиях на этот счет в проекте даже не упоминалось. Проект резолюции, подготовленный РФ (S/2023/795), представлял собой альтернативный вариант с использованием наиболее конструктивных, по мнению делегации РФ, положений из проектов резолюций США (S/2023/792), Бразилии (S/2023/773) и России (S/2023/772). Оба проекта были отклонены (URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/320/92/pdf/n2332092.pdf> (дата обращения: 20.12.2024)).

На фоне противостояния постоянных членов СБ ООН, консолидированная позиция государств-членов ООН по данному вопросу была сформу-

лирована 27 октября 2023 года при обсуждении на 10-й чрезвычайной специальной сессии пункта 5 повестки дня, посвященного вопросу о незаконных действиях Израиля в оккупированном Восточном Иерусалиме и на остальной части оккупированной палестинской территории. Резолюция «Защита гражданских лиц и соблюдение правовых и гуманитарных обязательств» (A/RES/ES-10/21) содержит требования, призывы и заявления гуманитарного характера. В ней также подтверждено достижение справедливого и долгосрочного урегулирования израильско-палестинского конфликта только мирными средствами, на основе соответствующих резолюций ООН, согласно международному праву, а также в соответствии с принципом сосуществования двух государств (URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n23/327/04/pdf/n2332704.pdf> (дата обращения: 20.12.2024)).

15 ноября 2023 года была принята резолюция СБ ООН 2712 (2023), содержащая требование (пункт 1) и призывы (пункты 2–4) гуманитарного характера для введения гуманитарных пауз, освобождения заложников, обеспечения гуманитарной деятельности в секторе Газа (URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/359/05/pdf/n2335905.pdf> (дата обращения: 20.12.2024)). Представитель РФ предложил дополнить проект призывом к гуманитарному перемирию с последующим прекращением боевых действий, который, заметим, был зафиксирован в пункте 1 резолюции ГА ООН A/RES/ES-10/21, но США проголосовали против данной поправки (URL: <https://research.un.org/en/docs/sc/quick/meetings/2023> (дата обращения: 20.12.2024)).

8 декабря 2023 года СБ ООН рассмотрел проект резолюции S/2023/970 (URL: <https://research.un.org/en/docs/sc/quick/meetings/2023> (дата обращения: 20.12.2024)), подготовленный ОАЭ, который поддержало еще 101 государство. Пожалуй, именно данный проект, в случае его принятия, был способен прекратить геноцид палестинского населения. Проект был изложен крайне лаконично и, вместе с тем емко. Он включал в себя три основных требования: немедленное прекращение огня по гуманитарным соображениям (пункт 1); выполнение сторонами своих обязанностей по международному праву, включая МГП, в особенности в отношении защиты гражданских лиц (пункт 2); незамедлительное, безусловное освобождение заложников и обеспечение гуманитарного доступа (пункт 3). О крайней необходимости принятия данной резолюции свидетельствовало также письмо Генерального секретаря ООН от 6 декабря 2023 года, направленное Председателю СБ ООН на основании статьи 99 Устава ООН, согласно которой Генеральный Секретарь вправе доводить до сведения СБ о любых вопросах, которые, по его мнению, могут угрожать поддержанию международного мира и безопасности. Очевидно, именно по этой причине США, поддерживая достижение Израилем его целей в Газе, наложили вето на проект, одобренный остальными тринадцатью членами СБ

ООН при воздержавшемся Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (URL: <https://www.un.org/unispal/document/sc-9499th-meeting-vr-8dec23/>) (дата обращения: 20.12.2024)).

Деструктивную роль США подтвердило обсуждение вопроса о положении на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос, на 9513-м заседании СБ, состоявшемся 19 декабря 2023 г (S/PV.9513). Представители Китая и РФ охарактеризовали ситуацию в Газе как чудовищную гуманитарную катастрофу, которая не разрешается ввиду прямого противодействия США и полного игнорирования Израилем ранее принятых резолюций ГА и СБ ООН, прежде всего, по вопросу о создании, наряду с еврейским, самостоятельного палестинского государства (URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4033070?ln=en>) (дата обращения: 20.12.2024)).

22 декабря 2023 года СБ ООН, 13 голосами за при двух (РФ и США) воздержавшихся, была принята резолюция S/RES/2720 (2023) по вопросу о защите гражданского населения и оказанию немедленной гуманитарной помощи палестинцам в Газе (URL: <https://www.un.org/unispal/document/security-council-resolution-s-res-2720-22dec2023/>) (дата обращения: 20.12.2024)). Резолюция содержит требования о выполнении всеми сторонами конфликта своих обязанностей по международному праву, включая МГП, о доставке гуманитарной помощи, об обеспечении деятельности гуманитарного персонала и его безопасности, освобождении заложников, реализации в полном объеме ранее принятой резолюции 2712 (2023). Отдельно следует отметить содержащееся в резолюции, ее пункте 12, заявление СБ ООН о его безусловной приверженности концепции урегулирования в соответствии с принципом сосуществования двух государств.

Очередное рассмотрение вопроса о положении на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос, состоявшееся 29 декабря 2023 года на 9522-м заседании СБ ООН (URL: <https://www.un.org/unispal/document/the-situation-in-the-middle-east-including-the-palestinian-question-provisional-meeting-record-security-council-s-pv-9522-29dec2023/>) (дата обращения: 20.12.2024)), вновь показало неспособность его членов сформулировать конкретное решение данной проблемы на основе объективной оценки причин и условий многолетнего геноцида коренного населения Палестины, его наращивания, вплоть до открытого физического уничтожения всех жителей анклава вместе с ним самим. Представители коллективного Запада, лицемерно выражая неодобрение нежеланием других членов СБ ООН осудить ХАМАС за терроризм и жестокость, призвать его прекратить ракетный обстрел военных объектов сионистов, не допускали осуждения Израиля за систематические военные преступления в Газе, традиционно заявляя о законном праве сионистов на самооборону. При таких обстоятельствах, отпадает вопрос о причинах неизбежности радикализации форм сопротивления сионистской оккупации.

В итоге, в 2023 году СБ ООН были приняты 2 резолюции по обсуждаемому вопросу, которые, в силу используемых в них формулировок, не обеспечили прекращение уничтожения Израилем населения оккупированной территории и всей имеющейся на ней инфраструктуры, включая медицинские учреждения. США дважды использовали право вето для недопущения принятия резолюций, содержащих призыв к устойчивому прекращению огня по гуманитарным соображениям.

Аналогичное доминирование США в СБ ООН при обсуждении палестинского вопроса имело место в 2024 году. Позиция США не претерпела изменений, несмотря на очевидные последствия продолжающегося геноцида палестинского населения, уничтожение инфраструктуры Газы в целом.

Так, 20 февраля 2024 года, Алжиром был внесен для обсуждения СБ ООН проект резолюции S/2024/173. Документ содержал требования о немедленном установлении режима прекращения огня по гуманитарным соображениям; исполнении обязанностей по международному праву, включая МГП и международное право прав человека; немедленном прекращении принудительного перемещения палестинского гражданского населения; освобождении заложников с обеспечением гуманитарного доступа для удовлетворения их медицинских потребностей и выполнении обязанностей по международному праву в отношении всех задержанных лиц; обеспечении выполнения резолюций СБ ООН 2712 (2023) и 2720 (2023) в полном объеме. Кроме того, в проекте содержался призыв обеспечить безусловные гуманитарные доступ и помощь в сектор Газа и на всей его территории, согласно нормам МГП и соответствующим резолюциям СБ ООН, а также заявление о приверженности концепции урегулирования в соответствии с принципом сосуществования двух государств, в пределах безопасных и признанных границ (URL: <https://research.un.org/en/docs/sc/quick/meetings/2024>) (дата обращения: 20.12.2024)).

Вводная часть проекта содержала ссылки на Устав ООН, резолюции по соответствующему вопросу, постановление Международного Суда ООН (МС ООН) от 26 января 2024 года об указании Израилю временных мер по делу о применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (Южная Африка против Израиля) в связи с правом палестинского народа в секторе Газа на защиту от всех деяний, подпадающих под статью II и статью III Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, принятой ГА ООН резолюцией 260 (III) от 9 декабря 1948 года. Отдельно приводилась ссылка на письмо Генерального секретаря от 6 декабря 2023 года, направленное Председателю СБ на основании статьи 99 Устава ООН (S/2023/962). Кроме того, во вводной части проекта указывалось на необходимость исполнения сторонами обязанностей по МП, включая МГП и МППЧ, привлечения к ответственности за все нарушения МП, исходя из того, что сектор Газа является неотъемлемой

частью территории, оккупированной в 1967 году, а также подтверждался принцип сосуществования двух государств, согласно которому сектор Газа является частью палестинского государства. США ожидаемо проголосовали против, тем самым заблокировали принятие резолюции, поддержанной тринадцатью членами СБ при одном воздержавшемся.

22 марта 2024 года СБ ООН рассмотрел проект резолюции S/2024/239, внесенный США. Основное содержание проекта составляли обвинения Хамас, а также отвлеченные требования общего характера, лишённые практического смысла при продолжении вооружённых действий (URL: <https://undocs.org/S/2024/239> (дата обращения: 25.12.2024)). Закономерно, данный проект был отклонен Китаем и РФ, наложившими на него вето (URL: <https://undocs.org/S/PV.9584> (дата обращения: 25.12.2024)).

25 марта 2024 года СБ ООН единогласно, при одном (США) воздержавшемся была принята резолюция S/RES/2728 (2024), содержащая требования о: – немедленном установлении на время месяца Рамадан, соблюдаемого всеми сторонами и ведущего к долгосрочному устойчивому прекращению огня, режима прекращения огня, – незамедлительном и без каких-либо условий освобождении всех заложников, – обеспечении гуманитарного доступа для удовлетворения их медицинских и иных гуманитарных потребностей, – выполнении сторонами своих обязанностей по международному праву в отношении всех задерживаемых ими лиц (пункт 1). Отдельно, в пункте 2 были подчеркнуты необходимость увеличения поставок гуманитарной помощи для гражданского населения и усиления его защиты во всем секторе Газа и очередное требование устранить все барьеры на пути оказания гуманитарной помощи в достаточных объемах в соответствии с МГП, резолюциями СБ ООН 2712 (2023) и 2720 (2023) (URL: [http://www.undocs.org/S/RES/2728\(2024\)](http://www.undocs.org/S/RES/2728(2024)) (дата обращения: 25.12.2024)).

10 июня 2024 года СБ ООН была принята резолюция 2735/2024 (URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/165/14/pdf/n2416514.pdf> (дата обращения: 25.12.2024)). Проект данной резолюции (S/RES/2735 (2024)) внесли США, и он был одобрен арабскими государствами. Поэтому представитель РФ не стал использовать право вето и воздержался от голосования. Вместе с тем, реализация первого из предусмотренных данной резолюцией трех этапов всеобъемлющего соглашения о прекращении огня предусматривалась не ранее 19 января 2025 года. То есть, немедленное прекращение огня, освобождение пленных израильтян с их обменом на палестинских заключенных, вывод из Газы израильских вооружённых подразделений, возвращение жителей Газы, поступление гуманитарной помощи предполагались лишь по истечении более чем полугода со дня принятия данной резолюции! Фактически США заблокировали внесение иных проектов, содержащих требование о немедленном и безусловном прекращении огня.

Данный вывод подтверждается результатами рассмотрения 20 ноября 2024 года проекта резолюции S/2024/835, содержащего требование о немедленном прекращении огня в секторе Газа. Указанный проект, внесенный Гайаной (URL: <https://undocs.org/en/S/2024/835> (дата обращения: 25.12.2024)) и поддержанный 14 членами СБ ООН, тем не менее, не был принят в связи с наложенным США вето (URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/pro/n24/357/41/pdf/n2435741.pdf> (дата обращения: 25.12.2024)). США использовали право вето в 49-й раз, с начала использования ими данного права против проектов резолюций СБ ООН, связанных с Израилем (URL: <https://tr-page.yandex.ru/translate?lang=en-ru&url=https://www.middleeasteye.net/news/49-times-us-has-used-veto-power-against-un-resolutions-israel> (дата обращения: 25.12.2024)), что подтверждает использование ими своих полномочий постоянного члена СБ ООН для блокирования любых решений, предусматривающих ответственность Израиля.

Безрезультатно завершилось также обсуждение положения на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос, на заседании СБ ООН (S/PV.9830, 9830-е заседание), начавшемся 2 января 2025 года. При этом выступления 3 января представителя РФ и, в особенности, представителя Египта, выступившего от имени группы арабских государств, изобиловали фактами полного пренебрежения Израилем к принятым ГА и СБ ООН решениям, безнаказанного совершения сионистским режимом массовых военных преступлений. О поддержке рядом государств-членов ООН действий агрессора свидетельствовал призыв представителя Египта к странам, уважающим международное право, приостановить экспорт в Израиль оружия и боеприпасов (URL: <https://docs.un.org/r/S/PV.9830> (дата обращения: 25.12.2024)).

Таким образом, ни в 2023, ни в 2024 и в начале текущего года СБ ООН не удалось достичь цели обеспечения элементарных, предусмотренных МГП, прав населения оккупированной Газы. США дважды использовали право вето в 2023 году и дважды – в 2024, заблокировав принятие резолюций, поддержанных другими членами СБ ООН. В конечном счете, США добились чтобы прекращение огня в Газе осуществлялось по их плану, то есть, исключительно в интересах сионистов, вопреки МГП, законным правам палестинского населения, закрепленным резолюциями ГА и СБ ООН.

В отличие от СБ, ГА ООН вполне конструктивно проводила обсуждение палестинского вопроса. Так, 23 декабря 2024 года ГА ООН A/RES/79/229 была принята резолюция по вопросу: «Постоянный суверенитет палестинского народа на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и арабского населения на оккупированных сирийских Голанах над своими природными ресурсами», которая полностью подтвердила силу принятых ранее по палестинскому вопросу решений (URL: <https://www.un.org/en/ga/79/resolutions.shtml> (дата обращения: 25.12.2024)).

Особое значение данной резолюции заключается в том, что ее принятию предшествовало принятое 19 июля 2024 года, на основании резолюции ГА ООН 77/247 от 30 декабря 2022 года, консультативное заключение МС ООН, которое возлагает на Израиль обязанность прекратить оккупацию палестинских территорий и выплатить полное возмещение за свои «международно-противоправные действия» (URL: <https://legal.un.org/icjsummaries/volumes.shtml> (дата обращения: 25.12.2024)). Тем самым, главный судебный орган ООН вновь, как и ранее, 9 июля 2004 года, в консультативном заключении о незаконности строительства Израилем стены на оккупированной территории (URL: <https://legal.un.org/icjsummaries/volumes.shtml> (дата обращения: 25.12.2024)), подтвердил незаконность израильских поселений на Западном берегу реки Иордан и в Восточном Иерусалиме, признал политику Израиля попыткой аннексии значительной части палестинской территории и нарушением права палестинского народа на самоопределение. В значительной своей части израильское законодательство и практика его применения квалифицированы как нарушение запрета дискриминации и сегрегации. МС ООН отметил также обязанность других государств не признавать оккупацию Палестины законной и не оказывать оккупации содействие.

Факт наличия у большей части государств-членов ООН иной, нежели чем у США, позиции по палестинскому вопросу, подтвержден также обращением Южной Африки 29 декабря 2023 года в МС ООН с заявлением о возбуждении дела против Израиля в связи с предполагаемыми нарушениями им своих обязательств по Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него в отношении палестинцев в секторе Газа (URL: <https://icj-cij.org/ru> (дата обращения: 25.12.2024)).

Результаты голосования по любым резолюциям, касающимся палестинского вопроса, подтверждают последовательную, всестороннюю, неизменную поддержку США агрессивных действий Израиля, сопряженных с геноцидом мирного населения, международным терроризмом. Объяснение очевидно: неразрывно связанные между собой государства одержимы завуалированной библейскими сюжетами общей для них идеей мирового господства, которую они, руководствуясь правом сильного, непреклонно реализуют любыми способами, включая акты международного терроризма.

Международный терроризм с использованием гражданских технологий

17 декабря 1984 года, 117 голосами «за» при 30 «воздержавшихся», ГА ООН приняла резолюцию 39/159 «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах» (URL: <https://www.un.org/ru/ga/39/docs/39res.shtml> (дата обращения: 25.12.2024)). Несмотря на то, что ре-

золюции ГА не имеют обязывающего характера, важность подтвержденных представителями международного сообщества установлений не вызывает сомнений. ГА ООН, на фоне нападений Израиля на соседние арабские государства, в очередной раз подтвердила обязательство всех государств воздерживаться в международных отношениях от угрозы силой или ее применении, безусловное право всех народов самостоятельно определять свое социально-политическое и экономическое устройство, осудила политику и практику терроризма в международных отношениях. Одновременно, всем государствам было адресовано требование избегать действия, влекущие вооруженное либо иное насильственное посягательство на другие государства.

В Женевской декларации от 21 марта 1987 года государственный терроризм характеризуется, прежде всего, как практика полицейского государства по нагнетанию страха посредством слежки, доноительства, преследования и разгона собраний граждан, контроля над СМИ, ложных обвинений и слухов, судебных фарсов, насилия во всех его проявлениях, вплоть до убийств и произвольных казней; – осуществление оборота своего ядерного оружия за пределами государства; – проведение военных учений у границ других государств с целью угрозы их государственному суверенитету; нападения вооруженных сил государства, создающие угрозу для гражданского населения.

Наиболее развернутые положения по данному вопросу содержит Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, принятая резолюцией ГА ООН 49/60 от 9 декабря 1994 года. Декларация, в частности, включает в себя заявления, в которых указано на безоговорочное осуждение государствами-членами ООН терроризма во всех его проявлениях, представляющих собой грубое игнорирование целей и принципов ООН. Также был заявлен полный отказ от оправдания преступных актов, имеющих целью создание обстановки террора среди широкой общественности, группы или конкретных лиц. Указано на обязанность членов ООН: отказаться от всякого рода участия в совершении терактов на территории других государств; выполнять свои обязательства по борьбе с международным терроризмом согласно Уставу ООН и международному праву (URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdec1.shtml (дата обращения: 25.12.2024)).

Безнаказанность Израиля за военные преступления на оккупированных палестинских территориях ожидаемо привела к эскалации. Массовые акты государственного терроризма Израиля 17–18 сентября 2024 года на территории Ливана, в преддверии нападения на него вооруженных сил Израиля, в полной мере подтвердили ориентацию США и Израиля на право сильного для достижения своих целей. 17 сентября 2024 года в Ливане одновременно у нескольких тысяч человек взорвались пейджеры. Сразу появилась информация об организации Израилем данной террористической ата-

ки против шиитской милиции «Хезболла», которая использовала пейджеры. Фактически, впервые в истории были осуществлены террористические акты, организованные с использованием гражданских технологий, которые позволяют провести аналогичные массовые подрывы в любых других странах, жители которых используют электротехнические изделия, то есть, практически везде.

Из всего массива сообщений в СМИ, преимущественно представляющих США, а также иных СМИ, опубликовавших свои сообщения со ссылкой на те же западные источники, следовало, что Израиль осуществил дистанционный подрыв снабженных взрывчаткой еще на стадии производства средств связи (пейджеров), используемых членами шиитской милиции «Хезболла». Однако, в тот же день, 17 сентября 2024 года РИА «Новости» опубликовало заявление эксперта по вопросам безопасности из Турции Мустафы Бёгюрджю, указавшего, что одновременная детонация пейджеров ливанского движения «Хезболла» была, скорее всего, осуществлена с помощью перенастройки данных средств связи на одну частоту, после чего, также дистанционно, был обеспечен перегрев батарей отслеженных пейджеров и их одновременный подрыв (URL: <https://ria.ru/20240917/eskpert-1973282451.html?in=t> (дата обращения: 25.12.2024)).

Данная версия представляется достоверной. В более развернутом виде анализ причин и способа совершения рассматриваемых терактов изложен в опубликованной 1 декабря 2024 года статье С. Мальцева «Пейджеры и Моссад. А была ли взрывчатка?»³. Автор, анализируя имеющиеся по данному вопросу публикации, содержащие различные версии терактов, пришел к выводу о наличии иной, не совпадающей с изложенными в публикациях западных СМИ (Взрывы пейджеров, нацеленных на «Хезболлу», убили 11 и ранили тысячи людей». The New York Times// URL: <https://www.nytimes.com/2024/09/17/world/middleeast/hezbollah-pager-explosions-lebanon.html> (дата обращения: 25.12.2024)), причиной взрывов электротехники западного производства в Ливане и в Сирии 17 и 18 сентября 2024 года.

Предлагая рассмотреть информацию непосредственно с мест совершенных терактов, а не из публикаций, основанных на подброшенных «фактах», автор констатировал, что подрывы пейджеров произошли не только в Ливане, но и в Сирии. При этом, взрывы были направлены не только против «Хезболлы», но и против находящихся в тех же странах представителей Корпуса стражей исламской революции (КСИР), 19 военных которого погибли в Сирии. Кроме того, 17 сентября министерство здравоохранения Ливана распространило буклет с изображением пейджера Моторола, содержащий обращение к гражданам воздержаться, до последующего уведомления, от использования данных пейджеров.

18 сентября 2024 года в Ливане осуществлены взрывы более 500 раций производства Японии

и радиоприёмников, используемых, в числе прочих, членами «Хезболлы». Взрывы происходили на территории всей страны, в том числе в жилых домах, кафе, парикмахерских. Взрывались различные электронные устройства, включая мобильные телефоны и автомобильные радиостанции, а также мотоциклы, автомобили, используемые парикмахерами бритвы, солнечные энергосистемы в домах, другая электротехника. Взрывались также ноутбуки, телефоны, скутеры, машины и сканеры отпечатков пальцев, магазины сотовой связи, техника в домах, солнечные батареи, кухонные приборы, новые партии электроники в магазинах.

Анализ различной информации позволил автору сделать вывод о том, что 17 сентября теракты были направлены против членов «Хезболлы» и КСИР, а 18 сентября подрывы электротехники совершались с целью устрашения всего населения Ливана, поскольку подрывались пейджеры, рации, радиоприемники, автомобильные радиостанции, мобильные телефоны, автомобили, мотоциклы, скутеры, ноутбуки, энергосистемы на солнечных батареях, электротехника в кафе, кухонные приборы, сканеры отпечатков пальцев, электробритвы парикмахеров, магазины сотовой связи с новыми партиями электроники. То есть, по всему Ливану массово взрывалась совершенно разная электротехника, в том числе, не подключенная к системам связи, «Интернету». Соответственно, утверждения о, якобы, заложенной в указанные изделия взрывчатке являются недостоверными.

Проведенный анализ позволил автору сделать следующие конкретные выводы. Взрывы представляют собой управляемый, контролируемый процесс, который был осуществлен по сигналу в два этапа: 17 сентября 2024 взорваны пейджеры, на следующий день – рации, радиоприемники, затем транспортные средства, средства связи, бытовая техника. Взрывы происходили два дня на территории Ливана и Сирии. Все взорванные устройства имели литиевые батареи. Массовая детонация электротехники происходила избирательно, по ее принадлежности к определенной модели, поскольку в месте взрывов находилась и иная электротехника, которая не взрывалась. Подтверждением данного вывода является тот факт, что за неделю до взрывов больница американского университета в Бейруте изъяла у своего медперсонала все пейджеры с целью их замены из-за неких технических проблем. У изъятых пейджеров и тех, которые были взорваны 17 сентября 2024 года, имелись общие технические особенности, которые могли вызвать подрыв выданных медперсоналу больницы американского университета пейджеров в момент поступления направленного на территорию Ливии импульса, вызывающего детонацию литиевых батарей одной модели. Очевидна осведомленность США о деталях предстоящих подрывов электротехники. Вместо традиционных видов оружия и средств его доставки, необходимы лишь сведения об используемых противником технических устройствах, на которые будет направлен

подрывной импульс. Поступление последнего превращает техническую среду, в которой находятся технические устройства, в дистанционно управляемое минное поле.

Изложенные в статье С. Мальцева выводы о способе подрыва технических устройств, характере взрывов подтвердились 30 ноября 2024 года в Сирии, где произошли взрывы используемых правительственными войсками средств связи. Дезинформация о минировании была призвана создать всеобщую панику в Ливане и в Сирии перед нападением Израиля. Кроме того, – дезавуировать первоначально появившиеся сообщения о кибератаке, вызвавшей перегрев литиевых батарей с последующим их взрывом, наличии триггера, в виде поддельного кода, для перегрева батарей. Данная версия была сокрыта публикациями о взрывчатке, заложенной в электротехнику «Моссадом». Однако, возможность использования литиевых батарей в качестве взрывных устройств подтверждается не только их возрастающей мощностью, но и фактами возгорания электротранспорта на литиевых аккумуляторах, мощных возгораний и взрывов последних. Причем, без видимых причин и за считанные секунды. Речь идет о многочисленных зафиксированных фактах взрыва и возгорания литиевых батарей.

Рассматривая вопрос о необходимости взрывчатки для подрыва пейджеров Gold Apollo и Motorola в Ливане при возможности «теплового разгона» в их литиевых батареях, автор также обратил внимание на высказывание министра иностранных дел РФ, который 28 сентября 2024 года, выступая на 79-й сессии Генассамблеи ООН, указал на жестокий характер осуществленного Израилем в Ливане подрыва мобильных устройств и призвал провести расследование по данному факту. При этом министр отметил, что имеет место очевидный пример террористических методов как средства достижения политических целей посредством превращения гражданских технологий в смертоносное оружие (URL: tass.ru/politika/21985277 (дата обращения: 10.02.2025)).

Тем самым, публикации в СМИ США и их компиляции в иных источниках, о минировании Израилем электротехники, используемой противниками сионистского режима, с большой степенью вероятности, представляют собой дезинформацию, призванную скрыть реальную причину взрывов разнообразной электротехники. Таковой причиной является превращение гражданских изделий, предназначенных для личного пользования, преимущественно бытовой электротехники, во взрывоопасное оружие с использованием современных технологий, без какого-либо дополнительного оборудования, приспособлений. Не приходится сомневаться в том, что сделанное уполномоченным должностным лицом РФ публичное заявление в главной международной организации основано на достоверной информации, полученной от специалистов. Соответственно, речь идет о новом виде оружия, которое, без какой-либо специальной взрывчатки,

может быть направлено против любого человека в любой точке мира посредством запуска импульса для подрыва тысяч устройств на территории государства, против которого будет решено применить такое оружие. При этом техническая развитость выбранной жертвы лишь усугубляет поражающее воздействие на нее.

В связи с массовыми взрывами пейджеров и других электротехнических приборов в Ливане, непостоянный член СБ ООН Алжир, по просьбе Ливана, запросил срочный созыв данного органа. В ходе состоявшегося 20 сентября 2024 года заседания СБ ООН была озвучена информация о гибели в результате подрыва электротехнических устройств, по меньшей мере, 37 человек, включая двоих детей и более 3400 раненых, в том числе, получивших тяжелые ранения. На заседании также было озвучено письмо от 18 сентября 2024 года, адресованное Исламской Республикой Иран председателю СБ ООН. В письме ответственность за взрывы электротехнических устройств 17–18 сентября 2024 года была возложена на правительство Израиля. Последний уклонился от официального признания в совершении теракта (URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/09/1456521> (дата обращения: 10.02.2025)).

Заседание, ожидаемо, когда речь заходит о военных преступлениях Израиля, прошло без указания виновника теракта, принятия конкретных решений в отношении организаторов терактов, ограничилось общими заявлениями о необходимости привлечения к ответственности виновных. Заявление верховного комиссара ООН по правам человека также не содержало указаний на ответственных за теракт, констатировало очевидные для всех факты нарушений МГП, военных преступлений в виде одновременного подрыва внешне безвредных электротехнических устройств, используемых населением (URL: <https://ria.ru/20240920/podryv-1973937120.html> (дата обращения: 10.02.2025)).

Отмеченное выше в полной мере подтверждает отсутствие у СБ ООН возможности объективно оценивать международные теракты, совершаемые Израилем, и, тем более, вводить в отношении него предусмотренные Уставом ООН санкции. Полномочия ГА ООН, установленные статьей 5 Устава ООН, как и закрепленные главой VII Устава ООН prerogative СБ ООН по принятию мер при наличии установленных им фактов угрозы миру, нарушения мира либо акта агрессии, – нереализуемы, ввиду содержащегося в пункте 3 статьи 27 Устава требования о необходимости консенсуса постоянных членов СБ ООН, следования США доктрине Негропонта. Вместе с тем, государства-члены ООН вправе принимать собственные решения в отношении игнорирующих цели и принципы ООН нарушителей. При решении данной проблемы следует учесть законодательство о санкциях, вводимых коллективным Западом в отношении своих оппонентов, на предмет возможности компиляции соответствующих ограничительных мер другими го-

сударствами в рамках установлений ГА ООН, МС ООН, МУС.

Санкции – законный ответ нарушителям МГП

Система международной безопасности, созданная усилиями СССР, победившего фашистские Европу и Японию, подверглась полному пересмотру коллективным Западом после ликвидации Варшавского Договора, Совета экономической взаимопомощи, самого СССР. Лидер коллективного Запада, США, провозгласили о своей победе в Холодной войне со всеми вытекающими из этого последствиями. Как показывают события, происходящие на Ближнем Востоке, основную угрозу миру и международной безопасности по-прежнему представляют США, проводимая ими политика завоевания полного мирового господства. Последовательное разрушение государственности Югославии, Ирака, Ливии, Сирии, очевидно, имеет своей конечной целью саму РФ. Именно политика США по расширению НАТО к границам РФ привела к смене режима на Украине, повлекшей превращение последней в плацдарм НАТО на границе с РФ. Под руководством США, коалиция из более чем пятидесяти государств, преимущественно членов НАТО, командный центр которой размещен на авиабазе ВВС США в городе Рамштайн в Германии, в нарушение МГП, международного права в целом, обеспечивает вооружением, в том числе минным, созданный США марionеточный режим. 26 апреля 2022 года, на указанной авиабазе состоялась первая встреча так называемой Ukraine Defense Contact Group (Контактной группы по обороне Украины). Последняя организует поставки Украине военной техники, вооружения для эффективного противодействия Вооруженным силам РФ. Тем самым, как и прежде, в отношении Союза ССР, именно США являются главным вероятным противником РФ и, одновременно, основным инициатором вооруженного конфликта между двумя бывшими республиками Союза ССР, поддерживаемого самими США и созданной ими коалицией [4, с. 12]. Поставки вооружений на Украину, в том числе мин, осуществляются регулярно. Так, по сообщению газеты The Washington Post (WP), 20 ноября 2024 года президент США Байден санкционировал передачу Украине противопехотных мин. Пентагон подтвердил эту информацию (URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2024/11/19/biden-landmines-ukraine-russia/> (дата обращения: 10.02.2025)). Очевидное нарастание кризисных явлений в сфере международных отношений не позволяет рассчитывать на то, что наличие, одновременно, двух отличных по содержанию противоминных договоров, может, само по себе, способствовать наиболее эффективному решению проблем, связанных с применением минного оружия [5, с. 33]. Эрозия МГП, международного права в целом, практически обесценила договоры о разоружении.

Сохранение сколь-нибудь реального баланса интересов в системе международных отношений

требует, прежде всего, решений, способных, если не пресечь, то хотя бы как-то повлиять на действия агрессора, руководствующегося правом сильного. В первую очередь это относится к Лиге арабских государств (ЛАГ), членом которой является Государство Палестина. Однако, данное обстоятельство, равно как и Договор о совместной обороне и экономическом сотрудничестве членов ЛАГ (URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/arableag.asp (дата обращения: 10.02.2025)) не повлияли на продолжающийся геноцид палестинского населения.

Кроме того, ввиду особого значения позиции постоянных членов СБ ООН, возникает вопрос о последовательности в своих оценках тех из них, кто, вопреки позиции США, голосовал за немедленное прекращение огня в Газе. Речь идет о необходимости иных, помимо поддержки проекта резолюции, практических действий (ограничительные меры, санкции, оказание помощи оппонентам США), публично демонстрирующих агрессору несогласие с его игнорированием международного права. Такого рода принципиальности, сопоставимой с безоговорочной поддержкой США собственных целей и задач, ни один из членов СБ ООН, вербально озвучивающих иную точку зрения, не демонстрирует, несмотря на наличие для этого правового обоснования.

Так, резолюция ГА ООН № 377 от 3 ноября 1950 года «Единство в пользу мира», инициированная самими США в качестве средства обхода вето СССР в ходе Корейской войны, устанавливает, что при разногласиях постоянных членов СБ ООН при обсуждении вопросов об угрозе миру, акте агрессии, ГА ООН немедленно рассматривает данный вопрос с целью сделать членам ООН необходимые рекомендации относительно коллективных мер, включая применение, когда это необходимо, вооруженных сил для поддержания или восстановления международного мира и безопасности (URL: [https://docs.un.org/A/RES/377\(V\)](https://docs.un.org/A/RES/377(V)) (дата обращения: 10.02.2025)). Вместе с тем, более продуктивной представляется практика совместной деятельности ГА ООН и Международного Суда ООН (МС ООН), а также Международного уголовного суда (МУС).

20 мая 2024 года прокурор МУС запросил у последнего ордер на арест премьер-министра, министра обороны Израиля, а также трех руководителей ХАМАС. На следующий день МУС выдал ордера на арест упомянутых лиц. Применительно к израильтянам, Палата предварительного производства МУС посчитала, что оба обвиняемых умышленно лишали гражданское население Газы возможности выживания, несут ответственность за причинение страданий нуждающимся в лечении, которые были намеренно лишены жизненно важных лекарств. Они несут уголовную ответственность в качестве соисполнителей совершенных деяний совместно с другими лицами за военное преступление в виде использования голода в качестве способа ведения войны, а также за преступления против человечности, такие как убийства, преследования

и другие бесчеловечные деяния. Кроме того, об им израильтянам вменялось совершение военного преступления в виде преднамеренного нападения на гражданское население (URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458601> (дата обращения: 10.02.2025)).

29 декабря 2023 года Южная Африка подала в МС ООН заявление о возбуждении дела против Израиля в связи с нарушениями им обязательств по Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него («Конвенция о геноциде») в отношении палестинцев в секторе Газа. Южная Африка обосновала юрисдикцию МС ООН на основании пункта 1 статьи 36 Статута МС ООН и статьи IX Конвенции о геноциде, участниками которой являются и Южная Африка, и Израиль. Заявление содержало просьбу об указании имеющих приоритет временных мер, предусмотренных статьей 41 Статута Суда и статьями 73, 74 и 75 его Регламента, для защиты от продолжения Израилем запрещенных Конвенцией о геноциде действий (URL: <https://www.un.org/unispal/document/icj-southafrica-israel-genocide-29dec2023/> (дата обращения: 10.02.2025)).

Представители заявителя представили суду доказательства осуществляемого Израилем геноцида с самого начала полномасштабной войны в секторе Газа, находящегося под оккупацией с 1967 года. Поскольку и Южная Африка, и Израиль являются государствами-участниками Конвенции о геноциде, они обязаны предотвращать и наказывать преступление геноцида. Таковым, согласно статье 2 Конвенции о геноциде, являются действия, совершенные с намерением уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу. МС ООН указал, что двухмиллионное палестинское население представляет собой именно такую группу. Исходя из статьи 3 Конвенции, устанавливающей запрет заговора с целью совершения геноцида и публичное подстрекательство к нему, МС ООН принял к сведению ряд заявлений, сделанных высокопоставленными израильскими чиновниками, в том числе, высказывания министра обороны Израиля, заявившего своим военнослужащим, что они сражаются с «человекообразными животными», которые представляют собой «палестинский ИГИЛ». 26 января 2024 года МС ООН вынес промежуточное решение, постановив, что палестинцы имеют право на защиту от геноцида со стороны Израиля, а еврейское государство обязано принять все зависящие от него меры для предотвращения преступления геноцида, а также разрешить поступление жизненно важной гуманитарной помощи в разрушенную им Газу (URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448927> (дата обращения: 10.02.2025)).

Помимо дела по заявлению Южной Африки, МС ООН на основании резолюции ГА ООН 77/247 от 30 декабря 2022 года, рассматривал вопрос о правовых последствиях политики и действий Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и незаконно-

сти продолжающегося присутствия Израиля на оккупированной палестинской территории. Указанная резолюция была принята ГА ООН в соответствии со статьей 96 Устава ООН и статьей 65 Статута МС ООН. Консультативное заключение МС ООН по данному запросу было вынесено 19 июля 2024 года, в числе прочего, содержало предложение рассмотреть на ГА и в СБ ООН конкретные, основанные на выводах консультативного заключения, меры, направленные на скорейшее прекращение оккупации. 13 сентября 2024 года представленное МС ООН заключение было рассмотрено на Десятой чрезвычайной специальной сессии (A/ES-10/L.31/Rev.1) в рамках пункта 5 повестки дня «Незаконные действия Израиля в оккупированном Восточном Иерусалиме и на остальной части оккупированной палестинской территории» (URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n24/266/50/pdf/n2426650.pdf> (дата обращения: 08.03.2025)). ГА ООН, основываясь на выводах МС ООН, потребовала, чтобы Израиль не позднее чем через 12 месяцев после принятия резолюции прекратил влекущее международную ответственность противоправное деяние длящегося характера, – оккупацию палестинской территории. Кроме того, немедленно исполнил все свои юридические обязательства по международному праву, в том числе предусмотренные МС ООН. Всем государствам и международным организациям адресован обширный перечень призывов, связанных с соблюдением обязательств по международному праву, в том числе, указанных в консультативном заключении, предусмотренных 4-й Женевской конвенцией. Особо следует отметить пункт 5 резолюции, который может быть охарактеризован как предложение объявить частичный бойкот Израилю в связи с его оккупацией палестинской территории. Перечень предлагаемых мер включает в себя: прекращение импорта товаров, произведенных в израильских поселениях, поставки или передачи Израилю оружия, боеприпасов и связанных с этим материальных средств в случаях, когда есть основания полагать, что они могут быть использованы на оккупированной территории; введение санкций, включая запрет на поездки и замораживание активов, в отношении физических и юридических лиц, участвующих в поддержании незаконного присутствия Израиля на оккупированной территории; поддержание усилий по привлечению к ответственности в интересах всех жертв (URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n24/266/50/pdf/n2426650.pdf> (дата обращения: 08.03.2025)).

Тем самым, в отличие от СБ ООН, в котором США, невзирая на наличие доказательств геноцида Израиля в отношении мирного населения Газы, без затруднений блокировали все попытки принятия резолюций, содержащих требование о прекращении огня, ГА ООН, МУС и МС ООН при принятии решений не столь зависимы от мнения мирового гегемона. Попытки США дезавуировать принятое международными судами, прежде всего МУС (URL: <https://www.axios.com/2024/04/29/netanyahu->

biden-icc-arrest-warrants-war-crimes (дата обращения: 08.03.2025)), решения лишь подтвердили тот очевидный вывод, что причины и условия распространения международного терроризма, иных деструктивных явлений в международных отношениях обусловлены, прежде всего, агрессивной политикой коллективного Запада, суть которой определяется известной теорией захвата жизненного пространства (URL: https://geoeconomy.academic.ru/36/«Жизненного_пространства»_теория (дата обращения: 08.03.2025)).

Соответственно, разработка ответных, в том числе невоенных, мер воздействия на потенциальных агрессоров должна осуществляться безусловно и на постоянной основе.

В ситуации, когда соответствующая оценка фактам нарушений международного права уже дана ГА ООН, МС и МУС, имеются законные, основанные на решениях данных органов, основания для принятия государствами-членами ООН как индивидуальных, так и коллективных мер воздействия на нарушителя.

Так, в силу части 4 статьи 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью правовой системы РФ. При этом ответственность за военные преступления, рассматриваемые в качестве серьезного нарушения МГП в ходе военного конфликта, предусмотрена уголовным законодательством, подразумевает индивидуальную уголовную ответственность [6, с. 136] Ответственность за преступления против мира и безопасности человечества предусмотрена УК РФ, его статьями 353–361 УК РФ (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 08.03.2025)). Вместе с тем, в отечественной специальной литературе ответственность за нарушения МГП рассматривается, преимущественно, применительно к военнослужащим [7, с. 132–133]. Кроме того, несмотря на выполнение РФ, в целом, требований об имплементации основных документов МГП, очевидную актуальность применения мер ответственности за нарушения МГП, все еще сохраняются проблемы, связанные с практической реализацией соответствующих установлений [8, с. 169], включая их толкование и применение судами РФ [9, с. 160–162].

В РФ ответные меры на экономические санкции США, ЕС, иных государств, признанных недружественными, регламентированы: Федеральным законом № 127-ФЗ от 4 июня 2018 года «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»; указами Президента РФ № 560 от 6 августа 2014 года «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации», № 208 от 13 мая 2017 года «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», № 79 от 28 февраля 2022 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Со-

единенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций». Однако, данные решения нормативного характера не имеют какой-либо взаимосвязи с приведенными выше положениями УК РФ, кроме того, не разработаны в достаточной степени.

Гораздо более обширный и структурированный перечень мер воздействия на недружественные («враждебные»!) государства задолго до РФ разработан и применяется США и ЕС. Так, в США введение санкций в виде ограничения экономических отношений регулируется законами: – о торговле с враждебными государствами, принятым еще в 1917 году; – об иностранной помощи 1961 года; – о международных чрезвычайных экономических полномочиях 1977 года; – о контроле над экспортом 1979 года; – об иностранных наркоторговцах 1999 года; – о торговле чистыми алмазами 2003 года. Широкие полномочия, в том числе в военной сфере, президенту США предоставляет Закон о чрезвычайном положении 1976 года. Закон о борьбе с терроризмом и о применении смертной казни 1996 года содержит ограничительные меры в сфере миграции, финансирования, устанавливает основания для признания террористической деятельности организаций, рассматриваемых США в качестве враждебных. США активны в разработке данной темы, имеют собственный список государств-спонсоров международного терроризма, составляемый Государственным департаментом.

Более того, в США приняты законы, устанавливающие санкции в отношении конкретных государств. По данным управления по контролю за иностранными активами, которое входит в состав управления по борьбе с терроризмом и финансовой разведке министерства финансов США в число активных санкционных программ входят санкции: – связанные с Афганистаном; – связанные с Балканами; – против Беларуси; – связанные с Бирмой; – против ЦАР; – против китайских военных компаний; – по борьбе с незаконным оборотом наркотиков; – по борьбе с терроризмом. Кроме того: – противодействие противникам Америки с помощью санкций, связанных с Законом о санкциях. Санкции: – против Кубы; – связанные с киберугрозой; – связанные с Демократической Республикой Конго; – связанные с Эфиопией. Иностранное вмешательство в санкции против выборов в США; глобальные санкции Магнитского. Санкции: – связанные с Гонконгом; – в отношении заложников и незаконно задержанных граждан США; – связанные с Международным уголовным судом; – против Ирана; – связанные с Ираком; – связанные с Ливаном; – против Ливии; – Магнитского; – связанные с Мали; – связанные с Никарагуа; – в области нераспространения; – против Северной Кореи. Контроль за торговлей алмазным сырьем. Санкции: – России за вредную иностранную деятельность; – в отношении Сомали; – связанные с Южным Суданом; – в отношении Судана и Дарфура; – против Сирии; – связанные с Сирией (административ-

ный указ 13894 от 2019 года. Транснациональные преступные организации. Санкции: – связанные с Украиной и Россией; – связанные с Венесуэлой; – связанные с Йеменом (URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information> (дата обращения: 15.03.2025)).

Приведенный обширный список санкций подтверждает тот факт, что санкционная деятельность США является постоянной, долгосрочной, детально разработанной государственной программой причинения максимально возможного, без применения военной силы, ущерба оппонентам США. Причем, без учета мнения ООН на этот счет. Тем не менее, заслуживает внимания высокий уровень организации данной работы. Как отмечено выше, непосредственный исполнитель соответствующих мероприятий – управление по контролю за иностранными активами, входит в состав управления по борьбе с терроризмом и финансовой разведке министерства финансов США. Вместе с тем, в применении ограничительных мер задействованы и другие государственные органы США, прежде всего, Государственный департамент США и различные министерства. Кроме того, США, в отличие от РФ, применяют более конкретное определение для своих оппонентов.

Правовой основой для санкций ЕС являются Договор о Европейском Союзе (URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (дата обращения: 15.03.2025)) и Договор о функционировании Европейского Союза (URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата обращения: 15.03.2025)). В разделе IV последнего содержится статья 215, регламентирующая так называемые ограничительные меры и порядок принятия решения о их применении. Ограничительные меры ЕС также имеют политическую подоплеку, применимы как к отдельным лицам, подвергаемым преследованию (в частности, замораживание активов, запрет на поездки), так и к государствам (торговые и иные ограничения). В число последних входит РФ.

Тем самым, и США и ЕС установили собственное нормативное регулирование перечня и порядка применения ограничительных мер, активно используют их в своей внешней политике, в качестве средства принуждения к соблюдению установленных ими правил. При этом в США ограничительные меры (санкции) являются составной частью действующего законодательства, в ЕС – закреплены межгосударственным договором. Представляется очевидным тот факт, что отсутствие аналогичных законодательных установлений у других государств усугубляет дисбаланс в международных отношениях, поскольку необоснованно укрепляет приоритет коллективного Запада. США и ЕС, при невозможности проведения своих решений в отношении оппонентов в установленном порядке, то есть, через ГА и СБ ООН, без оглядки на последние, на основании собственного законодательства, применяют широкий арсенал санкций, ограничительных мер. Сохранение подобного положения вещей ведет к закреплению не согласую-

щейся с международным правом иерархии, игнорированию суверенитета, самостоятельности иных членов ООН. Тот факт, что иными, помимо США и ЕС, государствами, их региональными международными организациями потенциал санкций не реализуется, не способствует должному учету их интересов. Соответственно, закономерным представляется вопрос о правомерности, возможности введения ограничительных мер, санкций, иными, не относящимися к коллективному Западу, государствами. При этом нет и речи о полной компиляции санкций коллективного Запада, поскольку основания для их применения отличны от указанных в Уставе ООН. Напротив, иные государства, в отличие от США и ЕС, при введении собственных санкций будут руководствоваться решениями ГА ООН, МС ООН, МУС. Такой вопрос тем более закономерен, что упомянутые иные государства зачастую располагают значительными природными ресурсами. Существование коллективного Запада в значительной степени зависит от природных ресурсов, наличие которых является очевидным преимуществом стран из числа не вошедших в «лоно мировой цивилизации». Обоснованность данной постановки вопроса подтверждается тем фактом, что санкции, даже в том случае, если они введены согласно Уставу ООН, осуществляются конкретными государствами, а не самой ООН [10, с. 64]. Аналогичный вывод применим к ситуации с исполнением решений международных судов.

Тем самым, в условиях, когда деятельность СБ ООН по пресечению актов агрессии, геноцида заблокирована применением права вето, а факт военных преступлений подтвержден международным судом (МС ООН, МУС), резолюцией ГА ООН, государства-члены ООН вправе самостоятельно применять санкции в отношении ответственных за военные преступления. Следует полагать, что наличие согласующегося с международным правом правового института санкций в национальном законодательстве в полной мере согласуется с Уставом ООН.

Заключение

Нарушение существовавшего ранее баланса сил, неизбежно привело к кризису МГП, поскольку отпали подлинные причины, – существование объединенных военно-политическим и экономическим союзами социалистических государств, – вынуждавшие коллективный Запад не столь явно демонстрировать свое полное пренебрежение к декларируемым им гуманитарным принципам. При невозможности реализации соответствующих предложений социалистических государств в рамках СБ ООН, они могли быть реализованы в иных формах коллективного взаимодействия государств, дистанцирующихся от агрессивной политики коллективного Запада.

Демонстрируемое коллективным Западом откровенное пренебрежение нормами МГП, рассмотрение последнего как правил поведения, обязательных лишь для других государств, не связанных

с коллективным Западом взаимными интересами, контролируемые им военно-политическими блоками, нашло свое полное отражение в блокировании США на протяжении 2022–2025 годов возможностей СБ ООН, решений последнего о прекращении агрессии Израиля в Газе, геноцида палестинского населения. Более того, имеет место не только открытая официальная, дипломатическая, но и военная, финансовая поддержка сионистского режима, позволяющего себе открыто уничтожать население оккупированных территорий, лишать их поступающей извне гуманитарной помощи, физически устранять всех своих оппонентов и, даже, угрожать Генеральному секретарю ООН. При таких обстоятельствах, необходимо незамедлительное решение вопроса о действенности МГП, наличии ответственности за его нарушения.

Рассмотрение практики деятельности ГА и СБ ООН по пресечению агрессии, сопряженной с геноцидом палестинского населения, актами международного терроризма в Ливане, открытым игнорированием МГП, международного права в целом, подтверждает тот факт, что СБ ООН лишен возможности действенного реагирования на такие действия при несогласии США с предлагаемыми решениями. Однако, исполнение положений МГП, международного права в целом, не может быть заблокировано отдельным государством, тем более на постоянной основе. Международное право – это и есть право сильного, в качестве которого выступает не отдельное государство, группа государств, да еще одержимых идеей собственной избранности, превосходства, а международное сообщество в целом. Противное опровергает гуманитарную основу нынешней цивилизации, действенность международного права, международных договоров, обесценивает Устав ООН, саму эту международную организацию. Вместе с тем, всякое право есть ничто без наличия возможности принуждения к его исполнению. Резолюции ГА ООН, на которые право вето не распространяется, отражают консолидированную позицию, общую оценку рассматриваемого вопроса большинством государств-членов ООН, вместе с тем, имеют лишь рекомендательный характер. Исполнение решений ГА ООН по вопросам пресечения агрессии, актов международного терроризма, соблюдения МГП, как раз и характеризует уровень подлинной, а не декларируемой цивилизованности того или иного государства.

Большее практическое значение имеют решения, принятые МС ООН и МУС. Оценка нарушений МГП, военных преступлений, зафиксированная международными судами в установленных для их деятельности процедуре, порядке, является основанием для принятия соответствующих решений ГА ООН, их исполнения каждым государством-членом ООН. В свою очередь, выводы, содержащиеся в резолюциях ГА ООН, основанных на судебных установлениях, являются непосредственным основанием для их исполнения государствами-членами ООН. Таковое исполнение, реализация мер воздействия международно-правового характера, пред-

полагает введение ограничительных мер, санкций, не только отдельными государствами, но и их региональными объединениями.

Заслуживают внимания ограничительные меры, установленные законодательством США, а также ЕС, которые применяются не только в отношении враждебных государств, но и отдельных физических лиц, организаций. Ограничительные меры заведомо более предпочтительная мера реагирования на действия враждебных государств, иных иностранных субъектов, нежели применение военной силы; широкий диапазон ограничительных мер предопределяет реальную возможность их соразмерности характеру нарушений МГП. Полагая, что подобные ограничительные меры должны стать неотъемлемой составной частью национального законодательства, поскольку они предусмотрены непосредственно Уставом ООН, его статьями 41 и 42. Наличие соответствующих законодательных установлений в США и ЕС позволяет, без дополнительных усилий, адаптировать их основное содержание к условиям других, не признающих главенства коллективного Запада государств, способных внести необходимые изменения и дополнения в свое национальное законодательство. Невозможность реализации ограничительных мер в рамках СБ ООН, не препятствует их применению государствами на основании соответствующей резолюции ГА ООН, решений международных судов.

Литература

1. Ибрагимов А. М., Примов М.Н. – Вопросы международно-правового регулирования применения наземного минного оружия в отечественной и зарубежной литературе// Международное право. 2023. № 4. С. 69–91. DOI: 10.25136/2644-5514.2023.4.69091 EDN: XBVYUG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69091
2. Примов М.Н., Примова М.Н. Единая правовая основа ограничения оборота наземного минного оружия // Международное право. 2024. № 2. С. 1–15. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.2.71096 EDN: LJKDOZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71096
3. Мальцев С. Пейджеры и Моссад. А была ли взрывчатка? // <https://proza.ru/2024/12/01/491>
4. Примов М.Н. Международно-правовое регулирование применения наземного минного оружия: проблемы классификации // Международное право. 2023. № 1. С. 10–26. DOI: 10.25136/2644-5514.2023.1.39887
5. Примов М.Н. Международное гуманитарное право: поиск решения минной проблемы// Международный научный журнал «Наука и мир». 2022. № 12 (112). С. 27–34.
6. Троицкий Н.С. Современное доктринальное понимание термина «Военные преступления»// Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 132–137.

7. Сюзев Д., Новиков И. Нормы международного гуманитарного права при ведении боевых действий. Ответственность за нарушение его норм. Тема по ВПП № 23 для офицеров// Армейский сборник. Издание министерства обороны Российской Федерации. 2022. № 10. С. 124–133. URL: // <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/433033>
8. Абусаадах Мохаммед Халил Абед. Положения, связанные с ответственностью за нарушение норм международного гуманитарного права по УК РФ// Юридическая наук. 2022. № 5, С. 167–170.
9. Шулепов Н.А., Лобанов С.А. Проблема применения внутригосударственными судами норм международного права по делам о военных преступлениях// Образование и право. 2019. № 10, С. 157–164.
10. Пятибратов И.С. Санкции и односторонние ограничительные меры: проблема различия терминов и тождественности явлений// Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020; 10(6). С. 61–65. DOI: 10.26794/226-7867-2020-10-6-61-65

ON THE ISSUE OF RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN THE CONTEXT OF THE USE OF THE RIGHT OF VETO

Primov M.N.

Dagestan State University

The problem of responsibility for violations of international humanitarian law has become acute after the liquidation of the USSR, the commonwealth of socialist states. The global crisis caused by the dominance of the collective West represented by the United States in the sphere of international relations has led to the total genocide of the Palestinian population and acts of international terrorism. The international community has failed to adequately respond to the long-term extermination of the civilian population in occupied Palestine and the large-scale international terrorist attacks by Israel in Lebanon. What is happening raises reasonable doubts about the effectiveness of international humanitarian law, the existence of responsibility for its violations, primarily for war crimes, including those related to violations of the Convention on Conventional Weapons. However, there are opportunities to influence war criminals and violators of international treaties. As a research method used to search for an existing universal mechanism of responsibility for violations of international humanitarian law in general, individual international treaties, in the context of the use of the veto right, the analysis and systematization of the results of consideration of the Palestinian issue by the General Assembly, the UN Security Council, as well as the relevant decisions of the International Court of Justice and the International Criminal Court were carried out. The result of the study

is the conclusion that the impossibility of implementing measures of responsibility within the framework of the procedure established by the UN Charter, through the Security Council, does not prevent the application of restrictive measures to the violator on the basis of its own national legislation. At the same time, the direct basis for the responsibility of war criminals, violators of international humanitarian law in general, are the relevant resolutions of the UN General Assembly, decisions of international courts. The presence of such allows each individual UN member state to apply to the violator the measures established by the UN Charter, reproduced in national legislation. It is also proposed to consider the sanctions regime against hostile states, established and applied by the USA and the EU, for its adaptation and application within the framework of the national legislation of other states.

Keywords: international humanitarian law, war crimes, genocide, international terrorism, responsibility, veto power, General Assembly, Security Council, international courts, sanctions.

References

1. Ibragimov A. M., Primov M.N. – Issues of international legal regulation of the use of land mine weapons in domestic and foreign literature // International Law. 2023. No. 4. P. 69–91. DOI: 10.25136/2644-5514.2023.4.69091 EDN: XBVYUG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69091
2. Primov M. N., Primova M.N. A single legal basis for restricting the circulation of land mine weapons // International Law. 2024. No. 2. P. 1–15. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.2.71096 EDN: LJKDOZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71096
3. Maltsev S. Pagers and Mossad. Was there explosives? // <https://proza.ru/2024/12/01/491>
4. Primov M.N. International legal regulation of the use of land mine weapons: classification problems // International law. 2023. No. 1. P. 10–26. DOI: 10.25136/2644-5514.2023.1.39887
5. Primov M.N. International humanitarian law: the search for a solution to the mine problem // International scientific journal "Science and Peace". 2022. No. 12 (112). P. 27–34.
6. Troitsky N.S. Modern doctrinal understanding of the term "War crimes" // Humanitarian and legal studies. 2020. No. 1. P. 132–137.
7. Syuzev D., Novikov I. Norms of international humanitarian law in the conduct of hostilities. Responsibility for violating its norms. Topic on MLA No. 23 for officers // Army collection. Publication of the Ministry of Defense of the Russian Federation. 2022. No. 10. P. 124–133. URL: // <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/433033>
8. Abusadah Mohammed Khalil Abed. Provisions Related to Liability for Violation of International Humanitarian Law Norms under the Criminal Code of the Russian Federation// Legal Sciences. 2022. No. 5, pp. 167–170.
9. Shulepov N.A., Lobanov S.A. The Problem of Application of International Law Norms by National Courts in Cases of War Crimes// Education and Law. 2019. No. 10, pp. 157–164.
10. Pyatibratov I.S. Sanctions and Unilateral Restrictive Measures: the Problem of Difference in Terms and Identity of Phenomena// Humanitarian Sciences. Bulletin of the Financial University. 2020; 10(6). pp. 61–65. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-61-65

Девелопмент после экспроприации: строительные компании из ОАЭ против Индии

Разумовская Владислава Викторовна,
аспирант, Университет управления «ТИСБИ»
E-mail: razumovskaia_16@mail.ru

Статья исследует влияние изъятия собственности на строительную отрасль развивающихся стран с акцентом на сотрудничество строительных компаний Объединённых Арабских Эмиратов и Индии. Основное внимание уделяется правовым и экономическим аспектам защиты инвесторов в условиях частичного или полного лишения активов. Охарактеризованы процедуры регулирования строительной деятельности в упомянутых государствах, приведены примеры практического применения изъятия. Данный аспект проявляется в стремлении обеспечить защиту интересов инвесторов и в поиске действенных способов снижения рисков. Государства, осуществляющие строительные программы, сталкиваются с необходимостью формирования прочной юридической базы, отражающей национальную специфику и соответствующей международным требованиям. Важнейший аспект – правовая охрана инвестиций. Способы регулирования изъятия активов и последствия таких решений варьируются, требуя от участников рынка изучения юридических возможностей в различных регионах. Для компаний, работающих в ОАЭ и Индии, знание подобных вопросов становится залогом успешного ведения бизнеса.

Ключевые слова: Экспроприация, девелопмент, строительные компании, ОАЭ, Индия, правовая защита, инвестиции, экономический анализ, инфраструктурные проекты.

С расширением строительного сектора в странах с развивающейся экономикой возникают угрозы, связанные с экспроприацией. Это исследование анализирует ситуации в Объединённых Арабских Эмиратах и Индии, где, несмотря на различия в законодательстве и экономических условиях, выявлены общие проблемы [8]. Экспроприация, инициированная политическими или экономическими изменениями, способна существенно ослабить финансовую стабильность строительных фирм и затруднить реализацию крупных проектов. Данная работа исследует способы защиты инвестиций, особенности юридических систем и принципы девелопмента в условиях неопределённости.

Экспроприация подразумевает изъятие частной собственности государственными учреждениями с целью удовлетворения общественных потребностей. Осуществление процедуры регламентируется действующими законодательными нормами, а также включает обязательное возмещение убытков [7].

Строительство сталкивается с рисками, связанными с принудительным изъятием земель, что затягивает долгосрочные проекты. Зависимость от конкретных участков приводит к увеличению затрат, убыткам, судебным спорам и необходимости корректировки проектов. Это создаёт сложности для компаний, инвестирующих в крупные проекты, которым для успешной реализации необходима стабильность и предсказуемость на всех этапах.

Воздействие экспроприации определяется политическим фоном, правовой средой и охраной интересов инвесторов. В государствах с подвижной политической обстановкой и слабыми защитными механизмами риск отъёма активов возрастает. В странах с более стабильными системами права предусмотрены меры компенсации и защиты инвестиций, однако бюрократия, коррупция и нестабильность законодательных актов нередко накладывают серьёзные ограничения [1].

С динамичной экономикой и развитой инфраструктурой Индия привлекла внимание международных девелоперов. Сотни проектов охватывают широкий спектр секторов: от транспортных артерий до жилых и коммерческих объектов. Несмотря на предпринятые усилия по улучшению инвестиционного климата, вопросы надёжности прав собственности по-прежнему остаются актуальными.

Изъятие участков в Индии осуществляется в рамках Закона о праве на землю, принятого в 2013-м. По данному законодательному акту органы власти обязаны компенсировать владельцам убытки при конфискации земель для обществен-

ных нужд. Закон устанавливает конкретные условия компенсации и реабилитации. Приведённые в нормативном акте положения охватывают финансовые выплаты и возможность выделения альтернативных участков для переселения.

Несмотря на формально четкое регулирование, на практике система изъятия земель в Индии работает со сбоями. Строительные компании, особенно иностранные (включая российские и из ОАЭ), сталкиваются с задержками выплат, занижением стоимости земли, конфликтами с местными властями и, как следствие, с недовольством владельцев и затягиванием процесса. Международные соглашения не всегда эффективны в защите их интересов, а судебная защита прав затруднена, с низкими компенсациями и длительными разбирательствами. Низкое доверие к иностранным юрисдикциям усложняет использование международного арбитража.

Индийская правовая система страдает от недостатка прозрачности, что создает дополнительные сложности для зарубежных инвесторов. Высокая коррупция и бюрократия в государственных структурах лишь ухудшают положение, затрудняя крупные вложения в развитие.

По контрасту, Объединённые Арабские Эмираты демонстрируют уверенное развитие экономики, опираясь на солидную правовую систему и выдающийся опыт в строительной сфере. Здесь реализуются крупнейшие строительные проекты, свободные экономические зоны продолжают привлекать инвестиции. Тем не менее, даже при столь привлекательных условиях не удаётся избежать сложностей: предприятия из ОАЭ периодически сталкиваются с негативным опытом в земельных отношениях.

В специализированных зонах, где зарубежные инвесторы могут вкладывать средства в осуществление своих планов, возникают правовые вопросы, касающиеся корректировки условий аренды. Прекращение приобретения земельных участков для реализации бизнес-предложений может происходить из-за государственных нужд или развития инфраструктуры. В Объединённых Арабских Эмиратах, как и в других странах с развивающейся экономикой, функционируют механизмы компенсации убытков, но их использование часто вызывает судебные разбирательства [4].

Законодательство ОАЭ отличается стабильностью, а механизмы защиты интересов инвесторов внушают доверие. Тем не менее, регулярные задержки с выплатами компенсаций владельцам изымаемых участков иногда мешают реализации программ.

Сравнение правовых систем двух стран выявляет две различные эпистемологии регулирования. В ОАЭ система правоприменения выделяется высокой устойчивостью, стабильностью и строгостью. В Индии трудовые процессы характеризуются большей неустойчивостью и неопределённостью.

Строительные фирмы обеих стран подстраивают свои стратегические подходы в ответ на изме-

нения внутреннего и мирового рынков. Масштабные проекты в стремительно развивающихся городах вроде Дубая, Абу-Даби и Шарджи олицетворяют значительные возможности и конкурентные преимущества местных девелоперов. Компании осуществляют мощные инфраструктурные программы и одновременно наращивают своё присутствие за границей – охват охватывает Ближний Восток, страны Европы и Америки.

ОАЭ привлекают иностранные инвестиции благодаря надёжной защите прав собственности, прозрачному законодательству и упрощённым правилам в сфере недвижимости. Поддержка правительства и политическая стабильность делают страну желанным местом для международных девелоперов и долгосрочных капиталовложений в строительство и инфраструктуру.

Строительные компании Объединённых Арабских Эмиратов внедряют современные технологии и методы в разнообразные проекты. На практике реализуются амбициозные планы – от высокотехнологичных небоскрёбов до современных отелей и торговых площадок. Так, Бурдж-Халифа стал не только архитектурным шедевром, но и символом стремительного прогресса в строительной сфере. Причём наблюдается рост интереса к устойчивому развитию и эколого-ориентированным методам, что становится приоритетным направлением стратегии местных застройщиков.

Несмотря на это, строительным компаниям ОАЭ необходимо находить способы преодоления серьёзных конкурентов на международной арене. Государственная поддержка и стратегические альянсы способствуют успешной реализации крупных инвестиционных проектов. Обращая внимание на рынки Индии, Саудовской Аравии и Египта, подрядчики активно реагируют на растущий интерес к недвижимости и обновлению инфраструктуры.

Тем не менее, неопределённая политическая обстановка в областях присутствия предприятий Объединённых Арабских Эмиратов может отрицательно сказаться на реализуемых ими проектах. Глобальные изменения законодательства или колебания политической атмосферы способствуют возникновению рисков, способных затруднить реализацию долгосрочных планов и снизить прибыльность вложений.

Ситуация на индийском рынке недвижимости проявляет явное отличие от аналогичной в Объединённых Арабских Эмиратах. Строительные организации в Индии оказываются под давлением более строгих нормативных требований и интенсивного контроля, что в свою очередь сказывается на их проектных стратегиях и основных направлениях работы. Отличительные черты индийского рынка открывают как возможности для прогресса, так и новые преграды, способствуя созданию уникальных условий ведения бизнеса.

Индийский строительный рынок отличается сложной системой землевладения. Наследование прав на земельные участки часто ведет к спорам, особенно в удалённых деревнях. Из-за этого девел-

лоперам сложно быстро получить доступ к участкам для реализации проектов. Затянувшийся процесс оформления разрешений и запутанные законы усугубляют проблему.

Правовая неопределенность существенно влияет на снижение привлекательности региона для инвестиций. Продолжительные процессы оформления разрешений, местные коррупционные схемы и частые конфликты по вопросам прав собственности значительно увеличивают риски. Строительные компании зачастую испытывают трудности из-за случаев незаконного захвата земель, что тормозит внедрение проектов.

Локальные компании доминируют в обслуживании внутреннего рынка, отличающегося высоким спросом на жильё и инфраструктуру [16]. Разработчики сосредотачиваются на возведении жилых комплексов, офисов и торговых площадей, в то время как компании из Объединённых Арабских Эмиратов стремятся расширить своё присутствие за пределами страны. Умеренное международное развитие ограничивает перспективы индийских застройщиков.

Структура системы управления страной сочетает несколько уровней; на нижестоящем уровне время от времени конфликтующие ситуации возникают между девелоперами и населением. Факторы, приводящие к подобным конфликтам, заключаются в перераспределении земельных участков, вынужденном переселении граждан и социальных протестах, тормозящих реализацию строительных инициатив. В отличие от модели ОАЭ, где строители получают государственные гарантии, местные органы власти в Индии демонстрируют значительную степень непредсказуемости.

Защита прав инвесторов занимает значительное место в обеспечении экономической устойчивости, содействуя притоку зарубежных инвестиций. В следующих разделах будут проанализированы механизмы защиты, применяемые в Объединённых Арабских Эмиратах и Индии, с акцентом на их особенности, достоинства и недостатки, а также влияние на привлечение иностранных строительных компаний.

Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ) выделяются среди других стран, предлагая инвесторам привлекательные условия благодаря надёжной правовой структуре, стабильной финансовой системе и политическому спокойствию. Защита прав инвесторов в ОАЭ реализуется с учетом нескольких ключевых инструментов.

В Объединённых Арабских Эмиратах установлены нормы, обеспечивающие защиту прав собственности иностранных граждан. Инвесторы получают возможность легально приобретать недвижимость в специальных зонах, что значительно усиливает уверенность застройщиков, заинтересованных в инвестициях на рынке жилой недвижимости и строительстве. Местные законодательные акты ясно регламентируют процесс приобретения, владения и распоряжения земельными участками.

ми. Это вновь подтверждает надёжность прав собственности.

Кроме того, Объединённые Арабские Эмираты подписали множество международных соглашений, которые гарантируют защиту иностранных инвесторов от произвольного лишения собственности. В частности, республика участвует в международных договорах и конвенциях, направленных на защиту вложений от неправомерных решений властей, включая некомпенсированную национализацию.

Когда наступает момент экспроприации или проявляется вмешательство государства, инвесторы вправе обращаться в международные арбитражные суды. ОАЭ, являясь стороной Конвенции о признании и исполнении иностранных арбитражных решений, предлагает инвесторам инструменты для надёжной защиты своих интересов на международной площадке. Эффективная арбитражная система создает благоприятный климат, способствующий притоку долгосрочного иностранного капитала в страну.

Объединённые Арабские Эмираты славятся эффективным управлением и мощной правоохранительной системой. Открытость судебной системы и активные меры государственной поддержки бизнеса способствуют укреплению прав инвесторов. Стабильный политический курс, отсутствие социальных конфликтов формируют привлекательные условия для динамичных вложений, в частности, в строительные проекты.

В то же время наблюдается заметный рост индийской экономики, что, в свою очередь, стимулирует приток иностранных инвестиций. Однако иностранные инвесторы сталкиваются с ощутимыми барьерами. Несмотря на существование нормативных актов, призванных защищать интересы инвесторов, реальная практика зачастую диаметрально противоположна. Правовая система страны отличается сложностью и непостоянством, в то время как законодательство о передаче прав на недвижимость значительно варьируется среди различных штатов, создавая препятствия на пути внедрения единых прозрачных стандартов.

Инвестиции в землю в Индии сопряжены с высокими рисками для иностранцев. Сложная бюрократия, коррупция и слабая защита прав собственности часто приводят к задержкам, судебным тяжбам и значительным финансовым потерям, что делает этот процесс особенно сложным для компаний, не знакомых с местными особенностями.

Защита инвесторов от экспроприации, предусмотренная законодательством, часто не работает на практике. Компенсации за изъятие земли недостаточны и труднодоступны, а девелоперы сталкиваются с затяжными процедурами и вмешательством местных властей, что особенно проблематично для иностранных инвесторов.

Несмотря на наличие международных соглашений, направленных на защиту интересов иностранных инвесторов, практика их реализации нередко сопряжена с множеством трудностей. Несмотря

на способность международного арбитража выносить обоснованные решения, в Индии имеет место недостаточная оценка прав иностранных инвесторов. Проблемные ситуации, связанные с юрисдикцией, местным правосудием и отсутствие уверенности со стороны государственных органов, значительно затрудняют защиту прав.

В отличие от ОАЭ, в Индии наблюдается нарастающий риск политической нестабильности и массовых протестов. Операции иностранных инвесторов могут оказаться под угрозой в результате местных волнений и межэтнических конфликтов. Сложная структура управления усложняет охрану капитальных вложений, так как интересы различаются в зависимости от уровня власти.

Строительные компании в Объединённых Арабских Эмиратах (ОАЭ) функционируют в условиях стабильной государственной политики и мощной экономики. Страна заинтересовала иностранных инвесторов, предложив выгодные условия сотрудничества. В этой главе рассматриваем как позитивные стороны, так и потенциальные риски, возникающие на фоне международной неопределённости.

Объединённые Арабские Эмираты привлекают капитал благодаря своей стабильности и привлекательной политической атмосфере. Федерация, объединяющая семь эмиратов, включая Дубай и Абу-Даби, ориентирована на развитие ключевых отраслей: транспорт, энергетика, недвижимость и туризм. Политический курс предполагает активное финансирование инфраструктуры, способствуя росту строительного сектора. Осознание необходимости интеграции современных технологий превращает ОАЭ в центр инновационных решений.

В других странах экономические кризисы и политическая нестабильность зачастую ставят под сомнение успешность проектов. В арабских эмиратских объединениях наблюдается стабильность и действия по снижению рисков. Прекрасный уровень безопасности вкупе с эффективным управлением формирует инвестиционный климат, способствующий разработке долговременных стратегий. Поэтому рынок ОАЭ привлекает как зарубежные, так и локальные фирмы.

В Объединённых Арабских Эмиратах принимаются законодательные инициативы, направленные на стимулирование иностранного инвестирования. В их числе упрощение процедур регистрации бизнеса, усиление защиты прав собственности и внедрение налоговых льгот. Кроме того, свободные экономические зоны предоставляют дополнительные преференции, включая налоговые каникулы и отмену валютного контроля. Все перечисленные условия создают привлекательную среду для реализации инвестиционных проектов.

ОАЭ активно инвестируют в развитие инфраструктуры, включая транспорт, жилую и коммерческую застройку, а также спортивные и развлекательные комплексы [12]. Крупные мероприятия, такие как выставка Expo 2020 в Дубае, открывают новые горизонты для строительных компаний, при-

водя к заключению контрактов. Участие в подобных проектах обеспечивает долгосрочные контракты и выгодные условия для инвестиций.

Проекты нового поколения, к примеру, Neom в Саудовской Аравии, активно побуждают спрос на строительные услуги в Объединённых Арабских Эмиратах, открывая новые горизонты, приносящие свежие инвестиции. Австралия сохраняет статус привлекательного рынка: несмотря на глобальные колебания, вызванные пандемией и изменениями политической ситуации, страна уверенно позиционируется как безопасная гавань для инвестиций. В результате, строительные компании, сосредоточившие усилия на коммерческой недвижимости и транспортных системах, пользуются исключительной востребованностью.

Открытие новых горизонтов в экономическом развитии даёт мощный толчок. Восстанавливаемая энергетика, современные инфраструктурные решения и экологически чистое строительство привлекают инвесторов, ведут к созиданию внедрению новых проектов. Эти процессы способствуют укреплению позиций строительных компаний как на национальной, так и на глобальной арене, создавая возможности для дальнейшего прогресса.

ОАЭ представляют собой привлекательное направление для строительного сектора, предлагает разнообразие инвестиционных возможностей. Однако данная сфера испытывает серьёзные затруднения. К примеру, высокая степень конкуренции в строительной области снижает уровень доходности, особенно среди малых и средних компаний. Ситуацию осложняет устойчивый экономический фон, подвергающийся влиянию мировых факторов, среди которых колебания цен на нефть и экономические санкции способны оказывать значительно разрушительное воздействие на рынок.

Предстоящие изменения в налогообложении и законодательстве, касающемся иностранных инвестиций, могут снизить привлекательность старта новых проектов и продолжения действующих. Хотя правительство активно трудится над улучшением бизнес-среды, негативное влияние внешнеэкономических факторов способно существенно тормозить развитие местных компаний.

Строительные компании сталкиваются с неожиданными проблемами, возникшими из-за климатических вызовов и необходимости перехода к устойчивому развитию. Изменение климатических условий и реакция на высокие температуры стимулируют внедрение передовых технологий, нарастая с соблюдением экологических требований, что в свою очередь приводит к увеличению расходов.

При этом ОАЭ продолжают привлекать инвесторов стабильной политической ситуацией и продуманной стратегией развития инфраструктуры. Риски по-прежнему присутствуют, но перспективы бизнеса выглядят многообещающе.

Быстрорастущая экономика и потребность в модернизации инфраструктуры делают Индию привлекательным рынком для строительных компаний. Несмотря на юридические и бюрократиче-

ские барьеры, коррупцию и политическую нестабильность, продуманное юридическое сопровождение и экономическая стабильность открывают возможности для инноваций и новых проектов. В следующем разделе мы проанализируем доступные варианты и стратегии для успешного развития бизнеса в Индии.

За последние годы индийский строительный рынок демонстрирует активный рост, опережая зарубежных соперников. Жилищное и коммерческое строительство, транспортная инфраструктура и энергетический сектор открывают перед компаниями множественные возможности для расширения. При этом актуальными остаются проблемы, такие как нехватка жилья на фоне нарастающего численности городского населения, устаревшие транспортные сети и необходимость обновления инфраструктуры.

Жилищные комплексы, офисные и торговые площади становятся всё более востребованными в крупных индийских мегаполисах – Мумбаи, Дели и Бангалоре. Значительный рост числа представителей среднего класса порождает стремление к качественным пространствам, что заметили застройщики. Центральные власти фиксируют активность на инвестиционном рынке инфраструктуры благодаря программам «Smart Cities Mission», «Housing for All» и «Atal Mission for Rejuvenation and Urban Transformation (AMRUT)» [13]. Запущенные инициативы способствуют модернизации городской инфраструктуры и указывают на активизацию строительной отрасли.

В рамках указанных программ правительство Индии девелоперам предоставляет налоговые послабления и финансовые стимулы, способствующие значительному росту потоков инвестиций на новые строительные проекты. Реставрация сельской инфраструктуры и сооружение современных жилых комплексов открывают широкие перспективы застройщикам. Реализация новых жилых комплексов дополняется улучшением транспортной сети и использованием современного строительного оборудования.

Строительные фирмы из других стран стремятся освоить индийский рынок, который привлекает благодаря растущему числу жителей и масштабным инфраструктурным проектам. Власти страны активно работают над улучшением условий для иностранных инвестиций: снижают налоговое бремя и упрощают процесс оформления разрешений. При этом компании сталкиваются с серьёзными трудностями, требующими тщательной проработки и эффективных решений.

Соблюдение местных законодательно-нормативных актов и преодоление трудностей, связанных с регистрацией прав собственности и земельными вопросами, оказывают непосредственное влияние на результативность деятельности иностранных компаний на индийском рынке. Сотрудничество с местными партнёрами и юридическими консультантами позволяет снизить риски

и ускорить процесс интеграции в специфику ведения бизнеса в Индии.

Конкуренция за контроль над землями и вмешательство властей затрудняют осуществление строительных инициатив. Напряжённость между девелоперами и местной администрацией только усиливает напряжение. Постоянные изменения местного законодательства ставят под сомнение бюджетные расчёты и сроки строительства стадионов.

Проблемы с получением разрешений на строительство в крупных индийских городах, усугубляемые коррупцией и бюрократией, серьёзно замедляют реализацию девелоперских проектов. Компании должны учитывать потенциальные финансовые риски, связанные с задержками, судебными разбирательствами и сложностями в решении земельных вопросов, несмотря на усилия правительства по упрощению бизнес-процессов.

На уровне местного самоуправления девелоперы испытывают неопределённость и трудности при принятии решений, сказывающиеся на процессе реализации проектов. Иностранные инвесторы сталкиваются с реальными проблемами в сотрудничестве с местными органами власти из-за противоречий в интересах и подходах к вопросам землевладения и недвижимости.

Юридическая система Индии образует сложное переплетение стандартов и регуляторных норм, касающихся особенно земельной собственности. Строительные компании нередко оказываются в ситуации угрозы прав на земельные участки. Порядок получения разрешений и постоянные изменения в законодательстве усложняют реализацию строительных проектов.

В стране организована многоуровневая система нормирования: три уровня – федеральный, региональный и местный – вырабатывают дополнительные условия и усложняют процесс получения согласований на строительство. Заказчику и застройщику следует тщательно знакомиться с полными сведениями о подготовке юридически обоснованных документов, направленных на защиту интересов обеих сторон и соблюдение требований на каждом уровне.

Несмотря на возникшие трудности, Индия сохраняет привлекательность для инвестиций и строительства. Рост населения и государственные программы по развитию инфраструктуры открывают девелоперам широкие перспективы. В то же время риски, связанные с процедурой получения разрешений и земельными спорами, требуют тщательного анализа.

При рассмотрении индийского рынка будущие инвесторы обязаны тщательно анализировать его специфические особенности и правовые аспекты. Успех в этой сложной среде зависит от готовности приспосабливаться и открытости к изменениям.

Литература

1. Al-Tamimi & Company. Real Estate Development and Expropriation Laws in the UAE [Электрон-

- ный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://www.tamimi.com/law-update-articles/real-estate-development-and-expropriation-laws-in-the-uae>. – Загл. с экрана.
2. ClearTax. India-UAE Double Taxation Avoidance Agreement (DTAA) [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://cleartax.in/s/india-uae-dtaa>. – Загл. с экрана.
 3. Economic Times. UAE Construction Firms Expand into Indian Market: Opportunities and Challenges [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/real-estate>. – Загл. с экрана.
 4. Government of Dubai. Law No. 2 of 2022 on the Expropriation of Property for Public Use in the Emirate of Dubai [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://www.uaemoments.com/dubai-announce-law-for-expropriation-of-property-for-public-use-447492.html>. – Загл. с экрана.
 5. Government of India. The Right to Fair Compensation and Transparency in Land Acquisition, Rehabilitation and Resettlement Act, 2013 [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <https://lddaskboard.legislative.gov.in/actsofparliament-fromtheyear/right-fair-compensation-and-transparency-land-acquisition>. – Загл. с экрана.
 6. Government of UAE. Issuing Federal Laws and Decrees: Real Property and Expropriation [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://u.ae/en/information-and-services/justice-safety-and-the-law/how-are-uae-laws-issued-and-how-to-find-them/issuing-federal-laws-and-decrees>. – Загл. с экрана.
 7. Hoops, B., & Tagliarino, N.K. The Legal Boundaries of 'Public Purpose' in India and South Africa: A Comparative Assessment of Land Expropriation Laws // Land. – 2019. – Vol. 8, № 10. – Article 154. – DOI: 10.3390/land8100154.
 8. International Monetary Fund (IMF). Infrastructure Investment and Economic Growth: UAE and India Comparison [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications>. – Загл. с экрана.
 9. Knight Frank. UAE Real Estate Market Review 2024 [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.knightfrank.com/research/report-library/uae-real-estate-market-review-2024>. – Загл. с экрана.
 10. Mondaq. Expropriation in the Infrastructure Sector in India [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.mondaq.com/india/government-contracts-procurement-ppp/840212/expropriation-in-the-infrastructure-sector-in-india>. – Загл. с экрана.
 11. NITI Aayog. Land Acquisition in India: Challenges and Way Forward [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2021-08/Land_Acquisition_in_India.pdf. – Загл. с экрана.
 12. Oxford Business Group. The Report: Dubai 2023 – Construction and Real Estate [Электронный ре-

сурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://oxford-businessgroup.com/reports/uae-dubai/2023-report>. – Загл. с экрана.

13. Singh, R. Land Acquisition and Infrastructure Development in India: A Legal Perspective // Indian Journal of Law and Public Policy. – 2020. – Vol. 6, № 2. – С. 45–67.
14. slovari.vandex.ru / девелопмент [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.vandex.ru>. – Загл. с экрана.
15. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). Bilateral Investment Treaties: UAE and India [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/103/india>. – Загл. с экрана.
16. World Bank. Investment Climate in India: Constraints and Opportunities for Construction Sector [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports>. – Загл. с экрана.

POST-EXPROPRIATION DEVELOPMENT: UAE CONSTRUCTION COMPANIES VS INDIA

Razumovskaya V.V.

University of Management

The article examines the impact of foreclosure on the construction industry in developing countries, with a focus on cooperation between construction companies in the United Arab Emirates and India. The main focus is on the legal and economic aspects of investor protection in the event of partial or complete asset divestment. The article describes the procedures for regulating construction activities in the mentioned States, and provides examples of the practical application of the exemption. In the context of the active growth of the construction sector, withdrawal issues are becoming particularly relevant. This aspect is manifested in the desire to protect the interests of investors and in the search for effective ways to reduce risks. States implementing construction programs are faced with the need to create a strong legal framework that reflects national specifics and meets international requirements. The most important aspect is the legal protection of investments. The ways in which asset withdrawals are regulated and the consequences of such decisions vary, requiring market participants to explore legal options in different regions. For companies operating in the UAE and India, knowledge of such issues becomes the key to successful business operations.

Keywords: Expropriation, development, construction companies, UAE, India, legal protection, investment, economic analysis, infrastructure projects.

References

1. Al-Tamimi & Company. Real Estate Development and Expropriation Laws in the UAE [Electronic resource]. – 2022. – Режим доступа: <https://www.tamimi.com/law-update-articles/real-estate-development-and-expropriation-laws-in-the-uae>. – Загл. с Caption from the screen..
2. ClearTax. India-UAE Double Taxation Avoidance Agreement (DTAA) [Electronic resource]. – 2023. – Режим Access mode: <https://cleartax.in/s/india-uae-dtaa>. – Загл. с Caption from the screen..
3. Economic Times. UAE Construction Firms Expand into Indian Market: Opportunities and Challenges [Electronic resource]. – 2023. – Режим Access mode: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/real-estate>. – Загл. с Caption from the screen.
4. Government of Dubai. Law No. 2 of 2022 on the Expropriation of Property for Public Use in the Emirate of Dubai [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://www.uaemoments.com>.

- com/dubai-announce-law-for-expropriation-of-property-for-public-use-447492.html. – Загл. с Caption from the screen.
5. Government of India. The Right to Fair Compensation and Transparency in Land Acquisition, Rehabilitation and Resettlement Act, 2013 [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <https://ddashboard.legislative.gov.in/actsofparliamentfromtheyear/right-fair-compensation-and-transparency-land-acquisition>. – Загл. с Caption from the screen..
 6. Government of UAE. Issuing Federal Laws and Decrees: Real Property and Expropriation [Electronic resource]. – 2023. – Режим доступа: <https://u.ae/en/information-and-services/justice-safety-and-the-law/how-are-uae-laws-issued-and-how-to-find-them/issuing-federal-laws-and-decrees>. – Загл. с Caption from the screen..
 7. Hoops, B., & Tagliarino, N.K. The Legal Boundaries of 'Public Purpose' in India and South Africa: A Comparative Assessment of Land Expropriation Laws // Land. – 2019. – Vol. 8, № 10. – Article 154. – DOI: 10.3390/land8100154.
 8. International Monetary Fund (IMF). Infrastructure Investment and Economic Growth: UAE and India ComparisonЭлектронный ресурс. – 2022. – Режим Access mode: <https://www.imf.org/en/Publications>. – Загл. с Caption from the screen..
 9. Knight Frank. UAE Real Estate Market Review 2024 [Electronic resource]. – 2024. – Режим Access mode: <https://www.knightfrank.com/research/report-library/uae-real-estate-market-review-2024>. – Загл. с Stub from the screen..
 10. Mondaq. Expropriation in the Infrastructure Sector in IndiaЭлектронный ресурс. – 2019. – Режим доступа: <https://www.mondaq.com/india/government-contracts-procurement-ppp/840212/expropriation-in-the-infrastructure-sector-in-india>. – Загл. с Caption from the screen..
 11. NITI Aayog. Land Acquisition in India: Challenges and Way Forward [Electronic resource]. – 2021. – Режим доступа: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2021-08/Land_Acquisition_in_India.pdf. – Загл. с Caption from the screen..
 12. Oxford Business Group. The Report: Dubai 2023-Construction and Real Estate [Electronic resource]. – 2023. – Режим Access mode: <https://oxfordbusinessgroup.com/reports/uae-dubai/2023-report>. – Загл. с Stub from the screen..
 13. Singh, R. Land Acquisition and Infrastructure Development in India: A Legal Perspective // Indian Journal of Law and Public Policy. – 2020. – Vol. 6, No. 2. – pp.45–67.
 14. slovari.vandex.ru / development [Electronic resource]. – Access mode: <http://slovari.vandex.ru>. – Stub from the screen.
 15. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). Bilateral Investment Treaties: UAE and India [Electronic resource]. – 2020. – Режим доступа: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/103/india>. – Загл. с Caption from the screen.
 16. World Bank. Investment Climate in India: Constraints and Opportunities for Construction Sector [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим Access mode: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports>. – Загл. с Stub from the screen.

Становление и развитие концепции должной осмотрительности в международном праве

Соболев Юрий Маратович,

аспирант кафедры международного права, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: stav.sobolev@gmail.com

В статье исследуется развитие концепции должной осмотрительности (*due diligence*) в международном праве. В работе проанализированы являющиеся истоками должной осмотрительности римско-правовые концепции, рассмотрена межгосударственная практика в рамках защиты прав иностранцев и прав и обязанностей нейтральных государств с XIX века в качестве первого проявления должной осмотрительности как международно-правовой концепции, а также исследованы подходы к должной осмотрительности в ранней практике Международного суда ООН. Результатом исследования стал вывод о том, что путь становления должной осмотрительности можно разделить на 4 этапа: 1) этап предыстории (от римского права до XIX в.); 2) этап проявления в качестве международно-правовой концепции (от XIX в. до начала XX в.); 3) этап институционализации (вторая половина XX); 4) этап усиления стандартов должной осмотрительности и начало официальной кодификации (начало XX в. – по настоящее время).

Ключевые слова: должная осмотрительность, *due diligence*, периодизация, кодификация, Комиссия международного права, ответственность государств.

Широкое использование концепции должной осмотрительности (англ. *due diligence*) международными органами в последнее время, особенно в «экологических» делах [4], в очередной раз подтверждает значимость должной осмотрительности в системе современного международного права [20, с. 369–375]. Одна из тенденций современного международного права состоит в усилении международного сотрудничества в сфере предотвращения международно-противоправных действий, в том числе в сфере предотвращения нарушения прав человека и основных свобод [1, с. 226].

Вместе с тем в международной правовой доктрине до сих пор не определено содержание концепции должной осмотрительности, что предопределило интерес к ней Комиссии международного права ООН, которая в 2024 г. рекомендовала включить в долгосрочную программу работы тему «Должная осмотрительность в международном праве» с целью подготовки проекта принципов, которыми смогут руководствоваться государства при осуществлении требования о должной осмотрительности [5]. При этом в своем предварительном докладе докладчик Комиссии международного права П. Ридинг обратилась к вопросам развития концепции должной осмотрительности лишь вскользь. Как представляется, изучение пути эволюции должной осмотрительности в международном праве имеет существенное значение для верного понимания вектора ее развития на современном этапе.

Докладчик Комиссии международного права ООН П. Ридинг определяет должную осмотрительность как «долг или стандарт осторожности, который должен применяться к действиям государства на его территории или деятельности, находящейся под его юрисдикцией или контролем, которые наносят вред правам и интересам других государств» [5]. Анализ международного права и практики его применения позволяет предложить периодизацию развития концепции должной осмотрительности в международном праве: 1) этап предыстории (от римского права до XIX в.); 2) этап проявления в качестве международно-правовой концепции (от XIX в. до начала XX в.); 3) этап институционализации (вторая половина XX); 4) этап усиления стандартов должной осмотрительности и начало официальной кодификации (начало XX в. – по настоящее время).

На этапе «предыстории» идея должной осмотрительности развивалась не в международном правовом поле, а во внутригосударственной практике различных государств, а также в доктриналь-

ных разработках. Как и многие другие современные правовые концепции, истоки должной осмотрительности можно отследить еще в римском праве (юридическая конструкция *diligentia* (лат. усердие, старание) оказывала воздействие на различные правоотношения, например, принцип *diligentia quam suis rebus adhibere solet* лежал в основе ответственности товарищей (*socii*) в договоре товарищества (*societas*) (ответственность товарищей друг перед другом только на основании той степени заботливости и внимательности, которую они проявляют в собственных делах (*culpa in concreto*)) [2], понятие *diligens paterfamilias* (бережливый отец семейства) действовало в семейных правоотношениях, а также существовала ответственность между супругами исходя из того же принципа *diligentia quam suis rebus adhibere solet* (из требования обычной для супругов внимательности, которую супруг должен был применять к собственным делам)) [2].

В качестве международно-правовой концепции должная осмотрительность сложилась только в XIX веке в сфере правового регулирования прав и обязанностей нейтрального государства, а также в сфере защиты прав иностранцев и их имущества [5].

Становление концепции должной осмотрительности в международном праве произошло только со второй половины 19 века благодаря международной договорной практике и практике международных судебных органов, а с начала двадцатого века концепция получила более конкретную форму [5].

Концепция *due diligence* использовалась в международной договорной практике. Например, ст. 6 Договора между Соединенными Штатами и Великобританией 8 мая 1871 г. закрепила обязанность проявлять должную осмотрительность, чтобы не допустить сборку, вооружение или оснащение в пределах своей юрисдикции любого судна, которое, как оно имеет разумные основания полагать, предназначено для крейсерства или ведения войны против державы, с которой оно находится в мире [19].

Основными сферами применения концепции являлись: во-первых, право нейтралитета (так в решении, вынесенном 14 сентября 1872 г. арбитражным судом, учрежденным статьей I Вашингтонского договора от 8 мая 1871 г., подтверждена обязанность нейтральных государств проявлять должную осмотрительность при выполнении нейтральных обязательств) [6]; во-вторых, защита иностранцев и их имущества (например, в практике Комиссии по общим претензиям (англ. General Claims Commission) подтверждена обязанность проявлять должную осмотрительность для защиты иностранных граждан [15, р. 114]; обязанность по усердному преследованию и надлежащему наказанию преступника совершившего преступления против иностранцев) [16, р. 87; 17, р. 632].

Существенное развитие концепция *due diligence* получила со второй половины XX века. В качестве ключевого момента, способствующего интенсифи-

кации применения концепции должной осмотрительности, можно рассматривать решение Международного Суда ООН (далее – МС ООН, Суд) по делу о проливе Корфу (*Corfu channel case*). Несмотря на то, что в решении МС ООН прямо не использовался термин «*due diligence*», Суд применил логику, очень близкую к концепции должной осмотрительности, особенно в части обязанностей государства по предотвращению вреда, исходящего с его суверенной территории: обязательство каждого государства не допускать осознанного использования своей территории для действий, противоречащих правам других государств [8, Р. 22].

С 1980-х годов концепция должной осмотрительности получила еще более широкое судебное признание [5]. Должная осмотрительность применялась в деле МС ООН о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране [9, Р. 33]; в деле МС ООН о военной и паравоенной активности против Никарагуа [10, р. 85]; консультативном заключении МС ООН о законности угрозы применения или применения ядерного оружия [11, paras. 241–242].

Последние нескольких лет концепция должной осмотрительности все чаще стала использоваться международными судебными органами, особенно в контексте международного экологического права. Так, существенная часть посвященного климатическим вопросам консультативного заключения Международного трибунала по морскому праву от 21 мая 2024 г. посвящена концепции должной осмотрительности [13, paras. 234–243]; в подготовляемом консультативном заключении МС ООН по вопросам обязательств государств в отношении изменений климата также будет обращено внимание на концепцию должной осмотрительности [12].

Наконец, на наш взгляд, включение вопросов должной осмотрительности в повестку дня Комиссии международного права ООН (далее – КМП) ознаменовало собой новый этап развития концепции. Попытки кодификации должной осмотрительности предпринимались КМП еще в XX в. при подготовке проекта статей об ответственности государств, во время работы первого специального докладчика КМП Роберта Аго. В ходе разработки проекта статей об ответственности государств, среди прочего, рассматривался вопрос об ответственности государства за отсутствие должной осмотрительности государственных органов [14, р. 134]. В своем 4-м докладе Роберт Аго ввел должную осмотрительность в свой проект ст. 11 о присвоении поведения частных лиц, где он подробно ссылаясь на практику государств по защите иностранцев, а в 7-м докладе включил концепцию упущения со стороны государства в проект ст. 25 и описывал различие между обязательствами поведения и обязательствами результата в проектах ст. 20 и ст. 21 [3, paras. 61–146].

Однако при проведении второго чтения проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния от такого подхода отказались [7, р. 231–232]. В 1997 г.

Комиссия отразила рекомендации нового специального докладчика Джеймса Кроуфорда, который применил практический подход к своей задаче, стремясь к компромиссу для того, чтобы проект достиг такого уровня общности, который позволил бы его принять необходимым большинством в две трети голосов ООН [14. Р. 134].

Завершая рассмотрение вопросов ответственности государств, Комиссия рассмотрела обязанность государства принимать меры по предотвращению или минимизации вреда как должную осмотрительность, отдельно обратив внимание на то, что исполнение такое обязанности не предполагает гарантии полного предотвращения вреда [18, р. 154]. Более того, КМП сделала акцент на динамичности содержания обязательств должной осмотрительности: то, что считается соблюдением стандарта должной осмотрительности на каком-либо этапе в будущем может перестать быть таковым [18, р. 154]. Также КМП классифицировала функцию должной осмотрительности как часть первичных норм, определяя ее как стандарт, который изменяется в зависимости от конкретного контекста и с учетом норм, устанавливающих основное обязательство [18, pp. 34–35].

В настоящий момент КМП проводит работу по кодификации должной осмотрительности. В приложении № 2 отчета о работе семьдесят пятой сессии КМП в 2024 г. кодификация вопросов, связанных с обязательством должной осмотрительности, рассматривается в качестве возможной цели КМП. Предпочтительной формой результатов работы по кодификации должной осмотрительности докладчик КМП П. Ридинг видит проект принципов, которые могут стать подспорьем для государств при осуществлении требования о должной осмотрительности. Докладчик планирует уточнить и четче сформулировать обязательство должной осмотрительности, определив правовые рамки должной осмотрительности, которые могут быть использованы государствами для минимизации вредных последствий их действий и действий тех, кто находится под их юрисдикцией или контролем [5].

Вывод

Таким образом, представленный в настоящей статье анализ пути развития концепции должной осмотрительности позволил проследить эволюцию концепции в четырех этапах: 1-й этап (с Древних времен – до 19 века) – предыстория развития концепции должной осмотрительности; 2-й этап (со второй половины 19 века – по первую половину 20 века) – становление концепции должной осмотрительности в международном праве; 3-й этап (вторая половина 20 века) – интенсификация развития концепции; 4-й (с начала 21 века – по настоящее время) – усиление стандартов должной осмотрительности и начало официальной кодификации. Предложение такой авторской периодизации обусловлено, прежде всего, фрагментарным и нелинейным характером развития концепции должной осмотрительности и отсут-

ствием общей хронологической модели развития концепции в международно-правовой доктрине. Периодизация позволяет не только выявить ключевые этапы развития концепции, но и обозначить основные качественные изменения в ее закреплении и содержании, что может облегчить исследование правовой природы концепции должной осмотрительности и её потенциала в качестве уникального международно-правового механизма. Особую актуальность концепции должной осмотрительности также подтверждает начавшаяся в 2024 г. кодификации со стороны КМП.

Литература

1. Липкина Н.Н. Международно-правовое обязательство государства предотвратить нарушения прав человека: анализ основных аспектов содержания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 2. 2017. С. 225–231.
2. Покровский А.И. История римского права. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/25/page_49.html (дата обращения 15.03.2025).
3. Ежегодник комиссии международного права. Том 2. 1972. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_1972_v2.pdf (дата обращения 02.04.2025).
4. Advisory Opinion of International Tribunal for the Law of the Sea of 21 May 2024. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/31/Advisory_Opinion/C31_Adv_Op_21.05.2024_orig.pdf (дата обращения 07.03.2025).
5. Annex 2 Report on the work of the seventy-fifth session ILC. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2024/russian/annex2.pdf> (дата обращения 07.03.2025).
6. Award rendered on 14 September 1872 by the tribunal of arbitration established by Article I of the Treaty of Washington of 8 May 1871. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXIX/125-134.pdf (дата обращения 21.11.2024).
7. Crawford J. State Responsibility: The General Part // Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 831 p.
8. ICJ. Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania). Judgment of 9 April 1949. I.C.J. Reports. 1949. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/1/001-19490409-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения 15.03.2025).
9. ICJ. United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran. Judgment of 24 May 1980. I.C.J. Reports. 1980. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/64/064-19800524-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения 15.03.2025).
10. ICJ. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua. Judgment of 27 June 1986. I.C.J. Reports. 1986. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения 15.03.2025).

11. ICJ. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons. Advisory Opinion of 8 July 1996. I.C.J. Reports. 1996. 226 p.
12. ICJ Press Release. Obligations of States in respect of Climate Change (Request for Advisory Opinion). URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20241108-pre-01-00-en.pdf> (дата обращения 09.03.2025).
13. International Tribunal for the Law of the Sea Request for an advisory opinion submitted by the Commission of Small Island States on Climate Change and International Law. Advisory Opinion. 21 May of 2024.
14. Kulesza J. Due Diligence in International Law // Leiden; Boston: Brill Nijhoff. 2016. 315 p.
15. Reports of International Arbitral Awards. Thomas H. Youmans (U.S.A.) v. United Mexican States. 23 November 1926. Vol. IV.
16. Reports of International Arbitral Awards. Janes v. United Mexican States. 16 November 1925. Vol. IV.
17. Reports of International Arbitral Awards. Sewell v. United Mexican States. 24 October 1930. Vol. IV.
18. Report of the International Law Commission on the work of its fifty-third session. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_2001_v2_p2.pdf (дата обращения 02.04.2025).
19. Treaty between the United States and Great Britain. Claims, fisheries, navigation of the St. Lawrence, &c., American lumber on the river St. John, boundary. Concluded May 8, 1871; ratifications exchanged June 17, 1871; proclaimed July 4, 1871. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1871/d257> (дата обращения 15.03.2025).
20. Липкина Н.Н. Принцип должной осмотрительности как инструмент имплементации международных стандартов прав человека в сфере использования искусственного интеллекта // Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: монография по материалам 4.0 Международной научно-практической конференции (г. Москва, 24–25 мая 2023 г.) / А.С. Анисимова, Е.А. Артамонова, Е.В. Архангельская [и др.]. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2023. 501 с.

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF DUE DILIGENCE IN INTERNATIONAL LAW

Sobolev Y.M.

International Law Saratov State Law Academy

The article explores the development of the concept of due diligence in international law. The study analyzes the Roman law concepts that serve as the origins of due diligence, examines inter-state practice related to the protection of the rights of foreigners and the rights and obligations of neutral states since the 19th century as the first manifestation of due diligence as an international legal concept, and also investigates approaches to due diligence in the early practice of the International Court of Justice. The study concludes that the path of formation of due diligence can be divided into four stages: (1) the prehistory stage (from Roman law to the 19th century); (2) the stage of manifestation as an international legal concept (from the 19th century to the early 20th century); (3) the stage of institutionalization (second half of the 20th century); and (4) the stage of

strengthening due diligence standards and the beginning of formal codification (early 21st century to the present).

Keywords: due diligence, periodization, codification, International Law Commission, state responsibility.

References

1. Lipkina N.N. International Legal Obligation of the State to Prevent Human Rights Violations: Analysis of the Key Aspects of the Content // Herald of Saratov State Law Academy. No. 2. 2017. Pp. 225–231.
2. Pokrovsky A.I. History of Roman Law. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/25/page_49.html (accessed on 15.03.2025).
3. Yearbook of the International Law Commission. Volume 2. 1972. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_1972_v2.pdf (accessed on 02.04.2025).
4. Advisory Opinion of the International Tribunal for the Law of the Sea of 21 May 2024. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/31/Advisory_Opinion/C31_Adv_Op_21.05.2024_orig.pdf (accessed on 07.03.2025).
5. Annex 2 Report on the Work of the Seventy-Fifth Session ILC. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2024/russian/annex2.pdf> (accessed on 07.03.2025).
6. Award Rendered on 14 September 1872 by the Tribunal of Arbitration Established by Article I of the Treaty of Washington of 8 May 1871. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXIX/125-134.pdf (accessed on 21.11.2024).
7. Crawford J. State Responsibility: The General Part // Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 831 p.
8. ICJ. Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania). Judgment of 9 April 1949. I.C.J. Reports. 1949. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/1/001-19490409-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed on 15.03.2025).
9. ICJ. United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran. Judgment of 24 May 1980. I.C.J. Reports. 1980. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/64/064-19800524-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed on 15.03.2025).
10. ICJ. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua. Judgment of 27 June 1986. I.C.J. Reports. 1986. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed on 15.03.2025).
11. ICJ. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons. Advisory Opinion of 8 July 1996. I.C.J. Reports. 1996. 226 p.
12. ICJ Press Release. Obligations of States in Respect of Climate Change (Request for Advisory Opinion). URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20241108-pre-01-00-en.pdf> (accessed on 09.03.2025).
13. International Tribunal for the Law of the Sea Request for an Advisory Opinion Submitted by the Commission of Small Island States on Climate Change and International Law. Advisory Opinion. 21 May 2024.
14. Kulesza J. Due Diligence in International Law // Leiden; Boston: Brill Nijhoff. 2016. 315 p.
15. Reports of International Arbitral Awards. Thomas H. Youmans (U.S.A.) v. United Mexican States. 23 November 1926. Vol. IV.
16. Reports of International Arbitral Awards. Janes v. United Mexican States. 16 November 1925. Vol. IV.
17. Reports of International Arbitral Awards. Sewell v. United Mexican States. 24 October 1930. Vol. IV.
18. Report of the International Law Commission on the Work of Its Fifty-Third Session. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_2001_v2_p2.pdf (accessed on 02.04.2025).
19. Treaty between the United States and Great Britain. Claims, Fisheries, Navigation of the St. Lawrence, &c., American Lumber on the River St. John, Boundary. Concluded May 8, 1871; Ratifications Exchanged June 17, 1871; Proclaimed July 4, 1871. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1871/d257> (accessed on 15.03.2025).
20. Lipkina N.N. The principle of due diligence as a tool for implementing international human rights standards in the field of artificial intelligence // Challenges of the information society: trends in the development of legal regulation of digital transformations: monograph based on the materials of the 4.0 International Scientific and Practical Conference (Moscow, May 24–25, 2023) / A.S. Anisimov, E.A. Artamonova, E.V. Arkhangelskaya [et al.]. Saratov: Saratov State Law Academy, 2023. 501 p.

Проблемы реализации концепции иммунитетов должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции

Чуркина Людмила Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

E-mail: lch2015@mail.ru

Статья посвящена исследованию вопроса иммунитета, как одного из проблемных вопросов в правовой науке и практике, поскольку вызывает различные дискуссии, связанные с отсутствием единого подхода в международном праве к содержанию иммунитета. Предметом исследования являются особенности реализации иммунитета должностных лиц от иностранной уголовной юрисдикции. В статье уделяется особое внимание международно-правовому регулированию иммунитета должностных лиц государства. Автор анализирует виды иммунитетов, иммунитет *ratione personae* и иммунитет *ratione materiae*, их различия. Исследуется вопрос эффективности правового регулирования иммунитета высокопоставленных официальных лиц государства применительно к ответственности за международные преступления. В рамках правового регулирования анализируется Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года. Автор подчеркивает отличительную черту данного международно-правового акта, выражающуюся в нераспространении данного договора на уголовную юрисдикцию. Исследуется практика международных судебных органов, доклады и документы Комиссии ООН международного права по вопросу иммунитета должностных лиц государства. Автор рассматривает национальные модели разрешения проблемы привлечения должностных лиц к ответственности и анализирует внутригосударственное регулирование в части предоставления иммунитетов на примере законодательства иностранных государств (Великобритании, Нидерландов, Хорватии). На основе проведенного исследования автор делает вывод о необходимости ограничения иммунитета должностных лиц государства, совершивших международные преступления, что представляет особую важность для поддержания международного правопорядка и защиты прав человека, но при условии соблюдения общих принципов международного права.

Ключевые слова: иммунитет *ratione personae*, иммунитет *ratione materiae*, должностные лица государства, Комиссия ООН международного права, международные преступления, Конвенция об юрисдикционных иммунитетах, иностранная уголовная юрисдикция, Международный уголовный суд, резолюция Генеральной ассамблеи, судебное преследование.

Введение

Актуальность. Вопрос о том, могут ли высшие должностные быть привлечены к ответственности за преступления, представляющие международную опасность, несмотря на их привилегированный статус, является сложной и спорной проблемой. В то время как международное право стремится установить универсальную юрисдикцию над лицами, которые совершают международные преступления, практика предоставления иммунитета высокопоставленным государственным деятелям представляет собой серьезную проблему для достижения правосудия. В данной статье исследуется проблема сохранения баланса между принципами государственного суверенитета, индивидуальной преступной ответственностью и защитой, предоставляемой государству и его должностным лицам.

Это исследование имеет значение, учитывая многочисленные случаи, когда высокопоставленные чиновники были вовлечены в серьезные преступления, но оставались защищенными от судебного преследования.

До XX века концепция суверенитета означала, что высшие должностные лица и главы государств были практически неподвластны юридическому контролю. Их действия рассматривались как суверенные акты самого государства.

С развитием международного права и акцентировании внимания сообщества на правах личности, привилегии и иммунитеты должностных лиц стали уступать место основополагающим принципам международного права.

Соблюдение баланса между защитой суверенитета государства и привлечением его лидеров к ответственности за преступления является сферой интереса международного сообщества на протяжении многих лет. Иммунитет может быть важным правовым инструментом для сохранения и поддержания должного функционирования государств, в отсутствие его злоупотребления.

Изученность проблемы. Проблема реализации иммунитета в отношении должностных лиц государства исследовалась в работах некоторых ученых. В частности, С.В. Глотова исследовала иммунитеты высокопоставленных официальных лиц государства применительно к ответственности за международные преступления [1]. Значимость принципа ответственности лиц за совершение международных преступлений вне зависимости от занимаемой ими государственной должности изучали в своих работах и другие ученые, например, Е.В. Виноградова [2], В.А. Карташкин [3], А.Ю. Скуратова [4].

Н.Н. Липкина подчеркивала необходимость соблюдения критериев правомерности установления универсальной уголовной ответственности в отношении высокопоставленных лиц государства [5]. Ряд авторов анализировали данный вопрос с доктринальной точки зрения и в свете практики современных международных судов и трибуналов (М.Т. Гигинейшвили [6], А.А. Данельян [7], А.С. Исполинов [8], А.Б. Мезяев [9], Н.О. Мороз [10]). Однако концепция иммунитета должностных лиц от иностранной уголовной ответственности остаётся одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов международной науки и практики, требующий дальнейшего исследования.

Целесообразность темы обусловлена необходимостью комплексного анализа проблем применения иммунитетов должностных лиц от иностранной уголовной юрисдикции.

Цель исследования заключается в определении теоретических и практических проблем реализации иммунитетов должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции. Названная цель предполагает решение следующих **задач**: выявление специфики правового регулирования концепции иммунитета должностных лиц от уголовной иностранной юрисдикции, оценка подходов международных судов к иммунитету должностных лиц государства, выявление моделей решения проблемы реализации иммунитета должностных лиц государства на национальном уровне, формулирование проблем и выводов с учетом проведенного исследования.

Научная новизна состоит в рассмотрении соотношения международного и национального законодательства в данной сфере, оценивании основных нормативных положений международного права, регулирующих реализацию иммунитетов должностных лиц от иностранной уголовной юрисдикции.

Методологическую основу исследования составляют логический метод, системный и сравнительный.

Теоретическая значимость статьи обусловлена тем, что она расширяет и углубляет знания об институте иммунитета и о концепции иммунитетов должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что содержащиеся в исследовании выводы, предложения и научные положения могут быть использованы в процессе совершенствования международного и национального законодательства и правоприменительной практики, поиске и выборе наиболее целесообразных мер, связанных с регулированием вопросов иммунитета должностных лиц государства. Результаты исследования могут применяться в образовательной деятельности.

Основная часть

Впервые термин «иммунитет» (от латинского слова «*immunitas*») упоминается в римском законодатель-

стве в контексте предоставления особой категории лиц льгот или освобождения лица от каких-либо обязательств. Для поддержания взаимоотношений с иностранными государствами римляне признали иммунитет иностранных послов, в том числе, представляющих интересы государств, находящихся в состоянии войны. С XV в. в Европе появляются постоянные посольства, послы по-прежнему обладают иммунитетом при исполнении своих обязанностей за пределами государства. Впоследствии принцип неприкосновенности послов официально был признан Вестфальским мирным договором 1648 г. и Уставом Лиги Наций 1919 г.

Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 г., принятая Генеральной Ассамблеей ООН определяла вопросы, касающиеся статуса ООН, ее активов и должностных лиц, с точки зрения привилегий и иммунитетов, которые должны быть предоставлены им ее государствами-членами [11, с. 56–57].

В конце XX века международное право в сфере иммунитетов должностных лиц стало более определенным. Это нашло отражение в уставах международных уголовных трибуналов, таких как Нюрнбергский и Токийский трибуналы, Международный трибунал по бывшей Югославии и Международный трибунал по Руанде, а также в Статуте Международного уголовного суда [3, с. 87–88].

Эти документы являются основой для формирования современного понимания международного права в области иммунитетов должностных лиц. Они устанавливают принципы, которые должны соблюдаться при рассмотрении дел с участием высокопоставленных лиц и обеспечивают защиту прав человека. В документах подчеркивается приоритет правосудия и защиты прав человека над личными привилегиями и иммунитетами высших должностных лиц государства. Ряд статей данных нормативных актов ограничивают иммунитет высших должностных лиц государств от юрисдикции международных органов.

Резолюцией Генеральной Ассамблеи A/59/38 от 10 ноября 2004 года была принята Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, которая распространяется и на вопросы применения юрисдикционного иммунитета главы государства и устанавливает, что «... Конвенция не наносит ущерба привилегиям и иммунитетам, предоставляемым в соответствии с международным правом главам государств *ratione personae*». Кроме того, данный акт не наносит ущерба привилегиям и иммунитетам, которыми пользуется государство в отношении осуществления функций его дипломатических представительств, консульских учреждений, специальных миссий, представительств при международных организациях или делегаций в органах международных организаций или на международных конференциях и относящихся к ним лиц. Но, исходя из содержания Резолюции, Конвенция ООН не охватывает вопросы уголовной юрисдикции. Этим вопросам посвящены отдельные положения Венской конвенции о ди-

пломатических сношениях 1961 г. (статья 31), Конвенции о специальных миссиях 1969 г. (статья 31), Конвенции о представительстве государств в отношениях с международными организациями универсального характера 1975 г. (статья 30). Однако ни один из перечисленных международных актов не дает понятие «иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции».

Впоследствии Организация Объединенных Наций в лице Комиссии международного права (далее – «Комиссия») назначила специального докладчика, К. Эскобара Эрнандеса, с целью проведения детального анализа международных норм в области иммунитета от уголовной юрисдикции должностных лиц государства. По итогам своей работы К. Эскобар Эрнандес представил шесть статей, которые были впоследствии одобрены Комиссией. Эти статьи стали основой для дальнейшего обсуждения и разработки норм об иммунитете должностных лиц. Важно отметить, что в проекте статьи 3 иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции рассматривается, как защита, которой обладают определенные должностные лица, перед осуществлением уголовной юрисдикции со стороны судей и судов третьего государства.

Рассматривая иммунитет высших должностных лиц, выделяют два вида иммунитета. Иммунитет *ratione personae* предполагает, что должностное лицо находится под абсолютной защитой, являясь неподсудным иностранным судам. Такой иммунитет был применен в отношении президента Судана Аль Башира в ходе судебного разбирательства в МУС [10]. Иммунитет *ratione materiae* предоставляет неприкосновенность только в период выполнения должностных обязанностей. Во втором докладе Специального докладчика об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции от 4 апреля 2013 года были закреплены понятия персонального иммунитета (*ratione personae*) и функционального иммунитета (*ratione materiae*).

Анализируя содержание иммунитетов должностных лиц, следует остановиться на разграничениях между видами иммунитетов. Иммунитет *ratione personae* (персональный иммунитет), которым обладают высшие должностные лица государства – глава государства, глава правительства и министр иностранных дел, распространяется на все действия, совершенные должностными лицами в период действия их полномочий, независимо от характера этих действий, как признал Международный Суд ООН в деле «Об ордере на арест» [13, пункт 55]. Такой иммунитет теряет свою силу после ухода с должности. В отличие от персонального функциональным иммунитетом пользуются должностные лица государства вне зависимости от занимаемой должности, но данный иммунитет продолжает действовать в отношении действий, совершённых в официальном качестве, и после того, как лицо утратит свой статус должностного лица [14, с. 51].

Комиссия указывает две причины, по которым возможно предоставление иммунитета вышеуказанным лицам. Первая причина репрезентативная. Должностные лица считаются представителями своих государств в международных отношениях официально и не нуждаются в опосредованном предоставлении полномочий от своего правительства. Вторая причина функциональная. Она фокусируется на способности этих должностных лиц эффективно выполнять свои обязанности. Иммунитет гарантирует, что они могут свободно участвовать в дипломатической деятельности и международных переговорах, не опасаясь судебного преследования или вмешательства [12, с. 58].

В конце XX века появилась уникальная форма экстерриториального применения уголовной юрисдикции – универсальная юрисдикция. Особенно актуальной она стала после дела Пиночета, которое рассматривалось в Великобритании. Это дело привлекло внимание международного сообщества к проблеме универсальной юрисдикции и её применению. Одним из ключевых аспектов является вводимый понятием «недопустимости ссылок на иммунитет» в отношении лиц, ответственных за серьезные международные преступления. Как указано в некоторых правовых практиках, должностные лица могут быть привлекаемы к ответственности в случаях геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений [1, с. 134].

В 2009 году Институтом международного права была принята Резолюция «Об иммунитете от юрисдикции государства и лиц, действующих от его имени, в случае международных преступлений». Несмотря на использование в названии резолюции термина «международные преступления», резолюция не распространяется на вопросы иммунитета, существующие перед международными (уголовными) юрисдикциями, а только на те, которые вытекают из отношений между государствами и их должностными лицами.

Универсальная юрисдикция поддерживает идею ответственности государств за пресечение и предотвращение нарушений прав человека и широко известных преступлений на основании международных договоров. Это стимулирует государства к принятию эффективных мер по предотвращению преступлений и обеспечению доступа к справедливому судебному разбирательству для жертв и пострадавших от преступлений. Но в то же время универсальная юрисдикция должна осуществляться при соблюдении ряда условий, прежде всего, при обеспечении основных принципов международного права, таких как суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела [15, с. 126–127], на уважение иммунитетов государства и его должностных лиц [5, с. 101].

В национальной практике сложились основные модели решения проблемы иммунитетов должностных лиц. Первая модель предполагает взаимодействие государства с МУС и причастным государством в вопросах привлечения к ответственности

лиц, обвиняемых в совершении международных преступлений, включая процедуру выдачи лица суду. В частности, в законодательстве Великобритании предусмотрено, что наличие у должностного лица иммунитета не препятствует проведению в отношении него судебного разбирательства, таким образом, законодательно предусмотрено привлечение должностных лиц к ответственности в случаях, предусмотренных Римским статутом. В разделе 23 Положения о государственном или дипломатическом иммунитете Закона «О Международном уголовном суде» 2001 г. установлено, что «государственный секретарь может в любом конкретном случае, после консультации с МУС и заинтересованным государством, дать указание о проведении разбирательства ... государственный или дипломатический иммунитет, закрепленный за лицом, не может быть применен в отношении этого лица». Еще одним примером является Акт Хорватии о применении Статута МУС и судебном преследовании за уголовные правонарушения против международных законов войны и международного гуманитарного права [16, с. 192]

Вторая модель подразумевает запрет на проведение судебного разбирательства, пока лицо занимает должность, предоставляющую иммунитет. Этот путь отчетливо прослеживается в законодательстве Нидерландов, которое наделяет должностных лиц, дипломатических представителей рядом привилегий, в том числе, судебным иммунитетом, на время пока указанное лицо исполняет свои обязанности по занимаемой должности. Так, раздел 16 Закона Нидерландов от 19 июня 2003 г. «О международных преступлениях» № 270 говорит следующее: «Уголовное преследование ... исключается в отношении: (а) главы иностранных государств, главы правительств и министры иностранных дел, пока они находятся в должности..., поскольку их иммунитет признается обычным международным правом; (б) лица, обладающие иммунитетом в соответствии с любой Конвенцией, применимой на территории Королевства Нидерланды».

Заключение

До XX века иммунитет высшего должностного лица отождествлялся с государственным иммунитетом и предполагал освобождение от любых ограничений со стороны международных судов и юрисдикций иностранных государств. С началом эпохи мировых войн наблюдалась тенденция к ограничению возможности использования иммунитета должностных лиц в связи с грубым нарушением норм международного права. Это привело к созданию различных международных трибуналов и судов, чтобы обеспечить привлечение таких лиц к ответственности в случаях, когда установлен факт совершения тяжкого международного преступления.

С развитием международного права были приняты международно-правовые акты, направленные на реализацию концепции иммунитетов

должностных лиц от иностранной уголовной юрисдикции, такие как, Венская Конвенция о дипломатических сношениях 1963 года, Римский статут Международного уголовного суда 1998 года, но они лишь косвенно затрагивают вопросы применения иммунитетов должностных лиц от уголовной юрисдикции. Представляется, что необходимо принять международный акт универсального характера, предусматривающий единообразный порядок реализации иммунитета должностных лиц, его ограничения и отмены. Соответственно, международно-правовое регулирование требует доработки посредством включения норм, позволяющих, с одной стороны, защитить интересы государства и обеспечить беспрепятственное выполнение полномочий государственными должностными лицами, а, с другой стороны, привлечь, лиц, наделенных властными полномочиями к ответственности в случае совершения ими международного преступления.

Важно отметить, что на национальном уровне концепция иммунитетов должностных лиц применяется с учетом внутригосударственных норм, регулирующих вопросы иммунитета, предоставленного отдельным лицам. Анализ законодательных актов ряда государств позволяет сделать вывод, что государства оставляют пространство для сохранения собственного суверенитета посредством интерпретации и применения норм международного права таким образом, чтобы поддерживать определённую степень гибкости в вопросе иммунитетов.

Литература

1. Глотова С.В. Иммунитеты должностных лиц государства и ответственность за международные преступления: международное и национальное право // Журнал российского права. 2016. № 2. С.127–134. DOI: 10.12737/17651
2. Виноградова Е.В. Международный уголовный суд: вопросы иммунитета должностных лиц // Евразийская адвокатура. 2019. 3(40). С. 78–81.
3. Карташкин В.А. Права человека и принципы международного права в XXI веке: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 148 с. ISBN 978-5-91768-917-3.
4. Скуратова, А.Ю. Развитие концепции иммунитетов должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции // Государство и право. 2017. № 2. С. 79–88.
5. Липкина Н.Н. Универсальная юрисдикция: международно-правовые основания и проблемы установления в отношении преступлений террористической направленности // Lex Russica. 2018. № 6(139). С. 92–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2018. 139.6.092–105.
6. Гигинейшвили М.Т. Иммунитет высших должностных лиц государства в международном уголовном праве: некоторые вопросы теории и практики / Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею про-

- фессора В.П. Коняхина // Сборник материалов международной научно-практической конференции. Краснодар, 2024. Издательство: Кубанский государственный университет, Краснодар. С. 579–585. ISBN: 978–5–605–08472–3.
7. Дanelьян А.А., Оганесян Т.Д. Международный уголовный суд и иммунитеты. Международный правовой курьер. Электронное сетевое издание. 2024. № 3. С. 46–52. URL: <https://inter-legal.ru/mezhdunarodnyj-ugolovnyj-sud-i-immunitety> (дата обращения: 15.03.2025).
 8. Исполинов А.С. Примеряя кольцо всевластия: Международный уголовный суд и иммунитеты глав государств // Российский юридический журнал. 2023ю № 2(149). С. 37–58. DOI: 10.34076/20713797_2023_2_37
 9. Мезяев А.Б. Международный трибунал по бывшей Югославии: некоторые правовые аспекты // Российский юридический журнал. 2007. № 2. С. 46–49.
 10. Мороз Н.О. Сущность функционального иммунитета должностных лиц государства // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2020. № 6. С. 98–103.
 11. Мячина А.Г. Привилегии и иммунитеты персонала международных организаций // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 55–61. DOI 10.22394/2073–2929–2021–01–55–61
 12. Грохотова В.В. Правовое регулирование действия иммунитетов высших должностных лиц государства. Вестник Новгородского государственного университета. № 2. 2013. С.57–60.
 13. Case concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of Congo v. Belgium): Judgment of 14 February 2002 [Electronic resource] // I.C.J. – URL: <http://www.icj-cij.org/docket/fi les/121/8126.pdf> (дата обращения: 19.04.2025).
 14. Мороз Н.О. Личный иммунитет должностных лиц и применение односторонних принудительных мер // Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения. 2021. № 2. С. 49–61.
 15. Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: монография. Казань: центр инновационных технологий, 2016. – 488 с.
 16. Йосипович И. Ответственность за военные преступления перед национальными судами в Хорватии. Международный журнал Красного Креста. Том 88. № 861. Март 2006 г. С. 179–208.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE CONCEPT OF IMMUNITY OF OFFICIALS FROM FOREIGN CRIMINAL JURISDICTION

Churkina L.M.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

This article is devoted to the study of the issue of immunity as one of the problematic issues in legal science and practice, as it causes various discussions related to the lack of a unified approach in inter-

national law to the content of immunity. The subject of the study is the specifics of the implementation of immunity from foreign criminal jurisdiction. The article pays special attention to the international legal regulation of the immunity of state officials. The author analyzes the types of immunity, immunity *ratione personae* and immunity *ratione materiae*, and their differences. The article examines the effectiveness of the legal regulation of the immunity of high-ranking government officials in relation to responsibility for international crimes. Within the framework of legal regulation, the UN Convention on Jurisdictional Immunities of States and Their Property of 2004 is analyzed. The author emphasizes the distinctive feature of this international legal act, expressed in the non-proliferation of this treaty to criminal jurisdiction. The article examines the practice of international judicial bodies, reports and documents of the UN Commission of International Law on the issue of immunity of state officials. The author examines national models for solving the problem of holding officials accountable and analyzes domestic regulation regarding the granting of immunities using the example of legislation of foreign countries (Great Britain, the Netherlands, Croatia). Based on the conducted research, the author concludes that it is necessary to limit the immunity of State officials who have committed international crimes, which is of particular importance for maintaining international law and order and protecting human rights, but subject to compliance with the general principles of international law.

Keywords: Immunity *ratione personae*, immunity *ratione materiae*, State officials, UN Commission of International Law, international crimes, Convention on Jurisdictional Immunities, foreign criminal jurisdiction, International Criminal Court, General Assembly resolution, prosecution.

References

1. Glotova S.V. Immunities of state officials and responsibility for international crimes: international and national law // Journal of Russian Law. 2016. № 2. С.127–134. DOI: 10.12737/17651
2. Vinogradova E.V. The International Criminal Court: issues of immunity of officials // Eurasian Advocacy. 2019. 3(40). pp.78–81.
3. Kartashkin V.A. Human rights and principles of international law in the 21st century: a monograph. Moscow: Norm: INFRA-M, 2018. 148 p. ISBN 978-5-91768-917-3.
4. Skuratova, A.Y. Development of the concept of state officials' immunities from foreign criminal jurisdiction // State and Law. 2017. No. 2. pp. 79–88.
5. Lipkina N.N. Universal jurisdiction: international legal grounds and problems of establishment in relation to terrorist crimes // Lex Russica. 2018. No. 6(139). pp. 92–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2018. 139.6.092–105.
6. Giginishvili M.T. The immunity of senior government officials in international criminal law: some questions of theory and practice / Institutional foundations of criminal law of the Russian Federation: on the 70th anniversary of Professor V.P. Konyakhin // Proceedings of the international scientific and practical conference. Krasnodar, 2024. Publisher: Kuban State University, Krasnodar. pp. 579–585. ISBN: 978–5–605–08472–3.
7. Danelyan A.A., Oganessian T.D. The International Criminal Court and immunities. International legal courier. Electronic online publication. 2024. No. 3. pp. 46–52. URL: <https://inter-legal.ru/mezhdunarodnyj-ugolovnyj-sud-i-immunitety> (date of reference: 03/15/2025).
8. Ispolov A.S. Trying on the ring of omnipotence: The International Criminal Court and the immunities of heads of state // Russian Law Journal. 2023y No. 2(149). pp. 37–58. DOI: 10.34076/20713797_2023_2_37
9. Mezyaev A.B. The International Tribunal for the Former Yugoslavia: some legal aspects // Russian Law Journal. 2007. No. 2. pp. 46–49.
10. Moroz N.O. The essence of functional immunity of state officials // Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences. 2020. No. 6. pp. 98–103.
11. Myachina A.G. Privileges and immunities of personnel of international organizations // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. No. 1. pp. 55–61. DOI 10.22394/2073–2929–2021–01–55–61
12. Grokhotova V.V. Legal regulation of the immunities of senior government officials. Bulletin of the Novgorod State University. No.2. 2013. pp.57–60.

13. Case concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of Congo v. Belgium): Judgment of 14 February 2002 [Electronic resource] // I.C.J. – URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/121/8126.pdf> (дата обращения: 19.04.2025).
14. Moroz N.O. Personal immunity of officials and the use of unilateral coercive measures // Journal of the Belarusian State University. International relations. 2021. No. 2. pp.49–61.
15. Kayumova A.R. Criminal jurisdiction in international law: a monograph. Kazan: Center for Innovative Technologies, 2016. 488 p.
16. Josipovich I. Responsibility for war crimes before national courts in Croatia. International Journal of the Red Cross. Volume 88. No. 861. March 2006, pp. 179–208.

Дестабилизирующее воздействие правовых недостатков статьи XXI ГАТТ на соблюдение режима наибольшего благоприятствования и пути их преодоления

Струтинская Татьяна Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института Северо-Кавказского федерального университета
E-mail: Strutinskaya@bk.ru

Антонов Владислав Витальевич,

студент юридического института Северо-Кавказского федерального университета
E-mail: Vlonico007@gmail.com

Переверзев Артем Романович,

студент юридического института Северо-Кавказского федерального университета
E-mail: litr.za1@mail.ru

Месропян Милена Геворковна,

студент юридического института Северо-Кавказского федерального университета
E-mail: milenamesropyan5@xmail.ru

В статье исследуется влияние неопределенности основных формулировок ст. XXI ГАТТ на соблюдение режима наибольшего благоприятствования в рамках Всемирной торговой организации. Авторы анализируют правовые недостатки ст. XXI ГАТТ, которые создают условие для расширительного толкования таких понятий, как «существенные интересы безопасности» и «чрезвычайные ситуации в международных отношениях». На примере пошлин США на сталь и алюминий, а также торгового конфликта между Индией и Пакистаном рассматривается «скрытое» негативное воздействие правовой неопределенности ст. XXI ГАТТ на многостороннюю торговлю. В заключении авторы рассуждают о возможных мерах, реализация которых бы позволила затруднить злоупотребление правовыми недостатками ст. XXI ГАТТ. В числе таких мер авторы указывают: выделение критериев национальной безопасности, определение чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях, установление предельного срока рассмотрения дел по ст. XXI ГАТТ, а также создание комитета по национальной безопасности в рамках ВТО.

Ключевые слова: XXI ГАТТ, существенные интересы безопасности, режим наибольшего благоприятствования, ВТО, чрезвычайные обстоятельства, национальная безопасность, торговые споры.

Одним из основных правил Всемирной торговой организации (далее – ВТО), которое распространяется на всех её участников, является режим наиболее благоприятствуемой нации или режим наибольшего благоприятствования (далее – РНБ), закрепленный в ст. I ГАТТ. Он представляет собой недискриминационный принцип, направленный на установление равных условий в сфере торговли товарами и услугами для всех государств-участников ВТО.

Согласно данному режиму, государства должны устанавливать равные условия при импорте или экспорте товаров и услуг для всех остальных участников ВТО. Под условиями понимают таможенные пошлины, сборы, их метод взимания, квоты и другие ограничения, возникающие в торговом обороте. Если же одно государство устанавливает преимущество в отношении какой-либо продукции другого государства, то оно должно предоставить такие же привилегии в отношении аналогичных товаров, производимых в других странах-участницах ВТО. Полагается, что данное положение можно толковать и в обратном направлении – государства не должны ухудшать условия для товаров каких-либо стран или не должны делать иные исключения в международной торговле для отдельных государств.

Важно понимать, что из РНБ существует множество исключений, среди которых особый интерес вызывает ст. XXI ГАТТ, которая ввела в международную практику концепцию «существенных интересов безопасности» или, как их называют иначе, «национальной безопасности», а также понятие «чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях», которые являются основанием для неприменения основных положений ВТО и в том числе РНБ. В действительности, эти дефиниции содержатся также в ст. 73 ТРИПС и ст. XIV-бис ГАТС, однако в рамках данной работы мы решили сосредоточиться именно на ст. XXI ГАТТ, поскольку она вышла значительно раньше остальных и вышеупомянутые статьи ГАТС и ТРИПС во многом повторяют ее.

Основной недостаток статьи XXI ГАТТ заключается в широте и неопределенности понятия «существенных интересов безопасности». Его толкование не дается ни в одном документе ВТО, а из-за использования в ст. XXI ГАТТ таких формулировок, как «она может рассматривать» в п. (а) и «она считает необходимым» в п. (б), национальная безопасность становится субъективной и самооцени-

ваемой категорией [6], а меры по ее обеспечению ничем не ограничиваются, что затрудняет разрешение споров в международных органах и мешает выработке единообразного правоприменения.

Смежная проблема касается отсутствия хотя бы примерных критериев национальной безопасности. Так, например, в указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» указано, что для обеспечения национальной безопасности РФ необходимо сочетание мер военного, административного, культурного, экономического, информационного, научно-технического и экологического характера. Если применять столь широкий подход к толкованию ст. XXI ГАТТ, то это приведет к вытеснению режима наибольшего благоприятствования, трансформируя его из обязательной нормы в декларативную. В частности, использование, например, культурных аргументов для обоснования ограничительных мер явно выходит за идею первоначальной цели ст. XXI ГАТТ. Однако на практике наблюдается именно такая тенденция: многие государства склонны расширительно трактовать понятие национальной безопасности, включая в него даже обычную экономическую конкуренцию.

Еще одна проблема заключается в формулировке понятия «чрезвычайные обстоятельства в международных отношениях» в п. (b)(iii). Понятия чрезвычайных обстоятельств или их критериев нет ни в ГАТТ, ни в других документах ВТО, из-за чего данный термин остается чрезмерно гибким. Так, старший преподаватель университета Эдит Коуэн Науиз Макдонах назвал чрезвычайные обстоятельства «серой зоной», поскольку они позволяют странам ссылаться на любые напряженности в международных отношениях [17]. Данную проблему необходимо решать наравне с двумя предыдущими, поскольку недобросовестное толкование чрезвычайных обстоятельств может стать самостоятельным основанием для уклонения от соблюдения РНБ.

Таким образом, можно увидеть, ст. XXI ГАТТ, предоставляющая исключение из международного порядка, сформулирована слишком широко и неопределенно, что открывает простор для злоупотреблений. Это в особенности стало представлять угрозу в связи с недавними политическими событиями, когда наметилась тенденция на пренебрежение нормами международного права: в 2020 и 2025 годах США ввели санкции против сотрудников МУС, в 2022 году Россия вышла из ЕСПЧ, в 2020 году Великобритания окончательно прекратила членство в ЕС, 20 января 2025 года США вышли из Парижских соглашений, в марте 2025 года США приостановили взносы в ВТО и т.п.

Однако здесь важно подчеркнуть, что в международных торговых спорах ст. XXI ГАТТ применяется весьма ограниченно [20]. Как показывает практика разрешения споров в рамках ВТО, государства обращаются к ней лишь в исключительных обстоятельствах, что во много связано с ее политической резонансностью. Тем не менее, не-

смотря на редкость прямого использования, ст. XXI ГАТТ в текущем ее виде оказывает негативное косвенное воздействие на международную торгово-политическую систему.

В первую очередь, из-за правовых недостатков ст. XXI ГАТТ некоторые государства формируют или начинают толковать свое внутреннее законодательство о национальной безопасности слишком вольно, копируют расплывчатые формулировки данной статьи, прикрываясь ее «имплементацией» в национальное право. Это позволяет им игнорировать РНБ без формальных нарушений положений ГАТТ. То есть ст. XXI ГАТТ в ее действующем состоянии как бы легитимизирует законы с высоким потенциалом злоупотребления.

Ярким примером является секция 232 Закона США о расширении торговли 1962 г. [1], которая была использована для осуществления излишне протекционистской политики в отношении стали и алюминия. Данная секция носит название «Обеспечение национальной безопасности» и позволяет Президенту США устанавливать ограничения на импорт любых товаров, если это угрожает национальной безопасности. Получив одобрение Министерства торговли США, Президент США вправе выбрать любую меру, в том числе увеличить тарифы, установить квоты на любой срок, в том числе и бессрочно. При этом Президент США по своему усмотрению может исключить отдельные государства из-под ограничений [11]. Как можно заметить, данная статья во многом «заимствует» неопределенность ст. XXI ГАТТ, поскольку не устанавливает конкретных критериев угроз безопасности, а также ничем не ограничивает возможные меры реагирования.

В 2018 году США сослались на данную норму, обосновывая ввод пошлин в размере 25% на импорт стали [4] и 10% на импорт алюминия [2]. В действиях США прослеживалось явное нарушение РНБ, поскольку они сформировали список исключений, в который вошли такие страны, как Австралия, Канада, Мексика, Аргентина, Бразилия, Южная Корея и страны-члены ЕС. Это было аргументировано тем, что в случае достижения новых соглашений между США и этими странами, импорт стали и алюминия из них не будет угрожать национальной безопасности. Тем не менее, не все государства из этого списка смогли договориться с США.

В результате многие страны обратились с жалобой на действия США в ВТО. Например, в течение июня 2018 года о нарушении норм ВТО Соединенными Штатами заявили: Европейский союз (DS548), Канада (DS550), Мексика (DS551), Норвегия (DS552) [14]. Для разрешения дел были образованы третейские группы, а рассмотрение споров затянулось до 2022 года. По итогу ВТО признала пошлины США не соответствующими нормам организации и призвала Соединенные Штаты соблюсти обязательства, взятые в рамках ВТО. США отказались исполнять вынесенное решение, аргументи-

ровав это тем, что у ВТО нет полномочий рассматривать вопросы их внутренней безопасности [9].

Дискуссия о неправомерности действий США продолжилась и после решения ВТО. Так, в 2023 году Министерство торговли Китая подготовило отчет о соблюдении США норм ВТО, в котором оно раскритиковало секцию 232 Закона США о расширении торговли 1962 г., указав, что она представляет собой “инструмент для запуска торговых войн” [19]. В самих Соединенных Штатах также шли обсуждения. Например, американский юрист и академик Джей Бентон Хит в своей статье для Йельского юридического журнала указал на то, что американские пошлины на сталь и алюминий не были обоснованы реальной угрозой национальной безопасности, так как отсутствовали доказательства военной необходимости. По его мнению, США лишь проводили политику протекционизма, злоупотребляя широкой формулировкой национальной безопасности [12].

Несмотря на международное осуждение, в 2025 году США снова объявили о повышении пошлин на импорт стали [5] и алюминия [3], ссылаясь на ту же секцию 232 Закона о расширении торговли. В течение марта, Китай и Канада снова подали жалобу в ВТО на действия Соединенных Штатов, однако есть опасения, что новое дело завершится так же, как и предыдущее. И хотя США формально не ссылаются на ст. XXI ГАТТ, их внутренняя норма о национальной безопасности, оправдывающая нарушение РНБ, очевидно “вдохновлена” недостатками соответствующей статьи ГАТТ.

Еще одно проявление негативного влияния заключается в том, что государства нередко избегают передачи на рассмотрение ВТО споров, оправдываемых существенными интересами безопасности. Это, вероятно, обосновано несколькими ключевыми факторами. Во-первых, споры, связанные с национальной безопасностью, закономерно рассматриваются в ВТО довольно долго (в течение порядка 2–3 лет). За это время неправомерно введенные ограничения могут достичь своих целей если не полностью, то хотя бы частично. Во-вторых, из-за неопределенностей основных формулировок ст. XXI ГАТТ создается риск их политизированного толкования, при реализации которого рассмотрение перестает быть объективным. Кроме того, простор в толковании может быть использован для еще большего затягивания и без того длительных споров. Наконец, совокупность двух предыдущих факторов позволяет осуществлять стратегию “временных мер”, при которой страны осознанно нарушают РНБ на определенный период времени, зная, что к моменту вынесения официального решения они смогут снять ограничения, достигнув их основных задач. Эти негативные проявления правовых недостатков ст. XXI ГАТТ ведут к тому, что государства, особенно экономически равные, вместо обращения в ВТО предпочитают вводить ответные неправомерные меры.

В качестве примера можно привести торговый конфликт, произошедший между Индией и Паки-

станом. 14 февраля 2019 года, на территории округа Пулвама индийского штата Джамму и Кашмир был совершен террористический акт в отношении Центральной резервной полиции Министерства внутренних дел Индии, в результате которого 41 человек погиб, и еще 35 получили ранения разной степени. Ответственность на себя взяла террористическая организация, базирующаяся на территории Пакистана. Индийское правительство возложило вину за случившееся на Исламскую Республику Пакистан и перестало осуществлять в отношении нее РНБ, повысив таможенные пошлины на все товары до 200%. Несмотря на недоказанность связи между Пакистаном и террористической организацией, совершившей теракт, правительство Индии объяснило такое решение соображениями национальной безопасности [13]. Пакистан, вместо подачи официальной жалобы в ВТО, ввел ответные ограничительные меры в отношении Индии. Как итог, с 2019 формальные торговые отношения между государствами прекратились, а впоследствии страны перешли на механизм “параллельного импорта”. В отказе Пакистана от правового способа защиты многие усмотрели нежелание вступать в спор, связанный с оговоркой о национальной безопасности, поскольку это потребовало бы множество ресурсов, заняло бы длительное время и не гарантировало бы отмену ограничений.

Таким образом, можно увидеть, что ст. XXI ГАТТ создает сложности не только при ее непосредственном применении, но и косвенно, угрожая равноправной международной торговле. В связи с этим, необходимо принять меры в отношении правовых недостатков ст. XXI ГАТТ, тем более, что она может быть использована уже в ближайшем будущем. Так, в ЕС обсуждаются возможности отказа европейских компаний и государственных структур от использования американской операционной системы Windows в пользу Linux [10]. Такие обсуждения обосновывают резким ухудшением отношений с США на фоне американских пошлин и разногласий по российско-украинскому кризису, что в целом попадает под формулировку “чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях” из п.(b)(iii) ст. XXI ГАТТ.

Для начала необходимо рассмотреть возможность определения критериев национальной безопасности. На наш взгляд, целесообразно использовать метод сравнительно-правового анализа и обратить внимание на Договор о функционировании Европейского союза, в котором предусматривается понятие “существенных интересов безопасности” в ст. 346. В ней национальная безопасность раскрывается через военные угрозы, а торговые ограничения можно вводить только в отношении продукции, предназначенной для военных целей [7]. Нам кажется разумным использовать такой же подход в ст. XXI ГАТТ, ведь для исключений, например, по причинам экологической безопасности, которая также является неотъемлемым элементом национальной безопасности, существуют другие, более определенные статьи ГАТТ, такие как ст. XX

ГАТТ. Определение критериев существенных интересов безопасности существенно упростит толкование и применение ст. XXI ГАТТ. Тем не менее, реализацию этой инициативы существенно затрудняет тот факт, что многие государства не согласны с вмешательством ВТО в их понимание национальной безопасности. В этом контексте заслуживает внимание позиция Коллина Джей Лаки, который считает, что подобное ограничение суверенитета является необходимым условием для обеспечения устойчивого развития многосторонней торговли, поскольку существенно затруднит злоупотребление неопределенным исключением [16]. Мы, в целом, разделяем эту идею и считаем важным указать на то, что в Хельсинском заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе государства сами признали, что «сотрудничество в области торговли способствует укреплению мира и безопасности в Европе и во всем мире». В связи с этим крайне важно четко выделить критерии ст. XXI ГАТТ, чтобы исключить ее дестабилизирующее воздействие на РНБ и, соответственно, на международную торговлю.

Помимо определения понятия национальной безопасности, следует также более детально очертить концепцию «чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях». Это представляется даже более реализуемым, поскольку в практике разрешения споров в ВТО уже был прецедент толкования чрезвычайных обстоятельств. Речь идет о деле DS512 «Россия – меры в отношении транзита» [8]. В рамках данного дела Россия, обосновывая ограничения транзитных перевозок через свою территорию из Украины в некоторые другие страны, напрямую сослалась на п. (b)(iii) ст. XXI ГАТТ. Указанный спор примечателен тем, что для его разрешения была образована Третьейская группа, которая установила за собой юрисдикцию на определение соблюдения условий «чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях» и определила их как состояние в неявном вооруженном конфликте, кризис в международных отношениях или повышение напряженности, выходящее за рамки обычных политической разногласий [18]. Конкретно в деле DS512, Третьейская группа признала наличие чрезвычайных обстоятельств в отношениях между РФ и Украиной и признала принятые Россией меры правомерными, однако даже такое толкование остается слишком широким и вызывает вопросы. Тем не менее, дело «Россия – меры в отношении транзита» приобрело большую значимость, так как стало прецедентом и показало, что «чрезвычайные обстоятельства в международных отношениях» не являются полностью самооцениваемой категорией. Мы полагаем, что данный прецедент было бы целесообразно развить еще дальше и сформировать единообразное и более определенное понимание «чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях».

Также можно рассмотреть вариант с установлением предельного срока рассмотрения дел по ст. XXI ГАТТ. Как уже было указано выше, сейчас та-

кой срок не определен и составляет, в среднем, около 3 лет. Если установить предельный срок, то это благоприятно бы повлияло на правомерность разрешения международных споров: государства бы чаще обращались в ВТО, чем вводили бы ответные неправомерные меры.

Заслуживает внимания идея о создании в рамках ВТО комитета по национальной безопасности, которую предложили Симон Лестер и Ину Манак [15]. Это был бы орган, подотчетный Генеральному совету ВТО и состоящий из представителей всех стран-участниц ВТО. По задумке, такой комитет будет представлять собой площадку для обсуждения торговых вопросов, связанных с национальной безопасностью, для чего он должен на постоянной основе созываться не менее одного раза в год. Предполагается, что помимо самостоятельного мониторинга международной торговой политической обстановки, сами государства также будут уведомлять данный орган о предполагаемых или осуществляемых торговых мерах, связанных с существенными интересами их безопасности. По каждому стоящему перед комитетом вопросу будет создаваться техническая группа для подготовки практических рекомендаций по урегулированию спора. Кроме того, комитет будет полномочен определить ущерб, наносимый международной торговле в случае, если государство отказывается от отмены мер, признанных неправомерными. Мы полагаем, что деятельность такого органа действительно бы благоприятно повлияла на единообразное понимание и применение ст. XXI ГАТТ.

В заключение необходимо отметить, что ст. XXI ГАТТ не является «главным злом» системы ВТО, но её нормативная неопределённость усугубляет кризис многосторонней торговли. Предложенные нами пути решения недостатков ст. XXI ГАТТ сложно реализуемы и требуют широкой дискуссии среди членов ВТО для их согласования. Тем не менее, осуществление хотя бы одной из вышеперечисленных мер уже существенно затруднит злоупотребления ст. XXI ГАТТ и благоприятно повлияет на соблюдение режима наибольшего благоприятствования.

Литература

1. 19 U.S. Code § 1862 – Safeguarding national security // Legal Information Institute, Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/19/1862> (Дата обращения: 28.03.2025).
2. Adjusting Imports of Aluminum into the United States: Presidential Proclamation / The President of the United States of America. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-adjusting-imports-aluminum-united-states-4/> (Дата обращения: 29.03.2025).
3. Adjusting Imports of Aluminum Into the United States: Proclamation 10895 / The President of the United States of America. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/>

- proclamation-10895-adjusting-imports-aluminum-into-the-united-states (Дата обращения: 31.03.2025).
4. Adjusting Imports of Steel Into the United States: Proclamation 9705 of March 8, 2018 / By the President of the United States of America. 7 p. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2018-03-15/pdf/2018-05478.pdf> (Дата обращения: 29.03.2025).
 5. Adjusting Imports of Steel Into the United States: Proclamation 10896 / The President of the United States of America. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-10896-adjusting-imports-steel-into-the-united-states> (Дата обращения: 31.03.2025).
 6. Alford, R.P. The Self-Judging WTO Security Exception // *Utah Law Review*. 2011. № 3. P. 697–726. URL: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/330 (Дата обращения: 27.03.2025).
 7. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // *Official Journal of the European Union*. 2008. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:41f89a28-1fc6-4c92-b1c8-03327d1b1ecc.0007.02/DOC_1&format=PDF (Дата обращения: 02.04.2025).
 8. DS512: Russia – Measures Concerning Traffic in Transit // *World Trade Organization*. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds512_e.htm (Дата обращения: 02.04.2025).
 9. DS548: United States – Certain Measures on Steel and Aluminium Products / *World Trade Organization*. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds548_e.htm (Дата обращения: 30.03.2025).
 10. EU OS drafts a locked-down Linux blueprint for Eurocrats // *The Register*. 25 March. 2025. URL: https://www.theregister.com/2025/03/25/eu_os_free_govt_desktop/ (Дата обращения: 02.04.2025).
 11. Fefer, R.F. Section 232 of the Trade Expansion Act of 1962. Washington, DC: Congressional Research Service, 2023. 3 p. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/IF10667> (Дата обращения: 29.03.2025).
 12. Heath, J. Benton. The New National Security Challenge to the Economic Order // *Yale Law Journal*. 2020. Т. 129, № 4. P. 1038–1041. URL: <https://www.yalelawjournal.org/article/the-new-national-security-challenge> (Дата обращения: 31.03.2025).
 13. India slaps 200% duty on Pakistan imports. *Bangla Tribune*. 2019. URL: <https://en.banglatribune.com/business/news/29824/India-slaps-200%25-duty-on-Pakistan-imports> (Дата обращения: 01.04.2025).
 14. International Trade Compliance Update: Newsletter I July 2018 / Baker McKenzie. 118 с. URL: https://www.bakermckenzie.com/-/media/files/insight/publications/2018/07/nl_internationaltrade-complianceupdate_jul18.pdf?la=en (Дата обращения: 30.03.2025).
 15. Lester, S., Manak, I. A Proposal for a Committee on National Security at the WTO // *Duke Journal of Comparative & International Law*. Vol. 30. 2020. P. 267–281. URL: <https://core.ac.uk/download/322820162.pdf> (Дата обращения: 03.04.2025).
 16. Luckie, C.J. The invocation of Article XXI of GATT 1994 and the question of jurisdiction: Where to? // *Journal of International Economic Law*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 345–367. URL: <https://goo.su/1aW-rnP> (Дата обращения: 02.04.2025).
 17. McDonagh, N. Can the Liberal Economic Order Survive? Geopolitics, National Security and Pandora's Box. May 17, 2023. P. 25. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4451010> (Дата обращения: 28.03.2025).
 18. Panel Report. Russia – Traffic in Transit (DS512). WT/DS512/R, 5 April 2019 // *World Trade Organization*. URL: [https://worldtradelaw.net/document.php?id=reports/wtopanelsfull/russia-trafficintransit\(panel\)\(full\).pdf&mode=download](https://worldtradelaw.net/document.php?id=reports/wtopanelsfull/russia-trafficintransit(panel)(full).pdf&mode=download) (Дата обращения: 03.04.2025).
 19. Report on WTO Compliance of the United States. 2023 / CGTN. P. 15. URL: <https://news.cgtn.com/news/files/2023-Report-on-U.S.-WTO-Compliance.pdf> (Дата обращения: 30.03.2025).
 20. Van den Bossche, P., Akpofure, S. The Use and Abuse of the National Security Exception under Article XXI(b)(iii) of the GATT 1994 // *WTI Working Paper*. No. 03/2020. 2020. 44 p. URL: https://www.wti.org/media/filer_public/50/57/5057fb22-f949-4920-8bd1-e8ad352d22b2/wti_working_paper_03_2020.pdf (Дата обращения: 28.03.2025).

THE DESTABILIZING EFFECT OF THE LEGAL SHORTCOMINGS OF ARTICLE XXI OF THE GATT ON COMPLIANCE WITH THE MOST-FAVORED-NATION REGIME AND WAYS TO OVERCOME THEM

Strutinskaya T.A., Antonov V.V., Pereverzev A.R., Mesropyan M.G.
North Caucasian Federal University

The article examines the impact of the uncertainty of the main formulations of Article XXI of the GATT on compliance with the most-favored-nation regime within the framework of the World Trade Organization. The authors analyze the legal shortcomings of Article XXI of the GATT, which create the conditions for an extended interpretation of such concepts as “essential security interests” and “emergencies in international relations.” Using the example of US duties on steel and aluminum, as well as the trade conflict between India and Pakistan, the “hidden” negative impact of legal uncertainty is considered. XXI GATT on multilateral trade. In conclusion, the authors discuss possible measures, the implementation of which would make it difficult to abuse the legal shortcomings of Article XXI of the GATT. Among such measures, the authors indicate: the allocation of criteria for national security, the definition of extraordinary circumstances in international relations, the establishment of a deadline for the consideration of cases under Article XXI of the GATT, as well as the creation of a committee on national security within the WTO.

Keywords: GATT XXI, essential security interests, most-favored-nation regime, WTO, extraordinary circumstances, national security, trade disputes.

References

1. 19 U.S. Code § 1862 – Safeguarding national security // *Legal Information Institute, Cornell Law School*. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/19/1862> (date of request: 28.03.2025).

2. Adjusting Imports of Aluminum into the United States: Presidential Proclamation / The President of the United States of America. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-adjusting-imports-aluminum-united-states-4/> (date of request: 29.03.2025).
3. Adjusting Imports of Aluminum Into the United States: Proclamation 10895 / The President of the United States of America. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-10895-adjusting-imports-aluminum-into-the-united-states> (date of request: 31.03.2025).
4. Adjusting Imports of Steel Into the United States: Proclamation 9705 of March 8, 2018 / By the President of the United States of America. 7 p. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2018-03-15/pdf/2018-05478.pdf> (date of request: 29.03.2025).
5. Adjusting Imports of Steel Into the United States: Proclamation 10896 / The President of the United States of America. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-10896-adjusting-imports-steel-into-the-united-states> (date of request: 31.03.2025).
6. Alford, R.P. The Self-Judging WTO Security Exception // Utah Law Review. 2011. № 3. P. 697–726. URL: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/330 (date of request: 27.03.2025).
7. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union. 2008. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:41f89a28-1fc6-4c92-b1c8-03327d1b1ecc.0007.02/DOC_1&format=PDF (date of request: 02.04.2025).
8. DS512: Russia – Measures Concerning Traffic in Transit // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds512_e.htm (date of request: 02.04.2025).
9. DS548: United States – Certain Measures on Steel and Aluminum Products / World Trade Organisation. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds548_e.htm (date of request: 30.03.2025).
10. EU OS drafts a locked-down Linux blueprint for Eurocrats // The Register. 25 March. 2025. URL: https://www.theregister.com/2025/03/25/eu_os_free_govt_desktop/ (date of request: 02.04.2025).
11. Fefer, R.F. Section 232 of the Trade Expansion Act of 1962. Washington, DC: Congressional Research Service, 2023. 3 p. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/IF10667> (date of request: 29.03.2025).
12. Heath, J. Benton. The New National Security Challenge to the Economic Order // Yale Law Journal. 2020. T. 129, № 4. P. 1038–1041. URL: <https://www.yalelawjournal.org/article/the-new-national-security-challenge> (date of request: 31.03.2025).
13. India slaps 200% duty on Pakistan imports. Bangla Tribune. 2019. URL: <https://en.banglatribune.com/business/news/29824/India-slaps-200%25-duty-on-Pakistan-imports> (date of request: 01.04.2025).
14. International Trade Compliance Update: Newsletter | July 2018 / Baker McKenzie. 118 c. URL: https://www.bakermckenzie.com/-/media/files/insight/publications/2018/07/nl_internationaltradecomplianceupdate_jul18.pdf?la=en (date of request: 30.03.2025).
15. Lester, S., Manak, I. A Proposal for a Committee on National Security at the WTO // Duke Journal of Comparative & International Law. Vol. 30. 2020. P. 267–281. URL: <https://core.ac.uk/download/322820162.pdf> (date of request: 03.04.2025).
16. Luckie, C.J. The invocation of Article XXI of GATT 1994 and the question of jurisdiction: Where to? // Journal of International Economic Law. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 345–367. URL: <https://goo.su/1aWrnP> (date of request: 02.04.2025).
17. McDonagh, N. Can the Liberal Economic Order Survive? Geopolitics, National Security and Pandora's Box. May 17, 2023. P. 25. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4451010> (date of request: 28.03.2025).
18. Panel Report. Russia – Traffic in Transit (DS512). WT/DS512/R, 5 April 2019 // World Trade Organization. URL: [https://worldtradelaw.net/document.php?id=reports/wtopanelsfull/russia-trafficintransit\(panel\)\(full\).pdf&mode=download](https://worldtradelaw.net/document.php?id=reports/wtopanelsfull/russia-trafficintransit(panel)(full).pdf&mode=download) (date of request: 03.04.2025).
19. Report on WTO Compliance of the United States. 2023 / CGTN. P. 15. URL: <https://news.cgtn.com/news/files/2023-Report-on-U.S.-WTO-Compliance.pdf> (date of request: 30.03.2025).
20. Van den Bossche, P., Akpofure, S. The Use and Abuse of the National Security Exception under Article XXI(b)(iii) of the GATT 1994 // WTI Working Paper. No. 03/2020. 2020. 44 p. URL: https://www.wti.org/media/filer_public/50/57/5057fb22-f949-4920-8bd1-e8ad352d22b2/wti_working_paper_03_2020.pdf (date of request: 28.03.2025).

Институционализация государственного совета Российской Федерации как новый этап эволюции системы публичной власти: конституционно-правовой анализ

Арснукаева Раяна Сайд-Мухамедовна,

аспирант, ФГАОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского»
E-mail: arsn_yana@mail.ru

В статье исследуется процесс институционализации Государственного Совета Российской Федерации в контексте конституционной реформы 2020 года, в результате которой он получил конституционно-правовой статус. Анализируется дуализм правовой природы Госсовета, сочетающего консультативно-совещательные функции с фактическими властными полномочиями. Обосновывается тезис о трансформации классической модели разделения властей и формировании особого координационного механизма между федеральным центром и регионами. Выявляются противоречия между формальным статусом Госсовета как «конституционного государственного органа» и его реальной ролью в системе публичной власти, предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: Государственный Совет РФ, конституционная реформа, система публичной власти, федеративные отношения, разделение властей, институционализация.

Институционализация Государственного Совета Российской Федерации (далее – Госсовет РФ), учреждённого Указом Президента РФ от 1 сентября 2000 г. № 1602 и получившего конституционно-правовой статус в результате реформы 2020 года, может быть признана одним из ключевых этапов институциональной эволюции российского механизма публичной власти. Впервые в истории российского конституционализма создан орган, который, с одной стороны, сохраняет консультативно-совещательный характер, а с другой – наделён рядом полномочий, характерных для органов государственной власти.

Актуальность данного исследования определяется фундаментальной трансформацией конституционных основ государственного устройства Российской Федерации, произошедшей в результате реформы 2020 года. Закрепление статуса Госсовета РФ в Основном законе страны породило комплекс теоретических и практических вопросов, требующих концептуального осмысления. Среди них: место Госсовета РФ в системе разделения властей, правовая природа его решений, механизмы взаимодействия с другими органами публичной власти, влияние на федеративные отношения. Переход от «президентского совещательного органа» к конституционному институту отражает новую фазу развития вертикали власти и требует всестороннего осмысления его ролей, функций и правовых основ.

Целью настоящего исследования является комплексный конституционно-правовой анализ статуса, функций и полномочий Госсовета РФ как нового элемента системы публичной власти, а также разработка научно-обоснованных предложений по совершенствованию нормативного регулирования его деятельности.

Анализ исторической ретроспективы показывает, что идея создания особого совещательного органа при главе государства имеет глубокие корни в российской государственной традиции. Еще в 1991 году обсуждалась концепция, согласно которой «смысл данного института состоит в коллегиальном содействии главе государства в выработке стратегических решений» [9]. Это свидетельствует о преемственности институциональной логики при формировании современного Госсовета РФ. На наш взгляд, эволюционный путь данного органа отражает фундаментальную потребность российской государственности в коллегиальном институте, способном обеспечивать координацию между

различными уровнями публичной власти и ветвями государственного управления.

Учреждение Госсовета РФ Указом Президента РФ от 1 сентября 2000 г. № 1602 знаменовало создание консультативного органа с ограниченными полномочиями. В то же время, на протяжении двух десятилетий данный орган фактически играл значительную роль в выработке стратегических решений, что создавало предпосылки для его дальнейшей институционализации. Он выполнял консультативно-координационные функции, аккумулируя опыт вневедомственных совещаний и сохраняя внутриэлитный характер взаимодействия региональных глав и федеральных министров. Однако отсутствие упоминания о Госсовете РФ в тексте Конституции РФ формировало нормативный вакуум: институт не имел четких полномочий, а его решения зависели от политической воли Президента РФ.

Концептуальная точка невозврата наступила в январе 2020 года, когда Послание Президента РФ Федеральному Собранию обозначило необходимость обновления конституционного механизма координации стратегических решений с учетом регионального многоголосия. Данный момент стал ключевым в осознании потребности формализации статуса Госсовета РФ на конституционном уровне, поскольку фактический объем его влияния уже не соответствовал правовому положению обычного совещательного органа при главе государства [6].

Конституционная реформа 2020 года стала закономерным продолжением этого процесса. Включение Госсовета РФ в конституционный текст посредством внесения в ст. 83 Конституции РФ пункта «е.5» демонстрирует «качественный скачок» в его правовом статусе. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» конкретизировал его полномочия и организационную структуру [6]. Проведенный нами анализ показывает, что данное конституционное закрепление имеет глубокий характер, меняющий не только формальный статус органа, но и всю архитектуру государственного управления в России.

Согласно ст. 2 Федерального закона № 394-ФЗ, Госсовет РФ определяется как «конституционный государственный орган, формируемый Президентом Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти» [2]. Данная формулировка имеет принципиальное значение для понимания правовой природы изучаемого института. На наш взгляд, эта дефиниция представляет значительный научный интерес, поскольку вводит в конституционно-правовой оборот новое понятие «конституционный государственный орган», которое ранее не имело четкого правового содержания. Это свидетельствует о намерении законодателя создать особую категорию органов, не относящихся напрямую

к классическим ветвям власти, но обладающих конституционным статусом.

В этой связи представляется необходимым законодательно закрепить определение понятия «конституционный государственный орган» путем внесения соответствующих дополнений в Федеральный закон № 394-ФЗ, установив его отличительные признаки и четко разграничив компетенцию с органами государственной власти. Предлагается дополнить ст. 2 указанного федерального закона положением, согласно которому «конституционный государственный орган – это особый элемент системы публичной власти, учрежденный непосредственно в Конституции РФ или на основе ее положений, обладающий собственной компетенцией и полномочиями координационно-стратегического характера, не относящийся прямо ни к одной из традиционных ветвей власти» [6].

Важно отметить, что законодатель намеренно избегает определения Госсовета РФ как «органа государственной власти», что порождает нормативный дуализм в его статусе. С одной стороны, он наделен конституционными полномочиями и формируется Президентом РФ, с другой – не включен в перечень органов государственной власти, установленный ст. 11 Конституции РФ. Такой терминологический выбор не является случайным и отражает стремление сохранить консультативный характер органа при одновременном расширении его влияния на принятие государственных решений. Мы полагаем, что данная юридическая конструкция представляет собой попытку создания гибридного института, который не может быть однозначно классифицирован в рамках традиционной теории разделения властей, но при этом обладает реальными инструментами воздействия на государственную политику.

В выступлении на расширенном заседании Президиума Государственного Совета РФ Президент В.В. Путин подчеркнул: «Государственный Совет играет важную, я бы сказал, даже стратегическую роль в системе государственной власти» [8]. Эта формулировка не столько риторическая, сколько отражающая новую реальность: без наделения Госсовета РФ властными полномочиями невозможно обеспечить защиту суверенитета и территориальной целостности государства на этапе разработки и согласования ключевых управленческих решений. В нашем понимании, такая трактовка роли изучаемого института фактически признает за ним статус, выходящий за рамки консультативного органа, и свидетельствует о его встраивании в реальные механизмы принятия государственных решений. Представляется, что данная позиция главы государства имеет определяющее значение для фактической интерпретации конституционно-правового статуса Госсовета РФ в системе органов публичной власти.

Первое принципиальное последствие конституционализации Госсовета РФ заключается в реорганизации горизонтальной структуры властных отношений. Традиционная триада «законодатель-

ная – исполнительная – судебная» претерпела фактическое расширение: Госсовет РФ, будучи «четвёртым» конституционным институтом, играет роль арбитра и координатора при выработке стратегических решений, что требует уточнения границ компетенции и механизмов взаимодействия с классическими ветвями власти. С научно-теоретической точки зрения возникает феномен «координационного квазиветвящегося органа», сочетающего в себе элементы и советско-административной традиции, и современных принципов разделения властей. Данный феномен требует развития конституционно-правовой доктрины, поскольку не вписывается в классическую модель разделения властей, предложенную Ш. Монтескье и закреплённую в большинстве современных конституций.

Для устранения противоречий в системе разделения властей целесообразно дополнить Федеральный закон № 394-ФЗ статьей, регламентирующей интеграцию Госсовета РФ в конституционную систему сдержек и противовесов. В данной статье следует прямо указать, что Госсовет РФ не подменяет функции существующих ветвей власти, но обеспечивает их согласованное взаимодействие, а также закрепить механизмы предотвращения возможных компетенционных конфликтов между Госсоветом РФ и другими конституционными органами, включая право Конституционного Суда РФ разрешать подобные конфликты.

С нашей точки зрения, возникновение подобного института можно рассматривать как симптом трансформации классической либеральной модели разделения властей в направлении более комплексной системы сдержек и противовесов, учитывающей специфику федеративного устройства и необходимость вертикальной координации в условиях усложнения государственного управления. Пленарные заседания и заседания Президиума Госсовета РФ собрали впервые не только Президента РФ, председателей Совета Федерации и Государственной Думы РФ, но и губернаторов всех без исключения субъектов Федерации, а также руководителей профильных федеральных органов. На перекрёстке интересов они проводят предварительную экспертизу ключевых законопроектов и нацпроектов, выступая своеобразным «фильтром» качества и легитимности для последующего законодательного и административного оформления.

В данном контексте особенно важным представляется проанализировать фактические механизмы воздействия Госсовета РФ на законодательный процесс. Не обладая формальным правом законодательной инициативы, Госсовет РФ тем не менее оказывает существенное влияние на повестку законотворчества через механизм президентских поручений и фактическое согласование позиций ключевых субъектов законодательного процесса на этапе предварительного обсуждения.

В целях повышения эффективности законотворческого процесса предлагается внести из-

менения в Федеральный закон № 394-ФЗ и Регламент Государственной Думы РФ, установив особый статус законопроектов, разработанных по итогам обсуждений на заседаниях Госсовета РФ. В частности, представляется целесообразным закрепить порядок, согласно которому данные законопроекты, вносимые Президентом РФ в порядке законодательной инициативы, рассматриваются Государственной Думой РФ в приоритетном порядке, а информация о их разработке на основе решений Госсовета РФ в обязательном порядке отражается в пояснительной записке.

Текст Послания Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. («Сменяемость и обновление власти в России, использование потенциала Конституции и всех уровней власти...», «перемены носят кардинальный и необратимый характер... сильная президентская власть для России абсолютно необходима для стабильности» [7]) открывает новый этап институционализации президентской власти. За этими высказываниями скрывается не только декларация укрепления вертикали, но и неявное признание ключевой роли Государственного Совета РФ как платформы для реализации стратегии «обновлённого» федерализма.

Во-первых, слова Президента РФ закладывают идею «четвёртой ветви власти» – конституционного института, способного выступать арбитром при согласовании законодательных инициатив и управленческих решений. Новизна данного подхода состоит в том, что Госсовет РФ при этом выступает не просто совещательным советом, а своего рода «координационно-арбитражным звеном», способным легитимизировать президентские решения в глазах региональных элит. Во-вторых, переход Российской Федерации от полупрезидентского к президентскому типу правления [5] подтверждает изменение баланса между главой государства и Правительством РФ: система исполнительной власти консолидируется вокруг Президента, а Госсовет РФ, будучи конституционным институтом (ст. 83 п. «е.5» Конституции РФ [1]; ФЗ № 394-ФЗ от 08.12.2020), получает полномочия не только по координации действий органов исполнительной и законодательной власти, но и по формированию приоритетов социально-экономического развития.

Изучая эту трансформацию, мы приходим к выводу, что конституционализация Госсовета РФ является не просто технической корректировкой государственного механизма, а свидетельствует о глубинной перестройке системы государственного управления в направлении централизации стратегических решений при сохранении формальной автономии региональных и муниципальных властей. С.А. Авакьян справедливо подчёркивает, что «основная сложность кроется в неопределённости конституционного разграничения ветвей власти, из-за чего некоторые институты по инерции именуется просто «государственными органами...» [3]. В результате формируется нормативный дуализм, затрудняющий сопоставительный анализ институ-

тов публичной власти. Мы разделяем данное мнение и считаем, что неопределенность правового статуса Госсовета РФ создает риски институциональных коллизий и дублирования функций с другими органами государственной власти. На наш взгляд, сложившаяся ситуация требует дальнейшего теоретического осмысления и нормативного уточнения для обеспечения эффективного функционирования системы публичной власти.

Вторым значимым эффектом стало смещение акцента в вертикальном разделении полномочий: Госсовет РФ выступает площадкой для выработки согласованных подходов к реализации федеральных политик на уровне регионов. Расширение его правового статуса позволило региональным руководителям инициировать коллегиальные решения, которые затем оформляются в виде президентских поручений и законодательных инициатив. Этот механизм фактически реализует принцип субсидиарности в формате «вертикальной консолидации», обеспечивая более оперативный учёт региональных особенностей при формировании единой государственной политики.

В целях укрепления федеративных основ государственного устройства и повышения роли субъектов РФ в процессе принятия стратегических решений целесообразно дополнить Федеральный закон № 394-ФЗ положениями, устанавливающими обязательность рассмотрения Госсоветом РФ региональных инициатив, поддержанных не менее чем одной третью субъектов Российской Федерации. Кроме того, следует законодательно закрепить механизм учета особого мнения регионов при принятии решений Госсоветом РФ, затрагивающих их интересы, включая обязательное приложение таких мнений к итоговым документам Госсовета РФ.

На наш взгляд, такая трансформация имеет амбивалентный характер: с одной стороны, она усиливает влияние субъектов Федерации на формирование общенациональной политики, с другой – создает дополнительный механизм вертикальной интеграции, способствующий усилению централизации государственного управления. В этом контексте особую актуальность приобретает вопрос о сохранении баланса между федеративными принципами и тенденцией к централизации властных полномочий.

Переориентация Госсовета РФ из неконституционного консультативного органа в полноценный конституционный институт носит двойственный характер: с одной стороны, она усилила механизм политической централизации, обеспечив более оперативное преодоление локальных разрозненных интересов посредством координации решений на федеральном уровне, а с другой – поставила перед российским конституционным правом задачу уточнения места Госсовета РФ в классической триаде «законодательная-исполнительная-судебная» ветвей власти. Такой дуализм отражает глубинное противоречие между стремлением к формальному сохранению традиционной модели разделения

властей и фактической потребностью в создании новых институциональных механизмов, способных обеспечить эффективную координацию между различными уровнями публичной власти в условиях федеративного государства. На наш взгляд, с позиций теории публичной власти Госсовет РФ следует рассматривать как «вертикальный координационный хаб», интегрирующий органы федерального центра и субъектов Федерации.

Статья 3 Федерального закона № 394-ФЗ устанавливает, что Госсовет РФ формируется «в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти». Последняя, в свою очередь, включает органы государственной власти и органы местного самоуправления. Проведенное исследование позволяет утверждать, что введение в конституционно-правовой оборот понятия «единая система публичной власти» и определение Госсовета РФ как органа, обеспечивающего ее согласованное функционирование, является попыткой создания нового уровня координации, выходящего за рамки традиционного федеративного взаимодействия. Это свидетельствует о формировании качественно новой модели вертикальной интеграции государственного управления, которая требует соответствующего теоретического осмысления.

Интерпретируя принцип субсидиарности, конституционализация Госсовета РФ предлагает новый механизм «вертикальной консолидации», при котором предложения субъектов федерации получают институциональную «фильтрацию» и легитимацию на федеральном уровне. Данная трансформация усиливает политическую централизацию через институализацию механизма «вертикальной консолидации инициатив». Принцип субсидиарности, традиционно предполагающий передачу части полномочий субъектам федерации, приобретает новое содержание: Госсовет РФ обеспечивает не только обратную связь от регионов к федеральному центру, но и «фильтрацию» законодательных инициатив на конституционной основе, что требует уточнения методологии разделения властей и разработки специального терминопонятийного аппарата.

Представляется, что такая трансформация принципа субсидиарности существенно видоизменяет классическую федеративную модель, создавая своеобразный «институциональный фильтр» для региональных инициатив. В результате формируется не столько двусторонний процесс взаимодействия центра и регионов, сколько многоуровневый механизм согласования интересов с доминирующей ролью федерального центра.

Особый научный интерес представляет феномен нормативно-правовой гибридности Госсовета РФ, проявляющийся в неоднозначности его правового статуса и характера принимаемых решений. С одной стороны, он определяется Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ как «конституционный государственный орган, форми-

руемый Президентом РФ для обеспечения согласованного функционирования органов публичной власти». С другой – его решения нередко приобретают статус «обязательных к исполнению», поскольку подписываются Президентом РФ и сопровождаются перечнем конкретных поручений.

Для устранения правовой неопределенности в отношении юридической силы решений Госсовета РФ необходимо внести изменения в Федеральный закон № 394-ФЗ, прямо закрепив их правовой статус и место в системе нормативных правовых актов Российской Федерации. Предлагается законодательно установить три категории решений Госсовета РФ:

- 1) рекомендательные решения по вопросам стратегического планирования, не имеющие прямой юридической силы;
- 2) решения координационного характера, утверждаемые указами Президента РФ и обязательные для исполнения в установленном порядке;
- 3) решения, реализуемые в форме законодательных инициатив Президента РФ. При этом для каждой категории решений следует детально регламентировать процедуру их подготовки, принятия и реализации.

Таким образом, Госсовет РФ выступает своеобразным «институциональным мостом» между инженерией стратегических решений и механизмом их принудительного исполнения. Подобная юридическая конструкция, как мы полагаем, создает новый тип нормативно-управленческого воздействия, сочетающий элементы консультативного процесса и императивного регулирования. Это ставит перед правовой наукой задачу разработки адекватного понятийного аппарата для описания таких «гибридных» форм управленческого воздействия.

Анализ положений Федерального закона № 394-ФЗ, протоколов заседаний Госсовета РФ [4] и перечня президентских поручений позволяет выделить три вида решений: консультативные рекомендации без прямых юридических последствий; квазинормативные акты, подкреплённые президентскими поручениями и имеющие обязательный характер; законодательные инициативы, оформляемые Президентом РФ как субъектом законодательной инициативы (ст. 104 Конституции РФ) в виде предложений о разработке или доработке федеральных конституционных и федеральных законов.

Предложенная методика стратификации по признаку «степень правовой обязательности» устраняет терминологический дуализм между «государственным органом» и «органом государственной власти» и даёт инструмент для унифицированного анализа компетенций транзитивных институтов публичной власти. Данная типология имеет существенное методологическое значение, поскольку позволяет перейти от формально-юридической характеристики статуса органа к функциональному анализу его реального воздействия на правовую и управленческую системы. В этом контек-

сте правовая природа Госсовета РФ определяется не столько его формальным наименованием, сколько характером и юридическими последствиями принимаемых им решений.

В научной дискуссии о правовом статусе Госсовета РФ особое внимание привлекают позиции официальных представителей власти и парламентариев, отражающие фундаментальные противоречия в понимании сущности этого института. С одной стороны, официальный представитель Президента РФ П.В. Крашенинников в ряде выступлений подчёркивал, что Госсовет РФ «не является органом государственной власти, поскольку не обладает властными полномочиями», «не наделён правом законодательной инициативы» и «не является субъектом права законодательной инициативы», а по своей природе остаётся «конституционным государственным органом» [10]. По его мнению, данная формулировка отражает «не игру слов, а значительную правовую нагрузку» [10] – отказ от названия института «органом государственной власти» исключает у него исполнительно-распорядительные и контрольные функции, традиционно атрибутируемые именно таким органам.

С другой стороны, депутат Государственной Думы РФ Ю.П. Синельщиков критиковал подобную позицию как формалистскую и потенциально опасную для единства государственного управления. По его наблюдениям, «если Госсовет РФ будет давать поручения о внесении законопроектов каким-либо иным лицам, субъектам законодательной инициативы, то это обернётся фактическими властными распоряжениями» [10]. Он предлагает законодательно зафиксировать, что проекты актов во исполнение решений Госсовета РФ вправе вносить в Государственную Думу РФ исключительно Президент РФ, что соответствовало бы буквальному перечню субъектов законодательной инициативы, закреплённому в ст. 104 Конституции РФ [10].

Анализируя эту дискуссию, мы приходим к выводу, что противоречия в трактовке статуса Госсовета РФ отражают более глубокую проблему адаптации традиционной конституционно-правовой терминологии к новым институциональным формам, возникающим в процессе эволюции государственного механизма. В этом контексте особое значение приобретает не только формальное определение Госсовета РФ, но и механизмы реализации его решений, которые фактически обеспечивают ему возможность косвенного влияния на законодательный процесс.

Для преодоления указанных противоречий в трактовке правового статуса Госсовета РФ представляется целесообразным внести в Федеральный закон № 394-ФЗ комплекс изменений, направленных на четкую регламентацию процесса реализации решений данного органа. В частности, предлагается дополнить закон специальной главой «Решения Государственного Совета Российской Федерации и механизмы их реализации», установив порядок подготовки, принятия и исполнения решений Госсовета РФ, а также ответствен-

ность за их неисполнение. Важной новеллой должно стать законодательное закрепление обязанности Президента РФ рассматривать предложения Госсовета РФ по внесению законопроектов в приоритетном порядке и в установленные сроки информировать Госсовет РФ о принятом решении.

На наш взгляд можно выделить две ключевые проблемные области, требующие дальнейшего теоретического осмысления и нормативного уточнения. Первая связана с нормативной неоднозначностью процедурной реализации решений Госсовета РФ. В Федеральном законе № 394-ФЗ от 08.12.2020 отсутствуют четкие правила, определяющие, кто и каким образом вносит законопроекты после обсуждений в Госсовете РФ. Это создает юридический вакуум, приводящий к различным трактовкам «влажности» решений института.

Вторая проблемная область обусловлена институциональным напряжением между буквальным перечнем органов государственной власти (ст. 11 Конституции РФ) и содержательным объемом полномочий Госсовета РФ. Формально не входя в указанную норму, данный институт, тем не менее, претендует на функции, свойственные именно этим органам, что ставит под сомнение единообразие системы разделения властей. В условиях нарастающей политической централизации эти противоречия приобретают не только теоретическую, но и практическую значимость: неурегулированность процедур законодательной инициативы чревата срывами принятия федеральных законов и дублированием полномочий между Госсоветом РФ, Правительством РФ и Президентом РФ.

Мы склонны полагать, что данные противоречия являются не случайным недостатком нормативного регулирования, а отражением объективных противоречий в процессе институциональной эволюции системы государственного управления, требующих комплексного теоретического осмысления.

В целях обеспечения системности и согласованности государственного управления представляется необходимым установить ясные правовые рамки взаимодействия Госсовета РФ с другими органами публичной власти. Для этого предлагается дополнить Федеральный закон № 394-ФЗ положениями, регламентирующими порядок координации деятельности Госсовета РФ с Администрацией Президента РФ, Правительством РФ, Советом Безопасности РФ и другими органами, участвующими в формировании и реализации государственной политики. Особого внимания заслуживает вопрос о разграничении предметов ведения между Госсоветом РФ и Советом Федерации как органом, представляющим интересы субъектов Федерации на федеральном уровне. Предлагается нормативно закрепить механизмы их взаимодействия, в том числе путем проведения совместных заседаний по вопросам регионального развития и федеративных отношений.

Для преодоления указанных противоречий необходимо развивать концепцию конституционных государственных органов особого типа, функцио-

нирующих на стыке традиционных ветвей власти. В рамках данной концепции Госсовет РФ должен рассматриваться как особый координационно-консультативный орган с элементами нормотворческой функции, реализуемой через механизм президентских инициатив. Практическим воплощением этой концепции могло бы стать законодательное закрепление четкого алгоритма трансформации решений Госсовета РФ в нормативные акты, с четким определением ответственных субъектов и сроков реализации соответствующих инициатив.

В этой связи предлагается дополнить Федеральный закон № 394-ФЗ статьей «Механизм трансформации решений Государственного Совета Российской Федерации в нормативные правовые акты», в которой следует предусмотреть следующий алгоритм:

1) при одобрении Госсоветом РФ предложений, требующих законодательного регулирования, Президент РФ в десятидневный срок направляет соответствующий законопроект в Государственную Думу РФ;

2) если решение Госсовета РФ требует издания подзаконных актов, соответствующие проекты разрабатываются уполномоченными органами в месячный срок;

3) за реализацией решений Госсовета РФ устанавливается систематический мониторинг, результаты которого рассматриваются на заседаниях Президиума Госсовета РФ не реже одного раза в квартал.

Изучение международного опыта показывает, что появление подобных гибридных институтов характерно для многих федеративных государств на определенном этапе их развития. В этом контексте Госсовет РФ можно рассматривать как институциональный ответ на вызовы, связанные с необходимостью координации сложносоставной федеративной системы в условиях глобальной неопределенности и возрастающих внешних вызовов.

Рассматривая роль Госсовета РФ в обеспечении единства стратегического планирования, мы отмечаем, что данный орган фактически выполняет функцию интеграции региональных и федеральных приоритетов развития. Анализ практики работы Госсовета РФ свидетельствует о его возрастающей роли в определении ключевых направлений социально-экономического развития страны, что особенно проявляется в процессе формирования и мониторинга реализации национальных проектов. При этом мы полагаем, что для повышения эффективности данной деятельности необходимо дальнейшее уточнение механизмов взаимодействия Госсовета РФ с Правительством РФ, Федеральным Собранием РФ и другими органами государственной власти.

С точки зрения конституционной теории, включение Госсовета РФ в систему высших органов государственной власти ставит фундаментальный вопрос о трансформации классической модели разделения властей. Данная трансформация отражает общемировую тенденцию к усложнению

институциональных структур государственного управления в ответ на возрастающую комплексность социально-экономических и политических процессов. В этом контексте мы считаем перспективным развитие теории «функционального разделения властей», в рамках которой акцент смещается с формального разграничения органов на анализ их функциональных взаимосвязей и механизмов взаимного контроля.

Для закрепления теоретических основ функционирования Госсовета РФ в системе публичной власти предлагается дополнить Федеральный закон № 394-ФЗ преамбулой, отражающей концептуальное видение его места и роли в государственном механизме. В преамбуле следует указать, что Госсовет РФ является особым элементом конституционной системы публичной власти, обеспечивающим функциональное единство традиционных ветвей власти в решении стратегических задач развития государства. Подобная формулировка позволит преодолеть концептуальные противоречия в трактовке правового статуса данного органа и создаст основу для дальнейшего развития теории публичной власти в российском конституционализме.

Особое внимание следует уделить вопросу о влиянии конституционализации Госсовета РФ на развитие федеративных отношений в России. Создание единой институциональной площадки, объединяющей федеральный центр и субъекты Российской Федерации, потенциально способствует более эффективному согласованию интересов различных уровней публичной власти. Вместе с тем, существует необходимость дальнейшего совершенствования механизмов представительства региональных интересов в деятельности Госсовета РФ, в частности, через развитие института комиссий и рабочих групп с участием представителей различных субъектов Российской Федерации.

Принципиально важным, на наш взгляд, является вопрос о демократической легитимности решений Госсовета РФ, который создан решением Президента РФ, что потенциально может вызывать вопросы относительно его демократической подотчетности. В этой связи необходимо развивать механизмы общественного контроля за деятельностью Госсовета РФ, в том числе через публичное обсуждение принимаемых им решений и регулярную отчетность о результатах их реализации.

Практика функционирования Госсовета РФ показывает постепенное расширение сферы его компетенции, что подтверждает нашу гипотезу о трансформации его роли в системе государственного управления. Особенно заметно это проявляется в усилении его влияния на формирование повестки законотворческой деятельности и определение приоритетов бюджетного планирования. В этом контексте мы считаем необходимым дальнейшее теоретическое осмысление эволюции конституционно-правового статуса Госсовета РФ и разработку научно обоснованных предложений

по совершенствованию нормативного регулирования его деятельности.

В заключение необходимо подчеркнуть, что институционализация Госсовета РФ отражает объективные тенденции развития государственного управления в современной России и соответствует потребности в создании эффективных механизмов координации различных уровней и ветвей публичной власти. Вместе с тем, для полной реализации потенциала данного института необходимо дальнейшее уточнение его конституционно-правового статуса, механизмов принятия и реализации решений, а также форм взаимодействия с другими органами государственной власти.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что Госсовет РФ представляет собой новый тип конституционного органа, функционирующего на стыке традиционных ветвей власти и обеспечивающего вертикальную и горизонтальную координацию в системе публичной власти. Его дальнейшая эволюция будет определяться как объективными потребностями государственного управления, так и развитием конституционно-правовой доктрины, способной адекватно описать и объяснить новые институциональные формы, возникающие в процессе трансформации классической модели разделения властей.

Будущее развитие правового регулирования деятельности Госсовета РФ должно быть направлено на укрепление его координационного потенциала при одновременном сохранении системы сдержек и противовесов, гарантирующей баланс различных ветвей и уровней публичной власти. Только такой подход позволит в полной мере реализовать потенциал данного института как эффективного инструмента обеспечения единства стратегического управления государством при сохранении конституционных принципов федерализма и разделения властей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/ (дата обращения: 12.03.2025).
2. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/ (дата обращения: 12.03.2025).
3. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Практикум: учебное пособие / С.А. Авакьян. — Москва: Городец, 2013. — 400 с.
4. Государственный Совет РФ. События [Электронный ресурс] // Президент России: офици-

альный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council> (дата обращения: 20.03.2025).

5. Дзидзоев, Р.М. Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации: новые грани взаимоотношений / Р.М. Дзидзоев // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 38–47. – DOI 10.12737/jrl.2021.060.
6. Кожевников, О.А. Конституционно-правовой статус Государственного Совета Российской Федерации в зеркале современных конституционных преобразований / О.А. Кожевников, А.В. Безруков, А.Н. Мещеряков // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 57–74. – DOI 10.52468/2542–1514.2021.5(3).57–74. – EDN BECGIY.
7. Послание Президента Федеральному собранию [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – 15.01.2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/n...> (дата обращения: 19.03.2025).
8. Расширенное заседание президиума Государственного совета [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72319> (дата обращения: 22.03.2025).
9. Румянцев, О.Г. Государственный Совет (отрывок из монографии «Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления» и комментариев к нему) / О.Г. Румянцев // Конституционный вестник. – 2019. – № 4 (22). – С. 286–294.
10. Стенограмма обсуждений законопроекта № 1036217–7 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1036217–7> (дата обращения: 18.03.2025).

INSTITUTIONALIZATION OF THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A NEW STAGE IN THE EVOLUTION OF THE SYSTEM OF PUBLIC POWER: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS

Arsnukaeva R.S.-M.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article examines the institutionalization process of the State Council of the Russian Federation in the context of the 2020 constitutional reform, which granted it a constitutional and legal status.

The author analyzes the dualism of the State Council's legal nature, combining advisory functions with actual authoritative powers. The thesis about the transformation of the classical model of separation of powers and the formation of a special coordination mechanism between the federal center and regions is substantiated. The contradictions between the formal status of the State Council as a «constitutional state body» and its real role in the public authority system are identified, and ways to overcome them are proposed.

Keywords: State Council of the Russian Federation, constitutional reform, public authority system, federal relations, separation of powers, institutionalization.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 [Electronic resource] // ConsultantPlus: reference legal system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/ (date of access: March 12, 2025).
2. Federal Law of December 8, 2020 No. 394-FZ “On the State Council of the Russian Federation” [Electronic resource] // ConsultantPlus: reference legal system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/ (date of access: March 12, 2025).
3. Avakyan, S.A. Constitutional Law of Russia. Workshop: Textbook / S.A. Avakyan. – Moscow: Gorodets, 2013. – 400 p.
4. State Council of the Russian Federation. Events [Electronic resource] // President of Russia: official website. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council> (date of access: 03/20/2025).
5. Dzidzoev, R.M. President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation: new facets of relations / R.M. Dzidzoev // Journal of Russian Law. – 2021. – No. 5. – P. 38–47. – DOI 10.12737/jrl.2021.060.
6. Kozhevnikov, O.A. Constitutional and legal status of the State Council of the Russian Federation in the mirror of modern constitutional reforms / O.A. Kozhevnikov, A.V. Bezrukov, A.N. Meshcheryakov // Law enforcement. – 2021. – Vol. 5, No. 3. – Pp. 57–74. – DOI 10.52468/2542–1514.2021.5(3).57–74. – EDN BECGIY.
7. Message of the President to the Federal Assembly [Electronic resource] // President of Russia: official website. – 01/15/2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/n...> (date of access: 03/19/2025).
8. Expanded meeting of the Presidium of the State Council [Electronic resource] // President of Russia: official website. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72319> (date of access: 03/22/2025).
9. Rumyantsev, O.G. State Council (excerpt from the monograph “Fundamentals of the constitutional system of Russia: concept, content, issues of formation” and commentary to it) / O.G. Rumyantsev // Constitutional Bulletin. – 2019. – No. 4 (22). – P. 286–294.
10. Transcript of discussions of draft law No. 1036217–7 [Electronic resource] // System for ensuring legislative activity of the State Automated System “Lawmaking”. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1036217–7> (date of access: 18.03.2025).

Соотношение прав и обязанностей несовершеннолетних как членов общества: философско-правовой аспект проблемы

Греченкова Ксения Андреевна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

Лебедь Мария Владимировна,

к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

Статья посвящена исследованию взаимосвязей между правами и обязанностями несовершеннолетних с философско-правовых позиций. Актуальность работы обоснована необходимостью воспитания несовершеннолетних как достойных членов общества в духе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. На основе философско-правовой теоретической базы, исторической ретроспективы, анализа некоторых педагогических (теоретических и практических) исследований оцениваются подходы к соотношению прав и обязанностей несовершеннолетних в доктрине и законодательстве советской и современной России. Автор делает вывод о первичности прав несовершеннолетних перед обязанностями. По мнению автора, принцип единства прав и обязанностей распространяется на всех без исключения граждан, поэтому в Семейном кодексе РФ могут быть закреплены обязанности несовершеннолетних с целью правильной организации семейного воспитания и формирования детей как достойных членов общества в духе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: воспитание, несовершеннолетние, права, обязанности, ценности, семья.

Для полноценного развития общества каждый член общества, должен пользоваться всеми правами, предоставленными ему обществом, и, одновременно, добросовестно исполнять свои обязанности. Несовершеннолетние являются полноценными членами общества, их права закреплены в нормах международного и отечественного права. Однако обязанности, в том числе в семейных правоотношениях, на несовершеннолетних детей законодательством не возлагаются в условиях корреспондирования правам несовершеннолетних обязанностей родителей по воспитанию, обучению и развитию детей, а при отсутствии родительского попечения – обязанностей государства, обеспечивающего приоритет семейного воспитания (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ). В 1991 году в России была предпринята попытка включения положений об обязанностях несовершеннолетних детей в семье и вне семьи в проект Кодекса об охране детства, материнства, отцовства, о браке и семье РСФСР, разработанного Ленинградским детским фондом им. Ф.М. Достоевского. «В проекте указывались обязанности детей в семье (уважение родителей, опекунов, родственников, оказание посильной помощи и поддержки) и вне семьи (уважение достоинства других людей и т.д.)»¹. Данный проект не получил статуса закона.

Соотношение прав и обязанностей несовершеннолетних как членов общества является одной из основных проблем современной философии воспитания. Вопрос о наличии в структуре правового статуса детей обязанностей в современной юридической науке является дискуссионным. Современная доктрина ориентирована нормами международного и отечественного законодательства на всемерную охрану и защиту несовершеннолетних (в том числе от эксплуатации) как уязвимых членов общества. Исходя из сказанного, следует обратиться к философско-правовой теоретической базе и некоторой исторической ретроспективе. Это позволит оценить подходы к соотношению прав и обязанностей несовершеннолетних в доктрине и законодательстве советской и современной России.

Советская правовая действительность основывалась на концепции диалектического материализма, где коллективному труду отводилась важнейшая роль в развитии общества. Как подчеркивал К. Маркс, «производство обособленно-

¹ Король И.Г. Личные неимущественные права ребенка по семейному праву Российской Федерации: научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2010 // СПС «Консультант Плюс».

го одиночки вне общества – редкое явление, которое может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и динамически уже содержащим в себе общественные силы, – такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидуумов»¹. Вовлечение в коллективный трудовой деятельность на благо общества распространялось, в том числе на несовершеннолетних детей, достигших возраста 9 лет. По убеждению К.Н. Вентцеля, «каждый ребенок, с того возраста, когда это делается для него возможным, должен принимать участие в общественно-необходимом промышленном, сельскохозяйственном или каком – либо ином производительном труде в размере, определяемом его силами и способностями. Этот труд не должен наносить ущерб физическому здоровью детей или служить помехой в деле их духовного развития, но должен слиться в одно целое со всей системой воспитания и образования народа»².

Детским общественным организациям в советскую эпоху отводилась важная роль в формировании будущего поколения как достойных членов общества. В частности, пионерская организация воспринималась как «кусочек живого социализма, силища, которая переделает всю жизнь по-новому»³. Коллективный труд, являясь составляющей пионерской организации, не должен был вредить учебной деятельности, но служить профессиональному самоопределению ребенка в будущем. Пионер был обязан всесторонне развиваться, «заботиться о правильном выборе общественно полезного труда»⁴, нести иные обязанности, возложенные на него обществом и закрепленные в «Обязанностях и правах юного пионера», утвержденных Бюро ЦК ВЛКСМ 10 апреля 1954 года, в том числе, помогать старшим, учиться, заниматься спортом. Эти обязанности являлись одновременно и правами детей как будущих строителей коммунизма.

Роль коллектива, коллективного труда и наличие обязанностей у несовершеннолетних правонарушителей отмечал А.С. Макаренко в своих трудах. По его мнению, «объектом советского воспитания может быть только целый коллектив. Только воспитывая коллектив, мы можем рассчитывать, что найдем такую форму его организации, при которой отдельная личность будет и наиболее дисциплинирована, и наиболее свободна»⁵. Появлению

чувства ответственности и долга способствовало наличие обязанностей в среде несовершеннолетних.

Советское государство возлагало на детей не привязанную к характеристике возраста конституционную обязанность заботиться о родителях и оказывать им помощь (ст. 66 Конституции СССР⁶). Коллективный интерес в советском обществе превалировал над интересом личности, при этом интересы личности не могли противопоставляться и не соответствовать коллективному интересу и коллективному благу. На этой идее было построено не только воспитание молодого поколения, но и советская концепция прав человека (Г.В. Мальцев, Н.В. Витрук), исходившая из принципа «единства прав и обязанностей»⁷. Указанный принцип был характерен и для несовершеннолетних. «В правоотношениях между родителями и детьми права и обязанности принадлежат и тем и другим. Правам родителей соответствуют обязанности, а родительским обязанностям – правомочия детей..., правам и обязанностям родителей противостоят соответствующие им обязанности и права детей»⁸. Как справедливо указывал, Е.М. Ворожейкин, «конструкция правовых взаимоотношений родителей и детей, при которой дети имеют только права на воспитание от родителей и не несут перед ними никаких правовых обязанностей, не может способствовать правильной организации семейного воспитания»⁹, правильному формированию правового сознания несовершеннолетних как достойных членов общества. Указанный законодательный и доктринальный подход обязанностям несовершеннолетних произрастал из советской коммунистической морали, на которой основывалась идея о формировании «личности нового поколения», в том числе посредством патриотического и трудового воспитания. Несовершеннолетнему отводилась активная роль в становлении себя как достойного члена общества посредством пользования своими правами и исполнения обязанностей.

Конституция РФ в отличие от Основного закона СССР возлагает обязанности по заботе о родителях исключительно на совершеннолетних детей (ст. ст. 38, 72). Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» призывает укрепить и сохранить такие традиционные ценности как «крепкая семья, созидательный

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения в 30 т. Т. 12. – М.: Госполитиздат, 1958. – С. 710.

² К. Н. Вентцель. Отделение школы от государства и Декларация прав ребенка. – М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К. 1918. С. 14. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://elilb.shpl.ru/ru/nodes/81026-venttsel-k-n-otdelenie-shkoly-ot-gosudarstva-i-deklaratsiya-prav-rebenka-m-1918-b-ka-svobodnogo-vospitaniya-i-obrazovaniya-i-zaschity-detey-vyp-94#mode/inspect/page/14/zoom/6> (дата обращения: 20.04.2025).

³ Крупская Н.К. Педагогические сочинения в 10 т. Т. 5. – М.: Академия педагогических наук, 1959. – С. 140.

⁴ Крупская Н.К. Педагогические сочинения в 10 т. Т. 5. – М.: Академия педагогических наук, 1959. – С. 342.

⁵ Макаренко А.С. Педагогическая поэма. – М.: Популярная литература, 1981. – С. 374.

⁶ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 12 октября 1977 г. N 41 Ст. 617.

⁷ Давтян В.Р. Идея прав человека в советской юридической науке (1946–1991 гг.): Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Москва, 2011. С. 8.

⁸ Иоффе О.С. Советское гражданское право: в 3 т. Ч. 3. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958–1965. С. 238–239.

⁹ Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. – М.: Юридическая литература, 1972. – С. 188–189.

труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение»¹. Определяя крепкую семью как традиционную ценность, законодатель позиционирует ее как фундаментальную основу российского общества², и как приоритетный воспитательный механизм в формировании в детях ответственной личности с глубокими нравственными идеалами, соответствующими традиционным российским ценностям³.

Положения документов стратегического планирования РФ, затрагивающих отдельные аспекты прав и обязанностей несовершеннолетних, свидетельствуют о том, что в процессе их воспитания как гармонично развитой личности в духе традиционных ценностей детям отводится пассивная роль. Так, в Стратегии развития воспитания до 2025 года указывается, что трудовое воспитание и профессиональное самоопределение реализуется посредством приобщения детей к трудовой деятельности, посредством формирования у детей умений и навыков самообслуживания, потребности трудиться, добросовестного, ответственного и творческого отношения к разным видам трудовой деятельности, включая обучение и выполнение домашних обязанностей⁴. Приоритетом государственной политики в области воспитания является создание условий для воспитания здоровой, счастливой, свободной, ориентированной на труд личности. Развитие воспитания в системе образования предполагает содействие разработке и реализации программ воспитания обучающихся в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, которые направлены на повышение уважения детей друг к другу, к семье и родителям, учителю, старшим поколениям, а также на подготовку личности к семейной и общественной жизни, трудовой деятельности⁵. Приведенные положения документов стратегического планирования РФ показывают, что государство принимает меры, ориентированные на формирование у детей ответственного отношения к труду, повышение уважения к семье, подготовку личности к семейной и общественной жизни, трудовой деятельности, однако дети рас-

сматриваются как пассивная сторона в достижении указанных задач. В российском законодательстве нет явно выраженного ориентира, обязывающего детей становиться достойными членами российского общества.

Таким образом, в права несовершеннолетних имеют приоритет перед обязанностями, исходя из логики законодателя и приведенных философских позиций, однако принцип единства прав и обязанностей распространяется на всех без исключения граждан, в том числе и на детей. На основе идеи единства прав и обязанностей в советское время несовершеннолетнему как будущему члену общества отводилась активная роль в собственном становлении.

В современных стратегических установках РФ, направленных на формирование в детях ответственной личности с глубокими нравственными идеалами, соответствующими традиционным российским ценностям, активная роль самих несовершеннолетних выражена недостаточно, в том числе ввиду отсутствия законодательно закрепленных обязанностей детей. В Семейном кодексе РФ могут быть в декларативной форме закреплены обязанности несовершеннолетних детей с целью правильной организации семейного воспитания и формирования детей как достойных членов общества в духе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Литература

1. Вентцель К.Н. Отделение школы от государства и Декларация прав ребенка / К.Н. Вентцель. – М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1918. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://elibrary.ru/nodes/81026-venttsel-k-n-otdelenie-shkoly-ot-gosudarstva-i-deklaratsiya-prav-rebenka-m-1918-b-ka-svobodnogo-vospitaniya-i-obrazovaniya-i-zaschity-detey-vyp-94#mode/inspect/page/14/zoom/6>.
2. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. – М.: Юридическая литература. 1972. 335 с.
3. Давтян В.Р. Идея прав человека в советской юридической науке (1946–1991 гг.): Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – 26 с.
4. Иоффе О.С. Советское гражданское право в 3 т. Ч. 3. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958–1965. 347 с.
5. Король И.Г. Личные неимущественные права ребенка по семейному праву Российской Федерации: научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 160 с.
6. Крупская Н.К. Педагогические сочинения в 10 т. Т. 5. – М.: Академия педагогических наук, 1959.
7. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. – М.: Популярная литература, 1981.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения в 30 т. Т. 12. – М.: Госполитиздат, 1958.

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ, 14.11.2022, N 46, ст. 7977.

² Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 01.09.2014. N 35. Ст. 4811.

³ Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 N 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 08.06.2015. N 23. Ст. 3357.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 N 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 08.06.2015. N 23. Ст. 3357.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 N 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 08.06.2015. N 23. Ст. 3357.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE RIGHTS AND OBLIGATIONS OF MINORS AS MEMBERS OF SOCIETY: THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECT OF THE PROBLEM

Grechenkova K.A., Lebed M.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the study of the relationship between the rights and obligations of minors from a philosophical and legal perspective. The relevance of the work is justified by the need to educate minors as worthy members of society in the spirit of traditional Russian spiritual and moral values. Based on the philosophical and legal theoretical framework, historical retrospective, analysis of some pedagogical (theoretical and practical) studies, approaches to the relationship between the rights and obligations of minors in the doctrine and legislation of Soviet and modern Russia are assessed. The author concludes that the rights of minors take precedence over obligations. According to the author, the principle of the unity of rights and obligations applies to all citizens without exception, therefore, the Family Code of the Russian Federation may establish the responsibilities of minors in order to properly organize family education and the formation of children as worthy members of society in the spirit of traditional Russian spiritual and moral values.

Keywords: education, minors, rights, responsibilities, values, family.

References

1. Venttsel K.N. Separation of School from the State and the Declaration of the Rights of the Child / K.N. Venttsel. – M.: Typo-lit. T-va I.N. Kushnerev and K, 1918. [Electronic resource]. – access mode: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/81026-venttsel-k-n-otdelenie-shkoly-ot-gosudarstva-i-deklaratsiya-prav-rebenka-m-1918-b-ka-svobodnogo-vospitaniya-i-obrazovaniya-i-zaschity-detey-vyp-94#mode/inspect/page/14/zoom/6>.
2. Vorozheikin E.M. Family Relations in the USSR. – M.: Legal Literature. 1972. 335 p.
3. Davtyan V.R. The idea of human rights in Soviet legal science (1946–1991): Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. – Moscow, 2011. – 26 p.
4. Ioffe O.S. Soviet civil law in 3 volumes. Part 3. – Leningrad: Publishing house of Leningrad University, 1958–1965. 347 p.
5. Korol I.G. Personal non-property rights of a child under the family law of the Russian Federation: a scientific and practical manual. – Moscow: Prospect, 160 p.
6. Krupskaya N.K. Pedagogical works in 10 volumes. Vol. 5. – Moscow: Academy of Pedagogical Sciences, 1959.
7. Makarenko A.S. Pedagogical poem. – M.: Popular Literature, 1981.
8. Marx K. and Engels F. Works in 30 volumes. Vol. 12. – M.: Gospolitizdat, 1958.

Цифровое пространство доверия как инструмент построения цифрового суверенитета

Елин Владимир Михайлович,

доцент кафедры информационной безопасности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Царегородцев Анатолий Валерьевич,

доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института цифровых технологий ФИТиАБД Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

В статье рассматривается ряд аспектов реализации цифрового суверенитета государства путем построения экономики данных на современном этапе развития информационного общества в условиях глобальной трансформации систем и механизмов коммуникации и иных сфер общественной жизни. Авторами проведен анализ понятия «цифрового суверенитета» в связи с возможностью государства контролировать свои цифровые данные, информацию, а также обеспечивать безопасность и защиту цифровых технологий и инфраструктуры с учетом технологических, политических, экономических и правовых аспектов. При этом сделан вывод о наличии взаимосвязи между цифровым суверенитетом и цифровой средой доверия.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, пространство доверия, информационное общество, информационная безопасность.

В настоящее время в нашей стране стоит задача реализации комплекса мероприятий, направленных на обеспечение цифрового суверенитета государства¹, путем построения экономики данных, представляющей собой структурированную экосистему, в которой данные собираются, организируются и обмениваются сетью компаний, частных лиц и учреждений для создания экономической ценности.

Современный этап развития информационного общества характеризуется тем обстоятельством, что Интернет производит глобальную трансформацию как систем и механизмов коммуникации, так и иных сфер общественной жизни. Так, по мнению О.В. Омеличкина «огромный отпечаток на демократическую конфигурацию информационных сетей накладывает растущая глобализация современного мира. Она ослабляет контроль национальных государств над коммуникационными источниками и способствует широкому и беспрепятственному распространению политических идей и демократического опыта»².

Законодательство о цифровом суверенитете может включать в себя³: определение прав и обязанностей субъектов цифрового пространства, включая пользователей, компании и государственные органы; регулирование сбора, хранения, обработки и передачи персональных данных с учетом конфиденциальности и безопасности; защита киберпространства от кибератак и киберугроз, а также установление мер по предотвращению и пресечению киберпреступности; обеспечение независимости государства от иностранных цифровых платформ и технологий, привлечение внутренних ресурсов для развития собственного цифрового пространства; развитие и поддержка национальных цифровых инфраструктур, включая цифровые сервисы, интернет-инфраструктуру и цифровые платформы.

Французский бизнесмен Пьер Белланжер определил цифровой суверенитет (*souveraineté numérique*) как «контроль над сегодняшним днем и нашей общей судьбой, которые являют себя и формиру-

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 года, // <http://www.kremlin.ru/vents/president/transcripts/73585> (дата обращения: 08.06.2024).

² Омеличкин О.В. Электронная демократия: понятие, проблемы // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). С. 86–89.

³ Авдийский, В.И. Взаимосвязь цифрового суверенитета и цифрового пространства: новые вызовы и перспективы / В.И. Авдийский, А.В. Иванов, А.В. Царегородцев // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 3. – URL: <https://esj.today/PDF/21FAVN324.pdf>

ются через применение технологий и компьютерных сетей»¹, отмечая при этом, что ни Франция, ни Европа в целом не достигли достаточного уровня контроля и не обеспечили надлежащую независимость в вопросах развития цифровых сетей.

Зарубежными исследователями представлены пять концепций цифрового суверенитета: «суверенитет киберпространства», «цифровой суверенитет, государства и правительства», «цифровой суверенитет коренных народов», «цифровой суверенитет и общественные движения», а также «личный цифровой суверенитет»². По мнению авторов именно такие концепции позволяют продемонстрировать многообразие подходов к определению «цифрового суверенитета», а также определить ключевых акторов и особенности выдвигаемой ими повестки. Также по их мнению, значимость каждой категории должна оцениваться дискретно: вне всякого сомнения, претензии Китая и России на установление цифрового суверенитета сами по себе привлекут больше внимания со стороны академического сообщества или СМИ, чем проблемы суверенитета коренных народностей, что, однако, не делает последнюю проблему менее важной.

Проводя исследование понятия «цифрового суверенитета» было определено, что его правовое понимание близко к пониманию «информационного суверенитета», поскольку состоит из тех же самых важных структурных элементов обеспечения суверенитета, поскольку цифровой суверенитет определяет возможность государства самостоятельно осуществлять функции в информационной сфере, часть которой состоит из информационных отношений, а часть из совокупности взаимодействующих различных информационных технологий, обеспечивающих возникновение и поддержание этих отношений, а также их нормативного регулирования³. При этом цифровой суверенитет можно рассматривать как возможность государства контролировать свои цифровые данные, информацию, а также обеспечивать безопасность и защиту цифровых технологий и инфраструктуры с учетом технологических, политических, экономических и правовых аспектов. По мнению ряда исследователей «существенными признаками цифрового суверенитета государства является наличие собственных эффективных и высококонкурентных программных продуктов для решения широкого круга задач (национальные операционные системы, инструменты работы с Big Data, программные системы мониторинга, аналитики и прогнозирования, разработки в области искусственно-

го интеллекта и т.д.). В рамках данной парадигмы на первый план выходят технологический потенциал и независимость государства от внешних поставщиков «высоких технологий»⁴.

При этом можно проследить определенную взаимосвязь между цифровым суверенитетом и цифровой средой доверия, под которой можно понимать комплексную задачу по созданию взаимосвязанного комплекса правовых, технологических и методологических решений для функционирования эффективных и безопасных средств дистанционного взаимодействия. Именно в таком ключе тематика цифрового доверия раскрывается в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», поскольку к вызовам цифровой трансформации отнесена проблема обеспечения доверия граждан к цифровой среде, вследствие чего задача формирования единой цифровой среды доверия для наделения участников цифровой экономики инструментами доверенных цифровых дистанционных коммуникаций.

Следует уделять достаточное внимание проблеме обеспечения безопасности цифровой среды доверия, что предполагает формирование доверия в отношении процессов цифровой экономики, проведение активной государственной политики в области информационной безопасности, а также разработки инструментов контроля со стороны гражданского общества и активного вовлечения граждан в обсуждение цифровых инноваций, спонсирование проектов.

Стратегические задачи, связанные построением пространства доверия в Российской Федерации определяются положениями Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», Указами Президента Российской Федерации, иными нормативными актами⁵.

В ходе реализации проекта планируется обеспечить идентификацию субъектов правоотношений в цифровой среде, электронный документооборот, а также оборот данных. При этом, определены направления, связанные с совершенствованием механизмов использования цифровых технологий в народном хозяйстве, что нашло свое отражение в Паспорте федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» и включает в себя:

- осуществление нотариальных действий путем изготовления нотариального документа в электронном виде;
- возможности дистанционного участия в судебном заседании, направления жалоб, ходатайств и иных заявлений в электронной форме;

⁴ Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) / В.А. Никонов, А.С. Воронов, В.А. Сажина [и др.] // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 206–216. – DOI 10.17223/1998863X/60/18. – EDN PCWPLD.

⁵ Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

¹ Bellanger P. (2012) De la souveraineté numérique. Le Débat, 170 (3), pp. 149–159.

² Кутюр С. Тоупин С. (2020) Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. Т. 15. № 4. С. (на русском языке). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03.

³ Жарова А.К., Елина В.В. Множественность понятия «суверенитет Российской Федерации в информационной сфере» // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4 (43). С. 51–55. DOI: 10.47475/2311-696X2024-43-4-51-55

— определение пределов допустимости электронных доказательств и др.

При этом существенное внимание уделяется проблеме построения цифрового пространства доверия¹, или, как указано в Программе «Цифровая экономика РФ», — «цифровая среда доверия».

В то же время, вступившая в силу 1 ноября 2019 года в нашей стране совокупность законодательных требований, получивших название Закон о суверенном интернете² предусматривает создание национальной системы маршрутизации данных, передача и обработка которых осуществляется с использованием стека протоколов TCP/IP. Законом предусмотрена обязанность операторов связи по установке на линиях связи внутри страны сертифицированного оборудования на точках обмена трафиком для анализа и фильтрации трафика (Deep Packet Inspection, DPI) внутри страны и линиях связи, пересекающих границу России, для того впоследствии эти точки могли бы быть внесены в реестр и использованы в исключительном порядке. Централизованное управление российским сегментом сети интернет осуществляется Роскомнадзором, который также обеспечивает ограничение доступа к запрещённым в России сайтам. В России создается национальная система доменных имен, а для проверки особенностей реагирования российского сегмента сети интернет на актуальные угрозы должны проводиться учения. При этом не нашли подтверждения запугивания о том, что суверенный интернет станет чем-то вроде Кванмёна, северокорейского интранета, отсоединенного от глобальной сети при отсутствии доступа к зарубежным ресурсам.

Правительством Российской Федерации установлены Правила ведения реестра точек обмена трафиком, которые устанавливают порядок ведения реестра точек обмена трафиком, в том числе направления уведомлений собственниками или иными владельцами точек обмена трафиком и включения сведений в реестр³. Реестр точек обмена трафика содержит сведения об операторах; уникальные идентификаторы совокупности средств связи и иных технических средств в сети; сетевые адреса; перечень подключенных к точке обмена трафиком сетей связи и сведения об их владельцах. Основанием для включения сведений о точке в реестр является направление уведомления о начале деятельности по обеспечению функционирования точки.

Закон вводит целый ряд новых понятий, в частности, «точка обмена трафиком» определена как физическое место, где соединяются между собой

сети различных организаций; «номер автономной системы» представляет собой это обозначение сетевой структуры, которая принадлежит одной административной единице и которая имеет соединения более чем с одним интернет-провайдером, таким образом обладает определенной самостоятельностью и самодостаточностью.

В настоящее время можно определить ряд векторов, по которым будет происходить реализация цифрового суверенитета. Несомненно, указанная деятельность представляет собой комплекс мероприятий, затрагивающих как организационно-правовые, так и аппаратно-программные составляющие современных информационных технологий. В последней части предлагается в качестве примера особо выделить необходимость создания отечественных центров обработки данных и российских облачных платформ. При этом технологические требования надежности и безопасности центров обработки данных (дата центров) напрямую связаны с географическими и климатическими особенностями нашей страны, определяющими как географическое распределение для обеспечения отказоустойчивости, так и низкие затраты, связанные с охлаждением и энерговооруженностью. Также снижению затрат должны способствовать ряд факторов, обеспечивающих качественную подготовку специалистов в сфере информационной безопасности. В свою очередь, развитие дата-центров повлечет за собой кратное увеличение возможностей по облачным сервисам, таких как инфраструктура как услуга (IaaS), платформа как услуга (PaaS), Программное обеспечение как услуга (SaaS).

Такие платформы позволяют организациям быстро разворачивать и масштабировать свои ИТ-ресурсы, сохраняя при этом контроль над данными и соответствие локальному законодательству.

Обязательным ключевым аспектом практической реализации цифрового суверенитета — это разработка собственного программного обеспечения и замена иностранных решений на отечественные аналоги, что предлагает анализ рисков при использовании иностранного программного обеспечения и выявление возможностей по их противодействию. Постепенный переход на российские программные продукты должна охватывать все ключевые области, включая операционные системы, офисные пакеты, системы управления базами данных и средства разработки. В настоящее время в данной сфере существует возможность использования различных российских операционных систем с открытым кодом, однако продолжается работа по разработке отечественных аналогов прикладного программного обеспечения, а также тестирование и адаптация отечественного ПО к существующим бизнес-процессам.

Таким образом, рассматривая цифровой суверенитет как возможность государства контролировать свои цифровые данные, информацию, а также обеспечивать безопасность и защиту цифровых

¹ Наряду с понятием «цифрового пространства доверия» используются: «единое пространство электронного доверия», «цифровая среда доверия».

² Федеральный Закон от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“»

³ Постановление Правительства РФ от 11 октября 2019 г. № 1311 «Об утверждении Правил ведения реестра точек обмена трафиком»

технологий и инфраструктуры с учетом технологических, политических, экономических и правовых аспектов, можно проследить определенную взаимосвязь с понятием «цифровой среды доверия», представляющую собой инструмент, обеспечивающий создание взаимосвязанного комплекса правовых, технологических и методологических решений для функционирования эффективных и безопасных средств дистанционного взаимодействия.

Процесс импортозамещения не должен приводить к технологическому отставанию, что обеспечивается тесным сотрудничеством между государством, бизнесом и научным сообществом.

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 года, // <http://www.kremlin.ru/vents/president/transcripts/73585> (дата обращения: 08.06.2024).
2. Омеличкин О.В. Электронная демократия: понятие, проблемы // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). С. 86–89.
3. Авдийский, В.И. Взаимосвязь цифрового суверенитета и цифрового пространства: новые вызовы и перспективы / В.И. Авдийский, А.В. Иванов, А.В. Царегородцев // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 3. – URL: <https://esj.today/PDF/21FAVN324.pdf>
4. Bellanger P. (2012) De la souveraineté numérique. Le Débat, 170 (3), pp. 149–159.
5. Кутюр С. Тупин С. (2020) Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. Т. 15. № 4. С. (на русском языке). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03.
6. Омеличкин О.В. Электронная демократия: понятие, проблемы // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). С. 86–89.
7. Жарова А.К., Елина В.В. Множественность понятия «суверенитет Российской Федерации в информационной сфере» // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4 (43). С. 51–55. DOI: 10.47475/2311-696X2024-43-4-51-55
8. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) / В.А. Никонов, А.С. Воронов, В.А. Сажина [и др.] // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 206–216. – DOI 10.17223/1998863X/60/18. – EDN PCWPLD.
9. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

10. Федеральный Закон от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“»

11. Постановление Правительства РФ от 11 октября 2019 г. № 1311 «Об утверждении Правил ведения реестра точек обмена трафиком»

DIGITAL TRUST SPACE AS A TOOL FOR BUILDING DIGITAL SOVEREIGNTY

Elin V.M., Tsaregorodtsev A.V.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines a number of aspects of the realization of the digital sovereignty of the state by building a data economy at the current stage of the development of the information society in the context of the global transformation of communication systems and mechanisms and other spheres of public life. The authors analyzed the concept of “digital sovereignty” in connection with the ability of the state to control its digital data, information, as well as to ensure the security and protection of digital technologies and infrastructure, taking into account technological, political, economic and legal aspects. At the same time, it is concluded that there is a relationship between digital sovereignty and the digital environment of trust.

Keywords: digital sovereignty, trust space, information society, information security.

References

1. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of February 29, 2024, // <http://www.kremlin.ru/vents/president/transcripts/73585> (date of access: 06/08/2024).
2. Omelichkin O.V. Electronic democracy: concept, problems // Bulletin of KemSU. 2014. No. 1 (57). P. 86–89.
3. Avdiysky, V.I. The relationship between digital sovereignty and digital space: new challenges and prospects / V.I. Avdiysky, A.V. Ivanov, A.V. Tsaregorodtsev // Bulletin of Eurasian Science. – 2024. – Vol. 16. – No. 3. – URL: <https://esj.today/PDF/21FAVN324.pdf>
4. Bellanger P. (2012) De la souveraineté numérique. Le Débat, 170 (3), pp. 149–159.
5. Couture S. Toupin S. (2020) What does the concept of “sovereignty” mean in the digital world? // Bulletin of international organizations. Vol. 15. No. 4. P. (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03.
6. Omelichkin O.V. Electronic democracy: concept, problems // Bulletin of KemSU. 2014. No. 1 (57). P. 86–89.
7. Zharova A.K., Elina V.V. Plurality of the concept of “sovereignty of the Russian Federation in the information sphere” // Law and Order: History, Theory, Practice. 2024. No. 4 (43). P. 51–55. DOI: 10.47475/2311-696X2024-43-4-51-55
8. Digital sovereignty of a modern state: content and structural components (based on expert research) / V.A. Nikonov, A.S. Voronov, V.A. Sazhina [et al.] // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. – 2021. – No. 60. – P. 206–216. – DOI 10.17223/1998863X/60/18. – EDN PCWPLD.
9. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 “On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036”; Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 “On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”
10. Federal Law of May 1, 2019 No. 90-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Communications” and the Federal Law “On Information, Information Technology and the Protection of Information”
11. Resolution of the Government of the Russian Federation of October 11, 2019 No. 1311 “On Approval of the Rules for Maintaining the Register of Traffic Exchange Points”

Особенности регулирования трансфера технологий в иностранных юрисдикциях и перспективы разработки международных правил в контексте российских интересов

Епихин Евгений Валерьевич,

аспирант, Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации
E-mail: evgeny.epikhin@mail.ru

Цели исследования. Тема статьи затрагивает актуальную проблему международного трансфера технологий. Целью настоящей статьи является исследование национального регулирования международного трансфера технологий крупнейших экономик мира, а именно, Китая, США, ЕС и Японии. Выбор обусловлен тем, что технологическая политика именно этих государств оказывает серьезное влияние на общемировые тенденции в данной сфере. Это, в свою очередь, представляет прямой интерес для Российской Федерации в связи с необходимостью решения задачи достижения технологического суверенитета. *Выводы.* Технологии сегодня – это не просто воплощенный в конкретном продукте результат интеллектуальной деятельности, способный приносить прибыль. По результатам проведенного анализа выявлено, что технологии сегодня рассматриваются как неотъемлемая часть национальной безопасности и инструмент достижения и удержания глобальной конкурентоспособности. Знания и информация уже сами по себе становятся экономической ценностью и, соответственно, объектом экспортного контроля в контексте обеспечения национальной безопасности. Это чрезвычайно затрудняет выработку универсальных международных правил трансфера технологий. В этой связи перед Российской Федерацией остро стоит вопрос о том, на какой международно-правовой основе может выстраиваться научно-технологическое сотрудничество России с дружественными странами.

Ключевые слова: трансфер технологий; экспортный контроль; технологический суверенитет; международное сотрудничество.

Введение

Основными каналами передачи технологий («трансфер технологий» и «передача технологий» используются как синонимы) являются международная торговля технологичными товарами и услугами, международная торговля правами на интеллектуальную собственность и инвестиции. Самым распространенным каналом передачи технологий являются международная торговля товарами и услугами. Он может быть следующих видов: (1) продажа готового товара с возможностью последующего воспроизведения такого товара (так называемый «реверс-инжиниринг»); (2) передача непосредственно технологии в материальной форме, подразумевающей предоставление научно-технической и технологической информации, т.е. технических данных, включая формулы, рецепты, таблицы данных, расчеты; (3) трансфер технологий в нематериальной форме, посредством оказания технической помощи в части подготовки кадров, повышения квалификации, оказания консультационных услуг, услуги НИОКР и др. В современных условиях ключевым инструментом, оказывающим прямое влияние на международный трансфер технологий, стал экспортный контроль. Предпосылками его все более широкого применения являются «рационализация и повышение эффективности инновационной деятельности»; «совершенствование механизма передачи технологий и научно-технических знаний»; «встраивание в динамичный коммерческий рынок»; «концентрация ресурсов на определенных направлениях научно-технического прогресса» [1, с. 9]. В настоящее время, особенно в условиях обострения технологической конкуренции между ключевыми экономиками мира, с одной стороны, непрерывно возрастающего количества ограничительных мер, так называемых «санкций», с другой, экспортный контроль активно применяется в том числе в целях сдерживания технологического развития стран-конкурентов. В этих условиях, как будет показано далее, развивающимся странам ничего не остается, кроме как изыскивать средства получения доступа к технологиям в целях обеспечения национального технологического развития. В этой связи возникает вопрос – каким должен быть отвечающий интересам России механизм международного трансфера технологий, нужный в условиях беспрецедентных ограничительных мер по отношению к Российской Федерации? Предложения по этому непростому вопросу будут сформулированы в заключительной части статьи.

Первоочередным инструментом регулирования и контроля трансфера технологий в ЕС является механизм экспортного контроля. В ЕС экспортный контроль в значительной степени применяется в отношении товаров двойного назначения. К ним относятся товары, программное обеспечение, технологии, могущие быть использованными как в гражданских, так и в военных целях. Ключевым правовым актом по данному вопросу является Регламент (ЕС) № 2021/821 [7, с. 9]. В нем закреплены правила по таким вопросам, как отнесение продукции к товарам двойного назначения, виды выдаваемых разрешений (лицензий), включая индивидуальные и глобальные лицензии, генеральные экспортные разрешения, национальные генеральные разрешения. Распространенным в ЕС механизмом международного трансфера технологий является трансфер технологий через лицензирование прав на интеллектуальную собственность. Ввиду того, что лицензирование прав на охраняемые в форме патентов полезные модели, изобретения, технические решения, охраняемые в форме патентов на промышленные образцы, объекты дизайна и пр. подразумевает передачу лицензиату информации, необходимой для организации производства в соответствии с полученным патентом, обязательным условием реализации мероприятий по лицензированию является проведение проверки на предмет исключения возможности наличия экспортных ограничений. В контексте международного трансфера технологий в ЕС также активно применяется механизм скрининга инвестиций. В 2019 г. в ЕС был принят Регламент (ЕС) № 2019/452, в котором определены базовые подходы и механизмы скрининга инвестиций. С принятием этого документа в ЕС появился формализованный подход к скринингу прямых иностранных инвестиций. В документе, в частности, оговорено, что иностранные инвестиции могут быть «проблемными, когда они представляют угрозу безопасности или общественному порядку» в случаях, когда, например, иностранные инвесторы стремятся «получить контроль или влияние на европейские предприятия, деятельность которых связана с критическими технологиями, инфраструктурой, ресурсами или конфиденциальной информацией» [8]. Когда государства-члены ЕС и Комиссия ЕС рассматривают вопрос о выдаче разрешения на заключение соответствующей сделки в контексте допуска прямых иностранных инвестиций, они обязаны изучить, как соответствующие инвестиции повлияют на безопасность либо общественный порядок, каковым будет потенциальное воздействие таких инвестиций на поставку важнейших ресурсов. Экспортный контроль в ЕС, равно как и во многих других странах мира, распространяется и на научно-исследовательскую деятельность. Например, в вышеупомянутом Регламенте 2021/821 закреплено, что в рамках международных проектов НИОКР, результаты которых могут подпадать под правила экспортного контроля, пристальное внимание должно

уделяться исследованиям, в связи с которыми присутствуют любые признаки, прямо либо косвенно свидетельствующие о том, что полученные результаты подпадают под запрет трансфера технологий. Это особенно касается запросов о проведении либо участии в НИОКР со стороны неизвестных ранее лиц. Например, согласно правилам Стокгольмского университета, такими признаками могут быть наличие среди потенциальных партнеров лиц, чья личность неясна либо информация о деятельности, которых публично не раскрыта, равно как и недостаточность либо полное отсутствие у них опыта сотрудничества в области НИОКР [9].

США

В США контроль экспорта товаров и технологий двойного назначения осуществляется в соответствии с Законом о регулировании экспорта 1979 г. [10] и разработанных на его основе Правил экспортного администрирования США. В связи с технологическим прогрессом в 2018 г. был принят Закон о реформе экспортного контроля, направленный на ограничение экспорта новых технологий, которые потенциально могут быть использованы для гражданских и военных целей и которые в прошлом не подпадали под экспортный контроль. Особенностью данного акта является то, что он не только расширил перечень технологий, на которые распространяется экспортный контроль США, но существенно модернизировал саму систему экспортного контроля. Закон 2018 г. также значительно расширил полномочия государственных органов США в сфере регулирования международного трансфера технологий. В том же году США был принят закон «О модернизации процесса оценки рисков от иностранных инвестиций». Среди основных нововведений – определение с точки зрения национальной безопасности США факторов, способных оказывать негативное воздействие на международное технологическое и промышленное лидерство США и кибербезопасность страны. В 2019 г. в США был принят закон «О сохранении американской науки и технологий», предусматривающий механизм защиты финансируемых из федерального бюджета НИОКР от «иностранного вмешательства, кибератак, кражи или шпионажа». Осенью 2022 г. президентом США был подписан указ под названием «Обеспечение тщательного рассмотрения Комитетом по иностранным инвестициям в США меняющихся рисков национальной безопасности». Документ расширил список факторов, которые Комитет должен учитывать при проверке сделок с иностранными инвестициями на предмет рисков в контексте национальной безопасности США. В документе особое внимание уделяется необходимости анализа потенциальных инвестиций на предмет того, имеет ли сторона сделки «коммерческие, инвестиционные, неэкономические или другие связи» с иностранным лицом, которые могут представлять угрозу национальной безопасности США». Чуть раньше, летом 2022 г. в США был принят «Закон о создании

стимулов для производства полупроводников для Америки». Закон предусматривает мощные меры государственной поддержки американским технологическим компаниям. Обращает на себя внимание то, что получателям соответствующих субсидий запрещается сотрудничать с Китаем в течение десяти лет с момента реализации соответствующего проекта. В США предпринимаются системные меры, направленные на ужесточение контроля со стороны государства над экспортом технологий, включая вычислительную технику и полупроводники.

Япония

Основополагающим правовым актом по вопросу трансфера технологий в Японии является Закон об иностранном обмене и внешней торговле, принятый в 1949 г. В нем выделены два вида экспортного контроля трансфера технологий: трансграничная передача технологий и контроль при передаче технологии от «резидента» к «нерезиденту» (так называемый «предполагаемый экспорт»). Министерство экономики, торговли и промышленности Японии публикует специальные руководства, в которых в формате кейсов детально и наглядно прописывает практические примеры ситуаций «скрытого» трансфера технологий и способы их пресечения. В научной литературе обращают внимание на то, что «японская модель международного трансфера технологий предполагает их трансфер как в развитые, так и развивающиеся страны: в развитые страны осуществляется трансфер запатентованной уникальной технологии в узкоспециализированные отрасли, а в развивающиеся – трансфер стандартизированной технологии в традиционные отрасли» [11]. Отмечается также, что «после Второй мировой войны именно благодаря передаче технологий Япония очень быстро превратилась из импортера этих технологий в крупного экспортера» [12, с. 234]. Одновременно с этим, Япония – это одна из стран, где применяется весьма жесткий контроль с целью недопущения утечки знаний и информации в рамках образовательного процесса. Контроль распространяется, в том числе, на иностранных студентов. Во многих высших учебных заведениях страны приняты документы под названием «руководство», где детально описываются все аспекты экспортного контроля, которые могут возникнуть в рамках образовательного процесса.

Китай

В Китае действует Регламент об управлении импортом и экспортом технологий. Документ классифицирует технологии на три вида: запрещенные, ограниченные и свободные. Технологии из первой категории не могут быть экспортированы либо импортированы. Те, что относятся ко второй категории, могут быть предметом экспорта либо импорта при условии получения соответствующего разрешения от компетентных органов. Свободные технологии, как это следует из самого названия, могут

обращаться без ограничений. В то же время, даже в отношении таких технологий, импортный либо экспортный контракт должен пройти процедуру регистрации. Особенностью правового регулирования международного трансфера технологий в Китае является то обстоятельство, что в этой стране детально регламентированы организационно-правовые формы создания совместных предприятий для организации процесса совместной работы над технологическими разработками. Китай строго регулирует весь комплекс вопросов, начиная от доступа иностранных инвесторов на внутренний рынок страны и осуществлением такими инвесторами деятельности в области технологий. В частности, Правила регулирования импорта и экспорта технологий Китая предписывают, что при создании совместного предприятия даже «в случае, если иностранная сторона в качестве своих инвестиций использует технологию, импорт данной технологии подлежит проверке или регистрации в соответствии с порядком проверки и утверждения создания предприятия с иностранными инвестициями». В одном из подготовленных США докладов отмечается, что хотя иностранные компании в большинстве случаев предпочитают инвестировать в Китай через создание самостоятельных предприятий, т.е. без привлечения китайских партнеров, «Каталог отраслей промышленности Китая для регулирования иностранных инвестиций» требует, чтобы иностранные компании, желающие инвестировать в определенные отрасли, создавали с китайскими партнерами совместные предприятия на основании договора. Нельзя не отметить, что одним из значимых инструментов технологической политики Китая стал механизм принудительного трансфера технологий. Китайские эксперты сами признают, что принудительный трансфер технологий «относится к неформальной правительственной практике, которая требует передачи технологий от иностранных инвесторов в качестве условия доступа на рынок или осуществления инвестиций» на территории Китая. 1 января 2020 г. вступил в силу Закон об иностранных инвестициях, где в качестве одной из целей указана защита прав и интересов иностранных инвесторов: «В процессе иностранных инвестиций государство поощряет технологическое сотрудничество на основе свободного волеизъявления и деловых правил. Условия технологического сотрудничества определяются всеми сторонами инвестиций на переговорах в соответствии с принципом справедливости. Ни один административный орган или его сотрудник не должен принуждать к передаче технологий административными средствами». Таким образом, Китай признал существование практики принудительного трансфера технологий.

Последние десятилетия продемонстрировали, что политика Китая в области технологического развития оказалась верной. О достижениях Китая в этой сфере в том числе свидетельствует следующее: «Если в 2011 году Китай занимал 29 место в мире по Индексу глобальных инноваций, то в 2023 году Китай существенно поднялся

в рейтинге, заняв уже 12-е место. При этом Китай по ряду показателей научно-технической сферы выходит в число лидеров. В 2023 году Китай впервые возглавил список стран по числу научно-технических кластеров» [17, с. 819–820].

Национальные приоритеты Российской Федерации и контуры нового международно-правового режима трансфера технологий

В Российской Федерации принят целый ряд программно-стратегических документов, определяющих приоритеты достижения технологического суверенитета. Ключевыми среди них являются: Концепция международного научно-технологического сотрудничества (МНТС) России [2], постановление Совета Федерации «Об обеспечении научно-технологического развития Российской Федерации в целях достижения технологического суверенитета» [3], Концепция технологического развития на период до 2030 года [4], указы Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [5] и «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [6]. Стратегической задачей всех указанных документов является задача достижения Российской Федерацией технологического суверенитета. «Технологический суверенитет становится не только элементом национальной безопасности, но и важнейшим фактором, определяющим долгосрочное экономическое развитие страны через достижение национальных целей развития России до 2030 г.» [16, с. 819–820]. Хотелось бы подчеркнуть, что задача достижения технологического суверенитета и санкционная реальность усиливают необходимость продуманного технологического сотрудничества России с дружественными и нейтральными странами, т.е. с заслуживающими доверия государствами. Представляется справедливой точка зрения о том, что «на сегодняшний день эффективная политика в сфере внешнеторговой деятельности в области технологий, является критически важным элементом экономической политики РФ. Экспорт технологий обеспечивает дополнительную выручку государства, а импорт технологий повышает общее технологическое развитие» [13, с. 110]. Точка зрения, что «без надлежащего правового регулирования инновационной деятельности и международной передачи технологии невозможно инновационное развитие ни одной страны мира» [14, с. 4], представляется абсолютно верной.

В этой связи возникает важнейший с практической точки зрения вопрос: какими должны быть формат и модель международного технологического сотрудничества России? На какой международно-правовой основе должны выставляться эти отношения? Как это видится – при разработке отвечающего российским интересам международно-правового режима трансфера технологий нужно учитывать, в том числе, следующие

факторы. Во-первых, проприетарный характер технологий и нерешаемую на протяжении десятилетий задачу согласования интересов развитых и развивающихся государств (владельцев и потребителей технологий). Во-вторых, технологическое противостояние крупнейших экономик мира как долгосрочную тенденцию. В-третьих, все более тесное переплетение технологического развития и передачи технологий с вопросами национальной безопасности. В-четвертых, низкую эффективность действующего международного права по вопросам, касающимся трансфера технологий и перекос в сторону чрезвычайно высоких стандартов защиты прав интеллектуальной собственности [15, с. 132–138]. В-пятых, тот факт, что ограничительные меры коллективного Запада стали частью правовой реальности на долгие годы.

Выводы

Анализ национального законодательства ЕС, США, Японии свидетельствует о том, что защита собственных технологических знаний в свете обеспечения национальной безопасности, надежности цепочек поставок и достижения технологического лидерства является абсолютным приоритетом. Соответственно, роль государства в регулировании самых разнообразных аспектов передачи знаний и их результатов очень высока, равно как и контроль на всех этапах технологического развития. Ограничительная практика и регулирование технологий, включая прямые запреты, часть этой политики. По нашему мнению, именно этот путь станет долгосрочной тенденцией и новой реальностью на долгие годы. Более того, практика США показывает, что эта страна идет по прямому пути сегрегации и дискриминации отдельных государств-конкурентов. Есть все основания считать, что этот аспект также станет частью промышленной и технологической политики стран Запада. Это свидетельствует о том, что разработка на универсальном уровне международных правил трансфера технологий – скорее утопия, чем реалистичный сценарий.

В Китае внедрена полномасштабная система государственного управления и контроля, направленная на получение и наращивание критически важных технологий, которые не только обеспечивают технологический суверенитет страны, но глобальное инновационное лидерство страны. Государство посредством регулирования контролирует и направляет в нужное русло все вопросы, возникающие в контексте технологий. В условиях неэффективности механизмов международно-правового регулирования, с одной стороны, и ограничительной практики стран коллективного Запада, с другой, для Китая реализация инструментов принудительной передачи технологий стала вынужденной, безальтернативной мерой. Существующие на сегодняшний день непомерно высокие международные стандарты защиты прав интеллектуальной собственности, неэффективность международно-правового регулирования трансфера техноло-

гий в целом, ограничительно-дискриминационная практика стран Запада, доминирование транснациональных корпораций – все это не оставило развивающимся странам выбора, кроме как самостоятельно изыскивать пути доступа к технологиям. Ввиду этого, сложившаяся практика есть результат отсутствия баланса и справедливости в этом важнейшем с точки зрения социально-экономического развития вопросе.

Ключевой вопрос для Российской Федерации – на какой международно-правовой основе может выстраиваться технологическое сотрудничество. Как найти баланс между защитой национальных интересов и исключением ситуаций зависимости от иностранных технологических решений, с одной стороны, и взаимовыгодным технологическим обменом с заслуживающими доверия странами, с другой. Важно также, чтобы новый режим международного трансфера технологий отвечал интересам развивающихся и наименее развитых стран, потому что, как видится, только в таком случае предложения могут получить наибольшую поддержку. Соответственно, подходы и правила в этой сфере должны включать в себя, в том числе, социально-гуманитарные аспекты и быть направленными на решение долгосрочных социально-экономических задач.

Как видится, в основе международного правового режима трансфера технологий, отвечающего указанным выше критериям, могут быть следующие решения. Во-первых, разработка новых принципов и подходов, лежащих в основе международного режима трансфера технологий, а именно: (1) выявление и решение социальных и экономических проблем реципиентов технологий; (2) балансирование переговорных позиций владельцев и реципиентов технологий с целью недопущения злоупотреблений более сильной позицией; (3) справедливость и разумность условий соглашений международного трансфера технологий; (4) создание правовых стимулов для частных лиц – владельцев инновационными технологиями для изменения их поведения в сторону большей справедливости и социальной ответственности на международном уровне. Указанные принципы и подходы должны быть положены в основу комплексного режима международного трансфера технологий. Очевидно, что такой режим не может быть универсальным, но должен содержать в себе нюансированные подходы. Кроме того, учитывая неразрешимый конфликт интересов как между развитыми и развивающимися странами, так и между самими развитыми странами в сфере технологической политики и безопасности, очевидно, что жесткие правила в этой чувствительной и, без сомнения, стратегически важной сфере, работать не будут и останутся пустыми обещаниями, что уже неоднократно случалось. Кроме того, потребуется пересмотр положений отдельных соглашений ВТО, а именно: Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, Соглашения по торговым аспектам инвестиционных мер,

Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам. Каждое из них, в своей части, серьезнейшим образом тормозит технологическое развитие, особенно тех стран, которые не достигли сопоставимого со странами Запада уровня индустриального развития. Это сложный процесс, для успешного решения такой задачи потребуются согласие всех членов ВТО (в рамках этой организации решения принимаются, преимущественно, консенсусом). Но внесение изменений в действующие соглашения – это не единственный инструмент. Например, в рамках ВТО может быть подписано соглашение с ограниченным кругом участников государств-единомышленников. И это тоже будет значительный шаг в правильном направлении. Также, представляется важным и полезным в рамках различных международных организаций и площадок использовать потенциал так называемого «мягкого права». Как видится, социально-экономическая и гуманитарная значимость привнесения справедливости и сбалансированности в режим международного трансфера технологий – это та задача, которая очень хорошо может быть реализована в рамках именно «мягко-правовых» инструментов. Подходы «мягкого права», опирающиеся на разработанные специально для этих целей руководящие принципы, включающие прозрачность и подотчетность посредством механизма регулярного многостороннего мониторинга, будут весьма эффективными.

Заключение

В современном мире технологии перестали быть просто одним из способов повышения комфортности жизни. Технологическое развитие сегодня – это маркер конкурентоспособности и экономической мощи государства. Также, технологии тесно переплетены с вопросами национальной безопасности. Ситуация усугубляется тем, что между интересами государств существует неразрешимый конфликт. И именно это причина того, что на протяжении десятилетий международные правила трансфера технологий в основном оставались лишь благими устремлениями. Очевидно, что настал момент, когда в режим международного трансфера технологий необходимо привнести новые идеи, принципы и подходы, основанные на справедливости, сбалансированности интересов и социальной ответственности владельцев передовых знаний и инновационных технологических решений.

Литература

1. Приоритеты зарубежных НИОКР двойного назначения / Отв. ред.: Л.В. Панкова, С.Ю. Казеннов. – М.: ИМЭМО РАН. 2016. – С. 9. https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_039.pdf, (дата обращения 14.04.2025).
2. Концепция международного научно-технологического сотрудничества Российской Федерации. Одобрена решением Правитель-

- ства Российской Федерации от 8 февраля 2019 года № ТГ-П8–952. https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf (дата обращения 14.04.2025).
3. Постановление Совета Федерации собрания Российской Федерации от 22.02.2023 «Об обеспечении научно-технологического развития Российской Федерации в целях достижения технологического суверенитета». Подпункт 9 пункта 3. <http://council.gov.ru/activity/documents/143029/> (дата обращения 14.04.2025).
 4. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 N 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года». <http://government.ru/news/48570/> (дата обращения 14.04.2025).
 5. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения 14.04.2025).
 6. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения 14.04.2025).
 7. Regulation (EU) 2021/821 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021 setting up a Union regime for the control of exports, brokering, technical assistance, transit and transfer of dual-use items (recast) <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2021:206:FULL&from=EN> (дата обращения 14.04.2025).
 8. Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj/eng> (дата обращения 14.04.2025).
 9. Stokholms Universitet «Procedure for export control» https://www.su.se/polopoly_fs/1.631495.1665590186!/menu/standard/file/engelska_Procedure%20for%20export%20control_Handl%C3%A4ggningsordning%20exportkontroll.pdf (дата обращения 14.04.2025).
 10. Export Administration Act, EAA, 1979 [Public Law 96–72; Enacted September 29, 1979]. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-3085/pdf/COMPS-3085.pdf> (дата обращения 14.04.2025).
 11. Житкевич, Г.Я. Модели международного трансфера технологий / Г.Я. Житкевич, Е.В. Бертош // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, Экономические науки, Юридические науки. – 2013. – № 1. – С. 68.
 12. Калыгина В.В. Международный трансфер технологий как эффективный инструмент экспортоориентированного импортозамещения в России / Калыгина В.В. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2022. – Т. 30. – № 2. – С. 234.
 13. Кузнецов, М.А. Внешняя торговля технологиями России на современном этапе / М.А. Кузнецов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 5. – С. 110.
 14. Михайлова, Ю.П. Правовое регулирование международной передачи технологии: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Михайлова Юлия Павловна; [Место защиты: Ин-т государства и права РАН]. – Москва, 2012. – С. 4.
 15. Никифоров, В.А. Международно-правовая основа трансфера технологий в контексте антироссийских ограничительных мер Запада / В.А. Никифоров, Е.В. Епихин // Пробелы в российском законодательстве. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 132–138. – DOI 10.33693/2541–8025–2025–18–2–132–138. – EDN SAGVCY.
 16. Потапцева, Е.В., Акбердина, В.В., Пономарева, А.О. Концепция технологического суверенитета в современной государственной политике России. // *AlterEconomics*, – 2024. – Том 21. – № 4. – С. 819–820.
 17. Рогатных, Е.Б. Опыт Китая по поддержке развития высоких промышленных технологий / Е.Б. Рогатных, П.Д. Звезднов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 8. – С. 35.

PECULIARITIES OF TECHNOLOGY TRANSFER REGULATION IN FOREIGN JURISDICTIONS AND PROSPECTS FOR DEVELOPING INTERNATIONAL RULES IN THE CONTEXT OF RUSSIAN INTERESTS

Epikhin E.V.

All-Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation

Objectives of the study. This article touches upon the topical issue of international technology transfer. The purpose of this article is to study the national regulation of international technology transfer of the largest economies in the world, namely China, the USA, EU and Japan. The choice is due to the fact that the technological policy of these countries has a serious impact on global trends in this area. This, in turn, is of direct interest to Russia in light of the fact that in Russia, the task of achieving technological sovereignty has been set at the highest level. *Conclusions.* Technologies today are not just the result of intellectual activity embodied in a specific product that can generate profit. Based on the results of the analysis, it was revealed that technologies today are considered an integral part of national security and a tool for achieving and maintaining global competitiveness. Knowledge and information in themselves are becoming an economic value and, accordingly, an object of export control in the context of ensuring national security. This makes it extremely difficult to develop universal international rules for technology transfer. In this regard, the Russian Federation faces the pressing question of what international legal basis scientific and technological cooperation between Russia and friendly countries can be built on.

Keywords: technology transfer; export control; technological sovereignty; international cooperation.

References

1. Priorities of foreign dual-use R & D / Responsible. editors: L.V. Pankova, S. Yu. Kazennov. – M.: IMEMO RAN. 2016. – P. 9. – 236 p., (date of request: 14.04.2025).
2. The concept of international scientific and technological cooperation of the Russian Federation. Approved by the decision of the

- Government of the Russian Federation dated February 8, 2019 № TG-P8-952. https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontsepsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf (date of request: 14.04.2025).
3. Resolution of the Federation Council of the Assembly of the Russian Federation dated 02/22/2023 "On ensuring the Scientific and technological development of the Russian Federation in order to achieve technological sovereignty". Subparagraph 9 of paragraph <http://council.gov.ru/activity/documents/143029/> (date of request: 14.04.2025).
 4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/20/2023 N 1315-r "On approval of the Concept of technological development for the period up to 2030". <http://government.ru/news/48570/> (date of request: 14.04.2025).
 5. Decree of the President of the Russian Federation No. 145 dated February 28, 2024 "On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation". <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (date of request: 14.04.2025).
 6. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036". <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (date of request: 14.04.2025).
 7. Regulation (EU) 2021/821 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021 setting up a Union regime for the control of exports, brokering, technical assistance, transit and transfer of dual-use items (recast) [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2021:206: FULL&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2021:206:FULL&from=EN) (date of request: 14.04.2025).
 8. Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj/eng> (date of request: 14.04.2025).
 9. Stokholms Universitet «Procedure for export control» https://www.su.se/polopoly_fs/1.631495.16655901861/menu/standard/file/engelska_Procedure%20for%20export%20control_Handl%C3%A4ggningsordning%20exportkontroll.pdf (date of request: 14.04.2025).
 10. Export Administration Act, EAA, 1979 [Public Law 96-72; Enacted September 29, 1979]. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-3085/pdf/COMPS-3085.pdf> (дата обращения 14.04.2025).
 11. Zhitkevich, G. Ya. Models of international technology transfer / G. Ya. Zhitkevich, E.V. Bertosh // Bulletin of the Baranovichi State University. Series: Historical Sciences and Archeology, Economic Sciences, Legal Sciences. – 2013. – No. 1. – P. 67–71.
 12. Kalygina V.V. International technology transfer as an effective tool for export-oriented import substitution in Russia / Kalygina V.V. // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. – 2022. – Vol. 30. – No. 2. – P. 231–241.
 13. Kuznetsov, M.A. Foreign trade in technologies of Russia at the present stage / M.A. Kuznetsov // Russian Foreign Economic Bulletin. – 2024. – No. 5. – P. 109–120.
 14. Mikhailova, Yu.P. Legal regulation of international technology transfer: abstract of dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Mikhailova Yulia Pavlovna; [Place of protection: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. – Moscow, 2012. – 28 p.
 15. Nikiforov, V.A. International Legal Basis for Technology Transfer in the Context of Anti-Russian Restrictive Measures of the Collective West/ V.A. Nikiforov, E.V. Epikhin // Gaps in Russian legislation. – 2025. – Vol. 18, No/ 2. – P. 132–138. – DOI 10.33693/2541-8025-2025-18-2-132-138. – EDN SAGVCY.
 16. Potaptseva, E.V., Akberdina, V.V., Ponomareva, A.O. The concept of technological sovereignty in the modern state policy of Russia. // AlterEconomics, – 2024. – Vol. 21. – No. 4. – P. 818–842.
 17. Rogatnykh, E.B. China's experience in supporting the development of high industrial technologies / E.B. Rogatnykh, P.D. Zvezdnov // Russian Foreign Economic Bulletin. – 2024. – No. 8. – P. 34–48.

Исследование влияния определенных аспектов реализации форм демократии на обеспечение социальных прав граждан

Кузнецова Елена Валерьевна,

аспирант кафедры теории государства и права
и конституционного права ФГБОУ ВО «Оренбургский
государственный университет»
E-mail: lenakuzminakuznetsova@yandex.ru

В статье освещены наиболее востребованные образцы прямой демократии в контексте социальной сферы. Представлена детальная оценка народовластия на различных уровнях государственной и муниципальной власти, выявлены тенденции и перспективы применения отдельных форм прямой демократии. Исследованы особенности конкретных механизмов народовластия, включая собрания граждан, публичные слушания, сходы, территориальные общественные самоуправления и обращения граждан в государственные и муниципальные органы. Приведены статистические данные, отражающие частоту применения различных форм народовластия. Определены трудности, связанные с проведением публичных слушаний и обращениями в государственные и муниципальные структуры, и высказана необходимость решения этих проблем через эффективное применение демократических институтов. Также рассмотрен вопрос о злоупотреблении правом на обращения в органы публичной власти, приведены статистические данные о ситуации как в России в целом, так и в Оренбургской области.

Ключевые слова: демократия, социальные права, публичные слушания, сход граждан, муниципальное народовластие, злоупотребление правом.

Принцип непосредственной сопричастности граждан в координировании государственных и социальных процессов является ключевым элементом для эффективного решения задач на всех уровнях власти, особенно же он находит свое применение на уровне местного самоуправления.

Составляющие муниципальной демократии, являющиеся неотъемлемой частью современной структурной композиции Российской Федерации, активно внедряют практики непосредственного вовлечения граждан в управление. Такие механизмы прямой демократии укрепляют коммуникацию между людьми и властями, позволяют лучше понять их настоящие потребности, что повышает эффективность жизнедеятельности местного аппарата управления. Местное самоуправление, расположенное на границе общества, стремится удовлетворить жизненные запросы граждан с опорой на общегражданскую ответственность, солидарность и активность населения.

В контексте обеспечения социальных прав граждан, уровень вовлеченности людей в решения, касающиеся социальной сферы, воздействует на их благосостояние и, следовательно, на стандарт жизнеустройства общества в целом и в муниципальных образованиях в частности [5, с. 298]. Однако в отечественных нормативных актах отсутствует прямое упоминание об интеграции граждан в процедуру и функционирование местного самоуправления. Федеральный закон, регламентирующий основополагающие начала организационной структуры местного самоуправления [1], формулирует это по-другому, говоря о «выполнении населением местного самоуправления» или «участии населения в реализации местного самоуправления». При изучении вовлечения граждан, которое представляется неотъемлемой частью процесса утверждения на практике управленческих решений, стоит отметить распространение практики применения отраслевых нормативных правил, которые обязывают учитывать позицию населения при урегулировании социально значимых вопросов [6, с. 112].

Согласно статье 12 Федерального закона, касающегося образовательного процесса в России [2], при распоряжении о вопросе перестройки или закрытии образовательных организаций в сельских поселениях, позиция, которую поддерживают местные жители, должна быть принята во внимание. Подходы, при помощи которых будет добыто и воспринято мнение населения, могут быть самыми разнообразными, включая опросы и собрания. Судебная практика подчеркивает необходимость

прислушивания к воле граждан при управленческом решении и считает незаконным решение, принятое без их участия, а также предупреждает о невозможности замены традиционных форм самоуправления другими внешними облачениями.

Профессор Н.С. Бондарь подчеркивает, что местное самоуправление предстает в науке и практике в качестве формирования, опирающегося на инициативы гражданского общества и на сотрудничество между государственными и муниципальными интересами. Исследования показывают, что только некоторые формы прямой демократии активно используются на уровне муниципалитетов. Несмотря на суммарный спад в показателе проводимых собраний граждан (85,9 тысяч в 2016 году, 72,9 тысяч в 2017 году и 14,7 тысяч в первые два месяца 2019 года), эта форма гражданской активности остается в наибольшей степени распространенной в России.

Публичные слушания, предназначенные для быстрой передачи сведений органам местного самоуправления о мнении жителей по проблемам местной действительности, также широко применяются (например, в первые два месяца 2019 года проведено 14,6 тысяч слушаний). Стоит отметить, что не все исследователи считают публичные слушания внешним облачением прямой демократии. А.Н. Кокотов утверждает, что рекомендации, вытекающие из публичных слушаний, являются опциональными для органов власти, что делает их не прямой формой самоуправления. Хотя публичные слушания считаются одной из консультативных методик участия в управлении, их рекомендации являются факультативными, однако они часто оказывают значительное воздействие на принимаемые предложения по вопросам местного значения.

Например, в городе Оренбурге, где главой муниципалитета были организованы публичные слушания по концепции нового генерального плана города, участники встречи выразили в основном негативную оценку предложенных идей [10]. Событие широко освещалось в прессе, что, вероятно, способствовало взятию во внимание мнений граждан [11]. Этот случай демонстрирует, что разногласия между волей населения и решениями муниципальных органов не остаются без внимания и порой приводят к новым обсуждениям и даже к повторным публичным слушаниям по той же теме [12].

Сход граждан, как одна из классических внешних очертаний участия населения во внешнем урегулировании, по-прежнему остается нечастой практикой. Такой сход, обладающий компетенциями представительного органа, закреплён в уставах 1 городского поселения (г. Иннополис в Верхнеуслонском районе Республики Татарстан) и 69 сельских поселений в 15 регионах России [9]. Уменьшение числа таких поселений может стать причиной снижения популярности этой формы непосредственного участия граждан и ограничить её рационализацию в будущем.

Помимо официально признанных форм участия в управлении, граждане также вправе делать свой вклад в местное самоуправление посредством других правомерных механизмов. Территориальное общественное самоуправление (ТОС), являясь формой непосредственного участия граждан в управлении местными делами, в исторической перспективе отечественного самоуправления часто рассматривалось как нижняя ступень власти, а не вершина гражданского общества. Структуры ТОС долгое время были интегрированы в систему государственных органов или взаимодействовали с ними. Они всегда воспринимались как законные представители конкретных территорий, отражающие интересы всех жителей этих мест [7, с. 25]. Особое внимание к этому институту непосредственного участия граждан в управлении способствует развитию ТОС как на национальном уровне, так и в отдельных регионах. В 2018 году в России функционировало около 30 тысяч ТОС, охватывающих практически все субъекты Федерации [9]. В Оренбургской области насчитывается 397 таких структур, из которых 228 – в городских округах и 169 – в муниципальных районах [8]. Профессиональное развитие активистов ТОС, участие в проектах и межрегиональных конкурсах способствует повышению уровня осведомленности о ТОС, поддержке местных инициатив, обмену опытом и сотрудничеству при решении важных для общества вопросов.

Один из видов регулирования народовластия, такой как обращения граждан в органы власти по социальной тематике, набирает популярность в сфере социальной защиты населения. По данным Правительства Российской Федерации за сентябрь 2023 года, социальные обращения составили 24% от общего числа обращений граждан, что является значительным показателем, учитывая напряжённую международную обстановку и доминирование в обращениях тем, связанных с международными отношениями, обороной, безопасностью и правопорядком. Современный мир поглощён эпохой цифрового ренессанса, и это оказывает влияние на способы взаимодействия граждан с властями. Теперь люди могут подать обращение с помощью мобильных приложений или через единый портал госуслуг, обмениваться сообщениями с чиновниками через социальные сети и так далее. Это упрощение процедуры обращения приносит свои плоды: ускорение принятия решений, усиление участия людей в общественной жизни. Однако здесь также есть и обратная сторона медали – возможность злоупотребления правами на обращения. Это происходит из-за недостаточно чётких правил для подающих обращения и из-за того, что гражданам предоставляется достаточно пространства для самостоятельного решения о том, как именно оформить своё обращение. В результате, мы сталкиваемся с обращениями, содержащими неопределённые или уже многократно высказанные требования, поданными от лица третьих лиц или с оценочными выражениями. Одно из по-

следствий такого злоупотребления – это решение вопросов, поднятых в многочисленных обращениях, которые могут быть исполнены избирательно, в ущерб бюджетным ограничениям различных уровней власти и часто продиктованы настойчивостью заявителя.

Однако, когда мы рассматриваем иные формы непосредственного народовластия на уровне местного самоуправления, мы видим, что они находятся в состоянии недостаточного правового регулирования. Законодательная основа для активизации гражданского участия в управлении на местном уровне заложена в статье 33 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ, но важно избегать применения искусственно сконструированных, неоправданных механизмов, которые могут привести не к реальному участию граждан в решении локальных задач, а к достижению других, часто финансовых, целей.

Современный термин «перспективный» происходит от латинского слова *perspectiva*, что означает «искусство видеть то, что впереди». Для успешной перспективы развития форм непосредственной демократии критично привлечение граждан к участию в местном самоуправлении не формально, а на самом деле, включение их в реальные общественно-властные процессы, основанные на принципах открытости и прозрачности, а также особенно внимательное отношение со стороны органов власти к стимулированию у населения осознания своей роли в принятии решений и их последствий.

Литература

1. Закон Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: офиц. текст: [принят 16 сентября 2003 г.: по состоянию на 4 августа 2023 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
2. Закон Об образовании в Российской Федерации: офиц. текст: [принят 21 декабря 2012 г.: по состоянию на 4 августа 2023 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
3. Об отмене решения Астраханского областного суда от 06.06.2016 и признании недействующим решения Совета муниципального образования «Наримановский район» от 31.03.2016 № 39 «Об утверждении Порядка учета мнения жителей сельского поселения при принятии решения о реорганизации или ликвидации муниципальной общеобразовательной организации, расположенной в данном сельском поселении»: апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 07 сентября 2016 г. № 25-АПГ16–2 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultantplus://offline/ref=DC8B6933ED75598691E3DD80568EF67D-3334B94FBD8725BD1EF13446E76F566D06B-72F5584r5k2H>.
4. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование): учебник / А.А. Малиновский. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 352 с.
5. Чихладзе Л.Т. Местное самоуправление как институт социальной государственности // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях. – 2019. – С. 298–303.
6. Шугрина Е.С. Муниципальная демократия: тенденции развития в материалах правоприменительной практики // Правоприменение. – 2019. – Т. 3. – № 3. – С. 112.
7. Шугрина Е.С. Тенденции и особенности развития непосредственного народовластия на муниципальном уровне // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 3. – С. 25.
8. Ежегодный доклад Общественной палаты Оренбургской области о состоянии гражданского общества в Оренбургской области за 2019 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://orenpalata.ru/Ежегодный%20доклад_2020_ИТОГ.pdf.
9. Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2018 г. – начало 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/razvitie-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogo-samoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnyh>.
10. Проект изменения в Генеральный план муниципального образования «город Оренбург» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://orenburg.ru/activity/34731/>.
11. Итоги скандальных публичных слушаний по Генеральному плану Оренбурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://orenday.ru/news/130723202927>.
12. Проект изменения в Генеральный план муниципального образования «город Оренбург» (повторный) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://orenburg.ru/activity/34731/>.
13. Статистическая информация Правительства Российской Федерации по тематикам обращений граждан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://static.government.ru/media/files/IDkV24jqzMEuYtADurDYLHAKM8M9ukMo.pdf>.

THE STUDY OF THE IMPACT OF CERTAIN ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF FORMS OF DEMOCRACY ON ENSURING THE SOCIAL RIGHTS OF CITIZENS

Kuznetsova E.V.
Orenburg State University

This article highlights the most sought-after examples of direct democracy in the context of the social sphere. A detailed assessment of democracy at various levels of state and municipal government is presented, and trends and prospects for the application of certain forms of direct democracy are identified. The article examines the

specifics of specific mechanisms of democracy, including citizens' meetings, public hearings, gatherings, territorial public self-government and citizens' appeals to state and municipal bodies. Statistical data reflecting the frequency of the use of various forms of democracy are presented. The difficulties associated with holding public hearings and appeals to state and municipal structures are identified, and the need to solve these problems through the effective use of democratic institutions is expressed. The issue of abuse of the right to appeal to public authorities is also considered, statistical data on the situation in Russia as a whole and in the Orenburg region are provided.

Keywords: democracy, social rights, public hearings, citizens' assembly, municipal democracy, abuse of law.

References

1. The Law On the General Principles of the Organization of Local Self-government in the Russian Federation: official. text: [adopted on September 16, 2003: as of August 4, 2023] // Collected Legislation of the Russian Federation. Federation. – 2003. – № . 40. – Art. 3822.
2. The Law on Education in the Russian Federation: official. text: [adopted on December 21, 2012: as of August 4, 2023] // Collected Legislation of the Russian Federation. Federation. – 2012. – No. 53 (part 1). – Art. 7598.
3. On the cancellation of the decision of the Astrakhan Regional Court of 06.06.2016 and invalidation of the decision of the Council of the Narimanovsky District Municipal Formation of 31.03.2016 No. 39 "On approval of the Procedure for taking into account the opinions of residents of a rural settlement when deciding on the reorganization or liquidation of a municipal educational organization located in this rural settlement": appellate ruling of the Judicial Board for Administrative Affairs of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25-APG16–2 dated September 07, 2016 // [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.consultantplus://offline/ref=DC8B6933ED75598691E3D-D80568EF67D3334B94FBD8725BD1EF13446E76F566D06B-72F5584r5k2H>.
4. Malinovsky A.A. Abuse of subjective law (theoretical and legal research): textbook / A.A. Malinovsky. Moscow: Yurlitinform, 2007. 352 p.
5. Chikhladze L.T. Local self-government as an institution of social statehood // Constitutional and legal foundations of the development of the Republic of Belarus as a welfare state in modern conditions. – 2019. – pp. 298–303.
6. Shugrina E.S. Municipal democracy: development trends in law enforcement practice materials // Law enforcement. – 2019. – Vol. 3. – No. 3. – p. 112.
7. Shugrina E.S. Trends and features of the development of direct democracy at the municipal level // Prologue: journal of Law. – 2019. – No. 3. – p. 25.
8. Annual report of the Public Chamber of the Orenburg region on the state of civil society in the Orenburg region for 2019 [Electronic resource]. – Access mode: http://orenpalata.ru/Ежегодный%20доклад_2020_ИТОГ.pdf.
9. Information and analytical materials on the state and main directions of development of local self-government in the Russian Federation (data for 2018 – early 2019) [Electronic resource]. – Access mode: <https://minjust.ru/ru/razvitie-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogo-samoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnyh>.
10. Draft amendments to the General Plan of the Orenburg City municipality [Electronic resource]. – Access mode: <https://orenburg.ru/activity/34731/>.
11. The results of the scandalous public hearings on the General Plan of Orenburg [Electronic resource]. – Access mode: <https://orenday.ru/news/130723202927>.
12. Draft amendments to the General Plan of the Orenburg City municipality (repeated) [Electronic resource]. – Access mode: <https://orenburg.ru/activity/34731/>.
13. Statistical information of the Government of the Russian Federation on subjects of citizens' appeals [Electronic resource]. – Access mode: <https://static.government.ru/media/files/IDkV24jqz-MEuYtADurDYLHAKM8M9ukMo.pdf>.

Ермакова Виктория Андреевна,

аспирант, АНО ВО «Московский гуманитарный университет»
E-mail: errmakova1407@mail.ru

В статье анализируется роль Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) в обеспечении эффективного разрешения экономических споров. Рассматриваются основные функции коллегии, ее значение для стабильности предпринимательских отношений и влияния на развитие правоприменительной практики в экономической сфере. Особое внимание уделяется анализу судебной практики и правовых позиций, формируемых коллегией. Исследование основывается на изучении нормативных актов, решений Верховного Суда и научных публикаций. Автор приходит к выводу, что Судебная коллегия играет ключевую роль в обеспечении единства судебной практики, повышении предсказуемости правоприменения и защите законных интересов участников экономического оборота.

Ключевые слова: экономические споры, судебная коллегия, Верховный Суд РФ, правоприменительная практика, хозяйственная деятельность, судебные акты, правовая защита.

Введение

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – СКЭС ВС РФ, Коллегия) является структурным подразделением высшего судебного органа страны, которое рассматривает дела по экономическим спорам в качестве суда кассационной инстанции [1]. Несмотря на относительно недавнее создание данного подразделения в ходе судебной реформы 2014 года, Коллегия уже зарекомендовала себя как важная структура в системе арбитражных судов, оказывающая значительное влияние на формирование единообразной судебной практики в сфере экономического правосудия [2, с. 5].

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ играет значительную роль в обеспечении надлежащей защиты прав субъектов экономической деятельности. В условиях современной экономики, характеризующейся высокой сложностью и многообразием правовых отношений, коллегия выполняет две ключевые функции: обеспечивает единообразное толкование законодательства и способствует урегулированию системных проблем правоприменения.

Цель настоящей работы – изучить специфику функционирования Судебной коллегии по экономическим спорам, выявить её ключевые задачи и продемонстрировать примеры наиболее значимых решений, которые оказали влияние на развитие правоприменительной практики в области экономических споров.

Материалы и методы

Объектом исследования выступает Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ как один из элементов единой судебной системы России. Основными методами являются сравнительно-правовой анализ, позволяющий сопоставить место и роль Коллегии с иными судебными инстанциями; формально-юридический метод, дающий возможность оценить нормативную основу функционирования Коллегии, и системный подход, обеспечивающий комплексное изучение места Коллегии в общей структуре правосудия.

Литературный обзор

Юридическая наука уделяет значительное внимание исследованию функции судебной коллегии по экономическим спорам. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ (СКЭС ВС РФ) играет ключевую роль в формировании единообразной судебной практики по вопросам, возникающим

в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Её деятельность направлена на обеспечение стабильности гражданского оборота, защиту прав и законных интересов субъектов экономических отношений, а также на развитие и совершенствование правовых механизмов разрешения хозяйственных споров.

Судебная коллегия рассматривает в качестве суда первой инстанции дела об оспаривании нормативных правовых актов Президента РФ, Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, затрагивающих права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Кроме того, СКЭС ВС РФ выступает в качестве суда второй (кассационной) инстанции по делам, рассмотренным арбитражными судами и судами общей юрисдикции, а также в качестве суда надзорной инстанции по делам, рассмотренным верховными судами республик, краевыми, областными судами и судами городов федерального значения.

Одной из основных функций Судебной коллегии является формирование правовых позиций по наиболее сложным и актуальным вопросам правоприменения в сфере экономического правосудия. Эти правовые позиции, выраженные в определениях и постановлениях СКЭС ВС РФ, становятся ориентиром для нижестоящих судов при рассмотрении аналогичных дел и способствуют обеспечению единства судебной практики на всей территории Российской Федерации.

Решения коллегии формируют нормы судебного прецедента. Например, в практике было сформулировано единообразное понимание категории реального ущерба при взыскании убытков. Такие подходы становятся ориентиром для нижестоящих судов.

Особую значимость имеют решения коллегии в вопросах банкротства. Практика показывает, что законодательство в сфере несостоятельности часто вызывает споры из-за широкой дискреции судов в применении норм.

Одним из актуальных трендов работы Судебной коллегии по экономическим спорам является внедрение электронных технологий. Платформы, такие как «Картотека арбитражных дел», обеспечивают публичный доступ к решениям суда и позволяют анализировать правовые позиции. Судебная аналитика, основанная на использовании искусственного интеллекта, может повысить качество подготовки решений, оставив за судьями ключевую роль в их вынесении.

Однако цифровизация столкнулась с рядом вызовов. Например, участились случаи злоупотреблений со стороны недобросовестных сторон, которые манипулируют электронными документами с целью затягивания процессов. Для разрешения подобных проблем требуется правовая регламентация порядка использования цифровых доказательств.

Как отмечает В.В. Ярков, деятельность коллегии направлена на обеспечение единства судебной

практики и устранение противоречий в применении норм хозяйственного права. Автор акцентирует внимание на важности кассационного пересмотра решений, способствующего устранению ошибок нижестоящих судов [3].

И.В. Решетилов подчеркивает, что одной из важнейших задач коллегии является защита прав предпринимателей, особенно в условиях неопределенности правового регулирования. Проблематика, связанная с противоречиями арбитражной практики, рассматривается как ключевая для повышения доверия к судебной системе [4].

Н.М. Глотова указывает, что судебная коллегия играет важную роль в формировании толкования норм процессуального права, что особенно важно при отсутствии четкого регулирования в отечественном праве. По мнению автора, такие решения создают ориентиры для других судов в разрешении аналогичных категорий дел [5].

Опираясь на позицию А.А. Гутина, можно утверждать, что коллегия выполняет функцию правового фильтра для сложных дел, не ограничиваясь механическим применением норм, а проводя их системный анализ [6].

Коллегия по экономическим спорам осуществляет пересмотр решений арбитражных судов первой и апелляционной инстанции. Ее задача заключается не только в исправлении судебных ошибок, но и в формировании правоприменительной практики при разрешении сложных казусов. Через рассмотрение дел Верховным Судом нормы гражданского, налогового, процессуального права приобретают единообразное толкование.

Судебная коллегия также отвечает за разрешение дел, имеющих значительные общественные и экономические последствия. Она рассматривает споры, связанные с банкротством, нарушением антимонопольного законодательства, защите объектов интеллектуальной собственности, что подтверждает ее значимость в экономической жизни страны.

Суды, как третейские органы между сторонами конфликта, играют решающую роль в утверждении экономической стабильности. Коллегия выполняет не только функции арбитра, но и создаёт контекст, в рамках которого формируется правовая перспектива для бизнеса. Это крайне важно, так как разные участники экономических отношений должны иметь уверенность в предсказуемости судебной практики. Однако, как показывает анализ, нередко возникают случаи, когда коллегии приходится заменять несовершенство законодательства своими решениями. Такая ситуация создаёт риски перегрузки Верховного Суда и увеличения субъективного подхода к конкретным спорам.

Результаты

Включение СКЭС в структуру Верховного Суда РФ привело к более тесной интеграции системы арбитражных судов в единую судебную систему страны [7, с. 63]. При этом Коллегия выступает не просто

как одна из судебных инстанций, но и как важнейшее связующее звено, обеспечивающее единство правоприменения по экономическим спорам на всей территории России.

Рассматривая дела в качестве суда кассационной инстанции, Коллегия выявляет системные ошибки нижестоящих арбитражных судов, корректирует их и направляет судебную практику в правильное русло. Одним из важнейших аспектов деятельности Коллегии является внимание к делам в сфере банкротства. Особую актуальность приобретают споры о включении требований в реестр кредиторов, что связано с интенсивным использованием банкротства в качестве механизма урегулирования долговых обязательств и защиты интересов добросовестных участников процесса.

При рассмотрении дел, связанных с включением требований в реестр кредиторов, Коллегия акцентирует внимание на необходимости всесторонней проверки обоснованности заявленных требований. В частности, Верховный Суд неоднократно указывал на недопустимость включения фиктивных требований и подозрительных задолженностей, заявленных аффилированными с должником лицами. Такой подход направлен на сложное и объективное рассмотрение доказательств, предотвращение злоупотреблений правом и защиту прав добросовестных кредиторов. [8].

Коллегия экономических споров Верховного Суда Российской Федерации выполняет важную функцию в формировании ключевых правовых позиций, направленных на разрешение сложных и актуальных проблем правоприменительной практики. Определение унифицированных подходов к интерпретации и применению законодательства обеспечивает единообразие в судопроизводстве, что особенно важно для экономической системы, где стабильность правового регулирования играет определяющую роль.

Одним из значимых направлений деятельности Коллегии является разработка подходов к применению статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующей снижение неустойки [9]. Например, суды нижестоящих инстанций, ссылаясь на соответствующие разъяснения СКЭС, обращают внимание на необходимость учета принципа соразмерности взыскания неустойки последствиям нарушения обязательства. Это позволяет достигать баланса интересов сторон, особенно если чрезмерно высокая неустойка угрожает финансовой стабильности должника. Другим примером является позиция СКЭС по налогу на прибыль и спорам о незаконности доначислений налоговых обязательств. Коллегия уточняет, что бремя доказывания должно быть распределено с учетом конкретных обстоятельств спора, чтобы исключить формальный подход при оценке налоговых обязательств.

Также значимое внимание уделяется вопросам субсидиарной ответственности контролирующих лиц в случаях несостоятельности организаций. Принятые правовые подходы определяют, что при-

влечение к такой ответственности возможно только при условии доказанности недобросовестных действий или бездействия со стороны лиц, обладающих полномочиями принятия решений. Таким образом, исключается произвольное расширительное толкование норм о субсидиарной ответственности.

Приведенные правовые позиции находят широкое применение в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Это позволяет минимизировать разночтения в интерпретации законодательства и способствует более действенной реализации принципа справедливости. Однако, в ряде случаев остается необходимость в дальнейшей доработке отдельных подходов. Например, применение указанных принципов на практике иногда сталкивается с потенциальной предвзятостью судов или недостаточно детальным рассмотрением доказательств.

Обсуждение

Несомненно, деятельность Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ имеет огромное значение для обеспечения единства и последовательности арбитражной практики. Благодаря выработанным Коллегией подходам обеспечивается единообразное применение законов в масштабах всей страны, что повышает определенность правового регулирования и способствует улучшению делового климата [10].

В то же время в литературе справедливо отмечается, что некоторые правовые позиции СКЭС носят спорный характер и вызывают неоднозначную реакцию юридического сообщества [11]. В ряде случаев Коллегия выходит за рамки буквального толкования закона, формулируя новые правила, отличные от ранее сложившейся практики. С одной стороны, это обеспечивает гибкость правового регулирования, с другой – может вступать в противоречие с принципом правовой определенности.

Заключение

Подводя итог, следует констатировать, что создание Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ стало важным шагом на пути укрепления единства судебной системы и повышения эффективности экономического правосудия. Коллегия способствует выработке единых стандартов рассмотрения экономических споров, формирует правовые позиции по ключевым вопросам правоприменения, обеспечивает развитие права в соответствии с потребностями экономики

В дальнейшем представляется необходимым сохранение и укрепление данной роли Коллегии. При этом ее деятельность должна осуществляться максимально прозрачно, решения – содержать убедительную и непротиворечивую аргументацию. Только в этом случае СКЭС сможет сохранить высокий авторитет, оставаясь образцом для всей системы арбитражных судов России.

1. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.02.2014. № 6. ст. 550.
2. Нешатаева Т.Н. Единообразное правоприменение – цель Судебной коллегии по экономическим спорам // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 1. С. 5–9.
3. Ярков В.В. Особенности пересмотра дел в Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ // Закон и право. 2019. № 10. С. 27–33.
4. Решетилов И.В. Совершенствование деятельности Верховного Суда РФ в условиях современных вызовов // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 45–49.
5. Глотова Н.М. Роль судебной практики в обеспечении единства правоприменения // Арбитражное судопроизводство. 2021. № 5. С. 32–38.
6. Гутин А.А. Кассационное производство в системе арбитражных судов: актуальные вопросы // Право и экономика. 2018. № 2. С. 95–101.
7. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. 628 с.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.06.2016 по делу N 308-ЭС16–1475, А53–885/2015 // СПС КонсультантПлюс.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. № 70. 04.04.2016.
10. Павлова Н.В. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации // Судья. 2022. № 7(139). С. 8–10.
11. Донаева Д.Д. Коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации // Наука Промышленность Оборона: труды XXIII Всероссийской научно-технической конференции: в 4 т., Новосибирск, 20–22 апреля 2022 года. Том 4. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2022. С. 153–158.

THE ROLE OF THE JUDICIAL BOARD FOR ECONOMIC DISPUTES OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ermakova V.A.

Moscow Humanitarian University

The article analyzes the role of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Supreme Court of the Russian Federation) in ensuring effective resolution of economic disputes. The main functions of the collegium, its importance for the stability of business relations and its impact on the development of law enforcement practice in the economic sphere are considered. Special attention is paid to the analysis of judicial practice and legal positions formed by the board. The research is based on the study of regulations, decisions of the Supreme Court and scientific publications. The author concludes that the Judicial Board plays a key role in ensuring the unity of judicial practice, increasing the predictability of law enforcement and protecting the legitimate interests of participants in economic turnover.

Keywords: economic disputes, judicial board, Supreme Court of the Russian Federation, law enforcement practice, economic activity, judicial acts, legal protection.

References

1. Federal Constitutional Law No. 3-FKZ dated 05.02.2014 “On the Supreme Court of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 02/10/2014. No. 6. art. 550.
2. Neshataeva T.N. Uniform law enforcement – the purpose of the Judicial Board for Economic Disputes // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2015. No. 1. pp. 5–9.
3. Yarkov V.V. Features of the review of cases in the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation // Law and Law. 2019. No. 10. pp. 27–33.
4. Reshetilov I.V. Improving the activities of the Supreme Court of the Russian Federation in the context of modern challenges // Journal of Russian Law. 2020. No. 9. pp. 45–49.
5. Glotova N.M. The role of judicial practice in ensuring the unity of law enforcement // Arbitration proceedings. 2021. No. 5. pp. 32–38.
6. Gutin A.A. Cassation proceedings in the system of arbitration courts: topical issues // Law and Economics. 2018. No. 2. pp. 95–101.
7. Ershov V.V. Legal and individual regulation of public relations: Monograph. M.: RGUP, 2018. 628 p.
8. The ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/15/2016 in case No. 308-ES16–1475, A53–885/2015 // SPS Consultant-Plus.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/24/2016 No. 7 “On the application by courts of certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations” // Rossiyskaya Gazeta. № 70. 04.04.2016.
10. Pavlova N.V. Judicial Board for economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation // Judge. 2022. No. 7(139). pp. 8–10.
11. Donaeva D.D. Collegium on economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation // Science Industry Defense: proceedings of the XXIII All-Russian Scientific and Technical Conference: in 4 volumes, Novosibirsk, April 20–22, 2022. Volume 4. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University, 2022. pp. 153–158.

Защита конфиденциальных данных в арбитражном судопроизводстве как форма информационной безопасности личности

Клепикова Ольга Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
E-mail: o.klepikova@rsu-rzn.ru

В статье рассматривается проблема защиты конфиденциальных данных в рамках арбитражного процесса граждан, в отношении которых не вводилась процедура банкротства. Анализируется действующее законодательство, регламентирующее особенности размещения судебных актов арбитражного суда в делах о банкротстве граждан. Целью исследования является поиск способа защиты от неправомерных опубликований в судебных актах в сети Интернет арбитражным судом персональных данных граждан, которые имеют родственные или иные связи с банкротом. Сделан вывод о возможности внесения уточнений в арбитражное процессуальное законодательство в отношении положений, устанавливающих размещение текстов судебных актов в сети Интернет в полном объеме и без изъятий, содержащих конфиденциальные данные граждан, не проходящих процедуру банкротства, путем принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: угроза информационной безопасности личности, персональные данные, арбитражный процесс, механизмы защиты данных.

Выделение арбитражного судопроизводства как самостоятельного вида судопроизводства в части 2 статьи 118 Конституции Российской Федерации стало необходимым, поскольку появление нового правового института банкротства граждан, отнесённого к компетенции арбитражного суда, требовало реализации конституционного права граждан на судебную защиту, провозглашенного частью 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации, посредством самостоятельной конституционной формы судебной власти.

У каждого вида судопроизводства имеются свои специфические особенности процессуальной формы, и рассматривая дела между субъектами предпринимательской деятельности и экономической деятельности, арбитражные суды находились особняком от суда общей юрисдикции, поскольку не рассматривали дела между гражданами, с обязательным учетом конституционно-правового статуса личности.

Так же эта специфичность процессуальных форм судопроизводств отражена и в федеральных законах путем разграничения особенностей для дел, рассматриваемых судом общей юрисдикции и арбитражным судом. Например, в Налоговом кодексе Российской Федерации положения статьи 333.20 устанавливает особенности уплаты государственной пошлины при обращении в суды общей юрисдикции и к мировым судьям, а положения статьи 333.21 устанавливает размеры государственной пошлины по делам, рассматриваемым арбитражными судами.

После отнесения дел о банкротстве граждан к сфере компетенции арбитражных судов было выявлено множество оставшихся неурегулированных вопросов, которые не были проработаны законодателем с учетом конституционно-правового статуса личности. Даже при возможности арбитражного суда осуществлять судебное руководство процессом при рассмотрении дел о банкротстве граждан, «учитывать принципы цивилистического процесса, конституционно-правовой статус личности для отправления эффективного правосудия» [1], невозможно преодолеть правовые пробелы без внесения изменений в круг источников арбитражно-процессуального законодательства.

Так, ранее до внесения изменений в 2024 году в налоговое законодательство существовала проблема отсутствия дифференцирования размера государственной пошлины в арбитражном судопроизводстве для физических лиц при рассмотрении спора о недействительности сделки в деле о банкротстве [2], поскольку размеры го-

сударственных пошлин для суда общей юрисдикции и арбитражного суда были закреплены в разных статьях 333.20 и 333.21 Налогового кодекса Российской Федерации, а участие граждан в арбитражном суде было исключено, поэтому при оставшихся без изменений положений Налогового кодекса Российской Федерации, арбитражный суд не вправе был самостоятельно установить размер пошлины для гражданина, если такая дифференциация не была определена федеральным законодателем.

Таким же образом в статье 15 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22.12.2008 № 262-ФЗ при определении особенностей размещения в сети Интернет текстов судебных актов суда общей юрисдикции были установлены исключения в части опубликования в сети Интернет персональных данных граждан, в том числе в целях обеспечения их безопасности и защиты охраняемой законом тайны. При опубликовании судебных актов арбитражного суда не устанавливались такие исключения об обезличивании персональных данных, поскольку граждане не являлись участниками арбитражного процесса.

Ряд исследовательских работ ученых был посвящен выявлению проблем, с которыми столкнулся гражданин при реализации права судебной защиты в рамках арбитражного судопроизводства. В частности, рассматривались особенности реализации принципа гласности в арбитражном судопроизводстве для гражданина, в отношении которого не вводилась процедура банкротства [3], выявлялись проблемы обеспечения конфиденциальности по делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетнего, поскольку до введения института банкротства граждан в рамках арбитражного процесса не разрешались вопросы, касающиеся прав и законных интересов несовершеннолетнего [4, 5] и другие.

Устанавливая те или иные ограничения прав граждан, законодатель преследует цель защитить конституционные ценности, перечисленные в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, то есть анализирует адекватность ограничения права как средства достижения легитимной цели [6]. Так, в соответствии с положениями статьи 213.7 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» идентификация гражданина, в отношении которого вводится процедура банкротства, осуществляется по фамилии, имени и отчеству, указываются ранее присвоенные фамилии, дата и место рождения, СНИЛС, ИНН, место регистрации, фактическое место жительства. В ходе процедуры банкротства гражданина, указанные данные подлежат обязательному опубликованию арбитражным судом и в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве. Цель такого ограничения прав должника в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, является социально оправданной, поскольку процедура является публичной, основная идея института несостоятельно-

сти (банкротства) гражданина, заложенная в ядре его правовой природы, это социальная реабилитация гражданина, оказавшегося в положении несостоятельности, поэтому для реализации правила об освобождении гражданина от дальнейшего исполнения обязательств необходимо соблюдение баланса прав и интересов должника и кредитора, конституционную основу этого принципа баланса прав и интересов равных участников правоотношений образует часть 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации. Это положение рассматривается в первую очередь как критерий правомерного, добросовестного поведения граждан в процессе прохождения процедуры банкротства.

Превалирование публично-правовых начал в банкротных мероприятиях граждан и конституционный принцип баланса прав и интересов должника и кредитора, не позволяют ограничивать права членов семьи должника, лиц, которые совершали сделки с должником, путем распространения в судебных актах арбитражного суда их персональных данных, по которым их можно идентифицировать. Более того, положения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не устанавливают таких ограничений для граждан, в отношении которых не вводилась процедура банкротства.

Однако, арбитражные суды опубликовывают свои судебные акты в сети Интернет с персональными данными лиц, которые не проходят процедуру банкротства, раскрывают конфиденциальную информацию о частной жизни таких граждан.

Например, в определении Арбитражного суда Пермского края от 28 апреля 2025 года по делу № А50–8950/24 о банкротстве гражданина раскрыты и опубликованы в сети Интернет в отношении троих родственников должника следующие данные: фамилия, имя, отчества, дата и место рождения, место регистрации.

Определением Арбитражного суда Свердловской области от 28 апреля 2025 года по делу А60–25505/2024 распространены в сети Интернет персональные данные матери должника, сестры должника, племянницы должника раскрыты их фамилия, имя, отчество, дата рождения и место регистрации, указано права собственности на долю в квартире, адрес места нахождения данного объекта недвижимости и его иные характеристики.

В определении Арбитражного суда Челябинской области от 29 апреля 2025 года по делу № А76–27439/2024 раскрыты и опубликованы в сети Интернет следующие сведения: состав семьи должника (три человека: должник, ее супруг и несовершеннолетняя дочь), указаны фамилия, имя, отчество несовершеннолетнего ребенка, дата рождения ребенка, дата регистрации брака. Из указанных данных следует, что брак был зарегистрирован за 4 месяца до рождения ребенка. Далее указано, название школы и адрес школы, в которой обучается несовершеннолетняя дочь должника, указано, что должник трудоустроена в больнице и название этой больницы. В судебном акте указано, фактическое место проживания мужа должника и дочери

должника, государственный регистрационный знак транспортного средства должника, на котором ребенка доставляют до школы.

Из содержания определения Арбитражного суда Республики Башкортостан от 29 апреля 2025 года по делу № А07–27821/24 следует, что супруг должника считается безызвестно пропавшим в зоне СВО, в отношении супруга должника произведена идентификация по фамилии, имени, отчеству, указана дата, когда считается военнослужащий безызвестно пропавшим в зоне СВО.

Полагаем, что не является конституционно оправданным размещение таких конфиденциальных сведений о частной жизни членов семьи должника арбитражным судом в сети Интернет, поскольку такое ограничение их прав не предусмотрено федеральным законом. И если есть такая необходимость публикации персональных данных граждан, состоящих с банкротом в родственных отношениях, то это должно быть определено законодателем. Такое размещение персональных данных лиц, не проходящих процедуру банкротства, в судебных актах арбитражного суда разных субъектов и разных уровней происходит с момента введения института банкротства граждан и до настоящего времени.

Проблема защиты конфиденциальных данных в рамках арбитражного процесса граждан, не проходящих процедуру банкротства, является актуальной, поскольку отсутствует правозащитный механизм, позволяющий отстаивать гражданам, в отношении которых не вводилась процедура банкротства, свои права при опубликовании и распространении их личных сведений в сети Интернет в судебном акте арбитражного суда.

В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 года № 2353-О было установлено, что гражданину, в отношении которого не вводилась процедура банкротства, отказали в суде общей юрисдикции в принятии исковых заявлений к арбитражному суду, в которых он просил ограничить доступ к содержащим его персональные данные (фамилия, имя и отчество, полный адрес места жительства, ИНН) судебным актам арбитражного суда, размещенным в информационной системе КАД или удалить эти судебные акты из названной информационной системы, взыскать компенсацию морального вреда и судебные расходы. Все судебные инстанции суда общей юрисдикции указали, что заявленные требования гражданина не могут быть предметом рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Поэтому если не наступает ответственность за опубликование арбитражным судом персональных и конфиденциальных данных граждан, в отношении которых не вводилась процедура банкротства, отсутствует нормативно установленный механизм, который позволил бы гражданину при следовании ему, иметь возможность защитить свои права при опубликовании и распространении их личных сведений в сети Интернет в судебном акте арбитражного суда, то и говорить об обеспечении

информационной безопасности личности в правовом государстве не приходится.

Вместе с тем, в указанном решении органа конституционного контроля отражено, что председатель арбитражного суда в ответе на обращение гражданина сообщил, что приводить полные данные о месте жительства гражданина, в отношении которого не вводилась процедура банкротства, в судебных актах арбитражного суда не было необходимости, и в деле заявителя нарушения исправлены, и судебные акты размещены в соответствии с требованиями нормативных актов, а именно на основании положений части 4 статьи 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и пункту 9.2 раздела II «Судебное делопроизводство» Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций), утвержденной постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 года № 100.

Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что все персональные и конфиденциальные данные лиц, не проходящих процедуру банкротства, опубликованные в сети Интернет, находятся там неправомерно, и исключение этих личных сведений из содержания судебных актов арбитражным судом не производится без соответствующего обращения гражданина к председателю арбитражного суда.

В соответствии с положениями части 1 статьи 20.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» финансовый управляющий наделен правом запрашивать различные сведения, позволяющие, на его взгляд, достигнуть целей процедуры банкротства, в регистрирующих органах, субъектах, осуществляющих хранение информации, и при отказе в получении таких сведений вправе обращаться в арбитражный суд с ходатайством об истребовании необходимых ему сведений в рамках дела о банкротстве гражданина. Парадоксальным является то, что арбитражный суд в своих определениях об удовлетворении ходатайства об истребовании сведений раскрывает эти конфиденциальные сведения, которые не предоставлялись субъектом хранения, для неопределенного круга лиц путем опубликования судебного акта без обезличивания в сети Интернет. Другими словами, субъекты хранения сведений отказывают в передаче их финансовому управляющему, а арбитражный суд, получив такие сведения, публикует их через свои судебные акты в сети Интернет.

Например, постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 января 2023 года по делу № А44–3260/2021 отменены судебные акты нижестоящих инстанций и вынесен новый судебный акт об истребовании сведений о родителях должника. Суд кассационной инстанции раскрыл сведения о родителях должника: фамилию, имя,

отчество, имущество, которое находилось в собственности родителей должника, а именно шесть объектов недвижимости с указанием адреса нахождения данного имущества, кадастрового номера, площади объекта недвижимости и другие характеристики, реквизиты и наименования договоров, по которым родители должника отчуждали свое имущество иным лицам.

Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09 марта 2023 года по делу № А56–6324/2018 при рассмотрении кассационной жалобы финансового управляющего раскрыты сведения о семейных отношениях должника, а именно раскрыты фамилии, имена и отчества, даты рождения следующих лиц: сына должника, супруги должника, матери дочери должника, отца и матери должника, дочери должника, мачехи должника, матери и отца супруги должника.

При этом, положения части 3 статьи 20.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» обязывают финансового управляющего охранять конфиденциальность сведений, охраняемых законом и ставших ему известными в связи с исполнением обязанностей. Положениями части 10 статьи 213.9 Закона о банкротстве установлена для финансового управляющего гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность за разглашение сведений, составляющих охраняемую законом тайну. В то время как, арбитражный суд ответственность за опубликование в сети Интернет персональных данных граждан, которые являются родственниками банкрота, не несет.

Полагаем, что пресечь дальнейшее нарушение арбитражным судом конституционных прав граждан, которые имеют родственные или иные связи с банкротом, публикуя судебные акты в сети Интернет без удаления их персональных данных, возможно путем принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам опубликования судебных актов арбитражных судов с учетом того, что гражданин стал участником арбитражного процесса и необходимости реализации государством гарантии безопасности гражданина при осуществлении арбитражного судопроизводства, поскольку «Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)», утвержденная постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 года № 100, где было указано, что судебные акты арбитражного суда размещаются в информационном ресурсе «Картошка арбитражных дел» в сети Интернет в полном объеме и без изъятий, потеряли актуальность.

Литература

1. Клепикова О.Г. Роль суда в арбитражном судопроизводстве через призму принципов цивилистического процесса // Юридическая гносеология. 2024. № 6. С. 119–127.

2. Клепикова О.Г., Ерошина Е.В. Проблема отсутствия дифференцирования размера государственной пошлины в арбитражном судопроизводстве для физических лиц при рассмотрении спора о недействительности сделки // Налоговая политика и практика. 2021. № 11. С. 76–80.
3. Клепикова О.Г. Конституционные основы защиты прав гражданина при реализации принципа гласности в арбитражном судопроизводстве // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 127–130.
4. Клепикова О.Г. Правовые основы защиты права несовершеннолетнего на конфиденциальность в арбитражном судопроизводстве // Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции «Новеллы права, экономики и управления 2022». Том 1. Из-во: ГИЭФПТ. Гатчина. 2023 г. С. 88–91.
5. Клепикова О.Г., Кошкина И.Г. Нарушение прав несовершеннолетнего при реализации принципа гласности в арбитражном судопроизводстве // Сборник материалов конференции «Детство – территория безопасности». Из-во «Саратовский источник». Саратов. 2022 г. С. 55–58.
6. Клепикова О.Г. Конституционный контроль за вмешательством государства в основные права человека // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: сборник материалов 1-й Международной научно-практической конференции, посвященной 105-летию РГУ имени С.А. Есенина, Рязань, 05–06 ноября 2020 года / РГУ имени С.А. Есенина. Рязань: Б. и., 2021. С. 37–40.

PROTECTION OF CONFIDENTIAL DATA IN ARBITRATION PROCEEDINGS AS A FORM OF INFORMATION SECURITY OF THE PERSON

Klepikova O.G.

Ryazan State University named after S.A. Yesenin

The article considers the problem of protecting confidential data in the framework of the arbitration process of citizens in respect of whom the bankruptcy procedure has not been introduced. The current legislation regulating the features of posting judicial acts of the arbitration court in bankruptcy cases of citizens is analyzed. The purpose of the study is to find a way to protect against unlawful publication in judicial acts on the Internet by the arbitration court of personal data of citizens who have family or other ties with the bankrupt. A conclusion has been made on the possibility of introducing clarifications into the arbitration procedural legislation in relation to provisions establishing the placement of texts of judicial acts on the Internet in full and without exceptions, containing confidential data of citizens who are not undergoing bankruptcy proceedings, by adopting a resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the issue under study.

Keywords: threat to information security of an individual, personal data, arbitration process, data protection mechanisms.

References

1. Klepikova O.G. The Role of the Court in Arbitration Proceedings through the Prism of the Principles of Civilistic Process // Legal Gnoseology. 2024. No. 6. Pp. 119–127.
2. Klepikova O.G., Eroshina E.V. The Problem of the Lack of Differentiation of the Amount of State Duty in Arbitration Proceed-

- ings for Individuals When Considering a Dispute on the Invalidity of a Transaction // Tax Policy and Practice. 2021. No. 11. Pp. 76–80.
3. Klepikova O.G. Constitutional Foundations for the Protection of Citizen's Rights in the Implementation of the Principle of Publicity in Arbitration Proceedings // Legal Science. 2023. No. 3. Pp. 127–130.
 4. Klepikova O.G. Legal basis for protecting the right of a minor to confidentiality in arbitration proceedings // Collection of articles of the VIII International scientific and practical conference "Novelties of law, economics and management 2022". Volume 1. Published by: GIEFPT. Gatchina. 2023. Pp. 88–91.
 5. Klepikova O.G., Koshkina I.G. Violation of the rights of a minor in the implementation of the principle of publicity in arbitration proceedings // Collection of materials of the conference "Childhood is a territory of safety". Published by "Saratovsky Istochnik". Saratov. 2022. Pp. 55–58.
 6. Klepikova O.G. Constitutional control over state interference in fundamental human rights // Modern problems of lawmaking and law enforcement: collection of materials of the 1st International scientific and practical conference dedicated to the 105th anniversary of the RSU named after S.A. Lomonosov. Yesenin, Ryazan, November 5–6, 2020 / RSU named after S.A. Yesenin. Ryazan: B. i., 2021. P. 37–40.

Историческое развитие таможенного регулирования: от национального к международному сотрудничеству

Коносов Дионис Канарисович,

аспирант, АНО ВО «Московский гуманитарный университет»
E-mail: konosov.dionis@mail.ru

Статья посвящена историческим аспектам формирования и развития таможенного регулирования в России. Рассматриваются ключевые этапы становления таможенной системы, начиная с периода Древней Руси и заканчивая современным этапом, характеризующимся активным международным взаимодействием. Анализируются смена таможенных подходов в зависимости от социально-политических и экономических условий, а также влияние глобализации на модернизацию данной сферы. Особое внимание уделяется текущему состоянию международного таможенного сотрудничества, основанного на принципах интеграции и гармонизации законодательства. Цель исследования – выявить основные этапы эволюции таможенного регулирования и определить ключевые тенденции его трансформации в условиях глобализации. Работа выполнена с применением историко-правового и сравнительного методов анализа. Результаты исследования показали важность международного сотрудничества в формировании современной системы таможенного права. Сделаны выводы о значении унификации нормативно-правовой базы в построении эффективной глобальной торговой среды.

Ключевые слова: таможенное регулирование, международное сотрудничество, историческое развитие, торговая политика, интеграция.

Введение

Таможенное регулирование представляет собой один из важнейших механизмов управления экономическими процессами, который оказывает значительное влияние на развитие мировой торговли и экономическую безопасность государства. Историческое развитие таможенных процедур и правил прямо связано с изменением социальных, политических и экономических факторов, создавая основу для формирования современных норм и принципов.

Основная цель данной статьи – рассмотреть ключевые этапы развития таможенного регулирования, начиная с его становления как исключительно национального инструмента и заканчивая распространением международного сотрудничества. Исследование направлено на систематизацию исторических событий и анализ современных тенденций в области международного регулирования таможенной деятельности.

Материалы и методы

В рамках исследования использован исторический метод для анализа ключевых этапов становления таможенного регулирования, а также сравнительно-правовой подход для изучения различий в национальных и международных моделях управления. Источниковой базой работы являются нормативные документы, материалы международных конференций, а также научные статьи российских и зарубежных авторов.

Литературный обзор

Эволюция таможенного регулирования изучалась многими исследователями как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. Исторические аспекты формирования таможенной системы России представляют собой значительный пласт научных исследований. Волков А.А. в своей статье «История таможенного дела в России: от древности до современности» отмечает, что становление таможенной системы началось еще в эпоху Киевской Руси, когда введение торговых пошлин способствовало государственной консолидации. Обзор данных исследований позволяет выявить закономерности изменения таможенного регулирования во времени и понять его роль в современных условиях [1].

Научное изучение основ таможенного права позволяет лучше понять его текущую регуляторную базу. Демидов Н.В. утверждает, что таможенное право как подотрасль административного права

включает в себя нормы и механизмы, направленные на обеспечение экономической безопасности государства. В учебнике автор уделяет внимание правовому регулированию таможенной деятельности в рамках Таможенного союза ЕАЭС и международных организаций, таких как ВТО и Всемирная таможенная организация (ВТамО) [2].

Одной из наиболее важных современных тенденций в развитии таможенного дела является внедрение цифровых технологий. Соколов Е.А. и Григорьев С.С. в своей статье «Цифровизация таможенных процедур в России» анализируют методы цифровой трансформации, внедряемые в таможенное регулирование, такие как использование автоматизированных систем управления рисками (АСУР) и возможностей искусственного интеллекта. Авторы подчеркивают, что цифровизация способствует снижению уровня бюрократизации и ускорению таможенных процедур [3].

Таможенное регулирование как один из важнейших инструментов государственного управления экономикой берет свое начало в глубокой древности. Первоначально оно было частью национальной политики, направленной на формирование доходов бюджета через взимание пошлин с товаров, пересекающих границы государств. Однако с развитием торговых отношений между странами и роста объемов внешней торговли возникла необходимость в унификации подходов к таможенному регулированию, что стало предпосылкой для формирования международного сотрудничества в данной сфере.

На ранних этапах история таможенного регулирования определялась исключительно интересами отдельных государств. Например, в Древнем Египте и Вавилоне взимание пошлин имело фискальный характер и обеспечивало доходы государственной казны. Аналогичная практика существовала в Древней Греции и Риме, где для управления пересечением границ введены таможенные сборы, основывавшиеся на фиксации стоимости и вида ввезенных товаров. Эти меры имели ярко выраженную экономическую направленность, так как позволяли государству наращивать доходы и контролировать внешнюю торговлю.

С началом Средневековья роль таможни повысилась. Ключевыми примерами национального таможенного регулирования являются установленные в Европе «зональные пошлины», когда взимание сборов происходило на различных внутренних и внешних границах государств. Так, в XV веке во Франции и Англии существовала целая система таможенных барьеров, ограничивающая движение товаров. Они служили инструментом не только экономической, но и политической борьбы, отражая интересы феодалов и монархов. Данные меры способствовали укоренению национальных подходов к управлению внешней торговлей, однако мешали развитию международной торговли, поскольку создавали значительные барьеры для перемещения товаров.

В эпоху Нового времени наблюдалось усиление экономической интеграции и расширение внешней

торговли, что потребовало изменения основ таможенного регулирования. В XVIII–XIX веках, с развитием международной торговли, государства начали осознавать необходимость унификации таможенных правил. Примером может служить Англия, которая после длительного периода протекционистской политики в середине XIX века приняла курс на либерализацию торговли, расчищая путь для международного сотрудничества. Отказ от значительной части пошлин и установление тарифных льгот для партнеров стимулировали увеличение объемов мировой торговли. В Германии был принят Таможенный союз (Zollverein) 1834 года, объединивший рынки нескольких государств. Это событие стало значимым этапом в истории таможенного регулирования, поскольку не только укрепило экономическое сотрудничество, но и заложило основы для формирования наднациональных экономических систем [4].

Далее рассмотрим исторические аспекты таможенного регулирования в России.

Период Древней Руси и Московского государства

Таможенная система в Древней Руси зародилась в процессе формирования торговых отношений и развития княжеской власти. Она основывалась на взимании пошлин, которые на Руси назывались «мытами». Функция пошлин заключалась не только в пополнении казны, но и в обеспечении безопасности торговых путей. Первоначально сборы могли осуществляться в натуральной форме, включая меха, зерно и другие товары. К источникам письменного упоминания таможенных механизмов можно отнести правовые положения «Русской Правды» – первого свода законов, регулирующего различные аспекты гражданских и коммерческих отношений. В этом документе закреплялись нормы, которые позволяли не только защищать интересы купцов, но и предотвращать злоупотребления со стороны служащих.

С усилением московской княжеской власти в XIV–XVII веках таможенная система становится более организованной. Правило введения пошлин и процедур реализовывалось на основании царских указов и соборных уложений. Таможенные сборы стали устойчивым инструментом наполнения государственного бюджета, что особенно актуально в условиях войн и инфраструктурного строительства. Например, московская власть осуществляла строгий контроль над ключевыми торговыми артериями, такими как Волжский и Охотный торговые пути. Это позволяло не только стабилизировать внутренний рынок, но и усилить экономическую независимость государства. Однако данная модель зачастую сдерживала развитие частной инициативы и выход местной торговли на международную арену.

Эпоха Петра I и модернизация системы

Реформаторская деятельность Петра I в начале XVI–II века радикально изменила все стороны российского государства, включая таможенные механизмы.

В 1724 году был утвержден первый полноценный Таможенный тариф, который стал значимым этапом в истории экономической и торговой политики. Основной целью его введения была защита отечественного производства, снижение зависимости от иностранных товаров и создание условий для развития промышленности внутри страны. Примечательно, что пошлины в этот период носили преимущественно протекционистский характер, что предусматривало значительное повышение налогов на импорт изделий, которые в то время могли быть заменены отечественной продукцией.

Петр I также уделял внимание упрощению экспортных процедур. Например, для вывозимых за границу товаров создавались облегченные налоговые условия. Так, российский лес, пушнина и зерно получали сбытоориентированные преимущества. В дополнение к тарифу государь реформировал администрирование таможенной службы: вводились регламенты отчетности, унифицировалась система учета товаров. Данная мера увеличила прозрачность и снизила объемы теневой экономики в торговых процессах [5].

Мнение по данному этапу можно сформировать с точки зрения комплексности и отдаленных последствий. С одной стороны, протекционистская политика укрепила национальную промышленность, с другой – развитие торговли все же оставалось жестко связанным с бюрократическими процедурами. Это создавало препятствия для активного роста частного капитала и инноваций.

XIX–XX века: индустриализация и нарастание глобализации

Индустриальная эпоха второй половины XIX века стала новым витком для таможенного регулирования. Ключевой момент состоял в стремлении российских властей к интеграции в мировую экономическую систему. Это проявилось, прежде всего, в заключении международных соглашений о торговле и таможенных пошлинах. Например, во времена реформ Александра II Россия подписала ряд тарифных конвенций с европейскими державами. Такая практика позволила не только разнообразить внешнеторговые потоки, но и включить страну в систему международного разделения труда. Однако, таможенные сборы часто вызывали дискуссии между сторонниками свободной торговли и протекционистской политики.

Советский период, начавшийся в XX веке, кардинально изменил внутреннюю логику таможенных процессов. Экономика СССР основывалась на принципах централизованного планирования, что пред полагало государственную монополию на внешнюю торговлю. Таможенные службы выполняли скорее политическую, чем экономическую функцию, включая строгий контроль за перемещением товаров, технологий и капитала. Например, экспорт зерновых или нефти часто осуществлялся в рамках межгосударственных бартерных соглашений, направленных на укрепление взаимодействия с социалистическими странами [6].

Тем не менее, подобная изоляция оказала негативное влияние на способность экономики СССР адаптироваться к глобализационным процессам. Плановая модель оказалась менее гибкой и устойчивой в условиях нарастающих рыночных преобразований мира. Это потребовало серьезных реформ в период позднего XX века.

С переходом Российской Федерации к рыночной экономике в 1990-е годы произошла трансформация не только внутреннего экономического устройства, но и внешнеторгового регулирования. Одним из ключевых элементов этих изменений стала реорганизация системы таможенного администрирования. Принятие новых законодательных актов и реформы в области таможенной политики были обусловлены необходимостью гармонизации национальной правовой базы с международными стандартами. Эти преобразования позволили облегчить взаимодействие с зарубежными партнерами, повысить конкурентоспособность отечественных предприятий за счет упрощения экспорта и импорта и адаптировать систему к вызовам глобализации.

На сегодняшний день значительную роль играют включенность России в деятельность международных организаций, таких как Всемирная таможенная организация (ВТамО) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Эти структуры формируют современный вектор развития системы таможенного регулирования. В рамках ВТамО проводится активная работа по унификации процедур контроля, внедрению передовых технологий и упрощению трансграничной торговли. Например, ключевые положения Киотской конвенции, разработанные под эгидой ВТамО, были адаптированы в российском законодательстве, что позволило снизить административные барьеры для участников внешнеэкономической деятельности [7].

Евразийский экономический союз, к которому Россия присоединилась в качестве одного из основателей, ставит своей целью создание условий для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на пространстве союза. Основным достижением в рамках ЕАЭС стало развитие единого таможенного кодекса, который способствует гармонизации процедур между государствами-участниками. Единые тарифы и стандарты, действующие на территории союза, упрощают процесс экономической кооперации. Например, единая система оплаты таможенных пошлин позволяет избежать дублирования процедур и финансовых расходов при транзите товаров [8].

Отдельно следует выделить двустороннее сотрудничество России с рядом стран, таких как Китай, Турция, Индия и государства Европейского союза. Данная форма взаимодействия используется для решения отдельных вопросов, таких как упрощение таможенных процедур для отдельных категорий товаров. Например, программа взаимного признания авторизованных экономических операторов с Китаем позволяет бизнесу, сертифициро-

ванному в одной из стран, ускорять прохождение таможенного контроля в другой.

Цифровизация стала важной составляющей модернизации таможенной системы. Введение электронного декларирования, создание систем управления рисками и аналитических платформ, таких как АСК «Электронная декларация», существенно ускорили обработку данных и сократили вероятность злоупотреблений. Примерно 99% таможенных деклараций в России в настоящее время обрабатываются в электронном формате, что стало возможным благодаря последовательному внедрению цифровых технологий. Кроме того, создание платформ для обмена информацией между странами, таких как единая информационная система ЕАЭС, позволяет оперативно выявлять и пресекать случаи контрабанды, а также контролировать соблюдение торговых соглашений [9].

Несмотря на положительные изменения, сохраняются проблемы, требующие внимания. Первая из них связана с избыточной бюрократизацией, характерной для отдельных процессов таможенного оформления. Нередко системы автоматического контроля требуют дополнительного вмешательства со стороны инспекторов, что увеличивает сроки обработки грузов. Вторая проблема – недостаточная координация между различными ведомствами, занимающимися надзорной деятельностью. Это приводит к возникновению дублирующих проверок и создает риски повышения издержек участников внешнеэкономической деятельности.

Результаты

Пройденный Россией путь в таможенном регулировании иллюстрирует эволюцию от изолированной национальной системы к модели, основанной на многовекторном международном сотрудничестве. Этот процесс был обусловлен рядом экономических, политических и социальных факторов, включая необходимость интеграции в мировую экономику, желание улучшить условия торговли и усиление межстрановых связей. Последствия данных изменений выразились в преобразовании структурных и функциональных элементов системы, что нашло воплощение в нескольких значимых аспектах.

Первый из них связан с внедрением цифровых технологий и автоматизацией процедур. До начала 2000-х годов таможенное оформление в России носило преимущественно бумажный характер, что значительно увеличивало временные затраты участников внешнеэкономической деятельности. Ситуация кардинально изменилась после разработки и реализации системы электронного декларирования. Например, введение автоматизированной системы «Электронная декларация» позволило обеспечить обработку до 99% документов в цифровом формате. Это не только ускорило процессы, но и уменьшило вероятность человеческого фактора, что особенно важно для устранения коррупционных рисков. Параллельно была внедрена система управления рисками, анализирующая

поступающие данные и определяющая необходимость проведения досмотра или дополнительных проверок. Это послужило основой для более адресного таможенного контроля, в значительной мере снижая нагрузку на добросовестных участников [10].

Второй аспект заключается в сокращении временных и финансовых издержек представителей бизнеса, задействованных в международной торговле. Если в 1990-е годы процесс пересечения границы мог занимать несколько дней, то в современных условиях среднее время оформления достигает лишь нескольких часов. Примером может служить программа взаимного признания авторизованных экономических операторов (АЭО), которая обеспечивает приоритетный допуск грузов через границу для предприятий с высокой репутацией. Такая система активно применяется в сотрудничестве России с Китаем, что облегчает торговлю между крупнейшими экономиками Евразии. В результате отечественные компании получают возможность оперативно выводить продукцию на зарубежные рынки, минимизируя затраты на логистику.

Третий результат преобразований – это адаптация национального законодательства к требованиям международных стандартов. Россия активно взаимодействует с институтами Всемирной таможенной организации (ВТамО), принимая положения Киотской конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур. Кроме того, значительные изменения привнесло участие в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Разработка и принятие единого Таможенного кодекса ЕАЭС позволили создать унифицированные подходы к регулированию трансграничной торговли между государствами-участниками. В частности, введение единых тарифных ставок и унифицированного механизма взимания пошлин ликвидировало противоречия, которые ранее мешали развитию регионального экономического сотрудничества.

Научный анализ преобразований в сфере таможенного регулирования в России подчеркивает прогрессивный характер внедренных подходов. Однако существующие проблемы сигнализируют об ограничениях текущей модели. Например, несмотря на автоматизацию, сохраняются случаи избыточного вмешательства со стороны таможенных инспекторов, что затормаживает процесс оформления. Кроме того, недостаточный уровень цифровой координации между различными ведомствами приводит к дублированию некоторых проверок и создаёт дополнительные расходы для участников внешнеэкономической деятельности. Это указывает на необходимость дальнейшего совершенствования межведомственного взаимодействия и развития интегрированных информационных систем.

На наш взгляд, основное направление будущих преобразований связано с углублением цифровизации и внедрением искусственного интеллекта для анализа больших массивов данных. Такой подход может обеспечить более эффективное

распределение ресурсов, повысить прозрачность процедур и минимизировать временные задержки. Параллельно важно наращивать двусторонние и многосторонние связи, способствующие упрощению процедур и созданию новых механизмов взаимодействия. Например, расширение договоров о взаимном признании авторизованных операторов с другими странами или регионами может существенно усилить конкурентные позиции России на мировых рынках.

Обсуждение

Переход от национального таможенного регулирования к международному сотрудничеству потребовал значительных институциональных изменений. Общепринятые международные стандарты повысили уровень доверия между государствами, однако процесс их внедрения остается сложным. Глобализация и цифровизация создают новые вызовы, среди которых – необходимость обеспечения кибербезопасности и транснациональной прозрачности таможенных операций. На основе вышеприведенного анализа можно заключить, что будущее таможенного регулирования заключается в интеграции цифровых технологий и развитии международного сотрудничества.

Историческое развитие таможенного регулирования в России показывает, что основными факторами, влияющими на его трансформацию, являлись внешнеэкономические вызовы, внутренние реформы и международная интеграция. Россия неизбежно включилась в глобальные процессы, что способствовало модернизации подхода к регуляторным функциям.

В то же время остаются актуальными вызовы, связанные с противодействием незаконной торговле, упрощением транзита товаров и обеспечением прозрачности процедур.

Заключение

Эволюция таможенной системы на протяжении российской истории показывает, что каждая эпоха накладывала свои требования и ограничения на характер регулирования. В периоды формирования государственности, такие как в Древней Руси, таможенные механизмы базировались на локальных потребностях безопасности и казначейского пополнения.

В эпоху Петра I четко прослеживается стремление государства к модернизации, увеличению внутренних производственных мощностей и укреплению позиций на международной арене. XIX век, напротив, стал временем адаптации к международной кооперации. Однако в XX веке упор на изоляцию и монополию оказался тормозящим фактором. Таким образом, важнейшей задачей для любой экономической системы остается поиск баланса между защитой национальных интересов и открытостью для внешней торговли.

История таможенного регулирования в России – это путь от национальной политики защиты внутренних рынков до внедрения международных стандартов. В современных условиях усилия направляются на гармонизацию процессов, что подтверждает тесное сотрудничество с международными организациями. Дальнейшая интеграция в глобальные экономические процессы потребует адаптации законодательства и применения передовых технологий.

Литература

1. Волков А.А. История таможенного дела в России: от древности до современности // Исторические исследования. 2019. № 5. С. 12–19.
2. Демидов Н.В. Таможенное право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 356 с.
3. Соколов Е.А., Григорьев С.С. Цифровизация таможенных процедур в России // Экономика и бизнес. 2021. Т. 23. № 9. С. 112–118.
4. Митрофанов Ю.И. Международное сотрудничество в таможенном регулировании: вызовы и перспективы // Внешняя торговля. 2020. № 2. С. 39–47.
5. Макаров В.Н. Таможенная политика в эпоху Петра I // Исторический журнал. 2020. Т. 8. С. 54–62.
6. Кузьмина Л.В. Исторические аспекты таможенной деятельности России // Экономическая история. 2018. Т. 11. № 3. С. 90–97.
7. Кондратьев Ю.В. Евразийский экономический союз и внешнеэкономическая деятельность России: перспективы // Журнал международной экономики. 2022. № 4. С. 20–28.
8. Всемирная таможенная организация (ВТамО). Основные направления деятельности: [Электронный ресурс]. Доступ: <https://www.wcoomd.org> (дата обращения 01.03.2024).
9. Иванов А.П. Роль цифровых технологий в таможенном регулировании // Инновационные технологии. 2021. № 5. С. 33–41.
10. Семенов Н.Ф. Таможенное право: курс лекций. Спб.: Издательство Политехника, 2022. 240 с.

HISTORICAL DEVELOPMENT OF CUSTOMS REGULATION: FROM NATIONAL TO INTERNATIONAL COOPERATION

Konosov D.K.

Moscow Humanitarian University

The article is devoted to the historical aspects of the formation and development of customs regulation in Russia. The key stages of the formation of the customs system, starting from the period of Ancient Russia and ending with the modern stage, characterized by active international cooperation, are considered. The article analyzes the change of customs approaches depending on socio-political and economic conditions, as well as the impact of globalization on the modernization of this sphere. Special attention is paid to the current state of international customs cooperation based on the principles of integration and harmonization of legislation. The purpose of the study is to identify the main stages of the evolution of customs regulation and identify key trends in its transformation in the context of globalization. The work was carried out using historical, legal and comparative methods of analysis. The results of the study showed the importance of international cooperation in the formation

of a modern system of customs law. Conclusions are drawn about the importance of unification of the regulatory framework in building an effective global trading environment.

Keywords: customs regulation, international cooperation, historical development, trade policy, integration.

References

1. Volkov A.A. The history of customs in Russia: from antiquity to modernity // historical research. 2019. No. 5. pp. 12–19.
2. Demidov N.V. Customs law: Textbook for universities. M.: Yurayt, 2023. 356 p.
3. Sokolov E.A., Grigoriev S.S. Digitalization of customs procedures in Russia // economics and business. 2021. Vol. 23. No. 9. pp. 112–118.
4. Mitrofanov Yu.I. International cooperation in customs regulation: challenges and prospects // foreign trade. 2020. No. 2. pp. 39–47.
5. Makarov V.N. Customs policy in the era of Peter the Great // Historical Journal. 2020. Vol. 8. pp. 54–62.
6. Kuzmina L.V. Historical aspects of the customs activity of Russia // Economic history. 2018. Vol. 11. No. 3. pp. 90–97.
7. Kondratiev Yu.V. The Eurasian Economic Union and Russia's foreign economic activity: prospects // Journal of International Economics. 2022. No. 4. pp. 20–28.
8. The World Customs Organization (WTO). Main activities: [Electronic resource]. Availability: [https:// https://www.wcoomd.org](https://www.wcoomd.org) (дата обращения 01.03.2024).
9. Ivanov A.P. The role of digital technologies in customs regulation // Innovative technologies. 2021. No. 5. pp. 33–41.
10. Semenov N.F. Customs law: a course of lectures. St. Petersburg,: Polytechnic Publishing House, 2022. 240 P.

Понятие и отличительные особенности дисциплинарного проступка, совершаемого должностными лицами таможенных органов

Шестакова Татьяна Анатольевна,

аспирант кафедры административного и таможенного права,
Российская таможенная академия (РТА)
E-mail: Shestakova-tanya@mail.ru

Гречкина Ольга Владимировна,

доктор юридических наук, профессор кафедры
административного и таможенного права, Российская
таможенная академия (РТА)

Цель настоящей статьи состоит в детальном анализе понятия дисциплинарного проступка, совершаемого должностными лицами таможенных органов, выявлении его отличительных особенностей и формулировании рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства в части нормативного определения указанного понятия. В работе акцентируется внимание на отдельных положениях законодательства, в частности, Федерального закона «О службе в таможенных органах Российской Федерации», определяющих разделение должностных лиц таможенных органов на сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих таможенных органов, исходя из чего имеет место определенная дифференциация дисциплинарных проступков. Анализируются положения Дисциплинарного устава таможенной службы, определяющие содержание дисциплинарного проступка и его специфику. Отмечаются некоторые проблемы в части нормативного определения сущности дисциплинарного проступка, также затрагиваются некоторые иные проблемные вопросы темы, в результате чего предлагаются варианты решения исследованных проблем.

Ключевые слова: гражданские служащие таможенных органов; дисциплинарная ответственность должностных лиц таможенных органов; дисциплинарный проступок; должностные лица таможенных органов; правонарушение; сотрудники таможенных органов.

Введение

Обращение к проблематике дисциплинарного проступка, совершаемого должностными лицами таможенных органов, как в целом, так и в терминологическом аспекте, продиктовано наличием некоторых проблемных вопросов, касающихся определения указанного понятия, а также значимой ролью таможенных органов и их должностных лиц в системе государственной власти и в деятельности по обеспечению правопорядка.

Нормы действующего законодательства разграничивают должностных лиц указанных органов на две категории, исходя из чего возникает необходимость выявления специфики не только статуса указанных лиц, но и специфики их дисциплинарной ответственности, а значит – и дисциплинарного проступка. При этом нельзя сказать о совершенстве норм действующего законодательства в рассматриваемой сфере, что тоже опосредует научный и практический интерес.

Цель настоящей статьи заключена в детальном анализе понятия дисциплинарного проступка, совершаемого должностными лицами таможенных органов, выявлении его отличительных особенностей и подготовке рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства в части нормативного определения указанного понятия.

Основная часть

В первую очередь важно обратить внимание на положения статьи 3 Федерального закона «О службе в таможенных органах Российской Федерации» [4] (далее – Закон о службе в таможенных органах), подразделяющую должностных лиц рассматриваемых органов на:

1. Сотрудников таможенных органов (далее – сотрудники).

2. Федеральных государственных гражданских служащих таможенных органов (далее – служащие).

Разграничения данных категорий должностных лиц продиктована различиями их правового статуса, который, в свою очередь, обусловлен существенными различиями в их функциях, специфике должностных обязанностей и характере деятельности в целом. В этой связи важно подчеркнуть, что к категории сотрудников данных органов отнесены лица, замещающие, соответственно, должности сотрудников таможенных органов, которым присвоены специальные звания.

В контексте изложенного следует обратиться к части 1 статьи 5 Закона о службе в таможен-

ных органах, который содержит перечень специальных званий таможенной службы, включающий в общей сложности 13 позиций – от прапорщика до действительного государственного советника таможенной службы. Соответственно, только лица, имеющие звания из указанного перечня, вправе занимать должности сотрудников, и именно на них возлагается выполнение основного функционала таможенных органов.

Служащие, задействованные в деятельности таможенных органов, в своём статусе принципиально отличаются от сотрудников. Формальным основанием для этого отличия выступает не только указанный Закон о службе в таможенных органах, но и Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [5] (далее – Закон о государственной гражданской службе), согласно положениям статьи 11 которого государственным гражданским служащим присваиваются классные чины гражданской службы.

Помимо того, в деятельности рассматриваемых органов задействованы работники, должности которых, согласно положениям статьи 4 Закона о службе в таможенных органах, вводятся в целях «технического обеспечения деятельности таможенных органов», а отношения с данными субъектами регламентированы трудовым законодательством, базовым источником которого выступает Трудовой кодекс Российской Федерации [3] (далее – ТК РФ).

Таким образом, задействованные в деятельности таможенных органов лица подразделяются на две группы: должностные лица, и работники таможенных органов. Если работники имеют весьма опосредованное отношение к выполнению основного функционала таможенных органов (деятельность работников носит преимущественно технический, вспомогательный характер), то должностные лица задействованы именно в реализации основных функций. Если же говорить о разделении должностных лиц на категории сотрудников и служащих, то оно обусловлено тем, что деятельность первых носит в целом более специализированный, более узконаправленный характер.

Обозначенные различия обусловлены, в том числе и разграничением оснований дисциплинарной ответственности, по крайней мере формально. Соответственно, указанные различия дифференцируют понятие термина «дисциплинарный проступок» применительно к деятельности задействованных в работе таможенных органов лиц.

В связи с изложенным представляется необходимым рассмотреть термин «дисциплинарный проступок» применительно и к сотрудникам, и к служащим рассматриваемых органов, особенно с учетом того, что указанный термин раскрывается в отношении одних и других в разных источниках действующего законодательства.

В контексте изложенного важно подчеркнуть, что Закон о службе в таможенных органах, регламентирующий вопросы правового статуса сотрудников, не содержит уточнения сущности дисципли-

нарного проступка применительно к данной категории лиц, но раскрывает отдельные нюансы их дисциплинарной ответственности, опираясь на которые, можно сформировать некоторые представления о сущности и специфике дисциплинарного проступка сотрудника. В частности, ст. 29 указанного Закона о службе в таможенных органах в качестве основания применения дисциплинарного взыскания на сотрудника предусматривает «нарушение служебной дисциплины». Однако, в данном случае не уточняется, что следует понимать под служебной дисциплиной и (или) под ее нарушением.

Тем не менее, некоторые выводы о понимании служебной дисциплины, как и о её нарушении, можно сделать, руководствуясь рядом статей Закона о службе в таможенных органах. Так, положениями статьи 17 установлен весьма широкий круг обязанностей сотрудника таможенного органа, исходя из чего можно полагать, что соблюдение служебной дисциплины есть добросовестное исполнение соответствующих обязанностей. Соответственно, неисполнение обязанностей может быть расценено, в зависимости от тех или иных обстоятельств, как дисциплинарный проступок. При этом немаловажную роль с правовой квалификации деяния как дисциплинарного проступка играет должностная инструкция сотрудника.

В контексте изложенного уместно обратить внимание на рекомендуемый для таможенных органов образец должностной инструкции, где раздел IV, посвященный ответственности, в качестве основания дисциплинарной ответственности содержит «неисполнение или ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей, установленных Федеральным законом о службе в таможенных органах, положением о таможенном органе (структурном подразделении таможенного органа), заключенным контрактом и настоящей должностной инструкцией» [8]. И поскольку должностная инструкция разрабатывается для каждой конкретной должности, спектр дисциплинарных проступков может кардинально различаться.

Особого внимания заслуживает и упоминаемый в Законе о службе в таможенных органах Российской Федерации [7] (далее – Дисциплинарный устав), в пункте 17 которого «нарушение служебной дисциплины», рассматривается в качестве синонима дисциплинарного проступка, и трактуется как «виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение сотрудником возложенных на него должностных обязанностей».

Примечательно, что в данном нормативном акте не конкретизируется форма вины, по аналогии, например, с уголовным законом [1], где имеет место дифференциация умышленной и неосторожной формы вины. При этом в Дисциплинарном уставе вина упоминается лишь один раз, в чем прослеживается определённый формализм.

Учитывая изложенное, есть основание полагать, что и де-юре, и де-факто круг дисциплинарных проступков сотрудников не ограничен. Во всяком

случае, жёсткие ограничения не очевидны, исходя из анализа рассмотренных выше правовых актов. При этом в Дисциплинарном уставе, в пункте 18, содержится перечень лишь грубых нарушений служебной дисциплины, включающий:

1. Невыполнение отдельных обязанностей (в части обеспечения соблюдения федерального законодательства, выполнения приказов и распоряжений начальников, хранения государственной и иной тайны).

2. Утрату таможенных документов или товаров.

3. Прогул (отсутствие на службе более 3-х часов) без уважительных причин;

4. Появление на службе в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического, токсического).

5. Несоблюдение ограничений, установленных для сотрудников положениями статьи 7 Закона о службе в таможенных органах.

Что же касается иных дисциплинарных нарушений (проступков), не относимых к категории грубых, они не конкретизируются, что позволяет усматривать наличие возможности расширительной интерпретации понятия дисциплинарного проступка применительно к деятельности сотрудников таможенных органов.

Понятие дисциплинарного проступка, совершаемого служащими, в том числе и таможенных органов, уточнено положениям статьи 57 Закон о государственной гражданской службе, согласно которой, дисциплинарный проступок выражается в неисполнении или ненадлежащем исполнении гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей, за что представитель нанимателя праве применить дисциплинарные взыскания.

Примечательно, что в случаях, когда речь ведётся о нарушении служебной дисциплины, в законодательстве употребляется термин «проступок» («дисциплинарный проступок»). Однако своеобразным исключением из этого, пусть и формально не закреплённого правила является употребление термина «правонарушение» применительно к нарушениям коррупционного законодательства («коррупционное правонарушение»). Такая специфика прослеживается и в научной литературе [10, с. 64], и в Законе о государственной гражданской службе, когда, например, в качестве основания применения взыскания в виде увольнения предусматривается «совершение коррупционного правонарушения». Аналогичного содержания норма имеется и в Законе о службе в таможенных органах.

В то же время в литературе отмечается то, что применительно к дисциплинарным проступкам более уместно было бы применять понятие не коррупционного правонарушения, а правонарушения, создающего условия для совершения коррупционных правонарушений [10, с. 65]. Отчасти такая позиция представляется обоснованной.

В этой связи нельзя сбрасывать со счетов и нормы, например, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2],

положения статьи 2.5 которого позволяет отчасти отождествлять определенные административные правонарушения с дисциплинарными проступками. В этом смысле применение к дисциплинарным нарушениям именно термина «правонарушение» представляется вполне оправданным.

Следует отметить, что зачастую в литературе дисциплинарные проступки, в том числе для должностных лиц таможенных органов, корреспондируют с уголовно наказуемыми деяниями и административными правонарушениями, а в качестве принципиальных отличий отмечается, например, то, что дисциплинарный проступок не влечет уголовной ответственности. Однако практика свидетельствует об ином, на что обращают внимание и некоторые исследователи [16, с. 151]. Вместе с тем, отметим, что факт привлечения к дисциплинарной ответственности не исключает возможности дальнейшего привлечения к уголовной ответственности.

Особого внимания принято уделять признакам дисциплинарного проступка, к коим, как правило, относятся:

1. Нарушение дисциплины труда.

2. Противоправность действия (бездействия).

3. Виновность.

Указанные признаки в целом свойственны всем дисциплинарным проступкам, совершаемым должностными лицами как таможенных органов, так и иных органов. В то же время, нельзя не обратить внимание на наличие некоторой специфичности дисциплинарного проступка применительно к должностным лицам таможенных органов. Его суть во многом обуславливается характером целей и задач таможенного органа, исходя из чего и дается оценка правомерности (неправомерности) служебного поведения [12, с. 20].

Аналогичные признаки становятся очевидны и при обращении к положениям пункта 17 Дисциплинарного устава. При этом наказуемость, как и общественная вредность (или опасность) не являются столь очевидными признаками, по крайней мере, исходя из тех формулировок, которые приведены в законодательстве о службе в таможенных органах и о государственной гражданской службе.

Более того, наказуемость как признак дисциплинарного проступка, совершаемого должностными лицами таможенных органов, носит весьма условный, необязательный характер. В подтверждение данного тезиса приведем положения пункта 21 Дисциплинарного устава, который предусматривает возможность применения к сотруднику предупреждения, если начальник таможенного органа сочтёт нецелесообразным применение дисциплинарного взыскания. В этой связи уместно отметить невозможность наложения дисциплинарного взыскания по прошествии 6 месяцев с момента совершения проступка, согласно положениям пункта 30 Дисциплинарного устава.

Аналогичного характера положения имеются и в статье 57 Закона о государственной гражданской службе, согласно которой, руководитель име-

ет право (не обязанность) применить дисциплинарное взыскание, что тоже позволяет сделать вывод об условном характере такого признака дисциплинарного проступка, как наказуемость.

В этом смысле совершаемые как сотрудниками, так и служащими проступки дисциплинарного характера, имеют определённые сходства. А кардинальное различие состоит именно в формальных основаниях, позволяющих то или иное деяние квалифицировать в качестве дисциплинарного проступка.

При этом на всех должностных лиц таможенных органов в полной мере распространяются нормы антикоррупционного законодательства, представленного, прежде всего, Федеральным законом «О противодействии коррупции» [6], который тоже вносит некоторый вклад в понимание сущности дисциплинарного проступка. Комментарий норм о коррупционных правонарушениях расширяют и понимание дисциплинарного проступка. При этом законодатель, регламентируя вопрос ответственности за коррупционные нарушения, влекущие дисциплинарные взыскания, не конкретизирует важных элементов, в частности, признаков противоправности, виновности и наказуемости, используя вместо этого принципиально иной подход – формальное перечисление конкретные типовых нарушений [15, с. 57].

Отсутствие конкретизации многих нюансов дисциплинарных взысканий негативно отражается на правоприменительной практике, поскольку позволяет уполномоченным на применение такого рода мер руководителям действовать по своему усмотрению, в результате чего за одно и то же нарушение (дисциплинарный проступок) одно должностное лицо может быть уволено, в то время как другому лишь будет объявлен выговор [11, с. 44]. Это создает условия для избирательного, предвзятого подхода к решению вопроса о привлечении (непривлечении) к дисциплинарной ответственности, в том числе и исходя из личных симпатий [14, с. 70], что представляется недопустимым.

В контексте изложенного уместно привести в пример применения дисциплинарного взыскания в виде увольнения к гражданину А., являвшимся сотрудником таможенного органа. В качестве повода послужил факт привлечения его подчиненных к уголовной ответственности за взяточничество, который был расценен вышестоящим руководителем как случай непроведения (ненадлежащего проведения) воспитательной антикоррупционной работы с подчиненными. При обжаловании в судебном заседании решение вышестоящего руководителя отменено, ввиду отсутствия признаков дисциплинарного проступка, поскольку гражданин А., являвшимся сотрудником таможенного органа на постоянной основе перед заступлением в наряд смены мобильной группы (подчиненные должностные лица) проводил с ними следующие мероприятия: групповые занятия по антикоррупционной тематике, инструктажи о неотвратимости ответственности за совершение коррупционных право-

нарушений. В подтверждение данных мероприятий суду были также представлены копии личных карточек соответствующего содержания [9]. Это лишь один из многих случаев привлечения к дисциплинарной ответственности по формальным основаниям. В этой связи совершенно справедливыми представляются мнения о том, что в числе ключевых проблем рассматриваемой сферы правового регулирования выступает отсутствие перечня дисциплинарных проступков, также как и в уголовном законодательстве и законодательстве об административных правонарушениях. [14, с. 24–24].

Выводы

Дисциплинарный проступок, совершаемый должностными лицами таможенных органов, представляет собой виновно совершенное деяние, состоящее в нарушении служебной дисциплины, поддерживаемой в соответствии с Законом о службе в таможенных органах (применительно к сотрудникам таможенных органов) или в соответствии с Законом о государственной гражданской службе (применительно к государственным гражданским служащим таможенных органов), за совершение которого может быть применено дисциплинарное взыскание.

Законодательство не конкретизирует сущность дисциплинарного проступка, что обуславливает необходимость его совершенствования, в частности, введения в нормативно закрепленные определения понятия дисциплинарного проступка (применительно и к служащим, и к сотрудникам) признака наказуемости, а также конкретизации перечня дисциплинарных проступков с установлением мер, которые могут быть применены за их совершение.

Представляется, что предложенные меры могут исключить возможность чрезмерно широкой трактовки дисциплинарного проступка применительно к рассматриваемым должностным лицам, что в свою очередь должно способствовать снижению рисков злоупотреблений со стороны руководителей таможенных органов, уполномоченных решать вопросы о дисциплинарной ответственности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № I (часть I). – Ст. 3.
4. Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // Собра-

- ние законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3586.
5. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
 6. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6228.
 7. Дисциплинарный устав таможенной службы Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 16.11.1998 № 1396; ред. от 30.09.2012) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 47. – Ст. 5742.
 8. Приказ ФТС России от 09.12.2019 № 1859 «Об утверждении Порядка разработки и утверждения должностной инструкции сотрудника таможенного органа Российской Федерации...» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 26.03.2020, № 0001202003260026.
 9. Решение Заднепровского районного суда г. Смоленска № 2–1240/2020 2–1240/2020–М-1118/2020 М-1118/2020 от 25 ноября 2020 г. по делу № 2–1240/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 22.04.2025).
 10. Дригола Э.В. Дисциплинарная ответственность должностных лиц таможенных органов за совершение коррупционных правонарушений // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2021. – № 4(45). – С. 60–67.
 11. Игнатьева С.В. Совершенствование законодательства в области установления ответственности федеральных гражданских служащих таможенных органов // Закон. Право. Государство. – 2023. – № 2(38). – С. 43–45.
 12. Климкина, Е.В. Административно-правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственного гражданского служащего России: монография. – М.: МосУ МВД России, 2007. – 140 с.
 13. Максуров А.А. Вопросы законодательной координации оснований дисциплинарной ответственности должностных лиц таможенных органов в государствах – членах ЕАЭС // Кадровик. – 2022. – № 8. – С. 61–71.
 14. Очаковский В.А., Архиреева А.С. Особенности правового регулирования дисциплинарной и административной ответственности государственных гражданских служащих // Юриспруденция: теория и практика. – 2024. – № 3. – С. 17–27.
 15. Соколов А.Ю., Лакаев О.А. Правовое регулирование вины государственных служащих в совершении коррупционных дисциплинарных проступков // Вестник Саратовской госу-

дарственной юридической академии. – 2024. – № 3(158). – С. 64–71.

16. Чаннов С.Е., Храмушин В.В. Сочетание дисциплинарной ответственности с другими видами ответственности в государственно-служебных правоотношениях // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 1. – С. 149–155.

THE CONCEPT AND DISTINCTIVE FEATURES OF DISCIPLINARY MISCONDUCT COMMITTED BY CUSTOMS OFFICIALS

Shestakova T.A.

Russian Customs Academy

The purpose of this article is to analyze in detail the concept of disciplinary misconduct committed by customs officials, identify its distinctive features and prepare recommendations for improving current legislation regarding the normative definition of this concept. The paper focuses on certain legislative provisions, in particular, the Federal Law "On Service in the Customs Authorities of the Russian Federation", which define the division of customs officials into employees and federal state civil servants of customs authorities, based on which there is a certain differentiation of disciplinary offenses. The provisions of the Disciplinary Statute of the Customs service, which determine the content of a disciplinary offense and its specifics, are analyzed. Some problems are noted in terms of the normative definition of the essence of disciplinary misconduct, and some other problematic issues of the topic are also touched upon, as a result of which solutions to the problems studied are proposed.

Keywords: civil servants of customs authorities; disciplinary responsibility of customs officials; disciplinary misconduct; customs officials; offense; customs officers.

References

1. Uголовny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 28.02.2025) // Sобрание zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 25. – St. 2954.
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 07.04.2025) // Sобрание zakonodatel'stva RF. – 2002. – № 1 (chast' I). – St. 1.
3. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 07.04.2025) // Sобрание zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2002. – № 1 (chast' I). – St. 3.
4. Federal'ny`j zakon ot 21.07.1997 № 114-FZ (red. ot 26.02.2024) «O sluzhbe v tamozhenny`x organax Rossijskoj Federacii» // Sобрание zakonodatel'stva RF. – 1997. – № 30. – St. 3586.
5. Federal'ny`j zakon ot 27.07.2004 № 79-FZ (red. ot 08.08.2024) «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii» // Sобрание zakonodatel'stva RF. – 2004. – № 31. – St. 3215.
6. Federal'ny`j zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ (red. ot 08.08.2024) «O protivodejstvii korruptcii» // Sобрание zakonodatel'stva RF. – 2008. – № 52 (ch. I). – St. 6228.
7. Disciplinarny`j stavtamozhennoj sluzhby` Rossijskoj Federacii (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 16.11.1998 № 1396; red. ot 30.09.2012) // Sобрание zakonodatel'stva RF. – 1998. – № 47. – St. 5742.
8. Prikaz FTS Rossii ot 09.12.2019 № 1859 «Ob utverzhdenii Porjadkarazrabotki i utverzhdeniya dolzhnostnoj instrukcii sotrudnikatamozhennogo organa Rossijskoj Federacii...» // Oficial'ny`j internet-portal pravovoj informacii www.pravo.gov.ru, 26.03.2020, № 0001202003260026.
9. Reshenie Zadneprovskogo rajonnogosuda g. Smolenska № 2–1240/2020 2–1240/2020–М-1118/2020 М-1118/2020 ot 25 noyabrya 2020 g. po delu № 2–1240/2020 // Sudebny`e inormativny`e akty` RF. – Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/> (data obrashheniya: 22.04.2025).
10. Drigola E`V. Disciplinarnaya otvetstvennost` dolzhnostny`x licztamozhenny`x organov za sovershenie korruptcionny`x pravonarushenij // Akademicheskij vestnik Rostovskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. – 2021. – № 4(45). – S. 60–67.
11. Ignat'eva S.V. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva v oblastianovleniya otvetstvennostifederal'ny`x grazhdanskix slu-

zhashhixtamozhenny`xorganov // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. – 2023. – № 2(38). – S. 43–45.

12. Klimkina, E.V. Administrativno-pravovoeregulirovaniedisciplinarnojotvetstvennostigosudarstvennogograzhdanskogosluzhashhegoRossii: monografiya. – M.: MosU MVD Rossii, 2007. – 140 s.
13. Maksurov A.A. Voprosy` zakonodatel`nojkoordinacii osnovanij-disciplinarnojotvetstvennostidolzhnostny`xlicztamozhenny`xorganov v gosudarstvax – chlenax EAE`S // Kadrovik. – 2022. – № 8. – S. 61–71.
14. Ochakovskij V.A., Arxireeva A.S. Osobennostipravovogoregulirovaniyadisciplinarnojadministrativnojotvetstvennostigosu-

darstvenny`xgrazhdanskixsluzhashhix // Yurisprudenciya: teoriyaipraktika. – 2024. – № 3. – S. 17–27.

15. Sokolov A.Yu., Lakaev O.A. Pravovoeregulirovanie viny` gosudarstvenny`xsluzhashhix v soversheniikorrupcionny`xdisciplinarny`xprostupkov // VestnikSaratovskojgosudarstvennojyuridicheskajakademii. – 2024. – № 3(158). – S. 64–71.
16. Channov S.E., Xramushin V.V. Sochetaniedisciplinarnojotvetstvennosti s drugimividamiotvetstvennosti v gosudarstvennoslužebny`xpravootnosheniyax // Pravovayapolitikaipravovayazhizn`. – 2024. – № 1. – S. 149–155.

Кузнецова Елена Валерьевна,

аспирант кафедры теории государства и права
и конституционного права ФГБОУ ВО «Оренбургский
государственный университет»

E-mail: lenakuzminakuznetsova@yandex.ru

В статье представлен всесторонний анализ текущих тенденций в области социальной поддержки населения, с акцентом на их трансформацию под влиянием цифровизации. Исследование имеет особую актуальность в контексте непрерывного развития цифровых технологий, оказывающих значительное воздействие на социальную сферу. В рамках исследования проведен глубокий анализ ключевых аспектов реализации социальных гарантий в условиях цифровизации. Рассматриваются как положительные изменения, так и проблематика, связанная с интеграцией цифровых технологий в социальную поддержку граждан. Приводятся конкретные примеры и статистические данные, позволяющие оценить реальное состояние дел в данной области. Отдельное внимание уделяется изучению опыта Оренбургской области в контексте внедрения цифровых социальных услуг. Это позволяет наглядно продемонстрировать процесс трансформации социальных программ и оценить их влияние на качество жизни населения.

Ключевые слова: цифровизация, социальные права, автоматизированная информационная система, меры социальной поддержки, социальные услуги, социальная защита.

Законодательство неуклонно следует за текущими общественными тенденциями, что приводит к все более значимому признанию и актуализации цифровой трансформации в различных аспектах социальной жизни. Концепция различных поколений прав человека, которая объединяет в себе как временные, так и содержательные аспекты, включает в себя несколько групп прав: 1) право на личную свободу; 2) право на социальную защиту; 3) права человеческого сообщества (коллективные права); 4) специфические права; 5) информационные права; 6) права на здоровье.

Переход общества к новым формам взаимодействия, включая перенос многих аспектов жизни в цифровое пространство, и последующая деконструкция традиционных юридических категорий позволяют некоторым исследователям утверждать о необходимости выделения нового поколения информационных (цифровых) прав [4, с. 3].

Права социальной защиты, которые относятся к второму поколению прав человека и направлены на поддержание необходимого уровня социального и материального благополучия, также требуют цифровой трансформации и доступности в цифровой среде [10, с. 17]. Эта необходимость подтверждается законодательными актами. В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.11.2021 № 3144-р, стратегическим направлением в области цифровой трансформации социальной сферы, отнесённой к ведению Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, признаны следующие приоритетные направления: повышение уровня жизни граждан, реализация социальных прав граждан в сферах социального страхования, социальной защиты, труда и занятости населения через систему единого окна с использованием цифровых технологий [5]. Цифровая трансформация влечёт за собой глубокие изменения в устоявшихся экономических и общественных институтах вследствие внедрения цифровых технологий [1, с. 11]. Цифровое переосмысление социальных процессов открывает перед нами двери к множеству новых возможностей, включая автоматизированное предоставление социальной помощи, оперативное решение социальных проблем и повышение уровня клиентской ориентации государственных структур. Однако, вместе с этим, цифровизация несет в себе и ряд дискуссионных и сложных аспектов, касающихся как локальных – соблюдение законности и достаточности при обработке информации о гражданах, так и глобальных – появление нечётких границ между реальным и виртуальным обществом, ощущение безвредности в интернете, что

может привести к игнорированию прав человека, а также к проблемам в сфере защиты персональных данных [2, с. 23].

Процесс достижения «цифровой зрелости» в социальной сфере идёт поэтапно на всех уровнях государственной власти. Применение цифровых инструментов в процессе реализации конституционного права на обращение в органы власти позволило уменьшить количество личных обращений граждан на 5–10% ежегодно [6]. Граждане могут подавать запросы по вопросам социальной защиты через электронные каналы, такие как универсальный портал, личные кабинеты на ведомственных сайтах и мобильные приложения, минуя необходимость личной встречи с государственными и муниципальными структурами.

В Оренбургской области с 2020 года действует сервис «Активный гражданин», предлагающий ряд функций, включая возможность голосовать по вопросам местного значения, дистанционное взаимодействие с органами власти по актуальным вопросам городского и муниципального хозяйства, а также отображение информации об объектах благоустройства и ремонтных работах на интерактивной карте [7]. Целью такой автоматизированной информационной системы является привлечение граждан к участию в решении местных задач, создание прямой линии связи между гражданином и властью с возможностью обратного взаимодействия, что способствует развитию форм непосредственной демократии.

В рамках стратегической встречи «Цифровая прокачка региона», которая прошла 17–18 марта 2022 года, министерство социального развития Оренбургской области представило следующие данные: с начала 2021 года были обработаны 6904 обращения граждан, из которых 33% были отправлены через Федеральную систему «Платформа обратной связи» и социальные сети. Эти обращения были рассмотрены в ускоренном режиме – от 1 до 20 дней, в отличие от стандартного законодательного срока в 30 дней со дня регистрации обращения. Эти инновации способствуют упрощению процесса взаимодействия между гражданами и государством, создавая атмосферу доверия и целенаправленности [8].

Использование цифровых технологий также позволяет оперативно отвечать на вопросы граждан, минуя стандартную процедуру регистрации обращения, а также обеспечивает более эффективную консультацию в области социальной защиты благодаря возможности моментальной отзывчивости при обработке обращений.

Однако несмотря на перспективы цифровой трансформации в социальной сфере, существуют и сложности, требующие дальнейшего совершенствования. Среди таких проблем – необходимость собирать большое количество документов в бумажном формате, несвязность информационных систем в различных ведомствах, предоставляющих социальные услуги, а также различные условия взаимодействия с гражданами в зависимости

от конкретной ситуации, что мешает процессу цифровизации и требует улучшений [3, с. 10].

С 2013 года в Оренбургской области успешно функционирует государственная автоматизированная информационная система «Электронный социальный регистр населения Оренбургской области» (ГАИС ЭСРН), которая включает в себя персональные данные граждан, проживающих или временно находящихся на территории региона и имеющих право на социальную поддержку (около 90% населения региона), а также информацию о предоставленных социальных услугах. Система обеспечивает идентификацию получателей социальной помощи, организацию учета населения на уровне местности и региона с возможностью интеграции с федеральными информационными системами, а также поддерживает электронное взаимодействие между различными ведомствами и обеспечивает оперативный доступ к необходимой информации.

В рамках стратегии цифровой трансформации экономики, социальной сферы и государственного управления Оренбургской области предусмотрено внедрение новых механизмов и совершенствование уже существующих в ГАИС ЭСРН. Это включает в себя реализацию механизма проактивных выплат, беззаявительный порядок предоставления отдельных социальных мер, а также переход на использование цифрового консультанта для увеличения доступности и оперативности предоставления информации о социальной поддержке и услугах [9].

Социальная сфера, как одна из ключевых для взаимодействия с населением, требует цифровизации, расширения предоставления социально значимых услуг в электронном формате и оптимизации процессов работы с обращениями граждан. Это позволит достичь поставленных целей цифровой трансформации и, что наиболее важно, уменьшить социальную напряженность и сократить дистанцию между гражданами, нуждающимися в помощи, и государственными учреждениями, которые способны ее предоставить.

Литература

1. Абдрахманова Г. И., Быховский К.Б., Веселитская Н.Н., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г // Изд. дом Высшей школы экономики. 2021.
2. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7.
3. Артемова О. В., Даванков А.Ю., Логачева Н.М. Качество жизни и региональная трансформация экономики: региональный аспект: монография / О.В. Артемова, А.Ю. Даванков, Н.М. Логачева [и др.]. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2021. 210 с.

4. Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-novoe-pokolenie-prav-cheloveka>.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2021 г. № 3144-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2021 г. № 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
7. Постановление Правительства Оренбургской области от 7 декабря 2020 г. № 1046-пп «Об утверждении Положения о государственной информационной системе «Активный гражданин» Оренбургской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
8. По данным материалов стратегической сессии «Цифровая прокачка региона», состоявшейся 17–18 марта 2022 года.
9. Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Оренбургской области. URL: <https://digital.orb.ru/documents/active/85110/>.
10. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека на тему «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве». URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>.

SOCIAL HUMAN RIGHTS IN THE AGE OF DIGITAL TRANSFORMATION

Kuznetsova E.V.
Orenburg State University

This article provides a comprehensive analysis of current trends in social support for the population, with an emphasis on their transformation under the influence of digitalization. The research is particu-

larly relevant in the context of the continuous development of digital technologies that have a significant impact on the social sphere. The study provides an in-depth analysis of key aspects of the implementation of social guarantees in the context of digitalization. Both positive changes and issues related to the integration of digital technologies into the social support of citizens are considered. Specific examples and statistical data are provided to assess the real state of affairs in this area. Special attention is paid to studying the experience of the Orenburg region in the context of the introduction of digital social services. This allows us to clearly demonstrate the process of transformation of social programs and assess their impact on the quality of life of the population.

Keywords: digitalization, social rights, automated information system, social support measures, social services, social protection.

Referents

1. Abdrakhmanova G. I., Bykhovsky K.B., Veselitskaya N.N., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. Digital transformation of industries: starting conditions and priorities: report to the XXII Apr. international Scientific Conference on the development of economics and society, Moscow, 13–30 Apr. 2021 // Publishing House of the Higher School of Economics. 2021.
2. Avakian S.A. Information space of knowledge, the digital world and constitutional law // Constitutional and municipal law. 2019. № 7.
3. Artemova O. V., Davankov A. Yu., Logacheva N.M. Quality of life and regional economic transformation: Regional aspect: a monograph / O.V. Artemova, A. Yu. Davankov, N.M. Logacheva [et al.]. Yekaterinburg: Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2021. 210 p.
4. Varlamova N.V. Digital rights – a new generation of human rights? // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-novoe-pokolenie-prav-cheloveka>.
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 6, 2021 No. 3144-r “On the strategic direction in the field of digital transformation of the social sphere related to the sphere of activity of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation” // Official Internet portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated February 20, 2021 No. 431-r “On approval of the Concept of Digital and Functional transformation of the social sphere related to the sphere of activity of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation for the period up to 2025” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
7. Resolution of the Government of the Orenburg Region dated December 7, 2020 No. 1046-pp “On approval of the Regulations on the State information system “Active Citizen” of the Orenburg region” // Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
8. According to the materials of the strategic session “Digital pumping of the region”, held on March 17–18, 2022.
9. Strategy in the field of digital transformation of economic, social and public administration sectors of the Orenburg region. URL: <https://digital.orb.ru/documents/active/85110/>.
10. Report of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights on the topic “Digital transformation and protection of citizens’ rights in the digital space”. URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>.

Правовая природа бездокументарных ценных бумаг в российском законодательстве

Лосев Илья Дмитриевич,

аспирант, Юридический институт Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: artem30052000@yandex.ru

В статье исследуется правовая природа бездокументарных ценных бумаг в российском гражданском праве. Анализируются ключевые особенности их правового режима: регистрация и учёт прав, статус владельца, функции депозитариев и иных профессиональных участников рынка. Особое внимание уделяется вопросам правопреемства, разграничения обязательственных и вещных прав, а также механизмам защиты прав инвесторов. Автор обращается к нормам ГК РФ, федеральных законов и судебной практике, делая вывод о двойственной правовой природе бездокументарных бумаг. Новизна исследования заключается в попытке классификации их признаков и обосновании необходимости нормативного уточнения с учётом процессов цифровизации финансовых инструментов.

Ключевые слова: бездокументарные ценные бумаги, ценные бумаги, правовая природа, гражданское право, регистрация прав, владельцы ценных бумаг, электронный учёт, эмитент, депозитарий, российское законодательство.

Введение

В условиях цифровизации и автоматизации финансовых процессов бездокументарные ценные бумаги играют ключевую роль в российском экономическом пространстве. Их правовое регулирование имеет важное значение как для участников рынка, так и для государства, поскольку обеспечивает стабильность финансовой системы, защищает интересы инвесторов и упрощает механизмы торговли ценными бумагами.

Современный финансовый рынок России стремительно развивается, и значительную роль в этом процессе играют бездокументарные ценные бумаги. Их появление стало следствием глобальной цифровизации экономики и стремления к упрощению финансовых операций[1]. В отличие от традиционных бумажных носителей, бездокументарные ценные бумаги существуют исключительно в электронной форме, что делает их более удобными, доступными и менее подверженными рискам физической утраты или подделки.

Целью настоящего исследования является выявление и теоретико-правовой анализ сущности бездокументарных ценных бумаг как объекта гражданских прав, определение их правовой природы в рамках российского законодательства, а также оценка действующих нормативных механизмов, регулирующих их выпуск, обращение и защиту прав владельцев.

Одной из ключевых причин актуальности темы является развитие технологий, которые делают возможным переход от документарной формы фиксации прав к цифровой. В условиях быстрого оборота капитала именно бездокументарные формы ценных бумаг обеспечивают высокую ликвидность рынка, позволяя осуществлять сделки оперативно и с минимальными затратами. Их распространение способствует упрощению процессов регистрации прав и передачи активов, поскольку все необходимые сведения фиксируются в учетных системах депозитариев и реестродержателей, что исключает необходимость в бумажном подтверждении владения.

Кроме того, важным фактором является снижение издержек, связанных с обращением ценных бумаг. Введение бездокументарных форм позволяет существенно сократить расходы на эмиссию, хранение и учёт, что выгодно как эмитентам, так и инвесторам. Это особенно актуально для крупных компаний, активно привлекающих инвестиции через фондовый рынок, а также для государства, которое выпускает облигации в бездокументарной форме.

Не менее значимой причиной актуальности темы является усиление требований к безопасности финансовых операций. Использование бездокументарных ценных бумаг позволяет минимизировать риски мошенничества, поскольку вся информация о правах на них фиксируется в централизованных учетных системах[2]. Это снижает вероятность утраты прав инвестора вследствие подделки документов или иных незаконных действий.

Дополнительным аргументом в пользу бездокументарных ценных бумаг является их соответствие мировым стандартам. Современные финансовые рынки ориентируются на электронные формы учета активов, и российское законодательство в этой сфере развивается в направлении унификации с международными нормами. Это особенно важно в условиях глобализации, когда иностранные инвесторы стремятся к прозрачности и надежности операций.

При подготовке статьи применялись как общенаучные, так и частно-юридические методы исследования. В числе основных: формально-юридический метод, системный подход, сравнительно-правовой анализ (в том числе с учетом зарубежных порядков), а также метод логического моделирования. Комплексное использование данных методов позволило всесторонне исследовать правовую природу бездокументарных ценных бумаг и сформулировать выводы относительно перспектив развития соответствующего правового института в России.

Понятие и классификация ценных бумаг

Ценные бумаги занимают важное место в системе гражданско-правовых отношений, представляя собой особый вид имущества, выраженного в обязательственном праве. Согласно статье 142 Гражданского кодекса Российской Федерации, ценная бумага удостоверяет имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении самой бумаги или совершении предусмотренных законодательством регистрационных действий[2]. Это определение отражает сущность ценных бумаг как юридического инструмента, обеспечивающего реализацию экономических прав их владельцев.

В гражданском обороте ценные бумаги выполняют несколько ключевых функций. Во-первых, они являются средством привлечения инвестиций и финансирования, что особенно важно для компаний и государственных органов, выпускающих облигации, акции и другие финансовые инструменты. Во-вторых, ценные бумаги выполняют роль платежного средства или эквивалента денежных обязательств, например, векселя или чеки, которые обеспечивают удобство расчетов в коммерческом обороте. В-третьих, они могут использоваться как объект залога, служа средством обеспечения обязательств[1].

С точки зрения правовой природы ценные бумаги можно классифицировать по различным кри-

териям. В зависимости от формы существования они подразделяются на документарные и бездокументарные. Первые предполагают материальный носитель, тогда как вторые существуют исключительно в электронном виде. По характеру закрепленных в них прав различают долговые (например, облигации) и долевые (акции) бумаги. Кроме того, ценные бумаги могут быть предъявительскими, именными или ордерными в зависимости от того, как определяется их владелец и каким образом осуществляется передача прав.

Особенность ценных бумаг как объекта гражданского оборота заключается в их юридической фиксации, которая обеспечивает владельцу определенные имущественные права. Для их реализации требуется соблюдение установленных процедур, таких как учет в реестрах, регистрация сделок и контроль за исполнением обязательств со стороны эмитента. В российском праве особое внимание уделяется регулированию обращения ценных бумаг, что направлено на защиту интересов инвесторов и обеспечение стабильности финансового рынка.

Ценные бумаги представляют собой особый правовой инструмент, закрепляющий имущественные права своего владельца и определяющий порядок их реализации. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации ценная бумага удостоверяет обязательственные и иные права, исполнение или передача которых возможны только при ее предъявлении либо в порядке, установленном законодательством.

Основное назначение ценных бумаг заключается в обеспечении эффективного оборота капитала. Они могут использоваться для инвестирования, накопления, передачи прав или обеспечения обязательств. В отличие от обычных договоров или иных правоустанавливающих документов, ценные бумаги обладают оборотоспособностью и могут свободно обращаться на финансовых рынках, что делает их важным элементом экономической системы.

Современное законодательство разделяет ценные бумаги на две основные категории: документарные и бездокументарные.

Документарные ценные бумаги представляют собой физический носитель, содержащий сведения о владельце, эмитенте и зафиксированных правах. Передача таких бумаг возможна только путем вручения самого документа, а их владение подтверждается непосредственным хранением. К этой категории относятся, например, традиционные векселя, чеки и сберегательные сертификаты, которые требуют наличия бумажного оригинала для предъявления.

Бездокументарные ценные бумаги существуют исключительно в цифровом формате и учитываются в специализированных реестрах, например, в депозитарных системах. Их обращение осуществляется путем внесения записей в учетные системы, а права на такие бумаги фиксируются в реестрах акционеров или депозитарных учетных кни-

гах. К бездокументарным ценным бумагам относятся большинство современных акций, облигаций и инвестиционных паев, что значительно упрощает их передачу и снижает риски утраты.

В российском законодательстве установлена широкая классификация ценных бумаг, включающая различные виды финансовых инструментов.

Акции являются долевыми ценными бумагами, удостоверяющими право их владельца на долю в капитале акционерного общества, получение дивидендов и участие в управлении компанией. Они могут быть обыкновенными или привилегированными, различаясь по правам акционеров на участие в голосовании и распределении прибыли.

Облигации представляют собой долговые ценные бумаги, дающие их держателю право на получение номинальной стоимости и фиксированного дохода в заранее определенный срок. Они выпускаются государственными, муниципальными и корпоративными эмитентами и служат важным инструментом заимствования средств.

Сберегательные и депозитные сертификаты являются разновидностью долговых ценных бумаг, выдаваемых банками и подтверждающих вклад инвестора с последующим правом на получение процентов. Эти инструменты используются преимущественно в банковском секторе и предназначены для фиксированного хранения денежных средств.

Векселя – это письменные долговые обязательства, содержащие обязательство одного лица выплатить указанную сумму другому в установленный срок. Они широко применяются в расчетах между компаниями и служат альтернативой банковскому кредитованию.

Чеки представляют собой ценные бумаги, с помощью которых их владелец (чекодатель) поручает банку выплатить определенную сумму указанному в документе получателю. Они используются в расчетах, но их распространенность в России ограничена по сравнению с другими финансовыми инструментами[2].

Развитие института бездокументарных ценных бумаг в России связано с эволюцией финансовых рынков и правового регулирования в условиях перехода к цифровым технологиям. Исторически российская система обращения ценных бумаг ориентировалась на документарную форму, однако с конца XX века произошел постепенный переход к бездокументарному учету, обусловленный необходимостью упрощения оборота и снижения рисков, связанных с физическим хранением и передачей бумажных носителей.

В дореволюционный период российское законодательство основывалось на традиционной системе обращения ценных бумаг, закрепленной в Гражданском уложении Российской империи. Все акции, облигации и другие финансовые инструменты существовали исключительно в документарной форме. Владение такими бумагами подтверждалось наличием оригинала, а их передача осущест-

влялась вручением или передаточными надписями (индоссаментом).

После Октябрьской революции 1917 года большая часть ценных бумаг была ликвидирована, поскольку советская экономическая модель отвергала частный капитал и рынок ценных бумаг как таковой. Однако к концу XX века, в ходе экономических реформ, началась реструктуризация финансового сектора, сопровождавшаяся развитием новых механизмов правового регулирования. В 1990-е годы в России были созданы основы современного фондового рынка, включающие законодательные нормы, регулирующие обращение бездокументарных ценных бумаг.

Первым значимым нормативным актом, заложившим правовые основы бездокументарных ценных бумаг, стало постановление Верховного Совета РСФСР от 24 декабря 1990 года «О предприятиях и предпринимательской деятельности», которое впервые допустило возможность эмиссии акций в бездокументарной форме. Однако на тот момент не существовало четких механизмов учета таких активов, что вызывало правовую неопределенность.

С принятием Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая, 1994 год) положение бездокументарных ценных бумаг получило законодательное закрепление. В статье 142 ГК РФ впервые были сформулированы основные принципы регулирования ценных бумаг, включая их бездокументарные формы. В дальнейшем развитие правовой базы продолжилось с принятием Федерального закона «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ, который установил понятие бездокументарных ценных бумаг, определил механизмы их учета и передачи, а также зафиксировал роль депозитариев и реестродержателей в процессе фиксации прав собственности.

Одним из ключевых этапов развития законодательства в этой сфере стало введение требований к централизованному учету бездокументарных ценных бумаг. В 2012 году был принят Федеральный закон № 282-ФЗ, который внес изменения в ГК РФ, окончательно закрепив за бездокументарными ценными бумагами статус цифровых записей в учетных системах. Это исключило необходимость их физического представления и создало правовые механизмы защиты прав инвесторов.

Современное законодательство продолжает совершенствоваться с учетом цифровизации финансовых рынков. В 2020-е годы в России активно разрабатываются правовые нормы, регулирующие цифровые финансовые активы, что является следующим шагом в эволюции бездокументарных инструментов. Развитие блокчейн-технологий и цифровых реестров открывает новые перспективы для регулирования бездокументарных ценных бумаг, обеспечивая еще большую прозрачность и надежность их учета[3].

Бездокументарные ценные бумаги представляют собой форму имущественного права, зафиксированного исключительно в электронной системе

учета. В отличие от традиционных документарных бумаг, которые требуют физического владения, бездокументарные инструменты функционируют на основе записей в специализированных регистрах, таких как депозитарии и реестры владельцев.

В гражданском праве бездокументарные ценные бумаги регулируются нормами об обязательственных правах. Они удостоверяют права владельца на получение определенного имущества или денежных средств, но при этом их передача и учет осуществляются исключительно через электронные записи. Такая форма существования исключает необходимость в материальном носителе и позволяет упростить процесс их оборота.

В финансовом праве бездокументарные ценные бумаги рассматриваются как объект инвестирования и обращения на фондовом рынке. Их учет и движение контролируются Центральным банком Российской Федерации, а механизмы их передачи и регистрации регламентируются законодательством о рынке ценных бумаг. Важную роль в регулировании этих инструментов играют профессиональные участники рынка – депозитарии, регистродержатели и биржи, которые обеспечивают прозрачность операций и защиту прав инвесторов.

Статья 141 ГК РФ устанавливает основополагающие положения, касающиеся бездокументарных ценных бумаг. В соответствии с данной нормой:

1. Бездокументарные ценные бумаги закрепляют имущественные права владельца, которые удостоверяются не физическим документом, а записью в учетной системе. Это отличает их от документарных аналогов, где владение подтверждается предъявлением оригинала.
2. Права на бездокументарные ценные бумаги подтверждаются записями в реестре или депозитарии, что делает учет таких инструментов централизованным. Владельцы могут распоряжаться ими путем внесения изменений в электронные системы учета.
3. Передача прав осуществляется через внесение соответствующих записей в учетные системы, а не путем физической передачи документа. Это значительно упрощает процесс купли-продажи и снижает издержки, связанные с оборотом ценных бумаг[4].

Несмотря на очевидные преимущества бездокументарных ценных бумаг, их правовое регулирование сталкивается с рядом серьезных вызовов, главным из которых является отсутствие материального носителя. Это влечет за собой риск утраты контроля над активами из-за технических сбоев, кибератак или иных нарушений в работе учетных систем. Поскольку все сведения о правах владельцев фиксируются исключительно в электронных реестрах, любое вмешательство в эти системы может повлечь за собой потерю или искажение данных, что создает угрозу для устойчивости финансового оборота и требует высокого уровня информационной безопасности.

Еще одной проблемой является зависимость от профессиональных участников рынка. В отличие от документарных форм, которыми владелец может распоряжаться самостоятельно, бездокументарные ценные бумаги предполагают обязательное посредничество депозитариев и регистродержателей. Это усложняет доступ к активам и усиливает зависимость инвестора от третьих лиц, которые, по сути, являются хранителями его прав.

Кроме того, практика применения норм, регулирующих бездокументарные ценные бумаги, демонстрирует необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в сфере защиты прав инвесторов. В случае возникновения споров о праве собственности возможность доказательства владения существенно затруднена, поскольку единственным юридически значимым подтверждением остается запись в электронной системе. Такая ситуация может вызывать сложности при судебных разбирательствах, особенно в условиях недоработанного механизма правового обеспечения.

Дополнительную сложность представляет отсутствие единого международного подхода к регулированию обращения бездокументарных ценных бумаг. В различных юрисдикциях существуют отличающиеся правовые режимы, что усложняет трансграничное обращение ценных бумаг и создает необходимость в гармонизации правовых норм на международном уровне. Этот аспект особенно важен в условиях глобализации финансовых рынков и роста количества сделок с участием иностранных инвесторов.

Правовые особенности обращения бездокументарных ценных бумаг в России

Владение бездокументарными ценными бумагами влечет за собой ряд правовых последствий, связанных с особенностями их хранения, учета и передачи. В отличие от документарных инструментов, бездокументарные бумаги существуют исключительно в электронной форме, что определяет их правовой статус, преимущества и недостатки, а также круг обязанностей и прав владельцев.

Отличие правового статуса владельцев бездокументарных и документарных ценных бумаг

Главное отличие заключается в форме удостоверения права собственности:

- Документарные ценные бумаги закрепляют право собственности путем владения физическим носителем (бумажным сертификатом). Владельцу достаточно предъявить документ для подтверждения своего права.
- Бездокументарные ценные бумаги удостоверяют права через запись в учетных системах (реестрах акционеров, депозитариях). Собственником признается лицо, зарегистрированное в этих системах[5].

Владение бездокументарными ценными бумагами обладает рядом очевидных преимуществ. Одним из ключевых достоинств является высокая

степень безопасности хранения: полностью исключается риск утери, кражи или физического повреждения бумаги, что особенно актуально при обращении на массовом рынке. Кроме того, значительно упрощается процесс совершения сделок – права на такие бумаги передаются путем электронной записи, без необходимости перемещения бумажных документов между участниками. Это также способствует ускорению операций и снижению издержек.

Еще одним преимуществом является автоматизация корпоративных процедур. Владельцы бездокументарных бумаг могут участвовать в голосовании, получать дивиденды и купонные выплаты без необходимости личного присутствия, так как все процессы происходят через цифровые платформы[6]. Немаловажно и то, что благодаря централизованному учету со стороны депозитариев обеспечивается прозрачность операций и фиксируются все действия с ценными бумагами, что снижает вероятность мошенничества и способствует повышению доверия участников рынка.

Тем не менее, с бездокументарной формой связаны и определённые недостатки. Прежде всего, это зависимость от посредников: владельцы не могут распоряжаться своими правами напрямую, все действия происходят через депозитариев или реестродержателей, что может создавать барьеры при оперативном принятии решений.[14] Также существует риск технических сбоев – сбой в системах хранения данных, а также возможные кибератаки, способны затруднить подтверждение прав собственности или повлиять на корректность учетной информации.

Кроме того, в случае возникновения споров доказательство владения возможно только через соответствующие записи в учетных системах. Отсутствие бумажного носителя делает невозможным предоставление «вещественного» доказательства, что может создавать юридические сложности, особенно в рамках судебных разбирательств.[7] И, наконец, следует отметить дополнительные финансовые затраты: владельцы бездокументарных бумаг обязаны оплачивать услуги депозитария, в то время как при владении документарными бумагами такие расходы, как правило, отсутствуют.

Обращение бездокументарных ценных бумаг в России строго регламентировано законодательством и включает несколько ключевых этапов.

Обращение бездокументарных ценных бумаг в российском праве осуществляется через централизованные учетные системы, включающие в себя реестры акционеров, депозитарии и клиринговые организации.[13] На начальном этапе происходит эмиссия, то есть выпуск ценных бумаг эмитентом – юридическим лицом, обладающим соответствующими полномочиями. Это может быть, например, акционерное общество, принявшее решение о размещении акций. Для публичных эмиссий требуется обязательная регистрация выпуска в Центральном банке Российской Федерации. После этого данные о выпущенных бумагах вносятся в системы учета – чаще всего в реестр владельцев или депозитарий.

С этого момента у владельцев возникают имущественные и неимущественные права, удостоверяемые не физическим носителем, а записью в электронной системе.[8]

После эмиссии начинается обращение ценных бумаг на вторичном рынке. На данном этапе возможны сделки купли-продажи, как на бирже, так и вне ее. Биржевые операции проходят через брокеров и сопровождаются регистрацией в торговой системе. Внебиржевые сделки (ОТС-сделки) также возможны, но требуют внесения изменений в учетных системах – в первую очередь, в депозитарии.[9] Кроме того, права на ценные бумаги могут передаваться по дарению, наследству и другим юридическим основаниям. Все сделки сопровождаются соответствующими записями в регистрах, поскольку бездокументарные бумаги не существуют в материальной форме.

Учет и хранение прав на бездокументарные бумаги осуществляется несколькими видами профессиональных участников рынка. Реестродержатели ведут учет владельцев, фиксируя их смену. Депозитарии играют ключевую роль в отражении прав инвесторов и обеспечении безопасности информации. Клиринговые организации, в свою очередь, обеспечивают расчет и исполнение сделок, в том числе через системы неттинга и обеспечения.

Владельцы бездокументарных ценных бумаг могут реализовать свои права исключительно посредством электронных систем. Так, получение дивидендов по акциям или купонных выплат по облигациям осуществляется через депозитарии, которые направляют денежные средства на банковские счета инвесторов.[10] Участие в корпоративных процедурах, таких как голосование на общем собрании акционеров, также реализуется с использованием электронных платформ, например, через систему электронного голосования. При необходимости обмена, конвертации или выкупа бумаг со стороны эмитента соответствующие действия отображаются в учетных системах, что исключает возможность самовольного распоряжения бумагами без фиксации в регистре.[11]

На заключительном этапе жизненного цикла бумаги могут быть погашены, выкуплены или аннулированы. В случае погашения долговых инструментов, например, облигаций, эмитент выплачивает номинальную стоимость и завершает свои обязательства перед владельцем. В отношении акций возможна их аннуляция при ликвидации юридического лица или в процессе выкупа. Все юридически значимые действия, касающиеся таких бумаг, подлежат отражению в регистрах учета, что обеспечивает правовую определенность и защищенность оборота бездокументарных ценных бумаг.

Результаты исследования

В ходе проведенного исследования установлено, что российское законодательство, несмотря на обширное нормативное регулирование оборота бездоку-

ментарных ценных бумаг, не содержит однозначного определения их правовой природы. Анализ положений Гражданского кодекса РФ, Федеральных законов № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и иных источников позволяет утверждать, что бездокументарные ценные бумаги в российской правовой системе следует рассматривать как форму записи имущественных прав, закреплённую в электронных регистрах.[12] Их правовая природа носит комплексный характер и совмещает черты обязательственного и вещного права, что требует уточнения на доктринальном и законодательном уровнях.

Было выявлено, что практика правоприменения сталкивается с трудностями в части защиты прав владельцев, в особенности при технических сбоях, киберугрозах и недобросовестных действиях участников фондового рынка. Отдельное внимание уделено вопросам доказательства владения и юридической квалификации электронной записи как юридически значимого действия.

Сравнение с результатами зарубежных исследований

В отличие от России, в ряде зарубежных правовых порядков (например, в США, Великобритании и Германии) правовая природа бездокументарных ценных бумаг уже получила устойчивое теоретико-практическое обоснование. В англосаксонской модели они трактуются преимущественно как договорное право требования (*contractual claim*), реализуемое через посреднические структуры. В германском праве закреплена концепция «бумаги, записанной в счете» (*Wertpapier in Sammelverwahrung*), которая сближает их с вещным правом[6].

Российская система занимает промежуточное положение: с одной стороны, признаются права, возникающие из электронной записи, с другой – отсутствует ясность в квалификации этих прав как абсолютных или относительных. В статье сопоставлены данные подходы, выявлены сильные и слабые стороны российской модели.

Научная новизна исследования заключается в уточнении правовой природы бездокументарных ценных бумаг с позиций современного частного права. Автором предложено рассматривать их не как самостоятельный вид объекта гражданских прав, а как особую форму фиксации права, порождающего как обязательственные, так и отдельные элементы вещных прав.

Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, в том числе:

- введение легального определения бездокументарной ценной бумаги в Гражданский кодекс РФ;
- уточнение правового режима электронной записи как основания для возникновения и прекращения имущественных прав;
- укрепление механизмов защиты прав владельцев в условиях цифровой экономики.

Заключение

Рынок ценных бумаг в России значительно трансформировался с переходом от бумажных к бездокументарным формам. Бездокументарные ценные бумаги сейчас составляют основу финансового рынка, что связано с развитием электронных торговых систем, депозитариев и клиринговых центров. Этот процесс существенно повысил ликвидность рынка, ускорил оборот активов и снизил операционные риски, так как физическая передача документов была заменена электронным учетом прав собственности.

Преимущества бездокументарных ценных бумаг заключаются в упрощении сделок, увеличении скорости расчетов, снижении рисков утраты или подделки бумаг и повышении прозрачности. Такие бумаги позволяют проводить операции гораздо быстрее и безопаснее, так как все данные фиксируются в электронных реестрах, доступных для контроля как участникам рынка, так и государственным органам. Эти изменения открывают новые возможности для улучшения операций с ценными бумагами, но также предъявляют требования к совершенствованию правового регулирования.

Цифровизация влияет на рынок ценных бумаг через внедрение электронных торговых платформ, развитие блокчейн-технологий и смарт-контрактов. Эти технологии могут значительно упростить сделки и повысить их прозрачность, а также автоматизировать процессы. В ответ на цифровизацию государство адаптирует законодательство, вводя новые нормы для регулирования цифровых активов и обеспечивая защиту интересов участников рынка. Важно отметить, что в правовой системе России уже активно работает несколько ключевых нормативных актов, регулирующих обращение бездокументарных ценных бумаг и их учет, включая Гражданский кодекс и законы о рынке ценных бумаг и цифровых активах.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 N 39-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.
4. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 N 208-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 52. – Ст. 5265.
5. Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» от 5 марта 1999 N 46-ФЗ // Собрание

законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 10. – Ст. 1254.

6. Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 N 102-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3804.
7. Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29.11.2001 N 156-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4557.
8. Федеральный закон «Об ипотечных ценных бумагах» от 11.11.2003 N 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 46. – Ст. 4447.
9. Белова, В.А. Бездокументарные ценные бумаги. 3-е изд. / В.А. Белова. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 256 с.
10. Лубягина, Д.В., Абузарова, Н.А. Правовая природа бездокументарных ценных бумаг // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 2. – С. 32–45.
11. Бездокументарные ценные бумаги // Финансы и кредит. – 2007. – № 9. – С. 34–37.
12. Рынок ценных бумаг (правовые аспекты) // Большая российская энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. – Т. 27. – С. 100–103.
13. Особенности правового режима бездокументарных ценных бумаг // saf.petsu.ru. – URL: <https://saf.petsu.ru/news/tsennye-bumagi> (дата обращения: 30.03.2025).
14. Залог бездокументарных ценных бумаг: особенности правового регулирования // lawinfo.ru. – URL: <https://lawinfo.ru/articles/zalog-bezdokumentarnykh-tsennykh-bumag> (дата обращения: 30.03.2025).

THE LEGAL NATURE OF UNCERTIFICATED SECURITIES IN RUSSIAN LEGISLATION

Losev I.D.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the legal nature of uncertificated securities in Russian civil law. The key features of their legal regime are analyzed: registration and recording of rights, owner status, functions of depositories and other professional market participants. Particular attention is paid to issues of succession, delineation of obligatory

and property rights, as well as mechanisms for protecting investors' rights. The author refers to the norms of the Civil Code of the Russian Federation, federal laws and judicial practice, concluding that uncertificated securities have a dual legal nature. The novelty of the study lies in an attempt to classify their features and justify the need for regulatory clarification taking into account the processes of digitalization of financial instruments.

Keywords: uncertificated securities, securities, legal nature, civil law, registration of rights, securities owners, electronic accounting, issuer, depository, Russian legislation.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 N 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 N 14-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.
3. Federal Law “On the Securities Market” of April 22, 1996 N 39-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 17. – Art. 1918.
4. Federal Law “On Joint-Stock Companies” of December 26, 1995 N 208-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 52. – Art. 5265.
5. Federal Law “On the Protection of Rights and Legitimate Interests of Investors in the Securities Market” dated March 5, 1999 N 46-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1999. – No. 10. – Art. 1254.
6. Federal Law “On Mortgage (Real Estate Pledge)” dated July 16, 1998 N 102-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 31. – Art. 3804.
7. Federal Law “On Investment Funds” dated November 29, 2001 N 156-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 49. – Art. 4557.
8. Federal Law “On Mortgage-Backed Securities” dated 11.11.2003 N 152-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2003. – No. 46. – Art. 4447.
9. Belova, V.A. Uncertificated Securities. 3rd ed. / V.A. Belova. – M.: JSC “Center YurInfoR”, 2003. – 256 p.
10. Lubyagina, D.V., Abuzyarova, N.A. Legal Nature of Uncertificated Securities // Leningrad Law Journal. – 2015. – No. 2. – P. 32–45.
11. Uncertificated Securities // Finance and Credit. – 2007. – No. 9. – P. 34–37.
12. Securities market (legal aspects) // The Great Russian Encyclopedia. – M.: The Great Russian Encyclopedia, 2014. – Vol. 27. – P. 100–103.
13. Features of the legal regime of uncertificated securities // saf.petsu.ru. – URL: <https://saf.petsu.ru/news/tsennye-bumagi> (date of access: 30.03.2025).
14. Pledge of uncertificated securities: features of legal regulation // lawinfo.ru. – URL: <https://lawinfo.ru/articles/zalog-bezdokumentarnykh-tsennykh-bumag> (date of access: 30.03.2025).

Практика применения норм дисциплинарной ответственности в таможенных органах

Шестакова Татьяна Анатольевна,

аспирант кафедры административного и таможенного права,
Российская таможенная академия (РТА)
E-mail: Shestakova-tanya@mail.ru

Цель данной статьи состоит в анализе практики применения норм дисциплинарной ответственности в таможенных органах, выявлении ее ключевых проблем и формулировании рекомендаций по их преодолению. Основное внимание уделено изучению материалов, отражающих актуальную практику применения норм дисциплинарной ответственности в ФТС России, а также практику судебного обжалования приказов о наложении дисциплинарных взысканий на сотрудников данной структуры. Подчеркиваются нарушения, нередко допускаемые руководителями таможенных органов в связи с привлечением должностных лиц к дисциплинарной ответственности, неоднозначность практики обжалования приказов о наложении дисциплинарных взысканий, предлагаются меры по разрешению выявленных проблем, нацеленные как на совершенствование самой практики применения норм дисциплинарной ответственности в таможенных органах, так и на устранение проблем нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность в таможенных органах; дисциплинарная практика; производство по дисциплинарным делам; противодействие коррупции; служебная дисциплина в таможенных органах; ФТС России.

Введение

Институт дисциплинарной ответственности является особо значимой составляющей обеспечения законности и соблюдения служебной дисциплины в деятельности таможенных органов. В связи с этим немаловажное значение приобретают и вопросы применения норм дисциплинарной ответственности в указанных органах. Они актуализируются и тем, что в таможенных органах имеет место весьма острая проблема противодействия нарушениям служебной дисциплины, выражающаяся, в том числе, в совершении дисциплинарных проступков (случаи нарушения дисциплины, влекущие уголовную ответственность, в данной статье не рассматриваются).

Так, по данным ФТС России, за 2024 г. силами подразделений по противодействию коррупции или с их участием в таможенных органах была проведена 451 проверка, в результате чего 367 должностных лиц были привлечены к дисциплинарной ответственности, 22 должностных лица – уволены [15]. Конкретные факты привлечения должностных лиц к ответственности, безусловно, свидетельствуют о принятии мер по поддержанию служебной дисциплины, что в целом оценивается положительно. Вместе с тем, дисциплинарная практика не всегда характеризуется объективным рассмотрением всех обстоятельств дисциплинарного проступка, принятием обоснованного и справедливого решения относительно дисциплинарного взыскания. Поэтому изучение данной практики с позиции ее недостатков представляет определённый интерес.

В качестве цели данной статьи выступает анализ практики применения норм дисциплинарной ответственности в таможенных органах, выявление ее ключевых проблем и формулирование рекомендаций по их преодолению.

Основная часть

Приступая к рассмотрению избранной проблематики, в первую очередь следует обозначить базовые нормативные документы, содержащие положения, которые регламентируют ключевые аспекты дисциплинарной ответственности в таможенных органах. В части регламентации дисциплинарной ответственности должностных лиц, относимых к категории сотрудников таможенных органов, ключевыми источниками правовых норм выступают Федеральный закон «О службе в таможенных органах Российской Федерации» [1] (далее – Закон о службе в таможенных органах) и Указ Президента Российской Феде-

рации «Об утверждении Дисциплинарного устава таможенной службы Российской Федерации» [3] (далее – Дисциплинарный устав). В части регулирования дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих, в том числе и таможенных органов, базовыми источником норм является Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2] (далее – Закон о государственной гражданской службе). Соответственно, именно практика применения указанных актов в части регулирования дисциплинарной ответственности представляет основной интерес в контексте данного исследования.

В то же время нельзя сказать, что все проблемы, касающиеся дисциплинарной ответственности, опосредованы исключительно недостатками перечисленных выше источников законодательства. В этой связи уместно обратить внимание на представленный Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Доклад за 2023 г. (на момент подготовки данной статьи Доклад за 2024 г. не был опубликован), один из разделов которого специально посвящен системным проблемам российского бизнеса, в том числе в сфере таможенного регулирования. В Докладе выделены следующие системные проблемы:

- избыточность практики по корректировке таможенной стоимости декларируемых товаров (с 2015 г.);
- разделение полномочий ФТС России и ФНС России в сфере администрирования косвенных налогов, прежде всего, НДС (с 2015 г.);
- частый пересмотр кодов классификации товара (с 2020 г.);
- исчисление таможенных штрафов от рыночной стоимости товаров (с 2018 г.);
- привлечение к ответственности за незначительные расхождения в фактическом весе брутто товара (с 2020 г.);
- высокие риски предпринимателей в рамках оформления процедуры «Таможенный транзит» (с 2021 г.);
- несоразмерное возложение на таможенных представителей солидарной обязанности по уплате таможенных платежей (с 2023 г.) [14].

Очевидно, что представленные выше проблемы прямо не связаны с практикой привлечения должностных лиц таможенных органов к дисциплинарной ответственности. Однако невозможно отрицать наличие опосредованной связи между несовершенством регулирования деятельности того или иного органа власти, в том числе ФТС России, и проблемой обеспечения служебной дисциплины среди его должностных лиц. Ведь немаловажной предпосылкой к формальному и (или) фактическому нарушению служебной дисциплины выступают конкретные недостатки регулирования порядка перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу, поскольку затрагивают права, обязанности, и в целом полномочия соответствующих должностных лиц. Следовательно, вы-

деленные проблемы, создавая трудности и риски для субъектов предпринимательской деятельности, одновременно создают и условия для совершения дисциплинарных проступков, должностными лицами таможенных органов, в том числе коррупционного характера. В этой связи уместно сделать вывод об объективной обусловленности дисциплинарных проступков, по крайней мере, некоторой их части. Считаем целесообразным обратиться к конкретным материалам судебной практики, в которых отражаются наиболее сложные и спорные случаи применения норм о дисциплинарной ответственности.

Заметим, что в судебных процессах, связанных с рассмотрением споров, возникающих в связи с прохождением службы в таможенных органах, вопросы об отмене приказов о привлечении к дисциплинарной ответственности являются одними из ключевых, что становится очевидным при изучении, например, подготовленного еще в 2017 г. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации обзора судебной практики [4]. Несмотря на то, что с момента публикации указанного обзора прошло более семи лет, ситуация изменилась несущественно, в связи с чем обозначенная в нём проблематика продолжает оставаться актуальной. Не лишним будет отметить некоторые аспекты, которые принципиально важно учитывать и на которые неуклонно обращают внимание суды, в том числе отменяя соответствующие приказы о назначении дисциплинарных взысканий. В частности, в обзоре судебной практики были отражены следующие позиции Верховного Суда Российской Федерации: прекращение в отношении сотрудника уголовного дела не является основанием для его освобождения от дисциплинарной ответственности; вина является обязательным условием привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности.

Интерес представляет дело гражданина Л., который обратился с иском к таможене о признании незаконным и отмене приказа о наложении дисциплинарного взыскания. Судом первой инстанции иск был удовлетворён, в связи с чем приказ подлежал отмене. Однако в рамках рассмотрения дела в апелляционной инстанции решение нижестоящего суда было отменено. Далее в рамках кассационного рассмотрения дела позиция суда апелляционной инстанции была поддержана и приказ о привлечении к дисциплинарной ответственности оставлен в силе. Стоит отметить, что в качестве повода для привлечения к дисциплинарной ответственности была определена неправомерная выдача подчинённому сотруднику поручения об уведомлении участника внешнеэкономической деятельности о проведении таможенного осмотра с полным взвешиванием товаров, в также указания по имитации звонка начальнику, в чем суд первой инстанции не усмотрел нарушений [7]. Думается, что в качестве причины такого рода разногласий в позициях судебных органов разных инстанций послужила неконкретность нормативно закреп-

плённых обязанностей и запретов относительно должностных обязанностей сотрудника, который был привлечён к ответственности.

Другое дело, которое привлекло внимание в рамках данного исследования, касается иска гражданина Г. по поводу защиты чести, достоинства и деловой репутации. Основанием для обращения в суд стало увольнение гражданина из таможенных органов и выдача служебной характеристики, с которой он был принципиально не согласен. В характеристике, помимо прочего, указывалось на несоблюдение гражданином Дисциплинарного устава. Судами не дана оценка разнотечия между ранее выданными характеристиками и той, в которой отражены недостоверные высказывания. При этом в части сведений о соблюдении данного Устава в разных документах имелись разночтения. О каких документах (где разночтения?) речь? По итогу рассмотрения дела суд кассационной инстанции отказал в иске и пришёл к выводу о том, что оснований для признания недостоверной информации, отражённой в служебной характеристике, нет [5; 6].

В иске гражданина С. к Владивостокской таможне и Дальневосточному таможенному управлению о признании незаконными приказов, восстановлении на работе и взыскании денежного довольствия основным аргументом истца указано несоответствие вынесенных приказов о наложении дисциплинарных взысканий принципам справедливости и соразмерности взыскания совершенному проступку. При этом истец подчёркивал отсутствие в его действиях (бездействии) нарушений федерального законодательства, а сам проступок он расценивал как негрубый. Также подчёркивался общий характер распоряжений начальника, не предполагающих конкретных обязанностей. Суды первой и апелляционной инстанции поддерживали позицию истца, и признали увольнение незаконным. Таможенный орган обжаловал решение в кассационном порядке, но и в кассационной инстанции позиция уволенного сотрудника была поддержана [8].

Нельзя не отметить, что именно общий характер приказов и распоряжений становился сначала предпосылкой для усмотрения самого подчиненного в части выполнения приказов и поручений, а после – для его начальника в части квалификации нарушения. В этой связи широкие возможности для решения вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности по усмотрению руководителя следует рассматривать как неправомерны.

Интерес представляет и рассмотренное Третьим кассационным судом общей юрисдикции дело по иску гражданина Ф. к Кингисеппской таможне о признании незаконным заключения по результатам служебной проверки, протокола заседания аттестационной комиссии, приказа об увольнении, восстановлении на службе, взыскании денежного довольствия за время вынужденного прогула. В рамках указанного иска суд первой инстанции поддержал указанного гражданина; суд апелляци-

онной инстанции отменил принятое решение в части. В кассационной инстанции акты нижестоящих судов были расценены как необоснованные, в связи, с чем апелляционное определение было отменено, а дело направлено на новое рассмотрение. При этом, аргументируя свою позицию, суд кассационной инстанции указал на неправильное применение нижестоящими судами норм материального или процессуального права. Основные разночтения касались оценки должностного проступка именно как грубого нарушения служебной дисциплины. Нижестоящие суды полагали, что проступок носит негрубый характер, в то время как суд кассационной инстанции с ними не согласился. Сам же гражданин Ф. полагал, что совершил негрубое нарушение, поскольку оно касалось лишь общих предписаний, а невыполнения приказа начальника он не допустил.

Отмечая неправильное применение норм материального права, суд кассационной инстанции ссылаясь на конкретные положения Дисциплинарного устава и Закон о службе в таможенных органах, в частности, на ст. 117. При этом было подчёркнуто, что речь идёт именно о конституционно значимых функциях по обеспечению правопорядка и безопасности в области таможенного регулирования, а не об общих положениях, имеющих лишь формальное значение. Также суд кассационной инстанции счёл, что нижестоящие суды не дали правовой оценки юридически значимым обстоятельствам нарушения, а только указывали формально на то, что является грубым нарушением, а что им не является [11].

Указанная проблема, выражающаяся в отсутствии должного обоснования принимаемого решения, является весьма распространённой, причём свойственна не только практике рассмотрения дел о дисциплинарных проступках в судах, но и практике дисциплинарного производства в ФТС России. Поэтому такого рода недостатки рассматриваемой практики вполне уместно считать системными.

Нельзя не обратить внимание на рассмотренное в Девятом кассационном суде общей юрисдикции дело по иску гражданки Н. к Владивостокской таможне, Дальневосточному таможенному управлению о признании незаконными приказов, восстановлении на работе, взыскании денежного довольствия за время вынужденного прогула. Предпосылкой иска послужила целевая инспекторская проверка деятельности Владивостокской таможни, по итогам которой Н. была уволена (в качестве одного из видов дисциплинарного взыскания), с чем не согласилась, обратившись в суд. При разбирательстве в суде первой инстанции иск удовлетворен не был, а рамках же апелляционного обжалования иск было решено удовлетворить, в связи, с чем таможенный орган обратился в суд кассационной инстанции, который, в свою очередь, признал наличие нарушений в действиях Н. Было установлено, в частности, что таможенный контроль автотранспортных средств, ввозимых с территории Южной Кореи, осуществлялся ненадле-

жащим образом; были и иные нарушения, в том числе выразившиеся в систематическом принятии должностными лицами таможенного органа заниженной стоимости спорных автомобилей. Вместе с тем, суд кассационной инстанции не нашел оснований не согласиться с позицией суда апелляционной инстанции, поскольку факты именно виновного деяния установлены не были; оценка ее действий с учетом конкретных обстоятельств, способствовавших совершению дисциплинарного проступка, представителем нанимателя не дана. В итоге апелляционное определение было оставлено в силе, в пользу Н. [10].

Указанное дело – это тот случай, когда руководителя изначально привлекли к ответственности без установления конкретного содержания деяния и значимых обстоятельств, характеризующих его, что весьма типично для дисциплинарной практики, причём не только в таможенных органах, но и в других государственных структурах. Суды же продемонстрировали более объективный подход к рассмотрению дела.

В рамках следующего исследованного случая имел место спор по иску гражданина Б., который просил признать незаконным решение Алтайской таможни о его увольнении. Его позиция основывалась на том, что руководство не учло тяжесть дисциплинарного проступка, его предшествующую службу и поведение. Более того, истец отмечал, что приказ о дисциплинарном взыскании не содержит указаний на то, какие конкретно конституционные нормы и статьи федеральных законов были им не исполнены. Вместе с тем, заключение по результатам служебной проверки содержало указание на конкретные нормы Закона о службе в таможенных органах. Суд первой инстанции усмотрел в действиях Б. грубое нарушение служебной дисциплины, соблюдение порядка привлечения Б. к дисциплинарной ответственности и соответствие служебной проверки положениям Дисциплинарного устава. Эта позиция была поддержана и в апелляционной инстанции. Более того, отказ следователя в возбуждении уголовного дела в отношении Б. ввиду отсутствия состава преступления указанный суд признал не имеющим значения для решения вопроса о дисциплинарной ответственности. В итоге и суд кассационной инстанции оставит принятые акты в силе [9].

В другом случае имел место иск гражданина К. к Внуковской таможне о признании одного из пунктов заключения о результатах служебной проверки незаконным. Данный иск был удовлетворен, с чем не согласились представители таможни, подав апелляционную жалобу, которая была удовлетворена, а дело направлено на новое рассмотрение. Но при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции было обращено особое внимание на допущенные грубые нарушения при проведении проверки, а именно на неуведомление К., который на момент принятия решения о проверке находился в отставке. Поскольку К. не был уведомлен, его право дать объяснения по факту содеянного, пред-

усмотренное Законом о государственной гражданской службе, было нарушено, исходя из чего суд кассационной инстанции встал на сторону истца [13].

Интерес представляет и спор по иску гражданина Е. к Челябинской таможне о признании незаконными и отмене приказов о наложении дисциплинарных взысканий. В рамках указанного спора Е. был изначально уволен в связи с выслугой срока службы, однако до дня, с которого он признавался уволенным, в отношении него была проведена проверка и возбуждено уголовное дело по признакам одного из коррупционных преступлений. При этом Е., руководствуясь рекомендацией своего адвоката, защищавшего его по уголовному делу, отказался от дачи объяснений. Исходя из этого, Е. был привлечён так к дисциплинарной ответственности и уволен ввиду утраты доверия в связи с совершением коррупционного правонарушения. Вместе с тем, соответствующее решение было принято до вынесения приговора и вступления его в законную силу, при этом суды всех трех инстанций встали на сторону ответчика, то есть таможни [12]. В этой связи думается, что параллельное рассмотрение вопроса о привлечении и к уголовной ответственности, и к дисциплинарной ответственности, порождает условия для возникновения противоречий в установлении одних и тех же обстоятельств, но в рамках разных (дисциплинарного и уголовного) производств.

Выводы

В практике применения норм дисциплинарной ответственности в таможенных органах имеется немало изъянов, что отражает невысокую эффективность самого института дисциплинарной ответственности. В качестве наиболее существенных недостатков данной практики уместно отметить: формализм (привлечение к ответственности лишь при наличии формальных признаков проступка); нередкое игнорирование в рамках дисциплинарного производства требований об обязательном установлении вины, конкретных действий (бездействия), обстоятельств их совершения; административное усмотрение; несоблюдение требований к процедуре производства (например, неуведомление уволенного сотрудника о проведенной в отношении него проверке).

Для совершенствования указанной практики в рассматриваемых аспектах в качестве основных направлений можно предложить:

- более жёсткое нормативное урегулирование процедуры дисциплинарного производства, в том числе вопросов проведения служебных проверок в отношении лиц, уволенных из таможенных органов;
- нормативное закрепление правила, исключающего возможность принятия решения по дисциплинарному делу в отношении должностного лица до завершения производства по уголовному делу, если дисциплинарное и уголовное производства предполагают правовую квалификацию одного и того же деяния.

Литература

1. Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3586.
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
3. Дисциплинарный устав таможенной службы Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 16.11.1998 № 1396; ред. от 30.09.2012) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 47. – Ст. 5742.
4. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 10.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Приморского краевого суда от 18.01.2022 по делу № 33–789/2022 // Консорциум «Кодекс». Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/728024232> (дата обращения: 26.04.2025).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2022 по делу № 8Г-3590/2022 // Консорциум «Кодекс». Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/351426944> (дата обращения: 26.04.2025).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.02.2023 по делу № 8Г-1596/2023 // Консорциум «Кодекс». Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1300992061> (дата обращения: 26.04.2025).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2024 по делу № 8Г-4543/2024 // Консорциум «Кодекс». Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1306573256> (дата обращения: 26.04.2025).
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2024 по делу № 8Г-11770/2024 // Консорциум «Кодекс». Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1306722519> (дата обращения: 26.04.2025).
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2024 по делу № 8Г-8005/2024 // Консорциум «Кодекс». Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1308614528> (дата обращения: 26.04.2025).
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.01.2025 по делу № 88–1380/2025 // Консорциум «Кодекс». Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1311138699> (дата обращения: 26.04.2025).
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2024 по делу № 88–748/2024 // Консорциум «Кодекс». Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304974885> (дата обращения: 26.04.2025).
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 19.09.2022 по делу № 33–34475/2022 // Консорциум «Кодекс». Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/351897409> (дата обращения: 26.04.2025).
14. Раздел Доклада Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей «Реестр системных проблем российского бизнеса – 2023» // Официальный портал Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. – Режим доступа: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2023.html (дата обращения: 26.04.2025).
15. Информационные материалы о результатах работы подразделений по противодействию коррупции таможенных органов Российской Федерации за 2024 г. // Официальный портал ФТС России. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/activity/protivodejstvie-korrupczii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informacziya/rezul-taty-raboty-upravleniya-po-protivodejstviyu-korrupczii/document/618623> (дата обращения: 26.04.2025).

THE PRACTICE OF APPLYING RULES ON DISCIPLINARY RESPONSIBILITY IN CUSTOMS AUTHORITIES

Shestakova T.A.
Russian Customs Academy

The purpose of this article is to analyze the practice of applying rules on disciplinary liability in customs authorities, identify its key problems and formulate recommendations for overcoming them. The main attention is paid to the study of materials reflecting the current practice of applying rules on disciplinary responsibility in the Federal Customs Service of Russia, as well as the practice of judicial appeal of orders imposing disciplinary penalties on employees of this structure. The violations often committed by the heads of customs authorities in connection with bringing officials to disciplinary responsibility are highlighted, the ambiguity of the practice of appealing orders imposing disciplinary penalties, and measures are proposed to resolve the identified problems aimed both at improving the practice of applying rules on disciplinary responsibility in customs authorities and at eliminating problems in regulatory regulation.

Keywords: disciplinary responsibility in customs authorities; disciplinary practice; disciplinary proceedings; anti-corruption; official discipline in customs authorities; Federal Customs Service of Russia.

References

1. Federal'ny' zakonot 21.07.1997 № 114-FZ (red. ot 26.02.2024) «O sluzhbe v tamozhenny' xorganax Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1997. – № 30. – St. 3586.
2. Federal'ny' zakonot 27.07.2004 № 79-FZ (red. ot 08.08.2024) «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2004. – № 31. – St. 3215.
3. Disciplinarny' justav tamozhennoj sluzhby' Rossijskoj Federacii (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 16.11.1998 № 1396; red. ot 30.09.2012) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1998. – № 47. – St. 5742.
4. Obzor praktikirassmotreniyasudami del po sporam, svyazanny'm s proxozhdeniemy sluzhby' federal'ny' migosudarstvenny' misluzhashhimi (sotrudnikami organov vnutrennix del, sotrudnikami organov ugolovno-ispolnitel'nojsistemy', sotrudnikami sledstvennogokomiteta Rossijskoj Federacii, sotrudnikami inny' xorganov, v kotory' xpredusmotrenafederal'nyayagosudarstvennaysluzhba) (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 15.11.2017) // Byulleten' Verxovnogo Suda RF. – 2018. – № 10.
5. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Primorskogokraevogosuda ot 18.01.2022 po delu № 33–789/2022 // Konsorcium «Kodeks». Arxivreshenijarbitrazhny' xsudovisudovobshhejurisdikcii. – Rezhim dostupa: <https://sudrf.cntd.ru/document/728024232> (data obrashheniya: 26.04.2025).
6. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Devyatogokassacionnogosudaobshhejurisdikcii ot 12.05.2022 po delu № 8G-3590/2022 // Konsorcium «Kodeks». Arxivreshenijarbitrazhny' xsudovisudovobshhejurisdikcii. – Rezhim dostupa: <https://sudrf.cntd.ru/document/351426944> (data obrashheniya: 26.04.2025).
7. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Vos'mogokassacionnogosudaobshhejurisdikcii ot 28.02.2023 po delu № 8G-1596/2023 // Konsorcium «Kodeks». Arxivreshenijarbitrazhny' xsudovisudovobshhejurisdikcii. – Rezhim dostupa: <https://sudrf.cntd.ru/document/1300992061> (data obrashheniya: 26.04.2025).
8. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Devyatogokassacionnogosudaobshhejurisdikcii ot 06.06.2024 po delu № 8G-4543/2024 // Konsorcium «Kodeks». Arxivreshenijarbitrazhny' xsudovisudovobshhejurisdikcii. – Rezhim dostupa: <https://sudrf.cntd.ru/document/1306573256> (data obrashheniya: 26.04.2025).
9. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Vos'mogokassacionnogosudaobshhejurisdikcii ot 27.06.2024 po delu № 8G-11770/2024 // Konsorcium «Kodeks». Arxivreshenijarbitrazhny' xsudovisudovobshhejurisdikcii. – Rezhim dostupa: <https://sudrf.cntd.ru/document/1306722519> (data obrashheniya: 26.04.2025).
10. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Devyatogokassacionnogosudaobshhejurisdikcii ot 19.09.2024 po delu № 8G-8005/2024 // Konsorcium «Kodeks». Arxivreshenijarbitrazhny' xsudovisudovobshhejurisdikcii. – Rezhim dostupa: <https://sudrf.cntd.ru/document/1308614528> (data obrashheniya: 26.04.2025).
11. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Tret'egokassacionnogosudaobshhejurisdikcii ot 15.01.2025 po delu № 88–1380/2025 // Konsorcium «Kodeks». Arxivreshenijarbitrazhny' xsudovisudovobshhejurisdikcii. – Rezhim dostupa: <https://sudrf.cntd.ru/document/1311138699> (data obrashheniya: 26.04.2025).
12. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Sed'mogokassacionnogosudaobshhejurisdikcii ot 16.01.2024 po delu № 88–748/2024 // Konsorcium «Kodeks». Arxivreshenijarbitrazhny' xsudovisudovobshhejurisdikcii. – Rezhim dostupa: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304974885> (data obrashheniya: 26.04.2025).
13. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Moskovskogorodskogosuda ot 19.09.2022 po delu № 33–34475/2022 // Konsorcium «Kodeks». Arxivreshenijarbitrazhny' xsudovisudovobshhejurisdikcii. – Rezhim dostupa: <https://sudrf.cntd.ru/document/351897409> (data obrashheniya: 26.04.2025).
14. Razdel Doklada Upolnomochennogopri Prezidente RF po zashchite prav predprinimatelej «Reestr sistemny' x problem rossijskogobiznesa – 2023» // Oficial'ny'j portal Upolnomochennogopri Prezidente RF po zashchite prav predprinimatelej. – Rezhim dostupa: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2023.html (data obrashheniya: 26.04.2025).
15. Informacionny' ematerialy' o rezul'tatax raboty' podrazdelenij po protivodejstviyu korruptcii tamozhenny' xorganov Rossijskoj Federacii za 2024 g. // Oficial'ny'j portal FTS Rossii. – Rezhim dostupa: <https://customs.gov.ru/activity/protivodejstvie-korruptcii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informacziya/rezultaty-raboty-upravleniya-po-protivodejstviyu-korruptcii/document/618623> (data obrashheniya: 26.04.2025).

Исковая давность в делах о приватизационных сделках с акциями: теория, проблемы и пути их разрешения

Юсупов Эмиль Флюрович,

аспирант, ФГАОУ ВО «Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина»;
управляющий партнер юридической компании «Интерцессия»
(ООО «Интерцессия»)

Деприватизация представляет собой процесс истребования активов у собственников в пользу государства при обнаружении нарушений, имеющих место быть в процессе приватизации. В основном в судебной практике встречаются дела по деприватизации отдельных элементов предприятий, которые когда-то были приватизированы. Однако на сегодняшний день большие обороты набирает изъятие в пользу государства целых предприятий, которые были приватизированы еще в 90-е – 00-е годы, несмотря на то, что срок исковой давности по общему правилу составляет 3 года, и в исключительных случаях – 10 лет. Сейчас в СМИ все чаще обсуждаются случаи деприватизации предприятий, их активов по искам Прокуратуры РФ, однако в данном вопросе не хватает теоретического анализа. Актуальность рассматриваемого вопроса связана со значительной распространенностью имущества, которое было приватизировано в ранний период. В то же время данный вид имущества может стать предметом судебного разбирательства при обращении прокуратуры, если будут выявлены несоблюдения законодательных норм. Без каких-либо компенсаций данный вид имущества может быть истребован в пользу государства. В связи с этим исследование данной темы является актуальным.

Ключевые слова: приватизация, деприватизация, акция, отчуждение, исковая давность.

Проведем анализ понятия срока исковой давности. Гражданское право под определением срока понимает период, начало либо истечения которого приводит к наступлению определенных последствий, имеющих правовое значение.

Понятие исковой давности представлено в статье 195 Гражданского кодекса РФ. К ней относят срок, предоставленный для защиты нарушенных прав. При пропуске исковой давности теряется возможность на защиту права в суде.

По мнению Д.В. Мурзина и С.С. Алексеева, исковая давность обладает существенным значением. Действующие сроки предоставляют возможность обратиться в суд лицу, чьи права нарушены, за их защитой. В случае отсутствия законодательных норм, регулирующих исковую давность, имело бы место неопределенность между нарушителем права и пострадавшим [1].

С точки зрения Б.А. Булаевского, понятие и действующие нормы исковой давности являются императивными. Другими словами, их стоит отнести к категоричным. Отсутствует возможность изменения законодательных норм на усмотрение сторон. Подобное является установленным и абсолютно определенным правилом [5].

Новые законодательные нормы вступили в действие 2013 году. Статья 196 ГК РФ включила условия об ограничениях срока исковой давности, который не может быть более 10 лет¹. Субъективный срок исковой давности составляет 3 года. Исходя из положений ст. 200 ГК РФ началом течения указанного срока признается момент, когда лицу стало известно о произошедшем нарушении права, а также о лице, которое может являться надлежащим ответчиком.

В то же время с момента нарушения соответствующего права начинается считаться объективный срок исковой давности. Предельный период составляет 10 лет.

Применяется несколько моделей течения срока исковой давности, с точки зрения С. Сарбаш. Так, модель субъективного срока исковой давности предусматривает течение данного срока во временном периоде, равном объективному сроку [11].

Часть требований при применении подобной модели должно удовлетворяться с учетом субъективного срока исковой давности. Другая часть требований после соответствующего приостановле-

¹ Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 13.05.2013, № 19, ст. 2327.

ния либо перерыва течения срока исковой давности будет рассматриваться с учётом предельного объективного срока давности.

Возможность выхода за пределы объективного срока действующего субъективного срока давности относится ко 2-й модели давностных сроков. По нашему мнению, применение данной модели приводит к увеличению риска несправедливых решений судов. При этом возникает значительная неопределенность в правовом статусе должника.

Действующая система сроков исковой давности учитывает опыт зарубежных государств, в том числе Германии. Так, Германское гражданское уложение от 1896 года в § 195 ГГУ в качестве субъективного срока предусматривает период 3 лет. На основании п. 1 абз. 3 и абз. 4 § 199 ГГУ). объективный срок равен 10 годам.

Схожие правила сроков исковой давности предусматриваются в Модельных правилах европейского частного права и Конвенции об исковой давности в международной купле-продаже.

Перейдем к рассмотрению понятия «приватизация». Этот процесс является обыденным явлением для рыночной экономики. С.В. Новикова, например, в своей работе определяет его как комплекс мероприятий, направленных на возмездное отчуждение в пользу частных лиц и компаний имущества, находящегося в собственности государства [7]. Однако, данное определение является не совсем корректным в силу того, что приватизация это не просто передача прав собственности. Приватизация призвана уменьшить в национальной экономике удел государственного сектора, тем самым она является катализатором для процессов развития предприятий.

В.А. Белов в своих трудах подчеркивал обязательность приватизации отчуждения общественно значимых объектов из публичной собственности в частную [2, с. 139–140]. Это уточнение также подтверждает значимость процесса приватизации для развития рыночной экономики, в силу этого с ним можно согласиться. Но при этом стоит учитывать то, что приватизация – это не жест доброй воли, поэтому передача имущества осуществляется на возмездной основе, тем самым восполняя потери в бюджете в связи с отчуждением [10].

Подытоживая представленные выше точки зрения ученых можно привести следующее определение. Приватизация представляет собой передачу имущества из государственной собственности в частную для ее эффективного функционирования, а также продажу публичных активов частным лицам и организациям с переходом прав с целью уменьшить влияние государственного сектора на экономику и расширить роли предпринимательской деятельности в стране. Делается это для эффективности использования экономических ресурсов, например, капиталов, предприятий, земли [3].

Обратным процессом приватизации является деприватизация. Она является основанием для прекращения права собственности частного лица и основанием приобретения права собственности

сти публичным образованием. Этот термин в экономике и праве еще называют национализацией. О.А. Баулина, В.В. Ключин, А.О. Догадов утверждают, что национализация подразумевает переход права собственности от частных лиц к публичным образованиям, во-первых, при помощи экспансии, во-вторых, путем добровольной передачи имущества на основе договора, в-третьих, в результате банкротства [9]. Это определение можно считать корректным при учете, что целью деприватизации является поддержание экономики страны в стабильности в период кризиса.

При национализации интересы большинства должных превалировать над частными [4], [6]. С этим тяжело согласиться в связи с обстоятельствами, имеющими актуальность на сегодняшний день. Они будут рассмотрены ниже.

В экономическом и правовом секторе государства на сегодняшний день можно заметить тенденцию к увеличению случаев деприватизации. К сожалению, несмотря на то, что прошло уже 30 лет с начала процедуры приватизации угроза экспроприации сейчас реальна как никогда. На сегодняшний день все больше приватизационных сделок с акциями признаются недействительными.

Значительное количество дел, связанных со деприватизацией, имеют отношение к периоду начала 90-х годов XX века. В то же время за длительный период многочисленная документация предприятий могла не сохраниться. Отсутствие документов лишает возможности защиты интересов при рассмотрении дел, в связи с необходимостью представления доказательств по делу. Действующие требования исковой давности ограничивают возможность обращения в суд для защиты нарушенных интересов и прав [1].

Целесообразность исследования представленной проблемы связана с тем, что около сотни тысяч предприятий в конце XX века были переданы государством частным лицам на праве собственности.

Проводя исследование сложностей, возникающих при деприватизации, стоит подчеркнуть потребность сохранения баланса между интересами приобретателей, которые являются добросовестными, и общественными образованиями. При этом важно соблюдать принцип независимости экономической сферы и поддержания стабильности в гражданском обороте на федеральном уровне. В свою очередь, общественный интерес относится к конфликтующей стороне.

Обращаясь к международному опыту, стоит отметить мнение Европейского Суда по правам человека. Органы общественной власти должны своевременно предпринимать необходимые действия, которые отвечают принципу последовательности и реализуются надлежащим образом.

Неверные расчеты и неточности в решении государственных органов должны отвечать интересам лиц, в том числе, если отсутствует конфликт подобных интересов. Государство должно нести риск возможных ошибок в результате принимаемых управленческих решений. Заинтересованные

лица не должны принимать участие в исправлении допущенных неточностей.

Представленная позиция отражена в Постановлении от 06.12.2011 по делу «Гладышева против России»¹, в том числе в Постановлении от 05.01.2000 по делу «Бейелер (Beyeler) против Италии»².

Наличие конфликтующих интересов может оказывать воздействие на государственные органы при принятии решений о приватизации, нарушающие правовые требования. В подобной ситуации, по мнению Европейского суда, существует отрицательное воздействие на баланс государственных интересов и интересов частного сектора при распределении ответственности за допущенные ошибки.

Основаниями для подачи исков Прокуратурой РФ по таким делам являются ст. 301 и ст. 302 ГК РФ. Эти нормы регулируют истребование имущества из чужого незаконного владения. Однако, здесь стоит отметить, что сама процедура приватизации в конце XX – начале XXI века характеризовалась постоянным внесением изменений. А так как сам процесс занимал какое-то количество времени, к его окончанию требования для набора согласований, документов могли быть уже абсолютными другими.

Обратить внимание на особенности дел об изъятии у граждан при обращении органов прокуратуры в суд имущества с учетом требований антикоррупционного законодательства, включая дела о приватизации имущества, оформленного в конце 90-х годов. При рассмотрении дел в судах важно разграничивать гражданско-правовые и уголовно-правовые отношения. Также необходимо выделять основания предъявления требований об изъятии спорного имущества с учетом несоблюдения законодательных норм антикоррупционного содержания и требований о приватизации. Отнесение действий должностных и других лиц к незаконным и применение мер наказания, включая конфискацию, относится к уголовному праву. В свою очередь, нормы статьи 243 ГК РФ о конфискации имеют отсылочный характер.

Нормы статьи 301 ГК РФ предусматривают право собственника обратиться с требованием о возврате имущества из незаконного владения другого лица.

В свою очередь, прокуратура при истребовании имущества из владения лица, которое является незаконным, должна представить доказательства о том, что смена собственника не состоялась. Новый собственник не обладал правовыми основаниями для приобретения данного вида имущества.

Также настораживает в рассматриваемой процедуре тот факт, что с момента приватизации ак-

тивов, в отношении которых сейчас идут разбирательства по предъявленным Прокуратурой РФ исками, прошел не один десяток лет и, в любом случае, состав имущества и активов изменились. Однако судебная практика на данный момент складывается таким образом, что неравнозначность показателей активов на момент приватизации и на момент рассмотрения дела, не имеет значения [10].

Деприватизация осуществляется в случае нарушения действующих норм на момент приватизации имущества. В качестве основания для оспаривания договоров и дальнейшего истребования в пользу государства активов выступают случаи несоблюдения процедуры приобретения права собственности на имущество у государства.

Значительный объем судебных разбирательств связан с отдельными объектами, которые могут являться частью предприятий, приватизированных ранее. В то же время наблюдается увеличение объемов споров по истребованию крупных предприятий в пользу государства, помимо отдельных объектов, имеющих к ним отношение.

Законодательными сложностями выступает соблюдение баланса государственных интересов, в том числе интересов частных лиц и общества, которые обладают правом собственности на имущество, приватизированное в более ранний период. К примеру, государство имеет свой интерес в возврате активов, приватизированных при несоблюдении действующих норм. Также государство не допускает случаи выбытия имущества на незаконных основаниях. Социальное и стратегическое назначение имущества, которое было приватизировано, относится к повышенному государственному интересу.

Частные интересы связаны с приватизацией активов, в том числе приобретенных на безвозмездной основе.

Исковая давность, как гражданский институт защиты прав, был создан для предотвращения возможных нарушений путем ограничения сроков обращения в суд.

В своем труде М.Т. Белова трактует необходимость сроков исковой давности для того, чтобы предотвратить «оживание» исков, доказательственная база которых уже не представляется эффективной для вынесения решения в силу утери доказательств, а также отсутствия свидетелей [3].

Особенностью судебных дел по деприватизации имущества является обращение к правовому регулированию приватизации, созданному в конце XX века. В то же время на данном этапе регулярно происходили законодательные изменения. Подобное усложняло возможность соблюдения всех требований при приватизации имущества.

Приватизация на практике осуществлялась длительный период. На момент ее завершения действующие законодательные нормы могли изменяться, в том числе касательно процедуры оформления документов. Помимо этого, имущество, приватизированное у государства, могло ме-

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 декабря 2011 г. Дело «Гладышева против России» [Gladysheva v. Russia] (жалоба № 7097/10) (I Секция).

² Постановление ЕСПЧ от 05.01.2000 «Дело «Бейелер (Beyeler) против Италии» (жалоба № 33202/96) [рус., англ.] // СПС Консультант Плюс (Дата обращения 18.09.2024).

нять своих собственников. При обращении в суд прокуратура должна обосновать отсутствие воли публично-правового образования на момент выбытия имущества, с учетом требований ст. 302 ГК РФ о добросовестности приобретателя.

В более ранний период Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации придерживался мнения о том, что государственные органы власти, выступая в качестве истцов, несут обязанности по осуществлению контроля за сохранностью и использованием имущества, находящегося в собственности РФ.

На протяжении срока исковой давности имеется возможность получения информации о регистрации прав собственности на объекты спора с целью реализации обязанностей надлежащим образом.

В качестве примера можно привести Постановление Президиума ВАС РФ от 14.12.2010¹ и Постановление Президиума ВАС РФ от 27.01.2009². Также стоит обратить внимание на Постановление Президиума ВАС РФ от 11.10.2011³. В отмеченных постановлениях рассматриваются вопросы течения процессуальных сроков.

На сегодняшний день в судах при рассмотрении споров о деприватизации имущества создается иная позиция. Подчеркивается, что срок исковой давности необходимо исчислять другим способом. Принимаются во внимание результаты проведения надзорных мероприятий, которые завершились обращением с иском в суд. Государственные органы при этом обладают информацией о несоблюдении прав.

Процесс приватизации является приобретением права собственности на имущество с учетом законных оснований. В связи с этим сделки о приватизации, которые нарушают законодательные нормы, устанавливаются только на основании судебного решения о несоблюдении законодательных требований, регулирующих процесс приватизации. Требования о сроках в данной ситуации имеют отношение к публичному праву.

С позиции Конституционного Суда РФ допускается предъявление виндикационного иска с требованием о возврате приватизированного имущества его владельцу⁴. Также в качестве примера можно привести Постановления ВАС РФ и ВС РФ, посвященные делам о вещных правах⁵.

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 14.12.2010 № 10853/10 по делу А12–17312/2009 // СПС Консультант Плюс (Дата обращения 18.09.2024).

² Постановление Президиума ВАС РФ от 27.01.2009 № 10527/08 по делу А56–28328/00 // СПС Консультант Плюс (Дата обращения 18.09.2024).

³ Постановление Президиума ВАС РФ от 11.10.2011 № 7337/11 по делу А10–1434/2009 // СПС Консультант Плюс (Дата обращения 18.09.2024).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2017 № 6-П // «Собрание законодательства РФ», 20.03.2017, № 12, ст. 1780.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // «Российская газета», № 109, 21.05.2010.

В случае нахождения имущества у своего первоначального собственника возврат осуществляется не на основании виндикационного иска, а при соблюдении порядка реституции. Основанием является признание недействительной сделки по приватизации с учетом п. 2 ст. 167 ГК РФ. При этом применяются требования ст. 181 ГК РФ о сроках исковой давности.

В качестве предмета доказывания по виндикационным искам выступает право собственности на соответствующее имущество. Необходимые доказательства должен предъявить истец (п.п. 36,37 Постановлений Пленумов № 10/22). При этом ответчик представляет доказательства о своей добросовестности и возмездности приобретения имущества.

К добросовестности в данном случае относится отсутствие информации и необходимости её наличия об отсутствии права на отчуждение имущества у отчуждателя.

С учетом п. 1 ст. 302 ГК РФ добросовестность имеет отношение к субъективному содержанию, к так называемому извинительному незнанию о фактах, обладающих юридическим значением.

Приведем примеры из многочисленных судебных дел по отношению к крупным предприятиям.

Среди них: 1) дело о деприватизации «Северной верфи»⁶; 2) дело «Метафракс Кемикалс»⁷; 3) дело о деприватизации железной дороги, собственником которой являлся «Норильский никель»⁸.

Рассмотрим более подробно судебное разбирательство в Арбитражном суде Красноярского края с участием «Норильского никеля».

По решению суда 11 объектов данной железной дороги перешли государству. Какой-либо компенсации подобный переход имущества не предусматривает. С исковым заявлением в суд обратилась транспортная прокуратура Западно-Сибирского округа.

Так, железная дорога перешла «Норникелю» на этапе приватизации. Право собственности возникло на основании договора купли-продажи, оформленного ещё в 2001 году. Ответчик не согласен с судебным решением. Железная дорога в 1994 году в составе общего хозяйственного имущественного комплекса была приватизирована «Норильским никелем». Назначение дороги являлось технологическим, что подтверждается документами. Помимо этого, обращение в суд с исковыми требованиями нарушает срок исковой давности, который истек.

⁶ Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области (АС Санкт-Петербурга и Ленинградской области) от 18 декабря 2023 г. по делу № А56–102386/2023. [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5dG8gJbd6fY8/> (дата обращения: 22.09.2024).

⁷ Решение Арбитражного суда Пермского края (АС Пермского края) от 12 сентября 2023 г. по делу № А50–18611/2023 [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/r5Y1GOknwS14/> (дата обращения: 22.09.2024).

⁸ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда (3 ААС) от 22 августа 2022 г. по делу № А33–17177/2021 [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/DJRZKxb060UP/> (дата обращения: 22.09.2024).

Определение суда уточняет, что законодательные нормы запрещали приватизацию железных дорог на тот момент. Также в перечне имущества, подлежащего приватизации, отсутствует данная железная дорога. В свою очередь, срок исковой давности необходимо исчислять с периода, когда государственные органы получили информацию о допущенных правовых нарушениях.

Наличие информации об имуществе в Едином государственном реестре не подтверждает, что Росимущество обладало информацией о допущенных нарушениях правовых требований. К данному моменту относятся результаты проверки прокурором, представленные в Росимущество летом 2021 года.

Еще одним примером может являться дело с участием «Соликамского магниевого завода»¹.

На основании судебного решения иски требования при обращении прокурора о необходимости истребования в пользу государства акций завода были удовлетворены. Возможность приватизации на том этапе была допустима исключительно при наличии решения со стороны Правительства РФ, с учетом переработки редкоземельных элементов и радиоактивных составляющих на предприятии. Реализованные действия по приватизации были осуществлены с нарушением законодательных норм. Решение было принято лицами, не обладавшими необходимыми полномочиями.

В свою очередь, ответчики подчеркнули истечение срока исковой давности по данному делу. Также было выражено несогласие с тем, что государство получило информацию о несоблюдении прав исключительно по результатам проверок, проходящих в 2021 году. Непосредственно приватизация была оформлена более 20 лет назад.

Схожие нарушения правовых норм позволили удовлетворить иски требования прокуратуры по отношению к ОАО «Кучуксульфат»².

Обыкновенные акции предприятия были истребованы в пользу государства. При этом важным обстоятельством дела выступало то, что в результате осуществления действий, нарушающих законодательные нормы в процессе приватизации данного предприятия, среди его участников выступала компания из Кипра и физические лица, постоянно проживающие на территории зарубежных государств [8, с. 325].

С помощью реализованных действий государственные активы были выведены на территорию офшора.

Ответчики обладали информацией о допущенных нарушениях правовых норм. Данные лица не относились к добросовестным. Заявление в суде о нарушении срока исковой давности в данном

случае оценивалось в качестве недобросовестных действий, направленных на достижение целей, не отвечающих законодательным нормам. Ответчики стремились сохранить незаконное право собственности на ценные бумаги, принадлежащие РФ. Также их задачей являлось воспрепятствование рассмотрению дела в суде по защите государственных прав.

Принимая во внимание позицию Пленума ВС РФ и требования п. 2 ст. 10 ГК РФ, если один из участников дела является недобросовестным, суд может не удовлетворить защиту прав данного лица частично либо в полном объеме. Также по отношению к нему могут применяться и другие меры для защиты прав и интересов 3-х лиц, в том числе участника дела, который является добросовестным.

В качестве подобных мер выступает судебный отказ в применении правил о соблюдении сроков исковой давности при наличии доказательств недобросовестности в действиях ответчика.

Соблюдение срока исковой давности относится к способу, с помощью которого права на акции получают официальный статус в случае, когда они приобретались при нарушении законодательных норм, в том числе без волеизъявления собственника и наличия законных оснований. Подобное противоречит нормам ст. 10 ГК РФ.

Отметим судебное разбирательство дела с ответчиком «Башкирской нефтехимической компании»³. Основанием исковых требований выступало несоблюдение прав собственника, имеющее длительный период. Так, истребуемое имущество вносилось в уставной капитал предприятия, передавалось и отчуждалось по договору купли-продажи.

Суды, не принимая доводы о нарушении срока исковой давности, подчёркивают, что подобное применение норм не соответствует положениям ст. 10 ГК РФ.

По мнению суда, срок исковой давности начинается с момента проведения проверочных мероприятий и установления факта допущенного нарушения на этапе приватизации.

В свою очередь, государство приобретает право требования к каждому следующему собственнику имущества предприятия.

На сегодняшний день в судах создается практика применения п. 2 ст. 196 ГК РФ, предусматривающего применение срока исковой давности, относящейся к объективному. Данные нормы детализируются пунктом 27 Постановления от 29.09.2015 № 43 Пленума ВС РФ⁴ и пунктом 9 статьи 3 ФЗ РФ № 100-ФЗ⁵.

³ Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан (АС Республики Башкортостан) от 24 сентября 2018 г. по делу № А07-16079/2018 [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/8tEOIBX6Codb/> (дата обращения: 22.09.2024).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности» // «Российская газета», № 223, 05.10.2015.

⁵ Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раз-

¹ Решение Арбитражного суда Пермского края (АС Пермского края) от 11 мая 2022 г. по делу № А50-24570/2021 [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/8NihEhAtZPU5/> (дата обращения: 22.09.2024).

² Решение Арбитражного суда Алтайского края (АС Алтайского края) от 17 марта 2022 г. по делу № А03-15486/2021 [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/8NihEhAtZPU5/> (дата обращения: 22.09.2024).

В то же время на основании анализа судебных решений можно прийти к выводу о том, что суды отказывают в применении требований объективного срока давности при рассмотрении споров о деприватизации имущества.

При рассмотрении исковых требований Арбитражный суд по делу А56–102386/2023¹ не принял во внимания обращение ответчика о необходимости соблюдения сроков, регламентированных пунктом 2 статьи 196 и пунктом 1 статьи 181 ГК РФ, с учетом п.п. 1, 2 ст. 10 ГК РФ. По мнению суда, принятие во внимание данных законодательных норм сформирует угрозу причинения вреда. Предъявленные исковые требования прокуратуры являются правомерными и имеют свое обоснование.

По мнению И.Л. Трунова, подобная позиция судов противоречит обстоятельству дела и нормам материального права [10]. Отсутствует возможность отнесения к обоснованным доводы об исчислении срока исковой давности, начиная с момента получения информации о допущенных нарушениях.

Соблюдение подобных требований возможно не при обращении в суд прокурора, а при обращении непосредственно лица, чьи интересы были нарушены.

Представленная позиция отвечает мнению Верховного суда, изложенного в Постановлении 2015 года².

Суды исходят из того, что применение исковой давности будет являться способом легализации прав на акции лиц, которые приобрели их незаконно³.

Уклоняясь от применения норм об исковой давности суды утверждают, что срок начал течь с момента проверки, в ходе которой были установлены нарушения процесса приватизации. Однако, в таком случае, смысл применения сроков исковой давности теряется, ведь они и созданы для того, чтобы принимать во внимание то, что с ходом времени утрачиваются доказательства, обеспечивается стабильность оборота [5, с. 77]. Таким образом, на сегодняшний день можно сказать, что сделка, совершенная с государством, с течением времени может стать незаконной, сам этот факт обнаруживается его же органами, а способы защиты прав предпринимателей игнорируются. Все это может подрывать доверие предпринимателей по отношению к государству.

дела I части первой и статью 1153 части третьей ГК РФ» // «Собрание законодательства РФ», 13.05.2013, № 19, ст. 2327.

¹ Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области (АС Санкт-Петербурга и Ленинградской области) Решение от 18 декабря 2023 г. по делу № А56–102386/2023-2021 // <https://sudact.ru> (Дата обращения 18.09.2024).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности» // «Российская газета», № 223, 05.10.2015.

³ «Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 8 (2021)» (подготовлен Верховным Судом РФ) // СПС Консультант Плюс (Дата обращения 18.09.2024).

Действующая редакция статьи 301 ГК РФ может быть дополнена условием о том, что иски, связанные с истребованием государственного имущества из владения иных лиц, которые не имеют законных оснований, могут предъявляться не позднее 20 лет с момента начала владения данным имуществом.

В то же время подобная редакция правовых норм вызывает определённые сомнения. По общему правилу, законодательные требования не имеют обратной силы. Вновь утверждаемые сроки не должны применяться к правовым отношениям, возникшим в конце 20 века. От исковых требований со стороны государства должны защищать требования об ограничении обратной силы применяемых законодательных норм, связанных с исковой давностью.

Обратим внимание, что в начале 20 века сроки исковой давности на основании законодательных норм сокращались с целью прекращения споров о результатах проведенной приватизации. Если ранее действовал срок исковой давности, равный 10 годам по отношению к недействительным сделкам, то он был сокращён до трёх лет. Подобная норма установлена ФЗ РФ от 21.07.2005 № 109-ФЗ⁴.

В работах С.Е. Нарышкина и В.В. Витрянского отмечалось, что внесение поправок в требования о сроках исковой давности по отношению к оспариванию договоров, направлено на прекращение возможной деприватизации имущества.

На сегодняшний день отсутствует необходимость увеличения действующих сроков исковой давности для решения вопроса деприватизации. В то же время важно учитывать значимость действующих сроков и формировать общую судебную практику по соблюдению правовых требований, в том числе разъяснений Верховного суда по рассматриваемому вопросу.

Подытоживая вышесказанное, стоит сделать следующие выводы.

Существующая практика судебных разбирательств подтверждает, что позиция суда изменилась. Суд исходит из того, что нарушение права известно истцу только при проведении проверочных мероприятий по соблюдению требований, связанных с приватизацией имущества. При этом не имеет значения дата проведения проверки. Суды могут отметить, что позиция ответчика по соблюдению сроков исковой давности является злоупотреблением с его стороны.

В то же время сегодня отсутствует практика судебных разбирательств по значимым моментам соблюдения сроков исковой давности. Отсутствует практика по делам о нарушении объективного срока исковой давности. Конституционный суд РФ должен оценить сложившуюся судебную практику, связанную с деприватизацией имущества. Также требуется внесение новых законодательных условий.

⁴ Федеральный закон от 21.07.2005 № 109-ФЗ «О внесении изменения в статью 181 части первой ГК РФ» // «Собрание законодательства РФ», 25.07.2005, № 30 (ч. II), ст. 3120.

Действительно, государство всегда заинтересовано в возврате того имущества, которые было передано с нарушениями в силу того, что эти объекты могут иметь стратегическую значимость для экономики.

Предприниматели заинтересованы в предоставлении им гарантии защиты собственных прав. Население же заинтересовано и в развитии бизнеса, и в обеспечении государственной безопасности, и в нормальном функционировании гражданского оборота. Отсюда возникает необходимость совершенствования законодательства и приведения судебной практики к единообразию [12].

Установление следующих границ обоснованности и законности применения деприватизации является путем решения возникших проблем в этой сфере:

1. Определить круг нарушений, при которых будет возможен процесс деприватизации.
2. Установить тот объем имущества, который может быть истребован из частной собственности.
3. Закрепить размер компенсации, которая полагается предпринимателю за вложения в развитие предприятия.
4. Установить общий порядок исчисления сроков исковой давности для таких категорий дел
5. Привести судебную практику к единому подходу.

Литература

1. Гражданское право в вопросах и ответах / С.С. Алексеев, Б.М. Гонгалов, Д.В. Мурзин [и др.]. – М., 2019. – 352 с.
2. Белов В.А. Вещные гражданско-правовые формы. М., 2023. 307 с.
3. Белова М.Т. «Давняя» Степь, или Три урока из дела о привлечении к субсидиарной ответственности банка HSBC // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5. С. 4–17.
4. Богдан, В.В. Право общественного интереса и концепция деления права на частное и публичное: постановка проблемы // Право и политика. – 2017. – № 7. – С. 110–117.
5. Булаевский, Б.А. Гражданское право: Сроки. Исковая давность. – М., 2019. – 80 с.
6. Магарамова К.Ш. Национализация банковской системы РФ // Economics. Law. State. 2019. № 1 (3). – С. 598–609.
7. Новикова С.В. Понятие и способы приватизации государственного и муниципального имущества // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 100. С. 1680–1697.
8. Сенотрусова Е.М. Отказ в применении исковой давности как санкция за злоупотребление правом на примере споров о возврате в государственную собственность порочно приватизированного имущества // сборник статей по материалам II Всероссийской научно-практической

конференции (12 апреля 2024 г., г. Владивосток), 2024. – С. 325–328.

9. Теоретические и практические основы трансформации форм собственности (на примере Российской Федерации и зарубежных стран) / О.А. Баулина, В.В. Ключин, А.О. Догадов // Вестник Евразийской науки. 2019. № 5. – С. 7.
10. Трунов И.Л. Противодействие коррупции, деприватизация, национализация. Как работает закон о противодействии коррупции. Механизмы реализации и инструменты защиты // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 1. – С. 119–127.
11. Шекунов Е.А. Объективный срок исковой давности в гражданском судопроизводстве: современные проблемы применения // Вестник магистратуры. – 2023. – № 3–1 (138). – С. 49–51.
12. Юсупов Э.Ф. Институт добросовестного приобретателя в спорах об истребовании акций, приобретенных на организованных торгах // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 11(198). – С. 248–251.

STATUTE OF LIMITATIONS IN CASES OF PRIVATIZATION TRANSACTIONS WITH SHARES: THEORY, PROBLEMS AND WAYS TO RESOLVE THEM

Yusupov E.F.

Moscow State Law University named O.E. Kutafina, Limited Liability Company "Intercession"

Deprivatization is the process of reclaiming assets from owners in favor of the state when violations are detected that take place during the privatization process. Basically, in judicial practice there are cases on the deprivatization of individual elements of enterprises that were once privatized. However, today, the seizure of entire enterprises in favor of the state that were privatized back in the 90s – 00s is gaining momentum, despite the fact that the limitation period, as a general rule, is 3 years, and in exceptional cases – 10 years. Now the media are increasingly discussing cases of deprivatization of enterprises, their assets under claims of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, but this issue lacks theoretical analysis. The relevance of the issue under consideration is associated with the significant prevalence of property that was privatized in the early period. At the same time, this type of property can become the subject of legal proceedings when the prosecutor's office applies, if non-compliance with legislative norms is revealed. Without any compensation, this type of property can be reclaimed in favor of the state. In this regard, research into this topic is relevant.

Keywords: privatization, deprivatization, share, alienation, statute of limitations.

References

1. Civil Law in Questions and Answers / S.S. Alekseev, B.M. Gongalo, D.V. Murzin [et al.]. – M., 2019. – 352 p.
2. Belov V.A. Real civil law forms. M., 2023. 307 p.
3. Belova M. T. "Long-standing" Steppe, or Three Lessons from the Case of Bringing HSBC Bank to Subsidiary Liability // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. No. 5. P. 4–17.
4. Bogdan, V.V. Public interest law and the concept of dividing law into private and public: problem statement // Law and Politics. – 2017. – No. 7. – P. 110–117.
5. Bulaevsky, B.A. Civil law: Terms. Statute of limitations. – M., 2019. – 80 p.
6. Magaramova K. Sh. Nationalization of the banking system of the Russian Federation // Economics. Law. State. 2019. No. 1 (3). – P. 598–609.

7. Novikova S.V. Concept and methods of privatization of state and municipal property // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2016. No. 100. P. 1680–1697.
8. Senotrusova E.M. Refusal to apply the statute of limitations as a sanction for abuse of rights using the example of disputes over the return of defectively privatized property to state ownership // collection of articles based on the materials of the II All-Russian scientific and practical conference (April 12, 2024, Vladivostok), 2024. – Pp. 325–328.
9. Theoretical and practical foundations for the transformation of forms of ownership (using the example of the Russian Federation and foreign countries) / O.A. Baulina, V.V. Klyushin, A.O. Dogadov // Bulletin of Eurasian Science. 2019. No. 5. – P. 7.
10. Trunov I.L. Anti-corruption, de-privatization, nationalization. How the anti-corruption law works. Implementation mechanisms and protection tools // Civil service and personnel. – 2024. – No. 1. – P. 119–127.
11. Shekunov E.A. Objective limitation period in civil proceedings: modern problems of application // Bulletin of the Magistracy. – 2023. – No. 3–1 (138). – P. 49–51.
12. Yusupov E.F. Institute of a bona fide purchaser in disputes over the recovery of shares acquired at organized auctions // Eurasian Law Journal. – 2024. – No. 11 (198). – P. 248–251.

Цымбал Анастасия Сергеевна,
ведущий юристконсульт, ПАО «Аэрофлот»
E-mail: tsymbal.anastasia@mail.ru

Статья посвящена исследованию правовой природы интернет-мемов в контексте авторского права. Автор рассматривает интернет-мем как феномен цифровой культуры. Особое внимание уделяется анализу условий правомерного использования мемов без согласия правообладателя в рамках сравнительного анализа англо-американской и романо-германской (в том числе российской) правовых систем.

Рассматривается доктрина добросовестного использования (fair use), закреплённая в § 107 Закона об авторском праве США, с детальным анализом её критериев и практического применения в судебных кейсах. В противоположность ей исследуется строго формализованный подход российского авторского права, основанный установлении закрытого перечня способов свободного использования.

Подчёркивается, что мемы, как феномен массовой переработки произведений, создают вызов для традиционной системы охраны авторских прав, требуя поиска новых подходов в установлении баланса между интересами правообладателей и свободой выражения в цифровую эпоху. Статья направлена на формирование теоретических и практических основ правовой квалификации мемов и возможных подходов к их регулированию.

Ключевые слова: интернет-мем, авторское право, исключительное право, добросовестное использование, fair use, переработка, пародия.

Исключительное право предоставляет автору или иному правообладателю монопольное право, позволяющее использовать произведения науки, литературы, искусства в форме и способами, не противоречащими законодательству. В его составе выделяются несколько самостоятельных правомочий, содержание которых определено способами использования произведения [1].

Законодательство, регулирующее авторско-правовые отношения, хотя и немного различаются в каждой стране, но имеют общую цель: позволить авторам пользоваться результатами своей творческой работы и, следовательно, предотвратить не санкционированное использование, включая копирование, публикацию и адаптацию оригинального произведения.

На сегодняшний день существуют 2 фундаментальные концепции авторского права, которые, безусловно, соотносятся с большими правовыми семьями [2]:

1. **Англо-американская («copyright»)** – характеризуется гибкой оценочной доктриной fair use и отсутствием исчерпывающего перечня случаев свободного использования.
2. **Романо-германская** – основывается на жёстко установленном, закрытом перечне способов свободного использования, в которых допускается воспроизведение и иное использование произведений без согласия автора [3].

Российский законодатель предусмотрел строго ограниченный перечень способов свободного использования произведений, позволяющих воспроизводить, распространять и иным способом использовать объекты авторского права без разрешения правообладателя.

Такой подход представляет собой форму ограничения исключительных прав, вводя исчерпывающий (закрытый) перечень (**Принцип: «что не разрешено – запрещено.»**). В противоположность этому, англо-американское право, опирающееся на так называемую «рыночную» модель, делает акцент на приоритете свободы выражения мнений. В рамках этой модели возможно правомерное использование объектов авторского права без лицензирования при соблюдении определённых условий. Основу этого подхода составляет доктрина добросовестного использования (fair use) (**Принцип: «что не мешает оригиналу и служит общественным интересам – может быть позволено.»**).

Правовая регламентация доктрины добросовестного использования в США представлена в разделе 107 Закона об авторском праве США (U.S. Copyright Act, § 107), который не устанавли-

ваает закрытого перечня разрешённых действий, но содержит примерный список целей, при которых возможно использование результата интеллектуальной деятельности без согласия правообладателя, включая: критику, комментирование, новостные репортажи, обучение, исследовательскую деятельность [4].

Ключевым элементом англо-американского подхода выступает оценочная модель, согласно которой правомерность использования результатов интеллектуальной деятельности определяется на основе анализа совокупности четырёх критериев:

1. **Цели** применения защищённого авторским правом произведения, включая отличие между коммерческим и некоммерческим использованием. Судебные органы анализируют, каким образом произведение используется лицом, утверждающим добросовестное использование. Однако, следует отметить, что некоммерческое использование по умолчанию не являются добросовестными, так же, как и не всякое коммерческое использование считается автоматически недобросовестным; суды уравнивают цели и характер использования в контексте других нижеследующих критериев. Следует отметить, что случаи, когда использование охраняемого произведения приводит к формированию нового содержания, цели или художественного замысла, не подменяя при этом исходное коммерческое или функциональное назначение оригинала, с большей степенью вероятности могут быть квалифицированы как соответствующие критериям добросовестного использования [5].

2. Второй критерий – оценка **характера произведения, которое используется без согласия правообладателя**, что напрямую соотносится с основной задачей авторского права – поощрять творческую активность и способствовать созданию новых объектов интеллектуальной собственности. При анализе суды руководствуются тем, что материалы, отличающиеся высокой степенью художественного замысла и индивидуального вклада (например, художественные тексты, музыкальные сочинения, аудиовизуальные произведения), с куда меньшей вероятностью признаются добросовестным использованием, чем произведения преимущественно информативного или фактологического характера (новостные сообщения, аналитические обзоры, техническая документация). Кроме того, особую роль играет статус публикации: обращение к неопубликованным произведениям в практической плоскости оценивается крайне осторожно, что значительно снижает шансы на квалификацию такого использования как правомерного [5].

Это отражено в деле *Salinger v. Random House, Inc.*, 811 F.2d 90 (2d Cir. 1987), где использование фрагментов личных писем писателя Джерома Сэлинджера в биографической работе было признано нарушением авторских прав, несмотря на образовательный характер публикации. Суд указал, что неопубликованный статус произведения су-

щественно ограничивает возможность применения доктрины *fair use*, поскольку нарушается изначальное право автора на публичное обнародование (*right of first publication*).

3. Третий критерий, применяемый при оценке добросовестного использования, связан с **объёмом и значимостью** заимствованной части по отношению ко всему произведению, охраняемому авторским правом. При рассмотрении данного аспекта суды анализируют не только количественную сторону использования (например, количество страниц, секунд, слов и т.п.), но и качественную значимость извлечённого фрагмента с точки зрения его идейного, художественного или функционального содержания. Если в результате заимствования воспроизводится существенная или «центральная» часть произведения, играющая ключевую роль в его восприятии и художественной целостности, это, как правило, снижает вероятность признания использования добросовестным [5]. Напротив, использование небольшого, несущественного фрагмента произведения, не затрагивающего его основную ценность или идею, может рассматриваться как допустимое в рамках доктрины *fair use*, особенно если оно имеет трансформативный характер и не подменяет оригинал.

4. Четвёртый критерий, применяемый при оценке добросовестного использования, фокусируется на **влиянии спорного использования на потенциальный рынок и экономическую ценность** оригинального произведения, охраняемого авторским правом.

В рамках данного анализа судебные инстанции исследуют, в какой степени несанкционированное воспроизведение или использование произведения может причинить экономический ущерб – как в текущем рыночном контексте, так и с учётом будущего коммерческого потенциала произведения. Основное внимание уделяется тому, является ли спорное использование функциональной заменой оригинала, то есть подрывает ли оно спрос на произведение со стороны целевой аудитории. При этом учитываются не только фактические убытки, уже наступившие вследствие использования (например, снижение продаж лицензионной версии), но и возможность значительного ущерба в случае тиражирования подобного поведения в масштабах рынка. Таким образом, если спорное использование воспроизводит произведение в такой форме, которая может конкурировать с оригиналом или препятствовать его монетизации, суды, как правило, склонны признавать отсутствие добросовестности. Напротив, если доказано, что использование носит трансформативный характер и не подменяет функционально оригинальное произведение, вероятность квалификации как *fair use* возрастает.

Дополнительно к изложенным критериям, суд может принимать во внимание и иные факторы при оценке добросовестности использования, в зависимости от конкретных обстоятельств дела [6]. При рассмотрении исковых заявлений на добросовестное использование каждый случай оценива-

ется индивидуально, и результат зависит от множества аспектов. Следовательно, отсутствует универсальная формула, которая бы предоставляла гарантию использования определенного процента или объема произведения, или конкретного количества слов, строк, страниц, копий без получения разрешения.

Данная модель предполагает эластичность при разрешении юридических споров и значительный уровень судебного усмотрения. В рамках этой доктрины судебные органы обладают компетенцией для идентификации новых обстоятельств, при которых допускается свободное использование произведений, без внесения изменений в действующее регулирование. Однако, несмотря на наличие таких широких полномочий, практика показывает, что американские суды в последнее время не проявляют активность в их использовании, более того, можно отметить, что на уровне судебной практики был сформулирован строгий перечень [7], а также определены точные условия и критерии, которые регулируют возможность применения случаев свободного использования произведений.

В странах континентальной (романо-германской) правовой традиции, в число которых входит и Российская Федерация, закреплён точно определенный перечень обстоятельств, позволяющих использовать произведения без согласия автора и соответственно без обязательств по выплате вознаграждения [8]. Этот подход отличается юридической определенностью и низкой степенью адаптивности по сравнению с англо-американской системой.

Нормативное регулирование института свободного использования произведений в российском праве сформировано с учётом положений Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (Российская Федерация является страной участницей Бернской конвенции).

В соответствии с принципами, закреплёнными в статье 9 (2) Конвенции, допускается ограниченное воспроизведение охраняемых произведений без согласия правообладателя, но строго в исключительных случаях, при соблюдении двух ключевых условий: такое использование не должно вступать в противоречие с нормальным осуществлением авторского права, то есть не подрывать обычные формы коммерциализации произведения; оно не должно наносить необоснованного ущерба законным интересам автора или иного правообладателя.

Вместе с тем, закрытый перечень случаев свободного использования в полной мере не отвечает тем вызовам, которые несет под собой повсеместное распространение Интернета и социальных сетей.

Исследование вопросов, касающихся юридической защиты интернет-мемов в контексте авторского права, является заслуживающим внимания предметом для анализа. Термин «интернет-мемы», часто упоминаемый просто как «мемы», относит-

ся к широко распространенным информационным единицам, которые передаются между пользователями в социальных сетях, зачастую с юмористической целью. Данные единицы чаще всего представлены в виде изображений, анимированных GIF или видеороликов. Сегодня сложно просматривать социальные сети без столкновения с множеством мемов. Вследствие их вездесущности, мемы предоставляют возможности для монетизации как самих мемов, так и сопутствующего контента. Некоторые авторы мемов стремятся извлечь финансовую выгоду из своих популярных работ, создавая продукцию для продажи, включая футболки, книги и прочие тематические товары.

С увеличением популярности мемов возрастает и число вопросов, связанных с авторским правом. Во-первых, с ростом монетизации контента мемов, имеют ли создатели мемов авторские права на свои творения? Во-вторых, нарушают ли создатели мемов авторские права на уже существующий контент, включенный в мем? В настоящей статье автор предлагает поступательно ответить на насущные вопросы.

Мем может быть двух типов: **первый тип** – это когда человек, создающий мем (широко известный как «мемер»), использует изображения или видео из оригинального (исходного) контента для создания мема. Например, знаменитый персонаж Чендлер Бинг из популярного телешоу «Друзья» используется многими мемерами для изображения сарказма. В этом случае авторские права на картину «Чендлер Бинг» будут принадлежать продюсерам шоу [9].

При публикации мема в социальных сетях, который был создан на основе чужой работы, пользователь занимается как переработкой (зачастую путем добавления оригинального текста), так и распространением произведения.

В этом контексте, интернет-мемы могут классифицироваться либо как производные, либо как составные произведения. Производные произведения определяются как таковые, которые были разработаны на основе одного или более предшествующих произведений, тогда как составные произведения характеризуются включением других произведений или их фрагментов.

В большинстве случаев интернет-мемы можно классифицировать как производные творения, поскольку их создатели вносят модификации в защищенные авторским правом оригинальные материалы, обогащая их комментариями или юмористическими элементами, что приводит к созданию нового произведения. Мемы, сочетающие элементы нескольких исходных работ, например, слияние изображений из двух разных кинолент, могут быть характеризованы как составные.

В случае признания интернет-мемов производными или составными произведениями, они представляют собой работы, которые интегрируют в себя элементы других художественных материалов.

Согласно пункту 3 статьи 1260 ГК РФ переводчик, составитель либо иной автор производного

или составного произведения осуществляет свои авторские права при условии соблюдения прав авторов произведений, использованных для создания производного или составного произведения.

Второй тип – это когда мем создал мем с картинками и видео, авторские права на которые принадлежат ему самому. Подобный мем можно определить как произведение, созданное творческих трудом создателя, выраженное в объективной форме и соответственно являющееся объектом авторского права. Однако распространение или воспроизведение мемов такого типа без предварительного согласия правообладателя другими лицами будет считаться нарушением авторских прав.

Возникает вполне логичный вопрос, а возможно ли публикации интернет-мемов отнести к способам свободного использования произведений, например, пародийное использование?

Согласно четвертому пункту статьи 1274 Гражданского кодекса Российской Федерации, разработка произведений в формате литературной, музыкальной или другой пародии, а также создание карикатур, вдохновленных другими (первоначальными) трудами, и их последующая эксплуатация допустимы без получения разрешения от владельца авторских прав.

Этимологически термин «пародия» происходит от древнегреческих слов «para» (против) и «ode» (песня), что буквально означает «пение наоборот». В музыкальной теории это понятие изначально обозначало заимствование мелодии с последующей её оригинальной обработкой, а впоследствии термин был перенят поэтической традицией для определения жанра, в котором сохраняется форма исходного стихотворения, но содержание искажается, обычно в юмористическом ключе [10].

Следует принять во внимание определение, предложенное в словаре Российской академии наук, согласно которому пародия – это комическое или сатирическое имитирование чего-либо, гиперболически воспроизводящее характерные черты оригинала. Одним из самых ранних известных нам примеров пародии является «Батрахомиамахия» («Война лягушек и мышей»), написанная неизвестным древнегреческим автором, которая является насмешкой над возвышенным эпическим стилем Гомерово «Илиады» [11].

Основная сложность в определении правового статуса пародии в российском законодательстве заключается в отсутствии в нём юридического определения данного понятия. В четвертом пункте статьи 1274 Гражданского кодекса лишь упоминается возможность создания пародий на базе других оригинальных работ, без согласия автора и без выплаты ему вознаграждения [12].

Использование произведения возможно только в четко определенных конкретных целях и должны быть обоснованы каким-то очевидным общественным интересом или другим исключительным обстоятельством [13].

Особая культурная ценность пародии состоит в том, что благодаря творческому вкладу автора на свет появляется совершенно новое произведение искусства. Автор пародии использует отдельные слова, фразы, части какого-либо правомерно обнародованного произведения в необычной обстановке, в специальной манере, применяет особые литературные приемы (например, гротеск сарказм и т.п.), добавляет видеоряд к музыке, подписи к изображению. Получается, что пародист благодаря этим различным творческим приемам изменяет главную мысль автора оригинального произведения и доносит до публики свою собственную мысль.

Согласно определению Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, пародия представляет собой самостоятельное произведение, в котором исходный материал подвергается значительной переработке путём внедрения нового смыслового наполнения, выразительных приёмов или авторских импульсов, – тогда как изменение лишь одной детали, персонажа или объекта оригинала не может быть квалифицировано как пародия [14]. Из этого следует, что сутью пародии является творческий характер переработки, а не формальное цитирование или косметическая правка чужого текста.

Небезынтересно отметить, что в решении Арбитражного суда Московской области от 9 ноября 2011 г. по делу № А40–125210/09–110–860 выделяются два обязательных признака пародии: во-первых, пародия неотъемлемо ассоциируется с юмористическим эффектом и должна быть легко узнаваемой, что предполагает невозможность её полной изоляции от первоисточника, и во-вторых, любая пародия является самостоятельным творением, возникшим в результате трансформации оригинального материала, при этом оригинальное произведение должно оставаться в фокусе нового творения, а не служить для него одним из второстепенных элементов [15].

Всегда ли мем является производным произведением? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, мем может существовать как самостоятельное творение, обретшее широкую известность, а иногда интернет-мемы возникают, когда пользователи добавляют субтекст к оригинальному произведению, не изменяя его первоначальной формы, но изменяя контент, не подлежащий защите. В этих обстоятельствах говорить о создании отдельного пародийного произведения не приходится, поскольку пользователи просто копируют и распространяют оригинальное произведение.

Однако, даже в тех случаях, когда мем представляет собой производное произведение и является новым объектом авторского права, его создание однозначно нельзя квалифицировать как пародию.

Переосмысление оригинального результата интеллектуальной деятельности в юмористическом ключе само по себе не соответствует определению пародии. Такие действия могут быть иден-

тифицированы как внесение изменений в произведение и, как следствие, влекут за собой нарушение исключительных прав автора. В контексте российской правовой системы, на данный момент, не существует исключений в авторском праве, которые бы разрешали создание и использование интернет-мемов, основанных на произведениях, защищенных авторским правом. Согласно действующему законодательству, публикация таких произведений пользователями в их личных аккаунтах является нарушением исключительных прав. Это утверждение также актуально для других юрисдикций континентальной Европы.

В контексте американской правовой системы, автор выдвигает гипотезу, что практика создания и распространения мемов может найти обоснование в доктрине добросовестного использования. Анализ обстоятельств в рамках теста добросовестного использования часто склоняется в пользу правообладателя. Однако, как утверждает Р. Петел, первый критерий данного теста – характер и намерение использования – может свидетельствовать в пользу законности такого использования [16].

Литература

1. Гринь Е.С. Правовая охрана авторских прав: учебное пособие для магистров. – М.: Проспект, 2016. – 160 с.
2. Дозорцев В.А. Исключительное право: сущность и развитие // Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (исключительные права). – М., 2000. – Вступ. ст. – С. 5–36.
3. Ворожевич А.С. Доктрина добросовестного использования в сфере авторского права // Хозяйство и право. – 2019. – № 10. – С. 41–61.
4. 17 U.S. Code § 107 – Limitations on exclusive rights: Fair use [Электронный ресурс]. – Дата обновления: 01.03.2024. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/107> (дата обращения: 19.04.2025).
5. Copyright, Fair Use, and the Internet [Электронный ресурс]. – Дата обновления: 01.03.2024. – Режим доступа: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=35239b95-3906-4e10-8fcf-8be9f79d8021> (дата обращения: 19.04.2025).
6. Cambridge University Press v. Becker, 863 F. Supp. 2d 1190 (N.D. Ga. 2012) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scholar.google.com/scholar_case?case=14632581034627122441 (дата обращения: 19.04.2025).
7. Fair Use Checklist [Электронный ресурс]. – Дата обновления: 01.03.2024. – Режим доступа: <https://copyright.columbia.edu/basics/fair-use/fair-use-checklist.html> (дата обращения: 19.04.2025).
8. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи, кодификации: сборник статей / Исслед. центр частного права. – М.: Статут, 2005. – 416 с. – ISBN 5-8354-0168-X.

9. Aunger R. Darwinizing Culture: The Status of Memetics as a Science. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – Режим доступа: <https://academic.oup.com/book/34698> (дата обращения: 19.04.2025).
10. Колосов В.А. Пародия в системе авторского права // Закон. – 2013. – № 9. – С. 121.
11. Батрахомиомахия (Война лягушек и мышей) / Пер. с древнегреч. В.В. Вересаева. – СПб.: Азбука, 2015. – 80 с.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 01.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
13. Ворожевич А. Пародия как случай свободного использования объекта авторского права // Авторское право и смежные права. – 2019. – № 10 (окт.).
14. Определение ВАС РФ от 09.09.2013 № ВАС-5861/13 по делу № А40–38278/2012–12–166 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Решение Арбитражного суда Московского округа от 09.11.2011 по делу № А40–125210/09–110–860 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://media-pravo.info/wp-content/uploads/2019/08/a40-125210-2009_20110120_resheniya-i-postanovleniya.pdf (дата обращения: 19.04.2025).
16. Петел Р. Мемы и добросовестное использование: американский взгляд на цифровое творчество // Columbia Journal of Law & the Arts. – 2021. – Vol. 44. – No. 3. – P. 211–237.

LEGAL NATURE OF INTERNET MEMES: SEARCHING FOR A BALANCE OF INTERESTS

Tsymbal A.S.

Public Joint Stock Company Aeroflot

The article is devoted to the study of the legal nature of internet memes within the framework of copyright law. The author considers the internet meme as a phenomenon of digital culture. Particular attention is paid to the analysis of the conditions under which memes may be lawfully used without the rightholder's consent, based on a comparative analysis of the Anglo-American and Romano-Germanic (including Russian) legal systems.

The article examines the doctrine of *fair use*, as codified in § 107 of the U.S. Copyright Act, providing a detailed analysis of its criteria and the practical application of this doctrine in case law. In contrast, the article explores the strictly formalized approach adopted by Russian copyright law, which is based on an exhaustive list of permissible uses without the author's consent.

The author emphasizes that memes, as a form of mass reworking of creative works, present a challenge to the traditional system of copyright protection. They call for the development of new approaches to balancing the interests of copyright holders with the right to freedom of expression in the digital age. The article aims to contribute to the theoretical and practical foundations of the legal qualification of memes and outlines possible regulatory approaches.

Keywords: internet meme, copyright law, exclusive right, fair use, lawful use without consent, transformation, parody.

References

1. Grin' E.S. Legal protection of copyright: a textbook for masters. – М.: Prospect, 2016. – 160 p.
2. Dozortsev V.A. Exclusive right: essence and development // Kalyatin V.O. Intellectual property (exclusive rights). – М., 2000. – Introductory article. – P. 5–36.

3. Vorozhevich A.S. The doctrine of fair use in the field of copyright // *Business and law*. – 2019. – No. 10. – P. 41–61.
4. 17 U.S. Code § 107 – Limitations on exclusive rights: Fair use [Electronic resource]. – Date of update: 01.03.2024. – Access mode: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/107> (date of access: 19.04.2025).
5. Copyright, Fair Use, and the Internet [Electronic resource]. – Updated date: 01.03.2024. – Access mode: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=35239b95-3906-4e10-8fcf-8be-9f79d8021> (date of access: 19.04.2025).
6. Cambridge University Press v. Becker, 863 F. Supp. 2d 1190 (N.D. Ga. 2012) // [Electronic resource]. – Access mode: https://scholar.google.com/scholar_case?case=14632581034627122441 (date of access: 19.04.2025).
7. Fair Use Checklist [Electronic resource]. – Date of update: 01.03.2024. – Access mode: <https://copyright.columbia.edu/basics/fair-use/fair-use-checklist.html> (date of access: 19.04.2025).
8. Dozortsev V.A. Intellectual rights: concept, system, tasks, codifications: collection of articles / Research center of private law. – M.: Statut, 2005. – 416 p. – ISBN 5-8354-0168-X.
9. Aunger R. Darwinizing Culture: The Status of Memetics as a Science. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – Access mode: <https://academic.oup.com/book/34698> (date of access: 19.04.2025).
10. Kolosov V.A. Parody in the copyright system // *Law*. – 2013. – No. 9. – P. 121.
11. *Batrachomyomachia* (War of the Frogs and Mice) / Trans. from ancient Greek. V.V. Veresaev. – St. Petersburg: Azbuka, 2015. – 80 p.
12. Civil Code of the Russian Federation (part four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 01.03.2024) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 52 (part I). Art. 5496.
13. Vorozhevich A. Parody as a case of free use of a copyright object // *Copyright and related rights*. – 2019. – No. 10 (October).
14. Definition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 09.09.2013 No. VAS-5861/13 in case No. A40-38278/2012-12-166 // SPS “ConsultantPlus”.
15. Decision of the Arbitration Court of the Moscow District dated 09.11.2011 in case No. A40-125210/09-110-860 [Electronic resource]. – Access mode: https://media-pravo.info/wp-content/uploads/2019/08/a40-125210-2009_20110120resheniya-i-postanovleniya.pdf (date of access: 19.04.2025).
16. Petel R. Memes and fair use: An American perspective on digital creativity // *Columbia Journal of Law & the Arts*. – 2021. – Vol. 44. – No. 3. – P. 211–237.

Проходимова Елена Михайловна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: prohodimova.e@igps.ru

Губанова Ольга Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

В статье рассматривается нормативно-правовая база экологической безопасности, которая обеспечивает защиту жизни и здоровья людей, сохранение природной среды и биологического разнообразия от негативных воздействий. Обязательное условие – достижение экологической безопасности – невозможно без прочных правовых основ, регулирующих отношения в сфере природопользования и охраны окружающей среды. В публикации мы обсудим актуальные проблемы правового регулирования экологической безопасности, определим вызовы времени, которые ставят перед правовой системой новые задачи и предложим пути решения существующих проблем. Экологическая безопасность является неотъемлемой частью устойчивого развития общества. Она обеспечивает защиту жизни и здоровья людей, сохранение природной среды и биологического разнообразия от негативных воздействий. Достижение экологической безопасности невозможно без прочных правовых основ, регулирующих отношения в сфере природопользования и охраны окружающей среды [1, 2].

Ключевые слова: экологическая безопасность, правовые основы, окружающая среда, законодательство в области охраны окружающей среды, правовое регулирование.

В настоящее время человечество сталкивается с серьёзными экологическими проблемами, которые требуют немедленного и комплексного решения. XXI век – это время глобальных экологических вызовов. Изменение климата, загрязнение окружающей среды, утрата биологического разнообразия – всё это угрожает устойчивому развитию и благополучию наших поколений. Одним из ключевых инструментов решения экологических проблем является правовое регулирование, которое должно обеспечивать защиту природной среды, гармоничное взаимодействие человека и природы и создавать условия для устойчивого развития. Несовершенство правовых норм, слабая система контроля и надзора, низкий уровень правовой культуры – все это препятствует достижению экологической безопасности. Экологическая безопасность играет важную роль в обеспечении устойчивого развития общества. Для достижения этой цели необходимо изучение и анализ правовых основ экологической безопасности. Исследование правовых основ экологической безопасности позволяет определить нормативные акты, законы и механизмы, которые обеспечивают сохранение природы, предотвращение экологических катастроф и уменьшение негативного воздействия человека на окружающую среду. Строгое соблюдение экологического законодательства, контроль за его исполнением, а также разработка новых нормативных актов способствуют сохранению природных ресурсов, улучшению качества окружающей среды и обеспечивают устойчивое развитие общества. Исследование правовых основ экологической безопасности также позволяет выявить проблемные моменты в законодательстве, предложить новые подходы и механизмы для решения экологических проблем и обеспечения устойчивого развития. Таким образом, изучение правовых основ экологической безопасности является важным инструментом для гарантирования устойчивого развития общества и сохранения природной среды для будущих поколений. [3, 4, 5].

Нормативно-правовая база: Конституция РФ (12 декабря 1993 года) – провозглашает право граждан на благоприятную окружающую среду и обязанность государства охранять природу (статья 42); Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (ФЗ от 10 января 2002 года N 7-ФЗ) – основной закон в области охраны окружающей среды, определяющий правовые основы экологической безопасности, принципы природопользования и ответственность за нарушение экологического законодательства; Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» (ФЗ от 24 июня 1998 года N 89-ФЗ (ред. От04.08.2023)) – регули-

рует сбор, переработку, утилизацию и захоронение отходов, предусматривает механизмы предотвращения загрязнения окружающей среды отходами; Лесной кодекс РФ (04 декабря 2006 года N 200-ФЗ) – регулирует использование лесов, предусматривает меры по сохранению лесного фонда, защите лесов от пожаров и других негативных воздействий; Водный кодекс РФ (03 июня 2006 г. N 74-ФЗ) – регулирует использование водных ресурсов, предусматривает меры по защите водных объектов от загрязнения, истощения и засорения; Земельный кодекс РФ (25 октября 2001 г. N 136-ФЗ) – регулирует отношения в сфере земельных отношений, предусматривает меры по охране земель, предотвращению деградации почв и использованию земель в соответствии с их назначением; Постановление Правительства РФ (от 23 июня 2016 года N 572) «Об утверждении Правил создания и ведения государственного реестра объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду» – настоящие правила определяют создание и ведение государственного реестра объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду; Постановление Правительства РФ «О федеральном экологическом надзоре» (08 мая 2014 года N426) – устанавливает порядок организации и осуществления федерального государственного экологического контроля (надзора), осуществляемого подразделениями ФСБ РФ на объектах, им подведомственных.

Традиционные подходы к правовому регулированию оказываются недостаточно гибкими и эффективными для решения многогранных экологических проблем. Основные принципы правового регулирования:

1. Превентивность: основное внимание уделяется предотвращению негативного воздействия на окружающую среду, а не устранению уже нанесённого ущерба; принцип превентивности предполагает введение ограничений и установление стандартов до начала деятельности – это помогает избежать серьёзных экологических последствий и сократить расходы на устранение уже возникших проблем.

2. Ответственность: каждый субъект (физическое или юридическое лицо) несёт ответственность за соблюдение экологических норм и за нанесённый окружающей среде ущерб; этот принцип основан на идее «загрязнитель платит», то есть виновник несёт материальную и иную ответственность.

3. Устойчивое развитие: экологическая безопасность рассматривается как часть устойчивого развития, то есть баланса между экономическим ростом, социальным развитием и сохранением окружающей среды; правовые нормы должны способствовать рациональному использованию природных ресурсов и сохранению экосистем для будущих поколений.

4. Публичный контроль: граждане имеют право и обязаны участвовать в решении экологических проблем и контролировать деятельность предприятий и органов власти в сфере охраны окружа-

ющей среды; это предусматривает доступ к экологической информации, право обращаться в органы власти, возможность участвовать в общественных экологических организациях.

5. Комплексность: экологическая безопасность – это комплексная проблема, которая требует комплексного подхода к правовому регулированию; правовые нормы должны учитывать взаимосвязь различных компонентов окружающей среды (воздух, вода, почва) и влияние различных видов деятельности на экологическую систему.

6. Принцип презумпции: любая деятельность, которая может негативно влиять на окружающую среду, рассматривается как потенциально опасная, пока не будет доказано обратное; этот принцип позволяет осуществлять превентивные меры и минимизировать риски для окружающей среды.

7. Международное сотрудничество: экологические проблемы часто носят трансграничный характер, поэтому необходима координация усилий на международном уровне; принципы международного правового регулирования экологической безопасности должны быть интегрированы в национальное законодательство.

8. Принцип справедливости: правовое регулирование должно быть справедливым по отношению ко всем субъектам – гражданам, предприятиям, органам власти; это означает, что не должно быть дискриминации при применении экологических норм и привлечении к ответственности за экологические нарушения.

9. Принцип эффективности: правовое регулирование должно быть эффективным для достижения целей экологической безопасности; нормы должны быть четкими, конкретными и практически применимыми; механизмы контроля и надзора должны быть эффективными и независимыми.

10. Принцип непрерывного совершенствования: правовое регулирование экологической безопасности должно быть динамичным и адаптироваться к новым вызовам и требованиям времени; необходимо постоянно совершенствовать экологическое законодательство, разрабатывать новые механизмы контроля и надзора, ужесточать ответственность за экологические нарушения.

Эффективное обеспечение экологической безопасности невозможно без комплексного подхода, включающего в себя различные механизмы:

1. Правовое регулирование: разработка и совершенствование экологического законодательства, установление строгих норм и стандартов в области охраны окружающей среды; внедрение механизмов ответственности за нарушение экологического законодательства, включая административные, гражданские и уголовные санкции.

2. Экологический контроль: создание эффективной системы государственного экологического контроля, включая мониторинг состояния окружающей среды, проверку соблюдения экологического законодательства и применение санкций к нарушителям; развитие общественного экологического контроля, предоставление гражданам доступа

к экологической информации, возможность участвовать в принятии решений в области экологии.

3. Экологическая экспертиза: проведение обязательной экологической экспертизы проектов и видов деятельности, которые могут оказать влияние на окружающую среду; оценка возможных экологических рисков, разработка мер по предотвращению и смягчению негативных последствий.

4. Экологическое лицензирование: введение системы лицензирования для видов деятельности, оказывающих значительное влияние на окружающую среду; лицензирование позволяет контролировать соблюдение экологических требований и исключить незаконную деятельность.

5. Экологическое образование и просвещение: повышение экологической грамотности населения, формирование ответственного отношения к природе; обучение экологическим знаниям и навыкам в образовательных учреждениях и проведение просветительских кампаний.

6. Экономические механизмы: введение экономических стимулов для предприятий, сокращающих выбросы и сбросы загрязняющих веществ и применяющих экологически чистые технологии; применение налогов и платежей за загрязнение окружающей среды, что мотивирует предприятия сокращать негативное воздействие на природу.

7. Международное сотрудничество: совместные программы по решению трансграничных экологических проблем, обмен опытом и технологиями; внедрение международных стандартов и норм в области экологии.

8. Инновационные технологии: разработка и внедрение экологически чистых технологий, очистных сооружений, систем мониторинга окружающей среды; использование возобновляемых источников энергии, создание «зеленых» технологий.

9. Устойчивое потребление: повышение осознанности населения в отношении влияния потребления на окружающую среду; пропаганда экологически ответственного поведения – сокращение потребления, переработка отходов, использование экологически чистой продукции.

10. Экологическое страхование: введение системы страхования экологических рисков, которая позволяет минимизировать финансовые потери в случае экологических катастроф и стимулирует предприятия к соблюдению экологических норм.

В совокупности эти механизмы должны создать комплексную систему обеспечения экологической безопасности, несмотря на наличие обширного законодательства в области охраны окружающей среды, правовое регулирование экологической безопасности сталкивается с рядом актуальных проблем, препятствующих эффективному решению экологических проблем:

1. Несовершенство правовых норм: недостаточная детализация и конкретизация норм – законодательство часто содержит общие формулировки, что затрудняет его применение на практике; отсутствие механизмов регулирования новых

экологических проблем, например – регулирования загрязнения микропластиком или воздействия электромагнитных излучений; недостаточная гармонизация с международным правом – отсутствие унификации правовых норм препятствует эффективному решению трансграничных экологических проблем.

2. Слабая система контроля и надзора: недостаточное финансирование и кадровое обеспечение органов экологического контроля – это приводит к невозможности провести эффективную проверку соблюдения экологического законодательства; недостаточная публичность и доступность информации – ограниченный доступ к информации о состоянии окружающей среды и нарушениях экологического законодательства сдерживает общественный контроль.

3. Низкая правовая культура: недостаточное понимание важности соблюдения экологического законодательства – среди граждан и предприятий процветает «безразличие» к экологическим проблемам и «отсутствие чувства ответственности» за сохранение природы; недостаточная информированность о своих правах и обязанностях в области охраны окружающей среды – это сдерживает активное участие граждан в решении экологических проблем.

4. Отсутствие эффективных механизмов привлечения к ответственности: недостаточная строгость и эффективность наказания за нарушение экологического законодательства – в некоторых случаях штрафы несопоставимы с полученной выгодой от нарушения экологических норм; сложность доказательной базы при экологических преступлениях – это затрудняет привлечение виновных к ответственности.

5. Недостаточное участие граждан в решении экологических проблем: слабый механизм общественного контроля – граждане часто не знают своих прав и возможностей в области охраны окружающей среды и не принимают активного участия в решении экологических проблем; отсутствие эффективных каналов коммуникации между органами власти и гражданами – это препятствует обмену информацией и совместной работе по решению экологических проблем.

6. Недостаточное внимание к инновациям и «зеленым» технологиям: недостаточные инвестиции в разработку и внедрение экологически чистых технологий – это сдерживает переход к устойчивому развитию; отсутствие стимулирующей политики для предприятий, применяющих «зеленые» технологии – это делает более выгодным использование традиционных, загрязняющих окружающую среду технологий.

7. Недостаточное учет климатических изменений: отсутствие четких механизмов адаптации к изменению климата – это угрожает безопасности населения и сохранению природных ресурсов; недостаточные меры по сокращению выбросов парниковых газов – это усугубляет изменение климата и угрожает глобальному устойчивому развитию.

В целом, актуальные проблемы правового регулирования экологической безопасности требуют немедленного решения. Необходимо перейти от реактивного подхода к превентивному и усилить роль права в обеспечении устойчивого развития и сохранении природной среды. Экологическая безопасность, являясь ключевым фактором устойчивого развития, требует постоянного совершенствования правовой базы [6, 7, 8, 9, 10].

Для эффективного решения проблем, существующих в сфере правового регулирования экологической безопасности, необходимы комплексные и системные преобразования, которые должны затронуть различные сферы:

1. Совершенствование законодательства: уточнение и конкретизация норм – введение четких и конкретных требований к деятельности, оказывающей влияние на окружающую среду, установление строгих стандартов и лимитов выбросов и сбросов; регулирование новых экологических проблем – разработка специальных норм и стандартов для регулирования новых экологических вызовов, например, загрязнения микропластиком, утилизации электронных отходов, воздействия электромагнитных излучений; гармонизация с международным правом – внедрение международных стандартов и норм в сферу экологического законодательства, участие в международных соглашениях и конвенциях.

2. Укрепление системы контроля и надзора: увеличение финансирования и кадровое укрепление органов экологического контроля – обеспечение необходимыми ресурсами для проведения эффективных проверок, мониторинга и надзора за соблюдением экологического законодательства; внедрение современных технологий мониторинга и контроля – использование спутниковых систем, дронов, датчиков и других инновационных технологий для более эффективного и оперативного мониторинга состояния окружающей среды; повышение прозрачности и публичности информации – обеспечение гражданам свободного доступа к информации о состоянии окружающей среды и нарушениях экологического законодательства.

3. Повышение правовой культуры: проведение просветительских кампаний – повышение осведомленности населения о важности экологической безопасности, формирование экологической культуры и ответственного отношения к природе; включение экологического образования в учебные программы – обучение граждан основам экологического законодательства, экологическим знаниям и навыкам; развитие общественных экологических организаций – создание платформ для объединения граждан, заинтересованных в решении экологических проблем, и участия в общественном контроле.

4. Усиление ответственности за экологические нарушения: введение более строгих санкций – повышение штрафов за нарушение экологического законодательства, введение новых видов наказаний, например, конфискация имущества, лишение

права на деятельность; упрощение процедуры привлечения к ответственности – создание более эффективных механизмов доказывания и привлечения к ответственности виновных в экологических нарушениях; внедрение механизмов компенсации ущерба – введение системы компенсации ущерба, нанесенного окружающей среде, с учетом экологических и экономических последствий нарушений.

5. Стимулирование инноваций и «зеленых» технологий: предоставление финансовых и налоговых льгот предприятиям, применяющим «зеленые» технологии – создание стимулов для инвестирования в экологически чистые технологии и сокращения выбросов и сбросов загрязняющих веществ; разработка и внедрение экологических стандартов – создание четких и конкретных требований к экологической безопасности продукции, технологий и деятельности; создание инновационных экологических платформ – создание платформ для обмена опытом, технологиями и инвестициями в сфере экологически чистых технологий.

6. Учет климатических изменений: разработка и внедрение стратегий адаптации к изменению климата – создание механизмов по предотвращению негативных последствий изменения климата, например, усиление системы оповещения о стихийных бедствиях; введение механизмов по сокращению выбросов парниковых газов – стимулирование перехода к более экологически чистым источникам энергии, сокращение выбросов от транспорта и промышленности; создание механизмов компенсации углеродных выбросов – введение системы торговли квотами на выбросы парниковых газов, которая мотивирует предприятия сокращать выбросы.

В целом, решение проблем правового регулирования экологической безопасности требует комплексного подхода, основанного на сочетании правовых, экономических и инновационных механизмов. Совершенствование экологического законодательства, усиление контроля за соблюдением его норм и повышение правовой культуры населения – ключевые факторы обеспечения экологической безопасности и сохранения природной среды для будущих поколений. Необходимо перейти от реактивного подхода к превентивному и усилить роль права в обеспечении устойчивого развития и сохранении природной среды.

В Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности создана программа «Экология» для обучения с применением дистанционных образовательных технологий, которая, в том числе, рассматривает данные вопросы. Данная программа нацелена на улучшение теоретических и практических знаний слушателей МЧС России [10, 11, 12].

Реализация профессиональных программ с применением дистанционных образовательных технологий осуществляется в условиях функционирования электронной информационно-образовательной среды университета, обеспечи-

вающей освоение слушателями МЧС России программ в полном объеме независимо от места их нахождения. [13,14]

Литература

1. Проходимова, Е.М. Обоснование содержания воспитательного процесса в системе высшего профессионального образования МЧС России // Научно-аналитический журнал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России «Проблемы управления рисками в техносфере». – 2014. – № 3. – С. 116–121.
2. Проходимова Е.М., Зуев А.В., Кунах М.В. Педагогические условия формирования ценностных ориентаций у курсантов вузов МЧС России // Научное мнение. – 2014. – № 6. – С. 212–215 Миронюк С.М. Экологическая безопасность: Учеб. Пособие / Шахтинский ин-т ЮРГТУ (НПИ). – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 2009. – 172 с.
3. Путилов А.В. Охрана окружающей среды. – М.: Химия, 2014
4. Хатунцев Ю.Л. Экология и экологическая безопасность. – М.; Академия, 2013 г.;
5. Проходимова Е.М., Д.В. Савочкин, А.П. Филкова Использование рейтинга угроз техногенного и социального характера в обеспечении безопасности территории. // Научно-аналитический журнал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России «Проблемы управления рисками в техносфере» СПб, 2017. – № 2
6. Проходимова Е.М., Д.О. Труфанов, Р.Р. Шакирова Использование результатов социологических исследований при принятии управленческих решений, направленных на обеспечение безопасности территории // Научно-аналитический журнал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России «Проблемы управления рисками в техносфере» СПб, 2017. – № 1 (41). С. 22–26.
7. Экология. Учебник для вузов / В.И. Коробкин, Л.В. Передельский. Изд. 17-е, доп. и перераб. – Ростов н/Д, Феникс, 2011–576 с.
8. Константинов В.М. Экологические основы природопользования. – М.; Академия, НМЦ СПО, 2012;
9. Акимов Т. А., Кузьмин А.П., Хаскин В.В. Экология, Природа-Человек-Техника: Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2001. – 343 с.
10. Губанова О.А., Степанов Р.А., Шелепенькин А.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе повышения квалификации слушателей МЧС России // Педагогический журнал, 2023, № 6–1. С. 265–271
11. Лобжа М.Т., Романенко Н.В., Губанова О.А., Багреев С.Р. Модульный подход к формированию программ дополнительного профессионального образования // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2022. № 4. С. 42–47.
12. Губанова О.А. Модульное обучение в образовательной деятельности вуза // Педагогический журнал. 2022. № 1–1. С. 313–318.
13. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе дополнительного профессионального образования слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2022. 176 с.
14. Губанова О.А., Зелинская И.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе дополнительного профессионального образования для слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2023. 248 с.

STUDY OF THE LEGAL BASIS OF ENVIRONMENTAL SAFETY

Prokhodimova E.M., Gubanova O.A.

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

This article examines the regulatory framework for environmental safety, which ensures the protection of life and human health, preservation of the natural environment and biological diversity from negative impacts. A prerequisite – achieving environmental safety – is impossible without a solid legal framework governing relations in the field of nature management and environmental protection. In this publication, we will discuss current issues of legal regulation of environmental safety, identify the challenges of the time that pose new tasks for the legal system and propose solutions to existing problems. Environmental safety is an integral part of the sustainable development of society. It ensures the protection of human life and health, preservation of the natural environment and biological diversity from negative impacts. Achieving environmental safety is impossible without a solid legal framework governing relations in the field of nature management and environmental protection.

Keywords: environmental safety, legal framework, environment, environmental legislation, legal regulation.

References

1. Prokhodimova, E.M. Justification of the content of the educational process in the system of higher professional education of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Scientific and analytical journal of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia “Problems of risk management in the technosphere”. – 2014. – No. 3. – P. 116–121.
2. Prokhodimova E.M., Zuev A.V., Kunakh M.V. Pedagogical conditions for the formation of value orientations in cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Scientific opinion. – 2014. – No. 6. – P. 212–215 Mironyuk S.M. Environmental safety: Textbook / Shakhty Institute of South Russian State Technical University (NPI). – Rostov-on-Don: Publishing House of the Scientific and Technical Center “Logos”, 2009. – 172 p.
3. Putilov A.V. Environmental protection. – M.: Chemistry, 2014
4. Khatuntsev Yu.L. Ecology and environmental safety. – M.: Academy, 2013;
5. Prokhodimova E.M., D.V. Savochkin, A.P. Filkova Using the rating of man-made and social threats in ensuring territorial security. // Scientific and analytical journal of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia “Risk Management Issues in the Technosphere” St. Petersburg, 2017. – No. 2
6. Prokhodimova E.M., D.O. Trufanov, R.R. Shakirova Using the results of sociological research in making management decisions aimed at ensuring the safety of the territory // Scientific and analytical journal of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of

Russia "Problems of Risk Management in the Technosphere" St. Petersburg, 2017. – No. 1 (41). P. 22–26.

7. Ecology. Textbook for universities / V.I. Korobkin, L.V. Peredel'sky. 17th ed., add. and revised. – Rostov n / D, Phoenix, 2011–576 p.
8. Konstantinov V.M. Ecological foundations of nature management. – M.; Academy, NMC SPO, 2012;
9. Akimova T.A., Kuzmin A.P., Khaskin V.V. Ecology, Nature-Man-Technology: Textbook for universities. – M.: UNITY – DA-NA, 2001. – 343 p.
10. Gubanova O.A., Stepanov R.A., Shelepenkin A.A. Electronic information and educational environment in the system of advanced training of listeners of the Ministry of Emergency Situations of Russia" // Pedagogical journal, 2023, No. 6–1. P. 265–271
11. Lobzha M.T., Romanenko N.V., Gubanova O.A., Bagreev S.R. Modular approach to the formation of additional professional education programs // Actual problems of physical and special training of law enforcement agencies. 2022. No. 4. P. 42–47.
12. Gubanova O.A. Modular training in the educational activities of the university // Pedagogical journal. 2022. No. 1–1. P. 313–318.
13. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of additional professional education of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. SPb.: St. Petersburg University of the GPS EMERCOM of Russia, 2022. 176 p.
14. Gubanova O. A., Zelinskaya I.A. Electronic information and educational environment in the system of additional professional education for students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. SPb.: St. Petersburg University of the GPS EMERCOM of Russia, 2023. 248 p.

Актуальные способы обеспечения принципа законности при принятии нормативных правовых актов органами исполнительной власти

Воробьева Юлия Юрьевна,

старший преподаватель кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: YYVorobyova@fa.ru

В статье изучены отдельные аспекты изменений, коснувшихся процесса подзаконного нормотворчества федеральных органов исполнительной власти. Многогранный принцип законности, который необходимо соблюдать и в указанном производстве, требует от субъектов этого процесса слаженной, командной работы, а еще четких недвусмысленных правил, которые были бы направлены на достижение конечной цели: достаточное, своевременное, цельное – в целом, качественное законодательство, отвечающее потребностям общества. В свете не теряющей своей актуальности необходимости обеспечения прав и законных интересов субъектов права, на первый план выходит необходимость установления и совершенствования превентивных мер, направленных если не на искоренение, то хотя бы на минимизацию нарушений в этой сфере. Автором изучены преимущественно введенные в 2023 году изменения в Постановление Правительства, посвященное порядку подзаконного нормотворчества федеральных органов исполнительной власти, в ключе наличия в них мер превентивного характера, направленных на недопущение совершения нарушений. Автор статьи указывает на важность предварительного контроля, выполняемого как самими нормотворцами (самоконтроля), так того, который осуществляют другие уполномоченные субъекты. Автор указывает на то, что нормативное правовое регулирование процесса подзаконного нормотворчества федеральных органов исполнительной власти в значительной мере улучшилось с принятием новых положений, однако, есть еще нюансы, которые требуют уточнения.

Ключевые слова: подзаконное нормотворчество, федеральные органы исполнительной власти, превентивные меры, контроль.

Законность является одним из ключевых принципов права, пожалуй, самым многогранным и касающимся и процесса правотворчества, и процесса правоприменения одновременно. Безусловно, касается законность и порядка издания подзаконных нормативных правовых актов органами исполнительной власти, и в целях ее обеспечения законодательством предусмотрены две основных группы мер:

- 1) закрепленные в нормах права требования к подзаконному нормотворчеству;
- 2) контроль за выполнением требований.

Основные требования к содержанию подзаконных нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти (далее – ПНПА ФОИВ) содержатся в Постановлении Правительства РФ от 13.08.1997 N 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (далее – Постановление). [2] Одно из самых первоочередных требований – наличие **полномочий** на его издание. Примечательно то, что это требование оказалось сформулировано далеко не сразу, а лишь в 2023 г., и ранее в Постановлении фигурировал иной подход: речь шла о принятии ПНПА ФОИВ **на основе и во исполнение** вышестоящих нормативных правовых актов. Очевидно, что такой подход в формулировке подразумевает меньше практических возможностей для истолкования на свое усмотрение «нужности» какого-либо подзаконного НПА, с другой стороны, и ранее (с 2015 г.) фактически органу сделать это было затруднительно, так как Постановление предусматривало (как и сейчас) подготовку проектов нормативных правовых актов в соответствии с ежегодно утверждаемыми руководителями ФОИВ планами на очередной календарный год. Однако на данную ситуацию можно посмотреть под несколько иным углом: так как изменения в указанные планы вносятся по согласованию с заместителями Председателя Правительства РФ, в обязанности которых входит координация вопросов деятельности соответствующих ФОИВ, у указанных должностных лиц на практике может быть меньше возможности для истолкования закона в части «нужности» или «ненужности» тех или иных актов, ведь теперь речь идет о принятии не «во исполнении» вышестоящих НПА, а лишь при наличии полномочий ФОИВ.

На **планах** хотелось бы остановиться немного подробнее, ведь их ведение можно назвать одной из форм контроля за подзаконным нормотворчеством (по сути – самоконтроля). Они утверждают-

ся ежегодно руководителями ФОИВ, и при этом в отношении планов относительно недавно подход также изменился, причем существенным образом. Если ранее в них могли быть включены акты, разработка которых входила в компетенцию органа, но не была прямо предусмотрена вышестоящими нормативными актами, то теперь туда включаются акты, разработка которых, опять же, входит в компетенцию органа, но в отношении которых вышестоящими нормативными актами не предусмотрен срок издания. Т.о. фактически этим пунктом не предусматривается возможность органа планировать издание НПА, разработка которых не предусмотрена вышестоящими нормативными актами, несмотря на наличие компетенции органа.

Крайне важной вехой совершенствования процесса подзаконного нормотворчества ФОИВ можно считать изменение п. 2 правил в Постановлении, в которой уточнили, в каком именно виде ФОИВ могут издавать акты, и, что особенно важно, какие виды актов ФОИВ **не могут содержать предписания нормативно-правового характера**. Ранее правоприменительная практика сталкивалась с тем, что ФОИВ принимали, по сути, такого рода предписания в письмах при том, что они преимущественно были для «внутреннего» использования органами или же ответом органов на конкретные запросы, например, организаций, которые органы впоследствии применяли к правоотношениям с совершенно другими субъектами. Такого рода письма не были опубликованы, что, конечно, в сути своей противоречит принципам законности и открытости, ведь неопубликованные нормативные акты не должны применяться. [1] Серьезность ситуации и далеко не единичность подобных случаев привели к тому, что Конституционный суд в свое время разрешил в суде оспаривать письма и разъяснения ведомств. [4] На данный момент в Постановлении четко сказано, что письма, распоряжения и телеграммы не могут быть нормативными правовыми актами. Однако на этом правовое регулирование данного аспекта в 2019 году не остановилось, и в 2023 году Правительство уточнило важный содержательный аспект: акты рекомендательного характера должны содержать формулировки, указывающие на рекомендательный характер документа. Это очевидно направлено на достижения большей ясности документа для субъектов права и, что особенно важно, для граждан, далеких от нормотворческого процесса и не всегда понимающих тонкости «юридического» языка.

Еще одним этапом предварительного контроля можно считать **государственную регистрацию**, проводимую Минюстом России. Стоит отметить, что значительно расширился перечень мероприятий, которые проводятся на этапе государственной регистрации акта. Так, если ранее проводились только пять мероприятий, то сейчас их одиннадцать. Среди крайне важных нововведений, играющих крайне важную роль в предупреждении возможных нарушений, можно отметить следующие:

- 1) проверку наличия компетенции на издание нормативного правового акта;
- 2) проверку положений нормативного правового акта на предмет соответствия нормам актов законодательства Российской Федерации;
- 3) наличия в нормативном правовом акте обязательных требований;
- 4) наличия нормативных правовых актов органа, представившего нормативный правовой акт на государственную регистрацию, регулирующих сходные отношения или имеющих идентичные названия, а также актов других органов, которые должны быть признаны утратившими силу (не подлежащими применению) одновременно с вступлением в силу представленного на государственную регистрацию нормативного правового акта.

Очевидно, что вышеуказанные мероприятия направлены на недопущение образования правовых пробелов, коллизий и т.п. Кроме того, отдельно отмечено, что НПА о внесении изменений в действующие НПА должны проходить проверку в той же мере, что и изначальные акты.

Видится весьма примечательным тот факт, что относительно новая редакция Постановления предусматривает возможность для ФОИВ приостанавливать действие изданного нормативного правового акта или его отдельных частей, что в ситуации оспаривания акта может способствовать минимизации вероятности нарушения прав и законных интересов лиц, на которых распространяется этот акт. Однако при этом не уточнено, в каком именно порядке, какой из принявших акт ФОИВ (или все ФОИВ, которые участвовали в принятии акта) может приостанавливать его действие. Гипотетически это может стать детерминантой спорных ситуаций в правоприменительной практике.

Складывается стойкое впечатление, что в основу изменений, внесенных в п. 10 Постановления, во многих аспектах легло Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 50 (далее – Постановление пленума ВС РФ). В свое время указанный документ оказался изданным «на злобу дня», и разъяснял немало вызывающих вопросы моментов, с которыми сталкивалась судебная практика в целом и суды в частности при рассмотрении дел об оспаривании подзаконных НПА.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1) обновленные требования подчеркивают необходимость наличия компетенции органа на издание нормативного правового акта, т.о. согласно этого «компетентного» подхода необходим тщательный мониторинг подзаконных актов, в которых установлены полномочия ФОИВ; преимущественно положительной стороной этого процесса являются более сжатые сроки на различных этапах принятия подзаконного НПА ФОИВ;

2) очевидно стремление к минимизации возможности «самовольного» принятия ФОИВ решения о необходимости принятия того или иного акта, что, с одной стороны, является формой контроля,

но, с другой стороны в случае чересчур жесткого регулирования может привести к ситуациям, когда подзаконный НПА объективно нужен, но для его принятия имеются препятствия;

3) значительно расширены мероприятия предварительного контроля при принятии подзаконного НПА ФОИВ, что должно снизить вероятность нарушения принципа законности в этом процессе;

4) несмотря на «усиление» многих позиций, некоторые моменты все еще требуют уточнения – например, порядок приостановления действия акта, который принят совместно несколькими ФОИВ или по согласованию с несколькими ФОИВ.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Постановлении Правительства РФ от 13.08.1997 N 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 50
4. Сайт РБК, статья «КС разрешил оспаривать в судах письма и разъяснения ведомств»: <https://www.rbc.ru/business/31/03/2015/551a5cf19a7947941c0f4c7a> (дата обращения: 28.03.2025 г.)

CURRENT METHODS OF ENSURING THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN THE ADOPTION OF REGULATORY LEGAL ACTS BY EXECUTIVE AUTHORITIES

Vorobyova Yu.Yu.

Financial University under the Government Russian Federation

The article examines certain aspects of the changes that affected the process of subordinate rule-making by federal executive bodies. The multifaceted principle of legality, which must be observed in the specified proceedings, requires coordinated, teamwork from the subjects of this process, as well as clear, unambiguous rules that would be aimed at achieving the ultimate goal: sufficient, timely, integral – in general, high-quality legislation that meets the needs of society. In light of the need to ensure the rights and legitimate interests of legal entities, which does not lose its relevance, the need to establish and improve preventive measures aimed at, if not eradicating, then at least minimizing violations in this area comes to the fore. The author mainly studied the amendments introduced in 2023 to the Government Resolution on the procedure for subordinate rule-making by federal executive bodies, in the context of the presence of preventive measures in them aimed at preventing violations. The author of the article points out the importance of preliminary control, carried out both by the rule-makers themselves (self-control), and by other authorized entities. The author points out that the normative legal regulation of the process of by-law rule-making by federal executive bodies has significantly improved with the adoption of new provisions, however, there are still nuances that require clarification.

Keywords: by-law rule-making, federal executive bodies, preventive measures, control.

References

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020)
2. RF Government Resolution of 13.08.1997 N 1009 “On approval of the Rules for the preparation of regulatory legal acts of federal executive bodies and their state registration”
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 N 50
4. RBC website, article “The Constitutional Court allowed challenging letters and explanations of departments in courts”: <https://www.rbc.ru/business/31/03/2015/551a5cf19a7947941c0f4c7a> (accessed: 28.03.2025)